НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛIОТЕКА.

I.

ФЮСТЕЛЬ де-КУЛАНЖЪ.

ИСТОРIЯ ОБЩЕСТВЕННАГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ ФРАНЦIИ.

Переводъ подъ редакцiей проф. И. М. ГРЕВСА.

ТОМЪ ТРЕТIЙ:

ФРАНКСКАЯ МОНАРХIЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя Альтшулера. Фонтанка 96.
1907.

Начиная съ третьяго тома и вплоть до конца (то-есть, включая шестой) трудъ перевода французскаго текста произведенъ О. П. Захарьиной.

ФРАНКСКАЯ МОНАРХІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА РУССКАГО ПЕРЕВОДА

Появленіе третьяго тома главнаго сочиненія Фюстель де-Куланжа заставило себя ждать непредвидѣнно долго. Такое замедленіе можно было-бы назвать даже непростительнымъ, если-бы справедливость не побуждала вспомнить о тѣхъ чрезвычайныхъ событіяхъ, которыя переживала Россія въ послѣдніе два слишкомъ года: они неминуемо должны были нарушить правильную работу и разрушить самые строгіе расчеты во всѣхъ отрасляхъ труда. На ходѣ печатнаго дѣла, можетъ быть, особенно постоянно и сильно отражались общественныя потрясенія. Типографіямъ не разъ приходилось въ силу обстоятельствъ останавливать работу иногда и на долгіе сроки; возобновляя ее, онѣ нерѣдко принуждались отдавать всѣ средства на удовлетвореніе запросовъ текущей прессы; завершеніе же предпринятыхъ раньше крупныхъ изданій поневолѣ тормозилось. Нормальное распредѣленіе функцій разстраивалось и у научныхъ работниковъ. И имъ выпало на долю исчерпывать все время и способности въ такіе исключительные годы на занятія, совершенно непривычныя, но неотложныя. Такъ, взятыя ими на себя обязательства часто запутывались не по винѣ ихъ добросовѣстности. Тяжелое и грозное время сдѣлало

невозможнымъ точное и непрерывное выполненіе данныхъ обѣщаній.

Редакторъ перевода настоящаго капитальнаго научнаго произведенія далекъ отъ мысли слагать на плечи своихъ сотрудниковъ, издателей и типографовъ, причитающуюся ему большую долю отвѣтственности за поздній выходъ появляющейся нынѣ книги. Напротивъ, онъ чистосердечно обращается съ серьезнымъ извиненіемъ къ тѣмъ читателямъ первыхъ двухъ томовъ Фюстель де-Куланжа, которые ждали съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ болѣе скораго выхода этого третьяго. Извѣстное оправданіе, думается, открывается для него въ томъ, что указано въ предшествующихъ строкахъ. Успокаивается онъ отчасти предположеніемъ, что и они общественною бурею отвлечены были отъ любимой научной работы: послѣдняя вѣдь была глубоко надорвана въ теченіе только что протекшихъ тяжелыхъ, хоть и знаменательныхъ, лѣтъ. Напряженіе современной жизни неизбѣжно подавляло интересъ къ далекому прошлому, и живость ожиданія новыхъ частей труда Фюстель де-Куланжа не могла также не ослабѣть. Редакторъ будетъ надѣяться, что читатели вспомнятъ о происшедшемъ печальномъ перерывѣ именно теперь, когда онъ заканчивается и запоздавшій томъ появляется на свѣтъ. Можетъ быть, и тотъ фактъ, что за этимъ третьимъ томомъ немедленно выйдетъ уже готовый четвертый, послужитъ лишнимъ мотивомъ для снисхожденія. Если же возобновляющаяся въ нашемъ обществѣ научная жажда найдетъ въ предлагаемой книгѣ цѣнный элементъ желанной

пищи духовной, совѣсть виновнаго (хотя и невполнѣ по волѣ) почувствуетъ утѣшеніе: въ радости такого добраго привѣта къ новому дѣтищу, представляющему посильную передачу русскимъ разумомъ превосходнаго продукта французскаго ученаго генія, отличнаго орудія мирнаго труда, процвѣтанія мысли и знанія,—въ этой радости произойдетъ, увѣренъ, примиреніе между ждавшими и опоздавшимъ.

Третья часть внушительнаго научнаго зданія, построеннаго огромною творческою силою и энергіею непоколебимой воли знаменитаго автора, должна быть названа однимъ изъ наиболѣе законченныхъ и самыхъ замѣчательныхъ элементовъ величественнаго цѣлаго. Въ основу изображенія „учрежденій франкской эпохи“ положена ярко оригинальная и необычайно смѣлая мысль: она придаетъ единство и стройность всему сочиненію, несмотря на его массивность, вопреки нѣкоторой тяжеловѣсности фундамента, на которомъ зиждется все сооруженіе, и монументальной громадности его стиля. Послѣ выпуска впервые перваго тома авторъ работалъ надъ вторымъ слишкомъ 12 лѣтъ. Это, стало быть, трудъ—„de longue haleine“, и все же въ результатѣ онъ вылился какъ бы „aus einem Gusse“: заключительный синтезъ спаялъ въ органическое тѣло давно зачатое созданіе, долго подготовлявшееся микроскопическимъ трудомъ.

Представить государственное устройство франкской монархіи, какъ чадо традицій и факторовъ.

которые уже сложились въ римской Галліи, лишь частично переродившееся подъ дѣйствіемъ новыхъ германскихъ вліяній, — такова была задача Фюстель де-Куланжа. И нужно сказать, что авторъ выполнилъ ее съ положительно магистральнымъ искусствомъ и изумительною твердостью. Подъ ударами его критики историческій образъ, привычно называемый въ ходячей терминологіи „варварскимъ государствомъ", если не разсыпается до конца, то сильно расшатывается. Если сравнивать на основаніи изображенія историка массу чертъ, воспринятыхъ королевствомъ Меровинговъ отъ державы римскихъ императоровъ, съ измѣненіями, привнесенными въ ея институты германскими властителями изъ-за Рейна, то получится ясный выводъ, расходящійся съ общераспространеннымъ взглядомъ: окажется, что германскія вліянія распустились въ плодахъ воздѣйствія римской культуры, довольно быстро теряя свою природу, превращаясь въ поверхностный налетъ, въ частный наростъ, заплату или привѣсокъ.

Если повѣрить Фюстель де-Куланжу, то врядъ ли возможно будетъ и впредь спокойно строить исторію германскаго права, исходя отъ тацитовыхъ описаній и потомъ варварскихъ вторженій на римскую почву, прямо и непрерывно черезъ меровингскую монархію, а затѣмъ Карлову реформу къ нѣмецкому феодализму и священной римской имперіи германской націи. Такъ дѣлали до сихъ поръ всѣ знаменитые юристы, всѣ ученые столпы германистики—Вайтцъ, Бруннеръ, Шредеръ и др.,—а также чистые историки нѣмецкой

школы—Нитчъ, Лампрехтъ и многіе другіе. Они захватываютъ въ свою пользу (Deutsche Geschichte, Geschichte des deutschen Rechts) двѣ очень важныя эпохи въ прошломъ той страны, которая впослѣдствіи стала Франціею, позволяя начинать „исторію французскаго права" лишь съ воцаренія Капетинговъ.

Фюстель де-Куланжъ умеръ съ надеждою, что ему удалось побѣдоносно доказать произвольность, ошибочность и безправіе такого монополизированія меровингской и каролинской Галліи въ собственность германской исторіи, такого оттѣсненія началъ исторіи Франціи къ 10-му вѣку. То, что стало меровингскимъ королевствомъ, а потомъ каролингскою имперіею, по его научному убѣжденію, органически и генетически связано съ римскою культурною стариною, а не съ тацитовой Германіею и подвижно-расплывчатыми тѣлами варварскихъ государствъ, возникавшихъ и разлагавшихся во времена великихъ передвиженій. Меровингская и каролингская Франція—это послѣдовательныя фазы въ соціально-политическомъ перерожденіи, какое происходило, дѣйствительно непрерывно, между разложеніемъ римской имперіи, образованіемъ феодальной Франціи и затѣмъ сложеніемъ Франціи монархической.—Это—по гораздо болѣе серьезнымъ основаніямъ—главы изъ „Histoire des institutions françaises", чѣмъ изъ „Deutsche Verfassungsgeschichte".—Нѣмецкіе ученые должны перестроить послѣднюю; имъ слѣдуетъ искать и черпать матеріалы для построенія промежуточной эволюціи между тацитовой Германіей и вѣкомъ

существованіи такихъ эфемерныхъ государствъ, какъ готскія, вандальское, бургундское, аламанское и др., съ одной стороны, и настоящимъ глубокимъ нѣмецкимъ средневѣковьемъ, съ другой, изъ иной исторической среды. Для этого имъ лучше сосредоточиться на слѣдахъ, сохранившихся отъ судебъ за-рейнскихъ (т. е. чисто германскихъ) территорій, изъ которыхъ выросла средневѣковая Германія. Къ сожалѣнію, такого матеріала тамъ осталось не очень много именно отъ этихъ вѣковъ (V—X); но сравнительныя данныя для пополненія пробѣловъ, для возстановленія процессовъ правильно будетъ разыскивать на сѣверѣ—въ Ютландіи, Скандинавіи, Исландіи, Англіи: такъ называемая франкская Галлія или лонгобардская Италія были уже въ тѣ вѣка гораздо болѣе романскими, чѣмъ германскими странами. Въ памятникахъ, оставшихся отъ ихъ жизни, можно лишь съ осторожностью прослѣживать нѣкоторые признаки германизма. Романизующія вліянія, очень могущественныя, изъ этихъ странъ черезъ посредство монархіи Карла Великаго (а еще раньше черезъ католическую церковь) проникали и въ за-рейнскій міръ, нарушая чуждыми (римскими) стихіями чистоту роста племенныхъ, національныхъ (германскихъ) основъ быта. Да и самая „священная имперія“, органъ идеальнаго единства и „славной средневѣковой Германіи“, сколько бы ее ни называли „das deutsche Kaisertum“,—было созданіемъ не нѣмецкаго, а римскаго генія, и питалась она общеніемъ съ традиціями романской страны—Италіи.

Но можно ли на самомъ дѣлѣ всецѣло принять теорію Фюстель де-Куланжа?—Пусть читаютъ его и убѣждаются. Патріотическіе протесты со стороны ученой школы историковъ „d'outre Rhin“, помѣшали своевременно безпристрастной оцѣнкѣ его построенія, которое разрушало установившіеся догматы доктрины „германистовъ“. Фюстель де-Куланжъ былъ замолчанъ нѣмецкою наукою или только словесно отвергнутъ ея корифеями. Детальнаго и систематическаго опроверженія его взглядовъ, данныхъ и аргументовъ сдѣлано не было. Русская наука, находясь въ сторонѣ отъ французско-нѣмецкихъ національныхъ пристрастій и болѣе свободная отъ того, что въ западной исторіографіи является рутиною, могла бы содѣйствовать объективному разрѣшенію спора: необходима ли въ интересахъ исторической истины требуемая Фюстель де-Куланжемъ перестройка всей эволюціонной схемы происхожденія и развитія общественнаго строя Европы; или достаточно будетъ второстепенныхъ поправокъ въ сторону признанія нѣсколько большей силы переживаній античной культуры въ раннемъ средневѣковьѣ?

Это—заманчивая и крупная проблема *. Крити-

* Выдающійся трудъ *L. M. Hartmann*, Geschichte Italiens im Mittelalter (первые два тома—Gotha, 1897, 1903—охватываютъ именно остготскій, лонгобардскій и франкскій періоды въ исторіи ранней Италіи) построенъ уже съ значительными уступками въ пользу признанія живучести старыхъ началъ и непрерывности ихъ дальнѣйшаго развитія въ средѣ, измѣненной варварами. Но и у него не хватаетъ смѣлости или свободы вполнѣ отрѣшиться отъ иллюзіи въ томъ, что корень послѣ-классической культуры въ Европѣ лежитъ прежде

ческое изученіе трудовъ Фюстель де-Куланжа даетъ для ея движенія и богатый фактическій матеріалъ, и серьезную опору при переработкѣ методы изслѣдованія. Согласитесь ли вы съ нимъ въ концѣ концовъ или даже съ горячностью отвергнете его заключенія,—онъ все же навѣрно окажетъ вамъ положительную, дружескую умственную услугу, сообщая богатыя знанія, развивая точность анализа, изощряя мысль, поддерживая упорство исканій, одушевляя любовью къ правдѣ.

Пусть же не страшится русскій читатель одолѣть въ предлежащемъ томѣ длинныя страницы детальныхъ разысканій объ администраціи и судоустройствѣ далекой отъ насъ Меровингской Франціи. Потраченный трудъ не пропадетъ даромъ, а навѣрно дастъ полезный всходъ. Онъ двинетъ впередъ уразумѣніе природы великихъ силъ, которыми творится исторія человѣчества, и пониманіе той комбинаціи ихъ, которая создала европейскую культуру.

С.-Петербургъ, 9 января 1907 г. *Проф. Ив. Гревсъ.*

всего въ „Germanentum“. Пишущій эти строки въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ много разъ провѣрялъ идеи Фюстель де-Куланжа и обыкновенно приходилъ—за извѣстными ограниченіями и дополненіями—къ выводу о правильности главной линіи, которую начертываетъ знаменитый авторъ. Онъ надѣется въ будущемъ представить въ печати результаты своихъ изысканій и наблюденій въ видѣ общаго построенія соціально-политическаго и духовно-культурнаго развитія западной Европы въ эту переходную эпоху отъ римской имперіи къ романо-германской цивилизаціи.

Предисловіе автора.

(Къ III-му тому).

Мы намѣреваемся изобразить въ этомъ томѣ, какъ управлялось населеніе Галліи франкскими королями изъ Меровингскаго дома. Наше изслѣдованіе не распространяется на весь періодъ, отъ начала господства этого дома въ пятомъ вѣкѣ до его пресѣченія въ 754 году. Съ одной стороны, нельзя сказать, чтобы Меровинги правили всею Галліей раньше 506 года; съ другой, начиная съ 687 года, они управляютъ ею лишь номинально. Именно между этими датами ляжетъ область нашего изслѣдованія.

Настоящій томъ разсматриваетъ къ тому же лишь учрежденія политическія, и все, что относится къ жизни государства. Частноправовыя учрежденія, какъ аллодъ и бенефицій, составятъ предметъ слѣдующаго тома. Это не значитъ, чтобы въ дѣйствительности два указанные ряда учрежденій не были тѣсно связаны между собой; но умъ человѣческій въ своихъ изслѣдованіяхъ можетъ отправляться лишь отъ анализа. Онъ раздѣляетъ органы, чтобы лучше разсмотрѣть ихъ; но съ тѣмъ, чтобы снова соединить ихъ, когда онъ ихъ изучитъ каждый отдѣльно.

Изслѣдованіе меровингскаго управленія глубоко интересно само по себѣ. Такъ какъ управленіе это располагается между римскимъ и феодальнымъ режимами, то намъ нужно разслѣдовать, не стоитъ ли оно въ зависимости отъ одного и не подготовляетъ ли другой. Современные ученые усердно разбираютъ вопросъ, принесена ли эта политическая организація изъ Германіи, заимствована ли она отъ Римской Им-

періи, или же, согласно одной довольно легкомысленно высказанной недавно теоріи, она измышлена и сполна создана однимъ франкскимъ королемъ. Только точное изслѣдованіе фактовъ, *всѣхъ* фактовъ можетъ помочь рѣшенію этого вопроса. Мы касаемся также важной проблемы о происхожденіи феодальнаго режима. Если правда, что принципъ феодальнаго правленія присущъ былъ Германцамъ и принесенъ ими во время набѣговъ, то слѣдовало бы доказать его существованіе уже въ меровингскомъ государствѣ.

Въ настоящихъ изысканіяхъ я буду слѣдовать методѣ, которой придерживался въ теченіе тридцати пяти лѣтъ. Она резюмируется въ слѣдующихъ трехъ правилахъ: изучать исключительно и непосредственно тексты въ самыхъ мельчайшихъ, подробностяхъ, вѣрить лишь тому, что они показываютъ и рѣшительнымъ образомъ удалять изъ исторіи прошлаго современныя идеи занесенныя туда ложною методою. Въ предлагаемомъ нынѣ томѣ, какъ и въ Древней Гражданской Общинѣ, я рѣшаюсь снова противорѣчить нѣкоторымъ господствующимъ мнѣніямъ, заботясь лишь о своемъ согласіи съ документами. Мнѣ извѣстно, какому недоброжелательству подвергнетъ меня этотъ пріемъ. Я раздражаю не желая того, всѣхъ, чьи системы разрушаются моими изысканіями. Я оскорбляю, не думая объ этомъ, всѣхъ, чью традиціонную полу-эрудицію разстраиваетъ мой трудъ. Эти люди не прощаютъ. Я ожидаю отъ нихъ еще разъ горячихъ нападокъ и слащавыхъ уколовъ. Но они такъ хорошо пріучили меня къ терпѣнію въ теченіе двадцати пяти лѣтъ моей работы, что это не должно больше тревожить меня. Къ тому же возрастъ и болѣзнь заставляютъ меня не смотрѣть на терніи, встрѣчающіяся по пути, а устремлять взоръ единственно на стоящую впереди научную цѣль.

ФРАНКСКАЯ МОНАРХІЯ.

ГЛАВА I.

Документы.

Когда мы хотимъ изучить какое-нибудь древнее общество, мы должны прежде всего поставить себѣ вопросъ, есть ли у насъ средства для этого? Исторія— наука: она не вымышляетъ, она только разсматриваетъ, и для того, чтобы правильно видѣть, ей нужны надежные документы. Она тогда только можетъ найти истину объ исчезнувшемъ обществѣ, когда это общество передало свѣдѣнія о себѣ. Итакъ, намъ нужно спросить себя, оставила-ли намъ Галлія шестого и седьмого вѣка достаточно свидѣтельствъ о томъ, чѣмъ она была, по которымъ мы могли бы установить о ней правильное понятіе. Мы сдѣлаемъ сейчасъ быстрый обзоръ трехъ категорій текстовъ, которые дошли до насъ отъ галльской старины: историческихъ сочиненій, законовъ и хартій.

I.

Историческіе или лѣтописные памятники.

Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить хронику, составленную въ шестомъ вѣкѣ Маріемъ, епископомъ Авентика. Въ ней находимъ рядъ хронологическихъ указаній и данныхъ о событіяхъ вплоть до 581 года; су-

ществуетъ также продолженіе ея до 624 года. Изъ нея можно извлечь лишь немного свѣдѣній для знакомства съ учрежденіями и общественнымъ бытомъ. Главный фактъ, который выводится изъ повѣствованія автора, —тотъ, что Галлія шестого вѣка не отдѣляла еще своей исторіи отъ исторіи Испаніи, Италіи, Константинополя или вообще всего обширнаго цѣлаго, называвшагося по прежнему *respublica*, то-есть, отъ римской Имперіи [1].

Григорія Турскаго нельзя назвать только лѣтописцемъ; онъ былъ историкомъ. Онъ разсказываетъ и описываетъ; онъ отмѣчаетъ и характеризуетъ дѣйствія и мысли людей. Намъ слѣдуетъ познакомиться нѣсколько съ личностью этого автора, чтобы получить возможность судить объ исторической цѣнности его писаній. Онъ родился около 540 года и принадлежалъ къ знатной и богатой галльской семьѣ, поселившейся въ Оверни и никогда не смѣшивавшейся съ Франками. Онъ былъ, слѣдовательно, чистокровнымъ Римляниномъ и получилъ вполнѣ римское образованіе которое практиковалось еще въ средѣ богатыхъ людей того времени, то-есть, прошелъ курсъ «семи свободныхъ искусствъ» [2]. Григорій зналъ и охотно цитировалъ Вергилія и Саллюстія [3], ссылался даже на Плинія и Авла Геллія [4]; зналъ онъ еще письма Сидонія

[1] *Marii Aventici ep. Chronicon*, изданіе Arndt. См. у *G. Monod* въ приложеніи къ его труду о Григоріи Турскомъ и *Wattenbach*, Deutschlands Geschichtsquellen, 4-е изданіе, т. 1-й, стр. 87.

[2] См. что онъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ своей исторіи, X, 31.

[3] *Greg. Tur.* Hist. IV, 30; IV, 47 (46); IV, 13; VII, 1; Vitae patrum, IV; см. особенно любопытное предисловіе къ его Miracula martyrum (ed. Arndt - Krusch, p. 487).

[4] *Vitae patrum*, praefatio, ibid. p. 662.

Аполлинарія, стихотворенія Седулія, хронику Орозія, кодексъ Ѳеодосія [1]. Онъ былъ хорошо знакомъ не только съ исторіею церкви, но съ общею исторіею Рима: ему извѣстны имена всѣхъ императоровъ, начиная отъ Августа и включая тѣхъ, которые правили уже въ Константинополѣ, вплоть до его времени. По сочиненіямъ его замѣтно, что онъ былъ вполнѣ литературно образованнымъ человѣкомъ, какъ всѣ вообще знатные молодые люди его эпохи. Тѣ, которые представляли его «невѣжественнымъ» и «грубымъ», были введены въ заблужденіе его собственною преувеличенною скромностью, преднамѣренными фигурами умаленія, составлявшими тогда обычное украшеніе стиля [2], и не присмотрѣлись достаточно близко къ его трудамъ. Если бы они вчитались въ послѣдніе, они нашли бы въ нихъ очень обработанный языкъ, хотя, конечно, это уже не былъ языкъ Цицерона; они замѣтили бы въ авторѣ постоянную заботу о красивой рѣчи, сложные обороты, изысканные эпитеты, наконецъ изложеніе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ простое, чаще же всего старательно и искусственно отдѣланное [3].

Прекрасное знаніе современнаго ему общества, а

[1] *Greg.* Hist. VI, 7; V, 45; VI, 46; I, 37; IV, 47.

[2] Припомнимъ, что самъ Сидоній Аполлинарій постоянно извиняется за грубость своего стиля. *Epist.* VII, 2. См. также предисловія Фортуната, помѣщенныя во главѣ его Житій святыхъ.

[3] Тѣ, кто упрекаетъ Григорія Турскаго за солецизмы, не обращаютъ вниманія на то, что языкъ не есть нѣчто неподвижное, и что поколѣніе Григорія подчинялось другимъ грамматическимъ правиламъ, чѣмъ поколѣніе Цицерона. Онъ самъ осуждаетъ себя за то, что не можетъ больше писать на старомъ классическомъ языкѣ; см. предисловіе къ его *De gloria confessorum*. На самомъ дѣлѣ онъ пользовался тою латынью, на которой говорило не простонародье, а высшее общество его времени.

не та мнимая наивность, которая приписывалась Григорію Турскому нѣкоторыми новѣйшими учеными,—вотъ что дѣлаетъ его писанія безконечно цѣнными для историка. Онъ стоялъ во главѣ турской епархіи въ то время, когда епископы не жили въ уединеніи. Находясь на стражѣ многочисленныхъ интересовъ—церковныхъ и свѣтскихъ, нравственныхъ и матеріальныхъ, онъ былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ магнатами всей страны, съ графами, королями. Мы много разъ встрѣчаемъ его при дворѣ Хильпериха, Хильдеберта или Гунтрамна. Короли возлагали на него дипломатическія порученія. Григорій, стало быть, много путешествовалъ, много видѣлъ, проникъ во многія тайны. Онъ зналъ множество людей римскаго происхожденія, какъ и онъ самъ; но онъ не хуже зналъ и Франковъ. Обычаи, нравы, характеры, учрежденія—ничто не могло ускользнуть отъ него. Если онъ не могъ говорить съ Франками на ихъ языкѣ, то они могли вести бесѣду съ нимъ на латинскомъ. Онъ зналъ изъ ихъ прежней исторіи все то, что извѣстно было имъ самимъ. Что касается ихъ настоящаго управленія, организаціи центральнаго королевскаго правительства, областной администраціи графовъ, королевской или мѣстной юстиціи,—слишкомъ очевидно, что Григорій изучалъ все это вблизи и потому не могъ изобразить эти порядки невѣрно.

Григорій Турскій написалъ «десять книгъ исторіи». Такимъ заглавіемъ онъ самъ обозначаетъ свой главный трудъ [1]. Весьма сомнительно, чтобы названіе *Historia ecclesiastica Francorum*, подъ которымъ извѣстно теперь данное сочиненіе, происходило отъ самого

[1] *Greg.* Ibidem, X, 31, in fine: „Decem libros Historiarum".

автора [1]. Во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно онъ поставилъ въ заглавіи своего сочиненія слово *Francorum*, то онъ разумѣлъ подъ этимъ «исторію королевства Франковъ», а не «исторію франкскаго племени», такъ какъ изъ сочиненія его легко усмотрѣть, что онъ гораздо больше вниманія удѣляетъ Римлянамъ, чѣмъ Франкамъ, или еще скорѣе интересуется всѣмъ населеніемъ Галліи безъ различія расъ. Будучи самъ Римляниномъ, онъ не питалъ однако лично никакой антипатіи къ Франкамъ. Безпристрастіе его къ тому же не вытекаетъ ни изъ осторожности, ни изъ раболѣпства; онъ указываетъ преступленія и пороки, какъ тѣхъ, такъ и другихъ [2].

[1] Въ Корбійской рукописи сочиненія Григорія, относящейся къ седьмому вѣку, читаемъ въ заголовкѣ *capitulatio* первой книги названіе — „*Historia ecclesiastica*"; но во главѣ самаго текста той же первой книги стоитъ только *Liber Historiarum* (см. изданіе *Omont*, стр. 2 и 4). Позднѣйшія рукописи озаглавлены *Historia Francorum*, *Historia regum Francorum*, *Gesta Francorum*, или просто *Historia*, *Chronica*. Все это—заглавія, довольно произвольныя, они—дѣло рукъ переписчиковъ. Заглавіе *Historia ecclesiastica* вовсе не подходитъ къ содержанію книги, въ которой нѣтъ даже упоминанія о церковныхъ соборахъ. *Historia Francorum* также подходитъ не лучше къ труду, въ которомъ нѣтъ ни одной главы, касающейся нравовъ Франковъ, гдѣ они такъ же часто называются *barbari*, какъ *Franci*, и гдѣ, если перечесть всѣхъ изображенныхъ авторомъ лицъ, окажется 310 Римлянъ, 171 Франковъ и 245 такихъ, національность которыхъ распознать невозможно. Наконецъ заглавіе *Historia regum Francorum* плохо шло-бы къ труду, въ которомъ франкскіе короли занимаютъ немногимъ больше мѣста, чѣмъ константинопольскіе императоры, и значительно меньше мѣста, чѣмъ епископы. Мы полагаемъ, поэтому, что слѣдуетъ придерживаться единственнаго заглавія, которое дано самимъ Григоріемъ Турскимъ (X, 31, in fine), то-есть, *Libri historiarum* или *Historiae*.

[2] Лучшія изданія этого сочиненія Григорія принадлежатъ

Кромѣ «исторіи» отъ Григорія Турскаго сохранилось восемь книгъ повѣствованій о чудесахъ [1]. Каждое описаніе этихъ чудесъ извѣстныхъ мучениковъ образуетъ у автора особый разсказъ, который ставитъ передъ взоромъ изслѣдователя какую-нибудь живую историческую личность. Сочиненіе, озаглавленное «Житія Отцовъ», является, исторіею двадцати двухъ епископовъ или вообще духовныхъ лицъ пятаго и шестого вѣковъ.

Книги чудесъ и книги исторій должны быть безусловно признаны произведеніемъ одного лица. Авторъ задается въ нихъ одною и тою же цѣлью—дать вѣрующимъ назидательное чтеніе. Онъ пишетъ, какъ епископъ. Онъ не историкъ въ современномъ значеніи слова. Авторъ не описываетъ соціальнаго организма страны и не разсуждаетъ объ ея управленіи. Но зато онъ развертываетъ передъ глазами читателя безчисленный рядъ фактовъ и, не довольствуясь упоминаніемъ о нихъ, даетъ полное ихъ описаніе. Онъ съ удовольствіемъ приводитъ мельчайшія подробности, разсказываетъ множество анекдотовъ; а эти то именно подробности и поучительны для насъ всего болѣе. Въ изображеніи Григорія нѣтъ общихъ разсужденій

Guadet и *Taranne* (1838) въ коллекціи „Société de l'Histoire de France"; затѣмъ *Arndt* (1884), у котораго приведены многочисленныя разночтенія; см. также новѣйшее изданіе *H. Omont*, сдѣланное по такъ называемой Корбійской рукописи, сохраняемой въ парижской Bibliothèque Nationale, подъ № 17655.

[1] Сохранились двѣ книги Григорія о *Miracula martyrum*, одна *De gloria confessorum*, четыре *De miraculis* или *De virtutibus S. Martini*; одна, озаглавленная *Vitae Patrum*.—Главными изданіями, если не говорить объ изданіи *Ruinart*, являются изданія *Guadet* и *Taranne* (4 тома) и *Krusch*, которое составляетъ продолженіе изданія *Arndt'a*.

или отвлеченныхъ схемъ. Передъ нами дѣйствуютъ триста или четыреста живыхъ лицъ изъ различныхъ расъ и всякаго соціальнаго положенія, характеръ, физіономію, поведеніе и самыя интимныя чувства которыхъ онъ намъ раскрываетъ и показываетъ. По ихъ образамъ для насъ дѣлается понятнымъ, какъ слагались весьма сложныя, конечно, условія существованія людей той эпохи, и особенно—среди какихъ учрежденій протекала ихъ жизнь [1]. Нельзя, конечно, всегда довѣрять мнѣніямъ Григорія, потому что онъ обладалъ пылкою душою и рѣзко выраженною индивидуальностью. Онъ

[1] Для восьмидесяти лѣтъ, предшествующихъ тѣмъ событіямъ, которыя онъ лично пережилъ, Григорій пользуется сочиненіями, нынѣ затерянными; въ его распоряженіи находились, главнымъ образомъ, архивы его собственной церкви и еще нѣкоторыхъ другихъ, а также Житія святыхъ, уже довольно многочисленныя въ его время. Онъ часто цитируетъ свои источники. Когда нѣтъ письменныхъ памятниковъ, онъ довольствуется преданіями и воспоминаніями, о чемъ предупреждаетъ читателя такими словами, какъ *fertur* или *tradunt*. Онъ ясно даетъ понять, что Франки не много сообщили ему относительно ихъ прошлаго. Нѣкоторые новѣйшіе ученые, именно Юнгансъ и Моно, утверждали, что онъ долженъ былъ пользоваться германскими народными пѣснями, сложившимися въ честь Хлодовеха и Франковъ; но это чистѣйшая гипотеза, лишенная всякаго положительнаго основанія. Единственный приводимый названными авторами аргументъ заключается въ томъ, что у Григорія встрѣчается нѣсколько фразъ съ очень поэтическими оборотами. Но тотъ, кто хорошо начитанъ въ писателяхъ этой эпохи, прекрасно знаетъ, что злоупотребленіе поэтическими фигурами было именно характерною особенностью прозаическаго языка того времени, тогда какъ, по странной перестановкѣ пріемовъ, поэзія предпочитала наоборотъ самыя прозаическія формы. Во всякомъ случаѣ нѣсколько яркихъ эпитетовъ, попадающихся въ изложеніи Григорія, не доказываютъ никоимъ образомъ, чтобы онъ пользовался народными поэмами, къ тому же и самъ онъ ни разу не упоминаетъ о нихъ.

судитъ всегда съ точки зрѣнія интересовъ вѣры, къ числу учителей которой самъ принадлежалъ, или подчиняется собственнымъ впечатлѣніямъ. Онъ говоритъ обо всемъ то, что видитъ и чувствуетъ. Но благодаря этому его разсказы особенно искренни; и, если тотъ или иной образъ можетъ оказаться искаженнымъ, общая картина эпохи нарисована, несомнѣнно, вѣрно [1].

Рядомъ съ Григоріемъ Турскимъ надобно поставить человѣка, бывшаго его современникомъ и другомъ, носившаго какъ и онъ, епископскій санъ,—именно Венанція Фортуната. Подобно Григорію, Фортунатъ могъ видѣть Франковъ вблизи; онъ жилъ при дворѣ, зналъ лично королей, ихъ женъ, высокихъ сановниковъ и областныхъ начальниковъ. Онъ раздѣлялъ, стало быть, съ Григоріемъ выгодное положеніе послѣдняго для изображенія жизни франкскаго общества. Онъ очаровывалъ Франковъ своими мелкими стихотвореніями; эти стихотворенія показываютъ и намъ, каковы были господствующія черты характера Франковъ, ихъ вкусы, привычки; изъ нихъ же хорошо выясняется, что нравилось Франкамъ всего болѣе, когда ихъ прославляли поэты. Не является ли дѣйствительно историческимъ фактомъ большой цѣнности то обстоятельство, что хвала, воздаваемая имъ въ латинскихъ стихахъ, и сравненіе ихъ вождей съ Траяномъ или Сципіонами приходилось имъ особенно по душѣ? Кромѣ стихотвореній Фортунатъ писалъ біографіи:

[1] Научные труды о Григоріи Турскомъ, которые необходимо указать, слѣдующіе: предисловія *Bordier* и *Guadet* въ началѣ ихъ изданій; *Kries*, De Gregorii... scriptis. (1859); *Lecoy de la Marche*, De l'autorité de Grégoire de Tours (1861); *Löbell*, Gregor v. Tours und seine Zeit (2-е изданіе, 1868); *G. Monod*, Grégoire de Tours et Marius d'Avenches (1872). Впрочемъ, новѣйшіе труды прибавляютъ лишь немного къ капитальному изслѣдованію *Ruinart*'а, относящемуся еще къ 1699 г.

онъ изложилъ именно жизнь святого Германа парижскаго и Радегунды, которыхъ зналъ лично, а также жизнь Альбина, епископа Анжерскаго, святого Иларія и святого Патерна Пуатьескихъ [1].

Для исторіи послѣдующаго полувѣка у насъ есть подъ руками памятникъ, который принято называть Хроникой Фредегарія [2]. Никто не можетъ возстановить настоящаго имени ея автора. Несомнѣнно, что онъ жилъ въ области, называвшейся тогда Бургундіей, потому что всегда ведетъ счисленіе по годамъ царствованія королей, правившихъ въ этой части Галліи. Къ этому, впрочемъ, сводится все, что можно сказать о немъ достовѣрнаго. Недавно высказывалось мнѣніе, что авторъ долженъ былъ быть инокомъ монастыря святаго Марцелла [3]; но утвержденіе это основывается исключительно на томъ, что онъ въ нѣсколькихъ строкахъ говоритъ объ этомъ монастырѣ. Это—доводъ не достаточный. Конечно, нѣтъ ничего не-

[1] *Venantii Fortunati opera*, изданіе Friedr. Leo и Krusch (1881—1885).

[2] Текстъ хроники сохраняется въ двухъ главныхъ рукописяхъ: одна находится въ Парижѣ, въ Національной библіотекѣ; см. латинскій отдѣлъ, № 10910; другая—въ Бернѣ; послѣдняя, значительно болѣе поздняя, оказывается, впрочемъ, неполною. Хроника въ собственномъ смыслѣ занимаетъ въ парижской рукописи листы отъ 121 по 170. Ей предшествуетъ *Historia epitomata*, извлеченная изъ шести первыхъ книгъ Григорія Турскаго, но съ измѣненіями и добавленіями, которыми не слѣдуетъ пренебрегать.—Хроника и *epitomata* изданы *Ruinart*'омъ, *Bouquet* и *Migne*. Габріэль Моно оказалъ услугу наукѣ, выпустивъ точное и полное изданіе парижской рукописи; жаль только, что онъ не приступилъ еще къ разсмотрѣнію важныхъ критическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ этимъ текстомъ.

[3] См. изслѣдованіе *G. Monod*, Le lieu de l'origine de la Chronique de Frédégaire, въ „Mémoires de la Société d'Histoire suisse“.

возможнаго въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ монахомъ и даже въ обители святого Марцелла; но, что гораздо важнѣе для насъ, и что слѣдовало бы отмѣтить, это то, что онъ вовсе не пишетъ въ томъ духѣ, какъ обыкновенные монахи. Занимается онъ вовсе не исторіей монастыря, даже не исторіей церкви. Факты, касающіеся церкви, у него попадаются очень рѣдко, а тѣ, о которыхъ онъ упоминаетъ, всегда стоятъ въ связи съ исторіей государства. Ясно, что этого писателя интересуютъ преимущественно дѣла свѣтскаго общества,—которое онъ и описываетъ. Онъ знаетъ его интересы, привычки, страсти, борьбу. Онъ знаетъ также чужеземныя государства, любитъ говорить о Вестготахъ, Лонгобардахъ и особенно о константинопольскихъ императорахъ. Добавимъ, что языкъ и стиль его—вовсе не монашескіе. Сравните его текстъ съ писаніями, вышедшими изъ монастырей: никакого сходства. Монахи, которые писали въ тѣ времена, обладали болѣе правильнымъ языкомъ и пользовались стилемъ болѣе напыщеннымъ [1]. Если предположить, что авторъ былъ монахомъ въ моментъ, когда сталъ писать, то надо думать, что онъ поздно удалился отъ міра и до того долго прожилъ, какъ воинъ въ лагерѣ или какъ должностное лицо при дворѣ. Записалъ онъ именно воспоминанія изъ своей жизни въ міру. Онъ повѣствуетъ о событіяхъ такъ, какъ онъ видѣлъ и понялъ ихъ, будучи членомъ свѣтскаго общества [1]. Этимъ онъ и цѣненъ для насъ, какъ историкъ. Трудъ его ни по объему, ни по достоинствамъ не равенъ трудамъ Григорія, но онъ принадлежитъ отчасти къ сочиненіямъ того же рода. Это, собственно говоря, не лѣтопись, хотя хронологическая послѣдовательность соблюдается авторомъ весьма добросовѣстно; это рядъ разсказовъ, довольно подробныхъ, изъ которыхъ обнаруживаются обычаи и характеръ современныхъ ему людей: таковы, напримѣръ, начертанные имъ образы палатныхъ меровъ—Бертоальда, Протадія, Эга; таковы описанія ссоры Брунегильды и Блихильды, изгнанія Колумбана, исторія Само, повѣствованіе о преслѣдованіяхъ противъ сына Варнахара, о раздѣлѣ казны Дагоберта между его сыновьями, и много другихъ фактовъ, любопытно изображенныхъ; между ними находится очень живая картина двухъ общихъ собраній, состоявшихся въ 627 и 642 годахъ.

Григорій Турскій, Фортунатъ и Фредегарій—являются настоящими свидѣтелями-очевидцами. Они разсказываютъ намъ то, что видѣли сами. Они знаютъ въ совершенствѣ общество, которое они представляютъ своимъ читателямъ [2].

Нельзя повторить того же самаго о двухъ анонимныхъ трудахъ, озаглавленныхъ *Gesta regum Fran-*

[1] Я не могу раздѣлить мнѣнія, выраженнаго *Wattenbach*'омъ (Geschichtsquellen, p. 91). Не одно смѣшеніе грамматическихъ окончаній характеризуетъ трудъ Фредегарія; еслибы это было такъ, онъ походилъ бы на другихъ писателей седьмого вѣка; отличается же онъ, главнымъ образомъ, отъ другихъ особою терминологіею, оригинальными оборотами рѣчи, самою общею окраскою разсказа.

[1] Авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что будетъ разсказывать объ—„acta regum et bella gentium, legendo simul et audiendo et videndo cuncta quae certificatus cognovi“.

[2] Существуетъ нѣсколько краткихъ хроникъ, которыя принято называть продолженіями Фредегарія, потому что въ нѣсколькихъ рукописяхъ девятаго вѣка онѣ помѣщены вслѣдъ за первоначальной хроникой этого имени; но онѣ такъ же отличаются отъ нея по духу и настроенію авторовъ, какъ по языку. Онѣ интересны лишь для изученія происхожденія и древнѣйшей исторіи каролингскаго дома.

corum и *Gesta Dagoberti*. Первый относится къ восьмому вѣку, второй къ девятому. Не слѣдуетъ пренебрегать вполнѣ ни тѣмъ, ни другимъ, потому что оба автора имѣли передъ глазами какіе-то неизвѣстные намъ документы. Но авторы эти—не очевидцы; возможно, что они писали въ монастыряхъ. Второй въ особенности страдаетъ отсутствіемъ критическаго чутья и постоянно смѣшиваетъ легенды съ фактами. Онъ пишетъ исторію седьмого вѣка, проникнутый идеями девятаго.

Житія святыхъ—тоже принадлежатъ къ разряду сочиненій историческаго характера. Въ Галліи въ теченіе двухъ занимающихъ насъ вѣковъ проявилось много святыхъ. Въ эту эпоху правила канонизаціи не были точно опредѣлены; епархія охотно причисляла къ святымъ своего епископа, монастырь—своего аббата; причемъ всегда очень заботились о написаніи біографіи каждаго такого святого. Несомнѣнно, что біографіи эти не писались съ цѣлью служить историческими памятниками о старинѣ; не совсѣмъ правильно также было бы сказать, что составлялись онѣ исключительно для назиданія вѣрующихъ: онѣ направлены были скорѣе къ тому, чтобы доказать святость извѣстнаго лица, выдвинуть его заслуги, какъ святого, въ интересахъ церкви или монастыря, который избралъ его своимъ патрономъ. Біографія являлась какъ бы объяснительнымъ текстомъ къ мощамъ, которыми обладалъ монастырь, и которыя составляли его богатство. Поэтому такія біографіи растягивались описаніемъ всѣхъ чудесъ, которыя совершалъ святой при жизни, и всѣхъ тѣхъ, которыя онъ творилъ послѣ смерти. Эти житія святыхъ, старательно сберегавшіяся каждою церковью, какъ бы въ видѣ оправдательныхъ

документовъ для права своей собственности, дошли до насъ въ очень большомъ количествѣ [1]. Очень жаль, что, за немногими исключеніями, они не были до сихъ поръ изслѣдованы съ точки зрѣнія критики текста и подлинности. Можно сказать, что въ общемъ правилѣ жизнеописаніе каждаго святого составлялось однимъ изъ его учениковъ или человѣкомъ, который зналъ его, или, по крайней мѣрѣ, писалось по свидѣтельству людей, близкихъ ему; только эта первоначальная редакція никогда почти не доходила до насъ. Такъ какъ біографіи эти читались изъ вѣка въ вѣкъ, то въ каждомъ вѣкѣ онѣ переписывались, причемъ въ нихъ вносились измѣненія и добавленія. Редакціи, сложившіяся до вторженія Норманновъ и сопровождавшихъ ихъ набѣги пожаровъ монастырей, имѣютъ всетаки нѣкоторую цѣнность, такъ какъ у составителей ихъ находился передъ глазами первоначальный текстъ. Но и при пользованіи такими наиболѣе древними редакціями очень трудно разобрать въ житіи святого, что̀ принадлежитъ первоначальной редакціи и что̀ было прибавлено сто или двѣсти лѣтъ спустя послѣ ея возникновенія [2].

[1] Главное собраніе Житій святыхъ принадлежитъ Болландистамъ—*Acta Sanctorum quotquot toto orbe coluntur* (1643—1794, 1845—1886, 62 тома in folio).—Легко объяснить, почему авторы этого первоначальнаго собранія съ своей точки зрѣнія распредѣлили святыхъ по порядку календаря; но менѣе понятно, почему ученые, предпринявшіе второе изданіе (1860—1887), подчинились той же совсѣмъ неисторической систематизаціи матеріала, тѣмъ болѣе, что образецъ правильнаго расположенія данъ былъ—*Mabillon* въ его „Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti“ (1688—1701, 9 томовъ).

[2] Мабильонъ и Болландисты усвоили, кажется, не совсѣмъ надежное правило критики этихъ текстовъ. Во многихъ

Поэтому то пользованіе документами данной категоріи требуетъ извѣстной осторожности; но, при такой оговоркѣ, они имѣютъ очень большую цѣнность. Хотя агіографъ и думалъ только о томъ, чтобы составить похвальное слово въ честь своего святого, но описывалъ онъ тѣмъ не менѣе всю жизнь человѣка, и изъ всей совокупности такихъ біографій мы можемъ видѣть съ большою достовѣрностью, какова была жизнь людей того времени вообще. Несомнѣно, что авторъ не могъ сочинить всего разсказа; если онъ прибавилъ нѣсколько добродѣтелей своему герою, то не выдумалъ же мелкихъ подробностей его жизни; онъ невольно изображалъ привычки и нравы, которые его окружали. Въ каждомъ чудѣ, о которомъ онъ разсказываетъ, не оно само по себѣ интересуетъ насъ, а сопутствовавшія ему обстоятельства: человѣкъ, для котораго оно совершалось, физіономія этого человѣка, его гражданское положеніе, соціальныя условія его жизни или его поведеніе.

Особенно замѣчательно въ святыхъ шестого и седьмого вѣка, то, что они не были отшельниками. Они не жили затворниками въ полномъ отдаленіи отъ міра. За нѣсколькими исключеніями, они, наоборотъ, стояли очень близко къ мірской жизни. Можно считать, что больше половины этихъ святыхъ вышло изъ знатныхъ фамилій; они воспитывались при дворѣ королей и исполняли государственныя должности. Многіе были графами прежде, чѣмъ стали епископами. Было даже много такихъ, которые, сдѣлавшись епископами, не переставали часто посѣщать королевскій дворецъ. Многіе отличились, какъ правители и государственные люди. Такимъ образомъ, жизнь святого вовсе не была исключительно монастырскою; почти всегда это была жизнь человѣка, занимавшагося общественными дѣлами и находившагося въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ королями и сильными земли.

Житіяхъ святыхъ имѣется одна или двѣ главы, въ которыхъ авторъ говоритъ о себѣ самомъ и откуда видно, что онъ современникъ описываемыхъ фактовъ. Они обыкновенно довѣряютъ такимъ утвержденіямъ. Возможно, конечно, что главы эти тщательно сохранялись позднѣйшимъ интерполяторомъ; но это не служитъ достаточнымъ доказательствомъ древности текста въ его цѣломъ; самое большое, что ихъ можно считать основаніемъ для благопріятнаго предположенія въ этомъ смыслѣ.

Отсюда видно, сколько свѣта проливаетъ біографія такихъ личностей на учрежденія страны. Не особенно важно, что тамъ попадаются часто хронологическія ошибки, встрѣчается путаница собственныхъ именъ, что много фактовъ искажено вслѣдствіе предвзятыхъ мнѣній агіографа. Чего слѣдуетъ искать тамъ, это именно изображенія обычаевъ, общихъ и постоянныхъ фактовъ, а искажать ихъ не представляло для автора никакой надобности. Онъ могъ выдумать чудо, но не окружающую его обстановку. Я могу, напримѣръ, сомнѣваться въ томъ, что святой Аманъ сотворилъ чудо для спасенія отъ казни приговореннаго къ смерти; но я убѣждаюсь изъ этого разсказа, что смертные приговоры дѣйствительно практиковались, и довѣряю описанію примѣненной въ этихъ случаяхъ судебной процедуры. Авторъ даже старался быть точнымъ въ этихъ вопросахъ, иначе современники не повѣрили-бы изображаемому имъ чуду. Вотъ какимъ образомъ Житія святыхъ знакомятъ насъ съ нравами людей, съ обычнымъ теченіемъ жизни того времени, съ судебными обычаями, съ самою администраціею и формами управленія [1].

[1] Не перечисляя всѣхъ житій святыхъ—ихъ осталось болѣе

2.

Законы.

Отъ меровингской эпохи до насъ дошло большое количество разнаго рода законодательныхъ актовъ.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить капитуля-

ста пятидесяти, относящихся къ этимъ двумъ вѣкамъ,—мы должны отмѣтить главныя.—*Vita Iohannis abb. Reomaensis* (у Mabillon, *Acta Sanctorum ord. S. Bened.* I, 633); *Vita Maximini Miciacensis* (у Mabillon, I, 580); *Vita Remigii* (есть два текста житія святого Ремигія, одинъ, приписываемый Фортунату, другой написанный Гинкмаромъ; оба происходятъ отъ текста, который зналъ, повидимому, Григорій Турскій); *Vita Aridii* (у Mabillon, I, 349); *Vita Galli* (это житіе Галла, овернскаго епископа, было написано Григоріемъ Турскимъ, равно какъ и житіе Ницетія, епископа ліонскаго; см. *Vitae Patrum*, VI и VIII); *Vita Mauri* (первоначально написанная Фаустомъ, передѣланная въ девятомъ вѣкѣ, у Mabillon, I, 282); *Vita Albini* и *Vita Germani Parisiensis* (написанныя Фортунатомъ); *Vita Ebrulfi* (у Mabillon, I, 354); *Vita Consortiae* (ibid. стр. 250); *Vita Austregisili* (ibid. II, 95); *Vita Columbani* и *Vita Eustasii* (и та, и другая написанныя современникомъ Іоной изъ Боббіо); *Vita Desiderii Viennensis* (у Болландистовъ, 23 мая); *Vita Licinii Andegavensis* (ibid. 13 февраля): *Vita Walarici*, (у Mabillon, II, 416); *Vita Faronis* (очень любопытная, но написанная только въ девятомъ вѣкѣ); *Vita Arnulfi Mettensis* (Mabillon, II, 150); *Vita Sulpici Bituricensis* (ibid. II 168); *Vita Goaris* (ibid. II, 276); *Vita Agili* (ibid. II, 316); *Vita Desiderii Caturcensis ep.* (у Bouquet, III, 527); *Vita Amandi* (Mabillon, II 712); *Vita Sigiranni* (ibid. II, 432); *Vita Geremari* (ibid. II, 472): *Vita Austrebertae* (ibid. III, 29); *Vita Eligii* (Bouquet, III, 552, и Patrologia latina, t. LXXXVII); *Vita Wandregisili*, (Mabillon, II, 534); *Vita Balthildis* (ibid. II, 776); *Vita Bertilae* (ibid. III, 21); *Vita Praeiecti Arvernensis ep.* (Mabillon, II, 640); *Vita Leodegarii ab Ursino* (Mabillon, II, 698); другое житіе святого Леодегарія, *ab anonymo* (ibid. II, 680); *Vita Lantberti*, (ibid. III, 69); *Vita Salabergae* (ibid. II, 423); *Vita Filiberti*,

ляріи, изданные самими королями [1]. Они сохраняются, большею частью, въ рукописяхъ девятаго вѣка. Между ними находится капитулярій Хильдеберта I и Хлотара I, извѣстный подъ именемъ *Pactus pro tenore pacis*, то-есть, договоръ, составленный и опубликованный съ цѣлью охраны общественнаго порядка. Это—уставъ уголовнаго права и полиціи, раздѣленный на восемнадцать статей. [2] Существуетъ кромѣ того спеціальный законъ Хильдеберта I, запрещающій поклоненіе идоламъ и предписывающій воскресный отдыхъ. Сохранилась еще одна очень важная «конституція» короля, котораго звали Хлотаромъ, но рукописи не опредѣляютъ намъ, былъ ли это первый или второй государь изъ носившихъ такое имя [3]. Имѣется далѣе указъ Хильпериха, до-

(ibid. II, 818); *Vita Ansberti* (ibid. II, 1048); *Vita Boniti* (ibid. III, 90); *Vita Hermenlandi* (ibid. III, 383). Святыхъ VIII-го вѣка мы отлагаемъ до дальнѣйшаго изслѣдованія.

[1] Терминъ—*capitula* въ наиболѣе общемъ смыслѣ обозначалъ всякаго рода текстъ, раздѣленный на главы; въ спеціальномъ смыслѣ онъ примѣнялся въ особенности къ законодательнымъ актамъ; онъ много разъ повторяется въ законахъ Вестготовъ и Лонгобардовъ.

[2] *Capitularia*, изданіе Boretius, стр. 4—5. Въ рукописяхъ стоитъ только заголовокъ—„*Childeberti... Chlotarii*"; но въ 16 статьѣ оба короля, составители законовъ, начертали: „inter nos germanitatis caritas"; дѣло идетъ, значитъ, о двухъ короляхъ, которые были братьями; это можетъ относиться только къ Хильдеберту I и Хлотару I. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Пардессю, который приписываетъ этотъ актъ Хильдеберту II и Хлотару II, такъ какъ они не были братьями.

[3] Балюзъ, Буке и Пертцъ приписываютъ ее Хлотару I; Борецій и Фальбекъ—Хлотару II.—По нашему мнѣнію, 11 статья рѣшаетъ вопросъ въ пользу перваго. Король напоминаетъ тамъ, что нѣкоторыя церкви получили иммунитетъ отъ его „дѣда, отца и брата" („avi et genitoris et germani nostri"). У составителя закона былъ, слѣдовательно, братъ, который царствовалъ раньше его. Изъ трехъ же Хлотаровъ только первый удо-

шедшій до насъ, къ несчастью, въ одной только очень неисправной рукописи и, нужно признать, неясный во многихъ пунктахъ. Мы обладаемъ наконецъ двумя величайшей важности эдиктами Хильдеберта II и Хлотара II, одинъ изъ которыхъ помѣченъ 595, другой 614 годомъ.

Въ продолженіе занимающей насъ эпохи было составлено также нѣсколько законодательныхъ сводовъ. Мы не беремъ на себя здѣсь задачи спеціальнаго ихъ изслѣдованія: на это не хватило бы цѣлаго тома. Мы ограничимся ихъ перечисленіемъ. Назовемъ сначала Салическій Законъ[1]. Это родъ

влетворяетъ такому условію: онъ наслѣдовалъ отъ брата своего Хильдеберта третью часть королевства послѣдняго. Критиковъ затрудняло слово—*avi*: дѣдомъ Хлотара I былъ Хильдерихъ, остававшійся еще язычникомъ; но слѣдовало бы разсудить, что этотъ Хильдерихъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ большею частью городовъ и земель сѣверной Галліи, и что онъ могъ, не будучи самъ христіаниномъ, дать земли и имущества нѣсколькимъ христіанскимъ церквамъ. Тѣ ученые, которые приписываютъ декретъ Хлотару II, говорятъ, что *germani* можетъ относиться къ Хильдеберту австразійскому, бывшему его двоюроднымъ братомъ; я замѣчу на это, что, во 1-хъ, *germanus* на языкѣ шестого вѣка обозначаетъ родного, а не двоюроднаго брата; во 2-хъ, что Хлотаръ II наслѣдовалъ не Хильдеберту, а двумъ его сыновьямъ—Теодеберту и Теодериху; онъ долженъ былъ бы написать въ такомъ случаѣ *germanorum*. Фальбекъ воображаетъ, что слово *germani* знаменуетъ духовное братство; это невѣрно: христіанское и духовное братство много разъ обозначается въ эту эпоху словомъ *frater*, но никогда не употребляется въ этомъ смыслѣ терминъ *germanus*. Слова 11-й статьи нашего текста—*germani nostri* настолько выразительны, что отъ нихъ нельзя отдѣлаться даже при помощи самыхъ изобрѣтательныхъ соображеній; они обладаютъ безусловно убѣдительною силою и заставляютъ насъ приписать декретъ Хлотару I.

[1] Въ русской терминологіи онъ извѣстенъ подъ именемъ

свода, очень, впрочемъ, неполнаго, состоящаго, смотря по различнымъ рукописямъ, въ которыхъ сохраняется его текстъ, изъ шестидесяти пяти, семидесяти двухъ или девяноста девяти статей. Эти рукописи, въ числѣ шестидесяти шести, почти всѣ относятся къ девятому или десятому вѣку. Ни одна изъ нихъ не восходитъ къ эпохѣ, предшествующей царствованію Карла Великаго и пересмотру первоначальной редакціи свода, предпринятому этимъ государемъ. Что существовало, какъ утверждали нѣкоторые ученые, два текста Салическаго Закона, одинъ очень древній и другой сравнительно поздній, это никоимъ образомъ не обнаруживается изъ сравненія рукописей. Разночтенія касаются больше языка и способа выраженій, чѣмъ сущности закона.

Ни одна рукопись не освѣдомляетъ насъ о томъ, въ какое время былъ составленъ разсматриваемый сводъ[1]. Нѣкоторые историки относятъ его редакцію къ пятому вѣку и предполагаютъ, что она осуществлена была значительно раньше Хлодовеха. Этимъ положеніемъ очень дорожатъ многіе спеціалисты, потому что оно сильно подкрѣпляетъ любимую ими теорію[2]. Ближайшее ознакомленіе съ подлиннымъ тек-

„Салической Правды". Мы оставляемъ здѣсь словоупотребленіе Фюстель де-Куланжа, которое является буквальнымъ переводомъ подлиннаго заглавія—*lex Salica*. *Прим. ред.*

[1] Прологи также не даютъ намъ никакихъ указаній для рѣшенія хронологическаго вопроса. Они сами возникли позже основного текста и не составляютъ одного органическаго цѣлаго съ послѣднимъ; къ тому же они находятся лишь въ меньшей части рукописей и поэтому заслуживаютъ мало довѣрія.

[2] Можно познакомиться съ этою теоріею, построенною очень смѣло, въ сочиненіяхъ *Sohm*'a (Der Process der lex Salica, Weimar, 1867), *Thonissen*'a (L organisation judiciaire de la loi salique, P. 1882) и *Fahlbeck*'a (La royauté et le droit royal franc, Lund, 1883).

стомъ не позволяетъ намъ присоединиться къ ней. Впрочемъ, въ какое бы время ни былъ составленъ Салическій Законъ, достовѣрно одно, что примѣнялся онъ въ судахъ до конца меровингскаго періода и даже позже. Онъ является, слѣдовательно, историческимъ источникомъ для изученія шестого и седьмого вѣковъ; въ немъ отражается важная область исторіи права, администраціи и нравовъ [1].

Другой сводъ, дошедшій до насъ въ тридцати четырехъ рукописяхъ, носитъ названіе Рипуарскаго Закона, *Lex ripuaria* или *Lex Ripuariorum*. Примѣнялся онъ, безъ сомнѣнія, въ восточной части королевства Франковъ. Невозможно точно установить время его составленія, потому что, какъ и Салическій, Рипуарскій Законъ не содержитъ въ себѣ формулы его обнародованія. Мнѣніе послѣднихъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ и относящихъ его редактированіе къ седьмому вѣку, кажется намъ твердо обоснованнымъ [2].

Законъ Бургундовъ—болѣе древній. Мы знаемъ его составителей: главный изъ нихъ—король Гундебальдъ, современникъ Хлодовеха; впрочемъ, онъ, много разъ ссылается на законы своихъ ближайшихъ предшественниковъ. Добавленіе было сдѣлано сыномъ его, королемъ Сигизмундомъ. Этотъ сводъ не былъ отмѣненъ послѣ завоеванія страны Франками [3].

[1] Главныя рукописи находятся въ Вольфенбюттелѣ, Мюнхенѣ и Парижѣ (*Bibl. Nat.* 4404, 4628 и 9653). Лучшія изданія принадлежатъ *Pardessus* (1843), *Holder*'у (1879—1880) и *Hessels*'у (1880); можно присоединить къ нимъ удобныя для пользованія, но неточныя и очень тенденціозныя изданія *Merkel*'я (1850) и *Behrend*'а (1874).

[2] Лучшее изданіе *Sohm*'а, въ V томѣ Leges коллекціи *Pertz*'а „Monumenta Germaniae historica".

[3] Всѣ эти законодательные памятники напечатаны въ удобномъ сборникѣ *Walter*'а, Corpus iuris Germanici antiqui (3 vv. Berlin, 1824). Они находятся также въ старыхъ сборникахъ *dom Bouquet* и *Canciani*. Но единственное, дѣйствительно критическое изданіе *Lex Burgundionum* сдѣлано Bluhme (въ III томѣ *Leges*, коллекціи „Monumenta Germaniae historica"). См. впрочемъ, возраженія, представленныя *Hube* въ XIII томѣ „Nouvelle Revue hist. de droit. fr. et etr.".

Въ ту же эпоху возникли въ странѣ Бургундовъ и Вестготовъ еще два другихъ свода; но послѣдніе отличаются чисто римскимъ характеромъ. Одинъ изъ нихъ называется *Lex romana Burgundionum* [1], другой—*Lex romana Wisigothorum* [2]. И тотъ, и другой были составлены по приказанію германскихъ королей и обнародованы ими для ихъ римскихъ подданныхъ; но ясно, что они являются произведеніями римскихъ юристовъ. Въ нихъ содержится поэтому настоящее римское право. Своды эти представляютъ извлеченія изъ Кодекса Ѳеодосія и Новеллъ, а также изъ трактатовъ знаменитыхъ знатоковъ права. Легкія измѣненія, внесенныя здѣсь въ подлинные римскіе тексты, объясняются вліяніемъ времени, съ теченіемъ котораго перерождались соціальныя отношенія, а вовсе не давленіемъ на побѣжденныхъ власти германскихъ королей. Указанные только что своды продолжали примѣняться во всемъ королевствѣ Франковъ. *Lex romana Wisigothorum* въ особенности оставался живымъ закономъ и послѣ изгнанія Вестготовъ изъ Галліи; онъ даже распространился за предѣлы ихъ господства. Въ немъ формулировалось право, которому должно было подчиняться римское населеніе двухъ третей Галліи, и поэтому на данный законъ многократно ссылаются различные юридическіе документы меровингскаго време-

[1] *Lex romana Burgundionum* въ III томѣ „Leges" Pertz'а.

[2] *Lex romana Wisigothorum*, изданіе Haenel, 1849.

ни. Мы можемъ здѣсь только упомянуть еще о нѣкоторыхъ краткихъ изложеніяхъ римскаго права, составленныхъ законовѣдами-практиками въ концѣ меровингскаго періода: это такъ называемыя *Epitome Aegidii*, *Epitome Monachi*, *Epitome S. Galli* или *Lex romana Utinensis* [1].

Особенно заслуживаетъ вниманія въ данной области то обстоятельство, что всѣ названные своды,—все равно германскіе или римскіе,—были произведеніемъ одной эпохи, одного общества, и что они примѣнялись параллельно въ продолженіе всего занимающаго насъ періода. Вслѣдствіе этого обязательно при изслѣдованіи особенностей права меровингскаго государства обращаться одновременно ко всѣмъ перечисленнымъ памятникамъ.

Какъ элементы для сравненія, полезно изучить тутъ же нѣсколько законодательныхъ текстовъ другихъ народовъ. Существуетъ, напримѣръ, эдиктъ Теодериха остготскаго для населенія Италіи, по содержанію своему чисто римскій; затѣмъ еще—законъ испанскихъ Вестготовъ, своды Баваровъ, Аламанновъ, Лонгобардовъ. Всѣ они не восходятъ однако раньше седьмого вѣка. Названіе «варварскихъ Правдъ» которое дается имъ новѣйшими учеными издателями, можетъ ввести въ заблужденіе. Это не чисто германскія законодательства, то-есть, они не представляютъ только старыхъ обычаевъ германскихъ племенъ, записанныхъ въ седьмомъ вѣкѣ. Они—собственное произведеніе самой эпохи, въ которую возникли, и подверглись вліянію страны и времени, гдѣ и когда были составлены; въ нихъ царитъ духъ христіанской Церкви

[1] Ихъ можно найти въ изданіи „Lex romana Wisigothorum" *Haenel'я*.

Они—вовсе не продуктъ народнаго сознанія, основанный на преданіяхъ старины, а дѣло рукъ королей седьмого вѣка.

Существуетъ еще одно законодательство, которымъ не долженъ пренебрегать историкъ временъ Меровинговъ: это то законодательство, которое заключается въ постановленіяхъ церковныхъ соборовъ. Въ Галліи при германскихъ короляхъ и по ихъ приказанію было созвано двадцать четыре собора, постановленія которыхъ сохранились до нашихъ дней: это были соборы въ Агдѣ 506 года, въ Орлеанѣ 511, въ Эпаонѣ 517, въ Ліонѣ того же года, въ Оранжѣ 529, въ Орлеанѣ 535, въ Оверни 535, въ Орлеанѣ 538, 541, 549 годовъ, въ Оверни 549, въ Арлѣ 554, въ Парижѣ 553 и 557 годовъ, въ Ліонѣ и Турѣ 567, въ Парижѣ 573, въ Оксеррѣ 578, въ Шалонѣ 579, въ Маконѣ 581 и 585, въ Парижѣ 614, въ Реймсѣ 625, въ Шалонѣ около 650 года [1]. Эти же соборы, хотя религіозные интересы и стояли въ ихъ работахъ на главномъ мѣстѣ, занимались тѣмъ не менѣе также и гражданскими дѣлами. Они касались нѣкоторымъ образомъ государственнаго устройства, управленія, и юстиціи. Постановленія ихъ почти столько же служатъ документами для исторіи учрежденій, какъ для исторіи церкви [2].

[1] Собраніе соборныхъ актовъ можно найти въ I томѣ изданія *Sirmond*, Concilia antiqua Galliae (1629) или въ общихъ сборникахъ *Labbe*, Sacrosancta concilia (P. 18 v. 1671 — 72) и *Mansi*, Conciliorum amplissima collectio (Florentia, 39 vv. 1759—1793).

[2] Прибавимъ ко всему перечисленному письма нѣсколькихъ королей и нѣсколькихъ епископовъ, и письма папъ, адресованныя епископамъ Галліи или королямъ. Ихъ можно найти у *Sirmond*'а и у *Bouquet* (томъ IV). Подготовляется ихъ

3.

Хартіи.

Цѣлая группа документовъ, почти совершенно недостающихъ историку Рима и Греціи, представляется въ распоряженію историка меровингской эпохи въ весьма обильномъ составѣ: это—грамоты и хартіи. Въ продолженіе всей этой эпохи оффиціальное письмоводство было широко распространено какъ у Франковъ, такъ и у Римлянъ. Изъ королевскаго дворца безпрестанно выходили не только указы общаго характера, но и масса грамотъ, имѣвшихъ частно-правовое значеніе. Всякое пожалованіе земли, всякая уступка привилегій, назначеніе чиновниковъ, всякій судебный приговоръ служили поводомъ для составленія писаннаго акта. Также точно между частными людьми акты продажи [1], даренія или освобожденія отъ рабства всегда или почти всегда скрѣплялись бумагами. Всѣ эти акты сберегались самымъ тщательнымъ образомъ. Въ королевскомъ дворцѣ, то-есть, въ центральномъ управленіи государствомъ устраивались архивы и назначались спеціальные чиновники для завѣдыванія ими [1]. Каждая епархія, каждый монастырь имѣли также свой архивъ [2], равно какъ каждый городъ велъ свои муниципальныя книги [3]. Существовали также тысячи домашнихъ архивовъ, въ которыхъ каждая семья держала документы, акты, подтверждающіе ея имущественныя права, производившіяся ея членами продажныя и раздѣльныя записи, долговыя обязательства, судебныя рѣшенія, которыя касались ея жизни, словомъ всѣ документы, доказывающіе ея права или обезпечивающіе ея интересы [4].

До насъ дошла только безконечно малая часть

критическое изданіе для „Monumenta Germaniae"; см. „Neues Archiv", томъ XII, стр. 251, и томъ XIII, стр. 365—387. Любопытнымъ документомъ является еще „Exhortatio ad Francorum regem", авторъ котораго неизвѣстенъ, но который, несомнѣнно, былъ адресованъ къ одному изъ сыновей Дагоберта I, то-есть, къ Хлодовеху II, или къ Сигеберту австразійскому. Онъ былъ изданъ у *Mai*, „Nova scriptorum veterum collectio", t. II, стр. 1144 и *Migne*, „Patrologia latina" t. LXXXVII, 653.

[1] *Lex Ripuaria*, 59: „Si quis alteri aliquid vendiderit, et emptor testamentum venditionis accipere voluerit... testamentum publice conscribatur".—То же самое происходило при опредѣлееніи приданаго (*Ibidem*, 37), или при назначеніи наслѣдника (*Ibidem*, 48), при пожалованіи (59, 7), при судебныхъ приговорахъ (59, 7): „qui in causa victor exstiterit, iudicium conscriptum accipiat, aut testes".

[1] *Greg. Tur.* Histor. X, 19. — *Gesta Dagoberti*, 39. — *Vita Bercharii*, c. 5 (у Mabillon, Acta ss. II, 534). См. еще грамоту 695 (у Pardessus, № 433, in fine; у Pertz'a № 67).

[2] Объ „Instrumenta" или „Documenta Ecclesiae" см. акты собора въ Агдѣ, г. 506, стр. 26.—*Vita Frodoberti*, c. 11 (Mabillon, Acta ss. II, 631): „Quod privilegium, quia in archivis coenobii nostri usque hodie continentur, hic inserere superfluum duximus, quoniam legere cuique volenti adest". — Грамота 695 года (Tardif № 34): „Duas praeceptiones uno tenore conscriptas fieri iussimus, una in arca basilicae S. Dionysii resideat.."—*Flodoartdi*, Hist. Rem. Ecl. II, 11: „Quarum adhuc regalium praeceptionum monumenta in arhivo huius ecclesiae conservantur".— Cfr. *Greg Magn.* Epist. IX, 40.

[3] *Gesta municipalia, arcivia* или *Codices publici* часто упоминаются въ сборникахъ формулъ; см. Marculf. II, 37 и 38; *Formulae Turonenses*, 20; 20; *Andegavenses*, 1; *Bituricenses*, 3, 6, 15; *Senonicae*, 39, 40; Cfr. *Diplomata*, Pardessus, № 358 и 544; *Testamentum Betramni*, in fine (ibid. t. I, стр. 215): „Hoc testamentum gestis municipalibus faciat alligari".

[4] Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуютъ—*Formulae Andegavenses*, 31, 32, 33 (Marculf. I, 34); *Turonenses*, 28; *Senonicae*, 38.

этихъ безчисленныхъ хартій. Но и этого достаточно для того, чтобы мы знали, какъ совершались тогда продажи, даренія, прекарныя пожалованія, завѣщанія, раздѣлы или наслѣдованія, довѣренности или судебные приговоры. Въ этихъ грамотахъ и хартіяхъ передъ нами проходитъ множество лицъ, начиная съ короля, котораго мы видимъ здѣсь при совершеніи самыхъ простыхъ и ежедневныхъ его дѣйствій; по этимъ документамъ мы можемъ судить также о томъ, каково было тогда положеніе магнатовъ и крупныхъ сановниковъ государства, графовъ, простыхъ землевладѣльцевъ. Мы усматриваемъ изъ нихъ, какъ устроена была администрація, какъ отправлялась юстиція. Особенно же ясно различаемъ мы по нимъ господствовавшія тогда формы собственности и положеніе личностей.

Между разсматриваемыми грамотами есть нѣсколько такихъ, которыя дошли до насъ, несомнѣнно, въ подлинномъ видѣ, и за достовѣрность которыхъ можно ручаться. Таковы двѣ грамоты Хлотара II, отъ 625 и 627 годовъ; дарственныя грамоты Дагоберта I, Хлодовеха II, Хлотара III, Теодериха III; четыре грамоты, касающіяся налоговъ; три пожалованія иммунитетовъ, семнадцать приговоровъ королевскаго суда; грамота относительно раздѣла наслѣдства между братьями; затѣмъ, между частными актами,—одна грамота о пожалованіи земли, два завѣщанія, два акта объ обмѣнѣ земель, хартія объ основаніи одного монастыря частнымъ лицомъ [1].

[1] Всѣ эти грамоты хранятся во французскомъ національномъ архивѣ; онѣ были изданы *Tardif*'омъ подъ заглавіемъ: „Cartons des rois“, 1866. Ихъ можно также найти въ сборникѣ *Pardessus*, „Diplomata chartae et instrumenta aetatis Merovingicae, e(2 v. 1843—49), и, большею частью, въ сборникѣ *Pertz*'a, то сть, въ „Monumenta Germaniae historica“.

Большая часть хартій, впрочемъ, дошла до насъ въ спискахъ, значительно болѣе позднихъ, чѣмъ самые акты, или въ сборникахъ (chartularia) составленныхъ въ промежутокъ времени отъ десятаго до четырнадцатаго вѣка. Отвергнуть эти копіи, какъ недостовѣрные памятники, было бы большою методологическою ошибкою. Копія не является непремѣнно поддѣлкою. Главною причиною, заставлявшею снимать копіи, была непрочность матеріала, на которомъ писались подлинные акты, то-есть, бумаги изъ папируса. Послѣ двухъ или трехъ вѣковъ необходимо было возобновлять акты. Никто не предполагаетъ, чтобы списки производились съ безукоризненною тщательностью. Много могло при этомъ вкрасться ошибокъ, хотя бы вслѣдствіе затрудненій, происходившихъ отъ неразборчивости почерка, или образовавшихся разрывовъ на папирусѣ, причинявшихъ пробѣлы, которые надо было пополнять. Если я найду въ какой-нибудь копіи невѣрное хронологическое опредѣленіе, какое-нибудь имя, поставленное вмѣсто другого, я не выведу отсюда сейчасъ же заключенія, что передо мною лежитъ подложная хартія, какъ поступаютъ нѣкоторые слишкомъ торопливые ученые; я выскажусь осторожнѣе, подумаю, что оригиналъ былъ въ плохомъ состояніи, и что переписчикъ плохо прочелъ его. Многія изъ подобныхъ копій содержатъ формулы, не употреблявшіяся въ шестомъ вѣкѣ; достаточно ли этого основанія для того, чтобы утверждать, что такія хартіи были сфабрикованы поддѣлывателями? Очень просто могло случиться, что переписчикъ девятаго вѣка замѣнилъ выраженія, вышедшія изъ употребленія, терминами, какіе онъ встрѣчалъ въ практикѣ своего времени. Онъ не думалъ, что отступаетъ тѣмъ отъ точности при вос-

произведеніи акта. Въ этомъ обвиняемъ его мы, но такъ не полагали его современники. Въ другой разъ происходило, что пожаръ уничтожалъ монастырскіе архивы, монахи спѣшили тогда возстановить по памяти свои погибшія хартіи. При такихъ условіяхъ копія не могла уже никакъ остаться точною по формѣ, но содержаніе ея легко сохранялось вѣрнымъ. Болѣе важныя погрѣшности вкрадывались въ подлинные тексты, когда монахи, переписывая дарственныя грамоты, увеличивали въ нихъ списокъ пожалованныхъ земель, или же, когда они въ копію древней хартіи вставляли указанія на привилегіи, полученныя ими позднѣе первоначальнаго составленія документа. Въ такихъ случаяхъ копія наполовину уже становится подложною. Бывало, наконецъ, что монахи или епископы, втянутые въ длинные процессы о своихъ правахъ или о томъ, что они считали своими правами, признавая это богоугоднымъ дѣломъ, составляли изъ отдѣльныхъ частей различныхъ документовъ новыя уже совершенно подложныя хартіи; но ихъ легко распознать среди другихъ. Всѣ приведенныя замѣчанія показываютъ, къ какимъ предосторожностямъ надо прибѣгать при пользованіи хартіями; однако же не слѣдуетъ ничего преувеличивать. Мы считаемъ важнымъ сказать здѣсь, что въ особенности не слѣдуетъ заранѣе предначертывать себѣ при работѣ надъ памятниками методическихъ правилъ черезчуръ абсолютнаго характера. Отличать въ каждой хартіи истинное отъ ложнаго—есть, конечно, задача историка; но онъ долженъ опираться при этомъ не столько на наблюденіе хронологическихъ датъ или канцелярскихъ формулъ, сколько на общій видъ хартіи и ея содержаніе. Постараемся рядомъ съ этимъ доказать, что историкъ

можетъ пользоваться и хартіями, потерпѣвшими искаженія и позднѣйшія вставки въ текстѣ; онъ можетъ даже извлечь для себя нѣкоторую пользу изъ подложныхъ хартій. Въ самомъ дѣлѣ, при изученіи хартіи намъ важенъ не самый предметъ, ради котораго она была составлена, а обычай или правовой принципъ, который изъ нея обнаруживается. Подложное пожалованіе, подложное завѣщаніе, подложный раздѣлъ наслѣдства, подложное освобожденіе, или подложная прекарная запись, почти такъ же освѣщаютъ намъ вопросъ, какъ если бы акты эти были настоящими, потому что они показываютъ намъ правовыя правила или пріемы, которыхъ придерживались въ этихъ случаяхъ ихъ составители, и съ которыми поддѣлыватели очень тщательно сообразовались. Тяжбы по спорнымъ вопросамъ права становятся намъ такъ же хорошо извѣстны изъ подложныхъ хартій, какъ изъ подлинныхъ. Сошлемся на одинъ примѣръ: у насъ есть рядъ грамотъ или дипломовъ монастыря св. Кале и церкви Манса; какъ бы искажены и поддѣльны ни были нѣкоторыя изъ нихъ, онѣ могутъ быть особенно поучительны для того, кто, сближая ихъ съ другими документами, захотѣлъ бы изучить отношенія между епископами и аббатами меровингской эпохи [1].

[1] Королевскія грамоты были изданы K. Pertz'емъ въ „Monumenta Germaniae", 1872. „Diplomata" Pardessus заключаютъ одновременно королевскія грамоты и хартіи частныхъ лицъ.

Въ числѣ грамотъ, которыя можно признать достовѣрными по содержанію, назовемъ: пожалованіе Гунтрамна монастырю св. Марселя (Pardessus, № 191), пожалованіе, сдѣланное Хильперихомъ одной бовезской церкви (№ 190); такъ называемый анделотскій договоръ, копію съ котораго Григорій Турскій снялъ по экземпляру короля Гунтрамна; учрежденіе Дагобертомъ рынка въ С. Дени (№ 247); нѣсколько пожалованій того же госу-

На ряду съ самыми актами у насъ есть цѣлыя серіи формулъ, то-есть, примѣрныхъ образцовъ для ихъ составленія. Какъ и современные дѣловые люди, *notarii* той эпохи пользовались сборниками такихъ формулъ. Въ нихъ находили они совсѣмъ готовыми, съ пробѣлами только для собственныхъ именъ и чиселъ, которыя надо было проставить, типы всякихъ актовъ, касающихся продажи, пожалованія, обмѣна, завѣщанія, раздѣла, наслѣдства, назначенія приданаго, освобожденія раба, судебныхъ приговоровъ, заемныхъ писемъ и обязательствъ. Въ канцеляріяхъ королевскаго дворца имѣлись равнымъ образомъ совсѣмъ готовыя формулы для патентовъ о назначеніи чиновниковъ, для земельнаго пожалованія, дарованія привилегіи, для инструкцій, которыми снабжались королевскія должностныя лица. Можно понять безъ труда, какъ

даря церквамъ или матрикуламъ (№№ 260, 268, 270, 271, 284); двѣ королевскихъ грамоты, которыми король назначаетъ епископа и приказываетъ архіепископу посвятить его (№№ 246, 251), и, изъ періода нѣсколько болѣе поздняго, грамоту короля Сигебрта, запрещающую созваніе собора; наконецъ, очень большое число пожалованій или дарованій иммунитетовъ. Между хартіями частныхъ лицъ назовемъ: завѣщанія св. Ремигія (№ 118) св. Цезарія (№ 139), Аредія (№ 180), Радегунды (№ 192), Бертрамна, крупнаго владѣльца недвижимаго имущества и епископа Манса (№ 230), Бургундофары, Гадоинда, Вигилія, Ансберта, Ирмины (№№ 257, 300, 363, 437, 448); дарственныя грамоты Ансемунда и жены его Анслевбаны, Година и жены его Лантруды, Жирара и жены его Гимберги, Теодетруды, дарственную грамоту Элигія (святого Элоа) въ пользу солиньякскаго монастыря, Эрменберта въ пользу св. Бенигна дижонскаго, Адроальда въ пользу учрежденія бертинскаго монастыря, грамоты Гунтберта, Берхарія, Вульфоальда, Ницетія и жены его Эрментруды и Амальфрида. Добавимъ сюда же акты на раздѣлъ имуществъ между Теодиланой и Мавриномъ (№ 253) и актъ обмѣна земель между двумя аббатами (№ 421).

всѣ такія формулы, хотя и составленныя не въ видахъ сохраненія исторической традиціи, тѣмъ не менѣе полезны историку. Онѣ раскрываютъ его взору порядокъ собственности, состояніе личностей, частное право, судопроизводство, правила администраціи, дворцовые обычаи.

Такіе сборники формулъ были довольно многочисленны; почти каждая провинція составляла свой собственный. Многіе изъ нихъ дошли до насъ. Существуетъ анжерскій сборникъ и еще турскій; сборникъ парижской области, переписанный монахомъ Маркульфомъ; затѣмъ часть буржскаго и овернскій; сансскій сборникъ и два другихъ, мѣсто происхожденія которыхъ нельзя опредѣлить. Ни одинъ изъ нихъ не отмѣченъ годомъ его составленія. Маркульфъ подготовлялъ свой сборникъ между 650 и 656 годами[1]. Надо кромѣ того замѣтить, что если бы намъ и было извѣстно время написанія каждаго изъ нихъ, это не давало бы намъ все-таки возможности установить время, когда сложилась въ отдѣльности каждая формула, такъ какъ онѣ могли быть значительно древнѣе, чѣмъ самый сводъ[2]. Все, что можно утверждать, это что данныя формулы оставались въ употребленіи въ теченіе всего меровингскаго періода, и что

[1] Цеймеръ оспариваетъ это мнѣніе (см. въ его изданіи формулъ стр. 32), но приводитъ очень слабые доводы, которые и были опровергнуты Тардифомъ въ „Revue historique de droit", 1884.

[2] У насъ есть нѣсколько формулъ, которыя заимствованы изъ актовъ, помѣченныхъ датами; такъ первая формула анжерскаго сборника обозначена четвертымъ годомъ царствованія Хильдеберта, то-есть, 515 годомъ; см. у *Giraud*, Droit français au moyen âge, стр. 429 (и за нимъ *E. de-Rozière* и въ его сборникѣ формулъ).

каждая изъ нихъ послужила образцомъ для цѣлыхъ сотенъ актовъ. Въ новыя времена вышли два научныя изданія формулъ меровингской эпохи. Это, во-первыхъ, изданіе Розьера, въ которомъ формулы распредѣлены по содержанію, чтобы можно было себѣ представить рядомъ всѣ виды актовъ, касающіеся одного предмета; во-вторыхъ, изданіе Цеймера, въ которомъ напечатаны отдѣльные сборники формулъ одинъ за другимъ, съ сохраненіемъ въ нетронутомъ видѣ внутренняго распорядка каждаго[1].

Къ хартіямъ можно присоединить надписи. Не слѣдуетъ однако увлекаться надеждою, чтобы меровингскія надписи, въ качествѣ историческихъ документовъ для изученія общественнаго строя, имѣли бы значеніе, равное значенію надписей греческихъ или римскихъ. Онѣ сводятся къ эпитафіямъ и посвященіямъ; онѣ служатъ выраженіемъ почти исключительно только религіознаго чувства, притомъ оно воплощается всегда въ одинаковыхъ терминахъ и излагается тѣмъ расплывчатымъ и напыщеннымъ стилемъ, который былъ свойственъ эпохѣ. Онѣ очень немного говорятъ о соціальномъ положеніи людей и не раскрываютъ передъ нами ни одного учрежденія[2]. До насъ дошло также много монетъ отъ этого времени; но, по странной особенности, онѣ оказываются полезнѣе для географіи, чѣмъ

[1] *E. de-Rozière*, Recueil général des formules usitées dans l'empire des Francs, 1859, 3 тома. — *Zeumer*, Formulae aevi merovingici et Karolini, 1882. Личныя мнѣнія, выраженныя издателемъ въ предисловіяхъ, могутъ быть приняты не иначе, какъ съ оговорками.

[2] *Le Blant*, Inscriptions chrétiennes de la Gaule antérieures au huitième siècle (1856 — 1865). — Меровингскихъ надписей весьма немного въ большомъ сборникѣ „Inscriptions de la France", составленномъ *Guilhermy* и *de Lasteyrie*.

для исторіи. Самое цѣнное замѣчаніе, которое можетъ извлечь изъ изученія ихъ историкъ, заключается въ томъ, что монеты галльской чеканки долгое время воспроизводятъ типы константинопольской имперской монеты или подражаютъ имъ[1].

Съ перваго взгляда кажется удивительнымъ, что среди такого множества документовъ нѣтъ ни одного, который былъ бы написанъ на франкскомъ языкѣ[2]. Литературныя произведенія, законы, хартіи, формулы, надписи и монеты—все это составлено на языкѣ латинскомъ. Но было бы ошибочно заключать отсюда, какъ это дѣлается слишкомъ часто, что исторія Галліи передана намъ устами или трудомъ одного только изъ двухъ племенъ, на которыя распадалось ея населеніе. Латинскій языкъ былъ оффиціальнымъ органомъ сношеній обоихъ племенъ и единственною формою литературы и письменности. Если документъ напечанъ по латыни, это ни коимъ образомъ не доказываетъ, что авторъ его былъ Римляниномъ. Невозможно сказать, къ какой расѣ принадлежалъ тотъ, кого звали Фредегаріемъ, или тотъ, кто написалъ *Gesta Francorum*. Всѣ Житія святыхъ

[1] *A. de Barthélemy*, Manuel de numismatique. — Его же, „Liste des noms de lieux inscrits sur les monnaies mérovingiennes". Его же — „Etude sur les monnayers" (1865).—*Ponton d'Amécourt*, Essai sur la numismatique mérovingienne (1864).—Его же, „Les monnaies du Palais et de l'Ecole" (1862). — *Duchalais*, различныя спеціальныя изслѣдованія въ „Bibliothèque de l'Ecole des chartes" и въ „Mémoires des antiquaires". — *Guérard*, Polyptyque de l'abbé Irminon (предисловіе гл. IV).

[2] До насъ дошло нѣсколько отрывковъ изъ народной поэзіи; одинъ изъ нихъ относится къ походу Хильдеберта I въ Испанію (см. „Bibliothèque de l'Ecole des chartes", I, 1, 321); другой воспѣваетъ походъ Хлотара II на Саксовъ („Vita Faronis", с. 78, у *Mabillon*, Acta ss. ord. S. Bened. II, 617). Оба составлены по латыни.

написаны на латинскомъ языкѣ, между тѣмъ третья часть этихъ святыхъ принадлежала къ германской расѣ; что же касается составителей этихъ біографій, то мы совершенно не знаемъ, были ли они Франками или Римлянами. То обстоятельство, что агіографъ былъ монахомъ, вовсе не предрѣшаетъ еще вопроса о его племенномъ происхожденіи, ибо мы скоро увидимъ, что многіе изъ Франковъ были монахами, а многіе изъ Римлянъ — воинами. Посмотрите на надписи: и Франки, и Римляне завѣщали писать имъ эпитафіи на одномъ и томъ же языкѣ. Франкскіе законы были редактированы на латинскомъ языкѣ; нѣкоторые ученые сдѣлали отсюда заключеніе, что Римляне были составителями или переводчиками такихъ законовъ. Это совершенно ошибочно. Можно ли представить себѣ, чтобы франкскій народъ, изложивъ свои законы на родномъ языкѣ, поручилъ Римлянину сдѣлать ихъ переводъ и затѣмъ тотчасъ же уничтожилъ подлинный текстъ, чтобы судиться и управляться, руководствуясь простымъ переводомъ основныхъ реченій національнаго права. Если франкскіе законы были написаны на латинскомъ языкѣ, это значитъ, что Франки умѣли писать только по латыни. Всѣ наши хартіи написаны по латыни, но одинаково, какъ Франки, такъ и Римляне, производили всѣ эти пожалованія или составляли всѣ эти завѣщанія; что же касается «нотаріевъ», которые ихъ писали, то невозможно узнать, къ какой они принадлежали расѣ. Кто можетъ сказать, Франкъ или Римлянинъ былъ *notarius* Эббонъ, которому Бертрамнъ диктовалъ свое завѣщаніе? Относительно же королевскихъ грамотъ надобно сказать, что имѣющіеся у насъ подписанные и подлинные экземпляры ни въ какомъ случаѣ не представляютъ перевода съ оригинальнаго текста;

однако же, грамоты эти исходили отъ франкскихъ королей и заготовлялись въ совѣтахъ, гдѣ Франки, повидимому, оказывались въ большинствѣ. Франки также преобладали въ королевскомъ судѣ, рѣшенія котораго излагались тѣмъ не менѣе на латинскомъ языкѣ. Всѣ эти замѣчанія показываютъ, что документы наши, хотя и написанные на одномъ языкѣ, не принадлежатъ однако одной только расѣ; они—произведеніе обѣихъ расъ безъ различія, и въ нихъ отражаются учрежденія, право, привычки, нравы и мысли какъ той, такъ и другой.

Сдѣланное нами обозрѣніе различныхъ категорій памятниковъ меровингскаго вѣка, какъ намъ ни пришлось его сократить и ограничить, показываетъ, по крайней мѣрѣ, что у насъ есть въ распоряженіи достаточно источниковъ и средствъ для того, чтобы изучать эту эпоху. Отъ жизни общества того времени сохранилось достаточно слѣдовъ для того, чтобы мы могли описать ея строй и теченіе. Не станемъ поэтому говорить, какъ дѣлаютъ иногда другіе, что намъ извѣстно о Франкахъ только то, что сообщилъ Григорій Турскій, который былъ Римляниномъ и потому «не могъ знать Франковъ». Прежде всего, Григорій, наоборотъ, хорошо зналъ ихъ, а затѣмъ—мы обладаемъ многими другими источниками кромѣ сочиненій Григорія. Не станемъ также утверждать, «что исторія Франковъ передана намъ одними монахами», потому что именно монахи писали о ней всего менѣе. Если они составили большую часть Житій святыхъ, то не писали зато ни историческихъ хроникъ, ни законовъ, ни хартій.

Можно, конечно, сожалѣть о томъ, что тексты наши не болѣе еще многочисленны. Великою утратою является исчезновеніе дворцовыхъ архивовъ, а также семейныхъ

архивовъ частныхъ лицъ изъ свѣтскаго общества. Вслѣдствіе ихъ исчезновенія многіе вопросы навсегда останутся темными. Другая чувствительная потеря—это уничтоженіе городскихъ регистровъ; она обрекаетъ насъ на полное почти незнаніе положенія городского населенія, и, быть можетъ, поэтому нѣсколько новѣйшихъ ученыхъ изображали исторію того времени такъ, какъ будто бы городовъ тогда почти вовсе не существовало.

Слѣдуетъ также дѣлать различіе между исторіею событій и исторіею учрежденій. Меровингскіе документы по природѣ своей благопріятны скорѣе для второй, чѣмъ для первой. Извѣстныя намъ событія воспроизводятъ далеко не всю ихъ непрерывную цѣпь. Мы часто не знаемъ времени смерти короля, и самая послѣдовательность королей не можетъ быть установлена съ полною твердостью. Также обстоитъ дѣло относительно многихъ войнъ—внутреннихъ и внѣшнихъ. Многія событія, которымъ современники придавали, быть можетъ, особенно важное значеніе, совершенно пропали для насъ. Другія представлены намъ безъ всякаго объясненія; третьи кажутся отчетливо описанными, но это изображеніе идетъ отъ одной только изъ сторонъ, которыя были въ нихъ заинтересованы. Намъ извѣстна, напримѣръ, исторія Брунегильды только черезъ ея враговъ; о долгой борьбѣ между святымъ Леодегаріемъ и Эброиномъ мы знаемъ только то, что о ней говорятъ друзья перваго. Въ иномъ положеніи находится изслѣдованіе учрежденій. Они ясно выступаютъ изъ массы разнообразныхъ источниковъ: изъ разсказовъ, въ которыхъ авторъ повѣствуетъ о вещахъ совсѣмъ просто, безъ всякой предвзятой мысли, изъ законовъ, составленныхъ для практическихъ цѣлей жизни, изъ хартій, которыя служатъ воплощеніемъ реально существовавшихъ обычаевъ, живой обстановки стариннаго быта. Свѣдѣнія наши о природѣ королевской власти и ея компетенціи, объ организаціи королевскаго центральнаго правительства, о порядкахъ управленія и налогахъ, о судопроизводствѣ и системѣ наказаній, объ отношеніяхъ церкви къ государству—многочисленны и достаточно ясны [1].

Надобно прочитать документы всѣхъ этихъ категорій—законы, хартіи, формулы, хроники, біографіи,—не пропустивъ ни одного изъ нихъ, потому что ни одна категорія въ отдѣльности не даетъ точнаго понятія объ обществѣ. Онѣ пополняютъ и исправляютъ одна другую. Кто подумалъ бы, что хорошо знаетъ меровингскую эпоху, если изучилъ ее исключительно по законамъ или по хартіямъ, тотъ впалъ бы въ такую же важную ошибку какъ тотъ, кто знакомился бы съ нею по однимъ разсказамъ Григорія Турскаго. Необходимо изучить все съ равнымъ вниманіемъ, потому что историкъ долженъ быть въ состояніи сказать съ полною увѣренностью не только, что есть въ текстахъ, но и опредѣлить также то, чего въ нихъ нѣтъ. Ведя впередъ настоящее изслѣдованіе, мы встрѣтимся съ нѣсколькими мнѣніями новѣйшихъ ученыхъ, которыя не опираются на документы; мы должны будемъ показать, что они не согласны ни съ однимъ текстомъ, и если это намъ удастся, мы не сочтемъ себя вправѣ присоединиться къ нимъ.

Самое чтеніе документовъ ни къ чему не послужитъ,

[1] Мы постараемся ниже приводить всѣ важные тексты по мѣрѣ того, какъ будемъ представлять факты. Обратимъ только вниманіе на то, что цитаты изъ памятниковъ седьмого вѣка могутъ

если мы будемъ приступать къ нему съ предвзятыми мнѣніями; а таково самое обычное зло, которое характеризуетъ научныя изслѣдованія нашего времени. Нужно сказать даже, что именно въ той области исторіи, которую мы избрали спеціальнымъ предметомъ своего труда, то-есть, при изученіи происхожденія Франціи, особенно широко распространены предвзятыя идеи и непровѣренныя утвержденія. Ученые стараго времени хотѣли найти въ далекомъ прошломъ правовыя начала монархіи, Буленвилье искалъ въ древности обоснованія правъ аристократіи, Монтескье — корней свободы. Друзья парламентскаго порядка вполнѣ искренно думали, что открыли въ первоначальномъ франкскомъ устройствѣ систему националь-

смутить сначала читателей, болѣе знакомыхъ съ классической латынью, чѣмъ съ латынью меровингскаго времени. Это языкъ, который надо знать очень точно; достигается же такое знаніе только путемъ долгаго обращенія съ текстами. Значеніе словъ часто оказывается измѣнившимся; напримѣръ, *intentio* значитъ здѣсь судебный процессъ, *suffragium* — покровительство или рекомендація, *solatium*—поддержка или содѣйствіе, *scandalum*—ссора, *hostis*—войско, *electio*—значитъ назначеніе, а не избраніе, если рядомъ не стоятъ слова *a populo*; *testamentum*—обозначало вообще всякій писанный актъ, кромѣ того, что служило для спеціальнаго наименованія завѣщанія; *auctoritas* — это королевская грамота, *plebs*—приходъ, *sacerdos*—епископъ, *parochia*—епархія и т. д. Грамматика тоже измѣнилась; склоненіе уже не то, что было въ эпоху Цицерона. Встрѣчая необычныя окончанія, не надо сразу принимать ихъ за доказательство невѣжества и малограмотности; они связаны съ перемѣнившимися формами рѣчи, свойственными тому времени, и спеціально съ особенностями вновь установившейся системы удареній. Союзы и предлоги мѣняли иногда значеніе; *vel* значило *et*, *cum* употреблялось вмѣсто *ab* или иногда *coram*; *apud* стало на мѣсто прежняго *cum*. Два отрицанія тогда уже не уничтожали одно другое, но усиливали другъ друга.

ныхъ собраній и почти всѣ особенности конституціоннаго или представительнаго строя, то-есть, практику парламентаризма. Другіе стремились усмотрѣть въ старинѣ зародыши новѣйшаго суда присяжныхъ или нѣчто еще болѣе демократическое. Все это происходило потому, что ученые вносили въ изслѣдованіе фактовъ свои собственныя идеи и симпатіи. Особенно сильное вліяніе обнаружило здѣсь одно воззрѣніе, которое въ продолженіе полутораста лѣтъ незамѣтно вкоренялось въ умы и извращало исторію: я имѣю въ виду понятіе о римской Имперіи, какъ о воплощеніи чистаго деспотизма, и о первобытной Германіи, какъ о носительницѣ чистой свободы. Изъ этихъ двухъ положеній—первое наполовину ложно, второе никогда не было доказано. Оба однако въ качествѣ непреложныхъ аксіомъ долго и твердо господствовали надъ умами. Подчиняясь такой теоріи, французскіе ученые говорятъ о римской Имперіи не иначе какъ съ извѣстнымъ отвращеніемъ и, наоборотъ, восхваляютъ Германію, превозносятъ и преувеличиваютъ размѣры и значеніе вторженія Германцевъ и охотно предполагаютъ, что правленіе франкскаго государства было очень свободнымъ. Нѣмецкіе ученые поддавались также своимъ особымъ предубѣжденіямъ; на нихъ лежитъ печать своеобразнаго патріотизма. Извѣстно, что девизомъ такого спеціально ученаго изданія, какъ «*Monumenta Germaniae historica*» являются слова—«Sanctus amor patriae dat animum». Девизъ самъ по себѣ прекрасный, но не онъ, кажется, лучше всего приличествуетъ наукѣ. Выраженное въ немъ чувство не мѣшаетъ, конечно, выясненію истины, когда дѣло идетъ только объ изданіи очень древнихъ текстовъ, но оно уже становится опаснымъ, когда, увлекаясь имъ, историкъ приступаетъ

къ ихъ истолкованію. Взгляните на нѣмецкихъ ученыхъ послѣдняго полустолѣтія: вы будете поражены, до какой степени ихъ историческія теоріи находятся въ полномъ согласіи съ ихъ патріотизмомъ. Вы будете приведены тогда къ вопросу, чтеніе ли текстовъ породило эти построенія, или они выросли скорѣе изъ того врожденнаго чувства, которое жило въ душѣ уже раньше чтенія текстовъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ французскіе изслѣдователи вносили въ изученіе исторіи данной эпохи, свой, главнымъ образомъ, партійный духъ, нѣмцы внесли туда свою любовь къ родинѣ и къ своей расѣ, что выше, быть можетъ, въ нравственномъ отношеніи, но что одинаково искажаетъ истину. Патріотизмъ — это добродѣтель, исторія же — наука; не надо ихъ смѣшивать одинъ съ другою.

Нѣкоторые ученые начинаютъ съ того, что составляютъ себѣ мнѣніе объ изучаемомъ вопросѣ, которое они или скороспѣло заимствуютъ изъ вторыхъ рукъ, или строятъ при помощи собственнаго воображенія и отвлеченнаго разсужденія, и тогда уже приступаютъ къ чтенію текстовъ. Въ такомъ положеніи они сильно рискуютъ или вовсе не понять ихъ, или понять невѣрно. Между текстомъ и предубѣжденнымъ умомъ того, кто его читаетъ, устанавливается родъ несознаваемой борьбы: умъ отказывается схватывать то, что противорѣчитъ его понятіямъ, и въ результатѣ такого столкновенія обыкновенно не умъ сдается передъ очевидностью текста, а скорѣе текстъ какъ бы уступаетъ, пригибается, примѣняется и приспособляется къ предвзятому мнѣнію изслѣдующаго ума. Слишкомъ легко, быть можетъ, было бы сдѣлаться ученымъ, если бы эрудиція не представляла этой высочайшей трудности, —

если бы не требовалось, чтобы умъ оставался безусловно независимымъ и свободнымъ, особенно по отношенію къ самому себѣ. Внесеніе личнаго мнѣнія въ изученіе текстовъ составляетъ отличительную черту субъективнаго метода. Представители его думаютъ, что разсматриваютъ объектъ изслѣдованія, а на самомъ дѣлѣ они разсматриваютъ свои собственныя идеи; они увѣрены, что наблюдаютъ фактъ, а фактъ этотъ сейчасъ же принимаетъ окраску и смыслъ, какіе умъ ихъ хочетъ придать ему. Они читаютъ, какъ имъ кажется, текстъ, а слова этого текста принимаютъ особое значеніе, сообразно съ мнѣніемъ, заранѣе составленнымъ объ изучаемомъ памятникѣ. Именно этотъ субъективный методъ и внесъ всего болѣе путаницы и смуты въ изученіе исторіи меровингской эпохи. Онъ породилъ эти странныя разногласія, которыя замѣчаются у людей, одинаково ученыхъ, одинаково искреннихъ, но поддающихся различнымъ предубѣжденіямъ. Недостаточно, стало быть, чтобы узнать истину о прошломъ, обращаться къ подлиннымъ памятникамъ старины, надобно вчитаться въ тексты прежде, чѣмъ устанавливать себѣ какое-нибудь мнѣніе по изслѣдуемому вопросу.

Многіе думаютъ однако, что хорошо и полезно историку вырабатывать свои предпочтенія, свои «руководящія идеи», которыя являлись бы для него какъ бы высшими принципами работы. Это даетъ, говорятъ, больше жизни и прелести труду; это та соль, которая приправляетъ безвкусіе фактовъ. Думать такъ—значитъ очень ошибаться въ пониманіи самой сущности или природы исторіи. Исторія не искусство, а чистая наука. Она состоитъ не въ томъ, чтобы повѣствовать съ нѣкоторою привлекательностью, или разсуждать съ извѣстнымъ глубокомысліемъ.

Какъ и всякая наука, она требуетъ констатированія фактовъ, ихъ анализа, классификаціи, уясненія связи между ними. Безъ сомнѣнія, возможно, что изъ такой научной исторіи выдѣлится со временемъ извѣстная философская истина; но она должна вытекать изъ нея естественно, сама по себѣ, почти помимо воли историка. Самъ же онъ долженъ полагать свое честолюбіе лишь въ томъ, чтобы хорошо видѣть факты и точно понимать ихъ. Не въ воображеніи своемъ и не въ своей логикѣ долженъ онъ ихъ искать, онъ найдетъ ихъ и достигнетъ ихъ знанія лишь путемъ самаго кропотливаго наблюденія текстовъ, совершенно такъ же, какъ химикъ извлекаетъ свои выводы только изъ результатовъ точно до мелочей веденнаго опытнаго изслѣдованія явленій природы. Единственное искусство историка состоитъ въ томъ, чтобы взять изъ документовъ все, что они содержатъ, и не прибавить ничего такого, чего въ нихъ не заключается. Лучшій изъ историковъ тотъ, который всего ближе придерживается текстовъ, который всего вѣрнѣе толкуетъ ихъ, который пишетъ и даже думаетъ только сообразно съ ихъ данными.

ГЛАВА II.

Королевская власть.

I.

Была ли королевская власть избирательною?

Чтобы познать природу королевской власти при Меровингахъ, надо прежде всего поставить вопросъ, была ли она избирательною или чисто наслѣдственною? Намъ незачѣмъ, впрочемъ, разслѣдовать, состоялось ли нѣкогда, въ исконныя времена первоначальное избраніе «длинноволосой» династіи франкскимъ народомъ. Одна фраза Григорія Турскаго какъ будто намекаетъ на это, и таково было, навѣрно, воспоминаніе или легенда, которая была распространена въ его время среди Франковъ[1]. Но мы приступаемъ къ изученію исторіи франкскаго государства въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ, когда ихъ монархія окончательно уже сложилась, и когда еще не наступалъ ея упадокъ; тутъ то мы и разыскиваемъ, избиралъ ли какимъ-нибудь способомъ франкскій народъ своихъ королей въ этотъ именно промежутокъ времени. Для выясненія даннаго пункта надобно пересмотрѣть всѣ документы.

Если мы обратимся къ Салической Правдѣ, то-есть, первоначальному своду обычаевъ франкскаго народа, который долженъ былъ бы формулировать все древнѣйшее его право, мы ни слова не найдемъ тамъ объ избраніи королей. Произведя то же изслѣдованіе надъ Правдою рипуарскихъ Франковъ или надъ капитуляріями меровингскихъ королей, мы и тамъ не найдемъ закона, въ силу котораго короли были бы избираемы франкскимъ народомъ. Итакъ, оффиціальные документы, притомъ именно до-

[1] *Greg. Tur.* Hist. II, 9: „Tradunt multi eos... in Thoringia... iuxta pagos vel civitates reges crinitos super se creavisse, de prima et ut ita dicam nobiliori suorum familia“.—Достовѣрно, что длинные волосы остались отличительнымъ признакомъ меровингскаго дома; см. *Greg. Tur.* VIII, 10: „A caesarie prolixa cognovi Chlodoveum esse“.—*Ibid.* II, 42: „Vinctos totondit“.—*Ibid.* VI, 24: „Hic diligenti cura nutritus, ut regum istorum mos est, crinium flagellis per terga demissis, litteris eruditus...“—Можно заглянуть еще въ *Vita Leodegarii ab anonymo*, c. 3 (Mabillon, II, 682); *Gesta Francorum* c. 41 и 52; cfr. *Priscus*, Fragmenta, ed. Didot, p. 99, fragm. 16, и *Agathias*, I, 3.

кументы франкскаго происхожденія, вовсе не указываютъ на избраніе. Въ нихъ не найдется даже ни малѣйшаго намека на существованіе такого обычая.

Перейдемъ теперь къ писателямъ и посмотримъ, въ какихъ выраженіяхъ повѣствуютъ они о вступленіи на престолъ каждаго новаго короля. Григорій Турскій разсказываетъ, какъ сдѣлался королемъ Хлодовехъ, или какъ, по крайней мѣрѣ, онъ думаетъ, что Хлодовехъ сдѣлался королемъ, то-есть, какъ говоритъ, о его воцареніи преданіе: «Когда Хильдерихъ умеръ, сынъ его Хлодовехъ, сталъ царствовать вмѣсто него» [1]. Понятіе объ избраніи вовсе не проглядываетъ въ этихъ простыхъ словахъ; Хлодовехъ, какъ сынъ, дѣлается преемникомъ своего отца. Немного дальше Григорій Турскій говоритъ о небольшомъ кельнскомъ королевствѣ Франковъ. Если королевская власть была гдѣ-нибудь избирательною, то это должно было быть именно здѣсь. Историкъ передаетъ, что Хлодовехъ велѣлъ сказать сыну Сигеберта: «Ты видишь, отецъ твой старѣетъ; если онъ умретъ, королевство по праву перейдетъ къ тебѣ [2]». Если слова эти дѣйствительно были произнесены, Хлодовехъ, стало быть, не представлялъ себѣ, чтобы должно было произойти избраніе; если они легендарны, то тѣ люди, которые придумали ихъ и передали Григорію Турскому, не усматривали, чтобы королевская власть была избирательною.

И дѣйствительно, когда Сигебертъ умеръ, сынъ его вступилъ во власть такъ же какъ и во владѣніе

[1] *Gregor. Tur.* II, 27: „Mortuo Chilperico, regnavit Chlodovechus filius eius pro eo“.

[2] *Idem*, II, 40: „Ecce pater tuus senuit; si moreretur, recte tibi regnum illius redderetur“.

казною отца [1]. Его тоже убили, и тогда только, когда не оставалось больше наслѣдника, кельнскіе Франки призвали Хлодовеха себѣ въ короли. Причемъ слѣдуетъ еще замѣтить, что и здѣсь не происходило правильнаго избранія короля цѣлымъ племенемъ, а имѣло мѣсто лишь шумное провозглашеніе его воинами [2]. Такъ же поступаетъ Хлодовехъ съ Франками Харариха и Рахнахара. Въ обоихъ случаяхъ онъ убиваетъ сыновей и братьевъ умершаго короля и потому только, что некому больше управлять этими частями франкскаго народа, Хлодовехъ заявляетъ притязаніе царствовать надъ ними, и его принимаютъ, какъ короля [3]. Всѣ эти примѣры доказываютъ, что, начиная съ далекой эпохи, къ избранію прибѣгали лишь за неимѣніемъ у правящаго дома потомства [4].

[1] *Ibidem*: „Pater meus mortuus est, et ego thesauros cum regno eius penes me habeo“.

[2] *Ibidem:* „Plaudentes tam parmis quam vocibus“.

[3] *Ibidem*, c. 41 и 42.

[4] *Junghans*, Childerich et Chlodovech (см. стр. 124 перевода Monod), преувеличиваетъ и искажаетъ всѣ эти факты, въ интересахъ вывода, который ему кажется правильнымъ. Онъ, кажется ему, ясно видитъ въ источникахъ, что королевская власть даровалась у Франковъ народнымъ избраніемъ. Онъ видитъ это потому, что ему такъ хочется; таково обычное слѣдствіе субъективнаго метода. На самомъ дѣлѣ источники никогда не указываютъ на избраніе новаго короля, разъ у умершаго есть сынъ. У Юнганса держалось въ умѣ предвзятое мнѣніе объ избирательной королевской власти у древнихъ Германцевъ, и онъ разсматривалъ тексты сквозь призму этой идеи. Посмотрите, какъ онъ толкуетъ исторію Рахнахара: „Подданные его, говоритъ онъ, считали себя вправѣ изгнать его“. Между тѣмъ Григорій Турскій (см. II, 42) не утверждаетъ ничего подобнаго; историкъ говоритъ просто, что нѣсколько человѣкъ „было подкуплено подарками Хлодовеха“ для того, чтобы „измѣнить тому, кто былъ ихъ повелителемъ“. Юнгансъ за-

Нѣкоторые ученые, которые составили себѣ мнѣніе, что королевская власть должна была быть непремѣнно избирательною у Франковъ, и которые не могли однако въ то же время не знать, что у Меровинговъ, она всегда была наслѣдственною, высказывали соображеніе, что Франки имѣли право избирать своихъ королей лишь изъ числа членовъ одной и той же фамиліи. Теорія эта, можетъ быть, остроумна, но бѣда въ томъ, что не только нельзя привести ни одного текста въ ея подтвержденіе, но она прямо опровергается фактами, такъ какъ при смерти каждаго короля мы видимъ, что наслѣдуетъ ему не какой-нибудь родственникъ, а всегда сынъ его; если же ихъ нѣсколько, то всѣ сыновья дѣлятъ наслѣдіе, а за неимѣніемъ сыновей наслѣдуетъ братъ. Таковъ правильный порядокъ, и онъ не позволяетъ думать, чтобы каждый разъ происходило избраніе.

Хлодовехъ оставилъ четырехъ сыновей. Если бы франкскій народъ обладалъ правомъ избранія королей, мы увидѣли бы его собирающимся для избранія одного изъ четырехъ. Не произошло однако ничего подобнаго. Григорій Турскій не упоминаетъ ни о какомъ собраніи. Онъ не произноситъ даже имени франкскаго народа: «Когда Хлодовехъ умеръ, его четыре сына взяли государство и раздѣлили его между собою» [1]. Раздѣлили они его «на равныя части», *aequa*

мѣнилъ, такимъ образомъ, показаніе текстовъ личными своими впечатлѣніями.

[1] *Gregor. Tur.* III, 1: „Defuncto Chlodovecho quatuor filii eius regnum eius accipiunt, et inter se aequa lance dividunt“.— Нѣкоторые мало внимательные изслѣдователи ухватятся здѣсь сейчасъ же за слово *accipiunt*, понявъ его въ смыслѣ „получа-

lance. Вотъ слова, которыя совсѣмъ устраняютъ всякую мысль объ избраніи [1]. Ясно, что въ этомъ столь важномъ актѣ раздѣла государства короли не совѣщаются съ народомъ франкскимъ, и что послѣдній не вмѣшивается въ дѣло. Не народъ рѣшалъ, будутъ ли дѣлить его на части; не онъ опредѣлялъ долю каждаго изъ наслѣдниковъ; отдѣльныя группы франкскаго населенія не выбирали себѣ сами короля.

Умираетъ одинъ изъ четырехъ братьевъ, и опять населеніе его королевства не выбираетъ ему преемника. Увѣренность въ томъ, что королевство по праву переходитъ къ двумъ его сыновьямъ, до такой степени велика, что дяди этихъ дѣтей убиваютъ ихъ для того,

ютъ“, то-есть, получаютъ отъ народа. Это слово между тѣмъ не имѣетъ такого значенія; кромѣ того, что должно бы было стоять— *accipiunt a populo*, *accipiunt a Francis*, слово *accipere*, синонимъ *capere*, значитъ—взять, занять. Такимъ образомъ, Григорій, желая сказать, что Хильперихъ завладѣлъ богатствами раньше своихъ братьевъ, говоритъ: „Thesauros accepit“, взялъ сокровища (IV, 22). Въ другомъ мѣстѣ (VIII, 21), онъ сообщаетъ о людяхъ, которые похитили драгоцѣнные предметы и убѣжали („acceptis rebus, fugere coeperunt“): тутъ ясно видно, что *acceptis* значитъ *captis*. См. еще: „Король оставилъ Ингобергу и взялъ Мерофледу“ („Merofledem accepit“, IV, 26). Тотъ же смыслъ слова *accipere*, синонима *capere*, находимъ во многихъ другихъ текстахъ. См. напр. *Vita Remigii*, 31: „Accepit rex franciscam eius et proiecit in terram“. *Ibidem*, 68: „Accepit cervisiam in vasculis... accipiens pulverem“.—*Vita Arnulfi a coaevo*, c. 7; „Annulum quem secum gerebat accepit et in fluvium proiecit“. Встрѣчается выраженіе— „accipere latronem“—взять вора. (См. капитул. Карла Лысаго, 853 г. изд. Walter, стр. 52).

[1] Въ выраженіи „aequa lance“ *lanx*, обозначаетъ чашку вѣсовъ. *Aequa lance* было очень обычнымъ у Римлянъ реченіемъ, особенно въ области права. Оно нѣсколько разъ встрѣчается у Григорія Турскаго и въ меровингскихъ формулахъ. Чаще всего оно примѣняется къ раздѣламъ наслѣдства въ частномъ правѣ.

чтобы завладѣть ихъ наслѣдствомъ и «раздѣлить его между собою» [1]. Хильдебертъ умираетъ бездѣтнымъ; братъ его «беретъ его королевство и его богатства» [2]. Въ восточномъ королевствѣ, какъ болѣе германскомъ по составу населенія, также не замѣтно, чтобы происходило избраніе по смерти Теодериха. Правда, что два его брата пытались устранить отъ престола его сына, но послѣдняго «поддерживаютъ его подданные и утверждаютъ на королевскомъ престолѣ» [3]. Самая борьба эта доказываетъ отсутствіе права избранія. Австразійцы защищаютъ тутъ принципъ наслѣдственнаго права.

«Теодебертъ умеръ, и сынъ его Теодебальдъ сталъ царствовать вмѣсто него» [4]. Надо здѣсь къ тому же отмѣтить, что новый король былъ еще ребенкомъ [5]; однако, несмотря на это, все таки не видно, чтобы кто-нибудь оспаривалъ у него наслѣдство. Онъ умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ, но даже и въ этомъ случаѣ мы не видимъ, чтобы народъ австразійскій прибѣгъ къ избранію. Королевство перешло къ ближайшему родственнику, Хлотару I, и Австразія безъ спора покорилась королю Нейстріи [6].

[1] *Greg. Tur.* III, 18: „Regnum Chlodomeris inter se aequa lance dividunt“.

[2] *Ibidem*, IV, 20: „Cuius regnum et thesauros Chlotacharius accepit“.

[2] *Greg. Tur.* III, 23.

[4] *Ibidem*, III, 37: „Mortuo Theodeberto, regnavit Theodebaldus filius eius pro eo“. — Cfr. *Marius Avent.*: „Theodebertus rex obiit et sedit in regno eius Theodebaldus filius ipsius“.—*Vita Mauri*, c. 57 (Mabillon, Acta ss. I, 295): „Theodebertus Theodebaldo filio suo sedem regni post se dereliquit“.

[5] *Ibidem*, IV, 6: „Rex vero parvulus est“.

[6] *Greg.* IV, 9: „Regnum eius Clotacharius accepit“.—*Marius Avent.*: „Theodebaldus obiit et obtinuit regnum eius Chlotacharius

Умираетъ Хлотаръ I. Видимъ ли мы послѣ этого, что народъ собрался и выбиралъ короля между четырьмя оставленными имъ сыновьями? Вовсе нѣтъ. Не происходитъ никакого собранія. Четыре брата дѣлятъ королевство и получаютъ части по жребію [1]. Это метаніе жребія—принципъ, совершенно противоположный избранію. Такъ какъ жребій рѣшилъ, какая кому достанется часть королевства, то очевидно, что жребій же опредѣлилъ каждому изъ Франковъ, какому королю онъ будетъ повиноваться.

Надо тутъ отмѣтить одну любопытную особенность: «Четыре брата, говоритъ Григорій Турскій, произвели раздѣлъ согласно закону» [2]. Не надо упускать изъ вида этихъ словъ. О какомъ законѣ идетъ тутъ рѣчь? Есть ли это основной законъ о государственномъ устройствѣ? Мы не знаемъ такого, который бы относился къ данному предмету. Между источниками меровингской эпохи нѣтъ ни одного, въ ко-

patruus patris eius“. Надо ли говорить, что въ латинскомъ языкѣ слово *obtinere*, синонимъ съ *tenere*, не имѣетъ спеціальнаго смысла французскаго *obtenir* и означаетъ просто „держать, занять“. Григорій говоритъ въ томъ же смыслѣ *regnum tenere* (V, 1).

[1] *Greg.* IV, 22: „Divisionem legitimam faciunt, deditque sors Chariberto regnum Childeberti“.

[2] О смыслѣ слова *legitimus* надо смотрѣть *Gaius*, II, 35—36; *Ulpian.* XIX, 13; *Cod. Theod.* II, 6, 4. Слово это сохраняетъ то же значеніе послѣ вторженій варваровъ и остается синонимомъ съ выраженіемъ *secundum legem*. См. напр. *Lex Salica emendata* XIV, 16: „legitimi heredes“; cfr. *ibidem*, L, 2 и 6: „legitimum debitum... secundum legem debitum“.—*Lex Ripuaria*, LVI: „legitimo termino noctium; legitimus numerus testium“. То же самое наблюдается въ формулахъ; см. напр. *Marculf.* II, 1: „legitima successio“; *Senonicae*, app. 1: „legitima hereditas“; *Andegavenses*, 47: „legitimus auctor“; *Turonenses*, 2: „legitima instrumenta“.

торомъ бы упоминалось о законѣ, писанномъ или неписанномъ, устанавливавшемъ будто бы порядокъ передачи королевской власти. Григорій Турскій, говоря, что четыре брата дѣлятъ королевство по закону, подразумѣваетъ законъ гражданскій, законъ частнаго права, устанавливающій порядокъ наслѣдованія между частными лицами.

Раскроемъ въ самомъ дѣлѣ оба свода, въ которыхъ содержится частное право Франковъ, — Салическую Правду и Правду Рипуарскую. Въ Салической Правдѣ есть глава «О наслѣдованіи» [1], глава, нужно признать, очень недостаточная и краткая; но изъ нея мы можемъ все таки уловить правила франкскаго права наслѣдованія: «Если человѣкъ умираетъ, не оставивъ послѣ себя сына, будетъ наслѣдовать его мать; если матери нѣтъ въ живыхъ, то братъ его или сестра, потомъ боковые родичи сообразно со степенью ихъ родства» [2]. Мы ясно видимъ отсюда, что сынъ наслѣдуетъ раньше всякаго другого лица [3]. И такъ какъ въ Правдѣ употребляется множественное число, *filios*, то мы можемъ полагать, что наслѣдуютъ всѣ сыновья безъ всякаго права старшинства; это въ самомъ дѣлѣ подтверждается большимъ числомъ меровингскихъ хартій и формулъ, изъ которыхъ видно, что сыновья дѣлятъ между собою наслѣдіе, притомъ на равныя части [1]. Только за неимѣніемъ сына наслѣдство переходитъ къ боковымъ родственникамъ. Но послѣдній параграфъ той же главы заключаетъ оговорку: земля никогда не достается женщинамъ и переходитъ лишь къ наслѣдникамъ мужескаго пола [2]. Такъ, дочь покойнаго, мать его, сестра, всѣ боковые родственники женскаго пола исключаются изъ участія въ наслѣдованіи земельнаго имущества и могутъ разсчитывать лишь на долю въ движимостяхъ. Рипуарская Правда содержитъ такія же постановленія [3].

Указанные законы относятся къ области частнаго права. Это не политическіе законы. Въ нихъ не говорится о королевской власти; о ней не упоминается ни въ цитированныхъ двухъ главахъ, ни въ тѣхъ, которыя предшествуютъ имъ или слѣдуютъ за ними. Слова *si quis*, наконецъ, съ которыхъ начинаются обѣ главы, достаточно показываютъ, что рѣчь идетъ о какомъ-нибудь частномъ лицѣ, а не о королѣ.

Легко однако усмотрѣть, что эти частноправовыя постановленія примѣнялись и къ королевской власти. Франкское право разсматривало королевскую власть,

[1] *Lex Salica*, изд. Behrend, tit. 59; изд. Hessels, col. 379—386: „De alodis“.—*Emendata*: „De alode“. Слово, изъ котораго произошелъ терминъ „аллодъ“, не означало въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ ничего другого, кромѣ наслѣдованія и именно наслѣдованія по закону (ab intestato), а не по завѣщанію.—Cfr. *Lex Ripuaria* (Codices B) tit. 58: „De alodibus“.

[2] *Ibidem*: „Si quis mortuus fuerit et filios non dimiserit...“

[3] Cfr. *Edictum Chilperici*, 3 (Behrend, стр. 106): „Quamdiu filii advixerint, terram habeant, sicut lex salica habet“.

[1] См. напримѣръ. въ сборникѣ формулъ *Rozière*, №№ 123—126 и въ *Diplomata* „testamentum Bertramni“ и „charta Burgundofarae“.

[2] *Lex Salica*, LIX, 5: „De terra vero nulla in muliere hereditas non pertinebit, sed ad virilem sexum tota terra pertineat“.—Въ нѣсколькихъ текстахъ сказано *terra salica*; мы вернемся еще къ этому вопросу.

[3] *Lex Ripuaria*, LVI, 4; „Dum virilis sexus exstiterit, femina in hereditatem aviaticam non succedat“. — Термины здѣсь не совсѣмъ тѣ же, что въ Салической Правдѣ; *terra* или *terra salica* Салической Правды въ Рипуарской замѣнена словами *hereditas aviatica*. Оба выраженія обозначали, вѣроятно, одно и то же, именно вотчинную землю.

какъ вотчинную собственность. Поэтому и тутъ наслѣдованіе происходило согласно тѣмъ же правиламъ, которыми руководствовались при передачѣ недвижимаго имущества между частными лицами. Если у короля былъ только одинъ сынъ, онъ съ полнымъ правомъ получалъ все королевство. Если ихъ было нѣсколько, они дѣлили его на равныя части. Если были дочери, онѣ исключались изъ наслѣдованія. Такова, въ самомъ дѣлѣ, *divisio legitima*, о которой говоритъ Григорій Турскій. Хлотаръ I оставилъ четырехъ сыновей и одну дочь. Дочь не получила никакой части при раздѣлѣ недвижимаго имущества, то-есть, королевства; сыновья же подѣлили его между собою и для достиженія возможно полной справедливости получили части по жребію.

«Послѣ смерти Сигеберта сынъ его Хильдебертъ сталъ царствовать на его мѣстѣ»[1]. Это былъ пятилѣтній ребенокъ, но онъ былъ естественнымъ наслѣдникомъ. Равнымъ образомъ Хлотаръ II, будучи четырехъ только мѣсяцевъ отъ роду, безъ спора наслѣдовалъ отцу своему Хильпериху. Когда Хильдебертъ умеръ, два сына его, Теодебертъ и Теодерихъ, находившіеся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, унаслѣдовали его королевство. Народъ при этомъ не собирался. Королевство состояло изъ Бургундіи и Австразіи, и дѣти метали жребій. Не страны эти сами выбрали себѣ короля, а жребій опредѣлилъ, что Бургундія достанется Теодериху, а Австразія Теодеберту[1].

[1] *Greg. Tur.* IV, 52: „Mortuo Sigiberto, regnavit filius eius Childebertus pro eo“. — *Marius Avent.* „Sigibertus interfectus est, et suscepit regnum eius Childebertus“.—Григорій разсказываетъ дальше, что, такъ какъ Хильдебертъ былъ въ это время въ рукахъ Хильпериха, то одинъ подданный его отца тайно похитилъ его, привезъ въ Австразію, и, собравъ всѣхъ жителей страны, „возвелъ его въ короли“ (V, 1). Нѣтъ ничего въ этомъ выраженіи, что подразумѣвало бы избраніе. Скоро мы увидимъ, какова была церемонія, посредствомъ которой „возводили“ въ короли. Отмѣтимъ только, что Хильдебертъ сталъ королемъ (IV, 52) уже раньше ея совершенія (V, 1).—Кромѣ того, Григорій сообщаетъ, что „именитые люди“ Суассона и Мо (Meaux) обратились къ Хильдеберту и сказали ему: „Дай намъ въ короли одного изъ твоихъ сыновей для того, чтобы мы служили ему“ (*Greg.* IX, 36). Это нѣчто, совсѣмъ непохожее на избраніе, оно составляетъ даже полную противоположность такого порядка: „da nobis unum de filiis tuis“. Григорій же, который разсказываетъ объ этомъ, былъ современникомъ, хорошо посвященнымъ во все, что дѣлалось при дворѣ Хильдеберта.

Всѣ приведенные факты передаются намъ людьми, которымъ они были хорошо извѣстны. Мы могли бы опасаться, что Григорій Турскій, происходившій изъ римской семьи уроженцевъ Оверни, не былъ достаточно посвященъ во франкскіе обычаи. Но на самомъ дѣлѣ онъ, будучи епископомъ Тура, часто вмѣшивался въ общественныя дѣла; онъ находился въ сношеніяхъ со многими Франками и часто бывалъ при дворѣ королей. Если бы королевская власть была избирательною, онъ не могъ не знать этого; каждое избраніе вызывало бы даже въ немъ, конечно, настолько большой интересъ, что онъ относился бы къ такимъ фактамъ очень внимательно и сообщалъ бы о нихъ какъ о событіяхъ, достойныхъ быть отмѣченными историкомъ. Онъ лично зналъ нѣсколькихъ изъ королей, о которыхъ говоритъ, и хорошо представлялъ себѣ, какъ они сдѣлались королями. Фредегарій, или тотъ, кого принято называть этимъ именемъ, былъ не менѣе хорошо освѣдомленъ о томъ, что происходило въ Бургундіи. Авдоенъ, первый

[1] *Fredegarii Chronicon*, c. 16: „Childebertus defunctus est; regnum eius filii sui Teudebertus et Teudericus adsumunt. Teudebertus sortitus est Auster“.

составитель житія святого Элигія, жилъ при дворѣ Дагоберта I; онъ не могъ не знать, какъ государь этотъ достигъ престола, но и онъ не упоминаетъ ни о какомъ избраніи [1].

Итакъ, въ теченіе всего шестого вѣка, совершенно незамѣтно, чтобы народъ франкскій вмѣшивался въ возведеніе на престолъ своихъ королей путемъ избранія ихъ. Новѣйшіе ученые, надъ умомъ которыхъ господствуетъ предвзятое представленіе о широкихъ народныхъ вольностяхъ, могутъ ставить какія угодно предположенія: но послѣднія не имѣютъ никакого научнаго значенія. Тексты вовсе не говорятъ ни о народныхъ собраніяхъ, имѣвшихъ цѣлью избраніе короля, ни о короляхъ, которые были бы избраны. Королевская власть всегда передавалась, какъ и всякое другое наслѣдство, согласно обычаямъ частнаго права. Умиралъ король, и все происходило такимъ же порядкомъ, какъ если бы дѣло касалось частнаго лица; казну и власть наслѣдовали, какъ вотчинную собственность. Наслѣдство безъ всякаго спора переходило къ сыну, хотя бы онъ былъ малолѣтнимъ.

Въ литературныхъ памятникахъ того времени встрѣчается множество чертъ, изъ которыхъ можно представить себѣ не только совершавшіеся тогда матеріальные факты, но и понять сокровенныя мысли людей. Идея, что они считали себя вправѣ избирать своихъ королей, нигдѣ не высказана; противоположная же идея высказывалась не разъ. Такъ нѣкій Мундерихъ, стремившійся къ престолу, не требуетъ избранія, а говоритъ: «Я происхожу изъ королевской семьи, значитъ тронъ—мое право, я такой же король, какъ король Теодерихъ [2]». Еще любопытнѣе тотъ фактъ, что король Теодерихъ не могъ, какъ кажется, ничего возразить на эти доводы. Онъ велѣлъ сказать: «Докажи только, что ты принадлежишь къ королевской семьѣ, и ты получишь слѣдуемую тебѣ часть королевства [1]». Ясно видно отсюда, что ни Мундерихъ, ни король Теодерихъ не думали, что королевская власть избирательная. Позднѣе, другой узурпаторъ, Гундобальдъ, назвалъ себя сыномъ Хлотара и требовалъ «слѣдуемой ему части королевства [2]». Онъ не говорилъ: «я соберу народъ для того, чтобы онъ избралъ меня»; онъ заявлялъ: «такъ какъ я сынъ короля, то я такой же король, какъ братъ мой Гунтрамнъ [3]». И люди, передъ которыми онъ явился, не оспаривали этого принципа; они только требовали отъ него доказательства того, что онъ дѣйствительно сынъ Хлотара [4].

[1] *Vita Eligii*, I, 9.

[2] *Greg.* III, 14: „Mundericus, qui se parentem regium adse-

rebat ait: sic mihi solium regni debetur ut Theodorico... rex sum
ego sicut et ille“.—Продолженіе отрывка показываетъ, что Мун-
дерихъ заставилъ нѣсколькихъ крестьянъ признать его коро-
лемъ и слѣдовать за нимъ. Это не есть избраніе.

[1] „Si tibi aliqua de dominatione regni nostri portio debetur, accipe“.

[2] *Greg. Tur.* VII, 32: „Dicit se filium esse Chlotacharii...
ut debitam portionem regni sui recipiat...“ — VII, 27: „Ego sum fi-
lius Chlotacharii et partem regni sum praecepturus“.

[3] *Greg.* VII, 27 и 36: „Ego sum filius Chlotacharii... Ego sum
rex sicut et frater meus Guntramnus“.

[4] *Idem*, VII, 27: „Filium te esse asseris Chlotacharii regis; sed
utrum sit verum annon, ignoramus“.—Надо остерегаться, какъ бы не
впасть въ заблужденіе, невѣрно истолковавъ то, что можетъ пока-
заться вытекающимъ изъ текста. У Григорія Турскаго читаемъ
(VII, 34) слѣдующія слова Гундобальда: „Noveritis me cum om-
nibus qui in regno Childeberti habentur electum esse regem“.—Сна-
чала можетъ показаться, будто Гундобальдъ утверждаетъ, что
онъ былъ избранъ австразійскимъ народомъ; но присмотримся
ближе къ тексту, и мы подмѣтимъ два противорѣчія такому

У насъ есть текстъ анделотскаго трактата, то-есть, договора, заключеннаго въ 585 году тремя государями—Гунтрамномъ, Хильдебертомъ и Брунегильдой [1]. Въ одной изъ статей этого договора Гунтрамнъ обѣщаетъ, что, когда Хильдебертъ умретъ, «онъ оставитъ все королевство отца во владѣніи двухъ его сыновей.» Онъ не говоритъ: если народъ выберетъ ихъ королями. Онъ знаетъ, что когда отецъ умираетъ, само собой разумѣется, что наслѣдуютъ ему его два сына. Больше того: предвидится рожденіе третьяго сына и Гунтрамнъ обѣщаетъ, что и тотъ получитъ свою часть королевства [2]. Право на престолъ признано такимъ образомъ даже для неродившагося еще сына.

Бертрамнъ напоминаетъ въ своемъ завѣщаніи, что «городъ его долженъ по закону достаться Хлотару», не въ силу избранія, «но какъ часть отцовскаго наслѣдства [3]». Бертрамнъ же этотъ слишкомъ близко стоялъ

толкованію: прежде всего, перечтя предшествующія главы, мы ясно увидимъ, что при этомъ не было никакого собранія и никакого избранія; кромѣ того, Гундобальдъ и не былъ никогда признанъ королемъ австразійцами; король Австразіи направилъ его, наоборотъ, противъ Гунтрамна, короля Бургундіи. Гундобальдъ хочетъ сказать, что союзникъ его Хильдебертъ и всѣ вельможи Хильдеберта признали его не своимъ королемъ, а королемъ Бургундіи. — Мы вернемся еще къ смыслу слова *eligere* на языкѣ того времени.

[1] Нельзя усомниться въ подлинности этого документа, по крайней мѣрѣ, что касается его сущности. Самъ Гунтрамнъ отдалъ его въ руки Григорія Турскаго. *Greg.* IX, 20: „Haec nobis loquentibus, rex pactionem ipsam relegi coram adstantibus iubet Exemplar pactionis".

[2] *Ibidem*, IX, 20: „Si contigerit Childebertum de hac luce migrare, filios suos Theodebertum et Theodoricum reges, vel si adhuc alios ipsi Deus dare voluerit, sub sua tuitione recipiat, ita ut regnum patris eorum sub omni soliditate possideant".

[3] *Testamentum Bertramni*, въ *Diplomata*, изданіе Pardessus, № 230, t. 1, стр. 201: „Civitas Cenomanis legitimo ordine domno Chlotario ex hereditate patris sui debuit pervenire".

къ общественнымъ дѣламъ, чтобы не знать, какіе были у Франковъ дѣйствующіе законы.

Не мѣшаетъ замѣтить, что не было спеціальныхъ законовъ для сѣвера или юга, для востока и запада франкской земли. Бертрамнъ говоритъ о городѣ Мансѣ такъ же, какъ Гунтрамнъ говорилъ объ Австразіи. Франки, жившіе около Турнэ, также не имѣютъ особаго права; они не избираютъ, не производятъ сами раздѣловъ государства; они подчиняются тому изъ братьевъ, кого укажетъ жребій для царствованія въ Турнэ [1].

Королевское достоинство было до такой степени наслѣдственнымъ, что всякій сынъ короля принималъ этотъ титулъ съ своего рожденія. Королевскій сынъ былъ королемъ, не дожидаясь освобожденія престола или выраженія народной воли [2].

[1] Это вытекаетъ изъ сближенія двухъ мѣстъ Григорія Турскаго—III, 1 и IV, 22: „Dedit sors Chilperico regnum Chlotacharii patris eius".—Тотъ фактъ, что нѣкоторое число Франковъ оставило позднѣе Хильпериха, чтобы перейти на сторону Сигеберта, представляетъ лишь случайное мѣстное явленіе, которое не требуетъ предположенія о существованіи постояннаго народнаго права; кромѣ того, эти Франки, о которыхъ говоритъ Григорій (IV, 52), не были жителями Турнэ: они принадлежали къ королевству Хильдеберта стараго, то-есть, къ королевству парижскому (ср. III, 1; IV, 22; IV, 52). Франки изъ Турнэ до конца повиновались Хильпериху, которому ихъ отдалъ жребій.

[2] Григорій Турскій называетъ *reges* королевскихъ сыновей раньше, чѣмъ они царствовали: II, 42; III, 22; IV, 13; V, 50; IX, 20; IX, 40.—Титулъ *regina* давался всякой королевской дочери; поэтому то мы видимъ, что Хродіельда, дочь Хариберта, и Базина, дочь Хильпериха, никогда не бывшія замужемъ, ни та, ни другая, никогда не царствовавшія и рано сдѣлавшіяся монахинями, называли себя тѣмъ не менѣе королевами: *reginae su-*

Королевская власть была не только отцовскимъ наслѣдіемъ, передававшимся по обычнымъ законамъ; ее можно было даже отказывать по завѣщанію или при помощи простого объявленія своей воли, какъ это дѣлалось относительно вотчинъ. Король Гунтрамнъ призвалъ племянника своего Хильдеберта и сказалъ ему: «Я отдаю тебѣ все мое государство; области мои будутъ принадлежать тебѣ, какъ собственность; возьми ихъ въ свое владѣніе; ты одинъ будешь моимъ наслѣдникомъ; я лишаю наслѣдства всѣхъ остальныхъ». И онъ вложилъ въ руку ему копье въ знакъ передачи королевства [1]. Гунтрамнъ не совѣщался заранѣе съ народомъ. Немного позднѣе онъ созвалъ только воиновъ, но лишь для того, чтобы сказать имъ: «Вотъ король, которому вы должны повиноваться съ этихъ поръ» [2].

Король могъ при жизни раздѣлить королевство, какъ отецъ семейства заранѣе раздѣлялъ наслѣдство. «Хлотаръ раздѣлилъ королевскую власть съ сыномъ своимъ Дагобертомъ и поставилъ его королемъ надъ австразійцами» [3]. Ни однимъ словомъ не указывается къ тому же, чтобы австразійцы просили его быть ихъ королемъ, или чтобы они избрали его, или хотя бы что съ ними совѣщались.

mus (*Greg*. IX, 40). Равнымъ образомъ Фортунатъ называетъ королевой Хродозинту (*Vita Germani*, 21).

[1] *Greg. Tur.* Hist. VII, 33: „Rex Guntchramnus, data in manu regis Childeberti hasta, ait: Hoc est indicium, quod tibi omne regnum meum tradidi. Omnes civitates meas, tanquam tuas proprias, sub tui iuris dominationem subice... Tu enim heres in omni regno meo succede, ceteris exheredibus factis".

[2] *Ibidem*: „Rex est cui vos nunc deservire debetis".

[3] *Fredegarii Chronicon*, 47: „Dagobertum filium suum consortem regni fecit eumque super Austrasios regem instituit".

Дагобертъ въ свою очередь «возвелъ сына своего въ короли австразійцевъ». Хроникеръ прибавляетъ, что онъ сдѣлалъ это съ большою торжественностью, на собраніи епископовъ и вельможъ, давшихъ ему свое одобреніе. Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, кто такіе были эти сановники. Авторъ не имѣетъ въ виду во всякомъ случаѣ народа, который объявлялъ бы свою волю [1].

Документы никогда не говорятъ о народныхъ собраніяхъ, которыя производили бы выборъ короля. Не удается найти ни одного указанія вообще на собраніе, которое совѣщалось бы о вопросахъ государственной жизни, подавало бы голоса въ пользу того или иного рѣшенія, сколько бы ни искали ихъ въ источникахъ. Обнаруживается иногда, что братья оспариваютъ другъ у друга королевство вмѣсто того, чтобы дѣлить его; но даже тогда не обращаются они къ рѣшенію народа. Они привлекаютъ какъ можно больше воиновъ на свою сторону,—но воины эти никогда не являются въ видѣ франкскаго народа, который отправлялъ бы функціи верховной власти.

Въ седьмомъ вѣкѣ появились нѣкоторыя нововведенія. Дѣлались попытки, имѣвшія ввиду уничтожить систему раздѣловъ государства между братьями. Съ другой стороны, случалось нѣсколько разъ, что население какого-нибудь королевства распадалось въ гражданскихъ войнахъ на группы, изъ которыхъ одна признавала одного короля, другая другого. Но никто не думалъ при этомъ объ уничтоженіи наслѣдственности или объ установленіи правильныхъ выборовъ.

Хроника, называемая хроникой Фредегарія, пе-

[1] *Fredegarii Chronicon*, ibidem: „Cum consilio pontificum seu et procerum omnibusque primatibus regni sui consentientibus"

редаетъ, какъ по смерти Хлотара II Дагоберту, бывшему уже королемъ Австразіи, удалось лишить брата своего наслѣдства Нейстріи. «Онъ приказалъ сначала всѣмъ воинамъ взяться за оружіе и послалъ своихъ людей въ Нейстрію и Бургундію, чтобы заставить эти страны также склониться подъ его власть, отвергнувъ власть его брата [1]. Онъ прибылъ вскорѣ въ Суас-

[1] *Ibidem*, 56: „Missos in Burgundia et Neuster direxit ut suum deberent regimen eligere". — Тутъ встрѣчается слово — *eligere*, которое обмануло нѣкоторыхъ ученыхъ; при первомъ взглядѣ кажется, что оно указываетъ на избраніе. Но всякому, нѣсколько знакомому съ латинскимъ языкомъ, прекрасно извѣстно, что *eligere* никогда не значило „избирать", даже во времена римской республики. Юридическая идея избранія никогда не воплощалась въ этомъ словѣ, и не къ нему прибѣгали, когда говорили объ избраніи магистратовъ. Оно обозначало простой выборъ, рѣшеніе, предпочтеніе, принимаемое часто даже однимъ лицомъ. Въ немъ не содержалось понятія подачи или подсчета избирательныхъ голосовъ. Слово это сохранило прежнее свое значеніе въ седьмомъ вѣкѣ и не вызывало въ умѣ того представленія, которое соотвѣтствуетъ теперь слову „избирать". Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Житіи св. Гауденція, гл. 16 (*Acta ss.* январь, III, стр. 33) мы видимъ, какъ, чувствуя приближеніе смерти, одинъ епископъ выбираетъ себѣ преемника, одинъ и совершенно самостоятельно; писатель обозначаетъ это дѣйствіе словами *sua electio*, его выборъ. Составитель житія св. Бонита, гл. 4 (*Ibidem*, январь, II, 352), желая сказать, что король назначилъ это лицо префектомъ Марсели, говоритъ — *electus est*. Въ *praeceptio Chlotarii*, c. 2 (Boretius, p. 21), читаемъ: „Ut nullus episcoporum se vivente eligat successorem". Подобные примѣры безчисленны; они показываютъ, что *eligere* имѣло немного расплывчатое значеніе, не обозначая точно того, что подразумѣваемъ мы нынѣ подъ словомъ избраніе; послѣднее значеніе оно получало лишь въ томъ случаѣ, когда за нимъ слѣдовало *a populo*, *a civibus*. Григорій Турскій, говоря о восшествіи на константинопольскій престолъ императора Тиберія, выражается такъ (V, 20): „Populi Tiberium Caesarem elegerunt". Но онъ не хочетъ сказать, что населеніе имперіи прибѣгло

сонъ; всѣ епископы и воины Бургундіи и большая часть епископовъ и вельможъ Нейстріи подчинились ему; такимъ образомъ, онъ завладѣлъ всѣмъ королевствомъ Хлотара; изъ сожалѣнія онъ однако уступилъ своему брату земли къ югу отъ Луары [1]. Можно замѣтить, что разсказъ этотъ вызываетъ картину, противоположную правильному избранію, которое должно бы было производиться народнымъ собраніемъ. Одни знатные, каждый особо выражаютъ свое предпочтеніе, только они лично «отдаютъ себя» новому королю. Надо замѣтить еще, что королю не при-

къ правильному избранію, ни также, что императорское достоинство было избирательнымъ. Новѣйшіе ученые, воображая при одномъ видѣ слова *eligere*, что происходилъ непремѣнно выборъ въ собраніи народа, впадали часто въ ошибки рѣзко искажавшія историческую дѣйствительность. Фредегарій въ выше приведенномъ мѣстѣ говоритъ, что Дагобертъ послалъ своихъ агентовъ въ Нейстрію и Бургундію „для того, чтобы побудить жителей этихъ странъ предпочесть его брату". Надо однако замѣтить, что онъ не направляетъ ихъ при этомъ ни къ собранію, ни къ народу; въ разсказѣ автора нѣтъ ничего подобнаго; король обращается къ отдѣльнымъ лицамъ. Это главнымъ образомъ епископы и вельможи.

[1] *Ibidem*: „Suessionas accedens omnes pontifices ac leudes de regno Burgundiae inibi se tradidisse noscuntur, et Neustrasii pontifices et proceres plurima pars regnum Dagoberti visi sunt expetisse. Charibertus nitebatur si potuisset regnum adsumere, sed eius voluntas pro simplicitate parum sortitum effectum. Cumque regnum Chlotarii a Dagoberto fuisset praeoccupatum, misericordia motus, citra Ligerim civitates fratri suo noscitur concessisse." — Нѣкоторые новѣйшіе ученые такъ толкуютъ слова *pro simplicitate*, какъ будто бы они означали, что народъ франкскій нашелъ Хариберта недостойнымъ престола; хроникеръ не говоритъ ничего подобнаго; онъ сообщаетъ, что Харибертъ попытался завладѣть королевствомъ, но не былъ достаточно ловокъ, чтобы достигнуть успѣха: „pro simplicitate parum sortitur effectum". Не видно, чтобы онъ собиралъ народъ или совѣщался съ нимъ.

лось бы хлопотать даже такъ, если бы онъ былъ единственнымъ сыномъ и не желалъ бы лишить брата его части наслѣдства. Онъ обратился къ вельможамъ только для того, чтобы упрочить свой захватъ. Съ ихъ согласія отстранилъ онъ брата своего отъ управленія Нейстріей; но нельзя сказать, чтобы Нейстрія избрала его.

По отношенію къ седьмому вѣку у насъ есть нѣсколько примѣровъ смѣщенія королей и замѣны ихъ другими; но, если присмотрѣться къ подробностямъ и къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ каждую изъ такихъ смѣнъ, въ нихъ никогда нельзя будетъ найти правильнаго и законнаго собранія народа; нельзя будетъ даже найти въ нихъ какого бы то ни было выраженія общаго принципа народнаго права [1]. Все, что можно будетъ усмотрѣть въ нихъ, это побѣду наиболѣе сильной оружіемъ партіи. Событія эти—факты

[1] Начиная съ шестого вѣка, мы видимъ, что часть Франковъ оставляетъ Хильпериха, чтобы перейти къ Сигеберту; но здѣсь рѣчь идетъ, несомнѣнно, о внутреннемъ междоусобіи. *Greg.* IV, 52: „Franci qui quondam ad Childebertum seniorem aspexerant, ad Sigibertum legationem mittunt ut ad eos veniens, derelicto Chilperico, super se regem stabilirent". — Григорій говоритъ тутъ о Франкахъ, повиновавшихся Хильдеберту старому; это не всѣ подданные Хильпериха. Въ королевство Хильдеберта I не входила сѣверная часть Галліи; ни Аррасъ, ни Теруеннъ, ни Турнэ, не причислялись къ нему (*Longnon*, Géogr. de Gaule, 115—116). Григорій не говоритъ, что созывалось народное собраніе, не называетъ даже „народъ франкскій". Онъ показываетъ намъ Франковъ, перенесшихъ покорность съ одного начальника на другого, а не націю, пользующуюся правомъ свергать королей.—Нѣкоторые новѣйшіе ученые думали, что публичное право позволяло каждому изъ Франковъ особо выбирать своего короля; но это предположеніе никогда не было подтверждено ни однимъ текстомъ. Подобный выборъ происходилъ иногда на практикѣ, но нѣтъ указанія на то, чтобы таково было право.

гражданской войны; ни одинъ хроникеръ не изображаетъ ихъ, какъ примѣненіе старыхъ законовъ публичнаго права.

Нигдѣ не выражена идея, чтобы королевское достоинство зависѣло отъ народнаго избранія. Короли Меровинги охотно говорятъ, наоборотъ, что Богъ сдѣлалъ ихъ государями. Гунтрамнъ указываетъ одновременно и на источникъ своей власти, и на свойство своихъ обязанностей, говоря въ одномъ приказѣ, что «Всевышній далъ ему власть царствовать, и что онъ навлечетъ на себя гнѣвъ Божій, если не будетъ заботиться о подчиненномъ ему народѣ» [1]. «Богъ, пишетъ Дагобертъ I, вотъ кто далъ намъ области и королевства» [2]. Хлотаръ III и Теодерихъ III пишутъ въ своихъ грамотахъ, что Богъ поставилъ ихъ на царство [3]. Конечно, это условное, если угодно, словоупотребленіе не слѣдуетъ принимать за твердо установившуюся теорію божественнаго права, но оно съ несомнѣнностью опровергаетъ гипотезу о народномъ избраніи, какъ основѣ публичнаго права франкскаго королевства. Слѣдовало бы еще замѣтить, что даже въ оффиціальныхъ актахъ упоминается только о волѣ Бога и никогда о волѣ народа.

Быть можетъ, духовенство диктовало королямъ

[1] *Praeceptio Guntramni*, 585 (Baluze, I, 10; Boretius, p. 11): „Nec nos quibus facultatem regnandi Superni Regis commisit auctoritas, iram eius evadere possumus si de subiecto populo sollicitudinem non habemus". Cfr. *Greg.* IX, 42.

[2] *Diplomata*, ed. Pertz № 13; ed. Pardessus № 246: „Dum nobis regiones et regna largiente Domino noscuntur esse donata".

[3] *Diplomata*, ed. Pertz № 41; Pardessus № 351: „Solium quod ipse Deus nobis commisit". — *Ibid.* № 57, № 410: „Dum nos Divina pietas fecit in solium parentum nostrorum succedere".—*Marculf.* I, 16: „Quem Divina pietas sublimat in regnum".

эти выраженія; но къ высшему духовенству принадлежали также люди франкской расы. Если бы правило избранія существовало, оно не могло бы не знать его. Я не увѣренъ даже въ томъ, что оно оказалось бы къ нему неблагосклонно. Быть можетъ, духовенство охотно приняло бы участіе въ избраніи, и оно было черезчуръ сильно, чтобы кто-либо могъ ему воспрепятствовать въ этомъ. Если въ документахъ той эпохи нѣтъ никакого указанія на правильное избраніе королей, то мы обязаны думать, что избранія этого и не существовало.

2.

О поднятіи на щитъ и о клятвѣ въ вѣрности.

Если мы не находимъ нигдѣ избранія королей народнымъ собраніемъ, то должны все-таки обратить вниманіе на два обычая, засвидѣтельствованные документами и не лишенные реальнаго значенія. Одинъ изъ нихъ — обрядъ возведенія въ короли, другой — присяга подданныхъ. Церемонія возведенія въ королевскій санъ ведетъ свое начало изъ Германіи. Главный актъ ея состоялъ въ томъ, что нѣсколько человѣкъ поднимали новаго короля на щитъ и публично несли его на плечахъ. Уже Тацитъ отмѣчаетъ этотъ обычай: «Бринна помѣстили на щитъ и, раскачивая, несли на плечахъ нѣсколько воиновъ; таковъ обычай страны» [1]. Правда, что въ древней Германіи обычай этотъ примѣнялся скорѣе къ военачальникамъ, (duces), чѣмъ къ королямъ (reges). При Меровингахъ

[1] *Tacit.* Hist. IV, 15: „Brinno... impositus scuto, more gentis, et sustinentium humeris vibratus, dux deligitur“.

мы снова встрѣчаемъ этотъ обычай. Когда Хлодовехъ заставляетъ кельнскихъ Франковъ признать его королемъ, послѣдніе, — скорѣе, быть можетъ, отрядъ воиновъ, чѣмъ народъ,— «поднимаютъ его на щитъ»; таковъ ихъ способъ объявить его королемъ [1]. Также позднѣе нѣсколько Франковъ, покинувшихъ Хильпериха ради Сигеберта, «подняли его на щитъ и сдѣлали королемъ надъ собою» [2]. Историкъ еще лучше описываетъ эту церемонію, разсказывая приключенія узурпатора Гундобальда: «Въ мѣстечкѣ Бривѣ его подняли на щитъ и носили, какъ короля; но при третьемъ кругѣ онъ упалъ» [3].

Григорій довольствуется чаще всего упоминаніемъ церемоніи и не описываетъ ее. Когда братья Хлодомира хотятъ убить своихъ племянниковъ, они говорятъ королевѣ Хротехильдѣ: «Дай намъ этихъ дѣтей, чтобы они были возведены въ короли» [4]. Слова эти не указываютъ на избраніе, для котораго не было необходимо присутствіе обоихъ дѣтей; ихъ хотятъ отнять у Хротехильды подъ предлогомъ церемоніи, на которой присутствіе ихъ было обязательно. Григорій Турскій говоритъ кромѣ того, что когда Сигебертъ былъ убитъ, сынъ его Хильдебертъ сталъ царствовать

[1] *Greg. Tur.* II, 40: „At illi, plaudentes tam parmis quam vocibus, eum clypeo evectum super se regem constituunt“. — Составляетъ ли этотъ обычай особенность германской расы или же онъ присущъ всякому первобытному войску, избирающему короля? Можно замѣтить, что Юліанъ, провозглашенный своими воинами римскимъ императоромъ, былъ также поднятъ на щитъ—„impositus scuto“. *Amm. Marcell.* XX, 4, 17.

[2] *Greg.* IV, 52: „Impositum super clypeo regem sibi statuunt“.

[3] *Idem,* VII, 10: „Parmae superpositus, rex est levatus. Sed cum tertio cum eodem gyrarent, cecidisse fertur“.

[4] *Greg.* III, 18: „Dirige parvulos ad nos, ut sublimentur in regno“.

вмѣсто него въ Австразіи [1]; но король ребенокъ находился тогда въ Парижѣ, въ странѣ своего врага: «Гундобальдъ тайно похитилъ его, привезъ въ Австразію и, собравъ все населеніе, которымъ правилъ его отецъ, возвелъ его въ короли» [2]. Тутъ нѣтъ ни слова объ избраніи, рѣчь идетъ здѣсь о торжественномъ публичномъ обрядѣ. Фредегарій разсказываетъ также, что Хлодовехъ II принялъ сначала королевскую власть, и что потомъ уже лейды Нейстріи и Бургундіи собрались въ помѣстьѣ Массолакѣ, «чтобы возвести его въ короли» [3].

Церемонія эта обозначалась обыкновенно словомъ *sublimare*. Этотъ же терминъ употреблялся и для наименованія обряда поставленія епископовъ, т.-е., провозглашенія ихъ послѣ того, какъ исполнены были всѣ формальности назначенія: въ знакъ этого назначеннаго торжественно возводили на епископское сѣдалище [4]. Что касается королей, то одна хроника говоритъ намъ, что церемонія могла совершаться даже долго спустя послѣ принятія власти. Дагобертъ I былъ королемъ Австразіи съ 622 года; но возведеніе его на престолъ австразійцами произошло лишь въ 625 г. [5].

[1] *Ibid*. IV, 51, in fine.

[2] *Greg*. V, 1: „Gundobaldus apprehensum parvulum Childebertum furtim abstulit, collectisque gentibus super quas pater eius regnum tenuerat, regem instituit“.

[3] *Fredegar*. 79: „Post Dagoberti discessum filius suus Chlodoveus sub tenera aetate regnum patris adscivit, omnesque leudes de Neustria et de Burgundia eum Massolaco villa (Maslay близъ Санса) sublimant in regnum“.

[4] *Vita Praeiecti*, 22: „Praeiectus sublimatus est in cathedra“. Слово *sublimare* употреблялось также въ примѣненіи къ королевѣ: „Dagobertus reginam sublimavit“ (*Fredegarii*, Chron. 58).

[5] *Gesta Dagoberti*, 12, 13, 14: „Anno XXXIX regni sui (622) Chlotarius Dagobertum super Austrasios regem statuit... Anno quadragesimo regni sui (625) Dagobertus in Austrasia regnaturus dirigitur; Austrasii vero congregati in unum Dagobertum super se regem statuunt“.

Церемонія стояла, стало быть, отдѣльно отъ самаго факта вступленія на престолъ и являлась только его послѣдствіемъ. Она не имѣла также никакой связи съ избраніемъ.

Посмотримъ, что происходило при восшествіи на престолъ Теодериха III. Современный писатель говоритъ сначала, что палатный мэръ Эброинъ возвелъ его на престолъ; потомъ онъ прибавляетъ, что знатные люди страны, узнавъ, что Теодерихъ сталъ королемъ, отправились къ мѣсту его пребыванія, чтобы присутствовать на церемоніи провозглашенія, и дѣйствительно, говоритъ онъ, Эброинъ «долженъ былъ приступить къ торжественному возведенію на престолъ короля и созвать для этого знатныхъ королевства; таковъ былъ обычай». Но Эброинъ рѣшилъ, что церемоніи не будетъ, и лица самовольно явившіяся, чтобы присутствовать на ней, получили приказаніе вернуться къ себѣ. Писатель добавляетъ, что вельможи были очень раздражены, по его мнѣнію, не тѣмъ, что дворцовый мэръ провозгласилъ короля, не посовѣтовавшись съ ними, а тѣмъ, что онъ лишилъ ихъ торжественной церемоніи, «которую должно было совершить для поддержанія блеска королевскаго достоинства и чести государства» [1].

[1] *Vita Leodegarii ab anonymo*, c. 3 (у Mabillon, Acta ss II, 680): „Cum, convocatis optimatibus solemniter, ut mos est, debuisset sublimare in regnum... eos noluit convocare... Regem quem ad gloriam patriæ publice debuerat sublimare... Cum multitudo nobilium qui ad regis novi properabant occursum, itineris accepissent repudium“.—Знатные эти отказались признать Теодериха не потому, что онъ не былъ избранъ ими, а потому, что они не хо-

Такимъ образомъ, блестящія собранія эти не имѣли цѣлью избирать короля, потому что еще до ихъ созванія король уже вступалъ на престолъ. Цѣлью ихъ было публичное признаніе его государемъ. Что же происходило на этихъ собраніяхъ? У насъ нѣтъ ни одного описанія, которое позволило бы съ увѣренностью отвѣтить на это. Ставили ли вельможи королю какія-нибудь требованія? Съ перваго взгляда кажется соблазнительнымъ предполагать, что дѣло дѣйствительно происходило такъ; но въ текстахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, въ нихъ никогда не встрѣчается ни одного намека на это. Единственная, извѣстная намъ подробность, заключается въ томъ, что люди эти поднимали короля на щитъ и носили его на плечахъ вокругъ собранія. Обрядъ же этотъ можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ: ношеніе человѣка на плечахъ могло быть только символомъ подчиненія ему; это значило ставить его надъ собою, *super se statuere*, какъ говорятъ историки того времени. Итакъ, церемонія эта была торжественнымъ актомъ выраженія покорности подданными. Короли должны были дорожить ею, они, вѣроятно, чувствовали себя хорошо укрѣпленными во власти только тогда, когда имъ дано было это публичное свидѣтельство подчиненія.

Но въ тоже время этотъ обычай могъ служить въ обществѣ нѣкоторымъ проводникомъ свободы. Въ германской старинѣ церемонія провозглашенія сопровождала, быть можетъ, избраніе короля, а когда выборное начало пришло въ упадокъ, она оставалась, какъ

тѣли, чтобы король оставался въ рукахъ Эброина: „Coeperunt metuere, quod regem dum post se retineret pro nomine, cui malum cupierat ille audenter valeret inferre".—Такова, по крайней мѣрѣ, мысль писателя современника.

старый ритуалъ, сохраненіемъ котораго, вѣроятно, почему-нибудь дорожили. Люди того времени высоко цѣнили право открыто выражать королямъ свою покорность: оно было почти равносильно заявленію, что они добровольно подчинялись власти. Но интересно выяснить, что же могло произойти, если бы они отказали въ повиновеніи? У насъ нѣтъ ни одного такого примѣра; но ясно, что описанный обычай давалъ возможность подобнаго исхода. Поднятіе на щитъ не было тождественно съ избраніемъ, но оно воплощало въ себѣ свободно данное согласіе знати признавать короля[1].

Обычай клятвы въ вѣрности государю существовалъ въ римской Имперіи и ведетъ начало съ давнихъ временъ[2]. Быть можетъ, онъ существовалъ также и въ первобытной Германіи, особенно между воинами. Во всякомъ случаѣ франкскіе короли пользовались

[1] Любопытный фактъ для сравненія встрѣчается въ ту же эпоху въ исторіи византійской Имперіи. Каждаго новаго императора и тамъ торжественно возводили на тронъ; церемонію эту называли ἀναγόρευσις, *sublimatio*, и даже χειροτονία, *electio*. Она подробно описана въ книгѣ *De caerimoniis* Константина Порфиророднаго, кн. I, гл. 43 и 92. Никто не станетъ утверждать, однако, что императорская власть въ Византіи была избирательною. Это любопытное доказательство того, какъ надобно остерегаться, чтобы не принять условныхъ выраженій оффиціальнаго церемоніала за сущность государственныхъ порядковъ.

[2] Объ этомъ римскомъ обычаѣ см. у Тацита, Annal. I, 7: „In verba principis iuravere senatus, miles et populus". — *Ann.* I, 34: „Germanicus Belgarum civitates in verba Tiberii adegit".—Cfr. *Ann.* XVI, 22; *Hist.* I, 55.—*Suet.* Calig. 15.—Плиній мл. писалъ къ Траяну (X, 52 изд. Keil): „Praeivimus et commilitonibus more solemni, eadem provincialibus certante pietate iurantibus". — Еще см. *Plin.* Panegyr. 68; *Dio Cass.* XLVII, 18; LIX. 3; *Capitolin.* Maximini duo, c. 24: „Omnes in Maximi et Balbini verba iuraverunt".

имъ въ Галліи. Первымъ актомъ каждаго новаго короля было требованіе отъ подданныхъ клятвы на вѣрность себѣ. Однихъ онъ призывалъ къ своей особѣ; чтобы привести къ присягѣ другихъ, онъ объѣзжалъ провинціи, или, наконецъ, приказывалъ своимъ чиновникамъ принимать клятву отъ его имени.

Клятва эта требовалась не только отъ знатныхъ и отъ воиновъ, но также и отъ гражданскаго населенія, и не только отъ людей франкскаго происхожденія, но также отъ Галло-римлянъ.

Хлотаръ II при вступленіи на престолъ былъ лишь четырехлѣтнимъ ребенкомъ; мы видимъ, его должностныя лица объѣзжаютъ области и заставляютъ населеніе каждой изъ нихъ «поклясться быть вѣрнымъ королю и его опекуну[1]». Также поступаютъ и узурпаторы. Мундерихъ и Гундобальдъ спѣшатъ заставить «деревенское простонародье» принести имъ присягу въ тѣхъ округахъ, которыми они завладѣли[2].

Во время гражданскихъ войнъ, каждая область, переходя отъ одного короля къ другому, приносила клятву новому повелителю[2]. Клятва не являлась коллективною и неопредѣленною; она была личною. «Я принесъ клятву королю Хлотару, какъ законному наслѣднику короля Хильпериха[3], пишетъ Бертрамнъ въ

своемъ завѣщаніи, и онъ добавляетъ, что никогда «не нарушалъ своей клятвы[1]», какъ будто такое поведеніе было рѣдкимъ случаемъ, достойнымъ быть отмѣченнымъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что клятва эта никоимъ образомъ не носитъ характера феодальной; она не свободная и добровольная, а обязательная; она приносится королю, указанному наслѣдственнымъ правомъ, какъ говоритъ Бертрамнъ. Это—монархическая присяга.

Формула клятвы, бывшей въ употребленіи при Меровингахъ, не дошла до насъ, но въ сборникѣ формулъ Маркульфа есть инструкція, разсылавшаяся должностнымъ лицамъ, въ качествѣ приказа о томъ, какъ должны они производить этотъ важный государственный актъ. Она составлена въ такихъ выраженіяхъ: «Такой-то король такому-то графу. Такъ какъ въ согласіи съ вельможами нашими мы повелѣли, чтобы славный сынъ нашъ былъ вмѣстѣ съ нами королемъ въ нашемъ королевствѣ, то мы приказываемъ вамъ созвать всѣхъ людей вашей области, — Франковъ, Римлянъ, людей всѣхъ племенъ, — и распорядиться такъ, чтобы собрались они въ подлежащихъ мѣстахъ, въ городахъ или селеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы въ присутствіи посланца нашего, облеченнаго нами этой спеціальной миссіей,

[1] *Greg. Tur.* VII, 7: „Exigentes sacramenta per civitates, ut fideles esse debeant Guntramno regi et nepoti suo Chlotachario".

[2] *Greg.* III, 14: „Mundericus ait: Colligam populum meum atque exigam sacramentum ab eis... Sequebatur eum rustica multitudo, dantes sacramentum fidelitatis".—VII, 26: „Gundovaldus... in civitatibus quae aut Guntramni aut Ghilperici fuerant, nomine suo, quod fidem servarent, iurabant... Egolismam accessit, susceptis sacramentis".

[3] *Greg.* IV, 30: „Ingressi urbem Arelatensem, sacramenta pro parte Sigiberti regis exegerunt".—IV, 46: „Pictavos accedens, sacramenta exegit".—IV, 31: „Ingredimini Bituricum et sacramenta fidelitatis exigite de nomine nostro".—VII, 13: „Pictavi sacramenta Guntchramno regi dederunt... non longo tempore sustodientes". — VII, 24: „Pictavi excesserant de fide quam regi promiserant". — IX, 30: „Post mortem Chlotacharii regis Chariberto regi populus hic (народъ турской области) sacramentum dedit".

[1] *Testamentum Betramni*; въ *Diplomata*, Pardessus № 230, т. I, стр. 201: „Sacramentum insolubile domno meo Chlotario dedi, propter quod civitas Cenomanensis legitimo ordine ex hereditate genitoris sui debuit provenire... Me sacramentum meum in integrum constrinxit ut eum nullatenus dimittere deberam".

они пообѣщали бы и поклялись сыну нашему въ вѣрности и покорности, близъ святыхъ мѣстъ и на мощахъ, которыя мы приказали привезти для этого случая [1]».

Даже не имѣя самой формулы, мы видимъ изъ этой инструкціи всѣ отличительныя черты самаго акта: королевскій уполномоченный, отправившійся изъ его дворца (*a latere regis*), объѣзжаетъ провинціи; онъ возитъ съ собою мощи для того, чтобы клятва пріобрѣла возможно болѣе высокую цѣну; намѣстники провинцій предупреждали о его прибытіи заранѣе; въ назначенный день все свободное населеніе округа собиралось на площади или въ церкви и въ присутствіи должностного лица всякій волей-неволей клялся въ томъ, что онъ будетъ и останется вѣрнымъ новому королю, котораго ему даютъ. Клятва эта, очевидно, не свободная клятва, а принудительная.

Нѣкоторые новѣйшіе ученые полагали, что клятва была взаимною, то-есть, что король принималъ обязательства передъ населеніемъ точно такъ же, какъ населеніе передъ нимъ. Но мнѣніе это подтверждается лишь однимъ единственнымъ текстомъ, и страннымъ кажется уже одно то, что клятва королю упоминается болѣе чѣмъ въ двадцати мѣстахъ, тогда какъ клятва короля только въ одномъ. Но мы увидимъ, что

[1] *Marculf.* I, 40 (Rozière, № 1; Zeumer, p. 68): „Dum nos una cum consensu procerum nostrorum in regno nostro glorioso filio nostro regnare praecepimus, iubemus ut omnes pagenses vestros, tam Francos, Romanos, vel reliqua natione degentibus, bannire et locis congruis per civitates, vicos et castella, congregare faciatis, quatenus, praesente misso nostro illo quem ex nostro latere illuc pro hoc dereximus, fidelitatem filio nostro vel nobis et leode et samio per loca sanctorum vel pignora quae illuc per eumdem direximus, debeant promittere et coniurare".

и самое мѣсто это не заслуживаетъ полнаго довѣрія. Разсмотримъ его. Григорій, епископъ Турскій, сообщаетъ, что около 589 года въ его епархіальный городъ прибыли должностныя лица короля Хариберта, которыя уполномочены были произвести новую расцѣнку имуществъ и опредѣлить новые налоги. Епископъ становится тогда на защиту интересовъ своего города и, обращаясь къ этимъ чиновникамъ, говоритъ имъ: «Роспись налоговъ турской области была сожжена королемъ Хлотаромъ изъ страха передъ святымъ Мартиномъ; потомъ, послѣ смерти Хлотара, область эта принесла клятву Хариберту, и самъ Харибертъ также клятвенно обѣщалъ, что онъ не предпишетъ жителямъ никакого новаго закона или обязательства» [1]. Вотъ, чего требовалъ епископъ города Тура, ссылаясь на фактъ, происшедшій по его собственному указанію двадцать семь лѣтъ передъ тѣмъ; но онъ не приводилъ никакого доказательства справедливости своего утвержденія. Свидѣтельство его не было принято королевскими чиновниками, которые, не обращая на него вниманія, настояли на требованіи взымать налоги. Если мы даже допустимъ, что заявленіе Григорія было вѣрно, очевидно, что фактъ, на который онъ опирался, былъ исключительнымъ фактомъ, составлявшимъ особенность Тура и обители святого Мартина, но имѣвшимъ во всякомъ случаѣ преходящее значеніе. Ибо, если Харибертъ и далъ эту клятву въ 561 году, то она не была возобновлена ни Сигебертомъ, ни Хильперихомъ, ни Хильдебертомъ, которые владѣли Туромъ одинъ за другимъ; Григорій приписываетъ эту клятву только одному королю Хариберту. Если внимательно разсмотрѣть вышеприведенную формулу Маркульфа, очевидно будетъ, что она не за-

[1] *Gregor.* Hist. IX, 30.

ключаетъ никакого намека на клятву, приносимую королемъ. Она не предполагаетъ и не допускаетъ никакихъ взаимныхъ обязательствъ между королемъ и подданными. Итакъ, надо полагать, что клятва приносилась населеніемъ королю, а не королемъ населенію, и что она была ничѣмъ инымъ, какъ актомъ подчиненія [1].

Въ итогѣ слѣдуетъ сказать, что въ продолженіе двухъ вѣковъ мы никогда не видимъ чтобы народъ правильно собирался для того, чтобы выбирать себѣ короля. Согласно всѣмъ документамъ, каждый государь царствуетъ въ силу естественнаго порядка наслѣдованія, или же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, воспользовавшись къ своей выгодѣ усобицами. Для правильнаго вступленія во власть были необходими двѣ вещи: во-первыхъ, актъ признанія и возведенія въ королевское достоинство, во-вторыхъ, принесеніе королю клятвы въ вѣрности всѣмъ населеніемъ.

Я не сумѣю сказать, были-ли эти два обычая остатками либо воспоминаніями стараго народнаго права, или же это были только двѣ формальности, придуманныя королями для закрѣпленія покорности подданныхъ. Можно выставлять съ одинаковою вѣроятностью оба эти предположенія, но ни одно изъ нихъ не можетъ быть твердо доказано. Замѣчу только, что оба разсмотрѣнные обычаи придали монархическимъ учрежденіямъ лишь кажущуюся силу. Отсутствіе установленнаго права избранія и такое прямое въ то же время вмѣшательство подданныхъ при вступленіи на престолъ каждаго новаго короля не преминуло внести нѣкоторыя неурядицы. Торжественный актъ возведенія въ

[1] *Greg.* IX, 31: „Austrovaldus dux Carcassonem accedens, sacramenta susceperat ipsosque populos ditioni subegerat regis".

короли могъ стать и сталъ въ дѣйствительности поводомъ къ раздорамъ. Что же касается клятвы въ вѣрности, то при злоупотребленіи ею, и при крайней неустановленности ея порядка, она должна была мало помалу замѣнить въ умѣ каждаго идею естественнаго и общаго подчиненія идеею подчиненія личнаго, добровольнаго и условнаго.

Чтобы составить вѣрное понятіе о меровингскомъ государствѣ не слѣдуетъ изучать его особнякомъ. Полезно бросить взглядъ на другія государства, которыя въ ту же эпоху находились въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ. Цѣлый рядъ германскихъ государствъ образовался, какъ и меровингское, на старой римской территоріи; какъ и тамъ, мы видимъ въ государствахъ этихъ царствующій домъ германскаго происхожденія и два элемента въ составѣ населенія—германскій и римскій. Важно знать, были ли учрежденія въ этихъ государствахъ такими же, какъ въ меровингскомъ, или же они отличались отъ послѣднихъ. Сравнительный методъ, очень опасный для тѣхъ, кто плохо пользуется имъ, необходимъ тѣмъ не менѣе для историка. Послѣ разбора франкскихъ текстовъ сравненіе ихъ съ данными о другихъ германскихъ государствахъ придастъ прочность нашему изслѣдованію.

У Аламанновъ королевская власть была наслѣдственною уже въ четвертомъ вѣкѣ, и братья дѣлили ее между собой [1]. Та же наслѣдственность и такіе же раздѣлы существовали въ королевствѣ Бургундовъ, утвердившихся въ предѣлахъ римской Имперіи [2]. Іорданъ приводитъ имена цѣлаго ряда готскихъ ко-

[1] *Amm. Marcell.* XIV, 10, 1; XVIII, 2, 15.
[2] *Greg. Tur.* Hist. II, 28—32.

ролей до шестого вѣка, не упоминая ни разу о их избраніи. Если происходило послѣднее послѣ смерти Алариха, то только потому, что Аларихъ не оставилъ дѣтей. Что же касается остготскаго королевства въ Италіи, то оффиціальные акты, собранные Кассіодоромъ, ясно показываютъ, какъ происходила тамъ передача власти при нормальныхъ обстоятельствахъ [1]. Новый король Аталарихъ долженъ былъ написать только окружное посланіе «ко всѣмъ Готамъ, водвореннымъ въ Италіи», чтобы объявить имъ, что дѣдъ его «по волѣ Божіей сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ» [2]. У Вандаловъ королевская власть была наслѣдственною [3]. Сначала она дѣлилась между братьями; но Гензерихъ рѣшилъ, что сыновья его не будутъ дѣлить власть между собою, и онъ установилъ порядокъ наслѣдованія престола въ такой формѣ, которая, именно обнаруживаетъ полное отсутствіе вмѣшательства народа [4]. У Лонгобардовъ королевская власть была сначала наслѣдственною, и только за отсутствіемъ наслѣдниковъ или вслѣдствіе гражданскихъ безпорядковъ пришлось нѣсколько разъ прибѣгнуть къ избранію [5].

[1] *Cassiodor*. Var. VIII, 2—7. По смерти Теодериха ему наслѣдуетъ внукъ его и онъ пишетъ: „Avus noster magnitudinem dominationis suae tanta celeritate in nos transfudit, ut non tam regnum quam vestem crederes esse mutatam“.

[2] *Cassiodor*. Var. VIII, 5: „Avus noster nos heredes regni sui; Deo sibi imperante, constutuit“.

[3] *Iordan*. De rebus geticis, 33.—*Procop*. Bellum vandalicum, I, 7.

[4] *Iordan*. ibidem — *Procop*. ibidem.

[5] *Procop*. De bello gothico, III, 35.—*Paul. Diac*. Historia Longobard. I, 18, 20, 21, 27; III, 16; IV, 30, 41, 47, 51; V, 33, 35.— *Leges Longobardorum*, Rotharis, prologus. — Избраніе имѣетъ мѣсто только, когда король не оставляетъ дѣтей, или иногда въ случаѣ гражданской войны.

Церемонія торжественнаго возведенія въ короли, которую мы видѣли у Франковъ, существовала также и у другихъ народовъ. Мы видимъ, что она совершалась въ Италіи при вступленіи Алариха и Витигеса [1]. Вестготская Правда равнымъ образомъ намекаетъ на этотъ обычай; она предписываетъ не всѣмъ подданнымъ, а тѣмъ, по крайней мѣрѣ, которые занимали должности, являться къ новому королю для того, чтобы совершать актъ подчиненія ему, какъ только они узнаютъ о его вступленіи на престолъ [2]. Это какъ разъ тотъ же обычай, существованіе котораго у Франковъ показываетъ намъ составитель житія святого Леодегарія. Историкъ Лонгобардовъ также отмѣчаетъ церемонію провозглашенія на царство; онъ ясно показываетъ, что она не предшествуетъ вступленію на престолъ, а слѣдуетъ за нимъ; король Агилульфъ принялъ королевское достоинство въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а совершилъ эту церемонію лишь шесть мѣсяцевъ спустя, то-есть, въ маѣ [3].

Что касается клятвы въ вѣрности, приносимой новому королю, то кромѣ Галліи мы находимъ ее и въ другихъ мѣстахъ. Аталарихъ, король остготскій, при-

[1] Аталарихъ дѣлаетъ лишь слабый намекъ на нее; см. грамоты 2 и 6 книги VIII сборника Кассіодора. Витигесъ, который былъ настоящимъ образомъ избранъ войскомъ, настаиваетъ рѣшительнѣе (*ibidem*, XI, 31: „More maiorum scuto supposito“). Правда, самый текстъ этотъ показываетъ, что онъ не былъ избранъ общимъ собраніемъ народа, такъ какъ онъ объявляетъ фактъ „universis Gothis“.

[2] *Lex Wisigothorum*, V, 7, 19: „Non levi culpa constringitur qui, si ex palatino officio fuerit, ad novi Principis praesentiam venire distulerit... qui minime regis obtutibus se praesentandum iniecerit“.

[3] *Paul Diac*. Historia Langobardorum, III, 34.

нялъ сначала клятву отъ вельможъ [1]; онъ посылаетъ затѣмъ окружныя посланія и чиновниковъ по всей Италіи, чтобы требовать клятвы отъ всѣхъ, отъ Римлянъ и отъ Готовъ, безъ различія [2]. Немного позднѣе, въ то время, когда Римъ составлялъ часть Восточной Имперіи, Римляне приносили присягу, каждому новому императору [3]. Въ вестготской Испаніи клятва тоже была въ обычаѣ. Король, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, посылалъ во всѣ части королевства нѣсколько уполномоченныхъ, которые принимали клятву отъ его имени; называли ихъ *discussores iuramenti*. Они очень походили на тѣхъ *missi*, которыхъ для той же цѣли посылалъ франкскій король. Законъ гласитъ, что всѣ подданные должны клясться въ вѣрности; если же кто скрывается чтобы не связать себя этой клятвой, то личность его и имущество будутъ взяты въ распоряженіе короля. Очевидно, что клятва и здѣсь не добровольная, а обязательная [4].

Такимъ образомъ, во всѣхъ германскихъ государствахъ, по происхожденію своему и по своимъ особенностямъ сходныхъ съ франкскимъ государствомъ,

1 *Cassiodor*. Var. VIII, 2: „Tot proceres manu consilioque gloriosi nullum murmur miscuerunt, sed cum magno gaudio secuti sunt principis sui iudicia... ut volnntatem suam iuris etiam iurandi religione firmarent".

2 См. посланіе Аталариха къ римскому народу у Кассіодора (VIII, s.); другое посланіе „universis Romanis per Italiam constitutis" (*Ibid*. VIII, 5); еще другое—„universis Gothis per Italiam constitutis (*Ibid*. VIII, 5).

3 *Liber Pontificalis*, изданіе аббата *Duchesne*, стр. 331 и 408.

4 *Lex Wisigothorum*, V, 7, 19: „Non levi culpa constringitur... si iurasse differat. Si quis ingenuorum, dum discussor iuramenti in territorio illo accesserit, se fraudulenter distulerit in eo ut se pro fide regia conservanda iuramenti se vinculo alliget, quidquid de eo vel de suis rebus principalis auctoritas facere voluerit, sui sit arbitrii".

открываются одинаковые порядки въ организаціи королевской власти, какъ и въ этомъ послѣднемъ. Вездѣ въ нихъ королевская власть была наслѣдственною, и избраніе являлось лишь исключительнымъ фактомъ.

ГЛАВА III.

Существовали ли собранія у франкскаго народа?

Въ продолженіе эпохи, предшествующей образованію франкской монархіи, то-есть, въ римской Галліи, мы видѣли два рода собраній: во-первыхъ, тѣ, которыя носили названіе *concilia* и были собраніями знатныхъ лицъ, высказывавшихъ свои желанія, совѣты или требованія, никогда не принимая, однако, непосредственнаго участія въ управленіи [1]; и тѣ, во-вторыхъ, которыя назывались *conventus*; на послѣднія собиралось все населеніе страны, но они ничего не обсуждали, не обладали активными функціями и только принимали приказанія королевскаго должностного лица, отправлявшаго въ ихъ присутствіи правосудіе [2].

Въ первобытной Германіи, съ другой стороны, существовали еще другія, истинно народныя собранія, обладавшія верховною властью и правомъ обсужденія и разрѣшенія всѣхъ существенныхъ вопросовъ народной жизни [3].

Собранія римскаго происхожденія, особенно *concilia*, потерявшія уже силу въ послѣднія времена Им-

1 См. *Paul Guiraud*, Les assemblées provinciales dans l'empire romain (P. 1888).

2 См. выше томъ I-й, кн. II, гл. 11, § 3.

3 *Tacit*. Germ. 11.

періи и омертвѣвшія еще до ея паденія, совсѣмъ исчезли въ эпоху варварскихъ нашествій. Франкскіе короли не воскресили ихъ. Что же касается германскихъ вѣчевыхъ собраній, то мы должны изслѣдовать, принесли ли Франки съ собою ихъ традицію нетронутою и сохранили ли ихъ во время меровингскаго періода. Изысканіе это надо дѣлать не путемъ умозаключеній, а при помощи точнаго разсмотрѣнія текстовъ.

Надо стремиться избѣгать здѣсь всякой двусмысленности или неясности въ постановкѣ вопроса. Мы будемъ встрѣчать во франкской Галліи не мало собраній съ многочисленнымъ составомъ; но не всякое скопленіе людей можетъ быть названо народнымъ вѣчемъ. Подъ этимъ именемъ разумѣется правильная сходка политически организованнаго народа или его представителей, законнымъ образомъ собирающаяся и имѣющая полномочія, опредѣленныя закономъ или обычаями; это—собраніе, совѣщающееся, обсуждающее и принимающее рѣшенія относительно народныхъ интересовъ. Существовало ли что-нибудь подобное у Франковъ во время Хлодовеха или въ послѣдующемъ вѣкѣ? Нѣкоторые новѣйшіе ученые отвѣчали на это утвердительно. Одинъ изъ самыхъ послѣднихъ, изучавшихъ вопросъ, Юнгансъ, высказываетъ мнѣніе, «что во время Хлодовеха народъ франкскій принималъ довольно большое участіе въ политическихъ дѣлахъ, и органомъ его при этомъ были народныя вѣча [1]». Важно провѣрить правильность этого воззрѣнія.

Григорій Турскій описываетъ одно собраніе Франковъ при Хлодовехѣ; но изъ ближайшаго разсмотрѣнія его оказывается, что рѣчь идетъ не о народѣ, а объ отрядѣ вооруженныхъ людей. Приведемъ буквально слова автора: «Король приказалъ всему строю явиться къ нему въ полномъ вооруженіи, чтобы показать на Мартовскомъ полѣ, въ хорошемъ ли видѣ находится оружіе [1]. Въ то время, какъ онъ дѣлалъ смотръ собравшимся воинамъ, приблизившись къ одному изъ нихъ, онъ сказалъ: никто не держитъ своего оружія въ такомъ плохомъ состояніи какъ ты: ни копье твое, ни мечъ, ни сѣкира не годны къ употребленію. Онъ взялъ его сѣкиру и бросилъ ее на землю; потомъ, когда человѣкъ наклонился, чтобы поднять ее, онъ взмахнулъ своею сѣкирою и раздробилъ ему голову». Въ разсказѣ этомъ нѣтъ, конечно, ни одной черты, которая подходила бы къ народному собранію. Не былъ поставленъ и не обсуждался ни одинъ вопросъ, касающійся общественныхъ нуждъ. Это дѣйствительно былъ простой смотръ войскамъ. Тутъ на сценѣ отрядъ—«фаланга», а не народъ. Весьма знаменательно къ тому же, что эти воины, которыхъ фантазія современныхъ ученыхъ представляетъ себѣ не иначе, какъ людьми гордыми и суровыми, позволяютъ королю безъ всякаго разбирательства, даже безъ всякаго проступка умертвить одного изъ своихъ и не выказываютъ никакого протеста. «Король отдаетъ имъ приказаніе разойтись, и, объятые страхомъ, они уходятъ [2]». Воз-

[1] *Junghans*, Histoire de Childerich et de Chlodovech, фр. переводъ Monod, стр. 124.—Таково же мнѣніе *Sohm'*а, Reichs-und Gerichtsverfassung im fränk. Reiche, стр. 38, 53, 55, 295.

[1] *Greg*. II, 27: „Iussit omnem cum armorum apparatu advenire phalangem, ostensuram in campo Martio suorum armorum nitorem..."

[2] *Ibidem*: „Quo mortuo, reliquos abscedere iubet, magnum sibi per hanc causam timorem statuens". — Разсказъ Григорія былъ во всѣхъ существенныхъ чертахъ воспроизведенъ въ Historia Epitomata, c. 16, въ Gesta regum Francorum, у *Flodoard*'а въ Vita Remigii (Hist. Rem. Eccl. I, 13). Нельзя утверждать, что разсказъ этотъ вполнѣ точенъ; но онъ показываетъ, по крайней

можно ли представить себѣ солдатъ, болѣе покорныхъ, и похожи ли они на самодержавный народъ?

Вотъ другой разсказъ, относящійся къ предшествующему году. Тѣ же самые воины, послѣ одной побѣды и послѣ разграбленія нѣсколькихъ церквей, собрались въ Суассонѣ для раздѣла добычи [1], такъ какъ по обычаю, распространенному и у Германцевъ, и въ свое время у Римлянъ, и у многихъ вообще древнихъ народовъ, добычу нужно было дѣлить между всѣми, и части простыхъ воиновъ и начальниковъ должны были быть опредѣлены жребіемъ [2]. Король сказалъ своимъ: «Прошу васъ, доблестные воины, уступить мнѣ, кромѣ моей части, еще этотъ сосудъ». Болѣе разсудительные отвѣтили: «Все, что находится здѣсь, принадлежитъ тебѣ, славный король, и сами мы подчинены твоей власти [3]; дѣлай же, что

мѣрѣ, что именно такъ представляли себѣ люди происходившія тогда собранія франкскаго войска.

[1] *Greg.* II, 27: „Sequere nos usque Suessionas, quia ibi cuncta quae acquisita sunt, dividenda erunt. Cumque mihi vas illud sors mihi dederit...“

[2] *Junghans* впадаетъ тутъ въ большія неточности (стр. 126 перевода *Monod*): „Въ этомъ собраніи франкскаго народа, говоритъ онъ, король находится въ полномъ равенствѣ съ своими военными товарищами; одинаковые военные труды даютъ право на одинаковую часть добычи“.—Замѣтимъ, что 1) разсказъ Григорія относится не къ народу, а къ войску; 2) Григорій не говоритъ также, что соблюдалось равенство между королемъ и солдатами. Изъ того, что происходилъ раздѣлъ добычи и метаніе жребія не слѣдуетъ непремѣнно, чтобы части были равными; все это подсказано воображеніемъ современнаго ученаго.

[3] *Ibidem*: „Omnia, gloriose rex, quae cernimus, tua sunt, et nos ipsi tuo sumus dominio subiugati. Quod tibi placitum videtur facito, nullus enim potestati tuae resistere valet“.

тебѣ угодно; никто не можетъ противиться тебѣ [1]. Но одинъ изъ нихъ, поднявъ сѣкиру, ударилъ ею по сосуду и сказалъ: Ты получишь только то, что дастъ тебѣ жребій. Это, конечно, большая вольность рѣчи, но она выражена была лишь однимъ человѣкомъ. Она не нашла подражателей, потому что, «увидѣвъ это, остальные были поражены ужасомъ и предоставили сосудъ Хлодовеху, который отдалъ его епископу реймсскому [2]». Какъ же можно было усмотрѣть въ этомъ разсказѣ народное собраніе? Мы видимъ здѣсь только отрядъ воиновъ и даже очень покорныхъ воиновъ.

Вотъ третій разсказъ: Святой Ремигій убѣждалъ Хлодовеха отречься отъ поклоненія идоламъ; послѣдній сказалъ ему: «Я охотно послушаю тебя, святой отецъ; единственное, что удерживаетъ меня, это то, что на-

[1] Нельзя, конечно, утверждать, чтобы слова эти были произнесены въ дѣйствительности. Но нельзя также смѣло доказывать, наперекоръ Григорію Турскому, что онѣ вымышлены. Габріэль Моно, переводчикъ Юнганса (стр. 128, прим.) самъ разсуждаетъ такъ: „Вотъ слова, совершенно неправдоподныя въ устахъ Германцевъ“. Это значитъ, что Моно составилъ себѣ предвзятое понятіе о свободномъ духѣ Германцевъ, и что слова Григорія Турскаго противорѣчатъ этому понятію. Но твердо ли мы увѣрены въ томъ, что общественные порядки Германцевъ были дѣйствительно таковы? Извѣстно ли намъ, какова была ихъ военная дисциплина? Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что слова эти или подобныя имъ, были произнесены. Весьма опасно въ исторіи замѣнять тексты нашими впечатлѣніями; это то, что называется „субъективнымъ методомъ“. Разумнѣе принять текстъ Григорія; онъ показываетъ, по крайней мѣрѣ, какое было у него понятіе объ этихъ воинахъ, а надо замѣтить, что онъ хорошо зналъ поколѣніе ихъ внуковъ.

[2] *Ibidem*: „Ad haec stupefactis omnibus... rex acceptum urceum nuntio ecclesiastico reddidit“. — *Historia epitomata*, 16: „Posita sorte acceptum urceum“.

родъ, слѣдующій за мною, не хочетъ оставить своихъ боговъ; но я переговорю съ нимъ». Онъ отправился тогда къ своимъ и раньше даже, чѣмъ онъ сталъ говорить съ ними, вдохновленный божественною волею весь народъ воскликнулъ: «Мы бросаемъ смертныхъ боговъ и хотимъ слѣдовать за Богомъ, котораго проповѣдуетъ Ремигій [1]».

Таковъ разсказъ, предшествующій повѣствованію о крещеніи Хлодовеха. Мы ясно видимъ отсюда, что раньше, чѣмъ принять въ высшей степени важное рѣшеніе, Хлодовехъ совѣщается «со своими», стремится узнать ихъ настроеніе и не хочетъ стать въ несогласіе «со своимъ народомъ». Но видѣть въ этомъ фактѣ примѣръ практики народныхъ собраній, съ полнымъ правомъ совѣщающихся о государственныхъ вопросахъ, обсуждающихъ мнѣніе короля, голосующихъ его и собственною властью постановляющихъ рѣшеніе о перемѣнѣ вѣры, значило бы заходить слишкомъ далеко [2]. Григорій Турскій описалъ тутъ собраніе исключительное и безпорядочное, а не такое, которое повторялось бы постоянно и правильно. Единичный фактъ не доказываетъ существованія учрежденія. Надо еще замѣтить, что собраніе это не обсуждаетъ, не совѣщается и не голосуетъ. Оно не навязываетъ королю своей воли, а присоединяется къ его волѣ. Можно

[1] *Greg.* II, 31: „Libenter te, sanctissime pater, audiam; sed restat unum quod populus qui me sequitur non patitur relinquere deos suos; sed vado et loquar eis iuxta verbum tuum. Conveniens autem cum suis, priusquam loqueretur, praecurrente potentia Dei, omnis populus adclamavit: Mortales deos abicimus“.

[2] Такъ говоритъ *Junghans* (перев. Monod, стр. 124). Эта небольшая книга нѣмецкаго ученаго—одинъ изъ самыхъ опасныхъ примѣровъ субъективнаго метода, примѣняемаго къ изученію исторіи.

даже усомниться, чтобы дѣйствительно тутъ былъ собранъ весь народъ франкскій, потому что ту самую группу людей, которую Григорій называетъ *populus* въ этой фразѣ, нѣсколькими строками дальше онъ обозначаетъ словомъ *exercitus* [1]. Намъ извѣстно вообще, что оба слова употреблялись часто одно вмѣсто другого на языкѣ того времени [2].

Юнгансъ говоритъ еще, будто «для того, чтобы начать войну, король франкскій нуждался въ согласіи народа». Неизвѣстно, гдѣ усмотрѣлъ онъ такое правило? Въ войнахъ съ Сіагріемъ, Аламаннами и Бургундами нѣтъ ни малѣйшаго намека на это [3]. Можно, пожалуй, сослаться на одинъ фактъ такого рода: въ разсказѣ о началѣ войны Хлодовеха съ Вестготами, Григорій вложилъ нѣсколько словъ въ его уста въ видѣ обращенія «къ своимъ». Юнгансъ тотчасъ же предполагаетъ, что это—собраніе воиновъ, рѣшающихъ вопросъ о войнѣ, и пишетъ: «Когда *всѣ* одобрили предложеніе короля покорить аріанъ, то отправились въ походъ [4]». Это—странное искаженіе текста Григорія Турскаго. Вотъ этотъ текстъ: «Король сказалъ своимъ (*suis*): Мнѣ не нравится, что аріане эти занимаютъ часть Галліи; двинемтесь съ помощью Божіей и подчинимъ страну ихъ нашей власти. Слова эти понравились всѣмъ; тогда онъ приказалъ собрать

[1] *Greg.* II,31: „*Populus* adclamavit... rex baptizatus est, de *exercitu* eius baptizati sunt tria milia“.

[2] Такъ, въ слѣдующей главѣ (II, 32) войско Гундобальда называется сначала *exercitus*, потомъ *populus*.—Другой примѣръ (II, 37; IV, 45): войско Муммола обозначается въ той же фразѣ словами *exercitus* и *populus*.

[3] См. у Григорія Турскаго, II, 27; II, 30; II, 32.

[4] *Junghans*, перев. *Monod*, стр. 125.

войско (*exercitus*) и направился къ Пуатье [1]». Въ этомъ небольшомъ разсказѣ слѣдовало подмѣтить ясное различеніе, устанавливаемое Григоріемъ, между «своими» и «войскомъ». Хлодовехъ обращался не къ войску, потому что собрано оно было только позднѣе, а «къ своимъ». Свои же—это, по всему вѣроятію, непосредственно окружающіе короля люди, его люди въ тѣсномъ смыслѣ, его вѣрные слуги, вельможи и совѣтники. Прилагательное *sui* никогда не обозначало самодержавнаго народа. Съ людьми этими Хлодовехъ совѣщался о войнѣ, если можно только назвать совѣщаніемъ описанную сцену, въ которой говорилъ одинъ король, гдѣ онъ объявилъ свою волю, и гдѣ присутствовавшимъ не оставалось ничего другого, какъ одобрить ее. Что же касается войска, которое, быть можетъ, одно должно было представлять франкскій народъ, то оно было созвано лишь потомъ, и никто не совѣщался съ нимъ. Король приказалъ ему выступить, и оно выступило. Ничего другого не заключается въ данномъ отрывкѣ Григорія Турскаго.

Я прекрасно знаю, что къ этимъ разсказамъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ. Григорій черпалъ ихъ въ преданіяхъ и, главнымъ образомъ, въ традиціяхъ церкви. Но чтобы получить свѣдѣнія о тогдашнихъ обычаяхъ и понятіяхъ людей, мы можемъ пользоваться именно одними такими разсказами. Надобно только соблюдать при этомъ точность. Не слѣдуетъ искажать разсказовъ, желая вложить въ

[1] *Greg*. II, 37: „Rex ait suis: Moleste fero quod hi Ariani partem teneant Galliarum... Cumque placuisset omnibus hic sermo, commoto exercitu Pictavis dirigit“. — На языкѣ Григорія Турскаго выраженіе—*commovere exercitum* встрѣчается часто, и оно было спеціальнымъ терминомъ для обозначенія созыва и набора войска.

нихъ иной смыслъ, чѣмъ хотѣлъ авторъ; не надо также замѣнять ихъ другими, которые явятся плодомъ собственной фантазіи изслѣдователя. Исторія — наука, строющаяся при помощи документовъ, сохранившихся въ нашемъ распоряженіи, а не личныхъ впечатлѣній, которыя каждому изъ насъ было бы угодно внести въ нее.

Нѣтъ указаній на то, чтобы Хлодовехъ совѣщался въ какомъ-нибудь случаѣ со своими воинами. «Мартовское (или Марсово) поле», которое описываетъ Григорій Турскій, было исключительно военнымъ смотромъ, устраивавшимся весною [1], потому ли, что король хотѣлъ немедленно вести своихъ солдатъ въ походъ или для того, чтобы за отсутствіемъ войны въ этомъ году, убѣдившись въ ихъ готовности, отпустить ихъ по домамъ [2]. Еще меньше замѣтно, чтобы онъ со-

[1] Таковъ смыслъ словъ Григорія: „phalangem ostensuram in campo Martio suorum armorum nitorem“. Трудно опредѣлить точный смыслъ выраженія *campus Martius*; оно чисто латинское, но возможно, что это переводъ какого-нибудь германскаго выраженія. — Не мѣшаетъ во всякомъ случаѣ замѣтить, что уже въ латинскомъ языкѣ слово *campus* имѣло особое значеніе поля, на которомъ собирается войско, даже поля сраженія. Сидоній Аполлинарій, желая сказать, что войска Маіоріана сохраняютъ въ своихъ рукахъ поле сраженія, пишетъ: „campum retinent“ (*Panegyr. Maioriano*, vers. 439). Григорій Турскій пишетъ—*campum pugnae* (II, 27). Надо еще замѣтить, что Амміанъ Марцеллинъ, задолго даже до времени Хлодовеха, употреблялъ выраженіе, очень сходное съ выраженіемъ Григорія Турскаго, говоря объ одномъ римскомъ военачальникѣ и о римскихъ войскахъ: „edicto ut cuncti convenirent in campo“ (*Ammian*. XX, 5, 1). Въ результатѣ всего этого приходится спросить себя, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ римскимъ обычаемъ, или съ обычаемъ германскимъ, или же съ обычаемъ, присущимъ обѣимъ расамъ, или даже всѣмъ войскамъ міра.

[2] Такъ произошло въ примѣрѣ, приводимомъ Григоріемъ

вѣщался когда нибудь со всѣмъ народомъ и испрашивалъ бы согласіе вѣча на веденіе войны.

Изъ того обстоятельства, что франкскіе короли обращались иногда съ воззваніемъ къ своимъ воинамъ, выводили заключеніе, что тутъ дѣйствовалъ германскій національный обычай; но подобныя воззванія были въ обычаѣ повсюду, даже въ римской Имперіи. Не возвращаясь къ Тациту, можно найти нѣсколько примѣровъ подобныхъ воззваній у Амміана Марцеллина. Онъ разсказываетъ одинъ разъ, что императоръ Констанцій держалъ рѣчь къ своему войску и спрашивалъ его, будетъ ли оно довольно, если онъ заключитъ миръ съ Германцами [1]; онъ совѣщался съ ними о возведеніи Юліана въ санъ цезаря [2]. Историкъ указываетъ еще на ту особенность, что войска римскія выражали на такого рода собраніяхъ свое одобреніе звуками щитовъ, ударяемыхъ о наколѣнники, а неудовольствіе—ударами копій о щиты [3]. Германскій обычай

(II, 27): „Abscedere iubet". Полезно прочитать прекрасное аналитическое изслѣдованіе о Мартовскихъ поляхъ *Wilhelm'*а *Sickel'*я—Die Merovingische Volksversammlung.

[1] *Amm. Marc.* XIV, 10; XVII, 13; XX, 4; XX, 5; XXIV, 3; XXVI, 2. Что можно сказать объ ученомъ историкѣ, который, разсуждая на основаніи собранныхъ имъ данныхъ о подобныхъ воззваніяхъ, сталъ бы утверждать, что римскія арміи были политическими собраніями? А именно это говорятъ о франкскихъ войскахъ, выводя такое заключеніе единственно изъ рѣчи Хлодовеха.

[2] *Ibidem*, XV, 8 (дѣло происходитъ въ Италіи): „Advocato omni quod aderat commilitio" (замѣтимъ это выраженіе, которое можетъ примѣняться только къ легіонамъ, то-есть, къ вполнѣ римскимъ войскамъ), tribunali ad altiorem suggestum erecto, quod aquilae circumdederunt (еще черта, указывающая на настоящія римскія войска), haec peroravit".

[3] *Ibidem*, XV, 8, 5: „Post haec militares omnes horrendo fragore scuta genibus illidentes, quod est prosperitatis indicium plenum; nam contra, cum hastis clypei feriuntur, irae documentum est.

мало отличался отъ римскаго [1]. Надо остерегаться приписывать какой-нибудь одной расѣ порядки, присущіе человѣческой природѣ вообще.

Напрасно будемъ мы искать собраній франкскаго народа въ продолженіе цѣлаго вѣка и при преемникахъ Хлодовеха. Документы ни разу не указываютъ, чтобы народъ этотъ собирался для избранія своихъ королей или для упорядоченія раздѣловъ королевства, или для назначенія либо отказа въ налогахъ, или, наконецъ, для рѣшенія вопросовъ о мирѣ и о войнѣ.

Когда сыновья Хлодовеха начали борьбу съ Бургундами, не франкское народное собраніе побудило ихъ къ войнѣ [2]. Король Теодерихъ одинъ рѣшаетъ вести войну съ Тюрингами, хотя въ походъ выступаетъ онъ лишь послѣ того, какъ рѣчью возбудилъ одушевленіе своихъ солдатъ [3]. Франки, угрожавшіе Теодериху оставить его «и передаться его братьямъ», если онъ не начнетъ войны для нихъ и не доставитъ имъ добычи,—не народное собраніе, а толпа алчныхъ воиновъ [4]. Если Хильдебертъ предпринимаетъ походъ

[1] *Tacit.* Germ. 11: „Si displicuit sententia, fremitu aspernantur, si placuit, frameas concutiunt; honoratissimum assensus genus est armis laudare".

[2] *Greg.* III, 6: „Chrotechildis regina Chlodomerem vel reliquos filios suos alloquitur: Patris matrisque meae mortem vindicate. Haec illi audientes, Burgundias petunt".

[3] *Greg.* III, 7: „Theudericus non immemor periurii Hermenefridi regis Thoringorum, Chlotacharium fratrem in solatium suum evocat, promittens partem praedae. Convocatis igitur Francis dicit ad eos..."

[4] *Idem*, III, 11: „Franci qui ad eum adspiciebant dixerunt: Si cum fratribus tuis in Burgundiam ire despexeris, te relinquimus et illos satius sequi praeoptamus... At ait ille: Me sequimini et vos in

на Италію, то не потому, что нація уполномочила его на это[1]. Мы могли бы перечислить длинный рядъ войнъ безъ всякаго указанія на волю народа въ разсказѣ о ихъ происхожденіи.

Быть можетъ, намъ скажутъ, что Григорій Турскій могъ не знать политическихъ дѣйствій франкскаго народа; но это будетъ ошибкой. Онъ зналъ Франковъ, посѣщалъ королей и былъ освѣдомленъ о томъ, что дѣлалось вокругъ нихъ. Нельзя допустить, чтобы ему остался неизвѣстенъ такой обычай, какъ вѣчевыя собранія; а если они были ему знакомы, нельзя допустить, чтобы онъ не упомянулъ о нихъ во всѣхъ случаяхъ, когда они происходили. Не слѣдуетъ также говорить, что онъ не понялъ франкскихъ порядковъ. Неужели историки девятнадцатаго вѣка, стремящіеся изобразить ихъ иначе, чѣмъ онъ, могутъ быть увѣрены, что поняли ихъ лучше его?

Самое учрежденіе марсова (или мартовскаго) поля, т.-е., весенній смотръ солдатъ, скоро, какъ кажется, вышло изъ употребленія. Григорій, описавшій одинъ разъ этотъ смотръ при Хлодовехѣ, ниразу не упоминаетъ о немъ при его преемникахъ. Въ его сочиненіи говорится обо многихъ военныхъ предпріятіяхъ. Онъ часто рисуетъ намъ войско, собранное вокругъ короля, и никогда не встрѣчается у него ни одного слова, которое бы указывало на то, чтобы съ войскомъ этимъ короли совѣщались о чемъ бы то ни было, даже о предпринимаемой войнѣ. Войско это иногда непокорно; разъ оно угрожало королю Теодериху; другой разъ, оно возстало противъ короля Хлотара[2]; но эти акты неповиновенія, которые къ тому же повторяются довольно рѣдко[1], не имѣютъ ничего общаго съ правомъ народа свободно подавать мнѣніе о войнѣ; они, напротивъ, свидѣтельствуютъ даже объ отсутствіи этого права.

ducam ubi aurum et argentum accipiatis... His promissionibus hi inlecti suam voluntatem (волю Теодериха) facere promittunt."

1 См. у Григорія Турскаго, IX, 29; X, 3.

2 *Greg.* III, XI; IV, 14.

Что касается мирныхъ договоровъ, то многочисленными примѣрами можно доказать, что франкскіе короли заключали ихъ, когда хотѣли и съ кѣмъ хотѣли, никогда не спрашивая мнѣнія народа. Анделотскій трактатъ, или называя его настоящимъ его именемъ, Анделотское соглашеніе[2], было актомъ, рѣшавшимъ участь двухъ королевствъ и регулировавшимъ матеріальные интересы большого числа Франковъ. Соглашеніе это не было однако подвергнуто разсмотрѣнію народнаго собранія. Оно было заключено «на совѣщаніи трехъ могущественнѣйшихъ государей того времени, королей Гунтрамна и Хильдеберта и преславной госпожи Брунегильды, которые изъ чувства благочестія условились въ присутствіи епископовъ, вельможъ и самого Бога сохранять между собою взаимную вѣрность и искреннюю дружбу»[3]. Если пере-

1 Насчитывается три такихъ случая; но можно показать рядомъ болѣе сорока примѣровъ, когда войска Меровинговъ съ необычайною покорностью выступаютъ туда, куда король приказываетъ имъ идти. Мы приведемъ дальше эти примѣры.

2 Григорій Турскій называетъ его *pactio*.

3 *Greg.* IX, 20: „Cum praecellentissimi domni Guntchramnus et Childebertus reges et gloriosissima domna Bruniehildis regina Andelaum caritatis studio convenissent... id inter eos, mediantibus sacerdotibus atque proceribus, Deo medio, caritatis studio complacuit, ut fidem et caritatem puram sibi debeant conservare".—Отмѣтимъ значеніе нѣскольких словъ: *sacerdotes* говорилось въ шестомъ вѣкѣ о епископахъ; *mediantibus*, *medio* значило просто—находящійся среди кого-нибудь. Мы читаемъ также *mediante februario*—въ февралѣ. Слово это никоимъ образомъ не передавало понятія, приписываемаго нами теперь слову—посредничество. Фраза эта означаетъ,

читать длинный текстъ этого соглашенія, сообщенный Григорію Турскому самимъ королемъ Гунтрамномъ, мы не найдемъ тамъ упоминанія о собраніи или указанія на волю народную.

Итакъ, тѣ народныя собранія, которыя описываетъ Тацитъ въ «Германіи», не были перенесены Франками въ Галлію. Въ шестомъ вѣкѣ нѣтъ собраній у Франкскаго народа[1].

что каждый изъ трехъ властителей раньше, чѣмъ заключить соглашенія спросилъ мнѣніе нѣсколькихъ епископовъ, вельможъ и даже самого Бога.

[1] Одинъ французскій историкъ права, *Glasson*, въ своей „Histoire du droit et des institutions de la France" (т. II, стр. 321—323) утверждаетъ, что въ шестомъ вѣкѣ можно указать цѣлый рядъ народныхъ собраній; при этомъ онъ иногда ссылается на опредѣленные тексты. Надо провѣрить эти тексты. Мы приведемъ всѣ тѣ, на какіе онъ опирается. „Войско, говоритъ онъ, (стр. 321) каждый годъ регулярно призывалось на Марсово поле". Авторъ, на котораго онъ ссылается при этомъ, Гинкмаръ — епископъ девятаго вѣка, и слѣдовало устранить, по крайней мѣрѣ, изъ его текста то, что онъ говоритъ о *posteriores Franci*, т. е., о Франкахъ каролингской эпохи. Единственный, приводимый Гинкманомъ фактъ о старинѣ, это лишь повтореніе исторіи съ суассонской чашей при Хлодовехѣ, и Гинкмаръ вовсе не изображаетъ здѣсь народнаго собранія. Послѣ Хлодовеха, ни Гинкмаръ, ни Григорій Турскій не упоминаютъ ни объ одномъ Марсовомъ полѣ; вправѣ ли мы говорить послѣ этого, что войско каждый годъ аккуратно призывалось на Марсово поле? „Обычай этотъ удержался", говоритъ однако Глассонъ, и чтобы доказать это, онъ приводитъ *decretio Childeberti* 596 года, въ которомъ не упоминается однако ни о Марсовомъ полѣ, ни о народномъ собраніи; Глассонъ былъ введенъ въ заблужденіе выраженіемъ *calendis martiis*. Мартовскія календы, это обозначеніе времени, а не собранія. Если обратиться къ самой терминологіи этого текста (*decretio Childeberti* въ изданіи Boretius, стр. 15), ясно будетъ видно, что Хильдебертъ держалъ совѣтъ „среди своихъ знатныхъ", а не передъ народомъ или на Марсовомъ полѣ.—Затѣмъ еще читаемъ у Глассона (стр. 323): „Ко-

Въ слѣдующемъ, седьмомъ, вѣкѣ появляются собранія новаго рода, называемыя въ текстахъ *conventus generalis populi*. Они не походятъ ни на древнія римскія *concilia*, ни на древнія германскія вѣча. Ни Григорій Турскій, ни хроника, называемая фредегаріевой, никогда не упоминаютъ о нихъ. Собранія эти обнаруживаются только въ послѣднія сто лѣтъ меровинг-

роли совѣщались съ войскомъ или народомъ, и иногда ихъ мнѣніе одерживало верхъ". Глассонъ приводитъ для подтвержденія два извѣстныхъ разсказа о воинахъ, требовавшихъ отъ Теодериха и Хлотара разрѣшить имъ походъ и доставить добычу; но какое можно найти здѣсь отношеніе къ Марсовому полю и народному собранію? Можно ли видѣть доказательство существованія народнаго вѣча въ двухъ актахъ неповиновенія войска королямъ? Почему не придерживаться текстовъ Григорія Турскаго (IV, 11 и 24), разсказывающаго объ обоихъ событіяхъ и не думающаго придавать имъ характера нормальнаго порядка.—„Король Гунтрамнъ во многихъ случаяхъ собираетъ свой народъ", опредѣленно заявляетъ Глассонъ (стр. 323) и цитируетъ еще Григорія Турскаго (VII, 34 и 38); если обратиться къ двумъ указаннымъ отрывкамъ, въ нихъ не окажется ни слова объ этомъ, и даже если прочитать всего Григорія Турскаго, нельзя будетъ найти у него ничего подобнаго. Смотрите тамъ же у Глассона (стр. 323): „Мундерихъ, имѣвшій притязанія на престолъ, созываетъ народъ, потому что права его оспариваются". Говорить такъ, значитъ играть словами; Григорій дѣйствительно пишетъ (III, 14) — *populum suum*; но всмотритесь въ это мѣсто его сочиненія, и вы увидите, что рѣчь идетъ не о народѣ франкскомъ, а о населеніи нѣсколькихъ округовъ Шампани; самъ Григорій прибавляетъ, что это было ничто иное, какъ *rustica multitudo*, т. е., сборище крестьянъ. Толпа эта была созвана, кромѣ того, не для совѣщанія, а для принесенія клятвы, которую должны были подданные своему государю. Довольно странно превращать ее въ собраніе франкскаго народа.—Можно еще разобрать показаніе автора на страницѣ 323: „Собранія рѣшаютъ самые разнообразные вопросы". Не приводится ни одного примѣра. „Они опредѣляютъ даже границы между королевствами". Тутъ Глассонъ дѣлаетъ ссылку на Фредегарія (II, 37),

скаго періода; поэтому мы займемся ихъ изслѣдованіемъ ниже, въ болѣе подходящей связи, и тогда разсмотримъ ихъ отличительныя черты.

Бросимъ теперь взглядъ на другія германскія государства внѣ Галліи. Если мы станемъ искать въ нихъ учрежденія Марсовыхъ полей, то не найдемъ его. Случалось иногда, что войско возставало и назначало себѣ новаго короля, но никогда не было замѣтно, чтобы оно имѣло собранія, установленныя закономъ или обычаемъ, и чтобы короли постоянно совѣщались съ нимъ. Что же касается народныхъ или вѣчевыхъ сходокъ, которыя созывались бы періодически и по праву обсуждали государственныя дѣла и принимали рѣшенія относительно общественныхъ нуждъ, то не существуетъ ни одного примѣра такихъ собраній ни у Вестготовъ, ни у Лонгобардовъ, ни у Аламанновъ, ни у Баваровъ. Верховная власть народа не формулируется въ «Правдахъ», она не проявляется также и въ отдѣльныхъ фактахъ. Очевидно, что старый германскій институтъ вѣчевыхъ собраній былъ забытъ на новой почвѣ. Его мѣсто заняло во всѣхъ этихъ государствахъ собраніе знатныхъ вокругъ короля; оно дѣйствительно обсуждало важные вопросы и проявляло большую дѣятельность. Чтобы понять значеніе этого собранія, надо разсмотрѣть сначала, кто такіе были эти знатные, изъ которыхъ оно составлялось.

который говоритъ какъ разъ обратное. Въ означенной главѣ хроникеръ разсказываетъ, что два короля ведутъ войска свои въ сраженіе, не посовѣтовавшись съ ними, и что потомъ, отказавшись отъ сраженія, одинъ изън ихъ уступаетъ другому оспариваемую область, опять не посовѣтовавшись ни съ какимъ народомъ.— „Король совѣщается съ своимъ народомъ о назначеніи чиновниковъ, или относительно налоговъ (стр. 323)“. — Авторъ не указываетъ ни одного оправдательнаго документа. — Теперь ясно, почему, внимательно изучивъ теорію нашего ученаго собрата, мы не можемъ присоединиться къ ней. Нѣтъ ни одного текста, дѣйствительно отмѣчающаго существованіе Марсова поля или народнаго собранія во франкскомъ государствѣ въ шестомъ вѣкѣ.

ГЛАВА IV.

Существовала-ли знать во франкской монархіи?

Лейды, антрустіоны, оптиматы.

Намъ предстоитъ разслѣдовать, отыскивается ли у Франковъ аристократическое сословіе — все равно, каково бы ни было его происхожденіе, т.-е., вышла ли эта знать изъ Германіи или образовалась въ Галліи, какъ одно изъ слѣдствій завоеванія страны Франками. Вопросъ этотъ имѣетъ двоякое значеніе, ибо, если такая знать существовала, она должна была оказывать значительное вліяніе на управленіе Меровинговъ, и она могла кромѣ того послужить основою для развитія феодальной аристократіи.

Въ документахъ—законахъ, хроникахъ и житіяхъ святыхъ—очень часто упоминаются нѣкоторыя особенныя категоріи людей; онѣ обозначаются двумя германскими терминами—лейды и антрустіоны, и тремя латинскими—*optimates*, *proceres* и *nobiles*. Чтобы опредѣлить настоящій смыслъ этихъ словъ и отличительныя черты соціальнаго положенія общественныхъ классовъ, которыхъ они обозначали, необходимо пересмотрѣть всѣ тексты, въ которыхъ встрѣчается каждое изъ нихъ.

Приглядываясь къ употребленію слова *leudis*, можно сдѣлать прежде всего такое замѣчаніе: ни о какомъ лицѣ никогда не говорится, чтобы оно просто было

«лейдомъ», какъ можно сказать о комъ-нибудь, что онъ знатный; всегда говорится, что такое-то лицо —«лейдъ кого-нибудь другого». Такъ, Григорій Турскій разсказываетъ о тѣхъ, кто были «лейдами Рахнахара» [1]. Онъ говоритъ, что Теодеберта защищали «его лейды» [2]. Легко склониться къ мнѣнію, что слово это заключаетъ въ себѣ понятіе благородства и знатности; но на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Одинъ король говоритъ съ презрѣніемъ: «Ребенокъ этотъ, безъ сомнѣнія, сынъ одного изъ моихъ лейдовъ» [3]. Въ своихъ указахъ и грамотахъ короли употребляютъ иногда это слово, но они никогда не говорятъ просто «лейды», а всегда—«наши лейды» [4]. Люди эти вездѣ указаны, какъ зависящіе отъ короля, какъ принадлежащіе ему [5]. Слово „лейдъ" никогда не появляется какъ названіе должности или соціальнаго положенія;—оно всегда служитъ выраженіемъ особой зависимости, спеціальнаго подчиненія человѣка личности короля.

Можно сдѣлать еще другое замѣчаніе: Григорій Турскій употребляетъ безъ различія германскій терминъ «лейды» и латинскій *homines*; онъ говоритъ, на-

[1] *Greg. Tur.* II, 42.

[2] *Greg.* III, 23: „A leudibus suis defensatus est." — Cfr. *Fredegarii* Chronicon, 21: „Theodebertus hortabatur a leudibus suis"; 61: „Cum leudes sui (id est Dagoberti) eius nequitiam gemerent".

[3] *Greg.* VIII, 9: „Ut credo, alicuius ex leudibus nostris sit filius".

[4] *Edictum Chilperici*, c. 2: „Leudibus nostris"; c. 3: „Leodes qui patri nostro fuerunt". — *Childeberti decretio*, c. 2: „Una cum leodos nostros".—Грамота Хильпериха II (*Diplomata*, № 495): „Cunctis leodibus nostris".—См. также Анделотское соглашеніе, въ которомъ каждый король хочетъ сохранить своихъ лейдовъ и называетъ такъ людей, принесшихъ ему особенную клятву.

[5] „Vivat rex, qui tales habet leudos" (*Gesta regum Francorum*, 13).

примѣръ: люди короля, люди Хильдеберта [1], совершенно такъ же, какъ говоритъ—лейды короля, лейды Теодеберта. Въ латинскомъ же языкѣ терминъ *homo* получилъ съ четвертаго вѣка значеніе названія зависимаго человѣка; онъ примѣнялся къ лицу, которое подчиняло себя другому, т.-е., къ такому, которое, не будучи рабскаго происхожденія, поступало въ личную зависимость къ другому. Въ томъ же значеніи употреблялось слово «лейдъ»; оно принесено изъ Германіи и сохранилось въ позднѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ въ видѣ *Leute*: оно обозначаетъ низшихъ людей, подчиненный слой населенія [2].

Надо прочитать то мѣсто, гдѣ Григорій Турскій въ первый разъ употребляетъ это слово: «Хлодовехъ послалъ лейдамъ Рахнахара драгоцѣнныя вещи изъ золоченой мѣди съ тѣмъ, чтобы они предали его; они это и сдѣлали; потомъ, когда они замѣтили, что драгоцѣнности были мѣдныя, Хлодовехъ сказалъ имъ: «Этого только и заслуживаютъ люди, предавшіе своего господина (*dominum suum*) [3]. Вотъ ясно указанный смыслъ слова: лейдъ—это человѣкъ, имѣющій господина.

Такимъ образомъ, мы можемъ доказать, что словомъ «лейдъ», которое вовсе не обозначало благороднаго

[1] *Greg. Tur.* VII, 13: „Homines Childeberti".—VIII, 11: „Homines regis".

[2] Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что слово—*leudes* (мн. ч.) не встрѣчается ни въ Салической, ни въ Рипуарской Правдахъ; франкскіе законы не признаютъ, стало быть, класса людей, который носилъ бы это имя. Слово *leudis* (ед. ч.) попадается нѣсколько разъ въ Салической Правдѣ, но въ смыслѣ цѣны человѣка вообще, а не въ смыслѣ особой цѣны благороднаго.

[3] *Greg.* II, 42: „Haec dedit leudibus eius... Merito, inquit, tale aurum accepit qui dominum suum ad mortem deduxit".

класса, въ древнѣйшемъ текстѣ, въ которомъ оно появляется, спеціально назывался низшій классъ свободнаго общества. Бургундская Правда дѣлитъ свободныхъ людей на три категоріи: наверху стоятъ тѣ, которыхъ она называетъ *optimates*, посрединѣ—*mediocres* и внизу тѣ, которыхъ въ одномъ мѣстѣ она именуетъ *leudes*, а въ другомъ *minores personae* [1]. Такимъ образомъ, чѣмъ больше мы возвращаемся назадъ, тѣмъ замѣтнѣе дѣлается, что соціальная категорія лейдовъ исходила изъ очень низкаго источника.

Въ седьмомъ вѣкѣ значеніе слова расширяется. Оно одинаково примѣняется къ бѣднымъ и богатымъ, къ знатнымъ и незнатнымъ, ко всѣмъ, кто считался подданнымъ короля. «Дагобертъ съ одинаковой справедливостью судилъ всѣхъ лейдовъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ», пишетъ одинъ хроникеръ [2]. Слово

[1] *Lex Burgundionum*, c. 101 (*Pertz*, Leges, III, p. 573): „Quicumque Burgundio alicuius optimatis aut mediocris cum filia se copulaverit, tripla solutione... CL solidos cogatur exsolvere. Si vero (cum filia) leudis hoc praesumpserit facere... solidos XLV solvat“. Итакъ, дочь лейда едва стоитъ треть цѣны дочери оптимата. Cfr. *Ibidem*, II, 2, p. 533: „Si aliquis optimatem occideri, CL solidos; si mediocrem, C; pro minore persona LXXV solidos“.

[2] *Fredegarii*, Chronicon c. 58: „Cum Lingonas venisset, tanta in universis leudibus suis tam sublimibus quam pauperibus tanta iudicabat iustitia“. — У Фредегарія вообще *leudes* противопоставляются *sacerdotes* для обозначенія свѣтскихъ лицъ. См. гл. 1 и 56: „Pontifices et leudes“. Или оно обозначаетъ еще воиновъ, т.-е., подданныхъ короля, которые должны ему военную службу; примѣръ: „Universos leudes quod regebat in Auster iubet in exercitu promovere“ (c. 56).—Также c. 85: „Omnes leudes Austrasiorum“; c. 87: „Iussu Sigeberti omnes leudes Austrasiorum in exercitu gradiendum banniti sunt“.—Ни въ одномъ случаѣ хроникеръ не употребляетъ этого слова въ смыслѣ знатныхъ; въ главѣ 58 онъ противопоставляетъ его, наоборотъ, понятію—*proceres:* „Pontifices et proceres seu et ceteros leudes“. Оно обозначаетъ всегда людей, очень зависимыхъ отъ короля; если это не совсѣмъ аристократическій классъ, то, конечно, классъ спеціально связанный съ королемъ особенно тѣсными узами подданства.

это не обозначало, стало быть, спеціальнаго класса людей; всякій подданный короля былъ въ глазахъ хроникера его лейдомъ. Лейдъ и подданный были синонимами. Одинъ писатель слѣдующаго столѣтія слово въ слово воспроизвелъ только что приведенную нами фразу хроникера; онъ замѣнилъ только выраженіе *leudibus* словомъ *subditis* [1], то-есть, равносильнымъ первому.

Быть лейдомъ кого-нибудь значило быть подчиненнымъ этому человѣку. Слово это въ сущности соотвѣтствовало понятію «слуга», съ тою только разницею, что примѣнялось оно къ службѣ свободнаго человѣка, а не раба или вольноотпущенника. Намъ надо будетъ показать въ другомъ томѣ настоящаго сочиненія истинный характеръ такого подданства, которое создавалось обыкновенно путемъ свободнаго принятія обязательства и начиналось съ клятвы [2]. Здѣсь же достаточно будетъ установить, что лейды не были аристократическимъ сословіемъ.

Салическая Правда не упоминаетъ ни о какой наслѣдственной аристократіи. Въ ней не заключается,

[1] *Gesta Dagoberti*, c. 21: „Cum Lingonas venisset, tantam universis sibi subditis tam sublimibus quam pauperibus iudicabat iustitiam“.—То же значеніе словъ повторяется въ грамотѣ 716 года, которою король Хильперихъ II жалуетъ иммунитетъ монахамъ аббатства С.-Дени съ тѣмъ, чтобы они молили Бога „pro stabilitate regni nostri et pro quiete cunctis leodis nostris“ (*Tardif*, Cartons des rois, № 46; *Pardessus*, Diplomata, № 495).

[2] *Greg*. IX, 20: „Leudes illi qui Guntchramni sacramenta praebuerunt“.—*Edictum Chlotarii*, II, 17: „Quae unus de leodibus suum fidem servando...“

какъ и въ Правдѣ Баваровъ, никакихъ признаковъ существованія привилегій въ пользу извѣстныхъ избранныхъ фамилій. Выше рабовъ и лейдовъ она признаетъ только людей, равныхъ въ своей свободѣ. Тѣ, которыхъ она называетъ *ingenui*, *franci* и *salici*, принадлежатъ всѣ къ одному классу; за нихъ платится одинаковая *вира*, то-есть, они одинаково оцѣнены по закону. Правда эта, слѣдовательно, не признаетъ аристократіи по рожденію.

Въ ней отмѣчаются привилегіи для тѣхъ только, кому пожаловалъ ихъ король. «Убившій свободнаго человѣка долженъ заплатить 200 солидовъ, но если убитый находится подъ спеціальнымъ покровительствомъ короля (*in truste dominica*, т. е., принадлежитъ къ его дружинѣ), убійца долженъ будетъ заплатить 600 солидовъ [1]. Совершенно также высказывается объ этомъ Рипуарская Правда [2]. Слово *trustis* вовсе не значитъ аристократія. Это терминъ языка Германцевъ, заключавшій въ себѣ понятіе вѣрности и въ то же время покровительства, такъ какъ онъ примѣнялся къ положенію, въ которомъ оба эти вида обязательства существовали. Вѣрность антрустіона (первоначально — дружинника) должна была принадлежать человѣку, который давалъ ему свое покровительство. Это двойное отношеніе было выражено на синтетическомъ языкѣ стараго времени однимъ словомъ [1]. Сказать о какомъ-нибудь человѣкѣ, что онъ былъ *in truste* короля, значило, съ одной стороны, сказать, что онъ былъ связанъ по отношенію къ королю весьма строгимъ долгомъ вѣрности, а съ другой, что король долженъ былъ оказывать ему особое покровительство; послѣдній выражалъ это покровительство назначеніемъ тройной цѣны за жизнь антрустіона сравнительно съ цѣною жизни простого свободнаго человѣка.

[1] *Lex Salica* (изд. Behrend), с. 41: „Si quis ingenuo franco... occiderit... solidos CC culpabilis iudicetur.. Si vero eum qui in truste dominica fuit occiderit... DC solidos culpabilis iudicetur“.—*Ibidem*, 42: „Si quis collecto contubernio hominem ingenuum in domo sua occiderit, si in truste dominica fuit ille qui occisus est, solidos MDCCC culpabilis iudicetur“. См. также главу LXIII.

[2] *Lex Ripuariorum*, VII: „Si quis ingenuum Ripuarium interfecit, ducentis solidis culpabilis iudicetur“.—*Ibidem*, XI, 9: „Si quis eum interfecerit qui in truste regia est, sexcentis solidis culpabilis iudicetur“.—Не надо смѣшивать *homo regius*, что значило—вольноотпущенникъ, съ *ingenuus in truste regia*, что значило—дружинникъ (антрустіонъ).

Подобно лейду антрустіонъ зависѣлъ отъ короля; онъ какъ бы принадлежалъ ему; но и антрустіонатъ былъ не должностью, а состояніемъ личной зависимости. Весьма вѣроятно, правда, что этого рода зависимости многіе охотно добивались, что съ нею сопряжена была выгода, но она вовсе не походила на аристократическую привилегію. Антрустіонатъ не былъ наслѣдственнымъ; при рожденіи ни одинъ человѣкъ не былъ антрустіономъ, онъ становился имъ въ тотъ день, когда приносилъ клятву королю, и когда король, принимая новаго слугу, «присоединялъ его къ числу антрустіоновъ-дружинниковъ [2]». Какъ такая клятва была личною, такъ и антрустіонатъ оказывался личнымъ отношеніемъ и не передавался по наслѣдству.

[1] Нѣсколько иначе объясняетъ это понятіе *Max. Deloche* въ своемъ солидномъ трудѣ „La truste et l'antrustion royal“, 1873.

[2] См. Формулы Маркульфа, I, 18 (Rozière, № 8; Zeumer, стр. 55): „Rectum est, ut qui nobis fidem pollicentur illaesam, nostro tueantur auxilio. Et quia ille fidelis, in palatio nostro... in manu nostra trustem et fidelitatem nobis visus est coniurasse, propterea iubemus, ut deinceps in numero antrustionum computetur. Et si quis eum interficere praesumpserit, noverit se DC solidis esse culpabilem“.

Королевская дружина (*trustis regia, dominica*) такъ мало походила на аристократію, что туда могли приниматься и вольноотпущенники, и литы, и *romani*[1]; но, будучи допущены въ дружину, они не освобождались изъ-за этого отъ своего положенія лита, или «римлянина». Законная цѣна ихъ жизни опредѣлялась по рожденію; она только утраивалась, какъ и цѣна свободнаго человѣка, потому что люди эти были подъ спеціальнымъ покровительствомъ короля. Изъ этого видно, что антрустіонъ-литъ всегда оставался значительно ниже свободнорожденнаго антрустіона, и что различіе между нимъ и литомъ оставалось неизмѣннымъ и внутри дружины. Такимъ образомъ, антрустіонатъ вовсе не давалъ человѣку аристократической привилегіи; онъ не выводилъ человѣка изъ того класса, въ которомъ тотъ родился, а возвышалъ только цѣну его въ скалѣ виръ сравнительно съ другими людьми его класса. Привилегія эта доставалась ему благодаря королевской милости и прекращалась вмѣстѣ съ нею.

Надо изслѣдовать теперь, кто были тѣ, кого называли тогда знатными, *optimates, proceres*. Если разсмотрѣть многочисленные тексты, упоминающіе о нихъ, то прежде всего можно будетъ замѣтить, что король никогда не говоритъ—«вельможи» или «оптиматы», а говоритъ всегда—«мои вельможи», «мои оптиматы»[2]. Писатели выражаются такъ же и говорятъ: знатные или вельможи короля, оптиматы короля[1]. Лица эти живутъ большую часть времени во дворцѣ, и ихъ охотно называютъ также дворцовыми вельможами, сановниками двора, придворными[2]. Дѣйствительно, мы не встрѣчаемъ ихъ за предѣлами двора государя, если только онъ не назначаетъ ихъ въ какую-нибудь административную должность или не отправляетъ ихъ послами. Оптиматы эти никогда не появляются внѣ круга королевской дѣятельности; король произноситъ «со своими опти-

[1] *Recapitulatio legis salicae* (ed. Merkel, p. 99; ed. Pardessus, p. 358): „Solidos CM, si quis romanum vel litum in truste dominica occiserit".— Это половина суммы, назначавшейся за свободнаго человѣка.—Ed. Behrend, p. 134. „Solidos CM, qui antrustionem, qui puer regis est, occiserit".

[2] *Childeberti decretio* (Pertz, I, 8): „Una cum nostris optimatibus".—*Edictum Chlotarii II*, cap. 14: „Cum optimatibus aut fidelibus nostris".—Грамота Хильдеберта III (*Tardif*, № 42, *Pertz*, № 73, *Pardessus*, № 456): „Nos taliter una cum nostris proceribus constetit decrevisse". — Грамота Теодериха III (*Tardif*, № 23, *Pertz*, № 48, *Pardessus*, № 388): „Cum consilio procerum nostrorum". — Грамота Теодериха IV (*Pardessus*, № 548): „Quidam nostrorum procerum nomine Galterius".— Грамота Дагоберта I (*Pardessus*, № 289): „Nostrorum consilio optimatum".— Формулы Маркульфа, I, 25: „Cum nos in palatio nostro ad universorum causas iudicio terminandas una cum pluribus optimatibus nostris resederemus".

[1] *Greg. Tur.* VIII, 2: „Optimates regi".—*Fredegarii Chron.* c. 8: „Rauchingus et Boso, Ursio et Bertefredus, optimates Childeberti regis".—*Vita Praeiecti* (Mabillon, II, 649): „Ab optimatibus regis".—*Vita Aigulfi*, c. 7: „Ad regem proceresque eius". — *Vita Romarici*, c. 11: „Regi et proceribus suis".— *Vita Eligii*, I, 5: „Cunctis optimatibus eius (regis)".—*Vita Richarii*, 1 (Mabillon, II, 190): „Dagobertus optimates suos dignitatibus exaltavit". — *Vita Rusticolae*, 23 (Mabillon, II, 144): „Rex et optimates sui".

[2] *Vita Agili* (Mabillon, II, 316): „Optimates palatii".—*Vita Bercharii*, c. 13: „Palatii optimates".— *Vita Consortiae*, 15: „Primores palatii".—*Vita Ansberti*, c. 18: „Proceribus palatii".—*Fredegarii Chr.* 36: „Proceres aulicos". — *Vita Leodegarii ab anonimo*, c. 7: „Palatini optimates".—*Vita Ebrulfi bellov.* c. 5 (Mabillon, I, 367): „Palatii proceres". — *Vita Theodulfi*, c. 2 (ibidem, I, 346): „Aulicorum optimatum".—*Vita Mauri*, c. 48: „Veniens Florus cum multis optimatibus qui eum de palatio regis fuerant secuti".— *Vita Eligii*, I, 8: „Erant optimates aulae".— То же самое у Вестготовъ: „Optimates palatii" (*Lex Wisig.* XII, 1, 3).

матами» судебные приговоры; онъ издаетъ «со своими вельможами» указы. Никогда не видимъ мы ихъ иначе, какъ вокругъ короля, и не замѣтно, чтобы у нихъ были личныя, принадлежавшія имъ права и собственное значеніе; по крайней мѣрѣ, объ этомъ никогда не говорится въ источникахъ.

Рипуарская Правда перечисляетъ лицъ, входившихъ въ разрядъ оптиматовъ: прежде всего къ нимъ относится палатный мэръ, котораго, какъ мы увидимъ, назначалъ король; затѣмъ *domestici* короля, графы или графіоны, канцлеры дворца[1]. Всѣ они—сановники или должностныя лица; обязанности и права ихъ зависятъ отъ короля. Оптиматами люди становятся по милости короля, какъ говорятъ документы[2]; поэтому то и санъ оптимата или вельможи не былъ наслѣдственнымъ[3].

Не надо забывать, что два разбираемые термина, *optimates* и *proceres*, принадлежали латинскому языку. Именами этими называли въ римской Имперіи сановниковъ императорскаго центральнаго правительства[4]. При Меровингахъ они сохраняютъ такое же

[1] *Lex Ripuariorum*, 88: „Iubemus, ut nullus optimatum, maiordomus, domesticus, comes, grafio, cancellarius...“

[2] *Formulae*, ed. Rozière, № 747: „Domino optimati illo regali gratia sublimato“. — *Ibidem*, № 847: „Domno inclito atque regali gratia sublimato inlustri viro optimati illi“.

[3] Таковъ законъ. На практикѣ часто случалось, что сынъ оптимата поступалъ также на королевскую службу и, въ свою очередь, становился оптиматомъ.

[4] „Per consultationem sacri nostri palatii procerum“ (законъ 426 года, въ кодексѣ Юстиніана, I, 14, 2). — „Per proceres nostros“ (новеллы Валентиніана III см. XVIII, Haenel, 184).— „Proceribus nostri palatii“ (*Cod. Iust.* I, 14, 8).—*Novell. Valent.* I, 3: „Nobis et proceribus nostris“. — См. также *Cassiodor.* Var. VI, 3; 4; 10.

точно значеніе; ими обозначается родъ сословія, которое можно назвать, если угодно, аристократіей, но которое, какъ и во времена Имперіи, было ни чѣмъ инымъ, какъ совокупностью придворныхъ служилыхъ людей. Прежде чѣмъ сдѣлаться епископомъ, Дезидерій былъ казначеемъ короля, и благодаря этому онъ получилъ достоинство оптимата[1]: это доказываетъ, что люди римскаго происхожденія могли вступать въ ряды дворцовой аристократіи совершенно такъ же, какъ и люди изъ франкской расы.

Названія *principes* или *primates*[2] встрѣчаются иногда у писателей и въ оффиціальныхъ документахъ. Смыслъ самыхъ текстовъ ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ предполагать, чтобы рѣчь шла тутъ о начальникахъ франкскихъ племенъ, или о начальникахъ округовъ, или о предводителяхъ военныхъ отрядовъ. Значеніе обоихъ терминовъ неясно, и они прилагаются къ лицамъ высокаго положенія, къ какой бы расѣ они ни принадлежали, въ особенности же къ лицамъ, окружавшимъ короля и занимавшимъ административныя должности въ королевствѣ. Что же касается званія герцога и графа, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, то оно заимствовано также изъ Имперіи и примѣнялось лишь къ чиновникамъ короля, а не къ аристократіи.

Очень часто встрѣчаются также лица, называвшіяся

[1] См. Посланіе Вера къ Дезидерію, у *Bouquet*, IV, 48.

[2] Хроника, называемая фредегаріевой, часто употребляетъ слово *primates*. См. с. 49, 75, 76, 80, 87, 89, 90. — Григорій Турскій говорилъ въ томъ же смыслѣ—*primi*: „Rex misit Imnacharium et Scaptharium primos de latere suo“ (IV, 13).— Онъ употребляетъ также выраженіе *principes saecularium* (V, 5), *principes regni* (VII, 36): „Inquirit rex principibus suis“ (*Vita Rusticolae*, c. 23, Mabillon, II, 144).

nobiles, но терминъ этотъ попадается только у агіографовъ, стиль которыхъ далекъ отъ точности. Можно даже замѣтить, что большая часть житій святыхъ этой эпохи начинается со словъ, что святой былъ «*nobilis genere, sed nobilior fide*» [1]. Или же въ нихъ говорится, что святой родился отъ «очень знатныхъ» родителей, именъ которыхъ они даже не называютъ [2]. Говорится еще кромѣ того о благородныхъ мужахъ и о благородныхъ женщинахъ. Но, пользуясь упоминаніемъ о столькихъ «благородныхъ», попробуйте построить ихъ генеалогію, попробуйте возстановить хоть одно наслѣдственно-благородное семейство, и вамъ это не удастся. Въ особенности же никогда не удастся вамъ найти семейство, знатность котораго восходила бы раньше варварскихъ нашествій. Слово «благородный» въ языкѣ этихъ писателей съ высокопарною рѣчью вызывало неопредѣленное понятіе; оно обозначало просто, что человѣкъ принадлежалъ къ хорошему дому, что онъ не былъ рожденъ въ рабствѣ, или въ положеніи вольноотпущенника, или въ слишкомъ бѣд-

[1] *Vita Agilii* (Mabillon, II, 316): „Generis nobilitate sublimis, religionis apice sublimior“.— *Vita Remacli*, c. 1: „Parentibus nobilis, sed fide nobilior“.—*Vita Wandregisili*: „Natalibus nobilis, sed fide nobilior“.—*Vita Maximini*, c. 36: „Nobilissimus genere et moribus“.

[2] *Vita Sigiranni*, 1 (Mabillon, II, 432): „Sigirannus, solo Biturico, nobili progenie ortus“.—*Vita Geremari*, 1 (ibid. p. 475): „Geremarus progenitus ex nobilibus parentibus“.—*Vita Marculfi* (ibid. t. I, p. 128): „Marculfus ex nobilissimis ditissimisque Baiocassinis civibus exortus“.—*Vita Paterni* (ibid. I, 152): „S. Paternus, civis Aquitanicae regionis, generosis parentibus ortus“.—*Vita Lifardi* (ibid. p. 154): „B. Lifardus, ex inclyta Aurelianorum civium prosapia ortus“.—*Vita Maxentii* (ibid. p. 578): „S. Maxentius nobilibus parentibus ortus“.

ной семьѣ [1]. Слово это никакъ не могло обозначать настоящее сословіе [2].

Итакъ, Франки не насадили въ Галліи родовой знати. Никакая привилегированная каста не поддерживала и не стѣсняла власти королей меровингской династіи, и такимъ образомъ не отъ франкской аристократіи могъ произойти феодальный строй.

Сравнимъ съ только что разсмотрѣнными нами фактами изъ исторіи франкской монархіи, что происходило въ сходныхъ съ нею другихъ государствахъ, основанныхъ германскими племенами. Мы не усматриваемъ существованія знатнаго сословія ни у Бургундовъ, ни у Готовъ Италіи или Испаніи, ни у Лонгобордовъ. Всюду находимъ мы аристократію, но это—аристократія сановниковъ короля, его оптиматовъ; мы не говоримъ еще о епископатѣ, образовавшемъ другого рода аристократію. У бургундскихъ королей есть оптиматы, но въ ихъ государствѣ нѣтъ знатной касты [3]. Король Остготовъ окруженъ своими *proceres*, а мы знаемъ изъ оффиціальныхъ актовъ, какъ пріобрѣталось это званіе: оно давалось не за благородство происхожденія, а вслѣдствіе отправленія высшихъ должностей, которыя замѣщались по назначенію короля, или же

[1] *Lex Burgundionum* (praefatio): „Coram positis optimatibus nostris“.

[2] Такъ, о жителяхъ Руана, составитель житія св. Ансберта (c. 24) говоритъ: „Cunctos cives, nobiles et ignobiles“, то-есть, всѣхъ гражданъ высшаго и низшаго класса.

[3] Впрочемъ, многіе изъ этихъ *nobiles* — придворные; *Vita Eustasii*, c. 13 (Mabillon, II, 121): „Romaricus, qui primus fuerat inter nobiles apud Theodebertum habitus“. — *Vita Mauri*, c. 48: „Optimatibus ac nobilibus viris qui eum de palatio regis fuerant secuti“.—*Vita Gisleni*, c. 11 (Mabillon, II, 793): „Nobilis in palatio regis Dagoberti“.

вслѣдствіе пожалованія королевской грамоты, формула которой сохранилась до насъ [1]. При вестготскихъ короляхъ мы находимъ *seniores*, но это «*seniores* ихъ дворца»; находимъ *primates*, но это также *primates palatii* [2]. У лонгобардскихъ королей была также свита изъ оптиматовъ [3].

Лишь у племенъ, оставшихся въ Германіи, находимъ мы благородное сословіе. Оно хорошо замѣтно у Баваровъ, гдѣ состоитъ, впрочемъ, изъ четырехъ только семействъ [4]. Замѣтно оно также у Тюринговъ, у Фризовъ, у Саксовъ, законы которыхъ всегда различаютъ знатнаго и просто свободнаго человѣка [5]. Это былъ остатокъ аристократіи, существовавшей въ древней Германіи, но отъ нея не сохранилось никакихъ слѣдовъ у племенъ, водворившихся въ Имперіи. Однѣ только королевскія династіи находились въ традиціонной связи съ исконною знатью или претендовали на такое кровное родство съ нею; остальные же члены ея всѣ пали или до завоеванія, или исчезли вслѣдствіе завоеванія. Франки, Бургунды, Готы и Лонгобарды знали уже только аристократію оптиматовъ, какъ и римская Имперія. Никакая каста, никакое независимое сословіе не возвышалось рядомъ съ королевской властью. Не было другой аристократіи кромѣ

[1] Въ сборникѣ Кассіодора, *Var.* VII, 10: „Formula qua per codicillos vacantes proceres fiant".

[2] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 1; IX, 2, 9 (ed. *Walter*, p. 421 и 615).

[3] *Lex Longobardorum*, Liutprand, praefatio: „Cum inlustribus viris optimatibus meis".

[4] *Lex Baiuvariorum*, II, 20.

[5] *Lex Frisionum*, I, 1; II, 1 etc. *Lex Angliorum et Werinorum*, I, 1. *Lex Saxonum*, II, 1.

аристократіи королевскихъ должностныхъ лицъ, которая создавалась самимъ королемъ, и каждый членъ которой зависѣлъ отъ его произвола.

ГЛАВА V.

О совѣтѣ меровингскихъ королей.

Если мы никогда не встрѣчаемъ рядомъ съ франкскимъ королемъ національнаго или народнаго собранія, которое проявляло бы какую-нибудь активную дѣятельность, мы зато всегда видимъ вокругъ него совѣтъ. Король, если дѣйствуетъ какъ монархъ, никогда не бываетъ одинъ. Онъ окруженъ небольшою группою лицъ, совѣщающихся съ нимъ, обсуждающихъ дѣла, высказывающихъ ему обо всемъ свое мнѣніе. На самомъ дѣлѣ никакой писанный законъ не заставлялъ его совѣщаться съ этою группою лицъ, но къ тому побуждала его какъ бы внутренняя необходимость.

Посланцы Хильдеберта являются къ Гунтрамну съ извѣстными требованіями; Гунтрамнъ воздерживается отъ немедленнаго отвѣта и говоритъ, что разсмотритъ дѣло въ совѣтѣ, «потому что въ совѣтѣ рѣшаемъ мы всѣ вопросы и обсуждаемъ все, что намъ надо дѣлать» [1]. Бѣглые Болгары просятъ у Дагоберта пристанища; онъ велитъ передать имъ, чтобы они перезимовали пока у Баваровъ, «весною же онъ обсудитъ съ Франками, какъ ему слѣдуетъ поступить» [2]. Эти нѣ-

[1] *Greg. Tur.* Hist. VII, 7: „In placitu quod habemus, cuncta decernimus, tractantes quid oporteat fieri".

[2] *Frederagii Chronicon*, c. 72: „Dagobertus iubet eos ad hiemandum Baioarios recipere, dummodo pertractaret cum Francis, quid

сколько словъ могли бы вызвать съ перваго взгляда предположеніе, что рѣчь идетъ о какомъ-нибудь большомъ собраніи; но мы приведемъ значительное число документовъ, въ которыхъ точно описанъ обычный составъ подобнаго собранія, и признаемъ, что въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ лишь о совѣтѣ.

Въ одномъ законодательномъ текстѣ Хильдебертъ II объявляетъ, что онъ ежегодно въ мартовскія календы разсматриваетъ государственныя дѣла «съ своими вельможами», *cum nostris optimatibus* [1].

Гунтрамнъ собираетъ совѣтъ; историкъ именуетъ этотъ совѣтъ *placitum*. Мы же видимъ, что члены, составлявшіе его, были: Эѳерій, епископъ ліонскій, Сіагрій, епископъ отенскій, Флавій, епископъ шалонскій, и нѣсколько еще другихъ епископовъ, «выбранныхъ королемъ по его желанію»; наконецъ, много королевскихъ *domestici* и графовъ. Это было, несомнѣнно, собраніе оптиматовъ [2].

exinde fieret". — Выраженіе *pertractare cum Francis* имѣетъ здѣсь то же значеніе, что *pertractare cum optimatibus*, которое встрѣчааетея гораздо чаще.

[1] *Decretio Childeberti* (Pertz, I, 9; Boretius, p. 11): „Childebertus rex Francorum vir inluster. Cum in Dei nomine omnes kalendas martias de quascunque conditiones cum nostris optimatibus pertractavimus." — Во 2-й статьѣ онъ говоритъ *cum leodos nostros*; мы уже видѣли, что слово лейдъ не было вполнѣ точно синонимомъ оптимата; всѣ лейды не были оптиматами, но всѣ оптиматы были лейдами короля, то-есть, были связаны съ нимъ узами *leudesamium*. Неудивительно, стало быть, что эти два слова употреблялись иногда, какъ и въ этомъ случаѣ, одно вмѣсто другого.

[2] *Greg. Tur.* X, 28: „Commotis episcopis, id est, Aetherio Lugdunensi, Syagrio Augustodunensi, Flavio Cabillonensi et reliquis quos voluit. Parisius accedere iubet. Fuerunt etiam ad hoc placitum multi de regno eius tam domestici quam comites." — Григорій разсказываетъ также объ одномъ *placitum*, созванномъ Хильдебертомъ въ 585 году въ Австразіи, и изображаетъ короля окруженнымъ здѣсь только своими вельможами; *Hist.* VIII, 21: „Cum ad placitum Childebertus cum proceribus suis convenisset". Это *placitum*, созванное въ октябрѣ мѣсяцѣ, было, главнымъ образомъ, занято разбирательствомъ тяжебныхъ дѣлъ.

Когда австразійскіе и бургундскіе короли заключали анделотскій договоръ, текстъ его былъ заготовленъ каждымъ изъ нихъ среди совѣта, состоявшаго «изъ епископовъ и вельможъ» [1].

Хлотаръ II издаетъ эдиктъ и объявляетъ, что онъ «составилъ его съ епископами и оптиматами» [2]. Позднѣе мы видимъ, какъ тотъ же государь собираетъ вокругъ себя вельможъ и лейдовъ Бургундіи, чтобы выслушать ихъ совѣтъ [3], когда ему предстояло замѣстить одну высшую государственную должность. Фредегарій сообщаетъ намъ объ одномъ собраніи, происходившемъ въ Клиши при королѣ Хлотарѣ въ 627 году; собраніе это имѣло цѣлью заняться обсужденіемъ «интересовъ короля и нуждъ страны», и состояло оно «изъ епископовъ и вельможъ» [4]. Королева Нантехильда, царствовавшая отъ имени Хлодовеха II, «приказываетъ всѣмъ вельможамъ, то-есть, епископамъ, герцогамъ и

[1] *Greg. Tur.* IX, 20: „Mediantibus sacerdotibus atque proceribus".

[2] *Edictum Chlotarii* (Pertz, I, 15, Boretius, p. 23, c. 24); „Hanc deliberationem quam cum pontificibus vel (*vel* на языкѣ того времени значило *и*) tam magnis viris optimatibus aut fidelibus nostris in synodali concilio instituimus".

[3] *Fredegar.* c. 54: „Chlotarius cum proceribus et leudibus Burgundiae Trecassis coniungitur, cum eos sollicitasset si vellent mortuo Warnachario alium in eius gradum sublimare".

[4] *Fredeg.* c. 55: „Cum pontifices et universi proceres regni sui Clippiaco ad Chlotarium pro utilitate regia et salute patriae coniunxissent".

высшимъ особамъ королевства (*primates*), явиться къ ней», и она держитъ съ ними совѣтъ [1]. Королева Батхильда хочетъ основать монастырь: она совѣщается съ вельможами и спрашиваетъ ихъ мнѣнія [2].

Хроника, называемая фредегаріевой, упоминаетъ о другомъ *placitum*, созванномъ отъ имени короля въ 641 году дворцовымъ мэромъ; оно состояло «изъ епископовъ и герцоговъ бургундскаго королевства». Съ ними король «совѣщался о нуждахъ страны» [3].

Правда, что вельможи эти являлись не одни; каждый изъ нихъ, епископъ или свѣтскій магнатъ, приводилъ за собою многочисленную группу вооруженныхъ людей [4], причемъ иногда случалось, что, если двое изъ этихъ знатныхъ бывали въ ссорѣ, то обѣ рати ихъ вступали между собою въ настоящій бой [5]; но такіе случайные факты, подобные безпорядки ничего не мѣняютъ въ характерѣ самого института. Чтобы заниматься съ королемъ государственными дѣлами, созывались вельможи и только они одни [6].

[1] *Fredeg.* c. 89: „Nantechildis regina omnes seniores, pontifices, duces, primates ad se venire praecipit".

[2] *Vita Bertilanae*, c. 4 (Mabillon, Acta ss. III, 23).

[3] *Fredeg.* c. 90: „Flaochatus, collectis secum pontificibus et ducibus de regno Burgundiae, Cabillono pro utilitate patriae tractandum mense Madio placitum instituit".

[4] *Ibidem:* „Willebadus multitudinem secum habens advenit".

[5] *Fredegar.* c. 55.

[6] *Archives nationales* (Tardif, №№ 11, 15, 16, 17, 21): „Una cum consilio procerum nostrorum". Ср. въ *Diplomata* (ed. Pardessus, № 255) грамоту Дагоберта I: „Nos palatio nostro Clippiaco in synodo generali resedentes pertractavimus una cum venerabilibus episcopis, abbatibus, comitibus, et ceteris fidelibus nostris". Дѣло касалось, однако, только вопроса о предоставленіи права убѣжища С.-Денисскому аббатству. — Грамота того же короля отъ 637 г. (*Ibid.* № 21) гласитъ: „In Compendio in generali nostro placito tractavimus".—*Ibid.* № 289: „Nostrorum consilio optimatum".—Грамота Сигеберта отъ 644 г. (*Ibid.* № 309; *Pertz*, № 21): „Cum consilio apostolicorum Chuniberti, Godonis, vel illustrium virorum Grimoaldi, Bobonis, Adalgisili". Мы увидимъ дальше, что *apostolicus* былъ одинъ изъ эпитетовъ, примѣнявшихся къ епископамъ, а выраженіе—*illuster vir* служило tитуломъ должностныхъ лицъ высокаго положенія.—Грамота Теодериха III отъ 677 г. (*Tardif*, № 21, *Pertz*, № 48, *Pardessus*, № 388): „Cum consilio episcoporum et procerum nostrorum".—Другіе примѣры у *Pardessus*, №№ 313, 322, 429, 431 и т. д.

Собраніе ихъ носитъ иногда названіе *conventus generalis*, особенно у агіографовъ. Но не надо вводить себя въ заблужденіе этимъ наименованіемъ: учрежденіе остается вполнѣ аристократическимъ по составу. «Дагобертъ,—говоритъ одинъ изъ авторовъ житій,—приказалъ епископамъ и вельможамъ собраться около него на *conventus*» [1]. Въ 634 году онъ опять собираетъ вокругъ себя *conventus generalis*, но агіографъ добавляетъ, что conventus этотъ состоялъ изъ однихъ *primates* [2]. Въ грамотѣ 661 года Хильдерихъ II объявляетъ, что онъ совѣщался со всѣми Франками; но остережемся ошибки и здѣсь: «со всѣми Франками, которые являются людьми мудрыми и имѣютъ жительство въ нашемъ дворцѣ» [3].

Таковъ существенный характеръ совѣтовъ, которые окружали меровингскаго короля. Мы находимъ въ нихъ только епископовъ, аббатовъ, придворныхъ са-

[1] *Vita Sigiberti*: „Procerum et pontificum conventum adesse iussit".

[2] *Ibidem*: „Cunctis primatibus Austrasiae et Neustriae in generali conventu congregatis". Составитель этого житія относится къ эпохѣ значительно позднѣйшей.

[3] *Diplomata* (Pardessus, № 342, Pertz, № 26): „Per consilium Emhildae reginae, seu apostolici viri Rotharii, seu omnium Francorum prudentium palatium nostrum inhabitantium".

новниковъ и должностныхъ лицъ высшей администраціи. Всѣ эти свѣтскія лица и многіе изъ епископовъ—люди «дворца» [1].

У насъ есть грамоты, въ которыхъ очень хорошо отмѣченъ составъ совѣта, такъ какъ каждый членъ обозначенъ тамъ его именемъ или титуломъ. Вотъ, напримѣръ, Хлодовехъ II подписываетъ грамоту въ 653 году «съ совѣтомъ епископовъ и вельможъ своихъ» [2]. Всѣ члены, которые здѣсь присутствовали, подписываютъ ее вмѣстѣ съ нимъ, и мы читаемъ здѣсь имена двадцати восьми епископовъ или аббатовъ и восемнадцати лицъ, носящихъ названіе *viri illustres* и бывшихъ, слѣдовательно, высшими должностыми лицами королевства. Въ грамотѣ 648 года Сигебертъ II объявляетъ, что дѣйствуетъ онъ «съ согласія своихъ вѣрныхъ», и говоритъ дальше, кто были эти вѣрные: «владыка Кунибертъ, архіепископъ кельнскій, епископы Аттеланъ, Теодефридъ, Гислокардъ; именитые мужи Гримоальдъ, Фолькоардъ, Бобонъ, Адрегизилъ и *domestici*—Фродульфъ, Ансигизъ, Бертолинъ и Гарипертъ» [3]. Итакъ, группа лицъ, которыхъ король высокопарно называетъ «нашими вѣрными», составляется этотъ разъ изъ четырехъ епископовъ, четырехъ высшихъ свѣтскихъ сановниковъ и четырехъ *domestici*, то-есть, придворныхъ. Немногимъ больше было ихъ на *placitum*, окружа-

[1] Отсюда выраженіе—„Consultu sacri palatii" (см. *Vita Tygriae*, у Болландистовъ, 25 іюня; Bouquet, III, 466).

[2] Грамота Хлодовеха II, въ *Archives nationales* (Tardif, № 11, Pertz, № 19, Pardessus, № 322): „Cum consilio pontificum et inlustrium virorum nostrorum procerum".

[3] *Diplomata* (Pertz, № 22, Pardessus, № 313): „Ex consensu fidelium nostrorum, videlicet domni Cuniberti necnon Attelani, Theudofridi, Gislocardi, episcoporum, vel inlustrium virorum Grimoaldi, Folcoardi, necnon et domesticorum Frodulfi, Ansigisi..."

вшемъ Хлодовеха III въ 692 году въ люзархскомъ его дворцѣ; здѣсь находимъ мы четырехъ епископовъ: Сигофрида, Константина, Грибона и Урсиніана; трехъ оптиматовъ: Багноальда, Нордеберта и Эрменфрида; двухъ графовъ—Маделульфа и Эркональда; двухъ сенешаловъ—Бенедикта и Хадоина, и, наконецъ, дворцоваго графа Марсона [1].

Всѣ эти епископы получали свое званіе не иначе, какъ съ соизволенія короля,—мы это покажемъ ниже,—часто даже по прямому его назначенію. Всѣ эти должностныя лица его двора также назначались королемъ и находились въ личной зависимости отъ него. Никто, значитъ, въ совѣтахъ не былъ уполномоченнымъ отъ народа, и никогда поэтому не находимъ мы въ источникахъ ни одного слова, которое бы указывало на то, чтобы епископы или графы считали себя представителями населенія. По воззрѣнію, господствовавшему въ умахъ людей того времени, лица эти вовсе не должны были ограничивать или контролировать власть королей, хотя на практикѣ это, конечно, не разъ могло случаться; тогда считалось просто, что по званію епископовъ или вельможъ на нихъ лежала обязанность давать королю полезные совѣты, какъ для его блага, такъ и для блага страны [2]. Собираясь вокругъ короля, они должны были подавать совѣщательный голосъ.

Кромѣ того, надо отмѣтить, что никто не присутствовалъ на этихъ совѣтахъ въ силу своего права. Они состояли только изъ людей, которыхъ король самъ

[1] *Archives nationales* (Tardif, № 32, Pertz, № 64, Pardessus, № 429).

[2] „Ut regibus consilia salutifera ministrarent" (*Vita Radegundis*, Mabillon, I, 329).

желалъ имѣть около себя. Иногда король приказывалъ всѣмъ епископамъ и вельможамъ явиться къ нему, чаще же онъ созывалъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Совѣтники не назначались пожизненно или на опредѣленное время: сегодня они приглашались, завтра могли уже быть отстранены. Если они являлись сановниками дворца, то засѣдали въ силу своей должности, но король могъ отставлять ихъ. Очевидно, что такой совѣтъ, какимъ бы пышнымъ именемъ ни называли его, не могъ создать силы, которая оказалась бы въ состояніи конкурировать съ королемъ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока знатные и должностныя лица не пріобрѣтутъ независимости отъ королевской власти и не сдѣлаются ея противниками.

Три документа могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе о дѣлопроизводствѣ, которое установилось въ королевскомъ совѣтѣ. Въ одномъ «увѣщаніи», обращенномъ, какъ предполагаютъ, къ Хлодовеху II [1], сказано: «Когда ты засѣдаешь среди твоихъ совѣтниковъ, прислушивайся всегда благосклонно къ ихъ рѣчамъ, разсматривай внимательно, какъ выражается каждый изъ тѣхъ, кто окружаетъ тебя, и что говоритъ онъ для пользы страны, для блага твоей особы, относительно разбираемыхъ судебныхъ дѣлъ и наконецъ обо всемъ, что должно быть обсуждаемо въ твоемъ дворцѣ» [2]. Это не значило, конечно, чтобы

[1] *Exhortatio ad Francorum regem* (у *Mai*, Veterum scriptorum collectio и въ Patrologia latina, t. LXXXVII, col. 653).

[2] *Ibidem*: „Sacerdotes audias et consiliarios seniores diligas... Cum inter ipsos in consilium veneris, semper sereno vultu eorum verbis aurem praebe; sollicitus considera quomodo singula circa te loquantur pro stabilitate patriae, pro causis emendandis, pro tua salute, pro iis quae ordinanda et tractanda sunt in regio palatio. Omnia haec oculi tui instanter inspiciant et aures tuae prudenter audiant".

король былъ подчиненъ волѣ совѣта. Одинъ хроникеръ, правда, позднѣйшей эпохи, довольно пространно описываетъ засѣданіе, какъ онъ его себѣ представлялъ [1]. Въ 653 году Хлодовехъ II, «пребывая въ виллѣ своей Клиппіакѣ, созвалъ епископовъ и вельможъ королевства; возсѣдая по обычаю королей съ діадемою на головѣ и обсудивъ другія государственныя дѣла, ради которыхъ для блага королевства собралъ онъ знатныхъ [2], онъ приступилъ къ вопросу о привилегіи, пожалованной епископомъ парижскимъ С.-Денисскому аббатству. Онъ произнесъ довольно длинную рѣчь, въ которой высказалъ, что, посовѣтовавшись съ присутствующими лицами, онъ хочетъ утвердить «актъ епископа» [3]. Историкъ добавляетъ, что всѣ вельможи внимательно выслушали королевское слово, а епископы одобрили благочестивую щедрость короля, и всѣ присутствовавшіе—епископы и оптиматы подписались подъ грамотой, заранѣе составленной по его приказанію [4]. Вотъ и

[1] *Gesta Dagoberti*.—Извѣстно, что *Gesta* эти были написаны только въ девятомъ вѣкѣ. Мы цитируемъ ихъ, однако, потому что авторъ несомнѣнно пользовался подлинными древними документами. Одинъ изъ этихъ документовъ, хранившійся тогда въ С.-Денисскомъ архивѣ, находится теперь въ Національномъ архивѣ Франціи. См. подъ шифрою—К. 2, № 3.

[2] *Gesta Dagoberti*, c. 51. „Clippiaco residens, convocatis pontificibus necnon et regni primoribus, regio stemmate ex more comptus, inter ceteras principalium rerum actiones ob quas pro salute regni tractandas optimates congregaverat..."

[3] *Ibidem*: „Vos, sanctissimi sacerdotes necnon regni et palatii nostri principes, intenta aure percipite, et si probaveritis esse utile una mecum pertractate... Hoc beneficium cum vestro consilio volumus praestare".

[4] *Ibidem*: „Dum regem omnes regni principes haec concionantem attonitis auribus diligenter intenderent, pontifices qui aderant devotionem regis approbantes, praeceptum ab ipso rege modo supra scripto factum, tam rex quam pontifices et principes qui praesentes

другой разсказъ, относящійся къ королю Дагоберту I и къ 635 году.—Король, созвавъ всѣхъ знатныхъ королевства, держалъ въ десятый день передъ іюньскими календами *placitum generale* въ своемъ гаршскомъ дворцѣ. Тамъ, возсѣдая на золотомъ тронѣ, съ короною на головѣ, когда всѣ размѣстились передъ нимъ [1], онъ держалъ къ нимъ рѣчь. Дѣло касалось завѣщанія, по которому король отказывалъ земли нѣсколькимъ церквамъ своего королевства. Онъ сказалъ: «Мы рѣшили сдѣлать пожалованія эти съ вашего одобренія («vobis consentientibus») для того, чтобы, разъ мы сообща составимъ такое постановленіе, вы заботились о его соблюденіи («ut hoc commune nostrum decretum faciatis conservare») и никогда не дѣйствовали противъ него» («et haec non praesumatis convellere»). Рѣшеніе короля не только было принято имъ до начала засѣданія, но былъ уже составленъ въ декретъ четырехъ экземплярахъ, и одинъ изъ нихъ король держалъ въ рукѣ, когда говорилъ. «Поэтому,—добавилъ онъ,—мы приложимъ нашу подпись къ этому акту и повелѣваемъ также вамъ, епископы, аббаты, оптиматы и сановники, приложить сюда свои подписи или свою печать» [2]. Актъ былъ подписанъ всѣми безъ всякаго замѣчанія.

aderant firmaverunt".—Грамота эта дѣйствительно существуетъ въ Національномъ архивѣ, и на ней стоятъ подписи 28 духовныхъ и 18 высшихъ свѣтскихъ должностныхъ лицъ. См. *Tardif*. № 11.

[1] *Gesta Dagoberti*, 39: „Convocatis omnibus totius regni primatibus... in palatio Bigargio placitum generale instituit. Cumque ut Francorum regibus moris erat, super solium aureum coronatus resideret, omnibus coram positis, ita exorsus est".

[2] *Ibidem*: „Et omnibus qui adestis, episcopis, abbatibus, proceribus atque magnificis viris, ad praesens iubemus vestris subscriptionibus vel signaculis adfirmare".

Конечно, расказы эти въ той формѣ, какую придаетъ имъ хроникеръ, не должны внушать намъ большого довѣрія, и ихъ не слѣдуетъ принимать за вполнѣ точные протоколы засѣданій. Мы хотимъ только убѣдиться изъ ихъ разсмотрѣнія, какое представленіе составили себѣ современики объ изучаемомъ нами совѣтѣ знатныхъ. Прежде всего, здѣсь ясно указанъ составъ этого совѣта; затѣмъ видно, что на немъ не происходило ни обсужденія вопроса, ни голосованія рѣшенія. Не совѣтъ предписывалъ королю свое постановленіе; повидимому, скорѣе совершалось обратное: король диктовалъ ему свою волю. Не было, конечно, еще выработано опредѣленнаго порядка дѣлопроизводства, и характеръ засѣданій могъ мѣняться до безконечности, въ зависимости отъ рода дѣлъ, отъ нрава короля и настроенія вельможъ [1]. Но ни въ какомъ случаѣ не можемъ мы предполагать, чтобы совѣтъ обладалъ самостоятельнымъ правомъ рядомъ съ королемъ, которое бы ограничивало его дѣйствія. Состоялъ онъ изъ людей, которыхъ король вызывалъ поименно, чтобы спросить ихъ мнѣнія.

Однако слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе уже на самый фактъ, что король никогда не дѣйствуетъ, помимо такого совѣта. Онъ не только совѣщается съ нимъ, но, что еще знаменательнѣе, онъ спеціально отмѣчаетъ въ каждомъ изъ своихъ актовъ, что обращался къ нему съ вопросомъ и получилъ одобреніе. Когда онъ издаетъ законъ, то объявляетъ, что составилъ его съ своими вельможами [2]; когда за-

[1] Бывали даже случаи, когда король не присутствовалъ на засѣданіи, а въ актахъ только фиктивно указывалось на его участіе, напримѣръ, когда король былъ малолѣтенъ.

[2] *Edictum Chilperici* (Pertz, II, 10): „Pertractantes in Dei no-

ключаетъ договоръ съ другимъ королемъ, то указываетъ, что при этомъ присутствовали епископы и вельможи[1]; когда дѣлитъ государство между своими сыновьями, то собираетъ вельможъ, беретъ ихъ въ свидѣтели, требуетъ клятвы ихъ и подписей[2]; когда онъ жалуетъ какія-нибудь изъ своихъ *villae*, то торжественно дѣлаетъ это на своемъ *placitum*[3] и желаетъ, чтобы актъ былъ подписанъ главными членами совѣта «для того, чтобы онъ имѣлъ больше силы»[4]. Мы увидимъ, что и судитъ онъ не иначе какъ среди своихъ знатныхъ.

mine cum viris magnificentissimis optimatibus vel antrustionibus et omni populo nostro". Послѣднія слова имѣютъ только формальное значеніе. Намъ достаточно подробно извѣстно царствованіе Хильпериха, и мы можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ никогда не собиралъ „весь народъ свой".—*Decretio Childeberti*, Pertz, I, 9; „Cum nostris optimatibus pertractavimus... Hoc convenit una cum leodis nostris... convenit omnibus nobis adunatis".

[1] *Greg. Tur.* IX, 20.

[2] *Fredeg.* I, 75: „Dagobertus Mettis veniens, cum consilio pontificum et procerum, omnibusque primatibus regni sui consentientibus. Sigibertum filium suum in Austris regem sublimavit". — *Vita Sigeberti*: „Cunctis primatibus Austrasiae et Neustriae in generali conventu congregatis divisionem regni inter duos filios Dagobertus ordinavit coram eis, eorum assensu et concilio et confirmavit, datis et acceptis invicem pactis et sacramentis".—Надо замѣтить, что эти *pacta* и *sacramenta* были совершены здѣсь не между королемъ и его совѣтниками, а между совѣтниками невстрійскими и австразійскими. Это хорошо объяснено въ 76 главѣ Фредегарія.

[3] *Diploma Childeberti, a. 558* (Pardessus, № 163, Pertz, № 5).—*Diploma Chlodovei II, a. 653* (Tardif, № 11).—*Charta Vindiciani, a. 680* (№ 391).—*Diploma Childerici II, a. 661* (Pertz, № 26, Pardessus, № 342).

[4] *Diploma Dagoberti, a. 623* (Pardessus, № 234): „Ut hoc nostrae auctoritatis praeceptum pleniorem obtineat vigorem et diligentius a successoribus nostris observetur, illud propria manu cum principibus nostris subterfirmavimus".—Отмѣтимъ, однако, что грамота эта не подлинная.—Ср. № 277.

Даже когда онъ освобождаетъ раба посредствомъ динарія, чтобы сдѣлать его вполнѣ свободнымъ человѣкомъ, онъ и тутъ предпочитаетъ находиться среди своихъ вельможъ, и это бываетъ отмѣчено въ грамотѣ[1].

Любопытно здѣсь не то, что у короля есть совѣтъ: нѣтъ такого абсолютнаго государя, который обходился бы безъ него; интересно то, что король, повидимому, вынужденъ всегда совѣщаться съ нимъ[2]. Римскіе императоры также имѣли обыкновеніе спрашивать мнѣнія своего консисторія, но въ оффиціальныхъ документахъ они не писали, что совѣщались съ нимъ[3]; законодательные свои акты и даже судебные приговоры они приказывали заготовлять совѣту, составленному изъ высокихъ должностныхъ лицъ и юрисконсультовъ, но публично не заявляли объ этомъ. Въ заголовкахъ законовъ и судебныхъ приговоровъ ставилось имя одного государя. Въ меровингской же канцеляріи вошло, наоборотъ, въ обычай свидѣтельствовать о томъ, что королевскій актъ былъ составленъ въ со-

[1] *Charta denarialis*, въ сборникѣ Rozière, №№ 55, 59, 60: „Ante nos vel (et) procerum nostrorum praesentia".—Грамота 716 года, *Archives nationales* (Tardif, № 48, Pardessus, № 497): „Cum in nostra vel procerum nostrorum praesentia".

[2] Такъ, когда Болгары просили пристанища у Дагоберта король объявилъ, что не приметъ никакого рѣшенія, прежде чѣмъ посовѣтуется съ вельможами (*Fredeg.* c. 72).—Когда Сигебертъ II хочетъ запретить созваніе одного синода, онъ пишетъ: „Nobis cum nostris proceribus convenit, ut sine nostra scientia synodale consilium in regno nostro non agatur" (*Diplomata*, изд. Pardessus, № 308).

[3] Писали они это во всякомъ случаѣ рѣдко. См. въ видѣ исключенія законъ 426 года въ Юстиніановомъ кодексѣ, I, 14, 2: „Quae per consultationem in commune florentissimorum sacri nostri palatii procerum statuimus".—*Ibid.* I, 14, 8: „Ab omnibus nostri palatii proceribus tractari".

вѣтѣ и одобренъ вельможами. Сказать, что меровингскій король былъ не болѣе, какъ исполнителемъ воли совѣта, было бы, конечно, преувеличеніемъ при оцѣнкѣ силы этого обычая. Внимательное разсмотрѣніе текстовъ показываетъ, что король созывалъ совѣтъ не столько для того, чтобы исполнять его волю, какъ для того, чтобы придать больше силы своей. Ему казалось, что акты его имѣли больше авторитета, когда на ряду съ его подписью стояли подписи епископовъ и нѣсколькихъ знатныхъ лицъ. Мы не можемъ усматривать въ этомъ признака выработки новой системы управленія, но мы замѣчаемъ здѣсь появленіе симптомовъ такого настроенія, которое даже при абсолютной монархіи должно было извѣстнымъ образомъ ослаблять ея силу, могло понемногу измѣнить характеръ этой монархіи и, развиваясь, незамѣтно привести къ утвержденію другого государственнаго порядка.

ГЛАВА VI.

О законодательной власти.

Писатели меровингской эпохи никогда не говорятъ намъ ни того, что законодательная власть принадлежала королямъ, ни того, что она принадлежала народу. Въ самыхъ законодательныхъ актахъ должны мы искать, какъ и кѣмъ они составлялись.

Салическая Правда проливаетъ мало свѣта на этотъ вопросъ. Она никогда не говоритъ о королѣ, какъ законодателѣ, и вовсе не упоминаетъ въ этомъ смыслѣ о народѣ. Мы не находимъ въ ней формулы ея обнародованія, такъ что совершенно нельзя узнать, воля короля или народа признала ея законодательную

силу. Правда, что въ нѣсколькихъ рукописяхъ—приблизительно въ двадцати трехъ изъ семидесяти—существуютъ два предисловія; но предисловія эти не составляютъ съ самимъ сводомъ одного цѣлаго: они то предшествуютъ его тексту, то слѣдуютъ за нимъ; въ нѣкоторыхъ рукописяхъ они отдѣлены отъ него текстами каролингской эпохи. Написаны они не такимъ слогомъ и не такимъ языкомъ, какъ самая Правда, и довольно ясно видно, что они не были составлены законодателемъ, кто бы онъ ни былъ. Нельзя, значитъ, особенно и полагаться на нихъ. Въ предисловіяхъ упоминается о первоначальномъ редактированіи Салическаго закона, состоявшемся неизвѣстно когда, въ неизвѣстномъ мѣстѣ и совершеннымъ рукою людей, имена которыхъ легендарны. Каково бы ни было наше мнѣніе объ этомъ утвержденіи, но дальше авторъ большого пролога упоминаетъ о лицахъ, болѣе похожихъ на дѣйствительно существовавшія, и говоритъ намъ, что «все, что оставалось въ старомъ законѣ несообразнаго, было разъяснено и исправлено королемъ и проконсуломъ Хлодовехомъ и сыновьями его Хильдебертомъ и Хлотаромъ» [1]. Это второе утвержденіе менѣе легендарно, чѣмъ первое. Авторъ пролога на самомъ дѣлѣ могъ думать, что очень древняя редакція была составлена «мудрыми людьми изъ народа»; но болѣе достовѣрно зналъ онъ то, что, начиная съ Хлодовеха, короли имѣли право и власть измѣнять, исправлять и вводить новые законы. Онъ не говоритъ, что текстъ, находившійся передъ нимъ, былъ древнею редакціею, которая считалась народною; самый прологъ показываетъ скорѣе, что это былъ тотъ текстъ, который исправили и передѣлали короли.

[1] „Quod minus in pactum habebatur idoneum per proconsulis regis Chlodovei et Childeberti et Chlotarii fuit lucidius emendatum“. См. *Lex Salica*, изд. Pardessus, стр. 345, изд. Behrend, стр. 125.

Въ нѣсколькихъ рукописяхъ имѣется еще эпилогъ, являющійся, быть можетъ, произведеніемъ какого-нибудь законовѣда-практика седьмого вѣка, но отличающійся необыкновенною точностью содержанія и представляющій поэтому нѣкоторую цѣнность[1]. Мы узнаемъ изъ него: 1) что первый король Франковъ, то-есть, Хлодовехъ, издалъ законъ отъ I-й главы до LXII-й[2]; 2) что тотъ же король составилъ впослѣдствіи добавленія къ его тексту до главы LXXVIII-й, и что поступилъ онъ такъ «при содѣйствіи своихъ оптиматовъ»[3]; 3) что позднѣе король Хильдебертъ «разсмотрѣвъ, вопросъ о необходимости сдѣлать прибавленія, редактировалъ главы отъ LXXIX-й до LXXXIII-й и помѣстилъ ихъ весьма разумно въ законѣ»[4]; 4) что Хильдебертъ «сообщилъ добавленія эти брату своему, Хлотару, который съ радостью принялъ ихъ, обсудилъ ихъ въ своемъ королевствѣ (или, по другой рукописи,

[1] Встрѣчается онъ только въ рукописяхъ, хранящихся въ Вольфенбюттелѣ, Варшавѣ, Монпелье (136) Парижѣ, (4409, 4627, 4628 A, 6629, 10758) и Лейденѣ (119). Онъ помѣщенъ въ изданіи *Pardessus*, стр. 347, въ изданіи *Hessels*, стр. 423; въ изд. *Behrend*, стр. 126.

[2] „Primus rex Francorum statuit a primo titulum usque LXII".— Въ глазахъ людей седьмого вѣка первымъ королемъ былъ Хлодовехъ.

[3] *Ibidem*: „Postmodo autem tempus cum optimatibus suis a LXIII titulum usque ad LXXVIII addidit". Другой текстъ, вмѣсто *cum optimatibus* ставитъ *cum Francis*; но мы уже видѣли, что оба выраженія были синонимами. Ср. во второмъ томѣ настоящаго труда, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, о частомъ синонимическомъ употребленіи словъ *optimates* и *Franci*.

[4] *Ibidem*: „Childebertus rex pertractavit quid addere deberet; ita a LXXVIII usque ad LXXXIII perinvenit, quod ibidem digne imposuisse noscuntur".—2-й текстъ: „Childebertus tractavit, ut quidquid invenire poterit, quod ibi cum suis Francis addere deberet; a LXXVIII usque ad LXXXIV perinvenit, quod ibi digne imposuisse cognoscitur".

съ мудрыми людьми своего королевства) и также прибавилъ къ закону, а новую копію его послалъ своему брату[1]; 5) наконецъ, что оба короля рѣшили между собою хранить все, что было установлено такимъ образомъ, прочно и навсегда»[2]. Ясно видно, что, по мнѣнію того или тѣхъ, кто писалъ приведенныя строки,— короли обладали законодательною властью. Разсмотрѣнный эпилогъ принадлежитъ седьмому вѣку; мы же говоримъ о шестомъ и о седьмомъ вѣкахъ, и не похоже, чтобы люди эти очень ошибались, говоря о такомъ близкомъ къ нимъ времени.

Если мы теперь изучимъ самую Салическую Правду, то и въ ней не найдемъ ни единаго указанія на вмѣшательство народа или народнаго собранія[3]. Король именуется въ текстѣ свода повелителемъ,

[1] *Ibidem*: „Et sic fratri suo Chlotario haec scripta transmisit; post haec vero Chlotarius cum hos titulos a germano suo seniore gratanter excepit, sic postea cum regnum suum pertractavit, ut quid addere deberet... statuit permanere".—Въ рукописяхъ 4409 и 4629 стоитъ „cum regni sui sapientes".

[2] „Et ita inter eis convenit, ut ista omnia sicut anteriore constructa starent".—Въ рукописяхъ 4409 и 4629 сказано: „Et ita inter se firmaverunt, ut ista omnia quae constituerunt inviolabiliter omnique tempore conservata fuissent".

[3] Часто ссылались на слово *pactus* или *pactum*, обозначавшее, будто бы, Салическій сводъ, и разсуждали слѣдующимъ образомъ: такъ какъ законъ названъ словомъ *pactus*, значитъ въ сущности это—соглашеніе, договоръ, установленный между людьми. — Но слѣдовало бы доказать раньше, что законъ дѣйствительно назывался *pactus*; изъ шестидесяти же шести рукописей это слово попадается только въ двухъ (4403B и 4404); его нельзя найти ни въ вольфенбюттельской рукописи, ни въ мюнхенской, ни въ лейденской, ни въ какой другой кромѣ указанныхъ (см. тексты, изданные *Holder*'омъ). Но и въ обѣихъ даже рукописяхъ, въ которыхъ встрѣчается слово *pactus*, оно стоитъ только въ заголовкѣ; заглавіе же это не представляетъ

dominus[1], а понятіе это составляетъ противоположность идеи народнаго верховенства. Неповиновеніе простому приказу короля наказывалось громаднымъ штрафомъ въ 200 солидовъ золотомъ, такъ же, какъ и убійство[2]. Франкъ, находившійся подъ королевскимъ покровительствомъ, имѣлъ по одному этому цѣну втрое болѣе высокую, чѣмъ другіе Франки[3]. Подобнаго рода постановленія могли быть дѣломъ королей и ихъ оптиматовъ; трудно думать, чтобы они были дѣломъ народа, который бы самъ составлялъ законы.

Правда Франковъ рипуарскихъ также не содержитъ формулы ея изданія, такъ что и составитель этого свода намъ неизвѣстенъ. Въ предисловіи, относящемся къ этому закону, такъ же какъ и къ закону Баваничего оффиціальнаго—оно является произвольнымъ измышленіемъ переписчика и въ различныхъ рукописяхъ безконечно различается по формѣ.—Кромѣ того надо замѣтить, что въ седьмомъ вѣкѣ слово *pactus* или *pactum* потеряло свое первоначальное значеніе и говорилось о всякаго рода законахъ; говорилось, впримѣръ, *pactum Gundobaldi* для обозначенія свода законовъ, составленнаго Гундобальдомъ, такого свода, который, очевидно, не былъ результатомъ договора между людьми; говорили *pactus Alamanorum*, хотя сводъ этого племени былъ дѣломъ короля, которому помогали епископы и графы. Есть одинъ капитулярій Хильдеберта II (*Boretius*, p. 4), озаглавленный *pactus pro tenore pacis*, который представляетъ собою декретъ двухъ королей.—Салическая Правда обозначалась во всѣхъ текстахъ словомъ *lex*, а не словомъ *pactus*.

[1] *Lex Salica*, I, 1: „legibus dominicis"; I, 4: „ambascia dominica"; XLI, 3: „trustis dominica"; L, 5: „ratio dominica".—Во времена римской Имперіи слово *dominicus* употреблялось уже въ этомъ смыслѣ: „possessiones dominicae" были владѣнія императора.

[2] *Lex Salica*, XIV, 4: „Si quis... de rege habuerit præceptum... et aliquis contra ordinationem regis testare praesumpserit, solidos 200 culpabilis iudicetur".

[3] *Lex Salica*, XLI, 3.

ровъ[1], мы читаемъ: «Король Теодерихъ, пребывая въ Шалонѣ, выбралъ мудрыхъ людей, знавшихъ старыя установленія, и по ихъ указанію приказалъ записать Правды Франковъ, Аламановъ и Баваровъ, согласно съ обычаями каждой подвластной ему націи. Послѣ этого онъ добавилъ то, что слѣдовало, и отмѣнилъ то, что надо было уничтожить. То, что соотвѣтствовало обычаямъ языческой вѣры, онъ измѣнилъ согласно христіанскому закону[2]. Хильдебертъ снова взялся за дѣло, которое не могъ вполнѣ исправить король Теодерихъ, а Хлотаръ II закончилъ его. Славный король Дагобертъ передѣлалъ весь сводъ при посредствѣ четырехъ высшихъ сановниковъ, которыхъ звали Клавдій, Хадоиндъ, Магнъ и Агилульфъ. Онъ улучшилъ все, что заключалось въ прежнихъ законахъ, и далъ каждой націи писаный сводъ, существующій до нашихъ дней»[3].

Текстъ этотъ—не болѣе оффиціальный и не болѣе достовѣрный памятникъ, чѣмъ прологъ къ Салической Правдѣ. Но и отсюда мы опять усматриваемъ, что авторы считали законодательство дѣломъ королей и не предполагали, чтобы народъ созывался при этомъ для

[1] *Capitularia*, I, 25; изд. *Pertz*, Leges, III, 259.

[2] „Theodericus rex Francorum... elegit viros sapientes qui in regno suo legibus antiquis eruditi erant. Ipso autem dictante, iussit conscribere legem Francorum... Addidit quae addenda erant, et quae erant secundum consuetudinem paganorum, mutavit secundum legem christianorum".

[3] „Haec omnia Dagobertus rex gloriosissimus per viros illustres (мы увидимъ, что титулъ этотъ принадлежалъ высшимъ должностнымъ лицамъ) Claudium, Chadoindum, Magnum et Agilulfum renovavit, et omnia vetera legum in melius transtulit et unicuique genti scriptam tradidit, quae usque hodie perseverant". Послѣднія слова показываютъ, что предисловіе относится ко времени, значительно болѣе позднему, чѣмъ самый текстъ закона.

обсужденія закона. Справедливо, что короли приняли за основаніе старые обычаи; справедливо также, что трудъ ихъ былъ подготовленъ имѣвшимися у нихъ знатоками права, но они добавляли, отмѣняли и исправляли все, какъ хотѣли.

Въ самомъ текстѣ Рипуарской Правды мы также не находимъ никакого указанія на верховное право народа. Король одинъ говоритъ, одинъ приказываетъ. Онъ заявляетъ: «мы желаемъ», «мы постановляемъ» (*hoc iubemus, hoc constituimus*)[1]; «мы повелѣли написать въ законѣ» (*scribere iussimus*)[2]. Франкскій король выражается совершенно такъ же, какъ выражались въ своихъ конституціяхъ римскіе императоры. Законъ— его созданіе. Поэтому и Правда Рипуарская носитъ совершенно монархическій характеръ: неповиновеніе королю наказывается въ ней смертною казнью[3].

Кромѣ Салической и Рипуарской Правды, у насъ есть еще нѣсколько другихъ законодательныхъ текстовъ отъ временъ Меровинговъ. Мы замѣчаемъ прежде всего, что акты эти носятъ тѣ же названія, какія были распространены во времена Имперіи; они называются *edicta*, *decreta*, *constitutiones*[4], иногда *praecepta*

[1] *Lex Ripuaria*, XVIII: „Sicut in omni furto constituimus". — XXXI, 3: „Hoc autem constituimus".—LVIII, 1: „Hoc etiam iubemus".—LVIII, 2: „Illicitum ducimus quod ecclesiis concessimus iterum ab ecclesiis revocare".—LVIII, 19: „Hoc etiam constituimus".—LXXIV: „Hoc autem constituimus".—LXXXVIII: „Super omnia iubemus".

[2] *Lex Ripuaria*, LVIII, 7: „Sicut superius scribere iussimus".—LIX, 7: „Quod de venditione conscripsimus, hoc et de donatione constituimus".

[3] *Lex Ripuaria*, LXIX: „Si quis homo regi infidelis exstiterit, de vita componat, et omnes res suas fisco censeantur".

[4] *Gunthramni regis edictum*: „Quae huius edicti tenore decrevimus" (*Boretius*, p. 12).—„Per huius edicti nostri tenorem" (*Edic-*

или *auctoritates*[1]. Разсмотримъ, исходятъ ли они отъ королей, или отъ народа.

Хильдебертъ I составилъ конституцію противъ языческихъ обычаевъ; онъ говоритъ въ ней, какъ государь, имѣющій право предписывать законы: «Такъ какъ подобаетъ, чтобы народъ былъ исправленъ нашею властью, если онъ не слушаетъ наставленій священниковъ, то мы постановили разослать это предписаніе по всему нашему государству, повелѣвая, чтобы всякій человѣкъ, во владѣніяхъ котораго окажутся идолы, былъ бы препровожденъ къ намъ для суда надъ нимъ»[2]. Указъ этотъ касался, повидимому, больше Франковъ, чѣмъ Римлянъ; онъ не былъ, однако, составленъ франкскимъ народомъ.

Хлотаръ I издалъ около 560 года конституцію, начинающуюся такими словами: «Хлотаръ, король Франковъ, ко всѣмъ королевскимъ должностнымъ лицамъ»[3].

tum Chlotarii, Boretius, p. 20).—„Si quis hunc decretum violare praesumpserit" (*Pactus pro tenore pacis*, c. 18, Boretius, p. 7).—„Huius decreti vigore decernimus" (*Edictum Guntchramni*, ibid. p. 11).—„Childericum expetunt, ut talia daret decreta" (*Vita Leodegarii ab anonymo*, 4).—„Indita in titulis constitutione" (*Edictum Chlotarii*, 1, Boretius, p. 18).

[1] „Praeceptionem hanc custodiant" (*Chlotarii praceptio*, c. 13, Boretius, p. 19). — „Per hanc generalem auctoritatem praecipientes iubemus" (*Chlotarii praeceptio*, c. 1, p. 18).—„Quam auctoritatem vel edictum" (*Edictum Chlotarii*, c. 24, p. 23). — Термины эти примѣняются, кромѣ того, къ простымъ частнымъ актамъ, каковы: пожалованіе земли, назначеніе епископовъ или приказъ графу. „Leudastes cum praecepto regis advenit" (*Greg. Tur.* VI, 32).—„Rex directa auctoritate praecepit comiti" (*Idem*, IX, 41).

[2] *Pertz*, Leges, I, 1; Boretius, p. 2: „Quia necesse est, ut plebs, quae sacerdotis praeceptum non custodit, nostro corrigatur imperio, hanc chartam generaliter per omnia loca decrevimus mittendam".

[3] „Chlotarius rex Francorum omnibus agentibus". — Въ одной изъ двухъ рукописей (парижской 10753) стоитъ *comitibus* вмѣ-

Здѣсь нѣтъ ни слова о волѣ, которую бы высказалъ франкскій народъ. Вотъ, какъ выражается король: «Благости государя свойственно усердно заботиться о пользѣ жителей областей и о всѣхъ подвластныхъ ему народахъ; поэтому онъ излагаетъ въ конституціи все, что должно быть соблюдаемо въ видахъ ихъ спокойствія»[1]. Это —языкъ монарха, который самостоятельно печется о благѣ подданныхъ и отвѣтственъ только передъ собою. Король называетъ себя *princeps*, какъ римскій императоръ, и, подобно ему, именуетъ людей своими провинціалами и подданными. Поэтому онъ одинъ творитъ законъ: «Настоящимъ постановленіемъ, обязательнымъ для всѣхъ, мы повелѣваемъ, чтобы» и т. д.[2]. Затѣмъ слѣдуютъ тринадцать статей, касающихся гражданскаго и уголовнаго права, церкви и налоговъ, и король заканчиваетъ, обращаясь къ своимъ чиновникамъ: «Пусть усердіе ваше печется о томъ, чтобы постановленіе наше вполнѣ и всегда соблюдалось».

Въ 585 году король Гунтрамнъ издалъ указъ, въ которомъ предписываетъ соблюденіе воскресенья, и онъ говоритъ въ немъ: «Гунтрамнъ, король Франковъ, епископамъ и должностнымъ лицамъ нашего государства. Такъ какъ воля Божія довѣрила намъ власть царство-

сто *agentibus*. Графы, мы увидимъ это дальше, занимали первое мѣсто среди королевскихъ уполномоченныхъ.—Капитулярій этотъ, приписываемый Пертцемъ Хлотару I, Бореціусъ приписываетъ Хлотару II.

[1] *Boretius*, p. 18: „Usus est clementiae principalis necessitatem provincialium vel subiectorum sibi omnium populorum provida sollicitius mente tractare et pro quiete eorum indita in titulis constitutione conscribere".

[2] *Ibidem*: „Ideo per hanc generalem auctoritatem praecipientes iubemus, ut..."

вать, то мы не могли бы избѣгнуть божественнаго гнѣва, если бы не заботились усердно о подчиненномъ намъ народѣ. Поэтому мы повелѣваемъ настоящимъ указомъ, чтобы по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ не производилось никакой ручной работы и не разбиралось никакого дѣла въ судѣ»[1]. Не самъ Гунтрамнъ написалъ, очевидно, это предисловіе и слѣдующій за нимъ длинный указъ; онъ говоритъ намъ, что велѣлъ приготовить его на соборѣ, созванномъ имъ въ Маконѣ; но онъ все-таки издаетъ законъ отъ своего имени. Онъ самъ говоритъ, онъ повелѣваетъ, и нѣтъ указанія на волю народную.

Упоминаніе слова «народъ» попадается въ одномъ только документѣ. Одинъ указъ Хильпериха начинается такъ[2]: «Тщательно обсудивъ во славу Божію съ знаменитыми нашими оптиматами, антрустіонами и всѣмъ народомъ нашимъ (*omni populo nostro*), мы постановили...»[3]. Слѣдуетъ спросить себя, представляютъ ли послѣднія слова только торжественную формулу оффиціальнаго языка, или они указываютъ на дѣйствительно существовавшій порядокъ законодательства. Прежде всего, надо замѣтить, что имя народа

[1] *Boretius*, p. 11; *Pertz*, I, 5: „Gunthramnus... omnibus pontificibus et cunctis iudicibus in regno nostro constitutis... Nec nos quibus facultatem regnandi Superni Regis commisit auctoritas, iram eius evadere possumus, si de subiecto populo sollicitudinem non habemus".

[2] Текстъ этого указа дошелъ до насъ въ одной только рукописи, найденной въ Лейденѣ (*Vossianus*, 119); рукопись эта относится къ десятому вѣку; она написана неправильно и непонятна во многихъ частяхъ. Издана она *Pertz*'емъ, II, 10; см. также *Pardessus*, Diplomata, I, 143; *Holder*, Vossianus, p. 44—47; *Hessels*, p. 409; *Behrend*, p. 105; *Boretius*, p. 8.

[3] „Pertractantes in Dei nomen cum viris magnificentissimis optimatibus vel antrustionibus et omni populo nostro".

появляется лишь послѣ оптиматовъ и антрустіоновъ. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что въ самомъ эдиктѣ нигдѣ не сказано, чтобы народъ обсуждалъ вопросы и составлялъ постановленія; не говорится даже того, что съ нимъ совѣщались, и что онъ высказывалъ свое мнѣніе. Король объявляетъ только, что самъ онъ работалъ надъ разсмотрѣніемъ нѣсколькихъ дѣлъ (*pertractavit*) среди своихъ оптиматовъ, антрустіоновъ и среди всего своего народа. Онъ прямо не говоритъ, чтобы народъ принималъ участіе въ составленіи закона, и не замѣтно, чтобы законъ былъ представленъ на рѣшеніе народа [1]. Мы видимъ, что король говоритъ здѣсь отъ своего имени -- *nos ordinamus* [2].

[1] Выраженіе *convenit ut*, семь разъ встрѣчающееся въ эдиктѣ, не подразумѣваетъ непремѣнно соглашеніе между королемъ и народомъ; самое большее, если оно указываетъ на соглашеніе его съ оптиматами; но я не думаю, чтобы и таковъ былъ смыслъ этихъ словъ. Они соединяются съ *placuit*: „placuit atque convenit“ (ст. 3 и 5); *convenit* часто замѣняетъ *placuit* и употребляется вмѣсто него (ст. 1, 2, 4, 6, 7); въ меровингскомъ языкѣ оно принимаетъ часто значеніе „было постановлено“. Такъ, Гунтрамнъ пишетъ: „Convenit, ut iustitiae in omnibus vigore servato distringat legalis ultio iudicum, quos nos corrigit praedicatio sacerdotum“ (*Pertz* I, 4; *Boretius*, p. 12). *Convenit* часто значитъ „слѣдуетъ“, „должно“; примѣръ находится въ самомъ указѣ Хильпериха (ст. 10): „sic convenit observare“, и въ одномъ *additamentum* къ Салической Правдѣ: „secundum legem Salicam hoc convenit observare ut...“ Въ Рипуарской Правдѣ (XVI) читаемъ: „Quod et de ingenua femina convenit observare“. — Понятіе, соединявшееся съ этимъ словомъ въ шестомъ вѣкѣ, иное, сравнительно съ тѣмъ, которое мы теперь связываемъ со словомъ „соглашеніе“; оно аналогично съ тѣмъ, которое мы вкладываемъ въ выраженія: „слѣдуетъ“, „подобаетъ“. Совсѣмъ другое дѣло, когда слово *convenit* сопровождается предлогомъ *inter*: тогда оно знаменуетъ договоръ между сторонами.

[2] „Nobis praesentibus veniant, nos ordinamus, cui malum fecit

Въ самомъ текстѣ указа народъ не фигурируетъ ни разу.

Короли Хильдебертъ и Хлотаръ издали общее постановленіе, первая статья котораго наказываетъ за разбой смертною казнью. Они не говорятъ, что совѣщались съ народомъ объ этомъ предписаніи, которое противорѣчитъ, повидимому, Салической Правдѣ. Они приказываютъ отъ своего только имени [1]. Однако въ одной изъ рукописей сказано: «Нами и главными изъ Франковъ, сановниковъ нашего дворца, было постановлено» [2]. Вельможи эти — совѣтъ короля, а не народъ. Хлотаръ касается самыхъ важныхъ вопросовъ уголовнаго права и не упоминаетъ вовсе о народѣ, а говоритъ, что законодательствуетъ отъ имени Бога [3].

Одинъ декретъ Хильдеберта II заключаетъ формулу обнародованія его, составленную слѣдующимъ образомъ: «Король Франковъ Хильдебертъ, прославленный мужъ. Обсуждая ежегодно совмѣстно съ нашими оптиматами въ мартовскія календы всякаго рода дѣла, мы желаемъ, чтобы рѣшенія наши были доводимы до свѣдѣнія всѣхъ» [4]. Такимъ образомъ, король издаетъ за-

tradatur in manu“. (Cap. 8, in fine, *Boretius*, p. 12). — Нечего говорить о томъ, что это *nos* — множественное число, обозначающее особу короля; то же въ ст. 3: „Leodes qui patri nostro fuerunt“; ст. 10: „Ipsum mittemus foras nostro sermone“; ст. 11: „Temporibus avi et genitoris nostri“.

[1] *Pactum pro tenore pacis* (у Boretius, p. 4; Pertz, I, 7): „Ut quia multorum insaniae convaluerunt, malis pro immanitate scelerum digna reddantur. Id ergo decretum est, ut apud quemcunque latrocinius comprobatur, vitae incurrat periculum“.

[2] *Holder*, Lex Salica, мюнхенская рукопись, стр. 75: „Id ergo decretum est apud nos maioresque natu Francorum palatii procerum“.— Оканчивается фраза такъ, какъ указано выше.

[3] „Quae in Dei nomine constituimus, in perpetuo volumus custodire“.

[4] *Decretio Childeberti* (Boretius, p. 15; Pertz, I, 9; Holder,

коны только со знатными; народъ настолько мало принимаетъ участія въ его составленіи, что приходится объявлять ему законъ [1]. Нѣсколько статей указаннаго декрета измѣняютъ частное право Франковъ, но народъ франкскій не высказывалъ своего мнѣнія. Король совѣщался лишь со «своими вельможами» и «лейдами». Онъ и говоритъ поэтому: «мы постановляемъ», «мы желаемъ», «мы повелѣваемъ».

У насъ есть еще одинъ указъ Хлотара II, помѣченный 614 годомъ [2]. Извѣстно, что указъ этотъ былъ составленъ соборомъ епископовъ [3]. Предполагали безъ всякаго основанія, что епископы и знатные заставили короля его принять; этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, въ указѣ нѣтъ ни слова о народномъ правѣ. Добровольно или нѣтъ, онъ изданъ королемъ, который дѣйствуетъ и здѣсь какъ единственный законодатель. Называетъ онъ законъ своимъ указомъ, *edictum nostrum*. «Царствованіе наше будетъ счастливо, если намъ удастся сохранить хорошіе законы и исправить дурные», говоритъ онъ, и въ силу одного этого соображенія онъ считаетъ себя обязаннымъ законодательствовать. Потомъ, установивъ рядъ правилъ, касающихся церкви, гражданской администраціи и налоговъ, онъ заканчиваетъ санкціею,

Lex Salica, Vossianus, 119, p. 55; № 4627, p. 35): „Chilbebertus rex Francorum vir inluster. Cum in Dei nomine nos omnes Kalendas Martias de quascunque conditionis una cum nostris optimatibus pertractavimus, ad unumquemque notitia volumus pervenire“.

[1] Одинъ изъ такихъ законовъ обнародывается два года спустя послѣ его составленія, другіе—черезъ годъ.

[2] Статья 5: „Iussimus observari“; ст. 6: „Volumus“; ст. 7: „Decrevimus“. Вездѣ повторяется это множественное число, относящееся къ одному лицу; такъ король говоритъ „palatio nostro“ (ст. 2), „fisco nostro“ (ст. 4).

[3] *Boretius*, 20; *Pertz*, I, 14; *Baluze*, I, 21.

что «тотъ, кто осмѣлится нарушить его указъ, будетъ наказанъ смертью».

Нѣтъ, слѣдовательно, основанія допускать, что право составлять законы принадлежало народу. Ясно, что оно принадлежало королямъ. Поражаетъ, правда, то, что меровингскій король издастъ законы вмѣстѣ со своими вельможами; онъ выдаетъ себя за составителя закона, но прибавляетъ, что составлялъ его среди своихъ знатныхъ: «*una cum nostris optimatibus pertractavimus*» [1]. Иногда онъ считаетъ даже необходимымъ пояснить, что всѣ были согласны съ нимъ: «*convenit omnibus nobis adunatis*». Что же нужно думать объ этомъ обычаѣ? Вытекалъ ли онъ изъ требованія знатныхъ? Можно ли здѣсь видѣть признаки аристократическаго строя или свободнаго учрежденія? Вышло ли оно изъ Германіи, или представляетъ собою нововведеніе королей меровингскаго дома? Всѣ эти предположенія высказывались въ наукѣ, и въ свободномъ обсужденіи законовъ знатью ученые не преминули усмотрѣть противоположность съ римскою Имперіею, въ которой, какъ говорили, законъ былъ не что иное, какъ «воля государя». Тѣ, однако, которые умѣютъ остерегаться произвольныхъ гипотезъ и предвзятыхъ системъ, могутъ замѣтить, что уже въ римской Имперіи законъ составлялся и вырабатывался такимъ же точно обсужденіемъ. То, что объявлялось какъ воля государя, (*quod principi placuit*), предварительно составлялось въ верховномъ совѣтѣ (*sacrum consistorium*). Меровингское выраженіе *cum optimatibus petractavimus* можно найти съ такимъ же смысломъ и въ текстахъ, исхо-

[1] Это хорошо отмѣчено въ самомъ эдиктѣ (ст. 24): „Hanc deliberationem, quam cum pontificibus vel tam magnis viris optimatibus aut fidelibus nostris in synodali concilio instituimus“.

дившихъ отъ римскихъ императоровъ. Раскрывъ Кодексъ Юстиніана, въ немъ легко встрѣтимъ ясную формулировку этого правила: «Когда мы считаемъ нужнымъ ввести новый законъ,—говоритъ императоръ,—мы подвергаемъ его сначала обсужденію вельможъ нашего дворца, затѣмъ сената, и, если онъ встрѣчаетъ одобреніе и вельможъ нашихъ, и сената, мы приказываемъ записать его и прочесть въ новомъ общемъ собраніи; когда всѣ даютъ, наконецъ, свое согласіе (*cum omnes consenserint*), мы утверждаемъ это общее согласіе (*universus consensus*) актомъ нашей власти»[1]. Отбросьте сенатъ; все остальное — какъ разъ то же, что происходитъ въ меровингскомъ государствѣ: знатные обсуждаютъ новый законъ, и когда всѣ соглашаются или, по крайней мѣрѣ, показываютъ себя согласными, то король утверждаетъ законъ. Такимъ образомъ, предварительное обсужденіе знатныхъ и общій *consensus*, съ которымъ сообразовался, по крайней мѣрѣ по наружности, государь, были уже въ ходу и въ римской Имперіи прежде, чѣмъ стать обычаями франкскаго королевства. Ни въ томъ, ни въ другомъ государствѣ нѣтъ рѣчи о народномъ правѣ или объ обезпеченіи политической свободы общества. Единственная забота правительства заключалась въ томъ, чтобы законъ былъ хорошо выработанъ и мудро составленъ. Знатные и въ томъ, и въ другомъ государствѣ, не болѣе какъ «вельможи дворца», то-есть, друзья государя, его сановники и ближайшіе совѣтники.

[1] Законъ 466 года въ Юстіановомъ кодексѣ (I, 14, 8): „Humanum esse probamus, si quid in publica vel in privata causa emerserit necessarium, quod formam generalem et antiquis legibus non insertam exposcat, id ab omnibus antea tam proceribus nostri palatii quam gloriosissimo caetu vestro (сенатъ) tractari, et si universis tam iudicibus quam vobis placuerit, tunc allegata dictari et sic ea denuo collectis omnibus recenseri, et, cum omnes consenserint, tunc demum in consistorio recitari, ut universorum consensus Nostrae Serenitatis auctoritate firmetur“.

Было замѣчено, что франкскіе короли не употребляли слова *lex*, когда дѣло шло объ ихъ постановленіяхъ. Они употребляли скорѣе термины, которыми пользовались императоры для обозначенія своихъ законодательныхъ актовъ, называя ихъ *edictum*, *decretum*, *constitutio*. Слово «законъ» примѣнялось, какъ кажется, только съ одной стороны къ римскимъ законамъ, пользовавшимся попрежнему высокимъ почитаніемъ, съ другой—къ народнымъ обычаямъ, получившимъ, какъ полагали, начало отъ мудрости предковъ. Должны ли мы думать, чтобы публичнымъ правомъ франкскаго государства было опредѣленно предписано, что короли будутъ издавать эдикты и декреты, а не законы? Мало вѣроятія, чтобы подобныя тонкія различія могли уже быть доступны государственному сознанію Франковъ. Къ тому же, предисловія двухъ франкскихъ Правдъ и Правды Аламановъ представляютъ намъ королей, какъ авторовъ этихъ сводовъ, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что они издали ихъ и ввели въ нихъ много измѣненій. Если короли и не называютъ своихъ личныхъ законодательныхъ актовъ законами, указы ихъ имѣютъ, однако, всю силу закона, и подданные должны соблюдать ихъ «подъ страхомъ лишенія жизни». Надо также замѣтить, что эти королевскіе эдикты—не простыя прибавленія къ національнымъ законамъ; они иногда становятся въ противорѣчіе съ послѣдними; они во многихъ пунктахъ измѣняютъ и преобразовываютъ ихъ[1].

[1] Недавно сложилась въ наукѣ теорія, по которой *leges* признаются совершенно отличающимися отъ *capitula* и *decreta* коро-

Итакъ, мы не видимъ, чтобы власть королей была ограничена правомъ составленія только одного какого-нибудь вида законодательныхъ актовъ. Конечно, на

лей; первые—являлись будто бы свободнымъ произведеніемъ самихъ народовъ, и короли никогда не могли ничего прибавлять къ нимъ или измѣнить въ нихъ что-нибудь, не созвавъ народнаго собранія. Таково излюбленное воззрѣніе многихъ нѣмецкихъ ученыхъ, такъ какъ оно поддерживаетъ ихъ основную гипотезу о народномъ правѣ (*Volksrecht*), какъ коренной особенности древне-германскаго государственнаго быта. Она была усвоена и нѣсколькими молодыми французскими историками, потому что всегда легче сдѣлать переводъ съ нѣмецкаго, чѣмъ самому доискаться истины въ текстахъ. См. спеціальное изслѣдованіе *Thévenin* въ сборникѣ трудовъ различныхъ ученыхъ, изданномъ „Ecole des hautes études" въ 1878 году. Къ несчастью, система эта нисколько не подтверждается изученіемъ документовъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, невозможно доказать, что германскія *leges* были непосредственнымъ продуктомъ правового творчества Франковъ, Бургундовъ, Вестготовъ или какого другого племени. Съ другой стороны, въ совершенно опредѣленныхъ текстахъ мы читаемъ, что франкскіе, бургундскіе, вестготскіе и лонгобардскіе короли составляли *leges* или дѣлали добавленія къ уже существующимъ. На протяженіи двухъ изучаемыхъ вѣковъ, наконецъ, нельзя указать ни одного народнаго собранія, которое сходилось бы для самостоятельнаго составленія свода или для принятія закона, предложеннаго королемъ. Сторонники разбираемой теоріи искусно толкуютъ нѣкоторые тексты въ пользу своего взгляда: когда они видятъ, что король приказываетъ своимъ чиновникамъ обнародовать законъ, они сейчасъ же предполагаютъ, что будетъ созванъ народъ и, главное, что онъ свободно будетъ подавать голосъ за то, чтобы принять или отвергнуть этотъ законъ; когда они видятъ, что король приказываетъ „вписать въ законъ свои капитуляріи", то, основываясь на этихъ однихъ словахъ, воображеніе ихъ сейчасъ же представляетъ себѣ народное собраніе, которое будетъ рѣшать вопросъ. Но этого-то именно и не говоритъ ни одинъ текстъ. Въ продолженіе всего меровингскаго періода нѣтъ никакого указанія на это. Мы вернемся къ данному вопросу при изслѣдованіи учрежденій во времена Каролинговъ.

практикѣ короли измѣняли существующіе *leges* не иначе, какъ съ самой большой осмотрительностью, и что они рѣдко осмѣливались давать своимъ актамъ названіе *lex*. Но препятствовалъ этому не какой-нибудь принципъ государственнаго устройства, который формально ограничивалъ бы ихъ власть. Въ законодательной области короли шли такъ далеко, какъ хотѣли или какъ рѣшались идти. Въ продолженіе этихъ двухъ вѣковъ никто, кажется, не сомнѣвался въ томъ, что законодательная власть во всей полнотѣ принадлежитъ королямъ. Ни въ одномъ документѣ, хотя бы въ видѣ намека, не высказана идея, что право это принадлежитъ народу или отдѣльному сословію.

То же самое повторилось въ другихъ германскихъ государствахъ, сходныхъ съ государствомъ франкскимъ. Если заглянуть въ своды Бургундовъ, Остготовъ, Вестготовъ и даже Лонгобардовъ, то и изъ нихъ можно будетъ заключить, что издавалъ законы король. Онъ, конечно, не одинъ составлялъ ихъ; онъ подготовлялъ, обсуждалъ и обработывалъ ихъ со своими вельможами, но съ народомъ не совѣщался, и такимъ образомъ не народъ создавалъ законы, свободно ихъ обсуждая и голосуя.

Вотъ, какъ говоритъ король въ началѣ свода Бургундовъ: «Такъ какъ мы долго размышляли о благѣ и спокойствіи нашего народа, то по зрѣломъ обсужденіи съ нашими оптиматами, съ нашего и ихъ согласія, мы постановили ввести настоящій сводъ законовъ съ тѣмъ, чтобы онъ сохранилъ силу навѣки» [1].

[1] *Lex Burgundionum*, praefatio: „Cum pro quiete et utilitate populi nostri impensius cogitaremus, quid de singulis causis conve-

Такимъ образомъ, оптиматы, то-есть, королевскіе графы и вельможи дворца [1], дали свой совѣтъ, но король одинъ издалъ законъ. Въ каждой статьѣ говоритъ и приказываетъ онъ самъ [2]. Онъ требуетъ, чтобы графы помѣстили свои подписи въ заголовкѣ свода; это вовсе не значитъ, что они были его составителями; это значитъ лишь то, что, подписываясь, всѣ эти лица обязывались за себя и за свое потомство всегда повиноваться этому закону [3].

Теодерихъ, король Остготовъ, обнародовалъ родъ сокращеннаго свода, «съ которымъ должны были сообразоваться Готы и Римляне» [4]. Онъ одинъ — составитель этого свода, и онъ не подвергалъ его разсмотрѣнію какого-нибудь собранія [5].

Власть вестготскихъ королей была ограничена во многихъ отношеніяхъ, но въ принципѣ имъ никогда

niret, coram positis optimatibus nostris, universa pensavimus, et tam nostra quam eorum sententia mansuris in aevum legibus sumpsimus statuta perscribi".

[1] *Ibidem*: „Consilio comitum procerumque nostrorum".

[2] Поэтому король и ведетъ рѣчь всегда отъ своего имени и, согласно обычаю, въ первомъ лицѣ множественнаго числа: *decrevimus, statuimus, censuimus, id volumus custodiri, iubemus.* См. главнымъ образомъ главы 3, 45, 46, 51, 52, 76 и 79. Законодатель совершенно опредѣленно говоритъ лично отъ себя, хоть и напоминаетъ нѣсколько разъ, что обсуждалъ вопросъ *cum optimatibus.*

[3] *Ibidem*: „Placuit etiam constitutionis nostrae seriem adiecta comitum subscribtione firmari, ut etiam per posteros custodita perpetuae pactionis teneat firmitatem".

[4] *Edictum Theoderici*, 1: „Quae Barbari, Romanique sequi debeant".—*Ibidem*, 154: „Quae omnium Barbarorum sine Romanorum debet servare devotio".

[5] Также поступалъ преемникъ его Аталарихъ; *Cassiodor.* Epist. IX, 18, 19.

не отказывали въ полнотѣ законодательнаго авторитета. Поэтому короли и объявляютъ себя тамъ единственными составителями законовъ. Одинъ изъ нихъ напоминаетъ, какъ онъ обнародовалъ свои законы: «Въ то время, какъ свѣтлость наша возсѣдала на высокомъ тронѣ въ присутствіи епископовъ, придворныхъ вельможъ, нашихъ должностныхъ лицъ и всего народа, сдѣлано было объявленіе этихъ законовъ, которые и должны поэтому соблюдаться во всѣхъ нашихъ провинціяхъ» [1]. Изъ этого текста ясно, что обнародованіе законовъ было у Вестготовъ публичнымъ и торжественнымъ актомъ, но король является единственнымъ творцомъ этихъ законовъ.

Лонгобардскіе короли также обладали законодательною властью; Ротарихъ, Ліутпрандъ, Ратхисъ и Айстульфъ издаютъ своды законовъ. Лонгобардскій народъ никогда не собирался для обсужденія этихъ законовъ или для принятія ихъ. Законодатель старается только упомянуть, какъ дѣлали и Меровинги, что составлялъ онъ свои законы на собраніи знатныхъ. Знатными, впрочемъ, и здѣсь оказываются одни только

[1] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 1: „Sicut sublimi in throno Serenitatis Nostrae celsitudine residente, videntibus cunctis sacerdotibus Dei, senioribusque palatii atque gardingis omnique populo, harum legum manifestatio claruit, ita earumdem reverentia in cunctis regni nostri provinciis debeat observari".—II, 1, 5: „Leges quas nostri culminis fastigium iudiciali praesidens throno coram universis Dei sacerdotibus cunctisque officiis palatinis, iubente Domino atque favente, audientium universali consensu edidit et formavit".— Достаточно ясно видно, что въ первомъ изъ двухъ отрывковъ слова *omni populo* не должны быть понимаемы буквально; весь народъ королевства, очевидно, не былъ собранъ; это условное выраженіе, родъ канцелярской формулы, какъ и въ приведенномъ нами указѣ Хильпериха. Къ тому же, во второмъ отрывкѣ пропущено слово *populus* и говорится только объ епископахъ и придворныхъ.

должностныя лица короля [1]. Одинъ изъ лонгобардскихъ государей хорошо поясняетъ, каковъ былъ характеръ ихъ собраній: «Мы вызвали нашихъ должностныхъ лицъ и вѣрныхъ нашихъ со всѣхъ частей нашего государства,—говоритъ онъ;—когда они собрались около насъ, мы познакомили ихъ съ данными законами; они обсудили ихъ между собой и пришли къ соглашенію съ нами, послѣ чего было приступлено къ новому чтенію закона, и всѣ дали свое согласіе» [2]. Итакъ, не народъ, а собраніе королевскихъ чиновниковъ и лично вѣрныхъ ему частныхъ людей обсуждало и вырабатывало законъ.

ГЛАВА VII.

Широта компетенціи королевской власти.

Въ предшествующихъ главахъ настоящаго изслѣдованія мы показали, что во франкской монархіи не

[1] Королевскіе чиновники назывались *iudices*; мы увидимъ дальше, что у Лонгобардовъ былъ *iudex civitatis*, назначавшійся королемъ, и имъ же отрѣшавшійся отъ должности. На собраніи этихъ *iudices* около короля составлялись законы. См. *Edict. Rotharis*, 386: „Consilio et consensu cum primatos iudices".—*Edict. Grimoald.* praefatio: „Per suggestionem iudicum".—*Edict. Liutprandi*: „Una cum iudicibus et reliquis Longobardis fidelibus nostris... Dum nostri ad nos coniungerent iudices... Capitula quae nobis et notris iudicibus atque fidelibus recta comparuerunt".

[2] *Leges Longob. Liutpr.* (Anno quartodecimo, proemium): „Iudices atque fideles nostri de partibus Austrasiae et Neustriae nobiscum adfuerunt, et haec omnia inter se conlocuti sunt, et nobis renuntiantes, nobiscum pariter statuerunt atque deffinierunt; et cum praesentaliter fuissent capitula ista relecta, omnibus placuerunt, et prebentes adsensum statuerunt nobiscum, ut per ordinem scriberentur".—*Aistulph.* (quinto anno, prologus): „Convocatis ex diversis partibus regni nostri pertinentibus iudicibus".—Объ этихъ *iudices* см. ниже, главу X, въ концѣ.

существовало ни народнаго собранія, обладавшаго политическими правами, ни аристократическаго сословія, поддерживавшаго традиціи независимости; не было народа, выбиравшаго себѣ королей, не было и народа, составлявшаго себѣ законы. Наряду съ королемъ, стало быть, не было никакого равносильнаго ему учрежденія, которое ограничивало бы его власть [1]. Такое положеніе вещей можетъ быть легко объяснено исторически. Съ одной стороны, галло-римское населеніе давно уже стояло въ сторонѣ отъ политической жизни и привыкло видѣть, что общественное управленіе находится въ рукахъ класса имперскихъ чиновниковъ; поэтому оно продолжало повиноваться франкскому королю, какъ повиновалось раньше римскому префекту преторія. Съ другой стороны, у Франковъ съ давнихъ поръ, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ передвиженій, разложились особенности старо-германскаго общественнаго строя: они утратили свое вѣче и свою знать, и при вступленіи въ Галлію у нихъ не было никакого другого политическаго учрежденія кромѣ королевской власти. Потому-то мы не находимъ указаній на то, чтобы Римляне старались противостать королевской власти или чтобы Франки требовали участія въ политическихъ дѣлахъ или возврата къ старымъ вольностямъ.

Нѣкоторые случаи неповиновенія, сообщаемые хроникерами, не должны вводить насъ въ заблужденіе. Иногда населеніе какого-нибудь города возмущалось противъ уплаты налоговъ, иногда войско возставало противъ короля за то, что онъ не доставляетъ ему обильной добычи [2]. Эти факты волненій или проявленія сла-

[1] Церковь и особенно епископатъ мы оставляемъ пока въ сторонѣ; еще не время говорить о нихъ.

[2] *Greg. Tur.* III, 11; IV, 2; IV, 14; V, 29; VI, 31; IX, 30.

бости дисциплины не имѣютъ ничего общаго съ борьбою за свободу; они свидѣтельствуютъ скорѣе объ ея отсутствіи. Если бы люди эти обладали свободными учрежденіями, если бы у нихъ были народныя собранія, если бы они сами голосовали свои налоги и рѣшали вопросъ о войнѣ и мирѣ, не было бы повода для возникновенія тѣхъ трехъ или четырехъ движеній, о которыхъ намъ разсказываютъ источники.

Итакъ, не существовало ни галло-римскаго, ни франкскаго народа въ томъ смыслѣ, который придаемъ мы теперь слову «народъ». Прочитайте всѣ документы, оставшіеся отъ этихъ двухъ вѣковъ,—хроники, законы, хартіи,—и вы ни разу не найдете въ нихъ, чтобы Франки составляли въ своемъ государствѣ *populus*, отличавшійся отъ римскаго населенія. Ни одна изъ двухъ расъ не представляла политически самостоятельнаго тѣла. Это вовсе не значитъ, чтобы слово *populus* не попадалось часто въ памятникахъ шестого и седьмого вѣковъ; но разсмотрите каждую изъ фразъ, въ которыхъ оно встрѣчается, и вы увидите, что означаетъ оно нѣчто совсѣмъ отличное отъ общества, обладающаго политическими правами. Означаетъ оно, напримѣръ, собраніе вѣрныхъ въ церкви[1], или толпу, присутствующую на какой-нибудь церемоніи и бывшую свидѣтелемъ какого-нибудь акта[2], или просто жителей какой-нибудь страны или города[1], иногда также и низшій классъ; но никогда не употреблялось оно въ смыслѣ обозначенія политическаго организма, въ смыслѣ сувереннаго народа или общества, законнымъ образомъ устроеннаго въ политическую единицу и дѣйствующаго по праву. Рядомъ со словомъ *populus* ни разу не видимъ мы указанія на обсужденіе государственныхъ дѣлъ, на правильно дѣйствующее собраніе, на выраженіе воли народной. Всюду должны мы переводить слово *populus*—какъ „населеніе", а не какъ „народъ", и это потому, что со словомъ „народъ" мы связываемъ теперь понятіе о политической самостоятельности, люди же шестого вѣка не понимали этого слова въ такомъ значеніи.

Историку весьма поучительно изслѣдовать, каковъ былъ настоящій смыслъ нѣкоторыхъ терминовъ въ различныя эпохи. Посмотрите на прилагательное *publicus*; оно часто употребляется въ языкѣ меровингской эпохи, и при небольшомъ даже знакомствѣ съ этимъ языкомъ смыслъ слова ясно выдѣляется изъ сотни примѣровъ. Оно ни разу не значитъ «народный», а всегда «королевскій». *Villa publica Bernacum*—не народное, а королевское владѣніе Бернэй, равно какъ и *Vernum palatium publicum* — королевскій дворецъ

[1] См., напримѣръ, у Григорія Турскаго, VII, 8: „Quadam die dominica postquam diaconus silentium *populis*, ut missae aus cultarentur indixit, rex conversus ad *populum* dixit: O viri cum mulieribus qui adestis... Haec eo dicente omnis populus orationem fudit ad Dominum pro rege". — Ср. Постановленія собора въ Агдѣ, ст. 47: „Ante benedictionem sacerdotis *populus* egredi non praesumat". Тоже видимъ въ актахъ Орлеанскаго собора 511 года, ст. 26:„ Populus de ecclesia non discedat ante quam..."— *Fortunat.* Vita Germani, 33: „Cum *populo* ad missam progreditur".

[2] *Greg. Tur.* Miracula Martini, I, 18: „Populo teste".—*Fortunat.* Vita Marcelli, 10: „In prospectu populi".—*Miracula S. Benedicti*, I, 22: „Solemne festum S. Benedicti, quo conventus multorum populorum confluere monasterio solet". Эти примѣры, которыхъ мы могли бы привести гораздо больше, достаточно показываютъ, какое значеніе придавали тогда слову *populus*, а также множественному числу—*populi*.

[1] *Greg.* Hist. X, 3: „Campaniae populo"; X, 27: „Campaniensis populus"; V, 29: „Lemovicinus populus"; VIII, 30: „Biturici, Santonici cum reliquarum urbium populo"; IX, 20: „Parisiensis civitas cum populo suo".

въ Вернѣ[1]. Также и *vicus publicus*—это не народное селеніе, а деревня короля, то-есть, большое владѣніе, принадлежащее королю[2]. То, что авторъ житія св. Галла называетъ *possessiones publicae*, это—королевскіе домены[3], такъ же какъ и *fiscus publicus* значитъ королев-

[1] „Victoriacus villa publica" — королевскій доменъ въ Витри (*Vita Columbani*, 36). Также „Villa publica Bernacum" (*Contin. Fredeg.* Bouquet, 5, 2).—„Verno palatio publico" (*Boretius*, стр. 33). „Attiniacum villa publica" (*Boretius*, p. 221). „Heristallum villa publica" (хартія 780 г.).—„Erat rex apud Spinsiam villam publicam" (*Fredeg.* Chron. 36).—„Vernum fiscum publicae ditionis" (*Vita Eucherii*, c. 8, Mabillon, Acta SS. III, 596).—Надо замѣтить, что уже во времена римской Имперіи слова *villa publica* имѣли значеніе императорскаго домена; *Eutrop.* V, 4: „Nicomediae, in villa publica obiit Constantinus". — *Amm. Marc.* XXIX, 6, 7: „Filia Constantii in publica villa quam appelant Pistrensem".—На латинскомъ языкѣ шестого вѣка *publicum patrimonium* обозначало императорскій доменъ, а *homines publici* — людей, принадлежавшихъ императору (*Greg. Magn.* Epist. XI, 10).

[2] „Compendium vicus publicus", у Бэды (Hist. eccles. III, 28) то же самое, что „Compendium palatium" въ грамотахъ (*Pardessus*, №№ 367, 394, 400) или „Compendium villa nostra" (*Pardessus*, № 433), то-есть, королевскій доменъ въ Компьени.—Въ одной грамотѣ въ *Archives nationales* (Tardif, № 19) слова „Morlacas vico publico" указываютъ на королевскую виллу.

[3] *Vita S. Galli*, c. 21 (Mabillon, Acta SS. II, 242): „Ut rex audivit eum in publicis possessionibus commorari, iussit fieri conscriptionem firmitatis, ut vir sanctus locum quem incolebat per auctoritatem regiam obtineret". — Это переводится такъ: „Какъ только король Сигебертъ II узналъ, что Галлъ остановился на королевскихъ земляхъ, онъ приказалъ составить жалованную грамоту для того, чтобы на основаніи ея святой человѣкъ владѣлъ съ этихъ поръ этою землею". Очевидно, что если король жалуетъ эти земли грамотою отъ своего имени (таково значеніе слова *auctoritas*), земли эти принадлежали ему, какъ собственность; выраженіе же *possessiones publicae*—здѣсь синонимъ съ *possessiones fiscales*, которое попадается въ другомъ мѣстѣ (*Greg. Tur.* IX, 19).

ская казна[1], потому что народъ — мы увидимъ это дальше—не имѣлъ казны. Въ томъ же значеніи встрѣчаемъ мы выраженіе *aerarium publicum*[2]. Подать, которую платили королю, называлась *publicum tributum*, *publica functio*[3]. Когда намъ попадаются выраженія *reddere in publico*, *solvere in publico*, рѣчь идетъ о платежахъ, которые должны быть внесены въ королевскую казну[4]. Григорій Турскій, на одной и той же страницѣ, говоря объ одной и той же казнѣ или сокровищахъ, называетъ ихъ *thesauri publici* и *thesauri regum*[5], настолько однозначущи были оба эти выраженія. *Moneta publica*, навѣрно, королевская монета,[6] и всѣ, кто именовался въ грамотахъ *agentes publici* были королевскими чиновниками[7]. Такимъ образомъ,

[1] *Greg. Tur.* Mirac. S. Iuliani.

[2] *Greg.* Hist. VIII, 36.

[3] *Greg.* Hist. V, 27; VII, 23.—То же самое надо сказать о „census publicus". См. *Vita Eligii*, I, 15: „Erat tempus, quo census publicus erat thesauro regis inferendus".

[4] *Greg. Tur.* De gloria confessorum, 63. — Cfr. *Lex Alamanorum*, 31; *Edictum Chlotarii*, cc. 7 и 23.

[5] *Greg.* Hist. VI, 45 (ср. изд. *Guadet*, стр. 458, строки 2 и 10).

[6] *Vita Eligii*, I, 3: „Abbo, qui in urbe Lemovicina publicam fiscalis monetae officinam gerebat".— *Ibidem*, II, 76: „Moneta publica".

[7] „Agentes publici" (*Chlotarii praeceptio*, c. 11, Boretius, p. 19); „actores publici" (*Archives nationales*, Tardif, № 21). Cfr. *Formulae* (Rozière, № 32): „Omnibus curam publicam agentibus".—Намъ незачѣмъ говорить здѣсь о томъ, что *publicus*, конечно, сохраняетъ нѣкоторыя другія, прежнія значенія; *publice* значитъ „при народѣ"; въ нѣкоторыхъ формулахъ *curia publica* значитъ „городская курія", *codices publici*—муниципальные списки, и попадается даже *respublica* въ значеніи муниципія, какъ въ Дигестахъ; но чаще всего слово *publicus* употребляется какъ синонимъ *regalis*.

въ меровингскомъ обществѣ подъ словомъ *publicus* разумѣется не то, что принадлежитъ народу, а то, что принадлежитъ королю. Отмѣченная маленькая подробность словоупотребленія очень интересна. Она характеризуетъ складъ ума эпохи. Понятіе народа отдѣлилось даже отъ тѣхъ словъ, которыя спеціально примѣнялись раньше къ нему. Терминъ *publicus* остается въ языкѣ, но такъ какъ онъ не можетъ относиться къ народу, котораго не существуетъ въ прежнемъ (политическомъ) смыслѣ, то его относятъ къ королю, который существуетъ одинъ, какъ политически самостоятельная сила. Подъ терминомъ «народный», теперь понимаютъ все «королевское». Народъ и государство поглощены королевскою властью и затерялись въ ней.

Дѣло въ томъ, что въ ту эпоху никто не представлялъ себѣ народа, какъ самодовлѣющее цѣлое. Въ Галліи не было ни франкскаго, ни римскаго народа, существовало только населеніе страны. Было множество человѣческихъ существъ, но не было единаго народнаго организма. Единственнымъ живымъ учрежденіемъ являлась королевская власть; только въ ней, за исключеніемъ еще епископата, сохранялась сила. Никакой законъ, никакой традиціонный порядокъ, никакая политическая сила не ограничивали ея. Государственное устройство меровингской эпохи должно быть названо чистою монархіею.

Оффиціальный титулъ короля было *rex Francorum*. Онъ прибавлялъ къ нему обыкновенно какой-нибудь латинскій эпитетъ, чаще всего *gloriosus*, а канцелярія его охотно присоединяла къ его имени званіе *vir illuster* [1], но настоящимъ терминомъ, обозначавшимъ его власть, служило именно выраженіе—*rex Francorum*; его мы находимъ во всѣхъ грамотахъ.

[1] Я не присоединяюсь къ теоріи, предложенной по этому вопросу Жюлліеномъ Гавэ (*Havet*), и приведу въ другомъ мѣстѣ многочисленные тексты, не позволяющіе мнѣ согласиться съ нею. Ее, впрочемъ, энергично оспаривали уже Бресслау въ Германіи и Пиреннъ въ Бельгіи; также во Франціи *Gasquet*, см. „L'empire byzantin et la monarchie franque", стр. 135—143.

Не слѣдуетъ выводить отсюда, чтобы этотъ король былъ только государемъ Франковъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ также повелителемъ Римлянъ. Въ выраженіи *rex Francorum* слово *Francorum* не вызывало уже тогда въ Галліи представленія объ особой расѣ пришельцевъ—оно стало обозначать новую національность, образовавшуюся изъ смѣшенія разныхъ племенъ, расселившихся между Рейномъ и Пиренеями. Вся эта территорія называлась королевствомъ Франковъ, и имя это одержало верхъ надъ другими по той единственной причинѣ, что королевская династія была франкскаго происхожденія. При слабости всѣхъ другихъ учрежденій эта королевская династія была такъ сильна, что названіе своей національности она дала всему населенію государства.

Надо отрѣшиться отъ мнѣнія, что король обладалъ одними правами надъ одною расою своихъ подданныхъ и другими надъ другою. Власть его была одинаковою по отношенію къ Германцамъ и Римлянамъ, и онъ управлялъ и тѣми, и другими при помощи однихъ и тѣхъ же органовъ. Къ присягѣ, приносившейся при началѣ каждаго новаго царствованія, одинаково призывались Франки и Римляне; они собирались по тѣмъ же округамъ и произносили такую же клятву, на тѣхъ же мощахъ, находившихся въ рукахъ того же королевскаго чиновника [1]. Во всѣхъ своихъ

[1] *Formul. Marculf.* I, 40 (Zeumer, p. 68; Rozière, № 1): „Om-

указахъ короли обращаются ко всѣмъ подданнымъ безъ различія. Никогда не отдѣляютъ они Франковъ отъ Римлянъ и въ равной степени подчиняютъ своей волѣ тѣхъ и другихъ. Рядъ подробностей, которыя мы сейчасъ приведемъ, показываетъ, что въ дѣйствіяхъ своихъ короли никогда не обращали вниманія на расу тѣхъ, къ кому обращались, и съ одинаковымъ произволомъ обходились, какъ съ Франками, такъ и съ Римлянами.

Григорій Турскій хорошо зналъ франкскихъ королей; онъ обрисовываетъ ихъ, какъ абсолютныхъ государей. Въ своемъ разсказѣ о суассонской чашѣ онъ изображаетъ, какъ король убиваетъ воина, руководствуясь не судебнымъ приговоромъ, а личною местью, и другіе воины не протестуютъ противъ этого. Въ его повѣствованіи о Хлодовехѣ встрѣчается характерное выраженіе; Хлодовехъ говоритъ кельнскимъ Франкамъ: «У васъ нѣтъ больше короля, обратитесь ко мнѣ, чтобы вступить подъ мое покровительство» [1]. Выраженіе это, конечно, не вымышленное Григоріемъ, характеризуетъ отношенія между королемъ и подданными. Подданные находятся подъ покровительствомъ не законовъ или обычаевъ и не какого-нибудь народнаго права, а только одного короля. Король этотъ, будучи единственнымъ покровителемъ населенія, очевидно, является единственнымъ и абсолютнымъ повелителемъ его.

Григорій Турскій представляетъ дальше сыновей и внуковъ Хлодовеха, какъ государей, дѣлающихъ все, что имъ угодно. Не совѣщаясь съ населеніемъ,

nes pagenses vestros, Francos, Romanos vel reliqua natione degentes congregare faciatis".

[1] *Greg. Tur.* II, 40: „Convertimini ad me, ut sub mea sitis defensione".

дѣлятъ они между собою королевство. Они идутъ по своему желанію войною въ Тюрингію, Бургундію, Бретань, Испанію или Италію. Произвольно дѣлаютъ они наборъ войска; имъ достаточно послать приказаніе своимъ графамъ, и тотчасъ все способное къ бою населеніе берется за оружіе [1]. По своей волѣ облагаютъ они налогами все населеніе [2]. Одинъ изъ нихъ, Хильперихъ, дѣлаетъ даже постановленіе о догматѣ св. Троицы [3]. Онъ измѣняетъ латинскій алфавитъ, прибавляетъ туда нѣсколько буквъ, но не германскихъ, а греческихъ, и приказываетъ употреблять этотъ новый алфавитъ во всѣхъ школахъ королевства [4]. Указы составляетъ онъ по своему произволу и заканчиваетъ ихъ обыкновенно слѣдующею санкціею: «Если кто не будетъ повиноваться нашимъ повелѣніямъ, то мы прикажемъ выколоть ему глаза» [5]. Наконецъ, всѣ эти государи, даже лучшіе изъ нихъ, предавали смерти людей, которые не нравились имъ, хотя бы они и принадлежали къ знатнымъ или къ франкской расѣ [6]. По-

[1] *Greg. Tur.* IV, 30; IV, 51; V, I; V, 27; VI, 31; IX, 31 X, 3.

[2] См. дальше главу XI.

[3] *Greg.* V, 45: „Chilpericus rex scripsit indiculum, ut sancta Trinitas, non in personarum distinctione, sed tantum Deus nominaretur."—И онъ сказалъ одному епископу: „Sic volo, ut tu et ceteri doctores ecclesiarum credatis". — Епископы воспротивились, конечно, принятію толкованія короля.

[4] *Greg.* ibidem: „Addidit litteras litteris nostris id est ω, φ, ς, et misit epistolas in universas civitates regni sui, ut sic pueri docerentur".

[5] *Greg.* VI, 46; „Et in praeceptionibus, quas ad iudices pro suis utilitatibus dirigebat, haec addebat: si quis praecepta nostra contempserit, oculorum avulsione multetur".

[6] См. разсказъ о Боантѣ (*Greg.* VIII, 11), о Магновальдѣ (*Ibid.* VIII, 36), о Хундо (*Ibid.* X, 10).

смотрите, какимъ языкомъ говоритъ король Гунтрамнъ съ самыми крупными лицами своего королевства: «Знайте, что, если вы ослушаетесь моихъ королевскихъ приказовъ, сѣкира сниметъ вашу голову...Пусть умретъ тотъ, кто пренебрежетъ нашими приказаніями» [1].

Если посмотрѣть теперь на франкскіе законы, то-есть, на тѣ два свода, которые были составлены Франками и для Франковъ, то и въ нихъ найдемъ мы признаки утвержденія абсолютной монархіи. Тамъ не только никогда не говорится о народѣ, какъ о политическомъ цѣломъ, но король, прямо представленъ, какъ самодержецъ, волѣ котораго необходимо повиноваться. Салическая Правда показываетъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, что король — высшій судья въ тяжбахъ и въ уголовныхъ преступленіяхъ [2]. Она объявляетъ, что неповиновеніе простому королевскому предписанію наказывается такъ же, какъ смертоубійство [3]. Она предоставляетъ королю особенныя преимущества: похищеніе молодой дѣвушки наказывается обыкновенно тридцатью *solidi*, но наказаніе удваивается, если эта молодая дѣвушка стояла подъ покровительствомъ короля [4]. Изнасилованіе рабыни наказывается вирою въ пятнадцать *solidi* въ пользу хозяина; но если хозяинъ—король, то пеня удваивается [5]. Жизнь свободнаго человѣка, принятаго въ королевскую дружи-

[1] *Greg.* VIII, 40: „Certa si vos regalia iussa contemnetis et ea quae praecipio implere differtis, iam debet securis capiti vestro submergi... Si quis legem mandatumque nostrum respuit, iam pereat".

[2] *Lex Salica* XVIII, XLVI, LVI.

[3] *Lex Salica*, XIV, 4: „Si quis... de rege habuerit praeceptum... et aliquis contra ordinationem regis testare praesumpserit, solidos CC culpabilis iudicetur".

[4] *Lex Salica*, XIII, 1 и 6.

[5] *Lex Salica*, XXV.

ну, стоитъ только поэтому въ три раза дороже жизни другихъ Франковъ, а человѣкъ, пользующійся римскою свободою, оцѣнивается дороже свободнаго Франка, если онъ «гость короля» [1]. Такимъ образомъ, законъ допускаетъ, что одно покровительство короля легально возвышаетъ уже человѣка надъ другими людьми. Есть два критерія для правосудія въ этомъ сводѣ, и карательныя мѣры ея мѣняются въ зависимости отъ того, простой ли Франкъ палъ жертвою убійства, или человѣкъ, близкій королю.

Долгъ повиновенія подданныхъ королю съ большею силою отмѣчается въ той изъ двухъ франкскихъ Правдъ, которая была составлена въ Австразіи, то-есть, именно въ наиболѣе сильной германскимъ элементомъ части королевства. Тутъ мы находимъ слѣдующее постановленіе: «Человѣкъ, отвергающій королевскую грамоту, платится за это преступленіе жизнью» [2]. Въ другомъ мѣстѣ видимъ: «Всякій человѣкъ, ѣдущій по порученію короля или направляющійся къ королю или на его службу, долженъ пользоваться вездѣ пріютомъ и гостепріимствомъ; отказавшій ему въ этомъ заплатитъ шестьдесятъ солидовъ» [3]. Наконецъ читаемъ: «Пусть человѣкъ, оказавшійся невѣрнымъ королю, платится за это жизнью и конфискаціею въ казну всего его имущества» [4].

Мы уже видѣли, что меровингская династія смотрѣла на королевскую власть и на государство, какъ на свою собственность, и что братья дѣлили его между

[1] *Lex Salica*, XLI.

[2] *Lex Ripuaria*, LX, 6: „Quod si testamentum regium absque contrario testamento falsum clamaverit, non aliunde quam de vita componat".

[3] *Lex Ripuaria*, LXV, 3.

[4] *Lex Ripuaria*, LXIX.

собою согласно правиламъ частнаго наслѣдованія. Въ рукахъ короля находились не только всѣ общественныя дѣла, онъ не только былъ распорядителемъ мира и войны, налоговъ, законовъ и правосудія, но онъ самовластно могъ вмѣшиваться и въ частныя даже дѣла. Мы видимъ, какъ меровингскіе короли приказываютъ богатымъ дѣвушкамъ-сиротамъ выходить замужъ за людей, выбранныхъ ими [1].

Выраженіе королевской воли часто называется *bannus* [2]. Въ Рипуарской Правдѣ есть статья, составленная слѣдующимъ образомъ: «О томъ, кто не слушается королевскаго призыва (*bannus*). Если кто-нибудь приглашается королевскимъ призывомъ на службу, въ войско-ли или на другую службу, и не повинуется этому призыву, тотъ повиненъ заплатить шестьдесятъ солидовъ, если только не болѣзнь удержала его» [1]. — Итакъ, свободный человѣкъ долженъ слушаться всякаго королевскаго призыва, не только когда дѣло касается военной службы, но также при всякой другой, требуемой отъ него королемъ.

[1] *Greg. Tur.* IV, 13; IV, 47; VI, 16.—Указъ Хлотара 614 года (статья 18), намекаетъ на это злоупотребленіе и обѣщаетъ больше не прибѣгать къ нему, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ монахинямъ. Въ постановленіяхъ Орлеанскаго собора 541 года (ст. 22) также есть намекъ на это, равно какъ и въ постановленіяхъ третьяго Парижскаго собора 557 года (ст. 6).

[2] Слово это появляется въ первый разъ у Григорія Турскаго; но оно, вѣроятно, было болѣе древняго происхожденія даже въ языкѣ Галло-Римлянъ, потому что Григорій употребляетъ его въ производномъ, очевидно, позднѣйшемъ смыслѣ штрафа за неповиновеніе вызову короля (V, 27): „Chilpericus rex de pauperibus et iunioribus ecclesiarum bannos iussit exigi".—Въ *decretio Childeberti* мы находимъ глаголъ *bannire* въ смыслѣ „приказывать" (ст. 8): „Ita bannivimus ut..."—Въ Салической Правдѣ не встрѣчается слова *bannire*. Но оно попадается въ Правдѣ Рипуарской (LXV): „In utilitatem regis bannitus"; LXII, 2: „In hostem bannitus".—Оно заключается также въ одной формулѣ (*Marculf.* I, 40): „Omnes pagenses vestros bannire et congregare faciatis". — У Фредегарія слово *bannus* повторяется уже часто.

Ученые ставили вопросъ, германскаго ли происхожденія эта абсолютная королевская власть, или она составляетъ продолженіе римской монархіи. Титулъ *rex Francorum*, конечно, германскій, хотя надо замѣтить, что германскимъ въ этомъ выраженіи является слово *Francorum* гораздо больше, чѣмъ *rex*. Весьма странно, въ самомъ дѣлѣ, что короли всегда сохраняли этотъ титулъ, несмотря на то, что люди, принадлежавшіе къ франкской расѣ, составляли значительное меньшинство ихъ подданныхъ. Если бы они захотѣли принять новый титулъ, болѣе соотвѣтствующій дѣйствительному положенію вещей, то они назвали бы себя *reges Galliae*; но они этого не сдѣлали. Можно замѣтить, что короли, даже царствовавшіе въ Бургундіи, какъ Гунтрамнъ, не принимали титула *rex Burgundiae*. Другіе никогда не называли себя *reges Neustriae*, *reges Austrasiae*. То же замѣчаніе можно сдѣлать относительно готскихъ и лонгобардскихъ королей; они никогда не назывались *reges Hispaniae*, *reges Italiae*. Повидимому, короли эти никогда не думали мѣнять своего стараго титула. Происхожденіе своей королевской власти они относили къ довольно отдаленному прошлому, когда они царствовали только

[1] *Lex Ripuaria* (текстъ А, LXV, текстъ В, LXVII): „De eo, qui bannum non adimplet. Si quis legibus in utilitatem regis, sive in hoste, sive in reliquam utilitatem bannitus fuerit, et minime adimpleverit, si aegritudo eum non detinuerit, 60 solidos multetur".

надъ Франками, Вестготами и Лонгобардами, и теперь остались вѣрны традиціоннымъ титуламъ.

Мало, впрочемъ, оставалось сходства между могущественнымъ самодержавіемъ Меровинговъ и королевскою властью у древнихъ Германцевъ, о которой Тацитъ сказалъ «что она не была ни неограниченной, ни независимой»[1]. Правда, что между эпохой Тацита м эпохой Хлодовеха характеръ королевской власти могъ значительно измѣниться и во внутренней Германіи. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ наслѣдственность и раздѣлъ власти между сыновьями были одинаково въ обычаѣ въ Германіи и въ римской Имперіи. Произвольные раздѣлы франкскаго королевства походятъ въ грубомъ видѣ на раздѣлы римской Имперіи, нѣсколько разъ повторявшіеся въ послѣднюю эпоху; но гораздо больше походили они на образъ дѣйствій королей Аламановъ и Бургундовъ.

Наряду съ этимъ, однако, много фактовъ обнаруживаетъ подражаніе обычаямъ римской Имперіи. Король носитъ титулъ *vir illuster*, принадлежавшій въ римской Галліи префекту преторія и главному начальнику надъ войсками (*magister militum*), мѣсто которыхъ занялъ Хлодовехъ. Сохраненіе этого титула не имѣло большого реальнаго значенія, но, по нашему мнѣнію, оно указываетъ, по крайней мѣрѣ, на то, что канцелярія префектовъ преторія перешла къ меровингскимъ королямъ. Можно еще отмѣтить, что король назывался часто императорскимъ титуломъ *princeps*[2].

1 *Tacit.* Germ. 7: „Nec regibus infinita aut libera potestas".

2 Григорій Турскій называетъ франкскихъ королей *principes* (V, 26; VII, 13; VIII, 14). Титулъ этотъ попадается также во многихъ житіяхъ святыхъ: см. напр. *Vita Sigismundi*, *Vita Mauri*, c. 58. Онъ встрѣчается также въ завѣщаніи святого Леодегарія: „Principum nostrorum" (*Pardessus*, Diplomata III, p. 174) и во многихъ грамотахъ (*Pardessus*, №№ 354, 385, 399).—Говоря о своей королевской власти, Хлотаръ выражается—„clementia principalis". Слово это находится даже въ указѣ 614 года, (ст. 3); „Si quis ad principem expetierit". Мы находимъ его, наконецъ, и въ Рипуарской Правдѣ (LXXIII, 1): „Absque iudicio principis id est regis"; LXXIX: „In iudicio principis".

Въ древней Германіи существовали знаки королевскаго достоинства[1], но франкскіе короли предпочли принять римскія инсигніи. Какъ древніе консулы, являлись они одѣтыми въ хламиду и пурпурную тунику[2]. Они присвоили скипетръ, золотой тронъ, золотую корону. Они возстановили игры въ циркѣ и показывались на нихъ народу[3]. Казну свою называли словомъ *fiscus*, какъ римскіе императоры[4], или *sacellum publicum*[5], и, какъ императоры, также давали они иногда указамъ своимъ названіе *oracula*[6]. Наконецъ, дворецъ ихъ назывался *sacrum palatium*[7].

Всѣ эти короли говорили по-латыни, и къ нимъ

1 *Amm. Marcell.* XVI, 12, 24: „Rex Chlodomarus cuius vertici flammeus torulus aptabatur."

2 *Greg. Tur.* II, 38: „Tunica blatea indutus et chlamide, imponens vertici diadema."—III, 28: „Ornamentis, quae regem habere decet."—*Fortunat.* Vita Radegundis, c. 13: „Indumentum nobile quo, celeberrima die solebat pompa comitante regina procedere, exuta, ponit in altare blattas gemmataque ornamenta". — *Fredegar.* c. 38: „Exutum vestibus regalibus". — *Gesta Dagoberti*, c. 59: „Cum super solium aureum coronatus resideret".—Авторъ Житія святого Мавра изображаетъ короля Теодеберта одѣтымъ въ пурпуръ — „regali indutus purpura" (Mabillon, II, 330, c. 48).

3 *Greg. Tur.* V, 18, in fine.—*Procop.* De bello Gothico, III, 33.

4 *Lex Salica*, XLIV, 2; *Lex Ripuaria*, LXVII.

5 *Diploma Chlideberti* III, a. 750, (Pardessus, № 463, Pertz, № 74).

6 *Diploma Chlodovei III*, a. 691; (Pertz, № 58, Pardessus, № 417).

7 *Marculf.* I, 34; *Diplomata*, Pardessus, № 348.

обращались также на латинскомъ языкѣ[1]. Любопытно, дѣйствительно, пересмотрѣть выраженія, употреблявшіяся при обращеніи къ королямъ. Ихъ называли: «Ваша слава», «Ваше высочество», «Ваше превосходство»[2]. Король, говоря о себѣ, выражался — «Наша свѣтлость», «Наша милость»[3]. Всѣ эти слова были терминами, употреблявшимися раньше примѣнительно къ римскимъ императорамъ или самими императорами[4]. Титулъ „Величества" не былъ принятъ Меровингами.

[1] Фортунатъ говоритъ королю Хариберту: „Floret in eloquio lingua latina tuo". Очень характеренъ самый способъ прославленія: въ посланіи къ Хариберту Фортунатъ сравниваетъ его съ Траяномъ; когда онъ хочетъ похвалить придворныхъ Франковъ, онъ сопоставляетъ ихъ со Сципіонами и Фабіями. Надо полагать, что этотъ родъ похвалъ нравился тѣмъ, къ кому онѣ относились.

[2] *Greg. Tur.* IV, 47: „Andarchius dixit: Ideo Gloriae Vestrae praeceptionem deposco."—VIII 30: „Quae Gloria Vestra profert".—*Epistola synodi Parisiensis ad regem Sigibertum*: „Gloria Vestra" (*Sirmond*, I, 353).—*Vita Mauri*, c. 47: „Si Vestrae placet Celsitudini".—Епископъ, святой Амандъ пишетъ королю Сигеберту IV: „Sublimitas tua"—Григорій Великій называетъ короля Теодериха „Excellentia vestra" (*Bouquet*, IV, 34).—Вотъ какъ обращается къ Хлотару II Бертрамнъ въ своемъ завѣщаніи (*Pardessus*, I, 201): „De eo quod Gloria Vestra nobis contulit praesumentes in hoc testamento Vestram Celsitudinem memorare..."

[3] *Marculf.* I, 34: „Venerabilis vir ille abba Gloriae regni nostri petiit".—См. еще *Archives nationales* (Tardif, № 6): „Clementiae regni nostri petiit".—*Diplomata* (Pertz, № 13; Pardessus, № 319): „Serenitas nostra".—Грамота Хильпериха (Pardessus, № 190): „Adierunt Serenitaem Nostram obsecrantes". — *Marculf.* I, 16: „Episcopus ille Clementiae regni nostri detulit".—*Ibid.* I, 19: „Petiit Celsitudini Nostrae".—*Chlotarii regis constitutio*: „Usus est Clementiae principalis".

[4] *Cod. Theod.* XVI, 5, 46; 54: „Nostra Clementia".—*Cod. Iust.* I, 30, 2: „Placuit Clementiae Meae". — *Nov. Theod. II*, 1: „Saepe Nostra Clementia dubitavit... Nostrae Clementia fidus interpres".—*Cod. Iust.* I, 1, 1: „Cunctos populos, quos Clementiae Nostrae regit imperium".—*Ibid.* II, 44, 3: „Qui principali Clementia impetraverunt".—*Cod. Theod.* XVI, 11, 3: „Quae Nostra Serenitas roboravit".—*Ibid.* V, 14, 7: „Serenitas Nostra decernit". — *Cod. Iust.* I, 4, 15: „Nostrae Serenitatis decretum". Cfr. *Nov. Theod. II*, V, 2.—Названія—*Sublimitas Tua, Celsitudo Tua, Tua Magnificentia* давались уже высшимъ должностнымъ лицамъ Имперіи.

Франкскій король называлъ все населеніе королевства своими подданными, *subiecti*[1]; они же называли его своимъ господиномъ, *dominus noster*[2], и выраженіемъ этимъ пользовались какъ Римляне, такъ и Франки[3]. Всѣ безъ различія говорили королю, что они его слуги, *servi vestri*[4], и *servire* было оффиціальнымъ терминомъ,

[1] „Necessitatem subiectorum tractare" (*Chlotarii constitutio*).—„Scimus civitates istas Chlotarii regis filiis redhiberi et nos ipsis debere esse subiectos" (*Greg. Tur.* IX, 18).

[2] *Greg.* VIII, 43: „Domino nostro regi".—*Idem*, X, 19: „Domino nostro".—*Formul. Andeg.* 36 (Rozière, № 171): „In utilitate dominorum (id est regum)".—Выраженіе *dominus* при обращеніи къ государю—давняго происхожденія. Извѣстно, что его употреблялъ уже Плиній Младшій въ перепискѣ съ Траяномъ.

[3] *Greg. Tur.* IX, 12: „Godegisilus dixit: Ecce maximus inimicus dominorum nostrorum".—*Vita Mauri* c. 52: „Unus ex consiliariis Theodeberti nomine Ebbo dixit ei: Perpende tibi, domine mi rex".

[4] *Marculf.* I, 34 (Rozière, № 412): „A servis vestris pagensibus illis... servus vester... servi vestri".—*Marculf.* I, 7: „Servis vestris".—*Formulae Senonicae*, 44 (Rozière, № 420): „Inclyto et praecellentissimo illi regi ego ancilla vestra, servissima omnium ancillarum vestrarum".—Фортунатъ, говоря о высшихъ чинахъ, выражается такъ: „Sic dominum ac *servos* divina potentia servet" (*Ad Bosonem*, VII, 22).— Въ другомъ мѣстѣ, когда идетъ рѣчь объ одномъ австразійскомъ вельможѣ, онъ пишетъ: „Et domini mores, *serve* benigne, refers" (VII, 1).—Дезидерій, епископъ кагорскій, который знакомъ былъ съ языкомъ двора, потому что служилъ самъ при немъ казначеемъ (thesaurarius), пишетъ Сигиберту: „Reverendissime domine... nos servos vestros..."

обозначавшимъ повиновеніе королю[1]. Однажды король Гунтрамнъ, указывая на племянника своего Хильдеберта, сказалъ собранію главныхъ франкскихъ воиновъ: «Вотъ король, которому вы должны будете служить»[2]. Знатные люди земли суассонской обращаются къ этому самому Хильдеберту съ слѣдующими словами: «Дай намъ въ короли одного изъ твоихъ сыновей, чтобы мы служили ему»[3]. Приближенные Хильпериха говорятъ ему: «Соблаговолитъ ли король милостиво выслушать слова рабовъ своихъ»[4]. Эти формы рѣчи не мѣшали Франкамъ выказывать иногда большую дерзость и заносчивость, но дерзость эта была исключеніемъ, привычнымъ же фактомъ являлось смиреніе. Вотъ, какъ обращается къ королю Теодериху I герцогъ Гельпингъ: «Выслушай, достославный король, совѣтъ моего ничтожества»[5].

[1] *Greg. Tur.* VII, 13: „Dominum nostrum recognoscimus, cui servire plenius debeamus“.

[2] *Greg.* VII, 33: „Cohortabatur rex exercitum dicens: Rex est cui vos deservire debetis“.

[3] *Greg.* IX, 35: „Tunc viri fortiores (эпитетъ равнозначенъ съ maiores natu, seniores etc.)... venerunt ad regem dicentes: Da nobis unum de fiilis tuis, ut serviamus ei“.

[4] *Greg. Tur.* V. 21: „Accedentes ad regem familiares eius dixerunt: Si propitius audire dignaretur rex verba servorum suorum, loquerentur in auribus tuis“.

[5] *Greg.* Vitae Patrum, IV, 2: „Audi, gloriosissime rex, consilium parvitatis meae“. —Очень удобно утверждать, что Григорій Турскій не зналъ какъ говорили Франки. Но это невѣрно: напротивъ, онъ зналъ и посѣщалъ многихъ Франковъ и не могъ заблуждаться относительно того, какъ они обращались къ королямъ. Замѣтьте къ тому же, что въ другихъ государствахъ существовали такія же формы языка. Вотъ, какъ одинъ Лонгобардъ предстаетъ предъ своимъ королемъ: „Pertarit adveniens ad Grimoaldum regem, cum eius se vestigiis advolvere conatus esset, rex eum clementer retinuit... Ad quem Pertarit: servus tuus sum, inquit“ (*Paul. Diac.* Hist. Longob. V, 2).

Въ хартіяхъ, составленныхъ Франками и воинами, находятся тѣ же формулы и къ королямъ принѣняются въ нихъ тѣ же титулы, какъ въ хартіяхъ, писанныхъ Римлянами и духовными лицами[1].

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по формамъ рѣчи и по внѣшности франкскіе короли подражали римскимъ императорамъ. Нѣтъ сомнѣнія также въ томъ, что подданные ихъ, Франки и Римляне, признавали такое заимствованіе. Продолженіе нашего изслѣдованія покажетъ, что, чѣмъ больше мы будемъ вглядываться въ глубину внутреннихъ отношеній, разсматривая, напримѣръ, устройство управленія во франкскомъ королевствѣ, тѣмъ яснѣе будемъ убѣждаться въ силѣ римскихъ вліяній на сложеніе его институтовъ.

Изучая капитуляріи франкскихъ королей, мы находимъ въ нихъ часто такое же построеніе рѣчи, какъ въ конституціяхъ послѣднихъ римскихъ императоровъ[2]. «Заботливо обдумывать нужды провинціаловъ и подданныхъ и издавать обезпечивающія ихъ спокойствіе постановленія—обязанность королевскаго

[1] Разсмотрите, напримѣръ, договоръ, заключенный Левдегизиломъ, Мавриномъ и Авдегизиломъ (*Diplomata*, № 255). Левдигизилъ клянется соблюдать условія „per Patrem et Christum et per salutem principis cuius nunc potestate regimur“. Языкъ этотъ напоминаетъ тотъ, который мы находимъ на многихъ надписяхъ римской Имперіи.

[2] Предисловія къ этимъ указамъ, впрочемъ, очень различны. Указъ Хильпериха начинается словами: „Pertractantes in Dei nomine cum opimatibus“. Это не римская формула. То же надо сказать о декретѣ Хильдеберта II. Предисловіе къ *Pactus pro tenore pacis* не сохранилось. Три капитулярія, обороты рѣчи которыхъ всего ближе подходятъ къ оборотамъ рѣчи Имперіи,—съ прибавленіемъ только нѣсколькихъ фразъ, внушенныхъ церковью, принадлежатъ Хильдеберту I (*Boretius*, p. 2) и Хлотару I (*Ibid.* p. 18, второй *ibid.* p. 20).

милосердія»[1]. Таково предисловіе къ указу Хлотара, и оно списано почти буквально съ новеллы императора Валентиніана III[2].

Императоры выдавали себя за абсолютныхъ повелителей во имя общественнаго блага. Франкскіе короли также примѣшали идею народнаго блага къ своей чисто личной власти. Въ указахъ они никогда не говорятъ о своемъ произвольномъ желаніи, но охотно ссылаются на матеріальное или нравственное благо ввѣренныхъ имъ Богомъ народовъ[3]. Это—римскій принципъ, нѣсколько лишь измѣненный по внушенію епископовъ. Идея общей пользы появляется въ хроникахъ, очевидно, потому, что она, хотя и въ слабой степени, была еще жива въ умахъ правящихъ группъ[4]. Созваніе знатныхъ къ королю сопровождалось слѣдующей фор-

[1] „Usus est Clementiae principalis necessitatem provincialium vel subiectorum sibi omnium populorum provida sollicitius mente tractare et pro quiete eorum quaecunque iuste sunt observanda indita in titulis constitutione conscribere, quibus, quantum plus fuerit iustitiae atque integritatis impensum, tantum pronius amor devotionis incumbit".

[2] *Nov. Valentin. III*, III (изд. Haenel, p. 212): „Boni principis cura vel prima vel maxima est quietem provincialium propitia sollicitius mente tractare, quibus, quanto plus fuerit humanitatis impensum, tanto pronius amor devotionis incumbit".—Новелла эта вошла въ *Lex romana Wisigothorum* (глава VIII); она была, значитъ, прекрасно извѣстна въ Галліи.

[3] См., напримѣръ, предисловіе къ указу Хильдеберта I и къ указу Гунтрамна (*Boretius*, 2; 11): „Credimus hoc ad salutem populi pertinere... Dum pro salvatione regionis vel populi attentius pertractaremus".

[4] *Greg. Tur.* IX, 8: „Peccavi agendo contra voluntatem vestram atque utilitatem publicam".—*Idem*, V, 28: „Illud est additum, quod essent... patriae proditores".—*Exhortatio ad Francorum regem* (Patrologia latina, LXXXXII, 653): „Pro stabilitate patriae".

мулой: «для служенія королю и для блага страны»[1].

Франкскіе короли стремились въ то же время возстановить силу императорскихъ законовъ объ оскорбленіи величества[2]. Хроника показываетъ даже, что они съ одинаковою строгостью примѣняли эти законы и къ Римлянамъ, и къ Франкамъ. Не только поступки, но также намѣренія и слова осуждались этими законами[3]. Карательныя мѣры, наказывавшія подобныя преступныя дѣянія, были тѣ же, что въ римской Имперіи, а именно—смерть и конфискація имущества[3].

Была ли эта монархическая власть навязана населенію силою? Была ли она, наоборотъ, установлена

[1] *Fredegarii Chronicon*, c. 55: „Cum se pro utilitate regia et salute patriae ad Chlotarium coniunxissent".—*Ibidem*, c. 90: „Flaochatus, collectis secum pontificibus et ducibus, pro utilitate patriae tractandum mense Madio placitum instituit".—*Vita Ansberti*, c. 22: „Rex Theodericus conventum magnum populorum habens de utilitate et tutela regni tractabat".

[2] *Vita Remigii* (Bouquet, III, 378): „Eulogius, vir praepotens, convictus apud regem Chlodovicum de crimine regiae maiestatis".—*Greg.* V, 26: „Bursolenus et Dodo ob crimen maiestais laesae, iudicio mortis suscepto, unus ab exercitu vi oppressus est, alius in fuga apprehensus truncatis manibus et pedibus interiit resque eorum fisco collatae sunt".—*Greg.* IX, 13: „Baddonem pro crimine maiestatis vinctum".—*Ibidem*, X, 19: „Ego novi me ob crimen maiestatis laesae reum esse mortis".

[3] *Greg.* IV, 37: „Lupentius incusatus fuerat, quod profanum aliquid effatus de regina fuisset; sed discussis causis, cum nihil de crimine maiestatis conscius esset inventus, discedere iussus est".

[4] Фальбекъ (*Fahlbeck*) въ своемъ сочиненіи—„De la royauté et du droit royal chez les Francs" совершенно отрицаетъ заимствованія изъ римской Имперіи во франкскомъ государствѣ. Чтобы подтвердить такое смѣлое отрицаніе, онъ поступаетъ очень просто: онъ оставляетъ въ сторонѣ всѣ тексты и всѣ факты, указывающіе на подобное заимствованіе. Такимъ способомъ легко построить какую угодно теорію.

путемъ договора съ народомъ и съ его свободнаго рѣшенія? Ни то, ни другое. Власть эта являлась органомъ соціальной жизни, къ которому всѣ привыкли. Она существовала, она сохранилась, и весь организмъ продолжалъ функціонировать. Тутъ не имѣли никакого значенія ни отвлеченныя теоріи, ни желанія людей: надо было жить и продолжали жить въ тѣхъ формахъ, какія составляли силу вещей.

Бросимъ теперь взглядъ на королевства, сложившіяся въ такихъ же условіяхъ, какъ франкское королевство, я хочу сказать—на государства, основанныя другими германскими королями въ предѣлахъ территоріи Имперіи, на землѣ, которая съ этихъ поръ оказалась занята населеніемъ, принадлежавшимъ къ двумъ расамъ. Это были королевства Бургундовъ, Остготовъ, Вестготовъ и Лонгобардовъ.

Вездѣ мы вскрываемъ тотъ же характеръ королевской власти. Фактически это власть очень слабая; въ теоріи же, по конституціонному праву, она абсолютная. Народъ не представляетъ нигдѣ политической личности. Когда король Гундебальдъ говоритъ—*noster populus*, онъ хочетъ сказать «наши подданные»[1]. Остготы Теодериха, какъ ни отличались они отъ Римлянъ, не образовывали, однако, самостоятельнаго народнаго организма. У нихъ нѣтъ ни собраній, ни освященныхъ закономъ вольностей. Противъ лонгобардскихъ королей часто происходили возстанія; вестготскіе короли находились въ большой зависимости отъ

[1] *Lex Burgundionum*, praefatio: „Cum pro utilitate populi nostri cogitaremus“.—I, 3: „Si quis de populo nostro...“—II, 1: „Si quis hominem ingenuum ex populo nostro cuiuscumque nationis occiderit“.—LXV: „Multos in populo nostro congnoscimus depravari“.—*Additamentum*, I, 1: „Hoc decrevimus in populo nostro custodiri“.

епископовъ; но посмотрите на издававшіеся ими законы: они въ нихъ рисуются абсолютными монархами, и по закону они дѣйствительно были таковыми. Правда Вестготовъ, какъ и Рипуарская Правда, объявляетъ, что надо повиноваться всякому приказанію короля [1]. Королей этихъ, какъ и франкскихъ королей, или, скорѣе, какъ прежнихъ римскихъ императоровъ, называютъ «Ваша Слава», «Ваша Свѣтлость», «Ваша Милость» [2], и дворецъ ихъ называется «священнымъ дворцомъ». Въ этихъ государствахъ, какъ и въ франкскомъ, слово *publicus* примѣнялось къ тому, что принадлежитъ королю, потому что народъ по закону не существовалъ. У Лонгобардовъ королевская казна называлась просто *publicum*, и всякій чиновникъ обозначался однимъ словомъ *publicus* [3],—настолько отсутствовало у нихъ понятіе о народѣ, отдѣльномъ отъ короля. Всѣ эти короли съ одинаково полною властью управляли германскимъ населеніемъ, какъ и римскими своими подданными. Если расы и остаются здѣсь болѣе раздѣленными, чѣмъ въ меровингскомъ государствѣ, то всетаки ни одна изъ нихъ не образуетъ политически само-

[1] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 33: „Quicumque regiam iussionem, contempserit, tres libras auri fisco persolvat“.—Эта глава сходна съ 65 главой Рипуарской Правды.

[2] *Serenitas Nostra, Clementia Nostra* (посланія Теодериха у Кассіодора, I, 33; II, 25; II, 26 и т. д.).—*Nostra Celsitudo, Nostra Gloria* (Lex Wisigothorum, II, 1, 1; II, 1, 13; IX, 2, 8 etc.).—*Nostra Clementia* (Lex Longob. Luitprand, 99).—*In sacro palatio* (Lex Long. Luitprand, 83, 85).

[3] *Lex Longobardorum*, Luitprand, 35: „Omnes res eius ad publicum deveniant“. Смотрите также главу 78, изъ которой видно, что слова *de publico* обозначаютъ королевское владѣніе.—Въ этомъ же законоположеніи, въ главахъ 63, 121, 148 и 152, человѣкъ, обозначенный однимъ словомъ *publicus*—является королевскимъ чиновникомъ или судьею.

стоятельнаго цѣлаго, обладающаго верховными правами наряду съ королемъ.

Въ указанныхъ государствахъ такъ же, какъ и въ Галліи, королевская власть представляла единственную законную политическую силу, хотя тутъ и могла существовать наряду съ нею грубая сила знати и нравственная сила духовенства. Короли эти примѣняли также законъ объ оскорбленіи величества; безъ различія расы наказывали они смертью и конфискаціей имущества всякаго, кто посягалъ на ихъ власть или не признавалъ ее [1]. И лонгобардская Правда въ тѣхъ же приблизительно выраженіяхъ, какъ франкская, провозглашаетъ такой законъ: «Человѣкъ, по приказанію короля убившій другого человѣка, невиновенъ ни въ какомъ преступленіи, ибо нельзя допустить, чтобы былъ невиненъ тотъ человѣкъ, котораго приказалъ убить король, такъ какъ Богъ держитъ сердца королей въ десницѣ своей» [2].

ГЛАВА VIII.

Дворецъ (Palatium).

Выше мы уже видѣли, что, учрежденіе называвшееся въ римской Имперіи *palatium*, было одновременно и дворомъ императора, и центромъ управленія [3]. Этотъ

[1] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 1: „Si quis contra animam regis cogitaverit, animae suae incurrat periculum et res eius infiscentur".—*Anima* значитъ—„жизнь" въ лонгобардскихъ законахъ.

[2] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 2.

[3] *Cod. Th.* VI, 22, 1: „Hos solos, qui intra palatium versati sunt vel administrationibus functi, ad honores excipi oportebit".—Cfr. *Ibid.* VI, 22, 5: „Omnes qui extra palatium constituti..."—VI, 16: „De comitibus sacri palatii".—*Ammian. Marcell.* XVI, 7, 5: „Eutherius... ad palatium Constantini deducitur".—*Idem*, 6: „Acci-

окружавшій государя міръ, состоявшій изъ придворныхъ, должностныхъ лицъ, совѣтниковъ, друзей—*amici*, приближенныхъ—*comites*, служившихъ въ канцеляріяхъ и другихъ чиновниковъ, юрисконсультовъ, крупныхъ сановниковъ и министровъ, являлся важнымъ органомъ политической жизни и администраціи Имперіи. То же самое сохранилось при франкскихъ короляхъ.

Въ документахъ меровингской эпохи слово *palatium* встрѣчается много разъ. Оно имѣетъ два значенія. Очень часто обозначаетъ оно жилище, то, что и теперь еще мы называемъ дворцомъ; примѣняется оно, впрочемъ, только къ королевскимъ жилищамъ. Въ этомъ смыслѣ у Меровинговъ было большое число *palatia*, которыя принадлежали прежде римскимъ императорамъ, префектамъ преторія и высшимъ должностнымъ лицамъ римской Галліи [1], и которыя естественнымъ образомъ были взяты Меровингами для себя. Въ другомъ значеніи, употреблявшемся всегда въ единственномъ числѣ, слово *palatium* прилагалось уже не къ жилищу или строенію; это было нѣчто, не имѣвшее даже постояннаго мѣста и перемѣщавшееся съ королемъ изъ одной виллы въ другую; это родъ духовнаго существа: это—совокупность приближенныхъ короля [2].

tus postea in palatium". *Chronicon Paschale* (ed. Bonn. p. 557): „Τὸν πραιπόσιτον τοῦ παλατίου".

[1] *Palatium* въ такомъ значеніи уже встрѣчается въ языкѣ Имперіи; въ провинціяхъ были многочисленныя *palatia*, въ которыхъ помѣщались должностныя лица. *Cod. Iust.* I, 40, 15: „Nulli iudicum in civitatibus, in quibus sacra palatia vel praetoria sunt, liceat, relictis his, privatorum domus sibi vindicare... Palatium habitatione praesidis deputetur".—Cfr. *Cod. Theod.* XV, 1, 35.

[2] Истина эта становится очевидною изъ многихъ текстовъ. Ясно, напримѣръ, что слово *palatium* такъ именно понимается въ выраженіи „priores palatii" (см. *Vita Audoeni*, c. 3); „proceres

Онъ носитъ еще и другія названія: *aula* — дворъ, или *aula palatina*, или еще *domus regia* [1]. Это также выраженія, заимствованныя у римской Имперіи, съ тою разницею, что тамъ прибавлялись къ нимъ эпитеты *sacra* или *divina*. Во времена императоровъ говорили: «священный дворецъ», *sacrum palatium*; у франк-

palatii" (*Vita Walarici*, c. 22); „comes palatii" (*Greg. Tur.* V, 18; IX, 12; IX, 30); „comes palatii nostri" (*Diplomata*, Archives nationales, Tardif, №№ 14, 15, 28, 30, 32).—„Universus palatii ordo" въ *Vita Eligii* (I, 13) означаетъ всѣхъ лицъ, окружающихъ короля.—„Aega palatium gubernabat": Эга былъ начальникомъ этихъ лицъ (*Fredeg.* c. 80)—„Regebat palatium" (*Vita Leodegarii*, c. 2).—См. также слѣдующія выраженія (*Decretio Childeberti*, c. 2): „De palatio nostro sit extraneus".—*Edictum Chlotarii*, a. 614, c. 1: „Si episcopus de palatio eligitur", т.-е., если король выберетъ епископовъ изъ служащихъ во дворцѣ. — *Formul. Marculf.* praefatio: „Tam in palatio, quam in pago".—Агіографъ говоритъ объ одномъ человѣкѣ, сильномъ при дворѣ: „Cum maximum in palatio obtineret locum" (*Vita Ebrulfi*, c. 3).—Cfr. „innutriti in palatio regis"— воспитанные при дворѣ короля (*Abbonis epist.* у Bouquet, IV, 46).— „Universa palatii officia" (*Vita Agili*, c. 3).—„Cunctis palatii ministeriis (*Vita Boniti*, c. 3).—„Siagrius, post diutina palatii ministeria et familiaria regis contubernia" (*Vita Desiderii Cat.* c. 1); послѣдній примѣръ хорошо показываетъ, что *palatium*—это *contubernium regis*, т.-е., міръ, окружающій короля.

[1] „In aula regia" (*Vita Landberti*), c. 3).—„In aula regali" (*Vita Sigiranni*, c. 3).—„In aula regia" (*Testamentum Desiderii* въ *Diplomata*, № 323).—*Fortunat.* Carmina, IV, 19: „Ipse palatina refulsit clarus in aula".—„In aula palatii" (*Vita Ragneberti*, у Болландистовъ, іюнь, II, 694).—„In aulam regis" (*Vita Ansberti*, Ibid. февраль, II, 348).—„Palatina domus" (*Fortunat.* IV, 24).— „Domus nostra" (*Lex Burgundionum*, praefatio). — Читая *Vita prior S. Wandregisili* (c. 7), автора которой считаютъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, можно замѣтить, что въ одной и той же фразѣ этотъ королевскій „дворецъ" называется тамъ *palatium*, *aula* и даже *consistorium principis* (*Mabillon*, Acta SS. ord. Bened. II, 528; cfr. II, 536).

скихъ королей выраженіе это перестаетъ быть оффиціальнымъ; оно не исчезаетъ, однако, окончательно, и мы находимъ его въ нѣкоторыхъ текстахъ [1].

Люди, принадлежавшіе ко дворцу, назывались на языкѣ того времени *aulici* или *palatini*, — терминами, опять же бывшими въ ходу уже во времена Имперіи [2]. Изъ того, какъ употреблялись всегда эти термины, видно, что имъ придавали вполнѣ почетное значеніе. Принадлежать ко двору, жить во дворцѣ— было желаннымъ положеніемъ, которое разсматривалось какъ привилегія. Это доказываютъ намъ агіографы того времени: они часто начинаютъ похвальное слово своимъ героямъ съ указанія, что они были «придворными», что много лѣтъ провели они «на службѣ во дворцѣ» [3]. Замѣтьте, что это не осужденіе въ ихъ устахъ; они вовсе не думаютъ противопоставлять свѣтскую жизнь ихъ въ молодости ихъ святости въ зрѣ-

[1] „Consultu sacri palatii" (*Vita Tigriae*, c. 12; у Болландистовъ, 25 іюня). — „Maior domus sacri palatii (*Vita Leodegarii*, Ibid. октябрь, I, 464). „Maiores domus sacri palatii" (хартія 663 г. *Pardessus*, № 348).— Въ одной хартіи 650 года (№ 316) попадается также *sacer fiscus*. и *sacratissimus fiscus* въ двухъ хартіяхъ 677 и 690 годовъ (№№ 384 и 413). Наконецъ, въ *Exhortatio ad Francorum regem* мы читаемъ—„in sancto palatio".

[2] „Aulici regii" (*Greg. Tur.* V, 19; VI, 35). — „Gratus regis et aulicis" (*Vita Columbani*, c. 12).—„Aulici palatini" (*Greg.* X, 29). „Inter aulicos" (*Vita Ebrulfi Uticensis*, Bouquet, III, 438).—„Aulici regii" (*Fredeg.* c. 36).—„Dum quaereret, quem de aulicis palatii adiret qui se praesentiae regis sisteret" (*Vita Agili*, c. 2, Mabillon, II, 317).—„Prae cunctis aulicis" (*Ibid.* c. 13).—Объ этихъ же *aulici* и *palatini* въ римской Имперіи см. главнымъ образомъ у Аммiана Марцеллина, XXII, 4, и Новеллы Валентиніана III.

[3] *Greg. Tur.* X, 29: „S. Aridius aulicis palatinis adiungitur".— *Vita Aridii*, c. 5: „S. Aridius vernabat in aula".—*Vita Austregisili*, c. 3: „Erat in palatio".— *Vita Bercharii* (Bouquet, III, 587): „S. Nivardus... primus in aula regis fulgebat".—*Ibid.* p. 588: „S. Re-

ломъ возрастѣ; они говорятъ, наоборотъ, что при дворѣ уже святой велъ праведную жизнь; объ этой придворной жизни они упоминаютъ съ явнымъ намѣреніемъ возвысить того, о комъ повѣствуютъ: они хотятъ сказать, что прежде, чѣмъ сдѣлаться епископомъ или аббатомъ, онъ былъ уже значительнымъ лицомъ[1].

Люди, жившіе во дворцѣ, назывались также *nutriti*, питомцами короля. Быть можетъ, слово это было переводомъ какого-нибудь германскаго термина; мы находимъ его уже у Григорія Турскаго и у нѣсколькихъ агіографовъ[2].

maclus in regis aula praepollens".—*Vita Agili*, c. 14: „Venerabilis Audoenus regi prae cunctis aulicis amabilis". — Генезій, бывшій архіепископомъ ліонскимъ, началъ карьеру со службы во дворцѣ: „in palatio Francorum assiduus" (*Vita Balthildis*, c. 4).—„Audoenus et Eligius viri illustres tunc laicali habitu in palatio deservientes" (*Vita Sigiberti*, c. 2 и 4).—„S. Faro intra aulam regis Theodeberti nobiliter nutritus" (*Vita Faronis*, c. 11, Mabillon, II, 612).— Установились опредѣленныя слова, служившія для обозначенія очень почтеннаго положенія какого-нибудь лица—„принадлежать ко дворцу": „Cucilionem, qui palatii regis Sigiberti fuerat" (*Greg.* V, 18, in fine).

[1] См. въ особенности житія святыхъ Вандрегизила, Аридія, Сигиранна, Эбрульфа, Аманда, Бонита, Ремакла, Ансберта и Гермара.

[2] Григорій разсказываетъ, что Хильдебертъ, возведя своего сына въ королевское достоинство, устроилъ ему дворъ, дворецъ; авторъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Cui comitibus, domesticis, maioribus, atque *nutritiis*, vel omnibus qui ad exercendum servitium regale erant necessarii, delegatis, eum direxit. ." (*Greg.* IX, 36). Дюканжъ полагаетъ, что подчеркнутое слово надо читать *nutritis*, и намъ это кажется весьма правдоподобнымъ. Каково бы ни было, впрочемъ, толкованіе этого отрывка Григорія, есть другіе тексты, ясно показывающіе, что терминъ *nutritus* былъ въ большомъ ходу и обозначалъ членовъ *palatium*'а съ той именно стороны ихъ близости къ королю, которая особенно бросалась въ глаза.—*Vita Wandregisili* (Mabillon, II, 536): „Wandregisilus in aula Dagoberti nutritus et suis ministeriis adscitus".—*Vita Sigiranni* (Bouquet, III, 547); „Sigirannus Flaocato, causa nutriendi adiunctus, Francorum in palatio devenit".— Составитель житія святой Батильды говоритъ о тѣхъ, которые жили при дворѣ,—„quos ipsa dulciter nutriebat" (*Vita Bathildis*, c. 10).—Аббонъ пишетъ святому Дезидерію: „In palatio regis ubi innutriti fuistis" (Bouquet, IV, 46). Извѣстно, что выраженіе *nutritus* сохранилось въ позднѣйшемъ языкѣ, откуда и произошелъ французскій терминъ „*nourri*" феодальной эпохи.

Наименованіе *conviva regis* было почетнымъ званіемъ[1]. Жалуя его какому-нибудь лицу, король дѣлалъ это лицо однимъ изъ главныхъ во дворцѣ и въ государствѣ[2] и давалъ ему въ то же время важныя привилегіи[3]. Есть вѣроятіе, что обычай этотъ былъ принесенъ изъ Германіи; онъ напоминаетъ нѣсколько дружинныя отношенія. Вспомнимъ, что Тацитъ говоритъ о военачальникѣ, кормящемъ за своимъ сто-

[1] Терминъ *conviva regis* встрѣчается въ Бургундской Правдѣ. См. ст. XXXVIII, изд. *Pertz*, т. III, стр. 547; ср. въ Салической Правдѣ, XLI, 3; у Фортуната *Carm.* VII, 16; въ житіи святого Колумбана (гл. 50); въ житіи святого Агила, гл. 1.

[2] Фортунатъ (VII, 16) изображаетъ, какъ Хондонъ, постепенно возвышаясь по службѣ, получилъ званіе *conviva*. Сначала онъ былъ *tribunus*, потомъ *comes*, потомъ *domesticus*; наконецъ король „iussit et egregios inter residere potentes, *convivam* reddens proficiente gradu".—Въ житіи святого Колумбана (гл. 50) Гагнерихъ, бывшій *conviva*, въ то же время является „consiliis regis gratus". — Въ житіи Агила Агноальдъ — „ex primis palatii optimatibus, regis conviva et consiliarius".

[3] Салическая Правда назначаетъ за убійство conviva regis тройную пеню сравнительно съ тою, которою оплачивалось умерщвленіе этого лица въ силу его рожденія (глава XLI).— Бургундская Правда также отмѣчаетъ превосходство conviva regis надъ простымъ свободнымъ человѣкомъ (глава XXXVIII): „Quicumque hospitium negaverit, trium solidorum illatione multetur: si conviva regis est, sex solidos solvat".

ломъ своихъ товарищей по оружію. Надо сказать во всякомъ случаѣ, что Римляне могли такъ же, какъ Франки, быть „сотрапезниками короля“ (*convivae regis*) [1]. Необходимо тутъ же отмѣтить, что уже во дворцѣ римскихъ императоровъ существовало подобное званіе въ видѣ отличія [2]. Возможно, значитъ, что учрежденіе это имѣло двойственное происхожденіе. Во всякомъ случаѣ, званіе сотрапезника короля можно сравнить съ *amicus principis* римскихъ временъ.

Придворные или «люди дворца» были распредѣлены на разныя степени. Наиболѣе высокіе по сану назывались «вельможами дворца». На оффиціальномъ языкѣ они обозначались словами *proceres palatii* или *optimates;* на языкѣ писателей—*principes palatii*, *primi de latere regis*, *primi apud regem*, *maiores natu regni* [3].

[1] *Lex Salica*, XLI, 5: „Si quis Romano homine conviva regis occiderit, soiidos CCC culpabilis iudicetur... si conviva regis non fuerit, solidos C culpabilis iudicetur“.

[2] Въ Кодексѣ Θеодосія (VI, 13, 1) мы находимъ объясненіе смысла слова *conviva*, хотя тамъ и нѣтъ самаго этого слова: „Praepositos ac tribunos scholarum, qui divinis epulis adhibentur“.—*Honos mensae regalis* указанъ Аммiаномъ Марцеллиномъ (XV, 5, 27) и Либаніемъ (*Epist.* 60, ad Themistium).—Даже въ классической латыни можно найти *convictor* и *conviva* для обозначенія кліента, допущеннаго патрономъ въ число самыхъ близкихъ друзей. Горацій говоритъ (*Sat.* VI, 47): „Nunc quia sum tibi, Maecenas, convictor“; и дальше ст. 62; „Iubesque esse in amicorum numero“. Сравненіе обоихъ отрывковъ показываетъ, что *convictor* и *amicus* были синонимами, причемъ оба термина обозначали низшаго человѣка, котораго приближалъ къ себѣ знатный. Любопытно, что выраженіе *regis conviva* встрѣчается у Ювенала (V, 161): „Tu tibi liber homo et regis conviva videris“; *rex* въ этомъ случаѣ является только почетнымъ титуломъ, которымъ кліенты называютъ своего патрона.

[3] „Inter principes palatii orta scandala“ (*Vita Audoeni*, Bouquet, III, 612). — „Principes aulici“ (*Vita Martini Vertav.* c. 6).—

Подъ этими различными именами мы всегда должны видѣть придворныхъ, то-есть, людей, окружавшихъ короля. Какъ и во времена Имперіи, извѣстные почетные эпитеты были по праву присвоены имъ. Одни были только *viri magnifici*, другіе—*magnificentissimi*, или *viri illustres* [1]. Обращаясь къ нимъ, говорили: «Ваше Великолѣпіе», «Ваше Величіе». Самъ король не обходился безъ употребленія этихъ выраженій, которыя заключали въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ простую форму вѣжливости, и обладали оффиціальнымъ характеромъ [2].

Никто не дѣлался придворнымъ иначе, какъ по волѣ короля. Рожденіе никого не призывало во дворецъ по

„Principes palatii“ (*Fredegar.* c. 36).—„Primi palatii“ (*Vita Leodegarii*, c. 6).—„Primores palatii“ (*Vita Rusticolae*, 23).—„Primi de latere regis“ (*Greg. Tur.* IV, 13).—„Erant maiores natu et primi apud Chilpericum regem“ (*Greg.* V, 33).—„Ab omnibus maioribus natu Childeberti regis“ (*Greg.* VII, 32).—„Qui lateri regis adhaerent“ (Акты 2-го Маконскаго собора, a. 585, c. 14, Mansi, IX 955).

[1] *Decretio Childeberti*, 1: „Cum viris magnificentissimis optimatibus“.—*Edictum Chlotarii,* a. 614, in fine: „Tam magnis viris optimatibus“.—*Testamentum Bertramni*: „Vir magnificus Baudegiselus“.—*Diplomata*, Tardif № 7: „Viris inlustribus Wandeberto duci, Gaganrico domestico“.—*Ibid.* № 4: „Inlustri viro Daobertho“.—*Ibid.* № 6: „Vir inluster et fidelis noster Ursinus“.—*Ibid.* № 28: „Inluster vir, Ansoaldus comes palatii“.—*Ibid.* „Inluster vir Warno comes palatii“.—*Ibid.* № 11: „Cum consilio pontificum et inlustrium virorum nostrorum procerum“.—*Formul. Marculf.* I, 2: „Ille rex viris apostolicis necnon inlustribus viris illis comitibus“.—*Ibid.* II, 49: „Inlustribus viris patriciis, ducibus, comitibus“.—*Vigilii Epistola* (Bouquet, IV, 59): „Per Modericum virum illustrem legatatarium regis“.—*Testamentum Bertramni*: „Virum illustrem Gundolandum maiorem domus“.—*Formulae Andegavenses*, 32: „Inluster vir ille comes“.—*Formulae Turonenses* 29: „Ante illustre viro illo“.

[2] *Formul. Marculf.* I, 24; „Cognoscat Magnitudo Vestra“ (такъ обращается король къ графамъ). — *Diplomata*, Tardif, № 8; „Cognoscat Magnitudo Vestra“.

праву. Король могъ также и отчислить изъ своего персонала, кого хотѣлъ. Изгнаніе изъ дворца было наказаніемъ за нѣкоторые проступки[1], съ другой же стороны, тотъ, кто былъ принятъ во дворецъ, не могъ уйти оттуда иначе, какъ съ разрѣшенія короля[2].

Многіе проводили тамъ всю свою жизнь. Во дворецъ попадали въ молодые годы и тамъ старились[3], переходя послѣдовательно черезъ всѣ ступени іерархіи установившихся во дворцѣ службъ, постепенно повышаясь въ чинахъ. Каждый сначала пріобрѣталъ санъ *aulicus*, затѣмъ *comes*, *domesticus*, *conviva regis* и, наконецъ, могъ становиться *procer* или *optimas*. Такимъ образомъ, проходилась цѣлая карьера съ опредѣленными остановками, правилами повышенія; это

[1] *Decretio Childeberti II* (Pertz, I, 9; Boretius, p. 8): „Et insuper de palatio nostro sit omnino extraneus“.—*Fredeg.* c. 86: „Coeperat cogitare, quo ordine Otto de palatio eiceretur“.—У Вестготовъ: „Sit a palatii societate seclusus“ (*Lex Wisigothorum*, II, 1, 6, in fine).

[2] Есть любопытный примѣръ этого правила въ житіи святого Вандрегизила (*Mabillon*, Acta SS. p. 528, 536). Вандрегизилъ довольно долго служилъ во дворцѣ; потомъ онъ рѣшилъ сдѣлаться монахомъ и покинулъ королевскую службу. Король Дагобертъ I повелѣлъ остановить его, вернуть силою и приказалъ ему снова надѣть платье придворнаго; король не то, чтобы хотѣлъ помѣшать ему идти въ монастырь,—онъ наказывалъ его за то, что тотъ оставилъ службу безъ его разрѣшенія, „quod habitum mutasset sine eius permissu“. Вандрегизилъ покорился, но просилъ разрѣшенія и получилъ его.—*Vita Hermenlandi* c. 5 (Bouquet, III, 633): „Praesentiam adiit regis petivitque, ut regalis clementia licentiam daret quatenus, relicta palatina militia, regulari se coenobio Christo militaturus traderet“. — *Vita Arnulfi*, c. 17—18: „Tunc sanctus vir data venia, a palatio egreditur“.—*Vita Mauri*, c. 47.—*Vita Austregisili*, c. 4.—*Vita Sulpicii Biturici* c. 9.

[3] Однако, нѣкоторые покидали дворецъ еще въ молодости, дѣлаясь аббатами монастырей или епископами.

было нѣчто въ родѣ того, что называлось въ Римѣ *cursus honorum*[1]. Каждый новый санъ жаловался королемъ въ награду за оказанныя услуги.

Дѣйствительно, положеніе человѣка всецѣло зависѣло здѣсь отъ короля. Посмотрите, какъ говоритъ современникъ объ одной изъ высшихъ особъ дворцоваго вѣдомства, въ какихъ выраженіяхъ онъ восхваляетъ его: «Воля государя сдѣлала тебя великимъ, а сужденіе его непогрѣшимо. Онъ выбралъ тебя за твою мудрость и сдѣлалъ тебя своимъ другомъ. Онъ научилъ тебя быть тѣмъ, что ты есть; какъ вѣрный слуга, ты воспроизводишь добродѣтели твоего господина»[2]. Слова эти относятся къ одному австразійскому Франку, и подобнаго рода похвала не была, повидимому, непріятна послѣднему. Встрѣчались и Римляне между придвор-

[1] Этотъ порядокъ повышенія по службѣ, *cursus honorum*, довольно хорошо описанъ Фортунатомъ въ посланіи: *De Condone domestico* (VII, 16). Мы видимъ тутъ, какъ этотъ Кондонъ совсѣмъ новымъ еще человѣкомъ попадаетъ во дворецъ и все возвышается въ немъ при пяти короляхъ. Теодерихъ дѣлаетъ его *tribunus*, Теодебертъ *comes*; новый санъ пріобрѣтаетъ онъ при Теодебальдѣ; слѣдующій (*domesticus*), вѣроятно, при Хлотарѣ I, и, наконецъ, Сигебертъ возвышаетъ его въ степень *conviva*. Происходитъ все это при первыхъ австразійскихъ короляхъ. Довольно хорошо описанный *cursus honorum* можно найти еще въ житіи святого Бонита (*Mabillon*, Acta SS. II, 352); изъ послѣдняго видно, какъ этотъ человѣкъ былъ принятъ во дворецъ и сталъ *princeps pincernarum*, затѣмъ *referendarius domesticus* и, наконецъ, префектомъ Марсельской области. См. также житіе святого Дезидерія Кагорскаго.

[2] *Fortunatus*, Carmina VII, 1 (ad Gogonem):

Principis arbitri Sigiberti magnus haberis;
Iudicium regis fallere nemo potest.
Elegit sapiens sapientem et amator amantem...
Illius ex merito didicisti talis haberi,
Et domini mores, serve benigne, refers.

ными, но Франковъ было, вѣроятно, больше. Придворная жизнь вовсе не была имъ противна. Они охотно служили, охотно украшали себя также титулами, связанными со службою, требовали, чтобы ихъ называли *viri magnifici* или *viri illustres*[1]. Имъ нравилось находиться въ свитѣ своихъ королей; они сопровождали ихъ на охоту, на религіозныя церемоніи, сопутствовали имъ въ путешествіяхъ. Придворная жизнь и придворный духъ, получившіе такое большое значеніе во времена Имперіи, не исчезли и при франкскихъ короляхъ.

Придворная жизнь, какъ сказано, начиналась обыкновенно въ ранней молодости[2]. Въ документахъ довольно часто видимъ, что отецъ посылаетъ сына «ко двору короля», «чтобы его содержали во дворцѣ» и «чтобы онъ получилъ тамъ воспитаніе»[3]. Иногда юно-

[1] Они повторяли эти титулы даже въ частныхъ своихъ актахъ, и они также присвоивались ихъ женамъ, какъ уже было принято во времена Имперіи. См., напримѣръ, хартію, № 253, у *Pardessus*, въ которой Ландегизилъ дѣйствуетъ, какъ уполномоченный „ad vicem illustrae matronae Theudilanae".

[2] „Dum apud regem puerulus habitarem", говоритъ про себя одинъ святой въ *Vita Eligii*, I, 6.

[3] *Vita Austregisili* (Mabillon, II, 95): „In obsequio regis Guntramni deputatur a patre, ubi non modicum temporis prudenter militavit".—*Vita Hermenlandi* (Bouquet, III, 633): „Parentes eius videntes eum litterarum doctrinis instructum regalibusque militiis aptum, eum regiam introduxerunt in aulam atque regi Francorum militaturum commendaverunt". — Мы объяснимъ въ другомъ мѣстѣ встрѣчающееся здѣсь слово *commendare*.—*Vita Lantberti*, c. 3: „Pater eius commendavit eum... in aula regia erudiendum". — *Vita Licinii* (Болландисты, февраль, II, 678): „Quum ad roboratam pervenisset aetatem, pater eius commendavit cum regi Chlotario".—*Vita Filiberti* (Mabillon, II, 818): „Pater eum regi Dagoberto commendare studuit".— Въ особенности рано помѣщали туда своихъ сыновей сами дворцовые вельможи; такъ, составитель житія свя-

ша поступалъ прямо на службу къ королю, иногда онъ начиналъ съ услуженія вельможамъ прежде, чѣмъ перейти къ королю[1]. Устроено было нѣчто въ родѣ школы для этихъ молодыхъ людей. Вспомнимъ, что и при дворѣ римскихъ императоровъ существовало *paedagogianum*[2]. Слова этого не находимъ больше во франкскую эпоху, но то, что оно обозначало, не совсѣмъ исчезло. Мы видимъ, что самыя знатныя семьи опредѣляютъ дѣтей своихъ ко двору, «чтобы они учились тамъ всему, чему обучаютъ во дворцѣ»: «*eruditionem palatinam, aulicam disciplinam*»[3]. Насколько мы можемъ судить по памятникамъ, образованіе это заключало въ себѣ, повидимому, латинскую грамоту и литературу, затѣмъ религіозное просвѣщеніе[4] для

того Фарона говоритъ намъ, что онъ былъ „intra aulam regis Theodeberti nobiliter nutritus", и прибавляетъ: „quippe genitor eius inter proceres illius regis fulsit".

[1] Примѣры въ *Vita Lantberti*, c. 3; въ *Vita Arnulfi*, c. 4.

[2] Кодексы отмѣчаютъ среди сановниковъ императорскаго дворца *paedagogiani* или *paedagogi*.—*Cod. Th.* VIII, 7, 5; *Cod. Iust.* XII, 59 (60), § 3.—Амміанъ Марцеллинъ упоминаетъ о *paedagogiani* (XXIX, 3, 3) и говоритъ о блестящемъ нарядѣ этихъ „пажей": „Ut regius minister indutus a calce in pubem in paedagogiani pueri speciem" (XXVI, 6, 15).

[3] Въ приписываемой Григорію Турскому *Vita Aridii* (см. въ сочиненіяхъ Григорія, изд. *Bordier*, т. IV, стр. 164) читаемъ: „Aridius regi Theodeberto commendatur, ut eum instrueret eruditione palatina".—Ср. *Vita Wandregisili*, c. 2 (Mabillon, Acta SS. II, 534): „Cum adolescentiae polleret aetas, sub rege Dagoberto, militaribus gestis ac aulicis disciplinis, quippe ut nobilissimus, nobiliter educatus est."

[4] *Vita Lantberti*, c. 3: „Divinis dogmatibus et monasticis disciplinis in aula erudiendum". — *Vita Ragneberti* (Болландисты, іюнь, II, 694): „Scholastico atque dominico educatus est dogmate in aula palatii".—*Vita Wandregisili*, 2: „Cunctis mundanarum rerum disciplinis imbutus".—*Vita Arnulfi*, c. 4: „Exercitandus in bonis ar-

однихъ, для другихъ военныя упражненія, но съ присоединеніемъ познаній, необходимыхъ для занятія административныхъ должностей и съ обязательнымъ для всѣхъ обученіемъ искусству служить господину.

Въ такого рода школѣ встрѣчаемъ мы сыновей Франковъ и сыновей Римлянъ[1]. Они тамъ воспитывались вмѣстѣ, и кажется, что между ними не дѣлалось никакого различія; то же самое будетъ наблюдаться и впослѣдствіи, когда и тѣ, и другіе вступятъ на дѣйствительную службу во дворцѣ, на административныхъ постахъ, на епископскихъ каѳедрахъ. Принимая ко двору молодого человѣка, не обращали вниманія на его племен-

tibus".—*Vita Agili*, 4 (Mabillon, Acta SS. II, 318): „Agilus committitur Eustasio probatae religionis viro sacris litteris erudiendus cum aliis nobilium virorum filiis, qui postea ecclesiarum praesules exstiterunt".—Изъ этой школы Евстазія вышли въ самомъ дѣлѣ: Агноальдъ, епископъ ланскій, Вальдебертъ, епископъ мосскій, Ахарій епископъ нойонскій, Рахнахаръ, епископъ отенскій, и Авдомаръ, епископъ теруанскій.—Система обученія подвергалась, повидимому, измѣненіямъ въ зависимости отъ того, къ духовной ли карьерѣ, какъ Лантбертъ, готовился молодой человѣкъ, или къ административной, къ которой предназначался первоначально Вандрегезилъ.

[1] На Вандрегизила, сына Вальхиса, родившагося въ верденской землѣ, можно смотрѣть, какъ на Франка; онъ былъ „educatus aulicis disciplinis".—Точно также Рагнебертъ, сынъ Ратберта, „ex praecelso Francorum genere ortus"; его обучали „scholastico atque dominico dogmate in aula palatii" (*Bouquet*, III, 619); равнымъ образомъ Лантбертъ сынъ Эрлеберта, родившійся въ теруанской землѣ, „in aula regis Lotharii militavit" (*Bouquet*, III, 584).—Какъ сыновей Римлянъ, съ другой стороны, мы можемъ назвать Дезидерія, принадлежавшаго къ знатной фамиліи Сіагріевъ; затѣмъ Бонита, сына Теодота и Сіагріи; Валентина („trahens originem ex Romanis"); Аредія, сына Юкунда и Пелагіи, родившагося въ Аквитаніи и причисленнаго ко дворцу Теодеберта въ Австразіи. Всѣ эти лица получили одинаковое воспитаніе при дворѣ.

ное происхожденіе; но судя по нѣкоторымъ подробностямъ, сообщаемымъ намъ агіографами, большое значеніе придавалось положенію и богатству семьи, къ которой они принадлежали. Обыкновенно предпочитались сыновья знатныхъ и состоятельныхъ отцовъ[1], хотя и самые скромные люди тоже могли проникнуть во дворецъ и возвышаться тамъ, благодаря королевской милости. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такого воспитанія молодой человѣкъ занималъ мѣсто *inter aulicos*. Служба его начиналась. Какъ и во времена римской Имперіи, эта служба во дворцѣ называлась *militia* даже и тогда, когда она вовсе не имѣла военнаго характера[2]. Обозначалась она также менѣе высокимъ словомъ—*servitium*; но съ тѣхъ поръ, какъ дѣло шло о госу-

[1] *Vita Sigiranni*, c. 3 (Mabillon, II, 433): „Ut assolet fieri in aula regali, ut ex nobili prosapia geniti secundum saeculi dignitatem diversis fulciantur honoribus".—*Vita Aridii* (Mabillon, I, 349): „Ipsa generosissimae nobilitas parentelae de domo parentum illum regiam transire coegit in aulam, et sub rege Theodeberto palatinis mancipavit officiis".—*Vita Ebrulfi* (Mabillon, I, 354): „Rex comperiens, quis vel cuius nobilitatis eset, illico praesentari sibi eum iubet, condignum fore eum iudicans, ut regalibus ministeriis deserviret".—*Vita Rictrudis*, 15 (Bouquet, III, 539): „Maurontus, regali adherens, ut eius poscebat nobilitas, lateri".—*Vita Wandregisili*, posterior, c. 2 (Mabillon, II, 535): „Aulicis disciplinis, quippe ut nobilissimus, educatus".

[2] „Palatinam militiam" (*Vita Valentini*, Bouquet, III, 411). Слова „palatina militia" примѣняются въ *Vita Hermenlandi* къ кравчему (Bouquet, III, 633).—„Austregisilus in obsequio regis Guntramni prudenter militavit" (*Vita Austregisili*, Bouquet, III, 467).—„Inter commilitones" (*Ibidem*).—„In aula commorans regia ex tirunculo perfectus ita effectus est miles, ut rex eum principem constitueret pincernarum" (*Vita Hermenlandi*, c. 3). — „Per tramitem huius militiae" (*Ibidem*).—„In palatio militare" (*Flodoardi*, Hist. Rem. Eccl. II, 5).

царевой службѣ, и это слово сдѣлалось, какъ кажется, очень почетнымъ [1].

Дворцовая служба (*militia palatina*) заключала въ себѣ нѣсколько разрядовъ мѣстъ и должностей. Общимъ названіемъ ихъ было *ministeria* или *officia palatina* [2]. Мы перечислимъ ихъ, распредѣливъ, съ одной стороны, на должности личной, домовой службы королю и, съ другой, на должности государственной администраціи.

Между окружавшимъ короля высшимъ персоналомъ личной службы его особѣ находились:

1. Кравчіе, *pincernae*, начальникъ которыхъ назывался *princeps pincernarum* и былъ очень важнымъ сановникомъ [3]. Наряду съ ними стояли *mapparii*, подава-

[1] *Greg. Tur.* IX, 36: „Servitium regale".—*Testamentum Desiderii* (въ *Diplomata,* II, p. 100): „In aula regia et in servitio principis elaboravi".—*Vita Boniti,* c. 3: „Bonitus regis ad aulam processit, et se Sigiberti principis ministerio tradidit".—*Vita Sigiberti,* c. 2: „Viros illustres tunc in palatio deservientes".—*Greg. Tur.* V, 3: „Servitium referendarii".—*Marculfi,* I, 14 (Rozière, № 138): „Qui nobis ab adolescentia instanti famulantur officio".

[2] „Palatii ministeria" (*Vita Desiderii Cat.* 1).—„Ut regalibus ministeriis deserviret" (*Vita Ebrulfi Utic.* Bouquet, III, 438).—„Rex pro eo, quod ipsum hominem in suo ministerio habuisset" (*Vita Wandregisili,* c. 6).—„Palatinis se mancipavit officiis" (*Vita Aridii,* 3).

[3] *Vita Sigiranni,* 1 (Mabillon, Acta SS. II, 433): „Sigirannus Flaucado cuidam potenti viro causa nutriendi adiunctus, Francorum in palatio devenit, ibique ab eodem ad altiora provectus, pincerna regis est deputatus".—*Vita Hermenlandi* c. 3. „In aula commorans regia... cor regis in amorem sui convertit in tantum, ut rex dispensatorem sui potus principemque pincernarum constitueret".—Въ *Vita Valentini* (Bouquet, III, 411) лицо это называется „vini minister".—Св. Бонитъ также былъ „princeps princernarum" (*Vita Boniti,* Mabillon, II, 352).—Уже св. Іеронимъ замѣтилъ, что санъ кравчаго считался очень высокимъ у королей варварскихъ народовъ: „Cum apud reges barbaros maximae dignitatis sit regi poculum perrexisse" (*S. Ieronimi,* Quaest. in Genesim, XL, 1).

вшіе королю салфетку, когда онъ садился за столъ, и принимавшіе ее, когда онъ выходилъ изъ-за стола; обычай этотъ сохранился до временъ Людовика XIV [1].

2. *Cubicularii* или камергеры, на попеченіи и подъ присмотромъ которыхъ находились покои короля и спеціально его опочивальня [2]. Это были также важныя лица. Григорій Турскій разсказываетъ о могуществѣ кубикулярія Харегизила [3]. Кубикуляріи Эберонъ, Фараульфъ и Эберульфъ были, повидимому, также очень богатыми и могущественными людьми. Мы видимъ, что кубикулярій Бертаръ самостоятельно командовалъ войскомъ [4].

3. Далѣе мы находимъ сенешаловъ, *senescalci*. Это—не римское названіе. Обязанность ихъ при Меровингахъ заключалась въ попеченіи о королевскихъ домахъ и въ присмотрѣ за низшими слугами. Происхожденіе этого названія и этой должности коренилось въ обычаяхъ древне-германскаго домашняго быта. Господинъ, у котораго было много рабовъ, ставилъ во главѣ ихъ *senescalcus*, часто являвшагося рабомъ, какъ и они [5].

[1] *Vita Austregisili,* 1 (Mabillon, Acta SS. II, 95): „Erat regi gratissimus in tantum, ut linteum, quo rex lautis manibus tergere solitus erat, ipse proferret, et ob hoc mapparius vocabatur".—Cfr. *Aimoin.* IV, 22: „Austregisilus, diu in palatio commoratus, mappam regi Guntramno ad extergendas manus praebere consueverat".

[2] *Greg.* IV, 52: „Charegisilus cubicularius de minimis consurgens magnus cum rege per adulationes effectus".—Въ *Vita Severini Agaunensis* (Mabillon, I, 569) упоминается одинъ *cubicularius* во времена Хлодовеха.

[3] *Greg.* VII, 13; VII, 18; VII, 21 и 22; X, 10.

[4] *Fredegarii Chron.* c. 38: „Theudericus dirigens ultra Rhenum post tergum Theudeberti Bertharium cubicularium".

[5] Обычай этотъ хорошо отмѣченъ въ Правдѣ Аламановъ,

Однако такой же обычай существовалъ и въ домахъ знатныхъ Римлянъ. Такимъ образомъ, франкскій король имѣлъ сенешаловъ, какъ частное лицо. Послѣдніе не замедлили, впрочемъ, пріобрѣсти большое значеніе и въ государствѣ. Мы видимъ, что сенешалы подписывали королевскія грамоты, и что имена ихъ въ общественныхъ актахъ слѣдовали немедленно послѣ именъ оптиматовъ и графовъ [1]. Такъ, должность, принадлежавшая сначала къ числу чисто «дворовыхъ» мѣстъ при королѣ, обратилась постепенно въ важную функцію государственнаго управленія. То же теченіе, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, совершалось раньше и во дворцѣ римскихъ императоровъ.

4. За ними слѣдовали завѣдывавшіе королевскими конюшнями. Они обозначались германскимъ названіемъ *marescalci* [2], но еще чаще латинскимъ терминомъ —

LXXIX, 3 (alias, LXXXI, 3): „Seniscalcus si servus est et dominus eius duodecim vassos intra domum habet". — Какъ сенешалъ этотъ, такъ и двѣнадцать *vassi* были всѣ рабами.

[1] Въ 637 году, одинъ сенешалъ, по имени Вальдебертъ, подписываетъ грамоту и называетъ себя даже титуломъ *vir inluster* (Pardessus, № 284). Правда, подлинность этой грамоты сомнительна, но въ другой грамотѣ 658 года, принадлежавшей Хлотару III, упоминается нѣсколько сенешаловъ (*Archives nationales*, Tardif, № 15, Pertz, № 35). — Въ грамотѣ Хлотара III отъ 692 года (Tardif, № 32, Pertz, № 64, Pardessus, № 429) послѣ оптиматовъ и графіоновъ названо два сенешала — Бенедиктъ и Хардуанъ. — Въ 697 году, сенешалы Бенедиктъ и Эрмедрамнъ принадлежатъ къ королевскому суду (Pardessus, № 440, Tardif, № 38). — Въ одной формулѣ (*Marculf*, I, 25) сенешалы упомянуты среди *referendarii*, *domestici* и *cubicularii*.

[2] Я не нашелъ термина *marescalcus* въ франкскихъ документахъ. Онъ встрѣчается въ Правдѣ Аламановъ, LXXIX, 4 (alias, LXXXI, 4): „Mariscalcus cuiusque qui super duodecim caballos". — Это званіе не упоминается ни въ одной рукописи Салической Правды; оно только попало какимъ-то образомъ въ текстъ ея, изданный Герольдомъ.

stabularii или *comites equorum fiscalium* [1]. Начальникъ ихъ пользовался саномъ графа и носилъ сложившійся уже во времена Имперіи титулъ *comes stabuli* [2]. Григорій Турскій упоминаетъ нѣкоего Куппу, конюшаго графа короля Хильпериха [3]. Фредегарій называетъ Левдегизила, графа конюшенъ короля Гунтрамна, и Эборина, исполнявшаго ту же обязанность при Теодерихѣ III [4]. Одинъ агіографъ упоминаетъ Лицинія, конюшаго графа Хлотара II [5]. Эти должностныя лица наравнѣ съ предыдущими были важными особами. Имъ ввѣрялось даже командованіе войсками, и это дѣло стало позднѣе настоящею функціею конетабля [6].

[1] „Stabularius" (*Greg. Tur.* Mirac. S. Martini, I, 29). — „Equorum custos" (*Idem*, Hist. V, 49).

[2] *Cod. Th.* XI, 17; VI, 13.

[3] *Greg.* X, 5: „Cuppa, qui comes stabuli Chilperici regis fuerat". Интересно, что Григорій (III, 32) даетъ то же названіе *comes stabuli* Велизарію.

[4] *Fredegarii Chron.* c. 2: „Gunthramnus Leudegisilum, comitem stabuli cum exercitu contra eos direxit". — *Ibidem*, c. 30: „Aeborinum comestabulum". — То же у Вестготовъ; см. *Lex Wisig.* IV, 4: „Stabulariorum praepositus".

[5] *Vita Licinii*, у Болландистовъ, февраль, II, 678: „Lex Licinium comitem stabuli omnimque equorum custodem constituit". — Продолженіе отрывка показываетъ, что этому *comes stabuli* принадлежало начальство надъ войскомъ.

[6] Слѣдуетъ, пожалуй, упомянуть еще о сановникѣ, называвшемся *spatharius* — меченосцемъ. Одинъ изъ нихъ указанъ въ одномъ посланіи Хильдеберта къ императору Маврикію. — „Spatharius Grippo", другой въ *Historia epitomata*, c. 88: „Carietto spatarius Guntramni". У бургундскихъ королей также были спатаріи; *Lex Burgund.* LII: „Fredegisilum spatharium nostrum". — Тоже самое повторяется у Вестготовъ; Постановленія VIII-го толедскаго собора, ст. 683: „Altericus spatarius et comes. Seremirus spatarius et dux". — Спатарій былъ однимъ изъ важныхъ сановниковъ

5. Ко всѣмъ перечисленнымъ должностямъ надо бы прибавить службу въ королевской капеллѣ. То обстоятельство, что короли держали при себѣ множество мощей святыхъ, которыя они имѣли обыкновеніе возить съ собою при каждой перемѣнѣ мѣста[1], придавало этого рода службѣ важное значеніе. Мощи играли большую роль въ жизни той эпохи, какъ въ мирное время, такъ и на войнѣ, потому что въ силу ихъ особенно вѣрили эти люди, грубо понимавшіе сущность религіи. Мощи какого-нибуль святого необходимо присутствовали при произнесеніи всякаго судебнаго приговора, при разборѣ всякой тяжбы[2]. Клятва въ вѣрности и повиновеніи королю, вѣроятно, не считалась бы дѣйствительною, если бы она совершена была не на мощахъ[3]. Капелла занимала, стало быть, важное мѣсто во дворцѣ, и, какъ самый дворецъ, она всегда слѣдовала за королемъ. Къ ней было приписано довольно многочисленное духовенство. Глава его не носилъ еще титула «архикапеллана»[4]; онъ назывался, повидимому, «аббатомъ дворцовой молельни» или «хранителемъ реликвій», что было очень высокимъ титуломъ въ мнѣніи людей того времени[5].

константинопольскаго двора: „Misit Imperator patricium et spadarios“ (шестое посланіе Льва III, у *Jaffe*, 383).

[1] *Vita Bertharii* (Болландисты, августъ, I, 170): „Rex pignora multa sanctorum, quae secum deferebat, ut mos est regum“.

[2] *Ibidem*: „Fuit iudicatum, ut in oratorio nostro super capella Domni Martini, ubi reliqua sacramenta percurrebant hoc deberet coniurare. Ab ipso viro Grimoaldo fuit iudicatum, ut in oratorio suo seu capella Sancti Martini hoc debeant coniurare“.

[3] *Marculf*. I, 40 (Rozière, № 1; Zeumer, p. 68): „Per pignora sanctorum, quae illuc direximus, debeant promittere et coniurare“.

[4] Однако и этотъ титулъ—*archicapellanus* уже можно найти, въ житіи св. Бертарія (Bouquet, III, 489); возможно, впрочемъ что отрывокъ этотъ вписанъ позднѣе.

[5] *Vita Desiderii Cat*. c. 2: „Rusticus abbatiam palatini oratorii

Къ перечисленію состава служащихъ во дворцѣ слѣдуетъ еще присоединить врачей; нѣтъ сомнѣнія, что при дворѣ франкскихъ королей ихъ всегда было нѣсколько[1]. Главный изъ нихъ носилъ титулъ *archiater* отъ греческаго слова, ставшаго общеупотребительнымъ во времена римской Имперіи. Намъ извѣстенъ Марилейфъ, главный врачъ Хильпериха, и Петръ, главный врачъ Теодериха II[2].

Были въ *palatium*'ѣ также музыканты и пѣвцы[3]; тамъ можно было видѣть даже поэтовъ. Мы знаемъ по имени одного Фортуната, но мало вѣроятно, чтобы онъ одинъ только очаровывалъ своими хвалами слухъ франкскихъ королей и ихъ вельможъ. Можно думать, что, кромѣ составленныхъ имъ, существовали у нихъ и другія свадебныя пѣсни и надгробные стихи. Нѣсколько франкскихъ королей питали большую склон-

gessit“. Составитель только что приведеннаго нами житія св. Бертарія прибавляетъ, что лицо это должно было хранить „pignora multa sanctorum... ut haberet custodiam Sanctitatis“. Титулъ *custos* служилъ для обозначенія хранителя мощей или капеллы; его можно еще найти и во времена Гинкмара (*De ordine palatii*, e. 16).

[1] Григорій Турскій, III, 37; VIII, 31.

[2] Greg. V, 14: „Redeunte Marileifo archiatro de praesentia regis“.—VIII, 29: „Marileifus, qui primus medicorum in domo Chilperici regis fuerat“.—X, 15: „Reovalis archiater“.—*Fredegarii Chron*. c. 27: „Protadius in tentorio regis cum Petro archiatro ad tabulam ludens sedebat“.

[3] *Vita Anzberti*, Mabillon. Acta SS. II, 1050: „Cum coram rege consueto more diversa musicae artis instrumenta in chordis et tibiis audiret personantia“.—Мы видимъ въ *Vita Eligii* (II, 6), „cantor in regis palatio laudatus“; но возможно, что этотъ *cantor* былъ пѣвцомъ капеллы.—Можно отмѣтить, что Теодерихъ, король остготскій, послалъ Хлодовеху, „citharoedum in arte sua doctum“, котораго просилъ у него франкскій король. *Cassiod*. Var. II, 41.

ность къ латинской поэзіи, и всѣ, конечно, были чувствительны къ похвалѣ. Слагались ли также при ихъ дворѣ пѣсни на германскомъ языкѣ? Мы въ правѣ считать это возможнымъ, хотя у насъ и нѣтъ никакихъ прямыхъ данныхъ въ пользу такого предположенія; нѣсколькимъ современнымъ ученымъ кажется, что они нашли указаніе на одну сложившуюся въ ту эпоху поэму, воспѣвающую подвиги Хлотара II и Дагоберта I и послужившую, быть можетъ, исходнымъ началомъ для всѣхъ средневѣковыхъ chansons de geste [1]. Очень вѣроятно, что такая меровингская поэзія дѣйствительно существовала, но мы не можемъ сказать, каковъ былъ настоящій ея характеръ, потому что отъ нея сохранились лишь незамѣтные слѣды. Можно только предположить, что это была не столько народная, сколько придворная поэзія, литература дворца, такъ какъ намъ извѣстно, что она находила сюжеты и вдохновеніе въ средѣ, которая окружала королей.

Таковъ, приблизительно, полный перечень того, что можно назвать личнымъ домовымъ управленіемъ дворца франкскихъ королей. Но дворецъ являлся чѣмъ-то еще большимъ: онъ былъ также центромъ государственнаго управленія. Вся административная работа, которая сосредоточивается теперь въ столицахъ нынѣшнихъ централизованныхъ государствъ, производилась тогда въ *palatium*'ѣ. Онъ заключалъ въ себѣ то, что называется теперь канцеляріями или департаментами и министерствами, и что носило тогда названіе *scrinia*, то-есть, по нынѣшнему, правительственныхъ «портфелей» [2]. Во дворѣ меровингскаго короля

[1] См., напримѣръ, ученый трудъ *A. Darmesteter* о Флоовантѣ.

[2] „Regalia scrinia" (посланіе Григорія Великаго къ Брунегильдѣ; см. *Sirmond*, Concilia, I, 464).—„Remaclus procurator sacri

приходилось много писать. Писали королевскія грамоты, *testamenta regalia* [1], приказы, *praecepta* или *auctoritates*; указы общаго характера, *decreta, edicta, capitula*; всякаго рода письма и акты, *chartae*,—жалованныя грамоты, продажныя записи, судебные приговоры. Въ житіи святого Австрегизила содержится разсказъ о человѣкѣ, добившемся отъ одного дворцоваго чиновника выдачи ему подложной грамоты, чтобы завладѣть казенной землей [2]; это свидѣтельствуетъ о томъ, что короли никогда не уступали ни одной изъ своихъ земель безъ писаннаго акта. Для приготовленія такого значительнаго количества разнаго рода хартій требовалось много чиновниковъ. Они распредѣлялись на нѣсколько разрядовъ, но неясный стиль писателей той эпохи не позволяетъ намъ точно и полно возстановить ихъ списка. Были между ними *notarii* или *amanuenses* были простые *scriptores* или *scribae*; были, наконецъ, *commentarienses* [3]. Это

scrinii palatii" (*Vita Bercharii*, c. 5, Mabillon, Acta SS. II, 834).—*Greg. Tur.* X, 19: „Scripta enim ista in regesto Chilperici regis in uno scriniorum sunt reperta".

[1] *Vita Mauri* (у Болландистовъ, I, 1048): „Theodobaldus rex vocans Ansebaldum, qui scriptoribus testamentorum regalium praeerat, praecepit, ut testamentum scriberet ac de eius annulo regali firmaret more".

[2] *Vita Austregisili*, c. 3 (Mabillon, Acta SS. II, 96): „Erat tunc in palatio regis Bethelenus, qui temerario ordine quiddam de fiscalibus rebus occuparet fraudulenter. Unde dum argueretur a rege, ostendit illi falsam auctoritatem. Quis, inquit rex, hunc praeceptionem dedit? Dixit: Austregisilus mapparius. Arcessitus Austregisilus denegavit..."

[3] *Vita Eustasii*, c. 6 (Mabillon, Acta SS. II, 118): „Agrestius Theodorici notarius".—*Diplomata* (Pertz, № 5, Pardessus, № 163): „Ego Valentianus notarius et amanuensis recognovi et suscripsi".—*Vita Rictrudis*, c. 15 (Bouquet, III, 539): „Regis fulsit in aula... nota-

все названія латинскія; и они всѣ были въ ходу въ административномъ языкѣ римской Имперіи. Нельзя допустить, чтобы франкскіе короли вывезли весь этотъ составъ служащихъ и самую систему управленія изъ Германіи. Они нашли ихъ въ Галліи. Это тѣ же канцеляріи, которыя состояли тогда при особѣ префекта преторія или у начальника войскъ [1]. Какъ при нашихъ современныхъ переворотахъ главы государства смѣщаются, а канцеляріи остаются, совершенно такъ же и императорская канцелярія стала служить новымъ повелителямъ послѣ того, какъ франкскіе короли замѣстили въ Галліи императорскихъ намѣстниковъ. Справедливость такого мнѣнія доказывается языкомъ грамотъ, указовъ и всѣхъ королевскихъ посланій: это тотъ же стиль, тѣ же формы, то же напыщенное построеніе рѣчи, какъ въ императорскихъ постановленіяхъ; совсѣмъ неправдоподобно, чтобы все это было придумано Германцами.

rius... regalium praeceptorum conscribens edicta".—*Vita Mauri*, c. 52: „Scriptoribus testamentorum regalium".—*Diplomata* (Pertz, № 8, Pardessus, № 190): „Eltricus, palatinus scriptor, recognovi".—*Vita Ansberti*, c. 7: „Ansbertus coepit esse aulicus scriba doctus conditorque regalium privilegiorum".—*Vita Medardi*, c. 9: „Commentariensis".—*Vita Maximini*, c. 11 (Bouquet, III, 394): „Accitis commentariensibus et notariis publicis, solemnes ordinatae atque conscriptae, vel confirmatae sunt conscriptiones, adhibitis signis atque sigillis".—*Vita Arnulfi ab Umnone*, c. 18: „Audoenus primiscrinius notarius..."—Въ *Vita Maximini Miciacensis*, c. 11 (Mabillon, I, 584) упоминается о *notarii* и *commentarienses* со времени царствованія Хлодовеха. Въ посланіи Хильдеберта къ императору Маврикію упоминается, какъ о важномъ лицѣ, о *notarius*'ѣ Евсевіи.

[1] О *palatina scrinia* во времена Имперіи см. кодексъ Ѳеодосія, VI, 30, 14; XI, 30, 54 (ср. *Symmach*. Epist. V, 22, ed. Seeck). У правителей провинцій также были свои *scrinia*. См. *Cod. Th*. I, 6, 3.

Прежніе *cancellarii* остались [1], но получили новыя обязанности. Мы видимъ, что онѣ составляли королевскіе акты. Григорій Турскій называетъ нѣкоего Аредія, который исполнялъ высокія обязанности канцлера (т.-е. завѣдующаго канцеляріей) короля Теодеберта I [2]. Наряду съ канцлерами, даже, можетъ быть, нѣсколько выше ихъ, стояли референдаріи. Названіе это заимствовано изъ римскаго прошлаго [3]; оно одинаково сохранилось какъ въ константинопольской Имперіи, такъ и въ западныхъ королевствахъ. Должность эта пріобрѣла больше значенія и считалась болѣе высокою при Меровингахъ. Главною обязанностью референдаріевъ было представлять грамоты къ подписи короля и самимъ скрѣплять ихъ подписью. Одинъ изъ нихъ хранилъ перстень съ печатью короля и прикладывалъ ее къ грамотамъ [4]. Мы знаемъ по имени

[1] *Greg. Tur.* Mirac. S. Martini, IV, 28: „Claudius quidam ex cancellariis regalibus".—*Vita Valentini*, c. 7: „Antidium cancellarium".—О *cancellarii*, составлявшихъ частные акты, см. Рипуарскую Правду, LIX.

[2] *Vita S. Aridii*, c. 3: „Invenit Aridius gratiam coram rege in tantum, ut cancellarius prior ante conspectum regis assisteret".

[3] *Cod. Iust*. I, 50, 2; *Nov. Iust*. 113; 124.—*Procop*. „De bello persico", 23.

[4] *Greg*. V, 3: „Siggo referendarius, qui annulum regis Sigiberti tenuerat".—*Vita Agili*, c. 14 (Mabillon, Acta SS. II, 321): „Referendarius est constitutus, gestans regis annulum, quo signabantur publice totius regni signa vel edicta".—*Vita Boniti*, c. 5: „Annulo ex manu regis accepto, referendarii officium adeptus est".—*Chronicon Fontanellense*, c. 1: „Confirmatio porrecta a Radone scriptore auctoritatum regiarum geruloque annuli regii".—Cfr. *Aimoin*. IV, 41: „Qui referendarius ideo est dictus, quod ad eum universae publicae deferrentur conscriptiones, ipseque eas annulo regis sive sigillo ab eo sibi commisso muniret seu firmaret".—О положеніи этихъ чиновниковъ въ Италіи ср. формулу назначенія референдарія, у Кассіодора (*Var*. VI, 17). Мы видимъ, что референдаріи подписы-

нѣсколькихъ референдаріевъ — Ансебальда при Теодебертѣ I въ Австразіи, Флавія и Асклепіодота при Гунтрамнѣ въ Бургундіи; затѣмъ при Хильперихѣ въ Нейстріи Марка и Фарамунда, при Сигебертѣ—Бозона и Сигона, при Хильдебертѣ — Харимера, Галломагна и Оттона, при Хлотарѣ II—Баудина и Харегизила, при Дагобертѣ I—Авдоена и Хадуана[1].

Казна занимала, безъ сомнѣнія, важное мѣсто во дворцѣ. То, что въ изучаемую эпоху называлось казною или сокровищемъ короля (*thesaurum publicum*) [2], слагалось изъ трехъ элементовъ. Сюда входило, во-первыхъ, хранилище, куда складывалось золото слитками и вещами и чеканенныя деньги; этотъ отдѣлъ спеціально назывался *aerarium*, *fiscus* или *camera* [3]; во-вторыхъ, сюда причислялись помѣще-

вали своимъ именемъ судебныя рѣшенія; см. *Diplomata*, Pardessus, № 270, Pertz, № 15: „Illustris vir Dado, referendarius noster".

[1] *Fortunat.* Carmina, VII, 22: „Ad Bosonem referendarium".—*Greg.* V, 46: „Flavius referendarius Gunthramni regis".—*Epistola concilii Valentini II* (Mansi, IX, 945): „Per virum illustrem Asclepiodotum referendarium datis ad sanctam synodum epistolis".—*Greg.* V, 29: „Marcum referendarium Chilperici".—*Fortunat.* Carm. IX, 12: „Ad Faramundum referendarium".—*Greg. Tur.* IX, 23: „Charimerem referendarium".—IX, 28: „Gallomagnum referendarium"; X, 19: „Otto qui tunc referendarius fuerat, cuius ibi subscriptio meditata tenebatur, negat se subscripsisse; conficta enim erat manus eius in huius praeceptionis scripto".—X, 31: „Baudinus ex referendario regis Chlotarii ordinatur episcopus".—*Greg.* Mirac. S. Martini, I, 25: „Charegisilus referendarius regis Chlotarii".—*Gesta Dagoberti*, 42: „Ipsum praeceptum rex, offerente Dadone referendario, subscripsit".—О такихъ же референдаріяхъ въ Италіи ср. *Cassiodor.* Variar. IV, 17.

[2] *Greg.* VI, 45: „Thesauri regum... thesauris publicis".—Извѣстно, что на меровингскомъ языкѣ *publicus* имѣло значеніе *regius*.

[3] *Greg.* IX, 9: „In ipso aerarii publici regesto".—*Ibidem*, VIII, 36: „Resque eius in publico aerario sunt illatae".—*Fredegarii Chron.*

нія, въ которыхъ располагались драгоцѣнные предметы, иногда даже произведенія искусства[1]; наконецъ, въ-третьихъ, въ это же понятіе входило зданіе или мѣсто, гдѣ сберегались оффиціальныя грамоты, копіи съ королевскихъ приказовъ; послѣдній отдѣлъ мы назвали бы теперь государственнымъ архивомъ[2]. Во всѣхъ указанныхъ важныхъ вѣдомствахъ центральнаго управленія финансами служили чиновники, носившіе названіе *camerarii*, и еще другіе, которыхъ именовали *thesaurarii*[3]. Одинъ агіографъ

27: „Fiscum vellens implere".—*Gesta reg. Franc.* 42: „Fiscus palatii".—*Diplomata* (Pardessus, t. II, p. 268): „Nostris aerariis inferre debeant".—Казну называли также *sacellum publicum*; см. грамоту 705 года (*Pardessus*, № 463, *Pertz*, № 74).—Въ документахъ, возникшихъ въ меровингскую эпоху, я не нахожу слова *camera*; но оно встрѣчается въ *Gesta Dagoberti*, c. 33: „Areas quasdam cum omnibus teloneis quemadmodum ad cameram suam deservire videbantur, ad eorum basilicam tradidit".—Какъ извѣстно,—это памятникъ IX-го вѣка. Слово *camerarius* употреблялось уже Григоріемъ Турскимъ (см. IV, 26; VI, 45) и примѣнялось, повидимому, къ финансовымъ чиновникамъ, хранителямъ или администраторамъ казны.—Что касается термина *camera*, то оффиціально онъ сталъ употребляться только въ девятомъ вѣкѣ. *Edictum Pistense*, a. 864, c. 14: „Accipiant de camera nostra argenti libras quinque". Терминъ *camera* рядомъ съ позднѣйшимъ французскимъ выраженіемъ „*chambre aux deniers*" сохранилъ то же значеніе въ средніе вѣка.

[1] *Greg.* V, 35: „Thesauri inferti... lapidibus pretiosis, monilibus vel reliquis imperialibus ornamentis".

[2] „Illud vero testamentum, quod in thesauro suo reponi iusserat" (*Gesta Dagoberti*, 39) —„Duas praeceptiones uno tenore conscriptas fieri iussimus, una in arca basilicae S. Dionysii residiat, et alia in thesauro nostro" (грамота 695 года, *Tardif*, № 34).—„Scripta enim ista in regesto Chilperici regis sunt reperta" (*Greg.* X, 19).

[3] *Greg.* VI, 45: „Duces et camerarii".—*Camerarii* не были, по нашему мнѣнію, камергерами, то-есть, они не равнозначущи съ *cubiculari*'ями; это были именно служащіе въ *camera*, то-есть, въ

упоминаетъ о хранителѣ казны Радонѣ, какъ о важномъ должностномъ лицѣ[1]. Другой называетъ казначея Боббона[2]. Святой Дезидерій, прежде чѣмъ сдѣлаться епископомъ Кагора, былъ казначеемъ короля и, какъ таковой, носилъ титулъ *vir inluster*, подобно самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, и именовался оптиматомъ[3].

Въ томъ же казначействѣ хранили, по крайней

казначействѣ. Всѣ *camerarii*, о кототыхъ мы находимъ свидѣтельства, облекались финансовыми полномочіями.—*Greg.* IV, 26: „Dirigens etiam quosdam de camerariis suis, qui exactis a Leontio episcopo mille aureis, reliquos condemnarent episcopos“.—То же самое у Фредегарія (гл. 4): „Mummolus interficitur; uxorem eius Sidoniam cum omnibus thesauris eius Dumnolus domesticus et Wandalmarus camerarius Guntcharmno praesentant“.—Cfr. *Hincmar.* De ordine palatii, 22: „De ornamento regali et de donnis annuis militum ad camerarium pertinebat... De donis legationum ad camerarium respiciebat“.—Трудно установить, въ чемъ заключалось различіе между *camerarii* и *thesaurarii*. Обязанности *thesaurari*’евъ какъ будто выясняются изъ житія св. Дезидерія Кагорскаго, гл. 3: „Opulentissimos thesauros summamque palatii supellectilem huius arbitrio rex Dagobertus commisit; ad eius obtutum data recondebantur, ad eius nutum danda proferebantur“.

[1] *Vita Agili*, c. 14: „Thesauros regis sub sua cura habens“.—*Vita Audoeni* (Bouquet, III, 611): „Rado palatii thesaurorum custos effectus“.

[2] *Vita Eligii*, II, 4.

[3] Грамота 630 года (Pardessus, № 251): гласитъ: „Fidelis noster vir illustris Desiderius thesaurarius noster“.—Къ нему обращаются: „Domno Desiderio optimati“. См. посланіе Вера къ Дезидерію (у *Bouquet*, IV, 48). Другія посланія показываютъ, какимъ почтительнымъ, даже смиреннымъ тономъ говорили и писали королевскому казначею: „Domno illustri et a nobis summa veneratione colendo atque cum omni reverentia nominando domno Desiderio thesaurario Bertigiselus abbas“.—„Domno illustri et a nobis peculiarius suscipiendo domno Desiderio optimati... salutantes Eminentiam Vestram“ (*Bouquet*, IV, 43; 48).

мѣрѣ въ древнѣйшую эпоху, регистры налоговъ[1]. Возможно также, что тамъ же сберегались составлявшіеся, вѣроятно, отчеты по приходамъ и расходамъ государства и короля.

Мы находимъ еще другихъ дворцовыхъ чиновниковъ, которые назывались *domestici*. Названіе это, существовавшее со временъ Имперіи, съ теченіемъ вѣковъ измѣнило смыслъ. Оно не означало больше при Меровингахъ отряда тѣлохранителей государя. Оно не подразумѣвало также неопредѣленнаго понятія «домашняго» человѣка, придворной прислуги. Легко замѣтить, что никогда не является оно въ данную эпоху синонимомъ съ *antrustio* или *conviva*. Мѣста въ текстахъ, гдѣ оно встрѣчается, показываютъ, что названіе это давалось лишь небольшому числу лицъ, и что оно служило для наименованія ясно опредѣленныхъ обязанностей. Можно даже убѣдиться изъ нихъ, что человѣкъ, облеченный титуломъ *domesticus*, всегда обладалъ спеціальнаго рода властью въ *domus regia*.

Обязанности эти и эта власть были двоякаго рода, почему и слово *domesticus* встрѣчаемъ мы въ примѣненіи къ двумъ категоріямъ чиновниковъ. Съ одной стороны, въ составъ *domus regia* входило за предѣлами собственнаго дворца множество повсюду разбросанныхъ королевскихъ владѣній, *villae fiscales*. Надзоръ за ними и лежалъ на *domestici*[2]; поэтому ихъ

[1] Это становится ясно изъ словъ Григорія Турскаго: когда ему показываютъ книгу налоговъ, относящуюся къ его области, онъ говоритъ, что это подложная книга и „что она не изъ королевскаго казначейства“ („hic liber a regis thesauro delatus non est“, IX, 30)

[2] *Marculf.* I, 39: „Omnes villas nostras; quae in vestra vel in aliorum domesticorum sunt actionibus“.—*Ibidem*, II, 52: „Ego domesticus regis super villas illas“.—*Domestici* упоминаются въ числѣ

звали смотрителями королевскихъ помѣстій, *custoaes villarum regalium*[1]. Всѣ эти повсемѣстно встрѣчавшіяся королевскія владѣнія, вмѣстѣ взятыя, были раздѣлены на округа; во главѣ каждаго изъ послѣднихъ стоялъ одинъ изъ только что упомянутыхъ чиновниковъ[2]. Этотъ первый разрядъ *domestici* соотвѣтствовалъ, стало быть, тому, что мы назвали бы теперь управляющими удѣлами. Съ другой стороны, въ самомъ дворцѣ пребывало нѣсколько должностныхъ лицъ, носившихъ то же названіе *domestici*[3]. Объ обязанностяхъ ихъ мы плохо освѣдомлены. Возможно, что они управляли внутреннимъ хозяйствомъ дворца, какъ первые руководили эксплуатаціею помѣстій (*villae*),

провинціальныхъ чиновниковъ; см. *Diplomata* (Pardessus, №№ 136, 608 и 359): „Hodoni domestico cum forestariis nostris".—Ср. *Vita Eligii*, I, 17: „Duces et domestici spatiosas subripiunt villas".

[1] *Chronicon Fontanellense*, c. 1: „Edita haec est confirmatio (рѣчь идетъ о жалованной грамотѣ на казенное помѣстье) et directa Teutygislo domestico et custodi saltuum villarumque regalium".—Естественно, что актъ королевскаго пожалованія направлялся къ завѣдующему (*domesticus*), въ области котораго было расположено пожалованное помѣстье.—Составитель житія св. Элигія говоритъ объ одномъ *domesticus*, которому было поручено доставить королю доходы съ опредѣленнаго *praedium* (*Vita Eligii*, I, 15).

[2] *Vita Arnulfi Met. ep.* c. 4: „Sex provinciae, quas et tunc et nunc totidem agunt domestici (*agere*—управлять; ср. *actio* въ вышеприведенной формулѣ Маркульфа) sub illius administratione solius regebantur arbitrio".—Агіографъ беретъ слово *provinciae* въ неопредѣленномъ смыслѣ „округовъ". Утверждать, что на *domestici* лежало управленіе провинціями, было бы ошибочно; для этого нѣтъ ни одного доказательства: на нихъ лежало лишь управленіе королевскими доменами въ провинціяхъ.

[3] Иногда ихъ спеціально называютъ „дворцовыми доместиками": „regalis aulae domesticus" (*Vita Germani a Fortunato*, c. 60).

расположенныхъ внѣ его предѣловъ. Во всякомъ случаѣ, функціи ихъ были чисто финансоваго характера. Они надзирали за расходами, производившимися въ различныхъ вѣдомствахъ дворцовой службы[1]. Это были опять же очень значительныя лица. Такіе «внѣшніе» *domestici* могли распоряжаться лишь съемщиками земли и крестьянами, сидѣвшими на королевскихъ имѣніяхъ; приказанія же «внутреннихъ» *domestici* должны были соблюдаться должностными лицами и придворными, которые сами были немаловажными особами. Поэтому мы и видимъ, что документы упоминаютъ о нихъ наряду съ оптиматами, наряду съ графами и палатными мэрами[2]. По нѣсколькимъ фактамъ можемъ мы даже заключить, что въ служебной карьерѣ дворца должность *domesticus* принадлежала къ числу тѣхъ, которыя достигались всего позднѣе. Такъ, одинъ австразійскій Франкъ, по имени Кондонъ, началъ службу съ должности *tribunus*, затѣмъ сдѣлался *comes*, и лишь послѣ долголѣтней работы король Теодебертъ возвелъ его въ санъ *domesticus*[3], «желая повысить его

[1] Королевы также имѣли своихъ *domestici*, управлявшихъ ихъ домомъ и имѣніями.—*Greg. Tur.* IX, 19: „Flavianus domesticus reginae Brunichildis".

[2] *Lex Burgundionum*, praefatio, 4 (*Pertz*, Leges, III, 526): „Sciant optimates, comites, consiliarii, domestici, maiores domus nostrae, cancellarii".—*Lex Ripuariorum*, 88: „Ut nullus optimatum, maior domus, domesticus, comes".—*Greg.* X, 28: „Domestici et comites".—*Vita Desiderii Cat.* c. 3: „Multi episcoporum, ducum et domesticorum".—Формула Маркульфа (I, 25) называетъ *domestic*'овъ вмѣстѣ съ референдаріями, кубикуляріями и сенешалами.

[3] *Fortunat.* Carmina, VII, 16:

Theodericus ovans ornavit honore tribunum;
Surgendi auspicium iam fuit inde tuum.
Theodebertus enim comitivae praemia cessit,
Auxit et obsequiis cingula digna tuis...
Mox voluit meritis amplificare gradus,
Instituit cupiens, ut deinde domesticus esses.

въ достоинствѣ». Харегизилъ также достигъ степени *domesticus* послѣ того только, какъ раньше долго служилъ референдаріемъ [1]. Лица эти пользовались титуломъ *vir illuster* [2]. Вмѣстѣ съ высшими должностными лицами дворца *domestici* находились обыкновенно въ числѣ членовъ королевскаго суда [3] и совѣта. Намъ неизвѣстно ихъ число, мы даже не можемъ сказать, было ли оно опредѣленно. Двѣ грамоты называютъ четырехъ, которые занимали должность одновременно [4]. Одинъ изъ нихъ назначался, можетъ быть, начальникомъ своихъ товарищей. Выраженія, встрѣчающіяся у двухъ агіографовъ, заставляютъ думать, что разсматриваемая должность, «которая связана была съ надзоромъ и попеченіемъ обо всемъ королевскомъ домѣ», доставляла лицу, ее занимавшему, одно изъ первыхъ мѣстъ среди приближенныхъ короля [5]. Одинъ

[1] *Greg. Tur.* Miracula S. Martini, I, 25: „Charigisilus, referendarius regis Clotarii... qui postea regis domesticus fuit“.—Ср. *Greg.* Hist. IV, 3, VI, 11, гдѣ мы видимъ, что Баудинъ, занимая должность *domesticus*, дѣлается епископомъ, а Гундульфъ изъ *dumesticus* становится герцогомъ важной Марсельской области.

[2] *Vita Germani a Fortunato*, c. 60: „Atilla vir illustris et regalis aulae domesticus“.—Грамота 667 года (Pardessus, № 359): „Hildericus rex viris illustribus Gundoino duci et Odoni domestico“.—Грамота 675 года (№ 377): „Dagobertus rex viris inlustribus ducibus, comitibus, domesticis“.

[3] *Formul. Marculf.* I, 25: „Cum nos in palatio ad universorum causas terminandas cum optimatibus nostris, referendariis, domesticis, cubiculariis resideremus“.

[4] См. грамоту 648 года (Pardessus, № 313, Pertz, № 22).—Ср. грамоту 693 года (№ 431, Tardif, № 33, Pertz, № 66).

[5] *Vita Arnulfi Met. episc.* c. 8 (Mabillon, Acta SS. II, 152): „Sic deinceps infulas episcopales gestavit, ut etiam domesticatus sollicitudinem atque primatum palatii teneret“.—*Vita Licinii*, c. 13 (Болландисты, февраль, II, 679): „Sic episcopales infulas gestans... inde factum est, ut etiam domesticam sollicitudinem atque primatum

писатель шестого вѣка даетъ намъ довольно высокое понятіе о власти *domesticus*, говоря, что «при немъ досточтимый дворецъ короля процвѣталъ, и все населеніе дома монарха было счастливо подъ бдительнымъ окомъ такого управителя» [1].

Рядомъ съ сановниками, распоряжавшимися финансами дворца, или, можетъ быть, надъ ними, стояло лицо, носившее названіе дворцоваго графа [2]. На немъ лежали главнымъ образомъ судебныя обязанности, и въ этомъ онъ былъ сходенъ съ областными графами, о которыхъ рѣчь впереди. Онъ долженъ былъ завѣдывать дѣлопроизводствомъ въ королевскомъ трибуналѣ; онъ вводилъ въ засѣданіе стороны, которыя вели

palatii teneret“.—Это признакъ того, что разсматриваемая должность была очень важная, разъ епископъ удостоилъ сохранить ее.

[1] *Fortunat.* Carmina, VII, 16:

Florebant pariter veneranda palatia tecum,
Plaudebat vigili dispositore domus.

[2] „Comes palatii“ (*Greg.* V, 19; IX, 12; IX, 30).—„Comes palatinus“ (*Vita Austrobertae*, c. 4; *Vita Drausii*, c. 3).—„Bero comes palate nostro... Grimberto comite palate nostro“ (грамота 761 года, *Pardessus*, № 478, *Tardif*, № 45).—Возможно, что было нѣсколько дворцовыхъ графовъ одновременно. Въ одной формулѣ (*Rozière*, № 386) нѣкая женщина даетъ одному лицу довѣренность на всѣ тяжебныя дѣла „ante comitibus palatii“.—Въ другой формулѣ (390 года) также встрѣчается упоминаніе о „comites palatii“.—Грамота 663 года (*Pardessus*, № 349, *Pertz*, № 41) заставляетъ насъ предполагать, что было два или нѣсколько графовъ, чередовавшихся другъ съ другомъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей: „Andobello palatii nostri comite qui de ipso ministerio ad praesens nobis deservire videbatur“.—Возможно также, что вслѣдствіе трудности и многочисленности функцій этого чиновника рядомъ съ дѣйствующимъ графомъ назначался ему помощникъ, который могъ являться его замѣстителемъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Одна грамота 710 года какъ будто намекаетъ на это.

тяжбу, выслушивалъ свидѣтелей, изучалъ оправдательные документы; спеціально онъ обязанъ былъ составлять о каждомъ дѣлѣ докладъ, сообразно съ которымъ король постановлялъ свой приговоръ[1]. Мы вернемся еще къ этому предмету; здѣсь же едва ли нужно прибавлять, что, какъ и другіе члены дворцоваго персонала, графъ могъ быть облеченъ полномочіями внѣ предѣловъ центральнаго управленія; ему поручались посольства, онъ назначался на различные посты въ областной администраціи или получалъ командованіе надъ войскомъ.

Таковъ былъ составъ меровингскаго «дворца». Въ заключеніе обзора его организаціи слѣдуетъ сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, между дворцами королевства Нейстріи и королевства Австразіи не было никакого различія. Приведенные нами тексты относятся и къ тому, и къ другому, и они показываютъ, что въ обоихъ были одинаковыя должности. Во-вторыхъ, должности эти не были созданы постепенно, подъ давленіемъ возраставшей потребности въ роскоши и пышности жизни и обстановки; мы находимъ ихъ сложившимися въ самый ранній періодъ, какой доступенъ нашему изученію, такъ, напримѣръ, съ царствованія королей Теодериха и Теодеберта въ Австразіи.

Можно еще отмѣтить, что всѣ разсмотрѣнныя должности были гражданскими. Хотя и нѣтъ сомнѣнія, что внутри дворца должны были находиться отряды военной стражи,—гражданскій характеръ замѣтно преобладалъ, однако, въ его устройствѣ. Поэтому-то

[1] *Archives nationales* (Tardif, №№ 14, 15, 22, 28, 32; Pardessus, №№ 331, 332, 394, 418, 429; Pertz, №№ 34, 35, 49, 59, 66 etc.); *Marculf.* I, 37.

представлять себѣ меровингскаго короля живущимъ въ исключительно военной средѣ, значило бы далеко уклоняться отъ истины.

Мы плохо знаемъ, какая одежда носилась тогда обыкновенно въ высшихъ слояхъ общества. Одинъ писатель, жившій самъ во дворцѣ, изображаетъ своего сослуживца одѣтымъ въ шелковую мантію съ поясомъ изъ золота и драгоцѣнныхъ камней[1]. Судя по нѣкоторымъ оставшимся у насъ статуямъ и барельефамъ, во дворцѣ, по крайней мѣрѣ въ мирное время, удержалась римская одежда такого покроя и характера, какая носилась въ пятомъ вѣкѣ. Какъ и во времена Имперіи[2], отличительнымъ знакомъ должностныхъ лицъ былъ именно золотой поясъ, *cingulum aureum, balteus aureus*[3].

[1] *Vita Eligii ab Audoeno*, I, 12: „Utebatur auro et gemmis in habitu, habebat zonas ex auro et gemmis comptas, necnon et bursas eleganter gemmatas, lineas vero metallo rutilas, orasque sarcarum auro opertas, cuncta quidem vestimenta pretiosissima, nonnulla etiam holoserica".

[2] *Cod. Theod.* VIII, 1, 11; X, 26, 1; *Cassiod.* passim.

[3] Святой Элигій носилъ „cingulum aureum" (*Vita Eligii*, I, 13).—Другой святой долго находился среди „proceres, sub aureo balteo" (*Vita Filiberti*, Mabillon, Acta SS. II, 818).—Мы видимъ, какъ нѣкій Ульфъ, „minister reginae Chrodosinthae", испрашиваетъ исцѣленія у святого Германа и въ награду бросаетъ къ ногамъ святого свой „balteus" (*Vita Germani a Fortunato*, c. 21).—Cfr. *Fortunat.* Carm. VII, 16, 20.

Theodebertns enim comitivae praemia cessit,
Auxit ex obsequiis cingula digna tuis.

Эта перевязь или золотой поясъ, очевидно, не былъ отличительнымъ знакомъ военнаго чина, потому что святой Элигій и другіе святые носили его. Святой Лициній также былъ удостоенъ королемъ „cingulo militiae" (Болландисты, февраль, II, 683); *militia* же его, то-есть, служба состояла въ должности *procurator*'а. Святой Сигираннъ тоже носилъ „cin

Вглядываясь въ представленный нами двойной списокъ сановниковъ дворца Меровинговъ, можно убѣдиться, что «*palatium*» былъ одновременно жилищемъ и дворомъ, а также административнымъ центромъ. Эти двѣ области, тщательно разграничиваемыя въ современныхъ государствахъ, были объединены въ франкскомъ королевствѣ; если нельзя сказать, чтобы онѣ совершенно слились въ одно цѣлое, то во всякомъ случаѣ онѣ были сильно сближены и нѣсколько перепутаны между собою. Документы показываютъ намъ лицъ, переходящихъ съ домовой службы королю на государственную. Кравчій дѣлался нерѣдко графомъ, референдарій, камергеръ становились командующими войскомъ [1].

У франкскихъ королей не было столицы въ современномъ значеніи этого слова. Парижъ, Мецъ и Орлеанъ пользовались нѣкоторыми преимуществами сравнительно съ другими городами, но короли не имѣли въ нихъ постоянной резиденціи, въ нихъ не находилось также мѣстопребываніе правительства. Послѣднее было сосредоточено во дворцѣ (*palatium*), то-есть, среди міра, окружавшаго короля; онъ постоянно мѣнялъ мѣсто жительства, и оно передвигалось вслѣдъ за нимъ изъ одной *villa* въ другую, какъ сопровождалъ его и «дворецъ», и никогда не оставляло его. Дворецъ былъ чѣмъ-то въ родѣ столицы, постоянно пребывавшей въ движеніи; онъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ странствующимъ правительствомъ.

gulum" (*Vita Sigiranni*, Mabillon, Acta SS. II, 433). Уже во времена Имперіи „cingulum" одинаково былъ отличительнымъ знакомъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ чиновъ; даже канцелярскіе чиновники носили его. См. *Cod. Iust.* I, 23, 7; I, 40 14: „Cingulum cuiuslibet militiae dignitatisve".

[1] *Fredegarii Chron.* c. 78.—*Ibidem*, c. 38.

Дворецъ былъ также высшею судебною инстанціею всего королевства. Мы увидимъ дальше, что судебная власть не принадлежала въ меровингской монархіи ни народу, ни отдѣльной корпораціи судей. Въ окончательномъ видѣ судебные приговоры постановлялись чинами дворца, засѣдавшими подъ предсѣдательствомъ короля. Судьями по самымъ важнымъ дѣламъ были тѣ самые камергеры, сенешалы и референдаріи, о которыхъ мы только что говорили. «Эбрульфъ служилъ во дворцѣ», говоритъ одинъ старый агіографъ; «обладая большимъ краснорѣчіемъ, онъ засѣдалъ вмѣстѣ съ другими придворными при разбирательствѣ судебныхъ процессовъ и выказывалъ себя самымъ искуснымъ между ними» [1].

Дворецъ былъ помимо всего другого еще высшимъ совѣтомъ государства. *Aulici*, или, по крайней мѣрѣ, главные изъ нихъ, являлись совѣтниками короля. Они получали иногда прямо званіе совѣтниковъ [2]. Въ ихъ собраніи обсуждались самые важные вопросы и подготовлялись законодательные акты, войны и договоры. Изъ дворца исходили всѣ грамоты, назначенія графовъ и епископовъ, указы о пожалованіи или конфискаціи земель, распоряженія о назначеніи налоговъ или о наборѣ людей для войны. Изъ дворцовыхъ сановниковъ вышло много епископовъ; они были воспитаны тамъ и служили тамъ долгіе годы. Боль-

[1] *Vita Ebrulfi Utic.* у Mabillon, Acta SS. I, 354: „Ebrulfus, dum regalibus ministeriis deserviret, oratoris facundia praeditus, ad agendas causas inter aulicos residebat doctissimus".—Cfr. *Vita Arnulfi ab Umnone*, c. 18 (Болландисты, 18 іюля, стр. 444): „Audoenus... assignator causarum, quae in palatio terminanbatur, erat".

[2] *Vita Columbani*, c. 50: „Hagnericus conviva regis et consiliis regis gratus".—*Vita Agili*: „Hagnoaldus, ex primis palatii, regis conviva et consiliarius" (*Mabillon* Acta SS. II, 316—317).

шая часть графовъ и герцоговъ прошли черезъ дворцовую службу прежде, чѣмъ получить управленіе провинціями. Отправлявшіеся къ иноземнымъ государямъ посланники, затѣмъ *missi*, облеченные функціею объѣзда и надзора за провинціями,—всегда были чиновниками дворца.

Дворецъ былъ цѣлымъ обществомъ, особымъ тѣломъ, которое не отдѣлялось, однако, отъ короля, и отъ котораго король самъ никогда не отдѣлялся. Король не дѣйствовалъ безъ совѣта дворца. Онъ управлялъ королевствомъ при посредствѣ дворца. Если король былъ малолѣтенъ, дворецъ управлялъ отъ имени царственнаго ребенка. На дворецъ надо смотрѣть, какъ на важное, какъ на главное государственное учрежденіе меровингской эпохи.

Не слѣдуетъ думать, что дворецъ былъ спеціальнымъ учрежденіемъ меровингской монархіи. Не Меровинги создали его. Дѣйствительно, мы видимъ, что онъ являлся особенностью управленія, общею всѣмъ германскимъ государствамъ, основаннымъ на развалинахъ Имперіи. Дворецъ часто упоминается въ вестготскихъ Правдахъ; въ нихъ говорится о группѣ знатныхъ людей, которая называется *ordo palatinus* [1]. Если членъ этой корпораціи провинится въ чемъ-нибудь, онъ лишается всякой дворцовой должности и навсегда исключается изъ «состава дворцу» [2]. Вестготскіе короли говорятъ о вельможахъ дворца — *primates*, или *seniores palatii* [1]. Въ числѣ этихъ лицъ мы находимъ, какъ и у Франковъ, конюшаго графа, графа королевскихъ покоевъ, меченосца, камергеровъ, нотаріевъ. Лишними сановниками сравнительно съ франкскимъ королевствомъ является въ *palatium*'ѣ вестготскаго государства графъ, завѣдывавшій королевскими имуществами, и графъ, распоряжавшійся государственною казною, какъ это было раньше въ римской Имперіи [2]. Такимъ образомъ, у вестготскихъ королей составъ дворца былъ болѣе полонъ, чѣмъ у королей франкскихъ, и центральная администрація въ немъ лучше организована. Дворецъ остготскаго короля Италіи Теодериха еще больше походитъ на римскій императорскій; мы видимъ въ немъ такихъ чисто римскихъ сановниковъ, какъ *magister officiorum, praefectus praetorio, quaestor palatii, comes patrimonii*,

[1] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 34: „Qui ex ordine palalino fuerit".

[2] *Ibidem*, II, 1, 6, in fine: „Cunctis palatinae dignitatis consortiis et officiis nudatus... a totius palatii maneat societate seclusus".

[1] *Ibidem*, II, 1, 1: „Senioribus palatii".—IX, 2, 9, in fine: „Si de primatibus palatii fuerit". Ср. постановленія VI-го толедскаго собора, 639 года: „Qui ob meritum in palatio honorabiles habentur".

[2] *Chronicon Maximi*, a. 590 (въ „Patrologia latina", t. LXXX, стр. 631): „Ex palatinis vero Helladius illustrissimus aulae regis comes et rerum publicarum comes, Fonsa comes patrimoniorum, Afrila comes spatharius, Claudius comes limitaneus et dux, Witericus comes stabuli, Argimundus comes cubiculi".—Интересно въ этомъ смыслѣ разсматривать титулы лицъ, подписывавшихъ акты нѣсколькихъ соборовъ, происходившихъ въ вестготскомъ королевствѣ. Возьмемъ, напримѣръ, VIII-й толедскій соборъ 653 года: „Ex viris illustribus officii palatini, Odoacrus comes cubiculariorum, Dabilo comes et procer, Riccilla comes patrimoniorum."—XIII-й Толедскій соборъ 683 года: „Viri illustres officii palatini, Argemirus comes cubiculi, Isidorus comes thesaurorum, Gisclamundus comes stabuli, Audemundus procer, Cixcla comes notariorum, Vitulus comes patrimonii" (*Collectio concil. Hispaniae*, ed. Aguirre, I, p. 649; 668).

comes sacrarum largitionum[1]. Даже лонгобардскіе короли говорятъ о дворцѣ[2], о своемъ священномъ дворцѣ[3], и они также окружены оптиматами.

Никто не станетъ предполагать, что отдѣльныя варварскія государства дѣлали заимствованія одно у другого. Они были болѣе склонны бороться другъ съ другомъ, чѣмъ подражать одно другому. Къ тому же они сильно различались по духу и по стремленіямъ. Сходство, замѣчаемое между ними въ ихъ учрежденіяхъ, можетъ найти только одно объясненіе, — а именно, что всѣ указанныя учрежденія уже существовали въ римской Имперіи, когда возникли упомянутыя королевства на ея почвѣ.

Много побужденій заставляло новыхъ королей воспользоваться выработавшимися въ Имперіи институтами, насколько это было возможно, и ничего не заставляло ихъ разрушать установившійся строй.

---

[1] См. объ этомъ оффиціальные акты и письма, собранные Кассіодоромъ, *Variae*, V, 3, 4, 6, 16, 17, 18, 40; VI, 3, 5, 7, 8, 9.

[2] Слова *palatium regis* безпрестанно повторяются въ лонгобардскихъ Правдахъ, особенно въ такомъ сочетаніи: „Componat ad palatium"—для обозначенія штрафовъ, слѣдуемыхъ королю.

[3] *Lex Longobardorum*, Liutprandi, 12: „In sacro palatio".—Cfr. *Paul. Diac.* Hist. Longobardorum, V, 33: „Omnia obsequia palatina".

ГЛАВА IX.

Палатный * мэръ.

Много было написано изслѣдованій о палатномъ мэрѣ, но ученые нерѣдко заблуждались относительно сущности его обязанностей и роли его въ государствѣ Меровинговъ. Однако нѣтъ недостатка въ документахъ для выясненія даннаго вопроса, и они достаточно выразительны[1].

Чтобы уяснить себѣ, что̀ такое былъ палатный, то-есть, дворцовый мэръ, надо исходить изъ уразумѣнія того, что представлялъ собою дворецъ. Мы только что убѣдились, что дворцомъ называлась огромная корпорація, цѣлое общество, состоявшее изъ всѣхъ приближенныхъ короля, изъ всѣхъ лицъ, привязанныхъ къ личной службѣ его особѣ, а затѣмъ также изъ

* Мы сохраняемъ слово „палатный" при переводѣ названія должности *maior palatii*, такъ какъ выраженіе „палатный мэръ" вполнѣ установилось въ русской научно-исторической терминологіи; но не рѣшаемся передавать „*palatium*"—„палата", опасаясь вводить въ эту терминологію выраженіе неопредѣленное и расплывчатое. *Прим. ред.*

[1] Главные новѣйшіе труды о палатныхъ мэрахъ слѣдующіе: *Pertz*, Die Geschichte der Merowingischen Hausmeyer (1819); *Zinkeisen*, Commentatio de Francorum maiore domus (1826);—*Bonnell*, De dignitate maioris domus regum Francorum a romano sacri cubiculi praeposito ducenda (1858);—*Schöne*, Die Amtsgewalt der merow. maiorum domus (1856);—*Lehuerou*, „Institutions mérovingiennes (1840, 385 и слѣд.);—*Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte (3-е изд. т. III, стр. 83—100).

Библіографія оставляется въ томъ же видѣ, какъ она отмѣчена у Фюстель де-Куланжа, чтобы ясно было, противъ кого именно авторъ возражаетъ. *Прим. ред.*

всѣхъ высшихъ сановниковъ и государственныхъ дѣятелей. Мэръ былъ главою всего этого великаго тѣла, отсюда и названіе его *maior domus* или *maior palatii* [1]. Мы признали выше, что *domus, domus regia*, съ одной стороны, и *palatium*—съ другой были названія тождественныя; что же касается слова *maior*, то оно служило однимъ изъ терминовъ, обозначавшихъ на языкѣ того времени превосходство; его надо перевести словомъ — «начальникъ». Итакъ, *maior domus* значитъ глава дворца; то же лицо называлось часто *praepositus palatii, praefectus aulae, gubernator palatii* [2]. Всѣ эти названія вызываютъ одно и то же представле-

[1] *Greg.* VI, 9: „Bathegisilum maiorem domus regiae";—IX, 30: „Florentianum maiorem domus regiae".—*Fortunat.* Vita Germani, 41: „Audegesilus maior domus regiae".—Вслѣдствіе привычнаго тому времени многословія его называютъ иногда „мэромъ дома дворца". *Fredegarii Chron.* 24: „Bertoaldus maior domus palatii erat".—*Ibid.* 84: „Erchinoaldus maior domus palatii Chlodovei".—*Vita Leodegarii ab anonymo*, c. 12: „Palatii maior domus".—*Vita Liutfridi*, 25 (Mabillon, III, 592): „Maiores domus palatii".

[2] *Vita Eligii*, II, 55: „Palatii praepositus, quod vulgo dicitur maior domus".—*Ibidem*, II, 26: „Ab Erchinoaldo palatii praeposito".—Посланіе Дезидерія къ мэру Гримоальду (Bouquet, IV, 38): „Totius aulae rectori".—*Vita Arnulfi*, c. 4: „Gundulfo... rectori palatii".—Названія *rector palatii* и *maior domus* въ *Vita Leodegarii ab Ursino*, c. 8, встрѣчаются совершенно въ одинаковомъ смыслѣ.—Эгингардъ (Vita Caroli, 1) говоритъ: „Palatii praefectos, qui maiores domus dicebantur".—Онъ называетъ ихъ дальше *praefecti aulae*.—Названіе *dux palatii* встрѣчается, насколько мнѣ извѣстно, только въ *Gesta Dagoberti* (гл. 31) и въ одномъ мѣстѣ Фредегарія (гл. 75), подлинность котораго заподозрѣна.—Что касается наименованія *subregulus*, которое дается мэру нѣкоторыми агіографами (*Vita Arnulfi*, c. 4; *Vita Romarici*, c. 11), то ясно, что въ немъ не было ничего оффиціальнаго, и весьма возможно, что оно совсѣмъ не употреблялось во дворцѣ.

ніе. Они показываютъ, что лицо, къ которому они примѣняются, по существу своей службы—начальникъ дворца.

Ученые много занимались изслѣдованіемъ происхожденія этой должности, и, какъ всегда, мнѣнія ихъ раздѣлились: одни выводятъ эту должность изъ германскаго, другіе изъ римскаго корня. На самомъ дѣлѣ, происхожденіе ея гораздо болѣе сложно; вопросъ нельзя подвести ни подъ одну слишкомъ простую и прямолинейную теорію.

Можно допустить, что въ древней Германіи у богатыхъ людей и въ особенности у королей были спеціальныя должностныя лица, завѣдывавшія ихъ «домомъ». Документами такой старо-германскій обычай не обнаруживается; но это очень правдоподобное предположеніе. Римское происхожденіе изучаемой должности еще вѣроятнѣе, потому что на него указываютъ многіе факты и тексты.

Разсмотримъ сначала обычаи, установившіеся въ римскомъ обществѣ въ жизни частныхъ лицъ. Для этого перенесемся мысленно въ обстановку быта одного изъ крупныхъ собственниковъ въ Имперіи четвертаго вѣка. Словомъ домъ, *domus*, называлось тамъ не только жилище: подъ нимъ подразумѣвалась вся совокупность имущества, земель и слугъ, принадлежавшихъ одному владѣльцу. Изъ одного отрывка у Григорія Турскаго мы видимъ, что выраженіе *aula, domus* употреблялось на языкѣ шестого вѣка при обозначеніи одновременно и управленія имѣніями, и распоряженія всѣмъ наличнымъ въ нихъ служебнымъ персоналомъ [1].

[1] См. *Greg.* X, 29.—Богачъ Аредій, не желая больше заботиться о мірскихъ интересахъ, умоляетъ свою мать, „ut omnis *cura domus*, id est corectio familiae (*familia* значитъ „челядь"),

Случалось же довольно часто, можетъ быть, даже было общимъ правиломъ, что богатые и могущественные владѣльцы ставили во главѣ своего дома начальника, который и управлялъ имъ вмѣсто самого владѣльца и являлся постояннымъ представителемъ власти хозяина. Начальникъ этотъ по отношенію къ господину былъ только слугою, но для остальныхъ слугъ онъ былъ господиномъ. Онъ носилъ обыкновенно званіе *maior*: выраженіе это обозначало, какъ указано, превосходство, власть, и его спеціально именовали уже тамъ *maior domus*[1]. Этого домоваго мэра (т.-е. перваго въ домѣ) находимъ мы въ римскомъ обществѣ пятаго вѣка. Житель Галліи Авитъ пишетъ въ Италію своему знакомцу Эльпидію, что онъ получилъ письма, посланныя ему этимъ послѣднимъ съ мэромъ его дома, и что этому же «мэру» поручилъ онъ доставить его отвѣтъ[2]. У одного писателя седьмого вѣка читаемъ. мы далѣе, что въ домахъ знатныхъ лицъ было въ обычаѣ, чтобы глава дома ставилъ надъ слугами начальника *maior domus*, для обезпеченія большаго ихъ повиновенія[3]. Историки указываютъ намъ на мэра

sive exercitium agrorum, sive cultus vinearum, ad eam adspiceret".— Въ этомъ примѣрѣ ясно виденъ смыслъ слова *domus* и выраженія *cura domus*.

[1] *Donatus*, Comment. in Terentii Phormionem, II, 2, 57: „Columellae apud veteres dicti servi maiores domus" (см. *Terent.* ed. Stallbaum, VI, 77).—*Glossae Isidori* у *Ducange*, t. IV, стр. 190: „Architriclinus maior domus".—*S. Ieronymi*, Epist. 2: „Si familiarius est loquendum, habet nutricum, maiorem domus".

[2] *Avit.* Epist. 38. (ed. Peiper): „Per maiorem domus tuae epistolas tuas me accepisse laetatus, per ipsum rursus officia caritatis exsolvi affectum tui studio paginae famulantis excolui; quo eventu in manus tuas perlata non fuerit, maior quem supra dixi non potest ignorare".

[3] *Regula Magistri*, c. 11 (въ Patrologia latina, CIII, 952): „Sicut in hominis domo, ut securus sit de omnibus praeparandis, do-

въ домахъ королевъ и королевскихъ дочерей[1]. Мы видимъ, что и у епископовъ были также «домовые мэры»[2].

Отъ домовъ знатныхъ частныхъ лицъ перейдемъ теперь къ дворцамъ государей. Мы не находимъ званія *maior domus* въ императорскомъ *palatium*; но мы встрѣчаемъ тамъ одну функцію, приближавшуюся, повидимому, къ обязанностямъ палатнаго мэра, хотя носившую другое названіе: это была такъ называемая *cura palatii*[3]. Писатели не говорятъ намъ, правда, какія обязанности были связаны съ нею[4], но должность

minus ordinat maiores familiae, quos vice domini minores timeant, id est, vicedominum, vilicum, maiorem domus".

[1] *Greg.* VI, 45; VII, 27; VII, 38; VII, 43; IX, 36.—Въ Салической Правдѣ также упоминаются *maior* и *maiorissima*, которые поставлены во главѣ слугъ, но только въ текстѣ *Herold*'a (XI, 6, 7) и *Pardessus* (p. 232).

[2] По крайней мѣрѣ, такъ было въ Италіи.—*Greg. Magn.* Epist. XI, 71: „Volumus, ut frater noster Paschasius (онъ былъ епископомъ неаполитанскимъ) vicedominum sibi ordinet et maiorem domus, quatenus possit vel hospitibus supervenientibus vel causis, quae eveniunt, idoneus et paratus existere".—Въ другомъ посланіи (IX, 66) этого епископскаго *vicedominus* Григорій Великій прямо называетъ *maior domus*. Вообще, только это послѣднее названіе было, повидимому, общераспространенно.

[3] *Ammian. Marcell.* XIV, 7, 19: „Apollinaris paulo ante gerens palatii Caesaris curam".—*Ibidem*, XXII, 3, 7: „Saturninus ex cura palatii".—*Idem*, XXXI, 12, 15: „Tribunus Equitius, cui tunc erat cura palatii credita".—*Idem*, XXXI, 13, 18: „Valerianus et Equitius, quorum alter stabulum, alter curabat palatium".—*Cod. Th.* VI, 13, 1; XI, 18, 1.

[4] Одна формула у Кассіодора (VII, 5) даетъ поводъ предположить, что обязанность *cura palatii* выражалась лишь въ попеченіи о дворцовыхъ строеніяхъ. Для времени Кассіодора это возможно; но четыре приведенныхъ нами выше текста Аммiана, очевидно, относятся къ людямъ, отправлявшимъ обязанности болѣе высокія, чѣмъ надзоръ за зданіемъ император-

эта была, какъ кажется, одною изъ самыхъ значительныхъ во дворцѣ; ее занималъ нѣкоторое время Аэцій [1]. Сидоній Аполлинарій говоритъ о ней, какъ о завершеніи карьеры придворнаго человѣка [2]. Другіе писатели приводятъ названіе *praepositus palatii*, и возможно допустить, хотя нельзя сказать этого съ увѣренностью, что оба названія эти обозначали одну и ту же должность [3]. Высокій сановникъ этотъ встрѣчается при Юстиніанѣ и послѣ него. Нарзесъ былъ нѣкоторое время подобнымъ начальникомъ дворца [4].

Переходя отъ Имперіи къ германскимъ королевствамъ, мы вездѣ встрѣчаемъ начальниковъ дворца. Они упоминаются у королей Вандаловъ, въ остготскомъ государствѣ Теодериха Великаго, у вестготскихъ

скаго дворца. Отожествлять императорскую *cura palatii* съ *maiordomatus* Меровинговъ было бы преувеличеніемъ, но между этими двумя должностями есть, повидимому, нѣкоторая аналогія.

¹ *Renatus Frigeridus* (у Григорія Турскаго, II, 8): „Aetium id temporis curam palatii gerentem".

² *Sidon. Apollin.* Carmina, XXIII, стр. 429—430: „Intra aulam expeditus, curam moderatus es palatii".

³ „Καὶ τὸν πραιπόσιτον τοῦ παλατίου αὐτοῦ, Ῥοδανὸν ὀνόματι, ἄνδρα δυνατὸν καὶ διοικοῦντα τὸ παλάτιον" (*Chronicon Paschale*, ed. Ducange, p. 301, 302; „Patrologia graeca, t. XCII, p. 758).—„Εὐσέβιος τὴν τοῦ πραιποσίτου διέπων ἀρχὴν καὶ μέγαλα παρὰ Κωνσταντίνῳ δυνάμενος" (*Zonar.* луврское изд. т. II, стр. 19).—„Τὸν πραιπόσιτον Εὐσέβιον" (*Olympiodor.* fragm. 13, ed. Didot, p. 60).—„Amantius, palatii praepositus" (*Marcellinus comes*, chron. anno 519).—Созоменъ (II, 9) употребляетъ выраженіе μείζων οἰκίας, *maior domus*, примѣняя его, правда, къ начальнику дворца персидскихъ царей.

⁴ Латинскія надписи *Orelli*, № 1162: „Imperante Iustiniano, Narses vir gloriosissimus ex praeposito sacri palatii". — *Henzen*, № 5597: „Smaragdus ex praeposito sacri palatii ac patricius et exarchus Italiae".

и бургундскихъ королей [1]. Мы ихъ видимъ у экзарховъ равеннскихъ, намѣстниковъ византійскаго императора въ Италіи [2]. Повсюду сановникъ этотъ носитъ титулъ *maior domus*. Возможно, что не во всѣхъ государствахъ на мэрахъ лежали обязанности, совершенно одинаковыя; въ особенности же понятно, что не вездѣ достигли они одинаковаго могущества. «Мэрія» была повсемѣстнымъ институтомъ, сложившимся и въ домахъ частныхъ магнатовъ, и во дворцахъ государей, присвоеннымъ и императорами, и варварскими королями; но именно поэтому данный институтъ и долженъ былъ видоизмѣняться по странамъ и періодамъ.

Въ своихъ палатныхъ мэрахъ короли Меровинги первоначально видѣли лишь то, чѣмъ эти должностныя лица были до нихъ, вокругъ нихъ и вездѣ. Какъ и у другихъ государей, мэръ былъ начальникомъ ихъ дворца, то-есть, управляющимъ огромнымъ персоналомъ послѣдняго.

Власть мэра ясно обозначена писателями того времени. «Онъ управляетъ дворцомъ короля», говоритъ

¹ Геннадій, писатель конца V вѣка, называетъ Гунериха *maior domus* короля Вандаловъ (*De scriptor. eccles.* c. 97; Patrologia latina, t. LVIII, 1117).—*Vita Epiphanii ab Ennodio*, c. 46: „Virum illustrissimum Urbicum, qui universa palatii onera sustentat".—*Cassiod.* Var. X, 18: „His praefecimus maiorem domus nostrae (это говоритъ король) Vaccenem".—*Lex Burgundionum*, praefatio: „Sciant optimates, comites, consiliarii, domestici, et maiores domus nostrae".—*Ibidem*, CVII (Pertz, p. 577): „Consiliarii aut maiores domus". У Бургундовъ было, можно думать, нѣсколько мэровъ одновременно. Ср. *Lex Wisigothorum*, VI, 1, 7: „maiores palatii".

² *Greg. Magn.* Epist. IX, 9: „Ad Callinicum Italiae exarchum: Illud cognoscite, quia me non modice contristavit, quod maior domus vestrae, qui petitionem episcopi suscepit, eam se perdidisse professus est".

одинъ изъ нихъ [1]. «Онъ управляетъ дворцомъ»[2]. «Онъ поставленъ во главѣ всего королевскаго дома» [3]. «Онъ печется о дворцѣ» [4]. «Вся дворцовая служба направляется имъ» [5]. «Онъ—какъ бы государь дворца» [6].

Дѣло въ томъ, что управлявшая государствомъ огромная корпорація *palatini* въ свою очередь должна была быть управляемою. Это многочисленное собраніе людей, различнаго происхожденія, занимавшихъ различныя должности, нуждалось въ начальникѣ. Неограниченнымъ монархамъ кажется легко повелѣвать народомъ, который стоитъ далеко отъ нихъ; но они чувствуютъ, какъ трудно держать въ покорности чиновниковъ, которые тѣсно ихъ окружаютъ. Меровингамъ было невозможно лично распоряжаться каждымъ должностнымъ лицомъ, лично руководить дѣятельностью каждаго присутственнаго мѣста въ своемъ дворцѣ; между тѣмъ представлялась необходимость держать все это въ порядкѣ; вотъ почему короли поставили надъ всѣмъ этимъ міромъ лицъ и учрежденій

[1] *Fortunat.* Carmina, IV, 3: „Ipse palatinam rexit moderatius aulam."

[2] *Fredeg. Chron.* 79: „Aega regebat palatium".

[3] *Vita Leodegarii ab Ursino*, c. 4: „Leodegarium super omnem domum suam sublimavit et maiorem domus in omnibus constituit."

[4] *Continuatio Fredegarii*, c. 98: „Curam palatii gerebat".—*Chron. S. Vaast.* (ed. Dehaisnes, p. 381): „Ebroino curam palatii committunt".

[5] *Vita Baboleni* (Bouquet, III, 565): „Omnia palatina officia suo moderamine procurabat".—*Chronicon Centulense ab Hariulfo*, II, 1: „Per praefectos palatii domus ordinabatur regia".—*Miracula S. Benedicti ab Adrevaldo*, I, 12: „A praefectis palatii domus ordinabatur regia".

[6] *Vita Sigiberti*, c. 4: „In aula principabatur". Составитель *Vitae Filiberti* (c. 28) называетъ мэра „princeps palatii".

общаго начальника, который управлялъ бы отъ его имени. Это и былъ палатный мэръ.

Таково происхожденіе и такова сущность должности мэра. Посмотримъ теперь, какою компетенціею онъ былъ облеченъ.

Какъ глава дворца, мэръ обладалъ прежде всего юрисдикціею съ принудительною властью надъ всѣми лицами, составлявшими персоналъ дворца, то-есть, оказывается, надъ всею знатью королевства. Такія полномочія его ясно указаны однимъ писателемъ седьмого вѣка; онъ сообщаетъ, что Хродинъ, котораго король хотѣлъ сдѣлать дворцовымъ мэромъ, отказался отъ этой должности, ссылаясь на то, «что онъ былъ связанъ узами родства съ большинствомъ знатныхъ, и что поэтому ему невозможно было бы возстановлять между ними порядокъ, поддерживать дисциплину, произносить надъ ними смертные приговоры» [1]. — На мэрѣ лежала, стало быть, обязанность охранять законность внутри дворца, держать въ повиновеніи наполнявшихъ его могущественныхъ лицъ. Онъ судилъ ихъ и наказывалъ за преступленія.

Дворецъ, какъ мы знаемъ, составлялся не изъ однихъ только лицъ, служившихъ особѣ короля. Въ

[1] *Historia epitomata*, c. 58: „Chrodinus honorem respuens dicebat: Pacem ego in Auster facere non valeo, maxime cum omnes primates mihi consanguinei sint; non possum ex eis facere disciplinam, nec quempiam interficere".—Замѣтьте, что мѣсто это не заимствовано у Григорія Турскаго авторомъ, который вообще ограничивался сокращеніемъ его исторіи; поэтому достовѣрность самаго разсказа сомнительная. Возможно, что онъ просто выдумалъ эпизодъ съ Хродиномъ, но изъ того, какъ передаетъ его писатель, видно, по крайней мѣрѣ, что люди того времени представляли себѣ должность палатнаго мэра связанною съ правомъ суда надъ знатными людьми государства.

болѣе широкомъ смыслѣ, онъ заключалъ въ себѣ всѣхъ чиновниковъ центральнаго и даже областного управленія. Къ дворцу принадлежали герцоги и графы, управлявшіе провинціями, и вообще всѣ тѣ, кто занималъ общественныя должности, кого король облекалъ какимъ-либо званіемъ. Мэръ стоялъ, такимъ образомъ, во главѣ всѣхъ магнатовъ королевства и держалъ ихъ всѣхъ подъ своей властью.

Кромѣ знатныхъ, были еще и простые свободные люди, получившіе отъ короля привилегію находиться подъ личнымъ его покровительствомъ. И они также поступали въ силу этого подъ начальство палатнаго мэра и подлежали его суду [1].

Когда учреждалась (или заимствовалась) должность палатнаго мэра, короли не желали, вѣроятно, придавать ей крупное государственное значеніе и не разсматривали его какъ главу всей администраціи; онъ занялъ постепенно такое мѣсто въ силу вещей, по той простой причинѣ, что вся государственная жизнь и вся администрація во франкскомъ королевствѣ сосредоточивались во дворцѣ. Сначала не задумывались о томъ, чтобы точно опредѣлить его компетенцію, но такъ какъ дворецъ заключалъ въ себѣ и верховный судъ, и общее финансовое управленіе, и всю администрацію, то естественно начальникъ этого дворца сталъ главнымъ судьею, главнымъ казначеемъ и главнымъ администраторомъ. Въ отсутствіе короля, онъ предсѣдательствовалъ, повидимому, на засѣданіяхъ

[1] Это явствуетъ изъ одной формулы (*Marculf.* I, 24), въ которой сказано, что лицо, принимаемое королемъ подъ его руку, ставилось имъ сейчасъ же подъ покровительство мэра. Мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, что королевскій патронатъ заключалъ въ себѣ обоюдно и широкое покровительство, и абсолютную власть надъ личностью.

королевскаго трибунала [1]. Финансы также были въ его рукахъ; онъ приказывалъ собирать налоги, а иногда и лично взымалъ ихъ [2]. Онъ заботился о сохранности королевскихъ имуществъ. Если какой-нибудь участокъ земли захватывался частнымъ лицомъ или церковью, онъ возвращалъ его судебнымъ порядкомъ въ составъ доменовъ; если же, наоборотъ, какая-нибудь частная земля оказывалась несправедливо конфискованною, онъ отдавалъ ее обратно законному владѣльцу.

Никто изъ писателей того времени не даетъ намъ перечня полномочій мэра; безъ сомнѣнія, такого и не существовало. Полномочія его были неопредѣленны и неограниченны. Любопытно всмотрѣться, какъ современный хроникеръ оцѣниваетъ личность и дѣятельность отдѣльныхъ мэровъ. Характеръ похвалы или порицанія позволяетъ опредѣлить и характеръ самыхъ обязанностей. Мэръ Бертоальдъ, говоритъ онъ, «былъ мудръ и остороженъ, храбръ въ бою, вѣренъ данному кому бы то ни было слову»; онъ обладалъ, вѣроятно, административными способностями, такъ какъ король послалъ его «произвести ревизію финансовой части въ провинціяхъ» [3].—«Мэръ Протадій былъ замѣча-

[1] *Diplomata* (Pertz, №№ 70, 97; Tardif, № 38).—*Marculf.* I, 25.—Изъ актовъ можно усмотрѣть, что мэръ назывался первымъ изъ свѣтскихъ членовъ суда, стоявшимъ тотчасъ послѣ короля и епископовъ. Мы увидимъ ниже, почему имя предсѣдательствовавшаго на судѣ въ отсутствіе короля не могло быть вписано въ судебный приговоръ. Нѣкоторые ученые думали, что въ такихъ случаяхъ предсѣдательствовалъ дворцовый графъ, но на это нѣтъ указаній.

[2] *Greg.* IX, 30: „Childebertus rex in Pictavos iussit abire Florentianum, maiorem domus regiae... ut populus censum reddere deberet“.—*Fredeg.* Chron. c. 27: „Bertoaldum maiorem domus per pagos et civitates ad fiscum inquirendum dirigunt“.

[3] *Fredegarii Chronicon*, c. 24: „Bertoaldus, maior domus

тельно искусенъ и дѣятеленъ во всемъ, онъ предпочиталъ интересы казны интересамъ частныхъ лицъ, но проявлялъ слишкомъ много усердія для обогащенія казны и самого себя»[1]. Мэръ Клавдій «былъ человѣкомъ благоразумнымъ, краснорѣчивымъ, дѣятельно исполнявшимъ всѣ свои обязанности, терпѣливымъ, ловкимъ, образованнымъ, вѣрнымъ данному слову, всеобщимъ любимцемъ и другомъ»[2].—«Эга былъ строгимъ исполнителемъ правосудія, искуснымъ въ своихъ рѣчахъ, всегда готовымъ къ отвѣту; его упрекали въ большой алчности, а между тѣмъ онъ вернулъ владѣльцамъ нѣсколько имѣній, несправедливо присоединенныхъ къ казнѣ его предшественниками»[3]. Эрхиноальдъ былъ «терпѣливъ, добръ, догадливъ, почтителенъ къ епископамъ, онъ доброжелательно относился ко всѣмъ и не былъ гордъ или корыстолюбивъ»[4]. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, насколько правдивы различныя эти сужденія хроникера по отношенію къ каждому отдѣльному лицу; постараемся лучше отыскать, какая вытекаетъ изъ нихъ общая истина. Собравъ всѣ черты указанныхъ характеристикъ, мы видимъ, что мэръ являлся то судьею, то полководцемъ, гораздо чаще, впрочемъ, гражданскимъ администраторомъ, чѣмъ военнымъ; мы видимъ, что онъ долженъ былъ обнаруживать большую энергію «въ различнаго рода дѣлахъ», что онъ былъ отвѣтственъ за все, что всѣ обращались къ нему, что все зависѣло «отъ его милости», «отъ его гордости» или «отъ его корыстолюбія»; мы видимъ, что даже епископы поддерживаютъ съ нимъ отношенія, что онъ до такой степени безконтрольно управляетъ финансами, что можетъ обогащаться, сколько ему угодно, что отъ него, наконецъ, зависитъ конфискація земель или возвращеніе конфискованныхъ. Такимъ образомъ, компетенція его, не будучи строго опредѣленною, распространяется на все.

palatii Theuderici regis, moribus mensuratus, sapiens et cautus, in praelio fortis, fidem cum omnibus servans...“

[1] *Ibidem*, c. 27: „Protadius maior domus, cum esset nimium argutissimus, et strenuus in cunctis, sed saeva illi fuit contra persoe nas iniquitas, fiscum nimium stringens, de rebus personarum ingeniosfiscum vellens implere, et se ipsum ditare“.

[2] *Ibidem*, c. 28: „Subrogatur maior domus Claudius, homo prudens, iucundus in fabulis, strenuus in cunctis, patientiae deditus, plenitudine consilii abundans, litterarum studiis eruditus, fide plenus, amicitiam cum omnibus servans“.

[3] *Ibidem*, c. 80: „Iustitiam sectans, eruditus in verbis, paratus in responsis... avaritiae deditus... Facultates plurimorum, quae iussu Dagoberti fuerant illicite usurpatae et fisci ditionibus redactae, consilio Aeganis omnibus restaurantur“.

[4] *Ibidem*, c. 84: „Erchinoaldus maior domus palatii efficitur, erat homo patiens, bonitate plenus, patiens et cautus, humilitate et benigna voluntate circa sacerdotes, omnibus benigne respondens, nulla tumens superbia, neque cupiditate saeviebat“.

Умѣстно будетъ замѣтить, что франкскіе короли, принимая въ своемъ государствѣ формы римской имперской администраціи и сохраняя всѣ почти званія императорскаго дворца, не рѣшились, однако, заимствовать самыхъ высшихъ должностей Имперіи; у нихъ не было ни *magister officiorum*, ни *comes largitionum*, ни *magister militiae*. Отсутствіе этихъ высшихъ сановниковъ и было причиною того, что палатный мэръ сдѣлался лицомъ безусловно первенствующимъ въ королевскомъ дворцѣ. Онъ сосредоточивалъ въ себѣ три элемента власти, распредѣлявшіеся императорами между тремя вышепоименованными сановниками. Всѣ правители областей зависѣли отъ него, подобно тому, какъ въ Имперіи они зависѣли отъ *ma-*

gister officiorum. Назначались ли они непосредственно имъ? Несомнѣнно, указъ о назначеніи писался отъ имени короля; но много фактовъ изъ исторіи седьмого вѣка позволяютъ предполагать, что назначенія, подписывавшіяся королемъ, подготовлялись мэромъ. Одинъ хроникеръ совершенно ясно показываетъ, что мэръ могъ отрѣшать отъ должности герцоговъ и графовъ и ставить на ихъ мѣсто другихъ [1]. Мэръ былъ, слѣдовательно какъ бы министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависѣли всѣ административныя назначенія. Одинъ агіографъ говоритъ, что всѣ намѣстники провинцій дѣйствовали не иначе, какъ руководствуясь его инструкціями и предписаніями [2].

Итакъ, палатнаго мэра можно считать первымъ министромъ и даже единственнымъ министромъ въ неограниченной монархіи франкскихъ королей. Такое положеніе пріобрѣтено было имъ естественнымъ путемъ и являлось прямымъ слѣдствіемъ самого устройства дворца. Такъ какъ дворецъ былъ совокупностью всѣхъ знатныхъ слугъ короля, всѣхъ его должностныхъ лицъ, то глава дворца по необходимсти являлся главою всего, что было въ странѣ чиновнаго и знатнаго. Онъ начальствовалъ надъ всѣми тѣми, кто самъ былъ поставленъ во главѣ различныхъ отраслей управленія, и кто былъ имъ подчиненъ. Дворецъ управлялъ государствомъ; мэръ управлялъ дворцомъ, а черезъ него и государ-

[1] Это явствуетъ изъ 89 главы Хроники Фредегарія, въ которой сказано, что герцоги и знатные Бургундіи заставили дворцоваго мэра поклясться, что онъ не будетъ отрѣшать ихъ отъ должности. Очевидно, потому лишь потребовали отъ него этой клятвы, что полномія его давали ему подобное право.

[2] *Vita Gengulphi*, c. 4 (у Болландистовъ, 11 мая): „Qui palatio adhaerebant et per provincias iura dabant, cum eius consilio quae agenda erant regni gubernacula administrabant".

ствомъ. Вотъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался повелителемъ всѣхъ служилыхъ людей и высшимъ начальникомъ всѣхъ административныхъ учрежденій [1].

Нѣкоторые современные историки полагали, что дворцовый мэръ былъ избираемъ самою знатью; они представляли его поэтому вождемъ аристократіи, сгруппировавшейся для ограниченія абсолютизма королей, такъ что выходитъ, будто Меровинги съ самаго начала обладали лишь номинальною властью [2]. Необходимо разслѣдовать, подтверждается ли подобное мнѣніе документами.

Съ перваго взгляда кажется, что одно мѣсто у хроникера, сократившаго Григорія Турскаго, въ самомъ дѣлѣ подтверждаетъ такое толкованіе, и на этомъ именно отрывкѣ основывались главнымъ образомъ его сторонники. Авторъ передаетъ, что «во время несовершеннолѣтія Сигеберта всѣ австразійцы избрали палатнымъ мэромъ Хродина», а вслѣдствіе отказа его «они избрали Гогона [3]». Значеніе этого сообщенія анонимнаго лѣтописца сильно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что сообщаемаго имъ факта нѣтъ у Гри-

[1] *Fredegarii Chron.* c. 80: „Aega palatium gubernabat et regnum".—Ср. посланіе Дезидерія къ мэру Гримоальду (Bouquet, IV, 38): „Totius aulae imoque regni rectore".—*Vita Gaugerici*, II, 3 (у Болландистовъ, 11 августа): „Moles et onera regni tractabat".—*Fredegarii Chron.* 88: „Gradus honoris maioris domus in palatio et in omni regno Austrasiorum in manu Grimoaldi firmatus est".

[2] *Luden*, Allgemeine Geschichte der Völker, стр. 179. — *Zinkeisen*, Dissertatio de Francorum maiore domus, стр. 33—34.

[3] *Historia epitomata*, c. 58: „In infantia Sigiberti, omnes Austrasii cum eligerent Chrodinum maiorem domus, ille hunc honorem respuens dixit: Eligite alium, quem vultis ex vobis. Tunc Gogonem maiorem domus eligunt".

горія Турскаго, и неизвѣстно, у кого заимствовалъ его сократитель. Онъ впадаетъ къ тому же въ явную ошибку, говоря о несовершеннолѣтіи и «дѣтствѣ» Сигеберта, вступившаго на престолъ уже по достиженіи двадцати-шестилѣтняго возраста. Онъ противорѣчитъ, наконецъ, другому (болѣе авторитетному) писателю—современнику событій. Фортунатъ, лично знавшій главное дѣйствовавшее здѣсь лицо, обращается къ мэру Гогону и пишетъ ему: «Выборъ короля Сигеберта поставилъ тебя на твою высокую должность; король самъ выбралъ тебя» [1].

Въ теченіе всего шестого вѣка и первой половины седьмого ни о какомъ другомъ палатномъ мэрѣ не говорится, чтобы онъ былъ избранъ знатными. Наоборотъ, мы видимъ, что по совѣту Брунегильды Протадій былъ назначенъ мэромъ въ силу приказа короля Теодериха и къ тому же противъ желанія знатныхъ, которые не замедлили убить его [2]. Не ихъ голосованіемъ, разумѣется, избранъ былъ и мэръ Флорентіанъ, выказавшій столько усердія при возстановленіи государственныхъ налоговъ и разыскавшій во дворцѣ старые податные списки. Врядъ ли также выборъ франкской знати возвелъ въ достоинство мэра Клавдія, который даже не былъ Франкомъ по происхожденію [3]. Изъ

[1] *Fortunat.* Carmina, VII, 1 (ad Gogonem): „Principis arbitrio Sigiberti magnus haberis; iudicium regis fallere nemo potest, elegit sapiens sapientem“.—Объ этомъ лицѣ, умершемъ въ шестой годъ царствованія Хильдеберта, см. у Григорія, V, 46 и VI, 1.

[2] *Fredegarii,* Chron. c. 27: „Anno decimo regni Theuderici, Protadius, instigante Brunichilde, Theuderico iubente, maior domus substituitur“.

[3] *Fredegarii,* Chron. 28: „Anno undecimo regni Theuderici subrogatur maior domus Claudius genere Romanus“.—Протадій также былъ—„genere Romanus“ (*Ibidem,* c. 24). Любопытно отмѣтить, что высшая власть въ государствѣ могла принадлежать людямъ римской крови.

того, что Варнахаръ измѣнилъ Брунегильдѣ, не слѣдуетъ еще, что не она или не король, внукъ ея, сдѣлали его мэромъ [1]. Этотъ человѣкъ, перейдя на сторону Хлотара II, потребовалъ, чтобы должность мэра была оставлена за нимъ; онъ потребовалъ даже, чтобы новый повелитель поклялся никогда не смѣщать его [2]. Остановимся на этой подробности: фактъ ясно доказываетъ, что и назначеніе, и смѣщеніе мэра зависѣли отъ одного короля; Варнахару не понадобилась бы клятва короля въ томъ, что онъ не уволитъ его, если бы право это не принадлежало королю; если же король имѣлъ право отставлять палатнаго мэра отъ должности, то тѣмъ болѣе имѣлъ онъ право назначать его.

Во дворцѣ не было ни одного человѣка, который не зависѣлъ бы отъ короля, и который не былъ бы допущенъ въ составъ придворныхъ по его волѣ. Какъ же могъ быть назначаемъ инымъ способомъ глава всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ? Какимъ образомъ эти придворные, которые находились въ такомъ подчиненіи у короля и выражали ему такую покорность, могли сами избирать себѣ начальника? Трудно было бы понять такой порядокъ, если бы даже какой-нибудь текстъ указывалъ на его существованіе; тѣмъ менѣе можно предполагать его возможность, когда тексты говорятъ какъ разъ противное. Люди, составлявшіе дворецъ (*palatini*), были лишь слугами короля, связанными съ нимъ не только должностью, которую получили отъ него, но и данною ему клятвою личной зависимости.

[1] *Ibidem,* c. 40.

[2] *Ibidem,* 42: „Sacramento a Chlotario accepto, ne unquam vitae suae temporibus degradaretur“.

Начальникъ ихъ также не могъ быть по отношенію къ королю ни чѣмъ инымъ, какъ служилымъ человѣкомъ. Онъ распоряжался другими только какъ представитель своего господина; онъ награждалъ и наказывалъ ихъ, но такою властью онъ пользовался лишь по волѣ своего господина и примѣнялъ ее отъ его имени[1]. Обратить мэра въ выборнаго отъ дворцоваго персонала для защиты его интересовъ противъ короля, рисовать его представителемъ аристократіи и противникомъ монархической власти — значило бы влагать въ сознаніе людей того времени слишкомъ утонченную политику, которая не соотвѣтствовала ихъ развитію и потребностямъ. Подобное построеніе можетъ казаться естественнымъ людямъ девятнадцатаго вѣка; сомнительно, чтобы такая мысль могла прійти въ голову людямъ шестого.

До царствованія Дагоберта и Хлодовеха II въ должности *maior domus* люди признавали только первое лицо королевскаго дворца, то-есть, главнаго и довѣреннаго чиновника короля. Самъ Дагобертъ возвелъ Эрхиноальда въ званіе мэра Нейстріи[2]. Когда онъ сдѣлалъ сына своего Сигеберта королемъ Австразіи, онъ также указалъ на того, кто долженъ былъ «управлять дворцомъ и королевствомъ»[3], и избралъ Адалгиза.

[1] Вотъ, какъ характеризуетъ мэра авторъ *Exhortatio ad Francorum regem*: „Illum, qui post re palatium tuum regit“.—Составитель житія св. Батильды, бывшій современникомъ разсказываемыхъ имъ событій, называетъ Эрхиноальда—princeps Francorum, первымъ изъ Франковъ, (см. гл 2), но онъ называетъ его также—minister regis, слугою короля (гл. 3).

[2] *Gesta regum Francorum*, 42: „Eo tempore, defuncto Gundoaldo maiore domus inclyto, Dagobertus rex Erconoaldum virum illustrem in maioremdomatus statuit“.

[3] *Gesta Dagoberti*, 31: „Dagobertus filium suum Sigibertum in regno Austriae sublimavit... et Adalgisum ducem palatii ad regnum gubernandum instituit“.—То же самое повторяется позже въ *Gesta regum Francorum*, 43: „Post haec Sigibertus rex Austrasiorum, Pippino defuncto, Grimoaldum filium eius in maiorem domatus statuit“.—Эгингардъ сообщаетъ, что мэры избирались „a populo“; но онъ писалъ 80 лѣтъ спустя послѣ того, какъ институтъ этотъ перестaлъ существовать, причемъ къ фактамъ меровингскаго періода онъ относился небрежно и былъ очень мало свѣдущъ въ исторіи этого времени. То, что онъ говоритъ въ началѣ своей *Vita Caroli* о палатныхъ мэрахъ, не что иное какъ родъ легенды, которою Каролинги замѣнили дѣйствительность; мы покажемъ это въ другомъ мѣстѣ. Достовѣрно же для меровингскаго періода то, что для назначенія мэра никогда не собирался народъ (*populus*), какъ бы ни понимали мы это слово.

Таково, разумѣется, было общее правило. На практикѣ оно претерпѣвало нѣкоторыя колебанія. Легко могло случиться, что при малолѣтствѣ королей нѣсколько наиболѣе знатныхъ лицъ дворца, войдя въ соглашеніе, указывали ему на выборъ, который онъ долженъ сдѣлать, или сами дѣлали за него этотъ выборъ. Подобныя вещи могли происходить даже при совершеннолѣтнихъ короляхъ. Естественно предположить, что во главѣ своего дворца король не могъ ставить человѣка, къ которому весь дворецъ относился бы враждебно. Онъ вызвалъ бы этимъ заговоръ и насиліе противъ мэра, какъ это и случилось съ Протадіемъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что, въ силу установившагося обычая, король не совершалъ никакого сколько-нибудь важнаго дѣйствія, не посовѣтовавшись съ «своими оптиматами». Мы можемъ, слѣдовательно, допустить, что онъ совѣщался съ ними и при выборѣ мэра. Выборъ этотъ производился, безъ сомнѣнія, королемъ, но въ его совѣтѣ.

Такъ объясняется, что Хлотаръ II, въ моментъ

высшаго расцвѣта своего могущества, созвалъ знатныхъ Бургундіи и спросилъ у нихъ, желаютъ ли они имѣть новаго палатнаго мэра на мѣсто только что умершаго. Знатные отвѣтили отрицательно, что соотвѣтствовало и политикѣ короля, и съ тѣхъ поръ не было уже особаго мэра въ Бургундіи [1]. Подобнымъ же образомъ объясняется и то обстоятельство, что, желая сдѣлать мэромъ Флаохата, королева-мать Нантгильда собрала епископовъ и знатныхъ страны и спросила мнѣніе каждаго изъ нихъ [1]. Поступокъ этотъ вовсе не подтверждаетъ, чтобы избраніе мэра по праву принадлежало знатнымъ; хроникеръ самъ указываетъ очень ясно на то, что именно правительница выбрала новаго мэра и самостоятельно назначила его.

Позже положеніе вещей измѣнилось. Въ послѣд-

[1] *Ibidem*, c. 89: „Omnes seniores, pontifices, duces et primates de regno Burgundiae ad se venire praecepit, ibique cunctos singillatim attrahens, Flaochatum genere Francum maiorem domus in regnum Burgundiae electione pontificum, et cunctis ducibus, a Nanthilde regina in hoc gradu honoris stabilitur“.—Выше мы уже видѣли, что слово *electio* плохо передается словомъ „избраніе“ въ современномъ значеніи; это—неясный терминъ, просто указывающій въ данномъ случаѣ на согласіе, данное каждымъ изъ епископовъ и герцоговъ.

[2] *Fregedar.* Chronicon, c. 54: „Chlotarius cum proceribus et leudibus Burgundiae Trecassis coniungitur, cum eorum esset sollicitus si vellent, decesso Warnachario, alium (ad) eius honoris gradum sublimare; sed omnes unanimiter denegantes, nequaquam se velle maiorem domus eligere, regis gratiam obnixe petentes cum rege transigere“.—Это не было возстаніе противъ мэріи, какъ предполагали нѣкоторые; Хлотаръ II былъ очень радъ, конечно, освободиться отъ Варнахара и отъ сына его, Година; что же касается знатныхъ Бургундіи, то они желали быть въ прямой зависимости отъ короля, безъ посредника. Немного спустя, мэрія была возстановлена въ пользу Флаохата.

ней трети седьмого вѣка отношенія между персоналомъ дворца и королемъ стали другими. Развитіе системы бенефиціальныхъ пожалованій поставило мэра въ новыя условія. Благодаря установленію такого пагубнаго для государства обычая, разразились междоусобія, и дворецъ захватилъ фактически въ свои руки избраніе не только мэра, но и самого короля. Еще позже мэръ сдѣлался вполнѣ независимымъ лицомъ; въ концѣ концовъ онъ завладѣлъ трономъ. Но надо понимать, что въ первыя три четверти меровингскаго періода дворецъ былъ только собраніемъ служилыхъ людей короля и палатный мэръ—только тѣмъ изъ нихъ, на кого было возложено королемъ отъ его имени начальствованіе надъ всѣми остальными.

Должность палатнаго мэра не была институтомъ, исключительно присущимъ франкской монархіи. Ее можно найти и у Бургундовъ, и у Остготовъ Италіи, и у Вандаловъ, и у Вестготовъ, даже у Лонгобардовъ [1]. Особенность франкскаго государства составляетъ только то, что должность мэра становится здѣсь въ результатѣ во главѣ управленія. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не достигаетъ она высшей власти. Слишкомъ долго было бы отыскивать всѣ причины этихъ различій въ общественномъ строѣ указанныхъ народовъ. Главная изъ нихъ заключается въ томъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ было нѣ-

[1] *Lex Burgundionum*, praefatio.—Cfr. c. CVIII (Pertz, Leges III, 577): „Maiores domus“.—*Ennodius*, Vita Epiphanii, 46: „Virum illustrissimum Urbicum, qui universa palatii onera sustentat“.—Cfr. *Cassiod.* Var. X, 18.—*Lex Wisigothorum*, VI, 1, 7: „Maiores palatii“.—Ср. *Chronicon Maximi*, 590 г. „Helladius illustrissimus aulae comes“.—См. также лонгобардскія хартіи въ *Patrologia latina*, t. LXXXVII, p. 1360 и 1399.

сколько мэровъ заразъ, а въ другихъ наряду съ мэромъ и даже надъ нимъ стояли еще другіе, высшіе сановники. Въ томъ и другомъ случаѣ власть раздѣлялась, и ни одинъ приближенный слуга короля не могъ сдѣлаться сильнѣе его. Одни франкскіе монархи впали въ такую ошибку, учредили себѣ единаго главнаго совѣтника; несовершеннолѣтія королей, а позднѣе междоусобія сдѣлали ошибку эту непоправимою.

ГЛАВА X.

Областное управленіе.

До сихъ поръ мы изслѣдовали устройство центральнаго управленія въ монархіи Меровинговъ, то-есть, организацію королевской власти и дворца; теперь надобно изслѣдовать, какими способами дѣйствовала эта власть на населеніе, то-есть, какъ управляла она имъ. Форма управленія—одна изъ тѣхъ сторонъ въ жизни всякаго общества, которую особенно важно изучать, потому что именно черезъ администрацію правительство соприкасается съ подданными,—этимъ путемъ проникаетъ оно въ жизнь людей.

I.

Административныя дѣленія франкскаго государства въ меровингскую эпоху.

Прежде чѣмъ показать, что такое былъ областной намѣстникъ меровингской эпохи, надобно установить, какая административная единица сдѣлалась тогда основаніемъ провинціальнаго дѣленія страны. Франкскіе короли нашли въ Галліи выработанную систему введенныхъ тамъ Римлянами административныхъ округовъ, къ которой населеніе давно ужъ привыкло. Мы напомнимъ сейчасъ, какова была эта система съ тѣмъ, чтобы далѣе можно было убѣдиться, измѣнили ли въ ней что-нибудь франкскіе короли.

Римская Галлія составляла до варварскихъ нашествій часть болѣе обширнаго чѣмъ она сама комплекса областей, который носилъ, впрочемъ, названіе галльской префектуры. Послѣдняя распадалась на провинціи, большія территоріи, которыхъ во всей префектурѣ было семнадцать. Каждая провинція подраздѣлялась въ свою очередь на муниципальные округи, *civitates*, также занимавшіе довольно значительную площадь и въ то время совпадавшіе съ церковными епархіями; число ихъ равнялась ста двѣнадцати[1]. Наконецъ, территорія каждой *civitas* заключала въ себѣ неопредѣленное количество волостей, *pagi*[2], и селеній, *vici*. Эти волости и селенія, хотя они имѣли своихъ мѣстныхъ начальниковъ, не представляли собою независимыхъ по отношенію къ центральной власти област-

[1] См. *Notitia dignitatum et administrationum imperii*, изд. *Boecking*, 1853; изд. *Seeck*, 1876.—*Notitia provinciarum vel civitatum Galliae* у *Bouquet*, I, 122 и II, 8.—Ср. *Longnon*, Géographie de la Gaule au sixième siècle, стр. 2, и *Brambach*, Notitia prov. et civit. Galliae, 1868.

[2] Въ Галліи существовали *pagi* до римскаго завоеванія. См. *Caesar*, De bello gall. I, 12; I, 27; VI, 11.—Плиній во времена Имперіи называетъ нѣсколько галльскихъ *pagi* (см. *Hist. nat.* III, 17; V, 17; XI, 42).—Нѣсколько *pagi* упоминается въ надписяхъ.—См. еще *Auson.* Epist. XXIII, 95: „Totque mea in Novero sibi proxima praedia pago“.—Ср. *Longnon*, Géogr. de la Gaule, p. 26, и *Deloche*, Etude sur la géographie historique de la Gaule, въ „Mémoires de l'Académie des Inscriptions“, Savants étrangers, t. IV, p. 373—380.

ныхъ единицъ: онѣ являлись составною частью муниципія. Соединеніе въ одномъ и томъ же цѣломъ города и деревни было одною изъ существенныхъ чертъ, характеризующихъ римскую систему административнаго дѣленія государства.

Существованіе префектуры Галліи прекратилось еще раньше прибытія въ страну Франковъ. Провинціи, какъ слишкомъ крупныя областныя дѣленія, также почти повсемѣстно исчезли тамъ до Хлодовеха. Во второй половинѣ пятаго вѣка, по крайней мѣрѣ, въ Галліи, за исключеніемъ нѣсколькихъ южныхъ частей ея, мы больше не находимъ ни *praesides*, ни *rectores*, то-есть, провинціальныхъ намѣстниковъ. Это объясняетъ тотъ фактъ, что и самое слово *provincia* потеряло на меровингскомъ языкѣ свое настоящее значеніе. Григорій Турскій придаетъ ему неопредѣленный смыслъ обозначенія вообще какой-нибудь мѣстности, и оно становится синонимомъ такого термина, какъ напримѣръ «край» [1]. Только въ церковномъ языкѣ сохраняетъ это слово прежнее опредѣленное значеніе. Старыя названія провинцій—*Belgica prima*, *Lugdunensis prima* и т. д.—выходятъ изъ употребленія. Они замѣняются новыми названіями образовавшихся тогда территорій, которыя или заимствуются у новопришедшихъ народовъ, какъ *Francia*, *Burgundia*, *Britannia*, или выражаютъ только чисто географическое понятіе, какъ *Neustria*, *Austrasia;* лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжаютъ существовать прежнія названія, какъ *Aquitania*, *Provincia*. Терминъ *Gallia* остается въ употребленіи, но онъ получаетъ также исключительно географическое значеніе.

[1] *Greg. Tur.* IV, 48: „Theodebertus Lemovicinum, Cadurcinum vel reliquas illorum provincias pervadit“.

Итакъ, кромѣ муниципіевъ (*civitates*), Франки не нашли въ Галліи никакихъ другихъ живыхъ административныхъ дѣленій. Они сохранили ихъ и въ своемъ королевствѣ. *Civitates* много разъ упоминаются въ меровингскихъ текстахъ, какъ оффиціальныя дѣленія государственной территоріи. Изъ документовъ видно, что каждое королевство распадалось на области, именовавшіяся *civitates*. Сами короли постоянно упоминаютъ о «civitates», которыя имъ принадлежатъ. Одинъ изъ королей, говоря о врагахъ своихъ, сказалъ: «Они хотятъ отнять у меня мое королевство и раздѣлить между собой мои области» [1]. Объявляя Хильдеберта своимъ наслѣдникомъ, Гунтрамнъ пояснилъ: «двѣ или три области я дамъ все-таки Хлотару» [2]. А вотъ и оффиціальный актъ, подлинникъ котораго у нас имѣется: это—анделотскій договоръ. Въ немъ говорится «о парижской области со всею ея территоріей и населеніемъ»; тамъ же упоминаются области Санлиса, Мо, Тура, Пуатье, Авранша, Лиможа, Бордо, Кагора, Альби и др. [3]. Это тѣ же

[1] *Greg.* VII, 6: „Ut me a regno depulso, civitates meas inter se dividerent“.—

Мы переводимъ „*civitas*“ въ меровингское время словомъ „область“, такъ какъ она тогда потеряла свое „муниципальное“ значеніе; такъ какъ рядомъ съ этимъ „*provincia*“ исчезла, то неясности въ терминологіи отъ этого получиться не можетъ.

Прим. ред.

[2] *Greg.* IX, 20: „Dabo Chlotario duas aut tres civitates“.— Замѣтьте, что Григорій передаетъ тутъ слова, сказанныя ему лично королемъ Гунтрамнэмъ.—Для обозначенія территорій, принадлежащихъ тому или другому королю, Григорій всегда говоритъ *civitates*. См. напр. VI, 12: „Cunctas civitates, quae in parte illa ad regem Guntchramnum aspiciebant“.—VII, 7: „Exigentes sacramenta per civitates, quae ad Chilpericum adspexerant“.

[3] *Greg.* IX, 20: „Tertiam portionem de Parisiensi civitate cum

«civitates», которыя существовали въ четвертомъ вѣкѣ въ римской Галліи въ качествѣ «муниципальныхъ общинъ».

Эти области, главный городъ которыхъ всегда является довольно значительнымъ, носили, такимъ образомъ, тѣ же названія, что и до прихода Франковъ; за рѣдкими исключеніями, онѣ занимали и то же пространство, что и раньше. По различнымъ причинамъ, нѣкоторыя изъ нихъ оказались со временемъ раздѣленными на двѣ части[2], такъ что общее число ихъ должно было увеличиться на нѣсколько единицъ; но можно сказать, что въ общемъ и при франкскомъ владычествѣ *civitates* остались такими же, какими были въ римской Имперіи.

Надо тутъ отмѣтить два весьма существенныхъ факта: во-первыхъ, какъ сейчасъ сказано, короли франкскіе сохранили административное дѣленіе страны на *civitates* и не создали никакого новаго; во-вторыхъ, въ каждой *civitas* единство города съ деревней не распалось. Такое соединеніе ихъ въ одно цѣлое, которое могло бы показаться варварамъ искусственнымъ и слишкомъ мудренымъ, однако осталось въ полной силѣ. Галло-римская *civitas* не подверглась

terminis et populo suo... Civitates Meldis et duas partes de Silvanectis; Turonis, Pictavis, Abrincatas, Vico Iulii, Consorannis, Lapurdo et Albige... De civitatibus vero Burdegala, Lemovica, Cadurcus, Benarno et Begorra..."

[2] Уже въ римской Имперіи третьяго и четвертаго вѣка замѣтно было стремленіе городовъ, становившихся крупными, отдѣляться отъ прежнихъ областей и образовывать кругомъ себя самостоятельныя области. Вотъ почему число галльскихъ *civitates* возросло уже во времена Имперіи съ 80 до 102. То же движеніе въ его цѣломъ продолжалось и при франкскихъ короляхъ, но не въ такой степени, чтобы оно могло разрушить установившуюся систему „civitates".

разложенію подъ вліяніемъ Франковъ: они не отдѣлили городовъ отъ сельскихъ территорій[1]. Нѣкоторые новѣйшіе ученые предположили, что результатомъ германскаго нашествія была именно дифференціація деревни отъ города и пріобрѣтеніе первою преобладанія въ соціальной жизни. Но вся эта теорія, которую не подтверждаютъ тексты, лишена фактическаго основанія. Она даже прямо подрывается тѣмъ достовѣрнымъ и неопровержимымъ фактомъ, что округъ—*civitas* сохранился, какъ административное дѣленіе новаго государства, что главный городъ остался областнымъ центромъ территоріи, и что онъ сдѣлался мѣстопребываніемъ провинціальныхъ чиновниковъ франкскихъ королей.

Вмѣстѣ съ *civitates* документы меровингской эпохи часто упоминаютъ также и *pagi*. Но слѣдуетъ прежде всего убѣдиться, что и эти *pagi*, или волости, не являются созданіемъ новопришельцевъ: это — старые галльскіе и галло-римскіе *pagi*. При императорахъ *pagi* эти не были, какъ указано, оффиціальными ступенями имперской областной администраціи. Они не сдѣла-

[1] На языкѣ меровингской эпохи *civitas* обозначается иногда словами *territorium*, или *terminus*. Григорій Турскій говоритъ: „territorium Tricassinum", „territorium Augustodunense", „urbis Cenomannis territorium". Онъ говоритъ также: „terminus Turonicus", „terminus Pictavus", „terminus Lemovicinus".—Епископъ Бертрамнъ употребляетъ въ своемъ завѣщаніи слово *territorium*: „Territorium Burdegalense", „terrirorium Cenomannicum"—Все это—однозначущіе термины; но *civitas* долгое время остается оффиціальнымъ.—Интересно, что уже тогда пользуются географическими наименованіями, сдѣлавшимися впослѣдствіи названіями французскихъ провинцій; говорятъ *Lemovicinum*:—это будущее „le Limousin" (*Greg*. VII, 10); *Tolosanum*—„le pays de Toulouse" (VIII, 39); *Turonicum*—„la Touraine" (VI, 31); *Pictavum*—„le Poitou" (X, 21) и т. д.

лись также оффиціальными дѣленіями при франкскихъ короляхъ.

Полезно будетъ присмотрѣться къ употребленію въ текстахъ термина «pagus». Мы можемъ найти при этомъ драгоцѣнныя указанія для выясненія занимающаго насъ вопроса. Первое, что поражаетъ насъ, это то, что данное слово пріобрѣтаетъ въ изучаемую эпоху два очень различныхъ значенія. Григорій Турскій, напримѣръ, часто примѣняетъ его къ округу, къ части территоріи области—*civitas*: тогда это старый галльскій или римскій *pagus*[1]. Въ другихъ же случаяхъ, и также очень часто онъ примѣняетъ его къ цѣлой территоріи области; говоря *pagus Turonicus*, онъ подразумѣваетъ всю область (*civitas*) Тура; его *pagus Suessionicus*—это часто вся *civitas Suessionum*; равнымъ образомъ, когда онъ говорилъ *pagus Pictavensis*, *pagus Remensis*, *pagus Tolosanus*, *pagus Tornacensis*, онъ подразумѣваетъ не мелкія волости, а большіе округа городовъ Реймса, Пуатье, Тулузы и Турнэ[2].

[1] Въ слѣдующихъ примѣрахъ слово имѣетъ, очевидно, значеніе части области. *Greg. Tur.* De gloria confess. 7: „Nobiliacensis pagus urbis Turonicae“.—*Hist.* IX, 19: „Vosagensem territorii Biturigi pagum“. — *De gloria martyrum* I, 48: „Brivatensis pagi in Arverno territorio“. — *Mirac. S. Martini* II, 48: „Pagus Carnotensis, qui in Andegavo territorio habetur“.—*Ibidem*, II, 13: „Ex Turonica civitate de pago trans Ligerim“.—Григорій упоминаетъ также другіе маленькіе *pagi*, „pagus Berravensis“ (*Hist.* VI, 12); „pagus Iciodorensis“, называемый имъ также *vicus* (ср. *Hist.* VI, VII, 12 и *De gloria confess.* 30); „pagus Balbiacensis“ (*Mirac. S. Martini*, II, 16);„ pagus Lipidiacensis“ (*Vitae Patrum*, XIII, 3).

[2] *Greg.* VI, 34: „Chilperico egresso de Parisiis, ut in pago Suessionico accederet“.—*Ibidem*, VIII, 30 in fine: „Ex pago Tholosano maximam partem depopulatus est“.—*Vitae Patrum*, IV, 2: „pagus Remensis“.—*Mirac. S. Martini*, IV, 26: „pagus Pictavensis“.—*De gloria confess.* 17: „pagus Turonicus“. — *Hist.* V, 49 (50): „in pago Tornacensi“.—Надо замѣтить притомъ, что слово *pagus* въ этихъ примѣрахъ становится на меровингскомъ языкѣ довольно неяснымъ терминомъ; оно принимаетъ различныя значенія, придаваемыя теперь во французскомъ языкѣ слову *pays*. Оно говорится и о поселеніи, и объ области. Григорій употребляетъ его иногда въ смыслѣ „деревни“ въ противоположность „городу“. Примѣры. см. *Hist.* V, 14 и VIII, 18. Таковъ же смыслъ его въ нѣкоторыхъ грамотахъ (см. напр. *Pardessus*, № 247).

Относительно словоупотребленія въ грамотахъ частныхъ лицъ можно сдѣлать то же замѣчаніе: мы находимъ въ нихъ указанія то на *pagi*, составлявшіе лишь части областей[1], то на такіе, которые обнимали цѣлую область; послѣднее встрѣчается гораздо чаще; въ нихъ читается, напримѣръ, *pagus Arvernicus*, *pagus Lemovicus*, *pagus Lingonicus*,—это большіе бывшіе муниципіи (Оверни, Лиможа, Лангра)[2]. То же самое можно повторить о сборникахъ актовыхъ формулъ. Въ овернскихъ формулахъ страна эта называется *pagus Arvernicus*[3], а въ буржскомъ сборникѣ выраженіе *pagus Bituricus* обозначаетъ всю территорію «*civitas Bituricorum*»[4]. Такимъ образомъ, мы видимъ,

[1] *Pardessus*, № 257: „In pago Kalense“; это нынѣшній шелльскій округъ (canton de Chelles).—№ 177: „In pago Alavodiense“.—№ 514: „In pago Amavorum“.—№ 540: „In pago Bedense“.—№ 256: „Pagus Latiscensis“.

[2] *Pardessus*, № 177: „In pago Avernico, in pago Lemovico, in pago Miglidunense“.—№ 196: „In pago Lugdunense“.—№ 256: „In pago Lingonico“.—№ 273: „Pagus Autissiodorensis, pagus Tricassinus, pagus Betoricus“.—№ 257: „In pago Parisiaco“.

[3] *Formulae Arvernenses*, № 6: „In pago Arvernico, in vico illo“.

[4] *Formulae Bituricenses*, №№ 7 и 15: „In pago Biturico in vicarias illas“.—Въ формулахъ большею частью только говорится, „in pago *illo*“, въ такомъ-то „пагѣ“; собственное имя долженъ былъ проставлять составитель отдѣльнаго акта.

что, не теряя прежняго значенія «волости», слово *pagus* получило новое значеніе и сдѣлалось синонимомъ «*civitas*». Если далѣе разсмотрѣть королевскія грамоты и акты, вышедшіе изъ меровингской канцеляріи, то можно замѣтить, что слово *pagus* встрѣчается часто и всегда почти употребляется въ болѣе широкомъ значеніи. Оно примѣняется не къ простымъ округамъ, а къ областямъ: *pagus Cenomannicus*, *pagus Lingonicus*, *pagus Pictavensis*, *pagus Bituricus*, *pagus Ambianensis*, *pagus Turonensis*[1] и т. д. Какой же выводъ можемъ мы извлечь изъ этихъ замѣчаній? Совершенно ясно, что въ обыкновенномъ языкѣ и, еще болѣе того, на языкѣ оффиціальномъ *pagus* смѣшался съ большою *civitas*[2]. Въ народныхъ обычаяхъ

[1] *Pardessus*, № 103: „In pagis Lugdunensi, Viennensi, Gratianopolitano, Genevensi". — №№ 117 135: „In pago Cenomannico".—№ 162: „In pago Milidunense".—№ 259: „In pago Pictavensi, in Turonico pago".—№ 265: „In pago Biturico".—№ 268: „In pago Stampensi" (Этампъ сдѣлался главнымъ городомъ графства).—№ 269: „In pago Parisiaco".—№ 271: „In pago Aurelianensi."—№ 284: „In pago Belvacensi".—№ 289: „In pago Turonensi".—№ 291: „In pago Parisiaco".—№ 316: „In pago Remense".—№ 336: „In pago Ambianense, in pago Atrebatense".—Но такъ какъ въ жизни не бываетъ ничего безусловнаго, то въ грамотѣ 663 года мы встрѣчаемъ въ видѣ исключенія „pagus Elariacensis", бывшій частью Лангрской области (*Pardessus*, № 344, т. II, стр. 132). Грамота № 285 (*Ibid.*) упоминаетъ такой же „pagus Velcassinus".

[2] Причиною того, что слово *pagus* замѣнило *civitas*, было то обстоятельство, что послѣдній терминъ получилъ въ эту эпоху болѣе ограниченное значеніе: по новому обычаю его стали примѣнять теперь не къ цѣлой территоріи области, а только къ ея главному городу. Можно привести въ видѣ примѣровъ *Diplomata*, ed. Pardessus, № 247: „Neque intra civitatem Parisius neque ad foras in ipso pago".—Въ завѣщаніи Бертрамна „civitas" имѣетъ значеніе „urbs" (*Diplomata*, Pardessus, I, p. 200, 204, 207). Во

и потому въ деревенской рѣчи сохранился еще *pagus*—волость; въ употребленіи же оффиціальномъ и въ административномъ отношеніи существуетъ только *pagus*—провинція, область. Это подтверждаетъ сказанное нами выше: прежняя муниципальная территорія (*civitas*)—единственное и настоящее административное дѣленіе франкскаго королевства. Поэтому мы и замѣчаемъ, что въ грамотѣ, которою назначается графъ, подъ именемъ *pagus* разумѣется та область, которая входитъ въ подвѣдомственное ему управленіе; графъ же, какъ мы увидимъ, стоялъ во главѣ *civitas*, а не *pagus*[1].

Въ нѣкоторыхъ текстахъ находимъ какое-то территоріальное подраздѣленіе, носящее названіе *condita*. Но существуетъ оно въ немногихъ только западныхъ

всякомъ случаѣ надо замѣтить, что словомъ „civitas" обозначаются лишь главные города области.—См. *Marculf.* II, 20: „Infra muros civitatis illius".—Меровингскій языкъ такъ мало еще сложился, что въ смыслѣ *civitas*—область употребляется иногда слово *urbs* даже Григоріемъ Турскимъ. См. *De gloria confess.* 7: „Nobiliacensis pagus urbis Turonicae".—*Ibidem*, 22: „Ad castrum Cainonense (нын. Chinon) urbis Turonicae".

[1] *Formul. Marculf.* I, 8: „Ideo tibi actionem comitiae... in pago illo, quem antecessor tuus visus est egisse, tibi commisimus".—Въ формулѣ „tam in pago quam in palatio", встрѣчаемой нами у Маркульфа (praefatio), въ сборникѣ анжуйскихъ формулъ (№ 52) и въ сборникѣ сансскихъ формулъ (№ 13)—„in pago" значитъ „in comitatu"—въ вѣдомствѣ графа; сферою же компетенціи графа, какъ мы увидимъ, является не что иное, какъ древняя *civitas*, а потому также *in pago*—синонимично съ *in civitate*.—Привычное меровингскому стилю многословіе производитъ часто выраженіе—*pagos vel civitates*. См. *Fredeg.* Chron. 24: „Bertoaldum per *pagos et civitates* fiscum inquirendum dirigunt".—*Supplem. ad Marculfum* (Zeumer, p. 112): „In nullis civitatibus aut pagis".—Фредегарій говоритъ также (въ VI гл.): „pagum Tolosanum, Cathorcinum, Agennensem, Santonicum". Каждый изъ этихъ *pagi* есть *civitas*.

провинціяхъ Галліи; оно упоминается лишь въ анжерскомъ и турскомъ сборникѣ формулъ. Топографія помѣстья опредѣляется тамъ слѣдующаго рода выраженіями: вилла, расположенная въ такомъ-то *pagus*, въ такой-то *condita*, носящая такое-то названіе[1]. Формулы эти, собранныя вѣроятно, въ шестомъ вѣкѣ, воспроизводятъ болѣе древніе обычаи и повторяютъ термины, сложившіеся, быть можетъ, до варварскихъ вторженій. У насъ нѣтъ, впрочемъ, никакого указанія на природу и величину этихъ *conditae*[2]. Съ увѣренностью можно сказать именно лишь то, что встрѣчаемъ мы ихъ въ небольшой только западной части Галліи, и что о нихъ не упоминается ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ, ни въ одной грамотѣ, вышедшей изъ меровингской королевской канцеляріи. Онѣ не были оффиціальнымъ административнымъ округомъ, а являлись только народнымъ дѣленіемъ страны[3].

[1] *Formulae Turonenses*, № 1: „In pago illo, in condita illa".— № 4: „Villa iuris mei nuncupante illa, sitam in pago illo, in condita illa".—№ 5: „Rem proprietatis meae sitam in pago illo, in condita illa, in loco nuncupante illo".—То же самое въ №№ 6, 7 и 37.—*Formulae Andegavenses*, № 38: „Vicinos circa manentes de ipsa condita".—Ср. *Formulae Lindenbrogianae*, № 26 (Rozière, № 320): „Res nostras, quae sunt in pago illo, in condita illa, in loco qui vocatur sic".—*Ibidem*, № 25 (Rozière, № 341): „In pago illo, in conditas et fines illas".—Одна хартія 718 года, относящаяся къ Котантинскому краю (le Cotentin) гласитъ: „In pago Constantino, in condeda Quasnacense" (*Pardessus*, t. II, p. 450).

[2] *Sohm* полагаетъ, что *condita* есть слово кельтскаго происхожденія, и что она аналогична съ германскою *centena* („Reichs- und Gerichtsverfassung", стр. 196).

[3] Старинное дѣленіе *pagus* на *conditae* сохранилось такимъ образомъ нѣкоторое время на западѣ Галліи; его можно встрѣтить въ нынѣшнемъ округѣ Манса, гдѣ одинъ околотокъ назывался *condita Diablintica*, нынѣ Jublains (*Vita Dumnoli*, c. 8, у Болландистовъ, 16 мая; житіе это написано, какъ кажется, въ седьмомъ вѣкѣ); извѣстны также *condita Sagonnensis* (*Vita Rigomeri*, c. 4, у Болландистовъ, 24 августа) и *condita Noviacensis*, обѣ въ Манской епархіи (*Gesta Aldrici*, c. 36).—*Condita* встрѣчается также въ Бретани (см. *Courson*, Cartulaire de Redon, стр. 644, 687 и 688) и въ Котантинѣ (*Pardessus*, Diplomata, т. II, стр. 450). Въ одномъ актѣ 674 года можно также видѣть *condita Labrocensis* и *condita Siliacensis*, обѣ въ Манской землѣ (*Sickel*, Regesta Caroli, № 22).

Существовали ли въ франкскомъ королевствѣ территоріальныя подраздѣленія, называемыя сотнями, *centenae*? Для нѣкоторыхъ ученыхъ тутъ не можетъ быть вопроса; существованіе сотенъ они принимаютъ, такъ сказать, за аксіому, необходимую для пониманія административнаго устройства франкскаго государства. Изученіе текстовъ внушаетъ мнѣ, однако, нѣкоторыя сомнѣнія въ правильности такого воззрѣнія. Ни въ одной грамотѣ шестого и седьмого вѣка не нахожу я упоминанія о сотнѣ (*centena*); положеніе помѣстья никогда не опредѣляется въ формулахъ того времени выраженіемъ — „in centena illa"[1]; франкскія Правды не говорятъ о сотняхъ[2], и хроникеры никогда не употребляютъ этого термина. Существуетъ, однако, два капитулярія, сохраненные намъ переписчи-

[1] Первая формула, въ которой я встрѣчаю слова—*in pago illo, in centena illa*,—находится въ сборникѣ *Bignonianae*, № 29; но сборникъ этотъ относится къ восьмому только вѣку (см. *Zenmer*, стр. 227—228). Выраженіе это встрѣчается затѣмъ въ *Formulae Merkelianae*, №№ 1, 2, 3, 5, 6 и т. д. но и этотъ сборникъ относится къ каролингской эпохѣ.—Возможно, что сотни образовались постепенно въ седьмомъ и особенно въ восьмомъ вѣкѣ. Онѣ не упоминаются во всякомъ случаѣ ни въ анжуйскихъ формулахъ, ни въ турскихъ, ни въ буржскихъ, ни въ сансскихъ, ни въ сборникѣ Маркульфа. Одинъ разъ терминъ „сотня" встрѣчается въ фонтенельской хроникѣ.

[2] *Centena* упоминается только въ *Lex Alamanorum*, 36. Правда же эта возникла не раньше седьмого вѣка.

ками девятаго вѣка подъ именами королей Хлотара и Хильдеберта[1]. Въ обоихъ встрѣчается слово—сотня. Эти-то два указа побудили нѣкоторыхъ ученыхъ допустить существованіе сотенъ, какъ низшихъ административныхъ дѣленій франкскаго государства. Но должно было бы изслѣдовать, дѣйствительно ли эти сотни были территоріальными округами. Хлотаръ говоритъ: «Мы постановили, чтобы учреждены были сотни для преслѣдованія преступниковъ»[2]. Подобное выраженіе указываетъ на полицейскую мѣру и не имѣетъ никакого отношенія къ новому раздѣленію территоріи[3]. Король объявляетъ просто свое приказаніе, чтобы были учреждены сотни въ качествѣ орудія для разысканія и задержанія нарушителей общественнаго спокойствія. Сотни эти являются группами людей, а не территоріальными округами. Идетъ ли здѣсь рѣчь о полицейскихъ отрядахъ, или скорѣе объ ассоціаціяхъ земельныхъ собственниковъ, на которыхъ возлагалась охрана общественнаго порядка въ формѣ взаимопомощи при совмѣстномъ преслѣдованіи воровства и грабежей? При неясности самыхъ выраженій трудно рѣшить этотъ вопросъ съ увѣренностью; но наименѣе правдо-

[1] Указъ Хлотара (вѣроятно, Хлотара I) находится въ сборникѣ капитуляріевъ *Boretius*'а на стр. 3, и онъ помѣщенъ вслѣдъ за указомъ, принадлежащимъ Хильдеберту и Хлотару совмѣстно.— Въ томъ же сборникѣ см. *Childeberti decretio*, p. 15—17.

[2] „Decretum est, ut qui (quia?) ad vigilias constitutas nocturnas fures non caperent, eo quod per diversa intercedente conludio scelera sua praetermissas custodias exercerent, centenae fierent".

[3] Въ вышеприведенномъ отрывкѣ *centenae fierent* противопоставляется *vigiliae nocturnae*, которыя были установлены раньше. Король говоритъ, что *vigiliae nocturnae* не принесли ничего хорошаго, и онъ постановляетъ поэтому образовать *centenae*: „decretum est, ut centenae fierent". Одну полицейскую мѣру, признанную недостаточною, онъ замѣняетъ другою.

подобнымъ было бы здѣсь предположеніе, что король устанавливалъ приведенными эдиктами особыя административныя дѣленія. Къ тому же мы не знаемъ навѣрно, былъ ли приведенъ въ исполненіе этотъ указъ короля и образованы ли были на самомъ дѣлѣ сотни, «какъ это было постановлено королемъ».

Настоящія территоріальныя сотни появляются не раньше восьмого вѣка[1]. Нельзя, конечно, утверждать безусловно, чтобы ихъ не было и раньше въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Такъ какъ мы думаемъ, что сотни сложились понемногу и постепенно, скорѣе вслѣдствіе незамѣтнаго образованія въ населеніи новаго обычая, чѣмъ путемъ опредѣленнаго правительственнаго распоряженія, то намъ кажется очень возможнымъ, что прежде, чѣмъ стать правильнымъ и общимъ учрежденіемъ,—а это произошло лишь ко времени Карла Великаго,— сотни учреждались въ той или другой области въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей. Раньше восьмого вѣка онѣ не были, во всякомъ случаѣ, правильнымъ и общимъ учрежденіемъ[2].

[1] Таково также мнѣніе *Guérard*, Essai sur le système des divisions territoriales, стр. 54—57, и „Prolégomènes au polyptyque d'Irminon", p. 43—44. Ср. также *Alf. Jacobs*, Géographie de Grégoire de Tours, гл. 10.

[2] Зомъ думаетъ иначе (*Sohm*, „Reichs- und Gerichtsverfassung", стр. 6—7, 74, 192, 196). Согласно его мнѣнію, *centena* въ качествѣ административнаго и судебнаго дѣленія такъ же стара, какъ франкское государство. Воззрѣніе свое онъ, однако, основываетъ не на текстахъ, а на умозаключеніи. Найдя въ Салической Правдѣ слово *centenarius*, онъ говоритъ, что логика требуетъ вывода о необходимости существованія или появленія *centena* раньше, чѣмъ *centenarius*: такъ какъ были „сотники", то должны были быть и территоріальныя „сотни". Разсужденіе съ перваго взгляда кажется правильнымъ, что и вводитъ сначала читателя въ заблужденіе. Ясно, что филологически въ латинскомъ языкѣ слово *centena*

Мы не можемъ слѣдовать за нѣмецкими учеными въ созданныхъ ими историческихъ теоріяхъ. Они предполагаютъ, что въ административномъ и судебномъ отношеніи меровингское королевство было раздѣлено на небольшіе округи, *pagi*, которые они охотно называютъ германскимъ именемъ *Gau*, и что каждый такой округъ подраздѣлялся на сотни, которыя имъ нравится обозначать словомъ *Hundertschaft*[1]. Ничего

должно было предшествовать слову *centenarius*, но опредѣлить ходъ историческаго развитія франкскаго учрежденія на основаніи подобнаго наблюденія не такъ легко. Вовсе не достовѣрно, что слово *centenarius* обозначало начальника округа, называвшагося *centena*. Это—названіе чина или должности; оно аналогично съ *centurio*, попадающимся иногда въ источникахъ вмѣсто него (*Lex Baiuwariorum*, II, 5). У богатыхъ землевладѣльцевъ были *centenarii*, стоявшіе, во главѣ сотни слугъ или рабовъ (см. *Vita Germani Grandivallensis*, с. 10, Mabillon, Acta SS. II, 513). У короля могли быть *centenarii* и *decani* безъ того, чтобы территорія была раздѣлена на сотни и десятни, равно какъ и графы появились значительно раньше графствъ. *Comites* существуютъ при короляхъ съ самаго начала франкскаго государства, а *comitatus*, какъ территоріальное дѣленіе, появляется въ восьмомъ только вѣкѣ. Графъ создалъ названіе графства; быть можетъ, и *centenarius* вызвалъ образованіе сотни. Итакъ, аргументація Зома совсѣмъ невѣрна. Намъ думается, кромѣ того, что въ исторической наукѣ слѣдуетъ опираться на тексты, а не на разсужденія.—То, что мы говоримъ о *centena*, можно повторить о *vicaria*. Это слово раньше конца седьмого вѣка совсѣмъ не попадается намъ ни въ хартіяхъ, ни у писателей. Первый примѣръ его употребленія мы находимъ въ *Formulae Bituricenses*, № 15. О *vicaria*, какъ о территоріально-административномъ дѣленіи, намъ придется говорить только въ каролингскую эпоху; со времени Меровинговъ, однако, существуютъ должностныя лица *vicarii*, и мы сейчасъ скажемъ о нихъ.

1 См. въ особенности *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, 3-е изданіе, т. I, стр. 138—139, 216—221, 228 и т. II, 2-е изданіе, стр. 318—322. *Sohm*, Reichs- und Gerichtsverfassung, стр. 76, 192—196.—Можно также вспомнить гипотезы *Fahlbeck*, La royauté et le droit francs, стр. 138 французскаго изданія.

подобнаго не открываютъ намъ тексты, и вся эта стройная система [которая должна въ глазахъ «германистовъ» объяснить происхожденіе устройства франкскаго королевства изъ обычаевъ и порядковъ германской старины] *—чистый вымыселъ. Но исторія—наука; воображенію, логикѣ, предвзятымъ мнѣніямъ нѣтъ мѣста въ ней.

Нужно быть изумительно смѣлымъ, чтобы отожествлять меровингскій *pagus* съ старо-германскимъ *Gau* и насильственно вводить сотню въ изображеніе устройства франкскаго государства, чтобы получить въ немъ нѣчто сходное съ усматриваемой въ «Германіи» Тацита центеною—*Hundertschaft*. Создавшіе такія теоріи нѣмецкіе ученые показываютъ этимъ, что умъ ихъ порабощенъ мыслью о томъ, какъ бы доказать преобладаніе учрежденій первобытной Германіи въ исторіи образованія общественнаго строя средневѣковой Европы; идущіе же по ихъ стопамъ французскіе ученые обнаруживаютъ, что у нихъ мало критическаго чутья, и что они не вчитываются въ тексты. *Pagus* меровингской Галліи не имѣетъ ничего общаго съ германскимъ *Gau*, потому что «pagus» этотъ—или то же, что прежній римскій «pagus», или то же, что полная римская *civitas*, то-есть, муниципальная территорія. Что же касается попытки выводить «centena» изъ старой германской «сотни», то она основывается на двойной ошибкѣ, такъ какъ, во-первыхъ, Тацитъ нигдѣ не говоритъ о правильномъ раздѣленіи Германцевъ и ихъ земли на

* Слова, поставленныя въ скобкахъ, введены въ текстъ русскаго перевода для объясненія повода полемическаго отступленія, направленнаго противъ взглядовъ исторической школы, къ которой Ф. де-Куланжъ относился съ особенно рѣзкою критикою.
Прим. ред.

сотни[1], и, во-вторыхъ, сотни образовались въ Галліи только въ восьмомъ вѣкѣ.

Придерживаясь текстовъ—частныхъ актовъ и королевскихъ грамотъ,—мы находимъ одно только административное дѣленіе, именно дѣленіе на области. Измѣнчивый языкъ того времени называетъ ихъ сначала *civitates*, затѣмъ *pagi*, позднѣе *comitatus*. Подъ различными названіями этими, безспорно однозначащими, всегда подразумѣвается одна и та же территоріальная единица, одна и та же сфера компетенціи областного намѣстника. Это чисто римское дѣленіе было заботливо сохранено церковью, которая распредѣлила свои епархіи на основаніе той же системы «civitates». Населеніе привыкло къ ней. Королямъ оставалось только ее принять въ цѣляхъ устройства гражданскаго управленія.

Здѣсь особенно заслуживаетъ замѣчанія то обстоятельство, что франкскіе короли не установили особаго административнаго дѣленія для своихъ подданныхъ германскаго происхожденія. Такъ какъ были двѣ расы въ населеніи государства, то могли установиться также двѣ системы территоріальныхъ дѣленій. Документы показываютъ, однако, что ничего подобнаго не произошло. Не существовало особыхъ *civitates* для Римлянъ и *pagi* для Франковъ: Германцы и Римляне были соединены въ однѣхъ и тѣхъ же областяхъ, въ однихъ и тѣхъ же *pagi*, а когда образовались сотни, то мы не находимъ между ними съ одной стороны франкскихъ, съ другой—римскихъ сотенъ. Въ каждомъ округѣ страны были смѣшаны люди обѣихъ расъ[1].

[1] Вотъ мѣсто Тацита (*Germ.12*), въ которомъ субъективная мысль нѣкоторыхъ изслѣдователей усмотрѣла указаніе на территоріальныя сотни въ первобытной Германіи: „Centeni singulis (principibus) ex plebe comites adsunt“.—Кто умѣетъ правильно переводить, переведетъ: „Сто человѣкъ изъ народа совмѣстно (коллегіально) присутствуютъ на судѣ princeps'а“.—Гдѣ можно усмотрѣть тутъ существованіе географическихъ сотенъ? Вся система построена, однако, на этихъ единственныхъ словахъ.

2.

Областные графы.

Хлодовеху и его преемникамъ не пришлось изобрѣтать новаго порядка управленія подданными; имъ не пришлось также вводить въ Галліи устройства, вынесеннаго изъ древней Германіи: они сохранили то, что нашли въ Галліи установившимся. Поручать управленіе провинціями должностнымъ лицамъ, назначеннымъ центральною властью—такова была система, выработавшаяся въ Имперіи; франкскіе короли тотчасъ же усвоили этотъ принципъ. Провинціи ихъ управлялись не начальниками, выбранными населеніемъ, а уполномоченными королевской власти.

[1] Мы не хотимъ сказать, конечно, что нигдѣ не встрѣчалось отступленія отъ принятаго общаго порядка. Мы находимъ, напримѣръ, нѣсколько округовъ, въ которыхъ водворились германскія дружины или отряды, и которые приняли названіе этихъ послѣднихъ. Но это были рѣдкія исключенія. Мнѣ извѣстны только два примѣра: 1) *Otlinga Saxonia*, о которой говоритъ Григорій Турскій (V, 27; X, 9), и которая упоминается еще въ одномъ актѣ 843 года (*Tardif*, № 143); 2) *Theiphalia* въ *pagus Pictavensis* (см. у Григорія, *Hist.* V 7; *Vitae Patrum*, XV, 1).—Зомъ указываетъ еще третье исключеніе — *pagus Atoariorum* или *Atoariensis*, названіе котораго произошло будто бы отъ *Chattuarii* Тацита; но нигдѣ не сказано, чтобы Chattuarii водворились въ Галліи; Юліанъ разбилъ ихъ на правомъ берегу Рейна (*Ammian.* XX, 10, 2). Слишкомъ смѣло, я думаю, основывать географическое отожествленіе на простомъ внѣшнемъ сходствѣ двухъ словъ.

Римскіе императоры управляли своими подданными при помощи очень ограниченнаго числа чиновниковъ. Надо замѣтить во всякомъ случаѣ, что число это возростало съ теченіемъ времени. Вмѣсто четырехъ губернаторовъ провинцій во всей Галліи, какъ было въ началѣ Имперіи, въ четвертомъ вѣкѣ ихъ стало семнадцать; въ пятомъ вѣкѣ число это возросло еще болѣе. Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что Имперія ставила своихъ чиновниковъ не только во главѣ *provinciae*, но и въ простыхъ *civitates*[1]; и въ то время, какъ губернаторы провинцій носили титулъ *praesides*, *rectores* или *consulares*, начальники муниципальныхъ территорій назывались *comites*, откуда образовался позднѣйшій терминъ *comte*—графъ. Въ Галліи мы уже знаемъ, до прихода Германцевъ, одного comes Massiliensis[2] (въ Марсели), но полагаемъ, что было еще нѣсколько имперскихъ чиновниковъ того же званія въ муниципіяхъ. Сальвіанъ указываетъ на существованіе подобныхъ должностныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ

[1] Такъ Сидоній Аполлинарій пишетъ одному изъ своихъ друзей, по имени Атталу, только что поставленному во главѣ отенской общины: „Aeduae civitati te praesidere coepisse accepi“ (*Sidon.* Epist. V, 18, ed. Baret, V, 6, ad Attalum). Выраженіе *praesidere* могло примѣняться только къ чиновнику, назначавшемуся центральною властью. Ни одинъ муниципальный магистратъ не носилъ титула *praeses*.

[2] *Sidon. Apollin.* Epist. VII, 2 (ed. Baret, VII, 6), ad Graecum.—Онъ говоритъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ изъ числа своихъ друзей, который, думая поселиться въ Марсели, свелъ тамъ знакомство съ главными лицами, и именно съ начальникомъ города—*comes civitatis* („summatibus et comiti civitatis innotescere“). Мареель не принадлежала тогда ни Готамъ, ни Бургундамъ; она была имперскимъ городомъ. Въ посланіи епископа тульскаго Ауспиція около 470 года упоминается *comes* трирскій (*Patrologia latina*, t. LXI, p. 1005).

civitates, какъ на фактъ довольно обычный: онъ обозначаетъ ихъ неопредѣленнымъ названіемъ «начальниковъ»; очень возможно, что онъ имѣетъ въ виду такихъ «comites»[1]. Внѣ Галліи также встрѣчаются такіе *comites*, управлявшіе муниципіями, и въ числѣ собранныхъ Кассіодоромъ формулъ есть одна, касающаяся какъ разъ ихъ назначенія. Это позволяетъ допустить, что новый институтъ, не будучи всеобщимъ, не былъ, однако, вполнѣ исключительнымъ. Такимъ образомъ, можно подмѣтить, что въ самый моментъ германскихъ нашествій въ Имперіи совершалось административная реформа, состоявшая въ томъ, что и муниципальныя общины (*civitates*) мало-по-малу подчинялись управленію представителя центральной власти.

Реформа эта, начатая въ Имперіи, была продолжена и закончена германскими королями. У бургундскихъ королей были *comites civitatum* до Меровинговъ[2]; извѣстенъ одинъ изъ нихъ—Римлянинъ Григорій, въ теченіе сорока лѣтъ управлявшій отенскою общиною (*civitas Aeduorum*) приблизительно между 465 и 505 годами[3]. То же находимъ въ вестготскомъ коро-

[1] *Salvian.* De gubernatione Dei, III, 9 (ed. Halm, p. 33): „Templa atque altaria Dei minoris reverentiae quidam habent quam cuiuslibet minimi ac *municipalis iudicis* domum. Siquidem intra ianuas, non modo inlustrium potestatum (это префекты преторіи), sed etiam praesidum (губернаторы провинцій) aut *praepositorum* (низшіе начальники, вѣроятно, начальники муниципальныхъ территорій) non omnes passim intrare praesumunt, nisi quos iudex vocarit“.

[2] Въ бургундской Правдѣ находимъ подписи 32 comites; они упоминаются тамъ въ praefatio (2; 4) и въ главахъ XLIX-LXXVI, CVII (10; 13) и CVIII, изд. *Bluhme*, стр. 526, 553, 564, 576 и 577.

[3] *Greg. Tur.* Vitae Patrum, VII, 1: „Gregorius ex senatoribus primis, Augustodunensis civitatis comitatum ambivit; in comitatu

левствѣ[1]. Что же касается Франковъ, то существованіе *comites*, управляющихъ *civitates*, мы находимъ у нихъ со времени сыновей Хлодовеха[2], и мы можемъ допустить, безъ излишней смѣлости, что организація эта вела начало отъ самого Хлодовеха.

Въ многочисленныхъ разсказахъ своихъ Григорій Турскій очень ясно показываетъ намъ, что такое былъ меровингскій *comes*—графъ, по крайней мѣрѣ, въ шестомъ вѣкѣ. Изъ этихъ разсказовъ видно прежде всего, что уже въ каждой *civitas*, которая стала во франкскомъ королевствѣ на мѣстѣ провинціи, непремѣнно находился такой чиновникъ, и что онъ, пребывая обыкновенно въ главномъ городѣ, управлялъ всею территоріею бывшей *civitas*. Такими представляетъ намъ Григорій Турскій начальниковъ овернской[3] и оксеррской[4] областей. Онъ называетъ также comites въ Пуатье, Ангулемѣ, Турѣ, Руанѣ, Сентѣ, Мо, Орлеанѣ, Буржѣ, Анжерѣ, Бордо, Лиможѣ,

positus regionem illam per quadraginta annos, iustitia comitante, correxit, et tam severus fuit in malefactoribus, ut vix ei ullus reorum posset evadere".—Писатель передаетъ дальше, что этотъ Григорій послѣ того, какъ онъ 40 лѣтъ прослужилъ отенскимъ начальникомъ, въ теченіе 33 лѣтъ укрываясь въ качествѣ епископа лангрскою епархіею. Умеръ онъ 90 лѣтъ отъ рода около 538 года.

[1] *Lex Wisigothorum*, I, 12, antiqua; I, 17; I, 23 и т. д. См. *Lex romana Wisigothorum*, praefatio.—*Formul. Wisigoth.* № 39.

[2] *Greg. Tur.* IV, 13. Mirac. S. Martini, I, 24.—*Fortunat.* Vita Germani, p. 30.

[3] *Greg.* IV, 13: „Apud Arvernum... Firminum a comitatu urbis abegit et Salustium, Euvodi filium, subrogavit".—Извѣстно, что названіе этой области было не Клермонъ, а Арвернъ, *Arverna civitas* или *Arverna urbs*, такъ какъ Григорій употреблялъ часто *urbs* въ значеніи *civitas*.—*Ibidem*, IV, 35: „Firminus, qui in hac civitate comes positus fuerat".

[4] *Greg.* IV, 42: „Autissiodorensis urbis comitatum regebat".

Жеводанѣ, Отенѣ, Шалонѣ и Турнэ *. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ можемъ заключить, что *comites*—графовъ тогда уже было столько, сколько *civitates*—областей[1].

Правда, мы видимъ иногда, что меровингскій *comes* имѣлъ пребываніе въ городѣ, который не былъ раньше римскимъ муниципіемъ. Происходило это оттого, что съ теченіемъ времени нѣкоторые города стали центрами областей, потому ли, что они пріобрѣли новое значеніе, или вслѣдствіе раздѣла территоріи одной *civitas* между двумя королями. Если мы видимъ *comes* въ Шатоденѣ, который былъ въ Имперіи простымъ *castrum*[2], то потому, что городъ этотъ былъ отдѣленъ отъ шартрской области, къ которой раньше принадлежалъ[3]. По той же причинѣ находимъ мы

* Фюстель де-Куланжъ передаетъ названія городовъ того времени позднѣйшими французскими именами. Мы не нашли нужнымъ измѣнять въ русскомъ переводѣ этой системы, но сочли необходимымъ придерживаться германскаго начертанія именъ меровингскихъ королей. *Прим. ред.*

[1] *Greg.* V, 24: „In Pictavo civitate... Ennodium ex comitatu ad regis praesentiam perduxerunt".—V, 37 (alias 36): „Nanthinus, Ecolismensis comes".—V, 48: „Comes Turonis destinatur".—Miracula S. Martini, I, 24: „Alpinus comes Turonicae civitatis".—VI, 31: „Rotomagensem comitem".—VIII, 22: „Gundegisilum Santonicum comitem".—VI, 45: „Waddo, qui Santonicum rexerat comitatum".—VIII, 18: „Guntchramnus rex Theodulfum Andegavis comitem esse decrevit... Gundobaldus comitatum Meldensem accipiens".—VII, 13: „Willachario Aurelianensi comite".—VII, 38: „Ollone Biturigum comite".—VIII, 6: „Garacharius comes Burdegalensis".—VIII, 30: „Terentiolus comes urbis Lemovicinae".—IV, 40 (39): „Palladius comitatum in urbe Gabalitana promeruit".—De gloria martyrum, 54: „Gallus, Gabillonensis urbis comes". — De gloria martyrum, 78: „Gomacharius, comes Agathensis urbis".

[2] *Greg. Tur.* VII, 29: „Regressus ad Dunense castrum, comitem commonet".

[3] Случилось, это, повидимому, вслѣдствіе раздѣла королев-

мѣстопребываніе такого же должностного лица въ Меленѣ. Общее правило, очевидно, требовало, чтобы *comes* стоялъ во главѣ въ каждой *civitas*, обратившейся въ провинцію. Онъ управлялъ всею областью,—городомъ и территоріей. Главный городъ былъ его обычнымъ пребываніемъ и мѣстомъ, гдѣ сосредоточивалось его управленіе; отсюда власть его распространялась на мелкіе города (*castra*) и зависѣвшія отъ нихъ селенія[1].

Хотя выше и ниже *comes* или «графа» стояли другія должностныя лица, онъ былъ главнымъ и такъ сказать, «типичнымъ» представителемъ админи-

ства Хариберта. Пытались даже сдѣлать Шатоденъ центромъ особой церковной епархіи, но попытка эта оказалась непрочною. См. *Longnon*, Géographie de la Gaule, p. 31.

[1] Не слѣдуетъ заблуждаться насчетъ встрѣчающагося иногда выраженія *comes urbis*. Мы уже указывали, что въ безпорядочной меровингской терминологіи слово *urbs* употреблялось часто вмѣсто *civitas* и *civitas* вмѣсто *urbs*. Когда Григорій говоритъ, что какое-нибудь лицо—епископъ въ Пуатье, „urbis Pictavae episcopus“ (X, 15), онъ не хочетъ сказать, что епархія ограничивалась однимъ этимъ городомъ; совершенно также и тогда, когда онъ говоритъ, что какое-нибудь лицо было *comes* города Лиможа (VIII, 30), онъ вовсе не подразумѣваетъ, что „графство“ его ограничивается стѣнами города. Въ овернской формулѣ № 1 слова „urbe Arvernis“ обозначаютъ всю прежнюю „civitas Arvernorum“: „Ego commanens urbe Arvernis, in pago illo, in villa illa“ (*Zeumer*, p. 28).—Такое значеніе *urbs* хорошо замѣтно въ одномъ мѣстѣ Григорія (X, 8), гдѣ сказано „in confinio supradictarum urbium“ послѣ того, какъ раньше говорилось — „in confinio termini Arverni, Gabalitani atque Rutheni“; итакъ, то, что онъ называетъ *urbes*, это области—Овернь, Жеводанъ и Родеза.—То же самое (X, 5): „Cuppa, irrupto urbis Turonicae termino, pecora diripuit“.—Это смѣшеніе терминовъ не влечетъ за собою смѣшенія самыхъ предметовъ. Факты, которые мы разсмотримъ, ясно указываютъ, что *comes* управляетъ всею территоріей прежней области и постоянно объѣзжаетъ ее.

страціи въ меровингскую эпоху. Какъ область—*civitas* была настоящимъ и постояннымъ территоріальнымъ дѣленіемъ, такъ же и должность графа—*comes* была настоящею и главною административною должностью. Но слѣдуетъ замѣтить, что слово *comitatus*, очень употребительное въ шестомъ вѣкѣ, не обозначало еще географическаго дѣленія страны: это было названіе должности, сана[1]. Когда Григорій говоритъ *comitatus Meldensis*, онъ не хочетъ сказать: область города Мо, онъ указываетъ на должность *comes* въ этой области. *Comitatus Arvernus* значитъ должность «comes civitatis Arvernae»[2]. На оффиціальномъ языкѣ меровингской канцеляріи должность comes (графа) называется *comitatus*, или *comitiva*, и исправленіе этой должности именуется *actio comitivae*[3].

[1] „Comitatus dignitatem apud Albigem gessit“ (*Vita Desiderii Cat.* 1, Bouquet, III, 527).—„Eunomius in comitatum erigitur“ (*Greg.* V, 48).—Григорій (*ibidem*) называетъ „comitatus“ Тура „honor gloriosus“. Также и Фредегарій называетъ „ducatus--honor“

[2] *Greg.* VIII, 18: „Gundobaldus comitatum Meldensem super Guerpinum accipiens... Uterque a comitatu morte discessit“.—*Ibidem*: „Nicetius a comitatu Arverno amotus“, то-есть, „Никетій, смѣщенный съ должности графа Оверни“.—Смыслъ слова *comitatus* еще лучше выступаетъ въ слѣдующаго рода фразахъ. „Firminum a comitatu urbis abegit“: король лишилъ Фирмина должности графа этого города (*Greg.* IV, 13); „Palladius comitatum in urbe Gabalitana promeruit“: Палладій получилъ должность графа въ области Жеводана (*Ibid.* IV, 40); „Paeonius huius urbis comitatum regebat“: Пеоній исполнялъ должность графа этого города (*Ibid.* IV, 42); „Gregorius Augustodunensis civitatis comitatum ambivit, in comitatu autem positus regionem illam correxit“: Григорій хлопоталъ о должности графа Отенской области и, будучи допущенъ къ ней, управлялъ страною (*Vitae Patrum*, VII, 1).—„Hortensius comitatum urbis illius agens“ (*Vitae Patrum*, IV, 3).—„Firminus in hac civitate comitatu potitus fuerat“ (*Hist.* IV, 35).

[3] *Formul. Marculf.* I, 8: „Carta de comitatu... Ideo tibi

Чтобы точно опредѣлить, какое понятіе вызывало въ умѣ людей того времени слово *comes*, которое переводится на французскій языкъ обыкновенно словомъ—«comte», намъ слѣдуетъ припомнить, что это чисто римское слово значило — «товарищъ», «спутникъ», человѣкъ, принадлежащій къ свитѣ[1]. Во времена Имперіи оно спеціально примѣнялось къ приближеннымъ государя, *comites principis,* и такъ какъ въ то время личная служба государю облагораживала человѣка, то оно и сдѣлалось какъ бы обычнымъ титуломъ высокой должности[2]. Въ послѣднія времена римской Имперіи значеніе понятія *comites* еще расширилось. Въ пятомъ вѣкѣ появились «comites», исправлявшіе въ императорскомъ

actionem comitiae... ad agendum commisimus".—Въ посланіяхъ Григорія Великаго также есть выраженіе „agere comitivam" (I, 13).—О словѣ *actio* въ смыслѣ исправленія должности см. у Григорія Турскаго, V, 48 (47): „Me ab actione remoto", говоритъ смѣщенный графъ.—Слово *comitiva* для обозначенія должности *comes* было въ употребленій уже во времена Имперіи; см. законъ 392 года въ Кодексѣ Юстиніана, II, 12, 25.—Фортунатъ также пишетъ „comitivae praemia" (*Carm.* VII, 19)

[1] *Cicero*, ad Atticum, VIII, 1: „Misi hominem de comitibus meis".—Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ называетъ ихъ своими „ministri". См. *ad Quintum*, I, 1.—*Iuven.* VIII, 127: „Cohors comitum".—*Paul.* Dig. L, 5, 12: „Comites praesidum procuratorumve Caesaris". Ср. *Plin.* Hist. nat. IX, 30, 89. *Plin.* Epist. VI, 22 (ed. Keil, p. 167).—*Ulpian.* Dig. XLVIII, 19, 6; L, 13, 1, § 8.

[2] *Tacit.* Hist. II, 65: „Cluvius comitatui principis adiectus".—*Suet.* Tib. 46.—*Spartian.* Hadr. 18.—*Capitol.* Ver. 7.—*Rutil. Namat.* Itiner. 505.—*Ammian. Marc.* XIX, 13. См. въ особенности *Corpus inscriptionum latinarum*, гдѣ поминутно встрѣчаются лица, называемыя „comites Augusti".—„Товарищи государя" различались по степени достоинства: существовали comites primi, secundi или tertii ordinis; *C. I. L.* X, 1695, 1696, 1700, 3846 etc.

дворцѣ самыя высшія должности Имперіи[1], и еще другіе «comites», составлявшіе совѣтъ государя[2]; наконецъ, такіе, которыхъ посылали въ провинціи для управленія ими[3].—Слово *comes* сохранило при франкскихъ короляхъ то же значеніе; въ собственномъ смыслѣ, «comes» былъ тамъ товарищемъ короля, человѣкомъ изъ его свиты, слугою высшаго разряда между всѣми его слугами; *comitiva* являлась дворцовымъ званіемъ, которое король жаловалъ тому, кому хотѣлъ. Были «comites», не занимавшіе никакихъ спеціальныхъ должностей, которые, состоя при королѣ, находились въ постоянномъ его распоряженіи, исполняли его приказанія и порученія[4]; другіе занимали важныя должности, какъ, напримѣръ, должности *comes palatii* или *comes stabuli* третьи, наконецъ, посылались управлять областями. Но надо хорошо помнить, что послѣдніе не были «comites civitatis» — завѣдующими областью въ настоящемъ смыслѣ слова, а являлись замѣстителями короля въ области («comites regis in civitate»). Выраженіе *comes Turonicus* не значило правитель Тура, а приближенный короля, уполномоченный управлять турскою областью. Только позднѣе слово «*comes*» получило во франкскомъ государствѣ другое значеніе.

Латинское слово *comes* замѣняется иногда терми-

[1] „Comes sacrarum largitionum", „comes rei privatae".

[2] „Comites consistorii". См. *Cod. Iust.* II, 7, 23; II, 12, 25; *Novell. Theod.* II, c. I, § 7.

[3] „Comites per provincias constituti". См. *Cod. Iust.* I, 40, 3. Въ *Notitia dignitatum* упоминается „comes Aegypti", „comes Africae", „comes Belgicae", „comites Lugdunensis" и другіе.

[4] Такъ мы видимъ изъ одного судебнаго рѣшенія, что восемь „comites" засѣдали въ королевскомъ судѣ. Мало вѣроятно, чтобы они были правителями областей (*Pardessus*, № 431, *Pertz*, № 66).

номъ, взятымъ изъ древне-германскаго языка, и переводится: *graf* или *grafio*[1]. Если достовѣрно извѣстна этимологія слова «comes», то нельзя сказать того же о словѣ «graf». Тѣмъ не менѣе филологи и ученые спеціалисты, изслѣдовавшіе вопросъ, пришли къ томѫ заключенію, что это то же самое слово, что германское *gerefa*, обозначавшее человѣка изъ свиты, спутника, товарища[2]. Раньше оно, вѣроятно, обозначало просто свободнаго служилаго человѣка и лишь позднѣе сдѣлалось названіемъ должности. Итакъ, исторія терминовъ *comes* и *graf* какъ будто одна и та же. Съ ними соединялось раньше понятіе о связи съ господиномъ; потомъ, такъ какъ господинъ этотъ былъ государемъ, сюда присоединялась идея начальствованія по порученію и, наконецъ, признакъ власти получилъ перевѣсъ.

На языкѣ изучаемаго нами времени оба приведен-

[1] Терминъ graf или grafio встрѣчается въ Салической Правдѣ, главы 45 и 54; въ Рипуарской Правдѣ, главы 84 и 88. Мы не видимъ его у Григорія Турскаго, но онъ есть въ хроникѣ Фредегарія, с. 42, 47, 74, а также въ *Vita Eligii*, II, 47 52, 54. Въ самыхъ древнихъ сборникахъ формулъ терминъ этотъ не попадается, но онъ есть въ *Bignonianae*, № 8. Въ самыхъ старыхъ грамотахъ мы также не находимъ его, и только съ 640 года появляется онъ въ одномъ актѣ Хлодовеха II (*Pardessus*, № 294). Первый свидѣтель пожалованія Адроальда въ пользу Бертинскаго монастыря называется grafio, въ 645 году: „Signum Chuniberti grafionis" (*Cartulaire de Saint-Bertin*, стр. 19). Въ восьмомъ вѣкѣ терминъ становится болѣе употребительнымъ. Грамота 722 года: „Theudericus rex viris inlustribus grafionibus"; грамота 743 года, и т. д.

[2] Таково мнѣніе *Grimm*'а въ его Rechtsalterthümer, стр. 752; *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, 2-е изданіе, т. I, стр. 248; *Gengler*, Rechtsdenkmäler, glossarium, стр. 826; *Sohm*, Reichs- und Gerichtsverfassung, стр. 19.

ные термина употреблялись, какъ синонимы, параллельно одинъ вмѣсто другого или даже одинъ вмѣстѣ съ другимъ, какъ, напримѣръ, въ старомъ капитуляріи, прибавленномъ къ Салической Правдѣ[1]. То же самое повторяется въ Рипуарской Правдѣ: если сравнить главы 51-ю, 53-ью и 84-ю, видно будетъ, что три термина: *iudex*, *comes* и *graf* обозначаютъ тамъ одно и то же лицо[2]. Одинъ и тотъ же человѣкъ часто именуется на разстояніи всего нѣсколькихъ строкъ то *comes*, то *graf*[3]. Въ житіи св. Элигія тотъ же Гарифредъ называется поочереди *comes* и *grafio*[4], а Павелъ Діаконъ говоритъ намъ, что Бавары называютъ *grafio* того же, кого онъ называетъ *comes*[5]. Если мы разсмотримъ грамоты, въ которыхъ встрѣ-

[1] *Lex Salica*, ed. Behrend, p. 90: „Iudici, hoc est, comiti aut grafioni".—*Ibidem*, p. 91: „Iudex, hoc est, comis aut grafio".

[2] *Lex Ripuaria*, 51 (codices B, 53): „De eo, qui grafionem ad res alienas invitat. Si quis iudicem fiscalem ad res alienas tollendas invitare praesumpserit".—53: „Si quis iudicem fiscalem, quem comitem vocant, interfecerit".—*Ibid.* codices B: „De eo, qui grafionem interfecerit. Si quis iudicem fiscalem, quem comitem vocant..."—84: „Si quis grafionem ad res alienas iniuste tollendas invitaverit".—Въ главѣ 88-й законъ различаетъ, повидимому, „comes" и „grafio" „Nullus maiordomus, domesticus, comes, grafio, cancellarius"; это зависитъ, можетъ быть, отъ того, что одни и тѣ же лица могли носить оба титула, смотря по провинціямъ.

[3] *Formulae Bignonianae*, 8 (№ 9, Zeumer; Rozière, № 469): „Cum resedisset inluster vir ille comes in mallo... Postea apud ipsum garafionem, qui in ipso mallo residebat..."

[4] *Vita Eligii*, II, 47, 52, 54.—У Фредегарія (с. 42) *grafio* Ингобальдъ—очень значительное лицо. Ср. *Ibidem* (с. 74); здѣсь *grafiones* являются начальниками военныхъ отрядовъ, что было именно одною изъ обязанностей „графа", и стоятъ они рядомъ съ герцогами.

[5] *Paul. Warnefridi*, Hist. Longobardorum, V, 36: „Cum comite Baioariorum quem illi gravionem dicunt".

чается слово *grafiones*, то увидимъ, что оно занимаетъ тамъ такое мѣсто, какое въ другихъ, сходныхъ съ ними, грамотахъ слово *comites*, и обозначаетъ областныхъ намѣстниковъ или высшихъ должностныхъ лицъ дворца[1]. Слѣдуетъ замѣтить, что, какъ и «comes», «grafio» носилъ титулъ *vir inluster*[2]. Comites (comtes) и grafiones (grafs) — одни и тѣ же лица; оба эти слова имѣютъ одно и то же значеніе, и первое изъ нихъ даже чаще употреблялось въ государственномъ языкѣ; въ теченіе, по крайней мѣрѣ, полутораста лѣтъ оно было оффиціальнымъ терминомъ въ меровингской канцеляріи. *Comes*, а не *graf* встрѣчается во всѣхъ королевскихъ грамотахъ до средины седьмого вѣка, и даже послѣ этого времени *comes* гораздо болѣе еще употребительный титулъ[3]. Этотъ же терминъ встрѣ-

[1] Въ одной грамотѣ Хлодовеха II „grafio" Эберульфъ является важнымъ сановникомъ, такъ какъ король обращается лично къ нему и къ герцогу Вандальберту (*Archives nationales*, K, 2, 1; *Tardif*, № 9, *Pardessus*, № 294). Грамота Хлотара III относится къ „grafiones", которые поименованы въ ней раньше сенешаловъ и дворцоваго графа (*Archives nationales*, K, 2, 2; *Tardif*, № 17, *Pardessus*, № 334).—Въ грамотѣ Хлодовеха III два „grafiones", засѣдавшихъ въ королевскомъ судѣ, названы послѣ оптиматовъ и раньше сенешаловъ, какъ разъ на томъ же мѣстѣ, которое занимали въ подобныхъ грамотахъ *comites* (*Tardif*, № 32; *Pardessus*, № 429).—Въ другой грамотѣ того же короля (*Tardif*, № 33, *Pardessus*, № 431) названо 12 епископовъ въ королевскомъ судѣ, двѣнадцать оптиматовъ, восемь „comites", восемь „grafiones", затѣмъ четыре „domestici", четыре референдарія и два сенешала; „grafiones" отличаются тутъ, повидимому, отъ „comites"; достоинство ихъ во всякомъ случаѣ одинаковое, и ихъ ставятъ рядомъ, раньше domestici и референдаріевъ; возможно, что одновременно употреблялись оба эти титула, но они обозначали, безъ сомнѣнія, сходныя должности.

[2] *Vita Eligii*, II, 54: „Vir illustris Gaufridus grafio".

[3] Грамота Хлотара I (*Pardessus*, № 136), въ которой находится слово „grafionibus",—подложная.

чается и въ частныхъ хартіяхъ, и въ судебныхъ актахъ. Сборники формулъ, не только анжуйскій и турскій, но и сборникъ Маркульфа и сансскій сборникъ знаютъ одинъ только терминъ—*comes*. Во всякомъ случаѣ оба термина, очевидно, тождественны: графъ не кто иной, какъ *comes*, и обратно; онъ, стало быть, былъ правителемъ цѣлой области. Ученые, представлявшіе его простымъ сельскимъ начальникомъ, держались мнѣнія, не оправдываемаго ни однимъ текстомъ[1].

Нѣкоторые ученые легко вѣрятъ тому, что меровингскіе «графы», какъ учрежденіе, являются какъ бы потомками «*grafen*» древней Германіи. Но для того, чтобы теорія эта могла быть признана вѣрною, слѣдо-

[1] Это утверждаетъ *Maurer*, Einleitung zur Gesch. der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung, стр. 135 и 139.—Онъ основывается на нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается выраженіе *grafio loci*, и предполагаетъ, что слово „locus" обозначаетъ очень незначительную мѣстность; такое толкованіе обнаруживаетъ недостаточное знакомство съ языкомъ меровингской эпохи: тогда говорили—„episcopus loci" (*Greg. Tur.* V, 33; ср. акты перваго Маконскаго собора, с. 7, у *Mansi*, IX, 933), и *locus* обозначаетъ тогда цѣлую епархію. Говорили также—„comes loci" (*Greg.* VII, 29; IV, 47), и *locus* обозначаетъ тогда цѣлую область (*civitas*). *Vita Caesarii* обозначаетъ словомъ — *cives loci* жителей всей арльской епархіи (*Mabillon*, Acta SS. I, 661). Мы читаемъ въ одной грамотѣ, которая сохранилась у насъ въ подлинникѣ (*Tardif*, № 44, *Pardessus*, № 479),—„comes pagi Parisiaci" и четырьмя строками далѣе—„comes loci Parisiaci". Часто дѣйствительно въ этомъ всегда измѣнчивомъ языкѣ *locus* являлся синонимомъ *pagus*, но въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, то-есть, въ смыслѣ *civitas*, область.—Для того же, чтобы утверждать, что *graf* былъ главою селенія, надо было бы найти гдѣ-нибудь выраженіе „grafio vici", „grafio centenae", а оно не встрѣчается ни разу. Всѣ *grafiones*, встрѣчаемые въ текстахъ, во-первыхъ, важныя лица и, во вторыхъ, они принадлежатъ къ приближеннымъ короля.

вало бы показать, что въ первобытной Германіи дѣйствительно существовали *grafen*; даже если бы удалось установить это, оставалось бы еще доказать, что это были должностныя лица изъ королевской администраціи, какъ *grafiones* Салической Правды и меровингскіе *comites*.

Меровингскіе графы * никогда не были наслѣдственными сановниками. Они не должны были обязательно принадлежать къ знатнымъ семьямъ и никогда почти не были уроженцами страны, которою управляли.

Они не избирались также населеніемъ области. Въ документахъ не встрѣчается ни одного текста, который приписывалъ бы имъ когда-либо подобный характеръ, въ какой бы то ни было области франкскаго королевства. Самая Салическая Правда изображаетъ намъ графа королевскимъ чиновникомъ [1].

Comites или *grafiones* всегда назначаются королемъ; ихъ должность зависитъ отъ воли одного государя. Населеніе области нисколько не вмѣшивалось

* По-русски удобнѣе всего говорить—графы, такъ какъ латинскій терминъ *comites* не поддается переводу, и для него не выработалось русской транскрипціи. Въ дальнѣйшемъ текстѣ настоящаго перевода будетъ принято обозначеніе — графъ, тѣмъ болѣе, что оно санкціонировано обычнымъ словоупотребленіемъ въ русскихъ научныхъ сочиненіяхъ, усвоившихъ скорѣе нѣмецкую (Graf), чѣмъ французскую (comte) терминологію, хотя въ книгѣ по исторіи французскихъ учрежденій введеніе выраженія „комтъ" (или „комитъ") было бы, можетъ быть, правильнѣе. *Прим. ред.*

[1] Это видно изъ LIV главы, гдѣ за смерть графа назначена тройная пеня, такъ какъ онъ былъ близокъ къ королю; это вытекаетъ также изъ главы L, 5, гдѣ мы видимъ, что графъ можетъ быть задержанъ обязанностями королевской службы („ratio dominica").

въ выборъ своего правителя; послѣдній происходилъ всегда во дворцѣ [1].

Каждый графъ назначался королевскою грамотою. Обычай составлять особые документы при назначеніи каждаго должностного лица вышелъ, очевидно, не изъ Германіи; онъ установился въ римской Имперіи [2] и удержался въ меровингской канцеляріи. Грамоты на значенія именовались *praecepta* [3]. Возьмемъ въ примѣръ одну формулу грамоты, врученной новому графу; вотъ какъ она начинается: «Милость королевская заслуживаетъ особенной похвалы тогда, когда между всѣми своими подданными она умѣетъ выбрать лицъ, отличающихся своими достоинствами и своимъ неусыпнымъ рвеніемъ. Мы не должны ввѣрять общественныхъ обязанностей никому кромѣ тѣхъ, вѣрность и усердіе которыхъ были уже испытаны; а такъ какъ вѣрность твоя и то, что ты съ пользою можешь служить намъ, хорошо намъ извѣстны, то мы и ввѣряемъ тебѣ должность графа, исправлявшуюся такимъ-то твоимъ предшественникомъ, въ такой-то странѣ [4]». Мы

[1] *Greg.* IV, 49: „Palladius comitatum in urbe Gabalitana, Sigiberto rege impertiente, promeruit".—IV, 42: „Mummolus a rege Guntchramno... comitatum patris ambivit".—VIII, 18: „Guntchramnus Theodulfum Andegavis comitem esse decrevit".

[2] О „codicilli", или „chartae promotionis", см. *Cod. Iust.* I, 27, 1, § 19. Извѣстно, что большая часть оффиціальныхъ формулъ императорской эпохи сохранилась въ сборникѣ писемъ Кассіодора (*Variae*).

[3] *Greg.* VIII, 18: „Theodulfus comes... recurrens ad regem, iterum praeceptum accipiens, comitatum urbis illius rexit".

[4] *Marculf.* I, 8 (Rozière, № 7; Zeumer, p. 47): „Praecipue regalis in hoc perfecte laudatur clementia, ut inter cuncto populo bonitas et vigilantia requiratur personarum; nec facile cuilibet iudiciariam convenit committere dignitatem, nisi prius fides seu strenuitas videatur esse probata. Ergo dum et fidem et utilitatem tuam vide-

узнаемъ въ этихъ строкахъ стиль старой римской имперской канцеляріи; это почти тѣ же выраженія, какими писались тогда многочисленныя грамоты, форма которыхъ сохранена намъ Кассіодоромъ. Въ особенности же убѣждаемся мы здѣсь, что назначеніе графа зависитъ только отъ воли короля, и что король назначалъ его, не будучи обязаннымъ совѣщаться съ кѣмъ-либо; потому-то онъ и выбиралъ въ графы того, кто былъ «вѣренъ» ему и «полезенъ» на его (королевской) службѣ.

Большею частью король выбиралъ областныхъ начальниковъ — графовъ, изъ среды окружавшихъ его придворныхъ. Должность эта была, въ самомъ дѣлѣ, одною изъ ступеней дворцовой карьеры. Начавъ съ исполненія обязанностей кравчаго, человѣкъ переходилъ потомъ въ рефендаріи и, наконецъ, получалъ назначеніе въ графы—намѣстники какой-нибудь области. Бóльшая часть областныхъ графовъ выходила изъ дворца [1].

mur habere compertam, ideo tibi actionem comitiae, ducatus, aut patriciatus, in pago illo, quem antecessor tuus ille usque nunc visus est egisse, tibi ad agendum regendumque commisimus".—Людямъ, знакомымъ съ меровингскимъ языкомъ, извѣстно, что глаголъ *videri*, трижды попадающійся въ данномъ отрывкѣ, не равносиленъ ни въ какомъ случаѣ понятію—„казаться", какъ это было въ языкѣ Цицерона, а является синонимомъ слову *constat*, обозначая такимъ образомъ „утвержденіе", „очевидность".

[1] См. напримѣръ, исторію Бонита: „Regis ad aulam processit... Fit princeps pincernarum... Referendarii officium adeptus est... Erigitur praefecturae Massiliae provinciae" (*Vita Boniti*, c. 5—6, Mabillon, Acta SS. II, 352).—Другіе примѣры: „Siagrius, post diutina palatii ministeria, comitatus dignitatem apud Albigem gessit" (*Vita Desiderii Cat.* 1, Bouquet, III, 527). Лициній, воспитанный во дворцѣ, былъ послѣдовательно—comes stabuli, затѣмъ—comes Andegavensium (*Vita Licinii*, Болландисты, февраль, II, стр. 678 и слѣд.).

Однако король могъ выбрать графа также изъ числа провинціальныхъ жителей, даже изъ той области, которою ему предстояло управлять. Свобода королевскаго выбора не ограничивалась никакими правилами. Онъ вовсе не былъ обязанъ останавливаться при этомъ на лицахъ франкскаго или вообще германскаго происхожденія. Не слѣдуетъ воображать себѣ, чтобы графства были распредѣлены между франкскими военачальниками; много можно привести примѣровъ такихъ графовъ, которые не были воинами и принадлежали къ римской расѣ [1].

Король не долженъ былъ выбирать графа непремѣнно изъ состава извѣстныхъ только соціальныхъ

[1] Если мы составимъ списокъ графовъ, встрѣчающихся у Григорія Турскаго, то найдемъ больше римскихъ, чѣмъ франкскихъ именъ. Не слѣдуетъ, конечно, выводить отсюда преувеличеннаго заключенія; Григорій говоритъ главнымъ образомъ о графахъ южныхъ и центральныхъ областей; намѣстники сѣверныхъ провинцій меньше ему извѣстны. Надо также замѣтить, что германская или римская форма именъ не является непремѣнно точнымъ свидѣтельствомъ національности лицъ. Мы можемъ утверждать во всякомъ случаѣ, что Григорій, графъ отенскій, происходилъ изъ вполнѣ римскаго семейства (*Greg. Tur.* Vitae Patrum, VII, 1); тоже самое можемъ мы повторить о Саллюстіи, сынѣ Эводія, графѣ овернскомъ, около 559 года (*Greg.* Hist. IV, 13); равнымъ образомъ о Гортензіи, происходившемъ даже изъ сенаторской фамиліи и получившемъ назначеніе въ графскую должность (Vitae Patrum, IV, 13); также о Георгіи, бывшемъ „гражданиномъ изъ Велэ" и около 569 года сдѣлавшемся графомъ Оверни (De gloria confessorum, 35). Затѣмъ, встрѣчая такія имена, какъ Альпинъ, Евномій, Аматъ, Альбинъ, Іовинъ, Фирминъ, Никетій, Евлалій, Пеоній, Муммолъ, Галлъ, Динамій, Иннокентій и Терентіолъ,—мы можемъ допустить, что, если не всѣ, то бóльшая часть этихъ именъ, принадлежала лицамъ римской крови. Римляне эти были графами въ Турѣ, Лиможѣ Жеводанѣ, Оверни, Оксеррѣ, Шалонѣ, Арлѣ и Марсели.

классовъ; вопросъ о происхожденіи не игралъ здѣсь никакой роли. Онъ могъ назначать его изъ числа вольноотпущенниковъ, изъ своихъ прежнихъ рабовъ. Это до такой степени входило въ кругъ его правъ, что такой случай отмѣченъ въ Рипуарской Правдѣ, какъ вполнѣ естественный и встрѣчавшійся довольно часто [1]. Поразительный примѣръ находимъ мы у Григорія Турскаго. Нѣкоему Лейдасту, родившемуся въ рабскомъ состояніи на почвѣ одного королевскаго имѣнія, состоявшему потомъ при королевскихъ кухняхъ и нѣсколько разъ убѣгавшему, съ королевской службы, удалось получить свободу и сдѣлаться начальникомъ конюшенъ королевы; отправляя эту должность, онъ сумѣлъ обогатиться. По смерти королевы онъ предложилъ королю цѣнные подарки, чтобы сохранить ту же должность при его дворѣ, и, наконецъ, изъ завѣдующаго королевскими конюшнями онъ сдѣлался графомъ турской области, управляя которою проявилъ больше гордости и высокомѣрія, а также больше жадности, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ [2].

[1] *Lex Ripuaria*, 53: „Si quis iudicem fiscalem, quem comitem vocant, interfecerit... Si puer regius vel ex tabulario ad eum gradum ascenderit".—Въ этомъ отрывкѣ *puer regius* означаетъ, мнѣ кажется, королевскаго вольноотпущенника скорѣе, чѣмъ раба; *tabularius* — вольноотпущенника „per tabulas". — *Lex Salica*, LIV, 2 и 3: „Si quis sacebaronem (aut obgrafionem), qui ingenuus est... Si quis sacebaronem aut obgrafionem, qui puer regius fuit".

[2] *Greg. Tur.* V, 49 (48): „Leudastes... a fiscalis vinitoris servo nascitur... Ad servitium arcessitus, culinae regiae deputatur.. Ad Marcoweifam reginam fugit, quae equorum deputat esse custodem... Comitatum ambit stabulorum... Cuius (reginae) post obitum refertus praedis, locum ipsum cum (ab) rege Chariberto, oblatis muneribus, tenere coepit. Post haec, comes Turonis destinatur, ibique se honoris gloriosi supercilio iactitat, se exhibet rapacem praedis..."—Лейдастъ долженъ былъ получить „вольную" отъ королевы Марковейфы или отъ короля.

За убійство графа налагалась тройная пеня; это значило, что «цѣна его, какъ человѣка», была въ три раза выше сравнительно съ простыми людьми. Привилегіей этой онъ не былъ обязанъ ни своему рожденію, ни своему административному положенію сановника съ высокими полномочіями и большою властью; онъ былъ обязанъ ею единственно тому, что сталъ въ личную зависимость отъ короля. Какъ и всѣ, находившіеся подъ королевскимъ покровительствомъ (*in truste regia*), онъ пріобрѣталъ этимъ тройную цѣну противъ той, которую давало ему рожденіе [1].

Почетные титулы, широко употреблявшіеся уже во времена римской Имперіи [2], были въ ходу и при франкскихъ короляхъ. Они пріобрѣтались благодаря рожденію и не были наслѣдственными, но присваивались всѣмъ чиновникамъ государя и видоизмѣнялись сообразно съ ихъ достоинствомъ. Графы носили титулъ «*illustres viri*» [3]. Сами короли называли ихъ

[1] *Lex Salica*, LIV: „Si quis grafionem occiderit, solidos DC culpabilis iudicetur". — Замѣтьте, что также оцѣненъ сацебаронъ (*Ibidem*), стоявшій, конечно, ниже графа: это доказываетъ, что пеня за убійство не зависѣла отъ іерархіи должностей, а именно отъ принадлежности или непринадлежности къ числу королевскихъ *palatini*. См. *Lex Ripuaria*, LIII: „Si quis iudicem fiscalem, quem comitem vocant, interfecerit, ter ducenis solidis multetur; si regius puer vel ex tabulario ad eum gradum ascenderit trecenis solidis multetur".

[2] *Cod. Th.* I, 1, 16; VIII, 8, 4; XII, 1, 187; XVI, 5, 52 etc.— *Cod. Iust.* I, 1, 13; III, 1, 13 etc.—*Notitia dignitatum*, ed. Boecking, t. II, p. 9, 17, 37, 41 etc.—*Cassiodor.* Variar. I, 4; VI, 16.— *Corpus inscriptionum latinarum*, V, 8120; VI, 1656, 1666, 1777; VIII, 1412 etc.

[3] *Formulae Andegavenses*, № 32: „Illuster vir ille comes". № 50: „Ante viro illustri illo comite".—*Turonenses*, № 26: „Convenit inter inlustrem virum illum et illum".—*Marculf.* I, 2: „Rex

Magnitudo Tua, Tua Magnificentia; также точно обращались и римскіе императоры къ своимъ чиновникамъ.

Графъ не назначался на всю жизнь, а на опредѣленный срокъ, можетъ быть, на годъ. Если онъ хотѣлъ оставаться въ должности, а это тогда допускалось свободно, онъ долженъ былъ получить отъ короля возобновленіе своего назначенія. Григорій разсказываетъ случай съ Пеоніемъ, графомъ оксеррскимъ; желая сохранить должность на дальнѣйшее время, онъ послалъ къ королю своего сына, поручивъ ему поднести тому много даровъ. Сынъ поднесъ дары, но отъ своего имени, вытѣснилъ отца и для самого себя получилъ его мѣсто[1]. Случай этотъ показываетъ, что подарки высоко цѣнились при дворѣ Меровинговъ; на административныя должности назначался часто тотъ, кто больше давалъ[2].

Назначавшіеся королемъ графы могли быть и отставляемы имъ. Изъ разсказовъ Григорія Турскаго видно, что отрѣшенія отъ должности были тогда нерѣдки. Хроника Фредегарія и житіе святого Леодегарія показываютъ намъ, что въ слѣдующемъ вѣкѣ они происходили еще чаще[3].

inlustribus viris illi comiti vel omnibus agentibus"; I, 9: „Viros inlustres illos et illos"; I, 28: „Ille rex viro inlustri illi comiti".— Въ предисловіяхъ къ *Diplomata* графы поименовываются среди *viri inlustres*. Одна грамота адресована спеціально „viro illustri Bertuino comiti" (*Pardessus*, № 340), другая—„inlustribus viris comitibus" (№ 341).

[1] *Greg.* IV, 42: „Paeonius huius municipii (Autissiodorensis) comitatum regebat. Cum ad renovandam actionem munera regi per filium transmisit, ille, datis rebus paternis, comitatum patris ambivit supplantavitque genitorem".

[2] Григорій Турскій приводитъ еще другой подобный примѣръ (VIII, 18): „Nicetius ducatum a rege expetiit, datis pro eo immensis muneribus".

[3] *Greg.* IV, 13: „Firminum comitatu urbis abegit".—IV, 40: „Remotus a comitatu Palladius".—V, 48: „Audiens Chilpericus, quae faciebat Leudastes... Eunomius in comitatum erigitur... Leudastes cernens se remotum... Nunc, inquit Leudastes, me ab actione remoto".—VI, 22: „Chilpericus novos comites ordinat".—VIII, 18: „Nicetius a comitatu Arverno". — Григорій приводитъ также нѣсколько случаевъ отставокъ герцоговъ—Эннодія (IX, 7), Лупа, герцога Шампани (IX, 14), герцога Эрпона, котораго король Гунтрамнъ „removit ab honore" и наказалъ, кромѣ того, пеней въ 700 solidi за то, что тотъ упустилъ изъ рукъ плѣнника (V, 14). См. также разсказъ объ отрѣшеніи отъ должности патриція Агриколы (IV, 24) и марсельскаго намѣстника Іовина (IV, 44).

Ни откуда не видно, чтобы при франкскихъ короляхъ былъ двойной комплектъ правителей для подданныхъ обѣихъ расъ, то-есть,—чтобы были начальники для Франковъ и для Римлянъ. Въ каждой области находимъ мы одного только графа, и графъ этотъ имѣетъ власть надъ всѣми жителями безъ различія. Самая формула назначенія его гласитъ, что онъ будетъ управлять отъ имени короля «людьми всѣхъ расъ, живущими въ его округѣ,—Франками, Бургундами и Римлянами»[1]. Такимъ образомъ, если графъ былъ Франкъ, онъ управлялъ и Римлянами, и обратно графъ Римлянинъ—Франками. Система администраціи не основывалась на этнографическомъ или личномъ принципѣ; какъ и въ Имперіи, она была чисто территоріальною.

Та же формула назначенія показываетъ намъ, каковы были полномочія графа. Въ ней сказано, что первою обязанностью его было «хранить нерушимую вѣрность и послушаніе по отношенію къ королю»[2].

[1] *Marculf.* I, 8 (Rozière №, 7; Zeumer, p. 47): „Ut omnis populus ibidem commanentes, tam Franci, Romani, Burgundiones, vel reliquas nationes sub tuo regimine et gubernatione degant".

[2] *Ibidem*: „Ut semper erga regimini nostro fidem inlibata custodias".

Затѣмъ онъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы «все подвѣдомственное ему населеніе жило въ мирѣ подъ его управленіемъ».—«Веди людей по правому пути, согласно ихъ законамъ и обычаямъ—говоритъ король, назначая графа;—будь защитникомъ вдовъ и сиротъ; строго наказывай воровъ и разбойниковъ, чтобы населеніе жило подъ твоимъ начальствомъ въ порядкѣ и радости» [1]. Эти напыщенныя фразы, заимствованныя, вѣроятно, изъ языка оффиціальныхъ бумагъ римской Имперіи, показываютъ, что графу предоставлялась полицейская и судебная власть во ввѣренной ему области. Онъ долженъ былъ въ то же время и собирать налоги; въ грамотѣ добавлено: «Ты обязанъ ежегодно лично доставлять намъ все, что поступитъ въ казну изъ твоего округа и вносить это въ наше казначейство» [2].

Есть много текстовъ, изъ которыхъ мы видимъ, что компетенція графа проявлялась въ различныхъ сферахъ. Онъ то преслѣдуетъ преступниковъ, какъ это предписываетъ ему опредѣленный законъ [3], то приво-

[1] *Ibidem*: „Et eos recto tramite secundum lege et consuetudine eorum regas, viduis et pupillis defensor appareas, latronum et malefactorum scelera a te severissime reprimantur, ut populi bene viventes sub tuo regimine gaudentes debeant consistere quieti“.

[2] *Ibidem*: „Et quidquid de ipsa actione in fisci ditionibus speratur, per vosmetipsos annis singulis nostris aerariis inferatur“.

[3] *Decretio Childeberti*, c. 8 (*Boretius*, p. 17): „Unusquisque iudex (мы увидимъ дальше, что слово *iudex* чаще всего обозначаетъ графа) criminosum latronum ut audierit, ad casam suam ambulet et ipsum ligare faciat“.—Григорій Турскій говоритъ объ одномъ графѣ, „qui tam severus atque districtus fuit in malefactoibus, ut vix eum ullus reorum posset evadere“ (*Vitae Patrum*, VIII).—Онъ разсказываетъ еще о графѣ Никетіи „qui fecit pacem in regione Arverna et in reliquis ordinationis suae locis“ (*Hist.* VIII, 18).—*Ibidem*, X, 15: „Macconi comiti prolata praeceptio, in qua iubebatur, ut hanc seditionem vi opprimeret“.

дитъ въ исполненіе судебные приговоры, производитъ назначенныя по суду конфискаціи или налагаетъ запрещенія [1]. Онъ, кромѣ того, самъ чинитъ судъ надъ Франками или Римлянами; постановляетъ рѣшенія, оправдываетъ или обвиняетъ, иногда самъ руководитъ исполненіемъ казни [2]. Мы дѣйствительно видимъ въ другихъ случаяхъ, что онъ отвозитъ королю суммы, полученныя имъ съ населенія въ видѣ налоговъ и штрафовъ [3]. Ко всѣмъ этимъ аттрибутамъ присоединялась даже обязанность вербовать въ своей области военныя силы и командовать ими; мы часто видимъ, что онъ производитъ по приказанію короля наборъ рекрутъ, ведетъ собранный отрядъ противъ непріятеля, или, по возвращеніи съ похода, наказываетъ тѣхъ, кто противились службѣ [4].

[1] *Lex Salica*, LXVIII;—*Decretio Childeberti*, c. 4, 7;—*Lex Ripuaria*, LI.—Изъ сочиненій Григорія Турскаго мы видимъ, что на графѣ лежалъ надзоръ за заключенными, и что онъ былъ отвѣтственъ за нихъ; V, 21 (20): „Rex eos includi praecepit... iudices locorum (то-есть, графовъ) terribiliter commonens, ut ipsos cum armatis custodire debeant“. Ср. VI, 24 и X, 6.

[2] Примѣръ этого можно найти у Григорія, VI, 8; или еще у него же VIII, 18: „Gundobaldus, comitatum Meldensem accipiens, causarum actionem agere coepit“.—*De gloria confessorum*, 101: „Comes urbis, fure invento ac suppliciis dedito, patibulo condemnari praecepit“.—Мы вернемся еще дальше къ этому предмету.

[3] *Greg.* X, 21: „Eunte comite ad regem ut debitum, fisco servitium solite deberet inferre“.—Ср. *Vita Germani*, c. 30 (Mabillon, Acta SS. I, 238) и грамоту 710 года (Pardessus, № 477, Archives nationales, Tardif № 44), въ которой читается: „Teloneum.. comes de pago Parisiaco... recepit ad partem fisci nostri“.

[4] *Greg.* VI, 19: „Rex mittit nuntios comitibus, ut collecto exercitu in regnum germani sui irruerent“.—VII, 29: „Rex comitem commonet, ut ei trecentos viros adiungeret... cumque comes loci viros istos commoveret“ (*commovere* было въ ту эпоху терминомъ, означавшимъ: набирать солдатъ или армію).—VII, 12: „Guntch-

Существуетъ одна спеціальная категорія формулъ и грамотъ, въ которыхъ яснѣе обнаруживается передъ нами разнообразіе компетенціи графовъ. Это именно тѣ, въ которыхъ король, даруя особую привилегію какой-нибудь церкви, приказываетъ изъять ея землю изъ подъ вѣдѣнія графовъ. Онъ перечисляетъ въ документѣ все, что съ этихъ поръ запрещается графамъ на привилегированной землѣ. «Вы не должны больше вступать въ предѣлы даннаго владѣнія, не будете разбирать тамъ тяжбы, ни взымать судебныя пени, ни собирать налоги, каковы бы они были, ни производить реквизиціи; вы не будете больше пользоваться тамъ правомъ крова и продовольствія, ни прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ по отношенію къ кому бы то ни было, ни требовать тамъ военнаго сбора» [1] На основаніи перечисленія дѣйствій, запрещавшихся

ramnus rex comites suos ad comprehendendos civitates direxit".— IV, 30: „Sigibertus Arvenos commoveri praecepit; erat Firminus comes urbis illius, qui cum ipsis in capite abiit".—*Greg.* VI, 30; VII, 13; VII, 38 и т. д. — *Fredegar*. Chron. c. 37: „Ebbelinus et Herpinus comites in exercitu pergunt obviam Alemannis".—*Ibidem*, 87: „Bobo dux Arvernus et Aenovales comes Sogiuntensis cum pagensibus suis pugnandum porrexerunt".—Тотъ же хроникеръ говоритъ о войскѣ (гл. 78), въ которомъ отрядомъ каждой области командовалъ ея графъ.

[1] *Marculf.* I, 3: „Ut neque vos neque iuniores vestri in villas... ingredi non praesumatis... ad audiendas altercationes, aut freda de quaslibet causas exigere, nec mansiones aut paratas vel fideiussores tollere".—*Ibidem*, I, 4: „Ut nullus iudex publicus ad causas audiendum nec homines de quaslibet causas distringendum vel freda exigendum nec mansiones aut paratas faciendum nec fideiussores tollendum nec nullam redhibitionem requirendum, ingredere non debeat".— См. большое число грамотъ, указанныхъ и разобранныхъ въ нашемъ изслѣдованіи о меровингскомъ иммунитетѣ, помѣщенномъ въ *Revue historique* за 1883 годъ. Ср. также послѣднюю часть пятаго тома настоящаго сочиненія.

графамъ въ подобныхъ актахъ на нѣкоторыхъ такъ называемыхъ «иммунитетныхъ» владѣніяхъ, можно судить обо всемъ томъ, что составляло права и обязанности графа въ остальной части ввѣренной ему территоріи.

Одна только функція изъята, повидимому, изъ вѣдѣнія графовъ: это управленіе королевскими имуществами. Оно было возложено на спеціальныхъ чиновниковъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Свѣдѣнія наши объ административныхъ пріемахъ, примѣнявшихся меровингскими графами, не многочисленны. Но два обычные у нихъ способа дѣйствія во всякомъ случаѣ опредѣляются изъ текстовъ. Съ одной стороны, графъ, на которомъ лежало управленіе цѣлою областью, долженъ былъ лично объѣзжать разные округи своей территоріи [1]; во время объѣздовъ этихъ онъ творилъ судъ и расправу и, быть можетъ, взымалъ также налоги. Съ другой стороны, онъ созывалъ иногда населеніе къ себѣ; въ какой бы части области онъ ни находился, онъ назначалъ судебное засѣданіе, *placitum*, и свободные люди этого округа обязаны были являться къ нему [2]. Предметы занятій такихъ собраній были очень различны. Иногда дѣло касалось только отправленія правосудія; въ другихъ случаяхъ они принимали видъ военныхъ смотровъ или сборовъ; кромѣ того, графъ созывалъ еще населеніе для сообщенія ему воли короля или для того, чтобы

[1] *Greg.* VIII, 18: „Gundobaldus, comitatum Meldensem accipiens causarum actionem agere coepit. Dum pagum urbis in hoc officio circumiret..."

[2] Примѣръ этого представляется намъ въ одной формулѣ у *Marculf.* I, 40; король повелѣваетъ графамъ „ut omnes pagenses vestros bannire et locis congruis per civitates, vicos et castella congregare faciatis".

привести всѣхъ сошедшихся къ присягѣ новому государю. На этихъ собраніяхъ являлись передъ уполномоченнымъ короля не только Франки, но и всѣ вообще свободные люди области безъ различія происхожденія[1].

Нѣтъ указаній на то, чтобы графы получали жалованіе отъ государства. Римскій обычай вознаграждать опредѣленнымъ содержаніемъ правителей провинцій, чтобы не оставлять имъ предлога для незаконныхъ вымогательствъ съ населенія, исчезъ, повидимому, вмѣстѣ съ императорскою властью на Западѣ. Франкскіе короли дали ему заглохнуть въ неурядицахъ переходнаго времени, а потомъ имъ уже оказалось не по средствамъ вновь возстановить разстроенный порядокъ. Итакъ, меровингскій графъ самъ долженъ былъ находить для себя доходы въ управляемой области; ему предоставлялось нѣсколько способовъ для содержанія своей многочисленной свиты и собственнаго обогащенія. Есть основаніе думать, что въ его пользованіе поступали доходы съ нѣсколькихъ казенныхъ помѣстій; съ еще большею увѣренностью можно предполагать, что онъ удерживалъ въ свою пользу третью часть штрафныхъ сборовъ, которые самъ налагалъ по судебнымъ приговорамъ[2]; штрафы же эти должны были составлять значительную сумму, во-первыхъ, потому, что они замѣняли почти всѣ другія наказанія, примѣнявшіяся въ римское время, и, во-вторыхъ, потому, что законъ установилъ для нихъ очень высокія нормы или таксы. Можно еще догадываться, хотя нельзя утверждать, что онъ участвовалъ извѣстною

1 *Ibidem*: „Omnes pagenses vestros, tam Francos, Romanos, vel reliquas nationes".

2 *Lex Ripuaria*, LXXXIX.

долею въ доходѣ отъ разныхъ податныхъ сборовъ съ населенія своего графства. Онъ имѣлъ еще право требовать у обывателей помѣщеніе для житья и заставлялъ ихъ снабжать его всѣмъ нужнымъ продовольствіемъ (*paratae*), какъ для него самого, такъ и для его свиты и лошадей[1]. Къ этому надо прибавить всякаго рода поборы, хотя и несправедливые, но почти допускавшіеся закономъ, которые могъ позволять себѣ всемогущій и плохо контролируемый чиновникъ[2], и такимъ образомъ получится приблизительное представленіе о характерѣ и размѣрахъ содержанія, получавшагося графами.

3.

Герцоги.

Мы говорили сначала о графѣ, потому что онъ былъ наиболѣе типичнымъ и правильнымъ, нормальнымъ органомъ областного управленія меровингскаго государства. Но надобно прибавить, что въ провинціи иногда встрѣчаются должностныя лица, стоявшія выше его, какъ, съ другой стороны, ниже его находились подчиненные ему чиновники.

Надъ графомъ стояли лица, носившія названіе герцоговъ, *duces*; названіе это, безъ сомнѣнія, римскаго происхожденія, и мы не видимъ ни въ одномъ документѣ, чтобы имъ давали какое-нибудь другое германское наименованіе. Правда, что во время римской Имперіи словомъ „duces" обозначались почти

1 *Marculf*. I, 3; I, 4.

2 Мы вернемся въ другомъ мѣстѣ къ характеристикѣ происходившихъ здѣсь разнаго рода злоупотребленій, на которыя намъ указываютъ документы.

исключительно военные начальники; они командовали тамъ вооруженными силами, управляя въ то же время территоріею, занятою послѣдними. Институтъ этотъ удержался при франкскихъ короляхъ; первые герцоги, которыхъ мы видимъ у Меровинговъ, также были военачальниками[1]. Но довольно скоро дѣло измѣнилось, и герцоги съ раннихъ поръ сдѣлались прежде всего правителями провинцій. Уже у Вестготовъ, когда они находились въ Галліи, упоминаются такого рода герцоги[2]. Въ шестомъ вѣкѣ находимъ ихъ у Меровинговъ[3]. Въ седьмомъ — герцоги до такой степени уже сходны съ графами, что для тѣхъ и для другихъ существуетъ одна формула назначенія, и таже одинаковая грамота опредѣляетъ и тѣмъ, и другимъ власть одинаковаго характера и одинаковую широту компетенціи[4].

Титулъ герцога выше титула графа въ іерархіи чиновниковъ[5]. Герцогъ управлялъ обыкновенно нѣсколькими графствами. Григорій Турскій упо-

[1] Таковы, напримѣръ, герцогъ Сигивальдъ, оставленный Теодерихомъ I-мъ въ Оверни и носившій титулъ „dux" (*Greg*. III, 13; V, 12), герцогъ Гельпингъ (*Greg*. Vitae Patrum, IV, 2) и герцогъ Гундоальдъ. См. *Greg*. IV, 47 (48).

[2] Таковъ герцогъ Викторій, см. *Greg*. II, 20: „Eoricus Gothorum rex Victorium ducem super septem civitates praeposuit". — *Idem*, Vitae Patrum, III, 1: „Victorius dux, qui super septem civitates principatum Eurico Gothorum rege indulgente susceperat".

[3] Таковы: Бепполенъ (*Greg*. VIII, 42); Никетій (*idem*, VIII, 18); Эннодій (VIII, 26); Лупъ (VI, 4); Вальделенъ (*Vita Columbani*, 22).

[4] *Marculf*. I, 8: „Carta de ducatu et patriciatu et comitatu".

[5] Фортунатъ свидѣтельствуетъ о томъ, что титулъ герцога былъ выше титула графа. См. (*Fortunat*. Carmina, VII, 31): „Vive comes, cui sint iura regenda ducis"; X, 20: „Rex crescens te crescere cogat. Qui modo dat comitis, det tibi dona ducis".

минаетъ объ одномъ герцогѣ, стоявшемъ одновременно во главѣ областей — Оверни, Родеза и Узеса[1]; онъ называетъ еще другого, управлявшаго Туромъ и Пуатье[2]; въ вѣдѣніи третьяго были всѣ области къ югу отъ Гаронны[3]; четвертый облеченъ былъ властью герцога надъ областями Анжера, Ренна и нѣсколькими другими[4]. Былъ еще герцогъ Шампани[5]; мы видимъ, кромѣ того, герцога, «которому король ввѣрилъ нѣсколько областей между Сеной и Луарой»[6], и герцога, управлявшаго «всѣмъ населеніемъ между Альпами и Юрой»[7].

Итакъ, герцоги появляются довольно часто; но изъ этого не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что франкское королевство было правильно раздѣлено на герцогства, какъ прежде римская Галлія на провинціи. Мы замѣтимъ, прежде всего, что тамъ, гдѣ существовали герцогства, они не соотвѣтствовали старымъ римскимъ *provinciae*; далѣе придется убѣдиться, что то, что но-

[1] *Greg*. VIII, 18: „Nicetius ducatum a rege expetiit, et sic in urbe Arverna, Ruthena atque Ucetica dux ordinatus est, vir valde iuvenis, sed sensu acutus, fecitque pacem in regione Arverna et in reliquis ordinatis suae locis".

[2] *Greg*. VIII, 26: „Turonicis Pictavis Ennodius dux datus est".

[3] *Greg*. VIII, 18: „Adepta ordinatione ducatus in civitatibus ultra Garonnam".

[4] *Greg*. VIII, 42: „Beppolenus, accepta potestate ducatus super civitates illas... Rhedonicis... Andecavis..."

[5] *Greg*. VI, 4: „Lupus dux Campanensis".—IX, 14: „Lupum de Campaniae ducatu depulsum".

[6] *Vita Ragnoberti*, c. 2; Bouquet, III, 619: „Dux inter amnis Sequanae atque Ligeris confinia plures provincias strenue rexit".

[7] *Vita Columbani*, c. 22 (Mabillon, Acta SS. II, 14): „Erat eo tempore dux quidam Valdelenus, qui gentes, quae intra Alpium septa et Iurassi saltus arva incolunt regebat".—Позже мы находимъ въ Бургундіи „dux ultraiuranus (см. *Fredeg*. 13; 14).

сило названіе *ducatus*, въ меровингскомъ государствѣ не было географическимъ дѣленіемъ: это было наименованіе извѣстнаго сана или должности [1]. Были и такіе герцоги, которые оставались при королѣ во дворцѣ [2], наряду съ тѣми, которые исполняли обязанности пословъ, командовали войсками или управляли провинціями. Должности герцоговъ не были, наконецъ, ни постоянными, ни общими въ составѣ администраціи всего королевства. Многіе графы не имѣли надъ собою герцоговъ и сносились непосредственно съ королемъ [3]. Когда король назначалъ герцога, это значило, что какая-нибудь особая причина побуждала его поставить надъ нѣсколькими графствами одно лицо, соединить нѣсколько областей въ одно цѣлое и подчинить нѣсколькихъ обыкновенныхъ графовъ подъ власть одного высшаго начальника; но такая мѣра являлась всегда временною. Когда исчезала причина, вызвавшая назначеніе даннаго герцога, исчезалъ и герцогъ и не замѣнялся другимъ. Графы выражали иногда неудовольствіе противъ назначенія надъ собою герцоговъ, и имъ удавалось добиваться ихъ отозванія [4].

[1] *Greg.* IX, 7: „Ennodius cum ducatum urbium Turonicae atque Pictavae administraret".—*Fortunat.* Carmina, II, :8: „Ducatum gerere".—*Fredeg.* Chron. 12: „Honor ducatus". — *Greg.* X, 12: „Nonnulli a primatu ducatus remoti sunt".

[2] Въ королевскихъ грамотахъ и особенно въ приговорахъ королевскаго суда мы всегда видимъ, что нѣсколько герцоговъ засѣдаютъ вмѣстѣ съ королемъ.

[3] Такова именно большая часть тѣхъ графовъ, о которыхъ говоритъ Григорій Турскій. Ср. у Фредегарія, гл. 78: „Comitibus plurimis, qui ducem super se non habebant".

[4] *Greg.* IX, 7: „Euntibus comitibus Turonicae atque Pictavae urbis ad regem Childebertum, obtinuerunt Ennodium ducem a se removeri".

Въ Провансѣ и Бургундіи нѣкоторыя высшія должностныя лица провинціальнаго управленія сохраняли вполнѣ римскіе титулы «ректоровъ» или «патриціевъ». Впрочемъ, полномочія ихъ не отличались отъ полномочій герцоговъ или графовъ [1].

Графы, герцоги, ректоры и патриціи—всѣ эти лица получали въ своихъ областяхъ одинаковую власть. Формула назначенія употреблялась одна и та же для всѣхъ, и въ ней перечислялись однѣ и тѣ же обязанности. Патриціи, герцоги и графы—всѣ соединяли въ своихъ рукахъ власть административную, судебную и военную [2].

[1] *Greg.* IV, 44: „Iovino rectore Provinciae".—VIII, 43: „Nicetius rector Massiliensis provinciae est ordinatus".—*Lex Ripuaria*, 50: „Ante ducem, patricium, vel regem".—*Greg.* IV, 24: „Gunthramnus rex Celsum patriciatus honore donavit".—IV, 42: „Mummolus a rege Gunthramno patriciatum promeruit". — IX, 22: „Nicetium patricium".—*Fredeg.* Chron. 2: „Aegilanem patricium".—*Ibidem*, 24: „Protadius in pago Ultraiurano patricius ordinatur".—*Diplomata* (Pardessus, № 388, Tardif, № 21); „Theudericus rex viris inlustribus Audoberto et Rocconi patriciis".

[2] См. у Григорія (IV, 43), какъ отправляетъ правосудіе „ректоръ Прованса".—Ср. *Lex Ripuaria*, 50: „Si quis testes ad mallum ante centenarium, vel comitem, seu ante ducem, patricium vel regem, necesse habuerit".—Непонятно, какимъ образомъ могъ *Fahlbeck* и здѣсь съ привычною ему самоувѣренностью утверждать, что герцогъ былъ только военачальникомъ (см. стр. 140 французскаго изданія его сочиненія).—*Greg.* VIII, 12: „Ad discutiendas causas Ratharius quasi dux dirigitur".—Вайтцъ заблуждается относительно даннаго отрывка, усматривая въ этомъ Ратаріи *missus regis*; выраженіе *quasi dux* онъ переводитъ: „какъ если бы онъ былъ герцогомъ". Такое толкованіе придаетъ всему мѣсту невѣрный смыслъ, и въ такую же ошибку впадаютъ французскіе переводчики Григорія Турскаго. *Quasi* нѣсколько разъ употребляется авторомъ со значеніемъ—„въ качествѣ". Такъ и здѣсь мы скажемъ: „Онъ былъ посланъ въ Бордо въ качествѣ

4.

Викаріи, сотники и др.

Ниже графа мы находимъ въ его области лицъ, облеченныхъ извѣстною долею авторитета и носившихъ римскія названія—*vicarius*, *tribunus* и *centenarius*. Это были должностныя лица низшей категоріи. Графъ управлялъ обширною *civitas* и соединялъ въ своихъ рукахъ настолько разнообразные аттрибуты, что, очевидно, вся сумма его функцій должна была превышать силы одного человѣка. Естественно, что въ распоряженіи его находились подчиненные ему чиновники, помощники и сотрудники.

Vicarius былъ непосредственнымъ помощникомъ графа, и когда нужно было,—его замѣстителемъ. Такіе викаріи существовали, повидимому, во всѣхъ значительныхъ областяхъ королевства. Въ Турѣ, напримѣръ, графъ Евномій имѣлъ намѣстникомъ нѣкоего Инъюріоза, который до такой степени служилъ его интересамъ, что совершилъ изъ-за него два убійства[1]. У другого графа той же области позднѣе былъ помощникъ по имени Анимодъ[2]. Надо помнить, что слово *vicarius* значило «замѣститель» или «помощникъ графа», а не короля; тексты не допускаютъ другого пониманія термина[3]. Викарій иногда состоялъ при

префекта". Изслѣдователи не обратили достаточнаго вниманія на то, сколько галлицизмовъ содержится уже въ языкѣ Григорія Турскаго.

[1] *Greg.* VII, 23.

[2] *Idem*, X, 5.

[3] *Formulae Bignonianae*, № 7: „Cum resedisset ille vigarius inluster vir illo comite, (то-есть, vicarius illustris viri illius comitis)".—№ 13: „Veniens homo alicus ante vicario illuster vir illo comite".—Слова

графѣ и исполнялъ часть его работы: мы видимъ его, напримѣръ, въ числѣ засѣдателей областного суда, видимъ, что начальникъ его поручалъ ему приводить въ исполненіе постановленные приговоры[1]. Иногда же онъ замѣщалъ графа въ самомъ судебномъ разбирательствѣ, и произнесенный имъ приговоръ имѣлъ такую же силу, какъ если бы онъ былъ произнесенъ самимъ графомъ[2]. Мы видимъ въ другихъ случаяхъ, что онъ дѣйствовалъ отдѣльно отъ графа, управляя самъ по себѣ частью области, впрочемъ, очевидно, по полномочію и инструкціямъ, полученнымъ отъ графа[3]. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ являлся только чиновникомъ графа[4]. Самъ ли король назначалъ его? Мы сильно сомнѣваемся въ этомъ и не находимъ ни одного примѣра, который подтверждалъ бы такое предположеніе. У насъ

illuster vir не могутъ относиться къ *vicarius*; у викаріевъ не было этого титула.—См. также „vicarius comitis" у Вестготовъ, *Lex Wisigothorum*, II, 1, 23; III, 6, 1; VIII, 4, 2; IX, 2, 4.—Въ Италіи Григорій Великій говоритъ въ своихъ Посланіяхъ о *vicecomites* (VIII, 18): „Scripsimus Mauro vicecomiti"; XII, 24: „Augusto vicecomiti".

[1] *Formulae Senonenses*, № 6 (Rozière, № 477): „Ipsi viri decreverunt... et per manu vicarii per iussionem comitis recepit".—*Form. Senonenses*, 3 (Rozière, 472): „Per iussionem illius comitis, de manu illius vicarii".

[2] Это видно изъ *Formulae Bignonianae*, №№ 7 и 13 и изъ *Merkelianae*, №№ 29, 30 и 32 (Rozière, 460, 502, 499, 462).

[3] Формула инструкцій, дававшихся графомъ своему викарію, находится въ *Merkelianae*, № 51 (Rozière, № 886).

[4] Терминъ *vicecomes*, который съ перваго взгляда можетъ показаться точнымъ синонимомъ съ *vicarius*, не встрѣчается въ меровингскихъ текстахъ. Его можно найти только въ *Vita S. Mauri*, c. 44 (Mabillon, I, 291): „Florus vicecomitis in Andecavensi pago fungebatur".—Но и тутъ извѣстно, что житіе это было передѣлано въ девятомъ вѣкѣ.

сохранилась формула назначенія графовъ, но формула назначенія викаріевъ до насъ не дошла. Однако изъ одного указа короля Гунтрамна явствуетъ, что графъ самъ выбиралъ себѣ викарія[1]. Уже одинъ тонъ, которымъ графъ къ нему обращается, показываетъ, въ какомъ сильномъ подчиненіи отъ него находился помощникъ: «Хорошенько заботься о томъ, чтобы не было съ твоей стороны никакого упущенія въ исполненіи нашихъ приказаній, и направляй всѣ усилія къ тому, чтобы заслужить наше благорасположеніе[2]». Короли рѣдко занимаются викаріями, и они не попадаются въ числѣ должностныхъ лицъ, къ которымъ адресуются королевскія грамоты[3]. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они были агентами королевской

[1] *Edictum Guntramni* (у Boretius, p. 12): „Cuncti itaque iudices (то-есть, графы) nos vicarios instituere vel destinare praesumant, qui venalitatem exerceant".—Точно также позднѣе Карлъ Великій будетъ приказывать своимъ графамъ смѣнять викаріевъ и назначать лучшихъ, если они будутъ уличены въ дурномъ поведеніи—„ipsos eicere et meliores ponere" (*Pertz*, Leges, I, p. 121).

[2] *Formulae Merkelianae*, 51 (Zeumer, p. 259; Rozière, № 886): „Indiculum de comite ad vicarium... Propterea has litteras ad te dirigimus, ut in nostro comitatu vel in tuo ministerio pleniter ipsas iustitias facias, quasi ego ipse, sine ulla ratione vel sine impedimento. Et bene provide, ut nullum neglectum exinde habias. Taliter exinde certamen age, qualiter gratia nostra velis habere".

[3] Обычная формула такова: „Rex Francorum ducibus, comitibus..." Слово *vicariis* встрѣчается только въ подложныхъ грамотахъ и въ грамотахъ сомнительной подлинности, каковы №№ 88, 136, 247, 255, 282, 287 собранія Пардессю. Оно не встрѣчается въ подлинныхъ грамотахъ №№ 264, 279, 294, 388.—Надо сдѣлать исключеніе для № 340: грамота эта относится къ пожалованію земли, находящейся въ pagus города Лана, и адресована поэтому къ ланскому графу Бертуину и викарію его Бертоланду—„viro inlustri Bertuino comiti et Bertolando vicario".

власти, но функціонировали они при необходимомъ посредствѣ графа.

Трудно опредѣлить, въ чемъ состояли обязанности должностного лица, именовавшагося *tribunus*[1]. Названіе это примѣнялось во времена римской Имперіи то къ военнымъ начальникамъ, второстепенныхъ чиновъ, то къ чиновникамъ гражданскаго вѣдомства[2]. Въ меровингскихъ текстахъ трибунъ чаще всего появляется какъ начальникъ небольшого вооруженнаго отряда; онъ долженъ былъ поддерживать порядокъ въ странѣ; поэтому на немъ лежала обязанность присмотра за тюрьмами[3]; онъ въ то же время приводилъ въ исполненіе самые важные судебные приговоры, то-есть, смертныя казни[4]. Въ другихъ случаяхъ,

[1] *Greg.* Miracula S. Martini, I, 40: „Coniux Animi tribuni nomine Mummola".

[2] Были, напримѣръ, „tribuni stabuli" (*Ammian.* XIV, 10, 8; XX, 4, 4: XXX, 5, 19); „tribuni notarii" (*Ammian.* XXX, 2, 11; cfr. *Zosim.* V, 34); „tribuni palatini" (*Notitia dignitatum*, ed. Boecking, *Occid.* p. 300); „tribunus voluptatum" (*Cassiodor.* Var. V, 25; VII, 10).—Возможно, что и въ меровингскомъ дворцѣ были *tribuni*; таковъ, по крайней мѣрѣ, повидимому, смыслъ слѣдующихъ стиховъ Фортуната, VII, 16: „Theodericus ovans ornavit (te) honore tribunum".—Это было, какъ кажется, низшее достоинство сравнительно съ *comes*.

[3] Такъ, составитель *Vita Columbani*, c. 34, 35 (Mabillon, Acta SS. II, 20) говоритъ о „tribunus militum" города Безансона, облеченномъ, повидимому, только обязанностью присмотра за тюрьмами. При томъ же онъ подчиненъ былъ только королю, а не мѣстнымъ властямъ. Немного дальше (c. 36) онъ сообщаетъ, что Брунегильда посылаетъ другого „tribunus militum" схватить Колумбана и отправить его въ изгнаніе.—*Vita Germani a Fortunato*, c. 61 и 66.

[4] Въ житіи святого Далмація (*Bouquet*, III, 420), трибунъ ведетъ на висѣлицу приговореннаго къ смерти: „A quodam tribuno reus ad patibulum ducebatur".

tribunus обнаруживается съ характеромъ гражданскаго правителя, хотя мы и не можемъ точно усмотрѣть, каковы были его полномочія[1]. Онъ исполнялъ правительственныя распоряженія; въ случаяхъ надобности онъ завѣдывалъ сборомъ налоговъ и доставлялъ полученныя суммы во дворецъ[2].

Больше значенія и болѣе долгую будущность пріобрѣли сотники, и должность ихъ утвердилась прочнѣе; но происхожденіе ихъ очень темное[3]. Какъ

[1] Таковъ, какъ кажется, „tribunus Bessorum", о которомъ говоритъ въ своемъ завѣщаніи Бертрамнъ (*Diplomata*, I, 208); такимъ былъ также „tribunus Arbonensis" (*Vita S. Galli*), управлявшій подъ начальствомъ герцога небольшимъ округомъ (*Pertz*, Script. II, p. 12; 19), а также и тотъ „vir tribunitiae potestatis", о которомъ говоритъ Григорій Турскій (X, 21). Въ завѣщаніи святого Ремигія упоминается „tribunus Friaredus" (*Diplom.* I, 82); въ завѣщаніи Бертрамна находимъ имя „Ebolenus tribunus" (*Ibidem*, p. 214), а въ числѣ подписавшихъ одну хартію 728 года встрѣчается „Eucherius tribunus" (*Ibidem*, II, p. 355). Посланіе Дезидерія Кагорскаго обращается „comitibus, tribunis, defensoribus, centenis et omnibus publica agentibus" (*Bouquet*, IV, 42). Въ житіи св. Германа (c. 61) Фортунатъ говоритъ о нѣкоемъ Аббонѣ, котораго онъ называетъ трибуномъ, и который обладалъ, повидимому, довольно высокою властью, такъ какъ святой обращается къ нему, чтобы выпросить помилованіе одного заключеннаго; онъ же говоритъ (c. 66) объ одномъ „tribunus civitatis", производящемъ также впечатлѣніе довольно значительнаго должностного лица.

[2] *Greg.* De gloria confessorum, c. 41: „Nannenus quidam tribunus ex Arverno de Francia post reddita reginae tributa revertens..." — Ср. у Григорія (VII, 33) трибуна Медарда, который съ графомъ и викаріемъ одной области былъ компрометированъ въ какихъ-то финансовыхъ дѣлахъ.—См. „tribunus fisci", о которомъ говоритъ Фортунатъ въ Vita Radegundis, c. 38.

[3] Какъ королевскіе чиновники, *centenarii* встрѣчаются въ грамотѣ, приписываемой Хлодовеху; но надо обратить вниманіе на то, что грамота эта не подлинная (*Pardessus*, № 88); то же самое скажу я о грамотѣ № 136.

и слово *comes*, слово *centenarius*, по нашему мнѣнію, обозначало сперва чинъ, опредѣленную степень въ бюрократической табели, и только позже сдѣлалось названіемъ должностного лица, назначавшагося въ качествѣ правителя такой-то территоріи. Терминъ *centenarius* существовалъ уже въ Галліи до паденія Имперіи; Вегецій сообщаетъ, что слово это замѣнило въ войскѣ слово *centurio*, и означало поэтому начальника сотни людей[1]. Намъ же извѣстно, что названія военныхъ степеней часто переносились и на чиновниковъ гражданской службы, которая также именовалась *militia*. Съ 315 года мы находимъ *centenarii* при имперскихъ должностныхъ лицахъ; они были, повидимому, второстепенными чиновниками въ ихъ канцеляріи; есть упоминаніе объ одной только обязанности ихъ,—именно объ обязанности налагать запрещенія на имущество должниковъ казны[2]. При Меровингахъ мы снова находимъ центенаріевъ; но не можемъ сказать, ведутъ ли они свое происхожденіе изъ указаннаго римскаго или изъ какого-либо другого источника[3].

Функціи центенаріевъ были довольно неопредѣленныя. Слово *centenarius* встрѣчается иногда просто, какъ названіе достоинства, безъ указанія какой-ни-

[1] *Veg.* II, 8: „Erant centuriones... qui nunc centenarii nominantur". *Idem*, II, 13: „Centuriones, qui nunc centenarii vocantur".

[2] *Cod. Th.* XI, 71: „Ducenarii et centenarii et sexagenarii non prius debent aliquem ex debitoribus convenire, quam a tabulario civitatis nominatim breves accipiant debitorum". — См. замѣчанія Годефруа къ этому отрывку.

[3] Въ Баварской Правдѣ (II, 5, 1) они названы *centuriones* и оказываются чиновниками, подчиненными графу: „Comes ponat ordinationem suam super centuriones et decanos".

будь настоящей должности [1]. Такъ, въ двухъ хартіяхъ находимъ мы подписи лицъ, названныхъ этимъ именемъ, то-есть, сотниками [2]. Въ другихъ случаяхъ видимъ мы, что на нихъ лежали обязанности полицейской власти въ какомъ-нибудь небольшомъ округѣ, и что дѣятельность ихъ главнымъ образомъ выражалась въ преслѣдованіи и задержаніи преступниковъ [3]. Кромѣ того, они иногда исправляли судебныя обязанности въ своемъ небольшомъ округѣ; имъ поручалось также, повидимому, взыманіе налоговъ [4]. Наконецъ, въ позднѣйшій періодъ они обратились, какъ кажется, въ настоящихъ начальниковъ территоріальныхъ сотенъ и пользовались въ своихъ маленькихъ областяхъ (centenae) властью, аналогичной власти графовъ въ большихъ (civitates) [5].

[1] *Vita Eligii*, II, 60; „Bodolenus quidam centenarius, oppidi Noviomagensis colonus".

[2] Хартія 700 года (Pardessus, II, p. 432): „Signum Caroini centenarii".—Хартія 745 года (Ibidem, p. 475): „Signum Austroaldi centenarii". — „Центенаріи" называются въ *Vita Salvii* „центуріонами", и они помѣщены тамъ рядомъ съ vicarii, tribuni и decani regis" (*Bouquet*, III, 647).

[3] *Childeberti decretio*, c. 9 (Boretius, p. 17): „Si quis centenario aut cuilibet iudice noluerit ad malefactorem adiuvare... condemnetur..."—Ср. *Chlotaharii decretio* (Boretius, p. 7); „Centenarii ponantur per quorum fidem atque sollicitudinem pax observetur... Centenarii licentiam habeant inter communes provincias latrones persequere..."

[4] *Sohm*, Reichs- und Gerichtsverfassung im fränkischen Reiche, p. 258, 260, 262.

[5] Этотъ характеръ власти сотника хорошо отмѣченъ въ Аламанской Правдѣ, гл. XXXI (*Pertz*, Leges, III, 56): „Conventus fiat in omni centena coram comite aut suo misso et coram centenario... Wadium donet ad illo centenario, qui praeest... Si quis se ipsum non ostenderit comiti aut centenario".—Эта Аламанская Правда редактирована въ седьмомъ вѣкѣ.

Если мы бросимъ взглядъ на другія государства, современныя франкскому, прибѣгая для разъясненія темныхъ пунктовъ къ сравнительному пріему, то увидимъ, что слово *centenarius* обозначало тамъ прежде всего военный чинъ; но мы убѣдимся вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ, являясь начальникомъ сотни человѣкъ на войнѣ, возвратившись домой, оставался во время мира гражданскимъ чиновникомъ. Возможно, что также обстояло дѣло и во франкскомъ государствѣ [1].

Наряду съ *centenarius* мы встрѣчаемъ лицо, носившее по внѣшности германское наименованіе: это былъ—*thunginus*. Должность эта, повидимому, близко подходила къ должности сотника; можетъ быть, даже оба слова обозначали одно учрежденіе [2]. Терминъ

[1] *Lex Wisigothorum*, IX, 2, 1: „De his qui ad bellum..." Іерархическій порядокъ чиновъ тутъ былъ слѣдующій: „Comes, thiuphadus, quingentenarius, centenarius, decanus."—*Ibidem*, IX, 2, 3: „Si quis centenarius dimittens centenam in hoste ad domum suam refugerit, capitali supplicio subiacebit".—*Lex Baiuwariorum*, II, 5, 1: „In exercitu... comes ponat ordinationem suam super centuriones et decanos".

[2] *Lex Salica*, XLIV: „Qui eam (viduam) voluerit accipere, antequam sibi copulet, ante thunginum aut centenarium, hoc est ut thunginus aut centenarius mallum indicant..."—*Ibidem*, XLVI: „Hoc convenit observare, ut thunginus aut centenarius mallo indicant... In mallobergo ante teoda aut thunginum".—*Ibidem*, L: „Rogo te, thungine, ut..."—*Ibidem*, LX: „In mallo ante thunginum ambulare debet".—Надо замѣтить, что эти четыре статьи, въ которыхъ появляется слово *thunginus*, по содержанію своему производятъ впечатлѣніе наиболѣе древнихъ въ кодексѣ и, какъ кажется, отражаютъ на себѣ старѣйшіе обычаи.—Въ первыхъ двухъ статьяхъ слова *thunginus* и *centenarius* соединяются, повидимому, какъ тождественныя, такъ какъ союзъ *aut* не указываетъ на противоположность этихъ двухъ терминовъ.—Остается вопросъ, не были ли вставлены слова—„aut centenarius" позднѣе для разъясненія вышедшаго изъ употребленія термина „thunginus".

этотъ встрѣчается въ одномъ только памятникѣ, въ Салической Правдѣ. Онъ былъ неизвѣстенъ, повидимому, ни одному изъ писателей меровингской эпохи и не встрѣчается въ грамотахъ. Если онъ и происходитъ изъ древняго германскаго языка, то во всякомъ случаѣ не сохранился въ историческихъ нарѣчіяхъ германскихъ, къ тому же онъ мало употреблялся и, кажется, рано исчезъ.

Во всѣхъ разсматриваемыхъ вопросахъ мы придерживаемся извѣстной осторожности и сомнѣніе предпочитаемъ смѣлымъ, но теоретическимъ построеніямъ нѣменкой ученой школы, которая утверждаетъ, что меровингское государство покоилось на правильной организаціи мелкихъ сельскихъ общинъ (*centenae*). Повсемѣстно установившимся во всемъ королевствѣ мы считаемъ только административное дѣленіе страны на большія области (*civitates*) съ графами какъ правителями во главѣ; все же остальное обнаруживается по документамъ въ формахъ, чрезвычайно неопредѣленныхъ: такъ же, вѣроятно, обстояло дѣло и въ самой меровингской дѣйствительности. Викаріи, трибуны и сотники не были, по всѣмъ вѣроятіямъ, учреждены актомъ общественной верховной власти. Они появлялись въ той или другой мѣстности въ силу потребностей каждаго даннаго края и по желанію отдѣльныхъ графовъ. Незамѣтно, они сдѣлались необходимыми органами управленія, такъ какъ дѣла у графа оказывалось черезчуръ много; онъ слиш-

[1] Умѣстно будетъ здѣсь замѣтить, что оффиціально centenarii не упоминаются въ меровингскихъ грамотахъ. Они не поименовываются въ заголовкахъ въ числѣ тѣхъ, кому адресовывались бумаги. Формула—„rex Francorum ducibus, comitibus, vicariis, centenariis“—сложилась въ каролингское время.

комъ часто находился въ отсутствіи, потому что долженъ былъ являться къ королю—весною идти въ походъ, осенью присутствовать на «conventus». Такимъ образомъ, существованіе и положеніе низшихъ чиновниковъ, которое не было опредѣлено никакимъ закономъ, упрочилось въ жизни, и полномочія ихъ постепенно расширились, но все-таки со времени Каролинговъ эти порядки и должности не выработались правильно и не пріобрѣли единообразія[1].

Надо въ особенности устранить совершенно противорѣчащее текстамъ мнѣніе, будто *centenarii* были вождями народныхъ группъ[2]. Нѣтъ ни одного доку-

[1] Зомъ пытался доказать, что всѣ три термина—*vicarius*, *tribunus* и *centenarius*, были тождественны (*Sohm*, Reichs- und Gerichtsverfassung, p. 215—219, 237). Аргументируетъ онъ очень искусно, но все же оставляетъ въ умѣ сомнѣніе. Я ясно вижу въ текстахъ, что „centenarius“ былъ иногда одновременно викаріемъ, и что на извѣстной территоріи „vicaria“ была то же самое, что „centena“. Но одного этого факта, кажется мнѣ, недостаточно для того, чтобы можно было высказывать такое общее и безусловное утвержденіе, какъ дѣлаетъ Зомъ.

[2] Тунгинъ избирался населеніемъ согласно Вайтцу (*Waitz*, Verfassungsgesch. т. II, 2-е изд. стр. 37; 3-е изданіе, стр. 97). Шульте думаетъ то же самое (115 стр. французскаго перевода его книги—„Histoire du droit et des institutions allem.“ P. 1882). Но нѣтъ ни одного текста, который подтверждалъ бы это мнѣніе. Въ Салической Правдѣ нѣтъ никакого намека на народное избраніе; въ ней не встрѣчается ни одного слова, которое обозначало бы избраніе, и ни одного слова, которое обозначало бы народъ. Теорія эта—продуктъ ученаго воображенія. Порабощенный субъективными идеями умъ вкладываетъ въ тексты то, чего въ нихъ нѣтъ.—Главный доводъ, приводимый Зомомъ въ подтвержденіе того, что „thunginus“ долженъ былъ избираться народомъ, сводится къ тому, что за убійство его не назначалась тройная пеня, какъ за убійство графа; но, во 1-хъ, въ Салической Правдѣ этого не сказано, и

мента, ни одного историческаго факта, который обнаруживалъ бы въ нихъ такой характеръ. Сотники, какъ и намѣстники, были чиновниками государства, то-есть, членами административной іерархіи, долженствовавшей только исполнять приказанія короля[1].

Однако и не король назначалъ сотниковъ; они не были также выборными отъ народа. Графъ выбиралъ и назначалъ себѣ викаріевъ и сотниковъ такъ же какъ король назначалъ графа. Это ясно указано въ одномъ эдиктѣ короля Гунтрамна; онъ приказываетъ графамъ «хорошенько выбирать своихъ вика-

мы ничего не знаемъ по данному пункту; во 2-хъ, вовсе не необходимо, чтобы и второстепенные чиновники имѣли тройную виру, какъ ихъ начальникъ. Отсутствіе тройного wergeld доказывало бы только, что тунгинъ не находился подъ „trustis regia"; но при этомъ остается возможнымъ, что онъ былъ чиновникомъ или подчиненнымъ агентомъ графа.

[1] Ссылались, правда, на одинъ документъ, именно на 16-ю статью указа, приписываемаго Хлотару I (см. *Boretius*, p. 7). Если вырвать изъ его текста два слова — „electi centenarii" и разсматривать ихъ въ отдѣльности, конечно, покажется, что идетъ рѣчь о сотникахъ, выбранныхъ народомъ; но никогда не слѣдуетъ отдѣлять слова отъ контекста, такъ какъ это вѣрное средство къ тому, чтобы ошибиться въ пониманіи ихъ значенія. Надо обратить вниманіе на слова — „in truste", обозначающія не населеніе округа, а группу приближенныхъ короля. *Sohm* очень правильно замѣтилъ (стр. 188—189, 241), что „centenarii", о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ указѣ Хлотара, — не начальники округа, они — члены „centenae", упомянутыхъ въ 9 статьѣ того же постановленія. „Centenae" же эти были ассоціаціями противъ разбоя, которыя пытался установить Хлотаръ, хотя мы не знаемъ, достигъ ли онъ успѣха въ этомъ мѣропріятіи или нѣтъ. Centenarii, о которыхъ говорится въ его указѣ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыми мы занимаемся въ настоящей главѣ. Добавимъ, что въ выраженіи — „electi centenarii" слово *electi*, за которымъ не слѣдуетъ „a populo", не обозначаетъ непремѣнно избранныхъ народомъ лицъ; оно можетъ также означать избранниковъ графа.

ріевъ и другихъ лицъ, посылаемыхъ ими въ различныя части ввѣренной имъ области»[1]. Сотники никогда не назывались народными старшинами; они не именовались ни сотниками народа, ни сотниками короля, про нихъ говорилось только — сотники графа[2]. Ихъ признавали за его *ministri*, то-есть, считали его слугами; или чаще всего они обозначались болѣе употребительнымъ въ то время терминомъ, *iuniores*; они стало быть, считались подначальными графа, его младшими подчиненными[3].

Итакъ, король управлялъ королевствомъ черезъ своихъ графовъ, а каждый графъ управлялъ своею областью при помощи викаріевъ и сотниковъ. Король назначалъ только герцоговъ и графовъ, графы же

[1] *Edictum Gunthramni* (Boretius, p. 12): „Non vicarios aut quoscumque de latere suo per regionem sibi commissam instituere vel destinare praesumant, qui malis operibus consentiendo venalitatem exerceant".

[2] См. *Capitul. a. 800* (Pertz, I, 121, c. 19): „Comites et vicarii eorum". — *Capit. a. 801*, c. 2 (Pertz, I, 168): „Super comites et eorum centenarios". - *Capit. a. 825*, c. 4: „Habeat unusquisque comes vicarios et centenarios suos secum". — *Capit. a 884*: „Comes praecipiat suis centenariis". — Тексты эти относятся къ каролингской эпохѣ; въ меровингской же слово *centenarius* попадается вообще такъ рѣдко, что нельзя удивляться, если памятники того времени спеціально не упоминаютъ о данномъ пунктѣ. Отмѣтимъ, впрочемъ, что при сравненіи каролингскихъ порядковъ съ меровингскими не обнаруживается никакого измѣненія въ отношеніи между центенаріями и графомъ.

[3] Въ дипломахъ объ иммунитетѣ король говоритъ своимъ графамъ: „Neque vos, neque iuniores vestri". — *Iuniores* обозначаетъ здѣсь подчиненныхъ и, очевидно, примѣняется къ *vicarii, tribuni, centenarii*. — Въ *Form. Bignonianae*, № 24 (Rozière, 717) также говорится о „iuniores comitis". — Ср. акты шалонскаго собора, 843 г. (гл. 21): „Ministri comitum, quos vicarios et centenarios vocant".

сами отыскивали и выбирали низшихъ чиновниковъ. Король ограничивался тѣмъ, что напоминалъ изрѣдка графамъ о томъ, что они отвѣтственны за дѣйствія своихъ подчиненныхъ.

5.

Въ франкской монархіи не существовало мѣстныхъ собраній.

Герцоги и графы короля, викаріи и сотники графовъ—все это образовало цѣлую сѣть государственныхъ должностныхъ лицъ, покрывавшую всю территорію королевства. Общимъ терминомъ, обозначавшимъ членовъ этой іерархіи, служило слово—*iudices*. Оно часто попадается въ текстахъ меровингской эпохи, какъ у писателей, такъ и въ законахъ и грамотахъ. Встрѣчая этотъ терминъ, мы не должны думать, что рѣчь идетъ только спеціально о судьяхъ, или, тѣмъ менѣе, о простомъ частномъ лицѣ, временно облеченномъ правомъ судить. Значеніе слова всегда одно и то же въ сотняхъ примѣровъ, которые можно собрать: оно обозначаетъ государственнаго чиновника, члена администраціи вообще [1]. Въ послѣдніе вѣка римской

[1] Можно дѣйствительно привести многочисленные примѣры употребленія слова *iudices* примѣнительно къ чиновникамъ вообще. См. *Greg.* VI, 46: „In praeceptionibus, quas Chilpericus rex ad iudices pro suis utilitatibus dirigebat...“—Ясно, что въ этомъ отрывкѣ „iudices“ не означаетъ того, что мы называемъ судьями.—*Greg.* VII, 42: „Edictum a iudicibus datum est“.—*Decretio Childeberti*, c. 9: „Si quis centenario aut cuilibet iudici noluerit ad malefactorem adiuvare“.—*Edictum Chlotarii* (c. 614), c. 4 (Boretius, p. 21); „Ut nullus iudicum de quolibet ordine clericum distringere audeat“.—Оксеррскій соборъ 578 года, 43: „Quicumque iudex aut saecularis presbytero iniuriam inferre praesumpserit“.—Маконскій соборъ 581 года, 7: „Quicumque iudex...“—Въ иммунитетныхъ актахъ слова—„nullus de iudicibus“ (Pardessus, № 336), или „nullus iudex publicus“, или „absque introitu iudicum“ (Pardessus, № 268) примѣняются ко всѣмъ гражданскимъ чиновникамъ; они соотвѣтствуютъ словамъ—„neque vos, neque iuniores vestri“, относящимся къ графамъ.

Имперіи то же слово примѣнялось къ обозначенію провинціальныхъ намѣстниковъ [1]; то же значеніе сохраняетъ оно во франкскомъ королевствѣ и примѣняется къ герцогамъ и графамъ, а потомъ, вслѣдствіе расширенія своего значенія, также къ викаріямъ и центенаріямъ [2]. Люди привыкли съ давнихъ поръ къ этому выраженію. Оно обозначало для нихъ человѣка, который, кромѣ судебныхъ полномочій, былъ облеченъ и всякаго рода иною властью. Вотъ какимъ образомъ произошло, что слова — *iudiciaria potestas* стали на языкѣ того времени наименованіемъ всякой

[1] *Cod. Iust.* I, 22, 6: „Omnes cuiuscumque maioris vel minoris administrationis universae nostrae reipublicae iudices“.—*Ibidem*, I, 24, 2: „Si quis iudicum in administratione positus“.—*Ibidem*, I, 24, 4: „Iudicibus nostris“.—*Ibidem*, I, 40, 3, 5, 8: „Ne quis iudicum in provincia sua...“—*Ibidem*, I, 40, 15: „Iudices, qui provincias regunt“.—I, 52, 1: „Omnibus iudicibus, qui per provincias sive militarem sive civilem administrationem gerunt“.

[2] Часто случается, что слово iudices спеціально примѣняется къ графу, который былъ главнымъ должностнымъ лицомъ того времени. *Decretio Childeberti*, ст. 4: „In cuiuslibet iudicis pago commissum fuerit“.—Iudex тутъ не что иное, какъ графъ, управляющій pagus'омъ. Въ вышеприведенномъ нами отрывкѣ указа Гунтрамна iudices обозначаетъ, очевидно, графовъ или герцоговъ, потому что они имѣютъ „regio sibi comissa“ и избираютъ, кромѣ того, своихъ замѣстителей и другихъ чиновниковъ. У Григорія, VI, 8, одно и то же лицо называется сначала iudex, потомъ comes: „Ad deprecandum iudici.. prosternitur ad pedes comitis“. Тотъ же писатель говоритъ о iudex loci, V, 50, который не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ графомъ Буржа: „Irruentibus Bituricis cum iudice loci“. Замѣтьте, что онъ называетъ его iudex, тогда какъ тотъ испол-

государственной должности вообще и должности графа въ частности [1].

Къ слову *iudex* прибавляли часто эпитетъ *publicus*; этотъ второй терминъ означалъ, собственно, понятіе «государственный», а такъ какъ государство и король сливались въ одно, то лучше всего переводить его словомъ — «королевскій». Выраженіе *iudex publicus* существовало уже во время Имперіи для наименованія имперскаго должностного лица, преимущественно губернатора провинціи [2]. Франкскіе короли взяли его для обозначенія своихъ чиновниковъ [3].

няетъ совсѣмъ другія обязанности, чѣмъ судебныя. Въ другомъ мѣстѣ, (IV, 18): iudex loci — графъ Тура. Графъ Оверни также называется iudex, (IV, 47). Смотрите также одно мѣсто, X, 15, гдѣ графъ Пуатье—Макконъ называется то comes, то iudex—до такой степени тождественны оба эти слова. То же самое у Фортуната, X, 22, нѣкій Галакторій называется и iudex, и comes. Другіе примѣры можно найти въ Vita Albini, 6; Vita Emani, 9; Vita Fidoli, 18; Vita Walarici, 8; Vita Desiderii Viennensis, 6; Vita Lupi Cabillonensis, 7; очевидно, что во всѣхъ этихъ примѣрахъ iudex или iudex civitatis—графъ. Въ *Formulae Turonenses*, № 24, Rozière, 119, iudex provinciae—правитель области, графъ.

[1] *Greg.* Vitae Patrum, VIII, 3: „Armentarium comitem, qui Lugdunensem urbem his diebus potestate iudiciaria gubernabat".—*Vita Desiderii Cat.* 1: „Apud Massiliam iudiciariam potestatem exercuit".—*Diplomata*, Pardessus, №№ 258, 270: „Nec aliquis ex iudiciaria potestate".—№№ 281, 367, 397: „Nec quislibet iudiciaria potestate accintus". Въ иммунитетныхъ формулахъ: „Nulla iudiciaria potestas praesumat ingredi" (Pardessus, №№ 341, 343);—„Persona iudiciariae potestatis" (Ibidem, 291). — Въ формулѣ назначенія графа или герцога король говоритъ: „Iudiciariam convenit committere dignitatem" (*Marculf.* I, 8).—Ср. еще *Marculf.* I, 2: „Nulla iudiciaria potestas ibidem praesumat ingredi".

[2] См. напримѣръ, законъ 451 года въ Юстиніановомъ сводѣ (I, 11, 7), гдѣ „iudex publicus" четырьмя строками ниже названъ „rector provinciae".

[3] *Diplomata*, Pardessus, № 258: „Nullus ex publicis iudicibus".—

Употребленіе эпитета *publicus* дѣлалось особенно необходимымъ по мѣрѣ того, какъ, кромѣ королевскихъ, появлялись другіе чиновники и судьи, то-есть, именно частные, *iudices privati*, и церковные—*iudices ecclesiastici* [1].

Прилагательное *publicus* замѣнялось иногда словомъ *fiscalis*, и человѣкъ, именовавшійся *iudex fiscalis*, былъ королевскимъ чиновникомъ по преимуществу, то-есть, именно графомъ [2]. Такъ какъ не было никакой другой казны кромѣ королевской, то и слово *fiscalis* приняло значеніе «королевскій» [3].

Если сравнить одинъ съ другимъ иммунитетные акты, видно будетъ, что выраженіе—„nullus iudex publicus" въ однихъ изъ нихъ соотвѣтствуетъ выраженію—„neque vos" въ другихъ, относящемуся къ графамъ.—*Edictum Chlotarii* (a 614), ст. 5: „Iudex publicus in audientia publica". — Называть королевскихъ чиновниковъ — „iudices publici" было даже въ обычаяхъ церкви. Въ актахъ орлеанскаго собора 540 года (ст. 20) мы читаемъ: „Iudex publicus". — *Marculf.* I, 3: „Nulla publica iudiciaria potestas". — Слово publicus такъ часто встрѣчается въ меровингскихъ текстахъ, что въ значеніи его не можетъ быть сомнѣнія.

[1] См. акты соборовъ: орлеанскаго—540 года, ст. 20, оксеррскаго (578 года), гл. 43, маконскаго (581 года), гл. 7 и т. д. Ср. также замѣчаніе Биньона въ приложеніи къ изданію Капитулярій Балюза, т. II, стр. 878. — Въ *Edictum Chlotarii* (гл. 5), слова „persona publica" обозначаютъ всякое зависящее отъ короля лицо въ противоположность людямъ, зависящимъ отъ церкви, *homines Ecclesiae*.

[2] *Lex Ripuaria*, LIII: „Si quis iudicem fiscalem, quem comitem vocant, interfecerit..."—Ср. *Ibid.* XXXII, 3, гдѣ одно и то же лицо называется сначала „comes" и двумя строками ниже „iudex fiscalis".

[3] Такъ помѣстье короля называютъ — „ager fiscalis" (*Greg.* IX, 20), королевскихъ лошадей—„iumenta fiscalia" (*Idem*, VIII, 40).—„Carcer fiscalis" значитъ—королевская тюрьма (*Vita Eligii*, II, 14). Въ слѣдующей фразѣ изъ *Vita Sigiranni* (c. 7) — „Ste-

Въ своихъ грамотахъ короли называли часто этихъ же самыхъ должностныхъ лицъ *agentes nostri*, исполнители нашей воли[1]. Подобно тому, какъ епископы и крупные владѣльцы имѣли своихъ повѣренныхъ для управленія помѣстьями и населяющимъ ихъ многочисленнымъ служебнымъ персоналомъ[2], точно такъ же: у королей были «повѣренные» для управленія различными частями королевства. Такъ какъ люди эти были *agentes*, то и должность ихъ называлась *actio*[3].

phanus, qui tunc erat rector civitatis sub ditione fisci", — послѣднія слова означаютъ „подъ властью короля".

[1] См. въ королевскихъ грамотахъ (*Tardif*, № 7, *Pardessus*, № 264): „Dagobertus rex Francorum... comitibus vel omnibus agentibus praesentibus et futuris". — *Pardessus*, № 270, *Pertz*, № 15: „Ducibus, vel omnibus agentibus".—*Tardif*, № 9, *Pardessus* № 279: „Omnibus agentibus praesentibus et futuris".—*Pardessus*, № 337, *Pertz*, № 38: „Chlotarius rex Francorum omnibus agentibus tam praesentibus quam futuris".—*Pardessus*, № 428, *Pertz*, № 63: "Chlodoveus omnibus agentibus praesentibus et futuris".—*Greg. Tur.* VI, 19: „Mittit nuntios comitibus ducibusque et reliquis agentibus".—*Chlotarii praeceptio*, c. 11: „Agentes publici". — *Marculf.* I, 2: „Ille rex illi comiti vel omnibus agentibus". Ср. *Andegavenses*, 28: „Ante illo agente". *Marculf.* Supplem. № 1, *Zeumer*, p. 107: „Omnibus curam publicam agentibus".—*Epistola Desiderii* (Bouquet, IV, 42): „Omnibus publica vel ecclesiastica agentibus"

[2] *Edictum Chlotarii*, c. 20: „Agentes episcoporum aut potentum".—*Greg.* VII, 42: „Agens domus illius"; рѣчь идетъ о повѣренномъ епископа, управлявшемъ однимъ изъ доменовъ св. Мартина. Григорій говоритъ въ другомъ мѣстѣ о повѣренномъ одного крупнаго владѣльца, который далъ убить себя, защищая интересы своего господина, IX, 35.—У Маркульфа (II, 27 и 28) говорится также объ „agentes" помѣщиковъ: „Servitium quod vos aut agentes vestri mihi iniunxeritis... Pro vestro aut agentum vestrorum imperio".—Въ *Turonenses formulae* упоминаются также „agentes Ecclesiae".

[3] „Me ab actione remoto" (*Greg.* V, 48).—„Ad renovandam

Всѣ эти лица, начиная съ герцога и кончая сотникомъ, были представителями королевской власти, и на обязанности ихъ лежало обезпечивать вездѣ ея могущество. Они были орудіями короля, исполнителями его приказаній, сборщиками налоговъ и штрафовъ въ его пользу, органами его юстиціи, начальниками его войска. Я не знаю, была ли ихъ покорность приказаніямъ короля безпрекословною на дѣлѣ, но въ принципѣ такая обязанность являлась абсолютнымъ требованіемъ[1]. Можно видѣть, какъ короли обращались къ нимъ въ тонѣ повелителей. «Если одинъ изъ нашихъ чиновниковъ дерзнетъ уклониться отъ настоящаго нашего указа,—говоритъ Хильдебертъ I,— пусть онъ знаетъ, что ему угрожаетъ смерть»[2]. — Обращаясь къ своимъ герцогамъ, Гунтрамнъ говоритъ имъ: «Если вы ослушаетесь моихъ приказаній, сѣкира сниметъ вашу голову»[3]. Хильперихъ, посылая предписанія своимъ графамъ, сопровождаетъ ихъ слѣдующей угрозой: «Если кто-нибудь изъ васъ пренебрежетъ исполненіемъ моихъ повелѣній, у него будутъ выколоты глаза»[4]. — «Чиновники, которые будутъ плохо дѣйствовать,— говоритъ Гунтрамнъ, — будутъ строго наказаны нами»[5]. — А въ слѣдующемъ вѣкѣ

actionem" (*Ibidem*, IV, 42).—„Quidquid de ipsa actione speratur" (*Marculf.* I, 8).

[1] См. *Lex Baiuwariorum*, II, 9 (*Pertz*, III, p. 286), гдѣ видно, что обязанности графа состояли въ томъ, чтобы „in exercitu ambulare, populum iudicare, in omnibus iussionem regis implere".

[2] *Childeberti praeceptio*, c. 18 (Boretius, 7).

[3] *Greg.* VIII, 30: „Si vos regalia iussa contemnitis, iam debet securis capiti vestro submergi".

[4] *Greg.* VI, 46.

[5] *Edictum Gunthramni* (Boretius, p. 12).

біографъ святого Леодегарія сообщаетъ намъ, что «король посылалъ свои приказы графамъ, а тѣ, которые не повиновались имъ, лишались должностей и иногда карались даже смертью»[1].

Кромѣ чиновниковъ, находившихся на постоянной службѣ, у франкскихъ королей были еще «посланцы», объѣзжавшіе провинціи. Институтъ *missi*, правильно установленный Карломъ Великимъ, существовалъ уже при Меровингахъ. Въ документахъ упоминаются посланцы, носящіе названіе «missi regales», «missi de latere regis», «missi de palatio», «missi discurrentes»[2]. Они, однако, не походятъ на тѣхъ, которыхъ мы увидимъ при Каролингахъ; они не отправляются изъ дворца ежегодно въ опредѣленное время для ревизіи всѣхъ провинцій. Институтъ этотъ оставался еще невыработаннымъ, колеблющимся, перемежающимся. Меровингскій *missus* въ случаѣ надобности только былъ облекаемъ властью и съ однимъ какимъ-нибудь спеціальнымъ полномочіемъ. Иногда ему предписывалось подавить воз-

[1] *Vita Leodegarii*, c. 8 (Bouquet, II, p. 617).

[2] *Greg*. V, 29: „Missis regalibus“.—*Ibidem*: „Rex dirigens personas de latere suo“.—IV, 13: „Misit rex Imnacharium et Scaptarium primos de latere suo“.—*Marculf*. I, 20: „Missus de palatio nostro“.—*Ibidem*, I, 25: „Dum nos ad praesens apostolicum virum illum aut illustrem virum pro nostris utilitatibus ibi ambulare praecipimus“. — *Marculf*. I, 40: „Misso nostro, quem ex nostro latere direximus.“ — *Marculfi additamentum*, № 2 (Zeumer, 111): „Ille rex omnibus agentibus seu missis nostris discurrentibus“.—*Formulae Senonicae* 28: „Vicariis, centenariis et missos nostros discurrentes“. Двѣ послѣднія формулы относятъ къ довольно поздней эпохѣ.—Въ грамотахъ Хильдеберта I и Хильпериха I мы читаемъ: „missos de palatio nostro discurrentes“, но обѣ эти грамоты, повидимому, не подлинныя. (*Pardessus*, № 144 и 168). То же самое скажу я про грамоту Теодериха III, № 372.

станіе[1] или арестовать провинившагося вельможу[2]; иногда только требовалось привести населеніе къ присягѣ новому королю[3]; иногда же онъ долженъ былъ остановить судебное рѣшеніе, которое не могло быть произнесено королемъ лично, и для чего онъ отправлялъ своего представителя[4]. Могло также случиться, что до короля доходили жалобы на графа, и онъ посылалъ уполномоченнаго, чтобы провѣрить факты, и если они оправдывались, отставить чиновника отъ должности[5]. Во всѣхъ такихъ случаяхъ представитель короля облекался неограниченною властью.

Наряду съ королевскими чиновниками разнаго рода и разнаго достоинства въ документахъ никогда не упоминается о совѣщаніяхъ или собраніяхъ. Подобно тому, какъ не было общаго собранія въ государствѣ, которое представляло бы населеніе всего королевства, не существовало точно такъ же собраній провинціальныхъ, на которыхъ населеніе областей обсуждало бы свои мѣстныя нужды. Мы замѣчаемъ, правда, что въ своемъ округѣ графъ, чтобы ладить со знатными и богатыми людьми, особенно же съ епископомъ, неизбѣжно долженъ былъ приглашать ихъ къ себѣ какъ бы на совѣтъ и спрашивать ихъ мнѣнія по разнымъ вопросамъ; но мы никогда не видимъ, чтобы наряду съ

[1] *Greg*. V, 29: „Lemovicinus populus congregatus Marcum referendarium interficere voluit; unde multum molestus rex, dirigens de latere suo personas, populum suppliciis conterruit“.

[2] *Idem*, IV, 13: „Misit rex I. et S. de latere suo dicens: Ite et vi abstrahite Firminum de ecclesia“.

[3] *Marculf*. I, 40: „Praesente misso nostro, inlustri viro illo, quem ex nostro latere illuc pro hoc direximus“.

[4] Примѣръ такого случая можно видѣть у *Marculf*. I, 20.

[5] *Greg*. V, 47: „Audiens Chilpericus omnia mala, quae faciebat Leudastis (графъ Тура), Ansovaldum illuc dirigit“.

графомъ дѣйствовало правильно организованное собраніе, которое было бы уполномочено помогать ему въ управленіи или контролировать его дѣйствія. Нѣтъ больше никакихъ слѣдовъ и отъ тѣхъ провинціальныхъ собраній, которымъ пытались вернуть жизнь послѣдніе римскіе императоры, и которыя исчезали уже сами собою, такъ что франкскимъ королямъ не пришлось даже уничтожать ихъ. Въ самыхъ городахъ мы не находимъ уже муниципальныхъ собраній, которыя обсуждали бы мѣстныя общественныя дѣла. Прежнія куріи со своими «honorati» и «defensores» еще существуютъ, но у нихъ нѣтъ другихъ законныхъ полномочій кромѣ принятія и регистрированья актовъ частныхъ лицъ[1]. Что же касается собраній франкскаго племени, то документы вовсе не обнаруживаютъ ихъ.

Нѣкоторые новѣйшие ученые полагали, что тогда существовали, по крайней мѣрѣ, окружныя или сотенныя собранія, сходившіяся подъ предсѣдательствомъ сотника[2]. Такое мнѣніе повторялось часто, но доказа-

[1] *Formulae Andegavenses*, 1: „Anno quarto regni Childeberti regis, cum Andecavis civitate curia publica resideret in foro.. Rogo te, defensor, curator, magister militum, vel reliqua curia publica, uti codices publicos patere iubeatis...“—*Arvernenses*, 16: „Laudabilis vir defensor et vos honorati...“ *Ibidem*, 26: „Arvernis apud illum defensorem vel curiam publicam...“ *Marculf*. II, 37: „In civitate illa, adstante viro illo laudabili defensore et omni curia illius civitatis... Peto, ut mihi codices publicos patere iubeatis“.

[2] *Pardessus*, Lex Salica, p. 271—279.—*Schaeffner*, Gesch. der Reichsverf. Frankreichs, I, 392.—*Maurer*, Gesch. der altgerm. Gerichtsverfahrens, 1824, стр. 76.—*Waitz*, т. II, 2-е изд., стр. 495 и слѣд.—*Thudichum*, Die Gau - und Markverfassung, 1860, стр. 82 и слѣд.—*Sohm*, Reichs- und Gerichtsverfass. стр. 285. Теорія Зома отличается отъ взглядовъ предшествующихъ ученыхъ тѣмъ, что онъ признаетъ по меньшей мѣрѣ, что собранія сотни были исключительно судебными и не имѣли никакого политическаго характера.

тельствъ никто не приводилъ никакихъ. Нѣтъ ни одного текста, ни одного факта или случая, который подвергалъ бы его. Изъ того, что мы часто видимъ, какъ графъ созываетъ населеніе, объѣзжая подвѣдомственную ему область, и заставляетъ его собираться вокругъ себя, не слѣдуетъ заключать, чтобы такіе сходы составляли собраніе, которое имѣло право обсуждать общественныя дѣла. Мы видимъ тутъ или только сборъ людей, способныхъ носить оружіе, вызванныхъ королемъ для похода, или населеніе, собранное для выслушанія новаго закона съ требованіемъ отъ нихъ повиновенія этому закону, либо для сообщенія ему о восшествіи на престолъ новаго короля съ тѣмъ, чтобы заставить его принести ему клятву въ вѣрности. Эти сходы, созывавшіеся графомъ, когда и гдѣ онъ хотѣлъ, не походятъ на то, чѣмъ должны бы были быть правильныя собранія съ правомъ участія въ управленіи. Мы никогда не видимъ, чтобы на нихъ обсуждались дѣла или голосовался какой-нибудь вопросъ. Населеніе созывалось лишь для того, чтобы выслушать графа, принять его приказанія или приказанія короля[1].

Чтобы можно было утверждать противоположное, какъ дѣлали нѣкоторые изслѣдователи, слѣдовало бы отыскать въ источникахъ, по крайней мѣрѣ, одно сотенное собраніе, которое по праву сошлось бы въ опредѣленный день, обсуждало бы какія-нибудь дѣла, высказало бы свое мнѣніе и предписало бы графу или сотнику свое рѣшеніе какъ обязательное. Ни законы, ни

[1] Это ясно видно изъ одной формулы Маркульфа (см. I 40). Мы читаемъ въ ней, что графъ собираетъ народъ, гдѣ хочетъ—„locis congruis“, безъ различія расы—„tam Francos, Romanos, vel reliqua natione degentes“, и заставляетъ ихъ—„ut debeant fidelitatem promittere et coniurare“.

хартіи, ни многочисленныя біографіи того времени ни разу не сообщаютъ ничего подобнаго. Слово *mallus*, встрѣчающееся въ документахъ, послужило основаніемъ для всякаго подобнаго рода теорій потому, что значеніе его было истолковано совершенно произвольно. Достаточно разсмотрѣть мѣста, въ которыхъ оно попадается, чтобы признать, что оно ни разу не обозначаетъ политическаго собранія.

Итакъ, королевскій чиновникъ не встрѣчалъ въ провинціи рядомъ съ собою никакой власти, которая признавалась бы по закону равносильною ему, а надъ собою видѣлъ одного короля. Если онъ злоупотреблялъ своими полномочіями, одинъ король могъ обуздать или наказать его. Поэтому-то мы видимъ изъ разсказовъ того времени, что въ случаяхъ притѣсненія или лихоимства со стороны графа населеніе не имѣло другого пути кромѣ жалобы самому королю[1]. Герцогъ, графъ и «посланецъ» были отвѣтственны только передъ королемъ, викарій и сотникъ—только передъ графомъ. Посмотрите, какъ дѣйствуетъ большая часть графовъ, управленіе которыхъ описываетъ Григорій Турскій; ясно, что они судятъ по своему произволу, дурно или хорошо—смотря по тому, какъ подсказываетъ имъ совѣсть[2]; что штрафы назначаютъ они, какіе хотятъ, по своему усмотрѣнію конфискуютъ земли для государства или для себя[3], по своей волѣ

[1] См., напримѣръ, *Greg*. V, 48; *Marculf*. I, 34.

[2] Примѣры даетъ Григорій, когда разсказываетъ о графахъ Альбинѣ и Лейдастѣ (IV, 44; V, 48—50).

[3] *Greg*. VII, 19: „Quum clamor fieret magnus adversus eos, qui potentes fuerant cum rege Chilperico, quod abstulissent vel villas vel res aliquas de rebus alienis, omnia, quae iniuste ablata fuerant, rex reddi praecepit".—*Ibidem*, VII, 22.—*Fredeg*. Chron. c. 27.—*Miracula S. Martini Vertanensis*, 1.—*Vita Eligii*, I, 20: „Duces mei et domestici spatiosas surripiunt villas". — Любопытный примѣръ такихъ конфискацій или, вѣрнѣе, хищеній см. у Григорія, VIII, 43.

требуютъ налоги и производятъ наборъ войска какъ хотятъ. Съ населеніемъ они никогда не совѣщаются, и оно не принимаетъ никакого участія въ управленіи. Подобно тому, какъ король—неограниченный государь въ королевствѣ, такъ же и герцогъ, графъ, викарій и сотникъ облечены властью, не встрѣчающей въ означенныхъ предѣлахъ никакихъ законныхъ ограниченій.

Но власть эту они получаютъ отъ короля и пользуются ею лишь въ качествѣ его должностныхъ лицъ или уполномоченныхъ. Ихъ связываютъ съ королемъ тѣ же узы, которыя соединяли римскихъ *praesides* съ центральной властью. Меровингскіе герцоги и графы не вассалы, а чиновники; въ нихъ нѣтъ еще ничего феодальнаго.

Не безполезно будетъ замѣтить, что описанная система областного управленія повторяется въ другихъ германскихъ королевствахъ, занявшихъ мѣсто римской Имперіи, съ небольшими лишь различіями. Крайне ошибочно было бы представлять себѣ, что государство франкское было единственнымъ въ своемъ родѣ и имѣло совершенно отличное отъ другихъ устройство[1].

У Бургундовъ существовало административное дѣ-

[1] Это ошибочное представленіе проникаетъ всю книгу *Falbeck*'а, La royauté et le droit royal francs (Lund, 1883). Авторъ вездѣ предполагаетъ, что устройство франкскаго государства было созданіемъ франкскихъ королей. Чтобы придать своей теоріи нѣкоторую очевидность, авторъ старается никогда не сравнивать этого устройства съ тѣмъ, что существовало въ Галліи до него, ни съ тѣмъ, что развивалось одновременно съ нимъ въ другихъ государствахъ того же типа.

леніе государственной территоріи на *civitates* или *pagi*, и каждая изъ этихъ областей управлялась графомъ [1], который могъ быть безразлично Римляниномъ или Бургундомъ. Въ своей области графъ пользовался и тамъ полною властью, не исключая судебной [2].

Въ Италіи остготскіе короли не тронули дѣленія страны на провинціи и муниципіи. Провинціи управлялись должностнымъ лицомъ, носившимъ иногда титулъ герцога, иногда ректора, корректора или консуляра, какъ во времена Имперіи [3]. Муниципальныя общины управлялись другимъ королевскимъ чиновникомъ, называвшимся «comes», то-есть, графомъ. У насъ есть формула грамоты, вручавшейся ему королемъ при назначеніи [4]. Помимо своей растянутости, формула эта

[1] *Lex Burgundionum*, praefatio: „Tam Burgundiones, quam Romani civitatum aut pagorum comites“.—*Ibidem*: „Vel Romanus comes vel Burgundio“.—Какъ во время Имперіи, такъ и позже во франкскомъ государствѣ королевскіе указы относятся къ провинціальнымъ чиновникамъ, то-есть, графамъ: „Gundobaldus rex Burgundionum omnibus comitibus“ (*Lex Burg.*), c. 89). — Въ 3-й статьѣ второго additamentum того же свода (*Pertz*, Leges, III, p. 577) мы находимъ одну подробность установившагося тамъ административнаго порядка: „Quicumque aliquem locum munificentiae petere voluerit, cum litteris comitis sui veniat“. — Графъ всегда носитъ то же названіе „iudex“, какъ и у Франковъ. *Ibidem*: „Ad illum iudicem, cuius territorio res illa continetur“. — Въ данномъ отрывкѣ говорится объ актѣ, чисто административномъ, а вовсе не судебномъ.

[2] *Lex Burgundionum*, additamentum, 2 (10, Pertz, p. 576) „Ut omnes comites in omnibus iudiciis iustitiam teneant... Omnes causas ex legibus iudicent“. Cfr. c. 76; praefatio, in fine.

[3] *Cassiodor*. Variar. I, 11; III, 8: III, 27; V, 24; V, 30; VI, 20.

[4] Мы знаемъ, что сборникъ, извѣстный подъ именемъ „Посланій Кассіодора“ (*Epistolae Variae*), содержитъ длинный рядъ актовъ, вышедшихъ изъ канцеляріи остготскихъ королей. Здѣсь находятся шесть грамотъ или формулъ, относящихся къ

и по существу напоминаетъ соотвѣтствующую меровингскую формулу назначенія графа. Мы видимъ изъ нея, что этотъ «comes» былъ судьею населенія [1] и, за рѣдкими исключеніями, военнымъ начальникомъ мѣстности [2]. Въ особенности же отмѣчаемъ мы въ ней, что, какъ и въ Галліи, главной обязанностью графа было исполненіе всѣхъ приказаній короля [3]. Что касается населенія, то оно должно было подчиняться только правителю, посланному королемъ [4]. Но въ остготскомъ королевствѣ еще не было ни помощниковъ графа, ни сотниковъ, какъ не видно еще въ то же время (т. е. въ началѣ VI-го в.) ихъ появленія и въ Галліи.

„comites civitatum“: именно одна, обращенная къ comes Massiliensis (III, 24), три—къ подобнымъ же правителямъ, поставленнымъ во главѣ большихъ муниципіевъ — Сиракузъ, Неаполя и Равенны (VI, 22 и 23; VII, 14); затѣмъ общая формула назначенія другихъ comites (VII, 26) и, наконецъ, формула посланія, направленнаго къ жителямъ одного муниципія, для извѣщенія о назначеніи имъ начальника (VI, 27).

[1] *Cassiod*. Variar. I, 5: „In comitis Annae iudicio controversia est decisa“.—III, 34: „Comitem dirigimus... ut curam possit habere iustitiae, minoribus solatium ferat, insolentibus severitatem obiciat, omnes cogat ad iustum“.— VI, 23: „Ideo ad comitivam te Neapolitanam per illam indictionem adducimus, ut civilia negotia aequus trutinator examines“.

[2] *Ibidem*, VI, 22.

[3] *Ibidem*, VII, 26: „In illa civitate comitivae honorem tibi largimur, ut et cives aequitate regas et publicarum ordinationum iussiones constanter adimpleas“.—*Comes* — графъ до такой степени является чиновникомъ, органомъ бюрократическаго порядка, что король кончаетъ обѣщаніемъ повышенія ему: „Ut tibi meliora praestemus, quando te probabiliter egisse praesentia sentiemus“.

[4] См. у Кассіодора формулу посланія, обращеннаго къ муниципіямъ (VII, 27): „Civitatis vestrae comitivam nos illi largitos fuisse noveritis, cui saluberrimam parientiam commodate, ut causis vestris ferat remedium, et iussionibus publicis (то-есть, приказамъ короля) procuret effectum“.

Королевство Вестготовъ также дѣлилось на *provinciae* и *civitates;* эти провинціи и муниципіи, за немногими развѣ отличіями, были тѣ же, что во времена Имперіи. Провинція управлялась герцогомъ, муниципій — графомъ[1]. Оба были чиновниками, которыхъ назначалъ король, и которыхъ онъ же могъ смѣнять и наказывать. Не было рѣчи ни о начальникахъ, выбираемыхъ населеніемъ, ни о мѣстныхъ собраніяхъ. Въ Правдѣ Вестготовъ, относящейся къ седьмому вѣку, мы находимъ еще цѣлую іерархію низшихъ чиновниковъ, носившихъ названіе *thiuphadi, vicarii comitis, centenarii*[2]. Главную функцію всѣхъ этихъ подчиненныхъ графу должностныхъ лицъ составляла юстиція; всѣ они были также военными начальниками, производили наборъ войска и водили его противъ непріятеля[3]. Мы замѣчаемъ одну статью свода, которая опредѣляетъ, что чиновники разныхъ степеней — герцоги, графы, викаріи и сотники — имѣютъ право на званіе iudices[4].

Лонгобарды не принесли сами въ Италію своей новой сложившейся системы управленія, которою они могли бы замѣнить римскую; напротивъ, главныя черты послѣдней были сохранены и ими. Провинція упра-

[1] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 17: „Dux provinciae"; cfr. II, 1, 23.—„Comes civitatis" (II, 1, 12).—„Comes civitatis" встрѣчается среди лицъ, подписавшихъ акты толедскаго собора 683 г.—Акты нарбонскаго собора 589 г. также упоминаютъ „comites civitatum"; см. ст. 4, 9, 11 (Sirmond, I, 400, 402).

[2] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 23: „Comitem aut vicarium comitis seu thiuphadum".—II, 1, 26: „Dux, comes, vicarius, thiuphadus millenarius, quingentenarius, centenarius, decanus".—IX, 2, 9: „Dux, comes, thiuphadus vel quislibet commissos populos regens".

[3] *Lex Wisigothorum*, IX, 2.

[4] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 26.

влялась у нихъ герцогомъ; «муниципальная территорія»—лицомъ, о которомъ нерѣдко говорятъ лонгобардскіе законы, и которое они чаще называютъ *iudex*, чѣмъ comes[1]. *Iudex* — это былъ терминъ, служившій въ ту эпоху наименованіемъ королевскаго чиновника во всѣхъ государствахъ западной Европы[2]. Эти *iudices* у Лонгобардовъ были дѣйствительно правителями муниципіевъ, даже военными начальниками, но въ то же время и судьями[3]. Мы замѣчаемъ при этомъ, что они были именно органами королевской власти: король ихъ назначалъ[4], онъ же могъ и смѣнять ихъ[5]. Мы не встрѣчаемъ также

[1] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 343: „Ducat ad iudicem, qui in hoc loco ordinatus est".—Изъ слѣдующей (27) статьи закона Ліутпранда вытекаетъ, что въ каждой civitas былъ особый iudex: „Si quis in aliam civitatem causam habuerit, vadat cum epistola de iudice suo ad iudicem, qui in loco est".—Другія статьи направлены къ предупрежденію возстаній „civitas" противъ своего „iudex" *Liutprand*, 35; *Ratchis*, 10). См. *Liutprand*, 80: „Ut unusquisque iudex in civitate sua faciat carcerem..." — Историкъ Павелъ Діаконъ обозначаетъ должностное лицо, которое въ законахъ именуется „iudex", словомъ „comes" (Hist. Longobard. III, 9; IV, 51).

[2] Но въ лонгобардскихъ законахъ званіе *iudex* предоставлялось, повидимому, спеціально правителю *civitas*. *Iudex* имѣлъ, кромѣ того, какъ и меровингскій *comes*, своихъ подчиненныхъ. Они назывались *sculdahis*; въ одной и той же civitas ихъ могло быть нѣсколько; *Liutprand*, 26: „Si homines de sub uno iudice, de duobus tamen sculdahis..."—Были даже сотники: „Iudices praecipiant ad sculdahis suos, aut ad centenos, aut ad locopositos, (*Ratchis*, 1).

[3] Въ законахъ говорится о нихъ главнымъ образомъ, какъ о судьяхъ; есть, однако, нѣкоторые намеки и на ихъ обязанности по рекрутированію войска (*Ratchis*, 4). О нѣкоторыхъ административныхъ полномочіяхъ такого iudex см. еще у *Ratchis*, 13.

[4] *Lex Longobardorum*, Rotharis, 27: „Iudex, qui in hoc loco ordinatus est a rege".

[5] Въ одномъ изъ своихъ законовъ король Ратхисъ гово-

въ государствѣ Лонгобардовъ никакихъ признаковъ мѣстныхъ собраній ни для италійскаго, ни для лонгобардскаго населенія. Въ общемъ выводѣ и у Бургундовъ, и у Готовъ, и у Лонгобардовъ вся администрація находилась въ рукахъ чиновниковъ государя точно такъ же, какъ у Франковъ.

ГЛАВА XI.

Налоги.

Намъ надобно теперь изслѣдовать, каковы были доходы меровингскаго правительства, и какія «тяготы» возлагались въ этомъ смыслѣ на населеніе. Мы должны также разсмотрѣть, отличались ли налоги той эпохи уже характеромъ феодальныхъ повинностей, или это были еще государственныя подати.

1.

Понятія Франковъ о податяхъ.

Чтобы лучше уразумѣть сущность каждаго изъ институтовъ, представляющихся предъ нашими глазами, мы стремимся опредѣлить его происхожденіе и источникъ; производя такое разысканіе, мы поочередно обращаемъ взоры и къ германской старинѣ, и къ прошлому римскаго общества. Точно такъ же поступимъ мы и при изученіи организаціи налоговъ въ франкскомъ государствѣ. Имѣли ли древніе Германцы

ритъ, что въ случаѣ какого-нибудь проступка „iudicem de illo honore expellimus et per nullos patronos obtinere poterit, ut honorem suum non amittat" (*Ratchis*, 1). См. *Aistulph*. 4: „Iudex, qui hoc facere praesumpserit, honorem suum amittat".

понятіе о налогахъ, и были ли послѣдніе въ обычаѣ у нихъ? Вынесли ли Франки изъ своей старой родины привычку платить налоги, или, наоборотъ, чувствовали ли они отвращеніе къ подобнаго рода повинностямъ?

У Тацита въ его книгѣ о Германцахъ нѣтъ ни одной главы, посвященной этому предмету. Нигдѣ не говоритъ онъ опредѣленно ни того, что Германцы платили подати, ни того, что они не платили ихъ. Нельзя предполагать, конечно, чтобы у этихъ племенъ, сохранившихъ, во многихъ отношеніяхъ, первобытныя формы жизни, могло уже сложиться прочное податное устройство. У нихъ еще не было денегъ, и одно это уже склоняетъ насъ прежде всего къ мысли, что не существовало у нихъ также налоговъ. Возможно, во всякомъ случаѣ, что они платили своему правительству какія-нибудь натуральныя повинности. Тацитъ сообщаетъ намъ, что штрафы у Германцевъ выплачивались скотомъ; точно также головами скота могли платиться и подати: быкъ, баранъ замѣняли денежные знаки. Такая организація сборовъ не заставляетъ насъ предполагать у нихъ во всякомъ случаѣ ни сложной, ни выработанной системы налоговъ.

Мы ожидали бы скорѣе, чтобы Тацитъ хоть однимъ словомъ указалъ на полное отсутствіе у Германцевъ налоговъ. Однако, онъ этого не говоритъ. Авторъ въ своей книгѣ любитъ обращать вниманіе своихъ римскихъ современниковъ на всѣ черты, которыми бытъ германскихъ племенъ отличался отъ ихъ жизни; но здѣсь онъ не утверждаетъ прямо: «Германцы не знаютъ того, что мы называемъ налогами; налоги, которые обременяютъ насъ, совершенно имъ неизвѣстны». Умолчаніе о такой особенности, которая должна была бы поразить его, не можетъ ускользнуть отъ наблюденія изслѣдователя.

Нѣкоторые ученые усмотрѣли, правда, одну фразу въ сочиненіи автора, указывающую будто бы на существованіе у древнихъ Германцевъ цѣлой системы податныхъ сборовъ. Тацитъ пишетъ въ 15 главѣ: «Mos est civitatibus ultro ac viritim conferre principibus vel armentorum vel frugum, quod pro honore acceptum etiam necessitatibus subvenit». — Бюрнуфъ переводитъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Было въ обычаѣ, чтобы германскія общины приносили своимъ вождямъ дары стадами или хлѣбомъ; дары эти собирались отъ каждаго и, принимаясь начальниками какъ почесть, шли на ихъ расходы». Если переводъ этотъ точенъ, то у Германцевъ дѣйствительно существовала правильная система налоговъ; хотя они приносились добровольно и по свободному соглашенію, но тѣмъ не менѣе являлись настоящими налогами, потому что правильно выплачивались главамъ государства. Но дѣло въ томъ, что переводъ Бюрнуфа неточенъ. Переводчикъ не обратилъ вниманія на то, что въ этомъ отрывкѣ слово *principes* вовсе не обозначаетъ начальниковъ общинъ или племенъ. Текстъ, предшествующій даннымъ словамъ ясно показываетъ, что рѣчь идетъ здѣсь о начальникахъ войска; о такого рода начальникахъ исключительно и говоритъ Тацитъ въ главахъ отъ 13-ой до 15-ой[1]. Историкъ совершенно ясно хочетъ выразить

[1] Замѣтьте послѣдовательность мыслей автора: во всей второй части 13-й главы описывается „princeps comitum" — начальникъ дружины; онъ получаетъ „legationes" отъ различныхъ племенъ; 14-я глава показываетъ намъ этого „princeps" и его „comites" въ бою, а потомъ изображаетъ, какъ „princeps" кормитъ своихъ „comites" въ мирное время. Изъ 15-ой главы видимъ мы, какъ государства-общины содержатъ вождя дружины.

мысль, что эти начальники вооруженныхъ отрядовъ добровольно поступали на службу къ тому или другому германскому государству, которое могло жить въ мирѣ, благодаря такой извнѣ пришедшей силѣ, и чувствовать себя въ безопасности отъ нападеній сосѣдей. Государство или община необходимо должно было содержать призваннаго имъ военачальника; оно, слѣдовательно, и давало ему вознагражденіе, но не деньгами, а извѣстнымъ количествомъ скота и зерна. Уплачивалось это не каждому воину, а только начальнику, и не прямо въ качествѣ жалованья, а скорѣе въ видѣ почетнаго дара; подобнымъ замаскированнымъ жалованьемъ военачальникъ кормилъ, однако, и содержалъ своихъ людей. Такова, безспорно, мысль Тацита. Нѣкоторые новѣйшіе ученые не ознакомились хорошенько съ подлинникомъ, а потому сдѣлали изъ приведенной выше отдѣльной фразы, вырванной изъ контекста, тотъ выводъ, что у Германцевъ установилась уже система налоговъ, свободно принимавшихся населеніемъ, платимыхъ государству подъ видомъ добровольнаго дара. Тацитъ же говорилъ, наоборотъ, о приношеніяхъ, дѣлаемыхъ государствами (civitates) военачальникамъ—principibus[1]. Единственно, что можно здѣсь сказать, это то, что государство германское, платившее военачальнику скотомъ и зерномъ, само должно было брать все у отдѣльныхъ лицъ. Существовалъ, стало быть, родъ сбора цѣнностей, распредѣленныхъ поголовно (viritim), для расходовъ, по крайней мѣрѣ, на указанный предметъ; но

[1] Тацитъ прибавляетъ даже, что эти начальники, principes, получали еще дары отъ сосѣднихъ государствъ, желавшихъ, конечно, перезвать ихъ на свою сторону: „Gaudent donis finitimarum gentium, quae publice mittuntur".

намъ совершенно неизвѣстно, какъ и по какимъ правиламъ взымалась эта подать.

Къ изучаемому вопросу можетъ также относиться другое мѣсто Тацита. Изображая судебное устройство древнихъ Германцевъ, онъ говоритъ, что народное собраніе (вѣче) судитъ преступленія и проступки; одни оно наказываетъ смертью, другіе штрафомъ, и штрафъ, по крайней мѣрѣ, частью, выплачивается государству [1]. Это родъ налога на преступленія. Мы снова встрѣтимъ его при Меровингахъ.

Вотъ еще третій фактъ, который нельзя оставить безъ вниманія. Часто случалось, что послѣ войны народъ-побѣдитель заставлялъ побѣжденныхъ платить себѣ дань. Это было уже замѣчено Цезаремъ. Свевы вели долгую войну съ Убіями; они не могли совсѣмъ отнять у нихъ земли, но заставили ихъ платить за эту землю ежегодную дань [2]. Дань же, которая платится однимъ народомъ другому, заставляетъ предположить о существованіи налоговъ у того народа, который платилъ.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что понятіе о налогѣ не было совершенно чуждо древнимъ Германцамъ, но нельзя сказать также и того, что у нихъ выработалась постоянная и правильная система податей. Мы не знаемъ, въ какой формѣ представлялась имъ подать, какъ она освѣщалась въ ихъ умѣ.

Когда Римляне пришли въ соприкосновеніе съ Германцами, они подчинили сначала болѣе близкія къ

[1] *Tacit.* Germ. 12: „Levioribus delictis pro modo poena; equorum pecorumque numero convicti mulctantur; pars mulctae regi vel civitati, pars ipsi qui vindicatur exsolvitur".

[2] *Caesar*, De bello gallico, IV, 3: „Suevi Ubios vectigales sibi fecerunt."

Имперіи племена и почти всѣхъ ихъ обложили данью. Со времени Тиберія германское племя Фризовъ платило Имперіи такую дань; она была легкая, какъ говоритъ Тацитъ, соотвѣтствуя бѣдности этого племени; она не могла быть денежною, а состояла изъ извѣстнаго количества бычачьихъ кожъ [1]. Тѣмъ не менѣе это былъ все-таки родъ повинности. Фризы платили ее сначала безропотно; они задумали освободиться отъ нея лишь тогда, когда римскіе магистраты подняли ея сумму выше, чѣмъ позволяли средства населенія.

Этимъ ограничиваются наши свѣдѣнія о налогахъ въ древней Германіи. Развѣ только можно еще привести одно преданіе, изъ котораго выводится, будто сами Франки платили дань римскимъ императорамъ до времени Валентиніана [2]. Даже позже римскій правитель Эгидій обложилъ ихъ поголовнымъ налогомъ въ одну золотую монету съ человѣка [3]. Конечно, если угодно, это легенды; но изъ нихъ вытекаетъ, по крайней мѣрѣ, что Франки сохранили воспоминаніе о податяхъ, которыя платили ихъ предки. А это обстоятельство показываетъ, что Франки во-

[1] *Tacit.* Annal. IV, 72; „Tributum Drusus iis iusserat, modicum pro angustia rerum, ut coria boum penderent".

[2] *Gesta regum Francorum*, c. 3 (Bouquet, II, 543): „Misit imperator Valentinianus exactores, una cum primario duce de romano senatu, ut reciperent tributa de populo Francorum..." — Я не вижу ясно, какое заключеніе можно вывести изъ этой легенды, и даже не могу сказать, соотвѣтствуетъ ли она сколько-нибудь дѣйствительно совершавшимся фактамъ.

[3] *Historia epitomata*, 11: „Omnes Francos (Aegidius) singulos aureos tributavit; acquiescentes impleveru it".—Легенда эта, какъ кажется, поистинѣ франкскаго происхожденія; интересно прочесть весь ея текстъ.

все не были по существу противниками всякаго рода поборовъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ замѣчаній мы не можемъ сдѣлать никакого рѣшительнаго вывода. Тѣ, которые говорятъ, что у Германцевъ были въ обычаѣ налоги, но только добровольные и свободно принятые народомъ, высказываютъ голословное утвержденіе. Тѣ же, кто поддерживаетъ мнѣніе, что они были слишкомъ горды для того, чтобы платить налоги, произносятъ громкую, но пустую фразу. Франки не принесли изъ Германіи ни опредѣленно установившейся системы налоговъ, ни прямого отвращенія къ нимъ. Историкъ не можетъ доказать, чтобы у нихъ выработались какія-нибудь особыя понятія по этому вопросу.

2.

Римскіе налоги.

Я напомню и перечислю различныя категоріи податей или повинностей, которыя франкскіе короли нашли установленными въ римской Галліи, для того, чтобы можно было видѣть потомъ, которыя изъ послѣднихъ они сохранили, которыя уничтожили, или, по крайней мѣрѣ, не отстояли. Главнымъ видомъ косвенныхъ налоговъ въ римской Имперіи были таможенныя пошлины. Онѣ назывались *portorium* или *teloneum*. Первое изъ этихъ двухъ названій—латинское, второе—греческое, но и оно распространилось по всей Имперіи и приняло латинскую форму[1]. Въ

[1] Слово τελώνιον, обозначающее таможенную пошлину, встрѣчается у Страбона, XVII, 1, 16.—Cfr. *Renier*, Inscriptions de l'Algérie, № 1867: „Curator telonei Cirtensis“. — Слово *telonarius* мы

Галліи преобладало употребленіе греческаго термина; онъ и сохранился въ языкѣ страны. При Меровингахъ мы вновь встрѣчаемъ слово *teloneum*, въ средніе вѣка оно обратилось въ—*tonlieu*.

Таможенныя пошлины существовали во все время Имперіи; указаніе на нихъ находимъ уже у Страбона и Плинія[1]. Говоритъ о ней также Юстиніанъ въ своемъ сводѣ[2]. Между этими двумя крайними хронологическими предѣлами можно указать еще множество надписей, обнаруживающихъ устройство таможенъ во всѣхъ провинціяхъ Имперіи: мы узнаемъ пункты ихъ расположенія, составъ ихъ канцелярій (*stationes*) и весь разнообразный служебный персоналъ, причисленный къ нимъ[3].

Галлія была вся окружена таможенною линіею, отдѣлявшею ее какъ отъ внѣшняго міра, то-есть, отъ Германіи, такъ и отъ другихъ частей самой Имперіи—отъ Испаніи и Италіи. На сѣверномъ склонѣ Пиреней находилась таможенная станція—Lugdunum Convenarum (нынѣ St-Bertrand de Comminges въ департаментѣ Верхней Гаронны), завѣдывавшая дорогами въ Тулузу, Бордо и Ажанъ, и, кромѣ того, къ востоку еще другая таможня въ Иллиберисѣ (нынѣ Elne, въ Восточныхъ Пиринеяхъ); другая таможня наблюдала за дорогами, которыя вели въ Нарбону и Ліонъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что были таможни и въ

видимъ у Нонія (изд. Quicherat, стр. 24), какъ синонимъ *portitor*, то-есть, въ смыслѣ служащаго въ таможнѣ: „Portitores dicuntur telonarii, qui portum obsidentes omnia sciscitentur et vectigal accipiant“.—Таможенный налогъ назывался также *vectigal* Cod. Iust. IV, 61).

[1] *Plin.* Hist. nat. XII, 14, 65.

[2] *Cod. Iust.* IV, 61. Cp. *Novell. Valentin.* XVIII, 1, § 1.

[3] См. *Cagnat*, Les impôts indirects sous les Romains, 1880.

гаваняхъ Средиземнаго моря; одну мы знаемъ въ Арлѣ, который былъ какъ бы морскимъ портомъ благодаря каналу, прорытому Маріемъ [1]. У склона Альпъ находились таможенные пункты въ Сузѣ, Греноблѣ и Ліонѣ, а въ Швейцаріи въ Turicum (т.-е. Цюрихѣ) [2]. Очень возможно, что существовали таможни по всей линіи Рейна; если предположеніе это нельзя подтвердить надписями, то оно прямо вызывается многочисленными законами императоровъ, которые всегда внимательно слѣдили за регулировкою торговли съ чужими странами и запрещали вывозъ нѣкоторыхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, оружія. Тацитъ свидѣтельствуетъ намъ, что въ Кельнѣ была таможенная контора. Такимъ образомъ, въ этомъ городѣ, населенномъ Германцами, но очень преданномъ Имперіи, находилась таможня, отдѣлявшая его отъ Германіи, коренной родины его жителей [3]; на берегу Ламанша расположены были также таможенные посты, гдѣ осматривались товары, шедшіе изъ Галліи въ Британію или изъ Британіи въ Галлію*.

Кромѣ таможенъ въ собственномъ смыслѣ у Римлянъ существовали еще заставы для взыманія дорожныхъ пошлинъ (*péages*). Располагались онѣ, повидимому, главнымъ образомъ у мостовъ, при переправахъ черезъ рѣки [4]. Города также имѣли право собирать

[1] *Desjardins*, Table de Peutinger, стр. 64.

[2] *Corpus inscriptionum latinarum*, V, 7213, 7852. — *Herzog*, Gallia Narbonnensis, № 269; *Mommsen*, Inscr. conf. helveticae, № 236.

[3] *Tacit*. Hist. IV, 28, 65.

* Стало быть въ римской Имперіи практиковалась система внутреннихъ таможенъ: многія провинціи были ограничены таможенною линіею; въ частности франкская Галлія могла найти въ этой линіи готовую границу. *Прим. ред.*

[4] Онѣ указаны уже въ одномъ отрывкѣ Лабеона; см. *Digest*. XIX, 2, 60, § 8: „Vehiculum cum pontem transiret, redemptor eius pontis portorium ab eo exigebat“.

пошлины въ свою пользу, не только съ тѣхъ товаровъ, которые шли въ городъ для внутренняго потребленія, но и съ тѣхъ, которые только проходили черезъ него. Въ третьемъ вѣкѣ императоры запретили городамъ вводить новыя пошлины безъ разрѣшенія правительства [1]. Государи конца четвертаго вѣка постановили или возобновили законъ, чтобы двѣ трети дохода съ городскихъ пошлинъ шли въ пользу государства [2].

Такса таможенныхъ налоговъ всегда равнялась, повидимому,—$2^1/_2$ процентамъ стоимости товаровъ; таможенный сборъ производился, впрочемъ, съ тѣхъ только предметовъ, которые обращались съ коммерческими цѣлями. Законъ формально освобождалъ отъ него вещи, перевозившіяся частными людьми для личнаго употребленія [3].

Таможенные налоги собирались не такъ, какъ теперь, чиновниками государства; они отдавались на откупъ. Торги производились каждыя пять лѣтъ, въ присутствіи правителей провинцій. Взявшій откупъ или арендаторъ, *conductor*, обязывался внести въ казну впередъ условленную сумму и собиралъ налоги въ свою пользу. Весь служебный персоналъ, состоя-

[1] *Cod. Iust.* IV, 62: „Non temere permittenda est novorum vectigalium exactio... Vectigalia nova nec decreto civitatum institui possunt“.

[2] *Cod. Iust.* IV, 61, 13: „Vectigalia civitatum reserventur, cum duas portiones aerario nostro conferri prisca institutio disposuerat, tertiam iubemus in ditione urbium consistere“.

[3] *Cod. Iust.* IV, 61, 5: „Universi provinciales pro his rebus, quas ad usum proprium vel exercendi ruris gratia revehunt, nullum vectigal a stationariis exigantur“.

вшій большею частью изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, назначался откупщикомъ, а не государствомъ [1].

Эти таможенныя и дорожныя пошлины встрѣчаются снова и въ меровингскомъ государствѣ. Мы читаемъ въ постановленіяхъ собора, созывавшагося въ 581 году въ Маконѣ, статью, въ которой ходатайствуется о томъ, чтобы Евреямъ не дозволялось откупать таможенныя пошлины. Слово, употребляющееся тамъ для обозначенія даннаго понятія—*telonarii*, тоже самое, которое мы видѣли въ кодексѣ Ѳеодосія [2].

Немного позднѣе, въ 614 году, поднялись жалобы противъ злоупотребленій при взыманіи пошлинъ и противъ увеличенія числа дорожныхъ заставъ. Хлотаръ II принужденъ былъ объявить въ одномъ указѣ, «что таможенныя и дорожныя пошлины будутъ взыматься въ тѣхъ только мѣстахъ и съ тѣхъ товаровъ, какъ было установлено при предшествующихъ короляхъ» [3]. Это значило, что онъ уничтожалъ пошлины, которыя могъ ввести самъ въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ своего царствованія, но изъ этого же выводится и то, что старые таможенные налоги существовали въ шестомъ вѣкѣ, и что онъ сохранилъ ихъ. Далеко отъ того, чтобы отмѣнять эти налоги, короли франкскіе пытались напротивъ увеличивать ихъ, учреждая новыя таможни или облагая пошлинами товары, остававшіеся до того времени свободными отъ нихъ.

У насъ есть двѣ грамоты, относящіяся къ тамо-

1 *Cod. Iust.* IV, 62, 4—7. *Cod. Th.* II, 28, 3.

2 Маконскій соборъ 581 года, гл. 13, у *Sirmond*, Concilia Galliae, I, 373: „Ne iudaei telonarii esse permittantur“.

3 *Edictum Chlotarii* a. 614 c. 9: „De teloneo, ut per ea loca debeat exigi vel de ipsis speciebus, de quibus praecedentium principum tempore, id est, usque ad transitum Guntramni, Sigeberti, Chilperici regum, est exactum“.

женнымъ или дорожнымъ пошлинамъ: одна, принадлежащая Хильперику (отъ 562 года), другая—Дагоберту (629 г.). Въ первой король жалуетъ епископу турнэскому «таможню, которая была на Шельдѣ, и налоги, платимые всякимъ судномъ, идущимъ вверхъ или внизъ по рѣкѣ», а также «дорожную заставу, находящуюся на шельдскомъ мосту, собиравшую пошлины со всякой фуры, повозки или вьючнаго животнаго» [1]. Другою грамотою король учреждаетъ ярмарку въ С. Дени и, чтобы побудить купцовъ «со всего королевства» посѣщать ее, онъ объявляетъ, что на два года освобождаетъ отъ таможенныхъ пошлинъ товары, предназначающіеся для этой ярмарки; онъ упоминаетъ при этомъ о таможняхъ на Сенѣ въ пристаняхъ руанской и викской [2]. Подлинность этихъ двухъ грамотъ не вполнѣ достовѣрна; оригиналы ихъ не сохранились; мы знаемъ ихъ по копіямъ, относящимся, можетъ быть, къ девятому или десятому вѣку. Но, если мы даже предположимъ, что грамоты эти поддѣланы въ девятомъ вѣкѣ, онѣ доказываютъ все-таки существованіе таможенъ на Шельдѣ и Сенѣ, такъ какъ фальсификаторъ могъ выдумать фактъ пожалованія этихъ таможенъ церкви, но самое существованіе ихъ не могло быть его вымысломъ. Итакъ, находились та-

1 *Diplomata*, Pardessus, № 167: „Teloneum de navibus super fluvio Scalt, qui pertinet ad fiscum Tornacum, tam ultra quam et citra decursum, de quolibet commercio seu et de carrigio vel de saginis necnon de ponte super flumine Scalt vel de omnibus venalibus ubicunque vendantur, seu infra muros seu in appendiciis murorum praedictae civitatis, undecunque teloneus exigitur, sicut fiscus noster et regia potestas evindicare potest“.

2 *Diplomata*, Pardessus, № 247: „Maxime ad Rothomo porto et Wicus porto, qui veniunt de ultra mare... sit teloneus indultus usque ad tertium annum“.

можни на Шельдѣ и Сенѣ, а такъ какъ мало вѣроятно, чтобы онѣ были учреждены франкскими королями, то надо полагать, что онѣ сохранились отъ временъ Имперіи, и что франкскіе короли просто удержали ихъ для своего употребленія. Біографъ Дагоберта I передаетъ, что король этотъ пожаловалъ С. Денисскому аббатству ежегодную ренту съ доходовъ отъ таможенныхъ сборовъ Марсели въ сто солидовъ золотомъ; онъ пожаловалъ ему также ежегодное изъятіе отъ таможенныхъ пошлинъ при въѣздѣ въ Валенцію и Ліонъ для шести возовъ съ его товарами.[1]

Въ грамотѣ 681 года, отъ которой у насъ сохранился и оригиналъ[2], мы читаемъ, что король жалуетъ С. Денисскому аббатству, «чтобы всякая повозка или судно, отправляющіяся изъ монастыря или изъ различныхъ владѣній, принадлежащихъ монастырю, проѣзжая по Нейстріи, Австразіи и Бургундіи, не подвергались никакимъ дорожнымъ пошлинамъ и другимъ сборамъ въ пользу казны, какъ на пути туда, такъ и обратно, при проѣздѣ черезъ области, города, пристани и заставы»[3]. Двѣ другія, также подлинныя,

[1] *Gesta Dagoberti*, 18.—Извѣстно, что документъ этотъ заслуживаетъ мало довѣрія, и все-таки авторъ не выдумалъ бы освобожденія отъ таможенныхъ пошлинъ Валенціи и Ліона, если таможни этой не существовало.

[2] *Archives nationales*, K. 2, 14; *Tardif*, № 23.

[3] „De quantacunque carra, ubi pro opportunitate ipsius basilicae vel necessitate fratrum, tam in Niustrico quam in Austria vel in Burgundia ambulare aut discurrere videntur, tam carrale quam de navigale, nullus de telonariis nullo telonio de ipsa carra exigere nec requirere non praesumat... Qua propter decernimus, ut neque vos neque iuniores vestri ipsum telonium de omni carra, tam carrale quam navigale, ubi et ubi de ipso monasterio vel de eius villis, tam ambulandum quam revertendum perrexerint, nec per civitates, nec per castella, nec per portus, nec per exitus, teloneus exigatur, nec pontatico, nec portatico, nec pulveratico, nec rodaco, nec salutatico, nec cespitatico, nec qualibet redibutione requiratur".

грамоты 692 и 716 годовъ избавляютъ отъ таможенныхъ пошлинъ всѣ повозки, принадлежащія С. Денисскому аббатству, «какъ въ Марсели, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ государства»[1].

Въ нѣсколькихъ иммунитетныхъ грамотахъ седьмого вѣка въ числѣ привилегій, жаловавшихся на ихъ основаніи, встрѣчается право уничтоженія на иммунитетной землѣ дорожныхъ заставъ и таможенъ, принадлежащихъ государству[2]. Подобнаго рода исключенія свидѣтельствуютъ о томъ, каково было правило. Если король освобождалъ отъ таможенныхъ налоговъ, это значитъ, что они существовали; и такъ какъ онъ освобождалъ именно отъ нихъ, это значитъ, что взымались они въ пользу короля. Таможенныя и дорожныя пошлины также были королевскимъ доходомъ[3].

Въ одной сохранившейся до нашего времени формулѣ перечисляются таможни въ Марсели, Тулонѣ, Фосѣ, Арлѣ, Авиньонѣ, Соргѣ, Валенціи, Вьеннѣ, Ліонѣ и Шалонѣ[4].

Документы восьмого вѣка свидѣтельствуютъ о томъ,

[1] *Tardif*, № 31, 47, *Pardessus*, № 425, 496; *Pertz*, № 61, 82.

[2] *Diplomata*, Pardessus, № 258: „Nec ad teloneum exigendum ingredi peaesumat".—№ 291: „Nec ad transitum faciendum, nec ad telonea exigenda". — Согласно показанію Флодоарда, пользовавшагося церковнымъ архивомъ Реймса, Хильдебертъ III пожаловалъ ему „praeceptum immunitatis super teloneis et quibusdam tributis" (*Hist. Rem. Eccles.* II, 7).

[3] *Gesta Dagoberti*, 33: „Cum omnibus teloniis quemadmodum ad suam cameram deservire videbantur..."

[4] См. *Supplementum Marculfi* (Zeumer, 107, Rozière, № 32 bis).—Мы приняли здѣсь тѣ переводы названій мѣстностей, которые даетъ де-Розьеръ, издатель формулъ Маркульфа.

что всѣ эти таможенныя (*tonlieu*) и дорожныя (*péages*) пошлины сохранились еще и тогда. Капитулярій Пипина подтверждаетъ, что таможенныя пошлины никогда не должны взыматься съ припасовъ, перевозимыхъ кѣмъ-либо не съ коммерческими цѣлями, а для личнаго потребленія [1]. Это, мы знаемъ теперь,—старый римскій законъ. Въ другомъ капитуляріи Карла Великаго, предписывается сохраненіе прежнихъ таможенныхъ сборовъ на рѣкахъ и при переѣздѣ черезъ мосты [2]. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ продолженіе всей меровингской эпохи существовалъ рядъ таможенъ и дорожныхъ заставъ и на границахъ, и внутри государства.

Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что торговля не умирала еще во франкскомъ обществѣ; въ странѣ существовали еще римскія дороги. Мы находимъ упоминанія о нихъ въ документахъ того времени подъ названіемъ *stratae* или *stratae publicae* — шоссейные пути, которое уже примѣнялось къ нимъ во времена Имперіи [3] и должно было отличать ихъ отъ простыхъ проселочныхъ дорогъ—*viae vicinales*. Онѣ продолжаютъ упоминаться въ грамотахъ шестого и седьмого вѣка [4]. Даже римская почта не вполнѣ исчезла тогда [1]. Частныя лица много путешествовали. Легкость, съ какою осуществлялись передвиженія, даже поражаетъ при чтеніи біографій того времени. Обратите вниманіе на многочисленныя странствія святого Германа, епископа парижскаго, на путешествія святого Думнола, епископа манскаго, святыхъ Элигія и Колумбана, на скитальческую жизнь Венанція Фортуната, вспомните множество богомольцевъ, пересѣкавшихъ Галлію по всѣмъ направленіямъ, чтобы отговѣться на могилѣ святого Мартина Турскаго или Иларія Пуатьескаго; представимъ себѣ постоянныя сношенія епископовъ съ римскимъ престоломъ [2]. Григорій Турскій много разъ

[1] См. капитулярій 755 года, ст. 26: „De teloniis sic ordinamus, ut nullus de victualibus et carris, quae absque negotio sunt, teloneum prehendat“.

[2] Капитулярій 805 года, ст. 13 (Boretius, p. 124): „De teloneis placet nobis, ut antiqua telonea a negotiatoribus exigantur, tam de pontibus quam de navigiis seu mercatis“. — Кап. 779 г. ст. 18 (Boretius, p. 51): „Telonea ubi antiquo tempore fuerunt.“

[3] *Strata* было обычнымъ терминомъ уже въ IV вѣкѣ. См. *Cod. Th.* XI, 74: „Pontium stratarumque opera“.

[4] *Diplomata*, Pardessus, № 111, Pertz, № 2 (грамота 528 (?) года): „Propter stratam veterem“. — Подлинность грамоты сомнительна, но въ существованіи старой дороги (strata) нельзя сомнѣваться; предположите, что поддѣлыватель составилъ эту грамоту въ девятомъ вѣкѣ: ясно, что онъ и тогда видѣлъ эту „strata“, служившую границею владѣнія, о которомъ онъ говоритъ.—Ср. еще грамоту 629 года (Pardessus, № 247): „De ultra mare in illa strada, quae vadit ad Parisius“.—Грамота 670 года (Pardessus, № 363): „Ab uno latere strada publica, quae de ipsa porta Parisiaca (въ Оксеррѣ) ad Senones pergit“. — *Formulae Merkelianae* (№ 3, Rozière, № 205): „De alio latere strata publica“.—Въ Салической Правдѣ, но только по вольфенбюттельскому списку, стоятъ слова—„iuxta strada“.—*Victor Vitensis*, c. 1: „In strada publica“. — *Paul. Diac.* Hist. Longobardorum, V, 17: „Per stratam, quae antiquitus facta fuerat“. — Капитулярій 793 года, ст. 20 (Baluze, I, 546): „De strata restauranda“.—Противоположеніе между *via publica* и *via vicinalis* находимъ въ *lex romana Burgundionum*, XVII, 1.—См. еще *Vita Ansberti*, c. 45 (у Mabillon, Acta SS. II, 1061): „Via publica et delapidata, quae Rotomagum ducit ad urbem“.

[1] Называлась она *evectio publica*, какъ въ римскія времена. *Greg.* IX, 9: „Rex... pueris destinatis cum evectione publica, qui res eius per loca singula deberent capere“.—См. *Sidon.* Epistolae, V, 20; *Cassiodor.* V, 5 и VI, 3; *Symmach.* I, 6; VII, 95; IX, 20.

[2] *Greg.* III, 28; IV, 21; V, 6; VIII, 16; IV, 50.—*Miracula S.*

разсказываетъ намъ о лицахъ, проѣзжающихъ черезъ все государство, и совершающихъ свое путешествіе, повидимому, довольно быстро. Самъ онъ часто бывалъ въ пути, отправляясь то въ Парижъ, то въ Мецъ или Маконъ для переговоровъ съ королями о дѣлахъ своей церкви или государственныхъ дѣлахъ вообще. Королевскіе чиновники постоянно объѣзжали страну. Арміи, сопровождаемыя тяжелыми обозами, передвигались достаточно скоро съ одного конца королевства на другой. Все это доказываетъ, что существовала сѣть большихъ дорогъ, а одна подробность, сообщаемая Григоріемъ, обнаруживаетъ, что даже во время дождей дороги эти оставались удобными для ѣзды [1]. Поддерживалась также цѣлая система водяныхъ сообщеній. Хартіи и хроники того времени часто изображаютъ намъ суда, плававшія по Сенѣ, Луарѣ и Сонѣ. Обратите вниманіе на законъ, предписывающій каждому береговому владѣльцу оставлять свободное пространство вдоль рѣки, чтобы можно было тянуть суда бичевой [2].

Благодаря этимъ дорогамъ и рѣкамъ, различныя провинціи страны находились въ постоянномъ общеніи. Существовали рынки и ярмарки; въ большихъ

Martini, I, 12; I, 25 и т. д. Тотъ же авторъ упоминаетъ о путешествіяхъ къ могилѣ св. Ремигія, *De gloria confess.* 79, и *Hist.* VIII, 21.—*Fredegarii Chronicon*, 54.—О странствованіяхъ въ Римъ см. *Greg.* VI, 6; X, 1. Ср. *Vita Martini Vertavensis*, 2; *Vita Amandi*, 6 и 9; *Vita Hunegundis*, c. 6—7 (Mabillon, Acta SS. II, 1020).

[1] *Greg.* X, 19.

[2] Это вытекаетъ изъ грамоты Хильдеберта I (*Archives nationales*, Tardif, № 2), которая напоминаетъ береговымъ владѣльцамъ Сены, что они должны оставлять „unam perticam legalem sicut mos est, ad ducendas naves vel reducendas".

городахъ можно было видѣть также торговые дома. Григорій упоминаетъ крупныя купеческія фирмы въ Верденѣ и разсказываетъ разъ, что этотъ городъ сдѣлалъ заемъ за поручительствомъ своихъ купцовъ [1]. Онъ добавляетъ, что много другихъ городовъ дѣлали подобнаго же рода займы за такимъ же поручительствомъ [2]. Другіе документы обнаруживаютъ намъ купцовъ въ Руанѣ, Парижѣ, Нантѣ, Марсели, Орлеанѣ и Трирѣ, стало быть, во всемъ государствѣ [3]. Одни изъ нихъ торговали хлѣбомъ, другіе винами [4]. Торговыя дѣла велись даже съ чужими странами. Въ марсельскомъ портѣ выгружались продукты востока, откуда они распространялись по всей Галліи [5]. Галлія получала папирусъ

[1] *Greg.* III, 34. Епископъ верденскій говоритъ здѣсь королю „Rogo, aliquid de pecunia nobis commodes, qua cives nostros relevare valeamus, cumque hi negotium exercentes responsum praestiterint, pecuniam tuam cum usuris reddimus. Ille septem milia aureorum praestitit... Negotia exercentes divites per hoc effecti sunt et usque hodie magni habentur".—Происходило это при Теодебертѣ въ Австразіи.

[2] Это вытекаетъ изъ словъ приведеннаго текста: „Responsum in civitate nostra, *sicut reliquae habent*, praestiterint".

[3] См. хартію 667 года (Pardessus, № 358): „De heredibus Pauloni negotiatoris in civitate Aurelianensium". — Купецъ этотъ былъ, повидимому, очень богатъ; онъ оставилъ послѣ себя земли, дома въ городѣ, виноградники въ его окрестностяхъ.—Григорій говоритъ еще объ одномъ „negotiator" въ Трирѣ (Mirac. Martini, IV, 29).—Въ житіи святого Германа Фортуната (гл. 47 и 48) упоминается „negotiatores civitatis Namneticae".

[4] *Greg.* VII, 45, 46.

[5] Григорій намекаетъ на эту торговлю, говоря одному епископу, слишкомъ склонному къ писательству: „O si te habuisset Massilia sacerdotem! nunquam naves oleum aut reliquas species detulissent, sed cartam tantum".—Мнѣ кажется, что эта „carta" — папирусъ, который ввозили туда еще въ шестомъ вѣкѣ.—Григорій же сообщаетъ о „herbae aegyptiacae", получавшихся куп-

изъ Египта, шелкъ и вина изъ Италіи и вина же изъ Сиріи[1]. Евреи, поселившіеся тогда въ большомъ количествѣ въ Галліи[2] и еще не подвергавшіеся въ то время преслѣдованіямъ, держали въ своихъ рукахъ большіе движимые капиталы и занимались ссудными операціями въ крупныхъ размѣрахъ[3]. Григорій называетъ одного изъ нихъ, по имени Приска, который именно въ качествѣ богатаго купца находился въ числѣ приближенныхъ во дворцѣ Хильпериха[4]. Можно было видѣть также «Сирійцевъ», то-есть, выходцевъ съ востока, которые основались въ странѣ и устроили значительныя торговыя предпріятія. Тотъ же авторъ указываетъ ихъ намъ въ Парижѣ, Орлеанѣ и Бордо[5]. Въ житіи святого Германа Фортунатъ сообщаетъ о торговцахъ Нанта; онъ хвалитъ епископа Феликса за рас-

цами города Ниццы, корни которыхъ они раздавали бѣднымъ и отшельникамъ (V, 6).

[1] *Greg.* VII, 29: „Vina laticina atque gazitina". Тотъ же авторъ говоритъ объ одномъ галльскомъ купцѣ, который ѣздилъ на востокъ; см. De gloria martyrum, 77 (78). Шелкъ, какъ предметъ ввоза, упоминается въ *Vita Ebrulfi Bellov.* 11, и въ *Vita Gertrudis*, 1.

[2] Григорій передаетъ (V, 11), что въ овернской области 500 евреевъ обратились въ христіанство, а это была, вѣроятно, меньшая часть тамошней еврейской колоніи.

[3] *Greg.* IV, 35; VII, 23.

[4] *Greg.* VI, 5: „Iudaeus quidam, Priscus nomine, qui Chilperico ad species coemendas familiaris erat".

[5] *Greg.* VII, 31; VIII, 1; X, 26.—Эти Сирійцы или Греки носили такія имена, какъ Евфроній, Евсевій; повидимому, они были очень богаты; одинъ изъ нихъ ссудилъ нѣкоему лицу 200 золотыхъ монетъ; другой купилъ для себя за деньги должность парижскаго епископа. Въ Орлеанѣ они были достаточно многочисленны для того, чтобы составить процессію, въ которой пѣли гимны на своемъ языкѣ.—См. *Vita Columbani*, c. 41 и *Vita Genovefae*, 6.

ширеніе гавани этого города, сдѣланное, вѣроятно, для того, чтобы легче было приставать тамъ судамъ, приходившимъ изъ Британіи и Испаніи[1]; авторъ житія святого Колумбана отмѣчаетъ торговлю между Нантомъ и Шотландіей[2]. Одна грамота 716 года даетъ перечень разныхъ видовъ пряностей, вывозившихся съ востока и потреблявшихся въ Галліи[3]. Двѣ другія грамоты обнаруживаютъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ въ страну для посѣщенія большихъ ежегодныхъ ярмарокъ; купцы эти принадлежали ко всякимъ націямъ: между ними были Лонгобарды, Испанцы и даже Саксы[4]. Исторія Франка Само, пространно разсказанная Фредегаріемъ, открываетъ, что, если чужеземные купцы пріѣзжали тогда въ Галлію, то существовали также и Франки, проникавшіе съ торговыми цѣлями вглубь Германіи, вплоть до поселеній Славянъ. Надо замѣтить, что Само является не единичнымъ примѣромъ; онъ дѣйствовалъ лишь какъ глава большого торговаго товарищества[5]; и это товарищество,

[1] *Fortunat.* Vita Germani, c. 47, 48.

[2] *Vita Columbani*, c. 41.

[3] *Diplomata*, Pardessus, № 501, Pertz, № 86. — Мы читаемъ тамъ: „De oleo libras X milia, garo modios XXX, pipere libras XXX, cumino libras CL, cariofilo libras II, cinamomo libras V... cordenisae pelles X, carta tomi L".

[4] *Archives nationales*, Tardif, № 44, Pardessus, № 477: „Quidquid de omnes negutiantes, aut Saxones vel quascumquelibet nationis, ad illo mercado advenientes in festivitate S. Dionisii".—Ср. Tardif, № 47, Pardessus, № 496.—Pardessus, № 247: „Illi Saxones et vicarii et Rotomagenses et ceteri pagenses de alias civitates... et illi negotiatores de Longobardia, sive Hispanica et de Provincia ac de alias regiones..."—Саксонцы, о которыхъ здѣсь говорится, были, вѣроятно, выходцами изъ Британіи.

[5] *Fredegarii Chronicon*, c. 48: „Homo nomine Samo, natione Francus, de pago Senonago, plures secum negotiantes adscivit, exercendum negotium in Sclavos cognomine Winedos perrexit".

исторія котораго невольно напоминаетъ англійскую остъ-индскую компанію, было на пути къ образованію большого торговаго государства на востокѣ Германіи [1].

Итакъ, торговля оставалась еще довольно оживленною [2], что объясняетъ намъ, какъ и для чего сохранились таможенные и дорожные сборы. Мы не знаемъ, былъ ли удержанъ старый римскій тарифъ — два съ половиною процента изъ стоимости товаровъ,— или онъ былъ измѣненъ, повышенъ. Мы видимъ только, что пытались увеличить число таможенныхъ пунктовъ и мостовъ, на которыхъ собирались дорожныя пошлины. Вслѣдствіе алчности казны или таможенныхъ чиновниковъ были даже придуманы новые налоги. Въ концѣ меровингскаго періода существовалъ налогъ на пыль (*pulveraticus*), то-есть, на ту, которая поднималась на дорогахъ возами или вьючными животными; затѣмъ еще налогъ на колеса и дышла (*rotaticus*, *temonaticus*), то-есть, пошлина взымалась какъ по числу передвигавшихся возовъ, такъ и по числу ихъ колесъ; особый налогъ собирался съ вьючныхъ животныхъ (*saumaticus*); особый за траву, которую они топтали (*cespitaticus*), за пользованіе береговою дорогою, по которой передвигались грузы (*ripaticus*)[3]. Такимъ образомъ, пошлиною былъ обложенъ тогда не только товаръ, который перевозился, но и самый процессъ перевозки.

[1] *Ibidem*: „Samonem super se eligunt regem, ubi XXXV annos regnavit feliciter".

[2] См. сочиненіе *Pigeonneau*, Histoire du commerce, t. I.

[3] *Archives nationales*, Tardif, № 31, Pardessus № 425, грамота 692 года: „Tam in Massilia quam et per reliqua loca ubicumque telleneus, portaticus, pontaticus, rotaticus, vel reliquas redibutiones a iudicibus publicis exigebantur".—*Archives nationales*, Tardif, № 47. Pardessus, № 496, грамота 716 года: „Ubicumque telleneus, portaticus, pontaticus, rotaticus vel reliquae redibutiones exigebantur".—Грамота 629 года у Pardessus, № 247: „Theloneos, navigios, portaticos, pontaticos, rivaticos, rotaticos, vultaticos, temonaticos, cespitaticos, pulveraticos, foraticos, mestaticos, laudaticos, saumaticos, salutaticos".—*Supplementum Marculfi*, № 1, Rozière, 32 bis; „Rotatico, pontatico, pulveratico, salutatico, cespitatico". — Не слѣдуетъ утверждать, что всѣ эти налоги взымались непремѣнно въ одно и то же время повсемѣстно; возможно, что нѣсколько изъ этихъ названій представляютъ одинъ и тотъ же налогъ, различно называвшійся въ разныхъ провинціяхъ.

Указанныя различнаго рода таможенныя, дорожныя и провозныя пошлины не взымались непосредственно королевскими чиновниками. Сборъ налоговъ сдавался на откупъ предпринимателямъ, которые назывались *telonarii*. Постановленія маконскаго собора наводятъ на мысль, что Евреи охотно брали ихъ на откупъ. Мы не можемъ сказать, кѣмъ и на какіе сроки производилась сдача налоговъ; мы не можемъ даже отвѣтить, совершалась ли она правильно вообще.

Въ римской Имперіи существовалъ особый видъ личнаго налога на купцовъ и ремесленниковъ. Назывался онъ *lustralis collatio* или *chrysargyrum* и уплачивался каждые четыре года. Объ этомъ налогѣ не упоминается больше въ документахъ меровингской эпохи [1]. Не замѣтно, чтобы франкскіе короли уничтожили его формальнымъ актомъ; быть можетъ, они только допустили исчезнованіе налога, который было нелегко собирать, и который безъ того долженъ былъ сойти на-нѣтъ среди неурядицъ того времени.

Иначе сложилась судьба другого вида косвеннаго

[1] У Григорія, VI, 23, слова *urbium tributa* могли бы быть поняты буквально, какъ особый налогъ на городское населеніе; но фраза этого историка слишкомъ туманна для того, чтобы мы съ увѣренностью могли вывести изъ нея заключеніе о существованіи налога на промышленный классъ.

налога, который практиковался въ римской Имперіи подъ названіемъ *hospitalitas*, или права постоя. Во времена Имперіи существовалъ законъ, по которому обыватели должны были помѣщать у себя и содержать императора со всею свитою во время его поѣздокъ и путешествій, а также правителей провинцій со всѣмъ ихъ служебнымъ персоналомъ при ихъ передвиженіяхъ, затѣмъ еще войска, отправляющіяся въ походъ, чиновниковъ и гонцовъ правительства, а также посланниковъ, возвращавшихся изъ чужихъ краевъ, или направлявшихся туда. Германскіе короли не захотѣли уничтожить обычая, которымъ должны были дорожить ихъ чиновники, и который былъ удобенъ для нихъ самихъ. Бургундская Правда упоминаетъ о правѣ *hospitalitas*, принадлежавшемъ по меньшей мѣрѣ вельможамъ государства и королевскимъ посланцамъ [1]. Правда рипуарскихъ Франковъ провозглашаетъ, что тотъ, кто откажется принять у себя королевскаго посланца или чужеземнаго посланника, направляющагося къ королю, или какого бы то ни было человѣка, проѣзжающаго по обязанностямъ королевской службы, повиненъ будетъ уплатить большую пеню въ 60 солидовъ [2]. Когда, позднѣе, Карлъ Великій издастъ повелѣніе, «чтобы никто не отказывалъ принимать и помѣщать у себя нашихъ посланцевъ, объѣзжающихъ страну, и всякаго человѣка, проѣзжающаго по нашей службѣ» [1], — онъ не скажетъ ничего новаго, а напомнитъ лишь правило, установленное уже римскими императорами и сохраненное королями меровингскаго дома. Въ седьмомъ вѣкѣ упоминаніе объ этомъ обычаѣ можно найти въ формулахъ и въ цѣломъ рядѣ грамотъ, предметомъ которыхъ было освобожденіе того или другого владѣльца, названнаго въ указѣ, отъ этой тяжкой повинности [2]. Если такія иммунитетныя хартіи запрещаютъ чиновникамъ короля вступать на земли владѣльца, получавшаго подобную привилегію (*immunitas*), для пользованія постоемъ и продовольствіемъ, это значитъ, что на другихъ земляхъ чиновникъ короля имѣлъ право пользоваться ими. Шалонскій соборъ 650 года пытался запретить чиновникамъ требовать помѣщеніе и съѣстные припасы въ монастыряхъ или домахъ духовныхъ лицъ [3]. Въ сборникѣ Маркульфа есть формула грамоты, которую долженъ былъ предъявить посланецъ короля для обезпеченія себѣ пользованія этимъ правомъ, мы находимъ въ ней поречень продуктовъ, которые могъ требовать королевскій посолъ для своего стола и для содержанія своей свиты: это были — хлѣбъ, вино, мясо,

[1] *Lex Burgundionum*, XXXVIII: „Quicumque hospiti venienti tectum et focum negaverit... si conviva regis est, sex solidos mulctae nomine solvat. De legatis vero extranearum gentium... unum porcum aut unum berbicem praesumendi habeant facultatem“.

[2] *Lex Ripuaria*, LXV, 3: „Si quis legatarium regis vel ad regem seu in utilitatem regis pergentem hospitio suscipere contempserit... LX solidis culpabilis iudicetur“.

[1] Капитулярій 803 года (Boretius, p. 116, Baluze, p. 394): „De missis nostris discurrentibus vel ceteris hominibus in utilitatem nostram iter agentibus, ut nullus eis mansionem contradicere praesumat“.

[2] *Marculf*. I, 3: „Nec mansiones aut paratas facere praesumat“. — *Mansio* — простое право постоя; *parata* — доставка продовольствія; сравните „parare hospitium“ у Сидонія Аполлинарія (*Epist*. VIII) и у Кассіодора (V, 14). — *Diplomata*, Pardessus, № 281: „Ad mansiones vel paratas faciendum“. — *Ibidem*, № 336: „Nec mansiones faciendum nec paratas requirendum“.

[3] Шалонскій соборъ 650 года, с. 11: „Iudices publici per parochias vel monasteria... discurrunt, et clericos et abbates, ut eis praeparent ante eos faciunt exhiberi“.

дичь, медъ, пряности и все, необходимое для его людей и лошадей[1]. Какъ кажется, даже однодневный пріемъ королевскаго чиновника былъ тяжелою повинностью.

Григорій Турскій два раза находитъ случай описать въ своихъ разсказахъ не самую эту повинность— она была вещью слишкомъ обыкновенною для того, чтобы онъ считалъ нужнымъ спеціально говорить о ней,— а страшныя злоупотребленія, къ которымъ она иногда давала поводъ. Онъ сообщаетъ объ одномъ герцогѣ, который при проѣздѣ съ многочисленною и хорошо вооруженною свитою черезъ городъ Анжеръ завладѣлъ всѣми съѣстными продуктами, всѣми запасами вина и фуражемъ: онъ не дожидался того, чтобы каждый обыватель открылъ ему свои двери, но приказывалъ ломать ихъ и предавать все грабежу[2]. Въ другомъ мѣстѣ авторъ разсказываетъ о путешествіи по Галліи дочери одного короля, отправлявшейся въ Испанію; свита ея состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; «на всемъ пути она помѣщалась и кормилась съ большими издержками на счетъ населенія, такъ какъ король повелѣлъ, чтобы никакой расходъ ея не покрывался ни изъ его казны, ни изъ средствъ казенныхъ

[1] *Marculf.* I, 11: „Iubemus, ut vobis evectio et humanitas ministretur; hoc est veredos sive paraveredos tantos, pane nitido modios tantos, sequente modios tantos, vino modios tantos, cervisa modios tantos, lardo libras tantas, carne libras tantas, porcos tantos, pullos tantos, ova tanta, oleo libras tantas, mel tantum, acetum tantum, piper tantum, etc. Haec omnia diebus singulis...“

[2] *Greg.* VIII, 42: „Accepta potestate ducatus... Andegavis veniens, multa mala gessit, ita ut annonas, foenum, vinum, et quidquid reperire potuisset in domibus civium, nec expectatis clavibus, disruptis ostiis, devastaret, multosque de habitatoribus loci caedibus adfecit“.

владѣній, которыя могли встрѣчаться по пути. Все поставлялось несчастными жителями страны. Это былъ настоящій разбой: проѣзжавшіе ничего послѣ себя не оставляли»[1]. Такіе грабежи были почти законными и составляли родъ налога, существовавшаго со временъ римской Имперіи, которымъ франкскіе короли только стали злоупотреблять.

Памятники не говорятъ о поставкахъ хлѣба или лошадей для войска. Очень возможно, что меровингскіе короли не сумѣли организовать сборъ этихъ налоговъ или контролировать ихъ дѣйствительное поступленіе въ назначенное мѣсто, то-есть, въ казну. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы снова встрѣчаемъ ихъ при Карлѣ Великомъ, и такъ какъ нѣтъ указаній на то, что онъ учредилъ или возстановилъ ихъ, то безъ излишней смѣлости можно предполагать, что обычай этотъ не прерывался окончательно въ промежутокъ времени между паденіемъ римской Имперіи и его царствованіемъ.

Итакъ, мы указали нѣсколько римскихъ налоговъ, которые сохранились во франкскомъ государствѣ: таможенныя и дорожныя пошлины, право постоя и продовольствія,—ни одинъ изъ перечисленныхъ видовъ сборовъ не исчезъ. Кромѣ того, повинности эти сохранили прежній характеръ государственныхъ налоговъ; онѣ принадлежали королевской казнѣ и не заключали въ себѣ еще ничего феодальнаго.

[1] *Greg.* VI, 45: „Apparatus magnus expensae de diversis civitatibus in itinere congregatus est; in quo nihil de fisco suo rex dare praecepit, nisi (sed) omnia de pauperum coniecturis... Tanta spolia tantaeque praedae factae sunt, ut vix valeant enarrari. Nam hospitiola pauperum expoliabant, vinea devastabant levantes pecora, nihil per viam, qua gradiebantur, relinquentes“.

?

Надо замѣтить, что налоги эти распространялись на всѣхъ подданыхъ безъ различія, кромѣ только получившихъ особые личные иммунитеты, которые королю угодно было пожаловать. Во всѣхъ нашихъ документахъ нѣтъ ни одной строки, которая позволяла бы думать, что повинности эти ложились только на людей римскаго происхожденія, а Франки не подлежали имъ. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: въ турнейской области Франки не требовали уничтоженія таможенныхъ пошлинъ; они несли ихъ и платили ихъ королю, а въ седьмомъ вѣкѣ, когда король отказался отъ нихъ, онъ сдѣлалъ эту уступку не франкскому населенію, а мѣстному епископу[1]. Точно также въ Парижѣ таможенная пошлина платилась королю до того дня, какъ король принесъ ее въ даръ аббату С. Денисскаго монастыря[2].

3.

Земельный налогъ.

Главнымъ налогомъ въ римской Имперіи былъ налогъ на землю. Введенный въ Галлію со времени ея завоеванія, онъ продержался въ ней во все время Имперіи; на языкѣ той эпохи онъ назывался *tributum*, *census* и *functio publica*. Намъ важно было бы опредѣлить, какова была такса этого налога, то-есть, какой процентъ дохода съ земли уплачивался въ видѣ подати, которая взымалась съ нея; но мы напрасно

[1] Мы привели выше королевскую грамоту, по которой дорожные сборы съ моста на Шельдѣ и пошлины съ города Турнэ уступались епископу этого города.

[2] См. грамоту 710 г. въ *Archives nationales*, Tardif, № 44, Pardessus, № 477.

искали точной цифры или, по крайней мѣрѣ, общаго указанія на это или даже какого-нибудь свѣдѣнія или простого намека, — мы не нашли ничего. Нѣсколько лучше извѣстенъ намъ способъ раскладки этого налога и пріемы его взыманія.

Для цѣлей распредѣленія налоговъ имперское правительство составляло писцовыя книги. Въ эти описи вносились всѣ недвижимыя имущества, и въ нихъ отмѣчалась не только величина имѣнья, но и различные виды культуры, которые въ немъ производились, и доходность его, вычисленная по среднимъ даннымъ послѣднихъ десяти лѣтъ[1]. Переоцѣнка совершалась достаточно часто для того, чтобы можно было принимать во вниманіе измѣненія, происходившія въ состояніи помѣстья и его производства. Самая операція переписи называлась *descriptio*, а чиновники, производившіе ее, *descriptores*, *peraequatores*, *censitores*[2]. Оффиціальные списки или писцовыя книги извѣстны были подъ названіями *libri censuales* или *polyptyci*[3]; въ этихъ полиптихахъ отмѣчалась каждая перемѣна владѣльца; было даже установлено, чтобы новый владѣлецъ давалъ письменное обязательство удовлетворять податнымъ требованіямъ за пріобрѣтенную имъ землю[4].

[1] *Ulpian.* Dig. L, 16, 4.—Ср. главу о римскихъ налогахъ во II томѣ настоящаго сочиненія.

[2] *Cod. Theod.* XIII, 11: „De censitoribus, peraequatoribus, et inspectoribus".—XIII, 10, 8: „Censorum et peraequatorum officia".

[3] *Cod. Theod.* XI, 26, 2: „Acceptae securitates (росписки и квитанціи о внесеніи налоговъ) et regestae in polypticis". — XI, 28, 13: „Secundum fidem polypticorum".—*Veget.* II, 19: „Res annonaria vel civilis polyptychis adnotatur".—*Cassiodor.* Var. V, 14: „Polyptychis iubeantur ascribi".—V, 39: „Polyptychis publicis". — Списки эти назывались также *libri publici*. См. *Cod. Theod.* XIII, 10, 8

[4] Въ одной грамотѣ 489 года, составленной въ Италіи, ви-

Послѣ того какъ размѣръ земельнаго налога утверждался правительствомъ, сборъ его поручали не чиновникамъ государства, а выборнымъ муниципальнымъ властямъ. Подъ именемъ *exactores*, нѣсколько куріаловъ должны были поочередно отправлять обязанности сборщиковъ подати съ лицъ, подлежавшихъ ея уплатѣ, подъ собственною отвѣтственностью за ихъ внесеніе въ казну. Такой способъ взыманія, на первый взглядъ кажущійся самымъ свободнымъ, такъ какъ онъ предоставлялъ, повидимому, заботу о сборѣ податей самому населенію и избавлялъ его отъ подчиненія спеціальному фискальному чиновнику,— въ дѣйствительности оказывался самымъ тяжелымъ и открывалъ широкое поле для всевозможныхъ злоупотребленій; именно этотъ способъ сбора явился самымъ крупнымъ недостаткомъ римской финансовой организаціи. Сумма собранныхъ податей вручалась муниципальными совѣтами губернатору провинціи, который препровождалъ получки центральной власти.

Утвердившись въ Галліи, франкскіе короли нашли описанную организацію налоговъ уже сложившеюся. Они не имѣли никакого основанія отказываться отъ пользованія ею, и у насъ есть достаточно свидѣтельствъ, чтобы мы могли убѣдиться въ ихъ стремленіи сохранить земельный налогъ такъ долго, какъ только было возможно. Въ текстахъ, относящихся къ промежутку времени до конца седьмого вѣка, земельная подать появляется болѣе двадцати

димо, согласной со старыми порядками, читаемъ: „Parati sumus singulis annis pro eadem praedia fiscalia competentia solvere, unde rogamus, uti iubeatis a polyptychis publicis nomen prioris domini suspendi et nostri dominii adscribi“ (*Marini*, Papiri diplomatici, № 83, p. 130).

разъ и всегда подъ римскими названіями—*tributum publicum*, *census publicus*, *functio tributaria*[1].

Однимъ изъ первыхъ постановленій, которыя имѣются у насъ по этому вопросу, является посланіе епископовъ Галліи, собравшихся на соборъ. Оно относится къ 535 году, то-есть, къ эпохѣ, очень близкой къ завоеванію Галліи, и адресовано къ Теодеберту, королю австразійскому, внуку Хлодовеха. Посланіе это подписано епископами Кельна, Трира, Вердена, Реймса, Шалона и Лангра, — стало быть, епископами королевства австразійскаго, точно такъ же какъ и епископами Лиможа, Оверни и Родеза, зависѣвшими отъ того же королевства. Въ нихъ мы находимъ составленное въ опредѣленныхъ выраженіяхъ постановленіе, чтобы всякій земельный собственникъ, спокойно остававшійся во владѣніи своимъ помѣстьемъ, платилъ полагавшіяся съ него подати.

Замѣтимъ, что это относится ко всѣмъ частямъ Галліи, даже къ Австразіи[2]. Обратимъ вниманіе и

[1] *Greg.* VII, 23; VIII, 15: „Tributum publicum“.—IX, 30: „Publicus census“.—V, 20: „Publicae functiones“.—*Vita Eligii*, I, 15: „Publicus census“.—*Greg.* IX, 30: „Functio tributaria“.—*Vita Eligii*, I, 32: „Census, qui reipublicae solvitur“.—*Diplomata*, Pertz, № 54, Pardessus, № 400: „Publicas functiones exigere“.

[2] Посланіе это помѣщено у *Sirmond*, I, 245 — 246, сейчасъ за постановленіями овернскаго собора 535 года. Мы читаемъ тамъ: „Ut securus quicumque proprietatem suam possidens debita tributa dissolvat domino (regi)... Quod et thesauris vestris utilius esse censemus, si salvata possessio consuetudinariam intulerit functionem“.—Для того, чтобы хорошо понять эту фразу, надо знать общее содержаніе посланія. Епископы и крупные собственники владѣли въ эту эпоху помѣстьями, разбросанными по всей Галліи; это не представляло никакого неудобства, пока вся Галлія была подъ одною властью; но въ 535 году Галлія распадалась на три королевства. Посланіе имѣетъ цѣлью указать королю

на одно: въ посланіи не указано, что рѣчь идетъ здѣсь о новомъ сборѣ, установленномъ франкскими королями. Въ немъ говорится лишь о налогѣ, называемомъ, какъ во времена Имперіи, *tributum* или *functio consuetudinaria*; это обычный налогъ, это старый римскій земельный налогъ.

Чтобы собирать его, надо было имѣть въ распоряженіи писцовыя книги и правильные распредѣлительные регистры. Короли франкскіе нашли эти списки готовыми, потому что римскія кадастровыя описи составлялись всегда въ трехъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ хранился въ центральномъ архивѣ государства, другой въ мѣстномъ муниципальномъ архивѣ, третій въ канцеляріи провинціальныхъ намѣстниковъ [1]. Предположимъ даже, что городамъ удалось скрыть кадастровыя книги, все-таки короли франкскіе получили въ свои руки тѣ изъ нихъ, которыя находились у губернаторовъ провинцій, такъ какъ они унаслѣдовали учрежденія и всю канцелярію имперскихъ чиновниковъ.

Было необходимо, конечно, чтобы эта расцѣнка имѣній часто возобновлялась. Мы видимъ, дѣйствительно, что Хлотаръ I приказалъ произвести новую перепись, «и

Австразіи Теодеберту на жалобы, высказывавшіяся духовными или свѣтскими владѣльцами, обитавшими въ другомъ королевствѣ, но обладавшими въ то же время собственностью на его территоріи. Собственность эта плохо охранялась, повидимому, правительствомъ короля; на нее нападали и ее разоряли иногда сосѣди. Епископы этого собора просятъ Теодеберта оберегать такія владѣнія такъ, какъ если бы собственники ихъ были его подданными; они мотивируютъ справедливость своей просьбы тѣмъ доводомъ, что онъ долженъ охранять эти имущества, ибо получаетъ за нихъ подати.

[1] *Cod. Theod.* XIII, 10, 8: „In libris publicis et civitatum ac provinciarum encauteriis".

податные списки были доставлены во дворецъ» [1]. Нѣсколькими годами позднѣе, около 565 года, одинъ писатель опять разсказываетъ намъ, что три франкскихъ короля установили съ общаго согласія роспись налоговъ и предписали ихъ сборъ особымъ указомъ [2].

Около 580 года мы снова читаемъ у Григорія Турскаго, что Хильперихъ приказалъ составить новыя росписи податей и увеличилъ послѣднія [3]. На владѣльца виноградника была наложена натуральная подать, равнявшаяся одной амфорѣ вина съ югера. Налогъ этотъ, который не представляется намъ чрезмѣрнымъ, былъ признанъ, однако, населеніемъ очень тяжелымъ, вѣроятно, потому, что былъ больше прежняго [4]. Жители лимузенскаго края возмутились про-

[1] *Greg.* IX, 30: „Descriptam urbem Turonicam Chlotarii regis tempore manifestum est, librique illi ad regis praesentiam abierunt".

[2] *Vita Aridii* (приписываемая Григорію Турскому, гл. 24 въ изданіи „Société de l'Histoire de France", т. IV, стр. 184): „Accidit, ut populis tributa vel census a regibus fuissent descripta... Censu publico fuerant edicto adscripti". — Надо замѣтить, какія тутъ встрѣчаются выраженія: *tributa, census, census publicus, describere, edictum*—это все тѣ именно термины, которые служили во время Имперіи для обозначенія земельнаго налога. — Авторъ не указываетъ года, но ясно, что дѣло происходитъ послѣ 561 года, вѣроятно, въ 565 г.

[3] *Greg.* V, 29: „Chilpericus rex descriptiones novas et graves in omni regno suo fieri iussit".

[4] *Ibidem*: „Statutum fuerat, ut possessor de propria terra unam amphoram vini per aripennum redderit".—Намъ трудно сдѣлать правильную оцѣнку этого налога. Скажемъ все-таки, что югеръ виноградника, который былъ обыкновенно меньше, чѣмъ югеръ пахатной земли, занималъ площадь отъ 12 до 17 акровъ. Согласно вычисленію Дюро де-ла-Малля („Economie politique des Romains"), амфора была мѣрою въ 26 литровъ, но справедливо ли было это относительно галльской амфоры, мы не сумѣемъ сказать. Налогъ этотъ можно, кажется, оцѣнить приблизительно въ одну пятнадцатую часть валового сбора.

тивъ этого налога и сожгли податныя книги; но списки были возстановлены, и налогъ продолжали взыскивать и послѣ того [1].

Податные списки упоминаются еще въ томъ разсказѣ Григорія, въ которомъ онъ изображаетъ угрызенія совѣсти Фредегунды. Мучимая раскаяніемъ, она сказала своему мужу: «Сожжемъ эти несправедливые регистры, и пусть казна наша довольствуется тѣмъ, что взымалось при королѣ Хлотарѣ» [2]. Хильперихъ такъ и сдѣлалъ. Если здѣсь приводится дѣйствительный случай, – а Григорій былъ достаточно освѣдомленъ о томъ, что происходило во дворцѣ, ему сообщались немедленно точныя свѣдѣнія обо всемъ,—то это не значитъ, что Хильперихъ уничтожилъ налоги; это значитъ только, что онъ вернулъ ихъ къ окладу, утвержденному при Хлотарѣ I. Поэтому историкъ и говоритъ, что, бросивъ эти списки въ огонь, Хильперихъ тотчасъ же приказалъ составить новые [3]. Преемникъ его Хлотаръ II

[1] *Ibidem*: „Lemovicinus populus, congregati in calendis martiis, arreptis libris descriptionum, incendio concremavit".—Ср. *Historia epitomata*, 80: „Chilpericus descriptiones gravissimas in omni populo regni sui fieri iussit. Marcus referendarius, qui hanc descriptionem faciebat, secum omnes polepticos ferens, kalendis martiis a Lemovicinis interfectus est et omnes poleptici concremati".

[2] *Greg.* V, 35 (34): „Incendamus descriptiones iniquas, sufficiatque fisco nostro, quod suffecit regi Chlotario".

[3] *Ibidem*: „Tradidit libros descriptionum igni misitque, qui futuras perhiberent descriptiones". — Такъ читается въ корбійской рукописи; въ другихъ стоитъ „prohiberent"; но это слово даетъ тексту иной смыслъ, совершенно недопустимый; дѣйствительно, непонятно было бы, почему король „послалъ, чтобы помѣшать или запретить повтореніе переписей имущества на будущее время"; если онъ не хотѣлъ новой расцѣнки, достаточно было не приказывать больше ее производить. Понятно, наоборотъ, что, бросивъ въ огонь новыя книги, онъ быстро послалъ во всѣ области, чтобы сообщить ихъ намѣстникамъ росписи, по которымъ надо было взыскивать подати съ этого времени. Итакъ, мы принимаемъ текстъ корбійской рукописи за достовѣрный.

въ свою очередь попытался увеличить налоги, но протесты епископовъ и недовольство населенія заставили его отмѣнить это повышеніе и вернуться къ прежнимъ таксамъ [1].

Свѣдѣнія наши о способѣ раскладки поземельнаго налога во франкскомъ королевствѣ малочисленны и неясны, но нѣкоторый свѣтъ они все-таки могутъ пролить. Разсмотримъ слѣдующее мѣсто Григорія Турскаго: «Король Хильдебертъ послалъ по просьбѣ епископа въ пуатьескую область чиновниковъ, которымъ было поручено произвести вновь расцѣнку имуществъ [2]. Онъ хотѣлъ, чтобы населеніе въ цѣломъ платило ту же поземельную подать, какъ при королѣ Сигебертѣ, но чтобы для раскладки ея были приняты во вниманіе измѣненія, которыя произошли съ того времени [3]. Дѣйствительно, много людей умерло, и тяжесть налога падала поэтому на вдовъ, сиротъ и на лицъ, которыя не въ состояніи были платить [4]. Послѣ основательнаго разслѣдованія королевскіе чиновники освободили слабыхъ и бѣдныхъ и заставили платить государственную подать только тѣхъ, кто, по справедливости, долженъ

[1] *Edictum Chlotarii* (614 года, ст. 8): „Ut ubicunque census novus impie additus est, et a populo reclamatur, iusta inquisitione misericorditer reformetur".

[2] *Greg.* IX, 30: „Childebertus rex descriptores in Pictavo, invitante Maroveo episcopo, iussit abire, id est Florentianum maiorem domus regiae et Romulfum palatii sui comitem..."

[3] *Ibidem*: „Ut scilicet populus censum, quem tempore patris reddiderat, facta ratione innovaturae, solveret".

[4] *Ibidem*: „Multi enim ex his defuncti fuerant et ob hoc viduis orphanisque ac debilibus tributi pondus insederat".

былъ ее нести [1].—Этотъ текстъ не легко поддается объясненію. Съ одной стороны, слова *descriptio*, *census*, *tributum* являются обычными терминами, обозначавшими земельную подать. Съ другой стороны, спрашивается, почему при кадастрѣ должно было принимать во вниманіе умершихъ. Земля всегда, казалось бы, должна была уплачивать одну и ту же подать, кто бы ни былъ ея владѣльцемъ; такъ дѣло обстоитъ и въ наше время [2].

Чтобы понять это кажущееся противорѣчіе, надо знать, какъ раскладывалась поземельная подать въ римской Имперіи, начиная съ четвертаго вѣка. Такъ какъ тамъ преобладала крупная собственность, то установилось правило, что налогъ, приходившійся на каждое помѣстье, вычислялся по числу сидѣвшихъ на немъ съемщиковъ или колоновъ. Эти самые колоны и «вписывались» въ податныя книги. Мужчина считался за одну голову, женщина за половину [3]. Владѣлецъ былъ отвѣтственъ передъ государствомъ въ уплатѣ такой только суммы подати, которая соотвѣтствовала числу съемщиковъ его земли. Именно для того, чтобы принимать во вниманіе уменьшеніе или возрастаніе сельскаго населенія въ каждомъ помѣстьѣ, имперское правительство и было вынуждено возобновлять кадастры черезъ довольно короткіе промежутки времени. Та же необходимость представилась и франкскимъ королямъ. Потому-то Хильдебертъ и приказалъ, по просьбѣ епископа пуатьескаго, составить новые податные списки, «взявъ въ разсчетъ происшедшія измѣненія». Въ помѣстьяхъ, гдѣ мужское населеніе уменьшилось, и гдѣ оказывалось много вдовъ и сиротъ, цифра подати должна была понизиться. Король согласился на такое облегченіе подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы все населеніе Пуату продолжало платить прежнюю общую сумму подати. Королевскіе чиновники сдѣлали, въ согласіи съ епископомъ, новое распредѣленіе, уменьшивъ подать въ однихъ помѣстьяхъ, увеличивъ ее, «сообразно съ справедливостью», въ другихъ. Таковъ смыслъ приведеннаго отрывка изъ Григорія Турскаго. Мѣсто это нельзя было бы понять, если предположить, что налогъ неизмѣнно привязывался къ землѣ; но оно очень хорошо объясняется, если вспомнить, что подать въ концѣ Имперіи была связана съ личностью земледѣльца. Въ дальнѣйшихъ частяхъ настоящаго изслѣдованія мы покажемъ, что преобладаніе крупной собственности, система большой римской виллы удержались при Меровингахъ. Разобранный текстъ Григорія Турскаго уже обнаруживаетъ, что римскій способъ раскладки земельной подати, который всегда является отраженіемъ характера самого землевладѣнія, перешелъ во франкское государство. Это фактъ большой важности, и надо будетъ припомнить его впослѣдствіи, чтобы объ-

[1] *Ibidem*: „Relaxantes pauperes ac infirmos illos, quos iustitiae conditio tributarios dabat, censu publico subdiderunt“.

[2] Это привело Фальбека къ мнѣнію (см. стр. 135 французскаго перевода его книги „La monarchie et le droit royal francs“), что рѣчь тутъ идетъ лишь о личной подати съ городского населенія. Это, несомнѣнно, ошибка. Личная и городская подать обозначались бы терминомъ *capitatio*. Григорій же употребляетъ, наоборотъ, слова *tributum* и *census*, обозначавшія именно земельную подать. Мы не должны также ошибаться въ значеніи слова *urbium*: изъ двадцати другихъ примѣровъ мы знаемъ, что Григорій употребляетъ это слово для обозначенія всей территоріи *civitas*.

[3] Мы пояснили это и представили всѣ необходимые тексты въ нашемъ изслѣдованіи о колонатѣ. См. *Recherches sur quelques problèmes d'histoire*. стр. 75—82.

яснить измѣненіе въ организаціи земельной подати, которое произойдетъ въ началѣ феодальной эпохи.

Одно мѣсто изъ житія святой Батильды подтверждаетъ показаніе Григорія Турскаго. Со свойственнымъ тону агіографовъ преувеличеніемъ авторъ говоритъ, что многіе предпочитали видѣть дѣтей своихъ мертвыми, чѣмъ воспитывать ихъ, такъ какъ послѣднія, по старому обычаю, облагались податью [1]. Таковъ въ самомъ дѣлѣ былъ старый римскій порядокъ: съ четырнадцати лѣтъ юноша начиналъ считаться за «голову» (*caput*), такъ что отецъ семейства видѣлъ, какъ платимая имъ подать увеличивалась, хотя земли и не прибавлялось. Въ седьмомъ только вѣкѣ законъ этотъ былъ уничтоженъ или смягченъ во франкской монархіи королевой Батильдой, управлявшей тогда государствомъ въ качествѣ регентши. Изъ фактовъ этихъ вытекаетъ, что римская система распредѣленія земельной подати по числу земледѣльцевъ удержалась и въ франкскую эпоху.

Удержался также и способъ сбора податей. У королей франкскихъ такъ же, какъ у римскихъ императоровъ, не хватало чиновниковъ для производства прямого сбора податей съ плательщиковъ. Поэтому подати продолжали взыматься лицами, избиравшимися изъ среды самого населенія. Мы не знаемъ, оставалась ли эта обязанность на городскихъ куріяхъ, или отысканъ былъ какой-нибудь другой способъ находить сборщиковъ. Достовѣрно одно, что при франкскихъ короляхъ мы еще видимъ, что подати собираются черезъ посредство *exactores*, которые не были чиновниками государства, но отвѣчали за внесеніе подати полностью. Это довольно ясно указано въ одномъ мѣстѣ у Григорія Турскаго: «Въ овернской области король Хильдебертъ освободилъ отъ *tributum* церкви, монастыри и всѣхъ, кто держалъ церковныя земли, потому что сборщики этой подати были разорены, такъ какъ съ давнихъ поръ уже сборъ сдѣлался очень затруднительнымъ; король принялъ мѣры, чтобы на будущее время сборщикъ не отвѣчалъ больше имущественно за задержки въ платежахъ» [1]. Итакъ, при меровингскихъ короляхъ суще-

[1] *Vita Bathildis* (Mabillon, Acta SS. II, 355): „Ordinavit per eam Dominus, ut pessima et impia cessaret consuetudo, pro qua plures homines sobolem suam interire potius quam nutrire studebant, dum dividebat (?) actiones publicas, quae ei (eis) et consuetudine ingerebantur accipere, ut illis ex hoc gravissimum rerum suarum inferrent damnum“.—Мѣсто это, темное, и, безъ сомнѣнія, испорченное, воспроизведено съ большею ясностью другимъ агіографомъ (*Mabillon*, ibid. 358): „Ordinavit per eam Dominus, ut pessima consuetudo cessaret, pro qua plures homines filios suos magis mori quam nutrire optabant, dum de eis videbant exactiones fieri, publicaque ex antiqua consuetudine mala urgebantur accipere, unde gravissimum rerum suarum patiebantur damnum“.

[1] *Greg.* X, 7: „In supradicta urbe (то-есть, *apud Arvernos*: извѣстно, что Григорій очень часто говоритъ *urbs*, когда хочетъ обозначить всю территорію прежней *civitas*; здѣсь это внѣ сомнѣнія, такъ какъ рѣчь идетъ о *possessiones*, о *cultores*). Childebertus rex omne tributum tam ecclesiis quam monasteriis vel reliquis clericis, qui ad ecclesiam pertinere videbantur, concessit. Multum enim iam exactores huius tributi expoliati erant, eo quod per longum tempus et succedentium generationes, ac divisis in multas partes ips possessionibus, colligi vix poterat hoc tributum. Quod rex ita praecepit emendari, ut quod super haec fisco deberetur, nec exactorem damna percuterent nec ecclesiae cultorem tarditas de officio aliqua revocaret“. *Ecclesiae cultor*—это съемщикъ, держалецъ церковной земли. Григорій говоритъ, что въ силу реформы Хильдеберта, съ одной стороны, сборщикъ не разорялся больше изъ-за недоимокъ земледѣльца, и что, съ другой стороны, самъ земледѣлецъ не лишался вслѣдствіе недоимки земли, которую держалъ.

ствовалъ, какъ и при римскихъ императорахъ, посредникъ между плательщикомъ подати и государствомъ. Посредникъ этотъ, называвшійся, какъ и во время Имперіи, *exactor*, былъ не государственнымъ чиновникомъ, а простымъ частнымъ лицомъ, котораго дѣлали сборщикомъ на его страхъ и отвѣтственность; онъ разорялся самъ, если не добивался уплаты подати, общую сумму которой онъ долженъ былъ представить государству отъ лицъ, подлежавшихъ платежу.

Собранныя суммы передавались королевскому должностному лицу, то-есть, графу, либо требовавшему доставки ихъ себѣ въ главный городъ области, либо собиравшему ихъ при объѣздѣ подвѣдомственной ему территоріи [1]. Въ функціи графа входило наблюденіе за взносомъ налоговъ. Грамота, выдававшаяся ему въ день назначенія, напоминала объ обязанности его ежегодно лично вносить въ королевскую казну «суммы, которыхъ казна ожидаетъ отъ его управленія» [2]. Онъ былъ отвѣтственъ за внесеніе платежей полностью передъ королемъ такъ же, какъ сборщики были отвѣтственны передъ нимъ, а лица, повинныя платить подати,—передъ сборщиками.

Могло случиться, что графъ, которому не удавалось собрать всю подать, долженъ былъ самъ вносить въ казну всю сумму. Онъ тогда обращался къ содѣйствію займа. Въ странѣ существовали дѣльцы, занимавшіеся ссудами. Григорій Турскій разсказываетъ

Интересно было бы знать нѣчто болѣе опредѣленное объ этомъ преобразованіи; но можно думать, что оно относилось, повидимому, только къ церковнымъ землямъ въ Оверни.

[1] *Greg*. X, 30: „Gaiso comes tributa coepit exigere“.

[2] *Marculf*. I, 8: „Quidquid de ipsa actione in fisci ditionibus speratur, per vosmet ispsos annis singulis nostris aerariis inferatur“.— Ср. *Greg*. X, 21.—*Vita Germani*, Mabillon, Acta SS. I, 238.

исторію четырехъ капиталистовъ-«компаньоновъ» — двое изъ нихъ были евреи, двое христіане — ссудившихъ такимъ образомъ впередъ податныя деньги турскому графу [1]. Нетрудно угадать, что графъ устраивалъ такъ, чтобы переложить на населеніе, то-есть, на самихъ плательщиковъ сверхъ податей, сумму долга и проценты; можно также представить себѣ разнообразныя спекуляціи и вымогательства, которыя являлись послѣдствіемъ описаннаго способа сбора подати.

Въ итогѣ, существованіе поземельнаго налога во франкскомъ государствѣ, по крайней мѣрѣ, до седьмого вѣка, установлено цѣлымъ рядомъ документовъ [2]. Съ того же времени, нужно сказать, налогъ этотъ упоминается лишь въ иммунитетныхъ хартіяхъ, которыми короли освобождали отъ него какого-нибудь епископа или аббата. Но это самое обстоятельство показываетъ, что теоретически, по закону налогъ еще признавался существующимъ; онъ и не

[1] *Greg*. VII, 23: „Armentarius Iudaeus cum uno sectae suae satellite et duobus Christianis ad exigendas cautiones, quas ei propter tributa publica Iniuriosus ex vicario ex comite vero Eunomius deposuerant, Turonis advenit“.—Инъюріозъ и Евномій убили этихъ четырехъ лицъ для того, чтобы отнять свои росписки, не уплачивая по нимъ. Произошло это въ 584 году.

[2] Кромѣ приведенныхъ нами текстовъ, есть и другіе, доказывающіе существованіе постоянныхъ налоговъ въ шестомъ вѣкѣ; мы будемъ имѣть случай привести ихъ въ другомъ мѣстѣ. См. *Greg*. III, 25; IV, 2; V, 26; IX, 30; *Vita Austregisili*, 1 — 3. Во время Дагоберта I сборъ прямыхъ налоговъ производился еще, повидимому, довольно правильно. См. *Vita Eligii*, I, 15: „Erat tempus, quo census publicus ex eodem pago regis thesauro exigebatur inferendus“.—*Ibidem*, 32: „Omnem censum, qui reipublicae solvebatur“ —Продолженіе разсказа показываетъ, что рѣчь идетъ о поземельномъ налогѣ, потому что *praedium* Элигія доставляло ему часть дохода.

былъ никогда уничтоженъ формальнымъ указомъ какого-нибудь короля [1].

Во франкскомъ королевствѣ не были извѣстны ни налогъ на наслѣдства, ни налогъ за отпущеніе на волю. Короли не заимствовали ихъ у римской Имперіи, потому что они тамъ были уничтожены уже до прихода Франковъ въ Галлію [2]. Короли эти не дѣлали разысканій въ прошломъ Имперіи; они брали то, что нашли въ настоящемъ ея устройствѣ. Они не изобрѣли никакого новаго налога, а сохранили только тѣ, какіе были тамъ уже установлены [3].

1 Въ нѣкоторыхъ текстахъ встрѣчается терминъ *inferenda*. См. напр. грамоту 716 года (Archives nationales, Tardif, № 49, Pardessus, № 498): „Quod inferenda de pago Cenomannico in fisci ditionibus speratur".—Грамота 705 года (Pardessus, № 463, Pertz, № 74): „Annis singulis inferendam solidos sex inferendales in fisci ditione solvebant".—*Pardessus*, Additamentum, № 85: „Crodegarius dux de inferendis vel undecunque iuvamen nobis peaestare non cessat".—Намъ кажется, что *inferenda* не составляла особаго налога, прибавлявшагося къ другимъ. Мы думаемъ, что такъ называется чистый доходъ государства съ подати, собиравшейся въ отдѣльной области, то-есть, суммою, которая дѣйствительно доставлялась королю за вычетомъ того, что оставалось на мѣстѣ или въ рукахъ графовъ. *Inferenda* была тѣмъ, что слѣдовало „*inferre* aerario publico". См у Маркульфа, I, 8: „Quidquid in fisci ditionibus speratur... nostris aerariis *inferatur*".—*Vita Eligii*, I, 15: „Erat tempus, quo census publicus ex eodem pago regis thesauro exigebatur *inferendus*".

2 „Vicesima libertatis" исчезла въ четвертомъ вѣкѣ. Послѣднее имѣющееся указаніе на „vicesima hereditatum" относится къ царствованію Гордіана III (*Wilmanns*, Inscr. lat. № 1293). Юстиніанъ говоритъ о ней, какъ объ уничтоженномъ налогѣ: „Vicesima hereditatis ex nostra recessit republica" (*Cod. Iust.* VII, 33, 3).—Гиршфельдъ („Untersuchungen auf dem Gebiete der röm. Verwaltungsgesch.", p. 68) думаетъ, что налогъ этотъ былъ отмѣненъ Діоклетіаномъ или вскорѣ послѣ него. Того же мнѣнія придерживаются Бауди ди-Весмъ и Канья.

3 Только что оконченное нами изслѣдованіе о провинціаль-

Чистый доходъ съ разныхъ податей, за вычетомъ того, что оставляли въ своихъ рукахъ мѣстные чиновники, составлялъ королевскую казну. Ее обозначали двумя названіями—*aerarium publicum* и *fiscus regis*, безъ всякаго различія между обоими терминами. Изъ текстовъ видно, что оба выраженія были совершенно тождественны, и что оба они обозначали одно и то же учрежденіе — королевскую казну. Въ эпоху Меровинговъ никогда не было «государственной» казны, отдѣльной отъ «королевской».

Все, что было сказано нами о таможенныхъ пошлинахъ, о правѣ постоя, о земельной подати и о кадастровыхъ книгахъ, составлявшихся такъ часто во франкскомъ государствѣ, вызываетъ сначала предста-

номъ управленіи и о налогахъ въ меровингской монархіи и всѣ констатированные здѣсь факты достаточно ясно показываютъ, какъ неосновательна теорія, недавно выставленная Фальбекомъ для объяесненія сущности учрежденій франкской монархіи. Авторъ предполагаетъ, что они не вышли ни изъ германскаго, ни изъ римскаго корня, а были придуманы и всецѣло созданы какимъ-нибудь франкскимъ королемъ, какимъ только — онъ не знаетъ. Если же мы изучимъ съ нѣкоторою тщательностью всѣ эти учрежденія, то, наоборотъ, прекрасно увидимъ, что одни изъ нихъ происходятъ изъ Германіи, что большая часть ихъ заимствована въ Имперіи, и что нѣтъ почти ни одного такого, котораго нельзя было бы отыскать либо тамъ, либо здѣсь. Утверждать, что все во франкскомъ королевствѣ было выработано заново, можетъ только тотъ, кто недостаточно знаетъ, что происходило до его образованія. Предполагать же, что весь общественный организмъ, сложность котораго нами обнаружена, былъ созданъ и выполненъ однимъ королемъ,—это значитъ высказывать совершенно фантастическую идею. Фальбекъ пришелъ къ построенію своей системы только потому, что не обращалъ вниманія на тексты и пренебрегалъ фактами. Онъ доказалъ при этомъ только пылкость своей фантазіи, но не твердость своего научнаго метода.

вленіе объ очень правильной и прочной системѣ налоговъ. Но когда мы спросимъ себя, какая часть изъ полученныхъ суммъ достигала до королевской казны,— тутъ начинаются сомнѣнія. Правда, что короли Меровинги, до Дагоберта включительно, были, повидимому, очень богаты; ихъ окружалъ блестящій дворъ, и они содержали дорого стоющій «дворецъ»; они сооружали много зданій и были чрезвычайно щедры [1]. Но, съ другой стороны, они не давали жалованья своимъ чиновникамъ и не платили войску. Невозможно разсчитать даже приблизительно, каковъ былъ ихъ годовой доходъ, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ средствъ могла получаться съ специально казенныхъ доменовъ, о которыхъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. Мы увидимъ дальше, что въ послѣднія сто двадцать лѣтъ царствованія меровингской династіи налоги сошли на-нѣтъ; сами короли отказались отъ нихъ, пожертвовали ими. Я склоненъ думать, что и все время вообще они приносили лишь незначительныя суммы, благодаря отсутствію порядка и честности въ администраціи, которая завѣдывала ихъ собираніемъ, храненіемъ и употребленіемъ. Поэтому я и могу сказать, что нарисованная мною картина налоговъ представляетъ скорѣе повинности населенія, чѣмъ доходы королевской казны.

---

[1] Можно привести рядъ фактовъ, изъ которыхъ выносится представленіе о богатствѣ первыхъ королей; Хильдебертъ I подарилъ, напримѣръ, парижскому епископу 6000 солидовъ золота (*Vita Germani*, 13, 43); Теодебертъ I ссудилъ жителямъ Вердена 7000 aurei и не требовалъ ихъ назадъ (*Greg.* III, 34); Фредегунда сама разсказывала о громадныхъ богатствахъ своего дворца (*Ibid.* V, 35).

4.

Платило ли налоги франкское населеніе?

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что во франкской монархіи продолжали собираться старые римскіе налоги; но здѣсь представляется другой вопросъ, болѣе трудный для разрѣшенія. Такъ какъ на одной и той же землѣ тогда обитали и Франки, и Римляне, можно спросить себя, не распредѣлялись ли налоги различно между людьми, принадлежавшими къ той или другой расѣ. Такъ какъ налоги были римскаго происхожденія, то могло случиться, что, продолжая взымать ихъ съ Римлянъ, короли не подчинили своихъ Франковъ обязанности платить ихъ. Въ пользу этого мнѣнія можно привести много доводовъ теоретическаго или логическаго характера. Можно предположить въ самомъ дѣлѣ, что Франки не платили налоговъ, когда жили еще внутри Германіи, хотя мы и ничего не знаемъ объ этомъ. Можно утверждать, что они не знали даже, что такое налогъ, даже что они, будучи завоевателями Галліи, должны были смотрѣть на подать, какъ на признакъ подчиненія, а сами были слишкомъ горды, чтобы согласиться ее нести.

Всѣ эти соображенія высказывались учеными, и все это приблизительно согласно съ законами чистой логики. Но исторія не можетъ основывать свои выводы на отвлеченно построенныхъ умозаключеніяхъ: она долж-

[1] Монтескье прибавилъ ко всему этому еще тотъ доводъ, что „Франки не знали искусства вытягивать подати (maltôte)“. Но это только остроумное слово. Помимо того, что искусству этому не трудно научиться, у франкскихъ королей достаточно было римскихъ чиновниковъ, которые легко могли ихъ обучить.

на основывать ихъ на твердыхъ фактахъ. Для историка важно знать не то, должны ли были Франки оказаться свободными отъ податей, но были ли они свободны отъ нихъ въ дѣйствительности. Выясниться же это можетъ лишь изъ изслѣдованія документовъ.

Первое, что мы констатируемъ,—это полное отсутствіе въ множествѣ текстовъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, хотя бы малѣйшаго указанія, изъ котораго было бы видно, что Франки не платили налоговъ; нѣтъ ни одной строки, гдѣ бы заключался хоть намекъ, изъ котораго можно было бы вывести это.

Слѣдуетъ, наоборотъ, засвидѣтельствовать, что каждый разъ, какъ писатели того времени упоминаютъ о налогахъ, они говорятъ о нихъ какъ объ общемъ установленіи, распространявшемся на всѣхъ. «Роспись налоговъ, установленная указомъ королей, относилась ко всѣмъ областямъ»,—такъ сообщаетъ составитель житія Аридія [1]. Онъ не говоритъ, что эта мѣра относилась только къ центральнымъ и западнымъ областямъ страны, которыя остались римскими. Григорій Турскій пишетъ, что король Хильперихъ повелѣлъ произвести новый кадастръ и увеличилъ налоги «во всемъ своемъ государствѣ» [2]. Историку же было извѣстно, что турнейскій край составлялъ его часть и что это была страна съ франкскимъ населеніемъ. На территоріяхъ Тура и Пуатье, особенно хорошо извѣстныхъ Григорію, водворилось и пріобрѣло собственность много Франковъ. Если бы, какъ землевладѣльцы, они были изъяты отъ подати, Григорій зналъ бы это и часто имѣлъ бы случай на это указывать. Въ одномъ мѣстѣ онъ поясняетъ, напримѣръ, почему приходилось возобновлять писцовыя книги. Было ли причиною этого то, что многіе изъ землевладѣльцевъ-Франковъ были освобождены отъ налога и надо было производить новую раскладку между остававшимися владѣльцами-Римлянами? Объ этомъ не сказано ни слова. Единственная причина, по указанію Григорія, состояла въ томъ, какъ мы видѣли, что многіе умерли, оставивъ послѣ себя только вдовъ и сиротъ. Цѣлью новой раскладки было уменьшить налоги бѣдныхъ,—говоритъ историкъ,—и увеличить нѣсколько платежи богатыхъ людей [1]. Отсюда можно вывести не то, что Франки были освобождены отъ налоговъ, а скорѣе то, что подати тѣхъ изъ нихъ, которые были богаты, оказались увеличенными.

Историкъ указываетъ также причину, сдѣлавшую сборъ налоговъ затруднительнымъ въ Оверни, и причина эта не что иное, какъ слѣдствіе раздѣловъ по наслѣдствамъ, слишкомъ раздробившихъ собственность [2]. Самому Григорію Турскому приходилось просить для своей епархіи сложенія налоговъ. Мы не видимъ, чтобы въ спорахъ, которые ему пришлось вести по этому поводу съ чиновниками казны, и о которыхъ онъ разсказываетъ во всѣхъ подробностяхъ, онъ ссылался на освобожденіе отъ налоговъ владѣльцевъ-Франковъ, а это было бы, однако, довольно вѣскимъ доводомъ въ пользу исполненія его желанія [3].

[1] *Vita Aridii* (приписываемая Григорію Турскому), c. 24: „Quodam tempore accidit, ut populis tributa vel census a regibus fuissent descripta, quae conditio universis urbibus per Gallias constitutis est adhibita".—Авторъ прибавляетъ, что одинъ лимузенскій край добился уменьшенія налоговъ вслѣдствіе вмѣшательства Аридія.

[2] *Greg.* V, 29 (28): „Descriptiones in omni regno suo fieri iussit".

[1] *Greg.* IX, 30.

[2] *Greg.* X, 7: „Divisis in multas partes possessionibus".

[3] *Greg.* IX, 30.

Ни у одного писателя шестого или седьмого вѣка мы не находимъ указаній на привилегіи Франковъ въ области налоговъ. А это не было, однако, однимъ изъ тѣхъ незначительныхъ фактовъ, о которыхъ пренебрегаютъ говорить хроникеры. Въ самомъ дѣлѣ, если земли Франковъ были свободны отъ налоговъ, то земли Римлянъ должны были быть отягощены ими, такъ какъ несомнѣнно требовалось, чтобы въ общемъ каждая область всегда платила одну и ту же общую сумму [1]. Надо обратить вниманіе на результатъ, къ которому привело такое положеніе. Римскіе владѣльцы, налоги которыхъ оказались бы удвоенными, разорились бы въ немного лѣтъ, и всѣ земли перешли бы естественнымъ образомъ въ руки Франковъ. Привилегія Франковъ въ области несенія земельнаго налога была бы равносильна настоящему аграрному перевороту. Можно ли допустить, чтобы такой важный фактъ прошелъ, не оставивъ никакого впечатлѣнія, не вызвавъ жалобы? Можно ли допустить, чтобы Григорій Турскій не нашелъ нужнымъ разсказать о немъ? Но можно утверждать и нѣчто большее: мы увѣрены, что такой фактъ, который былъ бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ освобожденія собственниковъ франкскаго происхожденія отъ земельной подати, — не имѣлъ мѣста, и мы достовѣрно знаемъ, на основаніи показаній писателей и хартій, что бóльшая часть земли осталась въ рукахъ Галло-Римлянъ.

Вчитайтесь въ агіографовъ и соборныя постановленія: вы не найдете никакого указанія на различіе между расами въ дѣлѣ налоговъ. Въ эдиктѣ Хлотара II, который упоминаетъ и о налогахъ, не сказано, что они распространялись на одну только расу. Григорій Турскій упоминаетъ два случая освобожденія отъ налога. Одинъ разъ милость эта была дарована городу Ліону, другой разъ турской области; первое было подтвержденіемъ старой привилегіи, дарованной римскими императорами и сохраненной франкскими королями [1]; второе являлось пожалованіемъ одного франкскаго короля «изъ уваженія къ могуществу святого Мартина» [2]; ни въ томъ, ни въ другомъ изъ указанныхъ случаевъ привилегія не относится къ людямъ франкскаго происхожденія. Позднѣе число иммунитетныхъ грамотъ увеличивается; освобожденіе отъ налоговъ жалуется епископамъ или частнымъ лицамъ, изъ почтенія къ святому какой-нибудь церкви или въ вознагражденіе за услуги свѣтскаго лица; въ актахъ этихъ не встрѣчается никакого намека на общую привилегію для всѣхъ Франковъ. Въ завѣщаніяхъ и жалованныхъ грамотахъ на земли перечисляется рядъ владѣній безъ указанія на то, чтобы между ними было какое-либо различіе въ отношеніи налоговъ. Въ судебныхъ приговорахъ, такъ же относящихся къ землямъ, мы никогда не замѣчаемъ, чтобы земля Франка отличалась чѣмъ бы то ни было отъ земли Римлянина. Представленіе о томъ, что Франки были свободны отъ налоговъ, какъ высшая раса въ государствѣ, даже въ видѣ самаго легкаго

[1] Это указываетъ Григорій Турскій (IX, 30): „Ut scilicet populus (Pictavus) censum, quem tempore Sigeberti reddiderat, reddere deberet“.

[1] *Greg.* De gloria confessorum, 63 (62): „Unde usque hodie circa muros urbis illius in tertio miliario tributa non redduntur in publico“.

[2] *Greg.* IX, 30. in fine: „Ne populus Turonicus pro reverentia sancti Martini describeretur“.

намека не выражено въ документахъ изучаемыхъ вѣковъ [1].

Наоборотъ, Григорій Турскій специально указываетъ два раза, что Франки платили земельный налогъ. Онъ напоминаетъ, что въ Австразіи, при внукѣ Хлодовеха, Теодебертѣ, «Франки были подвергнуты платежамъ» [2]. Онъ прибавляетъ, правда, что они возненавидѣли сановника, заставившаго ихъ платить; однако, во все продолженіе царствованія Теодеберта, они платили безъ протеста и возмущенія. Только по смерти этого короля они отомстили его совѣтнику, умертвивъ его. Но и здѣсь все-таки историкъ не говоритъ, что имъ удалось тѣмъ самымъ уничтожить налогъ.

Въ другомъ мѣстѣ Григорій Турскій разсказываетъ, что Хильперихъ подвергнулъ платежу государственныхъ налоговъ многихъ Франковъ, бывшихъ свободными отъ нихъ при его предшественникѣ. Это не можетъ значить, чтобы до того времени всѣ Франки были изъяты отъ налоговъ; еще меньше можетъ это

[1] Надо дойти до конца двѣнадцатаго вѣка, чтобы отыскать выраженіе такой идеи, и то она встрѣчается въ одномъ только документѣ, не имѣющемъ никакой цѣны; это—анонимная рукопись, принадлежащая невѣжественному хроникеру, начинающему съ разсказа о томъ, что Франки произошли отъ Троянцевъ, и прибавляющему, что избавленіемъ отъ налоговъ они обязаны императору Валентиніану. См. манускриптъ подъ № 4998, въ старомъ фондѣ *Bibliothèque nationale*, folio 51. — Ничего подобнаго не видно въ текстахъ шестого, седьмого и восьмого вѣковъ. Одна очень распространенная легенда седьмого вѣка изображала, наоборотъ, древнихъ Франковъ платящими налоги римскому правительству; *Historia epitomata*, с. 11: „Aegidius omnes Francos singulos aureos tributavit... ternos solidos tributavit".

[2] *Greg.* III, 36: „Franci Parthenium in odio magno habebant pro eo quod eis tributa, antedicti regis tempore, inflixisset".

значить, что для всѣхъ людей франкской расы существовало общее изъятіе отъ налоговъ, по праву. При Хильдебертѣ I были такіе Франки, которые не платили налоговъ, и такіе, которые платили ихъ; послѣдніе были подвергнуты этой обязанности при Хильперихѣ [1].

Послѣдній текстъ историка привелъ въ затрудненіе тѣхъ ученыхъ, которые заранѣе составили себѣ твердое убѣжденіе, что Франки должны были стоять выше обязанности несенія налоговъ. Поэтому они стремились отыскать въ ней другой смыслъ. Слова *publicum tributum* они толковали, какъ личную подать, которую сервы (рабы) должны были платить своему господину. Они предположили, что рѣчь идетъ здѣсь о Франкахъ, отпущенныхъ на волю при Хильдебертѣ I, которыхъ Хильперихъ заставилъ платить такой оброкъ. Но два важныхъ довода противорѣчатъ этому толкованію. Во-первыхъ, если правда, что слово *tributum* означаетъ иногда оброкъ раба или колона [2], когда оно стоитъ одно безъ прилагательнаго, то выраженіе *publicum tributum* всегда значитъ

[1] *Greg. Tur.* VII, 15.—Историкъ приписываетъ эту мѣру двумъ совѣтникамъ Хильпериха—графу Аудану и префекту Мумоллу: „Multos de Francis, qui tempore Childeberti senioris, ingenui fuerant, publico tributo subegit".—Единственное затрудненіе представляетъ въ этой фразѣ слово *ingenui*, которое само по себѣ опредѣленно не обозначало человѣка, свободнаго отъ податей, но здѣсь получаетъ этотъ смыслъ въ силу противопоставленія, сдѣланнаго историкомъ между *ingenui* съ одной стороны и *publico tributo subactus*,—съ другой. Во всякомъ случаѣ, насколько можно сомнѣваться въ смыслѣ придаточнаго предложенія „qui ingenui fuerant", настолько же ясно главное: „multos de Francis publico tributo subegit".

[2] *Greg.* De gloria confessorum, 103 (101): „Ecclesiae tributa solvunt". — *Lex Alamannorum*, XXII, 1. — *Lex Baiuwariorum*, I, 13.

«государственный налогъ» [1]. Во-вторыхъ, слово *Franci*, сознательно употребляемое историкомъ, не можетъ относиться ни къ рабамъ, ни даже къ вольноотпущенникамъ. Всѣ документы меровингской эпохи противорѣчатъ тому, чтобы подъ *Franci* можно было подразумѣвать настоящихъ или даже бывшихъ рабовъ. Ни у писателей, ни въ хартіяхъ вы никогда не найдете слова *Franci* въ примѣненіи къ вольноотпущенникамъ. Такимъ образомъ, *publicum tributum*, которое платили *Franci*, не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ государственнымъ налогомъ, распространявшимся на людей франкскаго происхожденія. Григорій Турскій хотѣлъ сказать, что многіе изъ Франковъ, которые или уклонились подъ какимъ-нибудь предлогомъ отъ платежа налоговъ при Хильдебертѣ I, или добились лично для себя освобожденія отъ нихъ, снова были подчинены имъ при Хильперихѣ.

Незачѣмъ спрашивать, какимъ образомъ удалось королевскому правительству найти такое искусство и такую силу, чтобы заставить Франковъ платить земельный налогъ. Для этого не нужно было никакого искусства, не было также надобности ни въ какой мѣрѣ общаго характера. Когда Франкъ покупалъ помѣстье, онъ зналъ, что оно вписано въ поземельныя книги съ опредѣленнымъ налогомъ. Налогъ былъ связанъ съ помѣстьемъ, кто бы ни былъ его владѣльцемъ. Нельзя было переправлять земельныя книги всей области потому только, что Франкъ покупалъ тамъ землю [2].

[1] Примѣры у Григорія Турскаго, VII, 23; IX, 30 in fine. Выраженіе *census publicus* также встрѣчается у Григорія; см. IX, 30; *Vita Eligii*, I, 15.

[2] Я оставляю, конечно, въ сторонѣ гипотезу тѣхъ, кто представляетъ себѣ, что немедленно послѣ завоеванія былъ совершенъ большой раздѣлъ земель („аллодовъ") между франкскими воинами. Я сочту себя обязаннымъ принять ее во вниманіе лишь тогда, когда поддерживающіе ее авторы представятъ хотя бы одинъ текстъ, ее оправдывающій.—Объ аллодѣ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ и покажемъ, что онъ не былъ ни землею, свободною отъ налоговъ, ни землею, пожалованною воину, ни даже спеціально франкскою землею.

Кромѣ того, не надо забывать, что земельный налогъ вычислялся по количеству рабочихъ рукъ мужчинъ и женщинъ, обрабатывавшихъ каждое помѣстье. Сами колоны платили земельный налогъ, который лежалъ на помѣстьѣ, продуктами своего хозяйства. Непонятно, почему правительство стало бы уменьшать налоги колоновъ на томъ основаніи, что новымъ владѣльцемъ земли сдѣлался Франкъ.

Итакъ, ничто не даетъ права думать, чтобы налоги — и спеціально земельный — были отмѣнены для Франковъ. Они навѣрно платили всѣ косвенные сборы, какъ таможенныя пошлины,—они платили также и земельную подать. Надо прибавить только, что на практикѣ всякій могущественный человѣкъ старался освободиться отъ даннаго обязательства. Это удавалось епископамъ по отношенію къ ихъ многочисленнымъ владѣніямъ; мы можемъ думать, что крупные Франки успѣвали въ томъ же и избавляли отъ подати свои имѣнья; точно также поступали и богатые Римляне [1]. Но общей законной привилегіи подобнаго рода не существовало, и она не была предоставлена цѣлой расѣ.

Практиковался одинъ родъ освобожденія отъ налоговъ, которымъ, въ особенности, могли пользоваться Франки или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое число Фран-

[1] Все это будетъ лучше пояснено, когда мы будемъ говорить о земельномъ строѣ въ монархіи Меровинговъ.

ковъ. Прежніе домены римской имперской казны небыли внесены въ тѣ же поземельные списки, какъ всѣ остальныя владѣнія, и они не платили поземельнаго налога. Франкскіе короли присвоили себѣ эти земли, и имъ часто случалось дарить ихъ въ полную собственность съ правомъ передачи по наслѣдству слугамъ своимъ и придворнымъ [1]. Я не знаю, оставляли ли франкскіе короли эти земли свободными отъ налога, при ихъ пожалованіи или, наоборотъ, при этомъ постановлялось, что онѣ будутъ обложены податью, какъ всякая другая земля, находящаяся въ частной собственности [2]. Возможно даже, что такой вопросъ и не поднимался. Земли эти не были вписаны въ обычныя податныя книги; не настолько уважался тогда порядокъ, чтобы стали заботиться о внесеніи въ кадастровыя описи новыхъ объектовъ обложенія. Такимъ образомъ, изъятіе отъ налоговъ, по закону или просто фактически, сохранилось для этихъ земель; такъ произошло, что много собственниковъ не знало податной тяжести, точно такъ же, какъ и другія земли этой же категоріи, пожалованныя королями церкви, сохраняли иммунитетъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые Франки ускользнули отъ платежа земельнаго налога, но не въ силу ихъ племенного происхожденія, а потому, что во владѣніе къ нимъ попали помѣстья, раньше уже изъятыя отъ подати.

Можно, стало быть, допустить, что фактически таинемногіе изъ Франковъ платили земельный налогъ,

[1] Мы установимъ этотъ выводъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

[2] Можно указать грамоту 510 года, впрочемъ, мало достовѣрную, въ которой казенная земля жалуется—„absque tributis et exactione" (см. Pardessus, № 87, Pertz, № 1).

но не слѣдуетъ говорить, чтобы въ принципѣ они меньше, чѣмъ Римляне, были подчинены такой обязанности. Земельный налогъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ во времена римской Имперіи: имѣнье облагалось сообразно съ среднимъ его доходомъ, вычисленнымъ по количеству земледѣльческаго населенія, сидѣвшаго на немъ и обусловливавшаго его производительность, причемъ не принималось въ разсчетъ расовое происхожденіе владѣльца.

Мы увидимъ позже, какъ этотъ налогъ, остававшійся еще государственнымъ сборомъ во времена Меровинговъ, незамѣтно превращался въ феодальную повинность. Но необходимо было сначала засвидѣтельствовать, что въ шестомъ и седьмомъ вѣкѣ онъ продержался, какъ государственная подать. Если онъ переродился, то произошло это не въ самую эпоху варварскихъ нашествій, а долго спустя, и по причинамъ, не связаннымъ съ самымъ нашествіемъ. Это не было слѣдствіемъ общей привилегіи, предоставленной одной расѣ, а результатомъ вліянія мотивовъ, вполнѣ чуждыхъ расовому антагонизму.

Бросимъ теперь взглядъ на другія германскія королевства, основанныя при тѣхъ же, приблизительно, условіяхъ, какъ королевство Франковъ: мы увидимъ тамъ ту же систему налоговъ, то-есть, убѣдимся, что въ нихъ сохранились римскіе податные порядки.

Бургундскіе короли, очевидно, не уничтожили таможенъ въ Валенціи и Ліонѣ, такъ какъ онѣ продолжали существовать и послѣ паденія ихъ государства. Вестготскіе короли также сохранили таможенныя пошлины [1].

[1] См. въ сборникѣ Кассіодора инструкціи Теодериха чиновникамъ, служившимъ въ Испаніи въ то время, когда онъ былъ

При короляхъ этихъ такъ же, какъ и при римскихъ императорахъ, земельный налогъ взымался по спискамъ, носившимъ еще римское названіе полиптиховъ [1].

Въ италійскомъ королевствѣ Остготовъ мы также находимъ косвенные налоги [2], пошлины, вносившіяся за товары при ввозѣ ихъ въ гавани [3], право постоя для должностныхъ лицъ [4] и, главнымъ образомъ, земельную подать. Послѣдняя сохранена была Одоакромъ [5] и Теодерихомъ и продолжала носить рим-

правителемъ этого королевства. *Cassiod.* Variar. V, 39: „Tolonei canonem nulla faciatis usurpatione confundi, sed modum rebus utillimum, quem praestare debeat, imponentes, commerciandi licentiam revocate".

[1] *Lex Wisigothorum*, V, 4, 19: „Functionem publicam impleturus est... Functionem rei acceptae publicis utilitatibus impendere non recuset".—*Cassiod.* Var. V, 39: „Polyptychis publicis, ut moris est... Exigentes assem publicum per gravamina ponderum premere dicuntur patrimonia possessorum". — Теодерихъ жалуется на злоупотребленія: „Exactorum licentia fertur amplius a provincialibus extorqueri quam nostro cubiculo constat inferri".—Онъ хочетъ привести налоги къ прежнему окладу: „Ad hunc modum functiones publicas revocare decernimus, quem Alarici atque Eurici temporibus constat illatas".

[2] См. *Cassiod.* Var. II, 30 (Посланіе Теодериха къ префекту преторія съ цѣлью освобожденія отъ этихъ налоговъ одного купца): „Ita commercium exerceat, quatenus nec monopolii nec siliquatici nec aurariae pensionis aliquid impendat".—IV, 19: „Siliquatici praestationem, quam rebus omnibus nundinandis provida definivit antiquitas, in frumentis, vino et oleo..."

[3] См. у Кассіодора (IV, 19) грамоту Теодериха, которою король жалуетъ купцамъ временный иммунитетъ отъ ввозныхъ пошлинъ.

[4] *Ibidem*, V, 14. Мы находимъ здѣсь посланіе Теодериха, въ которомъ онъ указываетъ на злоупотребленія, совершавшіяся по произволу его iudices при пользованіи этимъ правомъ, и опредѣляетъ его границы.

[5] *Cassiodor.* Var. IV, 38: „Sicut Odoacris tempore tributa solverunt".

ское названіе *functio*, *tributaria functio*, *tributum fiscale* [1]. Она вычислялась, какъ и прежде, не по площади земли, а по среднему доходу съ нея [2] и продолжала взыматься куріалами по приказанію графа каждаго муниципія; куріалы и графъ, каждый несли свою отвѣтственность [3]. Были ли освобождены отъ этой подати Готы въ качествѣ высшей расы побѣдителей? Нисколько. Король Теодерихъ пишетъ одному изъ своихъ должностныхъ лицъ: «Если Готъ вписанъ въ книгу куріаловъ, какъ обязанный платить налогъ, и отказывается платить его, принуждайте его силою» [4]. Еще яснѣе выражается онъ въ другомъ посланіи: «Всякій, кто владѣетъ землею, долженъ платить налогъ съ нея; итакъ, мы повелѣваемъ тебѣ (онъ обращается къ должностному лицу, который самъ былъ Готомъ) заставить всѣхъ Готовъ, живущихъ въ Пиценѣ или Тосканѣ, уплачивать подати; если они будутъ противиться этому, ты конфискуешь ихъ земли» [5]. Онъ напоминаетъ еще разъ въ другомъ мѣстѣ, что

[1] „Functiones" (*Cassiod.* II, 25), „functio publica" (V, 14), „tributaria functio" (III, 40 и V, 14), „fiscalia tributa" (IV, 38; VII, 21).

[2] См. посланіе Теодериха къ Кассіодору—*Var.* IV, 38, ср. *Ibid.* VII, 45; IX, 11.

[3] *Cassiod.* I, 19: „Civitatis curialium insinuatione suscepta".— Ср. *Ibidem*, II, 24 и II, 25, указы Теодериха для облегченія податныхъ обязанностей куріаловъ и обезпеченія вмѣстѣ съ тѣмъ взноса налоговъ.

[4] *Cassiodor.* I, 19: „Praecipimus, ut Adrianae civitatis curialium insinuatione suscepta, quicumque Gothorum fiscum detrectat implere, cum ad aequitatem redhibitionis arctetis".

[5] *Cassiodor.* IV, 14: „Praesenti auctoritate tibi delegamus, ut Gothi per Picenum sive Tuscias utrasque residentes, te imminente, cogantur exsolvere debitas functiones... Si quis iussa nostra abiecerit, casas eius appositis titulis fisci nostri iuribus vindicabis".

«варвары», покупавшіе земли, обязывались вносить причитавшіеся съ нихъ налоги [1].

ГЛАВА XII.

Воинская служба.

Устройство войска и правила воинской службы являются, быть можетъ, тою областью государственнаго порядка, въ которую германское вторженіе внесло больше всего измѣненій.

Надобно помнить, что въ продолженіе пяти вѣковъ, занятыхъ исторіею римской Имперіи, неизмѣнно примѣнялся принципъ избавленія жителей отъ заботъ объ опасностяхъ войны путемъ содержанія наготовѣ постоянно оплачиваемаго жалованіемъ войска. Войско это было расквартировано по границамъ государства и защищало провинціи отъ непріятеля. Численность его никогда, повидимому, не превышала трехсотъ тысячъ человѣкъ при населеніи, которое можно опредѣлить въ семьдесятъ пять милліоновъ душъ. Войско пополнялось главнымъ образомъ вербовкою добровольцевъ, отчасти помощью извѣстнаго рода рекрутскаго набора; но наборъ этотъ не былъ тяжелою повинностью, потому что въ среднемъ онъ не превосходилъ числа пятнадцати-двадцати тысячъ рекрутъ ежегодно. Въ четвертомъ вѣкѣ повинность эта была еще значительно уменьшена, когда правительство ввело въ обычай вербовать варваровъ изъ германскихъ, азіатскихъ и африканскихъ племенъ, для замѣны ими въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ

[1] *Cassiodor.* V, 14: „Babari... quolibet titulo praedia quaesiverint, fiscum possessi cespitis persolvere cogantur".

большихъ армій изъ подданныхъ Имперіи. При посредствѣ нѣкотораго увеличенія налоговъ воинскія обязанности этихъ подданныхъ были сокращены до предѣловъ возможности, и можно сказать, что, благодаря установленію такой системы постоянныхъ войскъ, гражданское населеніе вело вполнѣ мирную жизнь и могло предаваться производительному труду.

Такое плодотворное сочетаніе отношеній, т.-е. выдѣленіе постояннаго войска изъ мирнаго населенія, было уничтожено торжествомъ Германцевъ.

Можетъ быть, установившаяся система военной организаціи исчезла не сразу. Мы далеко не вполнѣ ясно знаемъ, каковы были составъ и устройство войска въ царствованіе Хлодовеха. Единственныя, имѣющіяся у насъ свѣдѣнія наводятъ на мысль, что оно составлялось изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, изъ корпуса франкскихъ воиновъ, немногочисленныхъ, но, какъ кажется, отборныхъ; во-вторыхъ, изъ различныхъ отрядовъ римской арміи, которые были расквартированы въ Галліи и присоединились къ нему, «сохранивъ свое названіе, свой мундиръ и даже свои знамена» [1]. Хлодовехъ совершилъ, слѣдовательно, свое завоеваніе при помощи извѣстнаго рода постояннаго войска, то-есть, арміи, состоявшей изъ обученныхъ людей, а не при посредствѣ поголовнаго ополченія всѣхъ своихъ подданныхъ. При немъ примѣнялась еще такимъ образомъ болѣе или менѣе римская система военнаго устройства. Удержался ли такой порядокъ при его сыновьяхъ,—намъ

[1] См. выше, въ I томѣ настоящаго труда.

[2] *Procop.* De bello Gothico, 12: „Ἐκ τῶν καταλόγων ἐς τόδε τοῦ χρόνου δηλοῦνται, ἐς οὓς τὸ παλαιὸν ταττόμενοι ἐστρατεύσαντο, καὶ σημεῖα τὰ σφέτερα ἐπαγόμενοι οὕτως ἐς μάχην καθίστανται, καὶ σχῆμα τῶν Ῥωμαίων διασώζουσι".

неизвѣстно, но мы можемъ установить, что при внукахъ его она больше уже не существуетъ. Войско, составлявшееся изъ специально обучавшихся для боя людей, распалось и исчезло. Въ документахъ конца шестого вѣка мы не находимъ ни одного слова, которое указывало бы на существованіе постояннаго войска. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что каждый король держалъ около своей особы нѣсколько человѣкъ, носившихъ оружіе въ качествѣ тѣлохранителей; но они не походили на войско, не составляли даже опредѣленнаго отряда. Итакъ, не надобно представлять себѣ франкское войско, какъ правильно организованное тѣло, распредѣленное по границамъ для ихъ защиты или охранявшее, въ видѣ гарнизоновъ, завоеванную страну. Изученіе текстовъ и фактовъ не обнаруживаетъ ничего подобнаго. У Меровинговъ не было ни гарнизоновъ внутри страны, ни отрядовъ на границахъ. У франкскихъ королей не было арміи.

Склонность къ войнѣ замѣчалась у нихъ, однако, очень сильная. Они отличались большою алчностью, а послѣдняя могла удовлетвориться только помощью оружія. У нихъ были также честолюбивые и корыстолюбивые приближенные, требовавшіе поживы, которую могла давать только одна война [1]. Дѣйствительно, они непрерывно воевали другъ съ другомъ и съ другими германскими государями, потому что надо замѣтить, что всѣ эти Германцы, водворившіеся на почвѣ римской Имперіи или у воротъ ея, были далеки отъ того, чтобы сознавать между собою общность интересовъ, и не переставали сражаться другъ съ другомъ. Ни одна другая эпоха не была такъ богата походами. Галлія, за предшество-

[1] Примѣры см. у Григорія Турскаго, III, 11—12; IV, 14—16.

вавшіе пять вѣковъ привыкшая къ миру, который нарушался лишь рѣдко, теперь, въ продолженіе двухъ вѣковъ, пребывала въ состояніи войны, повторявшейся почти ежегодно. Король обладалъ неограниченнымъ правомъ предпринимать всякую войну, какую считалъ необходимою. Никакой законъ или обычай не полагалъ въ данной области предѣла его власти. Онъ не долженъ былъ совѣщаться ни съ народомъ, ни съ собраніемъ избранныхъ его членовъ, и, дѣйствительно, изъ всѣхъ разсказовъ о войнахъ того времени мы видимъ, что онъ никогда не обращался въ такихъ случаяхъ къ народу. Только бы вельможи изъ числа его приближенныхъ и его совѣта были согласны съ нимъ,—и онъ воевалъ, когда хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ [1], въ Италіи, если восточный императоръ давалъ ему денегъ для нападенія на Лонгобардовъ [2], въ Испаніи, подъ какимъ-нибудь ничтожнымъ предлогомъ [3], и всегда безъ всякаго послѣдовательнаго политическаго плана, безъ мысли о народномъ благѣ. Не имѣя постоянной арміи для веденія столькихъ войнъ, короли франкскіе пришли къ установленію всеобщаго ополченія. Для удовлетворенія своей алчности и своему честолюбію они заставляли ходить въ походы гражданское населеніе.

Вотъ, какъ обстояло дѣло каждый разъ, какъ подготовлялись къ военному предпріятію. Лишь только король рѣшалъ начать войну, онъ посылалъ своимъ

[1] Примѣры многочисленны. См. *Greg.* III, 7; III, 11; III, 29; IV, 16; V, 27; VI, 19; VII, 24; VII, 42; VIII, 30; IX, 18; IX, 25 и 31; X, 9.—*Fredeg.* Chron. c. 10, 21, 27, 37, 38, 68, 73, 78, 87.

[2] *Greg.* IV, 42; VIII, 18.—Cp. *Paul. Diac.* Hist. Longobardorum, II, 17, 22, 29, 31.

[3] *Greg.* III, 10; III, 29; VI, 42; VIII, 28—30.

намѣстникамъ въ провинціяхъ, герцогамъ и графамъ, приказаніе набрать войско, то-есть, вооружить населеніе и вести его въ указанное имъ мѣсто [1]. Такъ, Хильперихъ, получивъ извѣстіе о недобрыхъ намѣреніяхъ Гунтрамна, тотчасъ же «отправляетъ гонцовъ къ своимъ герцогамъ, графамъ и ко всѣмъ чиновникамъ съ требованіемъ произвести наборъ войска и напасть на королевство его брата» [2]. Другой разъ король Гунтрамнъ [3] «собираетъ населеніе своего королевства и образуетъ себѣ такимъ образомъ большое войско». Немного позже тотъ же Гунтрамнъ такимъ же способомъ набираетъ войско и приказываетъ ему идти на Испанію; тогда немедленно Бургунды, обитатели верхней Соны, нынѣшняго Берри, Перигора, Ангумуа, Сентонжа, Оверни и многихъ другихъ областей отправляются въ походъ [4]. Въ другой разъ онъ посылаетъ своихъ бургундскихъ подданныхъ сражаться

[1] Для обозначенія такого военнаго сбора всего населенія на языкѣ того времени обыкновенно употреблялся терминъ: „commovere exercitum“, „commovere populum“, „commovere gentes“. См. *Greg.* II, 37: „Commoto exercitu“. — III, 28: „Commoventes exercitum“.—IX, 18: „Iussit commoveri exercitum“.—VIII, 30: „Commoto omni exercitu regni sui“. — X, 3: „Commoto Campaniae populo“.—VII, 24: „Commotis gentibus regni sui“.—Фредегарій употребляетъ слово „movere“ или „promovere“ въ томъ же смыслѣ: см. гл. 27, 37, 38, 78.

[2] *Greg.* VI, 19: „Cumque hoc regi Chilperico nuntiatum fuisset, misit nuntios comitibus ducibusque vel reliquis agentibus, ut collecto exercitu in regno germani sui inruerent“.

[3] *Greg.* VII, 24: „Rex Guntchramnus, commotis gentibus regni sui, magnum iunxit exercitum“.

[4] *Greg.* VIII, 30: „Guntchramnus rex commoveri exercitum in Hispanias praecepit... Commoto omni exercitu regni sui... Gentes, quae ultra Ararim et Rhodanum commanebant cum Burgundionibus iunctae... Biturici, Santonici cum Petragoricis, Egolismensibus et reliquarum urbium populo... Nicetius dux cum Arvernis“.

съ Бретонцами [1]. Такъ поступаютъ всѣ франкскіе короли. Теодерихъ II хочетъ напасть на своего брата; онъ повелѣваетъ населенію «всѣхъ провинцій своего королевства» двинуться къ Лангру и вторгается съ этимъ войскомъ въ Австразію [2]. Дагобертъ I каждый годъ почти произноситъ «призывъ» (*bannus*) на войну противъ Басковъ, противъ Испаніи или Славянъ [3]. Когда дѣло шло только о небольшой мѣстной войнѣ, король созывалъ лишь жителей сосѣднихъ провинцій. Такъ, для борьбы съ Бретонцами [4] Хильперихъ заставилъ выступить лишь населеніе Тура и Пуатье; Сигебертъ, желая завладѣть Арлемъ, послалъ туда жителей Оверни [5]. Чтобы вновь завоевать Пуату, Гунтрамнъ направилъ туда жителей орлеанской и беррійской областей [6].

Какъ только графъ получалъ приказъ короля и объявлялъ въ своемъ округѣ призывъ къ войнѣ, всѣ взрослые люди должны были браться за оружіе и отправляться къ назначенному мѣсту воинскаго сбора. Мы не видимъ, чтобы какой-нибудь законъ ограничивалъ право короля требовать отъ своихъ подданныхъ

[1] *Greg.* IX, 18.

[2] *Fredegarii Chronicon*, 38: „Anno XVII regni sui Lingonas de universas regni sui provincias mense madio exercitus adunatur“.

[3] *Fredegarii Chron.* c. 68: „Dagobertus iubet de universo regno Austrasiorum contra Samonem et Winidos movere exercitum“. — C. 73: „Exercitum in auxilium Sisenandi de toto regno Burgundiae *bannire* praecepit“.—C. 78: „Dagobertus de universo regno Burgundiae exercitum promovere iubet... contra Wascones“.—То же самое повторилось при его сынѣ Сигебертѣ; *Ibidem*, c. 87: „Contra Thuringos... iussu Sigiberti omnes leudes Austrasiorum in exercitu gradiendum *banniti* sunt“.

[4] *Greg.* V, 26.

[5] *Greg.* IV, 30.

[6] *Greg.* VII, 12; VII, 24.

воинской службы. Мы не видимъ, чтобы существовалъ предѣльный возрастъ; наоборотъ, изъ одной формулы указа обнаруживается, что и старики требовались на войну [1]. Мы не видимъ также, чтобы время службы было ограничено опредѣленнымъ числомъ дней, или чтобы служба эта могла требоваться съ нихъ лишь для защиты страны, которую они обитали. Многочисленные примѣры показываютъ намъ, наоборотъ, что людей могли посылать далеко и въ долгіе походы. Бургунды посылались въ Испанію, Овернцы выступали противъ Тюринговъ. Военная служба не имѣла законныхъ предѣловъ. Законъ гласилъ только, что всякій, кто будетъ призванъ въ войско королевскимъ указомъ и не послушается его, приговоренъ будетъ къ штрафу въ 60 солидовъ [2]. Обязательство было, стало быть, безусловнымъ [3]. Григорій Турскій разсказываетъ намъ, какъ графы налагали послѣ похода высокія пени на всѣхъ жителей страны, уклонившихся отъ участія въ немъ [4].

[1] Это та формула, которою король избавляетъ по личной милости отъ службы стараго человѣка: „dum senex esse videtur" (*Formulae Senonicae*, 19; Zeumer, p. 193, Rozière, № 38). Изъ текста этого вытекаетъ, что престарѣлые люди, не получавшіе подобной милости, могли быть принуждаемы къ военной службѣ.

[2] *Lex Ripuaria*, 65: „Si... quis in hoste bannitus fuerit, et minime adimpleverit, LX solidos multetur".—Извѣстно, что на языкѣ шестого и седьмого вѣковъ слово *hostis* обозначало войско; въ этомъ смыслѣ его употребляетъ уже Григорій Турскій, а также Салическая и Рипуарская Правды; таково же будетъ значеніе средневѣковаго термина *ost*.

[3] На практикѣ дѣлалось много исключеній. Одна формула анжерскаго сборника, № 37 (36) показываетъ намъ, какъ сынъ идетъ на войну вмѣсто своего отца; стало быть, сынъ самъ не вызывался. Быть можетъ, не было въ обычаѣ брать двухъ человѣкъ изъ одной и той же семьи одновременно.

[4] *Greg.* VII, 42: „Post haec edictum a iudicibus datum est, ut qui in hac expeditione tardi fuerant, damnarentur. Biturigum comes misit pueros suos, ut in domo B. Martini, quae in hoc termino sita est, huius modi homines spoliare deberent... Dixerunt: Pretia solvetis pro eo, quod regis imperium neglexistis".—V, 26: „Chilpericus bannos iussit exigi pro eo, quod in exercitu non ambulassent".

Между Франками и Римлянами не дѣлалось никакого различія въ воинской службѣ. Когда всѣхъ призывали въ войско, никого не спрашивали, каково его племенное происхожденіе. Очевидно, что когда Григорій Турскій и Фредегарій говорятъ въ своихъ разсказахъ о военныхъ отрядахъ, состоявшихъ изъ Битуриговъ, Овернцевъ и Пуатійцевъ, рѣчь идетъ каждый разъ объ очень многочисленныхъ корпусахъ войска, которые не могли состоять изъ однихъ Франковъ. Когда, напримѣръ, король Сигебертъ поручаетъ Овернцамъ взять для него городъ Арль, очевидно, что Овернцы эти, составлявшіе войско подъ начальствомъ своего графа Фирмина, въ большинствѣ были Римлянами [1]. Когда Григорій говоритъ, что въ одной битвѣ сражалось пятнадцать тысячъ Бурждевъ, и что они потеряли семь тысячъ человѣкъ убитыми, мы должны думать, что Франки составляли лишь незначительную часть вооруженнаго населенія данной области [2]. Войска меровингскихъ королей не были, слѣдовательно, франкскими войсками, но пополнялись изъ всѣхъ расъ.

Наблюдая большую многочисленность этихъ войскъ, мы сомнѣваемся даже, чтобы они исключительно состояли изъ людей свободныхъ и земельныхъ собственниковъ. Мало вѣроятно, чтобы въ то время, когда

[1] *Greg.* IV, 30: „Sigibertus rex Arelatensem urbem capere cupiens, Arvernos commovere praecepit; Firminus comes cum ipsis in capite abiit".

[2] *Greg.* VI, 31.

преобладала крупная собственность, буржская область насчитывала пятнадцать тысячъ свободныхъ владѣльцевъ. Къ тому же два мѣста у Григорія Турскаго показываютъ именно, что простые съемщики церковной земли призывались на войну и подвергались штрафу при уклоненіи отъ похода [1].

Такъ какъ войско франкскихъ королей являлось не чѣмъ инымъ, какъ вооруженнымъ мужскимъ населеніемъ королевства, то неудивительно, что такой писатель, какъ Григорій Турскій безъ различія называетъ его двумя словами, *exercitus* и *populus*, — они сдѣлались синонимами [2].

[1] *Greg.* V, 26 и VII, 42. Въ первомъ мѣстѣ Хильперихъ требуетъ *bannus* отъ „pauperes et iuniores ecclesiae", то-есть, людей, зависѣвшихъ отъ турской церкви, которые именно въ качествѣ людей зависимыхъ должны были быть свободными отъ всякихъ обязанностей передъ государствомъ—„nullam solverent publicam functionem". Въ другомъ мѣстѣ чиновники графа являются въ помѣстье, бывшее собственностью церкви Св. Мартина, и хотятъ наложить штрафъ на съемщиковъ этого помѣстья. — Рипуарская Правда (LXV, 2) показываетъ, что на службу призывались люди, именуемые *romani*, *ecclesiastici* или *regii*, то-есть, бывшіе вольноотпущенниками разныхъ категорій; налагавшійся на нихъ въ случаѣ сопротивленія штрафъ равняется, впрочемъ, лишь половинѣ штрафа свободныхъ людей. — Что касается рабовъ, то они были свободны отъ военной службы.

[2] Можно привести безчисленные примѣры. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ. *Greg.* X, 3: „Commoto Campaniae populo". — Въ одной и той же фразѣ (IV, 45) войско Муммола называется „exercitus" и „populus". Въ другомъ мѣстѣ (IV, 27): „Terga vertente exercitu... magna strages de populo fuit". — VI, 31: „Duces cum reliqua parte populi".—VII, 35: „Relictis plaustris cum populo minore".—VIII, 30: „Similiter Biturici cum reliquarum urbium populo ad Carcassonam urbem devecti"; затѣмъ авторъ, описывая панику, охватившую это войско, говоритъ: „Ex hoc omnis populus timore perterritus ad propria regreditur".

Описанное войско не распадалось на легіоны и полки, какъ правильныя арміи. Оно дѣлилось на отряды по областямъ; это ясно отмѣчено въ разсказахъ Григорія Турскаго. Мы видимъ у него отряды овернскаго войска, а также ополченія Битуриговъ, Анжевинцевъ, Турцевъ и Перигорцевъ. Очевидно, что каждая область образовывала отдѣльный отрядъ. Такимъ образомъ у франкскихъ королей не существовало военной организаціи, отдѣльной отъ гражданской.

У нихъ не было даже спеціальныхъ чиновъ для командованія войсками. Ихъ не существовало ни для руководства наборомъ, ни для военнаго обученія ихъ, ни даже для того, чтобы вести ихъ на непріятеля. Графъ, его намѣстники и сотники, наканунѣ еще управлявшіе этими людьми и судившіе ихъ, дѣлались ихъ офицерами и генералами, какъ сказали бы теперь. Графъ шелъ на войну во главѣ своихъ *pagenses*, то-есть, людей, которыми онъ управлялъ, и которые сдѣлались теперь его солдатами [1]. Надъ нѣсколькими графами короли ставили иногда герцога для того, чтобы войско менѣе раздроблялось.

Мы видѣли, что герцоги, графы, патриціи и, тѣмъ болѣе, викаріи и сотники назначались также изъ людей римскаго происхожденія, что это происходило даже часто; тѣмъ не менѣе они командовали войсками.

[1] *Fredegarii Chronicon*, c. 87: „Aenovalus comes Sagiontensis cum pagensibus suis... ad pugnandum porrexerunt".—У Григорія (VIII, 30) Никетій, названный въ концѣ главы — „Arvernorum dux", командуетъ отрядомъ Оверцевъ въ походѣ, направленнымъ противъ Испаніи: „Nicetius dux cum Arvernis in hac expeditione commotus".—*Greg.* IV, 30: „Sigibertus Arvernos commovere praecipit; erat tunc Firminus comes urbis illius, qui cum ipsis in capite abiit".

Могло, значитъ, случиться, что во главѣ отрядовъ, состоявшихъ изъ Франковъ, находились римскіе начальники. Мы встрѣчаемъ даже Римлянъ въ роли главнокомандующихъ. Лучшими военачальниками Гунтрамна были Эвній Муммолъ, спасшій Галлію отъ лонгобардскаго нашествія [1], и Цельсъ, побѣдившій Арверновъ [2]. Лучшаго полководца Хильпериха звали Дезидеріемъ [3]. Два главныхъ начальника дагобертова войска назывались Абунданціемъ и Венерандомъ, и возможно, что они были Римлянами [4]. Какъ при опредѣленіи въ воинскую службу, такъ и при назначеніи высшихъ чиновъ въ войскѣ, не обращалось вниманія на расовое происхожденіе человѣка [5].

Вслѣдствіе установки правила поголовныхъ ополченій, жителямъ каждый годъ почти приходилось отрываться отъ производительной работы. Мы не видимъ, кромѣ того, чтобы людей этихъ стремились обучать заранѣе военному искусству; нѣтъ указаній на то, чтобы въ мирное время производились военныя упражненія. У нихъ не было, стало быть, ни привычки къ обращенію съ оружіемъ, ни ощущенія связи

[1] *Greg.* IV, 42.

[2] *Greg.* IV, 30.

[3] *Greg.* VI, 12; VII, 31; VIII, 45. Дезидерій былъ, повидимому, уроженцемъ юга (VIII, 45).

[4] *Fredegarii Chronicon*, с. 73.

[5] Факты эти опровергаютъ теорію, довольно распространенную у археологовъ, о способѣ различенія могилы Франка отъ могилы Римлянина. Говорятъ, что когда въ ней находится оружіе,—это могила Франка (см. напр. *Digot*, Hist. d'Austrasie, III, 341). Это невѣрно. Если Римляне были воинами и отличались на войнѣ, оружіе ихъ могло погребаться съ ними точно такъ же, какъ это дѣлалось съ Франками, убитыми въ бою. Правило, установленное учеными для различенія расъ въ могилахъ, очень произвольно.

другъ съ другомъ, ни дисциплины. Они были земледѣльцами или землевладѣльцами, ремесленниками — всѣмъ только не воинами.

Поэтому изъ нихъ составлялись плохія войска. Я вижу, что новѣйшіе ученые любятъ представлять себѣ «франкскія» арміи непобѣдимыми. Но посмотримъ, что говорятъ современники: они изображаютъ намъ дѣло совсѣмъ иначе. Начиная съ средины шестого вѣка, мы можемъ подсчитать цѣлый рядъ крупныхъ пораженій: Хлотаръ I былъ разбитъ Саксами [1]; австразійское войско — уничтожено полчищами Гунновъ, [2] бургундское — Лонгобардами [3]. Собираясь идти войною противъ брата своего Хильпериха, Сигебертъ не могъ положиться на своихъ австразійцевъ; онъ призвалъ союзниковъ изъ-за Рейна и отдалъ Галлію во власть германскихъ войскъ, которыя разграбили ее [4]. Позднѣе Брунегильда, повелительница трехъ четвертей Галліи, сочла возможнымъ сопротивляться Хлотару II не иначе, какъ также призвавъ къ себѣ на помощь Германцевъ [5]. Очевидно, Галлія терпѣла недостатокъ въ людяхъ, или они отказыва-

[1] *Greg.* IV, 14.

[2] *Greg.* IV, 29.

[3] *Greg.* IV, 42.

[4] *Greg.* IV, 50 (49): „Sigibertus rex gentes illas, quae ultra Renum habentur, commovit... Vicos, qui circa Parisius erant, flamma consumpsit, et tam domus quam res reliquae ab hoste direptae sunt“.—Замѣтьте, что *hoste* здѣсь значитъ не непріятель, а войско, войско Сигиберта: „Obtestabat rex, ne haec fierent, sed furorem gentium, quae ulteriori Rheni parte venerant, superare non poterat.“

[5] *Fredegarii Chronion*: „Brunichildis Sigibertum in Thoringia dirigit atque Warnarium maiorem domus... ut gentes ultra Rhenum attraherent, qualiter Chlotario posset resistere“.

лись служить, или же они служили слишкомъ плохо. Походы въ Италію обыкновенно кончались несчастливо [1]; но еще постыднѣе, чѣмъ пораженія, было отсутствіе дисциплины, трусость и безпорядокъ, царившіе въ войскахъ. Надо подтвердить это примѣромъ. Въ 585 году Гунтрамнъ захотѣлъ отнять у Вестготовъ Септиманію. Онъ потребовалъ поголовнаго ополченія и заставилъ выступить соединенныя силы Бургундіи и Аквитаніи. Двинулись къ Каркассонѣ. Враги не оказали сопротивленія, и городъ открылъ свои ворота. Но въ одинъ прекрасный день, хотя новыя непріятельскія войска и не появлялись, армія короля была охвачена необъяснимою паникою, и «всѣ впопыхахъ вернулись въ свою страну, покинувъ даже обозъ и пожитки» [2]. Когда дѣйствительно появились Готы, имъ оставалось только убивать бѣглецовъ. Позоръ былъ такъ великъ, что король вызвалъ къ себѣ начальниковъ этихъ войскъ, чтобы сдѣлать имъ внушеніе; но начальники отвѣтили ему: «Что можемъ мы сдѣлать? Никто не боится короля, никто не уважаетъ ни герцога, ни графа; если мы хотимъ наказать за какую-нибудь вину, происходитъ возмущеніе» [3].

[1] *Greg.* VIII, 18.—*Paul. Diac.* Hist. Long. II, 2; III, 29.

[2] *Greg.* VIII, 30: „Cum ad Carcassonem urbem accessissent, reseratis sponte ab habitatoribus portis, nullo resistente, ingressi, nescio quo cum Carcassonibus scandalo commoti, urbem (urbe) egressi sunt... Ex hoc omnis populus (войско) timore perterritus, ad propria regredi destinans, universa reliquit, quae vel per viam ceperat, vel quae secum adduxerat". — Позже еще другое войско было уничтожено Готами въ Септиманіи (*Greg.* IX, 31).

[3] *Ibidem*: „Quid faciemus? Nullus regem metuit, nullus ducem, nullus comitem reveretur; et si fortassis aliquis ea emendare conatur, statim seditio in populo, statim tumultus exoritur".

Подобнаго рода войска нарочно, казалось, допускали побѣждать себя. При Дагобертѣ I, австразійская армія была такъ жестоко разбита Вендами, что хроникеръ приписываетъ пораженіе «заблужденію ума австразійцевъ, которые думали, что король ненавидитъ ихъ» [1]. Наученный этимъ опытомъ, Дагобертъ пытался, повидимому, образовать отборные отряды и настоящее войско изъ болѣе дисциплинированныхъ и также болѣе храбрыхъ, правильно обученныхъ солдатъ [2]. Но, если попытка эта и была сдѣлана, она не привела ни къ чему, такъ какъ мы видимъ, что скоро сынъ его, Сигебертъ II, возвратился къ системѣ поголовныхъ ополченій и потерпѣлъ полное пораженіе отъ Тюринговъ, хотя и шелъ во главѣ всего мужского населенія Австразіи [3]. Хроникеръ изо-

[1] *Fredegarii Chronicon*, c. 68: „De exercitu Dagoberti gladio trucidantur (a Venedis) et exinde fugaciter omnes tentorios et res, quas habuerant, relinquentes ad proprias sedes revertuntur... Istam victoriam non tantum Sclavorum fortitudo obtinuit, quantum dementatio Austrasiorum, dum se cernebant cum Dagoberto odium incurrisse".

[2] Это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ Фредегарія (гл. 74): „Scaram de electis viris fortibus de Neuster et Burgundia secum habens". Впрочемъ, съ войскомъ этимъ онъ сдѣлалъ только демонстрацію на Рейнѣ, и, освободивъ Саксовъ отъ всякой дани, онъ предоставилъ имъ заботу удерживать Вендовъ.

[3] *Fredegarii Chronicon*, c. 87: „Iussu Sigiberti omnes leudes Austrasiorum (мы видѣли, что терминъ *leudes* имѣетъ широкое значеніе у этого хроникера и можетъ относиться ко всѣмъ подданнымъ короля) in exercitum gradiendum banniti sunt". — Это былъ, слѣдовательно, призывъ на войну поголовнаго ополченія. Продолженіе текста подверждаетъ такое толкованіе: „Gentes undique de universis regni sui pagis cum ipso adunati sunt... Praelium sine consilio initum est... Tanta strages de exercitu Sigiberti facta est, ut mirum fuisset".

бражаетъ молодого короля оплакивающимъ свое уничтоженное войско.

Воинская служба не вознаграждалась во франкскомъ королевствѣ опредѣленнымъ жалованіемъ; сомнительно даже, чтобы государство содержало людей на свой счетъ. Воинъ не только долженъ былъ переносить утомленіе и опасности, но и нести всѣ расходы войны. Такъ какъ ему не отпускалось продовольствія отъ казны, то приходилось допускать, чтобы онъ кормился на счетъ страны, черезъ которую проходило войско. Это порождало огромные безпорядки. Право жить на счетъ обывателей служило предлогомъ къ настоящимъ грабежамъ. Послушаемъ Григорія Турскаго, который говоритъ объ этомъ не только отвлеченно или въ неопредѣленныхъ чертахъ: жители буржской области, отправленные королемъ Гунтрамномъ въ походъ противъ жителей турской «предали все огню» [1]. Въ другой разъ анжуйцы, посланные противъ буржцевъ, жгли и грабили все «до такой степени, что въ деревняхъ не оставалось ни одного дома, ни одного виноградника, ни одного дерева»[2]. Жители орлеанской области, посланные противъ жителей Пуату, «грабили, жгли и убивали» [3]. Но ужасы эти совершались не только въ предѣлахъ того, что называется непріятельскою территоріею. Жители Орлеана, возвращаясь изъ Пуату черезъ область Тура, производили и тамъ (то-есть, въ своей странѣ) такія же насилія, жгли церкви и «завладѣвали всѣмъ, что удавалось найти» [1]. Войско бургундскаго короля, посланное для завоеванія Септиманіи, начинаетъ съ разоренія бургундскихъ же мѣстностей по берегамъ Соны и Роны: «оно увозитъ убранный съ поля хлѣбъ и стада, наполняетъ родную землю убійствами и пожарами» [2]. Отрядъ войска, идущаго изъ Аквитаніи, «производитъ такія же опустошенія», проходя черезъ территорію Нима: «Люди жгутъ оливковыя деревья, вырубаютъ виноградники»[3]. Трудно сказать,—прибавляетъ Григорій,—сколько убійствъ и разбоевъ совершили они, проходя черезъ собственную страну. Въ Оверни во всѣхъ церквахъ, расположенныхъ по сосѣдству отъ большой дороги, по которой шло войско, были захвачены даже священные сосуды [4]. Подобныя происшествія повторялись при каждомъ походѣ [5]. Бла-

[1] *Greg.* VII, 12: „Biturici... infra terminum Turonicum incendia facere coeperunt... Maroialensem ecclesiam incendio cremaverunt".

[2] *Greg.* VI, 31: „Cuncta incendio tradens atque devastans... Duces ad civitatem pervenerunt, cuncta diripientes vel devastantes, talisque depopulatio facta est, ut nec domus remaneret nec vinea nec arbores".

[3] *Greg.* VII, 24: „Aurelianenses infra terminum Pictavum ingressi praedas, incendia atque homicidia faciebant".

[1] *Ibidem.* „Per Turonicum transeuntes, similiter faciebant, ita ut ipsae quoque ecclesiae incenderentur, et quaecunque invenire potuissent diriperentur".

[2] *Greg.* VIII, 30: „Ararica Rhodaniticaque littora tam de fructibus quam de pecoribus depopulata sunt. Multa homicidia, incendia, praedasque in regione propria facientes, et ecclesias denudantes, clericos ipsos interimentes..."

[3] *Ibidem*: „Biturici, Santonici cum Petracoricis, Egolismensibus... similia mala gesserunt... Hi qui Nemausum aggressi fuerant, devastantes universa, succensis domibus, incensis segetibus, discissis olivetis, vinetisque succisis... Tantaquae per viam scelera, homicidia, praedas, direptiones per regionem propriam fecerunt, ut memorari perlongum sit".

[4] *Ibidem*: „Tunc et Arvernae regionis ecclesiae, quae viae publicae propinquae erant, a ministeriis denudatae sunt".

[5] *Greg.* X, 3: „Ad Mettensem urbem... tantas praedas tantaquae

годаря утвержденію такихъ нравовъ въ войскахъ, служба могла доставлять, какъ кажется, большія выгоды, и мы видимъ разъ, что многіе изъ жителей Тура, которые не были вызваны на войну, происходившую тогда въ Галліи, сами захотѣли принять участіе въ ней «изъ-за наживы» [1].

Таковы были арміи меровингскихъ королей. Тѣ, кто думаетъ, что онѣ пополнялись исключительно изъ Франковъ, далеко уклоняются отъ истины; точно такъ же далеки отъ истины и тѣ, кто представляетъ себѣ франкскихъ королей окруженными отрядомъ «вѣрныхъ», съ помощью которыхъ они ведутъ войну. Ни Григорій Турскій, ни Фредегарій, ни одинъ документъ того времени не упоминаетъ о такомъ отрядѣ «вѣрныхъ», сражающихся за своего короля. Ничто не указываетъ на существованіе класса людей, спеціально предназначеннаго для воинской службы. Подобное мнѣніе, которое я встрѣчаю въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ современныхъ историковъ, будто сыновья и внуки Хлодовеха раздѣлили между собою «вѣрныхъ» и «воиновъ» и воевали другъ противъ друга при ихъ помощи,—чистый вымыселъ ученыхъ нашего времени. Короли раздѣлили между собою области, а не воиновъ, и когда они воевали другъ противъ друга, то дѣлали это при помощи гражданскаго населенія областей. Документы по этому вопросу обильны, и смыслъ ихъ ясенъ. Въ меровингскомъ войскѣ не обнаруживается никакой феодальной черты. Франки не принесли съ собою въ Галлію никакой особой военной организаціи. Они только допустили прійти въ упадокъ устройству, выработанному Римлянами, то-есть, системѣ постоянно оплачиваемыхъ армій,—а на ея мѣсто сумѣли поставить лишь грубый порядокъ поголовныхъ ополченій, которыя пополнялись изъ всей массы населенія безъ различія происхожденія и воинской способности. Съ тѣхъ поръ военная служба, сопряженная съ почти ежегодною войною, возникавшею по всякаго рода поводамъ, исключая только защиты народнаго блага, сдѣлалась самою тяжелою изъ повинностей, которыя могутъ быть возложены на населеніе. Эти поголовныя ополченія привели къ слѣдующимъ естественнымъ послѣдствіямъ: разоренію страны, слабости войска, отсутствію въ немъ дисциплины и постояннымъ пораженіямъ. Странно, что франкскіе короли всего болѣе проявили свою неспособность именно при организаціи военнаго дѣла [1].

homicidia ac caedes perpetravit, ut hostem propriae regioni putaretur inferre; alii quoque duces similiter fecere, ut prius regionem propriam afficerent, quam quidquam victoriae de inimica gente patrarent".— X, 9: „Per viam, qua abierunt, incendia, homicidia, spolia ac multa scelera egerunt... Per Turonicum transeuntes, praedas agentes, multos expoliaverunt".

[1] *Greg.* VII, 28: „Secuti sunt exercitum de Turonicis multi, lucri causa".

[1] Въ Испаніи вестготскіе короли также примѣняли систему поголовнаго ополченія безъ различія расъ. См. *Lex Wisigothorum*, IX, 29: „Id decernimus, ut quisquis ille est, sive dux sive comes atque gardingus, *seu sit Gothus sive Romanus*, necnon ingenuus quisque vel etiam manumissus, seu etiam quislibet ex servis fiscalibus, quisquis horum est in exercitum progressurus, decimam partem servorum suorum secum in expeditionem bellicam ducat, ita ut haec ipsa pars decima servorum non inermis existat, sed vario armorum genere instructa appareat".—Очевидно, Римляне должны были нести военную службу такъ же, какъ Готы, безземельные такъ же, какъ собственники, вольноотпущенники такъ же, какъ свободные люди, и даже рабы должны были нести ее, съ со-

Нѣкоторые читатели удивятся, быть можетъ, что мы не посвящаемъ здѣсь особой главы тому, что называется меровингскими бенефиціями. Въ исторической литературѣ распространено мнѣніе, что короли отдавали свои помѣстья во временное пользованіе своимъ воинамъ въ видѣ «бенефиціевъ». Ученые, придерживающіеся этого мнѣнія, прибавляютъ даже, что такія бенефиціальныя раздачи являлись для королей главнымъ средствомъ управленія; что они оставались сильны, пока эти земли сохранялись въ ихъ рукахъ, и сдѣлались слабыми, когда лишились ихъ. Теорія эта совершенно не опирается на тексты; мы увидимъ даже въ свое время, что тексты прямо противорѣчатъ ей. Совсѣмъ невѣрно, что короли уступили свои земли въ пользованіе воинамъ; невѣрно, что воины удержали ихъ въ своемъ владѣніи противъ воли королей, что короли меровингскіе лишились своихъ земель, что посредствомъ нихъ они управляли; невѣрно, что безсиліе королей было слѣдствіемъ того, что они роздали свои земли. Какъ ни остроумна вся теорія, она не выдерживаетъ соприкосновенія съ документами. Она всецѣло является измышленіемъ современныхъ историковъ, и въ письменныхъ памятникахъ той эпохи

блюденіемъ, однако, отношенія одного къ десяти между идущими въ войско и остающимися дома и находясь подъ личнымъ начальствомъ господина. Какъ и въ меровингскомъ государствѣ, у Вестготовъ войско не отдѣлялось отъ гражданскаго населенія. Жители каждой области выступали въ походъ по приказу своего графа или своихъ сотниковъ (*Lex Wisigothorum*, IX, 2, 3—6). Только въ Италіи при Одоакрѣ и Теодерихѣ обращалось вниманіе на различіе расъ; одни Остготы составляли войско; туземное населеніе избавлялось отъ военной службы посредствомъ увеличенія налоговъ.

мы не находимъ ничего, что оправдывало бы ее. Она была построена умами, добивавшимися скорѣе блестящаго объясненія фактовъ, чѣмъ точнаго ихъ пониманія. Массѣ же читателей она понравилась потому, что масса вообще предпочитаетъ добросовѣстнымъ и долгимъ изслѣдованіямъ поспѣшныя и простыя объясненія. Но исторія — наука; она можетъ разрабатываться съ успѣхомъ лишь подъ условіемъ примѣненія самаго строгаго метода; она должна видѣть факты такъ, какъ ихъ видѣли собственные ихъ современники, а не такъ, какъ воображаетъ ихъ умъ человѣка въ наши дни. Въ другомъ мѣстѣ мы подвергнемъ тщательному изученію институтъ бенефиція и опишемъ его во всѣхъ подробностяхъ. Здѣсь достаточно сказать, что институтъ этотъ не былъ орудіемъ управленія, и что въ переворотахъ меровингской эпохи онъ не занималъ никакого мѣста.

ГЛАВА XIII.

Судоустройство.

Судебное устройство меровингскаго государства надобно изучать по документамъ трехъ категорій: по законамъ, литературнымъ памятникамъ и грамотамъ. Изъ законовъ намъ слѣдуетъ принимать въ разсчетъ салическую, рипуарскую и бургундскую Правды и римское право. Каково бы ни было происхожденіе и время составленія, каждаго изъ указанныхъ сводовъ, но въ продолженіе

всей меровингской эпохи примѣнялись всѣ четыре, и потому мы должны считаться со всѣми четырьмя. Сюда надо прибавить нѣкоторыя постановленія или капитуляріи франкскихъ королей, относившіеся ко всему государству. Литературныя сочиненія, интересныя для даннаго вопроса, принадлежатъ Григорію Турскому, Фредегарію и цѣлому ряду агіографовъ. Акты составляются съ одной стороны изъ нѣскольких судебныхъ протоколовъ, дошедшихъ до насъ въ оригиналѣ, съ другой стороны изъ десятковъ пяти формулъ, употреблявшихся въ тысячахъ разнаго рода судебныхъ процессовъ.

Въ законахъ мы находимъ отвлеченныя правила, по которымъ отправлялось правосудіе. Въ разсказахъ писателей встрѣчаемъ уже не теоретическіе принципы, а конкректные и дѣйствительные случаи; у насъ есть описанія тяжебъ, судебныхъ дѣлъ, уголовныхъ приговоровъ. По судебнымъ протоколамъ и формуламъ мы заключаемъ объ обычаяхъ судопроизводства и о составѣ судовъ.

Названные три разряда документовъ взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Тотъ, кто сталъ бы изучать лишь какой-либо одинъ изъ нихъ, придавая ему исключительное значеніе, получилъ бы не только не полное, но и неправильное понятіе о меровингскомъ судѣ. Надо, чтобы изслѣдованіе наше охватывало всѣ эти документы вмѣстѣ. Изъ разнообразія и сложности подробностей ясно выдѣлится истина.

I.

Кому принадлежало право судить?

Первый вопросъ, который здѣсь ставится, будетъ направленъ къ тому, чтобы узнать, кому принадлежала во франкскомъ государствѣ судебная власть? Принадлежала ли она народу, или королю?

Въ продолженіе уже пятидесяти лѣтъ въ ученомъ мірѣ принимается первое изъ двухъ рѣшеній. Утверждаютъ, что у Франковъ самъ народъ, въ силу собственнаго своего права, разбиралъ тяжбы и судилъ преступленія. Говорятъ, что судебныя разбирательства совершались въ небольшихъ мѣстныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ округахъ или «сотняхъ», въ которыхъ принимали участіе всѣ свободные люди. Таковы будто бы были широко распространенные народные суды присяжныхъ, насажденные на почвѣ Франціи германскимъ свободнымъ духомъ [1]. Такое мнѣніе дорого многимъ. Не удивительно: оно не только хорошо согласуется со всѣмъ ученіемъ германистовъ; оно также симпатично вообще для свободомыслящихъ и смѣлыхъ умовъ, которые въ самой колыбели французскаго общественнаго строя желали бы найти начала свободы и демократіи. Но мы занимаемся здѣсь только наукою. Мы должны смотрѣть не на красоту

[1] *Savigny*, Geschichte des römischen Rechts (томъ 1-й).—*Pardessus*, Loi Salique, p. 571—576.—*Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte, 3-е изданіе, т. II, 2-я часть, стр. 137—197.—*Sohm*, Der Process der lex Salica (1867). Его же: Reichs- und Gerichtsverfassung, 1871.—*Thonissen*, Organisation judiciaire de la Loi salique, 1882.—*Fahlbeck*, La royauté et le droit royal francs, стр. 16—25; 124—130.

и привлекательность данной теоріи, а на то, согласуется ли она съ документами [1].

Пересмотримъ сначала Салическую Правду; мы не найдемъ въ ней ни одной строки, въ которой говорилось бы, что правосудіе отправлялось народомъ. Въ этомъ сводѣ не встрѣчается даже слово—«народъ» [2]. Тамъ ничего не говорится также о собраніяхъ сотни, не попадается даже слова «сотня». Въ Правдѣ этой поименовываются *comes* или *grafio*, *tunginus* или сотникъ [3].

[1] Мы уже разсматривали этотъ вопросъ въ нашихъ „Recherches sur quelques problèmes d'histoire" (1885), стр. 359—528. Здѣсь мы остаемся при тѣхъ же взглядахъ, которые никакимъ образомъ не вытекаютъ изъ личнаго пристрастія, а точно основываются на изслѣдованіи текстовъ и фактовъ.

[2] Въ главѣ XLVI, § 2, мы читаемъ только: „Quos heredes appellavit publice coram populo festucam in laiso iactasset". Но здѣсь очевидно, во первыхъ, что *coram populo* обозначаетъ лишь то что судъ производился всенародно; во вторыхъ, въ большей части рукописей этихъ словъ—„coram populo" не встрѣчается Въ вольфенбюттельской рукописи читаемъ—„coram hominibus" въ монпельесскомъ кодексѣ „coram bonis hominibus", въ большинствѣ другихъ—„coram omnibus", что также означаетъ „публично". Кромѣ того, въ главѣ этой рѣчь идетъ, собственно, не о судѣ, а объ актѣ усыновленія, который долженъ былъ происходить публично. Невозможно усмотрѣть въ этомъ ни народа, въ политическомъ значеніи слова, ни, тѣмъ менѣе, народа который творитъ судъ.

[3] Мы говорили уже выше, что наличность слова *centenarius* (XLIV, 1; XLVI, 1) вовсе не указываетъ на существованіе территоріальной сотни; centenarius было только названіемъ достоинства или должности. Посмотрите однако, какъ дѣйствуетъ здѣсь увлеченіе излюбленною системою: изъ одного слова *centenarius* Зомъ заключаетъ, что должны были существовать группы, называемыя *centenae*; затѣмъ, предположивъ такимъ образомъ существованіе centena, онъ заключаетъ отсюда, что centena

Она ясно показываетъ, что *grafio* былъ королевскимъ должностнымъ лицомъ, но что такое былъ *tunginus* она не обнаруживаетъ. И grafio, и tunginus, оба представлены въ Правдѣ, какъ лица, къ которымъ обращаются истцы, и которыя судятъ ихъ. Говорится въ то же время о рахинбургахъ, принимающихъ большое участіе въ судѣ, произносящихъ приговоры (*iudicant*), но о народѣ или о сотнѣ не говорится ни слова.

Рипуарская Правда, точно такъ же, никогда не упоминаетъ ни о народѣ, ни о собраніи сотни [1]. Не говорится объ этомъ ни слова и въ законѣ Бургундовъ; ни слова нѣтъ и въ *lex Romana*, именно въ той редакціи римскаго права, которая находилась тогда въ употребленіи. Указы франкскихъ королей также не говорятъ о народѣ, не содержатъ ни малѣйшаго намека на народный судъ; если въ одномъ изъ этихъ указовъ попадается слово *centena*, то при этомъ совсѣмъ не сказано, чтобы такой сотнѣ принадлежала судебная власть.

Къ подобному же отрицательному отвѣту приводитъ чтеніе писателей того времени. Среди большого количества разсказовъ объ отдѣльныхъ процессахъ и о судоговореніяхъ нѣтъ ни одной строки, въ которой говорилось бы, что приговоры исходили отъ на-

эта должна была обладать судебною властью, хотя ни въ одномъ документѣ этого не сказано.

[1] Слово *centena* встрѣчается только въ Аламанской Правдѣ (глава XXXVI), то-есть, въ сводѣ, составленномъ въ седьмомъ вѣкѣ. Тамъ сказано, что суды происходятъ въ каждой сотнѣ, но не сказано, чтобы судило населеніе сотни; судилъ *comes*, или его *missus*, или *centenarius*.

рода. Авторъ показываетъ намъ иногда, что на судѣ присутствовало много народа, но онъ прибавляетъ тутъ же замѣчаніе, что народъ этотъ не судилъ. Въ судебныхъ протоколахъ, наконецъ, и въ формулахъ судебныхъ актовъ никогда не употребляется ни слово народъ, ни слово сотня; даже когда указывается на то, что число судей было довольно многочисленно, по документамъ ясно обнаруживается, что такіе трибуналы были полною противоположностью народнаго собранія.

Откуда же происходитъ, что нѣкоторые ученые пришли къ увѣренности въ существованіи во франкскомъ королевствѣ народнаго суда, хотя они въ огромной массѣ столькихъ документовъ не находятъ ни одной строчки, которая оправдывала бы такое мнѣніе? Если постараться дать себѣ отчетъ въ происхожденіи даннаго взгляда, на основаніи научныхъ аргументовъ, при помощи которыхъ онъ защищается, мы увидимъ, что онъ былъ внушенъ авторомъ двумя словами, встрѣчаюшимися въ документахъ, именно словами—*mallus* и *rachineburgi*. Эти новые, нѣсколько странные термины сначала поразили ученыхъ. Имъ бы слѣдовало разыскать истинное ихъ значеніе путемъ долгаго изслѣдованія всѣхъ текстовъ, въ которыхъ они попадаются; вмѣсто же этого историки сейчасъ же придали имъ смыслъ, наиболѣе согласный съ личными своими мнѣніями. Они держали въ умѣ представленіе о народномъ судѣ, и имъ тотчасъ же показалось, что два упомянутыя слова служили для выраженія этой идеи. Они поспѣшили истолковать слово *mallus* такъ, какъ будто бы оно обозначало собраніе всего народа, населявшаго округъ, а слово *rachineburgi* такъ, какъ

будто бы оно обозначало всѣхъ людей, принадлежавшихъ къ его населенію. Разъ было установлено такое объясненіе, одно существованіе обоихъ терминовъ, безъ всякаго другого указанія, рисовалось имъ достаточнымъ доказательствомъ существованія и народнаго суда. Народъ судилъ—это утверждали на основаніи единственнаго довода, что въ текстахъ встрѣчаются слова *mallus* и *rachineburgi*. Искать другихъ подтвержденій уже представлялось излишнимъ. Прежде, однако, чѣмъ приходить къ такому важному заключенію, исключительно изъ одного факта существованія въ языкѣ двухъ мало извѣстныхъ словъ, прежде чѣмъ строить на нихъ теорію такой значительной важности, надо было лучше спросить себя, каково было дѣйствительное значеніе этихъ двухъ словъ? Опредѣлить же его можно было только путемъ сближенія всѣхъ текстовъ, въ которыхъ они употребляются.

Слово *mallus* повторяется шестнадцать разъ въ Салической Правдѣ, шесть — въ Рипуарской, восемь разъ—въ указахъ меровингскихъ королей и около двадцати—въ формулахъ меровингской эпохи [1]. Значеніе этого слова ясно устанавливается и изъ положенія, какое оно само занимаетъ въ контекстѣ, и изъ характера другихъ, окружающихъ его словъ. Ни въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ мы его вычитываемъ, не имѣется въ виду ни собраніе всего народа, ни собраніе всего населенія данной мѣстности. Слово *mallus* всегда обозначаетъ судилище [2].

[1] Прибавьте сюда слово *mallare* или *admallare*, встрѣчающееся въ анжуйскихъ и турскихъ формулахъ, также въ формулахъ Маркульфа, въ сенонскихъ и еще въ Салической Правдѣ.

[2] Выдвигали слово *plebs*, относившееся будто бы къ *mallus*,

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. *Mallus comitis*—это, видимо, судъ графа, *mallus centenarii*—судъ сотника. *Mannire in mallum* значитъ—вызывать на судъ, и это слово всегда примѣняется къ истцу; *sedere in mallo*—засѣдать въ судѣ, и это всегда говорится о судьѣ. Имѣя передъ собою тексты, нельзя сомнѣваться въ такомъ именно значеніи слова. Судебный актъ, изложеніе котораго начинается со словъ—«*in mallo civitatis*», содержитъ въ себѣ приговоръ, постановленный въ городскомъ судѣ. Когда формулы судебныхъ актовъ начинаются со словъ—«*cum resedisset comes in mallo*», это значитъ, что судъ держалъ графъ [1]. Какъ же могло случиться, что оно ни разу не нахо-

въ LIV главѣ закона. Здѣсь читали: „In singulis mallobergis, id est plebs, quae ad unum mallum convenire solet". Надо однако обратить вниманіе, во первыхъ, что слова эти встрѣчаются въ двухъ только рукописяхъ изъ шестидесяти четырехъ, и не въ лучшихъ изъ нихъ (*Paris*,4632 и 4760- -принадлежащихъ къ категоріи такъ называемой *lex emendata)*; во-вторыхъ, слѣдуетъ помнить, что, повидимому, они представляютъ собою вставку, на что указываютъ слова—„id est".—Ссылались также на выраженіе—„*ante teoda*", встрѣчающіяся въ XLVI главѣ, но никто не можетъ сказать, каково было значеніе слова, не выясненнаго здѣсь и не встрѣчающагося нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; предполагать, что оно означало—„народъ", нѣтъ никакого твердаго основанія. См. замѣчаніе Керна въ изданіи Салической Правды Гессельса (§ 227).

[1] Часто также и вслѣдствіе естественнаго производнаго значенія слово *mallus* прилагалось къ судебному засѣданію. Вотъ примѣры: „in altero mallo"—на второмъ засѣданіи; „tribus mallis"—въ продолженіе трехъ дней засѣданія; „ad tertium, quartum, quintum mallum"—во время третьяго, четвертаго, пятаго вызова на судъ (*Lex Salica*, 39; *Lex Ripuaria*, 32; *Pactus Childeberti*, 2). Такъ Рипуарская Правда назначаетъ 15 solidi штрафа „pro unoquoque mallo", то-есть, за каждый вызовъ на судъ, на который лицо не явится (глава XXXII).

Если слово *mallus* обозначало собраніе народа, то какъ могло случиться, что оно ни разу не находится въ документахъ съ такимъ именно смысломъ? Часто попадающійся глаголъ *mallare* никогда не значитъ «собрать народъ»: онъ употребляется для выраженія понятія—«вызвать на судъ противника». Разсмотрите всѣ документы, въ которыхъ говорится о томъ, что власть собираетъ людей по какому бы то ни было поводу; вы всегда найдете глаголы *bannire*, *congregare* или еще разные другіе, никогда *mallare* [1]. Послѣдній употребляется лишь тогда, когда рѣчь идетъ о призывѣ на судъ [2].

Въ законѣ рипуарскомъ, гдѣ двѣнадцать разъ упоминается о мѣстѣ, въ которомъ совершалось правосудіе, семь разъ употреблено выраженіе «in iudicio» и пять разъ—«in mallo»; оба выраженія были, слѣдовательно, тождественны [3].

Словомъ *mallus* пользовались даже для обозначенія церковнаго суда, то-есть, такого, на которомъ

[1] См. напримѣръ, *Marculf*. I, 40.

[2] Мы говоримъ здѣсь о документахъ, несомнѣнно принадлежащихъ къ меровингской эпохѣ въ точномъ смыслѣ; начиная съ восьмого вѣка, мы встрѣчаемъ уже другое употребленіе слова mallus: оно относится ко всякому созванному графомъ собранію; учрежденіе это должно быть изучено нами позже.

[3] *Lex Ripuaria*, XXX, 1: „In iudicio interpellatus"; LVIII, 19: „Interpellatum in iudicio»; LVIII, 20: „In iudicio respondeant"; LIX, 3; „In iudicio"; LIX, 8: In iudicio interpellatus"; LXXIX: „In iudicio principis"; LXXXI, 1: „In iudicium interpellatus"; XXXII, 1: „Ad mallum mannitus"; *ibid.* 2: „Ad secundo mallo"; *ibid.* 3: „Ad septimo mallo"; L, 1: „Ad mallo ante centenario vel comite"; LIX: „In mallo."—Легко замѣтить, что въ LIX главѣ *in mallo* 1-го параграфа явно обозначаетъ то же самое, что *in iudicio* 3-го. Точно также въ LVIII главѣ § 19 „interpellatus in iudicio"—очевидно, то же самое, что „mallatus in iudicio".

епископъ или уполномоченный послѣдняго разбирали дѣла церковныхъ вольноотпущенниковъ. Между тѣмъ, достовѣрно извѣстно, что церковный судъ вовсе не былъ народнымъ собраніемъ[1].

[1] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1: „Non aliubi quam ad ecclesiam, ubi relaxati sunt, mallum teneant".—Очень неосновательно мѣсто это было переведено слѣдующимъ образомъ: „Имъ нельзя будетъ посѣщать иныхъ политическихъ собраній, кромѣ церковныхъ". См. *Guérard*, Polyptyque d'Irminon, Prolégomènes, стр. 369. Какъ будто бы церковь обладала правомъ созывать политическія собранія? Или еще: „Они будутъ участвовать въ собраніи людей, зависящихъ отъ церкви" (*Sohm*, Reichs-und Gerichtsverfassung, стр. 63). Гдѣ же обнаруживаются подобныя собранія? Еще лучше, какъ могло произойти, чтобы вольноотпущенники „per tabulas", люди въ самомъ дѣлѣ очень зависимые, созывались на политическія собранія? Чтобы понять данное постановленіе Рипуарской Правды, надо обратить сначала вниманіе на то, что рѣчь идетъ здѣсь о рабахъ, отпущенныхъ церковью на волю. Надо также хорошо прочитать текстъ: „In ecclesia... in manu episcopi servum tradat... et episcopus tabulas scribere faciat... Et tam ipse quam procreatio eius in tuitione ecclesiae consistant, et omnem redditum status aut servitium tabularii ecclesiae reddant... et omnem redditum status ad ecclesiam reddant et non aliubi quam ad ecslesiam ubi relaxati sunt mallum teneant... Nullum alium quam ecclesiam heredem habeat".—Здѣсь устанавливается рядъ разнаго рода обязательствъ вольноотпущенника и его дѣтей, которыя всегда должны соблюдаться по отношенію къ церкви, отпустившей ихъ на волю. Одно изъ обязательствъ состоитъ въ томъ, что вольноотпущенный подлежитъ исключительно церковному, а не свѣтскому суду: „Ad ecclesiam mallum teneant".—Нельзя сомнѣваться въ такомъ именно значеніи этихъ словъ, особенно, если сблизить ихъ съ соборными постановленіями: они гласятъ, что церковные вольноотпущенники будутъ судимы только церковью; см. второй Маконскій соборъ 585 года, стр. 7: „Liberti... commendati ecclesiis... in episcopi tantum iudicio sint. Qui in ecclesia sunt manumissi... nullus alius causas audeat pertractare libertorum, nisi episcopus".—См. еще Агдскій соборъ, стр. 49 (Sirmond, I, 170): „Libertos... actus ecclesiae prosequi iubemus".—Парижскій соборъ 614 года: „Liberti a sacerdotibus defensentur nec ad publicum revocentur".—*Edictum Chlotarii*, cap. 7: „Libertos ecclesiarum.. non absque episcopo esse iudicandos vel ad publicum revocandos".—Разбираемая статья Рипуарской Правды была, какъ извѣстно, составлена церковью; смыслъ ея такой же, какъ и смыслъ приведенныхъ соборныхъ уставовъ: въ ней высказывается, что люди, отпущенные на свободу церковью, „будутъ пользоваться судомъ лишь при этой же церкви"; ихъ судилъ епископъ, присутствовавшій при освобожденіи.

Если бы слово *mallus* обозначало народное собраніе, мы нашли бы въ текстахъ такія выраженія, какъ «mallus congregatur», или другое какое-нибудь въ этомъ родѣ. Если бы оно примѣнялось къ отправляющему правосудіе населенію, то говорилось бы «mallus iudicavit». Но мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Замѣтьте даже, что въ числѣ болѣе сорока примѣровъ, вы ни разу не встрѣтите слова mallus въ именительномъ падежѣ; всегда говорится «in mallo», ad mallum», «per tres mallos». Это происходитъ потому, что данному слову мудрено стать подлежащимъ въ предложеніи: mallus не есть ни индивидуальное, ни коллективное существо; оно не имѣетъ личности; оно не можетъ дѣйствовать, желать или думать. Mallus не судитъ; это только названіе мѣста, гдѣ нѣсколько человѣкъ производятъ судъ.

Воображеніе далеко увлекло тѣхъ, кто считалъ mallus народнымъ собраніемъ: они рисовали себѣ цѣлую картину подобнаго собранія. Одни представляли его сходящимся въ глубинѣ долины, причемъ всѣ располагались въ кругъ, стоя[1]. Другіе предпочитали видѣть его членовъ засѣдающими на скамьяхъ и на-

[1] *Schulte*, Handbuch des öffentlichen und privaten Rechts.

считывали даже, что скамей этихъ было четыре [1] Третьи находили болѣе эффектнымъ представлять себѣ эти вѣча собирающимися на горѣ [2].

[1] Зомъ первый высказалъ странное мнѣніе о засѣданіи жителей цѣлаго округа на четырехъ скамьяхъ (см. Procédure de la Loi salique, фр. перев. Thévenin, стр. 100). Тевененъ, Тониссенъ и Вайтцъ повторили то же мнѣніе. О „четырехъ скамьяхъ" не говорится ничего ни въ Салической Правдѣ, ни въ другихъ однородныхъ текстахъ. Въ Салической Правдѣ нѣтъ словъ „inter quatuor solia", на которыя ссылались названные ученые; *solia*, кромѣ того не значило скамьи, и достаточно было бы посмотрѣть безъ предвзятаго взгляда на ту фразу въ „*Septem causae*", гдѣ встрѣчается дѣйствительно „inter quatuor solia" чтобы замѣтить, что въ этой фразѣ рѣчь не идетъ ни о судѣ, ни о mallus и что слова эти не могутъ относиться къ рахинбургамъ. Мы показали въ другомъ сочиненіи („Recherches sur quelques problèmes d'histoire"; стр. 355) полную невозможность того, чтобы слова „inter quatuor solia" относились къ суду. Разсмотрѣнная здѣсь фантастическая теорія и явно ложное толкованіе, приданное учеными упомянутымъ словамъ (inter quatuor solia), представляютъ собою яркій примѣръ тѣхъ крупныхъ заблужденій, къ которымъ приводятъ предвзятыя мнѣнія, и того вліянія, которое оказываетъ субъективный методъ на искаженіе текстовъ и фактовъ.

[2] Эта теорія покоится единственно на томъ, „что въ Салической Правдѣ встрѣчается выраженіе „in mallobergo" (XLVI, 2, LIV, 4; LVI, 1; LVII, 1). Изъ того, что въ словѣ попадается корень *berg*, означающій возвышенность, не вытекаетъ еще съ необходимостью, чтобы меровингскій *mallus* собирался на горѣ. Дѣлать заключеніе о цѣломъ историческомъ институтѣ на основаніи одного внѣшняго вида слова—очень опасный пріемъ. Тѣ ученые, которые предполагаютъ, что Салическая Правда была составлена въ Турнэ небольшимъ франкскимъ племенемъ, и которые переводятъ въ то же время *mallobergis*, какъ „горы судилища", попали бы въ большое затрудненіе, если бы стали искать горы въ области Турнэ. У насъ есть подъ рукою десятка три разсказовъ или документовъ, которые описываютъ mallus; въ нихъ ни разу не говорится, чтобы онъ происходилъ на горѣ.

Ни одна изъ этихъ теорій не можетъ опереться ни на одно слово въ существующихъ документахъ. Всѣ подобныя объясненія являются произведеніями чистѣйшей фантазіи. При видѣ подобнаго злоупотребленія субъективнымъ методомъ особенно живо чувствуется необходимость возвратиться къ текстамъ и совершенно просто отыскивать то, что въ нихъ заключается.

Достовѣрно извѣстно, что Салическая Правда нигдѣ не говоритъ, ни въ какомъ мѣстѣ происходилъ mallus, ни какой былъ у него внѣшній видъ. Изъ нея констатируется только, что тамъ засѣдало нѣсколько человѣкъ: «*in mallo sedentes*» [1]. Въ разсказахъ своихъ писатели чаще всего изображаютъ суды, отправлявшіеся внутри городовъ. Что касается формулъ, то въ нихъ ясно указано, что mallus было мѣстомъ, въ которомъ «засѣдало» нѣсколько человѣкъ [2]. Въ нихъ часто вовсе не говорится, гдѣ находился этотъ mallus, но когда объ этомъ упоминается, то всегда оказывается, что дѣло происходитъ въ городѣ [3]. Нѣтъ ни

[1] *Lex Salica*, LVII, 1: „Rachineburgii in mallo" (въ другихъ текстахъ „in mallobergo") sedentes".—*Edictum Chilperici*, 7: „In mallo ante rachimburgios sedentes".

[2] *Formulae Senonenses*, 1: „Ante comite vel aliis personis ibidem residentes".—*Bignonianae*, 9: „Boni homines, qui in ipsum mallum residebant".—*Senonicae*, 38: „Una cum plures personas residentes".—*Senonenses*, 3: „In mallo... qui ibidem residebant"; 6: „Qui ibidem ad universorum causas audiendum residebant vel adstabant".

[3] *Formulae Senonenses*, 3, Rozière, 472: „Illius civitatis in mallo".—*Ibidem*, 2: „Castro illo in mallo".—Извѣстно, что слово *castrum* обозначало не только лагерь, но и городъ второго разряда.—*Ibidem*, 6: „In illa civitate in mallo".

одного разсказа о судѣ, ни одной формулы, ни одной статьи закона, откуда можно было бы вывести заключеніе, что mallus устраивался на открытомъ воздухѣ или, еще того менѣе, на горѣ. Мы не утверждаемъ, что никогда не происходило подобныхъ случаевъ, но такая форма не составляла, безъ сомнѣнія, существеннаго признака mallus. Есть законы, которые указываютъ, наоборотъ, что mallus происходилъ обыкновенно въ закрытыхъ помѣщеніяхъ подъ крышей, а иногда во дворѣ (atrium) церкви[1].

Встрѣчается еще выраженіе—*mallus publicus*; оно употреблено три раза въ Салической Правдѣ[2] и пять разъ въ формулахъ, именно въ числѣ позднѣйшихъ изъ нихъ[3]. Очень соблазнительно было сейчасъ же перевести его, какъ «народное собраніе», но надо было обратить вниманіе, что въ языкѣ того времени слово *publicus* прилагалось не къ тому, что принадлежало народу, а къ тому, что принадлежало королю. Это подтверждается многочисленными и вполнѣ убѣдительными примѣрами, которые мы приводили въ другомъ мѣстѣ выше. Сравните выраженія *mallus publicus* и *iudex publicus*; въ обоихъ этихъ выраженіяхъ прилагательное имѣетъ одно и то же значеніе: *iudex publicus*—королевское должностное лицо, *mallus*

[1] Законы эти принадлежатъ, правда, къ каролингской эпохѣ; см. напримѣръ, капитулярій 819 года, ст. 16: „Ut domus a comite ubi mallum tenere debet construatur". Ср. капитуляріи Ансегиза, III, 57: „Ut in locis, ubi mallos publicos habere solent, tectum tale constituatur, quod in hiberno et in aestate observatum esse possit".

[2] *Lex Salica*, XIV, XXXIX, XLVI.

[3] *Formulae Senonicae*, 20; *Senonenses*, 1, 3, 5; *Bignonianae*, 9.

publicus—судъ королевскаго должностного лица. Соборныя постановленія называютъ это учрежденіе однимъ словомъ—*publicum*, «государственный судъ» и противополагаютъ его церковному суду, *iudicium ecclesiasticum*[1].

Что касается рахинбурговъ, которые засѣдали въ судѣ (*mallus*), согласно показаніямъ Правды и формулъ, то нѣтъ ни одного текста, изъ котораго вытекало бы, что они составляли всю совокупность населенія даннаго округа[2]. Смыслъ этого слова легко опредѣляется или по филологическому его составу, или по количеству мѣстъ, гдѣ оно встрѣчается, или, наконецъ, по однозначущимъ выраженіямъ, которыми оно иногда замѣнялось. Не всѣ рахинбурги были свободными людьми. Свободные люди называются въ Салической Правдѣ *ingenui*, а не *rachineburgi*, и сводъ этотъ никогда не смѣшиваетъ однихъ съ другими. Рахинбурги были немногочисленны; если иногда число ихъ опредѣляется въ текстѣ, то мы видимъ очень небольшія цифры—семь или даже три[3]. Очевидно, что это не толпа и не народъ: это были отборные люди, излюбленное меньшинство. — Вопросъ разрѣшается тѣмъ обстоятельствомъ, что германскій терминъ «рахинбурги» замѣняется во многихъ судебныхъ актахъ латинскимъ—*boni viri*, причемъ замѣна эта встрѣчается

[1] Эпаонскій соборъ 517 года. ст. 11: „Interpellare publicum, sequi ad saeculare iudicium".—Орлеанскій соборъ 541 года. ст. 20: „Iudex publicus... Iudicium fori".

[2] Это утверждали *Waitz*, Deutsche Verfassungsgeschichte (3-е изд. т. II, 2-я часть, стр. 143 и 165); *Schulte*, Hist du droit (фр. переводъ Fournier, стр. 375); *Thonissen*, Organisation judiciaire, стр. 74, 77, 374—375.

[3] *Lex Ripuaria*, XXXII, 2; XXXII, 3; *Lex Salica*, L.

въ фразахъ, настолько тождественныхъ съ тѣми, гдѣ читается первый терминъ, что не остается сомнѣнія въ томъ, что оба выраженія были синонимами. Рахинбурги и *boni viri* являлись, безъ сомнѣнія, мѣстною знатью, какъ франкскаго, такъ и безразлично римскаго происхожденія. Это не былъ народъ [1].

Итакъ, въ документахъ нѣтъ ни одной строки и ни одного слова, которыя указывали бы, что правосудіе отправлялось всѣмъ населеніемъ каждаго округа. Вѣра въ существованіе народнаго суда — чистѣйшій вымыселъ современныхъ историковъ; и, въ ущербъ научной достовѣрности, фантазія эта была внесена въ исторію по произволу субъективнаго метода [2].

[1] Выставлялась еще другая гипотеза, именно, что рахинбурги были выборными отъ населенія округа (*Sohm*, Reichs-und Gerichtsverfassung, 372—378). Но это вполнѣ произвольное предположеніе, не основывающееся ни на одномъ текстѣ.

[2] Бодуэнъ, который также пытался разъяснить этотъ вопросъ, вывелъ существованіе народнаго суда изъ того только факта, что въ Салической Правдѣ встрѣчается слово *tunginus*. Разсужденіе его очень искусственно; онъ утверждаетъ, во-первыхъ, что не графъ отправлялъ правосудіе, хотя Салическая Правда представляетъ его настоящимъ судьей: XXXII глава судьей для уголовныхъ дѣлъ, XLV—для гражданскихъ тяжбъ, LI глава —для судебныхъ конфискацій, LIII—для Божьяго суда и присягъ и L глава для взиманія фреда; во вторыхъ, онъ доказываетъ, что правосудіе всегда отправлялъ tunginus, хотя въ Салической Правдѣ вовсе не показано, чтобы онъ судилъ за убійства и кражу, или разбиралъ важные процессы; въ третьихъ, онъ выставляетъ тезисъ, что тунгинъ былъ выборнымъ народа, хотя въ Салической Правдѣ не говорится ни объ избраніи, ни о народѣ. Авторъ построилъ свою систему на приведенномъ рядѣ ошибокъ либо гипотезъ безъ всякаго основанія. Можно ли назвать это разсужденіе ученымъ выводомъ?

Документы не только не открываютъ передъ нами никогда этого народнаго суда, но, при внимательномъ чтеніи ихъ, можно обнаружить полную противоположность такой картинѣ. Разсмотримъ тексты одинъ за другимъ.

Салическая Правда различаетъ двѣ ступени суда: наверху стоялъ королевскій судъ, внизу находился судъ, называвшійся *mallus*. Изъ LVI главы выходитъ, что человѣкъ, судившійся въ низшемъ судѣ и отказывавшійся подчиниться приговору, долженъ былъ предстать передъ королевскимъ судомъ [1]. Всякій свободный человѣкъ могъ явиться обвинителемъ другого въ королевскомъ судѣ [2]. Въ составъ этого трибунала, природа котораго очень ясно запечатлѣна въ памятникахъ, и который будетъ описанъ нами ниже, не допускался, конечно, народный элементъ; потому-то явка въ него обозначается просто словами — *ante regem*, какъ будто король функціонировалъ въ немъ одинъ. Итакъ, изъ судовъ двухъ инстанцій, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, и какъ разъ въ главномъ, народъ не принималъ никакого участія; все дѣло находилось въ рукахъ короля. Далѣе, Салическій сводъ очень ясно указываетъ, что даже на низшей ступени юрисдикція принадлежала графу. Пойманныхъ преступни-

См. въ журналѣ „Nouvelle revue historique de droit français et étranger“ за 1887 годъ.

[1] *Lex Salica*, LVI: „Si quis ad mallum venire contempserit, aut quod ei a rachineburgiis fuerit iudicatum adimplere distulerit... ad regis praesentiam ipsum mannire debet... Si ad nullum placitum venire voluerit... omnes res suae erunt fisco aut cui fiscus dare voluerit“.

[2] *Lex Salica*, XVIII: „Si quis ad regem innocentem hominem accusaverit...“

ковъ приводили къ нему, очевидно, для того, чтобы онъ судилъ ихъ [1]. Мы видимъ также, что при вѣсти объ убійствѣ онъ принимался за поиски убійцы и затѣмъ постановлялъ приговоръ [2]. Передъ нимъ происходила вся операція судопроизводства, совершались судебные поединки, произносилась присяга [3]. Онъ взималъ *fredum*, то-есть, ту часть штрафа, которая поступала въ пользу власти, производившей судъ [4]. Все это ясно доказываетъ, что графу принадлежало право уголовнаго суда. Но онъ судилъ также и въ гражданскомъ, такъ какъ мы видимъ, что къ нему поступали тяжбы, относившіяся къ владѣнію имуществами [5]. Всѣ эти подробности достаточно ясно обнаруживаютъ, что Салическая Правда смотритъ на графа, какъ на главу суда въ его области. Его сотники или «тунгины» помогали ему и, въ случаѣ надобности, замѣняли его [6]. Этотъ графъ (*grafio*, *comes*) Са-

[1] *Lex Salica*, XXXII, 5: „Si quis ligatum ad graphionem tulerit". Статья эта находится не во всѣхъ текстахъ; она встрѣчается только въ парижскихъ рукописяхъ 4403 и 18237.

[2] *Lex Salica*, Additamentum, c. 9 (Behrend, стр. 91). прибавлен.

[3] *Lex Salica*, LIII.

[4] *Lex Salica*, L, 4: „Tertiam partem graphio fredo ad se recolligat". *Ibidem*, LIII, 1: „Fretus graphioni solvatur".

[5] *Lex Salica*, XLV, 2: „Si contra interdictum unius vel duorum in villa adsedere praesumpserit... si nec tunc voluerit exire, tunc manniat eum ad mallum... et roget graphioni, ut accedat ad locum, ut eum inde expellat".

[6] Тунгину или сотнику предоставлялись, согласно Салической Правдѣ, только малыя дѣла. Замѣтьте въ самомъ дѣлѣ, какія функціи возлагаются на него этимъ сводомъ. Въ XLIV главѣ онъ принимаетъ заявленіе о бракѣ вдовы; въ XLVI—принимаетъ заявленіе объ усыновленіи и назначеніи наслѣдника; въ L главѣ—показанія заимодавца противъ должника, отказывающагося платить; въ LX главѣ—заявленія человѣка, порывающаго всякую законную связь съ семьей. Все это не особенно важные акты; при другихъ же обстоятельствахъ tunginus не появляется. Можно допустить съ большимъ вѣроятіемъ, что онъ разбиралъ нѣкоторыя тяжбы и судилъ за нѣкоторыя преступленія; но слѣдуетъ отмѣтить еще, что ему не предоставлялось налагать запрещенія на имущества (главы L и LI). Кромѣ того, во всемъ, что онъ дѣлалъ, тунгинъ былъ, повидимому, лишь замѣстителемъ или, быть можетъ, уполномоченнымъ графа. Это вытекаетъ изъ сравненія двухъ мѣстъ: *Lex Salica*, XLIV и *Additamentum*, 7 (Behrend, стр. 90). Въ обоихъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же о *reipus* вдовы. Въ одномъ случаѣ дѣло происходитъ передъ *iudex*, то-есть, графомъ (*comes*), въ другомъ,—передъ *tunginus*.

лической Правды не былъ судьей, избраннымъ населеніемъ, а являлся чиновникомъ, назначеннымъ королемъ. Это видно изъ того, что Правда назначаетъ тройную цѣну за убійство графа, такъ же какъ и за жизнь прочихъ приближенныхъ короля [1], а еще лучше изъ того, что она разрѣшаетъ ему отсутствовать на судѣ, если онъ долженъ въ это же время исполнять какую-нибудь другую обязанность передъ королемъ [2]. Въ итогѣ оказывается, что право высшаго суда принадлежало королю, а низшаго — чиновнику короля [3].

[1] *Lex Salica*, LIV, 1: „Si quis grafionem occiderit, solidos DC culpabilis iudicetur".

[2] *Lex Salica*, L, 5: „Si grafio rogatus fuerit et eum tenuerit certa ratio dominica".—Мы видѣли, что прилагательное *dominicus* въ Салической Правдѣ должно переводиться словомъ „королевскій"; „*ratio dominica*"—королевская служба.

[3] Эд. Бодуэнъ, увлеченный опять же своимъ предвзятымъ взглядомъ о преобладаніи народнаго суда въ Салической Правдѣ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ обойти молчаніемъ королевскій судъ и отрицать затѣмъ у графа право суда. Онъ какъ бы вычеркнулъ просто изъ Салической Правды всѣ статьи,

Къ тѣмъ же результатамъ приводитъ изслѣдованіе Рипуарской Правды. Въ ней упоминается о королевскомъ судѣ и говорится о немъ такъ, какъ будто король судилъ одинъ; рядомъ съ нимъ не существовало, безъ сомнѣнія, никакого народнаго собранія [1]. Въ этомъ сводѣ идетъ рѣчь объ одномъ судьѣ и при установленіи порядка юрисдикціи на низшей инстанціи: слово *iudex* стоитъ постоянно въ единственномъ числѣ [2]; множественное *iudices* никогда не употребляется ни въ Салической, ни въ Рипуарской Правдахъ. Судья Рипуарской Правды также—королевскій судья—*iudex fiscalis*; это—графъ (*comes* или *grafio*); текстъ свода ясно устанавливаетъ дѣло [3], а графъ—

въ которыхъ говорится о королѣ, а также тѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь о графѣ. Это очень легкій пріемъ, но къ наукѣ онъ не имѣетъ никакого отношенія. См. развитіе этой странной теоріи въ „Revue historique de droit", 1887, стр. 483, 487 и 490.

[1] *Lex Ripuaria*, XXXII, 4: „Ante regem"; LXVII, 5: „Ante regem"; LXXIX: „In iudicio principis". Слѣдуетъ замѣтить, что въ Правдахъ никогда не говорится о „iudicium Francorum"; не упоминается о немъ также ни въ актахъ, ни въ формулахъ. О значеніи этого выраженія, трижды встрѣчающагося въ хроникахъ, мы отсылаемъ къ сказанному нами по этому поводу въ нашихъ „Problèmes d'histoire", стр. 515—520.

[2] *Lex Ripuaria*, XXXI, 1: „In praesentia iudicis"; XXXII, 4: „Tuns iudex fideiussores exigat"; LVIII, 5: „Se ante iudicem repraesentet"; LXVI, 1: „Sacramentum in praesentia iudicis confirmare"; LXXII, 6: „In praesentia iudicis"; LXXVII: „Ante iudicem".

[3] См. XXXII главу, 3, гдѣ одинъ и тотъ же человѣкъ называется то *comes*, то *iudex fiscalis*: „Tunc ille qui mannit ante comitem iurare debet... et sic iudex fiscalis ad domum illius accedere debet".—Мы сказали выше, что на языкѣ того времени *fiscalis* было синонимомъ съ *regius*. — Сравните слѣдующія двѣ статьи: *Lex Ripuaria*, LI, 1: „Si quis iudicem fiscalem ad res alienas iniuste tollendas..." *Lex Salica*, LI: „Si quis grafionem iniuste

королевскій чиновникъ, такъ какъ по аналогіи со всѣми непосредственными служилыми людьми короля убійство его наказывается тройнымъ штрафомъ [1]. Такъ какъ графъ разбираетъ дѣла, то онъ же и взимаетъ судебные штрафы [2]. Итакъ, въ Рипуарской Правдѣ такъ же, какъ въ Правдѣ Салической, право верховнаго суда принадлежитъ королю, а низшаго—его чиновникамъ. Поэтому король, обращаясь къ своимъ судьямъ, говоритъ имъ: «Превыше всего желаемъ мы, чтобы никто, ни оптиматъ, ни палатный мэръ, ни графъ, никакой сановникъ, какого бы онъ ни былъ достоинства, засѣдая въ судѣ, не принималъ подарковъ за то, чтобы постановить несправедливый приговоръ» [3]. Вотъ лица, которыя судятъ, а король приказываетъ имъ, какъ верховный глава суда.

ad res alienas tollendas". Очевидно, что *iudex fiscalis* и *grafio*—одно и то же лицо.—LIII: „Si quis iudicem fiscalem, quem comitem vocant".

[1] *Lex Ripuaria*, LIII: „Si quis iudicem fiscalem quem comitem vocant interfecerit, 600 solidis multetur". — Онъ могъ даже быть вольноотпущенникомъ короля, и тогда пеня за его убійство была тройной сравнительно съ пенею за убійство вольноотпущенника. *Ibidem*, 2: „Si regius puer vel ex tabulario ad eum gradum ascenderit, 300 solidis multetur".

[2] *Lex Ripuaria*, LXXXIX: „Nullus iudex fiscalis freta exigat priusquam facinus componatur... Fretum illi iudici tribuat qui solitionem recipit".

[3] *Lex Ripuaria*, LXXXVIII: „Hoc super omnia iubemus, ut nullus optimatus, maior domus, domesticus, comes, gravio, vel quibuslibet gradibus sublimatus, in iudicio residens munera ad iudicium pervertendum non recipiat". — Ср. съ этимъ слова, вложенныя агіографомъ въ проповѣдь Элигія: „Iudices, qui praeestis, iustissime iudicate, nec munera super innocentem accipiatis, nec res alienas rapaciter tollatis" (*Vita Eligii*, II, 15).

Сводъ Бургундовъ, составленный въ эпоху сложенія франкской монархіи и дѣйствовавшій въ продолженіе всего меровингскаго періода, ни разу не упоминаетъ о народномъ судѣ. Нигдѣ не вскрывается въ этомъ сводѣ народъ, творящій судъ. Вездѣ обнаруживается одинъ только судья [1], и въ предисловіи перечисляются всѣ, кто отправляетъ правосудіе: это — оптиматы, domestici, палатные мэры, графы, канцлеры и другіе судьи, уполномоченные королемъ [2]. Этимъ-то лицамъ и запрещаетъ король принимать подарки, и ихъ онъ наказываетъ за несправедливыя рѣшенія [3]. Въ другомъ мѣстѣ еще король обращается къ «уполномоченнымъ имъ судьямъ» [4]. «Уполномоченный нами судья, говоритъ также государь, долженъ знать всѣ дѣла, разбирать ихъ и такъ рѣшать споры, чтобы у тяжущихся сторонъ не оставалось больше повода и предмета для несогласія» [5]. Главными судьями и

[1] *Lex Burgundionum*, VIII, 3: „Si iudex iusserit"; XXXIX, 1: „Discutiendum iudici praesentet"; XLVI: „A iudice compellatur solvere"; LXXI, 2: „Si quis locum iudicis tenens"; LXXXI, 1: „Interpellato iudice"; LXXXI, 2: „Iudicem loci".

[2] *Lex Burgundionum*, praefatio: „Omnes administrantes iudicia secundum leges nostras iudicare debebunt... ita ut sola sufficiat integritas iudicantis... Sciant itaque optimates, comites, consiliarii, domestici, et maiores domus nostrae, cancellarii, et tam Burgundiones quam Romani civitatum aut pagorum comites, vel iudices deputati omnes nihil se de causis quae iudicatae fuerint aliquid accepturos aut a litigantibus praemii nomine quaesituros; nec partes ad compositionem a iudice compellantur".

[3] *Ibidem*, и cap. XC, ed. Pertz, p. 526—570; ed. Binding, p. 128.

[4] *Ibidem*, XC: „Si quis iudicum deputatorum a nobis iudicium contempserit... Si iudices a nobis deputati iniuste iudicaverint".

[5] *Ibidem*, LXXXI, ed. Binding, p. 125: „Ut interpellato iudice causam quamlibet ulterius differre non liceat, nisi ut omnia cognoscat et dato iudicio universa ita iudicet, ut nihil inter partes dubium reservetur".

здѣсь являются, стало быть, областные графы: «Мы повелѣваемъ всѣмъ графамъ судить согласно настоящему закону процессы, касающіеся земельной собственности» [1]. Дальше читаемъ: «Всѣ графы, Бургунды-ли они или Римляне, должны соблюдать справедливость въ своихъ рѣшеніяхъ; пусть они будутъ строги къ преступникамъ и рѣшаютъ дѣла согласно законамъ, иначе мы приговоримъ ихъ къ штрафу» [2]. Графы не только судили, но и отвѣчали за свои рѣшенія и именно только передъ королемъ. Въ результатѣ, слѣдовательно, и по бургундской Правдѣ, какъ по двумъ франкскимъ, судебная власть находилась въ рукахъ короля, который делегировалъ ее своимъ чиновникамъ.

Послѣ варварскихъ сводовъ разсмотримъ указы франкскихъ королей. Въ нихъ не содержится ни одного слова о народныхъ судахъ, но заключаются статьи, ясно указывающія на то, что правосудіе совершалось королевскими должностными лицами. Король Гунтрамнъ пишетъ: «Пусть графы стараются постановлять справедливые приговоры, такъ какъ, если они будутъ дурно разбирать дѣла, то подвергнутся наказанію по рѣшенію нашего суда» [3]. Онъ прибa-

[1] *Lex Burgundionum*, LXXIX, 4: „Omnes comites, quotiens de praefatis causis contentio fuerit generata, secundum ordinem legi istius iudicare curabunt".—XLIX: „Ut locorum comites atque praepositi iudicanda cognoscant".

[2] *Lex Burgundionum*, CVII, 10; Pertz, p. 576; Binding, p. 133 „Ut omnes comites, tam burgundiones quam romani in omnibus iudiciis iustitiam teneant".

[3] *Edictum Guntchramni* (ed. Boretius, p. 12): „Cuncti iudices

вляетъ, что графы должны будутъ выбирать помощниками и другими чиновниками лицъ, которыя не продаютъ своего правосудія и не заставляютъ платить себѣ за обезпеченіе преступникамъ безнаказанности» [1]. Мы видѣли уже выше, каковы были эти замѣстители, помощники или сотники графа; а приведенныя слова короля Гунтрамна, показываетъ намъ, что они отправляли правосудіе. Отправляли они его съ такими широкими полномочіями, что могли даже «продавать безнаказанность преступникамъ и обирать невинныхъ». Король Хильдебертъ II, когда издавалъ, напримѣръ, указъ противъ грабежа, не говорилъ, что виновнаго будетъ судить народъ, а приказывалъ графу предавать смерти похитителя [2]. Разъ дѣло идетъ о покражѣ, то король повелѣваетъ, чтобы «графъ» лишь только узнаетъ о ней, онъ или его уполномоченный отправлялся на мѣсто жительства вора и задерживалъ его; если воръ—человѣкъ низкаго происхожденія, то онъ

iusta studeant dare iudicia, nam non dubium est, quod illos condemnabit sententia nostri iudicii a quibus non tenetur aequitas iudicandi".—Нельзя сомнѣваться въ значеніи слова *iudices* въ этомъ отрывкѣ: это--графы, потому что указъ обращенъ къ „omnibus iudicibus in regione nostra constitutis"; дальше сказано, что у каждаго изъ нихъ есть „regio sibi commissa", ввѣренный ему округъ, и, наконецъ, отмѣчено объ этихъ же самыхъ iudices что они выбираютъ своихъ *vicarii*. Сомнѣнія, значитъ, не можетъ быть никакого.

[1] *Ibidem*: „Non vicarios aut quoscumque de latere suo per regionem sibi commissam instituere praesumant, qui malis operibus consentiendo venalitatem exerceant aut iniqua spolia inferre praesumant".

[2] *Childeberti decretio*, ed. Boretius, p. 16: „Quicumque praesumpserit raptum facere... in cuiuslibet iudicis pago admissum fuerit, ille iudex raptorem occidat".

тутъ же, на мѣстѣ, долженъ быть осужденъ и повѣшенъ, если же это франкъ, то судить его будетъ король» [1]. Отмѣтимъ хорошо послѣднюю подробность: даже человѣка, названнаго «франкомъ», не судятъ равные ему; судьей его является король [2]. Согласно указу Хлотара II отвѣтственность за судебные приговоры падаетъ на графа потому, конечно, что онъ произносилъ ихъ [3].

Писатели того времени подтверждаютъ то, что выводится изъ юридическихъ памятниковъ; они безпрестанно разсказываютъ о графахъ, отправляющихъ правосудіе. Волею короля Гунтрамна Гундобальдъ былъ назначенъ графомъ въ городѣ Мо: «Едва вступивъ въ городъ, онъ принимается за разборъ тяжебъ, потомъ объѣзжаетъ окружающія деревни, исполняя ту же обязанность» [4]. Въ другомъ мѣстѣ Ратарій

[1] *Ibidem*: „Ut iudex, criminosum latronem ut audierit, ad casam suam ambulet et ipsum ligare faciat, ita ut, si francus fuerit, ad nostram praesentiam dirigatur, et si debilior persona fuerit in loco pendatur".

[2] Этотъ *Francus*, выставлявшійся какъ противоположность тому, кто называется *debilior persona*, являлся, по нашему мнѣнію, человѣкомъ высокаго званія вообще; онъ не долженъ былъ принадлежать непремѣнно къ франкской расѣ. Если же предпочли бы переводить это слово въ послѣднемъ смыслѣ, еще очевиднѣе было бы, что Франки не были судимы на окружныхъ собраніяхъ.

[3] *Chlotarii praeceptio*, ст. 7, Boretius, стр. 19: „Si iudex aliquem contra legem iniuste damnaverit, in nostri absentia ab episcopis castigetur". — *In nostri absentia* — то-есть, за невозможностью быть наказаннымъ нами.

[4] *Greg. Tur.* VIII, 18: „Gundobaldus comitatum Meldensem accipiens, ingressus urbem, causarum actionem agere coepit; exinde cum pagum urbis in hoc officio circumiret".

«въ качествѣ герцога посланъ королемъ разбирать дѣла» [1]. Одинъ купецъ, явившійся жертвой воровства въ Провансѣ, составлявшемъ часть австразійскаго королевства, жаловался на это королевскому намѣстнику, который произнесъ приговоръ и присудилъ къ громадному штрафу того, кого онъ нашелъ виновнымъ въ этомъ преступленіи [2]. Въ Ангулемѣ правосудіе отправлялъ графъ короля Гунтрамна; къ нему былъ приведенъ человѣкъ, обвиненный въ воровствѣ и преступленіяхъ, и графъ произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ [3]. Григорій описываетъ управленіе графа Лейдаста въ Турѣ: «Когда, окруженный первыми лицами города и церкви, онъ засѣдалъ въ своемъ судилищѣ, приходилось видѣть, что, какъ бѣшеный, онъ обращался съ бранью къ тяжущимся». Онъ же постановлялъ рѣшенія: приговаривалъ къ кандаламъ священниковъ, воиновъ къ розгамъ [4].

Вотъ еще разсказъ о дѣлѣ, разбиравшемся около 580 года въ королевствѣ Гунтрамна. Одинъ бѣдный человѣкъ былъ обокраденъ нѣкимъ Бургундомъ. Онъ отправился съ жалобой къ епископу, который перенесъ дѣло къ областному графу. Послѣдній вызвалъ Бургунда къ себѣ на судъ, допрашивалъ его, и виновный кончилъ тѣмъ, что сознался. Графъ готовъ былъ приговорить его къ смерти, но вступился епи-

[1] *Gregor.* VIII, 12: „Ad discutiendas causas Ratharius illuc quasi dux dirigatur“.

[2] *Greg. Tur.* IV, 44.

[3] *Idem*, VI, 8.

[4] *Idem*, V, 48: „Si in iudicio cum senioribus vel laicis vel clericis resedisset et vidisset hominem iustitiam prosequentem, agebatur in furias, ructabat convicia in civibus; presbyteros manicis iubebat extrahi, milites fustibus verberari“.

скопъ и добился отъ графа помилованія его жизни [1]. Дальше къ сѣверу, въ области Вермандуа, одинъ священникъ, у котораго украли лошадь, обратился съ жалобою къ графу; послѣдній тотчасъ же велѣлъ схватить виновнаго, заковать его въ цѣпи, судилъ его и приговорилъ къ повѣшенію [2]. Въ одномъ округѣ Амьенской области виновнаго приводятъ къ графу, который приговариваетъ его къ казни; но святой Валарихъ проситъ о его помилованіи «и графъ, побѣжденный просьбами, отпускаетъ осужденнаго на свободу» [3]. Даже въ Турнэ, гдѣ засѣдалъ франкскій графъ, по имени Доттонъ, онъ «судилъ и рѣшалъ процессы по обязанностямъ своей службы»; его тѣлохранители, которыхъ гагіографы называютъ ликторами, приводятъ разъ на его судъ человѣка, обви-

[1] *Greg.* Vitae Patrum, VIII, 9: „Quidam pauper... Quod videns quidam Burgundio in pauperum inruit et abstulit ei sex aureos... Erat ibi tunc Phronimius episcopus, ad quem accedens pauper ille rem detulit. Episcopus autem narravit haec comiti; iudex vero vocatum Burgundionem percunctari coepit ab eo quid exinde diceret... Tunc episcopus, obtenta cum iudice culpa... Et si uterque a iudicis conspectu discessit“. — Другіе примѣры у Григорія (*Miracula Martini*, IV, 16): „Homo quidam iudici culpabilis exstitit, quem in vincula compactum custodiri praecepit“. — *Ibidem*, IV, 39: „Quum culpabilis quosdam iudicis sententia carcerali ergastulo conclusisset“.—*De gloria confess.* 101 (99): „Comes, fure invento, patibulo condemnari praecepit“.

[2] *Greg.* De gloria martyrum, I, 73: „Inventus fur a presbytero iudici manifestatur; nec mora, apprehensus et in vincula compactus.. patibulo diiudicatur. Sed presbyter iudicem deprecatur... Severitas iudicis cum nullis precibus potuisset flecti, reum patibulo condemnavit“.

[3] *Vita Walarici*, c. 11 (Mabillon, Acta SS. II, 81): „Iudex cum patibulo suspendi iubet... Cum precibus victus fuisset et tyrannus (comes) iussit reum solvi“.

нявшагося въ различныхъ преступленіяхъ; графъ рѣшаетъ, что онъ будетъ повѣшенъ и его ведутъ на висѣлицу [1].

Всего охотнѣе разсказываютъ гагіографы о томъ, какъ святой, о жизни котораго они повѣствуютъ, вмѣшивается въ судъ для того, чтобы добиться помилованія виновнаго. Во всѣхъ такихъ разсказахъ, въ числѣ которыхъ многіе отличаются большою живостью, и которые прямо взяты, повидимому, изъ дѣйствительности, святой никогда не обращается съ своими ходатайствами къ народному суду, а всегда къ графу, и только графъ даетъ по своей волѣ помилованіе или отказываетъ въ немъ [2]. Осуждаетъ ли графъ, или прощаетъ, во всѣхъ дѣлахъ видно его всемогущество на судѣ.

[1] *Vita Amandi*, c. 13 (Mabillon, Acta 88. II, 714; Bollandistes, fevrier I, 861): „Comes quidam ex genere Francorum cognomine Dotto, in urbe Tornaco, ut erat illi iniunctum, ad diremendas resederat actiones... A lictoribus ante eum praesentatus est quidam reus... Cum Dotto decrevisset et eum patibulo deberent affligere... afflixus patibulo est".

[2] *Gregor*. Miracula Martini, III, 53: „Abbas currit ad comitem, obtentaque cum eo (*cum* имѣетъ здѣсь значеніе *ab*) rei vita". — *Ibidem*, I, 11: „Obtentis a iudice culpis, incolumes dimissi sunt". — *Ibidem*, IV, 35: „Nobis cum iudice colloquentibus, obscessit". — IV, 41: „Absoluti per iudicem laxati sunt". — IV, 39: „A iudice relaxati". — *De gloria confessorum*, 101 (99): „Vita cum iudice obtenta, liber abscessit". — *Vitae Patrum*, VIII, 7: „A iudice damnatione concesa, laxatus abscessit". *Ibidem*, VIII, 9: „Tunc episcopus cum iudice obtenta culpa". — *Fortunatus*, Vita Albini, 16: „Ad iudicem precator accedit". — *Vita Walarici*, 8. — *Vita Amandi*, 13: „Amandus postulare coepit comitem, ut reo vitam concedere dignaretur; sed ut erat saevus (comes), nihil apud eum obtinere potuit". — См. еще у Григорія, Hist. VI, 8, гдѣ королевскій чиновникъ отказываетъ аббату Епархію въ помилованіи виновнаго.

Пересмотримъ теперь матеріалъ, содержащійся въ оффиціальныхъ актахъ и формулахъ. Для ознакомленія съ устройствомъ высшаго суда у насъ есть нѣсколько протоколовъ о постановленныхъ королемъ приговорахъ; мы ясно видимъ изъ нихъ, что въ принципѣ рѣшалъ одинъ король, а на практикѣ судебная работа производилась нѣсколькими выбранными королемъ людьми. О народѣ, который участвовалъ бы въ дѣлѣ, не упоминается ни однимъ словомъ [1].

Для сужденія о низшей юрисдикціи у насъ есть акты, представляющіе собою инструкціи короля его графамъ по судебнымъ вопросамъ. Тамъ, прежде всего въ формулѣ грамоты о назначеніи графа или герцога предписывается, чтобы «онъ строго наказывалъ преступленія злодѣевъ»; здѣсь обнаруживается уголовная юрисдикція. Дальше читаемъ, что «онъ долженъ будетъ заставлять людей жить по ихъ законамъ и обычаямъ»: тутъ вскрывается гражданская юстиція; еще ниже формула гласитъ, что «онъ долженъ будетъ поддерживать вдовъ и сиротъ»: это тоже было присущею судьѣ обязанностью [2]. Въ нѣсколькихъ формулахъ король пишетъ графу, что совершено было преступленіе, или что въ графствѣ его произошли распри, и что онъ обязанъ судить это преступленіе или разрѣшить несогласія. Король не говоритъ ему, что онъ долженъ собрать областное собраніе: онъ одинъ при-

[1] Мы приведемъ въ слѣдующей главѣ эти акты королевскаго суда.

[2] *Marculf*. I, 8: „Et eos recto tramite secundum legem et consuetudinem eorum regas, viduis et pupillis maximus defensor appareas, latronum et malefactorum scelera a te severissime reprimantur".

зывался рѣшать всѣ процессы, если вѣрить разсматриваемымъ королевскимъ приказамъ [1].

Другого рода грамоты, которыми короли жаловали личный иммунитетъ епископамъ или аббатамъ, гласятъ, что съ этого времени графъ не будетъ больше имѣть права вступать на земли привилегированнаго лица съ тѣмъ, чтобы отправлять тамъ правосудіе. Король и не думаетъ говорить, что собраніе сотни не будетъ созываться на этихъ земляхъ; онъ упоминаетъ только о графѣ и постановляетъ, что послѣдній не будетъ тамъ судить [2]. Достаточно ясно, что если бы данному лицу не было оказано подобной личной милости графъ судилъ бы на его земляхъ, какъ обыкновенно.

Вслѣдъ за тѣмъ надобно бросить взглядъ на формулы частныхъ актовъ. У насъ сохранились довѣренности, въ которыхъ одно лицо даетъ другому полное право представлять его на судѣ во всѣхъ могущихъ открыться у него тяжбахъ, «будетъ ли то въ графскомъ судѣ или во дворцѣ короля», какъ читается

[1] *Marculf.* I, 37; *Senonicae*, 18, 26.

[2] *Marculf.* I, 3. — Приказъ обращается къ графамъ: „Ut nullus iudex publicus ad causas audiendum... Statuimus, ut neque vos neque iuniores vestri nec nulla publica iudiciaria potestas in villas ecclesiae ad audiendas altercationes ingredere vel fideiussores tollere non praesumatis“.—I, 4: „Ut nullus iudex publicus ad causas audiendum... nec fideiussores tollendum nec homines de quaslibet causas distringendum...“—*Senonicae*, №№ 28, 35.—*Marculf.* I, 24.—*Diplomata*, Pardessus, №№ 281, 336, 367, 403, 417, 428, 436; Pertz, №№ 28, 31, 40, 54, 55, 58, 63, 69; *Tardif*, № 37. — Выраженіе *audire causas* не значило только—„выслушивать дѣло“; на языкѣ того времени оно означало—„судить тяжбу“. Точно также *audientia* значило—„судъ“. Тѣ же самыя грамоты, которыя запрещаютъ графу судить, запрещаютъ ему и взимать *freda*. См. *Marculf.* ibidem.

въ одной формулѣ; «будетъ ли то передъ графами или повелителями нашими королями», какъ говорится въ другой [1]. Это двѣ ступени суда, и для народнаго трибунала нѣтъ мѣста между ними. Существуетъ, наконецъ, сорокъ слишкомъ формулъ судебныхъ приговоровъ. Ихъ примѣняли въ безконечномъ числѣ случаевъ, относившихся къ преступленіямъ и ко всякаго рода тяжбамъ. Всѣ они начинаются съ обозначенія того, къ какому судьѣ являлись тяжущіеся. Въ пяти изъ нихъ судьею оказывается аббатъ [2]; мы разслѣдуемъ этотъ вопросъ нѣсколько далѣе. Есть одна формула, составленная для того, чтобы служить одновременно образцомъ графскому суду и суду епископа. Въ трехъ формулахъ судья именуется просто неопре-

[1] *Formulae Andegavenses*, 1b: „Omnes causationes nostras tam in pago quam et in palatio“.—*Arvernenses*, 2: „Omnes causas meas... tam in praesentia dominorum sive ante comitibus“. — См *Senonicae*, 13.—*Marculf.* I, 21: „Tam in pago quam in palatio nostro“.—Мы видѣли выше, что на языкѣ эпохи, и особенно на оффиціальномъ языкѣ, *pagus* былъ синонимомъ *civitas* въ древнемъ смыслѣ и обозначалъ именно весь административный округъ графа. Отсюда происходитъ, что люди, находящіеся въ распоряженіи графа, называются его *pagenses*: *Fredegar*. 87: „Comes cum pagensibus suis“.—*Marculf.* I, 28: „Pagensis vester“. I, 37: „Homo ille pagensis vester“.—*Turonenses*, 33: „Homo pagensis vester“.

[2] *Formulae Andaganensis*, 18, ed. Zeumer, Rozière № 482: „Veniens homo ante venerabilem illum abbatem vel reliquis viris venerabilibus atque magnificis, interpellabat...“—*Ibidem*, №№ 29, 30 и 47.—*Turonenses*, 39: „Ante venerabilem virum illum“.—Эпитетъ *venerabilis* указываетъ всегда на духовное лицо такъ же, какъ *illustris* или *magnificus* на свѣтскую должность.

[3] *Formulae Lindenbrogianae*, 19, Rozière 467: „Postquam venit isdem homicida coram ipso pontifice vel coram illo comite“.

дѣленнымъ званіемъ *praepositus* или *agens* [1]. Въ двадцати семи другихъ формулахъ судья очевиднымъ образомъ представляется королевскимъ должностнымъ лицомъ. Чаще всего это графъ; нельзя сказать, чтобы онъ дѣйствовалъ одинъ въ трибуналѣ, но именно только онъ указанъ, какъ судья [2]. Иногда судитъ и *vicarius*, но мы знаемъ, что онъ являлся только замѣстителемъ и уполномоченнымъ графа [3]. Ни одна изъ сорока указанныхъ формулъ не свидѣтельствуетъ, чтобы тяжущіеся представали передъ народомъ или

[1] *Formulae Andegavenses*, №№ 11, 24, 28.

[2] *Andegavenses*, 12: „Per iudicium inlustris illius comitis"; 50: „Ante viro inluster illo comite". *Turonenses*, 29: „Ante inlustri viro illo" (опредѣленіе достаточно ясно указываетъ на то, что это былъ графъ или герцогъ); 30: „Iudex"; 31: „Sub praesentia iudicis"; 38: „Ante illum iudicem"; 41: „Ante illum iudicem". — *Senonicae*, 10: „Ante illo comite"; 17: „Ante comite illo"; 20: „Ante illo comite"; 38: „Cum inluster vir ille comes ad multorum causas audiendum vel recto iudicio terminandum... resedisset."—*Senonenses*, 1, 2, 3, 4, 5, 6.—*Bignonianae*, 9: „Cum resedisset illuster vir ille comes in mallo"; 27: „Ante illum comitem".—*Merkelianae*, 28, 38: „Cum resedisset ille comes in mallo"; 39: „Ante illum comitem".—Въ *Merkelianae*, 27, судьею является—„missus domni regis", и это меровингская формула, потому что въ ней названы рахинбурги.— Есть двѣ формулы, въ которыхъ неясно сказано „ante illum" безъ обозначенія титула должностного лица.

[3] *Formulae Merkelianae*, 29 и 30; *Bignonianae*, 13: „Ante vicarium".—Въ сборникѣ Меркеля № 51 находится посланіе графа къ своему намѣстнику: „Ut iustitias inquiras et facias sicut ego ipse". Время составленія этихъ двухъ сборниковъ формулъ и данныхъ четырехъ формулъ въ особенности не можетъ быть точно установлено. Предполагать же, какъ это дѣлали, что онѣ относятся къ каролингской эпохѣ, — мало вѣроятная гипотеза. Формула Merkeliana № 30 содержитъ въ себѣ слово *rachinburgi*, а это слово меровингскаго періода.

передъ людьми округа. Эти слова никогда не встрѣчаются. Такъ Рипуарская Правда называетъ судъ графа, судъ сотника, бывшаго подчиненнымъ графа [1], но ни разу не называетъ судъ народа [2].

Въ итогѣ возьмемъ ли мы варварскіе своды, возьмемъ ли разсказы писателей, или хартіи и формулы,— органами правосудія оказываются всегда королевскія должностныя лица. Присмотритесь къ употребленію слова *iudex*; оно болѣе двухъ сотъ разъ повторено въ документахъ того времени, и никогда не встрѣтите вы его ни въ примѣненіи къ человѣку, судящему по спеціальной профессіи, какъ наши теперешніе судьи, ни въ примѣненіи къ людямъ, временно облеченнымъ правомъ судить. А таковымъ должно бы обнаружиться «народное жюри». *Iudex*—всегда королевское должностное лицо [3]. Скоро мы увидимъ, что много дру-

[1] *Lex Ripuaria*, № 1: „Si quis testis ad mallum ante centenario vel comite, seu ante duce, patricio vel rege..."

[2] Объ иномъ, чѣмъ наше, отношеніи къ данному вопросу см. *Glasson*, Hist. du droit t. II, p. 323: „Судебныя собранія происходили въ сотнѣ, и свободные люди принимали въ нихъ участіе въ силу своего права". Я изслѣдовалъ всѣ документы той эпохи; ни въ одномъ не указаны ни „собранія сотни", ни „свободные люди, которые судили въ силу своего права". Глассонъ не называетъ ни одного документа въ поддержку своего утвержденія.

[3] Точно также и выраженіе *iudiciaria potestas* обозначаетъ одновременно административную и судебную власть, ввѣренную чиновникамъ короля. Григорій Турскій одиннадцать разъ употребляетъ слово iudex въ смыслѣ „графъ" и одинъ разъ только употребляетъ онъ iudicibus въ смыслѣ, который мы не можемъ опредѣлить: это въ концѣ 47 главы книги VII; послѣ того, какъ для обозначенія турскаго графа онъ сказалъ „a iudice", онъ говоритъ въ той же фразѣ: „inventum a iudicibus". Подразумѣваетъ ли

гихъ людей принимало участіе въ отправленіи судебнаго дѣла, но они никогда не называются именемъ iudices. Привычки же языка указываютъ на жизненные обычаи. Настоящаго судью народъ видѣлъ только въ королевскомъ чиновникѣ.

Народъ, разумѣется, присутствовалъ на судахъ. Присутствіе его отмѣчено въ нѣсколькихъ разсказахъ, но видѣть въ этомъ судебное собраніе было бы странною ошибкою. Уже въ римской имперіи народъ появлялся на судахъ [1], но не вздумаетъ же кто-нибудь вывести изъ такого факта заключеніе, что этотъ народъ отправлялъ правосудіе. Писатели меровингскаго времени точно также говорятъ нѣсколько разъ, что приговоръ постановлялся *coram omnibus* или *coram populo*,—но ни разу не утверждаютъ они, что онъ постановлялся *ab omnibus, a populo* [2]. Мы никогда не видимъ, чтобы графъ совѣщался съ народомъ прежде, чѣмъ произнести рѣшеніе, или считалъ бы его голоса. Въ трехъ разсказахъ народъ ропотомъ или криками даже даетъ

онъ подъ этими словами двухъ или трехъ подчиненныхъ чиновниковъ, которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ около себя графъ, или окружавшихъ его засѣдателей? Тутъ можно колебаться; я склонялся бы къ второму объясненію, но не могу удержаться отъ замѣчанія, что засѣдатели, рахинбурги, boni viri никогда не назывались iudices; здѣсь это было бы единственнымъ исключеніемъ, и вотъ почему я остаюсь въ сомнѣніи.

[1] *Cod. Theod.* I, 12, 1: „Omnes civiles causas, negotia etiam criminalia publica audire debebis".

[2] *Gregor.* Vitae Patrum, VIII, 9: „Coram omnibus". — *Vita Walarici*, 8 (11): „Adstantibus cunctis"".—*Vita Amandi*, 13: „Congregata non minima multitudine... Populi caterva".— Григорій называетъ этотъ народъ *populus* (IV, 44): „Nec cives nec vox totius populi". Въ другомъ мѣстѣ, VI, 8, онъ называетъ его *vulgus*.

понять или свое желаніе спасти обвиненнаго или желаніе видѣть его осужденнымъ [1]. Подобнаго рода вещи происходятъ во всѣхъ странахъ; но даже въ томъ случаѣ, когда толпа такимъ образомъ принимаетъ участіе въ судоговореніи и хочетъ оказать давленіе на судей, очевидно, что судитъ не она. Крики ея, чтобы добиться прощенія или осужденія, служатъ доказательствомъ того, что сама она не могла ни прощать, ни осуждать по закону. Она не держала въ рукахъ ни малѣйшей доли судебной власти.

Нѣсколько современныхъ ученыхъ предположили, что всѣ свободные люди должны были являться на судебныя разбирательства; но въ документахъ меровингской эпохи нѣтъ объ этомъ ни одного слова [2].

Итакъ, мы изслѣдовали всѣ памятники и ни въ одномъ изъ нихъ не нашли упоминанія о народномъ судѣ, указанія на населеніе сотни или округа, которое собиралось бы для отправленія юстиціи. Всѣ тексты показываютъ, наоборотъ, что правосудіе совершалось или королемъ, или графомъ, или однимъ изъ подчиненныхъ графа. Дѣятельная роль рахинбурговъ, которая будетъ описана нами дальше, не мѣшаетъ тому, чтобы признать право суда находящимся въ ру-

[1] Напримѣръ, у Григорія, IV, 44, и VI, 8: „Insultante vulgo atque vociferante, quod si hic (виновный) dimitteretur, neque regioni neque iudici possit esse consultum".

[2] Мнѣніе это защищаютъ: *Waitz*; см. 3-е изданіе, 2-я часть, стр. 139—141; *Sohm*, Reichs- und Gerichtsverfassung и *Ed. Beaudouin* въ „Nouvelle Revue historique de droit", 1887, стр. 563.— Послѣдній могъ назвать, впрочемъ, только каролингскіе документы и не обратилъ даже вниманія на то, что *mallus* или *placitum comitis* приводимаго имъ каролингскаго капитулярія— вовсе не судебное собраніе.

кахъ графа. Верховная же судебная власть принадлежала королю, и графы были лишь орудіями такой его компетенціи.

Нами установлено было въ предшествующемъ томѣ, что Римляне смотрѣли на право судить, какъ на существенный аттрибутъ государственной власти. Хотя древняя Германія очень плохо извѣстна намъ, я склоненъ думать, что тотъ же принципъ существовалъ и у Германцевъ [1]. Мы находимъ его живымъ и во франкскомъ государствѣ. И тутъ судебная власть нераздѣльна съ государственною; глава государства является въ то же время верховнымъ судьею; у него одного въ рукахъ право судить, распространявшееся затѣмъ на тысячи лицъ посредствомъ ряда передачъ: на оптиматовъ, герцоговъ, графовъ, намѣстниковъ сотниковъ и даже на рахинбурговъ. Масса лицъ способствовала такимъ образомъ дѣлу суда, но первый его источникъ покоился въ королевской власти.

Мы не покинемъ однако разобранныхъ документовъ, не сдѣлавъ еще одного замѣчанія, на которое они наводятъ. Изъ нихъ никогда не видно, чтобы

[1] Мнѣ кажется, что это вытекаетъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Тацитъ говоритъ о судѣ. Въ 12 главѣ „Германіи" читаемъ, что рѣшенія постановляетъ сама *civitas*, то-есть, племенное вѣче, высшая общественная власть; только она можетъ наказывать смертью. Далѣе Тацитъ сообщаетъ, что на мѣстахъ судъ совершали *principes*, а эти principes выбирались общимъ собраніемъ: „Eliguntur in iisdem conciliis principes, qui iura per pagos reddunt". Они были, слѣдовательно, уполномоченными civitas. Каждый изъ нихъ объѣзжалъ свою волость и судилъ не иначе, какъ окруженный засѣдателями; но эти засѣдатели были только его совѣтомъ; настоящая власть была въ рукахъ самого princeps, посланнаго civitas, или государствомъ, какъ мы теперь бы сказали.

франкское населеніе получило судъ, отдѣльный отъ римскаго. Многочисленные примѣры показываютъ, наоборотъ, что и Римляне, и Франки одинаково могли являться передъ королевскимъ судомъ, и, что судимы они были въ тѣхъ же трибуналахъ. Судъ графа разбиралъ дѣла и Римлянъ, и людей германской расы безъ различія. Не существовало отдѣльныхъ судебныхъ учрежденій для каждой изъ двухъ расъ. Какъ существовала для нихъ одна государственная власть, точно такъ же и судъ былъ общій для всѣхъ.

2.

Королевскій судъ.

Мы будемъ послѣдовательно изучать различныя стороны судебнаго строя въ государствѣ Франковъ. Начнемъ съ королевскаго суда, потому что о немъ сохранились наиболѣе точныя свѣдѣнія. Для ознакомленія съ нимъ мы можемъ обращаться къ двумъ франкскимъ Правдамъ, нѣсколькимъ меровингскимъ капитуляріямъ, нѣсколькимъ формуламъ, нѣсколькимъ чрезвычайно яснымъ разсказамъ авторовъ и, главное, къ девятнадцати актамъ судебныхъ приговоровъ, постановленныхъ королями [1].

[1] Нѣсколько подобныхъ актовъ хранится въ „Archives nationales"; ихъ можно найти въ „Monuments historiques, Cartons des rois", изданныхъ *Tardif* подъ №№ 14, 15, 16, 17, 22, 28, 30, 32, 33, 35, 38, 42, 43, 44, 45, 48. Ср. *Diplomata*, изданіе Pardessus, №№ 331, 332, 334, 349, 394, 418, 424, 429, 431, 434, 440, 456, 473, 477, 478, 479, 497, 509, 535; изд. K. Pertz. №№ 34, 35, 37, 41, 49, 59, 60, 64, 66, 68, 70, 73, 76, 77, 78, 79, 83 и 94.

Салическая Правда объявляетъ, что вызванный можетъ отказаться предстать на mallus или отказаться привести въ исполненіе постановленный обыкновеннымъ судьею приговоръ, но взамѣнъ того онъ обязанъ явиться «въ присутствіе короля». Она опредѣляетъ также, что вносить обвиненіе можно прямо «передъ королемъ». То же самое сказано и въ Рипуарской Правдѣ [1]. Въ одномъ капитуляріи Хильдеберта II объявляется, что, если преступленіе совершено человѣкомъ высокаго званія, виновнаго надо представить къ королю для того, чтобы судить его [2].

Здѣсь отмѣчается одна знаменательная подробность: этотъ трибуналъ, обозначаемый въ законахъ выраженіемъ «передъ королемъ» (*ante regem*), называется въ формулахъ терминомъ—*in palatio* [3]. Это значитъ, что королевскій судъ отправлялся не на «Мартовскомъ полѣ» среди собравшагося народа и вообще не въ общественномъ мѣстѣ; король не долженъ былъ идти въ зданіе суда, базилику или на судебную площадь, онъ судилъ въ собственномъ своемъ мѣстопребываніи, in palatio. Обстоятельство это подтверждается нашими судебными протоколами; мы усматриваемъ въ нихъ что король произносилъ приговоръ, находясь въ своей виллѣ въ Компьенѣ или въ Кьерси, въ Валансьенѣ, въ Люзаршѣ, Понтіонѣ, Вернѣ, Клиши или Сенъ-Клу

[1] *Lex Salica*, XVIII, XLVI, LVI.—*Lex Ripuaria*, XXXVIII.

[2] *Decretio Childeberti*, c. 8: „Si francus fuerit, ad nostram praesentiam dirigatur“.

[3] „In palatio“. См. *Formulae Andegavenses*, 1; *Turonenses*, 45; *Marculf.* praefatio, I, 21, гдѣ король говоритъ: „In palatio nostro“. *Senonicae*, 13. Въ „*Arvernenses*, 2 сказано: „In praesentia dominorum“, передъ повелителями нашими королями.

всегда въ одномъ изъ собственныхъ помѣстій [1]. Такимъ образомъ король всегда находился у себя дома въ то время, какъ судилъ—настолько считалась судебная власть лично ему принадлежащею. Онъ судилъ вездѣ, гдѣ находился; когда онъ перемѣщался, вмѣстѣ съ нимъ перемѣщалась судебная власть. Гдѣ бы онъ ни былъ, «дворъ» его (*curia*), какъ сказано у одного писателя, былъ пребываніемъ суда [2].

Посмотрите, въ какихъ выраженіяхъ говорятъ короли о своей судебной власти: «Тотъ, кому ввѣрена Богомъ забота о правленіи, долженъ съ тщательнымъ вниманіемъ разбирать всякія тяжбы и притомъ такимъ образомъ, чтобы, выслушавъ обѣ стороны—искъ одной и защиту другой,—давать имъ хорошій и полезный приговоръ» [3]. И такъ, разбирать всѣ дѣла составляло обязанность того, кто царствовалъ; тѣмъ болѣе можно утверждать, что онъ имѣлъ право на это. Въ другомъ мѣстѣ одинъ король говоритъ: «Каждый разъ, какъ между подданными нашими произойдутъ споры, намъ, во имя Бога, надлежитъ совершать разбирательство,

[1] Примѣры: „Compendio in palatio nostro“ (*Tardif* № 22); „Noviento in palatio nostro“ (*ibid.* 30); „Luzarca in palatio nostro“ (*ibid.* 32); „Valentianis in palatio nostro“ (*ibid.* 33); „Crisciaco in palatio nostro“ (*ibid.* 43); „Mamacas in palatio nostro“ (*ibid.* 44) и т. д.

[2] *Vita Praeiecti*, c. 10, Mabillon, Acta SS. II, 643: „In aula regis“. *Ibidem*, c. 11: „Ad palatium properat... ut mos est apud regis aulam in loco ubi causae ventilantur“. — *Vita Eligii*, II, 57: „Causa in palatio perlata“.—II, 65: „Ducitur in palatium, ubi dum sententia mortis definiretur“.

[3] Таково начало формулы приговоровъ, какъ передаетъ ее Маркульфъ, I, 25: „Cui Dominus regendi curam committit, cunctorum iurgia diligenti examinatione rimari oportet ut iuxta propositiones vel responsiones... salubris donetur sententia. Ergo cum nos...“

сообразно со строгостью законовъ, дабы рѣшать распри такъ, чтобы они не могли возобновляться» [1]. Короли много разъ заявляютъ, «что они открываютъ въ своемъ дворцѣ трибуналъ, дабы разбирать всѣ поднимающіяся тяжбы и кончать ихъ справедливыми рѣшеніями» [2]. Замѣтимъ, что такъ опредѣленно выраженная здѣсь теорія неограниченной власти королей въ области суда не опровергается, не оспаривается и не ограничивается ни однимъ документомъ, ни однимъ актомъ меровингской эпохи.

Нѣкоторыя судебныя дѣла, о которыхъ разсказываютъ писатели, покажутъ намъ прежде всего одну изъ сторонъ этой королевской юстиціи. Григорій Турскій сообщаетъ, что въ самой Австразіи, въ Тривѣ, во время царствованія одного изъ первыхъ Меровинговъ, Теодеберта, у нѣкоего священника возникла тяжба съ какимъ-то Франкомъ; жалоба была подана королю, и король совершенно самостоятельно произнесъ приговоръ [3]. Составитель житія Элигія, бывшій вѣроятно современникомъ послѣдняго

[1] *Diplomata*, изд. Pardessus № 349, Pertz № 41: „Chlotarius rex Francorum vir inluster. Quotiescunque iurgia... pro quarumcunque rerum negotiis noscuntur advenire, oportet nobis in Dei nomine iuxta legum severitatem inquirere, ut deinceps nulla videatur quaestio renovari".

[2] „Archives nationales", *Tardif*, №№ 14, 15, 32 и 33: „Cum nos in Dei nomine in palatio nostro ad causas universorum audiendum vel recto iudicio terminandum resideremus".— *Marculf*. I, 25.

[3] *Gregor*. De gloria confessorum, 93 (91): „Apud urbem Trevericam, tempore Theodeberti regis, Arbogastes quidam presbyter cum franco quodam intendebat rege praesente. Cum videret rex prosecutionem presbyteri esse callidam, conversus ad eum: Quae prosequeris, inquit, sacramento confirma..."

и хорошо освѣдомленный въ общественныхъ порядкахъ, говоритъ объ одномъ аббатѣ, спорившемъ за обладаніе землей со свѣтскимъ лицомъ; «дѣло было передано въ королевскій дворецъ, и король произнесъ приговоръ» [1]. Въ житіи другого святого тяжба, касающаяся земельной собственности, разбиралась при дворѣ короля (*in aula*), и рѣшеніе постановилъ также одинъ король[2]. Слѣдовательно король судилъ гражданскія дѣла, частныя же лица обращались къ нему со своими тяжбами.

Онъ судилъ также и уголовныя дѣла. «Король Гунтрамнъ приказалъ казнить мечемъ двухъ сыновей Магнахарія и конфисковалъ ихъ имущества за то, что они произнесли оскорбительныя слова по отношенію къ королевѣ» [3]. Слѣдуетъ думать, что тутъ рѣчь идетъ о судебномъ процессѣ: преступленіе, понесшее здѣсь кару, было преступленіемъ въ оскорбленіи величества, о которомъ нѣсколько разъ говорится въ меровингскихъ памятникахъ, и наказаніе за него налагалось именно такое, какому подлежали за это преступленіе виновные и по законамъ римской Имперіи [4]. Судилъ этихъ двухъ Франковъ не франкскій народъ: они были судимы и приговорены къ смерти королемъ, и казнь ихъ не подала повода ни къ какимъ протестамъ

[1] *Vita Eligii ab Audoeno*, II, 57: „Causa in palatio regis perlata, accepit a principe iudicium".

[2] *Vita Praeiecti*, Mabillon, Acta SS. II, 643.

[3] *Gregor*. V, 17: „Guntramnus rex filios Magnacharii gladio interemit pro eo quod in Austrechildem reginam multa detestabilia proferrent, facultatesque eorum fisco suo redegit".

[4] *Idem*, V, 26: „Ob crimen laesae maiestatis iudicio mortis suspecto".—*Idem*, X, 19: „Novi me ob crimen maiestatis reum esse mortis".

со стороны другихъ Франковъ. Въ другой разъ Сунегизилъ и Галломагнъ, обвиненные въ заговорѣ противъ правительства, предстали также «передъ судомъ короля»; признавъ ихъ виновными, король не могъ приговорить ихъ къ смерти, такъ какъ они укрылись въ церкви, но объявилъ конфискацію ихъ имуществъ. Король судилъ здѣсь опять самъ и одинъ, а немного спустя онъ опять единолично помиловалъ обоихъ виновныхъ [1]. Король Гунтрамнъ повелѣлъ казнить нѣкоего Франка, по имени Хундо, за ту единственную вину, что тотъ охотился въ королевскомъ лѣсу. И это не было актомъ насилія или капризомъ деспота: дѣло было разсмотрѣно настоящимъ судомъ; доказывается это тѣмъ, что раньше чѣмъ произнести свой приговоръ, король предписалъ судебный поединокъ, бывшій одною изъ формъ законнаго судопроизводства [2]. Добавимъ, что это публично произнесенное осужденіе Франка, принадлежавшаго къ самому высшему классу общества, не вызвало никакого протеста. Три другихъ Франка, составившихъ заговоръ противъ Хильдеберта, Раухингъ, Урсіонъ и Бертефридъ, были преданы смерти по его приказу. Этотъ разъ даже не соблюдена была обычная форма судопроизводства, но такое обстоятельство не только не вызвало никакого противодѣйствія со стороны Франковъ, но сами же они

[1] *Idem*, IX, 38: „Educti foras (ecclesia), cum rege venerunt ad iudicium“.—Въ выраженіи „cum rege“, предлогъ *cum*, какъ это часто замѣчается, имѣетъ значеніе *coram*.

[2] *Gregor*. X, 10: „Cum uterque (Хундо и лѣсной стражникъ) in praesentia regis intenderent... rex campum diiudicat“.—Сражавшійся за Хундо былъ убитъ: „Quod videns Chundo ad basilicam S. Marcelli fugam iniit. Acclamante vero rege, ut comprehenderetur, vinctus ad stipitem, lapidibus est obrutus“.

привели въ исполненіе королевскій приговоръ [1]. Немного позже нѣкто Алетей, принадлежавшій къ германской расѣ и къ знатной фамиліи, былъ обвиненъ въ заговорѣ; король Хлотаръ II вызвалъ его къ себѣ на судъ и приказалъ казнить [2].

Человѣка нашего времени, когда онъ читаетъ приведенные разсказы лѣтописцевъ той эпохи, соблазняетъ прежде всего желаніе видѣть въ нихъ акты произвола, убійства, совершавшіяся королями. Но если вдуматься въ тонъ и подробности, какъ передаются подобные факты, болѣе вѣроятно предположить, что короли и даже ихъ подданные скорѣе видѣли въ этомъ акты правосудія, чѣмъ насилія. Эти судебные приговоры, быть можетъ, были невполнѣ правильны; но они во всякомъ случаѣ дозволялись королю, верховному и неотвѣтственному судьѣ. Такой выводъ подтверждается имѣющейся у насъ формулой охранной грамоты, выдававшейся королемъ лицамъ, приводившимъ въ исполненіе подобные приказы. Король письменно объявлялъ, что «посовѣтовавшись со своими вельможами, онъ отдалъ приказъ предать смерти такого-то человѣка, составившаго заговоръ или совершившаго противъ него какое-нибудь преступленіе». Король добавляетъ, что исполнителя этого приказа «не могъ тревожить или преслѣдовать судебнымъ

[1] *Gregor*. IX, 9 и 12. — *Fredegarii chronicon*, 8: „Rauchingus, Boso, Ursio et Bertefridus, optimates Childeberti regis... ipso rege ordinante interfecti sunt“.

[2] *Fredegarii chronicon*, 44.—Хроникеръ говоритъ, что Алетей былъ „regio genere de Burgundionibus“. См. дальше „Chlotarius Aletheum ad se venire praecepit; huius consilio iniquissimo reperto, gladio trucidari iussit“.—Такъ же поступилъ король Теодерихъ II съ патриціемъ Вольфомъ (*ibid*. 29).

порядкомъ» никто изъ членовъ семьи осужденнаго [1]. Такія грамоты, выдававшіяся съ тѣмъ, чтобы ихъ можно было показывать всѣмъ, предъявлявшіяся даже на судахъ, ясно указываютъ на то, что, произнося подобные приговоры, король считалъ, что поступаетъ по праву.

Приведемъ кромѣ разсмотрѣнныхъ еще другія рѣшенія, относящіяся къ преступленіямъ вполнѣ частнаго характера, гдѣ не выступали на сцену интересы короля. Король приказалъ казнить одного Сакса, по имени Хильдериха, обвиненнаго въ нѣсколькихъ убійствахъ [2]. Два сына графа Ваддона провинились въ нѣсколькихъ преступленіяхъ; они явились въ королевскій судъ, и «когда король познакомился съ дѣломъ, онъ приказалъ заковать ихъ въ цѣпи и предать пыткѣ; послѣ признанія ими вины, они были приговорены—одинъ къ смерти, другой къ тюремному заключенію, и имущества ихъ были взяты въ казну [3]».

[1] *Marculf.* I, 32, Rozière, № 42: „Qui regiam obtemperant iussionem, experire malum non debent. Dum ille... faciente revello, aut quaslibet alias causas contra regem admisit... Una cum consilio fidelium nostrorum... in vita ipsius ordinaveramus insequere... Ideo iubemus ut, dum per nostram ordinationem factum est, nullo unquam tempore heredes exinde quamlibet calumniam aut repetitionem habere non debeant".—Слова *calumnia* и *repetitio* указываютъ на то, что дѣло происходило въ судѣ. — Эта формула въ такомъ спеціальномъ ея видѣ относилась къ тому случаю, когда король предписывалъ конфискацію имуществъ; но слова „si non distulisset, in vita ipsius ordinaveramus insequere" ясно доказываютъ, что одинаковымъ образомъ король могъ предписывать и смертные приговоры, и что онъ выдавалъ въ послѣднихъ случаяхъ аналогичную охранную грамоту.

[2] *Gregor.* X, 22.

[3] *Idem*, X, 21: „Filii Waddonis diversa committebant scelera homicidia, furta... Quod cum Macco comes reprimere niteretur, ii praesentiam regis expetunt (то-есть просятъ, чтобы ихъ судили въ королевскомъ судѣ)... Affuerunt ii coram rege... Cum rex haec scelera ab iis cognovisset manifestissime perpetrata, vinciri eos catenis praecepit ac tormentis subdi... Post haec, seniore capite plexo, iuniorem exsilio damnaverunt".

Въ 626 году Годинъ, сынъ Варнахарія, оказался виновнымъ въ женитьбѣ на вдовѣ своего отца; Хлотаръ II судилъ его за это тяжкое преступленіе и приговорилъ Година къ смерти «за нарушеніе церковныхъ законовъ»: Годинъ бѣжалъ, и во всемъ королевствѣ не нашлось никого, кто бы принялъ его подъ защиту или протестовалъ противъ поразившаго его приговора; королевское рѣшеніе было приведено въ исполненіе двумя знатными лицами изъ Франковъ,—Храмнульфомъ и Вальдебертомъ [1].

Хроника Фредегарія повѣствуетъ, какъ франкскій король отправлялъ правосудіе во времена большихъ смутъ. «Прибытіе Дагоберта въ его бургундское королевство привело въ ужасъ епископовъ, вельможъ и другихъ служилыхъ людей, тогда какъ милостивый судъ его надъ бѣдными наполнилъ ихъ радостью. Онъ прибылъ въ Лангръ и вполнѣ справедливо разбиралъ дѣла всѣхъ, знатныхъ и простыхъ людей. Потомъ, вступивъ въ Дижонъ, онъ пробылъ тамъ нѣсколько дней и очень тщательно разбиралъ всѣ процессы жителей этой области; никто не уходилъ отъ его лица, не получивъ правосудія. То же самое сдѣлалъ онъ въ Шалонѣ, въ Отенѣ, въ Сансѣ и въ Парижѣ [2]». Хлотаръ II объ-

[1] *Fredegarii Chronicon*, c. 54. — Другіе подобные приговоры, *ibidem*, 21, 28, 58.

[2] *Fredegarii Chronicon*, c. 77: „Tanto timore pontifices et proceres seu et ceteros leudes adventus Dagoberti concusserat, ut a

ѣхалъ, какъ строгій судья, даже самую Австразію, и передъ его правосудіемъ падали головы преступниковъ [1].

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ судебныхъ дѣйствій король одинъ упоминается хроникерами въ качествѣ носителя юстиціи, и, можетъ быть, дѣйствительно онъ судилъ единолично. Мы не находимъ ни одного закона или правила, которое заставляло бы его окружать себя совѣтниками. Обратившись однако къ оффиціальнымъ актамъ, то-есть, къ дошедшимъ до насъ судебнымъ грамотамъ, мы видимъ, что король засѣдалъ не одинъ во время разбирательства дѣлъ. Обычнымъ предисловіемъ такихъ документовъ являются слѣдующія слова: «Мы, король, засѣдая во дворцѣ нашемъ и имѣя при себѣ отцовъ нашихъ по вѣрѣ, епископовъ, и многихъ оптиматовъ нашихъ, палатнаго мэра, такихъ-то и такихъ-то герцоговъ или патриціевъ, такихъ-то и такихъ-то референдаріевъ, доместиковъ, сенешаловъ и спальниковъ, палатнаго графа и другихъ вѣрныхъ и т. д. [2]» Нѣсколько грамотъ

cunctis esset admirandum... Pauperibus iustitiam habentibus gaudium irrogaverat... Tanta in universis leudibus tam sublimibus quam pauperibus iudicabat iustitia... ut omnes cum recepta iustitia de conspectu suo laeti remearent".

[1] *Ibidem*, 43: „Chlotarius, in Alsatia pacem sectatus, multos inique agentes gladio trucidavit".

[2] *Marculf.* I, 25, Rozière, № 44: „Cum nos in Dei nomine in palatio nostro una cum domnis et patribus nostris episcopis, vel (et) cum pluris optimatibus nostris, illo maiore domus, illis ducibus, illis patriciis, illis domesticis, illis seniscalcis, illis cubiculariis et illi comis (comite) palatii vel reliquis quampluris fidelibus nostris resideremus".—Нѣтъ надобности говорить, что мѣстоименіе *illo* или *illis* должно было замѣняться собственными именами въ подлинномъ актѣ. — То же самое повторено въ *Formulae Senonicae*, 26.

содержатъ имена лицъ, которыя присутствовали въ королевскомъ трибуналѣ; мы можемъ безошибочно усмотрѣть отсюда, изъ кого набирались такія лица, окружавшія короля. Приговоръ 692 года гласитъ, что король имѣлъ при себѣ четырехъ епископовъ, трехъ оптиматовъ, двухъ графовъ (comites, grafiones), двухъ сенешаловъ и дворцоваго графа [1]. Другой актъ упоминаетъ болѣе многочисленное собраніе: вокругъ короля находятся здѣсь двѣнадцать епископовъ, двѣнадцать оптиматовъ, восемь comites, отдѣльно восемь сановниковъ, именуемыхъ grafiones, четыре domestici, четыре референдарія, два сенешала, дворцовый графъ и еще нѣсколько вѣрныхъ [2]. Другой разъ король засѣдаетъ съ семью епископами, четырьмя оптиматами, тремя графами, тремя domestici, двумя сенешалами, мэромъ и графомъ дворца [3].

Опредѣленнаго числа членовъ въ королевскомъ судѣ, какъ кажется, не было установлено. Но даже тогда, когда онъ является особенно многолюднымъ, онъ нисколько не походитъ своимъ видомъ на народное собраніе; не обнаруживается здѣсь также на-

[1] *Archives nationales*, K, 3, 6; Tardif, № 32, Pardessus, № 429: „Chlodovius rex Francorum vir inluster. Cum nos... una cum apostolicis viris in Christo patribus nostris Sygofrido, Constantino, Gribone et Ursiniano episcopis, necnon et inlustribus viris Ragnoaldo Nordebertho, Ermenfrido optimatis, Madelulfo, Erconaldo gravionebus Benedicto et Chardoino seniscalcis, et Marsone comite palatii nostri ad universorum causas audiendum resideremus".

[2] *Archives nationales*, K, 3, 7; Tardif, № 33, Pardessus, № 431.

[3] *Archives nationales*, K, 3, 12; Tardif, № 38; Pardessus № 440.

родъ, который бы собрался вокругъ своего главы. Королевскій трибуналъ составлялся только изъ лицъ двухъ категорій,—епископовъ и сановниковъ дворца. Мы видѣли выше, что названіе «оптиматъ» прилагалось къ членамъ дворцовой іерархіи, то-есть, къ органамъ центральнаго управленія. Графы (*comites, grafiones, grafs*) назначались королемъ и имъ же отставлялись отъ должности; *domestici* являлись въ большинствѣ случаевъ управителями его помѣстій; референдаріи и сенешалы исполняли различнаго рода придворныя службы. Очевидно, что всѣ эти люди были связаны съ королемъ узами личной служилой зависимости. Отъ него одного получали они и титулы, и власть, которыми обладали [1].

Что касается епископовъ, имена которыхъ постоянно встрѣчаются среди членовъ суда, мы увидимъ скоро, что чаще всего и они назначались королемъ. Раньше, чѣмъ сдѣлаться епископами, многіе изъ нихъ принадлежали къ персоналу «дворца» (*palatium*), какъ казначеи, референдаріи и графы; они проходили королевскую службу раньше чѣмъ достигнуть епископскаго сана. Эти епископы занимали, значитъ, не послѣднее мѣсто въ ряду оптиматовъ и графовъ. Надобно хорошо замѣтить, что въ королевскомъ судѣ (и вообще въ дворцовой службѣ) находились не всѣ

[1] Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ грамотахъ читаемъ такую прибавку: „Vel reliquis quampluris fidelibus nostris". — Я думаю, что и здѣсь подразумѣваются должностныя лица низшихъ категорій, какъ *notarii, scribae, cubicularii.* Имена ихъ не вписывались въ судебный протоколъ, какъ имена оптиматовъ и графовъ, потому именно, что они принадлежали къ низшему классу.—Въ одномъ актѣ стоитъ: „Cum episcopis, optimatis, ceterisque palatii nostri ministris" (*Pardessus*, № 349, *Pertz*, № 41).

епископы королевства, а только тѣ, которыхъ спеціально призывалъ къ себѣ король. Они засѣдали въ королевскомъ судѣ не въ силу собственнаго права, а потому только, что король допустилъ ихъ въ его составъ. Они участвовали въ судѣ не въ качествѣ епископовъ, а въ качествѣ слугъ и совѣтниковъ короля. Они не представляли собою государственнаго сословія точно такъ же, какъ сидѣвшія рядомъ съ ними свѣтскія лица не представляли народа.

Грамота 751 года указываетъ еще среди членовъ, составлявшихъ судъ, свѣдущихъ въ законахъ людей— *legis doctores* [1]. Я сомнѣваюсь, чтобы слѣдовало полагаться на это выраженіе, которое встрѣчается, насколько мнѣ извѣстно, одинъ только разъ [2]. Возможно, однако, что рядомъ съ крупными сановниками дворца въ королевскомъ трибуналѣ оставлялось нѣсколько мѣстъ и для законовѣдовъ. Присутствіе такихъ знатоковъ часто могло оказываться совершенно необходимымъ. Одинъ гагіографъ передаетъ, что, прежде чѣмъ сдѣлаться аббатомъ, святой Эбрульфъ жилъ при дворѣ, на службѣ короля, и что «онъ засѣдалъ при разбирательствѣ дѣлъ среди чиновъ двора, будучи очень образованнымъ и краснорѣчивымъ» [3].

Всѣ упомянутые вельможи, епископы и «придворные» являлись въ королевскомъ судѣ лишь вспомо-

[1] „*Archives nationales*", Tardif, № 54, Pardessus № 608: „Sicut proceres nostri vel reliqui legis doctores iudicaverunt".

[2] Выраженія *legis doctor, legum magister* немного позже встрѣчаются опять у *Adrevald.* Mirac. S. Benedicti, I, 25.

[3] *Vita Ebrulfi*, у Mabillon, Acta SS. I, 355: „Ebrulfus, oratoris facundia praeditus, ad agendas causas inter aulicos residebat doctissimus".—Лицо это жило въ шестомъ вѣкѣ; біографія его, повидимому, почти современна ему.

гательными орудіями (ассессорами) его. Сами по себѣ они не обладали правомъ судить. Поэтому мы и не находимъ приговоровъ, постановленныхъ ими одними. Они не пріобрѣтали даже такого права по формальному уполномоченію короля, какъ, напримѣръ, члены французскаго парламента въ XIV-мъ вѣкѣ. Приговоры всегда лично постановлялись королемъ. Посмотрите на судебные протоколы: въ нихъ говоритъ король и отъ собственнаго своего имени. Вотъ какъ начинается одинъ изъ подобныхъ актовъ: «Въ то время, какъ мы, король Франковъ, засѣдали во дворцѣ нашемъ для того, чтобы выслушать всѣ дѣла и покончить ихъ справедливымъ приговоромъ, къ намъ явились такіе то тяжущіеся [1]». Кончается онъ такъ: «Поэтому мы постановили и повелѣваемъ, чтобы такой-то истецъ получилъ въ пользованіе спорную землю [2]». Итакъ, рѣшаетъ дѣло всегда король. Весь актъ составляетъ какъ бы его произведеніе; онъ какъ бы имъ написанъ, носитъ его печать и подпись одного изъ его чиновниковъ [3]. Епископы и вельможи не являются авторами приговора. Они присутствуютъ

[1] *Tardif*, № 33; *Pardessus*, № 431: „Chlodovius rex Francorum... Cum nos in Dei nomine Valentianis in palatio nostro... ad universorum causas audiendum vel recta iudicia terminanda, r esideremus, ibi veniens N. adversus N. repetebat“.

[2] *Ibidem*: „Proinde nos (рѣчь и здѣсь идетъ о королѣ) taliter... constitit decrevisse ut... Iubemus ut...“—*Tardif*, № 14: „Propterea nos... iubemus, ut ipsas villas Domni Dionisii actores habeant evindicatas et sit inter ipsis de hac re sopita causatio“. — *Tardif*, № 28: „Unde tales praeceptiones eis ex hoc facere iussimus“.—*Pardessus*, №№ 331, 349, 394, 418, 424, 429.

[3] *Tardif*, №№ 14, 22, 28, 30, 32, 33, 35.

только, какъ совѣтники короля, съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса.

Практика жизни, однако, не оставалась въ строгомъ соотвѣтствіи съ нормою права. Можно замѣтить, что большая часть дошедшихъ до насъ актовъ написана отъ имени малолѣтнихъ королей. Когда Хлотаръ III высокопарно объявляетъ, что засѣдалъ среди своихъ вельможъ для окончанія справедливыми приговорами дѣлъ всѣхъ тяжущихся, — онъ былъ шестилѣтнимъ ребенкомъ. Хлодовехъ III, отъ котораго мы имѣемъ четыре приговора, умеръ четырнадцати лѣтъ. Что бы ни утверждали оффиціально эти короли, можно думать, стало быть, что они не предсѣдательствовали въ своемъ судѣ. Даже когда король былъ совершеннолѣтнимъ, мы не увѣрены, что онъ всегда дѣйствовалъ въ судѣ самъ. Онъ могъ быть занятъ другимъ какимъ-нибудь болѣе важнымъ въ данную минуту дѣломъ или посвящать въ свое время какимъ-нибудь развлеченіямъ. Тогда мѣсто его въ трибуналѣ оставалось пустымъ. Судъ разбиралъ дѣло и рѣшалъ безъ него.

Это обстоятельство обнаруживается изъ нашихъ грамотъ. Король отъ своего имени довольно пространно передаетъ въ нихъ, что происходило на засѣданіяхъ, какіе ставились вопросы, давались отвѣты, какіе предъявлялись документы, а потомъ добавляетъ: «Вотъ какъ было разобрано дѣло по докладу, сдѣланному намъ нашимъ дворцовымъ графомъ [1]». Ясно

[1] „*Archives nationales*“, Tardif № 14, Pardessus № 331: „Dum inluster vir Chadoloaldus comis palatii nostri testimoniavit, quod taliter hac causa acta vel per ordinem inquisita seu definita fuisse dinoscitur“. — *Pardessus*, № 349: „In quantum illuster vir Andobai“

видно, что король не присутствовалъ на разборѣ дѣла. Иногда въ актѣ даже прямо сказано именно, что вельможи допрашивали стороны; есть даже три такихъ документа, которые свидѣтельствуютъ, что они произносили рѣшеніе [1].

Въ самомъ дѣлѣ, фактически они судили чаще, чѣмъ король. Но такъ какъ сами по себѣ они не имѣли права судить, то надо было, чтобы присутствіе короля всегда было отмѣчено въ актѣ. Почти всегда присутствіе это являлось не болѣе, какъ фикціею, но такая фикція была обязательною. Вотъ почему всѣ наши судебные акты начинаются со словъ: «Мы, король Франковъ, засѣдая во дворцѣ нашемъ». Вотъ почему также и во всѣхъ законахъ никогда не говорится — «*ante proceres regis*», но «*ante regem*». Король присутствовалъ въ судѣ теоретически. Актъ, въ которомъ было бы обозначено его отсутствіе, оказался бы противенъ всѣмъ законнымъ формамъ и, можетъ быть, не имѣющимъ силы [3].

dus comes palatii nostri testimoniavit".—*Tardif*, № 28, *Pardessus*, № 418: „Sicut inluster vir Ansoaldus comis palatii nostri testimoniavit".—*Tardif*, № 32, *Pardessus*, № 429: „Dum inluster vir Marso comis palatii nostri testimoniavit, quod haec causa taliter acta fuisset".

[1] *Pardessus*, № 349: „Interrogatum est a nostris proceribus".—*Tardif*, № 42; *Pardessus*, № 456: „A nobis vel a proceribus nostris interrogasse".

[2] „Archives nationales", *Tardif*, № 28, *Pardessus*, № 418: „A proceribus nostris iudicatum fuit ut..."—*Pardessus*, 456: „Inter ipsos fuit inventum".— См. *Marculf*. I, 38: „Dum inter se intenderent... sic a proceribus nostris fuit iudicatum".

[3] Кто же предсѣдательствовалъ на судѣ въ отсутствіе короля? Дѣлалъ ли это мэръ? Предполагали, что данная функція принадлежала дворцовому графу. Въ дѣйствительности же мы ничего не знаемъ объ этомъ. Въ актахъ это не сказано и не можетъ быть сказано, потому что предсѣдателемъ всегда считался король.

Что касается приговоровъ, то они постановлялись также королемъ, а не вельможами; приговоръ могъ исходить только отъ короля. Надо было, чтобы онъ говорилъ отъ собственнаго своего имени и начерталъ бы слово — *iubemus*, то-есть, далъ бы приказъ объ исполненіи. Судебный актъ, въ которомъ не доставало бы такого объявленія королевской воли, вѣроятно, не былъ бы принятъ никѣмъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на термины, употреблявшіеся въ актахъ. Мнѣніе, высказанное вельможами, обозначалось словами *iudicare* или *invenire*. Опредѣленное же и формальное рѣшеніе выражалось словами—*decernere* и *iubere*; послѣдніе термины употреблялъ одинъ король.

Всѣ сгруппированныя замѣчанія о подробностяхъ вопроса ведутъ къ слѣдующему несомнѣнному выводу: король былъ настоящимъ главою юстиціи. Онъ могъ судить одинъ, какъ много разъ говорятъ хроникеры, и онъ дѣйствительно пользовался такою прерогативою, особенно въ области уголовныхъ дѣлъ. Чаще же онъ окружалъ себя своими вельможами, то-есть, высшими должностными лицами, естественными своими совѣтниками, и еще нѣсколькими епископами. Но и при такомъ составѣ суда самостоятельная юрисдикція принадлежала ему одному. По праву онъ былъ настоящимъ и единственнымъ судьей, а вельможи только его «ассессорами». На практикѣ же присутствіе его часто бывало фиктивнымъ, и засѣдатели превращались тогда въ судей. И въ томъ, и въ дру-

гомъ случаѣ законный, дѣйствительный, окончательный приговоръ постановлялся королемъ [1].

Королевская юрисдикція распространялась такъ же на область гражданскихъ дѣлъ, какъ на область дѣлъ уголовныхъ. Мы можемъ доказать по формуламъ Маркульфа, что король разбиралъ всякаго рода дѣла, вопросы о наслѣдствѣ, похищенія рабовъ, неявку въ судъ, побои и пораненія [2]. Девятнадцать дошедшихъ до насъ судебныхъ протоколовъ относятся всѣ къ тяжбамъ объ имуществѣ; зависитъ это единственно отъ того, что сохраненіе этого рода актовъ представляло особенный интересъ. Мы знаемъ, впрочемъ, что тотъ же судъ судилъ уголовныхъ преступниковъ и приговаривалъ ихъ къ смертной казни [3].

[1] Дошедшіе до насъ судебные акты относятся къ седьмому только вѣку, но одинъ разсказъ Григорія Турскаго обнаруживаетъ, что дѣло обстояло такъ уже въ шестомъ. См. *De gloria confessorum*, 71 (70). Въ разсказѣ этомъ мы видимъ епископа, спорившаго съ казною по поводу одной земли. Епископъ этотъ былъ вызванъ на судъ; онъ явился къ королю и сталъ умолять его не принимать участія въ разбирательствѣ, чтобы не губить, какъ онъ говорилъ, своей души. Король въ самомъ дѣлѣ удалился; вельможи, называемые историкомъ — *auditores*, въ буквальномъ переводѣ „соприсутствующіе", приступили къ допросу безъ него и произнесли *iudicium* противъ епископа. Вѣроятно, если бы мы имѣли протоколъ этого суда, то прежде всего прочли бы въ немъ слова: „N. rex Francorum", какъ будто король присутствовалъ на судѣ самъ. Слово *auditores* было бы замѣнено словомъ *proceres*; мы нашли бы въ текстѣ выраженіе *testimoniavit* примѣнительно къ графу дворца, *iudicaverunt* — относительно proceres и, наконецъ, королевское *iubemus*.

[2] *Marculf*, I, 26, 27, 28, 29, 37. — *Idem*, II, 31. Одно лицо выдаетъ довѣренность на дѣло, ведущееся у него въ королевскомъ судѣ по вопросу о наслѣдствѣ: „Causam pro alode cum homine illo in palatio habere videor".

[3] *Childeberti decretio*, c. 8. — *Formulae Turonenses*, 33.—

Королевскій трибуналъ принималъ апелляціи на рѣшеніе другихъ судовъ. Человѣкъ, осужденный судомъ графа или, какъ говорилось, *in pago*, могъ перенести дѣло въ королевскій судъ—*in palatio*. Григорій Турскій даетъ примѣры, что король измѣнялъ приговоры, постановленные областными намѣстниками [1].

Впрочемъ, королю принадлежала не только апелляціонная юстиція. Подданные не были обязаны являться сначала въ низшій судъ. Допускалось принесеніе жалобъ прямо королю [2]. Кромѣ того, человѣкъ, призванный къ суду графа, могъ просить королевскаго суда и получить его; такъ поступили, напримѣръ, сыновья Ваддона [3]. Въ гражданскихъ дѣлахъ обѣ стороны могли подчиниться королевской юрисдикціи. Въ этомъ случаѣ онѣ условливались между собой о днѣ явки или, какъ говорилось на языкѣ того времени, «онѣ опредѣляли договоромъ свое согласіе предстать къ данному засѣданію королевскаго суда [4]». Король не требовалъ, чтобы онѣ судились

Marculf. I, 37. — *Vita Eligii*, II, 65: „Vir quidam saecularis ex nobili genere, culpa interveniente... ducitur in palatium; ubi dum sententia mortis definiretur... cum formidaret mori". — Cp. *Lex Ripuaria*, 79: „Iudicio principis pendutus".

[1] *Gregor*. IV, 44.

[2] *Lex Salica*, 18.—*Lex Ripuaria*, 38.

[3] *Gregor*. X, 21: „Praesentiam expetunt regis. Affuerunt coram rege".

[4] Таково одно изъ наиболѣе употребительныхъ значеній слова *placitum*: оно говорилось объ условіи, заключаемомъ— письменно или иначе—двумя противниками, прибыть въ опредѣленный день къ суду графа или короля. См. грамоту Хлодовеха III въ „Archives nationales", K. 3, 4; *Tardif*, № 30; *Pardessus* № 424: „Per eorum notitias paricolas placita inter se habue-

сначала у графа. Онъ судилъ тяжущихся, или, если одна изъ сторонъ не находилась на лицо въ назначенный день, онъ выдавалъ грамоту, подтверждающую, что такая-то сторона явилась въ назначенное время, то-есть, исполнила заключенное условіе, а другая не явилась, то-есть, нарушила его, и за неявку осуждалъ послѣднюю [1].

Въ другихъ случаяхъ самъ графъ отсылалъ дѣло къ королю, находя его слишкомъ темнымъ. Григорій Турскій разсказываетъ объ одномъ уголовномъ дѣлѣ, которое разбиралось сначала въ Турѣ, но такъ какъ судья не могъ прійти къ увѣренности въ виновности обвиняемаго, то дѣло перенесено было въ королевскій судъ [2]. Часто, наконецъ, случалось, что самъ король требовалъ дѣло къ своему суду. Такъ произошло, напримѣръ, при разбирательствѣ дѣла о покражѣ, произведенной въ базиликѣ Святого Мартина [3]. У насъ сохранилась одна изъ формулъ, писавшихся

runt ut ante nos deberent coniungere... Taliter inter se placitum habuerunt initum".—Ср. *Lex Salica*, 47: „In noctes XL placitum faciant".—*Edictum Chilperici*, 7: „Postea in LXXXIV noctes placitum intendatur".—*Formulae Andegavenses*, 12, 13, 14, 16: „Ille et ille placitum eorum adtenderunt".—*Greg. Tur.* VII, 23: „Placitum in praesentia regis posuerunt". — *Epistola ad Desiderium* (Bouquet, IV, 23): „Habeo placitum cum illo homine ante regem".

[1] „*Archives nationales*"; K, 3, 4; Tardif; № 30: „Illi placitum eorum visi sunt custodisse... Ipse nec venit in placitum". — *Andegavenses*, 12: „Ipsi placitum eorum legibus a mane usque ad vesperum visi sunt custodisse".—Ср. *Rozière*, №№ 457, 473, 490, 500 501.

[2] *Gregor.* VII, 23.

[3] *Idem*, VI, 10: „Quod cum regi nuntiatum fuisset, iussit fures alligari et suo conspectui praesentari".

по приказанію короля для того, чтобы призвать къ его суду виновнаго: «Такой-то, явившись въ присутствіе наше, сказалъ намъ, что ты напалъ на него, ранилъ и обокралъ. Обращаемся къ тебѣ съ настоящимъ увѣщаніемъ, въ которомъ приказываемъ тебѣ заплатить за эти проступки, если обвиненіе справедливо, выкупъ, полагающійся по закону. Если же ты имѣешь возразить что-либо на принесенныя противъ тебя показанія, ты долженъ явиться къ намъ въ календы такого-то мѣсяца [1]». Иногда король обращался къ графу: «Такой-то довелъ до нашего свѣдѣнія, что такой-то человѣкъ, находящійся въ подвѣдомственномъ вамъ округѣ, силою отнялъ у него землю и, не имѣя права на это, удерживаетъ ее. Даемъ вамъ приказъ заставить похитителя вернуть землю обратно; если же онъ не будетъ повиноваться, или если вы не сможете покончить дѣла, пришлите его къ намъ [2]».

Одною изъ главныхъ задачъ королевскаго трибунала было—судить должностныхъ лицъ. Намъ извѣстно, что графы несли отвѣтственность за свои дѣянія и, въ случаяхъ совершенія ими какого-нибудь проступка или злоупотребленія своею властью, имъ угрожали самыя тяжкія наказанія [3]. Но мы никогда не видимъ, чтобы графъ былъ судимъ герцогомъ или другимъ графомъ; его никогда не судили и рахин-

[1] *Marculf.* I, 29; Rozière, № 433.

[2] *Marculf.* I, 28; ср. *Turonenses*, 33.

[3] *Pactus Childeberti et Chlotarii*, 18: „Vitae periculum se subiacere cognoscat".— *Childeberti decretio*, 6: „Iudex... vitae periculum sustineat". Ср. *Lex Salica*, L, 5: „Grafio... de vita culpabilis esse debet aut quantum valet se redimat"; LI, 2: „Grafio de vita componat".

бурги, не судилъ его никогда и собравшійся народъ. Графъ былъ отвѣтственъ только передъ королемъ, и одинъ король судилъ и наказывалъ его [1]; онъ одинъ судилъ также епископовъ [2]. Люди, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ, легко получали привилегію быть судимыми даже въ уголовныхъ дѣлахъ королевскимъ трибуналомъ [3]. Въ концѣ концовъ короли постепенно разрѣшили всѣмъ крупнымъ собственникамъ, въ особенности епископамъ и аббатамъ, не подчиняться суду графа, а прямо подавать свои дѣла въ дворцовый судъ [4].

Королевскій судъ производился надъ всѣми подданными государя, безъ предпочтенія расъ. Между Римляниномъ и Франкомъ не дѣлалось въ этомъ отношеніи никакого различія. Такъ, мы видимъ, что Вигилій, жившій въ Провансѣ и бывшій, конечно, Римляниномъ, апеллировалъ къ королю, и король судилъ его [1]. Ницетій, видимо, бывшій также Римляниномъ, потому что онъ называется племянникомъ Григорія Турскаго, подалъ свою жалобу королю Хильпериху [2]. Прэйекта, находившагося въ тяжбѣ съ Гекторомъ, судилъ король [3]. Тяжбы Палладія и епископа Парѳенія, бывшаго раба Андархія и «гражданина арвернскаго Урса» поданы были въ королевскій судъ [4]. У насъ есть актъ, въ которомъ король разбиралъ дѣло, возникшее между колонами одного помѣстья и ихъ владѣльцемъ [5].

Королевская юрисдикція распространялась на духовныхъ лицъ такъ же, какъ на свѣтскихъ. Такъ, мы видимъ, что аббатъ Бертегизилъ судился передъ трибуналомъ короля [6]. Существуетъ нѣсколько актовъ королевскихъ разбирательствъ, касавшихся духовнаго и свѣтскаго лица, или двухъ аббатовъ, или же аббата и епископа [7].

Если обратить вниманіе на относительно большое число документовъ, дошедшихъ до насъ отъ дѣлопроизводства этого суда, и въ особенности на многообразіе производившихся на немъ разбирательствъ, придется предположить, что королевскій судъ этотъ от-

[1] *Edictum Guntramni* (ed. Boretius, 12): „Iudices... condemnabit sententia nostri iudicii“. Григорій Турскій (X, 5) приводитъ примѣръ, когда графскій викарій вызванъ былъ по жалобамъ населенія „in praesentiam regis“, но, впрочемъ, былъ оправданъ королемъ.

[2] Это вытекаетъ изъ нѣсколькихъ разсказовъ Григорія Турскаго (см. V, 19; X, 19; De Gloria confessorum, 71), а также изъ формулы Маркульфа (I, 25), въ которой король вызываетъ къ своему трибуналу епископа, чтобы онъ отвѣтилъ истцу, требовавшему отъ него землю.

[3] Таковъ смыслъ этой статьи въ указѣ Хильдеберта: „Si francus fuerit, ad nostram praesentiam dirigatur“.

[4] Обычная формула королевской грамоты, дарующей эту привилегію, гласила: „Et si adversus eum aliquae causae surrexerint, quas in pago absque eius grave dispendio definitae non fuerint, in nostri praesentia reserventur“ (*Marculf.* I, 24). Для изученія подробностей по этому вопросу см. нашу „Etude sur l'immunité mérovingienne (1883)“.

[1] *Greg.* IV, 44.

[2] *Idem*, V, 14: „Nicetius, vir neptis meae, propriam habens causam, ad Chilpericum regem adiit“.

[3] *Vita Praeiecti*, Mabillon, II, 643.

[4] *Gregor.* IV, 41; IV, 47.

[5] *Diplomata*, Pardessus, № 349; Pertz № 41.

[6] *Epistola ad Desiderium* (Bouquet, IV, 43).

[7] „Archives nationales“, *Tardif*, №№ 14, 15, 17, 30, 32; *Pardessus*, №№ 331, 332, 349, 418 etc. — То же у *Gregor.* De gloria conf. 93. — *Vita Eligii*, II, 57.—*Vita Praeiecti* у Mabillon, Acta SS. II, 643.

личался большою дѣятельностью. Компетенція его распространялась, повидимому, на все королевство и на всѣхъ подданныхъ. Даже Салическая Правда допускаетъ, что обвиняемый могъ отказаться предстать на *mallus* и исполнить постановленіе рахинбурговъ; это—знакъ того, что одинъ только судъ былъ дѣйствительно обязателенъ, именно судъ короля [1]. Возьмите всѣ категоріи документовъ: Правды Салическую и Рипуарскую, Григорія Турскаго, формулы актовъ и подлинные протоколы,—всюду можно увидѣть, что королевскій судъ не былъ чрезвычайнымъ трибуналомъ, но, наоборотъ, являлся правильнымъ и нормальнымъ судилищемъ всего королевства.

3.

Судъ графа; засѣдатели; рахинбурги.

Отъ юрисдикціи короля исходили и судебныя права его чиновниковъ, то-есть, герцоговъ, графовъ, ихъ помощниковъ (викаріевъ) и сотниковъ. По королевскому уполномоченію, графъ являлся замѣстителемъ его власти во ввѣренной ему территоріи. Онъ завѣдывалъ въ области судомъ такъ же, какъ финансами, администраціею, полиціею, наборомъ войска и командованіемъ надъ нимъ. Титулъ судьи, *iudex*, прилагался даже только къ нему. Терминъ—«графъ» не былъ первоначально настоящимъ именемъ его должности, такъ какъ въ буквальномъ смыслѣ слово *comes* (comte = graf) обозначало лишь связь его съ королемъ. Это наименованіе — *iudex* — взято было,

[1] *Lex Salica*, LVI: „Si quis ad mallum venire contempserit aut quod ei a rachineburgiis fuerit iudicatum adimplere distulerit, tunc ad regis praesentiam ipsum manire debet“.

стало быть, не отъ административныхъ или военныхъ его полномочій, а именно отъ судебныхъ [1]. Итакъ, оказывается, что сущностью и природою его власти были судебныя функціи. Разговорный и оффиціальный языкъ главнымъ образомъ обозначаетъ его, какъ судью. Другихъ судей этотъ языкъ даже не знаетъ, потому такое названіе придавалось только ему или его замѣстителямъ [2].

Обязанности графа, какъ судьи, начертывались ему королемъ. Въ грамотѣ о его назначеніи предписывалось чинить судъ сообразно съ закономъ каждаго, защищать вдовъ и сиротъ, наказывать преступниковъ. Мы приводили выше указъ короля Гунтрамна, напоминающій графамъ, «что судить они должны справедливо, не принимая подарковъ». Затѣмъ намъ извѣстны также другія постановленія такого же содер-

[1] Для обозначенія графа слово *iudex* встрѣчается чаще чѣмъ *comes* у Григорія Турскаго, въ капитуляріяхъ франкскихъ королей и въ соборныхъ постановленіяхъ; слово это часто повторяется также въ формулахъ.

[2] Судилище графа называлось—*mallus comitis, mallus ante comitem* (см *Lex Ripuaria*, 50) или коротко *mallus* либо *ante comitem*. Писатели, какъ Григорій Турскій, называли его *iudicium* („Cum comes in iudicio residebat“, V, 48). Въ соборныхъ постановленіяхъ онъ называется обыкновенно *iudicium publicum*, но говорится также и *mallus publicus*. Мы встрѣчаемъ часто одно только слово *publicum* (примѣръ: Vita Eligii, II, 61). Довольно обычнымъ, наконецъ, выраженіемъ, особенно на языкѣ практиковъ права той эпохи, было—*rationes publicae*. См. *Formulae Turonenses*, 29: „In rationes publicas ante inlustrem virum illum adstiti“.—*Rozière*, № 441: „Adversus te in rationibus publicis adsisto“.—*Andegavenses*, 13: „Ante illo agente fuit in ratione“. Ср. *Gregor*. VII, 47: „Ratione accepta“.—*Turonenses*, 29: „Si in rationes vel in iudicium introieris “. *Ibidem*, 41: „Ante illum iudicem in rationes fuerat“.

жанія, — напримѣръ, указъ Хильдеберта, который, принимая новыя мѣры въ защиту безопасности жителей, говоритъ, что графы обязаны будутъ задерживать, судить и казнить грабителей; указъ Хлотара II, объявляющій графовъ главными судьями, наконецъ, всѣ указы, отмѣчающіе, что графъ былъ отвѣтственъ за судебные приговоры, являются вѣрнымъ доказательствомъ того, что онъ ихъ и произносилъ [1].

Текстъ всѣхъ такихъ королевскихъ указовъ заставляетъ съ перваго взгляда предполагать, будто графъ судилъ единолично. То же впечатлѣніе получается и отъ чтенія Григорія Турскаго, когда онъ разсказываетъ, что графъ Гундобальдъ, напримѣръ, объѣзжалъ свое графство, чтобы рѣшать дѣла, что герцогъ Ротарій былъ посланъ «для разбора тяжбъ»; другой графъ рисуется у него же задерживающимъ вора и приказывающимъ повѣсить его; еще другой судитъ обвиняемаго и приговариваетъ его къ тюрьмѣ и кандаламъ; наконецъ, одинъ графъ, къ которому привели нѣкоего Бургунда, допрашиваетъ его, судитъ и произноситъ приговоръ [2]. То же замѣчаніе можно извлечь и изъ нѣсколькихъ разсказовъ въ житіяхъ Святыхъ. Если король съ одной стороны и писатели съ другой говорятъ, что графъ судилъ единолично, это значитъ, по крайней мѣрѣ, что таково было принадлежавшее ему по закону полномочіе: король судилъ единолично по праву, графъ — по делегаціи короля.

[1] *Edictum Guntramni* (Boretius, 11); *Decr[illegible]io Childeberti* ibid. 16; *Chlotarii praeceptio*, cap. 7, 19; *Pa[illegible]s pro tenore pacis*, cap. 18, 7; *Edictum Chilperici*, ст. 8, стр. 9.

[2] *Gregor.* VIII, 12; 18; De gloria confessorum, 101 (99 ed. Krusch); Miracula Martini, IV, 16; IV, 39, Vitae Patrum, VIII, 9.

Мы не находимъ ни одного меровингскаго закона, который бы предписывалъ имъ окружать себя совѣтниками.

Но существовали правила, которыя обыкновенно соблюдались на практикѣ, даже если они не были внесены въ законы. Первое изъ нихъ состояло въ томъ, что графъ не долженъ былъ судить въ собственномъ своемъ жилищѣ. Онъ всегда судилъ на *mallus* [1], то-есть, въ публичномъ, присутственномъ мѣстѣ, въ судѣ, который былъ всѣмъ извѣстенъ и открытъ для всѣхъ.

Второе правило заключалось въ томъ, что при допросахъ его и при произнесеніи приговоровъ могъ присутствовать народъ. Мы видѣли, что такой порядокъ примѣнялся уже въ римской имперіи [2]. Законы воспрещали губернатору провинціи судить въ своемъ домѣ. Отправлять обязанности своей юрисдикціи онъ долженъ былъ не иначе, какъ «при открытыхъ дверяхъ и созвавъ народъ [3]». Тотъ же обычай практиковался у древнихъ Германцевъ [4]. Существовало, стало быть, двоякое основаніе къ тому, чтобы дѣло происходило такимъ же образомъ и въ франкскомъ государствѣ. Римскій *conventus*, то-есть, сборъ населенія около органа администраціи для присутствованія на разборѣ имъ судебныхъ процессовъ, сохраняется

[1] Встрѣчаются исключенія, но только въ случаѣ поимки съ поличнымъ.

[2] См. томъ II-й настоящаго сочиненія, кн. I, гл. о судѣ.

[3] *Cod. Theod.* I, 16, 9: „Iudex... apertis foribus, intro vocatis omnibus, et civiles et criminales controversias audiat".

[4] Намекъ на это встрѣчается въ той фразѣ Тацита, гдѣ онъ изображаетъ германскаго *princeps*, который отправляетъ правосудіе, окруженный сотней засѣдателей.

при Меровингахъ [1]. Одна формула упоминаетъ подъ этимъ названіемъ мѣстное собраніе такого рода, происходившее въ Турѣ [2]. Въ Турнэ франкскій графъ, желавшій приступить къ суду, начинаетъ съ призыва народа [3]. Въ Нойонѣ графъ «собираетъ большую толпу» прежде, чѣмъ приступить къ допросу [4]. Въ разсказахъ своихъ Григорій Турскій рѣдко упускаетъ случай отмѣтить, что судъ происходилъ публично, *coram omnibus*. Такъ, мы видимъ, что въ королевствѣ Вестготовъ графъ долженъ судить *in conventu*, то-есть, именно публично [5], и что у Аламанновъ населеніе каждаго округа собирается передъ графомъ въ назначенные имъ дни, но не для того, чтобы судить, а для того, чтобы присутствовать на судѣ [6].

[1] Павелъ Діаконъ, въ восьмомъ вѣкѣ, пишетъ: „Conventus cum a magistratu iudicii causa populus congregatur". — *Conventus* происходитъ, стало быть, тогда, когда судья созываетъ населеніе къ себѣ на судъ.

[2] *Formulae Turonenses*, 3, Rozière, 263: „Cum conventus Turonis civitate adfuisset". Впрочемъ, *conventus* этотъ оставался бездѣятеленъ; къ нему не обращались за совѣтомъ, онъ безмолствовалъ. Дѣло шло здѣсь только о протоколѣ акта, который долженъ былъ совершаться публично; *conventus*—это была простая публика.

[3] *Vita Amandi*, 13: „Congregata non minima multitudine". Продолженіе текста показываетъ, что толпа присутствовала на судѣ, но не принимала въ немъ никакого участія.

[4] *Vita Eligii*, II, 61.—Два подсудимыхъ „ducuntur in publicum", то-есть, къ графскому суду „et, conglobatis undique multis, sistuntur in examine episcopi et comitis". Продолженіе разсказа обнаруживаетъ, что рѣшали дѣло только епископъ и графъ. Толпа ничего не дѣлала.

[5] *Lex Wisigothorum*, VII, 4, 7: „Iudex in conventu publice exerceat disciplinam".

[6] *Lex Alamannorum*, 36: „Conventus secundum antiquam consuetudinem fiat in omni centena coram comite aut suo misso et coram centenario... Quali die comes aut centenarius voluerit".

Мы не встрѣчаемъ въ документахъ подтвержденія, чтобы у Франковъ существовало строгое для всѣхъ свободныхъ людей обязательство являться на призывъ графа, но, безъ сомнѣнія, меровингскій графъ, какъ и прежній римскій правитель, старался собрать многочисленную публику у подножія своего трибунала.

Третье правило, которое почти само собою возлагалось на графа, состояло въ томъ, чтобы онъ приглашалъ въ свое судилище засѣдателей (*assessores*). Это правило мы уже видѣли въ римской Имперіи; губернаторъ провинціи, будучи облеченъ самою полною судейскою властью, отправлялъ ее не иначе, какъ среди своего «совѣта», и не произносилъ ни одного приговора, не выслушавъ мнѣнія своихъ «засѣдателей». То же правило существовало и въ древней Германіи. Тацитъ отмѣтилъ, что *princeps*, который выбирался на племенномъ вѣчѣ для отправленія правосудія въ отдѣльныхъ округахъ, никогда не функціонировалъ безъ того, чтобы его не окружала многочисленная группа лицъ изъ жителей области, и авторъ далъ понять, что лица эти исполняли ту же обязанность, какую несли члены *consilium* римскаго судьи [2]. Такъ какъ правило это одинаково было въ силѣ и въ римскомъ, и въ германскомъ обществѣ, то не было основанія къ тому, чтобы оно не удержалось и въ

[1] См. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ тома I-го.

[2] *Tacit. Germ.* 12: „Eliguntur in iisdem conciliis principes, qui iura per pagos vicosque reddunt. Centeni singulis ex plebe comites adsunt consilium simul et auctoritas". — Для подробнаго разбора значенія каждаго изъ словъ этой фразы отсылаемъ къ нашимъ „*Recherches sur quelques problèmes d'histoire*", стр. 361—371.

меровингскомъ государствѣ, населеніе котораго состояло изъ этихъ двухъ расъ.

Наиболѣе яркое выраженіе такого порядка мы находимъ въ одной изъ редакцій римскаго права, которыя были составлены въ то время и для варваризовавшагося общества: «Пусть судья знаетъ, что онъ не долженъ составлять приговора единолично, но обязанъ засѣдать съ нѣсколькими почтенными людьми (*boni homines*) и произносить приговоръ въ присутствіи народа [1]».

Такимъ образомъ, обѣ расы, жившія во франкскомъ государствѣ, держались одинаковой традиціи, считали правильнымъ, чтобы судилъ ихъ не единоличный судья, а судья, окруженный группою жителей страны. Возьмите вполнѣ римскую формулу акта, совершеннаго въ Турѣ, гдѣ встрѣчается ссылка на римское право, вы увидите въ ней, что тяжущійся является на судъ «передъ графомъ и другими людьми [2]». Возьмите Салическую и Рипуарскую Правды, тамъ также увидите присутствіе на судѣ нѣсколькихъ лицъ, облеченныхъ даже важными аттрибутами. Возьмите такихъ писателей, какъ Григорій Турскій, вы прочтете у нихъ, что графъ «засѣдаетъ на судѣ съ лучшими людьми страны, свѣтскими и духовными [3]».

[1] *Lex Romana Utinensis*, или *Epitome S. Galli*, у Haenel Lex Rom. Wisigoth. стр. 23: „Quicunque iudex sciat, cum causas iudicaverit... non solus iudicium donet, sed cum bonos homines, et in aperta domo, ut quicunque intrare voluerit licentiam habeat, et ante plures homines suum iudicium donet". — Этотъ сокращенный кодексъ римскаго права относится къ концу восьмого вѣка.

[2] *Formulae Turonenses*, 29, Rozière № 440: „Lex Romana exposcit ut... In rationes publicas ante illustri viro illo (видимо, графъ) vel reliquis viris... Turonus civitate... adsteti".

[3] *Greg*. V, 48: „Comes... si in iudicio cum senioribus vel laicis vel clericis resedisset".

Итакъ, вотъ важный фактъ изъ исторіи происхожденія государственнаго строя Франціи, который оставилъ слѣдъ въ трехъ разрядахъ документовъ — въ законахъ, въ сочиненіяхъ писателей и въ формулахъ. По всѣмъ этимъ документамъ и слѣдуетъ изучать его, если желать вѣрно понять его природу, смыслъ и значеніе.

У насъ есть въ распоряженіи около сорока формулъ, относящихся къ судамъ. Хоть мы и не въ состояніи опредѣлить точную дату, когда каждая изъ нихъ возникла, то-есть, день, когда каждая изъ нихъ въ первый разъ была составлена въ такомъ-то индивидуальномъ актѣ,—можно однако сказать съ увѣренностью, что употреблялись онѣ и переписывались въ шестомъ, седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ, то-есть, когда примѣнялись Правды—Салическая и Рипуарская. Находятся онѣ въ разныхъ сборникахъ, составленныхъ въ Анжерѣ, Турѣ, Сансѣ, а также въ другихъ сборникахъ, мѣсто происхожденія которыхъ неизвѣстно. Такъ какъ онѣ согласуются съ франкскими Правдами, дѣйствовавшими, главнымъ образомъ, на сѣверѣ и на востокѣ франкскаго королевства, то можно допустить, что изучаемый нами порядокъ являлся повсемѣстнымъ въ этой монархіи.

Слѣдуетъ замѣтить, во всякомъ случаѣ, что эти сорокъ формулъ нельзя назвать судебными приговорами въ настоящемъ смыслѣ слова; это только протоколы, свидѣтельствующіе о томъ, что приговоры были дѣйствительно постановлены [1]. Это важно раз-

[1] Назывались онѣ *notitiae iudicii*. Почти всѣ онѣ начинались со словъ: „Notitia qualiter vel quibus praesentibus veniens homo ille in mallo ante comitem... interpellabat". Дальше помѣщено

личать. Въ самомъ дѣлѣ, мы ожидали бы найти въ ихъ числѣ приговоры графовъ такъ же, какъ имѣемъ девятнадцать рѣшеній короля. Но ничего подобнаго не встрѣчается. До насъ не дошелъ ни одинъ текстъ графскаго суда (*mallus*), потому ли, что судоговореніе у него не записывалось, или же потому, что тяжущимся сторонамъ не выдавалось копіи съ рѣшенія. Послѣднія получали, вѣроятно, только *notitia*, то-есть, свидѣтельства, удостовѣряющія приговоръ. Формулы эти достаточно ясно показываютъ намъ, что происходило въ судѣ.

Онѣ начинаются всѣ съ упоминанія имени графа, засѣдавшаго на судѣ, и въ нихъ тутъ же добавлено, что было нѣсколько человѣкъ «находившихся рядомъ съ графомъ» или «засѣдавшихъ съ нимъ» [1]. Изъ сорока формулъ можно назвать четыре такихъ, которыя говорятъ въ началѣ только о графѣ и не упоминаютъ объ окружавшихъ его лицахъ, но въ серединѣ формулы лица эти появляются и дѣйствуютъ [2].

изложеніе содержанія преній, потомъ объявленіе приговора; въ концѣ акта слѣдовали подписи тѣхъ самыхъ лицъ, которыя были названы въ его началѣ, какъ присутствовавшія при его совершеніи.

[1] „Qui cum eo aderant“. См. *Form. Andegavenses*, 11, 24 28, 50; *Turonenses*, 32, 41; *Senonenses*, 2; *Merkelianae*, 29, 30, 38.—„Qui cum eo residebant“. См. *Senonicae*, 38; *Senonenses*, 1, 3, 6. — „Qui in mallo residebant“; см. „*Bignonianae*, 9. — Слова, *adesse* и *residere* нужно брать въ буквальномъ смыслѣ: *ad-esse*, быть при комъ-либо; это—терминъ часто, употреблявшійся на римскомъ языкѣ для обозначенія засѣдателей; см. *Tacit.* Germania, 16: „Comites adsunt“.—*Residere* значитъ „засѣдать“; слово это примѣнялось и къ графу, и къ его „ассессорамъ“.

[2] *Bignonianae*, 9; 27; *Merkelianae*, 39. Въ началѣ этихъ трехъ формулъ стоитъ только „ante comitem“; но въ серединѣ

Двѣ формулы говорятъ, наоборотъ, только объ этихъ лицахъ, упуская изъ вида графа, но это не доказываетъ того, чтобы графъ или уполномоченный его не присутствовали при разборѣ дѣла [1]. Итакъ, можно смотрѣть, какъ на общее правило, что *mallus*, или областной судъ, состоялъ изъ графа и изъ нѣсколькихъ лицъ, соприсутствовавшихъ ему. Разсмотримъ сначала, кто такіе были эти люди; мы увидимъ дальше, что они дѣлали, каковы были ихъ функціи.

Выраженія, которыми они обозначались въ документахъ, очень разнообразны. Многія формулы не даютъ имъ никакого спеціальнаго названія, а говорятъ просто: «Такой-то явился передъ графомъ и другими людьми, имена которыхъ помѣщены внизу настоящаго акта». Или же: «Въ то время, какъ графъ засѣдалъ съ нѣсколькими находящимися съ нимъ лицами, чтобы разбирать дѣла всѣхъ и кончать ихъ справедливыми приговорами...» [2] Такъ именно выражаются четырнадцать формулъ.

ихъ мы читаемъ—„boni homines“ или „racineburgi“. Въ одной только формулѣ (*Turonensis*, 38) читаемъ просто „ante iudicem“.

[1] Это формулы — *Senonica*, 51 и *Bignoniana*, 14; но надо замѣтить, что эти двѣ формулы — не *notitiae*, которыя составлялись почти оффиціальнымъ образомъ; это—*securitates*, и написаны онѣ частными лицами; онѣ не отличаются такою же точностью, какая, хоть отчасти, характеризуетъ *notitiae*. См. *Andegavenses*, 6; 43.

[2] *Formulae Turonenses*, 29: „In rationes publicas ante illustro viro illo vel reliquis viris qui subter tenentur inserti“.—*Ibidem*, 32, Rozière, 465: „Notitia sub quorum praesentia veniens ille ante illum et eos qui subter tenentur inserti... Ipsi viri qui ibidem aderant“. — *Ibidem*, 39, 41. — *Andegavenses*, 11, 24, 28, 29, 30: „Vel reliquis hominibus“. *Senonicae*, 11, 20, 38: „Cum quadam die inluster ille comis ad multorum causas audiendum vel recto iudicio

Есть двѣ формулы, въ которыхъ эти люди именуются *auditores comitis*, какъ будто бы по закону они должны были только слушать пренія. Но на дѣлѣ положеніе ихъ было иное, такъ какъ въ тѣхъ же формулахъ говорится, что рѣшеніе постановлялось «по суду графа и его *auditores* [1]».

Въ другихъ формулахъ тѣ же люди называются *boni homines* или *boni viri*. Это было уже древнее выраженіе; на языкѣ римскаго права оно примѣнялось къ людямъ, игравшимъ роль третейскихъ судей между тяжущимися, или ассессоровъ судьи, или роль свидѣтелей при составленіи актовъ. Въ буквальномъ же смыслѣ оно примѣнялось ко всякому человѣку, солидному какъ по имущественному своему положенію, такъ и по своей почтенности. Выраженіе это повторяется въ пятнадцати формулахъ, принадлежащихъ къ сборникамъ Биньона и Меркеля, такъ же какъ къ анжерскому, турскому и сансскому сборникамъ [2], и можно даже замѣтить, что оно соединяется часто съ терминомъ *mallus*. Мы читаемъ напримѣръ: «Такой то явился на *mallus* передъ такимъ то графомъ и

terminandum una cum plures personas residentes".—*Senonenses*, 1: „Notitia qualiter vel quibus praesentibus... in mallo publico ante inlustre viro illo comite vel aliis quam pluribus personis ibidem residentes". — *Ibidem*, 2: „Ante illo comite vel aliis quampluris, qui ibidem aderant".

[1] *Formulae Andegavenses*, 12: „Per iudicio illustri viro comite vel auditores suis". -- *Turonenses*, 39: „Ante venerabilem virum illum suisque auditoribus".— Ср. *Lex Wisigothorum*, II, 2, 2: „Iudex si elegerit auditores secum esse praesentes".

[2] *Andegavenses*, 5, 6, 43, 47; *Turonenses*, 30, 31; *Senonicae*, 10, 17, 51; *Bignonianae*, 9, 14; *Merkelianae*, 27, 28, 30, 38.

нижеподписавшимися *boni homines* [1]; или: «Когда такой то графъ засѣдалъ на *mallus* съ *boni homines* [2]»; или еще: «Постановлено было графомъ и *boni homines*, засѣдавшими на *mallus* [3]».

Въ пяти формулахъ эти окружавшія короля лица обозначаются особыми почетными титулами. Людямъ, знакомымъ съ документами того времени, хорошо извѣстно, какъ щедро расточались такіе титулы и въ устной рѣчи, и въ письменномъ языкѣ, и даже въ оффиціальныхъ актахъ. Рѣдко случалось, чтобы формулы не называли графа его титуломъ — *inluster vir*. Во многихъ формулахъ людямъ, бывшимъ при графѣ, давался менѣе значительный титулъ — *viri magnifici*, если это были свѣтскія лица, и *viri venerabiles*, если они принадлежали къ духовенству. Одна изъ нихъ выражается такъ: «Такой то явился на общественный *mallus* въ присутствіи пресвѣтлѣйшаго мужа, графа, и нѣсколькихъ блистательныхъ (*magnifici*) людей, засѣдавшихъ на судѣ [4]».

[1] *Formulae Senonicae*, 10, Rozière, № 456: „In mallo publico ante illo comite vel reliquis quam pluris bonis hominibus".

[2] *Formulae Merkelianae*, 38, Rozière, № 471: „Cum resedisset inluster vir ille comis mallo illo una cum pluris bonis hominibus".

[3] *Formulae Bignonianae*, 9: „Apud ipso grafione vel apud ipsos bonos homines, qui in ipsum mallum residebant".

[4] *Andegavenses*, 10: „Ante... reliquis viris venerabilibus atque magnificis".—32: „Cum reliquis venerabilibus atque magnificis reipublicae viris". — *Respublica* значитъ здѣсь — городъ и его область, также, какъ въ Дигестахъ и въ латинскихъ надписяхъ; выраженіе это осталось въ языкѣ.—*Marculf*. II, 18: „Intervenientibus magnificis viris". — *Senonenses*, 3: „Aliis pluris magnificis viris".—*Andegavenses*, 28: „Visum fuit ab ipsis magnificis".—О значеніи этого титула см. *Formulae Bituricenses*, 7: „Viri magnifici Bituricae civitatis"; *ibidem*, 15; *Senonicae*, 39. *Marculf*. II, 37, 38.

У насъ есть, наконецъ, девять формулъ, называющихъ этихъ людей терминомъ *rachineburgi* [1]. Одна изъ нихъ относится къ акту, совершенному въ городѣ Анжерѣ; другія—къ сборникамъ, называемымъ сборниками Биньона и Меркеля, или же къ сансскому сборнику формулъ. Въ собраніи Маркульфа слово это не встрѣчается.

Уже изъ сравненія всѣхъ перечисленныхъ различныхъ названій, примѣнявшихся, видимо, къ однимъ и тѣмъ же людямъ, вытекаетъ, что рахинбурги, о которыхъ мы будемъ говорить, не составляли особаго и отдѣльнаго института; самый терминъ былъ лишь однимъ изъ тѣхъ, какіе обозначали на обычномъ языкѣ лицъ, окружавшихъ графа на судѣ.

Правда, что слово это принадлежало, весьма вѣроятно, къ германской рѣчи, хотя мы и не находимъ его ни у какого другого германскаго народа и ни въ одномъ изъ нѣмецкихъ говоровъ [2]. Факту, что въ латинскій языкъ франкской Галліи вошло германское выраженіе, удивляться нечего, но нельзя искать въ немъ доказательства, что терминъ этотъ обозначалъ исключительно германскій институтъ.

[1] *Andegavenses*, 50: „Veniens ille Andegavis civitate ante viro inlustri illo comite vel reliquis racineburdis, qui cum eo aderant, quorum nomina per subscriptiones atque signacula subter tenentur inserta“. — *Bignonianae*, 27: „Ab ipsis racinburgis fuit iudicatum... ante comitem“. *Senonenses*, 1, 4, 6.—*Merkelianae*, 27, 28, 30, 39.

[2] Мы не знаемъ, какъ писалось это слово; ученые признали форму *rachinburg* потому, быть можетъ, что она имѣетъ наиболѣе германскій видъ; но въ рукописяхъ форма эта встрѣчается рѣже всего. Въ рукописи анжуйскихъ формулъ, относящейся къ первымъ годамъ восьмого вѣка, стоитъ *racineburdi*; въ самой древней, вольфенбюттельской рукописи Салической Правды читаемъ *raciniburgius*; мы находимъ *rachymburgius* въ мюнхенской рукописи и въ рукописи парижской № 4405-й; въ 9653 парижской—*rationeburius*; въ Рипуарской Правдѣ—*raginburgii*; въ form. Senonenses—*raciniburgii* и *racimburgi*; въ Bignonianae—*racinburgi* и въ Merkelianae—*racineburgi*.—Гриммъ, Мюлленгофъ, Зомъ и Кернъ предлагали различныя, но мало надежныя этимологіи этого слова.

Салическая Правда, представляющая собою одинъ изъ наиболѣе поучительныхъ памятниковъ исторіи этого времени, послужила, однако, основаніемъ или подала поводъ къ возникновенію нѣсколькихъ ошибочныхъ теорій. Произошло это потому, что она сильно дѣйствуетъ на воображеніе и слогомъ своимъ, и языкомъ, и внѣшнимъ своимъ совсѣмъ особымъ видомъ. Нѣсколько ученыхъ настолько подпали подъ ея вліяніе, что стали закрывать или почти закрывать глаза на всѣ другого рода документы. Они производили изслѣдованіе о рахинбургахъ только по Салической Правдѣ; а такъ какъ Салическая Правда не опредѣляетъ этого слова, такъ какъ она не говоритъ, кто такіе были эти люди, сколько ихъ было и какъ они выбирались, то ученые захотѣли разгадать вопросъ при помощи собственнаго воображенія и своей логикой. Естественно, что они не оказались согласны между собой: Савиньи видѣлъ въ рахинбургахъ «всѣхъ свободныхъ людей округа», хотя Салическая Правда не говоритъ ничего подобнаго [1]. То же мнѣніе высказывалъ Пардессю [2]. Согласно Вайтцу, они были «собравшимися членами общины, принимавшими названіе рахинбурговъ при отправленіи судебныхъ обязанностей [3]». Шульте тоже думаетъ,

[1] *Savigny*, Hist. du droit romain, см. фр. перев. т. I, стр. 141

[2] *Pardessus*, Loi salique, p. 576.

[3] *Waitz*, Verfassungsgeschichte, 3-е изд., т. II, 2-я ч., стр. 143, 165.

что «рахинбурги—это были свободные люди, пользовавшіеся полными правами гражданства» [1]. Равнымъ образомъ Тониссенъ предполагаетъ, что это были «всѣ граждане округа, тѣ же люди, которые являлись одновременно и воинами, и судьями [2]». Если же слушать Цепфля и Зома, то это были, наоборотъ, не всѣ свободные люди, а нѣсколько избранныхъ изъ нихъ: семь по мнѣнію Цепфля, двѣнадцать по мнѣнію Зома [3]. Едва ли надо говорить, что ни одна изъ ука-

[1] *Schulte*, Histoire du droit public et privé, перев. Fournier, стр. 375.

[2] *Thonissen*, Organis. judic. de la loi Salique, стр. 74, 77, 374, 375. Въ Салической Правдѣ нѣтъ ни одного слова, которое представляло бы рахинбурговъ воинами. Поищите въ ней выраженія, которое бы обозначало воиновъ, вы его не найдете, а посмотрите, какъ могутъ затемнять умъ субъективныя толкованія: Салическую Правду воображаютъ законодательствомъ, составленнымъ воинами, тогда какъ нѣтъ другого законодательства, болѣе пригоднаго по существу для мирнаго населенія. Тамъ говорится только о землевладѣльцахъ и земледѣльцахъ; лишь въ одной 63-й главѣ совершенно случайно упоминается о войскѣ. Когда же, наконецъ, будутъ изучать Салическую Правду безъ предвзятаго мнѣнія?

[3] *Zoepfl*, т. III, стр. 322, 323. — *Sohm*, Reichs-und Gerichtsverfassung, стр. 378. Ср. *Laferrière*, Hist. du droit français, т. III, стр. 416.—Нѣкоторые ученые предположили, что существовали двѣ категоріи рахинбурговъ: рахинбурги, которые сидѣли на судѣ, и тѣ, которые стояли (*Waitz*, 3-е изд. т. II, 2-я часть, стр. 166). Нѣтъ ни одного документа, который указывалъ бы на такое различіе; въ нѣсколькихъ статьяхъ закона мы дѣйствительно видимъ, что рахинбурги сидѣли, но того, что они стояли, мы нигдѣ не видимъ. Вайтцъ плохо истолковываетъ одну фразу изъ сборника *Senonenses*. 6: „Racinburgi qui ad universorum causas audiendum residebant vel adstabant“. — *Vel* значитъ *et* на языкѣ того времени; тутъ нѣтъ двухъ категорій людей; кто

занныхъ теорій не основывается ни на единой строкѣ, ни на единомъ словѣ Салической Правды.

Подобнымъ теоріямъ-гипотезамъ, которыя складываются въ умахъ ученыхъ силою однихъ домысловъ вообраӂенія, то-есть, по субъективному методу, слѣдуетъ предпочесть простое изслѣдованіе, производимое посредствомъ точнаго разсмотрѣнія и внимательнаго сравненія различныхъ документовъ. Не должно было бы ускользать отъ вниманія историка то обстоятельство, что встрѣчаются тѣ же рахинбурги и въ Салической Правдѣ, и въ формулахъ. Причемъ не одно названіе ихъ повторяется въ этихъ документахъ: обнаруживается одинаковость роли ихъ и обязанностей.

Нѣкоторые изслѣдователи будутъ утверждать по этому поводу, что время составленія Салической Правды неизвѣстно. Можно допустить, что она относится къ пятому вѣку, и тогда приходится сказать, что она не можетъ соотвѣтствовать формуламъ, и ее должно изучать отдѣльно, не принимая въ разсчетъ послѣднихъ. Но надо обратить вниманіе на то, что какую древность мы бы ни придавали Правдѣ, она примѣнялась на судахъ и въ шестомъ, и въ седьмомъ, и въ восьмомъ вѣкахъ, то-есть, въ продолженіе всей франкской эпохи, когда и наши формулы переписывались въ реальныхъ актахъ. Слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Рипуарская Правда была составлена въ седьмомъ вѣкѣ; рахинбурги этого закона современны, значитъ, рахинбургамъ формулъ, и они вполнѣ сходны съ ними. Но они совершенно сходны также и съ рахинбургами Салической Правды, изъ чего не-

хорошо знаетъ рѣчь той эпохи, тому ясно, что два глагола *residebant* и *adstabant*—являются простымъ повтореніемъ.

избѣжно слѣдуетъ заключить, что рахинбурги Салической Правды и рахинбурги формулъ также сходны между собою и были одними и тѣми же людьми [1]. Необходимо, слѣдовательно, сближать и изучать одновременно обѣ франкскихъ правды и формулы, и путемъ изученія всѣхъ документовъ вмѣстѣ мы сможемъ прійти къ опредѣленію того, что же слѣдуетъ понимать подъ терминомъ рахинбурги.

При крайней своей сжатости, тексты Правдъ не даютъ намъ опредѣленія того, кто такіе были эти люди; но это усматривается изъ формулъ, какъ благодаря ихъ многословію, такъ и вслѣдствіе ихъ разнообразія. Прежде всего надо замѣтить, что слово рахинбургъ, встрѣчающееся въ девяти формулахъ, совершенно соотвѣтствуетъ выраженію *boni homines*, встрѣчающемуся въ остальныхъ пятнадцати. Сравните между собой формулы, въ которыхъ находятся оба термина, и вы не найдете никакого различія ни въ смыслѣ формулъ, ни въ значеніи обоихъ словъ. Они служатъ обозначеніемъ одинаковыхъ лицъ, занимавшихъ одно и то же мѣсто въ формулахъ, а также на судѣ, и исполнявшихъ однѣ и тѣ же обязанности. Возьмите двѣ формулы, одинаковыхъ по содержанію и по построенію; въ одной изъ нихъ вы читаете — «*cum resedisset comes cum rachinburgis*», въ другой— «*cum resedisset comes cum bonis hominibus*». Здѣсь вы читаете—«*in mallo ante bonis hominibus*», тамъ — «*in mallo ante rachinburgis*». Въ одной вы находите: «*iudicatum est a bonis hominibus*», въ другой,—«*iudicatum fuit a rachinburgis*». Наложите, такъ сказать, обѣ формулы одну на другую: онѣ совершенно совпадутъ, и видно будетъ, что оба термина въ нихъ тождественны по значенію [1].

Сказанное до такой степени вѣрно, что даже въ одной и той же формулѣ мы видимъ, какъ одни и тѣ же люди называются сначала «рахинбургами», а нѣсколькими строками дальше «добрыми людьми» [2].

[1] Чтобы убѣдиться въ такомъ тождествѣ, достаточно сравнить слѣдующіе тексты. *Lex Salica*, 56: „Quod rachiniburgis fuit iudicatum.“—„Quando rachiniburgi iudicaverunt...“ *Ibidem*, 57: „Rachineburgi in mallo sedentes... causam discutiunt... legem dicunt“.—*Lex Ripuaria*, 55: „Raginburgii legem dicunt“.—*Formulae Andegavenses*, 50: „Racineburdi —decreverunt iudicio“.—*Senonenses*, 1: „Ab ipsis raciniburgiis fuit inventum vel inquisitum et legibus definitum“.—*Ibidem*, 4: „Ab ibsis racinburgis fuit iudicatum“. *Ibidem*, 6: „Viris racimburgis qui ibidem residebant... Ipsi viri tale decreverunt iudicium.“ — *Bignonianae*, 27: „Ab ipsis rachimburgis fuit iudicatum“.—По примѣрамъ этимъ ясно видно, что и въ Салической Правдѣ, и въ Рипуарской, и въ формулахъ — рахинбурги играли совершенно одинаковую роль.

[1] Приведемъ нѣсколько примѣровъ. *Andegavenses*, 50: „Veniens ante viro inlustri illo comite vel reliquis racineburdis, qui ibidem aderant et quorum nomina subter tenentur inserta“.—Ср. *Senonicae*, 17: „Veniens in mallo ante comite illo vel aliis bonis hominibus, qui subter firmaverunt“.—*Merkelianae*, 27: „Cum resedisset ille in mallo cum pluris racineburgis“.—Ср. *ibidem*, 38: „Cum resedisset ile comes mallo illo cum pluris bonis hominibus“. — *Tenonenses*, 4: „Judicatum est ab illo comite vel (et) ab ipsis racimburgis“.—Ср. *Bignonianae*, 9: „Apud (ab) ipsum grafionem vel apud ipsos bonos homines, qui in mallo residebant, fuit iudicatum“.—О рахинбургахъ сказано въ Салической Правдѣ—„in mallo sedentes“; ср. *Bignonianae*, 9: „Bonos homines, qui in mallo residebant“.—Рахинбурги подписывали *notitiae* приговора; *Andegavenses*, 50: „Racineburdi, quorum nomina per subscriptiones subter tenentur inserta“; ср. *Senonicae*, 10: „Bonis hominibus, qui subter firmaverunt“.

[2] Такъ въ одной и той же формулѣ, *Senonensis*, 1, въ

Больше того: эти лица одновременно обозначаются иногда двойнымъ ихъ названіемъ, и мы читаемъ: «*cum bonis hominibus racimburgis*» [1].

Мы видѣли, что въ пяти формулахъ окружавшія графа лица обозначены названіемъ *viri venerabiles* или *viri magnifici*. Въ одной формулѣ сказано *venerabiles racimburgi* [2].

Итакъ, люди, о которыхъ мы говоримъ, не были первыми встрѣчными. Уже Салическая Правда даетъ понять, что они не могли быть бѣдными, такъ какъ она налагаетъ на каждаго изъ нихъ громадный штрафъ въ шестьсотъ динаріевъ серебра въ случаяхъ, когда они ошибались въ своемъ приговорѣ [3]. Тотъ же законъ прибавлялъ къ слову *rachinburgi* эпитетъ;

началѣ сказано: „In mallo ante comite vel aliis pluris personis" въ серединѣ: „Ab ipsis racimburgis fuit inventum et difinitum"; въ концѣ: „Notitia bonorum hominum manibus roborata".—*Personae* эти, засѣдавшія съ графомъ, и *racineburgi*, постановлявшіе приговоръ, и *boni homines*, подписавшіе *notitia*, были, конечно, одними и тѣми же лицами. Составитель приведенной, очень изысканно составленной формулы, желалъ избѣжать повтореній одного и того же слова и только по этой единственной причинѣ прибѣгнулъ къ тремъ тождественнымъ выраженіямъ.

[1] *Merkelianae* 27: „Cum pluris bonis hominibus racinemburgis." —30: „Reliquis bonis hominibus racineburgis".—Послѣдній сборникъ формулъ сохранился въ рукописи девятаго вѣка, представляющей копію съ болѣе ранней рукописи. Тридцать первыхъ формулъ въ его составѣ древнѣе остальныхъ. Ихъ по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ относить къ меровингскому времени.

[2] *Senonenses*. 6: „In mallo publico ante inluster vir illo comite et ante apostolico viro illo vel pluris venerabilibus racinburgis".

[3] *Lex Salica*, LVII, 3: „Si rachiniburgii non secundum legem iudicaverint... 600 dinarios quisque illorum culpabilis iudicetur". Ср. *Lex Ripuaria*, LV.

idonei, спеціально обозначавшій состоятельность [1]. Указъ Хильпериха гласитъ, что они должны быть «людьми хорошими и достойными довѣрія», то-есть, занимать внушающее довѣріе соціальное положеніе [2], и добавляетъ, что они обязаны быть «опытны въ дѣлахъ» [3]. Все это указываетъ на отборныхъ людей. *Boni homines*, *viri magnifici*, *rachinburgi idonei*, — подъ этими различными наименованіями намъ приходится предполагать значительнѣйшихъ жителей той страны, въ которой графъ отправлялъ правосудіе. Григорій Турскій, писавшій на нѣсколько болѣе классической латыни, называлъ ихъ словомъ *seniores*, обозначавшимъ именно самыхъ именитыхъ жителей какой-нибудь мѣстности [4].

[1] *Lex Salica*, L, 3: „Racheneburgios idoneos". — О значеніи слова *idoneus* см. *Digest*. XXVII, 8. 1: „Fideiussor idoneus"; IV, 4, 27: „Idoneus debitor"; L, 16, 42: „Idoneus homo"; XL, 50: „Idoneam cautionem"; см. еще текстъ Ульпіана въ Дигестахъ L, 16, 42. То же значеніе имѣетъ оно и въ Салической Правдѣ; см. XXXIX: „testes idonei"; L: „rachineburgios idoneos"; также въ въ Рипуарской Правдѣ, LIX: „carta idonea" и въ формулахъ.

[2] *Edictum Chilperici*, 8: „Graphio cum septem rachymburgiis bonis credentibus". — Въ капитуляріи 782 года (Boretius, p. 192 — 193) опять встрѣчается причастіе *credens*, вмѣсто прилагательнаго *credibilis* — въ страдательномъ значеніи. Оно употреблялось, должно быть, въ этомъ значеніи въ простомъ языкѣ, потому что оттуда произошло употреблявшееся въ средніе вѣка слово *créant*.

[3] „Et qui sciant actiones". Сравните выраженія „agere actiones" *Gregor*. Mirac. Iuliani, 16); „dirimere actiones" (*Vita Amandi*, Mabillon, II, 714); „publicae actiones" — въ постановленіяхъ четвертаго орлеанскаго собора (с. 13); „moris actionum" (*Vitae Patrum*, X, 4).

[4] *Gregor*. V, 48: „In iudicio cum senioribus residebat". Гри-

Кто же выбиралъ рахинбурговъ? По мнѣнію Зома, ихъ выбирала сотенная община; но Салическая Правда не говоритъ ни о сотнѣ, ни объ избраніи. Ни одно изъ двухъ словъ не встрѣчается также въ формулахъ, наряду со словомъ «рахинбургъ». Нигдѣ не сказано ни того, что люди эти выбирались, ни того, что они были представителями мѣстнаго населенія. Съ другой стороны, не видно также, чтобы они назначались королемъ. У насъ есть подъ руками много списковъ королевскихъ чиновниковъ: въ нихъ никогда не встрѣчается ни слово—рахинбурги, ни boni homines. Люди эти не были, значитъ, ни представителями народа, ни чиновниками короля.

Нѣкоторые ученые думали, что рахинбурги назначались для каждаго дѣла тяжущимися сторонами. [1]. Но ничего подобнаго Правды не говорятъ, а формулы показываютъ какъ разъ противоположное. По нимъ легко засвидѣтельствовать, что рахинбурги оказывались уже собранными раньше, чѣмъ явилась хотя бы одна изъ тяжущихся сторонъ. Кромѣ того, мы видимъ рахинбурговъ засѣдающими при рѣшеніи дѣлъ, въ которыхъ не было ни истца, ни отвѣтчика, и гдѣ невозможно было поэтому, чтобы они были выбраны тяжущимися сторонами. Это слишкомъ хитрое объясненіе не можетъ устоять противъ точнаго изслѣдованія.

Остается только одно возможное предположеніе:

горій говоритъ также—„cum senioribus urbis“ (VIII, 21), упоминая о главныхъ жителяхъ города Меца.— То же слово *seniores* встрѣчается въ одной формулѣ для обозначенія знатныхъ жителей Анжера (*Andegavenses*, 32).

[1] *Siegel*, Geschichte des Gerichtsverfahrens, 1857, стр. 145. *Sohm*, Reichs- und Gerichtssverfassung, стр. 378.

рахинбурги выбирались графомъ. Это опредѣленно не констатируется въ документахъ, но само собою выводится изъ нѣкоторыхъ въ ихъ числѣ. Когда въ Салической Правдѣ говорится, что графъ долженъ собирать рахинбурговъ, которые были бы «способными и состоятельными», [1] или когда указъ Хильпериха предписываетъ графу имѣть при себѣ «хорошихъ, достойныхъ довѣрія и опытныхъ» рахинбурговъ,—это заставляетъ думать, что выборъ зависѣлъ отъ него.

Не слѣдовало бы однако утверждать, что составъ рахинбурговъ или *boni homines* точно и опредѣленно зависѣлъ отъ выбора графа. Они не «назначались» имъ правильно, какъ его *vicarius* и его сотники; они не были должностными лицами; выборъ ихъ происходилъ передъ засѣданіемъ и безъ всякаго строго установленнаго порядка. Когда графъ, производя судебный объѣздъ, открывалъ въ какой-нибудь мѣстности засѣданія своего *mallus*, къ нему сами являлись знатные люди эти мѣстности, наиболѣе зажиточные изъ нихъ и наиболѣе опытные, чтобы занять мѣсто около него. Тѣ же, кто не являлся добровольно, призывались графомъ и нравственно принуждались къ участію рядомъ съ нимъ въ отправленіи правосудія. Являлись, вѣроятно, также и тѣ, которыхъ могли заранѣе пригласить къ прибытію на судъ заинтересованныя стороны; очень вѣроятно, наконецъ, приходили и всѣ мелкіе мѣстные ходатаи по дѣламъ. Въ этомъ обществѣ, склонномъ къ сутяжничеству, было много такого рода людей, и они охотно слѣдили за

[1] *Lex Salica*, L, 3: „Grafio colligat secum septem rachineburgios idoneos“.

всякими судебными процессами; они бывали рады, если удавалось принять участіе въ дѣлахъ: такъ пріобрѣтались извѣстность и вліяніе; но, съ другой стороны, и ихъ охотно приглашали къ такому участію: такъ открывалась возможность пользоваться ихъ опытомъ. Всѣ эти категоріи людей, могли, такимъ образомъ, оказываться иногда рахинбургами. Никто изъ нихъ не являлся таковымъ постоянно. Трудно указать что-нибудь болѣе измѣнчивое, чѣмъ составъ этой небольшой коллегіи: онъ обновлялся почти съ каждымъ новымъ дѣломъ. Никакая соціальная группа людей не призывалась туда спеціально, и никакая не исключалась изъ нея. Надо отмѣтить только одно: никто не могъ засѣдать въ графскомъ судѣ, если самъ графъ не давалъ на то разрѣшенія.

Нѣсколько формулъ показываютъ, что духовныя лица такъ же могли быть рахинбургами, какъ и свѣтскія [1]; это подтверждается постановленіями соборовъ шестого вѣка, которыхъ даже безпокоила, повидимому, слишкомъ явная склонность духовенства къ принятію участія въ судахъ [2]. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Римляне такъ же могли засѣдать на судахъ, какъ и Франки. Такъ какъ обѣ расы были подсудны однимъ и тѣмъ же судебнымъ установленіямъ, то и въ составѣ суда не полагалось различія расъ. Изъ того, что засѣдатели суда называются то рахин-

[1] *Andegavenses,* 10: „Viris venerabilibus atque magnificis".— *Senonenses,* 6: „Cum venerabilibus racimburgis". — Ср. *Gregor. Tur.* V, 48: „Si in iudicio cum... vel clericis vel laicis resedisset."

[2] Оксеррскій соборъ 578 года, ст. 34; соборъ Маконскій 585 г., ст. 19. Фортунатъ (Carmina, IV, 12) говоритъ о священникѣ по имени Иларіи: „Iustitiam tribuens populis examine recto".

бургами, то *boni homines,* мы не въ правѣ заключать, что рахинбурги были Франки, а *boni homines* — Римляне. Оба выраженія оставались тождественными въ обычномъ языкѣ; поэтому мы встрѣчаемъ слово «рахинбурги» въ одной анжуйской формулѣ, которая была формулой римской. Въ нѣсколькихъ формулахъ мы видимъ, что рядомъ съ графомъ засѣдалъ епископъ [1], и это подтверждается нѣкоторыми разсказами писателей. Въ двухъ дѣлахъ, одно изъ которыхъ разбиралось въ Турѣ, другое — въ Нойонѣ, графъ имѣлъ около себя епископа [2]. Это не значитъ, что такое право было пожаловано епископу формальнымъ закономъ: развѣ не былъ епископъ первымъ знатнымъ лицомъ страны?

Составъ суда мѣнялся, кромѣ того, сообразно съ мѣстностью. Можно допустить, что, когда онъ происходилъ въ большомъ городѣ, составъ его часто бывалъ таковъ, какъ описываетъ слѣдующая формула: «Въ то время, какъ на пользу церкви и по службѣ государя въ Анжерѣ засѣдали апостольскій мужъ, господинъ епископъ и свѣтлѣйшій мужъ, графъ, съ другими почтенными или блистательными людьми изъ города...» [3] Но когда графъ открывалъ засѣданія сво-

[1] *Senonenses,* 6: „In illa civitate in mallo publico ante inlustri viro illo comite et ante apostolico viro illo vel quampluris viris venerabilibus racimburgis, qui ibidem ad universorum causas audiendum resedebant". — *Senonenses,* 3: „In mallo ante illo episcopo vel aliis pluris magnificis viris qui ibidem residebant".

[2] *Gregor.* VII, 47 in fine.— *Vita Eligii,* II, 61: „In examine episcopi et comitis".

[3] *Formulae Andegavenses,* 32: „Cum pro utilitate ecclesiae vel principali negotio apostolicus vir domnus ille episcopus et in-

его суда въ небольшомъ городѣ, или въ мѣстечкѣ, то возможно, что при немъ находилось лишь нѣсколько сельскихъ владѣльцевъ края.

Таковъ былъ, насколько можно понять изъ документовъ, очень разнообразный и нѣсколько произвольный составъ графскаго суда. Какъ король судилъ «среди своихъ вельможъ», такъ же и графъ судилъ среди именитыхъ людей подвѣдомственнаго ему округа. Велико ли было число такихъ окружавшихъ его людей? Мы не сумѣемъ отвѣтить на это; у насъ нѣтъ ни одной цифры, и намъ даже не кажется, чтобы опредѣленная цифра существовала когда бы то ни было [1].

Намъ надобно изслѣдовать теперь: какова была дѣятельность этихъ засѣдателей, какое реальное участіе принимали они въ судебныхъ процессахъ?

Есть одинъ вопросъ, о которомъ тексты высказываются очень ясно: разсматриваемые именитые люди допрашивали истцовъ или обвиняемыхъ и высказывали свое мнѣніе. «Рахинбурги, сидящіе на судѣ (in mallo), говоритъ Салическая Правда, изслѣдуютъ дѣло тяжущихся и должны сказать, каковъ законъ» [2].

luster vir ille comis in civitate Andecave cum reliquis venerabilibus atque magnificis reipublicae viris resedisset“.

[1] Въ формулахъ говорится — *plures, quamplures*. Если бы это читалось на классической латыни, мы сказали бы, что данное слово обозначаетъ „большое число“; но сохранило ли оно такой опредѣленный смыслъ въ меровингской латыни? Обозначало ли оно что-нибудь иное, чѣмъ французское слово — *plusieurs*? Впрочемъ, надо помнить, что мы имѣемъ дѣло съ заранѣе составленнымъ образцомъ для актовъ: *quamplures* могло стоять въ общей формулѣ; сколько являлось лицъ въ реальномъ процессѣ, неизвѣстно.

[2] *Lex Salica*, 57: „Si rachineburgii in mallo (in mallobergo) sedentes dum causam inter duos discutiunt, legem dicere noluerint debet dicere... legem dicatis secundum legem salicam“. — *Discutere causam* было обычнымъ на языкѣ того времени выраженіемъ для обозначенія разбора дѣла, допроса сторонъ, веденія преній.

Въ текстѣ сказано еще прямо, что рахинбурги судятъ, *iudicant* [1]. Это подтверждается формулами. У насъ нѣтъ подлинныхъ приговоровъ графскаго суда; но отчеты или свидѣтельства о такихъ приговорахъ ясно указываютъ, что «допрашивали» и «судили» окружавшіе графа люди. Одна анжуйская формула выражается такъ: «Въ городѣ Анжерѣ такой-то и братъ его явились въ присутствіе графа и рахинбурговъ, и лица, изъ которыхъ состоялъ судъ, постановили слѣдующій приговоръ» [2]. Въ одной турской формулѣ мы читаемъ: «Такой-то явился къ судьѣ и засѣдавшимъ съ нимъ, и люди эти допрашивали явившагося» [3]. То же самое повторено въ одной сансской формулѣ: «Такой то явился на судъ (mallus) передъ графомъ и boni homines; люди, изъ которыхъ состоялъ судъ, произвели допросъ и постановили такой приговоръ» [4]. Много другихъ формулъ достовѣрнымъ образомъ устанавливаютъ, что допрашивалъ и судилъ весь составъ трибунала. [5].

[1] *Ibidem*, 56: „Quod ei a rachineburgiis fuerit iudicatum... quando, rachineburgii iudicaverunt.—См. *Lex Ripuaria*, 55.

[2] *Andegavenses*, 50: „Visum est ad ipsas personas decrevisse iudicia“.

[3] *Turonenses*, 41: „Ante illum iudicem vel reliquis viris, qui ibidem aderant... Ipsi viri hominem interrogaverunt“.

[4] *Senonicae*, 20, Rozière, 459: „Ante illo comite vel pluris bonis hominibus... Interrogatum fuit ab ipsis viris... Ab ipsis viris fuit iudicatum ut...“

[5] *Andegavenses*, 11: „Visum fuit ipso agente vel qui cum eo

Значитъ ли это, что рахинбурги, добрые люди были настоящими судьями, которые творили юстицію отъ своего лица и въ силу собственнаго права? Замѣтимъ прежде всего, что именемъ судей они никогда не называются. Ни Салическая, ни Рипуарская Правды, ни формулы ни разу не даютъ имъ такого названія [1].

aderant..." 12: „Per iudicio illo comite vel auditores suis". — 24:. „Visum fuit ab ipso preposito vel qui cum eo aderant". 28: „Visum fuit ab ipsis magnificis". — *Turonenses*, 32: „Ipsi viri, qui ibidem aderant, tale dederunt iudicium". 39: „Ipsi viri decreverunt judicium." —*Senonicae*, 11: „Interrogatum fuit ad ipsos viros (ab ipsis viris)... Ab ipsis viris fuit iudicatum". 51: „Ab ipsis bonis hominibus fuit iudicatum". *Senonenses*, 1: „Apud (ab) ipso comite vel ipsis racinburgiis diligenter fuit inventum vel inquisitum et legibus definitum". 4: „Ab ipsis missis dominicis vel illo comite seu et ab ipsis racinburgis fuit iudicatum". 6: „Ipsi viri interrogaverunt. Ips viri tale decreverunt iudicium". — *Bignonianae*, 9: „Apud garafione vel apud ipsos bonos homines fuit iudicatum". 14: „Boni homines... taliter iudicaverunt". 27: „Ab ipsis rachimburgis fuit iudicatum." — *Merkelianae*, 39: „Ab ipsis viris rachimburgis fuit iudicatum".

[1] Если документы Пользуются терминомъ *iudicare*. это не означаетъ еще, что на нихъ смотрѣли какъ на *iudices*. Глаголъ этотъ имѣлъ широкое и не вполнѣ точное значеніе; его нельзя всегда понимать въ опредѣленномъ смыслѣ—постановлять приговоры. Такъ мы видимъ, что разсматриваемые люди рѣшали вопросъ о томъ, какая сторона должна будетъ принести присягу (*Andegav.* 50; *Turon.* 39; *Senonicae*, 17); въ другихъ случаяхъ сказано, что люди эти „рѣшаютъ" (*iudicant*) о необходимости составить свидѣтельство по поводу постановленнаго уже приговора: „Iudicatum est, ut de hac causa notitiam accipere deberet" (*Senonenses*, 1); или они постановляютъ написать охранную грамоту (securitas). См. *Merkelianae*, 391. Глаголъ *iudicare* понимался лишь въ смыслѣ—„выражать, высказывать мнѣніе". Существительное же *iudex* имѣло болѣе установившееся и опредѣленное значеніе. Во французскомъ языкѣ слово „juger" также употребляется гораздо шире, чѣмъ „juge". Итакъ, тѣ, кто утверждалъ, что рахинбурги были *iudices*, на томъ основаніи, что въ документахъ къ нимъ примѣнялся терминъ *iudicare*, дѣлали невѣрное заключеніе.

Замѣтимъ далѣе, что засѣдали рахинбурги не самостоятельно: они всегда дѣйствовали при графѣ. Мы видимъ рахинбурговъ только на mallus, а mallus происходилъ только тамъ, гдѣ находился графъ или его уполномоченный. Въ формулахъ очень ясно указано, что рахинбурги функціонируютъ только въ графскихъ судахъ. [1]. При крайней своей краткости, обѣ франкскихъ Правды не устанавливаютъ этого въ формальныхъ выраженіяхъ; но во многихъ мѣстахъ можно найти намеки, заставляющіе такъ полагать. Мы видимъ, напримѣръ, что Рипуарская Правда обозначаетъ тотъ самый mallus, на которомъ судили рахинбурги, выраженіемъ «ante comitem»; [2]. или она называетъ его словами «in praesentia iudicis», [3]; Салическая Правда также говоритъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ упоминаются рахинбурги, о приведенныхъ къ графу преступникахъ или о поданномъ ему дѣлѣ, касающемся имущественнаго вопроса, или о приведеніи графомъ въ исполненіе приговора [4]; наконецъ, обѣ Правды упоминаютъ о полученіи графомъ части штра-

[1] Присутствіе *comes* или *iudex*, или *vicarius*, *agens*, *missus* констатируется въ 34 формулахъ. *Andegav.* 10, 11, 12, 24, 28, 29, 32, 50; *Turonenses*, 29, 30, 31, 32, 38, 39, 41; *Senonicae*, 10, 11, 17, 20, 38; *Senonenses*, 1, 2, 3, 4, 6; *Bignonianae*, 9, 13 27; *Merkelianae*, 27, 28, 29, 30, 38, 39. Двѣ только упускаютъ упоминаніе о главѣ суда: „№ 51 изъ *Senonicae* и № 14 изъ *Bignonianae*; обѣ формулы отличаются неправильностью текста

[2] Ср. *Lex Ripuaria*, XXXII, 2; L; LV; LXXXVIII; LXXXIX.

[3] *Lex Ripuaria*, XXX, 1.

[4] *Lex Salica*, XXXII; XLV, 2; L, 3.

фовъ, назначенныхъ въ судѣ при участіи рахинбурговъ. Судя по франкскимъ Правдамъ, графъ, совершенно очевидно, принималъ, по меньшей мѣрѣ, большое участіе въ судебныхъ актахъ. Слова Рипуарской Правды — «in mallo ante comitem»—означаютъ, что графъ былъ главнымъ лицомъ въ судѣ; онъ предсѣдательствовалъ на немъ; то же самое должно подразумѣваться также въ Салической Правдѣ, хотя она не высказывается такъ опредѣленно. Всѣ ученые согласно признали, что предсѣдательствовалъ на судѣ графъ, и что онъ также постановлялъ приговоръ. Итакъ, можно сказать, что даже въ франкскихъ Правдахъ, а тѣмъ болѣе въ формулахъ, рахинбурги пріобрѣтали значеніе лишь въ присутствіи графа. Безъ него они какъ бы не существовали.

По документамъ можно еще замѣтить, что въ королевскомъ судѣ, являвшемся, безъ сомнѣнія, верховнымъ и постояннымъ судомъ государства, никогда не обнаруживается ни рахинбурговъ, ни boni homines. Люди эти участвовали только на mallus, то-есть, на графскомъ судѣ.

Каковъ же при этомъ порядокъ ихъ отношеній къ графу на судѣ? Ученые, исходившіе изъ того предвзятаго мнѣнія, что mallus былъ народнымъ собраніемъ съ верховною властью, не могли допустить чтобы графъ пользовался тамъ самостоятельнымъ авторитетомъ. Они придумали поэтому, что предсѣдательство его ограничивалось охраною внѣшняго порядка на судѣ, и что привилегія его постановлять приговоры заключалась только въ объявленіи продиктованнаго ему рахинбургами рѣшенія [1]. Это только теорія, но не достовѣрный выводъ. Ни одинъ документъ, ни даже Салическая Правда не подтверждаютъ такого необычайнаго толкованія, и всякій, кто внимательно изслѣдовалъ учрежденія той эпохи, найдетъ мало вѣроятнымъ, чтобы графъ, такое могущественное лицо, бывшій почти самостоятельнымъ государемъ въ своемъ графствѣ, могъ унизиться до роли лишь выразителя приговоровъ, можетъ быть, постановленныхъ вопреки его волѣ. Можно, впрочемъ, привести даже документы, прямо показывающіе, что дѣло происходило иначе. Нѣсколько формулъ говорятъ совсѣмъ ясно, что судебное рѣшеніе постановлялось графомъ и рахинбургами вмѣстѣ [2]. Въ болѣе неопредѣленномъ текстѣ формулъ читается: «Онъ судимъ былъ лицами, участвовавшими въ трибуналѣ [3]. Такой способъ выраженія не исключаетъ

[1] *Savigny*, Hist. du droit romain, 141 (фр. перев.): „На судѣ предсѣдательствовалъ графъ или его намѣстникъ, но безъ права подавать голосъ; рѣшеніе принадлежало всѣмъ свободнымъ людямъ“. — *Pardessus*, Loi Salique, p. 574: „*Comes* совсѣмъ не принималъ участія въ судахъ; обязанность его состояла въ томъ, чтобы предсѣдательствовать надъ гражданами, которые судили“. То же самое говоритъ *Thonissen*, стр. 375 и *Beauchet*, Organisation judiciaire, стр. 26.

[2] *Andegavenses*, 11: „Visum fuit ipsi agenti vel qui cum eo aderant“.—12: „Per iudicium comitis vel auditores suis“. — *Senonicae*, 38: „Ille comes vel reliquae francae personae decreverunt“.— *Senonenses*, 1: „Ab ipso comite vel ipsis racimburgiis fuit legibus definitum“.—4: „Ab illo comite et ab racimburgis fuit iudicatum“.— *Bignonianae*, 9: „Ab grafione vel bonos homines fuit iudicaum“.

[3] *Andegavenses*, 28: „Visum est ab ipsis magnificis“—50: „Visum est ad ipsas personas decrevisse iudicio“.—*Turonenses*, 32: „Ipsi viri tale dederunt iudicium“.—*Senonicae*, 11 и 20: „Ab ipsis

и графа. Внимательно разсмотрѣвъ эти формулы, можно убѣдиться, что слова—«ab ipsis viris iudicatum fuit» соотвѣтствуютъ стоявшимъ въ началѣ—«ante comitem et qui cum eo aderant». Рѣшалъ весь составъ суда; ничто не даетъ намъ права исключать изъ него того, кто на немъ предсѣдательствовалъ.

Въ такомъ трудномъ и тонкомъ вопросѣ слѣдуетъ обращать вниманіе на малѣйшія подробности. Я замѣчаю, что почти всѣ наши формулы гласятъ слѣдующее: «Передъ графомъ и другими рахинбургами»[1]. Выраженіе это, повторяющееся слишкомъ часто для того, чтобы его можно было приписать случаю или небрежности редактора, указываетъ на то, что самого графа считали однимъ изъ числа рахинбурговъ [2].

viris fuit iudicatum". — Другія формулы, особенно *Merkelianae*, неопредѣленно говорятъ—„fuit iudicatum". Ни одна формула, во всякомъ случаѣ, не исключаетъ графа изъ числа лицъ, постановлявшихъ рѣшенія.—Есть нѣкоторыя такія, которыя говорятъ только о boni homines или рахинбургахъ; но надо обратить вниманіе на то, что формулы эти — простыя *epistolae*; мы будемъ говорить о нихъ дальше.

[1] *Andegavenses*, 50: „Ante comite vel reliquis racineburdis".— *Senonenses*, 1: „Ante illo comite vel aliis personis... racimburgiis". *Merkelianae*, 30: „Ante illum vicarium vel reliquos bonos homines racineborgos". — *Turonenses*, 28: „Ante inlustri viro vel reliquis viris". *Ibidem*, 41.—*Senonicae*, 10: „In mallo ante comite vel reliquis bonis hominibus". 17: „In mallo ante comite vel aliis bonis hominibus". — *Senonenses*, 3: „In mallo ante illo comite vel aliis, magnificis viris". — *Merkelianae*, 29: „In mallo ante vicarium vel reliquos bonos homines".

[2] Это легко объяснится, если мы вспомнимъ, что слово „рахинбургъ" не было ни названіемъ профессіи, ни названіемъ должности; оно обозначало просто временное положеніе, состоявшее въ засѣдательствѣ на судѣ. Въ такомъ смыслѣ, слово это могло примѣняться и къ самому графу.

Его отличали, какъ графа, но не какъ лицо, разбиравшее дѣло на судѣ. Итакъ, графъ и рахинбурги не стояли другъ противъ друга, какъ двѣ различныя власти. Они представляли вмѣстѣ одну группу. Прочтите всѣ наши формулы: графъ и рахинбурги не только не оказываются никогда въ несогласіи между собою, они даже никогда не дѣйствуютъ отдѣльно. Они допрашиваютъ сообща и судятъ сообща; можно сказать, что они обладали однимъ мнѣніемъ и представляли собою какъ бы одно существо. Въ разсказахъ писателей обнаруживается такое же единство суда, хотя и въ другой формѣ. Тутъ упоминается одинъ графъ и говорится, что отъ него одного исходило оправданіе, осужденіе или помилованіе; разсказчикъ видитъ только его. Мы не выведемъ отсюда, что онъ дѣйствовалъ безъ рахинбурговъ, такъ же, какъ и изъ законовъ, которые говорятъ только о рахинбургахъ; мы не сдѣлаемъ заключенія, что рахинбурги дѣйствовали безъ него. Но изъ всѣхъ этихъ, столь различныхъ по виду документовъ мы убѣдимся въ одномъ, а именно, что въ составѣ суда графъ не отдѣлялся отъ окружавшихъ его лицъ. Поэтому въ нихъ никогда не говорится, чтобы рахинбурги совѣщались безъ графа, или чтобы графъ удалялся или устранялся послѣ допроса, для предоставленія имъ большей свободы при обсужденіи дѣла, или чтобы рахинбурги выносили вердиктъ, который послушно объявлялся графомъ. Въ текстахъ не заключается ничего подобнаго. Надо, стало быть, устранить эту теорію, превращающую рахинбурговъ въ верховныхъ судей, у которыхъ графъ являлся бы только слугою.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что рахинбурги судили (*iudicant*), но надо посмотрѣть, въ силу какого права они судили. Они не были уполномоченными отъ населенія, которое ихъ не выбирало; они не были также уполномоченными короля, который ихъ не назначалъ. Они не обладали также сами по себѣ никакимъ самостоятельнымъ правомъ; вообще, ясно, что въ своемъ лицѣ они не воплощали самостоятельной юстиціи. Право участія въ ней они держали отъ графа. Они засѣдали въ судѣ только потому, что графъ допускалъ или призывалъ ихъ къ себѣ. Они не были судьями наканунѣ того дня, какъ входили въ засѣданіе, и переставали быть ими на другой день послѣ того. Они судили только тогда, когда этого хотѣлъ графъ, и графъ не только не былъ ихъ подчиненнымъ, но отъ него-то они и получали свои кратковременныя полномочія. Они имѣли только заимствованную отъ графа власть.

По праву, они являлись лишь ассессорами графа, который одинъ былъ облеченъ судебной властью по королевскому полномочію. На практикѣ, они допрашивали, судили, составляли или заготовляли приговоры, но ничего не могли дѣлать вопреки волѣ графа. Насъ не должно удивлять, если, такимъ образомъ, въ дѣйствительности они дѣлали больше графа. Королевскій чиновникъ былъ обыкновенно человѣкомъ чужимъ той странѣ, гдѣ онъ управлялъ; если онъ возвысился, какъ военачальникъ, то могъ не знать законовъ; если онъ происходилъ изъ франкской семьи, ему неизвѣстно было римское право, если изъ римской — то франкское. Судить онъ долженъ былъ однако людей обѣихъ расъ, и грамота о его назначеніи предписывала ему руководиться при этомъ законами и обычаями каждой. [1] Ему необходимо было, стало быть, имѣть около себя людей, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сообщали бы ему, каковъ обычай. Ему нужно было также согласоваться обыкновенно съ ихъ мнѣніемъ. Производилъ ли онъ голосованіе? Считалъ ли онъ поданные голоса, и было ли принято подчиняться большинству, если мнѣнія раздѣлялись,—мы этого не знаемъ. Судя по нѣкоторымъ лѣтописнымъ разсказамъ, кажется, что скорѣе все зависѣло отъ его воли или настроенія, иногда отъ его выгоды. Конечно, случалось довольно часто, что, какъ сообщаетъ Григорій Турскій о Лейдастѣ, графъ совсѣмъ не принималъ во вниманіе взглядовъ окружавшихъ его лицъ и одинъ произносилъ самые произвольные приговоры. [2] Фактически онъ всегда могъ такъ поступить; но чаще графъ выказывалъ больше сговорчивости. Если онъ сознавалъ свое невѣдѣніе въ законахъ, то понималъ, что засѣдатели замѣняютъ ему опытъ и знаніе. Онъ допускалъ ихъ поэтому допрашивать стороны, не обходился безъ того, чтобы совѣщаться съ ними о приговорѣ, и не рѣшался уклоняться отъ ихъ мнѣнія. Нельзя сказать, что они подчиняли его своему взгляду, но онъ принималъ его, сознавая, что такъ было разумно и справедливо.

Прибавьте, что кромѣ суда на графѣ лежали и другія заботы. Онъ былъ и администраторомъ, и сборщикомъ податей, и въ то же время военнымъ начальникомъ. Многія причины могли помѣшать ему явиться на судъ. Если даже онъ проводилъ въ немъ поло-

[1] *Marculf*. I, 8: „Secundum lege et consuetudine eorum“.
[2] *Greg Tur*. V, 49 (48).

вину своихъ дней, ему всетаки невозможно было разобрать всѣ убійства и покражи, совершенныя въ обширномъ округѣ, которымъ онъ управлялъ. Ему не подъ силу было особенно разрѣшать всѣ имущественныя тяжбы, еще болѣе многочисленныя въ то время и касавшіяся гражданскихъ правъ, свободы, рабства, колоната, наконецъ безчисленныхъ споровъ о собственности между частными лицами. Король и законъ дѣлали его единственнымъ судьей во всей этой обширной области дѣлъ и процессовъ. Но другія его обязанности и ограниченность человѣческихъ силъ часто мѣшали ему отправлять юстицію. Могло ли однако останавливаться теченіе правосудія? Нѣтъ! Изучая королевскій судъ, мы по достовѣрнымъ даннымъ установили, что присутствіе на немъ короля часто являлось фиктивнымъ. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что такъ же обстояло дѣло и съ присутствіемъ графа въ его судѣ. Находясь въ отсутствіи, онъ могъ замѣнять себя однимъ изъ своихъ подчиненныхъ, своимъ викаріемъ или какимъ-нибудь другимъ чиновникомъ. Но и это даже не всегда было возможно,— напримѣръ, въ военное время, или если судебныя дѣла были черезчуръ многочисленны. Судъ однако функціонировалъ, и мы можемъ предполагать, что на засѣданіе его являлись обычные «ассистенты» и дѣйствовали такъ, какъ будто бы во главѣ ихъ находился графъ. Они судили по особаго рода молчаливому полномочію или въ силу необходимаго уклоненія отъ правильнаго порядка, но судили отъ имени графа, въ силу его права такъ, какъ будто бы они на время превращались въ него самого.

До насъ не дошло ни одного текста приговора

изъ графскихъ судовъ; мы не можемъ, значитъ, сказать съ увѣренностью, какая редакція приговоровъ практиковалась обычно. По аналогіи съ формой королевскихъ приговоровъ, я склоненъ думать, что писался онъ отъ имени графа, что *iubemus* и *decernimus* провозглашалъ графъ. Но у насъ есть только свидѣтельства о приговорахъ, и въ нѣсколькихъ формулахъ можно замѣтить, что свидѣтельства эти были написаны по приказанію ассессоровъ и ими подписаны. Такая особенность, которая не имѣла бы никакого основанія, если бы графъ лично присутствовалъ на судѣ, указываетъ, повидимому, что въ данныхъ случаяхъ его тамъ не было; можетъ быть, онъ находился въ сотнѣ миль отъ мѣста засѣданія, при дворѣ короля, или въ какомъ-нибудь военномъ походѣ, или былъ посланъ куда-нибудь по особому порученію. Оказывалось фактически невозможнымъ, чтобы онъ подписалъ приговоръ, а ждать его возвращенія было бы неосторожно. Ассистенты составляли тогда свидѣтельство, подписывали его и передавали документъ выигравшей дѣло сторонѣ [1]. Вотъ почему у насъ сохраняется такое большое количество формулъ—*notitiae iudicii*. Но все-таки удостовѣреніе это всегда должно было начинаться съ имени графа и составлялось такъ, чтобы заставить думать, будто графъ самъ присутствовалъ при рѣшеніи. По за-

[1] *Formulae Andegavenses*, 6: „Convenit ad bonos homines, ut hanc securitatem facere deberet". —*Turonenses*, 41: „Propterea oportunum fuit, ut hanc notitiam accipere deberet". — *Senonenses*, 1: „Taliter ei iudicatum fuit, ut de hac causa notitiam bonorum hominum manibus roboratam accipere deberet". — *Merkelianae*, 39: „Postea ab ipsis racineburgis fuit iudicatum, ut ipsi parentes talem epistolam manu eorum vel bonorum hominum firmatam facere deberent".

кону присутствіе его было обязательно, такъ какъ судъ существовалъ только съ нимъ и черезъ него. Но присутствіе это, какъ мы замѣчали выше и относительно короля, часто было только законной фикцией.

Въ итогѣ, люди, называвшіеся *boni homines*, или *rachinburgi*, по праву являлись только ассистентами и совѣтниками графа; въ дѣйствительности же, они судили съ нимъ, если онъ присутствовалъ; а если онъ находился въ отсутствіи, они судили безъ него, но отъ его имени и такъ, какъ будто бы онъ участвовалъ въ трибуналѣ. Въ принципѣ, право судить принадлежало только графу по уполномоченію отъ короля; практика же юрисдикціи часто уклонялась отъ такого порядка вслѣдствіе отсутствія графа, и отправленіе правосудія попадало постоянно въ руки именитыхъ жителей каждой мѣстности.

4.

Другіе суды.

Не всѣ преступленія и тяжебныя дѣла поступали въ графскій судъ. Онъ завѣдывалъ очень обширною областью, обнимавшею часто такую территорію, какъ позднѣйшія провинціи Пуату или Овернь. Когда графъ ревностно относился къ своимъ судебнымъ обязанностямъ, онъ объѣзжалъ отъ времени до времени свой округъ для того, чтобы сблизиться съ подсудными ему людьми и повсюду преслѣдовать и карать преступниковъ. У насъ есть нѣсколько примѣровъ такихъ перемѣщеній графскаго суда. Гундобальдъ, едва назначенный графомъ въ городѣ Мо, разбираетъ

процессы, возникшіе въ этомъ городѣ, и для совершенія своего судебнаго дѣла объѣзжаетъ потомъ другія мѣста осѣдлости [1]; герцогъ Рокколенъ, отправляясь въ Пуатье, заранѣе назначаетъ день, когда онъ откроетъ тамъ засѣданіе своего суда [2]; герцогъ Герпонъ, прибывъ въ мѣстность, встревоженную смутами, посѣщаетъ въ ней различные пункты, всюду водворяя порядокъ и наказывая преступниковъ; его даже убили во время отправленія такихъ функцій карающаго правосудія [3]. Въ житіи святого Валариха также разсказывается о графѣ, судившемъ въ одномъ изъ мѣстечекъ своей области [4]. Но можно допустить, что много другихъ графовъ или герцоговъ относились къ своимъ обязанностямъ менѣе добросовѣстно. Въ небольшихъ поселеніяхъ они замѣщали себя своими викаріями или сотниками. Эти лица по его уполномоченію устраивали судебныя засѣданія (mallus), приглашая въ качествѣ ассессоровъ рахинбурговъ [5]. Впрочемъ, всѣ такіе

[1] *Gregor.* VIII, 18.

[2] *Idem*, V, 4: „Pectavo (Pictavum) abiit... dispositis actionibus quibus Kalendas Martias cives Pictavos vel affligeret vel damnaret“.— Слово *actiones* въ смыслѣ суда употреблялось довольно часто особенно въ сочетаніи „dirimere actiones“.

[3] *Fredegarii Chronicon*, 43: „Dum pacem in ipso pago vehementer arripuisset sectari, malorum nugacititem reprimens, ab ipsis pagensibus interficitur“.

[4] *Vita Walarici*, c. 11.

[5] *Formulae Bignonianae*, 7: „Cum resedisset ille vicarius vir inluster illo comite (id est, inlustris viri illius comites) in illo mallo publico ad causas audiendas vel recta iudicia terminanda“. *Ibidem*, 13: „Ante vigarium inlustris viri illius comitis“.— *Merkelianae*, 29: „In mallo illo ante illum vicarium vel reliquos bonos homines racineburgos, qui ibidem aderant“. — *Lex Ripuaria*, 50: „Ad mallum ante centenarium vel comitem“. — *Lex dicta Chamavorum*,

мелкіе суды являлись не чѣмъ инымъ, какъ развѣтвленіями графскаго суда [1].

Существовали, однако, кромѣ указанныхъ нѣкоторые другіе суды спеціальнаго характера, которые не стояли въ связи ни съ королемъ, ни съ королевскими чиновниками. Ихъ слѣдуетъ отмѣтить, хотя они и не имѣли большого значенія въ судебной организаціи франкскаго королевства.

Во времена римской Имперіи каждая муниципальная община обладала своимъ собственнымъ судомъ,

30: „Si quis infra pagum latronem comprehenderit et ante illum comitem aut ante suum centenarium non adduxerit". Ср. *Lex Salica*, 44: „Ut tunginus aut centenarius mallum indicant". *Lex Alamannorum*, 36: „Aut comiti aut centenario in placitum".

[1] Относительно суда сотника высказывалась въ наукѣ иная теорія; она развита всего полнѣе у *Beauchet*, Organisation judiciaire, стр. 9 — 17. Авторъ, поддавшійся въ этой части своей прекрасной книги подъ сильное вліяніе идей Зома, утверждаетъ, что сотникъ выбирался народомъ и предсѣдательствовалъ на „собраніи всѣхъ свободныхъ жителей сотни". Это вовсе не согласно съ документами. Автору невозможно доказать, что *tunginus* или сотникъ выбирался населеніемъ; онъ не можетъ также доказать и того, что всѣ свободные люди сотни собирались на сходки. Ни франкскіе законы, ни хотя бы одна меровингская формула, ни единый разсказъ у автора не отмѣчаютъ такого факта. Слѣдовало бы, наконецъ, остановиться на твердомъ выводѣ, что среди болѣе ста документовъ, относящихся къ суду, нѣтъ ни одного такого, который указывалъ бы, что населеніе сотни судило тяжбы или преступленія. — Изучая административное устройство франкскаго государства, мы установили, что сотникъ былъ чиновникомъ графа; онъ былъ подчиненъ ему и въ судебной организаціи. Если графъ открывалъ въ округѣ засѣданія своего суда, рядомъ съ нимъ засѣдалъ и сотникъ; если графъ былъ въ отсутствіи, сотникъ судилъ безъ него, но отъ его имени и какъ его уполномоченный.

въ которомъ функціонировали ея магистраты: это былъ низшій судъ; правительство терпѣло его наряду съ главнымъ судомъ, принадлежавшимъ римскому правителю, который одинъ вооруженъ былъ такъ-называемымъ *ius gladii*. Одною изъ отличительныхъ чертъ, характеризовавшихъ этотъ муниципальный судъ, было то, что онъ не могъ постановлять ни одного смертнаго приговора; всѣ его рѣшенія могли быть, кромѣ того, отмѣнены провинціальнымъ губернаторомъ. Этотъ судъ, обладавшій узкою, слабою компетенціею по праву, на практикѣ былъ дѣятеленъ и довольно могущественъ. Онъ не совсѣмъ исчезъ вмѣстѣ съ паденіемъ Имперіи. Кое-что отъ него осталось даже при упадкѣ городскихъ магистратуръ и курій. Въ документахъ сохранились отъ него нѣкоторые—хотя и слабые—слѣды.

Мы обнаруживаемъ въ одной формулѣ особый видъ суда, во всякомъ случаѣ существовавшаго въ въ городѣ Буржѣ. Состоялъ онъ изъ лица, именующагося по старой римской терминологіи *defensor civitatis*, который являлся въ городѣ главнымъ магистратомъ, затѣмъ—изъ членовъ куріи, нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и нѣсколькихъ знатныхъ жителей [1]. Не упомянутъ ни графъ, ни одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ, и формула начинается съ провозглашенія того принципа, что «законы дозволяютъ каждому человѣку, потерпѣвшему ущербъ по винѣ ли противника, или по собственной небрежности, подавать свою жалобу мѣстнымъ городскимъ властямъ» [2].

[1] *Formulae Bituricenses*, 7, Zeumer, стр. 171, Rozière, № 404: „Optime defensor, vel curia publica seu et cuncto clero Sancti Stephani ac viri magnifici Betoricae civitatis..."

[2] *Ibidem*: „Consuetudinis legum indulgentia praestat, ut quo-

Въ тридцать второй формулѣ Турскаго сборника идетъ рѣчь, можетъ быть, также объ актѣ муниципальнаго суда. Формула эта не называетъ, правда, лицъ, составлявшихъ судъ; но такъ какъ судьи ссылаются на римскій законъ, и такъ какъ они довольствуются указаніемъ на то, что совершенное преступленіе достойно смертной казни, не присуждая однако этого наказанія,—я склоненъ думать, что здѣсь говорится о второстепенномъ судѣ, каковымъ и являлся судъ муниципальный [1].

tiescunque, instigante parte adversa, vel per negligentia, aliquis casus fragilitatis contigerit, oportet eum auribus publicis innotesci".— Мы видѣли выше, что слово *publicus* сохранило на языкѣ муниципальнаго управленія и въ спискахъ городскихъ курій то значеніе, которое оно имѣло, мы видѣли, въ Дигестахъ. Въ анжуйской формулѣ № 32 *respublica* значитъ «муниципальная курія»; въ приведенномъ здѣсь текстѣ *curia publica* обозначала то же учрежденіе, а слова — „auribus publicis innotescere" значили—довести до свѣдѣнія муниципальныхъ властей.—7-я формула изъ сборника *Bituricenses* ссылается спеціально лишь на одного *apennis*; но собраніе дефенсора, куріи, духовенства и viri magnifici имѣло, конечно, другія цѣли, чѣмъ простое занесеніе въ списки; а стоящія въ началѣ выраженія ясно указываютъ, что въ этотъ судъ могли поступать жалобы на противниковъ.

[1] *Formulae Turonenses*, 32; Rozière, № 465: „Veniens ille ante illum vel eos, qui subter tenentur inserti... Ipsi viri tale dederunt iudicium, ut secundum legem romanam pro hac culpa (тутъ говорится о грабежѣ, то-есть преступленіи, которое по римскимъ законамъ каралось смертью) ambo pariter vitae periculum incurissent vel sententiam mortis ob hoc scelus excepissent".—Такое напоминаніе пункта закона не можетъ быть названо настоящимъ приговоромъ. Продолженіе текста показываетъ дѣйствительно, что дѣло перешло въ *placitum* (мы увидимъ дальше значеніе этого слова) передъ *boni homines*, которые назначили наказаніе. Строго говоря, по законамъ Имперіи муниципальные судьи должны были передавать виновныхъ намѣстнику провинціи (*praeses*); понятно, что законъ этотъ долженъ былъ смягчиться.

У Григорія Турскаго есть два разсказа, въ которыхъ можно узнать существованіе и функціонированіе этого же суда. Близъ Тура между двумя людьми, именовавшимися Сихаріемъ и Австрегизиломъ, произошла ссора, причемъ въ столкновеніи совершено было нѣсколько убійствъ. Графъ не потребовалъ дѣла къ себѣ, хотя онъ и находился въ городѣ. Оба противника явились вмѣстѣ передъ судомъ, который Григорій называетъ «судомъ гражданъ». Конечно, подъ этимъ выраженіемъ не надо понимать, что на собраніе съѣхались всѣ граждане обширной области. Самое естественное и самое вѣроятное—не рѣшусь сказать, вполнѣ вѣрное—объясненіе будетъ заключаться въ томъ, что слова эти обозначаютъ «муниципальный судъ». Если такъ, то онъ составлялся изъ тѣхъ же лицъ, которыя перечислены въ одной формулѣ того же края, то-есть, изъ «достопочтеннаго дефенсора, куріаловъ, гоноратовъ и принципаловъ»; подъ этими выраженіями и слѣдуетъ разумѣть остатки древней куріи и мѣстной аристократіи. Такое сужденіе не будетъ излишнею смѣлостью [2]. Указанные чины признавали за собою право суда.

[1] *Gregor*. VII, 47: „Cum in iudicio civium convenissent".—Григорій не говоритъ, что они были вызваны, и, еще менѣе что ихъ заставили явиться.

[2] *Formulae Suronenses*, 3: „Turonis civitate, adstante venerabile illo defensore una cum honoratis principalibus suis."—Надо припомнить здѣсь *defensores*, *honorati* и *principales* римской имперіи.—Ср. *Turonenses*, Additamentum, 5: „Adstante viro laudabili illo defensore et omni curia publica... Peto vos, laudabiles curiales atque municipales"—*Marculf*. II. 37: „Regnante illo rege in civitate illa, adstante viro laudabili defensore et omni curia illius civitatis". То же самое см. въ *Senonicae*, 39; 40.

хотя среди нихъ не находилось никакого королевскаго должностного лица. Они разобрали дѣло, и такъ какъ не считали себя компетентными приговаривать къ смерти, то не произнесли окончательнаго приговора. Они высказали только свое мнѣніе о дѣлѣ (*praecipiunt*), и мнѣніе ихъ выразилось въ томъ, что убійца Австрегизила достоинъ быть осужденнымъ по всей строгости законовъ—другими словами, что онъ заслуживаетъ смерти [1]. Постановленіе о приводѣ въ исполненіе приговора здѣсь не могло имѣть мѣста; убійца не былъ даже посаженъ въ тюрьму, и дѣло возобновилось по другой процедурѣ, которая обнаруживается изъ Турской формулы, разсмотрѣнной нами сейчасъ.

Другой разсказъ Григорія Турскаго показываетъ намъ судебное рѣшеніе, произнесенное въ Буржѣ «лучшими гражданами города» [2]; впрочемъ, и этотъ приговоръ не повлекъ за собою никакого тѣлеснаго или аффликтивнаго наказанія для обвиненнаго. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что древнія римскія муниципіи сохранили при Меровингахъ то, что они продолжали называть своимъ *forum publicum* [1]. Если формулы наши отмѣчають въ качествѣ компетенціи этого послѣдняго только занесеніе въ протоколы различныхъ частныхъ актовъ, то это еще не доказываетъ, что тамъ производилась одна канцелярская работа. Самый составъ собиравшагося для этой цѣли присутствія не можетъ быть понятенъ, если бы рѣчь шла о простомъ, молчаливомъ регистрированіи актовъ [2]. Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ, приходится допустить, что собранію этому принадлежала юрисдикція, по крайней мѣрѣ, относительно споровъ, вызывавшихся дѣлами, по которымъ оно составляло протоколы.

При Меровингахъ существовали также третейскіе суды, то-есть, практиковался способъ отправленія юстиціи черезъ судей, выбранныхъ тяжущихся сторонами. Такіе суды вошли въ обычай еще у населенія римской Имперіи [3], и они сохранились во франкскомъ обществѣ. Въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ мы нахо-

[1] *Gregor.* ibidem: „Cum praeceptum esset, ut Austregisilus, qui homicida erat, censura legali condemnaretur".—Выраженіе—*censura legalis* не представляетъ собою неопредѣленный терминъ; оно принадлежитъ къ дѣловому языку и имѣло очень извѣстное и точное значеніе. Самъ Григорій объясняетъ его, когда говоритъ (De gloria confessorum, 61): „Iudex loci violatorem sepulcri iubet legalis poenae sententia condemnari". Что такъ именовалась, между прочимъ, смертная казнь, это подтверждается слѣдующими словами Григорія: онъ указываетъ, что судья даровалъ виновному жизнь. Выраженіе *censura legalis* обозначало можетъ быть шире—всякое законное уголовное наказаніе, а въ частности, именно, смертную казнь. Оно встрѣчается также въ Вестготской Правдѣ. См. II, 2. 10; II, 5, 19; VII 6, 9. Ср. *Vita Eligii*, I 31: „Humana corpora quae iudicum censura perimebantur". — *Edictum Theodorici*, 36: „Legum censuram non evadet."—*Vita Leodegarii* (ab anonymo aequali), 1: „Cum mundanae legis censuram non ignoraret".

[2] *Gregor.* De gloria martyrum, 33 (34): „Decretum est sententia primorum urbis".—Дѣло происходило въ 565 и 580 годахъ.

[1] *Formulae Andegavenses*, 32 in fine: „In foro publico."—*Turonenses*, 28: „In foro publico in ipsa civitate".

[2] См. напримѣръ, Bituricenses, № 6: „Anno 14 gloriosissimi illius regis, apud virum laudabilem defensorem necnon et ordo curiae, adstantibus honoratis necnon et qui vicem magistratus agere videntur".

[3] *Digest.* IV, 8, 1—3. *Cod. Iust.* II, 55, 2 (283 года): „Apud electum arbitrum".—*Ibidem*, II, 3, 29 (531 года): „Et ad compromissarios et ad electos arbitros". — *Ibidem*, II 46, 3: „Compromissarios iudices vel arbitros ex communi sententia electos".—*Ibidem*, III, 1, 14 § 4: „Arbitros sive ex compromisso vel aliter datos sive electos".—Ср. *Corp. inscr. lat.* IX, 2827: „Arbiter ex compromisso iuratus sententiam dixit in haec verba".

димъ во всѣхъ областяхъ, которыя составляли прежде провинціи Имперіи, судей, выбиравшихся сторонами, которые носили названіе—*iudices electi*. О нихъ часто упоминается въ документахъ Италіи и вестготской Испаніи [1]. Мы не находимъ ихъ ни въ франкскихъ законахъ, ни въ дошедшихъ до насъ формулахъ, но они указаны въ орлеанскихъ соборныхъ постановленіяхъ 538 года, и этого достаточно намъ для того, чтобы предположить, что они остались въ силѣ и въ Галліи того времени [2]. Упоминаніе о нихъ мы находимъ еще въ документахъ восьмого и девятаго вѣковъ[3].

[1] Для Италіи, см. Посланія Григорія Великаго VIII, 15: „Causa apud delectos a partibus finiatur“; IX, 14: „Electorum subire iudicium“; X, 27: „Apud electos iudices venire“: I, 63; „In electorum iudicio ventiletur contentio“; XI, 41: Electorum subeant iudicium, ut cuius sit proprietas iudicantium sententia decernatur“; XI, 37: „Partes ad eligendum iudicem compellantur“; IX, 104: „Aut in electorum aut in deputatorum a nobis iudicio valeat respondere“; X, 30: „Electorum te cum parte altera necesse est subire iudicium“; II, 49: „Ioannem notarium illic direximus, qui partes in electorum compellat adesse iudicio.“— Для вестготской Испаніи, см. *Lex Wisigothorum*, II, 1, 14: „Dirimere causas nulli licebit nisi aut a principibus potestate concessa, aut ex consensu partium electo iudice“. II, 1, 26: „Qui in consensu partium iudices in negotiis eliguntur“.

[2] Третій Орлеанскій соборъ 538 года, ст. 12, Sirmond, стр. 252: „Per publicum aut electorum iudicium revocentur“.—*Publicum iudicium* — государственный судъ; *iudicium electorum*—судъ, составленный тяжущимися сторонами.—То же самое отмѣчено и на четвертомъ орлеанскомъ соборѣ 541 года, ст. 12. Понятно, что во всѣхъ этихъ примѣрахъ *electi* не значитъ „избранные народомъ“, но именно — „выбранные тяжущимися сторонами“.

[3] Капитулярій 764 года, ст. 44 (Boretius, стр. 77): „Ut electi iudices ab utrisque partibus non spernantur“.—*Hincmar*. Expositiones ad Carolum, I, (Patrologia, t. I, col. 1051): „Ad iudicium electorum iudicum veniant et eorum iudicio causa finiatur“.

Въ другихъ случаяхъ, вмѣсто двухъ или трехъ «выбранныхъ судей», мы замѣчаемъ настоящій трибуналъ, который не былъ судомъ графа и не представлялъ собою, повидимому, судилища, правильно узаконеннаго; но передъ нимъ, однако, являлись тяжущіяся стороны. Приводимъ одинъ частный примѣръ его функціонированія. Въ Лангрѣ сынъ нѣкоего Сильвестра утверждалъ, что отца его убилъ діаконъ Петръ; оба условились отправиться въ Ліонъ, чтобы начать дѣло; они явились на судъ, состоявшій изъ епископа города Ліона, другого епископа, нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и главныхъ свѣтскихъ гражданъ города [1]. Это не былъ, навѣрно, *mallus* графа, хотя нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и графъ занималъ тамъ мѣсто. Судомъ этимъ было постановлено оправданіе обвиняемаго.

Въ другомъ мѣстѣ Григорій Турскій разсказываетъ намъ о тяжбѣ между двумя свѣтскими лицами. Графъ Евлалій судился съ женой своей Тетрадіей и другимъ графомъ, Дезидеріемъ. Дѣло не разбиралось ни у короля, ни на графскомъ mallus; оно было подано на судъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ епископовъ и изъ нѣсколькихъ свѣтскихъ лицъ высокаго положенія [2]. А вотъ еще одно дѣло между лицами, принадлежавшими, повидимому, къ франкской расѣ. Одна жен-

[1] *Gregor*. V, 5: „Facto placito“. *Placitum* значитъ уговоръ между тяжущимися сторонами, обязательство явиться вмѣстѣ. Можно привести примѣры. См. *Gregor*. VII, 23; *Formulae Andegavenses*, 16: „In praesentia Niceti episcopi Lugduno dirigitur, et ibi Siagrio episcopo coram astante vel aliis sacerdotibus multis cum saecularium principibus“.

[2] *Gregor*. X. 8: „Coniunctis sacerdotibus et viris magnificis“.

щина, по имени Бертегунда, получила земли въ наслѣдство отъ своего брата; мать ея Ингельтруда требовала эти земли себѣ. Король поручилъ разобрать дѣло двумъ епископамъ, Григорію изъ Тура и Маровею изъ Пуатье. Они постановили приговоръ, но приговоръ этотъ не былъ окончательнымъ; одна изъ сторонъ отвергла его и подала дѣло прямо въ королевскій судъ [1].

Знаменитый епископъ города Тура является главнымъ дѣятелемъ еще на другомъ процессѣ. Этотъ разъ дѣло шло объ убійствѣ. Нѣкто Сихарій умертвилъ Австрегизила и нѣсколько другихъ лицъ. Въ качествѣ епархіальнаго епископа, Григорій послалъ «къ обѣимъ сторонамъ» [2], то-есть, какъ къ Сихарію, такъ и къ семьѣ Австрегизила, «и потребовалъ ихъ къ своему суду» [3]. Здѣсь обнаруживается, очевидно, не судъ графа, хотя по данному вопросу графъ и оказался согласенъ съ епископомъ [4]. Надо замѣтить, что, потребовавъ къ себѣ обоихъ противниковъ, епископъ не объявилъ имъ, что будетъ судить и назначитъ наказаніе; онъ сказалъ только, что водворитъ миръ, примиритъ стороны [5]. Сихарій и его противники явились на вызовъ. Епископъ не дѣйствовалъ единолично

[1] *Gregor.* IX, 33.

[2] *Ibidem*: VII, 47: „Quod nos (согласно особенностямъ стиля того времени, вмѣсто *ego* всегда ставится множественное число—*nos*) audientes, vehementer ex hoc molesti... mittimus ad eos legationem, ut...“

[3] *Ibidem*: „In nostri praesentia“—Это обычное выраженіе для обозначенія явки на судъ: *in praesentia comitis*, *in praesentia regis*—въ судѣ графа, въ судѣ короля.

[4] На это указываютъ слова: „Adiuncto iudice“.

[5] *Ibidem*: „Ut, accepta ratione, cum pace discederent“.

въ своемъ трибуналѣ. Вокругъ него засѣдали знатнѣйшіе жители города [1]. Предсѣдательствовалъ, конечно, онъ, и, судя по его разсказу, говорилъ онъ одинъ. Рѣчь его выражала голосъ не столько судьи, сколько примирителя. «Не идите дальше въ своихъ преступленіяхъ, сказалъ Григорій обѣимъ сторонамъ, заклинаю васъ: помиритесь между собой; пусть расплатится тотъ изъ васъ, кто причинилъ зло. Онъ недостаточно богатъ для того, чтобы внести все, что слѣдуетъ, но я дамъ ему церковныхъ денегъ чтобы онъ откупился» [2]. Таково рѣшеніе: это не приговоръ, а скорѣе—просто сдѣланное епископомъ предложеніе мира, и предложеніе было настолько необязательно, что одна изъ сторонъ отвергла его [3].

У насъ есть пять формулъ судебныхъ актовъ, которыя показываютъ намъ судъ, творившійся подъ

[1] *Ibidem*: „Coniunctis civibus“.—Замѣтьте, что церковныя правила запрещали епископу судить одному. См. именно акты Карѳагенскаго собора 397 года, въ которыхъ объявляется, что приговоръ, постановленный однимъ епископомъ, недѣйствителенъ. Епископъ, судившій духовныхъ лицъ, долженъ былъ быть окруженъ духовными; если же онъ судилъ свѣтскихъ лицъ, то долженъ былъ быть окруженъ и духовными, и свѣтскими засѣдателями. Григорій обозначаетъ этого рода собраніе словами—*coniunctis civibus*; легкомысленно было бы видѣть здѣсь народныя собранія.

[2] *Ibidem*: „Ego aio: Nolite, o viri, in sceleribus proficere, ne malum in longius extendatur. Estote, quaeso, pacifici; et qui malum gessit, stante caritate, componat, ut sitis filii pacifici... Et si illi, qui noxae subditur, minor est facultas, argento ecclesiae redimetur“.

[3] *Ibidem*: „Pars Chramnisindi accipere noluit“.—О епископскихъ судахъ ср. Вестготскую Правду, II, 1, 29: „Episcopus, adiunctis sibi aliis viris honestis, inter eos negotium discutere vel terminare procuret“.

предсѣдательствомъ аббата монастыря, на которомъ не присутствуетъ графъ, и не засѣдаетъ никакой другой королевскій чиновникъ. Такъ же, какъ и графъ на своемъ mallus, аббатъ былъ окруженъ ассессорами. Послѣдніе принадлежали—одни къ духовнымъ лицамъ, другіе къ свѣтскимъ высшаго класса [1]. Разбиравшіеся тутъ вопросы относились къ собственности, наслѣдству, арендной платѣ, гражданскому положенію лицъ[2], но не касались убійства или воровства, — потому ли, что уголовная юрисдикція была запрещена суду, на которомъ не было никакого уполномоченнаго отъ верховной власти, или потому, что церковныя правила запрещали духовнымъ принимать участіе въ разбирательствахъ, послѣдствіемъ которыхъ могла быть смертная казнь [3]. Дѣло обстояло тутъ, впрочемъ, такъ же,

[1] *Formulae Andegavenses*, 10: „Veniens ante venerabili viro illo abbate vel reliquis viris venerabilibus atque magnificis interpellabat aliquem hominem".—29: „Ante venerabilem abbatem".—30: „Veniens ante illo abbate vel reliquis, qui cum eo aderant."—47: „Notitia qualiter Andecavis civitate.... ante venerabile viro illo abbate vel reliquis quampluris bonis hominibus, qui cum ipso aderant... interpellavit".—*Turonenses*, 39: „Ante venerabilem virum suisque auditoribus vel reliquis viris".

[2] Въ формулахъ *Andegavenses*, №№ 10 и 29 относятся къ требованію возвратить человѣка обратно въ рабство, № 30—къ платѣ за аренду, № 47—къ собственности. № 39 изъ *Turonenses* касается вопросовъ наслѣдства.

[3] Маконскій соборъ 585 года, ст. 19 (Sirmond, I, 388): „Cognovimus quosdam clericorum ad forales reorum sententias frequenter accedere... Prohibemus, ut ad locum examinationis reorum nullus clericorum accedat neque intersit atrio sauciolo, ubi pro reatus sui qualitate quispiam interficiendus est".—Таррагонскій соборъ 516 года объявляетъ также, что священникъ можетъ вмѣшиваться во всѣ судебныя разбирательства, кромѣ уголовныхъ. (Mansi, VIII, 538).

какъ на mallus графа: приговоръ постановлялся всѣмъ судомъ, то-есть, аббатомъ и его ассессорами нераздѣльно [1]. О происхожденіи и свойствахъ такого аббатскаго суда можетъ быть высказано нѣсколько догадокъ, но документы не сообщаютъ ничего вполнѣ опредѣленнаго. Это, навѣрно, не былъ чисто-церковный судъ, такъ какъ онъ состоялъ частью изъ свѣтскихъ лицъ. По нашему мнѣнію, онъ не былъ также и иммунитетнымъ судомъ, потому что въ пяти указанныхъ формулахъ нѣтъ ни одного слова, которое не уполномочивало бы насъ думать, что являвшіеся на судъ были подданными или держальцами аббата [2].

Слѣдуетъ, въ результатѣ, допустить, что въ меровингскомъ государствѣ существовали суды всякаго рода и очень разнообразнаго характера. Ошибочно было бы представлять себѣ судебный строй изучаемой эпохи, какъ хорошо упорядоченную и опредѣленно регулированную точнымъ закономъ систему учрежденій. Только судъ короля и его чиновниковъ былъ институтомъ узаконеннымъ, правильнымъ и общеобязательнымъ. Но на практикѣ знать судила больше, чѣмъ король, рахинбурги больше, чѣмъ графъ. Наряду съ этими правильными судами существовало еще нѣсколько категорій низшихъ, но независимыхъ судовъ: къ которымъ спорившіе охотно обращались. Суще-

[1] *Andegavenses*, 10 и 29; „Visum fuit abbati vel qui cum eo aderant"; 30: „Visum fuit abbati"; 47: „Ab ipsis viris fuit denuntiatum".—*Turonenses*, 39: „Ipsi viri decreverunt iudicio".

[2] Мы не будемъ говорить объ иммунитетныхъ судахъ въ настоящемъ томѣ, хотя они и существовали уже при Меровингахъ; въ отдѣлѣ о зарожденіи феодальныхъ институтовъ такое изслѣдованіе будетъ болѣе у мѣста.

ственное различіе между тѣми и другими состояло въ томъ, что тамъ, гдѣ былъ король или графъ, приговоръ постановлялся государственною властью съ правомъ и силою немедленнаго выполненія; другіе же суды, въ которыхъ государство не принимало участія, лишены были **принудительной** власти: у нихъ не было того, что на языкѣ древняго права называлось *imperium*, и исходившіе отъ нихъ приговоры могли бытъ отмѣнены графомъ. Григорій Турскій приводитъ любопытный въ такомъ смыслѣ примѣръ. Епископъ города Ліона разобралъ одно дѣло, но графъ тѣмъ не менѣе потребовалъ это дѣло къ себѣ. Когда епископъ поручилъ сказать ему, что онъ не желалъ бы, чтобы приговоръ его пересматривался, графъ воскликнулъ: «Передайте епископу, что это дѣло, и нѣсколько другихъ, поданныхъ къ нему, будутъ рѣшены окончательно не имъ, а другимъ лицомъ» [1]. Вотъ разсказъ, одновременно обнаруживающій и самый судъ епископа, и границы его правъ: не будучи строго узаконеннымъ, судъ этотъ останавливался тамъ, гдѣ того требовалъ король или графъ.

5.

Судоустройство въ другихъ германскихъ государствахъ.

Теперь мы должны убѣдиться, не опровергнетъ ли примѣненіе сравнительнаго метода выводъ, построенный на основаніи анализа франкскихъ документовъ, или наоборотъ, не найдется ли для него, такимъ образомъ, новое подтвержденіе. Обратимся къ племенамъ одинаковаго съ Франками происхожденія, образова-

[1] *Gregor.* Vitae patr. VII, 3 (ed. Krusch, p. 693).

вшимъ на территоріи римской Имперіи государства, аналогичныя съ государствомъ Меровинговъ. Посмотримъ, принадлежала ли тамъ судебная власть народу и свободнымъ людямъ, или же королю и его чиновникамъ? Ясно, что если Франки принесли съ собою изъ Германіи традиціи народнаго суда, тѣ же традиціи должны были принести и другія германскія племена.

Въ Бургундской Правдѣ нѣтъ ни одного слова, которое вскрывало бы существованіе народнаго суда или суда, образованнаго изъ свободныхъ людей, суда присяжныхъ. Составленъ же этотъ сводъ былъ въ то время, когда бургундское племя не успѣло еще настолько удалиться отъ своей прежней родины, чтобы забыть ея первобытныя учрежденія. Въ этомъ сводѣ короля Гундебальда нѣтъ ни малѣйшаго указанія на судъ, который состоялъ бы изъ жителей мѣстности или сотни; нѣтъ даже воспоминанія о такомъ порядкѣ суда. Обыкновенный трибуналъ назывался у нихъ не *mallus*, какъ въ Салической Правдѣ, а *iudicium*, какъ въ римскихъ документахъ и также въ Рипуарской Правдѣ. Тамъ засѣдалъ судья, который одинъ и упоминается всегда; это *iudex*, въ единственномъ числѣ, а не группа лицъ, не присяжные, *jury* [1]. Разсматриваемый сводъ не говоритъ даже ничего о засѣдателяхъ; въ немъ не встрѣчается ни слово—«рахинбурги», ни какой-нибудь другой подоб-

[1] *Lex Burgundionum*, praefatio: „Sufficiat integritas iudicantis... Si iudex... Iudex mulctabitur“. *Ibidem*, VII: „Iudici tradatur ad poenam“. VIII, 3: „Quibus iudex iusserit dare sacramenta“. XXXIX, 1: „Discutiendum iudici praesentet“. XLVI in fine: „A iudice compellatur solvere“. XLVIII, 4: „Imminente iudice“. Тоже самое въ главахъ XC, CVII, ed. Pertz.

ный терминъ. Отсюда слѣдуетъ заключить не то, что Бургундамъ былъ не знакомъ обычай приглашать на судъ засѣдателей, а то, что засѣдателямъ этимъ законъ предоставлялъ небольшое значеніе, и редактору свода не стоило удѣлять имъ спеціальное вниманіе. Судьею, о которомъ говорится въ Правдѣ Бургундовъ, былъ графъ [1], то-естъ, королевскій намѣстникъ, или человѣкъ, спеціально уполномоченный королемъ, *iudex deputatus* [2]. Изъ этого свода очевидно, что все правосудіе и въ государствѣ Бургундовъ исходило отъ короля.

Остготы получили сводъ законоположеній очень скоро послѣ вступленія своего въ Италію. Историки легко обнаружили, что этотъ Указъ Теодериха былъ ничѣмъ инымъ, какъ особою редакціею римскаго права; но замѣчательно именно то, что король Остготовъ оказался въ силахъ примѣнять этотъ законъ къ своимъ варварамъ, которые были, конечно, свободными людьми, которые стояли особнякомъ отъ другого населенія и одни носили оружіе. Никто не предположитъ, что силою одной своей воли Теодерихъ могъ отнять у нихъ ихъ права и обычаи. Если бы народный судъ сколько-нибудь утвердился въ ихъ бытѣ, слѣды его можно было бы найти въ составленномъ Теодерихомъ сводѣ. Мы же вовсе не усматриваемъ изъ него ни окружного собранія, ни

[1] *Lex Burgundionum*, XLIX: „Ut locorum comites iudicanda cognoscant". LXXIX, 4: „Omnes comites... iudicare curabunt".—CVII 10, ed. Binding, 133: „Omnes comites in omnibus iudiciis iustitiam teneant".

[2] *Lex Burgundionum*, XC, Pertz, 526, Binding, 128: „Iudices a nobis deputati"

присяжныхъ; тамъ говорится объ единомъ судьѣ [1]. Трибуналъ его назывался *iudicium* или *praetorium iudicis* [1]. Судья этотъ—королевскій чиновникъ; онъ—представитель государства или короля; поэтому онъ носитъ названіе *iudex publicus*, а судъ его—*iudicium publicum* [2]. Король давалъ ему предписанія, какъ своему подчиненному, а въ случаѣ какой-нибудь провинности, отставлялъ его [3]. Надъ такимъ судомъ королевскихъ графовъ и у Остготовъ стоялъ судъ короля. Если король не предсѣдательствовалъ на немъ лично, его замѣнялъ *sacer cognitor*, являвшійся, какъ и въ римской Имперіи, представителемъ государя на судѣ [4].

Вестготская Правда въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, была составлена только въ седьмомъ вѣкѣ. Мы не находимъ въ ней ни малѣйшихъ остатковъ какого-нибудь древняго суда, который бы отправлялся коллективными группами свободныхъ людей [5]. Мы находимъ здѣсь списки лицъ, которыхъ

[1] *Edictum Theodorici*, 2: „Si iudex pecuniam acceperit". 3, „Iudex". 5: „Ad sollicitudinem iudicis pertinent". 13: „Apud competentem iudicem". 88: „Per auctoritatem iudicis". 91: „Qui iudic praemium dederit". 98: „Tradat iudici puniendum". 123: „iudicis auctoritas".

[2] *Edictum Theodorici*, 58: „Ante praetorium iudicis".

[3] *Ibidem*, 12: „Publico iudicio"; 56: „iudici publico".

[4] *Ibidem*, 3: „Iudex, amissa dignitate, qua male usus est".

[5] *Edictum Theodorici*, 55: „Omnes appellationes suscipiant ii provinciarium iudices, a quibus provocari potest... Dum de appellationis merito sacer possit cognitor iudicare".

[6] Ни слова нѣтъ объ этомъ и въ вестготскихъ формулахъ. Онѣ говорятъ только объ одномъ *iudex*, который вызываетъ на судъ, допрашиваетъ, рѣшаетъ и составляетъ при-

призывали въ качествѣ судей: это были — герцоги, графы, намѣстники графовъ, такъ называемые *tiuphadi*, затѣмъ тысяцкіе и сотники [1]. Всѣ эти люди были чиновниками короля. Они были обычными постоянными судьями; къ нимъ надобно присоединить еще людей, спеціально уполномоченныхъ «по королевскому приказу» [2]; кромѣ того еще лица, называемыя въ сводѣ—*pacis assertores* и также получавшія полномочія отъ короля [3], и наконецъ подчиненные судьи, которые ставились графами [4]. Существовалъ и здѣсь еще третейскій судъ, который производился лицами, выбранными обѣими сторонами [5]. За исключеніемъ указанныхъ общественныхъ элементовъ, все правосудіе принадлежало агентамъ или представителямъ короля. Принципъ этотъ опредѣленно выраженъ въ текстѣ. «Никто не можетъ судить кромѣ человѣка, получившаго власть отъ короля» [6] Въ Вестготской Правдѣ не упоми-

говоръ. См. *Formulae wisigothicae.* № 40, изд. Rozière, стр. 28; см. № 42: „In praesentia iudicis... Per iudicis imperium seu iudicium".

[1] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 26: „Dux, comes, vicarius, tiuphadus, millenarius, centenarius, decanus... omnes in quantum iudicandi potestatem acceperint, iudicis nomine censeantur".

[2] *Ibidem*: „Qui ex regia iusssione iudices in negotiis eliguntur".

[3] *Ibidem*: „Pacis assertor". II, 11, 6: „Pacis assertores non alias dirimant causas, nisi quas illis regia deputaverit ordinandi potestas. Pacis autem assertores sunt, qui sola faciendae pacis intentione regali sola destinantur auctoritate".

[4] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 14: „Qui per commissoriam comitum vel iudicum iudiciali potestate utuntur".

[5] *Ibidem*, II, 1. 26: „Qui ex consensu partium iudices eliguntur".

[6] *Ibidem*, 1, II, 14: „Dirimere causas nulli licebit nisi a principibus potestate concessa... Qui potestatem iudicandi a rege accipiunt".

нается терминъ — рахинбурги, но указывается, по крайней мѣрѣ, что при судьѣ были засѣдатели, именовавшіеся *honesti viri* [1], знатные, или еще *auditores*; но выбиралъ ихъ самъ судья; онъ призывалъ ихъ засѣдать съ собою и, если хотѣлъ, принималъ въ разсчетъ ихъ мнѣніе [2]. Надъ такимъ судомъ чиновниковъ опять же возвышался судъ короля [3], принимавшій апелляціи отъ другихъ, но самъ рѣшавшій дѣла безапелляціонно.

Лонгобарды вступили въ Имперію послѣдними; они были самыми поздними выходцами изъ Германіи. Поищите въ ихъ правовыхъ сборникахъ суда сотни, суда присяжныхъ изъ свободныхъ людей; вы не найдете ничего подобнаго. Ихъ сводъ показываетъ намъ, что правосудіе отправлялось въ каждой области *iudex*'омъ [4]. Этотъ *iudex* всегда упоминается одинъ, [5] и не говорится ни о какомъ собраніи, которое бы засѣдало рядомъ съ нимъ. На обязанности *iudex* ле-

[1] *Lex Wisigothorum*, VI, 1, 2: „Coram iudice vel aliis honestis viris".

[2] *Ibidem*: „Honestis viris a iudice convocatis".—*Ibibem*, I, 2, 2: „Iudex, si elegerit auditores secum esse praesentes, aut causam, quae proponitur cum eis, conferre voluerit, suae sit potestatis. Si noluerit nullus se in audientiam ingerat".

[3] *Lex Wisigothorum*, II, 1, 12; VI, 1, 2.

[4] *Lex Longobardorum*, Liutprand. 80: „Iudex in civitate".— Ratchis, 1: „Unusquisque iudex in sua civitate"... — Это вытекаетъ особенно изъ эдикта Ліутпранда, 27: „Si quis in aliam civitatem causam habuerit, vadat cum epistola de iudice suo ad iudicium, qui in loco est".

[5] *Lex Longobard.* Liutprand. 25: „Si iudex eius causam dilataverit". 26: „Dirigat eos ad iudicem". 28: „Si iudex per legem iudicaverit". 42: „Si quis iudex". 81: „Si iudex neglectum fecerit." Ratchis, 11: „Causam agere in praesentia iudicis".

жали преслѣдованіе, слѣдствіе и судъ [1]. Онъ былъ отвѣтственъ за постановленные приговоры [2]. Текстъ говоритъ, что онъ долженъ былъ «ежедневно засѣдать въ своемъ судѣ, творить надъ всѣми справедливый судъ и воздерживаться отъ принятія подарковъ» [3]. Стало быть, этотъ *iudex* лонгобардскихъ законовъ былъ, какъ и у Франковъ, *iudex fiscalis*—королевскимъ чиновникомъ; онъ поэтому и назывался *iudex publicus* [4]. Король его назначалъ, король же могъ и смѣнять [6]. Такъ какъ ему была подчинена довольно обширная область (*civitas*), то онъ въ свою очередь назначалъ себѣ помощниковъ, которыхъ называли сотниками и замѣстителями, или спеціальнымъ именемъ—*sculdachis*, и которые часто судили вмѣсто

[1] *Lex Longobard.* Liutprand, 44: „Iudex potestatem habeat eum inquirendi". 80: „De furonibus. Ut iudex in civitate faciat carcerem sub terra... et comprehendat eum et mittat in carcere... iudex illum (criminosum) vendat".—85 :„Si quis iudex neglexerit eos exquirere... et eos non condemnaverit... Si per iudicem inquisiti et inventi sint, iudex habeat potestatem foris provincia eos vendendi".—56: „Si per districtionem a publico furta manifestata fuerint". 28: „Si quis causam habuerit et iudex ei per legem iudicaverit".

[2] *Lex Longbard.* Liutprand. 28.

[3] *Lex Longobard.* Ratchis, 1: „Ut unusquisque iudex in sua civitate debeat quotidie in iudicium residere... per semetipsum resideat et omnibus iustitiam conservet; de nullo homine praemium accipiat".

[4] Слово *publicus* употреблялось иногда одно для обозначенія *iudex*. См. *Liutprand.* 121, 141, 152 и т. д.

[5] *Lex Longob.* Rotharis, 25: „Iudex qui in loco ordinatus est a rege".

[6] *Lex Longob.* Ratchis, 1: „Iudex qui aliter iudicaverit, amittat honorem suum."—Aistulfus, 4: „Iudex honorem suum amittat".

него [1]. Надъ судомъ графовъ и ихъ представителей возвышался судъ короля, къ которому направлялись апелляціи.

Бросимъ взглядъ и на оставшіяся внутри Германіи варварскія племена—на Аламанновъ, Баваровъ и Тюринговъ. Нужно отмѣтить, что ни одинъ изъ ихъ древнихъ сводовъ не восходитъ ранѣе седьмого вѣка. Они ведутъ начало отъ той эпохи, когда народы эти составляли часть франкскаго государства. Кодификація ихъ внушалась, часто даже предписывалась франкскими королями. Когда вы читаете въ въ нихъ слово «король», надо понимать, что дѣло идетъ о франкскомъ Меровингѣ. Вы видите тамъ герцоговъ, графовъ и сотниковъ потому, что франкскіе короли насадили у нихъ ту же организацію, что и въ собственномъ государствѣ. Христіанская церковь укоренила тамъ также свои привилегіи и свой духъ. Указанные своды любопытны для нашего изученія не потому, что бы можно было надѣяться найти въ нихъ запечатлѣнными учрежденія старой Германіи, а потому, что мы находимъ въ нихъ довольно вѣрное подобіе меровингскаго устройства, если не считать сохраненія нѣкоторыхъ мѣстныхъ обычаевъ.

Что касается судебной власти, то Аламанская Правда указываетъ судью въ каждомъ округѣ только

[1] *Lex Longob.* Ratchis, 1: „Et iudices praecipiant ad sculdahos suos aut ad centenos aut ad locopositos, vel quos sub se habent ordinatos, ut ipsi similiter faciant (id est, bene iudicent)". О *sculdahis* см. Liutprand, 25, 26, 28, 83, 85.

[2] *Lex Longob.* Liutprand. 27: „Venire in praesentia regis." 38: „Si ad regem reclamaverit". — Ratchis, 11: „Causam agere in praesentia regis".

одного; въ ней нигдѣ не говорится о народномъ судѣ, о народѣ, постановляющемъ судебные приговоры. Однако 36 глава этого закона послужила поводомъ къ странному заблужденію. Мы читаемъ въ ней, что графъ, или его уполномоченный, или сотникъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣ недѣли должны были устраивать въ каждой сотнѣ засѣданія своего *conventus*, и что всѣ свободные люди округа должны были являться на его собраніе [1]. Вотъ все, что содержится въ текстѣ свода; но ученые добавили толкованіе, вовсе изъ него не вытекающее, а именно, что въ этихъ *conventus* населеніе организовывалось въ суды и отправляло правосудіе. Ничего подобнаго законъ не говоритъ. Текстъ его показываетъ, наоборотъ, что населеніе не судило, такъ какъ послѣ указанія на то, что графъ или сотникъ могли устраивать засѣданія такого «конвента» въ какой имъ было угодно день [2], тотчасъ же стоитъ добавленіе, что всякій человѣкъ имѣлъ право вызывать на судъ «передъ своимъ судьей другого» [3], «для того чтобы судья наказалъ его согласно съ правомъ» [4]. Въ Аламанской Правдѣ нѣтъ ни одного слова, которое заставляло бы думать, что приговоры постановлялись народомъ. Правда, что народъ созывался королевскимъ чиновникомъ,

[1] *Lex Alamannorum*, XXXVI, 1: „Conventus secundum consuetudinem antiquam fiat in omni centena coram comite aut misso et coram centenario". — Этотъ *missus* называется нѣсколькими строками ниже *missus comitis*.

[2] *Ibidem*, 2: „Quali die comes aut centenarius voluerit".

[3] *Ibidem*, 3: „Et si quis alium mallare vult de qualicunque causa, debet mallare ante iudicem suum".

[4] „Ut ille iudex eum distringat secundum legem".

который, объявляя, въ какой день будетъ происходить засѣданіе его суда, тѣмъ самымъ какъ будто выражалъ желаніе, чтобы къ нему приходили всѣ свободные жители округа. Но откуда же видно, что онъ поручалъ этимъ людямъ отправлять судъ, что онъ совѣщался съ ними о приговорахъ, которые надо было постановить, что онъ предлагалъ имъ обсуждать дѣло и подавать голоса?

Призваніе на судъ населенія нѣсколько изумляетъ нашъ современный умъ. Этотъ обычай, существованіе котораго мы отмѣтили уже въ римской Имперіи, прекрасно объясняется даже безъ того, чтобы ему приписывать демократическій характеръ. Въ то время, когда правосудіе было далеко не такъ организовано, какъ теперь, судьѣ, переѣзжавшему для разбора тяжбъ и преступленій изъ одного округа въ другой, нужно было, чтобы передъ нимъ собиралось почти все населеніе. Нужно это было не только для того, чтобы придать торжественность самимъ разбирательствамъ, а также для того, чтобы имѣть подъ рукою всѣхъ истцовъ, всѣхъ, на кого были поданы жалобы, всѣхъ свидѣтелей и всѣхъ тѣхъ, кто могъ указывать или напоминать мѣстные обычаи. Перемѣщающійся, непостоянный судъ не могъ бы безъ того функціонировать. Римскій *praeses* и франкскій графъ не могли дѣйствовать иначе. Судья выбиралъ себѣ среди собравшагося населенія нѣсколько засѣдателей или совѣтниковъ, которые какъ бы поднимались на его трибуналъ. Остальные же оставались у подножія трибунала нѣмыми и бездѣльными, дожидаясь, пока одного вызывали, какъ истца, другого, какъ отвѣтчика, третьяго, какъ свидѣтеля. Населеніе созывалось не

для того, чтобы судить, а для того, наоборотъ, чтобы быть судимымъ.

Аламанская Правда, вовсе, не указывая на то, чтобы народъ судилъ, всегда говоритъ только объ одномъ «судьѣ» [1]. «Судья долженъ былъ хорошо отправлять правосудіе» [2]. Онъ же обязывался смотрѣть за тѣмъ, чтобы слабые люди не подвергались никакимъ обидамъ». Такое предписаніе было бы совершенно излишнимъ, если бы право судить принадлежало самымъ маленькимъ людямъ. Ученые, предположившіе, что графъ былъ здѣсь только предсѣдателемъ многолюднаго «сувереннаго жюри», что онъ былъ только «органомъ присутствовавшаго на судѣ самодержавнаго народа» [3], утверждаютъ противоположное тому, что сказано въ Правдѣ; они построили

[1] *Ibidem*, XLI, 3: „Iudicium illius, qui ad iudicandum est consitutus".—XLI, 1: „Cognoscat hoc iudex".—LXXXVI: „Convictus fuit ante iudicem".

[2] *Ibidem*: „Ille (id est, missus comitis aut centenarius) distringat, ut neglectum non fiat, nec pauperes patiantur iniuriam".

[3] Вайтцъ утверждаетъ это и въ послѣднемъ, третьемъ изданіи своего труда. См. т. II, 2-я часть, стр. 158. Признавъ, что документы не доказываютъ участія въ судѣ населенія, онъ однако уклоняется отъ вывода, согласнаго съ текстами, и безъ малѣйшаго доказательства хочетъ утверждать, „что такое участіе въ судѣ народа стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, и что судья лишь заготовлялъ приговоры". Изъ судьи, который былъ, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ чиновникомъ короля или герцога, онъ дѣлаетъ „представителя или органъ народа, который дѣйствовалъ чрезъ него, но могъ даже безъ него обходиться". Вся эта теорія не подтверждается ни однимъ документомъ, даже противорѣчитъ имъ; она основывается единственно на домыслѣ ученаго ума, она добыта помощью крайне субъективнаго метода:

эту теорію на основаніи предвзятаго мнѣнія, которое держали въ умѣ. Сводъ рисуетъ намъ единолично дѣйствовавшаго судью, которымъ былъ графъ или его подчиненный, то-есть, вообще королевскій чиновникъ, обязанный, по крайней мѣрѣ, каждыя двѣ недѣли открывать въ каждомъ округѣ засѣданія своего суда; онъ призывалъ къ себѣ населеніе, но судилъ самъ и единолично составлялъ рѣшенія, функціонируя лишь въ присутствіи собравшагося населенія.

Въ той же Аламанской Правдѣ нѣсколько ниже опять упоминается о судьѣ, оперировавшемъ единолично, и опредѣленно говорится, что судья этотъ назначался герцогомъ аламанской страны: «Пусть никто не осмѣливается вмѣшиваться въ разбирательство какого-либо дѣла, кромѣ того, кто на общемъ собраніи герцогомъ назначенъ въ качествѣ судьи для разбора дѣлъ» [1]. Развѣ законъ выражался бы такъ, еслибы правосудіе отправлялось народными собраніями? *Iudex* назначался герцогомъ большой области; въ такой роли являлся, повидимому, графъ, или подъ контролемъ его *missus*,

[1] *Lex Alamannorum*, LVI: „Nullus causas audire praesumat nisi qui a duce per conventionem populi iudex constitutus est, ut causas iudicet" (этотъ *iudex*, повидимому, графъ или сотникъ). — *Per conventionem populi* Вайтцъ переводитъ—„nach Belieben des Volks"—по волѣ народа (тамъ-же, т. II, 2-я часть, стр. 147). Это совершенно неправильный переводъ; слово *conventio* не означало ни волю, ни избраніе; *conventio populi* — ничто иное какъ *conventus populi*; это—собраніе населенія. Графы и сотники назначались, вѣроятно, герцогомъ на торжественномъ собраніи, и назначенія сообщались народу. Это вовсе не значитъ, что народъ долженъ былъ выразить свою волю. Въ законѣ не сказано *constitutus a conventu*, но *constitus a duce per conventum, id est in conventu.*

или, наконецъ, сотникъ. Вотъ люди, которые одни имѣли право «разбирать дѣла». Мы не утверждаемъ, что онъ непремѣнно всегда судилъ одинъ и засѣдалъ безъ ассессоровъ; но онъ одинъ, во всякомъ случаѣ обладалъ юрисдикціею—судебною властью.

Когда законодатель въ варварскомъ сводѣ предписываетъ, чтобы правосудіе хорошо отправлялось, онъ обращается не къ толпѣ, а къ одному судьѣ: «Судья не долженъ быть ни лжецомъ, ни клятвопреступникомъ и не долженъ принимать подарковъ» [1]. Это не такіе недостатки, которыхъ можно опасаться отъ народнаго собранія: у послѣдняго проявились бы другіе; это недостатки, которыхъ всегда можно опасаться въ человѣкѣ, когда онъ видитъ себя одного вооруженнымъ судебной властью. «Пусть онъ судитъ дѣла безъ лицепріятія и держитъ страхъ Божій въ сердцѣ своемъ; если онъ будетъ судить справедливо, онъ получитъ свою награду отъ Бога и будетъ пользоваться хорошей славой между людьми». Судья былъ также одинъ отвѣтственъ за постановленные приговоры; на него именно подавались апелляціонныя жалобы. Если приговоръ его отмѣнялся, его самого приговаривали къ штрафу; но за то если приговоръ его подтверждался другими высшими судьями, жалобщикъ ему самому уплачивалъ штрафъ [2].

[1] *Lex Alamannorum*, XLI, 1: „Nec mentiosus, nec periurator, nec munerum acceptor sit, sed causas secundum legem veraciter iudicet sine acceptione personarum, et timens Deum sit. Si iuste iudicaverit, credat se apud Deum mercedem recipere et laudem apud homines bonam possidere".

[2] *Ibidem*, 2 и 3: „Si contra legem iudicaverit... 12 solidis sit culpabilis, cui iniuste iudicavit... At si hoc ab aliis iudicibus inquisi-

Также обстоитъ дѣло и въ сводѣ Баваровъ. На судью, *iudex* [1] возложено было и здѣсь обязательство открывать въ своемъ графствѣ засѣданія суда (*plaid*, *placitum*), по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ мѣсяцъ. Онъ назначалъ по своему желанію день и мѣсто и призывалъ на собраніе всѣхъ свободныхъ людей своего округа [2]. Но вовсе не сказано, чтобы эти люди активно участвовали въ судѣ. Графъ одинъ отправлялъ правосудіе. Въ каждой мѣстности, гдѣ устраивалось засѣданіе его суда, онъ долженъ былъ имѣть при себѣ правителя этой мѣстности, былъ ли это сотникъ, или же онъ носилъ другое названіе [3]. Когда рѣчь шла о постановленіи приговора, законъ не предписывалъ графу совѣщаться съ бывшимъ налицо населеніемъ;

tum fuerit, quod iuste iudicavit, ille contemptor, qui iudici iniuriam fecit, solvat 12 solidos iudici illi".

[1] Замѣтьте, что Баварская Правда всегда говоритъ *iudex*, какъ будто былъ только одинъ судья. *Lex Baiuwariorum*, I, 7, 4: „Iudice cogente"; I, 10, 4: „Iudice cogente, qui in illa provincia ordinatus est". I, 2: „Rege cogente vel principe, qui in illa regione iudex est"; II, 10 1: „Dux populum iudicat". III, 15: „Ligatum praesentet coram iudice"; VIII, 15, 1: „Ante iudicem suum iudicetur"; VIII, 16: „Iudex causam bene cognoscat et veraciter inquirat"; XII, 2, 1: „Iudex iudicet ei".

[2] *Lex Baiuwariorum*, II, 15, 1: ‚Ut placita fiant per Kalendas aut post 15 dies, si necesse est, ad causas inquirendas... et omnes liberi conveniant constitutis diebus ubi iudex ordinaverit, et nemo sit ausus contemnere venire ad placitum".

[3] *Lex Baiuwariorum*, II, 15, 2: „Comes vero secum habea iudicem, qui ibi constitutus est iudicare". — Вайтцъ, т. II, 2-я часть, стр. 152 не объясняетъ, какой это *iudex*. По сходству со всѣмъ документами этой же эпохи намъ кажется, что это былъ подчиненный графу чиновникъ. Правда Баваровъ не говоритъ, какое онъ носилъ имя.

онъ приказывалъ ему, что совершенно различно, справиться съ текстомъ права, такъ какъ «онъ всегда долженъ былъ держать при себѣ книгу законовъ, чтобъ хорошо разбирать каждое дѣло» [1]. Вознаграждался онъ, какъ и всякій чиновникъ, соразмѣрно числу постановленныхъ приговоровъ. Онъ былъ также отвѣтственъ за свои рѣшенія [2].

Въ сущности разобранные своды, къ которымъ приложили свою руку франкскіе короли, согласовались съ франкскими Правдами. Правосудіе принадлежало королевскимъ чиновникамъ, которые судили въ присутствіи населенія. Сверхъ этого суда мѣстнаго начальника существовалъ еще судъ герцога [3], являвшагося отъ имени короля начальникомъ всей страны, и при немъ находились «именитые люди края» [4] такъ же, какъ король былъ окруженъ въ своемъ трибуналѣ крупною знатью государства (*proceres*).

Итакъ, при разсмотрѣніи образовавшихся на почвѣ Имперіи германскихъ государствъ или оставшихся въ Германіи варварскихъ народовъ, мы нигдѣ не находимъ народнаго суда [5]. Сравнительное обозрѣніе аналогичнаго матеріала подтверждаетъ то, что было дознано

[1] *Lex Baiuwariorum*, II, 15, 2: „Comes secum habeat... librum legis, ut semper rectum iudicium iudicet de omni causa".

[2] *Lex Baiuwariorum*, II, 16; II, 18; II, 19.

[3] *Lex Alamannorum* XLIV: „Accusare ad ducem". — XLII: „Si quis interpellatus ante ducem".—Можно было даже подавать дѣло королю. *Ibidem*: „Accusare apud regem".

[4] Таковъ смыслъ словъ Аламанской Правды, XXIV: „Sicut dux aut principes populi iudicaverunt".

[5] О немъ не сказано ни одного слова ни въ Правдѣ Тюринговъ, ни въ Правдѣ Фризовъ, ни въ той, которую называютъ Правдой Франковъ Хамавовъ.

нами во Франкскомъ государствѣ по точнымъ документамъ. Во всѣхъ этихъ государствахъ, принадлежавшихъ къ одному типу, мы съ полной очевидностью усматриваемъ, что юрисдикція присвоена была верховной власти.

6.

Доходы отъ суда.

Правосудіе принадлежало королевской власти; оно же тѣмъ самымъ составляло для нея серьезный источникъ доходовъ. Всѣ судебные штрафы шли въ королевскую казну, а они были очень многочисленны.

Прежде всего полагались пени за преступленія, которыя можно было считать совершенными противъ короля или противъ государственной власти. Если какой-нибудь человѣкъ отказывался помочь королевскому чиновнику при задержаніи преступника, онъ уплачивалъ казнѣ громадный штрафъ въ размѣрѣ 60 золотыхъ монетъ [1]. Салическая Правда объявляетъ, что человѣкъ, который поступитъ наперекоръ королевскому приказу, заплатитъ 200 монетъ золотомъ, сумму, равную той, которою наказывалось убійство свободнаго человѣка [2]. Отказавшійся принять въ свое помѣщеніе «человѣка, проѣзжающаго по службѣ короля», платилъ 60 солидовъ [3]. У человѣка, вызваннаго на королевскій судъ и отказавшагося явиться

[1] *Childeberti decretio*, 9: „Si quis centenario aut cuilibet iudici noluerit ad malefactorem adiuvare, 60 solidos condemnetur".

[2] *Lex Salica*, XIV, 4: „Si quis de rege habuerit praeceptum (cartas), qui contra ordinationem regis testare praesumpserit solidos 200 culpabilis iudicetur".

[3] *Lex Ripuaria*, LXV, 1.

туда, отбиралось въ пользу казны все его имущество [1]. Убійство состоявшаго подъ покровительствомъ короля вольноотпущенника выкупалось пенею въ пользу короля въ размѣрѣ 100 солидовъ [2]. За похищеніе находившейся подъ королевскимъ покровительствомъ молодой дѣвушки казна взимала штрафъ въ 63 солида [3]. Франкскіе короли предписывали соблюдать воскресный отдыхъ; всякаго, кто нарушалъ это правило, наказывали штрафомъ въ пользу короля [4]. Если свободная женщина отдавалась собственному рабу, все ея имущество переходило къ королю [5].

Всякое неповинованіе тому, что называлось королевскимъ *bannus*, то-есть, какому-нибудь предписанію короля, каралось штрафомъ въ 60 золотыхъ [6]. Тотъ же штрафъ полагался за всякое опозданіе въ явкѣ на войну [7]. Мы видимъ у Григорія Турскаго одного епископа, на котораго была наложена пеня въ 1000 золотыхъ за то, что онъ поступилъ противъ распоря-

[1] *Lex Salica*, LVI, 2: „Tunc rex ad quem mannitus est extra sermonem suum ponat eum, et omnes res suae erunt in fisco aut cui fiscus dare voluerit".

[2] *Lex Ripuaria*, LXI, 2.

[3] *Lex Salica*, XIII, 6: „Si puella, quae trahitur, in verbum regis fuerit, fretus exinde 2500 dinarios qui faciunt solidos 63".

[4] *Childeberti decretio*, 14: „Diem dominicum placuit observare... si quis opera alia facere praesumpserit, si francus, solidos 15 componat, si romanus, solidos 7, si servus, solidos 3".

[5] *Lex Salica*, Additamentum, Behrend, p. 89: „Si mulier cum servo suo in coniugio copulaverit, omnes res suas fiscus adquirat".

[6] *Lex Ripuaria*, LXV, 1: „Si quis, sive in hoste, sive in reliquam utilitatem regis bannitus fuerit et minime adimpleverit, 60 solidos multetur".

[7] *Gregor*. V, 25; VII, 42.

женій короля въ церковныхъ дѣлахъ [1]. Въ другой разъ, простой правитель провинціи приговорилъ, по подозрѣнію въ воровствѣ, архидіакона къ штрафу въ 4000 солидовъ [2].

Что касается преступленій, къ которымъ можно было примѣнить названіе преступленій объ оскорбленіи величества, то они всегда влекли за собою полную конфискацію имущества [3]. Разсказы Григорія Турскаго обнаруживаютъ, что конфискаціи эти производились часто въ шестомъ вѣкѣ [4]; а житіе святого Леодегарія свидѣтельствуетъ о томъ же для седьмого. Повидимому даже, на обвиненіе въ оскорбленіе величества у Франковъ смотрѣли такъ же, какъ и въ худшія времена римской Имперіи,—какъ на средство увеличивать казенныя земли и богатства государя [5].

Штрафъ въ пользу казны полагался даже за такія

[1] *Gregor*. IV, 26: „Leontius, congregatis provinciae suae episcopis, Emerium ab episcopatu depulit... Rex, exactis Leontio episcopo mille aureis, reliquos episcopos iuxta possibilitatem condemnavit".

[2] *Gregor*. IV, 44 (43).

[3] *Lex Ripuaria*, LXIX: „Si quis homo regis infidelis exstiterit, omnes res suas fisco censeantur".—*Marculf*. I, 32: „Omnes res eius sub fisci titulum praecipimus revocare".

[4] *Gregor*. III, 14: „Quo interfecto, res eius fisco conlatae sunt". III, 24: „Quae in fisco suo Theodoricus posuerat de rebus Sigivaldi". V, 17: „Guntchramnus facultates eorum fisco suo redegit". Другіе примѣры, V, 25; VIII, 11; VIII, 36; IX, 10.

[5] Именно это говоритъ Григорій о Хильперихѣ, VI, 46: „Saepe homines pro facultatibus eorum iniuste punivit". — Тоже самое говоритъ Фредегарій о Брунегильдѣ, с. 21: „Aegila patricius instigante Brunichilde interficitur, nullis culpis exstantibus, nisi tantum cupiditatis instinctu, ut facultatem eius fiscus adsumeret".— Прибавьте то, что онъ говоритъ о дворцовомъ мэрѣ Протадіи,

преступленія, которыя вовсе не затрагивали короля. Это вытекало изъ того, что практика штрафовъ сочеталась съ системою «мировыхъ сдѣлокъ» (*compositio*). Извѣстно, что проступки и преступленія противъ частныхъ лицъ всегда почти кончались денежной сдѣлкой. Нѣкоторая сумма естественнымъ образомъ уплачивалась пострадавшей сторонѣ, но король и тутъ не отказывался отъ всякихъ правъ на долю въ этой суммѣ: онъ долженъ былъ также быть удовлетворенъ, ибо совершено было преступленіе, а онъ являлся защитникомъ общаго мира [1]. Часть выкупа, слѣдовательно, естественно поступала къ нему; эта королевская часть называлась *fredum* [2]. Она вычислялась по общей суммѣ выкупа и составляла, обыкновенно, одну треть его [3]. Послѣ привода въ исполненіе приговора ее взималъ и передавалъ въ королевскую казну графъ [4].

c. 27: „Fiscum nimium stringens, de rebus personarum vellens fiscum implere"; ниже, c. 80, читаемъ намекъ на произведенныя Дагобертомъ многочисленныя конфискаціи.

[1] Надо замѣтить, что принципъ этотъ примѣнялся даже въ случаяхъ наказанія смертной казнью. Такъ Хильперихъ наказываетъ за грабежъ смертью: „Occidantur, et facultates illorum parentibus legitimis dentur"; но король прибавляетъ: „Et quod fisco nostro debitum est acquiratur" (*Decretio Childeberti*, cap. 4).

[2] *Gregor*. Miracula S. Martini, IV, 26: „Compositionem fisco debitam quam illi fredum vocant".—*Idem*, Hist. VI, 23: „Chilperico filius nascitur; ex hoc iubet rex compositiones fisco debitos non exigi"

[3] *Lex Salica*, L, 4: „Duas partes cuius causa est, tertiam partem grafio freda ad se recolligat".

[4] *Lex Salica*, LIII, 2: „Fretus grafioni solvatur". *Lex Ripuaria*, LXXXIX: „Nec nullus iudex fiscalis de quacunque causa freta non exigat priusquam facinus componatur". — *Decretio Chlotarii*, 16 (Boretius, p. 7): „Fretus iudici in cuius provincia est latro, reservetur"

Мы видимъ, что при такой системѣ штрафовъ или пень, выкуповъ (виръ) и *freda* не происходило ни одного преступленія, которое не приносило бы дохода королевской казнѣ. Установлено было нѣчто, подобное налогу на всѣ совершаемыя въ государствѣ преступленія.

Вмѣшательство королевскаго суда требовало награды для казны даже за гражданскіе процессы между частными лицами. Мы можемъ усмотрѣть это изъ нѣкоторыхъ хартій, особенно же изъ многочисленныхъ актовыхъ формулъ. По традиціи, которая шла отъ Римлянъ, въ концѣ текста контрактовъ приписывалось всегда опредѣленіе неустойки, то-есть, договаривавшіяся стороны заранѣе условливались въ суммѣ, которую обязана будетъ внести нарушившая условіе. Въ большинствѣ же сохранившихся у насъ отъ меровингскаго времени контрактовъ устанавливается, что сумма эта будетъ подѣлена между пострадавшею стороною и казною. Правило это являлось средствомъ заставить государственную юстицію заботиться о соблюденіи контрактовъ въ такую эпоху, когда ея органы относились довольно равнодушно къ частнымъ интересамъ. Такъ, въ актахъ, касающихся продажи, завѣщаній, раздѣла наслѣдства, назначенія приданаго, взаимныхъ приношеній между супругами, пожалованій монастырямъ, продажи рабовъ и освобожденія ихъ— мы читаемъ слѣдующую фразу: «Если кто-нибудь возымѣетъ намѣреніе дѣйствовать несогласно съ настоящимъ актомъ, пусть попытка его будетъ безсильна и недѣйствительна, и пусть онъ уплатитъ кромѣ того пострадавшей сторонѣ и казнѣ столько то фунтовъ

золота или столько то серебра» [1]. Такая формула попадается въ актахъ, составленныхъ въ Анжу, Буржѣ, Оверни, Парижѣ и Сансѣ. Она находится также въ актахъ, въ которыхъ встрѣчаются ссылки на римскій законъ или въ другихъ, въ которыхъ есть ссылки на Салическую Правду [2].

Итакъ, каждое преступленіе и даже каждая тяжба приносила доходъ королевской власти. Всѣ штрафы разнаго рода должны были составлять значительныя

[1] *Formulae Andegavenses*, 9 (формула продажи раба): „Et si quis aut ego ipse aut aliquis heredibus meis vel qualibet extranea persona, contra hanc venditionem agere conaverit, inter tibi sociante fisco componat“. — *Ibidem*, 37: „Solidos tantos tibi sociante fisco componat“.—См. еще *Ibidem*, 57, актъ о разводѣ по взаимному соглашенію; та изъ двухъ сторонъ, которая захочетъ потомъ дѣйствовать противъ настоящаго акта заплатитъ другой договаривавшейся сторонѣ столько то солидовъ: „Solidos tantos ad parem suum componat una cum iudice intercedente“. — *Marculf*. II, 24 (относительно обмѣна земли): „Si quis hoc mutare voluerit, rem quam accepit amittat, et insuper inferat pari suo cum cogente fisco auri unciam unam“.—*Senonicae*, 25 (назначеніе приданаго): „Et si quis contra hunc libellum dotis venire conaverit, inferat tibi una cum socio fisco auri uncias tantas“. — *Diplomata*, Pardessus, №№ 179, 412, 442 (акты, относящіеся къ раздѣламъ имущества или пожалованіямъ): „Inferat sociante fisco auri decem libras; una cum socio fisco auri libras centum; et insuper cogatur solvere fisco regis auri libras triginta“.

[2] Въ анжуйскомъ сборникѣ формулъ встрѣчается выраженіе — „cum socio fisco“, или сходное съ нимъ; см. напр. №№ 2 и 3 въ концѣ акта, по которому одинъ человѣкъ закабалился въ рабство, чтобы искупить свое преступленіе; въ № 5 — въ концѣ одного приговора; въ № 9 — относительно продажи раба; въ 27 — относительно продажи земли; въ № 20—для обмѣна земли; въ № 37—въ концѣ дарственной грамоты, выданной отцомъ сыну; въ 41 — 43 №№ въ концѣ мировой сдѣлки; въ № 46 въ церковномъ пожалованіи; въ № 54 при назначеніи приданаго; въ № 57 — въ актѣ о разводѣ супруговъ. — Наоборотъ въ Турскомъ сборникѣ формулъ о долѣ казны не упоминается при объявленіи пени. — О ней снова говорится въ *Arvernenses*, № 5, и въ *Bituricenses*, въ №№ 4, 9 и 15 относящихся къ *securitas*, къ освобожденію рабовъ и къ назначенію приданаго. — Говорится объ этомъ и въ десяти актахъ изъ сборника формулъ Маркульфа (книга II), въ актахъ пожалованій церкви, обоюдныхъ приношеній супруговъ, освобожденія рабовъ и т. д., а также въ двѣнадцати формулахъ изъ сборника *Senonicae*, въ разнаго рода частныхъ актахъ.— Анжуйская формула № 37 ссылается на *Lex Aquiliana*, а №№ 46 и 54 на *Lex Romana*.

суммы. Въ иммунитетныхъ грамотахъ также можно замѣтить, что при перечисленіи денежныхъ повинностей населенія по отношенію къ государству *freda* стояли на первомъ мѣстѣ [1]. Эти штрафы были, повидимому, главнымъ источникомъ доходовъ для королевской власти. Обычаи эти приводили къ важнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, взиманіе судебныхъ поборовъ сохранилось подъ различными формами и въ позднѣйшие вѣка. Послѣдствіемъ этого было то, что въ продолженіе всего средневѣковья на правосудіе смотрѣли, какъ на источникъ дохода. Правосудіе сдѣлалось родомъ собственности, которую владѣлецъ могъ эксплуатировать или инфеодировать по своему желанію [2].

[1] „Omnes fredos concessos debeat possidere vel quidquid exinde fiscus poterat sperare“ (грамота Дагоберта I, Pertz № 15),— „Quidquid fiscus aut de freda aut de undecunque poterat sperare“— (*Marculf*. I, 3).

[2] Можетъ быть, надо прибавить сюда еще взысканіе канцелярскихъ пошлинъ. Нерѣдко частныя лица желали, чтобы контракты ихъ утверждались королемъ и носили его подпись. Это видно изъ многихъ грамотъ. Для обезпеченія крѣпости

ГЛАВА XIV.

Судопроизводство.

Мы будемъ изучать теперь способы примѣненія юстиціи, практиковавшіеся меровингскимъ правительствомъ. Здѣсь мы встрѣтимся также съ очень различными, сложными, по виду противорѣчивыми фактами. Въ особенности же мы замѣтимъ, что, хотя надъ судебнымъ строемъ и господствовалъ вполнѣ монархическій принципъ, на дѣлѣ королевская власть оказывала однако въ данной области меньше вліянія, чѣмъ укоренившіеся въ странѣ обычаи и нравы.

I.

Формы процесса; вызовъ на судъ и преслѣдованіе.

Въ гражданскихъ дѣлахъ не судья долженъ былъ вызывать тяжущихся на судъ. Самому истцу предоставлялось требовать къ отвѣту своего противника.

Надо замѣтить, что вызовъ на судъ обозначался

договоровъ въ тѣ смутныя времена люди стремились стать подъ покровительство имени короля. Требовалось ли тогда оплачивать приложеніе печати? Мы не будемъ утверждать этого рѣшительнымъ образомъ, но въ сборникѣ Маркульфа (I, 20) одна формула заставляеть сдѣлать такое предположеніе. Мы видимъ въ ней раздѣлъ наслѣдства, при которомъ сонаслѣдники попросили вмѣшательства короля; королѣ послалъ своего уполномоченнаго, чтобы раздѣлъ произведенъ былъ отъ его имени; тутъ же изъ текста констатируется, что уполномоченному этому причиталась извѣстная часть раздѣленнаго имущества. Такимъ образомъ, довольно правдоподобно, что король взималъ пошлину съ каждаго частнаго акта, который свидѣтельствовался его канцеляріей.

въ памятникахъ франкской эпохи тремя словами— *interpellare*, *mallare* и *mannire*. Первый изъ указанныхъ терминовъ употреблялся въ римскихъ правовыхъ текстахъ, и имъ уже пользовались въ римской Галліи; оно повторяется также во всѣхъ сборникахъ формулъ, даже спеціально въ франкскихъ сборникахъ; оно часто встрѣчается въ Рипуарской Правдѣ, очень рѣдко въ Салической [1]. Слово *mallare*, то-есть, звать на *mallus*, находимъ въ анжуйскихъ формулахъ и въ обѣихъ франкскихъ Правдахъ [2]. *Mannire* больше всего попадается въ сводахъ; въ формулахъ оно встрѣчается всего одинъ разъ, и писатели, повидимому, его не знаютъ. Всѣ три выраженія совершенно тождественны по смыслу, и между ними не открывается никакой разницы въ значеніи [3].

[1] Точнѣе говоря, оно одинъ только разъ встрѣчается въ Салической Правдѣ, именно въ XL главѣ, и то не во всѣхъ спискахъ.—Въ Рипуарской Правдѣ его можно найти въ XXX гл; 1; XXX, 2; XXXI, 3; XXXII, 3; LVIII, 19; LIX, 8; LXXX.— См. также въ Анжуйскихъ формулахъ, 10, 11, 24. 28, 29, 47. въ *Turonenses*, 39, 41; въ *Senonicae*, 20; въ *Senonenses*, 13, 4, 6 и въ *Merkelianae*, 28, 29, 30.

[2] *Formulae Andegavenses*, 5 и 43: „Aliquis homo aliquem hominem mallavit de res suas". — *Lex Salica*, XVI, 1; L, 2; LI: „Si eum admallatum non habuerit", LIII, 1: „Qui admallatus est". Вольфенбюттельская рукопись, с. 56: „Qui cum mallavit".—*Lex Ripuaria*, LVIII, 19: „Si legitime mallatus fuerit"; XXXII, 3: „Eum admallatum habet". — *Edictum Chilperici*, 7, in fine: „Qui mallat ipsum". — *Lex Alamannorum*, XXXVI, 2: „Qui alium mallare vult".

[3] Тождественность *interpellare*, *mallare* и *mannire* прекрасно доказывается Рипуарскою Правдою, въ которой въ XXXII главѣ, 3, употребляются всѣ три выраженія въ одной и той же фразѣ. Прежде всего здѣсь читаемъ—„qui eum mannit", потомъ — „qui

Способъ вызова на судъ опредѣленъ въ Салической Правдѣ слѣдующимъ образомъ: «Человѣкъ, который вызываетъ на судъ другого, долженъ пойти въ домъ его со свидѣтелями; если тотъ, кого онъ ищетъ, отсутствуетъ, онъ обращается къ женѣ его или къ кому-нибудь изъ его семьи, съ тѣмъ, чтобы тому передали, что онъ вызывается на судъ» [1]. Вытребованный такимъ образомъ человѣкъ не обязанъ былъ являться на судъ немедленно; чаще всего, ему давался семидневный срокъ; даже больше, онъ могъ пользоваться двумя отсрочками, и вызовъ дважды возобновлялся черезъ каждые семь дней [2].

Часто случалось также, что оба противника соглашались между собою явиться въ судъ. Они вмѣстѣ условливались, къ какому трибуналу обратятся и въ какой день. Они могли сговориться предстать передъ судомъ короля, или графа, или епископа, или выбрать третейскихъ судей. Такое взаимное обязательство явиться въ судъ называлось *placitum* [3].

eum admallatum habuit (admallavit)" и наконецъ—„qui eum interpellavit"; подлежащимъ для всѣхъ трехъ глаголовъ служитъ одно и то же лицо—истецъ.

[1] *Lex Salica*, I, 3: „Ille, qui alium mannit, cum testibus ad domum illius ambulare debet, et is praesens non fuerit, uxorem aut quemcunque de familia illius appellat, ut illi faciat notum quod ab eo mannitus est".

[2] *Lex Salica*, LII: „Sic eum debet admallare: cum testibus ad domum illius accedat et sic contestetur... sic ei solem collocet... Adhuc super septem noctes ei spatium dare debet et ad septem noctes ad eum similiter accedat et contestetur". Ср. *Lex Ripuaria*, XXXII и XXXIII и капитулярій *De antrustione ghamalta*, изд. Behrend, стр. 95 и 96.

[3] *Placitum* смѣшиваютъ обыкновенно съ *mallus*; placitum переводятъ, какъ „судъ" или „судебное собраніе". Для ме-

Если одна изъ сторонъ не оказывалась на мѣстѣ въ установленный срокъ, то другая ждала въ мѣстопребываніи суда три дня, а потомъ испрашивала отъ

ровингскаго времени — это ошибка. Надо разсмотрѣть документы: изъ нихъ видно будетъ, что placitum не имѣло такого значенія. Ни въ Салической Правдѣ, ни у Григорія Турскаго оно не было синонимомъ съ mallus. Слово это употреблялось въ нѣсколькихъ значеніяхъ, изъ которыхъ наиболѣе распространеннымъ было значеніе дня явки въ судъ, притомъ опредѣленнаго тяжущимися сторонами, а не судьей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Григорій (VII, 23) говоритъ, что родители какого-то еврея съ одной стороны и бывшій графскій помощникъ Инъюріозъ съ другой „placitum posuerunt in praesentia Childeberti regis", то-есть, уговорились вмѣстѣ явиться въ королевскій судъ.—Одинъ аббатъ пишетъ, что онъ и патрицій Филиппъ выбрали день для явки въ королевскій судъ: „Placitum habemus ante domine rege". См. *Desiderii epistolae*, II, 2, въ „Patrologia", LXXXVII, col. 257. — Сынъ нѣкоего Сильвестра и діаконъ Петръ условились дать разобрать свое дѣло въ епископскій судъ города Ліона—„facto placito in praesentia Nicetii episcopi" *Gregor*. V, 5.— *Lex Salica*, XL, 7: „Facere placitum ad septem noctes"—назначить явку въ судъ черезъ семь дней.—*Ibid.* XL, 8: „Ad septem alias noctes placitum faciat" — черезъ другіе семь дней.—*Lex Salica*, XLVII, 1: „Et qui agnoscit et apud quem agnoscitur in noctes 40 placitum faciant" — обѣ стороны должны дать другъ другу обязательство явиться въ судъ черезъ 40 дней.—*Edictum Chilperici*, 7: „in 84 noctes placitum intendatur",—чтобы явка въ судъ была отложена на 84 дня.—Особенно же см. грамоту 692 года, въ „Archives nationales" Tardif, № 30: „Per eorum notitias paricolas ante pontificem placita inter se habuerunt... Taliter inter se placitum habuerunt initum". — Ср. судебный приговоръ 758 года въ „Patrologia", t. XCVI, col. 1530: „Tunc tale placitum statuerunt, ut simul ad noctes legitimas concurrerent in palatio et ante regem istam contentionem definire debuisset".— Слово *placitum* употреблялось съ тѣмъ же значеніемъ въ вестготской Испаніи. См. *Lex Wisigoth.* II, 2, 4: „Quoties per sponsionem placiti constituendum est tempus quando aut ubi causa dicatur".

судей документа, удостовѣряющаго неявку противника. Въ актѣ обыкновенно обозначалось, что одна изъ сторонъ «осталась вѣрна назначенному дню», а другая «пропустила его» [1]. Такіе процессуальные пріемы практиковались римскимъ населеніемъ такъ же, какъ франкскимъ, и въ самомъ дѣлѣ добровольныя соглашенія между тяжущимися явиться въ назначенный день на судъ и ожидать тамъ другъ друга наблюдаются какъ давній римскій обычай [2].

Изъ того, что говорилось до-сихъ поръ, можно вывести, будто судебная власть во франкскомъ государствѣ оставалась совершенно бездѣятельной по отношенію къ вопросу о вызовѣ и явкѣ на судъ сторонъ. Но дѣло обстояло не такъ. Законъ возлагалъ на нее регулировку обычныхъ формъ. Такъ, прежде

[1] *Formulae Andegavenses*, 12, Rozière, 457: „Notitia solsadii, qualiter ille homo placitum suum adtendit in Andecavis civitate, Kalendas illas... Femina (противная сторона) nec ad placitum advenit nec missum direxit. Propterea necesse fuit, ut hanc notitiam facere deberent". — Тоже самое повторяется въ № 13.—Ср. 14: „Ille ad placitum adfuit, triduum custodivit et solsadivit; ille (другая сторона) nec ad placitum adfuit nec ullam personam ad vicem suam direxit".—№ 16: „Ille et germanus suus placitum eorum custadierunt et solsadierunt; propterea necessarium fuit ut ex hoc notitiam accipere deberent". — *Marculf*. I, 37: „Ille ibi in palatio nostro per triduo seu amplius, ut lex habuit, placitum suum custodivit... Ille (другой) placitum suum custodire neglexit".—*Turonenses*, 33: „Ille per triduum placitum custodivit... Ille non suum placitum adimplevit".—*Senonicae*, 26: „Ille placitum suum neglexit".—*Gregor*. VII, 23: „Placitum in regis praesentiam posuerunt... Iniuriosus ad placitum in conspectu regis advenit et per triduum usque ad occasum solis observavit".— Послѣднія слова поясняютъ терминъ *solsadire* встрѣчающійся въ нашихъ формулахъ.

[2] *Keller*, Traité des actions, перев. стр. 50.

всего, если Правда и предоставляетъ вызванному на судъ три отсрочки, то при этомъ все-таки за каждую изъ нихъ онъ обязывался уплачивать по 3 солида [1].— Затѣмъ, еще было установлено, что отказъ явиться на судъ наказывался уже очень значительною пенею въ 15 солидовъ или 600 динаріевъ серебромъ [2]. Далѣе, по истеченіи отсрочекъ, истецъ имѣлъ право явиться къ судьѣ одинъ; послѣдній разбиралъ дѣло и могъ привести свой приговоръ въ исполненіе, наложивъ руку на имущество стороны, уклонившейся отъ суда [3]. Иногда, въ случаѣ неявки къ королевскому суду, издавался отъ имени короля приказъ, предписывавшій графу

[1] *Lex Salica*, LII.

[2] *Lex Salica*, I, 1: „Si quis ad mallum legibus dominibus mannitus fuerit et non venerit, 600 dinarios, qui faciunt solidos 15, culpabilis iudicetur". — Выраженіе *legibus dominicis* приводитъ съ перваго взгляда въ недоумѣніе (см. *Waitz*, 3-е изд. т. II, 2-я ч. стр. 170). Но слѣдуетъ сблизить съ этимъ мѣстомъ XXXII главу Рипуарской Правды: „Si quis legibus ad mallum mannitus fuerit et non venerit, 15 solidos culpabilis iudicetur". — Не думаю чтобы подъ *legibus dominicis* въ одномъ сводѣ могло пониматься иное, чѣмъ подъ *legibus* въ другомъ; это значитъ просто: „согласно законамъ"; а такъ какъ на законы смотрѣли, какъ на созданіе королей, то ихъ естественно было назвать *dominicae*.—„Legibus"— синонимично съ „secundum legem" или „legitime". Ср. „legitime admallatum" въ *Lex Salica*, LI, 1; и „legitime mannitum habuit legitime admallatum habet, legitime mallatus" въ *Lex Ripuaria* XXXII, 2—3; LVIII, 19.

[3] *Lex Salica*, XLV: „Tunc manniat eum ad mallum... Et si, ille cui testatum est noluerit exire... tunc grafionem roget, ut accedat ad locum, ut eum inde expellat".—*Ibidem*, L, 2.—*Lex Ripuaria*, XXXII, 3: „Si ad septimo mallo non venerit, tunc ille, qui eum, mannit, ante comitem iudicare debet... et sic iudex ad domum illius accedere debet et legitima strude exinde auferre".

дѣйствовать путемъ принужденія [1]. Что касается самыхъ важныхъ дѣлъ, законъ объявлялъ, что если кто-нибудь отказывался явиться сначала на mallus, затѣмъ и на королевскій судъ, то король объявлялъ его «лишеннымъ своего покровительства»: это значило, что его безнаказанно можно было убить; въ текстѣ свода къ этому добавлялось, что имущество такого лица должно было подвергаться конфискаціи, и «никто, даже жена его, не могъ ни принять его подъ свой кровъ, ни накормить его» [2].

Посмотримъ теперь, кому принадлежала иниціатива преслѣдованія въ уголовныхъ дѣлахъ, потерпѣвшей сторонѣ, или государственной власти? Оба указанныя только что предположенія окажутся невѣрными, если мы выставимъ категорически одно или другое. Нѣкоторые новѣйшіе ученые утверждали, что опредѣленный и постоянный принципъ франкскаго уголовнаго права состоялъ въ томъ, что виновнаго могла преслѣдовать только пострадавшая сторона. Такой взглядъ объясняется тѣмъ, что высказывавшіе его историки принимали во вниманіе только одинъ рядъ фактовъ и какъ бы систематически закрывали глаза на другіе [3].

[1] *Formulae Turonenses*, 33; *Senonicae*, 26.

[2] *Lex Salica*, LVI, 2: „Si qui admallatus est ad nullum placitum venire voluerit, tunc rex ad quem mannitus est, extra sermonem suum ponat eum; tunc ipse culpabilis et omnes res suas erunt in fisco aut cui fiscus dare voluerit. Et quicunque eum aut paverit aut hospitalitatem dederit, etiam si uxor sua, solidos 15 culpabilis iudicetur".

[3] Намъ не приходится упоминать здѣсь труда Зома „О судопроизводствѣ по Салической Правдѣ", такъ какъ авторъ задается цѣлью изобразить въ немъ положеніе вещей, предшествовавшее зарожденію франкскаго государства. Тутъ не мѣсто разбирать эту книгу, очень остроумную и полную гипотезъ, подлежащихъ однако провѣркѣ отъ начала до конца. *Thèvenin* перевелъ ее (1873) на французскій языкъ, не предупредивъ читателей обо всемъ, что въ ней заключается неточнаго и гадательнаго.

Приведемъ прежде всего данныя, которыя доказываютъ, что производить преслѣдованіе преступленія могла и государственная власть. У насъ есть указъ Хильдеберта, предписывающій графу въ случаяхъ грабежа или кражи самому приниматься за поиски виновнаго, отправляться къ мѣсту его жительства, арестовать его; если же онъ не могъ сдѣлать этого собственными силами, то онъ долженъ былъ вытребовать на помощь сосѣдей виновнаго и, наконецъ, могъ заковать его въ кандалы, чтобы лишить возможности бѣжать [1]. Нельзя сомнѣваться, что обязанность, возлагавшаяся на королевскаго чиновника въ случаяхъ грабежа или воровства, тѣмъ болѣе предписывалась ему также и въ случаѣ убійства. Дѣйствительно, это прямо указано въ самой Салической Правдѣ. Мы читаемъ въ ней: «Если случится, что на дорогѣ или между двумя селеніями произойдетъ убійство человѣка, причемъ убійца останется неизвѣстенъ, судья области, то-есть, графъ или его уполномоченный, долженъ отправиться на мѣсто происшествія; онъ затрубитъ въ рогъ; на этотъ зовъ явятся сосѣдніе жители, и судья скажетъ имъ: вотъ—чело-

[1] *Childeberti decretio*, c. 4 (Boretius, p. 16—17): „Iudex, collecto solatio, raptorem occidat";— c. 7: „Si quis iudex comprehensum latronem convictus fuerit relaxasse..."—c. 8: „iudex, criminosum latronem ut audierit, ad casam suam ambulet et ipsum ligare faciat".

вѣкъ, убитый на вашей землѣ; я требую, чтобы вы явились въ ближайшее засѣданіе суда отвѣтить по дѣлу объ этомъ убійствѣ и выслушать, что вы должны будете сдѣлать»[1]. Изъ этого текста ясно видно, что въ подобныхъ случаяхъ иниціатива принадлежала государственной власти. Она не дожидалась, чтобы родственники убитаго вызвали ее къ дѣйствію своею просьбою или заявленіемъ. Разъ она узнавала объ убійствѣ, она сама искала убійцу. Прибѣгая къ довольно грубому, но легко осуществимому пріему, она дѣлала жителей мѣстности, гдѣ найдено тѣло, временно отвѣтственными за убійство, чтобы заставить ихъ оказать, по крайней мѣрѣ, помощь при розысканіи виновнаго. Есть еще другая статья въ Салической Правдѣ, въ которой приводится случай, когда у убитаго не оставалось никакого родственника; преслѣдованіе все-таки производилось именно государственною властью, которая и постановляла обвинительный приговоръ[2].

[1] *Lex Salica*: „Si homo iuxta strada (villa) aut inter duas villas fuerit interfectus, ut homicida non appareat, sic debet iudex hoc est comes aut grafio ad locum accedere et ibi cornu sonare.... Et debet iudex dicere: Homo iste in vestro agro vel vestibulo est occisus; contestor et de homicidio isto vos admallo, ut in mallo proximo veniatis et vobis de lege dicatur, quid observare debeatis“.— Эта статья, помѣщенная издателями въ „capita extravagantia“, составляетъ часть самой Салической Правды, с. 75, въ Вольфенбюттельской рукописи, также въ Парижской рукописи 4404, въ Лейденской, Vossianus, 119 и въ нѣсколькихъ другихъ. Ее можно найти въ изданіяхъ Pardessus, стр. 332, Hessels, стр. 400, Behrend, стр. 91.

[2] *Lex Salica*, LXII, 2: „Quod si de nulla parte paterna seu materna nullus parens non fuerit, illa portio (то-есть, *compositio*, о которой говорится въ прешествующей статьѣ) in fisco colligatur“.

Грамота назначенія графа гласила, что онъ обязанъ наказывать преступниковъ. Это, конечно, не могло означать только то, что онъ долженъ былъ дожидаться, пока къ нему обращались съ жалобами семьи пострадавшихъ. У насъ есть указъ Хлотара, воспрещающій графамъ налагать арестъ на духовныхъ лицъ и осуждать ихъ «за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ или явно совершеннаго преступленія». Что можетъ означать подобный указъ, если не то, что по уголовнымъ дѣламъ графъ могъ арестовать клириковъ и, тѣмъ болѣе, свѣтскихъ лицъ[1].

Разсмотримъ далѣе постановленія церковныхъ соборовъ. Маконскій соборъ 581 года удостовѣряетъ, что графъ или всякій другой представитель государственной власти «въ случаѣ убійства, кражи и колдовства» можетъ задержать даже духовное лицо[2]. Въ 585 году засѣдавшій тамъ же другой соборъ жаловался на то, что графы, «надменно пользуясь своимъ правомъ», налагали руку на священниковъ въ самыхъ церковныхъ дворахъ[3]. Соборы жаловались еще на то, что графы преслѣдовали за

[1] *Edictum Chlotarii*, c. 4 (Boretius, p. 21): „Ut nullus iudicum de quolibet ordine clericum de civilibus causis, praeter criminalia negotia, per se distringere aut damnare praesumat, nisi convincitur manifestus“.

[2] См. акты Маконскаго собора 585 года, с. 7, Sirmond, I, 371—372. „Quicumque iudex clericum, absque causa criminali idest homicidio, furto, aut maleficio hoc facere (id est distringere) praesumpserit, ab ecclesiae liminibus arceatur“.

[3] Второй Маконскій соборъ, 586 года. 8: „Ita ut eos de atriis ecclesiarum violenter abstractos ergastulis publicis addicant. Censemus, ut nullus saecularium fascibus praeditus, iure suo contumaciter ac perperam agens, episcopum de ecclesia trahire audeat“.

малѣйшіе проступки вдовъ и сиротъ, которыя находились подъ покровительствомъ церкви [1]. Парижскій соборъ 614 года и реймскій 630-го ходатайствовали и, вѣроятно, тщетно, чтобы чиновникамъ государства воспрещалось задерживать духовныхъ лицъ безъ разрѣшенія епископа [2].

Иммунитетныя грамоты воспрещали графу и его подчиненнымъ вступать на территорію привилегированныхъ помѣстій, «чтобы налагать аресты тамъ на свободныхъ людей или на рабовъ» [3]. Изъ этого ясно, что повсюду въ другихъ мѣстахъ графъ имѣлъ право лишать свободы виновныхъ или заподозрѣнныхъ въ преступленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ есть формулы королевскихъ приказовъ, предписывающія графу арестовать виновнаго [4].

Разсказы писателей, изображающіе намъ дѣйствительность болѣе живо и конкретно, чѣмъ законодательные памятники и оффиціальные акты, подтверждаютъ то, что сказано въ правовыхъ сводахъ и формулахъ. Григорій Турскій сообщаетъ фактъ,

[1] *Ibidem*, cap. 12.

[2] Парижскій соборъ 614 года, ст. 4.—Реймскій соборъ 625 года, ст. 6. Sirmond, I, 471, 481; Mansi, X, 540, 593.

[3] *Marculf*. I, 4: „Ut nullus iudex publicus ad causas audiendum nec homines de quaslibet causas distringendum ingredi non debeat“. *Archives nationales*, Tardif, № 41: „Nec homines tam ingenuos quam servientes distringendum“.—*Diplomata*, Pardessus, №№ 242, 258, 291, 417.

[4] *Formulae Turonenses*, 33: „Ille rex illi comiti... Iubemus, ut vobis distringentibus memoratus ille partibus istius componere et satisfacere non recuset“. — То же самое см. въ № 26 изъ *Senonicae*, гдѣ надо читать „vobis distringentibus“ вмѣсто „distrahentibus“.

когда одинъ человѣкъ убилъ другого во время ссоры между двумя семействами, и преслѣдованіе было возбуждено не родичами жертвы, а графомъ, предписавшимъ схватить убійцу и посадить его въ тюрьму [1]. Въ Нойонѣ два обвиненныхъ были разъ «приведены въ судъ графа» безъ какого бы то ни было вмѣшательства пострадавшей стороны [2]. Даже въ Турнэ—на судъ франкскаго графа Дотто, одинъ обвиненный, какъ разсказываетъ агіографъ, былъ приведенъ не родственниками убитаго, а «ликторами графа» [3].

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что государственная власть имѣла право возбуждать преслѣдованія по уголовнымъ дѣламъ. Правда, что спеціальныхъ магистратовъ, облеченныхъ такою обязанностью, не существовало. Римская Имперія не знала того, что мы называемъ должностью правительственнаго прокурора, не знало его и меровингское общество. Но это не значитъ, что государственная власть оставалась безучастной къ проступкамъ и преступленіямъ. Право преслѣдовать за преступленія входило въ понятіе *imperium*, то-есть, власти намѣстника провинціи въ римской имперіи, такъ же какъ и въ составъ полномочій меровингскаго графа.

Однако, установивъ этотъ фактъ, слѣдуетъ противопоставить ему другое наблюденіе. Присмотрѣвшись къ тѣмъ изъ судебныхъ формулъ, которыя относятся къ случаямъ смертоубійства, мы видимъ, что преслѣ-

[1] *Gregor*. Vitae Patrum, VIII, 7: „Quod cum iudex loci illius comperisset, vinctum virum in carcerem retrudi praecipit“.

[2] *Vita Eligii*, II, 61,

[3] *Vita Amandi*, c. 13, *Mabillon*, Acta SS. II, 714: „A lictoribus ante eum praesentatus est quidam reus“.

дованіе постоянно возбуждалось на дѣлѣ пострадавшею стороною. Родственники или наслѣдники убитаго, вызывали на судъ убійцу, и сами являлись обвинителями.

Въ одной анжуйской формулѣ мы читаемъ, что нѣкій человѣкъ обвинялъ предъ судомъ графа и его ассессоровъ женщину, колдовствомъ уморившую его отца. Былъ назначенъ день суда; обвинитель явился, обвиняемая нѣтъ; графъ не постановилъ никакого приговора и не предписалъ начать противъ нея преслѣдованіе. Онъ удовольствовался врученіемъ обвинителю грамоты, удостовѣрявшей неявку его противницы [1]. Подобные же факты констатируются въ восьми другихъ формулахъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ сборникамъ. Въ двухъ изъ нихъ воръ вызывается на судъ тѣмъ лицомъ, у котораго совершена была кража [2]; въ трехъ — обвиненіе вчинается сыномъ, отцомъ и родственниками потерпѣвшаго [3]; въ одной инициатива принадлежитъ «родственникамъ и друзьямъ» [4]; въ двухъ послѣднихъ преслѣдованіе ведется господиномъ убитаго, такъ какъ жертвою убійства былъ рабъ или человѣкъ зависимый [5].

Такъ или иначе Салическая Правда согласуется съ разсмотрѣнными формулами. Мы находимъ въ ней, дѣйствительно, что за каждое преступленіе виновный приговаривался къ уплатѣ извѣстной

[1] *Formulae Andegavenses*, 12, Rozière, 457.
[2] *Formulae Andegavenses*, 39; *Bignonianae*, 27.
[3] *Andegavenses*, 50; *Renonicae*, 11 и 51.
[4] *Merkelianae*, 39.
[5] *Bignonianae*, 9; *Merkelianae*, 38.

суммы денегъ семейству потерпѣвшаго [1]. Это значитъ, что за вычетомъ исключительныхъ случаевъ, преслѣдованіе вело именно оно, и оно же являлось на судѣ обвиняющею стороною. Мы не видимъ, чтобы даже въ королевскомъ трибуналѣ существовало особое должностное лицо, которому поручалось бы преслѣдованіе преступниковъ; обвиненіе поднималось простымъ частнымъ человѣкомъ [2].

Лѣтописные разсказы того времени обнаруживаютъ передъ нами практику такого порядка. Нѣкто Инъюріозъ убилъ двухъ евреевъ и двухъ христіанъ, бывшихъ его кредиторами. Онъ не подвергся за это преслѣдованію ни со стороны графа, ни со стороны короля. За дѣло взялись родственники убитыхъ; обѣ стороны явились на судъ, но судъ не могъ добиться раскрытія истины. Тогда обѣ стороны назначили день для разбирательства своего процесса въ королевскомъ судѣ, то-есть, они обязались другъ передъ другомъ предстать къ трибуналу государя. Инъюріозъ явился одинъ въ условленный день, а родственники убитыхъ не явились. Тогда, такъ какъ не было обвинителя и такъ какъ ни король, ни какой-нибудь другой органъ правительственной юстиціи не начинали преслѣдованія за совершенное преступленіе, Инъюріозъ вернулся къ себѣ свободнымъ отъ наказанія [3].

[1] *Lex Salica*, LXII, 1, De compositione homicidii: „Si cuiuscunque pater occisus fuerit, medietatem compositionis filii colligant et aliam medietatem parentes, qui proximiores sunt, inter se dividant".

[2] Это вытекаетъ изъ XVIII главы Салической Правды, по которой наказывается штрафомъ человѣкъ, ложно обвиняющій отсутствующаго передъ судомъ короля.

[3] *Gregor*. VII, 23: „Placitum in praesentia regis Childeberti posuerunt... Iniuriosus tamen ad placitum in conspectu regis adve-

Въ церковь святого Мартина какъ-то проникли воры и похитили изъ нея священные предметы. Какъ только король Хильперихъ узналъ о происшедшемъ святотатствѣ, онъ повелѣлъ задержать преступниковъ и привести ихъ къ его суду. Но епископъ города Тура, боясь, какъ бы онъ не приговорилъ ихъ къ смерти, попросилъ короля не подвергать виновныхъ суду, «потому что онъ, епископъ, которому принадлежитъ право преслѣдованія въ этомъ дѣлѣ, не обвиняетъ ихъ». Король удовлетворилъ этому странному прошенію прелата и отпустилъ виновныхъ [1]. Въ этомъ любопытномъ разсказѣ мы видимъ съ одной стороны франкскаго короля, проводящаго принципъ инициативы государственной власти въ преслѣдовании преступленій, съ другой галло-римскаго епископа, настаивающаго на примѣнении правила, что такое преслѣдованіе есть право одной пострадавшей стороны.

Приведемъ еще одинъ случай. Австрегизилъ убилъ нѣсколько человѣкъ; графъ Турской области не отдаетъ приказа о его арестѣ. Сихарій въ свою очередь убилъ самаго Австрегизила; графъ продолжаетъ оставаться бездѣятельнымъ, а посредничество свое предлагаетъ епископъ. Послѣ того какъ совершено было еще въ третій пріемъ нѣсколько убійствъ, графъ рѣшается наконецъ преслѣдовать дѣло судомъ и вызвать стороны передъ свой трибуналъ [1]. Такимъ образомъ, графъ по своему желанію могъ преслѣдовать преступленія или воздерживаться отъ этого.

nit. Cum hi non venissent, neque de causa hac ab ullo interpellatus fuisset, ad propria rediit".

[1] *Gregor.* VI, 10: „Ego metuens ne homines morerentur, epistolam regi precationis misi, ne, nostris non accusantibus, ad quos persecutio pertinebat, hi interficerentur. Quod rex benigne suscipiens, vitae restituit".

Какъ же объяснимъ мы такіе измѣнчивые факты, эти произвольные и противорѣчивые пріемы? Скажемъ ли мы, что разница въ формѣ процесса зависѣла отъ различія племенного происхожденія участвовавшихъ въ немъ лицъ? Установимъ ли мы, какъ безусловный выводъ, что преслѣдованіе государственною властью было римскимъ порядкомъ судопроизводства, а преслѣдованіе семьею потерпѣвшаго—франкскимъ? Такія заключенія нашли бы опроверженіе въ нашихъ документахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы только что видѣли, что о преслѣдовании государственною властью говорилось въ указахъ франкскихъ королей, въ нѣкоторыхъ статьяхъ Салической Правды и въ разсказахъ, относящихся къ людямъ всякаго происхожденія безъ различія. Преслѣдованіе пострадавшею стороною мы также находимъ, какъ въ чисто римскихъ формулахъ Анжуйскаго сборника, такъ и въ Сансскомъ сборникѣ формулъ и въ сборникѣ Меркеля; мы встрѣчали подобные случаи также въ разсказахъ, гдѣ рѣчь шла о Римлянахъ. Къ числу послѣднихъ, напримѣръ, принадлежалъ Инъюріозъ. Тоже повторялось въ процессахъ, гдѣ тяжущіяся стороны могли принадлежать къ франкской расѣ, какъ Австрегизилъ и Храмнизиндъ. Невозможно доказать, что порядокъ преслѣдованія преступленій пострадавшею стороною принадлежалъ скорѣе къ франкскимъ обычаямъ, такъ какъ мы видимъ, что его придерживался римскій епископъ и примѣнялъ его, какъ къ Римлянамъ, такъ и къ Франкамъ.

[1] *Gregor.* VII, 47: „Partes a iudice ad civitatem deductae".

Не расовыя различія въ населеніи, стало быть, были причиною разнообразія въ правилахъ судопроизводства. Въ сущности слѣдуетъ различать настоящій, строго опредѣленный законъ и обычай, болѣе гибкій, болѣе чѣмъ первый приспособляющійся къ особенностямъ жизни. Въ принципѣ (по закону) преслѣдовать за преступленія долженъ былъ представитель государственной власти; грамота его назначенія предписывала ему такую обязанность, и указы королей формальнымъ образомъ напоминали о ней. На практикѣ же, представитель государственной власти рѣдко преслѣдовалъ виновныхъ за преступленія,— потому ли, что ему препятствовали въ этомъ другія его занятія или его нерадивость, или же потому, что общественное мнѣніе и вліяніе епископовъ отклоняли его отъ этого. Преобладаніе системы обвиненія пострадавшею стороною — фактъ неоспоримый; объясненіе его мы найдемъ, быть можетъ, въ другихъ фактахъ, изслѣдованіемъ которыхъ сейчасъ займемся.

2.

Способы производства слѣдствія; судебныя испытанія.

Въ меровингскомъ государствѣ не учреждено было особыхъ судовъ для людей франкскаго и для людей римскаго происхожденія. И тѣ, и другіе одинаково являлись на mallus графа, на судилище короля или передъ трибуналомъ епископовъ. Суды были такимъ образомъ различны, но основаніемъ для такого различія не являлось племенное происхожденіе судящихся.

Нѣкоторые ученые предполагали, что судья мѣнялъ своихъ засѣдателей смотря по тому, къ какому народу принадлежали истцы или посудимые; говорили, будто ассессорами оказывались куріалы, если тяжущимися были Римляне, — рахинбурги, если послѣдніе были Франками [1]. Такое мнѣніе—чистѣйшая гипотеза; документы не обнаруживаютъ ничего подобнаго.

Если мы разсмотримъ извѣстные намъ девятнадцать протоколовъ рѣшеній, состоявшихся въ королевскомъ судѣ, то ни въ одномъ изъ нихъ не найдемъ указанія на право, по которому производился судъ. То же замѣчаніе относится къ имѣющимся сорокъ одной формулѣ приговоровъ. Въ ихъ текстѣ никогда не говорится, чтобы тяжущіеся были судимы по римскому закону или по одной изъ франкскихъ Правдъ. Судъ постановлялъ свой приговоръ, не выставляя на видъ, въ силу какого законодательства онъ его произносилъ. Въ приговорѣ никогда не упоминается о племенномъ происхожденіи судьи, засѣдателя, истца или отвѣтчика. У писателей мы находимъ не менѣе четырнадцати довольно подробныхъ разсказовъ о процессахъ; ни въ одномъ изъ нихъ авторы не указываютъ ни закона, по которому дѣла судились, ни расы, къ которой принадлежали судившіеся. На судѣ можно было замѣнять себя довѣреннымъ лицомъ; у насъ сохранились формулы такихъ

[1] Этого взгляда еще придерживается *Digot*, Histoire d'Austrasie; см. т. III, стр. 87: „Когда графъ долженъ былъ судить Галло-Римлянъ, онъ призывалъ въ качествѣ ассессоровъ куріаловъ; если же судившіеся были Франками, онъ окружалъ себя нѣсколькими засѣдателями изъ этой націи, которымъ давалось названіе рахинбурговъ".

довѣренностей [1]; какъ и въ судебныхъ приговорахъ, въ нихъ никогда не указывается ни происхожденія лицъ, ни примѣнявшагося закона.

Незамѣтно, чтобы существовала большая разница при судопроизводствѣ въ разсмотрѣнныхъ видахъ суда. Возьмите Турскія формулы, которыя были римскими, Анжерскія, которыя, повидимому, тоже были римскими, и формулы изъ сборниковъ Биньона и Меркеля, какъ кажется, бывшія франкскими, и „салическими", — вы не усмотрите въ нихъ никакой осязательной разницы. Въ нихъ отражается тотъ же способъ веденія слѣдствія, тотъ же судъ, тѣ же карательныя мѣры.

Разбирательство во всѣхъ этихъ судахъ производилось прежде всего на основаніи письменныхъ документовъ и свидѣтельскихъ показаній. Почти во всѣхъ, дошедшихъ до насъ протоколахъ королевскій судъ постановлялъ рѣшеніе по даннымъ письменныхъ актовъ [2]. Рипуарская Правда говоритъ о тяжущихся, которые приносятъ на судъ писанныя доказательства [3]. Она предписываетъ, чтобы всегда, когда возможно, записы-

[1] *Formulae Andegavenses*, 1; *Arvernenses*, 2; *Turonenses*, 20; *Senonicae*, 13; *Senonenses* 10; — Ср. другія формулы, свидѣтельствующія о томъ, что одна изъ сторонъ „nec venit ad placitum, nec missum suum vice sua direxit"; *Andegavenses* 12,13; *Senonicae*, 10.

[2] *Archives nationales*, Tardif, №№ 14: „Precariam ostendebat, qua relecta inventum est..." — 17: „Inquirentes eorum instrumenta, inventum est..." — 28: „Ipsum instrumentum debeat praesentari". — 32, 35, 42; „Instrumenta ostendit relegenda".

[3] *Lex Ripuaria*, LIX, 3: „Si carta in iudicio... idoneata fuerit". Ср. ст. 5-ю, которая говоритъ о провѣркѣ почерка. — Ст. 8: „Si quis in iudicio interpellatus cartam prae manibus habuerit".

вались акты, удостовѣряющіе о продажѣ недвижимости, объ освобожденіи раба, о подаркѣ [1]. Видно, что такіе документы предъявлялись на судѣ, при тяжбахъ, относящихся къ имущественнымъ вопросамъ или къ гражданской свободѣ лицъ. Въ Салической Правдѣ, представлявшей собою, какъ извѣстно, очень неполный сводъ судебныхъ обычаевъ, оба указанные разряда процессовъ пропущены: этого достаточно для объясненія, почему въ ней ничего не говорится о письменныхъ доказательствахъ. Сборники формулъ показываютъ, насколько практика записей всякаго рода договоровъ и сдѣлокъ была распространеннымъ обычаемъ во франкскомъ обществѣ. Акты, относившіеся къ продажѣ, обмѣну, раздѣлу наслѣдства, также къ отпуску на волю, постоянно закрѣплялись бумагами, для того, конечно, чтобы въ случаѣ надобности можно было предъявлять послѣднія на судѣ. Записывались также судебныя свидѣтельства, удостовѣренія о присягѣ, «мировыя сдѣлки» и «охранныя грамоты», чтобы пользоваться ими при возникновеніи новыхъ судебныхъ дѣлъ [2]. Каждый домъ владѣлъ своими *instrumenta cartarum*, мы сказали бы теперь—своимъ «портфелемъ», содержавшимъ бумаги, свидѣтельствующія о продажахъ, покупкахъ, пожалованіяхъ, мѣнахъ, о назначеніи прида-

[1] *Lex Ripuaria*, LIX, 3: „Si quis alteri aliquid vendiderit et emptor testamentum venditionis accipere voluerit, in mallo... testamentum publice conscribatur". — Тотъ же сводъ упоминаетъ еще „instrumenta cartarum" въ главахъ XXXVII, XLVIII и LVIII.

[2] Такъ въ № 41 изъ *Turonenses*, въ тяжбѣ, относящейся къ собственности, отвѣтчикъ предъявляетъ свидѣтельство прежняго суда о томъ же дѣлѣ, и тотчасъ же выигрываетъ его.

наго, всякаго рода обязательствахъ, условіяхъ, контрактахъ и приговорахъ [1]. На случай пожара или покражи этихъ бумагъ существовалъ даже узаконенный способъ ихъ возстановленія [2].

Что касается слѣдствія при помощи свидѣтелей, то мы всюду встрѣчаемъ его. Въ Салической Правдѣ мы видимъ, что свидѣтели являлись въ судъ и клятвенно утверждали, «что знаютъ о происшедшемъ», или «что присутствовали при событіи», или, «что имъ извѣстно было о такомъ то наслѣдствѣ, и что спорное имущество въ самомъ дѣлѣ по закону принадлежитъ истцу[3].

Въ Рипуарской Правдѣ также вызываются на судъ свидѣтели и, «принеся присягу», обязуются «говорить, что знаютъ» [4]. Истецъ доказываетъ свое право при помощи свидѣтелей; благодаря свидѣтелямъ онъ убѣждается по тому же закону въ своей непра-

[1] *Formulae Andegavenses*, 31: „Instrumenta sua plurima, venditionis, dotis, compositionalis, contullitionis, pactis, commutationis, convenientias, securitates, vacuatorias, iudicius, et notitias". — *Ibidem*, 32. — *Senonicae*, 38: „Per venditiones, donationes, cessiones, iudicia, obnoxiationes, cautiones, commutationes seu per ceteris scripturis".

[2] Этотъ актъ назывался *appenis* (*Andegavenses*, 31; 32; 33; *Turonenses*, 28; *Senonicae*, 38).

[3] *Lex Salica*, XLIX, 1: „Ut ea, quae noverint, iurati dicant". Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ читаемъ: „Ut ea, quae sciunt iurantes dicant".—Ср. XLVI, 2: „Debent tres testes iurati dicere, quod ibi fuissent". — LVI, 2. „Tres iurare debent, ut ibi fuissent... Tria testimonia iurare debent". — *Additamentum*, 1 (Behrend, 93): „Debet ille tres testimonia mittere, quod in alode patris hoc invenisset".

[4] *Lex Ripuaria*, 4: „Ut testimonium quod sciunt iurati dicant".

вотѣ и проигрываетъ дѣло [1]. Свидѣтели вызывались не судьей, а спорящими сторонами; но подъ угрозою штрафа онѣ не могли уклоняться отъ явки въ назначенный имъ день [2]. Штрафомъ наказывался также отказъ давать свидѣтельскія показанія и, тѣмъ болѣе, лжесвидѣтельство [3].

Но письменныхъ доказательствъ и свидѣтелей могло не случиться, или они могли представить недостаточную силу для раскрытія истины. Если мы обратимъ вниманіе на то, что судьи во франкскомъ королевствѣ не были настоящими профессіональными знатоками, что они могли оказаться невѣжественными въ законахъ неискусными въ веденіи слѣдствія, кромѣ того, что они находились въ мѣстѣ, гдѣ происходилъ процессъ, только проѣздомъ и занятые еще другими дѣлами, то станетъ понятно, что у нихъ не хватало ни времени, ни способностей, необходимыхъ для тщательнаго выполненія слѣдствія. Если истина не обнаруживалась передъ ними тотчасъ же, они прибѣгали къ помощи Божьей. Она была извѣстна Богу, значитъ, онъ и

[3] *Lex Ripuaria*, LXXII, 6: „Qui causam prosequitur, cum testibus memorare debet..."—LIX, 2: „A testibus convincatur". — LX, 1: „Si testes non potuerit admanire".—LXXII, 1: „Cum testibus accedat".

[4] *Lex Salica*, XLIX: „Si quis testes necesse habuerit ut donet et testes nolunt ad placitum venire, ille, qui eos necessarios habet, manire eos cum testibus debet ad placitum ut ea quae noverunt iurati dicant. Si venire noluerint, solidos 15 quisque illorum iuditetur". — *Lex Ripuaria*, L.

[5] *Lex Salica*, XLIX, 3: „Si vocati in testimnium noluerint ea, quae noverunt, iurati dicere... solidos 15 culp. iudiceontur".—*Ibidem*, XLVIII: „Si quis falsum testimonium perhibuerit, solidos 15 culp. iudicetur". Въ Рипуарской Правдѣ, 5, 2 мы видимъ такое же предписаніе и такое же наказаніе.

долженъ былъ раскрыть ее. Способъ, употреблявшійся для того, чтобы узнать у Бога его судъ, состоялъ въ томъ, что обвиняемое лицо подвергали такому испытанію, которое, выходя изъ предѣловъ естественнаго порядка вещей, требовало почти чудеснаго вмѣшательства высшей силы.

Испытаніе, которое мы находимъ особенно употребительнымъ въ Салической Правдѣ, состояло въ погруженіи руки отвѣтчика въ кипящую воду, или въ томъ, что обвиняемый долженъ былъ взять въ руку кусокъ раскаленнаго желѣза [1]. Мы читаемъ въ этомъ сводѣ, что рахинбурги могли рѣшить въ каждомъ случаѣ, долженъ ли будетъ человѣкъ подвергнуться испытанію кипящею водою или заплатить ему виру [2]; это значитъ, что судьи, не установивъ виновности, рѣшали вопросъ, оправдается ли обвиняемый посредствомъ испытанія [3], или понесетъ кару за совершенное имъ преступленіе. Тамъ же сказано еще, что человѣкъ, обвиненный въ убійствѣ, для доказательства своей невинности долженъ будетъ «опустить руку въ кипящую воду» [4]. Разумѣется, онъ тогда

[1] Это то, что обыкновенно называлось въ Салической Правдѣ *aeneum* или *igneum*. См. LIII: „Si ad ineum admallatus fuerit". LVI, 1: „Per aeneum". XIV, 2, (по Вольфенбюттельскому тексту): „Ad aeneum ambulet". — Въ Лейденской рукописи это называется *calida* (*aqua*). Vossianus, 119, ed. Holder, 48: „Si quis alterum ad calidam provocaverit".

[2] *Lex Salica*, LVI, 1: „Rachinburgius iudicavit, ut aut ad ineo ambularet aut fidem de compositione faceret".

[3] Отсюда и происходятъ выраженія: „per aeneum se educere" (*Lex Salica*, LVI) и „ad ineum se excusare" (*Lex Ripuaria*, XXXI, 5).

[4] *Lex Salica* (Behrend, 96): „Manum suam ad aeneum mittere".

только будетъ признанъ невиннымъ, если вынетъ руку свою безъ обжога. «Свободный человѣкъ, обвиненный въ воровствѣ, подвергается испытанію, и, если его рука обожжена, онъ несетъ наказаніе за то, въ чемъ его обвиняютъ», — такъ выражается въ одномъ капитуляріи меровингскій король [1]. Если кто-нибудь обвинялъ въ лживости показаній свидѣтелей своего противника, какъ было рѣшить, кто правъ? Подвергали испытанію обвинителя и, если рука его оставалась безъ обжога, доказательство его правоты было установлено, свидѣтели безспорно признавались лживыми и должны были заплатить 15 солидовъ штрафа за ложное показаніе [2]. Рипуарская Правда согласуется по данному вопросу съ Салическою. Если совершалъ преступленіе рабъ, невинность или виновность его обнаруживались испытаніемъ, и если его рука оказывалась обожженною, господинъ его уплачивалъ штрафъ за преступленіе, такъ какъ рабъ признавался виновнымъ [3]. Тотъ же законъ показываетъ намъ, что и свободный человѣкъ, за отсутствіемъ

[1] *Pactus pro tenore pacis*, 4: „Si ingenuus in furtum inculpatur et ad ineum manum suam incenderit, de quantum inculpatus fuerit componat".

[2] *Lex Salica*, (Лейденская рукопись, Vossianus, 119, ст. 16 изд. Holder стр. 49): „Si vero testibus inculpaverit, quod falsum testimonium dedissent, manum in ineum mittat; si sana fuerit, mulctam sustineant (testes), si manum suam comburet, 15 solidos damnum sustineat".

[3] *Lex Ripuaria*, XXX, 1: „Si quis in iudicio pro servo interpellatus fuerit.... dicat: Ego ignoro, utrum servus meus culpabilis an innocens ex hoc exstiterit; propterea eum ad igneum repraesento... Si servus in igneum manum miserit et lesam tulerit, dominus eius de furto servi culpabilis iudicetur".

другого средства принуждался оправдываться при помощи испытанія [1].

Испытаніе было опасно, и вполнѣ понятно, что немногіе рѣшались ему подвергнуться. Законъ допускалъ поэтому откупаться отъ него. Обвиняемый имѣлъ возможность «выкупить свою руку» за сумму, пропорціональную оцѣнкѣ проступка или преступленія, въ которомъ его обвиняли [2].

Описанные обычаи, происхожденіе которыхъ не улавливается нами, вышли, повидимому, изъ древней Германіи. Прекрасно видно, какая мысль связывалась съ ними. Люди вѣрили, что для спасенія невиннаго Богъ всегда творилъ чудо, предохраняя руку отъ всякаго обжога. Христіанская церковь не отвергла ни этой идеи, ни этого обычая, и, нѣсколько позднѣе, мы найдемъ формулы, посредствомъ которыхъ христіанскій священникъ благословлялъ кипящую воду и призывалъ судъ Божій [3].

Существовало еще испытаніе, называвшееся крестомъ. Оно не встрѣчается въ первой половинѣ меровингской эпохи; оно не констатируется ни въ указахъ королей, ни въ одной изъ франкскихъ Правдъ; описано оно въ одной формулѣ, время составленія которой неизвѣстно. — Въ грамотѣ 775 года Карлъ Великій говоритъ однако объ этомъ испытаніи, какъ о древнемъ обычаѣ.

[1] *Lex Ripuaria*, XXXI, 5: „Ad igneum seu ad sortem excusare studeat“.

[2] *Lex Salica*, LIII: „Si quis ad igneum admallatus fuerit..., manum suam redimat...“—Si talis causa est unde solidos 15 reddere debuerat, solidos 3 manum suam redimat. Si fuerit causa, quae 35 solidos poterat culpabilem iudicare, solidos 6 manum suam redimat. Si vero leudem alteri imputaverit et eum ad ineum admallatum habuerit, solidos 30 manum suam redimat“.—Добавимъ, что выкупъ этотъ не былъ безусловно позволенъ закономъ: надо было, чтобы на него согласилась противная сторона; это вытекаетъ изъ словъ „si convenit“, трижды повторенныхъ въ данномъ мѣстѣ.

[3] См. формулы въ сборникѣ *Rozière*, №№ 584—613.

Очень вѣроятно, что испытаніе посредствомъ кипящей воды происходило изъ германскаго и языческаго корня; испытаніе же крестомъ было, конечно, христіанскимъ установленіемъ. Состояло оно въ слѣдующемъ: когда судьи не могли разобрать, кто правъ, они рѣшали, что истецъ и отвѣчикъ одинаково будутъ подвергнуты крестному испытанію. Въ условленный день обѣ стороны вступали въ церковь и становились противъ алтаря съ протянутыми руками. Въ такомъ положеніи, образуя собою крестъ, они должны были оставаться во все продолженіе длинной службы. Первый, кого усталость заставляла опустить руки, проигрывалъ дѣло, такъ какъ думали, что Богъ отказалъ ему въ силѣ до конца выдержать испытаніе, что Богъ осудилъ его.

Отсюда происходили слѣдующаго рода приговоры. Передъ замѣстителемъ графа *(vicarius)* явилось на судъ два человѣка по поводу земли, которую каждый изъ нихъ называлъ своею. Рѣшено было, что черезъ сорокъ два дня они должны будутъ «стать въ видѣ креста на судъ Божій» [1]. Они такъ и поступили. Отвѣтчикъ «былъ побѣжденъ на крестномъ испытаніи». Поэтому, кромѣ штрафа, онъ долженъ

[1] *Formulae Bignonianae*, 13: „Fuit iudicatum, ut ad crucem ad iudicium Dei pro ispa terra in noctes 42 deberent adstare“.

былъ вернуть землю во владѣніе истца, который навсегда и наслѣдственно становился ея владѣльцемъ [1].

Грамота 775 года, ссылающаяся на давній обычай, ясно обнаруживаетъ религіозный характеръ этого испытанія; король объявляетъ, что, когда онъ засѣдалъ въ своемъ судѣ для разбирательства одного дѣла, то не оказалось писанныхъ документовъ, или ихъ было недостаточно для того, чтобы выяснить ему правду; тогда онъ прибѣгнулъ «къ божественнымъ таинствамъ» и приказалъ, чтобы оба человѣка «пошли на крестное испытаніе и стояли бы до того, какъ Богъ выскажетъ свой приговоръ» [2].

3.

Судебная присяга.

Присяга являлась еще однимъ средствомъ, придуманнымъ людьми того, времени для того, чтобы добиваться обнаруженія истины. О присягѣ упоминается въ Салической, Рипуарской и Бургундской Правдахъ, въ указахъ королей, у такихъ писателей, какъ Григорій Турскій, наконецъ, во многихъ формулахъ [1]. Нѣтъ сомнѣнія, слѣдовательно въ томъ, что присяга была въ большомъ ходу въ продолженіе всей изучаемой эпохи и во всѣхъ частяхъ франкской монархіи.

[1] *Ibidem*: „Ipse (истецъ) ad ipsa cruce illum convincuit... quod ad ipsa cruce visus fuisset cadisse... Dum haec causa sic fuit inventa, quod ipse ille, qui ad ipsa cruce cadisset, solidos tantos ei solvere deberet et de ipsa terra illum legibus revestire... ut ipse ille tam ipse quam posteritas sua praedictam terram valeat possidere“.

[2] Грамота 775 года, *Tardif*, № 75: „Dum per ipsa instrumenta de utraque parte certamen non declaratur, ut ad Dei iudicium ad divina mysteria, Christi misericordia conspirante, sicut onga consuetudo exposcit, et ipsi voluntarie consenserunt iubemus emanare iudicium, ut recto tramite ad Dei iudicium ad crucem exire et stare debeant“.

Надобно изслѣдовать ея характеръ и значеніе. Первымъ бросается здѣсь въ глаза то обстоятельство, что человѣкъ, приносившій присягу, почти никогда не являлся одинъ;его обыкновенно сопровождали люди, называемые въ законахъ *iuratores*, *coniuratores*, которыхъ мы назовемъ «соприсяжниками». Число ихъ мѣнялось сообразно съ характеромъ проступка или преступленія, приписывавшагося обвиняемому. Нѣсколько современныхъ ученыхъ представили себѣ этихъ соприсяжниковъ, какъ людей, являющихся на судъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ, поддерживающихъ его своимъ присутствіемъ и нѣкоторымъ образомъ отвѣчающихъ передъ судомъ за его благонадежность. Теорія эта не вполнѣ согласна съ документами. Чтобы составить себѣ правильное сужденіе о той присягѣ, которая практиковалась въ меровингскую эпоху, необходимо перебрать всѣ тексты и внимательно разсмотрѣть ихъ.

Начнемъ съ законовъ, не разсчитывая, однако,

[1] *Lex Salica*, XIV, 2 (Вольфенбюттельская рукопись); XVI 2; XLII, 5; LIII; *Additamentum*, 9. — *Lex Ripuaria*, II, III, VI; XI, XII, etc. — *Lex Burgundionum*, VIII, XLV, LII. — *Pactus pro tenore pacis*, 5; *Childeberti decretio*, 7; 12; *Edictum Chilperici*, 5. — *Greg. Tur.* Hist. V, 50; VII, 23; VIII, 16; VIII 40; De gloria martyrum, 19 (20), 38, 53; De gloria confessorum, 93, 94.— *Formulae Andegavenses*, 10, 11, 14, 24, 28, 29, 30, 50; *Turonenses*, 29, 30, 31, 39; *Marculf.* I, 38; *Senonicae*, 17, 21; *Senonenses*, I, 2, 3, 5; *Merkelianae*, 27, 28, 30.

найти въ нихъ точное опредѣленіе присяги. Франкскіе своды, содержащіе всегда самыя краткія, насколько лишь возможно, разъясненія того, какъ слѣдуетъ поступать въ каждомъ случаѣ, ничего яснымъ образомъ не опредѣляютъ. Они говорятъ о присягѣ, какъ о прекрасно извѣстной вещи, характеръ которой не приходится разъяснять.

Мы читаемъ въ Салической Правдѣ: «Если Римлянинъ обвиняется въ томъ, что ограбилъ Франка, и если нѣтъ вѣрныхъ уликъ, то Римлянинъ этотъ избавится отъ обвиненія при помощи двадцати пяти поклявшихся за него лицъ; если же онъ не можетъ найти ихъ, то пусть идетъ на испытаніе кипящей водою, или уплатитъ слѣдуемый за это преступленіе штрафъ» [1]. Точно также и «тотъ, кто обвиняется въ похищеніи свободнаго человѣка и продажѣ его въ рабство, долженъ будетъ представить столько же клятвенныхъ свидѣтелей, сколько и за убитаго человѣка» [2]. Изъ послѣднихъ словъ можно понять, что для убійства было установлено опредѣленное число соприсяжниковъ, но, при неполнотѣ своего текста, Салическая Правда упускаетъ привести это число. Въ другомъ мѣстѣ въ томъ же сводѣ говорится еще о двадцати

[1] *Lex Salica* (Вольфенбюттельская рукопись), XIV, 2: „Si romanus fran um expoliaverit et (probatio) certa non fuerit, per 25 iuratores se exsolvat... Si iuratores invenire non potuerit, aut ad ineum ambulet aut solidos 62 culpabilis iudicetur. Si certa probatio non fuerit, per 20 iuratores se exsolvat".

[2] *Lex Salica*, XXXIX, 2: „Si quis hominem ingenuum plagiaverit (въ другихъ текстахъ vendiderit) et probatio certa non fuerit, sicut pro occiso iuratores donet... si iuratores non potuit invenire, 200 solidos culpabilis iudicetur".

пяти присяжникахъ въ случаѣ кражи со взломомъ [1]. и о двѣнадцати—для засвидѣтельствованія, что данный человѣкъ «не обладалъ достаточнымъ для уплаты штрафа имуществомъ ни на землѣ, ни подъ землею» [2]. Если убійство совершалось такъ, что убійца не обнаруживался, «сосѣди должны были оправдываться при помощи шестидесяти пяти соприсяжниковъ, заявлявшихъ, что не они совершили это преступленіе» [3].

Изъ приведенныхъ отрывковъ мы можемъ уже заключить: во 1-хъ, что присяга имѣла мѣсто тогда только, когда отсутствовали вѣрныя доказательства; во 2-хъ, что она выражалась не въ неопредѣленной поддержкѣ обвиняемаго, а въ открытомъ объявленіи истины, въ утвержденіи или отрицаніи опредѣленнаго факта; въ 3-хъ, что обвиняемый, который приносилъ ее съ требуемымъ числомъ соприсяжниковъ, освобождался послѣ того отъ обвиненія (*se exsolvit, se exuit*); въ 4-хъ, что это средство къ оправданію предоставлялось Римлянамъ такъ же, какъ Франкамъ.

Правда, что Салическій законъ не освѣдомляетъ насъ о томъ, въ какомъ мѣстѣ или какимъ образомъ произносилась такая присяга. Въ ней не говорится, что это происходило на судѣ, но дается понять, что присяга совершалась только послѣ перваго разбира-

[1] *Lex Salica*, XLII, 5: „Si quis villam alienam expugnaverit et res ibi invaserit, si tamen probatio certa non fuerit, cum 25 iuratores se exsolvat".

[2] *Lex Salica*, LVIII: „Duodecim iuratores donare debet, quod nec super terram nec subtus terram facultatem non habeat unde totam legem compleat".

[3] *Lex Salica*, (парижская рукопись 4404 и Вольфенбюттельская, Behrend, стр. 91): „Vicini illi cum sexagenos quinos se exuant, quod nec occidissent nec sciant, qui occidisset".

тельства, на которомъ судьи искали «вѣрныхъ уликъ» и не находили ихъ. Послѣ этого судъ объявлялъ, что доказательствъ нѣтъ, и обвиняемый долженъ будетъ искать себѣ и найти, если можетъ, соприсяжниковъ. Это означаетъ, что клятва происходила нѣсколько дней спустя послѣ засѣданія суда. Въ особенности же это показываетъ, что соприсяжники не являлись въ судъ заранѣе, окружая съ самаго начала обвиняемаго и оказывая давленіе на ходъ дѣла. Первый судъ и присяга—два разные акта, которые не происходили одновременно. Такой принципъ, намѣчаемый только въ Салической Правдѣ, яснѣе выступаетъ въ другихъ документахъ.

Рипуарская Правда высказывается нѣсколько обстоятельнѣе. Салическая Правда является лишь тарифомъ уголовныхъ взысканій; Рипуарская же даетъ намъ двойной рядъ цифръ, опредѣляя тарифъ суммъ, которыя слѣдовало уплачивать въ видѣ виры, и въ то же время устанавливая число соприсяжниковъ, которыхъ надлежало доставить. «За ударъ, нанесенный свободному человѣку, обвиняемый долженъ уплатить 18 солидовъ, или, если онъ отрицаетъ вину, обязанъ принести клятву съ шестью другими людьми» [1]. Затѣмъ и во всѣхъ другихъ статьяхъ въ законѣ этомъ указывается параллельно число *solidi* и число *iuratores* [2]. Обѣ цифры всегда пропорціональны одна другой. При самомъ небольшомъ проступкѣ, какъ, напримѣръ,

[1] *Lex Ripuaria*, II: „Aut si negaverit, cum sex iuret".

[2] Упоминаніе о присягѣ и о числѣ соприсяжниковъ встрѣчается въ 54 главахъ закона, именно, во всѣхъ тѣхъ, гдѣ находятся также и цифры штрафа, — за двумя или тремя исключеніями.

при кражѣ лѣса, довольно было трехъ iuratores. Въ другихъ дѣлахъ, обыкновенно, ихъ должно было являться шесть. Если сумма, слѣдуемая за дознанное преступленіе, назначалась выше, ихъ требовалось двѣнадцать, и вообще, по мѣрѣ того, какъ возрастали суммы виры, возрастало также и число требовавшихся присяжниковъ до 36 и 72 [3].

Возьмемъ въ видѣ примѣра убійство женщины. Законъ устанавливаетъ здѣсь разнаго рода градаціи, смотря по соціальному положенію убитой, а также смотря по ея возрасту. Если это была свободная женщина и въ такомъ возрастѣ, когда она могла имѣть дѣтей, сумма, которую слѣдовало уплатить, составляла 600 солидовъ, а число присяжниковъ было 72. Если она была еще слишкомъ молода для того, чтобы имѣть дѣтей, или перешла уже за предѣльный возрастъ дѣторожденія, то сумма штрафа уменьшалась до 200 солидовъ, и требовались только двѣнадцать iuratores.

За зависимую женщину короля или церкви, сумма эта равнялась 300 солидамъ и число присяжниковъ 36, если она находилась въ томъ возрастѣ, когда могла имѣть дѣтей; обѣ цифры понижались, если она перешла за сорокъ лѣтъ [1].

[1] Число 72 присяжниковъ встрѣчается въ главахъ XII, XIII, XV, XVI, XVIII.

[2] *Lex Rpuaria*; сопоставьте главы XII, XIII, XIV, 1 и 2: „Si quis feminam ripuariam (т. е. свободную женщину, въ противоположность femina regia aut ecclesiastica слѣдующей главы) interfecerit, postquam parire coeperit usque ad quadragesimum annum, 600 solidos iudicetur aut cum 72 iuret". — XIII: „Si quis puellam (судя по предшествующей статьѣ, надо подразумѣвать aut post quadragesimum annum) interfecerit, 200 solidos iudicetur aut cum

Впрочемъ, въ Рипуарской Правдѣ присяга носитъ тотъ же самый характеръ, что и въ Салической. Она имѣетъ цѣлью подкрѣпить отрицаніе или утвержденіе дѣйствительности какого-нибудь факта. Если дѣло шло о преступленіи, обвиняемый долженъ былъ поклясться, что онъ не совершалъ его [1]. Но присяга являлась не только средствомъ оправданія: она служила помощью обвинителю такъ же, какъ обвиняемому. Одинъ человѣкъ могъ задержать другого и поклясться съ шестью или двѣнадцатью соприсяжниками, что этотъ человѣкъ дѣйствительно совершилъ кражу [2]. Въ томъ и въ другомъ случаѣ присяга имѣла одно и то же значеніе, то-есть, значеніе неопровержимаго доказательства. Обвиняемый, противъ котораго приносилъ присягу обвинитель, тотчасъ же признавался виновнымъ [3].

12 iuret". — XIV: „Si quis feminam regiam aut ecclesiasticam (женщину, принадлежащую королю или церкви) parientem (въ возрастѣ, способномъ производить дѣтей) interfecerit, 300 solidos iudicetur aut cum 36 iuret. Si puellam aut post quadragesimum annum interfecerit, 200 solidos iudicetur aut cum 12 iuret". — То же различіе относительно возраста женщины установливается и въ Салической Правдѣ, XXIV, 6—7.

[1] *Lex Ripuaria*, V. 10: „Ista omnia si negaverit, cum sex iuret, quod non fecisset".

[2] *Pactus pro tenore pacis*, 2; „Si quis ingenuam personam pro furto ligaverit, et (арестованный) negator exstiterit, duodecim iuratores dare debet (тотъ, кто задержалъ его) quod furtum quod obicit verum sit". — *Decretio Childeberti*, № 7: „Si quinque aut septem bonae fidei homines... criminosum cum sacramenti interpositione esse dixerint, moriatur".

[3] Это то, что называлось въ законѣ, „legitime superiuratus". *Lex Ripuaria*, 79: „Si quis homo propter furtum comprehensus fuerit et legitime superiuratus... et pendutus fuerit".

Присяга примѣнялась не только въ уголовныхъ дѣлахъ, но и въ гражданскихъ. Изъ Рипуарской Правды видно, что ею пользовались въ процессахъ, касающихся наслѣдства, то-есть, для доказательства правъ на наслѣдованіе, или въ дѣлахъ о констатированіи свободы для доказательства того, что человѣкъ родился свободнымъ, или что онъ родился рабомъ [1]. Если на судѣ предъявлялся какой-нибудь документъ, то подлинность его также доказывалась при помощи присяги [2].

Однимъ словомъ, присяга была для людей того времени всеобщимъ средствомъ обнаруживать истину. Надо замѣтить во всякомъ случаѣ, что присяжниковъ нельзя отожествлять со свидѣтелями. Разница между ними ясно указана въ одной статьѣ рипуарскаго свода. Въ тяжбѣ о собственности, человѣкъ, не могшій доставить на судъ свидѣтелей, могъ требовать своего имущества путемъ присяги съ шестью iuratores [3]. Отмѣчаю другую особенность: каждый разъ какъ во франкскихъ законахъ упоминается о свидѣтеляхъ, говорится, что они призывались на судъ, и при этомъ

[1] *Lex Ripuaria*, LXVII, 5: „Si quis pro hereditate vel pro ingenuitate certare coeperit, cum sex iuret. Si non adimpleverit (если онъ не могъ привести въ исполненіе всю процедуру присяги), restituat".

[2] *Lex Ripuaria*, LIX (гдѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о продажныхъ записяхъ, testamenta venditionis): „Si quis hoc (testamentum) refragare voluerit vel falsare (признать подложнымъ), cancellarius cum sacramenti interpositione cum simili numero (т. е. съ 7 или 12 соприсяжниками, смотря по тому, каковъ случай) idoneare studeat".

[3] *Lex Ripuaria*, LX, 1: „Si testes non potuerit admannire, ut ei testimonium praebeant, cum 6 sive cum 7 cum sacramenti interpositione rem suam studeat evindicare" (текстъ B).

употребляются слова *malati* или *manniti*. Эти выраженія никогда не употребляются относительно присяжниковъ. На судъ вызывали свидѣтелей, но не присяжниковъ. Свидѣтельскія показанія производились на судѣ; но ничто не говоритъ намъ, чтобы на судѣ же приносились и присяги.

Составители Рипуарской Правды взяли на себя трудъ указать въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ должна была приноситься присяга. Къ несчастью, выраженіе, которымъ обозначается это мѣсто, для насъ не понятно. Здѣсь сказано, *iurare in haraho*; слово это неизвѣстное; смыслъ его никогда нельзя будетъ установить по той причинѣ, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Рипуарской Правды, оно не встрѣчается, а эта Правда не опредѣляетъ его, даже не присоединяетъ къ нему никакого эпитета, который открывалъ бы его значеніе. Вполнѣ достовѣрно только то, что *in haraho* обозначало нѣчто другое, чѣмъ судъ; въ самомъ дѣлѣ, судъ всегда называется въ этомъ сводѣ *mallus* или *iudicium*. Если бы законодатель хотѣлъ сказать, что присягу приносили на судѣ, онъ сказалъ бы *in mallo* или *in iudicio*; если же онъ употребляетъ другое выраженіе, то, вѣроятно, и рѣчь идетъ здѣсь о чемъ-нибудь другомъ [1]. Замѣтьте, что выраженіе это повторяется семь разъ, и что ни разу не прилагается оно къ суду, а каждый разъ — къ присягѣ. *Iurare in haraho* составляло какъ бы одно нераздѣльное выраженіе; было, значитъ, какое-нибудь необходимое соотношеніе между присягой и между тѣмъ, что называлось въ законѣ *harahum*. Отмѣтьте еще одну подробность: въ законѣ говорится, что приносимая *in haraho* присяга должна была происходить въ присутссвіи свидѣтелей [2]. Ясно, что не было бы нужды говорить этого, если-бы присяга произносилась на судѣ, въ присутствіи судей и народа. Если законъ требовалъ свидѣтелей, то потому именно, что позднѣе свидѣтели эти являлись на судъ для подтвержденія, что при принесеніи присяги было поступлено по всѣмъ правиламъ.

Въ томъ же сводѣ, наконецъ, есть два другихъ мѣста, гдѣ законодатель высказался болѣе яснымъ для насъ языкомъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ опредѣленно говоритъ: «*in ecclesia coniuret*» [3]. Въ другомъ, имѣ-

[1] Зомъ придерживается, наоборотъ, того мнѣнія, что *harahum* обозначало судъ, но онъ не приводитъ ни филологическаго, ни какого-нибудь другого довода. Это происходитъ потому, что авторъ вмѣсто того, чтобы начать съ установленія значенія слова, отправляется отъ той предвзятой мысли, что присяга необходимо должна была приноситься въ судѣ; отсюда онъ и дѣлаетъ заключеніе, что *harahum* значитъ судъ; но отсраните это предвзятое мнѣніе, и не останется основанія придавать этому слову такое значеніе.

[1] *Lex Ripuaria*, XXX, 2: „In haraho coniuret". XXXII, 2: „In haraho coniuraveri"; XXXII, 3: „In haraho iurare debet»; XXXIII 2: „In haraho coniuret"; XLI: „Si ei culpam in haraho non adprobavit"; тутъ говорится о присягѣ; ср. *Pactus pro tenore pacis*, c. 2, LXXII: „In haraho coniuret"; LXXVII: „In haraho coniuret".

[2] *Lex Ripuaria*, XXX, 2: „In haraho coniuret cum tribus testibus".

[3] *Lex Ripuaria*, LXVII, 5: „Cum sex in ecclesia coniuret" (текстъ B). Въ текстѣ A стоитъ „in ecclesia coniurata... coniurare studeat". Въ законѣ добавлено „aut cum 12 ad staflum regis". — *Staflum* также является однимъ изъ словъ, значеніе которыхъ сомнительно. Если, каково общепризнанное мнѣніе, оно обозначало судъ короля, то надо сравнить съ этой статьей формулу Маркульфа, I, 38, о которой мы сейчасъ будемъ говорить.

ется въ виду тотъ случай, когда противная сторона возставала противъ присяги; она должна была «удалить отъ алтаря руку клянущагося», или еще «закрыть ему входъ въ церковь»[1]. Здѣсь уже опредѣленно выражено: присяги приносились въ церкви.

Бургундская Правда была составлена раньше Рипуарской, въ то время, когда Бургунды стали уже христіанами, но съ недавнихъ поръ еще жили въ имперіи. Нѣтъ ничего болѣе яснаго, какъ глава этого закона о присягѣ: «Если свободный человѣкъ, Бургундъ или Римлянинъ, обвиняется въ преступленіи, онъ долженъ принести присягу; пусть онъ принесетъ эту присягу съ двѣнадцатью iuratores, которыми будутъ жена его, сынъ, отецъ и мать, и его болѣе близкіе родственники; но, раньше чѣмъ онъ войдетъ въ церковь, противная сторона можетъ воспротивиться присягѣ»[2]. Изъ этого отрывка мы узнаемъ, прежде

[1] *Lex Ripuaria*, LIX, 2 и, 4. Рѣчь идетъ о тяжбѣ, относящейся къ владѣнію однимъ имѣніемъ. Истецъ представляетъ писанный документъ, удостовѣряющій его покупку, отвѣтчикъ оспариваетъ достовѣрность *carta*. Тогда истецъ хочетъ *idoneare cartam*, т. е. клятвенно установить законность своего документа. Отвѣчикъ противится этому: „Si illé, qui causam sequitur, manum cancellarii de altario traxerit, aut ante ostium basilicae manum posuerit". — Едва ли надо говорить, что слово *basilica* не имѣетъ больше того значенія, въ которомъ оно употреблялось во второмъ вѣкѣ; въ меровингское время оно употреблялось сотни разъ и всегда для обозначенія церкви. — Эти двѣ главы закона, опредѣленно говорящія, что клятвы приносились на алтарѣ и въ церкви, могутъ привести къ предположенію, что тоже самое обозначалось и въ другихъ главахъ при помощи неизвѣстнаго выраженія *in haraho*.

[2] *Lex Burgundionum*, VIII, 1—2: „Si ingenuus per suspicionem vocatur in culpam, tam barbarus quam romanus, sacramenta praebeat et cum uxore et filiis et propinquis sibi duodecim iuret, cum patre et matre numerum impleat designatum. Si ei sacramentum de manu is cui iurandum est tollere voluerit, antequam ecclesiam ingrediatur".

всего, что присяга разрѣшалась только свободнымъ лицамъ[1], затѣмъ, что Римлянамъ она была дозволена, такъ же, какъ Германцамъ; далѣе, что соприсяжники по возможности, должны были принадлежать къ семьѣ клянущагося (это не было однако безусловнымъ правиломъ), и, наконецъ, что присягу приносили въ церкви, а не на судѣ.

Своды Аламанновъ и Баваровъ, составленные почти въ одно время, и имѣвшіе одно происхожденіе съ Рипуарской Правдой,—то-есть, вытекавшіе изъ франкскаго источника, — говорятъ также о присягѣ. Изъ нихъ видно, что процедура присяги происходила въ церкви, на алтарѣ, или, по крайней мѣрѣ, на ракѣ съ мощами[2]. Законъ, ошибочно приписываемый Ха-

[1] То же самое сказано въ видѣ намека и въ Рипуарской Правдѣ; мы видимъ въ ней въ XVIII, XIX, XX и XXVIII главахъ, что за раба своего присягу приносилъ господинъ: „Dominus iuret, quod servus eius hoc non fecisset".

[2] *Lex Baiuwariorum.* I, 3, 1: „Si negare voluerit, secundum qualitatem pecuniae iuret in altari". — I, 3, 3: „Si negare voluerit iuret cum 12 sacramentalibus in ipso altare". — I, 5, 1: „Si quis servum ecclesiae occiderit... si negare voluerit, cum 12 sacramentalibus iuret in altare in ecclesia illa cuius servum occidit". — I, 6, 2. „Cum 24 sacramentalibus iuret in altare, evangelio superposito". — *Ibidem*, XVI, 5, гдѣ свидѣтель даетъ сначала благословить свое оружіе и потомъ клянется на немъ. — *Lex Allamannorum* VI, 7: „Ista sacramenta debent esse iurata, ut illi coniuratores manus suas super capsam ponant". VII, 2: „Si negare voluerit, iuret cum suis sacramentalibus in ipso altare". XXIV: „Si iurare voluerit cum duodecim, iuret in ecclesia".

мавскимъ Франкамъ, говоритъ также, что клялись «на тѣлахъ святыхъ»[1].

Возьмемъ теперь формулы судебныхъ актовъ, начиная съ тѣхъ, которыя производятъ впечатлѣніе болѣе древнихъ. Вотъ одна формула изъ Анжуйскаго сборника. Рѣчь идетъ о приговорѣ, поставленномъ аббатскимъ судомъ. Споръ шелъ по вопросу о свободномъ или рабскомъ состояніи лица: «Такой-то явился передъ почтеннымъ аббатомъ и другими высокочтимыми или знаменитыми людьми, находившимися съ нимъ; онъ вызвалъ на судъ такого-то, какъ своего раба. Послѣдній отрицалъ это. Тогда аббатъ и его ассессоры рѣшили, что человѣкъ этотъ принесетъ присягу съ двѣнадцатью другими людьми, будучи самъ тринадцатымъ, въ церкви такого то святого, и поклянется, что онъ никогда не былъ рабомъ. Если онъ сможетъ сдѣлать это, то будетъ признанъ свободнымъ человѣкомъ, если же нѣтъ—онъ долженъ будетъ подчиниться тому, чего отъ него требуютъ»[2]. Тутъ можно замѣтить, что судьей было духовное лицо, то-есть, человѣкъ, придерживавшійся римскаго закона, что судъ происходилъ въ городѣ Анжерѣ[3],

[1] *Lex dicta Chamavorum*, 10: „Cum 12 hominibus in sanctis iuret (*In sanctis*, въ мѣстѣ, гдѣ находились мощи святыхъ, т. е. на алтарѣ).

[2] *Formulae Andegavenses*, 10: „Veniens ante venerabile viro illo abbate vel reliquis viris venerabilibus atque magnificis, interpellabat aliquem hominem quasi servitium ei redeberit... Et hoc fortiter denegabat... Sic visum fuit ipsi abbati vel qui eum eo aderant, ut ipse homo apud homines 12, manu sua 13; in basilica Domni illius in noctes tantas coniurare deberet, quod de annis 30 servitium ei nunquam redibuit“.

[3] Во второй части формулы стоитъ „Andecavis civitate“.

что засѣдатели были частью духовные, *viri venerabiles*, частью главные жители города, *viri magnifici*[1], что истецъ былъ, повидимому, Римляниномъ, отвѣтчикъ же навѣрно Римлянинъ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы въ рабство могъ попасть франкскій воинъ. Среди такихъ то тяжущихся и такихъ судей находимъ мы практику присяги съ соприсяжниками.

Въ другомъ дѣлѣ, вопросъ шелъ объ убійствѣ, и судъ принадлежалъ графу. «Такой-то и братъ его явились въ городѣ Анжерѣ передъ графомъ и другими засѣдавшими съ нимъ рахинбургами; они вызвали на судъ такого-то, какъ убійцу ихъ родителей. Онъ отрицалъ это. Тогда судьи присудили, что черезъ четырнадцать дней, въ календы такого-то мѣсяца онъ поклянется въ главной церкви города тринадцатымъ съ двѣнадцатью другими, что онъ не убійца и не соучастникъ въ убійствѣ. Если онъ можетъ сдѣлать это, то на всю свою жизнь будетъ свободенъ отъ этого обвиненія; если не можетъ, то на него будетъ наложена пеня по закону»[2]. Вотъ два приго-

[1] Званіе *vir magnificus* было настолько же римскимъ, какъ и франкскимъ; главные граждане города Буржа были viri magnifici (*Formulae Bituricenses*, 7).

[2] *Andegavenses*, 50. Zeumer, 22, Rozière № 493): „Veniens Ille et germanus suus Andecavis civitate ante viro inlustri illo comite vel reliquis raciniburdis, qui cum eo aderant, interpellabat... sed hoc fortiter denegabat... Visum est ad ipsos personas decrevisse iudicio, ut quatrum in suum (три послѣднія слова, не имѣющія никакого смысла, очевидно, ошибочно списаны; по аналогіи съ другими подобными актами, я думаю, что слѣдуетъ читать „quatuordecim in noctes“ или „quadraquinta duo in noctes“), quod evenit kalendas illas, apud homines 12 (*apud*, при, часто

вора, постановленные, одинъ графомъ, другой аббатомъ, одинъ въ гражданскомъ, другой въ уголовномъ вопросѣ; они тождественны. Изъ нихъ особенно ясно выступаютъ двѣ вещи: во-первыхъ, что присяга происходила въ церкви, во-вторыхъ, что она совершалась нѣсколько дней позднѣе суда.

Турскій сборникъ, такъ очевидно носящій на себѣ печать римскаго происхожденія, содержитъ формулу приговора по вопросу о наслѣдствѣ: «Такой-то явился передъ достойнымъ мужемъ (слѣдуетъ имя духовнаго лица) и его ассессорами; онъ вызвалъ на судъ такого-то другого человѣка, говоря, что тотъ держалъ за собою его наслѣдство, не имѣя на то права. Послѣдній же отвѣтилъ, что имущество это принадлежало ему, такъ какъ оно было ему оставлено его отцомъ. Тогда судьи постановили, что въ такой-то день и съ такимъ-то числомъ соприсяжниковъ отвѣтчикъ поклянется въ церкви такого-то святого, что наслѣдство онъ получилъ отъ своего отца» [1]. Вотъ еще уголовное дѣло, находимое въ томъ же сборникѣ: «Было

имѣетъ значеніе *cum*), manu sua 13... in ecclesia seniore loci, in ipsa civitate, hoc debeat coniurare quod nec eum occidisset nec consentaneus ad hoc faciendum fuisset...“

[1] *Formulae Turonenses*, 39 (Rozière № 48): „Veniens ante venerabilem virum illum suisque auditoribus... Ipsi viri decreverunt iudicium, ut in noctes tantas, apud homines tantos (*tantos* въ смыслѣ— „такихъ-то“ представляетъ въ формулѣ опредѣленное число, которое будетъ занесено въ индивидуальный актъ) sua manu tanta (т. е, septima или tertia decima) in basilica Sancti illius (тутъ ставилось имя святого) debeat coniurare, quod ipsam hereditatem per annos 30 inter ipsum et parentes suos semper tenuisset... si hoc ad eum placitum (въ условленный день) coniurare potuerit, ipsam hereditatem absque repetitione habeat elitigatam atque evindicatam.

присуждено, что черезъ сорокъ дней обвиняемый поклянется съ тридцатью шестью соприсяжниками, видѣвшими и знавшими всѣ обстоятельства, въ такой-то указанной церкви, что когда онъ совершилъ убійство, онъ находился въ состояніи законной самозащиты» [1].

Присяга примѣнялась въ королевскомъ судѣ такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ. Маркульфъ оставилъ намъ формулу приговора, постановленнаго королемъ или отъ его имени; подсудимаго обвиняли въ кражѣ раба и нѣсколькихъ предметовъ изъ движимости; рѣшено было, что «онъ съ тремя присяжными съ одной стороны и тремя — съ другой, будучи самъ седьмымъ, поклянется въ нашемъ дворцѣ на мантіи святого Мартина, гдѣ приносились всѣ присяги, что онъ не совершалъ воровства. Если онъ можетъ сдѣлать это, онъ будетъ оправданъ отъ обвиненія» [2]. У насъ есть въ самомъ дѣлѣ грамота Теодериха III отъ 679 года, въ которой король, свидѣтельствуя о томъ, что нѣкій Амальгарій «принесъ съ своими соприсяжниками клятву, назначенную ему судомъ», окончательно даетъ благопріятный исходъ его дѣлу [3].

Духовныя лица примѣняли или предписывали присягу такъ же, какъ и свѣтскія. Въ нѣсколькихъ Анжуйскихъ формулахъ мы замѣтили, что присяга была совершена по повелѣнію аббата. Въ другомъ

[1] *Turonenses*, 30, in fine: „Illi iudicatum, est, ut in noctes 40, apud homines 36, manu sua trigesima septima, in ecclesia illa, coniurare debeat apud homines visores vel cognitores...“

[2] *Marculf*. I. 38: „Fuit iudicatum, ut ille apud tres et alios tres sua manu septima, in palatio nostro, super capella Sancti Martini, ubi reliqua sacramenta percurrunt, debeant coniurare quod...“

[3] *Archives nationales*, Tardif, № 22; Pardessus, № 394.

мѣстѣ мы видимъ, что епископъ, поставленный судьею между двумя аббатами въ дѣлѣ, касавшемся нѣкоторой суммы денегъ, рѣшилъ, что одинъ изъ нихъ принесетъ присягу съ тремя соприсяжниками [1].

Сборникъ Санскихъ формулъ и тѣ, которые называются сборниками Биньона и Меркеля, являются, повидимому, памятниками франкскаго происхожденія въ отличіе отъ только что упоминавшихся нами сборниковъ Анжуйскаго и Турскаго. Мы находимъ въ нихъ тѣмъ не менѣе ту же присягу, произносившуюся въ тѣхъ же формахъ. «На *mallus* графъ и его *assesores* рѣшили, что такой-то человѣкъ долженъ черезъ сорокъ два дня принести присягу вмѣстѣ съ двѣнадцатью другими людьми, держа руку на алтарѣ» [2]. А вотъ что говорится о человѣкѣ, котораго духовенство одной церкви называло своимъ колономъ, но который утверждалъ, что онъ свободенъ по происхожденію: «Черезъ сорокъ дней онъ долженъ будетъ принести присягу въ такой-то церкви, гдѣ приносились присяги, съ двѣнадцатью присяжниками изъ своей семьи, или же, если у него нѣтъ больше родственниковъ, то съ двѣнадцатью присяжниками, такими же свободными людьми, какимъ онъ самъ себя считаетъ [3]». Мы видимъ въ формулахъ Меркеля [4], ко-

[1] *Archives nationales*, Tardif № 30; Pertz, № 60; Pardessus, № 424.

[2] *Formulae Senonicae*, 17: „In mallo publico ante ipso comite vel aliis bonis hominibus... Posita manu sua super sacrosancto altare... infra noctes 42... apud tres aloarios et 12 conlaudantes iuraverunt".

[3] *Senonenses*; 2: „Taliter ei fuit iudicatum, ut apud proximiores parentes suos... et si fermortui sunt, apud duodecim francos tales, qualem se esse dixit, in illo castro, in basilica sancti illius, ubi reliqua sacramenta percurrunt, in 40 noctes hoc debeat coniurare".

торыя называются у ученыхъ «салическими формулами», потому что въ нихъ цитируется иногда Салическая Правда, какъ судъ присуждалъ, «чтобы такой то съ двѣнадцатью другими, одинаковаго съ нимъ положенія, поклялся въ церкви такого то святого, положивъ руку на алтарь» [1].

Такимъ образомъ у насъ имѣется восемнадцать формулъ судебныхъ приговоровъ, предписывающихъ присягу. Эти восемнадцать формулъ, хотя онѣ и принадлежатъ къ различнымъ сборникамъ, возникшимъ въ различныхъ областяхъ, сходятся однако между собою въ одномъ пунктѣ. Во всѣхъ этихъ текстахъ присяга предписывается судьями; она происходитъ всегда послѣ настоящаго судебнаго разбирательства. Откажемся же отъ поверхностнаго мнѣнія, по которому соприсяжники приводились самимъ обвиняемымъ заранѣе для того, чтобы они окружали и поддерживали его передъ судьями. Присяга имѣла мѣсто только тогда, когда о необходимости ея постановляли судьи. Судьи назначали также день и пунктъ, гдѣ она должна была совершиться, и число соприсяжни-

[1] *Formulae Merkelianae* (въ изданіи Zeumer, стр. 241—264).— Правильнѣе было бы назвать ихъ формулами *Rozière*, такъ какъ онъ первый нашелъ и издалъ ихъ, но нѣмецкій издатель предпочелъ назвать ихъ *Merkelianae*.

[2] *Formulae Merkelianae*, 27, Rozière № 486: „In mallo illo una cum bonis hominibus racineburgis... iudicatum fuit, ut apud 12 homines, suos consimiles, in basilica sancti illius hoc coniuraret... manu missa super altare".

ковъ. Ничего не оставлялось на произволъ обвиненной стороны.

Вслѣдъ за формулами, предписывающими присягу, существуютъ и такія, которыя свидѣтельствуютъ о приведеніи ея въ исполненіе, и онѣ точно описываютъ самую ея процедуру. Не считая уклоненій въ нѣсколькихъ словахъ, всѣ онѣ составлены одинаково: «Удостовѣреніе о присягѣ. Въ такой-то день, такой-то вступилъ въ церковь въ городѣ Анжерѣ, съ двѣнадцатью соприсяжниками, самъ тринадцатый, согласно заранѣе постановленному приговору, и сказалъ: клянусь этимъ святымъ мѣстомъ и покровительствомъ всѣхъ святыхъ, мощи которыхъ покоятся здѣсь, что я не убивалъ и не подбивалъ къ убійству этого человѣка, смерть котораго приписываютъ мнѣ. Актъ этотъ подписанъ всѣми, кто присутствовалъ на этой присягѣ, и кто слышалъ ее»[1]. По поводу дѣла о владѣніи имуществомъ мы читаемъ: «Извѣщается, какъ и въ чьемъ присутствіи такой-то вступилъ въ церковь такого-то святого, гдѣ приносились присяги, и, положивъ руку на алтарь, сказалъ: клянусь этимъ святымъ мѣстомъ, Всевышнимъ Богомъ и чудотворной силой находящагося здѣсь святого, что земля, которую такой-то требуетъ отъ меня, по праву есть мое имущество». Затѣмъ указывается, что свидѣтели этого акта дали свои подписи[1]. Или же еще читаемъ слѣдующую формулу: «Человѣкъ этотъ вошелъ въ церковь съ своими соприсяжниками и, положивъ руку на алтарь, поклялся въ томъ, въ чемъ повелѣлъ ему поклясться приговоръ судей»[2].

Наряду съ десятью формулами, заключающими удостовѣренія о присягѣ, находимъ нѣсколько такихъ, которыя свидѣтельствуютъ объ отказѣ отъ нея. Привлеченная къ суду сторона не осмѣливалась принести присягу или не находила соприсяжниковъ и не являлась въ церковь въ назначенный день. Объ этомъ извѣщали противную сторону, и актъ этотъ записывался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Объявляется, что послѣ того, какъ судья и рахинбурги постановили, что такой-то принесетъ присягу съ двѣнадцатью соприсяжниками, въ назначенный день, въ такой-то церкви, человѣкъ этотъ не явился и не при-

[1] *Formulae Andegavenses*, 50 b: „Notitia sacramenti, qualiter et quibus praesentibus ingressus est homo nomine illo in ecclesia, Andecavis civitate, secundum quod iudicium loquitur, apud homines 12, manu sua 13, iuratus dixit: Per hunc locum sanctum et divina omnia Sanctorum patrocinia, qui hic requiescunt... hominem non occisi nec occidere rogavi... Ii sunt qui in praesente fuerunt et hunc sacramentum audierunt et hanc notitiam manu eorum subter firmaverunt“.—Тоже самое повторяется въ №№ 11 и 15 того же сборника.—Тоже за разночтеніемъ въ нѣсколькихъ словахъ читаемъ въ *Turonenses*, 31 и 40: „Iuratus dixit: Per hun sanctum locum et reverentiam sancti illius“.

[1] *Formulae Senonicae*, 21: „Notitia sacramentalis. Notitia qualiter et quibus praesentibus veniens homo nomine illo in basilica Sancti illius, ubi plurima sacramenta percurrere videntur, ante viro magnifico illo vel reliquis bonis hominibus qui subter firmaverunt, posita manu sua super sacrosancto altario sancti illius, iuratus dixit: Sic iuro per hunc loco Sancto et Deo altissimo et virtutes Sancti illius (*virtutes* =чудеса, чудотворная сила святого; таково было въ то время значеніе этого слова) terram eorum nunquam porprisi aut pervasi, sed semper exinde fui vestitus“.—О томъ же говорятъ №№ 17 и 22 этого сборника.

[2] *Formulae Merkelianae*, 27,—28: „Ingressus in basilica... manu missa super altare... quidquid iudicatum fuit de hac causa coniuravit“.

слалъ никого на свое мѣсто, въ удостовѣреніе чего и составлена настоящая грамота»[1].

Разсмотрѣнные два разряда актовъ находятъ себѣ прекрасное объясненіе. Приговоръ судей предоставлялъ обвиняемому на выборъ или принести присягу, или потерпѣть такое-то наказаніе. Актъ принесенія присяги давалъ по закону исходъ, благопріятный его дѣлу, отказъ отъ нея—осуждалъ его. Для выполненія этого не требовалось новаго разбирательства: въ день, назначенный для присяги, первый приговоръ становился окончательнымъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Поэтому-то присяга и должна была происходить въ общественномъ мѣстѣ, передъ свидѣтелями; поэтому и необходимо было составленіе писаннаго акта о ней. Обычнымъ правиломъ было, повидимому, чтобы присягу приносили передъ тѣмъ же графомъ и передъ тѣми же ассессорами, которые судили раньше[2].

[1] *Formulae Merkelianae*, 30: „Iudicatum fuit praedicto illo, ut apud duodecim homines suos consimiles in basilica illius in noctes institutas haec coniurare debuisset... Veniens ille (другая сторона) ad eum placitum de mane usque ad vesperum custodivit; sed ipse ille nec ad placitum venit nec missum inspecio suo (? vice sua) direxit, sed inde iectus apparuit. Proinde oportunum fuit, ut talem cartam ille exinde accipere deberet".—Ср. *Andegavenses*, 14: *Senonenses*, 1: „Ipse homo de ipso sacramento iectivus remansit".—См. еще *Additamentum ad Turonenses*, № 6, Rozière, № 454.—Изъ того, что въ актѣ говорится, будто отсутствовавшая сторона никого не прислала на свое мѣсто, не слѣдуетъ заключать, что присягать можно было по довѣренности. Это значитъ только, что никто не былъ присланъ, чтобы представить извиненіе или просить объ отсрочкѣ.

[2] *Lex Ripuaria*, XXXII, 3: „Ante comite cum septem rachimburgiis in haraho coniurare debet".—LXXVII: „Ante iudice coniuret".—*Formulae Turonenses*, 31: „Sub praesentia iudicis vel (et) bonorum virorum".—*Merkelianae*, 27: „Coram ipsis missis et racineburgis".—28: „Ante ipsum comitem vel reliquos racineburgios".—*Senonicae*, 17: „Ante comite vel aliis bonis hominibus".

Актъ о присягѣ или объ отказѣ отъ нея подписывалъ иногда самъ графъ и его помощники[1]. Отсюда и вытекало, что для присяги выбирали обыкновенно день судебнаго присутствія, чтобы судьямъ удобно было тутъ же перейти въ сосѣднюю церковь[2]. Между судомъ и присягой долженъ былъ пройти назначенный судьями промежутокъ времени, состоявшій обыкновенно изъ семи, четырнадцати, сорока или сорока двухъ дней[3].

[1] *Merkelianae*, 27, 28: „Bonorum hominum vel comitis manu firmata".

[2] Этимъ объясняется выраженіе *in mallo*, встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ актахъ удостовѣренія о присягѣ. *Senonicae*, 17: „In mallo... posita manu super altare..."—*Senonenses*, 1: „In mallo in basilica sancti illius". Если *mallus* перевести тутъ какъ судъ, получится безсмыслица, такъ такъ въ этой фразѣ опредѣленно указано, что дѣло происходило въ церкви; засѣданія же суда никогда не устраивались въ церквахъ. Дѣло въ томъ, что, какъ уже было сказано нами выше, слово *mallus* обозначало не только мѣсто суда, но также и день, когда происходилъ судъ. (Примѣры: *Lex Ripuaria*, XXXII, 2 и 3; *Pactus pro tenore pacis*, c. 2: „Tribus mallis", на трехъ засѣданіяхъ. *Edictum Chilperici*, 7: „In proximo mallo", на ближайшемъ засѣданіи суда, „per tres mallos", на трехъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ). Иначе нельзя объяснить слѣдующихъ словъ изъ *Senonenses*, 5: „In altare Sancti illius in proximo mallo quem comes tenet", или *Senonenses* 2: „in proximo mallo post banno resiso". Надо остерегаться заключать изъ словъ „in mallo ante comitem", что присяга происходила на судѣ такъ какъ сказано, что она была произнесена „in basilica Sancti"; но къ ней приступали въ день судебнаго засѣданія, въ присутствіи графа.

[3] На языкѣ того времени, впрочемъ, говорилось—7, 14, 42 ночей. Считать по числу ночей было дѣйствительно старымъ

Выборъ соприсяжниковъ не вполнѣ предоставлялся на волю судившихся. Слишкомъ легко было бы окружить себя тѣми, кто попадется. Въ законѣ говорится иногда, что соприсяжники должны быть самыми близкими родственниками подсудимаго [1]; въ такомъ случаѣ присяга имѣла цѣлью связать не одно лицо, а всю семью, и это правило опиралось, видимо, на старые родовые обычаи, сохраненные Германцами дольше другихъ народовъ [2]. Оно соблюдалось особенно точно въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ надо было узнать, родился ли человѣкъ свободнымъ или рабомъ [3]; и это находитъ себѣ легкое объясненіе. Такъ какъ рабъ не могъ приносить присяги, то, если къ присягѣ допускались двѣнадцать человѣкъ изъ семьи отвѣтчика,

обычаемъ, распространнымъ у Галловъ (*Caesar*. IV, 18) и Германцевъ (*Tacit*. Germania, 11).—*Lex Ripuaria*, XXXIII, 4: „Super 14 noctes coniurare studeat"; LVIII, 20: „Super 7 noctes coniuret"; LXXVII: „40 seu 14 noctes"; LXVI: „super 14 noctes". — Въ формулахъ, которыя должны были служить образцомъ для разныхъ актовъ, пропускается число ночей и говорится только „in noctes tantas" (*Andegavenses*, 10, 24, 28; *Turonenses*, 39) или „in dies tantos", черезъ столько то дней (*Andegavenses*, 14 и 15). Иногда въ нихъ указано и число: „in noctes 40" (*Turonenses*, 30); „infra noctes 42" (*Senonicae*, 17); „infra noctes 40" (*Merkelianae*, 28).

[1] *Lex Burgundionum*, VIII, 1.

[2] Указаніе на присягу, которая связывала цѣлую семью, есть въ главѣ 60-й *Lex Salica*: „De eo qui se de parentela tollere vult... dicere debet, quod de iuramento et de hereditate illorum se tollat": онъ устраняется отъ обязательства принести присягу такъ же, какъ и отъ права наслѣдовать.

[3] *Formulae Senonenses*, 2: „Ei fuit iudicatum, ut apud proximiores parentes suos, octo de parte genitoris sui et quatuor de parte genetricis suae... debeat coniurare".—*Ibidem*, 5: „Apud 12 parentes suos, octo de patre et quatuor de matre".

значитъ они были свободные люди, и это указывало на то, что и родственникъ ихъ родился въ свободномъ состояніи.

Чаще всего считалось достаточнымъ, чтобы соприсяжники были одинаковаго съ подсудимымъ соціальнаго положенія или, какъ говорилось, «подобны ему» [1]. Иногда требовалось, чтобы «они пользовались добрымъ именемъ» [2]. Иногда удовлетворялись требованіемъ, чтобы они были сосѣдями, принадлежащими къ тому же округу и жительствующими вблизи того, кто долженъ былъ принести присягу [3]. Иногда предписывалось, чтобы соприсяжники видѣли факты своими глазами и знали бы дѣло, разбиравшееся на судѣ [4]. Это происходило потому, что соприсяжники являлись не только ассистентами и свидѣтелями; они также связывали себя тою же самою присягой. Они клялись въ той самой церкви, на тѣхъ же самыхъ мощахъ и призывая того же святого въ томъ, что первый, кто поклялся, сказалъ правду, и что клятва его была «хорошею и истинною» [5].

[1] *Form. Andegavenses*, 50: „Apud homines 12 sibi similes".—*Turonenses*, 31: „Sibi similes".—*Merkelianae*, 30: „Suos similes".

[2] *Andegavenses*, 29: „Daret homines tantos bene fidem habentes.

[3] *Andegavenses*, 28: „Apud homines tantos, vicinos circa manentes, de ipsa condita".—*Ibidem*, 50: „Vicinos".

[4] *Turonenses*, 30: „Apud homines visores et cognitores".—*Andegavenses*, 29: „Qui de praesente fuissent et vidissent".

[5] *Turonenses*, 31: „Iuratus dixit... similiter testes sibi similes, visores et cognitores, post ipsum iuraverunt, ut quidquid ille de hac causa iuravit, verum et idoneum sacramentum dedit".—*Ibidem*, 40: „Similiter venientes testes sui per singula iurati dixerunt: quidquid iste de hac causa iuravit, verum et idoneum sacramentum iuravit".—*Senonicae*, 17: „Iuraverunt et de linguas eorum legibus dixerunt".—*Ibidem*, 21: „Iuraverunt et de lingua eorum legibus dixerunt".

Вслѣдствіе всего указаннаго не очень легко было найти соприсяжниковъ, то-есть, людей, которые согласились бы связать себя такой торжественной и священной клятвою. Для прiисканія ихъ законъ давалъ, поэтому, отсрочку, которая могла достигать сорока двухъ дней. Потому же такъ часто и предполагалось въ законѣ, что подсудимый «не можетъ найти соприсяжниковъ»[1]. Поэтому, наконецъ, и въ сборникахъ формулъ существовалъ образецъ для, вѣроятно, довольно часто повторявшихся случаевъ, когда присужденный къ присягѣ человѣкъ оказывался не въ состояніи выполнить ее»[2].

Всѣ приведенныя подробности даютъ намъ правильное понятіе о томъ, что такое была присяга. Это не былъ въ настоящемъ смыслѣ судебный актъ, скорѣе это былъ актъ религіозный, который служилъ въ правосудіи средствомъ удостовѣренія истины, и который по закону обусловливалъ или оправданіе, или осужденіе.

Такая клятва не походила на нашу современную присягу, представляющую изъ себя не что иное, какъ заявленіе, въ торжественной формѣ основывающееся на личной чести и совѣсти каждаго. То была такая клятва, какою понимали ее древніе народы,—съ участіемъ Божества, съ призывомъ къ Богу и къ Святымъ Его, которыхъ считали присутствующими, съ

[1] *Lex Salica*, XIV (Вольфенбюттельская рукопись): „Si iuratores invenire non potuerit“.—XXXIX, 2 (всѣ рукописи): „Si iuratores non potuerit invenire“. То же самое въ главѣ XLII. — *Lex Ripuaria*, XXXI, 5: „Si iuratores invenire non potuerit in provincia Ripuaria“.

[2] *Formulae Andegavenses*, 14; *Senonenses*, 1; *Merkelianae*, 30.

тѣмъ, чтобы они какъ бы приняли участіе въ судѣ. Съ такими силами нельзя было шутить. Надо было хорошо быть увѣреннымъ въ себѣ и фактахъ, чтобы призывать въ подкрѣпленіе присяги святого. Но зато, если святой принималъ присягу, если онъ не препятствовалъ какимъ-нибудь образомъ людямъ принести ее, онъ становился поручителемъ за нее, онъ принималъ на себя какъ бы отвѣтственность за заявленіе поклявшагося. Съ тѣхъ поръ никто уже не думалъ, чтобы заявленіе это могло быть ложнымъ. Послѣ такой присяги судьямъ нечего было больше дѣлать.

Кто пожелалъ бы отыскать происхожденіе такой религіозной клятвы, тотъ долженъ былъ бы подняться далеко назадъ. Клятва эта была въ обычаѣ у всѣхъ древнихъ народовъ, допускалась всѣми древними религіями. Ее примѣняли Римляне и Греки. Для того, чтобы предположить, что она была въ ходу и въ древней Германіи, нѣтъ нужды въ томъ, чтобы ее отчетливо указалъ намъ Тацитъ.

Спеціально присущимъ Германцамъ кажется при первомъ взглядѣ пользованіе соприсяжниками. Но выше-упомянутые документы прекрасно показали намъ, что обычай этотъ ни въ чемъ не измѣнялъ ни характера, ни сущности присяги. Онъ только подкрѣплялъ и усиливалъ ее для того, чтобы удостовѣрить ея правдивость. Подсудимый былъ настолько заинтересованъ въ дѣлѣ, что онъ могъ поддаться соблазну и призвать Бога понапрасну; поэтому и законодатель, и судья требовали, чтобы рядомъ съ нимъ стали другіе люди, для раздѣленія съ нимъ опасно-

сти передъ Богомъ и святыми. Виновному не легко было бы совершить преступленіе противъ религіи.

Ясно, что до принятія христіанства религіозная клятва была языческою[1]. Конечно, Германцы не приносили ея ни въ храмахъ, потому что храмовъ у нихъ не было, ни на мощахъ, потому что не было мощей. Ее произносили, повидимому, на мечахъ[2], но надо полагать, что мечи эти были предварительно посвящены божеству[3]. Мечи эти изображали для нихъ призываемаго въ клятвѣ бога[4]. Съ введеніемъ христіанства

[1] „Est iusiurandum affirmatio religiosa", говоритъ Цицеронъ (De Officiis, III, 29), и онъ добавляетъ: „quod promiseris deo teste".— *Digest.* III, 2, 6, 34: „Innocentiam suam iureiurando adprobavit".— *Cod. Iust.* IV, 1, 11: „Cum desperavit aliam probationem, tunc ad religionem convolare".

[2] Какой то глоссаторъ десятаго вѣка прибавилъ въ одной рукописи Салической Правды, (Парижъ 9630), что древніе Франки, раньше, чѣмъ стать христіанами, „in eorum dextera et arma eorum sacramenta affirmant (affirmabant)." См. *Behrend*, 95. Достовѣрно, что Аммiанъ во всякомъ случаѣ сообщаетъ, будто Германцы клялись на своихъ мечахъ (XVIII, 12, 21); тотъ же обычай указанъ позднѣе и у Саксонцевъ. См. *Gesta Dagoberti*, 31; *Annales Fuldenses*, a. 873: „Saxones iurabant iuxta ritum gentis suae per arma sua".—То же констатируется у Датчанъ: „Pax in armis iurata" (*Einhardi,* Annales a. 811); „Pacem per arma iuraverunt" (*Adam. Brem.* c. 30).

[3] *Lex Baiuworiorum*, XVI, 5: „Donet arma sua ad sacrandum et per ea iuret, ipsum verbum cum uno sacramentali".—*Lex Alamannorum*, LXXXIX: „Iuret in arma sua sacramenta (? sacrata)."— *Lex Longobardorum*, Rotharis, 359: „Sibi sextus iuret ad arma sacrata".—*Fredegarii Chron.* 74: „Iurent super arma placata".— Cp. *Gesta Dagoberti* 31: „Saxones, ut eorum mos est, in armis patratis (? sacratis или placatis) pactum firmant".

[4] Мысль эта опредѣленно высказана Аммiаномъ Марцеллиномъ, который хорошо зналъ Германцевъ: „Quadi, eductis mucronibus, quos pro numinibus colunt, iuravere" (XVII, 12, 21). Тацитъ говоритъ, что мечъ былъ единственнымъ символомъ одного изъ главныхъ боговъ Германцевъ.

и религіозная клятва сдѣлалась клятвой христіанской. Въ одной формулѣ я усматриваю, кажется, указаніе на этотъ переходъ.—Одинъ человѣкъ, обвиненный въ убійствѣ, оправдывается сначала съ двѣнадцатью соприсяжниками, самъ тринадцатый, присягая надъ рукой и оружіемъ судьи, и его объявляютъ оправданнымъ; потомъ отъ него требуютъ той же присяги въ церкви, такъ какъ судъ или стороны перемѣнили мнѣніе, то-есть, нашли такую клятву недостаточною[1]. Послѣдній родъ присяги — съ рукою на алтарѣ или на мощахъ и остался въ ходу въ продолженіе всей меровингской эпохи.

У писателей данной эпохи ясно выступаетъ на видъ представленіе, какое связывалось въ умахъ людей того времени съ описаннымъ обычаемъ. Они думали, что святой, надъ тѣломъ котораго клялись, не потерпѣлъ бы оскорбленія его имени, что онъ самъ взялъ бы на себя наказать клятвопреступника и поразилъ бы его

[1] *Formulae Turonenses*, 30: „Dum sic veritas comprobaretur, apprehensam manum vel arma iudicis, sicut mos est, apud homines 12, sua manu 13, dextratus vel coniuratus dixit... Sed postea illi iudicatum fuit, ut... in ecclesia illa coniurare debeat".—Обычай клясться оружіемъ не совсѣмъ исчезъ и позже; его упоминаетъ еще Рипуарская Правда XXXIII 5) но только какъ форму процедуры, а не какъ необходимую принадлежность *sacramentum*. См. *Fortunat.* Carmina, VI, 6: „Iurare per arma", позднѣе *Hincmar.* (Exposit. ad Carol. III, Migne I, 1066), который говоритъ королю: „Coram Deo et angelis eius, in fide et dextera vestra per spatam vestram iurantes". Но эта клятва правой рукой и мечомъ имѣетъ иной характеръ, чѣмъ изучаемая нами здѣсь присяга; это уже не судебная присяга.

смертью. «Въ Австразіи, во время короля Теодеберта, судились другъ съ другомъ одинъ священникъ и одинъ Франкъ; судья не уразумѣлъ истины; онъ повелѣлъ священнику принести присягу на гробницѣ, гдѣ покоился святой Максиминъ. Положивъ руку на святую могилу, священникъ сказалъ: Если я лгу, то поразитъ меня сила святого. Но онъ лгалъ, и едва вышелъ онъ изъ церкви, какъ зашатался, упалъ на землю и умеръ»[1]. Вотъ происшествіе, которое было передано Григорію Турскому, и которое считалось истиннымъ всѣми его современниками. Григорій добавляетъ: «Въ самомъ дѣлѣ, если какой-нибудь человѣкъ осмѣливается произнести ложную клятву, божеское возмездіе немедленно поражаетъ его»[2]. Разъ нѣкій человѣкъ, обвиненный въ какихъ-то преступленіяхъ, сознавая себя виновнымъ, дерзнулъ однако рѣшиться на присягу: «Я пойду въ церковь святаго Мартина подумалъ онъ съ увѣренностью, оправдаюсь посредствомъ присяги и стану невиннымъ». Но въ тотъ моментъ, когда онъ входилъ въ церковь, онъ почувствовалъ себя какъ бы пораженнымъ въ сердце, вѣроятно, святымъ, и, весь взволнованный, онъ признался

[1] *Gregor.* De gloria confessorum, 93 (91): „Apud urbem Trevericam... tempore Theodeberti regis, Arboastes quidam presbyter cum Franco quodam intendebat rege praesente... Si vera sunt, inquit rex, quae prosequeris, hoc super tumulum Maximini sacramento confirma... Et presbyter ponens manus super sanctum sepulcrum dixit: Huius Sancti virtute opprimar, si aliquid falsi loquor... Subito delapsus presbyter solo pessumdedit et mortuus est."

[2] *Ibidem*, 94: „Si quis falsum iuramentum proferre ausus sit, illico divina ultione corrigitur". — *Idem*: De gloria martyrum, 20, „Vidi quosdam in loco eo periurasse, qui ita divino iudicio condemnati sunt, ut in ipsius anni curriculo finirentur a saeculo".

въ своемъ преступленіи[1]. — Другой человѣкъ обвинялся въ поджогѣ дома. «Я пойду въ церковь святого Мартина», сказалъ онъ, «и оправдаюсь посредствомъ присяги». «Берегись, какъ бы Богъ и его святые не отмстили клятвопреступнику», сказалъ ему епископъ. И дѣйствительно, едва онъ окончилъ свою присягу, какъ ему показалось, что его охватило пламя, и онъ палъ мертвымъ»[2].

Житель Тура, по имени Пелагій, совершилъ много покражъ и нѣсколько убійствъ. Епископъ лишилъ его причастія: это считалось тогда строгимъ наказаніемъ, и оно примѣнялось къ наиболѣе преступнымъ людямъ. Пелагій хотѣлъ засвидѣтельствовать свою невинность посредствомъ присяги съ двѣнадцатью соприсяжниками. Онъ произнесъ эту присягу, и епископъ былъ вынужденъ допустить его къ причастію. Но такъ какъ онъ совершилъ клятвопреступленіе, то умеръ въ теченіе того же года, «и такъ обнаружилась сила святого, въ церкви котораго произнесена была ложная клятва»[3].

Самъ Григорій Турскій оказался вынужденнымъ

[1] *Greg.* VIII, 16: „Ibo ad basilicam Beati Martini et me exuens sacramento innocens reddar... Ad ostium ruit gravi cordis dolore percussus, confessusque est, quae venerat excusare".—Отмѣтимъ, что употребляемыя Григоріемъ Турскимъ выраженія встрѣчаются въ Салической Правдѣ (XLVII, 2; *Additamentum*, 9, Behrend, стр. 91) и въ Рипуарской (XXXI, 5).

[2] *Gregor.* ibidem.

[3] *Gregor.* VIII, 40: „At ille, electis duodecim viris, ut hoc scellus peieraret advenit... Ipsius iuramentum suscepi, iussique eum recipi in communionem... Adveniente mense quinto, spiritum exhalavit... Manifestata est virtus Beatae Mariae (alias, sancti Martini) in cuius basilica sacramentum protulit mendax".

однажды подвергнуться этой процедурѣ. Онъ былъ обвиненъ въ дурномъ отзывѣ о Фредегундѣ, то-есть, въ преступленіи объ оскорбленіи величества. Король потребовалъ, чтобы «отслуживъ, обѣдню на трехъ алтаряхъ, онъ оправдался посредствомъ присяги». Епископъ долженъ былъ повиноваться. Разсказывая объ этомъ, онъ вставилъ одну знаменательную подробность: когда настало день присяги, благосклонная къ нему королева Ригунта постилась и молилась со всѣми своими слугами, чтобы присяга удалась. Испытаніе это считалось, значитъ, страшнымъ даже для невиннаго, даже для епископа. Присяга совершена была по всѣмъ правиламъ, «была исполнена», и священники явились торжественно объявить это королю. Обвиненіе тотчасъ же было снято, и король долженъ былъ оправдываться въ свою очередь,—столько силы приписывалось подобной присягѣ[1].

Другой писатель описываетъ процедуру присяги въ королевскомъ судѣ. Дѣло шло о помѣстьѣ, которымъ владѣло одно свѣтское лицо, и котораго требовалъ для своего монастыря аббатъ. Король рѣшилъ сначала, что земля будетъ возвращена аббату, если онъ согласится принести въ священномъ мѣстѣ присягу въ томъ, что она принадлежитъ ему. Аббатъ, который, быть можетъ, не рѣшался подвергнуться этому испы-

[1] *Gregor.* V, 50 (49): „Restitit ad hoc causa ut, dictis missis in tribus altaribus, me exuerem sacramento... Nec hoc sileo, quod Riguntis regina, condolens doloribus meis, iuiunium cum omni domo sua celebravit, quousque puer nuntiaret me omina implesse. Regressi sacerdotes ad regem aiunt: Impleta sunt omina ab episcopo, quae imperata sunt, o rex; quid nunc ad te, nisi ut communione priveris?“

танію, просилъ, чтобы присяга была возложена лучше на свѣтскую сторону. Королевскій судъ согласился на это и постановилъ, что міряинъ, противникъ аббата, принесетъ эту присягу съ извѣстнымъ числомъ соприсяжниковъ; стало быть, послѣдній долженъ былъ поклясться, что помѣстье законно принадлежало ему. Боясь, будто, какъ бы столько душъ не было наказано за клятвопреступленіе, аббатъ настаивалъ далѣе на томъ, чтобы соприсяжниковъ отмѣнили, и достигъ этого. Тогда міряинъ вошелъ въ церковь святого Элигія и приблизился къ гробницѣ святого, «думая, что поклясться, положивъ руку на этомъ священномъ предметѣ, было пустымъ дѣломъ»; какъ разъ во то время, какъ онъ произносилъ слова присяги, онъ задрожалъ, упалъ навзничъ и раздробилъ себѣ голову[1]. — Подобные разсказы прекрасно характеризуютъ институтъ присяги и показываютъ, какъ понимали его современники.

Приведемъ еще другой разсказъ того же агіографа. Было совершено воровство, въ которомъ обвиняли двухъ людей, отца и сына; каждый изъ нихъ утверждалъ свою невиновность, сваливая вину на другого, отецъ на сына, сынъ на отца. Судьями были графъ города Нойона и мѣстный епископъ. Истина не обнаружилась изъ судебнаго разбирательства. Епископъ сказалъ тогда графу: «Мы не можемъ узнать правду; положимся на судъ святого Элигія, гробница котораго находится недалеко отсюда». Приведя обоихъ обвиненныхъ къ могилѣ святого, они сказали: «Мы передаемъ судъ тебѣ, святой Элигій». Потомъ они стали ждать, разс читывая

[1] *Vita Eligii*, II, 57.

что путемъ этой присяги они узнаютъ судъ Божій». Дѣйствительно, едва только сынъ началъ произносить слова присяги, какъ упалъ на землю и умеръ. Виновнымъ безспорно оказался онъ [1].

Такимъ образомъ, присяга являлась родомъ Божьяго суда. Рѣшеніе свое высказывалъ тутъ святой, его высказывалъ самъ Богъ. Конечно, онъ принималъ только клятву невиннаго, клятву же виновнаго отвергалъ и наказывалъ его. Поэтому-то слѣдовало, чтобы присяга произносилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Богъ присутствовалъ по преимуществу, то-есть, въ церкви, особенно же тамъ, гдѣ покоились мощи святого; требовалось, чтобы произносилась она съ рукою, поднятою надъ алтаремъ, подъ которымъ находилась святыня. Можно было также присягать надъ ракой, но подъ условіемъ, чтобы тамъ находились мощи. Если рака оказывалась пуста, клятва признавалась недѣйствительной, и въ такомъ случаѣ допускалось клятвопреступленіе. Святой не долженъ былъ наказывать, потому что онъ не присутствовалъ при присягѣ тѣлесно [2].

[1] Miracula Eligii, въ концѣ *Vita Eligii*, II, 61 (Patrologia, t. LXXXVII, 582): „Tandem episcopus cum duce accepto consilio cum non possent rei veritatem cognoscere, iudicio eos committunt Beati Confessoris. Quia, inquiunt, nescimus cui ex his potius credi decernamus, tibi, sancte Eligi, hoc iudicium committimus. Tunc statuentes utrumque coram sepulcro sancti, exspectabant per sacramentum Dei fore iudicum. Et ecce repente dum iurametum coepisset promere, arreptus iuvenis a daemone collisus est in terram". — Ср. другой подобный разсказъ въ главѣ 56.

[2] См., что разсказывалъ продолжатель Фредегарія (c. 97); ср. *Gesta Dagoberti*, c. 46, и Муассакскую хронику у Bouquet, II, 653.

Подобныя понятія и судебные обычаи продержались весь меровингскій періодъ. Законы, судебныя формулы, разсказы писателей, всѣ документы согласно между собою показываютъ, что они одинаково распространены были между духовными и свѣтскими лицами, между Римлянами и Франками.

Никто не могъ быть принужденъ къ присягѣ вопреки своей волѣ. Такъ какъ испытаніе это касалось души, то, очевидно, тотъ, кому судьи предписывали его, могъ отказаться ему подвергнуться. Но любопытнѣе всего, что даже другая сторона могла объявить, что не принимаетъ присяги, и одного такого запрещенія было достаточно для ея отмѣны. Григорій Турскій разсказываетъ, что одинъ убійца «предлагалъ оправдаться посредствомъ присяги», но родители убитыхъ, не «согласились на это» [1]. Въ Рипуарской Правдѣ устанавливается слѣдующее по поводу процесса объ имуществѣ, именно по вопросу объ опредѣленіи подлинности или подложности запродажнаго акта; одна изъ сторонъ клятвенно должна была установить его подлинность, но другая могла воспротивиться присягѣ и «удалить отъ алтаря руку клянущагося» [2]. Когда присяга отвергалась та-

[1] *Gregor.* VII, 23: „Iudicatum est, ut se insontem redderet sacramento; sed nec hoc his acquiescentibus, placitum in regis praesentia posuerunt".

[2] *Lex Ripuaria*, LIX, 4.

Сравненіе съ другими германскими государствами.

Судебная присяга была въ ходу во всѣхъ германскихъ государствахъ отъ шестого до восьмого вѣка. Этотъ обычай обнаруживается изъ *Edictum Theodorici* (cap. 106). Составитель Правды Вестготовъ опредѣленно говоритъ, что если судья

кимъ образомъ, обѣ стороны должны были явиться

не дознаетъ истину изъ свидѣтельскихъ показаній или писанныхъ документовъ, то, чтобы открыть ее, онъ прибѣгаетъ къ присягѣ (*Lex Wisigothorum*, II, 1, 22; II 2, 5). Эта присяга и тамъ признавалась за священный актъ, что видно изъ выраженій, употреблявшихся законодателемъ: „Sacramento se expiet" (II, 2, 5). Присяга спасаетъ душу или можетъ погубить ее (II, 2, 9): „Ingenuus conscientiam suam expiet sacramentis;" VI, 1, 2: „Qui pulsatur, suam debeat sacramento conscientiam expiare". Мы видимъ людей, которые отказывались отъ присяги, „ut animas suas non condemnent" (X, 1; 14); „si quis animam suam periurio necaverit" (II, 4, 7; *Walter*, p. 664). Законодатель признаетъ поэтому, что принесенная присяга составляетъ рѣшительное доказательство; принесшій присягу человѣкъ тотчасъ же становится невиннымъ; VI, 1, 2; „Si suo se sacramento innocentem reddiderit"; тоже самое говорится и въ другомъ мѣстѣ— VI, 5, 12. Присяга изобличала противника; VI, 5, 7: „Sacramento convictus". Присягу эту приносили передъ свидѣтелями (VIII 2, 1; IV, 1, 8), но о соприсяжникахъ ничего не говорится въ разсматриваемомъ сводѣ.

Въ Лонгобардскихъ законахъ присяга является однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ правосудія; обвиняемый „могъ удовлетворить присягой" даже королевскій судъ, даже за преступленія, которыя наказывались смертью. См. *Rotharis*, 9. Человѣкъ „очищается" присягой „se purificat" (*Ibidem*, 12, 202, 213; 196: „liceat eum se purificare, si potuerit"). Присяга почти всегда совершалась надъ Евангеліемъ; *ibidem*, 359: „Ad Evangelia sancta iuret"; *Liutprand*. 21: „Se purificet ad Legem Dei"; 109: „Satisfaciat ei ad Evangelia". Въ незначительныхъ дѣлахъ довольствовались иногда тѣмъ, что присягу заставляли приносить надъ освященнымъ оружіемъ—„ad arma sacrata" (*Rotharis*, 359. 363). Требовалось представлять при этомъ соприсяжниковъ. См. *Rotharis*, 179: „Se purificare cum duodecim sacramentales"; 359: „Ad Evangelia iuret cum duodecim aidos suos, id est sacramentales". — Въ принципѣ, соприсяжники должны были быть родственниками того, кто приносилъ присягу; *Grimoald*. 7: „Praebeat sacramentum cum parentibus suis legitimis sibi duodeci-

въ королевскій судъ, или подвергнуться другому виду испытаній, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить.

---

mus". Выбирались они не тѣмъ, кто приносилъ присягу, а противной стороной, которая „назначала" ему самыхъ близкихъ его родственниковъ; *Rotharis*, 360—362: „Ille qui pulsat proximiores sacramentales qui nascendo sunt debeat nominare"; ср. 359: „Nominentur sex ab illo qui pulsat, et septimus sit ille qui pulsatur, et quinque quales voluerit liberos". Выбранный соприсяжникомъ могъ отказаться принести присягу, ссылаясь на то, что онъ боится за свою душу, „animam suam timendo", *Liutprand*. 61.

У Аламанновъ присяга совершалась въ церкви. См. въ ихъ сводѣ главу XXIV: „Iuret in ecclesia"; надъ алтаремъ (VII, 2): „Iuret in ipso altare"; или же надъ ракой, содержащей мощи (VI, 4): „Ista sacramenta debent esse iurata ut coniuratores manus suas super capsam ponant".—Допускались и менѣе торжественныя клятвы; такъ, въ одномъ спорѣ о наслѣдствѣ, не превышавшемъ 12 солидовъ, женщина могла клясться „per pectus suum", LVI, 2.—Число соприсяжниковъ измѣнялось въ зависимости отъ значительности предмета тяжбы, „secundum qualitatem pecuniae" (VII, 2; XXVII; LVI, 1; LXXXIX).—Какъ и во франкскомъ государствѣ, соприсяжники являлись здѣсь не на засѣданіе суда, но послѣ засѣданія; та сторона, которой назначена была присяга, „spondet sacramentales et fideiussores praebet, ut in constituto die legitime iuret" (XXXVI, 3). — Соприсяжники выбирались не по произволу; они чаще всего указывались противникомъ; см. VI, 3 (изд. Pertz, 133): „Qui causam prosequitur, electionem faciat de coniuratoribus"; но нѣкоторыхъ изъ нихъ присягавшій могъ не принять (*ibidem*). Они выбирались иногда между родственниками, а иногда внѣ ихъ числа; (XXX): „Iuret cum duodecim nominatis et aliis duodecim electis"; LIII: „Iuret cum quinque nominatis et septem advocatis". Та же судебная клятва упоминается и у Баваровъ (VIII, 16; XVI, 5; XVII, 2), также у Тюринговъ (I, II, III, IV, VII) и Фризовъ; въ законѣ послѣдняго народа опредѣленно сказано, что она происходила на мощахъ святыхъ (III, 6; X; XII, 1; XIV, 1).

4.

Судебный поединокъ.

Присяга являлась одной изъ формъ Божьяго суда; поединокъ или «поле» представлялъ собою другую. Посредствомъ поединка судьи различали и устанавливали правоту («доброе право»), такъ какъ, давая во время поединка свое знаменіе, самъ Богъ обнаруживалъ виновнаго.

Довольно любопытно отмѣтить, что Салическая Правда ни разу не упоминаетъ о поединкѣ. Она знаетъ только два способа опредѣленія истины: тотъ который въ ней называется *probatio certa*, то-есть, доказательство посредствомъ свидѣтелей или писанныхъ документовъ, и затѣмъ судебное испытаніе, извѣстное Правдѣ подъ двумя формами, — кипящей воды и присяги. Судебный поединокъ, повидимому, совсѣмъ ей неизвѣстенъ. Это не можетъ быть простымъ упущеніемъ, потому что въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ сводѣ этомъ довольно тщательно перечисляются всѣ способы оправданія, предоставлявшіеся обвиняемому или отвѣтчику, но поединокъ не упоминается нигдѣ. Не встрѣчаемъ мы его также въ капитуляріяхъ, сохранившихся у насъ отъ меровингскихъ королей.

Бургундская Правда—древнѣйшій памятникъ, въ которомъ встрѣчается судебный поединокъ. Надо разсмотрѣть, въ какомъ видѣ онъ тамъ представленъ. «Когда какой-нибудь человѣкъ долженъ принести присягу, то если противникъ его хочетъ воспротивиться ея совершенію, онъ обязанъ сдѣлать это до вступленія того въ церковь; тѣ же, кого судьи на

значили, чтобы выслушать присягу, должны объявить, что они не примутъ ея и должны воспрепятствовать ея произнесенію; тогда обѣ стороны будутъ приведены къ нашему суду и преданы суду Божьему» [1]. Дальше законодатель выражается еще яснѣе: «Такъ какъ до свѣдѣнія нашего дошло, что произносится много ложныхъ клятвъ, то мы желаемъ уничтожить этотъ преступный обычай и настоящимъ закономъ постановляемъ, что если та изъ двухъ сторонъ, которой предложено привести противную къ присягѣ, отказывается принять ее и предпочитаетъ убѣдить своего противника оружіемъ, то поединокъ будетъ разрѣшенъ. Въ такомъ случаѣ, на этомъ судѣ Божіемъ долженъ будетъ сразиться одинъ изъ соприсяжниковъ, потому что, если онъ утверждалъ, что знаетъ истину и подъ присягой хотѣлъ свидѣтельствовать о ней, онъ не долженъ бояться защищать ее и на поединкѣ [2]. Если будетъ побѣждена та сторона, которая должна была принести присягу, сопри-

[1] *Lex Burgundionum*, VIII, 2: „Si ei sacramentum de manu tollere voluerit, antequam ecclesiam ingrediantur, illi qui sacramentum audire iussi sunt (quos a iudicibus ternos semper ad sacramentum audiendum praecipimus delegari) contestentur se nolle sacramenta suscipere, et non permittatur is qui iuraturus erat post hanc vocem sacramenta praestare; sed ad nos dirigantur, Dei iudicio commitendi".

[2] *Lex Burgundionum*, XLV: „Multos in populo nostro ita cognoscimus depravari, ut de rebus incertis sacramenta offerre non dubitent et de cognitis periurare. Cuius sceleris consuetudinem submoventes praesenti lege decernimus, ut... si pars eius cui oblatum fuerit ius iurandum, noluerit sacramenta suscipere, sed adversarium suum veritatis fiducia armis dixerit posse convinci... pugnandi licentia non negetur. Ita ut unus de testibus, qui ad danda convenerant sacramenta, Deo iudicante, confligat; quoniam iustum est, ut

сяжники ея уплатятъ штрафъ въ 300 солидовъ; если же убитою окажется другая сторона, побѣдитель возьметъ изъ ея имущества сумму, въ девять разъ большую той, которая слѣдовала [1]; мы предписываемъ это для того, чтобы люди предпочитали истину клятвопреступленію» [2]. Составителемъ этого закона былъ король Гундебальдъ, и онъ отмѣчаетъ его временемъ консульства Авіена, то-есть, 501 годомъ [3].

Судя по приведеннымъ выдержкамъ, казалось бы, что поединокъ былъ учрежденъ у Бургундовъ именно въ это опредѣленное время, въ 501 году, и что онъ являлся вовсе не исконнымъ племеннымъ институтомъ, а созданіемъ короля. Съ большею достовѣрностью на основаніи тѣхъ же статей даннаго свода можно заключить, что поединокъ замѣнялъ присягу. И съ тѣмъ, и съ другою соединялась, впрочемъ, одна и та же религіозная идея; поединокъ такъ же былъ Божьимъ судомъ; законъ гласитъ, что стороны будутъ сражаться «Deo iudicante».

si quis veritatem rei scire se dixerit et obtulerit sacramentum, pugnare non dubitet“.

[1] *Ibidem*: „Si testis (защитникъ, свидѣтель) partis eius, quae obtulerit sacramenta in eo certamine, fuerit superatus, omnes testes qui se promiserant iuraturos, 300 solidos mulctae nomine cogantur solvere. Si ille, qui renuerit sacramentum, fuerit interemptus, quidquid debebat de facultatibus eius novigildi solutione pars victoris reddatur indemnis“. — Въ томъ же сводѣ см. еще главу LXXX: „Si ad conflictum causae descenderint et divino iudicio falsus relator pugnans occubuerit, 300 solidos testes ipsius cogantur exsolvere“.

[2] *Ibidem:* „Ut veritate potius quam periuriis delectentur“.

[3] *Ibidem:* „Data sub die sexta Kalendas Iunias Lugduno Avieno viro clarissimo consule“.

Рипуарская Правда, записанная однимъ вѣкомъ позднѣе, упоминаетъ о поединкѣ только случайно, мимоходомъ, какъ объ обычаѣ, гораздо менѣе употребительномъ, чѣмъ присяга. Человѣкъ, отказывавшійся явиться на судъ послѣ нѣсколькихъ вызововъ, долженъ будетъ предстать передъ королемъ, «чтобы защищаться отъ своего противника при помощи оружія» [1]. Человѣкъ, отрицающій подлинность какой-нибудь хартіи, можетъ воспрепятствовать ея владѣльцу клятвою удостовѣрить ея законность, и въ такомъ случаѣ тотъ и другой должны явиться передъ трибуналомъ короля, «чтобы сразиться» [2]. Въ тяжбахъ по вопросамъ о наслѣдствѣ или о свободѣ рожденія присяга является опять доказательствомъ, отъ котораго зависитъ выигрышъ дѣла; помимо присяги, законъ допускаетъ, однако, также прибѣгать къ поединку, совершающемуся передъ королемъ [3].

Надо замѣтить, что и въ Рипуарской Правдѣ, такъ же какъ въ Бургундской, судебный поединокъ происходилъ не въ какомъ-либо пунктѣ, выбранномъ тяжущимися сторонами. Онъ имѣлъ мѣсто только передъ судомъ и могъ осуществляться не на простомъ mallus графа, а непремѣнно при трибуналѣ короля. Такое правило подтверждаетъ по существу судебный

[1] *Lex Ripuaria*, XXXII, 4: „Si ipsam strudem contradicere voluerit et ad ianuam suam cum spata tracta accesserit, tunc iudex fideiussores ei exigat, ut se ante regem repraesentet et ibidem cum arma sua contra contrarium suum se studeat defensare“.

[2] *Ibidem*, LIX, 4: „Tunc ambo constringantur, ut se super 14 seu 40 noctes ante rege repraesentare studeant pugnaturi“.

[3] *Ibidem*, LXVII, 5: „Si quis pro hereditate vel pro ingenuitate certare coeperit... aut cum arma sua se defensare studeat ante rege“.

характеръ этого поединка; оно указываетъ также на то, что во время составленія Рипуарской Правды поединокъ не былъ очень распространеннымъ обычаемъ.

Нѣтъ сомнѣвія, что въ шестомъ вѣкѣ поединокъ уже практиковался; но случаи его примѣненія, которые намъ извѣстны, и которые мы сейчасъ приведемъ, заставляютъ думать, что имъ пользовались чаще знатные, чѣмъ простой народъ. Григорій Турскій описываетъ одну сцену, которая произошла между посломъ короля Австразіи и королемъ Гунтрамномъ; король упрекалъ посла за то, что тотъ поддержалъ возстаніе Гундебальда. «Я неповиненъ въ этомъ», возражалъ австразіецъ, «и если кто-нибудь изъ твоихъ сановниковъ возводитъ на меня это преступленіе, передай дѣло на судъ Божій; Богъ увидитъ насъ сражающимися и разсудитъ насъ» [1]. Въ другой разъ, когда совершено было нарушеніе права охоты, одинъ изъ знатныхъ придворныхъ, по имени Хундонъ, былъ позванъ на судъ короля. Онъ не призналъ себя виновнымъ. Тогда король «приговоромъ своего суда предписалъ поединокъ». Хундонъ выставилъ замѣстителя, который бился вмѣсто него въ присутствіи короля и былъ убитъ. Этимъ самымъ король убѣдился въ виновности Хундона, котораго онъ, однако, любилъ, и велѣлъ предать его смерти [2].

[1] *Greg*. VII, 14: „Insontem me de hac causa profiteor; si aliquis est similis mihi, qui hoc crimen inpingat, Tu, o Rex piissime, ponas hoc in Dei iudicio, ut Ille discernat, cum nos in campi planitie viderit dimicare".

[2] *Greg*. X, 10: „Rex campum diudicat. Tunc cubicularius (Chundo) dato nepote pro se, qui hoc certamen adiret, in campo uterque steterunt... Ceciderunt ambo (племянникъ Хундона и обвинитель) et mortui sunt.... Chundo comprehensus est, vinctusque ad stipitem, lapidibus est obrutus".

Одно мѣсто у Фредегарія показываетъ, что разсматриваемый обычай примѣнялся еще въ седьмомъ вѣкѣ. Нѣкій Франкъ говоритъ своему королю: «Желаешь ли ты узнать истину? Прикажи обоимъ этимъ людямъ вооружиться и выйти на поле: путемъ этого поединка ты узнаешь судъ Божій» [1]. Одинъ агіографъ разсказываетъ, что король, желая найти виновнаго въ поддѣлкѣ грамоты, «предписалъ поединокъ для того, чтобы судъ Божій обнаружилъ совершившаго обманъ» [2].

Изъ приведенныхъ юридическихъ текстовъ и лѣтописныхъ разсказовъ мы съ увѣренностью можемъ заключить, во-1-хъ, что поединокъ не былъ частной войною, борьбою между двумя семействами или между двумя лицами, преслѣдующими другъ друга по своей волѣ; во-2-хъ, что онъ являлся актомъ юстиціи, предписаннымъ судьей, то-есть, королемъ, и совершаемымъ въ его присутствіи; въ-3-хъ, что смотрѣли на него не какъ на простой бой, а какъ на испытаніе, что съ нимъ была связана религіозная идея. Богъ прямо вступался въ него и посылалъ побѣду тому или другому лицу; а Богъ былъ слишкомъ справедливъ для того, чтобы даровать побѣду виновному, и онъ явно обнаруживалъ поэтому, на чьей сторонѣ находилось истинное право. Потому-то и

[1] *Fredegarii* Chronicon, 51: „Liberare poteras de blasphemio causam hanc; iube illum hominem armare... et procedat alius... Iudicium Dei his duobus confligentibus cognoscatur, utrum huius culpae regina sit innocens an culpabilis".

[2] *Vita Austregisili*, c. 3, Mabillon, Acta SS. II, 96.—Другой примѣръ см. въ *Miracula S. Benedicti*, I, 25.

судьи, присутствуя на поединкѣ, безъ всякихъ колебаній по совѣсти рѣшали дѣло въ благопріятномъ смыслѣ для побѣдителя и безжалостно наказывали побѣжденнаго. Поединокъ съ сопровождавшими его обрядами былъ судомъ Божіимъ такъ же, какъ испытаніе посредствомъ кипящей воды и какъ присяга.

Мы не должны оцѣнивать этотъ судебный порядокъ съ точки зрѣнія нравственности; мы не должны, руководствуясь современными нашими понятіями, разсуждать, былъ ли онъ разуменъ и давалъ ли достаточно гарантій для отысканія истины и возстановленія права. Историкъ долженъ разслѣдовать истинный характеръ фактовъ прошлаго и связанныхъ съ ними представленій; онъ можетъ только засвидѣтельствовать здѣсь, что все это судопроизводство было въ согласіи съ вѣрованіями и привычками людей данной эпохи [1].

[1] Обычай судебнаго поединка и значеніе этого обычая нигдѣ не выяснены лучше, чѣмъ въ Правдахъ Аламанновъ и Баваровъ. Если два свидѣтеля даютъ противоположныя показанія, „пусть прибѣгнутъ къ суду Божьему, чтобы оба они помѣрялись въ бою; и кому Богъ даруетъ побѣду, показаніямъ того человѣка и слѣдуетъ вѣрить“ (*Lex Baiuwariorum*, II, 2). При обвиненіи въ кражѣ быка, обвиняемый долженъ оправдаться посредствомъ присяги, или же, «должны будутъ сразиться два бойца, и выиграетъ свое дѣло тотъ, кому Богъ пошлетъ силы“ (*Ibidem*, VIII, 2, 6, ed. Pertz, IX, 2). Два человѣка спорятъ изъ-за владѣнія одною и тою же землею, „они идутъ на поединокъ, и судъ надъ ними принадлежитъ Богу“ (*Ibidem*, XVII, 2, ed. Pertz, XVIII). Двѣ семьи спорятъ о границахъ своихъ владѣній, и у графа, который судитъ, нѣтъ въ рукахъ никакихъ данныхъ для опредѣленія правды; тогда обѣ стороны условливаются въ присутствіи графа сразиться въ такой-то опредѣленный день; когда день этотъ насталъ, обѣ стороны, съ мечомъ въ рукѣ, „взяли въ свидѣтели создателя Бога, съ тѣмъ, чтобы онъ тому даровалъ побѣду, чье дѣло самое правое“. Оспариваемая земля присуждена была побѣдителю, а побѣжденный приговоренъ къ штрафу (*Lex Alamannorum*, 87).

5.

Система наказаній.

Въ многочисленныхъ и совершенно ясныхъ документахъ мы находимъ указаніе на то, что въ юстиціи франкскаго государства примѣнялась и смертная казнь, и другія тѣлесныя (аффликтивныя) наказанія. Прежде всего у насъ есть цѣлая серія законодательныхъ актовъ нѣсколькихъ видовъ, затѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ фактовъ, переданныхъ писателями того времени.

Отъ перваго поколѣнія послѣ Хлодовеха до насъ дошелъ посвященный уголовному праву капитулярій, состоящій изъ восемнадцати статей [1]. Въ немъ можно прочитать слѣдующее: «Мы постановляемъ, что если кто-либо будетъ уличенъ въ кражѣ съ оружіемъ въ рукахъ, онъ будетъ наказанъ за это смертной казнью» [2]. Немного дальше находимъ: «Разбойникъ..

[1] Это *Pactus pro tenore pacis* Хильдеберта I и Хлотара I. Помѣщенъ онъ въ концѣ Салической Правды, въ рукописяхъ Вольфенбюттельской и Мюнхенской и въ Парижскихъ рукописяхъ 4404 и 4628а; *Pertz*, I, 7; *Behrend*, 101, *Boretius*, 3.

[2] *Ibidem*, с. 1: „Id ergo decretum est (Мюнхенская рукопись „Apud nos maioresque natu Francorum palatii“), ut apud quemcunque latrocinius comprobatur, vitae incurrat periculum“.—*Vitae periculum incurrere* было выраженіемъ, употреблявшимся въ тѣ времена для обозначенія смертной казни: см. *Decretio Cildeberti*, 4: „Vitae periculo feriatur... eum iudex occidat“.— *Turonenses*, 32: „Ut pro hac culpa vitae periculum incurrissent

будетъ лишенъ жизни»[1]. Еще ниже сказано: «Воръ, въ домѣ котораго найденъ будетъ украденный предметъ, искупитъ содѣланное преступленіе цѣною своей жизни»[2]. Въ слѣдующемъ поколѣніи одинъ указъ Хильпериха, не высказывая формально того, что государственная власть будетъ примѣнять смертную казнь, объявляетъ, что «преступникъ будетъ поставленъ внѣ законовъ и его безнаказанно можно будетъ убить[3]». Указъ Хильдеберта II выражается яснѣе. Онъ наказываетъ смертью за грабежъ и похищеніе и повелѣваетъ своимъ графамъ казнить грабителя[4]. То же наказаніе назначаетъ онъ и за человѣкоубійство, «потому что человѣкъ, который сумѣлъ убить, долженъ умѣть и умереть»[5]. Смертью наказывалось и воровство[6]. Обязанностью королевскаго чиновника было

vel (et) sententiam mortis excepissent". *Marculf.* II, 18: „Vitae periculum incurrere potueras".

[1] *Ibidem*, c. 2: „Latro... vita carebit".

[2] *Ibidem*, c. 10: „Si quis in alterius domum ubi clavis est furtum invenerit, dominus domus de vita componat".

[3] *Edictum Chilperici*, 10: „Si fuerit malus homo, qui male in pago faciat... ipsum mittemus foras nostro sermone, ut quicunque eum invenerit interficiat".—Рѣчь идетъ здѣсь о преступникѣ, котораго не могли задержать, и котораго заочно судили на королевскомъ судѣ.

[4] *Decretio Cildeberti*, 4: „Quicumque praesumpserit raptum facere, vitae periculum feriatur... Iudex raptorem occidat".

[5] *Ibidem*, 5: „De homicidiis ita iussimus observari, ut quicunque alium sine causa (безъ законнаго основанія) occiderit, vitae periculo feriatur... quia iustum est, ut qui iniuste novit occidere discat iuste mori".

[6] *Ibidem*, 7: „De furibus et malefactoribus ita decrevimus observare, ut... quomodo sine lege involavit, sine lege moriatur".—*Iudex*, выпустившій вора, карается тѣмъ же наказаніемъ, *vitam amittat*.

отыскать преступника, задержать его въ его жилищѣ и казнить повѣшеніемъ.

Салическая Правда даетъ поводъ къ возникновѣнію страннаго недоразумѣнія. Такъ какъ она представляетъ собою въ главной части ея содержанія списокъ выкупныхъ тарифовъ, то, если читать ее одну, какъ будто бы она являлась единственнымъ историческимъ документомъ того времени, то можно вывести мнѣніе, что вира—выкупъ или штрафъ была естественною формою уголовной кары той эпохи. Но надо обратить вниманіе на то, что Салическая Правда не можетъ быть названа полнымъ сводомъ господствующихъ правовыхъ установленій. Она далеко не содержитъ въ себѣ всего дѣйствовавшаго законодательства Франковъ. Изъ того, что въ этомъ сводѣ не говорится почти ни о чемъ другомъ, кромѣ виръ или композицій, мы не вправѣ заключить, что наряду съ денежными пенями не существовало тѣлесныхъ наказаній и особенно смертной казни. Скажемъ больше того. Если прочитать ее съ нѣкоторой тщательностью, нельзя не замѣтить, что смертная казнь указана въ ея текстѣ нѣсколько разъ, особенно въ болѣе древнихъ чтеніяхъ. Парижская рукопись № 4404 и Лейденская рукопись содержатъ одну статью, кото-

[1] *Ibidem*, 8: „Ut iudex, criminosum latronem ut audierit ad casam suam ambulet et ipsum ligare faciat, ita ut... in loco pendatur". Законодатель дѣлаетъ оговорку по отношенію къ преступнику, если онъ не былъ *debilior persona*, а былъ *francus*, т. е. человѣкомъ высокаго положенія; iudex не долженъ былъ приговаривать послѣдняго къ повѣшенію; его слѣдовало представить на королевскій судъ. Но это не значитъ, что король непремѣнно даровалъ ему жизнь; мы увидимъ дальше, что королевскій судъ произносилъ смертные приговоры.

рая наказывала смертью тѣхъ, кто способствовалъ похищенію молодой дѣвушки — *morte damnentur*[1]. Другая статья ясно обнаруживаетъ, что смертная казнь черезъ повѣшеніе, дѣствительно, примѣнялась, такъ какъ она наказываетъ того, кто безъ разрѣшенія графа сниметъ тѣло съ висѣлицы или съ дерева, на которомъ оно висѣло[2]. Одна рукопись содержитъ постановленіе, въ силу котораго виновникъ преступленія «не долженъ больше жить среди людей»[3]. Въ другой еще статьѣ смертная казнь назначена для того, кто арестовалъ и несправедливо осудилъ человѣка[4]. Въ другихъ текстахъ говорится, что есть преступленія, «за которыя виновные должны умереть»[5]. Наконецъ, два параграфа, имѣющіеся во всѣхъ рукописяхъ, отмѣчаютъ какъ особый видъ кары,—лишеніе покровительства законовъ съ конфискаціею всего имущества; наказаніе это, постановлявшееся въ случаѣ неявки на судъ, очень похоже на смертную казнь, такъ какъ Правда добавляетъ, что никто не

[1] Парижская рукопись 4404, tit. 70, fol. 195; Лейденская рукопись, Vossianus, 119, изданная Holder'омъ, стр. 42.

[2] Рукопись 4404, ст. 67: „Si quis hominem extra consilium iudicis de furca abaterit aut de ramum ubi incrocatur, solidos 30."— Ст. 68: „Si quis hominem vivum de furca abattere praesumpserit, solidos 100".

[3] Рукописи парижская 4418 cm. и 17, и варшавская (изд. Hube, ст. 14): „Parentes defuncti iudicem rogare debent, ut inter homines non habitet auctor sceleris".—Ср. рукопись изъ Монпелье 135, Pardessus, текстъ 4-й, стр. 126.

[4] *Pardessus*, текстъ 3-й, стр. 91, XXXII, 5: „Si quis ligatum aut per superbiam aut per virtutem ad graphionem tulerit, de vita sua redimat".

[5] *Lex Salica*, XVIII, 2: „Crimen propter quod mori debuisset" если виновность была доказана); ср. *Hessels*, col. 106—107.

долженъ будетъ принимать у себя виновнаго, или кормить его[1].

До сихъ поръ удалось подмѣтить только косвенные признаки[2], но можно указать и болѣе опредѣленные. Въ 58-й главѣ сказано, что, если виновный, приговоренный къ уплатѣ выкупа, не обладаетъ достаточнымъ имуществомъ для того, чтобы цѣликомъ уплатить его, «онъ заплатитъ своею жизнью», то-есть, будетъ преданъ смерти[3]. Мы должны обратить вниманіе на то, что пеня за убійство опредѣлялась въ 200, 600 или 1800 солидовъ, смотря по положенію потерпѣвшаго. Выкупъ за убійство женщины также колебался между 200, 300, 600 и 700 солидами. А такъ какъ солиды эти были золотыя монеты, каждая изъ которыхъ стоила 40 динаріевъ серебромъ,

[1] *Ibidem*, LV, 2: „Wargus sit usque in die illa, ut illi inter homines liceat accedere".—LVI, 2: „Quicunque eum aut paverit aut hospitalitatem dederit, etiam si uxor sua fuerit, solidos 15 culpabilis iudicetur".

[2] Салическія Правда упоминаетъ еще смертную казнь, которой могли подвергаться или чиновники короля (L, 5), или рабы (XIII, 7).

[3] *Lex Salica*, SVIII, 1, 2: „Si quis hominem occiderit et tota facultate data non habuerit unde totam legem compleat (слово *lex*, здѣсь, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ, обозначаетъ сумму, опредѣленную въ видѣ выкупа)... Tunc ille, qui eum sub fide habuit (то-есть, противная сторона, выигравшая дѣло противъ убійцы, которой онъ обязался уплатить выкупъ) in mallo praesentare debet... per quatuor mallos... Et si eum (убійцу) nullus in compositione ad fidem tulerit, hoc est ut redimant tunc de sua vita componat".—Ср. *Pactus pro tenore pacis*, 2: „Si facultas deest, tribus mallis parentibus offeratur, et si non redimitur, vita carebit".— Смыслъ этого выкупа хорошо объясненъ въ разсказѣ Григорія Турскаго (VI, 36): „Ut aut esset, qui redimiret, aut morti addiceretur obnoxius".

то можно вычислить, что на нынѣшнія деньги пени равнялись 25, 75 и даже 225 тысячамъ франковъ. Ясно, что большая часть людей, совершавшихъ убійства, не обладали такимъ значительнымъ состояніемъ. Предположимъ, что современный законъ установлялъ бы, что убійца долженъ уплатить 60000 франковъ или быть наказаннымъ смертью; можно быть увѣреннымъ, что денежная пеня примѣнялась бы рѣже, чѣмъ смертная казнь. Мы должны хорошо помнить, что въ каждой изъ статей Салической Правды, въ которыхъ сумма штрафа назначается такая высокая, подразумѣвается, что замѣною его должна была явиться смерть. Составитель нашего свода, кто бы онъ ни былъ и къ какой бы эпохѣ ни принадлежалъ, имѣлъ ввиду установить главнымъ образомъ тарифъ пеней; но онъ не намѣревался тѣмъ самымъ отмѣнить смертную казнь; онъ какъ бы оставлялъ ее позади каждой изъ этихъ суммъ.

Между указами королей, опредѣленно назначавшими смерть какъ наказаніе за человѣкоубійство и даже за кражу, и Салической Правдой, опредѣлявшей за тѣ же преступленія денежныя пени,—противорѣчія нѣтъ. Въ первыхъ мы открываемъ одну сторону истины, во вторыхъ—другую. Эти королевскіе указы и Салическая Правда одинаково примѣнялись въ продолженіе всей меровингской эпохи. Поэтому мы и находимъ ихъ въ однихъ и тѣхъ же рукописныхъ кодексахъ, помѣщенными одни за другими въ *libri legales*, которые заготовлялись изъ поколѣнія въ поколѣніе для пользованія судей, адвокатовъ и тяжущихся. Они легко согласовались между собою, потому что смертная казнь и штрафъ поперемѣнно назначались на судахъ.

Въ сводѣ, составленномъ королемъ Бургундовъ для нуждъ этого, совсѣмъ смежнаго еще съ Германіей племени, преобладаетъ смертная казнь. Она произносилась за убійство [1], похищеніе, прелюбодѣяніе, за вооруженный разбой [2], кражу со взломомъ, за конокрадство [3], и все это устанавливается безъ всякаго различія расъ: Бургундъ наказывался смертью такъ же, какъ Римлянинъ [4], и убійство римскаго купца каралось такъ же, какъ бургундскаго [5].

Не могу предположить, чтобы постановленія эти были внушены бургундскому законодателю Гундебальду христіанской церковью, прежде всего потому, что католическое и римское духовенство мало могло вліять на государя-аріанина, а затѣмъ потому, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, христіанская церковь очень

[1] *Lex Burgundionum*, II, 1: „Si quis hominem... occidere praesumserit, non aliter admissum crimen quam sanguinis sui effusione componat".

[2] *Ibidem*, LII, in fine: „Capitis amissione plectantur"; LXVIII: „Si adulterantes inventi fuerint, vir occidatur et femina"; XXIX, 1: „Si quis latrocinii scelere... occiderit, occidatur". — Смертная казнь назначалась также свободной молодой дѣвушкѣ, которая вступила въ брачныя отношенія съ рабомъ (XXXV, 2); жена, покинувшая своего мужа, потоплялась въ грязи (XXXIV).

[3] *Ibidem*, XXIX, 2: „Effractores omnes, qui aut domus aut scrinia exspoliant, iubemus occidi"; IV, 1: „Quicumque mancipium, caballum, bovem furto auferre praesumpserit, occidatur".—XLVII-ая глава особенно строго караетъ за кражу лошадей и быковъ. Жена обязана была выдавать мужа, а если не дѣлала этого, то обращалась въ рабство (marito occiso).

[4] *Ibidem*, IV, 1: „Tam Burgundio quam Romanus occidatur"; XLVII: „Tam barbarus quam Romanus".

[5] *Ibidem*, XXIX, 1: „Si quis negotiatorem occiderit, occidatur". Cp. II, 1: „Si quis homnem ingenuum cuiuslibet nationis occiderit", X, 1: „Burgundio et Romanus una conditione teneantur".

враждебно относилась къ смертной казни. Вмѣсто того, чтобы добиваться введенія ее въ своды, она, наоборотъ, работала надъ тѣмъ, чтобы изъять ее изъ нихъ. Неправильно, значитъ, утверждать, какъ это дѣлали нѣкоторые ученые, что римское и христіанское вліянія ввели смертную казнь въ Бургундскую Правду.

Рипуарская Правда говоритъ о смертной казни не болѣе, чѣмъ Салическая. Она занимается лишь установленіемъ размѣровъ пеней и числа сприсяжниковъ. Но изъ того обстоятельства, что составители этого свода имѣли ввиду только два указанные предмета, не слѣдуетъ еще, чтобы они отрицали существованіе смертной казни. Они по необходимости указываютъ на нее не только тогда, когда рѣчь идетъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ противъ короля [1], но неизбѣжно и помимо намѣренія редактора намекаютъ на нее и въ такихъ случаяхъ, когда говорятъ, напримѣръ, что законъ не требуетъ конфискаціи имущества преступника, «повѣшеннаго королевскимъ судомъ» или даже подвергнутаго казни «на всякой другой висѣлицѣ», и что имущество его переходитъ къ его наслѣдникамъ [2]. Вотъ, напримѣръ, передъ вами виновный, у котораго было имущество, который могъ бы уплатить пеню, но котораго королевскій или графскій судъ приговорили однако къ повѣшенію. Смертная казнь, стало быть, существуетъ, хотя Рипуарская Правда говоритъ о ней рѣдко и только урывками.

[1] *Lex Ripuaria*, LX, 6: „Si testamentum regis absque contrario testamento falsum clamaverit, non aliunde quam de vita componat“.— LXIX: „Regi infidelis de vita componat“.

[2] *Ibidem*, LXXIX: „Si quis homo propter furtum in iudicio principis pendutus fuerit vel in quolibet patibulo vitam finierit, omnes res eius heredes possideant“.— *In quolibet patibulo* обозначаетъ висѣлицы провинціальныхъ судей, графовъ.

Наши судебныя формулы не касаются смертной казни, и причина этого усматривается вполнѣ ясно. Смертная казнь не служила поводомъ для составленія какого-нибудь письменнаго акта, тогда какъ каждая выкупная сдѣлка вызывала необходимость въ составленіи акта, называемаго *securitas*. Вотъ почему существуетъ столько формулъ, касающихся штрафовъ, и не сохранилось ни одной, указывающей на смертную казнь. Есть, впрочемъ, одна *securitas*, ясно намекающая на смертную казнь. Она находится въ сборникѣ Маркульфа, то-есть, возникла въ области Парижа. Представитель интересовъ убитаго, обращаясь къ убійцѣ, выражается слѣдующимъ образомъ: «Ты убилъ моего брата и за это могъ бы быть преданъ смерти [1], но нижеподписавшіяся лица ходатайствовали о томъ, чтобы ты не былъ убитъ и побудили насъ войти въ сдѣлку» [2]. Произносились, значитъ, судебные приговоры, по которымъ смертная казнь не опредѣлялась, но которые признавали однако, что, если бы не ходатайство, она могла быть и была бы постановлена, что она допускалась закономъ.

[1] *Marculf*. II, 18: „Securitas pro homicidio. Dum, instigante adversario (это врагъ рода человѣческаго, дьяволъ, подстрекатель во всѣхъ преступленіяхъ), germanum nostrum visus es interfecisse (*germanus* было самымъ употребительнымъ словомъ для обозначенія брата; *frater* употреблялось скорѣе на языкѣ духовенства и еще въ нравственномъ смыслѣ) et ob hoc vitae periculum incurrere potueras“.

[2] *Ibidem*: „Sed intervenientes sacerdotes et magnifici viri, quorum nomina subter tenentur adnexa, nos ad pacis concordiam visi sunt revocasse ita ut...“ *Turonenses*, 32: „Sed, intervenientibus qonis hominibus, ita convenit ut“.

Перейдемъ теперь къ реальнымъ фактамъ и практическимъ случаямъ. Писатели того времени, хроникеры или агіографы, не походятъ на профессіональныхъ историковъ, которые передавали бы событія отвлеченно и въ общемъ видѣ; они были простыми разсказчиками. Имъ нравится сообщать о самыхъ мелкихъ фактахъ и детально описывать ихъ, а эти-то подробности всего лучше освѣщаютъ событія. Мы много разъ читаемъ у этихъ авторовъ, что королевскій судъ и суды графовъ произносили смертные приговоры.

Мы же видѣли, напримѣръ, что крупный сановникъ, по имени Хундонъ, былъ преданъ смерти по приказанію короля Гунтрамна за простое преступленіе противъ права охоты, и что приговоръ былъ произнесенъ совершенно правильно на судѣ, публично, на виду у многихъ Франковъ, причемъ не поднялось никакого протеста. А вотъ и другой, одинаково выразительный разсказъ. Дѣло происходило въ Австразіи. Обвинялись два дворцовыхъ вельможи, Суннегизилъ и Галломагнъ; ихъ разыскивали для того, чтобы арестовать, а они укрылись въ одной церкви. Религія же воспрещала извлекать изъ священнаго убѣжища преступника иначе, какъ подъ условіемъ дарованія ему жизни. Король самъ отправился въ церковь и сказалъ обоимъ: «Выйдите изъ этого мѣста и явитесь на судъ для того, чтобы мы разобрали правду въ приписываемыхъ вамъ поступкахъ. Жизнь ваша будетъ неприкосновенна даже тогда, если вы будете признаны виновными, такъ какъ мы—христіане, и такъ какъ наказывать тѣхъ, кто укрылся въ церкви, противно религіи» [1]. Вотъ слова, явно доказывающія,

[1] *Greg.* IX, 38: „Sunnegisilum comitem stabuli et Gallomagnum

что король могъ предавать смерти преступника, и, если онъ не дѣлаетъ этого здѣсь, то единственно потому, что оба виновника укрылись въ церкви; онъ не приговариваетъ къ смерти «потому, что онъ христіанинъ». Оба обвиняемые вышли изъ своего убѣжища и явились на судъ короля, который самъ допросилъ ихъ. Какъ только они догадались, что приговоръ будетъ неблагопріятнымъ для нихъ, они снова вернулись въ церковь, для того, вѣроятно, чтобы быть увѣреннѣе въ томъ, что король сдержитъ данное имъ относительно ихъ жизни обѣщаніе. Дѣйствительно, король приговорилъ ихъ только къ конфискаціи ихъ имущества и заключенію [1].

Другой разъ на судѣ короля явились два Франка знатной фамиліи, два сына Ваддона, совершившіе нѣсколько убійствъ. «Какъ только виновность ихъ была доказана, король велѣлъ заковать ихъ въ цѣпи. Судъ приговорилъ старшаго къ смерти, другого къ заключенію» [2]. Отмѣтимъ, что люди эти обладали большими богатствами; они въ состояніи были запла-

referendarium... Inquiruntur et ipsi, sed conscientia terrente, latebram infra ecclesiarum saepta petiere. Ad quos rex ipse procedens: Egredimini in iudicium, ut cognoscamus de his quae, vobis obiciuntur, si vera sint an falsa... Promissionem habete de vita, etiamsi culpabiles inveniamini; christiani enim sumus; nefas est vel criminosos ab ecclesia eductos punire“.

[1] „Tunc educti foras, cum rege (coram rege) venerunt in iudicium... Iterum ecclesiam petierunt... In exsilium retruduntur“. — Слово *exilium* значило на меровингскомъ языкѣ заключеніе, Ср. *Fredegar.* Chron. 51: „Eam in unam turrem exilio tradit“.

[2] *Gregor.* X, 21: „Cum rex haec scelera ab iis cognovisset manifestissime perpetrata, vinciri eos catenis praecepit ac tormentis subdi... Seniore capitis plexo, iuniorem exsilio damnaverunt“.

тить назначенныя въ Салической Правдѣ за убійство суммы[1]; о выкупѣ однако не было и рѣчи.

Григорій Турскій передаетъ исторію Храмнизинда, который, убивъ Сихарія, бѣжитъ въ церковь, гдѣ находился король, и, бросившись къ его ногамъ, говоритъ ему: «Молю тебя, помилуй мою жизнь, славный король; человѣкъ, котораго я убилъ, убилъ моихъ родителей»[2]. Можно ли слова эти понять какъ-нибудь иначе, чѣмъ въ томъ смыслѣ, что убійца подвергался смертной казни, если король не соглашался даровать ему жизнь? Королевскій судъ помиловалъ его дѣйствительно, но подъ тѣмъ условіемъ, «чтобы Храмнизиндъ доказалъ, что убійство совершено было въ состояніи законной самозащиты»[3]. Итакъ, вотъ еще приговоръ, на которомъ могла быть постановлена смертная казнь, и, если судьи не постановили ея, то только потому, что сослались на сопровождавшія убійство смягчающія обстоятельства. Имущество же Храмнизинда было конфисковано.

Все это заставляетъ думать, что смертные приговоры произносились нерѣдко въ королевскомъ судѣ. Современный писатель, составлявшій житіе св. Раде-

[1] *Ibidem*: „Thesauros patris absconditos revelaverunt... Directi viri ad inquirendum immensam multitudinem auri argentique repererunt".

[2] *Ibidem*, IX, 19: „Ad regem pergit; ingressus ecclesiam, ad pedes prosternitur regis, dicens: vitam peto, o gloriose rex, eo quod occiderim homines, qui parentibus meis interfectis..."

[3] *Ibidem*, IX, 19, in fine: „Chramnisindus iterum ad regem abiit, iudicatumque est ei, ut convinceret super se eum interfecisse, quod ita fecit".—О значеніи слова *super* въ выраженіи *super se* см. *Turonenses*, 30. Super se, то же, что „super se adsalientem, super se inruentem", которое встрѣчается въ другихъ текстахъ; онъ убилъ его, когда тотъ шелъ противъ него, нападалъ на него.

гунды, говоритъ, что каждый разъ, когда преступникъ приговаривался королемъ къ смерти, «какъ это часто случалось», добрая святая вымаливала ему прощеніе[1].

Въ слѣдующемъ вѣкѣ, Фредегарій—и агіографы упоминаютъ объ осужденіяхъ на смерть, постановленныхъ на судѣ королемъ[2]. Составитель житія Элигія говоритъ, что святой этотъ поставилъ себѣ задачей предавать погребенію всѣхъ тѣхъ, кого королевская строгость приговаривала къ висѣлицѣ[3]; можно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ говорится главнымъ образомъ объ Австразіи[4]. Авторъ житія святого Арнульфа разсказываетъ о преступникѣ, по имени Ноддонѣ: «онъ былъ арестованъ, и королевскій мечъ положилъ конецъ его преступленіямъ и жизни»[5].

Есть нѣкоторыя основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы суды графовъ отличались такою же строгостью. Но несомнѣнно, что и они произносили иногда смертные приговоры. Григорій Турскій изображаетъ, какъ одинъ графъ присуждаетъ виновнаго къ тюрьмѣ и

[1] *Fortunat.* Vita Radegundis, II, 10: „Si quis pro culpa criminali, ut assolet, a rege deputabatur interfici, Radegundis... ne designatus reus moreretur in gladio".

[2] *Fredegarii* Chronicon, 21, 28, 43, 54, 58.

[3] *Vita Eligii*, I, 31: „Eligius hoc apud regem obtinuerat, ut omnia humana corpora, quae regis severitate diversis ex causis perimebantur, licentiam haberet sepelire". Ср. одну статью Салической Правды (*Behrend*, 89), запрещающую снимать съ висѣлицы повѣшеннаго безъ разрѣшенія iudex.

[4] *Ibidem.*—Въ этомъ разсказѣ святому указываютъ на человѣка, привязаннаго къ висѣлицѣ близъ Страсбурга.

[5] *Vita Arnulfi*, 13, Mabillon, Acta Ss. II, 153: „Noddo deprehensus est, et scelera illius una cum vita regalis gladius amputavit".

къ кандаламъ[1]; другой предписываетъ вести преступника на висѣлицу[2]. У него рисуется человѣкъ, укравшій лошадь; графъ области Вермандуа постановляетъ ему смертный приговоръ[3]. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ, что одинъ человѣкъ убилъ другого; графъ Ліонской области приказываетъ арестовать убійцу и говоритъ: «Тотъ, кто убилъ, заслуживаетъ смерти»[4]. Почти нѣтъ житій святыхъ, относящихся къ той эпохѣ, въ которыхъ не приходилось бы читать, что святой просилъ о помилованіи приговоренныхъ къ смерти. Составитель житія Колумбана рисуетъ намъ въ городѣ Безансонѣ тюрьму, полную осужденныхъ, «ожидающихъ дня казни»[5]. Элигій, получивъ отъ короля разрѣшеніе погребать казненныхъ, не дѣлалъ различія между тѣми, кто былъ казненъ «по строгости короля», и тѣми, кто потерялъ жизнь «по приговорамъ графовъ»; онъ шелъ «черезъ города и селе-

[1] *Gregor.* Miracula Martini, IV, 16: „Eum in vincula compactum iussit iudex retrudi in custodia". IV, 39: „Cum culpabiles quosdam, iudicis sententia carcerali ergastulo conclusisset". Другой примѣръ *ibid.* I, 21.

[2] *Gregor.* De gloria confessorum, 101: „Comes, fure invento... patibulo condemnari praecepit".

[3] *Gregor.* De gloria martyrum, 73 (72): „Apprehensus et in vincula compactus... patibulo diiudicatur".

[4] *Gregor.* Vitae patrum, VII, 7: „Quod cum iudex loci illius comperisset, vinctum virum in carcerem retrudi praecepit, dicens: Dignus est letho hic scelestus occumbere, qui..." Другой примѣръ см. e *Greg.* Hist. VI, 8: „Patibulo condemnatur".—*Vita Anstrudis*, 25, Mabillon, Acta ss. II, 981: „Reus quidam ligatus ducebatur ad necem". — *Vita Amandi*, 13: «Fur affixus patibulo est".

[5] *Vita Columbani*, 34: „Carcerem plenum damnatorum hominum mortis poenam exspectantium".—То же самое въ *Vita Lupi Cabill. episc.* 7: „Qui in custedia interficiendi servabantur".

нія», всюду, гдѣ возвышались «висѣлицы, колеса, орудія казни»[1].

При наличности столькихъ фактовъ надо допустить, что смертная казнь посредствомъ меча, висѣлицы или колеса, а также заключеніе въ тюрьму часто и законнымъ образомъ примѣнялись на судахъ меровингской эпохи, и что эти наказанія налагались такъ же на людей франкской расы, какъ на Римлянъ. Обычай мировыхъ сдѣлокъ или выкупа, который мы сейчасъ подвергнемъ изслѣдованію, не исключалъ существованія настоящихъ карательныхъ мѣръ[2].

---

[1] *Vita Eliii*, I, 31: „Humana corpora, quae vel regis severitate vel iudicum censura perimebantur, ubicunque invenire potuisset, sive per civitates, sive per villas, licentiam habebat et de bargis et de rotis et de laqueis deposita sepelire".—Ср. с. 45: „Cum vir quidam nexibus constrictus ad supplicium duceretur".

[2] Мнѣніе, что у Германцевъ практиковался, какъ форма наказанія, только выкупъ, очень распространено въ наукѣ. Говорить это, значитъ утверждать только одну половину истины и опускать другую. Т а ц и т ъ одновременно показываетъ намъ и наказанія, и выкупы, то-есть, мировыя сдѣлки. Онъ настолько ясно различаетъ первыя отъ вторыхъ, что посвящаетъ обоимъ особое мѣсто: о первыхъ говоритъ въ XII главѣ, о вторыхъ въ XXI. Первыя постановлялись государственной властью, среди нихъ упоминается и смертная казнь, и штрафъ; вторыя являлись простыми сдѣлками между семьями, и Тацитъ не говоритъ, чтобы государственная власть въ нихъ вмѣшивалась. Предполагали также, что обычаемъ Германцевъ было наказывать за тѣ только преступленія, которыя касались государства; но это — чистѣйшая гипотеза; Тацитъ ни слова не говоритъ объ этомъ; нѣсколько подробностей его двѣнадцатой главы даже опровергаютъ такой взглядъ. Ср. нашу книгу—„Recherches sur quelques problèmes d'histoire."

6.

Вира (Compositio).

Мы подошли теперь къ такъ называемой *compositio*; этотъ обычай сначала вызываетъ удивленіе въ современныхъ умахъ; мы должны попытаться понять его такъ, какъ понимали древнія поколѣнія людей, среди которыхъ онъ сложился. Слишкомъ поспѣшно рѣшили, что «композиція» — вира[1] была формою наказанія за преступленія, присущею германскимъ племенамъ, что она являлась штрафомъ, денежною пенею. Скороспѣлыя мнѣнія всегда рискуютъ оказаться поверхностными, даже неточными. Чтобы уразумѣть сущность композиціи, надобно изслѣдовать вопросъ не путемъ отвлеченныхъ разсужденій или усиліемъ воображенія, а тщательнымъ разборомъ всѣхъ документовъ, въ которыхъ о ней говорится, и внимательнымъ наблюденіемъ всей обстановки, въ которой она примѣнялась. Такимъ только образомъ откроется нѣкоторая возможность подмѣтить опредѣленные признаки природы этого института. Нужно при этомъ сказать, что предметъ представляется легкимъ лишь тѣмъ, кто мало изучалъ его.

Если мы разсмотримъ прежде всего Салическую Правду, то увидимъ, что въ ней композиція—вира представляется намъ въ слѣдующей сжатой и отвлеченной формѣ: «Убившій свободнаго человѣка присужденъ будетъ къ восьми тысячамъ динаріевъ серебромъ, составляющихъ двѣсти солидовъ»[1]. Судя по статьямъ, подобнымъ настоящей, можно было бы сказать, что рѣчь идетъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ о наказаніи за совершенное преступленіе. Но дальнѣйшія наблюденія измѣняютъ такой первый выводъ. Мы видимъ, напримѣръ, что композиція назначалась тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста ни преступленію, ни проступку, «Если домашнее животное причинило смерть человѣку, то хозяинъ этого животнаго долженъ уплатить половину композиціи, а вмѣсто другой половины отдать животное»[2]. Отсюда ясно, что композиція была не наказаніемъ, а вознагражденіемъ, возмѣщеніемъ убытка. Такова первая черта, характеризующая такъ называемую «композицію».

Дальше слѣдуетъ сдѣлать еще другое замѣчаніе. Когда составителю Салической Правды приходится назначать наказаніе аффликтивное, какъ смерть или отсѣченіе члена, онъ тотчасъ же добавляетъ, что разрѣшается откупиться отъ такого наказанія. «Пусть виновный получитъ сто двадцать ударовъ по спинѣ или выкупитъ свою спину тремя золотыми монетами»[3]. Ниже читаемъ: «Пусть онъ будетъ оскопленъ или уплатитъ шесть солидовъ»[4]. Въ другомъ мѣстѣ находимъ:«Виновный будетъ лишенъ жизни или от-

[1] Этотъ терминъ русскаго древняго права соотвѣтствуетъ по значенію латинскому *compositio* въ текстахъ старо-германскаго права. Въ дальнѣйшемъ слово «вира» и будетъ ставиться, какъ переводъ *compositio*, параллельно съ нимъ. *Прим. ред.*

[1] *Lex Salica*, XV:„Si quis hominem occiderit, 8000 dinarios, qui faciunt solidos 200, culpabilis iudicetur".

[2] *Ibidem*, XXXVI: „Si quis homo ex quolibet quadrupede domestico fuerit occisus, medietatem compositionis dominus quadrupedis cogarur exsolvere. Quadrupedem pro alia medietate requirenti restituat". Ср. *Lex Ripuaria*, XLVI.

[3] *Ibidem*, XII, 1 (Вольфенбюттельская рукопись): „Solidos tres pro dorso suo reddat".

[4] *Ibidem*, XII, 2: „Aut castretur, aut sex solidos reddat".

купится сообразно съ цѣной, которую самъ стоитъ» [1]. «Пусть виновный или выкупитъ себя, или заплатитъ своею жизнью» [2]. Въ другомъ еще мѣстѣ повторяется: «Пусть онъ выкупитъ свою руку шестью солидами». [3] Точно такъ же въ Рипуарской Правдѣ человѣкъ, написавшій подложную грамоту, котораго законъ наказываетъ потерею большого пальца на правой рукѣ, «можетъ выкупить свой палецъ за пятьдесятъ солидовъ» [4].

Приговоренный къ смерти могъ выкупить себя самъ; его могли также выкупить его родичи и даже посторонній человѣкъ; [5] только тотъ, кто выкупилъ его, имѣлъ право сдѣлать его своимъ рабомъ. Тогда составлялся актъ о вступленіи въ рабство, формула котораго у насъ сохранилась: «Такъ какъ по внушенію дьявола и собственной своей слабости я совершилъ большое преступленіе, чѣмъ навлекъ на себя смертный приговоръ, и такъ какъ доброта ваша выкупила меня отъ смерти, къ которой я былъ уже присужденъ, и за преступленія мои вы заплатили большія деньги, которыя я не могу вернуть вамъ, то я вручаю вамъ мое состояніе свободнаго человѣка и дѣлаюсь вашимъ рабомъ» [6]. Такимъ образомъ композиція здѣсь обнаруживается какъ выкупъ, но не за совершенное преступленіе, а за заслуженное наказаніе, не выкупомъ за жизнь убитаго, потерпѣвшаго, а выкупомъ за жизнь самаго преступника. Именно такъ и постановляетъ Аламанская Правда: виновный долженъ будетъ «или выкупить себя, или потерять жизнь» [1]; Фризская Правда также говоритъ «что виновный будетъ наказанъ смертью или заплатитъ за свою жизнь то, что она стоитъ» [2]. Такова вторая особенность композиціи; одною изъ своихъ сторонъ она является выкупомъ за присужденное наказаніе.

Сумма, которая выплачивалась въ качествѣ композиціи, передавалась не судьямъ или вообще представителямъ государства; она вручалась пострадавшему, его родственникамъ, или наслѣдникамъ. Это составляетъ третью ея отличительную черту. «Если убитъ человѣкъ, оставившій дѣтей, говоритъ Салическая Правда, то половину композиціи получатъ сыновья, другую половину раздѣлятъ между собой остальные родичи съ обѣихъ сторонъ» [3]. Еще нѣ-

[1] *Lex Salica*, L, 5: „De vita culpabilis esse debet aut quantum valet se redimat".

[2] *Ibidem*, LI, 2: „Aut se redimat, aut de vita componat".

[3] *Ibidem*, LIII: „Solidos tres manum suam redimat".

[4] *Lex Ripuaria*, LIX, 3: „Pollex dexter auferatur, aut eum cum 50 solidis redimat".

[5] Таковъ смыслъ LVIII статьи, § 2. Ср. *Pactus pro tenore pacis*, 2: „Si latro redimendi se habet facultatem, se redimat; si facultas deest, „tribus mallis parentibus offeratur; et si non redimitur, vita carebit".

[6] *Marculf.* II, 28: „Dum, instigante adversario... in casus graves cecidi, unde mortis periculum incurrere potueram, sed, dum vestra pietas me iam morte adiudicatum de pecunia vestra redemistis... pro hoc statum ingenuitatis meae vobis visus sum obnoxiasse ita, ut ab hac die de vestro servitio non discedam". — Подобныя формулы встрѣчаются въ сборникѣ *Ande avenses*. 3; въ *Arvernenses*, 5, и въ *Senonicae*, appendix, 6.

[1] *Lex Alamannorum*, 24: „Aut vitam perdat, aut se redimat".

[2] *Lex Frisonum*, additio, I, 3, Perz, 683: „Si quis caballum furaverit, capitali sententia feriatur aut vitam suam pretio redimat."

[3] *Lex Calica*, LXII: „Si cuiuscunque pater occisus fuerit, medietatem compositionis filii colligant, et aliam medietatem parentes, qui proximiores sunt, tam de matre quam de matre, inter se dividant."—Ср. *Additamentum*, 3 (по Вольфенбюттельской рукописи и Парижской 4404): „Si quis hominem ingenuum occiderit, ad

сколько статей того же свода показываютъ, что деньги выплачивались семьѣ виновнымъ прямо безъ посредства государственной власти[1]. Итакъ, по существу композиція была актомъ, совершавшимся скорѣе между двумя семействами, чѣмъ между государствомъ и преступникомъ.

Таковъ именно смыслъ обозначавшаго его слова Это — латинское слово. Оно означаетъ соглашеніе, сдѣлку, уговоръ. Въ немъ не содержится понятія о наказаніи. *Componere litem* говорилось по-латыни во всѣ времена, когда надо было выразить понятіе— уладить споръ, заключить полюбовную сдѣлку, примириться, при участіи или помимо вмѣшательства судьи, но во всякомъ случаѣ безъ формальнаго приговора и за предѣлами уголовной отвѣтственвости[2]. *Componere* значитъ прійти къ соглашенію, заключить мировую при помощи «удовлетворенія», даннаго пострадавшей сторонѣ. *Componere* и *satisfacere* — два почти тожественные термина, которые употреблялись параллельно[3]; въ самомъ дѣлѣ и въ меровингскихъ

parentibus debeat secundum legem componere media compositione, filius habere debet aliam medietatem".

[1] *Ibidem*, LV, 2: „Parentibus componat." См. всю 50 главу, несомнѣнно, имѣющую въ виду тотъ случай, когда человѣкъ условился уплатить выкупъ; противная сторона сама устраивается, какъ можетъ, чтобы получить выкупъ; подъ конецъ ей всетаки разрѣшается обратиться къ графу, чтобы наложить руку на имущество виновнаго.

[2] Говорилось попеременно *componere* и *transigere*. См. *Plin.* Epist. V, I (ед. *Keil*, p. 120). Ср. „Vel iudicio terminato vel transactione composita" въ Дигестахъ, L, 16, 230.—„Componere transactione" (*Consultatio veteris iuriscons.* XI, 6). Ср. „Pactione componere" (*Lex romana Burgund.* IX, 2).

[3] У Тацита мировая сдѣлка и вира называются *satisfactio*.

памятникахъ мы встрѣчаемъ ихъ попарно. Въ оффиціальныхъ актахъ композиція представляется въ слѣдующей формѣ: надо чтобы виновный «componat et satisfaciat» другую сторону[1].

Эта сдѣлка или эта *compositio* между противными сторонами не можетъ быть названа обычаемъ, который составлялъ бы специфическую особенность какой-нибудь эпохи или какого-нибудь племени. Мы встрѣчаемъ ее у всѣхъ древнихъ народовъ[2]. Это не расовая особенность, а особенность соціальнаго порядка, такого именно порядка, когда государственная власть не достаточно сильна для того, чтобы самой наказывать за преступленія. Чѣмъ ближе положеніе общества къ анархіи, тѣмъ меньше преслѣдуетъ государство за преступленія, особенно за тѣ, которыя прямо не касаются его интересовъ; тогда происходитъ одно изъ двухъ: либо родъ самъ мститъ за своего члена, либо онъ входитъ въ соглашеніе съ убійцею, такъ что либо открывается частная война, либо заключается мировая сдѣлка (композиція).

Это то именно и усмотрѣлъ Тацитъ у древнихъ Германцевъ. Въ то время семейные родовые инсти-

См. Germ. 21.—Ср. *Sid. Apoll.* Epist. V, 19; IV, 7: „Compositio seu satisfactio".

[1] *Formulae Turonenses*, 33: „Ille partibus istius componere et satisfacere non recuset".—*Marculf.* I, 37: „Partibus illius componere et satisfacere non recuset".—*Bignonianae*, 27: „Fuit iudicatúm, ut eam causam contra vos componere et satisfacere debeam, hoc est solidos tantos".

[2] Это мы утверждали въ первомъ изданіи перваго тома настоящаго сочиненія (въ 1875 г.), говоря о древнихъ Германцахъ; со времени выхода этой книги на Критѣ открыли Гортинскій законъ, представляющій лишнее доказательство правильности высказанной нами истины.

туты были сильнѣе государственныхъ. Государственная власть рѣдко преслѣдовала за преступленія. Тогда родъ мстилъ за себя самъ, платилъ убійствомъ за убійство или входилъ въ соглашеніе съ убійцей, «который уплачивалъ ему цѣну человѣческой жизни» [1]. Больше всего поразило Тацита то, что сумма эта уплачивалась всему роду сообща. Во франкскихъ законахъ находимъ мы еще нѣкоторые слѣды описаннаго стараго установленія [2].

Композиція или мировая сдѣлка была также извѣстна и Римлянамъ [3], но законодательство ихъ допускало ее лишь въ тѣсныхъ рамкахъ. Въ Дигестахъ именно въ главѣ *de pactis* можно видѣть случаи, когда пострадавшая сторона могла войти въ соглашеніе съ виновнымъ; случаи эти ограничивались кражею, мошенничествомъ, тѣмъ, что называлось въ римскомъ правѣ iniuria и поджогомъ [4]. Перечисленные акты давали поводъ къ уголовному преслѣдованію; но обѣ стороны имѣли право входить въ соглашеніе или для

[1] *Tacit.* Germ. 21: „Nec implacabiles durant inimicitiе; luitur homicidium".

[2] *Ibidem*: „Recipit safisfactionem universa domus". Ср. *Lex Salica*, LXII.

[3] *Paul.* Digest. XLVIII, 16, 6: „Ab accusatione destitit, qui cum adversario suo de compositione eius criminis, quod intendebat fuerit locutus".

[4] *Ibidem*, II, 14, 17: „Quaedam actiones per pactum ipso iure tolluntur: ut iniuriarum, item furti".—*Ulpian.* ibidem, 7, § 13: „Si paciscar ne pro iudicati vel incensarum aedium agatur, hoc pactum valet".—*Iulian.* Digest. III, 2: 1, „Qui furti, vi bonorum raptorum, iniuriarum, de dolo malo et fraude pactus erit". То, что называлось преступленіемъ *iniuria*, было оскорбленіе дѣйствіемъ, удары и пораненія, поврежденія членовъ; см. *Institut.* IV, 4.

того, чтобы предотвратить всякое воздѣйствіе суда, [1] или для того, чтобы гражданскимъ искомъ замѣнить уголовное дѣло [2]. Такая сдѣлка порицалась закономъ, если она совершалась тайно; но она могла быть заключена передъ судьею, подъ его надзоромъ и съ его одобренія. Онъ назначалъ тогда цѣну, которую долженъ былъ заплатить виновникъ преступленія [3]. При «оцѣнкѣ» онъ принималъ во вниманіе соціальное положеніе пострадавшей стороны [4]. Выкупная премія не ставилась одною и тою же, если дѣло касалось сенатора или простого гражданина, вольноотпущенника или его патрона, раба перваго или послѣдняго разряда [5]. Итакъ римскому

[1] „Extingui iniuriarum actionem", *Ulpian.* Digest. XLVII, 10, 7, § 6.

[2] *Institut.* IV, 4, 10: „Sciendum est de omni iniuria eum, qui passus est, posse vel criminaliter agere vel civiliter; si civiliter agatur, aestimatione facta secundum quod dictum est, poena imponitur".

[3] *Diest.* III, 2, 1: „Praetoris verba dicunt: infamia notatur, qui furti, vi bonorum raptorum, iniuriarum, de dolo malo, damnatus pactusve erit".—Ульпіанъ добавляетъ послѣ этого текста: „Pactusve erit: pactum sic accipimus, si cum pretio quantocunque pactus est". Затѣмъ тотъ же юрисконсультъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Qui iussu praetoris, pretio dato, pactus est, non notatur". — Иногда, значитъ, происходило соглашеніе между сторонами передъ судьей и по его приглашенію.

[4] *Institut.* IV, 4: „Secundum gradum dignitatis vitaeque honestatem crescit aut minuitur aestimatio iniuriae".

[5] *Gaius*, III, 224—225: „Permittitur nobis a praetore iniuriam aestimare, et iudex tanti condemnat. Atrox iniuria aestimatur... ex persona, velut si senatori ab humili persona facta sit iniuria". — *Institut.* IV, 4, 6: „Aliter senatoris et patroni, aliter extranei et humilis personae iniuria aestimatur". *Ibidem*, IV, 4, 7: „Aliud in servo actore, aliud in medii actus homine, aliud in vilissimo vel

праву не вполнѣ былъ чуждъ ни «денежный выкупъ» за преступленіе, ни опредѣленіе его высоты или цѣны сообразно съ соціальнымъ значеніемъ лица.

Главное различіе между римскимъ правомъ и германскимъ обычаемъ выражалось въ томъ, что первое не разрѣшало мировой сдѣлки въ случаѣ убійства.[1] Выкупъ никогда не замѣнялъ смертной казни. Таково было, по крайней мѣрѣ, требованіе закона; относительно жизненной практики нельзя утверждать ничего опредѣленнаго. Всякій, кто станетъ изучать римское право, обладая дѣйствительно историческимъ чутьемъ, часто будетъ замѣчать тамъ признаки того, что на ряду съ постановленіями закона существовала замѣтно уклонявшаяся отъ нихъ практика, особенно въ провинціяхъ. Очень смѣлы тѣ юристы, которые думаютъ, что знаютъ все римское право; мы знаемъ только

compedito constituitur". Сравн. *Lex romana Burgundionum*, V, 1: „Si vulnus aut fractura ossuum infligatur aut in conviciis atrocibus forte proruperit, solutio vel vindicta facti pro qualitate personae in iudicis arbitrio aestimatione consistit, secundum regulam Gaii".

[1] *Consultatio veteris iurisc.* IV, 2: „De crimine transigi non potest". Эсмейнъ идетъ еще дальше насъ: „Римское право, говоритъ онъ, допускало въ случаѣ уголовнаго преступленія мировую сдѣлку между виновникомъ его и пострадавшимъ. (*Esmein*, Mélanges d'histoire du droit, 363). Но единственный документъ, который онъ приводитъ—*Cod. Iust.* II, 4, 18 содержитъ въ себѣ противорѣчіе, дѣлающее текстъ его непонятнымъ, и потому онъ долженъ внушать сомнѣніе. Замѣтьте, что изъ сорока двухъ статей главы *De transactionibus* въ сводѣ Юстиніана нѣтъ ни одной, которая относилась бы къ убійству или къ преступленію, влекущему за собой смертную казнь. Въ памятникахъ римскаго права не встрѣчается ни одного такого примѣра.

букву его; у насъ нѣтъ въ рукахъ документовъ, которые обнаруживали бы его реальное примѣненіе: всѣ они погибли[1]. Представьте себѣ такую обширную страну, какъ Галлія, въ которой только провинціальные намѣстники могли постановлять смертные приговоры. Естественно ли предположить, чтобы эти семнадцать высокихъ должностныхъ лицъ могли успѣвать разсматривать всѣ важные уголовные процессы и произносить приговоры о наказаніи всѣхъ преступниковъ? Много преступленій ускользало, вѣроятно, отъ наказанія, произносимаго государственнымъ судомъ, и очевидно, что въ такомъ случаѣ происходило одно изъ двухъ: или родовая месть, или мировая сдѣлка. Правда, что еще муниципальные суды преслѣдовали преступниковъ, принимали жалобы производили слѣдствіе, но они не могли присуждать къ смерти. Здѣсь то именно желалъ бы я имѣть подъ руками судебные акты, воспользоваться муниципальными архивами, протоколами дѣлъ, разсматривавшихся въ этихъ низшихъ судахъ. Быть можетъ, изъ нихъ не разъ обнаружилось бы, что и судья низшей инстанціи постановлялъ мировую сдѣлку, такъ какъ онъ не могъ приговаривать къ смерти. Возможно, что мировая сдѣлка фактически или тайно, или даже при содѣйствіи судей, вошла въ привычки людей задолго ранѣе, чѣмъ проникла въ ихъ законы. Сидоній Аполлинарій, писатель пятаго вѣка, настоящій Римля-

[1] Я говорю, что всѣ они погибли. Тѣмъ не менѣе нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что сборники формулъ Анжуйскій, Турскій, Овернскій и Буржкій были лишь новыми редакціями, переработками старыхъ галло-римскихъ сборниковъ подобнаго рода.

нинъ, ничего не заимствовавшій въ своихъ понятіяхъ отъ Германцевъ, намекаетъ на мировую сдѣлку, какъ будто на обычай, прекрасно извѣстный тому пріятелю его, которому онъ пишетъ, и который самъ былъ такимъ же Римляниномъ, какъ и онъ. Рѣчь идетъ у него объ актѣ насильственнаго похищенія женщины, которое каралось по закону смертью. Сидоній могъ преслѣдовать виновнаго, который былъ вольноотпущенникомъ его пріятеля; но онъ предпочитаетъ предложить «мировую сдѣлку или матеріальное удовлетвореніе»[1]. Вотъ, стало быть, примѣръ изъ числа случаевъ, когда въ уголовномъ процессѣ обѣ стороны договаривались между собою, приходили къ соглашенію для того, чтобы избѣжать наказанія смертью. Самый тонъ, какимъ говоритъ Сидоній объ этой композиціи, заставляетъ думать, что происходила она нерѣдко[2].

Итакъ, система композицій — мировыхъ сдѣлокъ находитъ свои корни одновременно и въ старыхъ германскихъ обычаяхъ, и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ судебной практики у Римлянъ.

Не слѣдуетъ думать однако, чтобы эта система легко получила преобладаніе. Не слѣдуетъ въ особенности предполагать, что германскіе короли поспѣшили ввести въ свое новое государство обычай,

[1] *Sidon. Apollin.* 19, ad Pudentem.— Онъ предлагаетъ бракъ между похищенной рабынею и ея похитителемъ, съ полнымъ освобожденіемъ обоихъ, и добавляетъ: „Haec sola seu compositio seu satisfactio contumeliam emendat... ne constringat poena raptorem“.

[2] Въ другомъ еще мѣстѣ (VI, 4, ad Lupum) тотъ же авторъ говоритъ объ одной *compositio*; онъ не проситъ, чтобы она была присуждена государственнымъ судьей, но ее могъ назначить епископъ, дѣйствовавшій какъ судья третейскій.

будто-бы особенно дорогой для ихъ племени. Произошло совершенно обратное. Сводъ Гундебальда, составленный для Бургундовъ въ концѣ пятаго вѣка, не разрѣшаетъ композиціи въ случаѣ убійства. Опредѣленно устанавливается здѣсь, что убійца «не долженъ платиться ничѣмъ инымъ, какъ пролитіемъ своей крови.» Денежная сдѣлка допускалась только за невольное человѣкоубійство, и въ такомъ случаѣ она являлась не наказаніемъ, а вознагражденіемъ за убытокъ[1]. Надобно обратить вниманіе на то, какъ говоритъ о композиціи бургундскій законодатель. «До свѣдѣнія нашего дошло, что семьи тайно заключаютъ между собой мировыя сдѣлки по поводу разныхъ преступленій; отсюда вытекаетъ, что преступленія не судятся больше по законамъ, и что населеніе позволяетъ себѣ разнаго рода насилія. Мы воспрещаемъ эти сдѣлки; если судья будетъ допускать такого рода договоры и уклоняться отъ совершенія суда согласно точному смыслу законовъ, мы приговоримъ его къ штрафу»[2]. Такая рѣчь формально указываетъ на то, что мировая сдѣлка не соотвѣтствовала законному порядку. Король не говоритъ о

[1] *Lex Burgundium*, II, 2; Ctr. XLVI.—Упоминается еще мировая денежная сдѣлка за убійство раба (гл. L); въ этомъ случаѣ требовалось уплатить хозяину выкупъ за уничтоженіе предмета его собственности.

[2] *Ibidem*, Pertz, CVIII, 10, p. 576; Binding, 133: „Illud specialiter praecipimus, ut omnes comites tam Burgundiones quam Romani., omnes causas ex legibus iudicent... Nam fieri manifeste cognovimus de diversis sceleribus compositiones inter parentes vestros tacite causae legibus non iudicantur, ita populis usitatur, ut similia praesumant admittere. Si quis compositiones ita facere praesumpserit et ex lege iudicare distulerit, mulctam se noverit inlaturum“.

композиціи, какъ о старомъ законѣ, который онъ хочетъ отмѣнить; онъ говоритъ, что она противна законамъ. Такова была установившаяся практика, и онъ запрещаетъ ее. Въ другомъ мѣстѣ король объявляетъ еще, что если какой-нибудь человѣкъ, оказавшись жертвою кражи, вмѣсто того, чтобы обратиться къ судьямъ, предпочтетъ помириться съ воромъ, онъ потерпитъ такое же наказаніе, какъ самъ воръ[1]; судья, который утвердитъ выкупную сдѣлку между этими двумя людьми, будетъ также наказанъ.[2] Сводъ, составленный для Остготовъ Теодерихомъ, равнымъ образомъ не разрѣшаетъ композиціи[3]. Если мировая сдѣлка составляла законное установленіе, то какъ же, спрашивается, у самого короля Теодериха хватило отваги, чтобы собственною властью замѣнить ее смертною казнью. Правда Вестготовъ относится къ седьмому вѣку, но въ ней содержатся болѣе древнія статьи, отличенныя отъ остальныхъ словомъ *antiqua*. Эти древнія статьи постановляютъ смертную казнь, не упоминая о композиціи[4].

1 *Ibidem*, LXXI: „Si quis inconsciis iudicibus, de furto, quod ipsi factum est, crediderit componendum, poenam, quam fur subiturus erat, ipse suscipiat".

2 *Ibidem*: „Si quis locum iudicis tenens inter snpradictos componere voluerit, inferat mulctae nomine solidos 12".

3 *Edictum Theoderici*, cc. 17, 38, 41, 56, 78, 91, 110. Этотъ *edictum* составленъ для Готовъ такъ-же, какъ для Римлянъ, „quae Barbari Romaniquae sequi debeant."

4 *Lex Wisigotorum*, VI, 4, 2, antiqua: „Si hominemoccideerit, moriatur". VI, 5, 11, antiqua: „Omnis homo, si voluntate, non casu, occiderit hominem, pro homicidio puniatur".—VI, 5, 18, antiqua: „Morte damnetur". VII, 2, 4, antiqua: „Si capitalia commiserint, morte damnentur". Мировая сдѣлка разрѣшалась въ случаяхъ невольнаго убійства.

У Франковъ, въ первомъ изъ имѣющихся у насъ капитуляріевъ меровингскихъ королей, объявляется сначала смертная казнь въ случаѣ кражи, и только потомъ разрѣшается выкупъ[1]. Во всякомъ случаѣ законодатель строго осуждаетъ всякую мировую сдѣлку, совершенную между двумя сторонами втайнѣ, не въ присутствіи судьи[2]. Одинъ указъ Хильдеберта II австразійскаго опредѣленно запрещаетъ мировую сдѣлку: «Виновникъ насильственнаго похищенія будетъ наказанъ смертью... Виновный въ кражѣ будетъ лишенъ жизни... Человѣкъ, рѣшившійся убить, долженъ претерпѣть смерть; мы не дозволяемъ, чтобы онъ выкупалъ себя, не допускаемъ, чтобы онъ могъ мириться»[3]. Итакъ, преобладаніе системы сдѣлокъ надъ системой карательныхъ мѣръ не было еще прочно установлено въ шестомъ вѣкѣ.

Однако въ ту эпоху оказывалъ опредѣленное дѣйствіе одинъ мотивъ нравственнаго порядка, не принятый во вниманіе современными историками права: христіанская церковь отвергала смерную казнь. Тѣмъ самымъ она благопріятствовала системѣ мировыхъ сдѣлокъ. Взгляните на акты соборовъ четвертаго и пятаго вѣковъ: они избѣгаютъ говорить о смертной казни въ то самое время, когда императорскіе законы, такъ сказать, расточаютъ ее. Одинъ епископъ былъ

1 *Pactus pro tenore pacis*, c. I: „Apud quemcunque latrocinius comprobatur, vitae incurrat periculum".

2 *Ibidem*, 3: „Si quis furtum vult celare et occulte sine iudice compositionem acceperit, latroni similis est".

3 *Decretio Childeberti*, 4: „Quinque praesumserit raptum facere, vitae periculum feriatur. Iudex raptorem occidet".—5: „Iustum est, ut qui noverit occidere discat mori. Non de pretio redemptionis se redimat aut componat".

низложенъ своими собратіями за то, что тотъ способствовалъ произнесенію надъ виновнымъ смертнаго приговора [1]. Въ глазахъ церкви, убійцу толкалъ на его преступленіе дьяволъ; потому онъ являлся скорѣе несчастнымъ, чѣмъ виновнымъ. Пусть онъ признается и принесетъ покаяніе, и убійство будетъ прощено ему. «Человѣкоубійцѣ, гласитъ приговоръ Турскаго собора 461 года, не слѣдуетъ давать причастія до тѣхъ поръ, пока онъ не смоетъ преступленій своимъ покаяніемъ» [2]. Таково было мнѣніе церкви, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ преступленій противъ общаго права, которыя не касались ея собственныхъ интересовъ. Она пользовалась своимъ правомъ убѣжища именно для искорененія смертной казни. Арльскій соборъ 452 года объявляетъ, что человѣкъ, укрывшійся въ церкви, не долженъ выходить изъ нея иначе, какъ «получивъ обѣщаніе заступничества», то-есть, третейскаго суда, который, устранялъ тѣлесныя наказанія; «всякій, кто подвергнетъ такого человѣка тѣлесному наказанію, будетъ врагомъ церкви» [3]. Орлеанскій соборъ 511 года объявляетъ, что убійцы, прелюбодѣи и воры, которые

[1] *Sirmond*, Concilia Galliae, I, p. 79.

[2] Турскій соборъ 461 г. с. 7, Sirmond, I, 125; Mansi, VII, 9: „Homicidis non esse communicandum donec per confessionem poenitentiae crimina ipsorum diluantur". — Ср. 3-й Парижскій соборъ 577 года Mansi, IX, 750: „Si quis homicidium sponte commiserit, usque ad finem vitae suae poeniteat".

[3] Арльскій соборъ 452 года, ст. 30, Sirmond, I, 107: „Eos qui ad ecclesiam confugerint, tradi non oportet; sed eos domini sui promissa intercessione exire persuadeant. Si ab ecclesia exeuntibus poenale aliquid intulerint, ut ecclesiae inimici habeantur excommunes".

будутъ искать убѣжища въ церкви, не могутъ быть извлечены оттуда иначе, какъ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не карать ихъ смертью или какимъ-нибудь тѣлеснымъ наказаніемъ. Въ постановленіи добавлено: «Они должны будутъ только условиться о выкупѣ съ пострадавшею стороною» [1]. То же самое повторяется относительно похищенія: имперскіе законы наказывали за него смертью, но соборъ провозглашаетъ, что «похитителя нельзя будетъ предать смерти, если онъ укрылся въ церкви, и онъ будетъ имѣть право выкупить себя» [2]. Вся система выкупа, виры или мировой сдѣлки воплощается въ этихъ двухъ статьяхъ. Намъ извѣстны имена формулировавшихъ ихъ епископовъ: всѣ они были Галло-Римлянами, и потому совершенно ясно, что они тогда не могли еще быть пропитаны германскими понятіями. Епископская власть не могла еще надѣяться совершенно вытѣснить смертную казнь изъ уголовныхъ законовъ; но она отмѣняла ее, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный прибѣгалъ къ церкви и тѣмъ давалъ ей право вмѣшаться въ судопроизводство. Она защи-

[1] Орлеанскій соборъ 511 г. ст. 1: „De homicidis, adulteris et furibus, si ad ecclesiam confugerint... ut ab ecclesiae atriis non auferantur nisi ad evangelia datis sacramentis de morte, de debilitate (изувѣченіе члена), et omni poenarum genere sint securi, ita ut ei cui reus fuerit criminosus de satisfactione conveniat".—Слово *satisfactio* значитъ совершенно то же, что *compositio*; подтверждается это тѣмъ, что тотъ же актъ обозначается тремя строками ниже въ той же статьѣ глаголомъ *componere*.

[2] *Ibidem*, с. 2: „Ut raptor, mortis vel poenarum impunitate concessa aut serviendi conditioni subiectus sit aut redimendi se habeat facultatem".

[3] Имени епископовъ приведены у *Sirmond*, I, 183.

щала при этомъ отъ смертной казни раба такъ же, какъ свободнаго человѣка [1].

Бургундскіе, франкскіе и вестготскіе короли оказали уваженіе такому желанію церкви и придали ему силу закона. Гундебальдъ начерталъ: «Мы приказываемъ, чтобы во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ было постановлено нами, что виновный будетъ наказанъ смертью, разрѣшалось ему, если онъ укрылся въ церкви, выкупить себя за цѣну, установленную пострадавшею стороною [2]». Рѣчь не идетъ здѣсь, замѣтьте, о спеціальной привилегіи людей бургундской крови; она была пожалована всѣмъ подданнымъ Гундебальда безъ различія. Она встрѣчается поэтому и въ сводѣ, составленномъ для Римлянъ, обитавшихъ въ Бургундіи [3]. Вестготскіе короли, наказывавшіе за человѣкоубійство смертью, также отмѣнили смертную казнь въ томъ случаѣ, когда виновный укрылся въ церкви [4]. Подобное же постановленіе можно прочитать и въ франкскихъ законахъ, именно въ указѣ Хлотара I: «Согласно уговору нашему съ епископами, пусть ни-

[1] Орлеанскій соборъ 511 г. ст. 3. Эпаонскій соборъ 517 г. ст. 38.

[2] *Lex Burgundionum*, LXX, 2: „De his causis unde hominem mori iussimus, si in ecclesiam fugerit, redimat se secundum formam pretii constituti, ab eo cui furtum fecit".

[3] *Lex romana Burgundionum*, II; IV.

[4] *Lex Wigsigothorum*, VI, 5, 16: „Reddito sacramento, ne eum sceleratum publicae mortis poena condemnet, ille, qui eum persequitur, comprehendat. Non mortiferas inferat poenas, sed in potestate parentum contradendus est, ut excepto mortis periculo, quidquid de eo facere voluerint licentiam habeant".—Послѣднее постановленіе указываетъ, что виновный, если онъ богатъ, заплатитъ выкупъ, а если онъ бѣденъ, то будетъ обращенъ въ рабство. То же самое устанавливаетъ и 2 статья Орлеанскаго собора 511 года.

кто не исторгаетъ изъ церкви преступника... Если рабъ ищетъ убѣжища въ церкви, его нельзя будетъ выдать господину иначе, какъ подъ условіемъ его прощенія [1]. Связанное съ выкупомъ христіанское понятіе ясно выражено въ постановленномъ королемъ Гундебальдомъ приговорѣ: «Аунегильдъ и Бальтамольдъ виновны въ преступленіи, которое они не могутъ искупить иначе, какъ смертью, объявляетъ онъ; но изъ уваженія къ настоящимъ святымъ днямъ праздника, мы разрѣшаемъ чтобы, виновные выкупили себя; выкупъ, однако, разрѣшаемый нынѣ нашею милостью, не долженъ никого побуждать къ совершенію подобнаго же преступленія, потому что впредь такое преступленіе всегда будетъ наказываться лишеніемъ жизни» [2]. То же понятіе еще лучше обнаруживается изъ свода Баваровъ: «Нѣтъ такого

[1] *Pactus pro tenore pacis*, 14; 15: „Nullus latronem vel quemlibet culpabilem, sicut cum episcopis convenit, de atrio ecclesiae extrahere praesumat... Si servus ad ecclesiam confugerit, excusatus reddatur". Изъ словъ, вложенныхъ Григоріемъ Турскимъ (IX, 38) въ уста Хильдеберта, вытекаетъ, что короли франкскіе приняли формулированный соборомъ 511 года принципъ: „Promissionem habete de vita; christiani enim sumus; nefas est vel criminosus ab ecclesia eductos punire".

[2] Этотъ любытный приговоръ помѣщенъ въ *Lex Burgundionum*, въ которомъ онъ образуетъ LII главу. Мы читаемъ здѣсь: „Non aliter tantum crimen quam sanguinis sui effusione debuerant expiare. Tamen dierum reverentiam (вѣроятно, день Пасхи) praeponentes iubemus, ut Aunegildis pretium, hoc est 300 solidos, Fridegiselo solvat... Sanctorum dierum consideratio sic sententiam nostram ab interitu Balthamodi revocavit, ut... pretium suum exsolvere non moretur... Ne quemquam deinceps ad exercendum tanti facinoris ausum permissae nunc compositionis temperamenta sollicitent iubemus, ut... capitis amissione plectantur".

тяжелаго преступленія, послѣ котораго изъ страха Божія и изъ уваженія къ святымъ нельзя было бы даровать жизнь виновному; ибо Господь сказалъ: кто будетъ прощать, тому простится»[1].

Отвращеніе церкви къ смертной казни отмѣчено во всѣхъ письменныхъ памятникахъ того времени. Нѣтъ ни одного почти житія, которое не изображало бы епископа или аббата испрашивающимъ помилованіе приговоренныхъ къ смерти. Забота прилагалась ими здѣсь не только о спасеніи невинныхъ: духовенство относилось съ одинаковымъ рвеніемъ и къ спасенію виновныхъ. «Элигій освобождалъ заключенныхъ, какъ невинныхъ, такъ и виновныхъ», говоритъ его біографъ[2]. Святой аббатъ Епархій, узнавъ о томъ, что будутъ судить преступника, виновнаго въ нѣсколькихъ убійствахъ, послалъ къ графу одного изъ своихъ монаховъ, «чтобы добиться сохраненія его жизни»[3]. Духовныя лица не довольствовались тѣмъ, что просили помилованія; если имъ отказывали, они сами брались за освобожденіе заключенныхъ, и успѣхъ ихъ считали каждый разъ за чудо Господне. Тотъ же Епархій, разсказываютъ, совершилъ въ самомъ дѣлѣ чудо, чтобы избавить убійцу отъ висѣлицы. Святой Германъ, епископъ парижскій, не достигнувъ отъ графа помилованья осужденныхъ, испросилъ у Бога, чтобы ангелъ его явился разбить ихъ цѣпи и раскрыть имъ двери[4]. Епископъ Альбинъ, «услыхавъ печалованія

[1] *Lex Baiuwariorum*, I, 7, 3: „Nulla sit culpa tam gravis, ut vita non concedatur propter timorem Dei et reverentiam Sanctorum; quia Dominus dixit: Qui dimiserit, dimittetur ei".

[2] *Vita Eligii*, I. 18: „Sive innocui, sive noxii".

[3] *Gregor.* VI, 8.

[4] Vita Germani a *Fortunato*, c. 30,

нѣсколькихъ, приговоренныхъ къ казни заключенныхъ, бросился къ графу и, не добившись ихъ освобожденія, чудомъ раскрылъ дверь ихъ темницы и освободилъ ихъ»[1]. Святой Колумбанъ вывелъ изъ темницы нѣсколькихъ приговоренныхъ къ смерти, обѣщавшихъ ему исправиться и принести покаяніе[2]. Епископъ Ницетій «разбилъ цѣпи столькихъ осужденныхъ, что графы не осмѣливались больше постановлять ни одного смертнаго приговора»[3]. Подобные примѣры безчисленны[4]. Нельзя сомнѣваться, что протестъ противъ смертной казни, тысячу разъ повторявшійся епископами и святыми, содѣйствовалъ въ сильной степени возобладанію системы мировыхъ сдѣлокъ.

Можно высказать еще два замѣчанія, сопоставленіе которыхъ приведетъ къ многозначительному выводу. Съ одной стороны, церковныя правила запрещали духовнымъ лицамъ принимать участіе въ судебныхъ разбирательствахъ, результатомъ которыхъ могла оказаться смертная казнь; это положеніе опредѣленно высказано соборами шестого вѣка[5]. Съ другой сто-

[1] Vita Albini a *Fortunato*, c. 16.

[2] *Vita Columbani*, c. 34.

[3] *Gregor. Tur.* Vitae Patrum, VIII, 10.

[4] Въ числѣ прочихъ, *Gregor.* Miracula Martini, I, 11; III, 53; IV, 35; V, 39; De gloria confessorum, 101.—Vita Germania a *Fortunato*, 62, 67. — *Vita Mederici*, Mabillon, Acta ss. III, 13. — Факты подобнаго рода уже замѣтны въ Римской имперіи; клирики, монахи и епископы пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы спасать отъ казни преступниковъ; въ Юстиніановомъ Сводѣ законъ 398 года (I, 4, 6).

[5] *Concilium Tarraconense*, a. 516, 4, Mansi, VIII, 538. — *Concilium Autissiodorense*, a. 578, c. 34: „Non licet presbytero in iudicio illo stare, unde homo ad mortem tradatur".—*Concilium Matisconense*, a. 585, c. 19: „Prohibemus, ut ad locum examinatio-

роны, изъ актовъ и формулъ такъ же, какъ изъ нѣсколькихъ разсказовъ писателей, мы видимъ, что въ ту же эпоху духовенство въ изобиліи отправляло судейскія функціи; епископъ засѣдалъ въ трибуналѣ рядомъ съ графомъ, *viri venerabiles* дѣйствовали рядомъ съ *viri magnifici*[1]; соборы жалуются даже на слишкомъ большое рвеніе духовныхъ лицъ къ участію въ судахъ[2]. Изъ соединенія этихъ двухъ фактовъ вытекаетъ, что суды, въ которыхъ элементъ духовенства принималъ все большее и большее участіе, все больше и больше должны были уклоняться отъ произнесенія смертныхъ приговоровъ.

Германскіе обычаи, римская судебная практика, и вліяніе церковныхъ идей—таковы три источника, изъ которыхъ выросла система виръ или мировыхъ сдѣлокъ меровингской эпохи. Если бы она была исключительно германскимъ институтомъ, сомнѣваюсь, чтобы она одержала верхъ, такъ какъ противъ нея дѣйствовали сами германскіе короли. Фактъ этотъ объясняется остальными двумя причинами. Исторія показываетъ намъ слѣдующее: система мировыхъ сдѣлокъ далеко не являлась обычаемъ, могущественнымъ уже при выступленіи варваровъ, и она вовсе не ослабѣла въ послѣдующіе вѣка; наоборотъ она сильно оспаривалась въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ, а затѣмъ

nis reorum nullus clericorum accidat, ubi pro reatus sui qualitate quispiam interficiendus sit".

[1] Примѣры см. въ формулахъ: *Andegavenses*, 10, 29. 30, 32, 47; *Turonenses*, 29; *Senonenses*, 3, 6. Ср. *Greg. Tur.* V, 49; VII, 47; IX, 19. *Fortunat.* Carmina, IV, 12. *Vita Eligii*, II, 61. *Vita Leodegarii*, у *Mabillon*, Acta ss. II, 681.

[2] *Concilium Matisconense*, c. 19: „Cognovimus quosdam clericorum ad forales reorum sententias frequenter accedere".

укрѣплялась изъ поколѣнія въ поколѣніе до девятаго. При Карлѣ Великомъ и Людовикѣ Благочестивомъ система мировыхъ сдѣлокъ пріобрѣтаетъ наибольшую силу.

Чтобы хорошо уловить подробности при практикѣ виры во времена Меровинговъ, мы должны поставить передъ глазами нѣсколько опредѣленныхъ примѣровъ, нѣсколько живыхъ и дѣйствительныхъ фактовъ. Вотъ прежде всего одинъ разсказъ Григорія Турскаго; передаваемый имъ фактъ, несомнѣнно, достовѣренъ, такъ какъ самъ Григорій былъ въ немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Турскій епископъ узналъ, что два семейства изъ его епархіи были въ ссорѣ между собою; Сихарій убилъ Австрегизила и Эберульфа; «будучи очень огорчены этимъ, мы поспѣшно отправили къ обѣимъ семействамъ посланца съ требованіемъ, чтобы они явились передъ наше присутствіе»[1]. Это не значило, что епископъ собирался судить убійцу и постановить ему законное наказаніе. Онъ приказываетъ поэтому только сказать обоимъ семействамъ, «что онъ дастъ имъ средства вернуться къ себѣ примиренными другъ съ другомъ». Епископъ имѣлъ, значитъ, въ виду не наказаніе, а соглашеніе. Когда обѣ стороны явились къ нему, онъ говорилъ, обращаясь одновременно къ обѣимъ: «Заклинаю васъ, будьте въ мирѣ другъ съ другомъ, пусть причинившій зло съ любовью заплатитъ выкупъ и будьте вы всѣ мирными сынами церкви, достойными

[1] *Gregor.* VII, 43.—Мы приводили уже этотъ текстъ выше. Разсказъ показалъ уже намъ, что такое былъ третейскій судъ епископа. Мы снова ссылаемся на него здѣсь, чтобы показатъ какъ понимали тогда мировую сдѣлку.

войти въ Царствіе Божіе [1]. Тотъ изъ васъ, кто, какъ виновный, находится подъ угрозою закона, пусть выкупитъ себя. Если онъ недостаточно богатъ, вотъ церковныя деньги для его выкупа. Пусть не погибнетъ, по крайней мѣрѣ, жизнь человѣческая» [2]. Такая вполнѣ христіанская рѣчь, въ которой нѣтъ даже намека на что либо германское, даетъ намъ ясно уразумѣть, что понимали подъ композиціею, или вирою люди шестого вѣка, какъ епископъ Григорій, или Сихарій и Храмнизиндъ. Это было не наказаніе, а сдѣлка, соглашеніе, «примиреніе» между сторонами. Путемъ такого соглашенія виновный откупался отъ смерти [3], а потерпѣвшій, или семья его, получали вознагражденіе. Замѣтимъ, впрочемъ, что примиреніе это было добровольнымъ; подтверждается это тѣмъ, что въ случаѣ, сообщенномъ Григоріемъ Турскимъ, Храмнизиндъ отказывается принять его.

Всѣ главныя черты, обнаруживающіяся изъ лѣтописнаго разсказа, встрѣчаются опять же въ одной формулѣ Маркульфа. Говоритъ здѣсь ближайшій родственникъ убитаго: «Ты умертвилъ моего брата и за это могъ бы быть наказанъ смертью; но священники

[1] *Ibidem:* „Qui malum gessit, stante caritate componat, ut sitis, filii pacifici, qui digni sitis regnum Dei percipere“.

[2] *Ibidem*: „Anima viri non pereat“.— *Anima viri*—жизнь, а не душа человѣка; выраженіе это часто встрѣчается.

[3] Не рѣшаясь утверждать этого безповоротно, я думаю, что таковъ именно смыслъ словъ—„anima viri non pereat“. Возможно было бы предположить, что они означаютъ: „чтобы жизнь одного изъ васъ не прекратилась путемъ новаго убійства“; но выраженіе *redimi* ясно указываетъ на выкупъ отъ наказанія, и это то наказаніе обозначено, мнѣ кажется, словами anima non pereat.

и присутствовавшія на судѣ высокія лица ходатайствовали о томъ, чтобы возвратить насъ къ согласію подъ условіемъ, что ты уплатишь мнѣ столько то золотыхъ; ты такъ и сдѣлалъ, въ удостовѣреніе чего я пишу тебѣ настоящую грамоту» [1]. Въ другомъ мѣстѣ и за другое преступленіе, наказуемое по закону смертною казнью, виновный пишетъ слѣдующее: «Я совершилъ насильственное похищеніе, за которое подлежалъ смерти; но, благодаря ходатайству священниковъ и *boni homines*, я сохранилъ жизнь подъ условіемъ, что откажусь отъ такой то земли, составляющей мою собственность» [2]. Одна формула Турскаго сборника совершенно похожа на приведенную формулу парижскаго и также показываетъ, что, благодаря именно вмѣшательству священниковъ и *boni homines*, виновный сохранилъ жизнь, съ правомъ уплатить выкупъ [3]. Въ сборникѣ формулъ сансскихъ мы читаемъ: «Можно было опасаться, что между такимъ то и такимъ то произойдетъ большой раздоръ; они явились въ присутствіе *boni homines*, и послѣдніе присудили, что убійца уплатитъ другому цѣнность убитаго» [4].

[1] *Marculf.* II, 18: „Dum, instigante adversario, germanum nostrum intefecisti et ob hoc vitae periculum incurrere potueras, sed intervenientes sacerdotes et magnifici viri nos ad pacis concordiam ob hoc visi sunt revocasse ita, ut pro ipsa causa solidos tantos mihi dare debueras; propterea hanc epistolam nobis conscribere complacuit“.

[2] *Marculf.* II, 16: „Vitae piriculum incurrere debui; sed intervenientes sacerdotes vel bonis hominibus, vitam obtinui, sic tamen ut tibi in tandono vel in dotis titulum conferre debueram... Ideo dono tibi locellum illum cum domibus, vineis, silvis, pratis...“

[3] *Formulae Turonenses*, 16.

[4] *Formulae Senonicae*, 51: „Non minima sed maxima verteretur discordia inter illum et illum. Venientes ante bonis hominibus“.

Такого рода соглашенія или композиціи были очень распространены въ шестомъ вѣкѣ. Григорій упоминаетъ объ одномъ Саксѣ, по имени Хильдерихѣ, который, поселившись въ области Пуатье, поссорился тамъ съ нѣкимъ Ведастомъ и убилъ его; «за смерть его онъ внесъ выкупъ сыновьямъ Ведаста»[1]. Одинъ изъ этихъ двухъ людей былъ Германцемъ, Германцемъ былъ также, можетъ быть, и другой; но сейчасъ мы приведемъ примѣры, въ которыхъ люди, платившіе выкупъ, оказываются римскаго происхожденія. Евлалій, принадлежавшій къ богатой семьѣ изъ Оверни, совершилъ въ своей жизни много преступленій. Государственная власть никогда не наказывала его, онъ всегда заключалъ мировыя сдѣлки. Отъ этого самаго онъ и дошелъ до разоренія; «изъ-за своихъ преступленій онъ впалъ въ многочисленные долги до такой степени, что принужденъ былъ закладывать драгоцѣнности своей жены[2]. Итакъ, вотъ примѣръ, доказывавшій, что выкупныя сдѣлки находились въ большомъ ходу у чисто римской овернской знати. Одна небольшая подробность въ нравахъ того времени заставляетъ думать, что обычай мировой сдѣлки былъ не рѣдокъ въ богатыхъ галлоримскихъ семействахъ. Каждая семья обыкновенно хранила у себя то, что мы назвали бы теперь архивомъ или «портфелемъ», то-есть, собраніе актовъ купли, пожалованья, судебныхъ

[1] *Greg.* VIII, 3: „Composuit filiis mortem eius".

[2] *Idem*, X, 8: „Pro multis sceleribus debita contraxerat, in quibus ornamenta et aurum uxoris saepissime evertebat". — Съ долгами этими, которые были сдѣланы для уплаты выкупа, сравните выраженіе *fidem facere* Салической Правды, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

приговоровъ, назначеній приданаго, обязательствъ и довѣренностей, словомъ, всякаго рода документовъ, которые касались интересовъ семьи и обезпечивали ихъ[1]; въ числѣ категорій документовъ, наполнявшихъ такіе семейные архивы, попадается одна группа, которая именуется грамотами выкупныхъ договоровъ, *chartae compositionales*[2].

Такъ какъ по существу своему композиція была частнымъ уговоромъ, сдѣлкою, то она не являлась безусловно обязательною. Для заключенія ея требовалось согласіе обѣихъ сторонъ. Виновнаго нельзя было принудить выкупить себя, и также пострадавшую сторону нельзя было заставить войти въ соглашеніе. Въ разсказѣ Григорія Турскаго, въ которомъ Храмнизиндъ отказывается отъ выкупа, предложеннаго Сихаріемъ, мы подмѣтили уже это обстоятельство. Оно еще лучше обнаруживается изъ большинства относящихся къ этому акту формулъ; очевидно, что соглашеніе не предписывалось: «мирились» обѣ стороны сами[3]; соглашеніе было дѣломъ, «въ которомъ онѣ условливались»[4]. Соборъ 511 года не говоритъ:

[1] Эта черта нравовъ того времени извѣстна изъ формулъ *apennis*. Такъ назывался актъ, путемъ котораго могли быть возстановлены всѣ подобные документы, если случилось, что они сгорали или похищались. См. *Formulae Andegavenses*, 31 32, 33; *Turonenses*, 27, 28; *Marculf.* I, 33; *Senonicae*, 38; Ср. *Lex Wisigothorum*, II, 5, 17: „In scriniis domesticis instrumenta chartarum".

[2] *Formulae Andegavenses*, 31, 32, 33.

[3] Отсюда такое заглавіе одной формулы у Маркульфа, II, 18: „Securitas pro homicidio si se pacificaverint".—*Gregor.* VI, 47: „Estote, quaeso, pacifici".

[4] *Formulae Turonenses*, 32: „Eis convenit".—*Andegavenses*,

«пусть виновный уплачиваетъ выкупъ»; онъ говоритъ: «пусть виновный условится о выкупѣ съ пострадавшей стороной» [1]. Салическая и Рипуарская Правды не высказываютъ опредѣленно ни того, что мировая сдѣлка обязательна, ни того, что она не обязательна; но въ Салической Правдѣ формальнымъ образомъ сказано, что никто не долженъ повиноваться судебному приговору, на которомъ рахинбурги постановили выкупъ [2]. Только въ силу капитуляріевъ Карла Великаго и Людовика Благочестиваго мировая сдѣлка стала вполнѣ обязательной для обѣихъ сторонъ [3].

При такомъ соглашеніи надо было устанавливать цѣну выкупа. Подобно тому, какъ въ случаѣ побоевъ и пораненій вознаграждали пострадавшаго, а въ случаѣ убійства раба—его господина, такъ и при убійствѣ свободнаго человѣка надо было вознаградить его семью. Итакъ, композиція была сдѣлкою, заключаемою при посредствѣ денегъ. Цѣна соглашенія опредѣлялась стоимостью, присвоенною человѣкомъ при жизни; этою то стороною своею *compositio* приближается къ *wergeld*, хотя она и не являлась на самомъ дѣлѣ однимъ и тѣмъ же [1]. За пораненіе свободнаго человѣка платили половину, треть или четверть принадлежавшей ему цѣны. За убійство раба уплачивали его цѣну, установленную сообразно съ его профессіональною подготовкою или съ его способностями: если онъ былъ земледѣльцемъ, то выкупъ за него составлялъ 30 солидовъ, если плотникомъ, то—45, еще больше, если онъ былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ [2]. Если убитый былъ свободнымъ человѣкомъ, то семья требовала болѣе высокой суммы, и сумма эта колебалась сообразно съ его положеніемъ. Принципъ былъ тотъ, что слѣдовало «оплатить человѣка» [3].

Всѣ указанныя правила не были выдуманы мыслителями; я не думаю даже, чтобы ихъ установили юрисконсульты. Мнѣ кажется, что природа и всѣ почти особенности мировой сдѣлки были прямыми

6, 26: „Iuxta quod convenit". *Marculf.* II, 18: „Iuxta quod convenit".

[1] Орлеанскій Соборъ 511 года, ст. 1: „Ei cui reus fuerit criminosus de satisfactione convenit".

[2] *Lex Salica*, LVI, 1.

[3] *Capitular.* a. 779, c. 22 (Boret. p. 51): „Si quis pro faida pretium recipere non vult, ad nos sit transmissus et nos eum dirigamus, ubi damnum minime facere possit". При Меровингахъ не встрѣчается ничего подобнаго.—*Capitular.* a. 802, c. 32 (Boret. p. 97): „Ut parentes interfecti nequaquam inimititiam adaugere studeant, neque pacem petenti denegare, sed compositionem recipere".—*Capitula legibus addenda*, a. 819, c. 23, (Boret. p. 284): „Si quis homicidium commisit, comes compositionem solvere faciat; si una pars ei ad hoc consentire noluerit, id est aut ille qui homicidium commisit aut is, qui compositionem suscipere debet, faciat illum ad praesentiam nostram venire... ut castigetur".

[1] Мы доказали въ другомъ мѣстѣ цѣлымъ рядомъ текстовъ что *wergeld* и *compositio* были очень различными вещами. *Wergeld* было цѣною живого человѣка, *pretium hominis*, какъ говорятъ тексты, то-есть, цѣной, назначавшейся каждому человѣку при жизни, сообразно съ соціальнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ родился, *secundum nativitatem suam*. Тѣ, кто называетъ мировую сдѣлку *wergeld*'омъ, впадаютъ въ неточность.

[2] *Lex Burgundionum*, X.

[3] *Solvere leudem* или *componere leudem*. Незачѣмъ удивляться, что глаголъ *componere*, обозначавшій въ буквальномъ смыслѣ „помириться", „уговориться" (какъ это видно еще изъ *Papianus*, V, 1), сталъ обозначать на обычномъ языкѣ „платить".—*Lex Ripuaria*, LXIV: „werigildum componere"; LXVIII, 5: „Eum componat".—Такія измѣненія значенія словъ хорошо извѣстны филологамъ.

продуктами народнаго правового творчества, то-есть, людей, дѣйствующихъ согласно среднимъ своимъ понятіямъ и естественнымъ инстинктамъ. Среднія же понятія говорили имъ, что соглашеніе должно было производиться сообразно съ цѣною, которая опредѣляла соціальное достоинство потерпѣвшаго. Они инстинктивно чувствовали, что при большомъ неравенствѣ соціальныхъ положеній убійство свободнаго человѣка было большимъ правонарушеніемъ, чѣмъ убійство вольноотпущенника или раба. По той же причинѣ убійство оптимата, королевскаго вельможи, члена королевской *trustis*, такъ называемаго «сотрапезника короля», *conviva regis*, стоило больше, чѣмъ убійство простого свободнаго человѣка[1]. Поэтому же и за убійство женщины люди того времени опредѣляли цѣну сообразно съ ея возрастомъ: перешедшая за предѣлы сорока лѣтъ, очевидно, представляла въ ихъ глазахъ меньшую цѣну, чѣмъ та, которая могла еще имѣть дѣтей[2].

[1] *Lex Burgundionum*, II, 2: „Mediatatem pretii secundum qualitatem personae cogatur exsolvere: hoc est, si optimatem nobilem occiderit, in mediatatem pretii 150 solidos; si aliquem mediocrem, 100; pro minore persona 75 solidos praecipimus numerare“.— *Lex Salica*, XV: „Si quis ingenuum occiderit, solidos 200 culpabilis iudicetur“;—XLI, 3: „Si vero eum, qui in truste dominica fuit, occiderit, 600 solidos iudiceur“; XLI, 5: „Si romanum hominem convivam regis occiderit, solidos 300 iudicetur“.

[2] *Lex Salica*, XXIV, 6—7: „Si quis feminam ingenuam, postquam coeperit habere infantes (то-есть. послѣ шестнадцати или восемнадцати лѣтъ); occiderit, solidos 600 iudicetur. Post quod infantes non potuit habere (то-есть, послѣ сорока лѣтъ), solidos 200 iudicetur“.—*Lex Ripuaria*, XII: „Si quis feminam ripuariam usque ad quadragesimum annum intefecerit, 600 solidos iudicetur“;— XIV, 2: „Post quam quadragesimum annum habuerit, 200 solidos iudicetur“.

Сумма композиціи могла также подниматься въ связи съ отягчающими преступленіе обстоятельствами, если, напримѣръ, убійство совершено было въ войскѣ или еще, если убійца пытался скрыть свое преступленіе, бросивъ свою жертву въ колодезь. Какъ только церковь оказалась въ силахъ производить вліяніе на законы, она включила въ нихъ высокія оцѣнки выкупа въ пользу духовныхъ лицъ, сообразно съ ихъ положеніемъ.

Всѣ эти тарифы, были ли они первоначально установлены государственною властью? Тексты наши находятся въ противорѣчіи одни съ другими по данному вопросу. Въ обѣихъ франкскихъ Правдахъ находятся опредѣленныя таксы; а судебныя формулы указываютъ какъ бы на отсутствіе всякой постоянно установленныхъ суммъ.

Въ этихъ формулахъ всегда оставлялось пустое мѣсто для вставки цифры выкупа[1], какъ будто не было заранѣе установленныхъ нормъ. Въ дѣйствительномъ актѣ проставлялась та сумма, на которую согласились обѣ стороны. Въ послѣднемъ часто читаемъ что обѣ стороны «договорились о вознагражденіи», или же получившая его сторона писала, что «вознагражденіе это удовлетворило ее»[2]. Такое противорѣчіе приводитъ изслѣдователя въ затрудненіе. Должны ли мы думать, что разногласіе зависитъ отъ различія мѣста, то-есть, что суммы виръ, установленныя опредѣленными цифрами въ одной области, предоставлены были

[1] Въ такой формѣ: „solidos tantos“—столько то золотыхъ монетъ.

[2] *Formulae Turonenses*, 38: „Sicut mihi bene complacuit“.— *Senonicae*, II, 51: „In quod eis bene complacuit“.

свободному усмотрѣнію сговаривающихся въ другой? Или же вѣроятнѣе будетъ предположить, что оно проистекаетъ отъ разницы во времени, и что суммы, предоставлявшіяся раньше на волю тяжущихся, были потомъ установлены законодателемъ или обычаемъ? Вопросъ этотъ могъ бы быть рѣшенъ, если бы мы знали, въ какомъ вѣкѣ была редактирована Салическая Правда въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Находящіяся въ ней таксы не идутъ, конечно, изъ Германіи; у Германцевъ не было денегъ, и они не могли считать ни на серебряные динаріи, ни на золотые солиды. Въ какой моментъ были установлены такія большія суммы, какъ 200, 600 и 800 солидовъ золотомъ—это приходится оставить подъ сомнѣніемъ. Умѣніе признаться въ невѣдѣніи того, о чемъ не освѣдомляютъ насъ документы, открываетъ намъ возможность лучше понять данныя, которыя они намъ сообщаютъ.

Матеріальный разсчетъ способствовалъ, безъ сомнѣнія, распространенію системы мировыхъ сдѣлокъ. Положимъ, что какой-нибудь человѣкъ былъ убитъ; родственники его могли разсчитать, что имъ ни къ чему не послужитъ смерть виновнаго, а что выкупъ, напротивъ, обогатитъ ихъ. Посмотрите на Храмнизинда, о которомъ мы только что говорили. Епископъ убѣждалъ его принять выкупъ, но совѣсть заставляла его отказаться отъ сдѣлки; «онъ жаловался на три убійства» и хотѣлъ, повидимому, смерти виновнаго, путемъ ли судебнаго приговора, или путемъ собственной мести. Въ самомъ дѣлѣ, онъ пытался мстить. Но во второй разъ оказался болѣе сговорчивымъ и принялъ вознагражденіе. Вотъ оба они сошлись,

примирились, стали друзьями; однако Сихарій разъ сказалъ ему: «Ты долженъ очень благодарить меня за то, что я убилъ твоихъ родныхъ: выкупъ мой сдѣлалъ тебя богатымъ, безъ него ты былъ бы нищимъ и нагимъ» [1]. Тогда стыдъ охватилъ Храмнизинда, и онъ убилъ Сихарія. Не всѣ, впрочемъ, люди походили на Храмнизинда; «охранныя грамоты», которыхъ мы скоро коснемся, показываютъ, какъ спокойно говорили сыновья объ убійствѣ отца или брата и получали деньги отъ убійцы.

Распространенію и утвержденію мировой сдѣлки способствовала еще другая причина. Графы, передъ которыми ходатайствовали о сохраненіи жизни виновнаго, о разрѣшеніи ему выкупить себя и войти въ соглашеніе съ семьей убитаго, всегда получали часть этого выкупа, платы за миръ. Доля эта называлась *fredum* и составляла обыкновенно, одну треть выкупа [2]. Государственная власть, отъ кары которой виновный освобождался, благодаря мировой сдѣлкѣ, требовала себѣ этого рода удовлетворенія, то-есть, раздѣла выкупа между семьею потерпѣвшаго и представителемъ правосудія. Часть *fredum* шла графу, часть королю. Если нѣтъ мировой сдѣлки, нѣтъ и *fredum*.

[1] *Gregor*. IX, 19: „Sicharius cum post interfectionem parentum Chramnisindi magnam cum eo amicitiam patravisset... dixisse fertur: Magnas mihi debes referre grates, quod interfecerim parentes tuos, de quibus accepta compositione aurum argentumque superabundant in domo tua; et nudus nunc esses et egens, nisi haec te causa roborasset.“

[2] *Gregor*. Miracula Martini, IV, 26: „Compositionem fisco debitam, quam illi fredum vocant“.—*Lex Salica*, L, in fine: „Tertia parte freto grafio ad se recolligat“—*Lex Ripuaria*, LXXXIX: „Iudex fiscalis de causa freda non exigat, priusquam facinus componatur“.

Смертная казнь ничего не приносила ни королю, ни его чиновнику; мировая же сдѣлка являлась источникомъ дохода для обоихъ.

Одинъ бургундскій король пятаго вѣка упрекаетъ своихъ графовъ за то, что они «заставляютъ противныя стороны мириться, чтобы такимъ образомъ пріобрѣтать деньги для себя» [1]. Предписаніе закона, воспретившее спорившимъ сторонамъ входить въ соглашеніе внѣ присутствія судьи, было, вѣроятно, подсказано интересами общественной нравственности, но, быть можетъ, оно было не чуждо и денежныхъ расчетовъ графовъ и короля.

Я не знаю, практиковалась ли мировая сдѣлка на королевскомъ судѣ: у насъ нѣтъ въ текстахъ ни одного примѣра, который подтверждалъ бы это. Въ Салической Правдѣ судъ этотъ упоминается нѣсколько разъ, но никогда не говорится, чтобы онъ постановлялъ мировую сдѣлку; Рипуарская Правда отмѣчаетъ единственное, постановлявшееся этимъ судомъ наказаніе—повѣшеніе [2]. Возьмите въ обѣихъ франкскихъ Правдахъ всѣ статьи, въ которыхъ встрѣчается мировая сдѣлка; она всегда предписывалась на *mallus* рахинбургами; въ королевскомъ же судѣ никогда не бывало рахинбурговъ, никогда и ни въ одномъ документѣ судъ этотъ не называется mallus [3]. Обѣ франк-

[1] *Lex Burgundionum*, praefatio Gundebadi. — Король запрещаетъ своимъ оптиматамъ и графамъ, какъ Бургундамъ такъ и Римлянамъ, 1) принимать подарки отъ тяжущихся, 2) „nec partes ad compositionem ut aliquid vel sic accipiant, a iudice compellantur“.

[2] *Lex Ripuaria*, LXXIX.

[3] Въ противоположномъ нашему мнѣнію смыслѣ высказывается Beauchet. См. стр. 48. Авторъ думаетъ, что mallus и есть

скія Правды хранятъ, стало быть, безусловное молчаніе о примѣненіи мировой сдѣлки на королевскомъ судѣ. Взглянувъ на судебныя формулы, вы замѣтите, что всѣ *chartae compositionales* и всѣ «охранныя грамоты» совершались передъ графомъ и передъ *boni homines*; у насъ нѣтъ ни одной, которая относилась бы къ соглашенію о выкупѣ, совершенномъ передъ королемъ и дворцовыми вельможами. До насъ дошло двадцать два королевскихъ судебныхъ приговора; ни одинъ изъ нихъ не содержитъ постановленія о выкупѣ. Въ разсказахъ писателей, наконецъ, мы встрѣчаемъ много постановленныхъ королемъ приговоровъ въ уголовныхъ дѣлахъ, и наказаніями, которыя упоминаются въ нихъ, всегда являются или смерть, или конфискація имущества, или тюрьма, но никогда не композиція. Замѣчаю даже, что осужденные королевскимъ трибуналомъ обнаруживаются чаще всего какъ люди, очень богатые; они обладали достаточнымъ имуществомъ, чтобы выплатить назначенныя Салическою Правдою высокія суммы. Дворцовый чиновникъ, Хундонъ, былъ, конечно, достаточно богатъ, чтобы упла-

королевскій судъ. Въ подверждение этого онъ приводитъ два текста: *lex Salica*, 49 и *lex Ripuaria*, 50; но оказывается, что оба эти текста говорятъ какъ разъ противоположное; оба упоминаютъ дѣйствительно и о королевскомъ судѣ, и о mallus для того, чтобы противопоставить ихъ другъ другу. Вотъ выраженія Салической Правды: „Aut ante regem aut in mallo“. А вотъ выраженія Рипуарской: „Ad mallum ante centenarium vel comitem seu ante ducem vel regem“.—Эти два текста вовсе не отожествляютъ королевскій судъ съ mallus. Среди болѣе чѣмъ шестидесяти документовъ, въ которыхъ говорится о королевскомъ судѣ, нѣтъ ни одного, въ которомъ онъ былъ бы названъ mallus. Это детальное замѣчаніе не лишено значенія.

теперь, гражданскимъ истцомъ [1], и судебное разбирательство принимало уже видъ тяжбы между двумя противными сторонами, а не уголовнаго дѣла.

2. Процессъ совершался въ присутствіи королевскаго чиновника, это было необходимымъ правиломъ. Бургундская Правда строго воспрещаетъ сговариваться о мировой сдѣлкѣ втайнѣ. Законы Меровинговъ также не допускаютъ входить въ соглашеніе «внѣ присутствія судьи» [2]. Намекается на это правило и въ обѣихъ Франкскихъ Правдахъ, которыя говорятъ о заключеніи мировыхъ сдѣлокъ только на mallus. Тоже еще лучше подтверждается формулами, которыя начинаются всѣ съ имени графа, въ присутствіи котораго совершалась мировая сдѣлка. Потому то она, будучи по существу своему частнымъ договоромъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, съ одной стороны и судебнымъ актомъ. Государственная власть не отстраняется отъ нея, она даетъ ему силу хотя бы своимъ присутствіемъ. Но, какъ мы видѣли, графъ никогда не бываетъ одинъ въ своемъ трибуналѣ. Если мы видимъ иногда, что онъ судитъ одинъ, то это происходитъ только тогда, когда преступника полагается приговорить къ смерти, никогда при переговорахъ о мировой сдѣлкѣ. Въ послѣднемъ случаѣ всегда присутствуютъ рахинбурги, они поименно обозначаются въ актахъ. Присутствіе ихъ признавалось, оказывается,

[1] Это хорошо выраженъ въ формулѣ *Bignon*. № 8, Rozière № 468: „Ponitur in notitia qualiter homo nomen ille hominem aliquem nomen illum adsalisset et interfecisset; sed veniente parentes et amici ipsius hominis interfecti ante illo comite, interpellabant ipsum hominem...“

[2] *Pactus pro tenore pacis*, 3: „Si quis occulte sine iudice compositionem acceperit, latroni similis est.“

еще необходимѣе для постановленія о выкупѣ, чѣмъ для произнесенія смертнаго приговора. Смертный приговоръ былъ дѣломъ королевскаго чиновника; мировая сдѣлка—дѣломъ рахинбурговъ, епископа, *boni homines*.

3. Если обвинитель требовалъ композиціи, то онъ обращался не къ графу, а къ рахинбургамъ [1]. Графъ ея и не назначалъ; въ франкскихъ законахъ формально высказано, что это дѣлали рахинбурги [2]. Въ формулахъ вопросъ представляется подъ различными видами, а именно двоякимъ образомъ. Формула то заставляетъ предполагать, что происходило два послѣдовательныхъ суда, одинъ, постановлявшій, что заслужена смертная казнь, и затѣмъ другой, судъ boni homines, выдвигавшій вопросъ о примиреніи противныхъ сторонъ и о выкупѣ [3]. Иногда такого различія не дѣлается, но формула выражаетъ тогда слѣдующее: обѣ стороны явились передъ графомъ... и *boni ho-*

[1] LVII глава Салической Правды имѣетъ въ виду тотъ случай, когда рахинбургамъ не принадлежала инициатива предложить мировую; тогда „debet eis dicere is qui causam persequitur: hic ego vos tancoro, ut legem dicatis secundum legem salicam“. Первый разъ упоминающееся здѣсь слово—*legem* не значитъ „законъ“, но обозначаетъ „узаконенную“ для выкупа сумму, откуда и происходитъ выраженіе „legem solvere“, „totam legem implere“ (XL, 9; LVIII, 1 и 2).

[2] *Lex Salica*, LVI, 1: „Quod ei a rachineburgiis fuerit iudicatum... Rachineburgius iudicavit, ut...“—*Lex Ripuaria*, LV: „Raginburgiis recte dicentibus“.

[3] *Formulae Turonenses*, 32: „Tale dederunt iudicium, ut sententiam mortis ad hoc scelus excepissent. Sed intervenientibus bonis hominibus aliter eis convenit, ut iamdicti homines pro redemptione vitae eorum solidos tantos dare deberent“. *Marculf*. II, 18: „Vitae periculum incurrere potueras; sed intervenientes sacerdotes et magniici viri nos ad pacis concordiam visi sunt revocasse ita, ut solidos tantos mihi dare debueras“.

mines произнесли судъ надъ ними [1]. Это значитъ, что, если *ius gladii* принадлежало одному графу, то въ области мировыхъ сдѣлокъ первенствующую роль играли *boni homines* или рахинбурги. Отсюда выросла такая особенность: прочитайте разсказы о судахъ, на которыхъ постановлялась смертная казнь, можетъ показаться, что графъ дѣйствовалъ тамъ одинъ; прочитайте законы и формулы, въ которыхъ говорится о мировой сдѣлкѣ, и вы скажете, что рахинбурги функціонировали тутъ одни безъ графа. Дѣло въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ формулы обращаютъ вниманіе только на того, кто игралъ наиболѣе дѣятельную роль.

4. Общимъ принципомъ франкскаго судопроизводства была отвѣтственность судей за ихъ рѣшенія. Графъ былъ отвѣтственъ передъ королемъ за слишкомъ большую строгость или за слишкомъ большую снисходительность, оказанную имъ по отношенію къ преступникамъ [2]. Но въ дѣлѣ мировыхъ договоровъ отвѣтственъ былъ уже не графъ, а рахинбурги. Если они ошибались въ цѣнѣ соглашенія, то ихъ могла преслѣдовать обиженная ими сторона, и они подлежали уплатѣ штрафа въ ея пользу [3].

[1] *Formulae Senonicae*, 11, 51; *Bignonianae*, 27; *Merkelianae*, 39.

[2] *Edictum Guntramni—Praceptio Chlotarii*, 6: „Si iudex aliquem contra legem damnaverit, in nostri absentia ab episcopis castigetur".—Слова *in nostri absentia* означаютъ: „если мы сами не измѣнимъ его приговора"; они намекаютъ на то, что король могъ вмѣшиваться въ судъ раньше епископовъ.

[3] *Lex Salica*, LVII, 3. *Lex Ripuaria*, LV. У насъ нѣтъ, впрочемъ, ни одной формулы, которая показывала бы намъ, какъ рѣшались этого рода дѣла.

5. Государственная власть устранялась, какъ только рѣчь заходила о композиціи; она не арестовывала виновнаго тогда даже, когда онъ признавался въ самыхъ большихъ преступленіяхъ. Онъ оставался на свободѣ и возвращался къ себѣ. Графъ не заставлялъ даже уплачивать цѣну соглашенія себѣ; она прямо поступала къ родственникамъ убитаго. Государственная власть имѣла только право на *fredum*: утверждая мирное соглашеніе между противными сторонами, она взыскивала въ свою пользу одну треть. Но даже право на эту треть она пріобрѣтала лишь въ тотъ день, когда уплачивался выкупъ сполна [1].

6. Вполнѣ понятно, что цѣна выкупа не могла быть представлена тотчасъ же. Судъ и не требовалъ этого. Достаточно было, чтобы виновный обязался уплатить ее. На языкѣ Салической Правды это называлось *fidem facere* [2]. Онъ представлялъ также поручителей или залоги, какъ указано въ формулахъ [3]. Отсрочки для платежа давались достаточно

[1] Это опредѣленно высказано въ Рипуарской Правдѣ, ст. 89; мнѣ кажется, то же указано въ 50 главѣ, 4 статьѣ Салической Правды.

[2] *Lex Salica*, L (de fides factas): „Si quis alteri fidem fecerit... si noluerit fidem factam solvere... Si adhuc noluerit componere... Dicat, de qua causa et quantum ei fidem fecerit". — Четвертая статья показываетъ, что рѣчь шла о займѣ, заключенномъ для мировой сдѣлки, такъ какъ двѣ трети суммы должны были быть уплачены истцу и одна треть въ качествѣ fredum графу.

[3] *Formulae Turonenses*, 32: „Intervenientibus bonis hominibus taliter eis convenit, ut wadios suos pro solidos tantos dare deberent".—*Marculf*. II, 18: „Et in praesenti per wadio tuo visus es transsolvisse".—*Senonicae*, 27: „Fuit iudicatum, ut per wadium meum eam causam contra vos componere debeam".—*Merkelianae*,

продолжительныя для того, чтобы данное лицо могло продать землю или движимость и добыть нужную сумму. Въ этотъ промежутокъ оно находилось не въ положеніи виновнаго, а въ положеніи должника, равно какъ и противная сторона являлась уже не обвинителемъ, а кредиторомъ. Если уплата не была произведена въ назначенный день, то кредиторъ начиналъ съ заявленія претензіи на имущество своего должника [1]. Немного погодя, онъ обращался къ графу и приглашалъ его произвести отобраніе имущества. Имущество продавалось по требуемой для платежа цѣнѣ [2]. Если имущество было недостаточно для того, чтобы «выполнить» условленный выкупъ, и если никто изъ родичей и никто изъ постороннихъ не хотѣлъ выкупить виновнаго, тогда мировая сдѣлка отмѣнялась сама собою, и виновнаго предавали смерти безъ новаго суда [3].

7. Всякая композиція служила поводомъ къ составленію письменнаго документа; но не слѣдуетъ

39: „Taliter ei, iudicaverunt, ut ipsam leodem ad ipsos parentes rewadiare deberet." — Ср. *Turonenses*, 32: „Unde et fideiussorem pro ipsos solidos hominem illum obligaverunt".

[1] *Lex Salica*, L, 2.

[2] *Ibidem*, L, 3, и 4: „Ille, cui fides facta est, ambulet ad grafionem et dicat... securus mitte in fortuna sua manum... Tunc grafio colligat secum septem rachineburgios idoneos et ad casam illius, qui fidem fecit, ambulet... Tunc rachineburgii pretium quantum valuerit debitus de fortuna sua illi tollant".

[3] *Ibidem*, LVIII, 1, 2. Виновный дѣлался иногда рабомъ того, кому онъ не могъ уплатить композиціи. — *Bignonianae*, 27: „Dum ipsos solidos minime habui unde transsolvere debeam, sic mihi aptificavit, ut brachium (tuum) in collum (meum) posui.. in ea ratione, ut interim quod ipsos solidos vestros reddere potuero, servitium vestrum facere et adimplere debeam".

представлять его себѣ въ видѣ судебнаго приговора, который исходилъ бы отъ государственной власти, который былъ бы написанъ графомъ или отъ его имени и оканчивался бы приказомъ о приведеніи въ исполненіе. Ничего подобнаго мы не находимъ въ нашихъ сборникахъ формулъ, и это, вѣроятно, зависитъ отъ того, что ни одинъ такого рода актъ относительно мировой сдѣлки и не составлялся государственною властью. Тотъ актъ, который мы здѣсь находимъ, носилъ, наоборотъ, вполнѣ частный характеръ. Это была грамота, написанная одною изъ сторонъ и адресованная другой. Такъ какъ композиція была простымъ соглашеніемъ между двумя людьми, то соглашеніе это должно было быть удостовѣрено грамотой, которая служила бы свидѣтельствомъ на будущее время. Иначе семья убитаго могла бы снова явиться въ судъ и требовать возмездія за то же преступленіе. Получая выкупъ, она должна была отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго судебнаго преслѣдованія. Для этого писалась особая грамота, носившая названіе *charta compositionalis* [1] или *securitas*; послѣднее выраженіе обозначало на правовомъ и разговорномъ языкѣ квитанцію или пріемную росписку [2]. Въ такой грамотѣ заявлялось всегда о трехъ вещахъ: прежде всего обозначалось преступленіе, которое было совершено, потомъ договоренная сумма выкупа и, на-

[1] *Formulae Andeganenses*, 31, 32.

[2] Таково значеніе слова *securitas* въ Дигестахъ, XXVII, 4, 1, § 6 и въ Кодексѣ Θеодосія, V, 13, 20; XI, 1. 19; XI, 26, 2. То же значеніе оно сохранило и въ формулахъ. Замѣтьте, что формулы эти, называемыя *securitates*, вполнѣ римскія по содержанію и по языку. То же значеніе сохраняется за этимъ словомъ въ *Edictum Theoderici*, 144.

конецъ, обязательство той стороны, которая получала эту сумму. Составлялась она, обыкновенно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такъ какъ ты убилъ моего брата, то подлежалъ за это смертной казни, но вмѣшательство священниковъ и ниже поименованныхъ высокихъ лицъ призвало насъ къ примиренію, подъ условіемъ, чтобы ты заплатилъ мнѣ такое то число солидовъ; ты уплатилъ ихъ, и я объявляю, что ты расчитался за это дѣло[1]. Поэтому было условлено, что я напишу тебѣ настоящую росписку съ тѣмъ чтобы въ будущемъ тебѣ нечего было бояться какихъ-нибудь требованій или ущерба за смерть моего брата ни отъ меня, ни отъ кого изъ моихъ наслѣдниковъ, ни отъ какого судьи, ни отъ кого на свѣтѣ, что ты свободенъ и освобожденъ отъ всякихъ преслѣдованій за это дѣло»[2].—«Я пишу тебѣ настоящую грамоту для того, говорится въ другой формулѣ, чтобы за преступленіе это тебѣ нечего было бы бояться никакого судебнаго преслѣдованія или иска за совершенное убійство, ни отъ меня, ни отъ моихъ наслѣдниковъ, ни отъ кого другого вообще»[3].

[1] *Marculf.* II, 18: „Ita ut pro ipsa causa solidos tantos in pagalia mihi dare debueras, quos et in praesenti per wadio tuo visus es transsolvisse, et nos ipsa causa per fistuca contra te visi sumus werpisse“. Ср. *Paul.* Sententiae, II, 18, 10, истолкованныя въ *Lex romana Wisigothorum.*

[2] «Propterea, iuxta quod convenit, hanc epistolam securitatis in te nobis conscribere complacuit, ut de ipsa morte germani nostri nec a me nec ab heredibus meis aut suis nec de iudiciaria potestate nec a quolibet nullo casu nec refragatione aliqua aut damnetate amplius habere non pertimescas, sed in omnibus exinde eductus et absolutus appareas».

[3] *Formulae Turonenses*, 38: „Pro integra compositione pro parente meo pro ipsa morte, (m i hi) solidos tantos dedisti: ideo hanc epistolam securitatis tibi emittendam decrevi, ut neque a me neque ab heridibus meis neque a qualibet persona nullam calumniam neque repetitionem de illo homicidio habere non pertimescas“.—Надо замѣтить, что слово *calumnia* обозначало на языкѣ того времени судебное преслѣдованіе (см. *Lex Burgundionum*, VI, 2), чаще всего несправедливое преслѣдованіе.—То же самое — въ *Andegavenses*, 39.

Хорошо замѣтить, что люди, писавшіе такія грамоты, никогда не ссылаются на существованіе какого-то права частной войны, какъ стремится доказать одна новѣйшая научная теорія, построенная на толкованіи слова *faida*. Въ документахъ объ этомъ не говорится ни одного слова. Рѣчь идетъ лишь о судебномъ преслѣдованіи; отъ него то и отказывается заинтересованная сторона, получая композицію, и даетъ обязательство не заводить новаго процесса[1]. Согласно древне-римскому обычаю, грамота часто заканчивалась даже назначеніемъ штрафа, которому долженъ будетъ подвергнуться составитель ея въ случаѣ нарушенія уговора: «Всякій, кто будетъ тревожить тебя, кто затѣетъ новое дѣло, долженъ будетъ уплатить тебѣ столько то золотыхъ»[2]. Это контръ-композиція на случай, если первая сдѣлка будетъ нарушена. Иногда грамота типа «securitas» сопровождалась еще присягой обѣихъ сторонъ[3].

[1] Это ясно указано еще въ *Bignonianae*, № 9, гдѣ говорится, что виновному нечего будетъ бояться „nullam remallationem“.

[2] *Formulae Turonenses*, 38: „Si quis aut ego ipse aut ullus.. contra hanc securitatem venire aut agere tentaverit... qui litem intulerit solidos tantos componat“.—Ср. *Marculf.* II, 18; *Senonicae*, 11; 51.

[3] *Gregor.* VII, 47 in fine: „Tunc dato argento... accepta securitate, componunt, datis sibi invicem sacramentis, ut nullo unquam tempore contra alteram pars altera mussitaret“.

Этимъ свидѣтельствомъ или роспиской заканчивалась вся процедура о композиціи, и «дѣло погашалось», какъ говорятъ документы [3]. Преслѣдовать судомъ

[3] *Turonenses*, 38: „Sit inter nos calcanda causatio".

Сравненіе съ другими германскими государствами.

Если мы сравнимъ съ фанкскимъ правомъ другія законодательства той же эпохи, мы увидимъ прежде всего, что сокращенный сводъ, данный Теодерихомъ Остготскимъ всѣмъ его подданнымъ безъ различія расъ, не содержитъ въ себѣ композиціи; онъ назначаетъ смертную казнь за убійство (ст. 99), за кражу животныхъ (56), за продажу въ рабство свободнаго человѣка (78), за прелюбодѣяніе (38 и 39), похищеніе (17), подлогъ (41), за захватъ имущества (47). Но изъ того, что мировая сдѣлка вовсе не внесена въ эдиктъ Теодериха, изъ того что она не признана была закономъ въ государствѣ Остготовъ, мы не выводимъ заключенія, что она не существовала тамъ и на дѣлѣ.—Вестготская Правда также не допускаетъ ее, какъ законный порядокъ, она наказываетъ преднамѣренное убійство смертью. См. VI, 11 (*antiqua*): „Omnis homo, si voluntate non casu occiderit hominem, pro homicidio puniatur". — Церковь однако произвела первое смягченіе этой строгости древняго закона: если убійца находилъ убѣжище въ церкви, его выдавали родственникамъ убитаго—подъ условіемъ, что они не предадутъ его смерти (VI, 5, 16; 18). Затѣмъ помимо этого случая, Правда короля Хиндасвинта постановляетъ, что убійца будетъ преданъ смерти или выданъ родственникамъ убитаго, „которые сдѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ". Ясно, что эти родственники заставятъ его выкупить себя, то-есть, заплатить композицію или же, если онъ окажется несостоятельнымъ, сдѣлаютъ его своимъ рабомъ. Далѣе, согласно Вестготской Правдѣ, мировая сдѣлка признавалась законною въ случаѣ невольнаго убійства, такъ какъ здѣсь надо было возмѣстить убытки (VI, 5, 4—9; VIII, 4, 16). Существовала тамъ также „compositio furti" (V, 5, 3; VII, 35) и „compositio damni" (VIII, 3, 2, VIII, 4, 2).—Лонгобардская Правда постановляетъ смертную казнь за преступленія, совершенныя противъ государства (*Rotharis*, 1, 3, 4, 6),

не могла больше даже государственная власть, разъ она допустила соглашеніе.

ГЛАВА XV.

Отношенія королей съ Церковью.

Франки не ввели въ Галліи своей старой германской религіи; они сдѣлались христіанами, какъ только вступили въ эту страну. Не знаю, слѣдуетъ ли по-

за убійство мужа женою (*ibid.* 203), за прелюбодѣяніе жены (*ibid.* 211, 212). За прочія преступленія виновные должны или умереть, или уплатить выкупъ: „aut moriatur aut componat" (*Rotharis*, 19); „aut componat 80 solidos aut animae suae incurrat periculum" (*ibid.* 253): „aut occidatur aut redimat animam suam" (*ibid.* 280). Ср. 20-ю статью эдикта Ліутпраида, которая предписываетъ конфискацію имущества и добавляетъ, что такимъ путемъ „homicida animam suam liberat", выкупаетъ свою жизнь. Въ другихъ случаяхъ, король могъ выбирать между смертной казнью и мировой сдѣлкой; *Rotharis*, 9: „Aut det animam aut qualiter regi placuerit componat";—„Animae suae incurrat periculum aut redimat animam suam, si obtinere potuerit a rege";—163: „De anima illius homicidae sit in potestate regis iudicare, quod illi placuerit". — Мировая сдѣлка вполнѣ преобладаетъ въ Правдахъ Аламанновъ и Баваровъ. *Lex Alamann.* XLIX; *Lex Baiuvar.* II, III.—Смертную казнь онѣ присуждаютъ только за преступленія, совершенныя противъ короля Франковъ или противъ областного герцога. *Lex Alamann.* XXIV: *Lex Baiuvar.* II, 1—4. Но и тутъ герцогъ все таки могъ разрѣшить виновному выкупить себя: „Aut vitam perdat aut se redimat" (*Lex Alamann.* XXIV; *Lex Baiuvar.* II, 4, 3). — Приходится признать, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, все это согласуется съ тѣмъ, что мы говорили о франкскомъ правѣ.

лагаться на легенду, сложившуюся объ ихъ обращеніи святымъ Ремигіемъ. Достовѣрно одно, что, съ начала шестого вѣка, документы не обнаруживаютъ намъ больше Франковъ-язычниковъ [1]. Развѣ только нѣкоторыя житія святыхъ наводятъ на мысль, что ихъ оставалось очень немного въ области Турнэ [2] или Кельна [3]. Мы находимъ также нѣкоторые старые языческіе обычаи сохранившимися въ деревняхъ; но это обычаи народные, которые всегда удерживаются у обращенныхъ племенъ; они не доказываютъ, стало

[1] У насъ есть одинъ указъ Хильдеберта I, (*Sirmond*, I, 300; *Pardessus*, № 154; *Boretius*, p. 2), который запрещаетъ сохранять въ домахъ идоловъ, одинъ Гунтрамна и еще одинъ Хильдеберта II, которые предписываютъ соблюденіе воскреснаго отдыха. Мы очень ошиблись бы, если-бы взглянули на эти документы, какъ на признаки язычества. Они доказываютъ, наоборотъ, что короли не признавали существованія языческаго культа. Они даже подтверждаютъ, что все населеніе страны было христіанскимъ, хотя нѣкоторыя отдѣльныя лица и хранили у себя языческіе амулеты и продолжали придерживаться нѣкоторыхъ обычаевъ своихъ предковъ. Прочитайте эти три документа, и вы не найдете въ нихъ ни одного слова, которое указывало бы, что языческая религія существовала еще въ Галліи.

[2] И все таки не слѣдуетъ думать, что Турнэ осталось языческою страною; тамъ были епископы съ начала шестого вѣка. Въ 527 году въ Турнэ происходилъ соборъ, и можно замѣтить, что отцамъ его пришлось дѣйствовать не противъ язычества, а противъ „волновавшихъ страну ересей“ (*Labbat*, Coll. concil. Galliae, col. 929).

[3] Григорій Турскій вспоминаетъ еще о языческихъ идолахъ въ Кельнѣ при королѣ Теодерихѣ I (*Vitae patrum*, VI, 2). — Слѣдуетъ вообще осторожно довѣряться агіографамъ, охотно приписывающимъ своимъ героямъ подвигъ обращенія язычниковъ; см. напримѣръ, Vita Radegundis, II, 2.

быть, что оффиціально Франки не были христіанами [1]. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы упоминанія ни о языческомъ жрецѣ, ни о языческомъ алтарѣ, ни о языческихъ божествахъ. Короли франкскіе были настолько убѣжденными и ревностными христіанами, что спорили о догматическихъ вопросахъ, стремились обратить Евреевъ [2]. Дворъ ихъ былъ вполнѣ христіанскимъ, какъ въ Австразіи, такъ и въ Нейстріи [3]. Знатныя лица франкской расы жаловали земли церквамъ; многіе изъ нихъ дѣлались монахами и священниками.

Франки не были аріанами, какъ Бургунды и Готы. Они приняли вѣроисповѣданіе, которое нашли у населенія Галліи, то-есть, католичество. Слѣдствіемъ этого было то, что отношенія ихъ къ церкви не оказались таковы, какія можно было бы ожидать между пришлымъ народомъ и духовенствомъ чуждой или враждебной ему вѣры. Съ перваго же момента они стали по отношенію къ Церкви въ положеніе людей вѣрующихъ. Галльское духовенство сдѣлалось ихъ духовенствомъ; они были покорны ему, почитали его, повиновались ему, обогащали его. Высшимъ стремленіемъ наиболѣе знатныхъ между Франками часто было получить епископскій санъ.

Церковь также не дѣлала различія между расами;

[1] Перечисленіе этихъ остатковъ старыхъ суевѣрій можно найти въ проповѣди, приписываемой святому Элигію (Vita Eligii, II, 15). Въ моментъ обращенія церковь не рѣшалась осуждать эти обычаи. Она рѣшилась на это лишь сто лѣтъ спустя.

[2] *Gregor*. V, 45; VI, 5.

[3] *Decretio Childeberti*, c. 2, объявляетъ исключеннымъ изъ дворца всякаго, кто не будетъ повиноваться своему епископу. Во дворцѣ не было, значитъ, ни одного язычника.

основной ея догматъ самъ по себѣ отвергалъ бы такую исключительность. Франки и Римляне были для нея безусловно братьями. Съ другой стороны, въ ней никогда не проявлялось того патріотизма, который заставляетъ ненавидѣть чужеземца и проклинать завоевателя. Она не питала сама и не поддерживала въ сердцахъ мірянъ никакого чувства ненависти къ новопришельцамъ; какъ только они обратились въ ея вѣру, она приняла ихъ, какъ своихъ, дала имъ доступъ въ свои монастыри, въ свое духовенство, даже въ епископатъ.

Христіанство, разсматриваемое только со стороны его вліянія на политику и на управленіе обществами, внесло въ міръ нѣчто совершенно новое: отдѣленіе религіи отъ государства. Эти двѣ сферы были тѣсно связаны въ древности; каждое государство или каждая община имѣли свою особую вѣру, свой собственный культъ, своихъ боговъ. Даже Римская имперія не удалилась отъ такой традиціи или необходимости. Эта великая держава, повидимому, такъ близко похожая на современныя, выработала однако также свою особенную, ей индивидуально присущую религію; это была религія «Рима и Августа». Надъ нею могутъ смѣяться современные люди, какъ они смѣются надо всѣмъ, чего больше не понимаютъ; но она находитъ себѣ прекрасное объясненіе если вспомнить, что обоготворять такъ или иначе государство, воплощать въ него извѣстное вѣрованіе, связывать съ нимъ культъ, составляетъ тенденцію, постоянно раскрывающуюся въ человѣчествѣ.

Эта особенность въ частности объясняетъ гоненія противъ христіанъ. Ихъ судили и осуждали не потому, что они были христіанами, а потому, что они отказывались признать апоѳеозъ государственной власти. Императорская администрація преслѣдовала ихъ во имя оффиціальной связи, существовавшей тогда между вѣрованіемъ и государствомъ. Требовали отъ нихъ не того, чтобы они вѣрили въ Аполлона, Меркурія, Митру или Сераписа, но того, чтобы они признавали священною Имперію, поклонялись божеству Августа и Рима. Не отдавая себѣ въ томъ яснаго отчета, христіане боролись за отдѣленіе вѣры отъ государства. Торжество ихъ было торжествомъ этого принципа.

Потомъ возникла другая, новая проблема. Соприкосновеніе между этими отдѣлившимися другъ отъ друга съ того времени областями было неизбѣжно, такъ какъ церковь и государство являлись двумя обществами, состоявшими изъ однихъ и тѣхъ же людей. Государь былъ сыномъ церкви, народъ былъ одновременно подчиненъ и церкви, и государю. Отсюда произошла такая сложность частной и государственной жизни, о какой древніе народы не имѣли даже понятія. Государство было властью, церковь была другой властью, и обѣ они были соединены, связаны, перепутаны одна съ другою, причемъ каждой изъ нихъ не легко было отграничить свою собственную область. Тогда то и возникъ вопросъ, могутъ ли обѣ эти власти жить вполнѣ независимо одна отъ другой, или, наоборотъ, которая-нибудь изъ двухъ должна пріобрѣсти первенство надъ другою.

Чтобы понять то, что въ данномъ кругу отношеній происходило въ продолженіе меровингской эпохи, необходимо сначала разсмотрѣть, каково было вну-

треннее устройство христіанской церкви въ тотъ моментъ, когда Франки вошли въ соприкосновеніе съ нею.

I.

Внутренняя организація церкви въ пятомъ вѣкѣ.

Церковь пятаго вѣка не оставалась такою же, какою она являлась въ первоначальную эпоху. Демократическій духъ, свобода вѣры предоставлявшаяся почти каждой личности, колебанія въ догматахъ,—все это исчезло. Догматы были установлены, и церковь стала іерархически устроеннымъ обществомъ. Первымъ и наиболѣе радикальнымъ отличіемъ отъ первоначальнаго ея устройства было отдѣленіе клира отъ міра. Совершенно новымъ въ человѣческомъ обществѣ это явленіе назвать нельзя. Всѣ древнія религіи ставили жреца выше народной массы и считали его посредникомъ и ходатаемъ между человѣкомъ и божествомъ. Въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ существовали даже наслѣдственныя жречества, и у другихъ народовъ были жреческія касты. Въ христіанской религіи духовенство носило сначала демократическій характеръ. Въ каждомъ городѣ христіане образовывали общину, называемую ими «собраніемъ», ἐκκλησία. Эта маленькая община выбирала сама себѣ ревностныхъ руководителей, называвшихся «старѣйшими», πρεσβύτεροι. Выше ихъ она ставила еще «наблюдателя», ἐπίσκοπος. Въ ней назначалось, наконецъ, нѣсколько низшихъ должностныхъ лицъ, на которыхъ возлагались матеріальныя заботы о культѣ или управленіе имуществомъ общины; они назывались «служителями», διάκονοι. Такимъ образомъ были учреждены «высшіе духовные чины»—епископы, священники и діаконы. Къ нимъ

прибавились еще ипо-діаконы, причетники, пѣвчіе или псаломщики, мартираріи или хранители мощей, эксорцисты. Сначала всѣ эти люди были лишь избранниками общины, но понемногу ихъ болѣе священный, какъ бы болѣе близкій къ Богу характеръ возвысилъ ихъ надъ нею. Они стали представляться въ глазахъ людей какъ бы спеціальнымъ высокимъ сословіемъ. κλῆρος, то-есть, избранными Богомъ; всѣ же, кто не входилъ въ ихъ ряды, были толпою, λαός: вотъ передъ нами—клиръ (духовенство) и міряне [1].

Само духовенство получило особое внутреннее устройство, дисциплину и іерархію. Организація церкви слагалась въ то время, когда еще господствовала Римская имперія, и, естественнымъ образомъ, оно взяло за образецъ ея учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ, церковь лишь до тѣхъ поръ боролась съ свѣтскимъ обществомъ, пока поступать иначе было невозможно; какъ только обстоятельства измѣнились, она поспѣшила вступить съ нимъ въ мирное соглашеніе. Имперія была раздѣлена на провинціи и общины, церковь также раздѣлилась на провинціи и общины. Муниципальная территорія, служившая административною единицею въ государствѣ, стала такъ же единицею церковной организаціи. Сначала ее называли не епархіей, а παροικία —приходомъ. Въ томъ же смыслѣ терминъ этотъ встрѣчается и у писателей шестого вѣка, и спеціально у Григорія Турскаго. Онъ обозначалъ такъ весь подвѣдомственный епископу округъ, то-есть, всю территорію духовной общины. Глава ея сохранилъ свой старый титулъ, *episcopus*; но къ нему присоединились еще титулы *sacerdos* и *pontifex*. Этими двумя терминами обозначались до тѣхъ поръ провин-

ціальные высшіе жрецы въ языческой религіи имперіи. Занявъ ихъ мѣсто, епископы приняли ихъ титулы [1].

Обязанности епископа были многочисленныя и высокія. Онъ наблюдалъ за поддержаніемъ вѣры и за наставленіемъ въ догматахъ. Онъ совершалъ таинства; нѣкоторыя изъ нихъ, такія, какъ конфирмація, освященіе алтарей, церквей и кладбищъ, не могли быть совершены безъ него; онъ почти исключительно совершалъ также крещеніе. При посвященіи въ духовный санъ, одинъ онъ ставилъ священниковъ и діаконовъ. Онъ завѣдывалъ матеріальными богатствами церкви, руководилъ хозяйствомъ на ея земляхъ, сдавалъ ихъ въ аренду, получалъ доходъ и производилъ расходы, раздавалъ жалованье духовнымъ лицамъ различныхъ званій. Ему принадлежала, наконецъ, юрисдикція, обязательная для духовныхъ лицъ и добровольная для мірянъ. Подобныя полномочія дѣлали изъ него настоящаго государя по отношенію ко всѣмъ клирикамъ его округа.

Надъ епископами возвышались митрополиты. Титулъ архіепископа сталъ употребляться въ Галліи только съ конца седьмого вѣка [1]. Если происхожденіе слова «митрополитъ» было греческое, то значеніе его стало римскимъ. Мы замѣтимъ, дѣйствительно, что почти всѣ термины въ духовной организаціи—греческіе, но что сама организація чисто римская. Метрополіей называли во время имперіи главный изъ муниципіевъ въ провинціи. Такъ какъ въ административномъ отношеніи онъ стоялъ выше другихъ, то и лицо, которое было въ немъ епископомъ, оказалось выше другихъ епископовъ. Это не значитъ, что епископы и митрополиты являлись, какъ въ наши дни,

двумя ступенями церковной іерархіи. Чтобы сдѣлаться митрополитомъ, не считалось необходимымъ пройти черезъ санъ простого епископа. Всѣ епископы обладали общимъ титуломъ [1] и полномочіями; только епископъ главнаго города былъ первымъ по рангу среди епископовъ провинціи. Первенство это становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ съ теченіемъ времени; оно уже твердо устанавливается антіохійскимъ соборомъ 341 года [2]. Отъ суда епископа аппеллировали къ суду митрополита. Митрополитъ разбиралъ споры между епископами.

Выше митрополитовъ тогда еще не существовало опредѣленно установленной единой патріаршей власти. Казалось бы, что подражаніе имперіи должно было дойти до организаціи и церкви на монархическихъ началахъ; но этого не произошло. Императоры, вѣроятно, не желали чтобы подобная высшая церковная власть развивалась наряду съ ихъ авторитетомъ. Кромѣ того, надо вспомнить, что въ то самое время, когда государи и все общество приняли христіанство, въ имперіи оказались двѣ столицы; немного позднѣе, на одномъ западѣ Миланъ и Равенна сдѣлались оба резиденціями верховной власти. Переставъ быть столицею имперіи, Римъ не сдѣлался и столицею церкви, а епископъ города Рима не сталъ ея всемірнымъ главою. Но Римъ возвышался престижемъ, продолжавшимъ соединяться съ его именемъ; легенда объ апостолѣ Петрѣ, обезпечила ему первенство въ будущемъ, которое было подготовлено для него послѣдовательною и терпѣливою ловкостью папъ. Этого было достаточно для того, чтобы, за отсутствіемъ легальной

власти, дать Риму власть моральную, противъ которой никто не будетъ возражать.

Ниже епископовъ стояли въ изученную нами эпоху хорепископы. Терминъ этотъ означалъ руководителя религiозной жизни въ деревняхъ—χώρας ἐπίσκοπος. Муниципій, *civitas*, состоявщій изъ большого города и большой территоріи, на которой находились другіе города и много селеній, былъ слишкомъ обширенъ для того, чтобы одинъ епископъ могъ своими глазами наблюдать за всѣмъ, что происходило въ округѣ. Такъ какъ самъ онъ пребывалъ въ городѣ, то долженъ былъ появиться особый епископъ рядомъ съ нимъ для сельской территоріи; послѣдняго называли — *visitator*, *circuitor* или именно „хорепископомъ". Эта церковная должность была подчинена епископу, носитель ея являлся его уполномоченнымъ, выбраннымъ имъ самимъ намѣстникомъ [1]. Съ седьмого вѣка власть хорепископовъ показалась чрезмѣрно большою, и соборы задались цѣлью ослабить ее [2]. Въ десятомъ вѣкѣ они исчезли совсѣмъ.

Протоіереи и архидіаконы удержались дольше. О протоіереяхъ есть упоминанія у христіанскихъ писателей пятаго вѣка [3] такъ же, какъ и въ турскихъ, оксерскихъ и реймскихъ соборныхъ постановленіяхъ [4]. Трудно

[1] *S. Basilii*, Epistol. 181, 418; *Athanas*. Apologetic. Ср. акты антіохійскаго собора, ст. 10, анкирскаго ст. 13; для Запада — *Isidór. Sev*. De officiis ecclesiasticis, II, 6 (Patrologia, t. LXXXIII, col. 786, 787).

[2] Второй Севильскій соборъ, ст. 7.

[3] *S. Ieronym*. Ad Rusticum; *S. Leon*. Epist. 57, ad Dorum. Ср. *Socrat*. Hist. eccles. VI, 9; *Sozomen*. VIII, 12.

[4] Второй турскій соборъ 567 года, ст. 7 и 19 (*Sirmond*, I, 331, 335); оксерскій соборъ 578 года. ст. 43 (*ibidem*, 366); реймс-

было бы сказать съ точностью, каковы были полномочія протоіерея; повидимому, они не отличались строгою опредѣленностью. Они мѣнялись въ зависимости отъ времени, отъ мѣста и, быть можетъ, въ зависимости отъ воли каждаго епископа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, протоіерей просто былъ первымъ изъ священниковъ епархіи, въ другихъ случаяхъ, протоіереевъ оказывается нѣсколько; каждый изъ нихъ въ такомъ случаѣ ставился во главѣ части епархіи, напримѣръ, въ небольшомъ городѣ и имѣлъ власть надъ низшими священниками округа. Такъ Григорій Турскій показываетъ намъ въ лангрской епархіи, протоіерея, «управлявшаго городомъ Тоннеромъ» [1].

Архидіаконъ руководилъ всѣми богослуженіями, вѣдалъ дисциплину клириковъ, распоряжался употребленіемъ доходовъ и раздачею жалованій. Епископъ выбиралъ его по своей волѣ; онъ могъ и отрѣшить его отъ должности [2] или, по меньшей мѣрѣ, оставивъ ему титулъ, передать его должность другому лицу [3]. Архидіаконская функція принадлежала, повидимому, къ числу тѣхъ, которыя требовали особенно много ума и вниманія [4]. Такъ какъ санъ діакона іерархически

скій соборъ 630 года, ст. 49, (*ibidem*, 483); шалонскій соборъ 650 года, ст. II.

[1] *Gregor*. V, 5: „Ternodorensem castrum ut archipresbyter regeret".

[2] Григорій (IX, 37) говоритъ объ одномъ суассонскомъ архидіаконѣ, который былъ низложенъ епископомъ.

[3] Такъ постановляетъ Агдскій соборъ 506 года, ст. 23: „Si officium archidiaconatus implere nequiverit, ille loci sui nomen teneat, et ordinationi ecclesiae praeponatur, quem elegerit episcopus".

[4] Это вытекаетъ, во 1-хъ, изъ того, что Сидоній Аполлинарій (*Epist*. IV, 25) говоритъ объ одномъ архидіаконѣ: „In quo gradu multum retentus proprer industriam"; во 2-хъ, изъ

стоялъ гораздо ниже епископскаго и потому врядъ ли могъ затемнить его, то епископы не боялись ввѣрять діаконамъ большую власть. Они получали право судить отъ имени епископа всѣхъ духовныхъ лицъ [1] и пріобрѣтали такимъ путемъ болѣе высокія полномочія чѣмъ протоіереи.

Въ первые вѣка не существовало еще или рѣдко появлялось то, что мы называемъ теперь приходами. Христіанская религія утвердилась прежде всего въ городахъ, особенно въ большихъ городахъ, и ей была извѣстна вначалѣ лишь городская организація. По мѣрѣ того, какъ медленно совершалось обращеніе деревень, надо было основывать и сельскія церкви. Возникали онѣ мало-по-малу—упоминаются уже въ четвертомъ вѣкѣ [2] и становятся болѣе многочисленными въ пятомъ. Григорій Турскій показываетъ, какъ епископы его города постепенно устраивали церковные приходы въ наиболѣе значительныхъ селеніяхъ ихъ епар-

той статьи Агдскаго собора, въ которой говорится объ архидіаконахъ, что они не могутъ исполнять своихъ должностей „propter simpliciorem naturam".

[1] См. акты четвертаго орлеанскаго собора 541 года; оксерскаго 578 года, ст. 43; въ особенности же Маконскаго 581 г. ст. 8 (*Sirmond*, I, 372). — Архидіакону принадлежалъ надзоръ за тюрьмами; см. 5 орлеанскій соборъ 549 года, ст. 20.—Когда умиралъ епископъ, на архидіаконѣ лежало храненіе и управленіе епархіальнымъ имуществомъ; см. парижскій соборъ 614 г. ст. 7.—Въ одномъ, вышеупомянутомъ нами посланіи Сидоній Аполлинарій называетъ должность діакона *potestas*, а не только *dignitas*. Относительно юрисдикціи архидіакона въ седьмомъ вѣкѣ главный текстъ находимъ въ *Vita Leodegarii ab Ursino*, 2, *ab anonymo*, 1—2.

[2] *Sulpic. Sever.* Dialogi, I, 4.—Ср. *Innocentii Papae* Epistola ad Decentium, 5.

хіи [1]; и можно думать, что всѣ епископы другихъ городовъ поступали также. [2]. Священники для этихъ приходовъ назначались и облекались саномъ по власти мѣстнаго епископа; они оставались подъ его присмотромъ и зависѣли отъ него не только въ смыслѣ духовной дисциплины, но также и въ смыслѣ пользованія мірскими благами, такъ какъ тогда рѣдко случалось, чтобы приходы владѣли своими собственными средствами: епископъ одинъ являлся законнымъ владѣльцемъ всѣхъ церковныхъ имуществъ.

Болѣе распространены, чѣмъ сельскіе приходскіе храмы, были молитвенные дома или часовни (*oratoria*) на частныхъ помѣстьяхъ. Въ пятомъ, шестомъ и седьмомъ вѣкахъ существовало мало деревень, подобныхъ нашимъ современнымъ, то-есть, сплоченныхъ поселеній изъ небольшихъ свободныхъ владѣльцевъ. Чаще всего, крупное имѣнье, называвшееся *villa*, и занимавшее пространство, равновеликое территоріи современной сельской общинѣ, принадлежало одному владѣльцу.

[1] *Gregor.* X, 31, 3: „S. Martinus... in vicis Alingaviensi, Solonacensi, Ambaciensi, Condatensi, Tornomagensi, destructis delubris, ecclesias aedificavit".—X, 31, 4: „Briccius instituit ecclesias per vicos Calatonnum, Briccam, Rotomagum, Briotreidem, Cainonem. — Eustachius instituit ecclesias per vicos Brixis, Iciodorum, Luccas, Dolus". — X, 31, 6: „Tempore Perpetui aedificatae sunt in vicis Evina, Mediconno, Berrao, Vernado".—X, 31, 18: „Tempore Eufronii Tauriaco, Cerata, Orbiniaco vicis ecclesiae aedificatae sunt". — X, 31, 19: „In multis locis ecclesias et oratoria dedicavi".

[2] Сидоній Аполлинарій говоритъ о *rusticae parochiae* на югѣ Галліи; см. *Epistolae*, VII, 6.—Григорій Турскій часто называетъ эти приходы словомъ *dioecesis*, сохраняя для обозначенія епархіи слово *parochia*; см. IV, 13, IV, 18; V, 5 и т. д. Въ другихъ случаяхъ приходъ иногда называется *plebs*.

Въ предѣлахъ его обитало также количество людей, не меньшее, чѣмъ населеніе цѣлой деревни; но то были не крестьяне-собственники, а простые держальцы; одни были свободными людьми, другіе холопами или рабами, и всѣ они занимали господскую землю за оброкъ и барщину [1]. Въ устроенномъ такимъ образомъ частномъ помѣстьѣ находилась обыкновенно часовня [2]. Она принадлежала помѣщику и служила религіознымъ потребностямъ всѣхъ его слугъ и крестьянъ [3]. Владѣлецъ приписывалъ къ этой часовнѣ землю и выдѣлялъ доходъ, достаточный для содержанія ея причта [4]. Онъ долженъ былъ также самъ поставить для своей капеллы священника и причетниковъ, которыхъ онъ бралъ обыкновенно изъ числа людей своего помѣстья [5]; но назначалъ онъ ихъ не

[1] Соціальное положеніе ихъ мы опишемъ въ слѣдующемъ томѣ.

[2] Законъ 398 года въ Кодексѣ Θеодоссія, XVI, 2, 33) гласитъ: „Ecclesiis, quae in possessionibus, ut assolet, diversorum... sunt constitutae“. — Это тѣ храмы, которые въ актахъ Эпаонскаго собора 517 года называются *oratoria villaria* (ст. 25), а въ постановленіи агдскаго собора 506 года (ст. 21)—*oratoria in agro*, при чемъ слово *ager* означаетъ здѣсь земельную собственность, доменъ. Ср. Орлеанскій соборъ 541 года, ст. 26 и 33: „Si quis in agro suo habet dioecesim“; Шалонскій соборъ 650 года, ст. 14: „Oratoria per villas potentum constructa“.

[3] Агдскій соборъ 506 года, ст. 21: „Si quis etiam extra parochias oratorium in agro habere voluerit, ut ibi missas teneat propter fatigationem familiae, permittimus“. — Излишнею, конечно, будетъ оговорка, что слово *familiae* означаетъ въ этой фразѣ совокупность слугъ, то-есть, населеніе помѣстья.

[4] Орлеанскій соборъ 541 года, ст. 33: „Si quis in agro suo habet dioecesim aut postulat habere, primum terras ei deputet sufficienter...“

[5] *Ibidem*: „Deputet et clericos, qui ibidem sua officia impleant“.

иначе, какъ съ согласія и утвержденія мѣстнаго епископа [1]. Такіе доманіальные клирики бывшіе „людьми“ владѣльца, оказывались однако подчиненными епископу во всемъ, что касалось религіи, таинствъ и дисциплины, и состояли подъ юрисдикціей архидіакона [2]. Изъ подобныхъ находившихся въ частныхъ помѣстьяхъ моленъ и выросло огромное большинство сельскихъ церковныхъ приходовъ Франціи. Подобно тому, какъ современная деревня произошла чаще всего изъ древняго крупнаго помѣстья (*villa*), такъ же и приходская церковь очень часто образовалась изъ домовой часовни крупнаго помѣщика. Это фактъ, о которомъ надо будетъ вспомнить, когда мы дойдемъ до эпохи развитія феодальнаго порядка.

Остается сказать нѣсколько словъ о монастыряхъ. Отшельническая жизнь, неизвѣстная въ первыя времена христіанства, стала пользоваться большимъ почетомъ въ четвертомъ вѣкѣ, особенно на Востокѣ. Однако чистое пустыножительство всегда являлось исключеніемъ. Оно не одобрялось вождями церкви и всѣми, кто заботился о главныхъ ея интересахъ. Подъ вліяніемъ этого произошло, что отшельники рано стали соединяться между собою: монахи (анахореты) превратились въ общинниковъ (киновитовъ). Эти два слова—монахъ и киновитъ, обозначавшія въ буквальномъ смыслѣ противоположныя понятія, сдѣлались си-

[1] *Ibidem*, ст. 7: „Ut in oratoriis domini praediorum minime contra votum episcopi peregrinos clericos intromittant, nisi quos probatos districtio pontificis observare praeceperit“.

[2] Шалонскій соборъ 650 года, ст. 14 (*Sirmond*, I, 422).— Требовалось, чтобы въ большіе годовые праздники населеніе отправлялось въ городскую церковь; см. агдскій соборъ 506 г. ст. 21.

нонимами. Зависѣло это, конечно, оттого, что оба понятія ассоціировались между собой: одни и тѣ же люди были между собою киновитами, потому что жили общиною, но по отношенію къ внѣшнему міру они были отшельниками — монахами, анахоретами. Монастырь и обитель, общежитіе (*conventus*) стали пониматься въ одинаковомъ смыслѣ.

Въ Галліи всегда было мало настоящихъ пустынниковъ или затворниковъ, хотя Григорій Турскій и упоминаетъ нѣсколькихъ лицъ, спасавшихся въ такомъ полномъ уединеніи; но тамъ рано появились группы уходившихъ изъ міра, которыя соединялись въ общины. Главными изъ монастырей изученной эпохи могутъ быть названы слѣдующіе: монастырь, основанный въ 360 году въ Лигужэ близъ Пуатье святымъ Мартиномъ [1], монастырь Мармутье [2], Леринскій монастырь, основанный святымъ Гоноратомъ; Агонскій или монастырь святого Маврикія, учрежденный или расширенный бургундскимъ королемъ Сигизмундомъ въ 507—517 году; Анизольскій монастырь или св. Кале въ Манской епархіи [3]; монастырь Святого Креста, основанный близъ Пуатье около 558 года королевой Радегундой [4]. Когда святой Бенедиктъ установилъ свой орденъ въ Монте-Кассино въ Италіи, то одинъ изъ его учениковъ, святой Лавръ, былъ посланъ имъ въ Галлію и около 544 года основалъ тамъ монастырь въ честь святого Мавра на Луарѣ. Около 590 года,

[1] *Gregor*. Miracula Martini, IV. 30: „Monasterium Locociagense, quo congregatam monachorum catervam locaverat vir beatus"

[2] *Sulpic. Sever*. Vita Martini, 10.

[3] О немъ упоминаетъ Григорій Турскій, V, 14.

[4] *Gregor*. III, 7; VI, 29; IX, 42; X, 16; Gloria martyrum, 5.

наконецъ, святой Колумбанъ основалъ Люксейльскую обитель.

Монастыри учреждались по большей части не епископами; они не основывались также по общей тенденціи церкви: они возникали по свободному почину отдѣльныхъ лицъ. Иногда богатый владѣлецъ изъ благочестія строилъ обитель на собственныхъ своихъ земляхъ „жалуя ей одно изъ своихъ помѣстій и часто образуя братію изъ состава своихъ же слугъ и крестьянъ; такова исторія монастыря св. Ирьера въ Лиможской епархіи [1]. Иногда человѣкъ безъ собственныхъ средствъ просилъ у короля пожаловать ему землю для того, чтобы устроить на ней монастырское братство; такимъ образомъ были основаны Мисійскій монастырь св Месмина, Анизольскій монастырь св. Кале и много другихъ. Чтобы основать монастырь, надо было прежде всего имѣть землю и необходимо было также обладать мощами [2]. При наличности двухъ указанныхъ условій, легко уже было найти людей для заселенія монастыря: въ братію одинаково допускались Франки и Римляне, свободные и рабы [3].

[1] *Gregor*. X, 29: „Ex familia propria instituit monachos coenobiumque fundavit".—Ср. то, что говоритъ тотъ же писатель о папѣ Григоріи Великомъ, который основалъ на своихъ владѣніяхъ семь монастырей, будучи еще простымъ частнымъ лицомъ (X, 1). Житель Анжера Лициній также основалъ монастырь „in possessione sua" (*Gregor*. X, 31, 9).

[2] *Ibidem*, X, 29, Miracula Martyrum, 33, 39. De gloria confessorum, 50.—Главными мощами даннаго монастыря становился часто прахъ канонизированнаго его основателя.

[3] Монастыри принимали рабовъ, но рабовъ выкупленныхъ или съ разрѣшенія ихъ господина. *Gregor*. X, 29: „Aredius ex familia propria tonsuratos instituit monachos".—*Vita Bothildis*, 9: „Captivos redemit... et in monasteria intromisit".—*Vita Eligii*. I, 17;

Монастыри были независимы одинъ отъ другого. Монашескихъ орденовъ въ Галліи тогда еще не было. Каждый изъ нихъ владѣлъ собственнымъ имуществомъ; воглавѣ каждаго становился особый игуменъ, облекавшійся титуломъ *pater* или *abbas*. Установилось, впрочемъ, правило, чтобы всѣ монастыри епархіи подчинялись ея епископу... «Монастыри и дисциплинарная власть надъ монахами подвѣдомствены епископу мѣстной епархіи», говорится въ актѣ пятаго арльскаго собора [1]. Аббаты выбирались по большей части самими монахами [2], но епископу принадлежала юрисдикція надъ аббатами, съ правомъ принудительной власти [3]. Былъ установленъ тотъ принципъ, что монахи должны безусловно повиноваться аббату, аббатъ же—епископу [4].

„Usque ad trecentarum numerum, tam ex ancillis suis quam ex nobilibus matronis congregavit“.— *Vita Bercharii*, 14. Mabillon, Acta ss. II, 840: „Pretio suscepit captivas puellas octo quas Deo dicatas ibi manere constituit“.

[1] Арльскій соборъ 554 года ст. 2: „Ut monasteria vel monachorum disciplina ad eum pertineant episcopum, in cuius sunt territorio constituta“.

[2] Арльскій соборъ 455 года, Sirmond, I, 121: „Abbatis quem sibi congregatio elegerit“.

[3] Орлеанскій соборъ 511 года, ст. 19: „Ut abbates pro humilitate religiosi in episcoporum potestate consistant, et si quid extra regulam fecerint, ab episcopis corrigantur“. — Орлеанскій соборъ 533 года: „Abbates, qui episcoporum praecepta despiciunt, ad communionem non admittantur“. — Епископъ могъ заставить аббата покинуть его монастырь и заточить его простымъ монахомъ въ другой; см. Оксеррскій соборъ 578 года, ст. 23 и 26.

[4] Безъ разрѣшенія епископа аббату не дозволялось даже являться къ королю (Орлеанскій соборъ 511 года, ст. 7). Съ седьмого вѣка обстоятельства измѣнились; тогда замѣчается общее стремленіе къ освобожденію монастырей и ихъ аббатовъ отъ епископской власти. Сами епископы уступали этому стре-

Если мы теперь резюмируемъ и обнимемъ общимъ взглядомъ всѣ только что указанныя нами черты, характеризующія положеніе церкви въ изучаемую эпоху, мы признаемъ въ нихъ двѣ особенности. Прежде всего выясняется, что христіанское духовенство являлось могущественнымъ организмомъ, стоявшимъ рядомъ съ государствомъ, но внѣ его. Затѣмъ обнаруживается, что главнымъ органомъ и господствующею силою въ этомъ организмѣ оказывается епископатъ.

Христіанская церковь не составляла въ разсматриваемое время централизованнаго тѣла. Надъ нею не поднималось общей единодержавной власти. Риму принадлежало первенство, а не господство. Каждая епископія являлась какъ бы отдѣльною монархіею. Епископъ повелѣвалъ тамъ всѣмъ, не будучи самъ обязанъ повиноваться кому бы то ни было, соблюдая лишь должное почтеніе къ своему митрополиту. Христіанское общество было такимъ образомъ конфедераціею епископскихъ общинъ. Необходимость единства въ вѣроученіи живо чувствовалось однако въ обществѣ, но оно поддерживалось не верховною единоличною властью, а созывавшимися соборами, областными или вселенскими, которые представляли собою, въ сущности, съѣзды епископовъ. Епископатъ, стало быть, воплощалъ въ себѣ въ это время высшую власть въ церкви. Можно даже замѣтить, что на языкѣ эпохи слово «церковь» рѣдко употреблялось для обозначенія всего христіанскаго общества; оно означало чаще всего эпархію, то-есть, совокупность вѣрующихъ, находившихся подъ руково-

мленію. См. хартіи Эммона Сансскаго, Одомера изъ Теруэнны, Бертефрида Амьенскаго,Ниварда Реймскаго и Виндиціана изъ Камбре; *Pardessus*, №№ 333, 340, 344, 346, 391.

дительствомъ даннаго епископа. Имущество и земли принадлежали не вселенской церкви, а каждой мѣстной, епископальной. Епископъ одинъ завѣдывалъ имуществомъ, одинъ управлялъ всѣмъ духовенствомъ и направлялъ всѣ души. Христіанское общество было федераціей мѣстныхъ церквей, каждая изъ которыхъ представляла иебольшую монархію.

Надобно исходить изъ формулированнаго только что вывода, чтобы понять отношенія, въ которыя должны были вступить съ духовенствомъ и въ особенности съ епископатомъ короли Меровингскаго дома.

2.

Каноническія правила о выборѣ епископовъ.

Такъ какъ настоящая власть въ церкви находилась въ рукахъ епископовъ, особенно важное значеніе долженъ былъ получить самый способъ ихъ выбора. Церковь могла вылиться въ форму аристократическаго, демократическаго, или даже феодальнаго общества въ зависимости отъ того, какъ будетъ совершаться избраніе епископовъ. Въ связи съ тѣмъ же могли сложиться зависимость или свобода церкви, преобладаніе ея надъ государствомъ, или преобладаніе государства надъ нею.

Можно было бы предположить, что правила избранія должны бы были открыться изъ документовъ первыхъ четырехъ вѣковъ, твореній отцовъ церкви и соборныхъ постановленій. Но, когда начинаемъ ихъ отыскивать, скоро замѣчаемъ, что точно опредѣленныхъ правилъ для этого тогда не существовало. Очень распространено въ наукѣ мнѣніе, что въ первые вѣка церковной исторіи епископы выбирались населеніемъ

города. Оно не вполнѣ ошибочно, но преувеличено; можно даже сказать, что въ такой опредѣленной формулировкѣ оно окажется невѣрнымъ. Ни въ Евангеліяхъ, ни въ твореніяхъ отцовъ церкви, ни въ постановленіяхъ первыхъ соборовъ не встрѣчаемъ мы утвержденія, чтобы назначеніе епископа должно было производиться путемъ народнаго голосованія. Основатели христіанства никогда не выражали такой мысли и не устанавливали такого правила.

Епископы въ самыя древнія времена выбирались, повидимому, путемъ кооптаціи другихъ епископовъ. Тогда держалось понятіе, что никто не могъ быть поставленъ епископомъ иначе, какъ властью епископа. Такой же самый принципъ господствовалъ въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ религіяхъ: легко устанавливалось вѣрованіе, что священное достоинство не могло быть передаваемо иначе, какъ человѣкомъ, обладавшимъ уже такимъ достоинствомъ. Священнымъ текстомъ, внушившимъ такой обычай, былъ, вѣроятно, слѣдующій: „Духъ Святой поставилъ васъ епископами“ [1]. Въ этомъ текстѣ сказано—«Духъ Святой», а не—«народъ» и не «община». Христосъ поставилъ апостоловъ; апостолы поставили первыхъ епископовъ, а первые епископы ставили другихъ; такимъ образомъ передавались дары Духа Святаго. Такъ каждый епископъ получалъ свое священное достоинство отъ другого епископа, и происхожденіе своего священства онъ могъ возвести къ апостолу, котораго онъ представлялъ [2]. Изъ такого

[1] Дѣянія апостольскія, XX, 28: „Ὑμᾶς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἔθετο ἐπισκόπους“.

[2] Такая мысль высказана у Юстиніана; см. *Codex*, I 3, 41. § 1.

представленія вытекало, что каждый новый епископъ долженъ былъ посвящаться другимъ епископомъ. Таково единственное правило, которое мы находимъ формально безспорно установленнымъ въ первые четыре вѣка. Позднѣе избраніе въ епископы стали ясно отдѣлять отъ посвященія въ санъ; но нельзя доказать чтобы подобное различіе уже опредѣлилось въ мысли первыхъ христіанъ [1].

Однако наряду съ этимъ принципомъ, который оставался непоколебимымъ, такъ какъ онъ являлся традиціею духовнаго происхожденія, слѣдуетъ подмѣтить фактъ, съ которымъ невозможно было не считаться. Мы видѣли, что въ каждомъ муниципальномъ центрѣ христіанская община или братство составляло независимую корпорацію. Если бы церковное правило, предписывавшее, чтобы епископъ получалъ свою священную власть отъ другого епископа, примѣнялось безъ всякаго ограниченія, то каждая подобная община должна

[1] Надо въ самомъ дѣлѣ обратить вниманіе на то, что документы четвертаго и пятаго вѣковъ рѣдко употребляютъ слово *consecrare*, говоря объ актѣ епископовъ, которые ставили новаго епископа; въ такихъ случаяхъ почти всегда употреблялся глаголъ *ordinare*. На языкѣ же того времени съ послѣднимъ словомъ вовсе не соединялось спеціальнаго значенія, связаннаго впослѣдствіи со словомъ „посвященіе". *Ordinare* было оффиціальнымъ терминомъ для понятія о назначеніи должностного лица. См. *Sueton.* Caesar, 76; Vespas. 23; Domitian. 4; *Digest.* passim. *Ordinare* говорилось также о чиновникахъ, назначаемыхъ императоромъ, *Cod. Theod.* I, 9, 1; или о тѣхъ, кого выбирали муниципальныя общины. *Ibid.* XI, 7, 20. Въ такомъ то значеніи употребляется слово это и въ документахъ, которые относятся къ епископамъ. Когда о митрополитѣ говорится, что онъ „ordinat episcopum", это значитъ не только, что онъ посвящаетъ выбраннаго другими епископа; это значитъ, что онъ самъ ставитъ его епископомъ.

была получать главу своего извнѣ. Такому порядку, по всему вѣроятію, противодѣйствовало другое правило, а именно то, что община всегда высказывалась относительно человѣка, котораго могли сдѣлать ея епископомъ, и что она выражала свое мнѣніе раньше его посвященія. Никакая власть не имѣла права навязывать ей такого главу, котораго она не желала бы имѣть.

Обязательность соблюдать оба указанныя условія при назначеніи епископовъ замѣтно уже въ одномъ текстѣ Климента Александрійскаго. Онъ показываетъ намъ епископа одной общины, который былъ поставленъ епископами со стороны, но добавляетъ, что община выразила при этомъ свое согласіе [1].

Обстоятельнѣе освѣщаетъ намъ этотъ вопросъ святой Кипріанъ. Съ одной стороны онъ очень опредѣленно говоритъ, что епископъ—избранникъ Бога, что ставитъ его Богъ; таково первое правило, первенствовавшее надъ всѣмъ остальнымъ [2]. Но онъ же формулируетъ затѣмъ и второе: «Община, говоритъ онъ, имѣетъ право выбирать своего епископа, или отвергать того, кого ей даютъ» [3]. Поэтому новый епископъ долженъ быть избираемъ «въ присутствіи народа», «на глазахъ у всѣхъ» [4]. Замѣтьте, что авторъ не

[1] *S. Clement.* Epist. ad Corinthios, I, 44, въ изд. *Hefele*, t. III, p. 116: „Συνευδοκησάσης τῆς ἐκκλησίας πάσης".

[2] *S Cyprian.* ed. 1726, in-folio, 68, Epist. 52: „Ad hunc locum divinitus eliguntur".—Epist. 68, 118: „Iubet Deus constitui sacerdotem..."—*Ibidem*, 119: „De traditione divina et apostolica observatione".

[3] *Ibidem*, Epist. 68, 118: „Ipsa plebs (*plebs* — это община) habet potestatem vel eligendi dignos sacerdotes, vel indignos recusandi".

[4] *Ibidem*: „Idipsum videmus de divina auctoritate descendere,

сказалъ «всѣми», не упомянулъ также о голосованіи народа или о выраженіи имъ своей воли. Онъ сообщаетъ только, что выборъ долженъ былъ совершаться при народѣ, «чтобы народъ могъ засвидѣтельствовать, достоинъ ли данный человѣкъ исполнять высокую обязанность» [1].—Св. Кипріанъ добавляетъ: «Вотъ, что происходитъ въ Африкѣ и во всѣхъ почти провинціяхъ имперіи, когда надо назначить епископа: въ той общинѣ (городѣ), для которой нужно выбрать новаго епископа, собираются епископы той провинціи, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе близкіе къ данной общинѣ, и выборъ епископа совершается въ присутствіи народа» [2]. Выборъ послѣдняго, повидимому, производится епископами, но необходимо и присутствіе народа. «Ни одно епископское назначеніе не можетъ быть сдѣлано внѣ присутствія и безъ нравственнаго содѣйствія народа» [3]. Это вовсе не значитъ, что источникомъ епископской власти признавалось народное избраніе: ничего подобнаго не говоритъ святой Кипріанъ; онъ объясняетъ только необходимость присутствія народа при избраніи тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣстное населеніе изъ среды котораго производился обыкновенно выборъ, лучше, чѣмъ чужіе епи-

ut sacerdos (мы видѣли, что *sacerdos* было титуломъ епископа) plebe praesente sub omnium oculis deligatur".

[1] „Ut dignus et idoneus publico iudicio et testimonio comprobetur".

[2] *Ibidem*, 119: „Apud nos quoque et fere per provincias universas tenetur, ut ad ordinationes rite celebrandas ad eam plebem, cui praepositus ordinatur, episcopi eiusdem provinciae proximi quique conveniant et episcopus deligatur, plebe praesente".

[3] *Ibidem*, 118: „Coram omni synagoga iubet Deus constitui sacerdotem, id est, ostendit ordinationes sacerdotales non nisi sub populi assistentis conscientia fieri oportere".

скопы, знало поведеніе и характеръ того, на котораго падало избраніе, и могъ поэтому свидѣтельствовать о его заслугахъ или объявить о его недостаткахъ [1]. Народъ собирался не для подачи голоса, а лишь для отзыва о данномъ лицѣ. Авторъ заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ, что такъ же происходило дѣло въ Испаніи; епископъ назначался «при одобреніи общины», [2] «приговоромъ епископовъ [3]. Итакъ, для назначенія епископа необходимо было взаимодѣйствіе двухъ факторовъ: съ одной стороны, выраженіе желанія народа, съ другой, рѣшеніе епископовъ провинціи.

Святой Кипріанъ прибавляетъ еще одну характерную подробность. «Епископская власть передавалась по приговору не только тѣхъ епископовъ, которые присутствовали, но также и отсутствующихъ,

[1] *S. Cyprian.* 118: „Ut detegantur malorum crimina vel bonorum merita praedicentur".—P. 119: „Plebe praesente, quae singulorum vitam plenissime novit et cuiusque actum de eius conversatione prospexit".

[2] *Ibidem*, 119: „Universae fraternitatis suffragio". Переводить слово *suffragio*. — голосованіе, какъ будто бы авторъ написалъ *suffragiis*, было бы большой ошибкой. *Suffragium*, особенно въ единственномъ числѣ,—это былъ очень употребительный во времена имперіи терминъ для обозначенія акта, совсѣмъ непохожаго на голосованіе. Мы очень часто можемъ встрѣтить его въ кодексахъ со значеніемъ рекомендаціи, посредствомъ которой вліятельный человѣкъ поддерживалъ кого-нибудь передъ государемъ, чтобы помочь этому лицу добиться мѣста или какой-нибудь милости.

[3] *Ibidem*: „Et de episcoporum iudicio".—Нѣтъ сомнѣнія, что на языкѣ и въ обычныхъ представленіяхъ того времени слово *iudicium* означало нѣчто болѣе сильное, чѣмъ *suffragium*. — Suffragium было выраженіемъ желанія, iudicium — настоящимъ рѣшеніемъ.

которые присылали свои грамоты» [1]. Это значитъ, что для опредѣленія того, кто избранъ, считались голоса епископовъ: наоборотъ, о счетѣ голосовъ народа святой Кипріанъ не упоминаетъ. Кромѣ того, нѣкоторые епископы могли высказывать свое мнѣніе письменно, и это еще указываетъ, что мнѣніе епископовъ было независимо отъ народнаго, такъ какъ они не знали его въ тотъ моментъ, когда писали. Сужденіе епископовъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые высказывали его письменно, предшествовало народному; послѣднее, повидимому, являлось лишь выраженіемъ согласія. Мы увидимъ ниже, что обычаи эти скоро измѣнятся, но такова была процедура избранія, описанная святымъ Кипріаномъ; повидимому, мнѣніе епископовъ составляло тогда еще главный элементъ въ актѣ избранія. Участіе народа вполнѣ признавалось въ принципѣ, но на практикѣ оно осуществлялось лишь неопредѣленно.

Переходя въ четвертый вѣкъ, вотъ что мы читаемъ въ Анкирскихъ соборныхъ постановленіяхъ 314 года. «Можетъ случиться, что какой-нибудь человѣкъ, поставленный въ епископы, будетъ отвергнутъ епархіею для которой его назначили» [2]. Отсюда ясно видно, что епископа не выбирало населеніе епархіи; послѣднее иногда только отказывалось отъ принятія избраннаго. Онъ назначался епископами со стороны; правило народнаго участія было забыто. Если община принимала избраннаго, дѣло обходилось безъ всякаго за-

[1] „*Ibidem*“: „Episcoporum, qui in praesentia venerant et qui de eo ad vos litteras fecerant“.

[2] Анкирскій соборъ 314 года, ст. 18: „Εἴ τινες ἐπίσκοποι κατασταθέντες καὶ μὴ δεχθέντες ὑπὸ τῆς παροικίας ἐκείνης εἰς ἣν ὠνομάσθησαν“.

трудненія; если она отвергала его и закрывала передъ нимъ двери, тогда возникалъ вопросъ, каковъ долженъ былъ быть правильный выходъ. Отцы Анкирскаго собора, призванные къ разрѣшенію этого правового вопроса, объявили, что они не знаютъ такого правила, которое заставляло бы общину принять такого епископа, котораго она не желала имѣть.

Если мы обратимся къ постановленіямъ Никейскаго собора 325 года, чтобы отыскать въ нихъ правила, относящіяся къ избранію, то найдемъ лишь слѣдующее: «Новый епископъ долженъ быть назначаемъ всѣми епископами данной провинціи, или, по крайней мѣрѣ, троими изъ нихъ, если разстояніе слишкомъ велико для того, чтобы они могли собраться въ большемъ числѣ; тѣ же, которые не могутъ пріѣхать, должны подавать голосъ свой письменно; надо считать голоса всѣхъ епископовъ, присутствующихъ и отсутствующихъ; утвержденіе же того, что будетъ сдѣлано, лежитъ на митрополитѣ» [1]. О народѣ здѣсь не сказано ни одного слова. Здѣсь происходитъ голосованіе, ψῆφος, χειροτονία; но оно совершается лишь среди епископовъ. Мнѣ кажется, что присутствіе народа подразумѣвается, но роль его очснь стушевывается, такъ какъ соборъ и не думаетъ упоминать о немъ [2].

[1] Никейскій соборъ, ст. 4: „Ἐπίσκοπον προσήκει ὑπὸ πάντων τῶν ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ καθίστασθαι. Εἰ δὲ δυσχερὲς εἴη τὸ τοιοῦτο, ἢ διὰ κατεπείγουσαν ἀνάγκην ἢ διὰ μῆκον ὁδοῦ, ἐξάπαντος τρεῖς ἐπὶ τὸ αὐτὸ συναγομένους, συμψήφων γινομένων καὶ τῶν ἀπόντων καὶ συντιθεμένων διὰ γραμμάτων, τότε τὴν χειροτονίαν ποιεῖσθαι· τὸ δὲ κῦρος τῶν γινομένων διδόσθαι τῷ μητροπολίτῃ“.

[2] Въ 6-й статьѣ сказано, что „если двое или трое не согласны съ общимъ голосомъ, то перевѣсъ остается на сторонѣ большинства“. Эти „двое или трое“—не часть народа, а два

Лаодикейскій соборъ, происходившій около 372 года, опредѣленно постановилъ, что назначеніе епископа должно совершаться по выбору митрополита и епископовъ одной съ нимъ провинціи [1]. Здѣсь же добавлено, что «не слѣдуетъ предоставлять толпѣ выборъ будущаго епископа» [2].

Впрочемъ, всегда сохранялось правило, что епископа нельзя было навязать общинѣ противъ ея желанія. Послѣ Анкирскаго собора это повторяетъ еще Антіохійскій [3]. То же опредѣленно высказано еще папой Целестиномъ I въ одномъ посланіи, адресованномъ имъ въ 428 году къ епископамъ Галліи: «Пусть ни одинъ епископъ не будетъ назначенъ народу противъ его желанія» [4]. Эта фраза и вся статья, которая слѣдуетъ за ней, вовсе не значатъ, чтобы епископа выбиралъ себѣ народъ. Онѣ указываютъ скорѣе на то, что избраніе исходило изъ другого источника,—*episcopus detur*. Епископъ назначался въ общину митрополитомъ и епископами; папа хотѣлъ лишь того, чтобы епископы обращали больше вниманія на желаніе или нежеланіе населенія округа, чтобы не назначали ему епископа, вопреки его волѣ. Поэтому-то папа и прибавляетъ, что у духовенства общины, у народа и у

или три епископа; подъ „большинствомъ“ же надо понимать большинство епископовъ.

[1] Лаодикейскій соборъ, ст. 12: „Τοὺς ἐπισκόπους κρίσει τῶν μητροπολιτῶν καὶ τῶν πέριξ ἐπισκόπων καθίστασθαι εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἀρχήν“.

[2] *Ibidem*, ст. 13: „Μὴ τοῖς ὄχλοις ἐπιτρέπειν τὰς ἐκλογὰς ποιεῖσθαι τῶν μελλόντων καθίστασθαι εἰς ἱερατεῖον“.

[3] Антіохійскій соборъ 341 года, ст. 18.

[4] „Nullus invitis detur episcopus“ (*Epistola Celestini papae*, Sirmond, I, 57; Labbe, IV, 480; Pardessus, Diplomata, № 9).

декуріоновъ надо спрашивать ихъ согласія и выраженія ихъ желанія [1].

Немного позже, въ 445 году, папа Левъ I пишетъ епископамъ Вьенской провинціи съ цѣлью напомнить имъ правила избранія. Изъ всего посланія ясно видно, что именно они выбирали каждаго новаго епископа. Папа только укоряетъ ихъ за то, что они злоупотребляютъ своимъ правомъ, выбирая епископовъ «неизвѣстныхъ тѣмъ епархіямъ, которыми они должны управлять»; слѣдствіемъ этого бывало то, что епархіи не желали принимать ихъ, «въ свой епископальный городъ они могли вступать не иначе, какъ въ сопровожденіи войска и водворялись тамъ силою» [2].

[1] *Ibidem*: „Cleri, plebis et ordinis consensus et desiderium requirantur“.

[2] *Leonis papae epistola*, Sirmond, I, 84: „Militaris manus per provincias sequitur sacerdotem ad invadendas ecclesias, quae proprios amiserint sacerdotes. Trahuntur accipiendi, his quibus praeficiendi sunt civitatibus ignorati... per vim imponuntur“.—По первому впечатлѣнію можно было бы предположить, что папа намекаетъ тутъ на насилія, совершавшіяся государственною властью и главнымъ образомъ варварскими королями, но это было бы ошибочно. Въ посланіи этомъ, написанномъ папой въ 445 году, нѣтъ ни одного слова, которое относилось бы къ варварскимъ королямъ. Вопросъ, о которомъ говорится здѣсь, касается архіепископа города Арля, Иларія, и епископа дійскаго, Пройекта; въ 445 же году, ни Арль, ни Дій не переставали еще быть римскими городами. *Manus militaris*, о которомъ говоритъ папа, это былъ небольшой вооруженный отрядъ, которымъ окружали себя епископы, чтобы вступить въ епархію, если она не желала принять ихъ. Это ясно указано въ одной новеллѣ Валентиніана, относящейся къ такого же рода случаямъ (изд. Haenel, стр. 174); императоръ упрекаетъ митрополита арльскаго „quod episcopos invitis et repugnantibus civibus ordinavit“; онъ прибавляетъ, что новые епископы „manum sibi contrahebant armatam“ для того, чтобы вступить въ свою епархіальную область.

Это не должно больше повторяться. Въ случаѣ вакантности каѳедры, будущаго епископа должна «просить себѣ сама община» [1]. Правда, что ставятъ епископа митрополитъ и епископы, но они должны всетаки «дожидаться выраженія желанія гражданъ, свидѣтельства населенія»; они должны «освѣдомиться о мнѣніи первыхъ гражданъ» и «разузнать, на комъ остановился выборъ клириковъ», ибо «таковъ обычай тѣхъ, кто знаетъ правила отцовъ» [2].

Папа не говоритъ тутъ, чтобы избраніе принадлежало народу; онъ не говоритъ, что съ нимъ надо оффиціально совѣщаться или же предложить ему подавать голоса. Онъ остерегается такихъ опредѣленныхъ выраженій. Желанія, свидѣтельства, мнѣнія, вотъ термины, которыми онъ пользуется, и если прибѣгаетъ къ болѣе опредѣленному термину — *electio*, то лишь примѣняя его къ духовнымъ лицамъ. Рѣшеніе всегда принадлежало епископамъ. Община же могла «просить» себѣ епископа, то-есть, рекомендовать прелатамъ кандидата для назначенія. Послѣдніе должны принимать во вниманіе «грамоту и подписи духовныхъ, свидѣтельство главныхъ жителей, согласіе куріи и народа» [3], но назначеніе всегда производятъ епископы. Папа заканчиваетъ, говоря, что такимъ образомъ епископъ, который долженъ стоять надъ всѣми, окажется

[1] *Ibidem*: „Per pacem petitur... Sacerdos postuletur".

[2] *Ibidem*, c. 2: „Exspectarentur certe vota civium, testimonia populorum; quaereretur honoratorum arbitrium, electio clericorum; quae in sacerdotum ordinationibus solent ab his, qui noscunt Patrum regulas custodiri".

[3] *Ibidem*: „Teneantur subscriptio clericorum, honoratorum testimonium, ordinis consensus et plebis".

избранъ всѣми» [1]. Надобно обратить вниманіе на то, что слова эти, если мы будемъ разсматривать ихъ послѣ всѣхъ, раньше изученныхъ текстовъ, не могутъ быть поняты нами въ томъ смыслѣ, что практиковалось формальное всенародное избраніе. Изъ папскаго посланія ясно видно, что не было ни правильной подачи голосовъ, ни точнаго ихъ подсчета. Назначеніе совершалось епископами, волю и желанія народа принимали къ свѣдѣнію они же. Самое же большое, что могла дѣлать область, это обращаться съ «просьбой». Ей не принадлежало рѣшеніе, и право ея, хорошо признанное въ теоріи, было очень ограничено на практикѣ.

Арльскій соборъ 452 года регулируетъ епископскіе выборы довольно неожиданнымъ образомъ: «Когда надо назначить епископа, то епископы той провинціи должны указать трехъ кандидатовъ, а затѣмъ клирики и граждане имѣютъ право выбрать одного изъ трехъ» [2]. Тутъ обнаруживается правило, какъ разъ обратное

[1] *Ibidem*: „Qui praefuturus est omnibus, ab omnibus eligatur".— Фраза эта, вырванная изъ контекста, часто объясняется въ противоположномъ смыслѣ; но въ ней не слѣдуетъ усматривать указанія на выборъ въ томъ значеніи, какое нынѣ придается этому слову.

[2] Арльскій соборъ 452 года, ст. 54, Sirmond, I, 110; Mansi, VII, 885: „Placuit in ordinatione episcopi hunc ordinem custodiri, ut... tres ab episcopis nominentur, de quibus clerici vel (et) cives unum eligendi habeant potestatem".—На оффиціальномъ языкѣ временъ римской имперіи, слово *nominare* не означало того, что у насъ понимается подъ выраженіемъ—назначить должностное лицо: оно понималось въ смыслѣ указанія на кого-либо для выбора, представленія чьего-либо имени и рекомендованія его. См. объ этомъ всѣ тексты, имѣющіеся въ сводахъ законовъ относительно избранія муниципальныхъ магистратовъ.

тому, которое нѣсколько позже было установлено въ восточной церкви: когда епископская каѳедра становилась тамъ вакантною, община представляла списокъ изъ трехъ лицъ, изъ числа которыхъ епископы и митрополитъ производили свой выборъ [1].

Изъ только что изложенныхъ нами фактовъ прежде всего вытекаетъ, что относительно избирательныхъ функцій епископовъ данной провинціи въ церкви были установлены опредѣленныя правила; что же касается участія въ этомъ дѣлѣ народа, опредѣленныхъ правилъ выработано не было. Основной принципъ, что назначать новаго епископа должны были другіе епископы, не подвергся измѣненію. Церковь безъ колебанія признавала также въ теоріи необходимость согласія паствы; но при осуществленіи этого второго принципа наблюдались большія различія, и вопросъ оставлялся какъ бы невыясненнымъ. Въ церкви никогда не было ясно формулированнаго правила относительно народнаго избранія, она никогда не опредѣляла совокупности пріемовъ, посредствомъ которыхъ народное право могло бы примѣняться съ должной нормальностью и силой. Никогда не подумала церковь о томъ, что рѣшающимъ при выборѣ должно было являться одно численное превосходство.

[1] *Cod. Theod.* I, 3, 41 (42) prooemium: „Quoties in qualibet civitate sedem saeerdotalem (въ греческомъ текстѣ стоитъ ἱερατικὸν θρόνον, это епископскій престолъ) vacare contigerit, ab iis qui in ea civitate habitant decretum fiat de tribus personis de quarum recta fide, vita honesta, reliquisque virtutibus constet, ut ex his qui magis idoneus sit ad episcopatum promoveatur“.—Ср. еще новеллу 123 (въ изд. *Zachariae* 155); въ ней можно видѣть, что духовные и *primates* области указываютъ трехъ лицъ и свидѣтельствуютъ, что всѣ три подходятъ подъ кононическія условія; затѣмъ митрополитъ и епископы выбираютъ одного изъ трехъ.

Мы не видимъ, чтобы церковь въ ту эпоху признавала за императорами, верховными вождями государства, право выбирать епископовъ. Ей не приходилось даже бороться противъ вмѣшательства государственной власти, о которомъ тогда никто еще не думалъ. Но церковь не желала также и того, чтобы вожди доставлялись ей народомъ. Она не хотѣла получать ихъ ни сверху, ни снизу. Она не допускала для себя зависимости ни отъ капризовъ толпы, ни отъ политики государей. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ главной заботой ея было укрѣпленіе собственной силы. Если бы она подчинилась государямъ, то оказалась бы слабою; тоже самое повторилось бы также въ томъ случаѣ, если бы она подчинилась народу. Въ тѣ времена идеаломъ церкви было организоваться въ большое аристократическое тѣло, при помощи системы кооптаціи новыхъ членовъ старыми.

3.

Практика епископскихъ выборовъ въ до-франкскую эпоху.

Дѣйствительность не вполнѣ отвѣчала такому идеалу, поставленному себѣ церковью. Народное избраніе отмежевало себѣ большое мѣсто, и мнѣніе народа не всегда сообразовалось съ желаніемъ церкви. Чтобы понять исторію христіанскаго епископата, слѣдуетъ бросить взглядъ на устройство нѣкоторыхъ языческихъ жречествъ, которыя должны были уступить мѣсто епископату. Между существовавшими тогда культами одинъ вполнѣ обладалъ характеромъ государственной религіи. Это было поклоненіе Риму и Августу. Среди другихъ, крайне разнообразныхъ культовъ, не имѣвшихъ связи между собой и соперничавшихъ

другъ съ другомъ, эта оффиціальная религія была тогда единственною, выработавшею прочное устройство и правильную организацію, образовавшею сѣть, которая покрывала все государство. Съ этою-то религіей и боролись первые христіане всего упорнѣе; отъ нея-то и шло главнымъ образомъ преслѣдованіе ихъ. Долгая борьба за преобладаніе происходила преимущественно между этими двумя вѣрованіями, и побѣдившее христіанство заняло какъ разъ то мѣсто, которое раньше принадлежало культу Рима и Августа.

Эта оффиціальная языческая религія обладала своимъ духовенствомъ; она выработала даже родъ епископата; каждая провинція, каждая муниципальная община имѣла особаго главу культа, подъ именемъ *pontifex* или *sacerdos*. Когда община въ ея цѣломъ сдѣлалась христіанскою, епископъ замѣнилъ этого главнаго жреца и принялъ его титулъ. Фактъ этотъ замѣтно измѣнилъ обычаи, установившіеся въ христіанскихъ общинахъ въ первоначальное время. Онѣ утратили характеръ безвѣстныхъ, малочисленныхъ группъ, составившихся по большей части изъ бѣдныхъ «братьевъ». Онѣ слились съ гражданскою общиною и приняли ея организацію; въ ихъ рукахъ остались муниципальные магистраты, онѣ захватили сословіе куріаловъ и гоноратовъ. Новая община христіанъ, муниципальныхъ гражданъ не оставалась такою демократіею, какъ первобытное христіанское «братство»; но въ ней ослабѣлъ съ другой стороны и элементъ аристократіи, сравнительно съ имперскою муниципальною общиною третьяго вѣка. Оба элемента сблизились и перемѣшались, при чемъ дѣло не могло обойтись безъ нѣкоторой смуты. Въ новой общинѣ сохранились еще традиціи избирательныхъ порядковъ; она мало дорожила ими, когда вопросъ касался муниципальныхъ магистратовъ, становившихся для нея все болѣе и болѣе безразличными; но она очень за нихъ держалась когда дѣло шло о ея религіозныхъ вождяхъ, съ которыми связывались интересы и чувства, больше всего занимавшіе тогда мѣста въ человѣческой душѣ. Между тѣмъ главный руководитель древняго языческаго культа, именно этотъ *pontifex* или *sacerdos*, которому унаслѣдовалъ епископъ, всегда избирался общиною [1]. Должность его являлась даже высшею цѣлью честолюбивыхъ стремленій членовъ наиболѣе знатныхъ мѣстныхъ фамилій. Естественно произошло, что тотъ же обычай избранія сталъ примѣняться и къ христіанскому епископу, и тѣ же честолюбивыя стремленія влекли съ того времени къ епископату наиболѣе видныхъ представителей мѣстнаго общества.

Въ такомъ новомъ положеніи христіанская церковь, не преобразуя вполнѣ своей природы, претерпѣла, однако, замѣтныя измѣненія. Такъ, напримѣръ, начиная съ этого времени, избраніе епископа населеніемъ (общиною, паствою) заняло значительно большее мѣсто, чѣмъ раньше. Произошло также и то, что какъ жречество предшествующей эпохи, епископатъ сталъ обычнымъ достояніемъ знатныхъ фамилій. Можно замѣтить, что въ послѣднія полтораста лѣтъ существованія имперіи самымъ распространеннымъ обычаемъ было вручать епископатъ наиболѣе богатымъ и вліятельнымъ членамъ общины, часто тѣмъ самымъ лицамъ, которыя занимали высшія имперскія должности. Но

[1] *Pauli* Sententiae, V, 30; *Cod. Theod.* XII, 1, 75; XII, 1, 148.

случалось въ то же время и то, что епископатъ становился предметомъ партійныхъ исканій и борьбы.

Въ Галліи особенно населеніе очень дѣятельно вмѣшивалось, повидимому, въ выборъ своихъ епископовъ. Сульпицій Северъ разсказываетъ, какъ сдѣлался епископомъ города Тура святой Мартинъ. Прелаты той провинціи, въ которой Туръ былъ епархіальнымъ городомъ, то-есть, третьей Ліонской, собрались въ этомъ городѣ и намѣревались приступить въ присутствіи народа къ выбору новаго владыки, но выбрать святого Мартина заставилъ ихъ самъ народъ [1]. Напрасно возражали епископы, что Мартинъ былъ «слишкомъ незначительнымъ лицомъ, бѣднымъ и плохо одѣтымъ, недостойнымъ епископскаго сана» [2]; имъ пришлось всетаки согласиться назначить его. Въ разсказѣ этомъ мы открываемъ одновременно и правовую, и фактическую сторону дѣла. Право состояло въ томъ, что епископа выбираютъ другіе мѣстные епископы большинствомъ голосовъ; на практикѣ же населеніе часто принуждало епископовъ останавливаться на его избранникахъ.

Мы читаемъ точно также и въ житіи святого Германа Оксеррскаго, «что всѣ духовные, знатные и простые вѣрующіе, какъ обитатели деревни, такъ и обитатели города, единодушно пожелали вы-

[1] *Sulpic. Sever.* Vita Martini, 9: „Mirum in modum incredibilis multitudo, non solum ex illo oppido, sed etiam ex vicinis urbibus ad suffragia ferenda convenerat. Una omnium voluntas eadem sententia Martinum episcopatu esse dignissimum, filicem fore tali ecclessiam sacerdoti“.

[2] „Nonnulli ex episcopis qui ad constituendum antistitem fuerant evocati, repugnabant, dicentes contemptibilem esse personam, indignum esse episcopatu, veste sordidum“.

брать епископомъ Германа» [1]. Агіографъ забываетъ тутъ даже упомянуть объ участіи провинціальныхъ прелатовъ.

Григорій Турскій описываетъ, даже очень живо, нѣсколько выборовъ, происходившихъ въ Галліи до прибытія Франковъ. Брикцій былъ сдѣланъ епископомъ въ городѣ Турѣ «съ общаго согласія горожанъ» [2]. Эти самые горожане позже свергли его, назначили одного за другимъ епископами Юстиніана и Арментарія, и въ концѣ концовъ снова возстановили Брикція въ епископскомъ санѣ [3]. Прелаты этой провинціи играли такую незначительную роль во всѣхъ этихъ перипетіяхъ, что историкъ даже ничего не говоритъ о нихъ. Тотъ же историкъ передаетъ намъ, что въ другомъ случаѣ, въ Овернской общинѣ (или епархіи), когда епископскій столъ сдѣлался вакантнымъ по смерти Венеранда, епископы мѣстной провинціи собрались въ городѣ въ воскресный день [4], но раньше, чѣмъ постановить что-либо окончательное, они дожидались, пока народъ произнесетъ свой выборъ. Такъ какъ мнѣніе толпы раздѣлилось между нѣсколькими кандидатами, то епископы колебались, какое принять рѣшеніе. Наконецъ всѣми единогласно

[1] *Vita Germani*, I, 2 (Болландисты, 31 Іюля).

[2] *Gregor.* II, 1: „Hoc eiecto, Justinianum in episcopatu constituunt... Armentarium in eius loco constituunt... Septimo anno Briccius in cathedram suam regressus est“.—Ср. X, 31, 4: „Briccio crimen adulterii est impactum a civibus Turonicis, expulsoque eo, Iustinianum episcopum ordinaverunt“.

[3] *Ibidem*, II, 13: „Residentibus episcopis, die dominica“.

[4] *Ibidem*: „Foeda apud cives pro episcopatu intentio vertebatur; cumque partes inter se divisae alium aliumque erigere vellent, magna conlisio erat populis“.

былъ выбранъ одинъ священникъ, по имени Рустикъ, который въ это время проходилъ черезъ толпу; его сочли «избраннымъ Богомъ», и со всѣхъ сторонъ поднялись крики: Вотъ тотъ, кто достоинъ епископскаго сана. Тогда Рустикъ тотчасъ же былъ назначенъ епископомъ [1].

Сидоній Аполлинарій, передававшій въ посланіяхъ къ своимъ друзьямъ то, что онъ видѣлъ кругомъ, показываетъ, что народъ вмѣшивался въ выборы, что ему принадлежала даже главная роль на нихъ. Особенно характерны два примѣра. Въ 470 году освободилась Шалонская епархія. Тогда митрополитъ, то-есть, епископъ Ліонскій, и другіе провинціальные епископы немедленно отправились въ Шалонъ, чтобы приступить къ избранію новаго прелата [2]. И вотъ они не начинаютъ съ того, чтобы назначить его собственною властью. Они собираютъ населеніе общины *(civitas)*, и имъ приходится тогда очутиться передъ очень раздѣлившейся въ мнѣніяхъ толпой, *variae voluntates*. Образовались партіи, *studia privata*, и появилось три претендента. По правдѣ говоря, ни одинъ изъ нихъ не былъ достоинъ епископскаго сана. Одинъ имѣлъ за себя лишь «знатность своихъ предковъ»; силою второго была роскошь его стола «и многочисленные друзья его кухни»; что касается третьяго, то онъ нашелъ себѣ сторонниковъ, пообѣщавъ раздать имъ церковныя деньги и земли. Митрополитъ и епи-

1 *Ibidem*: „Subito Rusticus advenit. Quo viso, mulier ait: En ipsum quem elegit Dominus; hic ordinetur episcopus. Omnis populus clamavit dignum ac iustum esse. Qui in cathedra positus, pontificatus honorem populo gaudente suscepit".

2 *Sidon*. Epist. IV, 25.

скопы не желали ни одного изъ этихъ трехъ кандидатовъ. Они вышли изъ затрудненія при помощи смѣлаго шага. Неожиданно, не посовѣтовавшись съ народомъ, они перенесли свой выборъ на четвертое лицо, которое не выставлялось кандидатомъ, и объявили его епископомъ. При этомъ неожиданномъ провозглашеніи, толпа была сначала озадачена, потомъ раздосадована и взбѣшена, но епископы твердо стояли на своемъ; и такъ какъ толпа раздѣлялась на партіи, такъ какъ каждая изъ трехъ партій радовалась неудачѣ двухъ остальныхъ, то гнѣвъ ея быстро успокоился, и она приняла выборъ епископовъ. Несмотря на исключительность своего характера, избраніе это ясно указываетъ, каковъ былъ обычный порядокъ: населеніе общины должно было показать епископамъ, кому оно отдаетъ предпочтеніе; только потому, что въ народѣ наблюдались слишкомъ рѣзкія несогласія и слишкомъ ясно обнаружились интриги, епископы прибѣгли къ собственной власти, что и удалось имъ на этотъ разъ.

Другой примѣръ представился около 472 года [1] въ Буржѣ. Буржъ служилъ мѣстопребываніемъ митрополита; онъ былъ главнымъ городомъ провинціи, носившей названіе Второй Аквитаніи. Существовало правило, что когда митрополичій столъ дѣлался вакантнымъ, епископы провинціи собирались въ главный городъ въ присутствіи сосѣдняго митрополита, чтобы произвести назначеніе себѣ новаго главы. Поэтому-то самъ Сидоній Аполлинарій, бывшій епископомъ Клермонскимъ, а слѣдовательно суффраганомъ (то-есть, викаріемъ) буржской митрополіи, отправился

1 *Sidon*. Epistol. VII, 5 (ad Agraecium).

въ этотъ городъ. Онъ написалъ въ то же время Сансскому митрополиту, прося его пріѣхать предсѣдательствовать при избраніи. У насъ сохранилось его письмо; онъ отдаетъ въ немъ отчетъ о положеніи вещей. «Я пріѣхалъ въ Буржъ, призванный декретомъ горожанъ», пишетъ онъ [1]. Послѣднія слова показываютъ намъ одинъ изъ первыхъ актовъ обычной процедуры: о вакантности каѳедры провинціальныхъ епископовъ увѣдомляла муниципальнымъ декретомъ сама община; она же приглашала епископовъ пожаловать для того, чтобы произвести замѣщеніе каѳедры. Сидоній продолжаетъ: «Народъ былъ возбужденъ и раздѣленъ на враждебныя партіи; кандидаты многочисленны; но солидныхъ заслугъ и истиннаго достоинства за ними числилось мало, много только проявлялось лжи и безстыдства. Были такіе, которые для полученія священной должности не боялись предлагать деньги. Если бы продавцы были такъ же рѣшительны, какъ покупатели, то епископскій санъ сталъ бы раздаваться съ торговъ».—«Пріѣзжайте же, пишетъ клермонскій епископъ сансскому митрополиту, мы, епископы Первой Аквитаніи, недостаточно многочисленны для того, чтобы назначить владыкъ для названной общины; присутствіе ваше необходимо намъ; мы сохранили за вами право подачи перваго голоса [2], мы никого еще не намѣтили и дожидаемся вашего выбора». Таково письмо Сидонія. Мы видимъ изъ него одну сторону въ ходѣ дѣла, ту, которая касалась роли епископовъ; между ними происходило правильное голосованіе. Если бы у насъ въ распоряженіи былъ одинъ этотъ

1 „Decreto civium petitus“.
2 *Ibidem*: „Quod ad vestram spectat praerogativam“.

текстъ, то можно бы подумать, что право выбора епископа принадлежало исключительно имъ.

Но вотъ другое письмо, написаное только нѣсколькими днями позже и по поводу того же дѣла [1]. «Число искателей этого мѣста было такъ велико, что всѣ кандидаты на данную епископскую каѳедру не умѣстились бы на двухъ скамьяхъ. Что касается насъ, епископовъ, то мы не знали, что дѣлать и не могли выйти изъ затрудненія. Къ счастью, отказавшись отъ первой своей мысли, народъ вдругъ объявилъ, что полагается на рѣшеніе епископовъ». Нѣкоторые кандидаты запротестовали, но народъ остался при намѣреніи воздержаться отъ выбора и рѣшилъ, что послѣдній будетъ предоставленъ клермонскому епископу. Какъ человѣкъ опытный, Сидоній не удовольствовался словеснымъ заявленіемъ. Онъ говоритъ, что потребовалъ выдать ему въ руки *pagina decretalis* [2], то-есть, грамоту назначенія, которую муниципій долженъ былъ направлять къ представителю государственной власти; въ бумагѣ оставленъ былъ пробѣлъ для имени того, кто окажется выбранъ, и Сидоній пріобрѣталъ право вписать имя по своему желанію. Кромѣ того, онъ настоялъ на томъ, чтобы народъ клятвенно обязался ему признать и принять выборъ, который онъ произведетъ. Онъ просилъ, наконецъ, нѣсколько дней на размышленіе.

По истеченіи этого срока онъ снова собралъ въ главную церковь города Буржа народъ и, въ присутствіи епископовъ, сообщилъ сдѣланный имъ вы-

1 *Sidon.* Epist. VII, 9 (ad Perpetuum).
2 *Ibidem*: „Paginae decretalis oblatu pontificis eligendi mandastis arbitrium“.

боръ. Онъ остановился на одномъ свѣтскомъ человѣкѣ, по имени Симплиціи. Извѣстно, что церковь не воспрещала возводить мірянъ въ епископское достоинство.

Правда, что нѣкоторые соборы говорили о такихъ фактахъ какъ объ обстоятельствахъ, достойныхъ сожалѣнія, но формально не воспрещали подобной практики [1]. Поэтому Сидоній никого не удивилъ, представивъ Симплиція. Онъ далъ длинный перечень его достоинствъ: прежде всего онъ указалъ на знатность его происхожденія, потомъ на богатство, административныя способности, выказанныя имъ въ гражданской службѣ, и наконецъ на его христіанскія добродѣтели и чистоту вѣры. Отмѣтимъ эти три пункта: они показываютъ намъ различныя условія, которыя требовались обыкновенно отъ новаго епископа. Симплицій оказался человѣкомъ женатымъ, но это не служило препятствіемъ: церковь не требовала еще строгаго безбрачія отъ духовенства; если она запрещала вступать

[1] Церковь допускала, чтобы въ епископы назначались міряне подъ тѣмъ условіемъ, чтобы до фактическаго занятія должности ему оставлялся промежутокъ времени въ нѣсколько мѣсяцевъ для подготовки къ принятію духовнаго званія. См. *Iust.* Novell. 123; 5-й Орлеанскій соборъ ст. 9 у Labbe, V, 30: „Nullus ex laicis absque anni conversione praemissa ordinetur episcopus". Вполнѣ понятно, что мірянинъ, назначенный епископомъ, не могъ оставаться дальше въ міру. Допущеніе послѣдняго произвело бы громадный переворотъ въ организаціи епископата. Церковь требовала, чтобы такой человѣкъ прошелъ предварительно рядъ низшихъ духовныхъ степеней. *Gregor. Tur.* VI, 15: „Habemus scriptum in canonibus non posse quemquam ad episcopatum accedere nisi prius ecclesiasticos gradus regulariter sortiatur". Авторъ приводитъ въ самомъ дѣлѣ два примѣра, когда назначенные въ епископы свѣтскія лица вступаютъ въ духовное сословіе раньше, чѣмъ получить епископскій столъ (V, 37; VI, 39).

въ бракъ лицу, уже выбранному въ епископы, то не воспрещала назначать епископомъ человѣка, уже женатаго [1]. Послѣ похвальнаго слова Симплицію, Сидоній воздалъ честь и женѣ его, и длинную рѣчь свою къ буржскому народу онъ закончилъ слѣдующимъ заявленіемъ: «Такъ какъ вы поклялись признать и принять мой выборъ, то во имя Отца и Сына и Святаго Духа я объявляю Симплиція епископомъ этой общины. Вы же, согласно данной вами клятвѣ, должны единогласно одобрить мой выборъ». Такъ и было сдѣлано, и Симплицій занялъ епископскую каѳедру.

Въ приведенномъ разсказѣ также передается объ избраніи, исключительномъ по своему характеру; однако мы различаемъ и здѣсь, каковъ былъ нормальный порядокъ. Каноническія правила устанавливали, что новый епископъ долженъ былъ назначаться другими епископами въ присутствіи народа; а гражданское общество стремилось выработать традицію чтобы народъ сначала указывалъ свое желаніе и епископъ оказывался его избранникомъ. Не всегда представлялось легкимъ примирить оба этихъ правила или требованія. Очевидно, что если все населеніе согласно намѣчало одно лицо, то выборъ его становился обязательнымъ для епископовъ. Если же мнѣнія въ немъ раздѣлялись, то могло случиться, что, какъ въ шалонскомъ избраніи, мудрость епископовъ подчиняла себѣ народъ, или же, что самъ народъ оказывался достаточно благоразуменъ, чтобы положиться на рѣшеніе епископовъ, какъ произошло на буржскихъ выборахъ.

[1] Другіе примѣры женатыхъ епископовъ см. у Григорія Турскаго, II, 17; II, 18; II, 22; VIII, 39.

Во всемъ этомъ обнаруживается, впрочемъ, много неопредѣленности, много непредвидѣнностей и противорѣчій. Сообщенные разсказы говорятъ намъ «о народѣ», но мы желали бы точно знать, что надо подразумѣвать подъ этимъ словомъ. Правда, въ нѣсколькихъ документахъ указывается, что народъ распадался на три составные элемента—*clerus*, *ordo*, *plebs*: прежде всего присутствовало, стало быть, духовенство, затѣмъ—сословіе декуріоновъ или муниципальное дворянство, наконецъ масса свободныхъ людей. Слѣдуетъ ли изъ этого, однако, что передъ нами открывается вполнѣ демократическое собраніе, общее собраніе мѣстнаго населенія? Есть нѣкоторыя основанія сомнѣваться въ этомъ. Извѣстно, что на неопредѣленномъ языкѣ того времени всякое собраніе называлось «народомъ». Но все населеніе *civitas* — городское и сельское въ совокупности образовало бы чрезвычайно многочисленное собраніе. Гдѣ бы оно могло происходить. Судя по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, мѣстомъ собранія оказывалась церковь; церкви же, особенно въ тѣ времена, никакъ не могли вмѣщать всего населенія *civitas*. Надо, слѣдовательно, думать, что здѣсь присутствовалъ далеко не весь народъ. Невозможно знать съ точностью, какъ великъ былъ обыкновенно составъ подобныхъ избирательныхъ собраній. Мы не можемъ сказать, сколько было человѣкъ изъ clerus, сколько изъ ordo и plebs; мы не можемъ также сказать и того, какова была пропорція между духовными и мірянами, между богатыми свѣтскими людьми и людьми изъ низшихъ классовъ. Установленныхъ правилъ для этого, повидимому, не существовало.

Не существовало также опредѣленныхъ правилъ для рѣшенія вопроса о способѣ, которымъ собраніе могло выражать свою волю. Голосованіе не производилось, конечно, письменно; мы не замѣчаемъ даже того, чтобы голоса подавались путемъ поднятія рукъ. Въ источникахъ говорится лишь о провозглашеніи, никогда о голосованіи; никогда не говорится также, чтобы производился подсчетъ голосовъ народа. Народъ же, который обладаетъ правомъ избранія, не имѣя въ то же время правильныхъ пріемовъ подачи голосовъ, не обладаетъ ровно ничѣмъ. Отсюда-то и происходили тѣ неожиданности, два поразительныхъ примѣра которыхъ мы только что привели.

Итакъ, когда мы читаемъ, что епископъ выбранъ населеніемъ общины, епархіи (*civitas*), надо остерегаться принимать это выраженіе въ томъ значеніи, которое вызываетъ слово «избраніе» въ умѣ современнаго человѣка. На самомъ дѣлѣ тамъ не было настоящаго народа и не производилось дѣйствительнаго избранія. Собраніе состояло, главнымъ образомъ, изъ священниковъ, дьяконовъ, вообще изъ клириковъ, затѣмъ изъ главныхъ мѣстныхъ жителей, изъ наиболѣе ревностныхъ лицъ среди паствы; мы видимъ на немъ даже женщинъ, особенно же изъ числа тѣхъ, которыя посвятили себя церкви [1]. Всѣ собирались въ священномъ мѣстѣ, передъ глазами епископовъ. Собравшіеся могли выкрикивать имя того или другого кандидата; истолковывали же ихъ восклицанія и взвѣшивали ихъ всегда епископы.

[1] См., напримѣръ, „mulier velata atque devota Deo" на клермонскомъ избраніи, вмѣшавшуюся въ избраніе и обратившуюся къ епископамъ со своимъ требованіями, *Gregor*. II, 13.

Во всякомъ случаѣ, если епископы и оказывались иногда слабѣе народа, то въ рукахъ ихъ оставалось посвященіе, то-есть, то самое, что дѣйствительно дѣлало человѣка епископомъ. Въ опредѣленіи этого послѣдняго пункта не наблюдается никакихъ колебаній; церковное правило формулировалось тутъ твердо, опредѣленно и нерушимо. Въ общемъ выводѣ получалось, что, если высшее духовенство не могло назначать епископовъ вопреки желанію народа, то еще менѣе того могъ назначать ихъ народъ вопреки волѣ прелатовъ.

При своей неопредѣленности и противорѣчіяхъ, описанный способъ какъ бы двойного назначенія приводилъ къ самымъ разнообразнымъ результатамъ. Иногда избранникомъ оказывалось духовное лицо, извѣстное своею святою жизнью; въ другихъ случаяхъ выборъ падалъ на честолюбиваго клирика, другой разъ на богатаго мірянина, но рѣдко случалось, чтобы вся община дѣйствовала дружно въ дѣлѣ выборовъ. Происходили самыя пламенныя домогательства и беззастѣнчивыя интриги. Тѣ же самыя страсти, которыя обнаруживались раньше въ погонѣ за муниципальными магистратурами или за высшими должностями имперіи, перенеслись теперь на соисканіе магистратуръ церковныхъ, которыя сдѣлались болѣе блестящими и болѣе могущественными, чѣмъ всѣ свѣтскія должности.

4.

Выборы епископовъ во франкскомъ государствѣ.

Франкскіе короли нашли епископатъ въ Галліи уже сильно организованнымъ, обладавшимъ большимъ авторитетомъ надъ душами людей: онъ былъ связанъ съ организмомъ муниципія и пользовался большимъ почтеніемъ и вліяніемъ, чѣмъ муниципальныя магистратуры; епископатъ былъ независимъ отъ императорской власти, рѣдко вмѣшивавшейся въ его дѣла; затрудненія для него могли исходить иногда только отъ народа, либо когда прихоть толпы стремилась захватить въ свои руки выборъ новаго епископа, либо когда такая же прихоть той же толпы добивалась низложенія выбраннаго [1].

Новые хозяева страны не обнаружили по отношенію къ епископату никакого враждебнаго духа. Раньше даже, чѣмъ сдѣлаться христіаниномъ, Хлодовехъ входилъ уже въ соглашенія съ епископами; когда же онъ сталъ христіаниномъ, то опредѣленно совѣтовался съ ними. Между епископами и королемъ происходилъ постоянный обмѣнъ услугъ [2]. Онъ обогатилъ ихъ частью земель, доставшихся ему послѣ побѣдъ. Незамѣтно, чтобы онъ или его сыновья держались политики, направленной противъ епископата. Какъ и во всѣхъ остальныхъ областяхъ жизни государства и общества, они оставили здѣсь въ силѣ то, что сохраняло само по себѣ жизнеспособность въ странѣ.

Мы увидимъ однако сейчасъ, что скоро произошла

[1] См. у Григорія Турскаго, X, 31, исторію Брикція, епископа города Тура.

[2] См. написанное Хлодовехомъ въ 507 году посланіе къ епископамъ, въ *Diplomata*, изд. Pardessus, № 77. Онъ объявляетъ имъ, что онъ сдѣлалъ въ своемъ походѣ противъ Готовъ, какія принялъ мѣры для защиты церковнаго имущества, и заканчиваетъ, говоря, что отдаетъ на ихъ усмотрѣніе участь всѣхъ тѣхъ плѣнниковъ, которые были зависимыми людьми какой-нибудь церкви.

довольно важная перемѣна; церковь соединилась съ съ франкской монархіей гораздо тѣснѣе, чѣмъ была соединена съ имперіей, и королевская власть, почти всецѣло захвативъ въ свои руки выборъ епископовъ, пріобрѣла господство надъ епископатомъ, или, по крайней мѣрѣ, обнаружила признаки такого господства. Таковъ фактъ, который намъ нужно будетъ разслѣдовать и изучить, пользуясь соборными постановленіями, разсказами Григорія Турскаго и житіями святыхъ, наконецъ нѣкоторыми формулами и грамотами.

Случилось это не тотчасъ же послѣ завоеванія. Въ шестомъ вѣкѣ, въ Галліи созывалось довольно много соборовъ. Постановленія Орлеанскаго собора 511 года не содержатъ ни одной статьи относительно занимающаго насъ вопроса. Въ постановленіяхъ второго Орлеанскаго собора 533 года мы читаемъ, что митрополита «должны выбирать духовенство и народъ, а ставить (посвящать)—епископы той провинціи» [1]. Здѣсь сказывается сохраненіе правилъ предшествующаго періода; еще лучше подтверждается оно пятью годами позднѣе, третьимъ Орлеанскимъ соборомъ: «митрополита должны выбирать епископы той же провинціи, съ согласія духовенства и народа даннаго муниципія; для простого епископа требуется прибѣгать къ выбору и выраженію воли духовенства и народа, равно какъ и согласія митрополита» [2].

[1] Орлеанскій соборъ, 533 года, ст. 7: „Metropolitanus episcopus a comprovincialibus episcopis, clericis, vel populis electus, congregatis in unum omnibus comprovincialibus episcopis ordinetur“.

[2] *Ibidem*, 538 г. ст. 3: „Metropolitanus a comprovincialibus episcopis, cum consensu cleri vel civium, eligatur; de comprovincialibus vero episcopis ordinandis, cum consensu metropolitani, cleri et civium electio et voluntas requirantur“.

Нѣчто новое встрѣчаемъ мы на пятомъ Орлеанскомъ соборѣ 549 году: «Пусть никто не пріобрѣтаетъ епископскаго сана за деньги; епископа должны посвящать митрополиты и другіе епископы провинціи, по одобренію короля и согласно выбору духовенства и народа» [1]. Здѣсь важно отмѣтить вмѣшательство королевской воли. Выражаясь такимъ образомъ, члены собора не хотятъ, впрочемъ, сказать, что назначать епископовъ будетъ король; они подразумѣваютъ только то, что къ существовавшимъ до сихъ поръ двумъ прежнимъ правиламъ, посвященію митрополитомъ и народному избранію, прибавляется теперь третье требованіе—согласіе короля. Они признаютъ, что епископа нельзя назначить вопреки желанію короля; болѣе широкой власти за королемъ пока еще не признается.

Повидимому, вскорѣ церковь пыталась даже отнять сдѣланную ею уступку. Парижскій соборъ 557 года постановляетъ, что «вновь войдутъ въ силу старыя правила», и поясняетъ это распоряженіе слѣдующими словами: «Никто не долженъ быть назначаемъ епископомъ вопреки волѣ общины; въ епископскій санъ долженъ возводиться тотъ, кто отысканъ добровольнымъ выборомъ народа и духовенства, а не тотъ, кто навязывается по приказанію короля и противъ воли епископовъ провинціи; если кто-нибудь узурпируетъ епископскую должность въ силу королевскаго при-

[1] *Ibidem*, 549 г., ст. 10, Sirmond, I, 280: „Ut nulli liceat episcopatum praemiis adipisci; sed, cum voluntate regis, iuxta electionem cleri ac plebis, a metropolitano cum comprovincialibus pontifex consecretur“.

каза, то другіе епископы не должны признавать его» [1].

Еще болѣе знаменательно то, что произошло на соборѣ 614 года. Съ одной стороны, епископы пишутъ: «По смерти епископа на мѣсто его надо поставить того, кого выберутъ митрополитъ, епископы, духовенство и населеніе общины» [2].

Они даже не упоминаютъ о волѣ короля. Но съ другой стороны, пожеланія собора становятся законами только тогда, когда король преобразуетъ ихъ въ указы, что въ данномъ случаѣ и дѣлаетъ Хлотаръ II; сравните однако статью собора съ соотвѣтствующей статьей королевскаго указа, и вы увидите, что король измѣнилъ текстъ: «По смерти епископа, преемникъ его будетъ выбранъ епископами провинціи, духовенствомъ и народомъ области, и если выбранный покажется намъ достойнымъ, то въ силу королевскаго приказа онъ будетъ назначенъ епископомъ [3]». Соборъ забылъ о правѣ короля, но указъ спѣшитъ возстановить его. Никто не будетъ назначенъ епископомъ безъ распоряженія короля. Король добавляетъ даже, что члены «Дворца», то-есть, его капелланы и даже

[1] Парижскій соборъ 557 г., ст 8, Sirmond, I, 316: „Nullus civibus invitis ordinetur episcopus, nisi (sed) quem populi et clericorum electio plenissima quaesierit, non principis imperio... Si per ordinationem regiam honoris istius culmen pervadere aliquis praesumpserit, a comprovincialibus loci ipsius recipi non mereatur".

[2] *Ibidem*, 614 г. 1, Sirmond, I. 471: „Ut, decedente episcopo, debeat ordinari quem metropolitanus cum provincialibus suis, clerus vel populus civitatis elegerint".

[3] *Edictum Chlotarii* (614 г.), Sirmond, I, 475; *Diplomata*, Pardessus, № 229; Boretius, 21: „Episcopo decedente, in loco ipsius, qui a metropolitano ordinari debet cum provincialibus, a clero et populo eligatur; et si persona condigna fuerit, per ordinationem principis ordinetur".

придворные, могутъ быть выбраны и назначены «за заслуги ихъ личности и вѣры» [1].

По закону, стало быть, королевская власть пріобрѣла право участія при назначеніи епископовъ. Надо посмотрѣть, какъ происходило дѣло на практикѣ.

Обратимся прежде всего къ одному акту избранія, имѣвшаго мѣсто въ 515 году, то-есть, недолго спустя послѣ образованія франкскаго государства. Дѣло происходило въ Оверни, то-есть, среди населенія, которое было вполнѣ римскимъ, но повиновалось королю Австразіи. «По смерти епископа Евфразія, народъ выбралъ Квинціана [2]», но другой овернецъ, принадлежавшій къ богатой и знатной семьѣ, поспѣшно отправился къ королю, представился ему, какъ выбранный, «предложилъ ему много даровъ и получилъ отъ короля Теодериха санъ епископа [3]». Въ разсказѣ этомъ поражаетъ прежде всего фактъ, что согласіе короля было обязательно для утвержденія даже того, кого выбрало все населеніе. Такъ какъ Квинціанъ недостаточно поторопился, то первымъ прибылъ ко двору Апполинарій, и король далъ ему епархію. Полученные королемъ дары помѣшали ему, конечно, признать обманъ. Община же не выразила никакого протеста; она приняла указаннаго ей королемъ епископа вмѣсто выбраннаго ею.

Указанный Аполлинарій умеръ четыре мѣсяца спустя; король потребовалъ тогда, чтобы епископомъ постав-

[1] *Edictum Chlotarii*: „Si de palatio eligitur, per meritum personae et doctrinae ordinetur".

[2] *Gregor.* III, 2: „Cum populis Quintianum elegisset".

[3] *Ibidem*: „Apollinarem ad regem dirigunt; qui abiens, oblatis multis muneribus, in episcopato successit".

ленъ былъ Квинціанъ. «Онъ отдалъ приказъ посвятить Квинціана и передать ему управленіе овернскою церковью [1]». Королевскіе посланцы тотчасъ же прибыли въ Арвернію, «созвали провинціальныхъ епископовъ и народъ и посадили Квинціана на епископскій столъ» [2] Этотъ разъ, если избраніе и имѣло мѣсто дѣйствительно, то происходило оно передъ королевскими посланцами, и избиратели знали заранѣе, за кого они должны были высказаться.

Не менѣе характеренъ другой, значительно болѣе краткій разсказъ. Когда въ 527 году въ Австразіи умеръ епископъ города Трира, то «король повелѣлъ, чтобы въ санъ епископа былъ возведенъ Никетій»; выборъ былъ сдѣланъ народомъ въ отсутствіе этого лица, король приказалъ составить декретъ о назначеніи и только тогда направился Ницетій къ Триру, чтобы получить отъ епископовъ посвященіе [3]. Здѣсь обнаруживается четыре слѣдовавшихъ одинъ за другимъ акта: раньше всего высказывается воля короля, потомъ происходитъ избраніе народа, затѣмъ редактируется королевская грамота или указъ о назначеніи, наконецъ совершается посвященіе епископами. Два изъ этихъ актовъ исходили отъ короля, они то и оказываются самыми важными.

[1] *Gregor.* III, 2: „Cum haec Theodorico nuntiata fuissent, iussit inibi Quintianum constitui, et omnem ei potestatem ecclesiae tradi“.

[2] *Ibidem*: „Et statim directi nuntii, convocatis pontificibus, et populo, eum in cathedram Arvernae ecclesiae locaverunt“.

[3] *Gregor.* Vitae Patrum, XVII, 1: „Decedente Trevericae urbis sacerdote, Theodericus Nicetium ad episcopatum iussit accersiri; cumque, dato consensu populi et decreto regis, ad ordinandum adducebatur“.

Въ 532 году овернская каѳедра сдѣлалась вакантною; «по милости короля» туда назначенъ былъ Галлъ [1]. Эти слова Григорія Турскаго не звучатъ порицаніемъ въ его устахъ, такъ какъ онъ былъ племянникомъ и большимъ почитателемъ святого Галла; Григорій вовсе не думаетъ, чтобы милость короля унижала это лицо.

Двадцать лѣтъ спустя тотъ-же епископскій столъ снова освободился; королемъ Австразіи былъ тогда ребенокъ, Теодебальдъ, и духовенство попыталось сдѣлать выборъ безъ него. Мѣстные клирики высказались въ пользу стараго священника, по имени Катона [2]; казалось, что за него былъ и народъ. Собравшіеся въ городъ провинціальные епископы сказали тогда Катону: «Мы ясно видимъ, что большая часть народа остановила выборъ свой на тебѣ; мы приступимъ поэтому къ твоему посвященію [3]». Но прелаты прекрасно сознавали, что такой поспѣшный образъ дѣйствій противенъ новымъ правиламъ; это видно изъ того, что они добавили: «Король еще ребенокъ; намъ не надо обращаться къ нему; мы отвѣчаемъ, впрочемъ, за все: если назначеніе твое будутъ оспаривать, мы защитимъ тебя передъ вельможами короля: если ты подвергнешься штрафу, мы вернемъ его тебѣ изъ собственнаго своего имущества» [4]. Выраженія эти до-

[1] *Gregor.* IV, 5: „Quum Quintianus ab hoc mundo migrasset, sanctus Gallus in eius cathedram, rege opitulante, substitutus est“.

[2] *Gregor.* IV, 5: „Cato presbyter continuo a clericis de episcopatu laudes accepit“.

[3] *Ibidem,* IV, 6: „Videmus, quia te elegit pars maxima populorum; veni et benedicentes consecramus te ad episcopatum“.

[4] *Ibidem*: „Rex parvulus est, et si qua tibi adscribitur culpa, nos suscipientes te sub defensione nostra, cum proceribus et primis re-

статочно ясно указываютъ, что не очень было безопасно пренебрегать прерогативой короля. Это хорошо понялъ священникъ Катонъ; онъ не пожелалъ, чтобы назначеніе его зависѣло отъ случая, и предпочелъ дождаться, чтобы король высказалъ свое рѣшеніе [1]. Но пока онъ медлилъ, архидіаконъ Каутинъ опередилъ его у короля; онъ отправился въ Мецъ и первый привезъ туда извѣстіе о вакантности овернской каѳедры. Узнавъ объ этомъ, король и его вельможи созвали въ Мецъ епископовъ буржской провинціи, что было формальнымъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, требовавшихъ, чтобы собраніе епископовъ провинціи происходило въ томъ городѣ, гдѣ надо было замѣстить освободившееся мѣсто. Здѣсь назначенъ былъ Каутинъ,—потому ли, что епископы забыли то, что было ими постановлено въ Оверни, или потому; что правительство заставило ихъ подчиниться своей волѣ. Посланные Катона прибыли слишкомъ поздно, Каутинъ былъ уже епископомъ [2].

gis agemus, ne tibi ulla excitetur iniuria. In tantum crede, ut spondeamus pro te omnia, si damni aliquid supervenerit, de nostris propriis facultatibus id reddituros".

[1] Григорій очень неблагосклоненъ къ этому старому священнику, который не происходилъ, безъ сомнѣнія, изъ знатной фамиліи, какъ онъ самъ, а наоборотъ медленно поднялся по ступенямъ духовнаго званія. Авторъ обвиняетъ его въ гордости. Если вѣрить ему, Катонъ изъ гордости отказался отъ посвященія епископовъ. Достовѣрно то, что Катонъ заботился о согласіи короля; это видно изъ словъ, сказанныхъ ему Каутиномъ (*Greg*. IV, 7): „Tibi beneficium praestabo, ad regem pergam, et episcopatum tibi obtinebo". — Катонъ не послалъ однако къ королю Каутина, такъ какъ не довѣрялъ ему.

[2] *Gregor*. IV, 7: „Cautinus... Theodebaldum regem petiit, adnuntians transitum Galli. Quod illi audiens vel qui cum eo erant, convocatis sacerdotibus apud Mettensem civitatem, Cautinus episcopus erat".

Хлотарь I дѣйствовалъ такъ же, какъ короли Австразіи. Когда разъ епископская каѳедра въ Турѣ освободилась, онъ пожелалъ, чтобы тотъ же самый Катонъ, мало извѣстный въ этомъ городѣ, сдѣлался въ немъ епископомъ. Уполномоченные отъ турскаго духовенства поспѣшно отправились къ Катону, «сообщили ему волю короля», и такъ какъ Катонъ видимо колебался, то они сказали ему: «Мы не по своему желанію приглашаемъ тебя быть епископомъ, а по именному указу короля [1]». Однако Катонъ отказался [2]. Тогда, получивъ свободу дѣйствія, духовенство и граждане Тура приступили къ избранію по старымъ правиламъ, и выборъ ихъ остановился на другомъ священникѣ, по имени Евфроніи [3]. Но они не сочли себя въ правѣ уклониться отъ представленія своего выбора на усмотрѣніе короля, и депутаты ихъ привезли къ нему грамоту, называвшуюся *suggestio*, въ которой они просили короля дать имъ въ епископы Евфронія [4]. Король принялъ депутацію, взялъ въ руки грамоту, но, прочитавъ имя Евфронія, воскликнулъ: «Это не тотъ, кого я повелѣлъ назначить, почему же не послушались моего приказа? [5]». По-

[1] *Gregor*. IV, 7: „Clerici Arvernum properarunt; cum Catoni regis voluntatem patefecissent... Dicunt: Non nostra te voluntate expetivimus, sed regis praeceptione".—Мы видѣли выше, что *praeceptum* или *praeceptio* назывался писанный приказъ.

[2] Согласно Григорію, онъ предпочелъ быть епископомъ Оверни.

[3] *Gregor*. IV, 15: „Turonici, facto consensu in Eufronium".

[4] *Ibidem*: „Ad regem pergunt, dataque suggestione..."

[5] „Praeceperam, ut Cato illic ordinaretur: cur est spreta iussio nostra?"

сланные изъ Тура отвѣтили, что Катонъ отказался. Король собралъ тогда нѣкоторыя свѣдѣнія о Евфроніи и, удовлетворенный тѣмъ, что узналъ, утвердилъ выборъ и приказалъ приготовить указъ о назначеніи Евфронія.

Тотъ же король Хлотаръ назначилъ сентскимъ епископомъ нѣкоего Эмерія. Церковныя правила не были соблюдены при этомъ, мы не замѣчаемъ даже, чтобы происходило какое-нибудь подобіе выборовъ. Простой королевскій указъ повелѣлъ посвятить Эмерія; съ мнѣніемъ митрополита не совѣщались, онъ даже не присутствовалъ на церемоніи [1]. Пока живъ былъ Хлотаръ I, не раздавалось никакого протеста, и лишь послѣ его смерти произведена была попытка свергнуть королевскаго избранника. Собравъ епископовъ своей провинціи, митрополитъ города Бордо объявилъ Эмерія лишеннымъ сана. Онъ приказалъ приступить въ городѣ Сентѣ къ правильнымъ выборамъ, и всѣ сошлись на одномъ священникѣ, по имени Геракліи. Былъ составленъ избирательный актъ, который назывался *consensus*. Когда священники подписали актъ, то самъ избранный представилъ его новому королю Хариберту для полученія его санкціи [2]. По меньшей мѣрѣ признавалась здѣсь, значитъ, необходимость королевскаго согласія. Но король принялъ новаго избранника очень дурно. «Думаешь ли ты, что король Хлотаръ не оставилъ послѣ себя сына,

[1] *Gregor*. IV, 26: „Emerium non canonice hoc honore donatum. Decretum enim regis habuerat, ut absque metropolitani consilio benediceretur, qui non erat praesens".

[2] *Ibidem*: „Consensum fecere in Heraclium presbyterum; quod subscriptum propriis manibus regi Cariberto per nuncupatum presbyterum transmiserunt".

сказалъ онъ ему, или ты воображаешь, что мы не сохранимъ въ силѣ дѣйствій отца нашего, что я допущу людей этихъ лишить епископскаго сана того, кто былъ выбранъ въ епископы по его волѣ?» Прогнавъ посрамленнаго священника, онъ послалъ людей, которые снова возстановили на епископской каѳедрѣ Эмерія, а митрополита бордоскаго приговорилъ даже къ штрафу въ тысячу золотыхъ. Григорій Турскій послѣ разсказа объ этомъ высказываетъ только одно замѣчаніе: «Такъ наказалъ онъ за то, что забыты были права короля» [1].

Мы могли бы привести другіе подобные примѣры изъ сочиненій того же Григорія Турскаго. Того же рода факты встрѣчаются и у агіографовъ. Королевская воля всегда проявляется во всѣхъ разсказанныхъ имъ случаяхъ одновременно съ избраніемъ, иногда даже раньше его. Въ городѣ Везонѣ Квинидію, чтобы сдѣлаться епископомъ, недостаточно было того, чтобы объ избраніи его «единогласно высказались и духовенство и народъ»; оказалось необходимо еще, «чтобы желаніе это и эта просьба были представлены королю Хильдеберту, и чтобы онъ утвердилъ ихъ подписаннымъ имъ и его вельможами декретомъ» [2]. Ко-

[1] „Et sic principis est ultus iniuriam".

[2] *Vita Quinidii*, c. 6 (у Болландистовъ, февраль, II, 831): „Nullus de clero, nullus de plebe contradicere... Votum et petitio populi ad Childebertum regem dirigitur. Accepit ecclesiae preces; dat sua auctoritate favorem, proceres ipsius roborant".—Замѣтьте выраженіе *petitio* и *preces*, служившія для обозначенія результатовъ избранія, которое являлось, стало быть, лишь простой просьбой. Что же касается слова *auctoritas*, то оно обозначало писанный актъ, королевскій декретъ; *proceres roborant*—вельможи подписываютъ по обычаю актъ.

ролевская воля проявилась въ описанномъ случаѣ въ концѣ; но вотъ случай, гдѣ она предшествовала всякому другому акту: «Когда умеръ епископъ шартрскій, Богъ, держащій сердца королей въ десницѣ своей, внушилъ Хильдеберту мысль издать указъ о выборѣ въ епископы Леобина; весь народъ присоединился къ этому избранію, воскликнувъ въ одинъ голосъ, что таковъ выборъ короля и Бога» [1].

Когда освободилась анжерская каѳедра, то собралось много гражданъ, и они объявили, что выбираютъ себѣ въ епископы Лицинія. Такимъ образомъ выборы состоялись, но ихъ было недостаточно. Агіографъ прибавляетъ, что дворцовые сановники должны были ходатайствовать передъ королемъ о сдѣланномъ народомъ представленіи; и лишь послѣ справокъ и полученія хорошихъ отзывовъ «просьба» общины была утверждена королемъ Хлотаромъ II, и народъ «получилъ» то, чего желалъ. Лициній сдѣлался епископомъ Анжера «по предписанію короля» [2].

Въ другомъ случаѣ городъ Буржъ раздѣлился на двѣ партіи, и каждая изъ нихъ послала къ королю

[1] *Vita Leobini*, c. 14 Bouquet, III, 43): „Cum de successore varia esset inquisitio, Deus Childeberti regis cor ita inflexit, ut de Leobino monacho eligendo regale daret decretum. Universi qui aderant Leobinum non solum a rege, sed a Deo esse electum conclamare coeperunt... In hac ergo electione cum universus assentiret populus...“

[2] *Vita Licinii*, c. 11—12 (Болландисты, февраль, II, 679): „Copiosa multitudo virorum consona voce Licinium pontificem sibi fore eligere disponebant. Optimates vero atque viri illustrissimi qui rectores palatii videbantur, Clotario regi famam beati viri innotescunt et testimonium perhibent dignum pontificem fieri... Quorum petitio effectum obtinuit libenterque impetraverunt... Cum regis imperio subrogatus est Licinius, ut praeesset ecclesiae Andegavensi“.

своего кандидата съ грамотой *(consensus)*, какъ будто бы каждый кандидатъ былъ выбранъ всѣми; король сдѣлалъ выборъ между ними по своей волѣ [1]. Когда епископъ руанскій умеръ въ 689 году, то граждане «послали королю Теодериху просьбу» и «съ его разрѣшенія они выбрали по его декрету Ансберта» [2]. Въ другомъ мѣстѣ къ собранію гражданъ обратился съ рѣчью областной графъ и посовѣтовалъ имъ «просить у короля», чтобы тотъ далъ имъ въ епископы Прейекта. Послѣ этого, граждане очень скоро выбрали Прейекта, послали къ королю свою грамоту и получили декретъ, «что онъ даетъ имъ того епископа, котораго они просятъ» [3]. «Съ согласія общины», святой Бонитъ былъ заранѣе назначенъ своимъ предшественникомъ; «для полученія королевскаго указа» во дворецъ былъ посланъ докладъ и «по распоряженію короля» народный *consensus* утвержденъ [4].

Вся эта сложная процедура, довольно ясно уже указываемая писателями, еще лучше отмѣчена въ формулахъ того времени. Въ сборникѣ Маркульфа

[1] *Vita Sulpicii Bituric. episc.* c. 13 (Болландисты, январь, II, 533).

[2] *Vita Ansberti*, c. 22 (Болландисты, февраль, II, 352): „Cives missa petitione ad Theodoricum regem, cum eius permissu et auctoritate Ansbettum elegerunt sibi consecrari antistitem. Quorum lectioni congaudens rex, eorum annuens petitioni...“

[3] *Vita Praeiecti*, c. 19 (Болландисты, январь, III, 248): „Genesius comes concionatur ad cives, ut Praeiectum a rege peterent. Tunc favore vulgi concordante, Praeiectum elegerunt antistitem; decreto etiam regis populi petitionibus annuente, sublimatus in cathedra“.

[4] *Vita Boniti*, c. 5 (Болландисты, январь, II, 353): „Cum relationem pro auctoritate regia adipiscenda direxissent... meruerunt, ut ex regio iussu eiusque praecepto idem roboraretur consensus“.

есть образецъ грамоты, съ которою мѣстное населеніе обращалось къ королю: «Благочестивѣйшему и великому государю нашему королю отъ насъ, слугъ вашихъ и просителей. Такъ какъ блаженной памяти епископъ нашего города покинулъ этотъ свѣтъ, то для того, чтобы овцы не оставались безъ пастыря, мы смиренно просимъ васъ соблаговолить назначить ему въ преемники такого то (здѣсь слѣдовало имя избраннаго), въ которомъ соединяются знатность, вполнѣ свободное происхожденіе, блестящее изящество, и добродѣтели цѣломудрія, милосердія и доброты сердца, въ удостовѣреніе чего мы и подписали этотъ актъ согласія» [1].

Вотъ и отвѣтъ короля, то-есть, указъ, которымъ онъ назначаетъ епископа и предписываетъ митрополиту посвятить его. «Такой то король такому то епископу, мужу апостольскому. Изъ всѣхъ заботъ нашего управленія нѣтъ ни одной, болѣе достойной занимать наше вниманіе, чѣмъ та, которая состоитъ

[1] *Marculf.* I, 7: „Consensus civium pro episcopatu. Suggerendo (отсюда произошла грамота, носившая названіе *suggestio*) piissimo ac praeceellntissimo domno illi regi... Quoniam sanctae memoriae vir apostolicus ille, illius urbis episcopus, ab hac luce migravit, ne destitutae sint oves pastore, in loco eius suppliciter postulamus, ut instituere dignetis... in quo est praespicuitas sublimis, ingenuitas nationis, elegantia refulgens diligentia castitatis locuples... Hunc consensum decrevimus roborare“. — Надобно замѣтить, что въ формулѣ этой имя избраннаго, для котораго оставлялся обыкновенно пробѣлъ, замѣняется двумя титулами: „Instituere dignetis inlustrem virum illum aut venerabilem illum“. Одинъ изъ этихъ титуловъ принадлежалъ мірянамъ, другой духовнымъ лицамъ. Формула служила для двухъ случаевъ, такъ какъ община могла выбрать епископомъ принадлежавшее ко двору свѣтское лицо (inlustrem virum) совершенно такъ же, какъ и духовное (venerabilem virum).

въ дарованіи епископскаго сана лучшимъ людямъ, ради спасенія душъ человѣческихъ. Узнавъ, что блаженной памяти епископъ такой то отозванъ къ Богу, мы, въ согласіи съ епископами и вельможами дворца нашего, ревностно озаботились дарованіемъ ему преемника и рѣшили ввѣрить святительскую должность въ этомъ городѣ такому то, за котораго говоритъ его испытанное поведеніе, благородство его рожденія, чистота нравовъ, его благоразуміе и почтенность. Потому то мы и повелѣваемъ вамъ, равно какъ и викаріямъ вашимъ, приступить къ благословенію и посвященію этого новаго епископа, дабы онъ управлялъ ввѣренной ему по волѣ Божіей церковью» [1]. Въ настоящей оффиціальной грамотѣ король не беретъ даже на себя труда упомянуть о народномъ избраніи; повидимому, рѣшаетъ дѣло одна его воля. Не свободенъ даже митрополитъ: онъ долженъ совершать посвященіе по приказу короля [2].

[1] *Marculf.* I, 5: „Ille rex viro apostolico illi episcopo. Nihil tam principe dignum est, ut cum a pastorali oberrat plebs destituta praesidio, pro salute animarum, personis locis celsioribus pontificalem prespiciat committere dignitatem... De cuius successore sollicitudinem congruam una cum pontificibus vel proceribus nostris plenius pertractantes decrevimus... quem actio probata commendat et nobilitatis ordo sublimat ac morum probitas vel mansuetudinis et prudentiae honestas exornat... Ordinamus, ut ipsum benedici vestra industria studeat...“ См. также формулу № 6.—Другая же (у *Zeumer*, стр. 109. *Rozière*, № 516) упоминаетъ „petitio cleri et pagensium“; въ остальномъ она сходна съ предшествующими.

[2] У насъ есть двѣ грамоты Дагоберта I, относящіяся къ избранію Дезидерія епископомъ Кагорскимъ. Ихъ можно найти или въ *Vita Desiderii*, или въ *Diplomata*, изд. Pardessus, №№ 246 и 251. Со стороны редакціи онѣ очень отличаются отъ формулы Маркульфа, но сущность одна и та же: назначаетъ епископа

Резюмируя сказанное, мы видимъ, какъ совершалось въ меровингской монархіи назначеніе епископовъ. Старое каноническое правило, предписывавшее, чтобы назначался епископъ не иначе, какъ путемъ посвященія митрополита, теоретически осталось неприкосновеннымъ, но приказъ о посвященіи давалъ митрополиту король. Другое правило, предписывавшее, чтобы обращалось вниманіе на мнѣніе духовенства и народа, и чтобы они указывали свой выборъ, осталось записаннымъ въ церковныхъ правилахъ и оффиціально не оспаривалось государствомъ; правило это часто примѣнялось даже на дѣлѣ, но выборы могли происходить лишь послѣ того, какъ король указывалъ человѣка, на котораго пало его собственное избраніе; если же они совершались безъ такого указанія, то приводили лишь къ своего рода представленію кандидата, рѣшающимъ же судьей являлся все таки король. Ему посылали грамоту, въ которой высказывалось общее согласіе, *consensus* [1]. Грамота эта была въ сущности простою *suggestio*, предложеніемъ, даже меньше того — прошеніемъ, *petitio*, челобитной, *preces* [1]. Король по своему желанію могъ принять или отвернуть ее [2]. Епископа назначалъ собственно его указъ—*decretum*.

король, король предписываетъ митрополиту посвящать его. Выборы отмѣчены еще въ *Vita Eremberti*, Mabillon, Acta ss. II, 605; *Vita Filiberti*, ibidem, II, 818; *Vita Ansberti*, 18 и 22, ibidem, II, 1053 и 1054; но всегда упоминается также рѣшеніе короля.

[1] Надо съ осторожностью принимать въ буквальномъ смыслѣ термины Меровингскаго языка. Слово *consensus* даетъ представленіе о всеобщемъ голосованіи; въ дѣйствительности же избраніе могло быть дѣломъ нѣсколькихъ человѣкъ, даже одного. Напримѣръ, Григорій (VI, 15) говоритъ объ одномъ епископѣ, который желалъ, чтобы ему наслѣдовалъ его племянникъ; онъ составилъ самъ consensus и упросилъ потомъ нѣсколькихъ епископовъ подписать его.

Поэтому мы замѣчаемъ, что Григорій Турскій никогда почти не говоритъ о епископѣ, не прибавивъ, что онъ былъ назначенъ королемъ. Оммацій былъ сдѣланъ епископомъ турскимъ «по приказу короля Хлодомира» [3]. Посцентій сталъ епископомъ въ Пуатье «по приказу короля Хариберта» [4]. Іовинъ «получилъ отъ короля свою грамоту о назначеніи епископомъ» [5]. Хлотаръ I отдалъ манскую епархію Думнолу, чтобы вознаградить его за полученныя отъ него въ ссорахъ съ братомъ услуги [6]. Нанній сдѣлался епископомъ въ Нантѣ по повелѣнію короля [7]. Сульпицій былъ выбранъ епископомъ въ Буржѣ «по милости короля Гунтрамна», и Григорій Турскій говоритъ это не въ осужденіе, такъ какъ поясняетъ, что Сульпицій былъ лучшимъ изъ имѣвшихся кандидатовъ [8]. Въ Вьеннѣ, Виръ сдѣлался епископомъ «по выбору» короля Гунт-

[1] Этимъ объясняются такія выраженія, какъ слѣдующія: „Clerici a pastore destituti, Mundericum expetunt" (*Gregor*. V, 5); „Lingonici episcopum flagitantes Pappolum accipiunt" (*ibidem*).

[2] Вотъ примѣръ непринятія consensus (*Gregor*. VIII, 22): „Diaconus cum consensu civium ad regem properat, sed nihil obtinuit; rex data praeceptione, iussit Gundesilum episcopum ordinari".

[3] *Gregor*. III, 17: „Ex iussu Chlodomeris regis".

[4] *Ibidem*, IV, 18: „Ex iussu regis Chariberti".

[5] *Ibidem*, VI, 7: „Iovinus regium de episcopatu praeceptum accepit".

[6] *Ibidem*, VI, 9.

[7] *Ibidem*, VI, 15.

[8] *Ibidem*, VI, 39: „Sulpicius ad sacerdotium, rege favente, praeligitur".

рамна [1]. Городъ Бордо просилъ въ своей грамотѣ, чтобы ему дали въ епископы діакона Ваддона, но король отдалъ епархію Гундегизилу [2]. Въ Бургундіи «одинъ бѣдный человѣкъ», давшій въ своей хижинѣ пріютъ Брунегильдѣ, сразу былъ назначенъ епископомъ оксерскимъ [3].

Кто легко вѣритъ въ антагонизмъ между двумя расами, станетъ догадываться, быть можетъ, что политика франкскихъ королей имѣла въ виду ставить во главѣ епархій Германцевъ, и что правомъ назначенія епископовъ короли завладѣли для того, чтобы воспрепятствовать римскому населенію всегда назначать епископовъ изъ своей расы. Это было бы ошибкой. Помимо того, что у Григорія Турскаго нѣтъ ни одного слова, прямо приписывающаго королямъ такую политику, изъ самыхъ многочисленныхъ примѣровъ, которые онъ даетъ, мы видимъ, наоборотъ, что короли чаще назначали епископами Римлянъ, чѣмъ Франковъ. Въ постоянно встрѣчаемыхъ случаяхъ борьбы за епископскій санъ нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы вопросъ происхожденія игралъ хоть какую-нибудь роль. Мы видимъ иногда соперничающія фамиліи, но нерѣдко оказывается, что онѣ принадлежатъ всѣ къ одной расѣ и чаще всего къ римской [4]. Очевидно, что короли ничего не имѣли про-

1 *Ibidem*, VIII, 39: „Virus, rege eligente, substituitur".

2 *Ibidem*, VIII, 22.

3 *Fredegari*, Chronicon. c. 19.

4 Упоминаются: соперничество между Евфразіемъ, Авитомъ и Фирминомъ (*Gregor*. IV, 35); между Альбиномъ, Іовиномъ и Марцелломъ (*Ibid*. VI, 7); между Каутиномъ и Катономъ (*Ibid*. IV, 7). Ср. еще соперничество между Ваддономъ и Гундегизиломъ (*Gregor*. VIII, 22).

тивъ назначенія Римлянъ. О происхожденіи кандидата они освѣдомлялись не для того, чтобы узнать, Римлянинъ ли онъ или Франкъ, а для того, чтобы удостовѣриться, что онъ принадлежалъ къ вполнѣ свободному и благородному роду [1]; они придавали, повидимому, большое значеніе тому, чтобы онъ былъ членомъ богатой и знатной семьи. Если они узнавали, напримѣръ, что кандидатъ происходилъ изъ рода Григоріевъ, то говорили, что «это очень хорошій родъ, что онъ получитъ епархію» [2]. Такъ въ шестомъ вѣкѣ мы видимъ, что лиможскій столъ занимаютъ одинъ за другимъ два члена богатой фамиліи Рурициевъ, вѣтви рода Аницiевъ, а бордосскую каѳедру—два Леонтія [3]. Точно также—Гунтрамнъ, который долженъ былъ замѣстить буржскую каѳедру, выбираетъ изъ нѣсколькихъ кандидатовъ того, кто принадлежалъ къ самому высокому роду, именно одного изъ Сульпицiевъ [4].

Надо признать, что выборъ королей опредѣлялся часто дарами, которые имъ предлагали. Аполлинарій былъ назначенъ королемъ въ епископы Оверни «oblatis muneribus» [5]. Было въ обычаѣ, чтобы выбранный

1 См. у Маркульфа (I, 7.) „Ingenuitas nationis"—свободное происхожденіе.

2 *Gregor*. IV, 15: „Dixerunt eum nepotem esse beati Gregorii; respondit rex: Prima haec est et magna generatio; electio compleatur".

3 *Fortunat*. Carmina, IV, 5; I, 15.

4 *Gregor*. VI, 39: „Vir valde nobilis et de primis senatoribu Galliarum".—Въ произведеніяхъ Фортуната можно замѣтить, что всѣ епископы, которымъ онъ пишетъ, принадлежатъ къ знатнымъ фамиліямъ. Самъ онъ являлся, повидимому, исключеніемъ.

5 *Ibidem*, III, 2.

народомъ кандидатъ, представляя королю грамоту consensus, приносилъ въ то же время дары [1]. Нужды нѣтъ, что король Гунтрамнъ протестовалъ однажды, говоря, что не въ его обычаѣ продавать епископатъ: всѣ очень плохо повѣрили ему и всегда приносили ему дары для полученія этого сана [2]. Если не всегда, то во всякомъ случаѣ часто кандидатъ получалъ предпочтеніе, благодаря подаркамъ [3]. Напрасно въ своихъ посланіяхъ къ франкскимъ королямъ папы сѣтовали на то, что должности епископовъ раздавались за деньги [4]. По словамъ одного агіографа седьмого вѣка симонія широко была распространена въ королевствѣ Франковъ [5]. Другой агіографъ представляетъ короля «зараженнымъ ядомъ алчности» при назначеніи епископовъ и «всегда принимающимъ сторону того, кто предложилъ наиболѣе крупную сумму денегъ» [6].

[1] *Ibidem*, IV, 35: „Plerique intendebant propter episcopatum, offerentes multa... Eufrasius susceptas a Iudaeis species magnas regi misit, ut episcopatum praemiis obtineret".—Друзья Фирмина обѣщали королю тысячу золотыхъ.—VIII, 22: „Waddo cum muneribus et consensu civium ad regem properat".—X, 26: „Eusebius, datis multis muneribus, in episcopatum subrogatus est".—*Vita Sulpicii*, c. 13: Cum infinitis auri argentique ponderibus regi intulerunt consensum".—*Vita Praeiecti*, 11, Mabillon, III, 248: „Episcopatum usurpavit per praemium".

[2] *Ibidem*, VI, 39: „Cum multi munera offerrent..."

[3] *Ibidem*, VI, 7: „Muneribus vicit".—Ср. *Gregor*. Vitae Patrum, V, 3: „Iam tunc germen illud iniquum coeperat fructificare, ut sacerdotium aut venderetur a regibus aut compararetur a clericis".

[4] „Cum datione pecuniae", въ посланіи Григорія Великаго къ Брунегильдѣ, Теодеберту и Хлотару II, *Bouquet*, IV, p. 25—28.

[5] *Vita Eligii*, II, 1.

[6] *Vita Sulpicii*, c. 12 (Болландисты, 17 января): „Regem cupiditatis veneno infectum, ad copiosam illatam pecuniam inflexum".

Если, помимо каприза и алчности, у королей можно усмотрѣть политическія цѣли, то выражались онѣ единственно въ томъ, чтобы помѣщать въ епархіяхъ своихъ друзей, придворныхъ и чиновниковъ [1]. На ряду съ нѣсколькими священниками, которымъ послужили рекомендаціей однѣ ихъ добродѣтели и ученость, мы встрѣчаемъ значительно большее число такихъ, которые были свѣтскими лицами и достигли должности епископа благодаря лишь военнымъ или административнымъ заслугамъ. Григорій, епископъ лангрскій, былъ прежде графомъ въ Отенѣ [2]. Епископъ турскій Баудинъ былъ раньше доместикомъ Хлотара I [3]. Узезскій епископъ, Іовинъ, былъ правителемъ Прованса [4]. Епископъ мансскій Бадегизилъ, былъ мэромъ королевскаго дома [5]; епископъ родезскій, Иннокентій—графомъ въ Жеводанѣ [6]; Ницетій служилъ графомъ въ аккской области прежде, чѣмъ сдѣлался ея епископомъ [7]. Евсевій, котораго король сдѣлалъ епископомъ парижскимъ, былъ лишь торговымъ человѣкомъ, и историкъ не говоритъ, какія заслуги склонили въ его пользу выборъ короля [8]. Служилый человѣкъ Гунтрамна, Харіэтто, получилъ женевскую епархію за то, что раскрылъ измѣну Муммола [9]. Ли-

[1] Замѣчаніе это сдѣлалъ уже *Roth*, Geschichte des Beneficialwesens, p. 269.

[2] *Gregor*. Vitae Patrum, VII, 1—2.—*Fortunat*. Carmina, IV. 2.

[3] *Ibidem*, IV, 3; ср. X, 31, 16.

[4] *Ibidem*, VI, 7.

[5] *Ibidem*, VI, 9.

[6] *Ibidem*, VI, 37—38.

[7] *Ibidem*, VII, 31; VIII, 20.

[8] *Gregor*. X, 26.

[9] Historia epitomata, c. 89.

церій, епископъ арльскій, былъ референдаріемъ короля Гунтрамна [1], подобно тому, какъ епископъ верденскій Харимиръ былъ референдаріемъ Хильдеберта [2]. Когда король сдѣлалъ Гундегизила епископомъ въ Бордо, онъ былъ графомъ въ Сентѣ [3]. Марахарій былъ сначала графомъ, потомъ епископомъ въ Ангулемѣ [4].

Въ эдиктѣ 614 года король Хлотаръ II опредѣленно высказываетъ, что онъ имѣетъ право давать епископскую должность сановникамъ дворца подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы они были достойны ея по своему поведенію и по знакомству съ вѣроученіемъ [5]. Изъ дворца вышло въ самомъ дѣлѣ много епископовъ, даже прославившихся святою жизнью. Святой Дезидерій багорскій былъ королевскимъ казначеемъ, святой Элигій Нуайонскій начальникомъ монетнаго двора, святой Уанъ руанскій канцлеромъ, святой Арнульфъ начальникомъ дворца, святой Бонитъ – сначала кравчимъ, потомъ референдаріемъ и провинціальнымъ правителемъ [6]. Епископатъ становился такимъ образомъ достояніемъ королевскихъ чиновниковъ и жаловался имъ въ видѣ награды за службу. Уже Григорій Турскій отмѣчаетъ, что во времена Хильпериха «епископскаго сана достигали лишь немногіе изъ клириковъ» [7].

[1] *Gregor*. VIII, 39.
[2] *Ibidem*, IX, 23; de Gloria confessorum, 95.
[3] *Ibidem*, VIII, 22.
[4] *Ibidem*, V, 37.
[5] *Edictum Chlotarii*, 1.
[6] *Vita Boniti*, Mabillon, Acta SS. III, 90.
[7] *Gregor*. VI, 46.— Слѣдуетъ замѣтить, что въ Испаніи вестготскіе короли также завладѣли правомъ назначенія епископовъ. См. Толедскій соборъ 681 года.

Таково было всемогущество королей при выборѣ епископовъ. Они стремились также пріобрѣсти рѣшающую власть въ дѣлѣ созванія соборовъ. Если бы короли во-время не позаботились объ охранѣ съ этой стороны своихъ правъ, эти большія церковныя собранія могли бы сдѣлаться сильнѣе ихъ. Меровинги слѣдили за тѣмъ, чтобы ни одинъ соборъ не созывался безъ ихъ разрѣшенія. У насъ есть посланіе Сигеберта II, который, услышавъ, что епископы хотятъ собраться безъ соблюденія этого правила, поспѣшилъ написать имъ: «Мы узнали что вы приготовляетесь къ собранію въ сентябрьскія календы; но такъ какъ предположеніе это не было доведено раньше до нашего свѣдѣнія, то мы рѣшаемъ что этого не будетъ, что въ сентябрьскія календы въ государствѣ нашемъ вовсе не соберется никакой съѣздъ епископовъ. Позднѣе же, когда мы найдемъ это удобнымъ, мы не откажемъ собору въ разрѣшеніи собраться, если насъ заранѣе попросятъ объ этомъ, и если мы увидимъ, что дѣло полезно для церкви и для государства. На этотъ же разъ мы запрещаемъ вамъ являться въ предполагавшееся собраніе» [1]. Вотъ, какъ обращался къ епископамъ, защищая свое королевское право, Сигебертъ II, самый благочестивый изъ меровингскихъ королей.

Въ ту эпоху собиралось много соборовъ, но это всегда дѣлалось только «съ разрѣшенія» или «по повелѣнію» королей. Сами соборныя постановленія свидѣтельствуютъ объ этомъ. Вглядимся, къ примѣру, въ акты собора 511 года. Епископы предпосылаютъ

[1] Посланіе это помѣщено у *Dom Bouquet*, IV, 47 и въ *Diplomata* изд. Pardessus, № 308.

своимъ рѣшеніямъ посланіе, написанное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: « Государю нашему, достославному королю Хлодовеху, отъ насъ, собравшихся по его предписанію епископовъ. Движимые рвеніемъ къ вѣрѣ католической, вы повелѣли епископамъ заняться обсужденіемъ предметовъ, необходимыхъ для того, чтобы дать отвѣтъ согласно приказанію вашему на указанные вами вопросы. Вотъ отвѣты, которые мы представляемъ вамъ, желая при этомъ, чтобы рѣшенія епископовъ, если они покажутся вамъ правильными и заслужатъ ваше одобреніе, были утверждены властью такого великаго государя [1]». Дальше слѣдовали тридцать одна статья, представлявшія изъ себя отвѣты на поставленные королемъ вопросы. Король не только созвалъ соборъ, онъ же и постановилъ, повидимому, предметы для его обсужденія.

Точно такъ же въ постановленіяхъ орлеанскаго собора 533 года, овернскаго собора 535 года, орлеанскаго собора 549 года, парижскаго 557 года, маконскаго 581 года, собора въ Валенсіи 584 года и парижскаго 614 года, епископы всегда объявляютъ, что они собрались съ разрѣшенія короля, по его предписанію, по его именному указу [2].

[1] Орлеанскій соборъ 511 года, Sirmond, I, 177: „Domino Chlodovecho gloriosissimo regi, omnes sacerdotes, quos ad concilium venire iussistis. Quia... sacerdotes de rebus necessariis tractaturos in unum colligi iusseritis, secundum voluntatis vestrae consultationem et titulos quos dedistis... respondemus“.—То же самое правило поддерживалось и вестготскими королями; въ постановленіяхъ Агдскаго собора 506 года есть предисловіе, въ которомъ мы читаемъ: „Cum ex permissu domni nostri regis synodus convenisset“.

[2] Второй Орлеанскій соборъ 533 года, Sirmond, I, 228: „Cum ex praeceptione gloriosissimorum regum in Aurelianensem urbem

Григорій Турскій, который, какъ епископъ, прекрасно зналъ дѣйствовавшіе въ церкви законы, даетъ понять, что епископы собирались въ указанномъ имъ королемъ городѣ въ силу его предписанія [1].

Нѣтъ сомнѣнія, что собранія духовенства пользовались полною свободою обсужденія, но соборы не могли составлять законовъ. Ихъ рѣшенія представлялись королямъ, и законную силу они получали лишь съ одобренія и по утвержденіи его властью [2].

convenissemus“.—Овернскій соборъ 535 года, Sirmond, I, 241: „Cum, consentiente domino nostro gloriosissimo rege Theodeberto, in Arverna urbe sancta synodus convenisset... qui nobis congregationis tribuerat potestatem“.—Въ 3-емъ и 4-мъ Орлеанскомъ соборѣ нѣтъ упоминанія о королевскомъ разрѣшеніи, но мы снова находимъ его въ началѣ постановленій 5-го собора: „Cum domnus Childebertus rex in Aurelianensi urbe congregasset in unum sacerdotes“.—Тульскій соборъ 550 года былъ также созванъ „iussu Theodebaldi regis“ (Sirmond, I, 292).—3-й Парижскій соборъ 557 года, Sirmond, I, 301: „Cum ad invitationem domni regis Childeberti venissemus“.—2-й Турскій соборъ 567 года, Sirmond, I, 330: „Iuxta conniventiam gloriosissimi domni Cariberti regis coadunati“.—Маконскій соборъ 581 года: „Cum ex evocatione gloriosissimi domni Gunthramni regis, tam pro causis publicis quam pro necessitatibus pauperum nostra mediocritas convenisset“.—Соборъ въ Валенсіи, 584 года: „Iuxta imperium Gunthramni regis“.—Парижскій соборъ 614 года: „Cum in urbe Parisius ex evocatione gloriosissimi principis Chlotarii regis in synodali concilio convenissemus“.

[1] *Gregor*. V, 28: „Synodus acta est ex iussu principis Gunthramni“.—V, 21: „Rex Gunthramnus congregari synodum apud urbem Lugdunensem iussi.—VIII, 20: „Ex iussu regis Gunthramni apud Matiscensem urbem collecti sunt“.—*Fredegarii* Chron. 1: „Synodum 40 episcoporum rex fieri praecepit“.—*Vita Eligii*, I, 35: „Quum ex iussu principis concilium sacerdotale apud urbem Aurelianensem congregaretur“.—*Vita Desiderati* (Болландисты, 8 мая): „Rex Childebertus ecclesiarum praesules iussit apud urbem Aurelianensem convenire“.

[2] Правило это формальнымъ образомъ высказано въ пре-

Не франкскіе короли, впрочемъ, придумали всѣ эти правила: они были уже установлены римскими императорами [1]; Меровингамъ оставалось только удержать ихъ, епископы же легко имъ подчинились.

Справедливо будетъ сказать, стало быть, что франкскіе короли желали управлять по собственной власти и церковью такъ же, какъ гражданскимъ обществомъ. Не слѣдуетъ, конечно, придавать особенное значеніе такимъ фактамъ, какъ капризная фантазія Хильпериха, высказывавшаго притязаніе судить о вопросахъ догматовъ и вѣроученія [2]. Такія своевольныя выходки не могли привести къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Но общій принципъ установился такой, что и церковь не избѣгла подчиненія королевской власти такъ же, какъ всѣ другія общественныя учрежденія и сословія. Короли надѣляли монастыри имуществомъ и обогащали епархіи, но они хотѣли господствовать надъ церковью. Теперь, привлекая къ разсмотрѣнію другіе факты, мы изслѣдуемъ, удалось ли королямъ достигнуть такого результата съ тою полнотою, какъ они желали.

дисловіи собора 511 года.—Мы видимъ, что оно примѣняется въ 585 и въ 614 году, и, можно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ король измѣняетъ статьи собора.—Постановленія собора, бывшаго въ 660 году въ Бордо, сопровождаются утвержденіемъ короля Хильдериха II: „Per iussionem gloriosi principis Childerici haec omnia quae superius habentur inferta in omnibus conservari convenit" (*Diplomata*, изд. Pardessus, т. II, стр. 130).

[1] См. разрѣшительныя грамоты семи первыхъ соборовъ въ сборникѣ Лаббе.—Ср. *Socrat.* Hist. eccles. I, 5; II, 16; II, 29; *Euseb.* „Vita Constantini. IV, 29 и 42; ср. также адресованное императору Θеодосію посланіе отцовъ Константинопольскаго собора.

[2] *Gregor. Tur.* V, 45 (въ изд. Arndt, 44).

5.
Могущество епископата.

Франкскіе короли, заботившіеся лишь о присвоеніи власти назначать епископовъ, не подумали о томъ, чтобы вообще задержать быстрый ростъ епископскаго авторитета.

Причины возраставшей силы корпораціи епископовъ могутъ быть указаны многочисленныя и разнообразныя. Первую надо искать въ особомъ душевномъ складѣ общества въ ту эпоху. Всѣ люди были въ тѣ времена религіозны. Вѣра большинства мірянъ не являлась, конечно, ни особенно широкою, ни очень возвышенною; она не отличалась сознательностью, не восходила до отвлеченныхъ понятій и не опиралась на метафизическіе принципы; это не уменьшало ея власти надъ умомъ и надъ волею. Сущность общихъ вѣрованій, распространенныхъ въ населеніи сводилась къ исканію спасенія: важнѣйшею заботою каждаго человѣка признавалось приготовленіе себѣ уже на этомъ свѣтѣ мѣста въ другомъ мірѣ. Частные и общественные интересы, личность, семья, община и государство—все склонялось передъ этой идеею. Съ тѣхъ поръ, какъ была поставлена такая цѣль жизни, церковь необходимо становилась всемогущею, такъ какъ именно она—своими таинствами, молитвами, заступничествомъ своихъ святыхъ обезпечивала другую жизнь. Она располагала царствомъ небеснымъ для каждаго. Всѣ этому вѣрили, и потому церкви не приходилось тогда удерживать своихъ сыновъ ни принужденіемъ, ни убѣжденіемъ или мягкими уступками. Никто не смѣлъ и думать отдѣлиться отъ нея. Отлу-

ченіе отъ церкви, хотя бы на одинъ мигъ, являлось самымъ страшнымъ наказаніемъ, а возвращеніе въ ея лоно, обставлялось самыми строгими испытаніями. Современный умъ склоненъ предполагать, что самымъ страшнымъ дѣйствіемъ отлученія отъ церкви было исключеніе изъ гражданскаго общества. Но почитайте соборныя постановленія, разсказы агіографовъ или Григорія Турскаго и вы увидите, что въ понятіяхъ людей того времени ужаснымъ и невыносимымъ наказаніемъ являлась потеря мѣста въ храмѣ, лишеніе права на молитву и причастіе. Григорій Турскій рисуетъ намъ самыхъ преступныхъ людей, какіе только могутъ быть, одержимыхъ самыми жестокими страстями, корыстолюбивыхъ, въ высокой степени грѣховныхъ, и всѣ эти великіе злодѣи остаются ревностными христіанами; больше всего боятся они того, что ихъ отдѣлятъ отъ церкви; самое пламенное ихъ желаніе состоитъ въ томъ, чтобы причащаться вмѣстѣ со всѣми другими людьми [1]. Если церковь отлучаетъ ихъ, они соглашаются на все, лишь бы «примириться» съ нею [2]. Человѣкъ могъ потерять нравственное чувство, но обходиться безъ молитвъ и безъ церковной службы онъ былъ не въ состояніи. Церковь держала человѣка въ своей власти даже черезъ его преступленія. Одна она могла уничто-

[1] Въ числѣ другихъ, просмотрите исторію Евлалія (*Gregor.* X, 8) и Нантина (*Ibid.* V, 36).—О важности наказанія ***suspensio communionis*** см. *ibid.* V, 37; VIII, 40; IX, 41, 43; Vitae Patrum, XVII, 2.

[2] Эпитиміи являлись тогда очень суровыми наказаніями. См. 15 статью Агдскаго собора 506 года—„cilicium in capite", „depositio comae", „vestimenti mutatio" и т. д.; ср. также эпаонскій соборъ 517 года, статью 29.

жить угрызенія совѣсти и возродить душу. Она господствовала въ каждодневной жизни; только она давала праздники. Блескъ церковныхъ обрядовъ захватывалъ воображеніе. Въ то время суровая или сухая рутина не мертвила еще культа; онъ чарующе дѣйствовалъ на чувства яркими покровами, свѣтильниками, цвѣтами и благовоніями. Литургія представлялась чудною драмою. Гимны, которые пѣлись общимъ хоромъ всѣми на понятномъ еще въ то время языкѣ, исчерпывали всѣ зрѣлища и всю музыку той эпохи. Великія рождественскія и пасхальныя торжества составляли двѣ самыя большія радости человѣческаго существованія.

Равнодушіе было невозможно. Народъ проявлялъ больше рвенія и больше вѣры, чѣмъ отъ него требовалось. Легковѣріе не имѣло границъ. Вѣрить въ Бога и въ Христа было недостаточно, искали вѣры въ святыхъ. Культъ святыхъ захватывалъ душу еще тѣснѣе, чѣмъ культъ высшаго Бога. Это была очень грубая и матеріальная религія. Однажды святой Колумбанъ узналъ, что имущество его похитили какъ разъ въ то время, какъ онъ молился на могилѣ святого Мартина; онъ возвратился на могилу и обратившись къ святому сказалъ: «Развѣ ты думаешь, что я пришелъ молиться надъ твоими останками для того, чтобы украли мое имущество». И святой счелъ себя обязаннымъ открыть вора и заставить его вернуть похищенные предметы [1]. Въ Парижѣ, въ церкви святой Колумбы было совершено воровство. Элигій подбѣжалъ къ алтарю и сказалъ: «Выслушай хорошенько, что я скажу тебѣ, святая Колумба; если ты

[1] *Vita Columbani*, c. 44.

не заставишь принести мнѣ сюда то, что было у меня украдено, я велю завалить дверь твоей церкви кучами колючихъ растеній, и у тебя не будетъ больше поклонниковъ». На другой день похищенные предметы были возвращены [1]. Каждый святой обладалъ сверхчеловѣческою силою, которую онъ долженъ былъ отдавать на пользу своихъ почитателей. Культъ былъ сдѣлкою: давалось дающему. Но надо замѣтить, что чѣмъ грубѣе религія, тѣмъ больше имѣетъ она власти надъ грубой душой большинства рода человѣческаго. Остерегайтесь очищать религіозныя понятія, если вы хотите, чтобы вѣра господствовала въ широкихъ слояхъ. Существовала тогда христіанская религія, носителями которой были великіе умы, но гораздо шире дѣйствовало христіанство толпы, стоявшее на уровнѣ людей самаго скромнаго ума и самыхъ низменныхъ побужденій. Въ религіи того времени было мало идеальныхъ образовъ; но большое могущество отводилось матеріальнымъ святынямъ. Взывали не столько къ душѣ святого; чтобы молитва была дѣйствительна, ее надо было совершать надъ его прахомъ, на его могилѣ или, по крайней мѣрѣ, надъ какимъ-нибудь ковчегомъ, содержащимъ частицу его мощей [2]. Безъ присутствія тѣла какого-нибудь святого не могло обходиться ни одно дѣйствительно священное мѣсто [3], и отъ могилы святого исходили всѣ чудеса [4]. Для того, чтобы посѣтить мощи святыхъ,

[1] *Vita Eligii*, I, 30.

[2] *Gregor*. X, 29: „Construxit templa Dei in honore Sanctorum expetiitque eorum pignora". Ср. Ibidem, IX, 40; X, 1; Miracula martyrum, 50.

[3] См. Посланія Григорія Великаго, V, 50.

[4] *Gregor*. IV, 36: „Nicetius nunc magna miracula ad tumulum

вѣрующіе совершали длинныя странствія. Не было ничего такого драгоцѣннаго и такого желаннаго, какъ мощи [4]. Изъ многочисленныхъ разсказовъ того времени, мы видимъ, какія дѣлались усилія, къ какимъ жертвамъ прибѣгали люди для того, чтобы достать ихъ. Мы видимъ, что города оспаривали другъ у друга тѣло святого, какъ самое большое сокровище [1]. Происходило это оттого, что тѣло это должно было исцѣлять больныхъ, защищать церковь и городъ. Мы видѣли выше, что на судѣ того времени именно тѣло святого спасало невиннаго или наказывало виновнаго У церкви не было меча, но мощи были сильнѣе меча. Самые безстрашные люди дрожали передъ ними. Мы видимъ, что самые отчаянные смѣльчаки смущались, когда ихъ ставили передъ мощами, разъ совѣсть ихъ была не совсѣмъ чиста; они преклоняли колѣна признавались во всемъ, иногда падали навзничь и умирали, пораженные святымъ или собственнымъ ужасомъ. Для совершенія чудесъ не нужно было ни Божьяго всемогущества, ни усилія священниковъ. Замѣтьте, какова природа всѣхъ безчисленныхъ чудесъ этой эпохи: исцѣленіе больныхъ, наказаніе виновныхъ, спасеніе невинныхъ,—всѣ они принадлежатъ

suum exorantibus praestat".—*Ibidem*. IV, 19; V, 22; VII, 12; VII, 42; VIII, 16; de Gloria confessorum, 30, 37; Miracula Martini, I, 12, 23, 25 и т. д.—*Fredegarii* Chronicon, 22: „Ad sepulcrum illum sanctum mirae virtutes ostenduntur".—Сила эта, приписываемая могилѣ святого, объясняетъ фразу, которая такъ часто попадается въ хартіяхъ: „Ubi ipse pretiosus requiescit in corpore".

[1] О вѣрѣ въ таинственную силу, которая была связана съ самыми незначительными мощами, см. два мѣста у Григорія Турскаго, VIII, 15 и Gloria martyrum, 84.

[2] *Gregor*. Vitae Patrum, XIII, 3. *Vita Eligii*, II, 36. *Miracula S. Benedicti*, I. 16, стр. 39, 40.

къ числу тѣхъ чудесъ, которыя можетъ совершить всякая душа, благодаря своей вѣрѣ или благодаря своему страху.

Не будемъ утверждать, что такое предрасположеніе душъ было особенно присуще Германцамъ; не станемъ говорить объ обществѣ, болѣе юномъ, наивномъ, которое будто бы легче поддавалось обману: такое толкованіе было бы опровергнуто изученіемъ документовъ. Сила вѣры быда одинаковая и у Франковъ, и у Римлянъ, одинакова была у нихъ религіозная потребность, одинакова простота ума, одинакова сильная покорность.

Епископъ являлся самымъ могущественнымъ лицомъ въ церкви, которая сама обладала въ тѣ времена такимъ большимъ могуществомъ. По понятіямъ людей той эпохи онъ былъ не только главою культа, правителемъ и сановникомъ церкви,—онъ былъ существомъ священнымъ. Съ того дня, какъ онъ получалъ посвященіе отъ другого епископа, онъ становился преемникомъ апостоловъ, онъ самъ дѣлался апостоломъ или, какъ говорилось на языкѣ того времени мужемъ апостольскимъ, *vir apostolicus* [1]. Казалось, что онъ заступалъ мѣсто Христа. Онъ былъ посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ. Услышанныя Богомъ молитвы его обезпечивали спасеніе народа [2]. Только его рукою могли совершаться таинства; долгое время одинъ онъ могъ давать крещеніе и, если эту священную функцію впослѣдствіи стали исполнять нѣкоторые священники, то дѣлалось это лишь по его уполномоченію. Черезъ епископа, значитъ, люди допускались въ святое общество, которое спасало души; онъ же могъ и исключать ихъ изъ состава истинно вѣрующихъ: страшное орудіе отлученія отъ церкви находилось въ его рукѣ; онъ распоряжался такимъ образомъ счастьемъ человѣка и въ настоящей жизни, и въ будущей. Болѣе благодѣтельный и болѣе страшный, чѣмъ всѣ земные цари, онъ давалъ людямъ всю полноту благополучія своими заслугами или лишалъ ихъ всего своею строгостью [1].

[1] Этотъ титулъ дается епископамъ во всѣхъ грамотахъ.—Епископская каѳедра называлась *sedes apostolica*, см. у Григорія Турскаго, IX, 41 и 42.

[2] Турскій соборъ 461 года, ст. 1.

По всему этому епископъ оказывался существомъ священнымъ; при жизни еще народъ смотрѣлъ на него, какъ на святого, и вѣра въ него превращала его въ чудотворца. Загляните въ житіе святого Германа, епископа парижскаго (555—566): больные требовали отъ него исцѣленія, хотя въ обществѣ не было недостатка во врачахъ. Одинъ

[1] Есть мелкіе факты, которыми исторія не должна пренебрегать, такъ какъ они раскрываютъ глубину мысли людей. Вся епархія возстала разъ противъ одного епископа города Тура, и почему? потому, что его заподозрѣли въ плотскомъ сближеніи съ женщиной. По одной этой причинѣ населеніе низложило и прогнало его. (*Gregor.* II, 1) Это значитъ, что народъ не хотѣлъ имѣть грѣховнаго епископа: онъ думалъ, что молитвы его не будутъ доходить до престола Божьяго, а таинства потеряютъ силу. Такъ дѣйствительно выражаются отцы Турскаго собора 461 года (ст. 1): „Ut corporis puritatem servantes (episcopi), pro plebe supplicaturi preces suas ad divinum introire mereantur auditum“. Въ одномъ подобномъ случаѣ, разсказанномъ Григоріемъ Турскимъ, выражены такія же понятія (VI, 36). Если народъ придавалъ такое значеніе цѣломудрію своихъ епископовъ, то происходило это отъ того, что спасеніе епархіи онъ приписывалъ ихъ заслугамъ и ихъ добродѣтелямъ.

умирающій, по имени Ульфъ, велѣлъ принести себя къ его ногамъ и требовалъ, чтобы тотъ чудомъ исцѣлилъ его, такъ какъ, очевидно, онъ можетъ это сдѣлать и, если не дѣлаетъ, значитъ не хочетъ: «Если ты не исцѣлишь меня, смерть моя падетъ на тебя; король и моя семья потребуютъ у тебя отчета за нее»; и епископъ, гласитъ преданіе, исцѣлилъ его [1]. Онъ избавилъ также отъ болѣзни многихъ другихъ. Вѣрили въ то, что человѣкъ исцѣляется, если епископъ благословитъ собственноручно больного крестнымъ знаменіемъ, или если онъ прикоснется къ одеждѣ пастыря, либо выпьетъ воды изъ сосуда, поданнаго его рукою; цѣлительную силу придавали соломинкѣ изъ постели, на которой онъ покоился, или настойкѣ изъ бумаги, на которой онъ писалъ [2]. Если епископъ не совершалъ чудесъ при жизни, то были почти увѣрены въ томъ, что онъ будетъ совершать ихъ послѣ смерти, настолько понятіе чуда тѣсно сочеталось съ образомъ епископа.

Въ такое именно состояніе душъ, какъ въ превосходную почву были пущены епископатомъ сильные корни выроставшаго могущества. Весьма замѣчательно при этомъ, что самый институтъ не отдѣлился отъ міра, надъ которымъ пріобрѣталъ господство. Онъ не замкнулся въ своей священной природѣ, въ сверхчеловѣческой сферѣ своего бытія. Епископатъ стремился принадлежать къ обществу, которое жило и

[1] *Fortunat.* Vita Germani, c. 21 (ed. Krusch).

[2] *Ibidem*, c. 46, 49, 58; Ср. c. 27, 33, 34, 44 ,61.—Подобныя же исцѣленія разсказываются въ *Vita Melanii* (Болландисты, январь, I, 330), и нѣсколько другихъ примѣровъ находимъ у Григорія Турскаго (а именно IX, 4).

дѣйствовало, въ этомъ обществѣ хотѣлъ онъ властвовать. Быть сильнымъ онъ желалъ въ интересахъ самой религіи, которой служилъ, и члены его обладали изумительнымъ пониманіемъ условій, требовавшихся для того, чтобы пріобрѣсти силу среди людей.

Епископы начали съ того, что сдѣлались безусловными повелителями, каждый въ своей церкви. Мѣстному архіерею казалось мало добиться подчиненія всего духовенства епархіи только въ принципѣ: онъ принудилъ послѣднее къ полной покорности и на дѣлѣ. Только епископъ давалъ посвященіе въ духовный санъ, вслѣдствіе чего никто не могъ пріобрѣсти священство иначе, какъ черезъ него. Къ тому же, епископы рано установили правило, которое предписывало, чтобы никто не могъ быть назначенъ священникомъ въ иной епархіи кромѣ той, гдѣ онъ родился, и безъ согласія своего епископа. Священники были лишь его уполномоченными; они имѣли въ своемъ распоряженіи такое количество святого мvра, какое получали изъ его рукъ, и ежегодно должны были обращаться къ нему за возобновленіемъ запаса. Наряду съ такою зависимостью простыхъ священниковъ отъ епископа въ области отправленія духовныхъ функцій, ихъ поведеніе подлежало еще епископскому надзору въ дисциплинарномъ порядкѣ. Епископъ имѣлъ право юрисдикціи и принудительную власть надъ всѣми священниками. Безъ разрѣшенія епископа священникъ не могъ покидать своего прихода, а изъ епархіи не могъ выѣхать безъ особой отпускной грамоты отъ епископа [1]. Дозволеніе епископа было въ особенности

[1] Турскій соборъ 461 г. ст. 12.—Эпаонскій соборъ 517 г. ст. 6.

необходимо для того, чтобы священникъ могъ рѣшиться явиться передъ свѣтскимъ судьей, или осмѣлиться предстать передъ королемъ[1]. Низшему духовному лицу почти невозможно было подать жалобу на своего начальника. Священники находились во власти епископовъ и въ кругу своихъ насущныхъ матерьяльныхъ нуждъ, такъ какъ отъ государства они не получали никакого жалованья и никогда почти не имѣли опредѣленнаго, связаннаго съ должностью обезпеченія. Все епархіальное духовенство находилось на иждивеніи епископа [2], который давалъ каждому содержаніе сообразно съ занимаемымъ имъ положеніемъ, а также сообразно съ собственнымъ своимъ желаніемъ. Опредѣленный раздѣлъ епархіальныхъ доходовъ между членами духовенства первоначально не практиковался и былъ установленъ лишь постепенно въ продолженіе меровингскаго періода. Такимъ образомъ епископъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ главою своего духовенства. Можно, слѣдовательно, сказать, что духовенство епархіи составляло общество, организованное безусловно по монархическому принципу. Силы въ немъ не раздроблялись, не ослаблялись вслѣдствіе столкновенія другъ съ другомъ, а скорѣе удваивались

[1] Анжерскій соборъ 453 г., ст. 12.—„Ut contra episcopale iudicium clericis non liceat prosilire neque inconsciis sacerdotibus suis saecularia iudicia expetere“.—Орлеанскій Соборъ 511 г. ст. 7 „Abbatibus, presbyteris, sine commendatione episcopi pro petendis beneficiis ad Domnos venire non liceat“.—*Edictum Chlotarii*, 614 ст. 3: „Si quis clericus, contempto episcopo suo, ad principem ambulare elegerit, non recipiantur“.

[2] Агдскій Соборъ 506 г., ст. 63: „Clerici omnes, qui ecclesiae deserviunt, stipendia sanctis laboribus debita, secundum servitii sui meritum, a sacerdotibus consequantur“.—Орлеанскій Соборъ 511 г. ст. 14 и 15.

благодаря единству и строгой дисциплинѣ. Сосредоточенныя въ однѣхъ рукахъ, движимыя единою волею, онѣ могли дѣйствовать на внѣшній міръ съ высочайшею интенсивностью власти.

Епископы озабочивались въ то же время объ обезпеченіи своего богатства, какъ самаго вѣрнаго средства для постояннаго господства надъ людьми. Въ другомъ мѣстѣ мы уже показали, что земельная собственность составляла главный элементъ силы въ римской имперіи. Абсолютная власть одного императора была тогда скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ порядкомъ въ государствѣ: на самомъ дѣлѣ обществомъ управлялъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ послѣдующихъ нашихъ изслѣдованіяхъ мы увидимъ, что утвержденіе Германцевъ на римской почвѣ не очень измѣнило это положеніе вещей. Естественно, что церковь, то-есть, епископы также пожелали пріобрѣсти земельный фондъ въ тѣ вѣка, когда вся сила была въ землѣ. Боясь затеряться въ осуществленіи идеала бѣдности и отреченія, галльскіе епископы старались наоборотъ занять мѣсто среди крупныхъ землевладѣльцевъ страны [1]. Какъ только церковь была признана государствомъ, она побудила законодателя обезпечить за нею право принимать имѣнія по завѣщаніямъ [2] и право пріобрѣтать ихъ путемъ купли или пожалованія [3]. Когда хозяевами страны сдѣлались варвары, тѣ же права церкви были признаны и въ ихъ сводахъ [4].

[1] Уже большая часть языческихъ жрецовъ были земельными владѣльцами. См. *Соб. Iust.* VII, 38, 2; XI, 61, 65; *Hygin.* въ сборн. Gromat. veter. (ed. Lachm.) p. 117 и т. д.

[2] *Cod. Th.* XVI, 2, 4 (законъ 321 г.); *Cod. Iust.* I, 2, 1, 13.

[3] *Cod. Iust.* I, 2, 14.

[4] *Chlotarii constitutio* (Pardessus, № 165; Boretius, p. 19)

Пожалованія въ пользу церкви дѣлались очень многочисленныя; мотивы такихъ актовъ кроются также въ состояніи умовъ и душъ общества. И здѣсь церкви не приходилось прилагать особенныхъ усилій, ея представителямъ не приходилось осаждать ложа умирающихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ люди стали твердо вѣрить въ грядущее спасеніе, которое должно было явиться наградою за благочестивую жизнь,—сама собою приходила мысль употребить или все свое имущество, или часть его, чтобы доставить себѣ блаженство. Умирающій высчитывалъ, что спасеніе души вполнѣ стоило помѣстья. Онъ исчислялъ свои грѣхи и платилъ за нихъ частью своего состоянія. Нашимъ современнымъ поколѣніямъ присуща утонченность нравственнаго чувства, которая была совершенно чужда изучаемой эпохѣ. Намъ трудно понять, что проступокъ можно выкупить деньгами или землею, но людямъ того времени такое представленіе казалось вполнѣ естественнымъ. Посмотрите, въ какихъ выраженіяхъ составлялись тогда всѣ пожалованія въ пользу церкви. Жертвователь объявляетъ, что онъ хочетъ «выкупить свою душу», что, «въ видахъ своего спасенія», «для отпущенія грѣховъ своихъ», онъ жалуетъ землю, «чтобы получить вѣчное воздаяніе» [1].

c. 10: „Ut oblationes defunctorum ecclesiis deputatae nullorum competitionibus auferanur".—C. 13: „Quidquid eeclesiae... per triginta annos inconcusso iure possedisse probantur, in eorum ditione permaneat".—*Lex Alamannorum*, I: „Si quis liber res suas ad ecclesiam tradere voluerit, nullus habeat licentiam contradicere ei".—*Lex Baiuwariorum*, I, 1: „Si quis liber dederit res suas ad ecclesiam pro redemptione animae suae, licentiam habeat".

[1] *Marculf.* II, 4: „Pro remedio animae meae et remissione peccatorum nostrorum"; II, 6: „Pro remissione peccatorum, ut veniam delictis meis consequi merear".—*Charta Haregarii*, Pardessus, № 108: „Pro remedio animae meae et remissione peccatorum".—*Charta Godini et Lantrudis*, № 186: „Pro ablatione peccatorum nostrorum et pro amore Dei".—*Charta Theodetrudis*, № 241: „Ut pro anima laboremus".—*Charta Vandemiris*, № 412: „Unde in futurum veniam misericordiae animis nostris mereamur".—*Charta Hedeni*, № 458: „Pro amore Christi et remissione peccatorum et mercede futura".—*Diploma Sigismundi*, № 104: „Pro remedio animae meae".—*Diploma Gunthramni*, № 191: „Culpis exigentibus".—*Lex Baiuwariorum*, I, 1: „Pro redemptione animae suae".—*Marculf.* II, 1: „Ego ille reus flagitiis, sceleribus... pro remissione peccatorum vel pro diluenda meorum mole peccaminum".—*Ibid.* II 3: „Quia gravamur sarcina peccatorum".—*Charta Theodechildis*, Pardessus, № 177: „Pro facinorum meorum abluenda discrimina".

Изъ этого видно, что пожалованіе не являлось безвозмезднымъ по понятіямъ людей той эпохи. Оно было актомъ обмѣна, даромъ за даръ; прямо говорилось, давайте и дастся вамъ, *date et dabitur* [1]. Это была, собственно, мѣна земного богатства на небесное блаженство: «*Dono vobis parva pro magnis, terrena pro coelestibus*» [2]. Не забудемъ еще одного: люди думали тогда, что они приносятъ свое пожалованіе не священнику, а святому, именно святому, особенно почитавшемуся въ епархіи, или тому, чей прахъ покоился въ мѣстной базиликѣ [3]. Собственникомъ имущества жертвователи дѣлали святого. Въ хартіи часто говорилось еще, что доходы съ пожалованья должны идти «на освѣщеніе святого», то-есть,

[1] *Testamentum Leodegarii*, Pardessus, № 382.

[2] *Charta Eligii*, Pardessus, № 254. Ср. *Diploma Dagoberti*, № 271: „Ut de caducis rebus mercemur aeterna".

[3] *Formulae Turonenses*, 37, Rozière, № 214: „Reverentia Sancti illius civitatis, ubi ipse pretiosus in corpore requiescit... ad sacrosanctam basilicam Sancti illius dono... ut ad basilicam proficiat in augmentum".

на поддержаніе блеска его культа. Святой долженъ былъ ходатайствовать передъ Богомъ за своего пожалователя; духовенство также обязывалось внести его въ списокъ, чтобы молиться за него во время богослуженій и поминать послѣ смерти. Такимъ образомъ, жалуя недвижимое имущество, умирающій обезпечивалъ для себя нѣчто въ родѣ вѣчной ренты, въ видѣ молитвъ здѣсь на землѣ и въ видѣ ходатайства передъ Богомъ на небѣ.

Можно различить три разряда жертвователей: это были епископы, короли и частныя лица. Достовѣрно, повидимому, что очень значительная часть церковныхъ богатствъ досталась церквамъ отъ самихъ епископовъ. Они прежде всего постановили на своихъ соборахъ, что все пріобрѣтенное епископами въ продолженіе ихъ управленія епархіею, должно было оставляться церкви, и каждый изъ нихъ могъ завѣщать своимъ близкимъ лишь родовое имущество [1]. Такъ строго формулировано было данное правило, устанавливая минимумъ возложенныхъ на епископовъ имущественныхъ обязательствъ передъ церковью. На практикѣ они шли обыкновенно гораздо дальше. Мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что многіе епископы оставляли своей церкви и свои вотчины, то-есть, родовыя имѣнья. Григорій Турскій отмѣчаетъ это относительно многихъ епископовъ своего города. «Перпетуй принадлежалъ къ очень богатой сенаторской семьѣ, разсказываетъ авторъ; онъ владѣлъ помѣстьями

[1] Карѳагенскій соборъ 419 года, Mansi, IV, 432 *Cod. Iust.* I, 2, 14 (законъ 470 года).—Агдскій соборъ 506 г. ст. 6 и 48, Sirmond, I, 162, 170; Mansi, VIII, 333.—Поэтому ясно различались собственное имущество епископа и церковное. *Gregor.* VII, 27 in fine: „Res eius tam proprias quam ecclesiae“.

во многихъ епархіяхъ; каждой изъ нихъ онъ оставилъ по завѣщанію земли, которыя принадлежали ему въ ея округѣ, особенно же большія богатства оставилъ онъ церкви города Тура» [1]. Епископъ Вэръ оставилъ имущество свое церквамъ [2]. «Динифій завѣщалъ своей церкви лучшее изъ своихъ помѣстій» [3]. «Оммацій, принадлежавшій къ сенаторской семьѣ, очень богатой землею, роздалъ свои помѣстья по завѣщанію нѣсколькимъ церквамъ» [4]. «Епископъ Франциліонъ, сенаторскаго рода, и жена его, Клара, крупные владѣльцы недвижимостей, оставили церкви святого Мартина почти всѣ свои земли» [5]. Намъ извѣстны еще завѣщанія святого Ремигія, Цезарія Арльскаго,

[1] *Gregor.* X, 31, 36: „Ordinatur Perpetuus, de genere senatorio dives valde et per multas civitates habens possessiones... Condidit testamentum, et deputavit per singulas civitates quod possidebat in eis ipsis scilicet ecclesiis, non modicam et Turonicae tribuens facultatem“.—У насъ сохранилось завѣщаніе Перпетуя, но не подлинное и мало достовѣрное по формѣ. Я не дохожу, однако, до предположенія что документъ этотъ былъ сфабрикованъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, какъ думаетъ Жюліэнъ Авэ. Правда, что онъ не во всемъ согласуется съ тѣмъ, что говоритъ Григорій Турскій. Настоящее завѣщаніе должно было быть значительно длиннѣе, такъ какъ въ немъ помѣщался перечень многихъ имѣній, оставленныхъ разнымъ церквамъ; у насъ же имѣется только выдержка изъ него, относящаяся къ церкви города Тура и къ роднымъ или друзьямъ завѣщателя.

[2] *Ibidem*, X, 31, 8: „Facultates suas ecclesiis... dereliquit“.

[3] *Ibidem*, X, 31, 11: „Ecclesiae suae quod fuit melius reliquit“.

[4] *Ibidem*, X, 31, 12: „Duodecimus episcopus Ommatius, de senatoribus Arvernis, valde dives in praediis... condito testamento, per ecclesias urbium in quibus possidebat, facultates suas distribuit».

[5] *Ibidem*, X, 31, 14: „Francilio, ex senatoribus, ordinatur episcopus, habens coniugem Claram nomine... ambo divites valde in agris, quos maxime S. Martini basilicae contulerunt“.

Елафія Шалонскаго, Думнола Манскаго, Дезидерія Кагорскаго, Аннемунда Ліонскаго, Палладія Оксерскаго, Бертрамна Манскаго, Аманда Маастрихтскаго, Вигилія Оксерскаго, Леодгарія Отенскаго и многихъ другихъ. По этимъ дошедшимъ до насъ завѣщаніямъ можно заключить о большомъ земельномъ богатствѣ, оставлявшемся всѣмъ церквамъ каждымъ поколѣніемъ ихъ епископовъ. Этимъ объясняется также наклонность духовенства выбирать себѣ епископовъ изъ богатыхъ фамилій, когда имъ удавалось самимъ выбирать своихъ прелатовъ. Богатый епископъ обогащалъ и церковь, и о немъ можно было сказать: «Ты вступилъ въ брачный союзъ съ своей церковью, и принесенное тобою богатое приданое дастъ ей довольство» [1]. При утвердившемся тогда господствѣ крупной собственности, имущества, оставлявшіяся епископами церкви, могли быть громадны. Въ завѣщаніи епископа Бертрамна можно насчитать тридцать пять помѣстій, пожалованныхъ имъ церкви города Манса [2]; святой Дезидерій оставилъ церкви города Кагора тридцать помѣстій [3]. Одинъ аббатъ монастыря святого Аніана оставилъ своей обители восемнадцать помѣстій, каждое изъ которыхъ заключало въ себѣ дома, поля, виноградники, луга и лѣса [4]. Къ этимъ крупнымъ пожалованіямъ епископовъ надо еще прибавить безчисленныя, но болѣе скромныя пожалованія множества священниковъ, діаконовъ и монаховъ.

[1] Это говоритъ Фортунатъ о епископѣ Феликсѣ (*Carmina*, III, 8, 30). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о епископахъ, которые много давали бѣднымъ отъ своего богатства: „plurima pauperibus tribuentes divite censu" (IV, 5).

[2] *Testamentum Bertramni*, у Pardessus № 230.

[3] *Vita Desiderii*, c. 17 (Patrologia, t. LXXXVII, 234, 235).

[4] *Diplomata*, ed. Pardessus, № 358. См. пожалованія аббата Ефибія, № 434, и аббатиссы Ирмины, № 448.

Слѣдующее мѣсто занимаютъ пожалованія богатыхъ мірянъ. Мы можемъ убѣдиться, что они были многочисленны и часто очень значительны. У насъ есть хартіи пожалованій Арегарія и жены его Труды, Година и жены его, Жирара и жены его, хартіи пожалованій Теодетруды, Вандемира, Эрментруды, Енгельвары и нѣсколькихъ другихъ лицъ [1]. Григорій Турскій хвалитъ нѣкоего Гундульфа за то, что тотъ при жизни своей отдалъ всѣ свои богатства святому Мартину [2]. Поэтъ Фортунатъ прославляетъ щедрость къ святымъ герцога Лаунебода. Житія святыхъ [3] равно какъ и анналы монастырей [4] полны упоминаній о подобныхъ пожалованіяхъ. «Святой Дезидерій увеличилъ богатства Кагорской церкви, говоритъ его біографъ; онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ много лицъ изъ высшаго класса и много—изъ средняго, и, благодаря имъ, церковь пріобрѣла большое количество помѣстій. Земельные собственники—Павелъ, Агиленъ, Дидонъ, Бадигенъ, Северъ, Матригезилъ, Никазій, Дадинъ, Абульна, Абремундъ, Феликсъ, Гавретредъ, Оронтія, Ницетія, Афранія и много другихъ лицъ добровольно жаловали церкви свои богатства. Знатная женщина сенаторскаго рода, по имени Бобила, одна пожаловала четыре помѣстья, носившихъ названія Венестріи, Винестри, Лингія и

[1] *Diplomata* №№ 108, 186, 196, 241, 412, 452, 457 etc.

[2] *Gregor.* Miracula Martini, III, 15.

[3] Въ числѣ другихъ см. *Vita Marculfi*, c. 18, 19, у Bouquet, III, 426; *Vita Melanii*, *Vita Agili*, c. 4, у Mabillon, II, 318.

[4] См. списокъ лицъ, жаловавшихъ земли Фонтенельскому аббатству въ *Annales Fontanellenses*, Bouquet, II, 658.

Маврингія» [1]. Пожалованье совершалось иногда въ формѣ продажи. Напримѣръ, въ 680 году Ницезій и жена его Ирментруда объявляютъ, что продаютъ монастырю двадцать семь цѣлыхъ помѣстій, названія которыхъ жертвователи точно приводятъ. Они получили условленную сумму, 900 золотыхъ монетъ, но тотчасъ же отдали эту самую сумму аббату «для спасенія своей души» [2].

Вполнѣ естественно, что короли, будучи самыми богатыми владѣльцами страны, являлись и самыми щедрыми пожалователями. Намъ извѣстны пожалованія, сдѣланныя церквамъ святого Ремигія, святого Мартина и святого Иларія въ Пуатье Хлодовехомъ [3]; мы знаемъ пожалованія парижской церкви Хильдеберта I, такія же пожалованья Хильпериха [4], пожалованія короля Гунтрамна многимъ церквамъ и въ особенности церкви святого Марселя Шалонскаго [5].— «Помѣстья, пожалованныя въ разныхъ провинціяхъ базиликѣ святого Діонисія королемъ Дагобертомъ, вызываютъ изумленіе числомъ и богатствомъ [6]». Хлодовехъ II поступилъ такъ же, какъ Дагобертъ и какъ

[1] *Vita Desiderii*, c. 17.

[2] *Diplomata* ed. Pardessus, № 393.

[3] *Hincmar*. Vita Remigii у Bouquet, III, 377: „Babtizatus rex cum gente plurimas possessiones per diversas provincias sancto Remigio tam ipse quam Franci potentes dederunt“.—*Gregor*. II, 37 in fine: „Multa sanctae basilicae S. Martini munera offerens“.—Ср. *Diplomata*, №№ 87, 88, 91.—Орлеанскій соборъ 511 года, ст. 5: „De agris quos domnus noster rex ecclesiis conferre dignatus est“.

[4] *Gregor*. V, 35: „Multa postea Chilpericus ecclesiis est largitus“

[5] *Fredegarii*, Chronicon, 1: „Ipsam ecclesiam rebus plurimus ditavit“. Ср. *Diplomata*, Pardessus, №191.

[6] *Ibidem*, 79: „Tantae opes ab eo et villae et possessiones per plurima loca ibidem sunt conlatae, ut miraretur a plurimis“.

Сигебертъ II Австразійскій [1]. Правительница Батильда пожаловала Жюмьежскому монастырю большой лѣсъ и обширныя пастбища; Корбійскому монастырю она пожаловала большое помѣстье и много денегъ, Люксейльскому—нѣсколько крупныхъ земель и много помѣстій парижской церкви [2]. Перечисленіе всѣхъ пожалованій, которыя мы встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ грамотахъ, было бы слишкомъ длинно [3]. Слѣдуетъ только замѣтить, что дѣло всегда идетъ въ этихъ документахъ о пожалованіяхъ на правахъ полной и вѣчной собственности. Въ этомъ не можетъ быть ни какого сомнѣнія, такъ какъ во всѣхъ грамотахъ читаемъ слѣдующаго рода выраженія [4]: «Мы жалуемъ такую то землю на вѣки съ тѣмъ, чтобы епископъ и преемники его держали ее и владѣли ею навсегда съ правомъ передать или обмѣнять ее и дѣлать съ нею все, что они захотятъ». Никогда не говорится о временномъ или условномъ пожалованіи въ качествѣ бенефиція [5].

[1] *Gesta Dagoberti*, 52.—*Vita Sigiberti*, 14.

[2] *Vita Balthildis*, c. 8.

[3] Въ сборникѣ *Pardessus* см. №№ 91, 104, 162, 163, 164, 191, 241, 269, 271, 272, 276 и т д.

[4] *Diplomata*, Pardessus, № 269: „Donamus donatumque in perpetuum esse volumus villam nostram...“—№ 271: „In perpetuum“.—№ 280: „Ut tam ipse pontifex quam qui ei successerint perpetualiter habeant“.—№ 340: „Ut pontifex habendi, tenendi, dandi, commutandi vel quidquid elegerit faciendi liberam et firmissimam habeat potestatem“.—№ 104: „Ut habeant, teneant atque possideant et quidquid exinde facere voluerint libero perfruantur arbitrio“.—*Tardif*, №№ 1, 2, 7, 13 и т. д.

[5] То обстоятельство, что при началѣ каждаго новаго царствованія было въ обычаѣ подтверждать пожалованья предшествующихъ, не служитъ еще доказательствомъ того, что по-

Чтобы эти недвижимыя богатства все увеличивались и обратно—чтобы устранить возможность ихъ уменьшенія, церковь лишила себя права отчуждать ихъ. Четвертый Карѳагенскій соборъ 398 года запрещаетъ епископамъ безъ исключительной надобности растрачивать что-нибудь изъ церковныхъ владѣній [1]. Агдскій соборъ 506 года съ самаго начала объявляетъ, что епископъ не можетъ ни продавать, ни иначе отчуждать церковныя земли по какому бы то ни было контракту; если его принудитъ къ продажѣ крайняя необходимость, онъ могъ прибѣгнуть къ ней не иначе, какъ съ разрѣшенія трехъ другихъ епископовъ той же провинціи [2]. Единственное, что могъ сдѣлать съ церковными землями епископъ, это уступать ихъ въ пользованіе, но такимъ образомъ, чтобы право собственности оставалось при этомъ неприкосновеннымъ. Можно сказать такимъ образомъ, что за рѣдкими исключеніями, земельная собственность, не выходила изъ рукъ церкви, разъ попадала въ нихъ. Продажа, пожалованіе и завѣщаніе осуществлялись въ ея пользу;

жалованья эти были временными. Возобновленныя дарственныя грамоты не составляли новаго пожалованья, а были лишь простымъ подтвержденіемъ прежняго. Такое подтвержденіе было очень обычнымъ правиломъ. Достаточно ближе всмотрѣться въ самый текстъ этихъ документовъ, и тогда убѣдишься, что короли вовсе не считали себя вправѣ взять земли обратно. Посмотрите спеціально формулу въ сборникѣ *Rozière*, 154.

[1] Четвертый Карѳагенскій соборъ, ст. 31, 32, Mansi, III, 953, 954, 969.—Гефеле оспариваетъ самое существованіе этого собора, но допускаетъ подлинность приписываемыхъ ему правилъ и смотритъ на нихъ, какъ на очень древнія. Ср. *Epistola Hilarii papae*, ad episcopos Galliae, c. 5, у Sirmond.

[2] Агдскій соборъ 506 г. с. 7, Sirmond, I, 161; Mansi, VIII, 325.—Тоже самое въ Аламанской Правдѣ, XX.

съ ея же стороны не могло исходить ни продажи, ни пожалованія, ни завѣщанія.

Когда мы видимъ, что земли приносились въ даръ церкви, это не значитъ, что онѣ переходили съ тѣхъ поръ въ собственность громаднаго цѣлаго вселенской (то-есть, римской) церкви. Пожалованія дѣлались всегда въ пользу извѣстной мѣстной церкви, то-есть, данной епархіи, епископіи или монастыря. Такая мѣстная церковь могла имѣть земли даже за предѣлами своей территоріи. У Ліонской церкви, напримѣръ, были помѣстья въ Оверни [1]. Парижская церковь владѣла землями въ Провансѣ [2]. С. Денисскій монастырь обладалъ помѣстьями въ Бріи, Вексенѣ, Амьенѣ, Бовези, Мэнѣ, Берри, до Англіи включительно [3]. Аббатство С. Жерменъ де Пре около Парижа имѣло владѣнія кромѣ самой парижской территоріи еще въ областяхъ Этампа, Шартра, Орлеана, Блуа, Санса, Бове и Безансона, въ Анжу и Аквитаніи [4].

Не слѣдуетъ представлять себѣ, что при пожаловании земель какой-нибудь церкви, онѣ поступали въ общинное пользованіе клириковъ или монаховъ. Нѣкоторыя неясныя фразы, въ которыхъ жертвователь говоритъ, что даръ свой онъ дѣлаетъ въ пользу бѣдныхъ, не должны также заставлять насъ предполагать и того, что земли отдавались группѣ не-

[1] *Gregor. Tur.* II, 36.

[2] Грамота Хильдеберта I, 528 г. у Tardif, № 1.

[3] См. постановленіе Пипина въ пользу этого аббатства, отъ 751 года, Archives nationales, Tardif, № 54.—Ср. Ibidem, № 88.

[4] См. Polyptyque de Saint-Germain des Près, prolégomenes de *Guérard*, стр. 36—38. Такъ же точно Миланская церковь имѣла владѣнія въ Сициліи (*Cassiodor.* Variae, II, 29), а римская церковь—въ Галліи.

имущихъ въ коллективное хозяйствованіе [1]. Общинное землевладѣніе никогда не практиковалось въ христіанской церкви. Она никогда не проповѣдовала, что земля должна оставаться нераздѣленною; можно даже сказать, что въ ней никогда не возникало мысли о нераздѣльной собственности. Она понимала идею собственнсcти, какъ понимали ее тогда всѣ другіе; въ ней не сложилось никакой новой теоріи о владѣніи землею; она не выдвинула никакой экономической утопіи. При своемъ практическомъ духѣ, церковь признавала лишь частную собственность, то-есть, каждую землю она считала связанною съ человѣческой личностью. По такому представленію, настоящимъ владѣльцемъ всѣхъ земель данной церкви являлся епископъ, владѣльцемъ монастырскихъ земель—аббатъ. Епископъ или аббатъ управляли помѣстьями, совершали всѣ касающіеся ихъ акты, защищали на судѣ владѣльческія права и пользовались доходами. Соборы опредѣленно высказываютъ, что вся церковная собственность находилась въ полномъ распоряженіи епископа [2].

Правда, что на соборахъ сами епископы обязали

[1] Замѣчаніе наше относится также къ землямъ, спеціально пожалованнымъ такъ называемымъ *matricularii*, какъ мы видимъ въ одной грамотѣ Дагоберта (Pardessus № 268), и въ другой грамотѣ Хлотара III (№ 330). Надо понимать дѣло въ томъ смыслѣ, что доходы съ этихъ земель поступали спеціально въ пользованіе matriculari'евъ, а не такъ, будто земли эти составляли ихъ собственность, и что на нихъ лежало и управленіе ими.

[2] Орлеанскій соборъ, 511 года, ст. 14: „Praediis in episcoporum potestate durantibus"; ст. 15: „De his, quae parochiis in terris, vineis, mancipiis atque peculiis quicumque fideles obtulerint, antiquorum canonum statuta serventur, ut omnia in episcopi potestate consistant."

себя дѣлить доходы на четыре части. Для себя и для своего дома они могли располагать только одной четвертью доходовъ. Другая четверть должна была поступать бѣднымъ, третья шла на содержаніе духовенства епархіи, остальное употреблялось на ремонтъ храмовъ и на новыя постройки. Если воспользоваться современною терминологіею, можно сказать, что епископская казна должна была давать деньги на то, что называется теперь бюджетомъ культа и благотворительныхъ учрежденій, и на весь почти бюджетъ общественныхъ работъ. Достовѣрно извѣстно, что епископы шестого вѣка много тратили на постройки. Я не думаю, чтобы въ какую-нибудь другую эпоху воздвигнуто было столько церквей; только нѣкоторыя изъ нихъ были построены королями, большая же часть—епископами и на счетъ епископовъ[1]. Одна подробность, которую

[1] См. у Григорія Турскаго (X, 31) указаніе цѣлой серіи епископовъ города Тура, отличившихся строительными работами: „Martinus ecclesias aedificavit... Briccius basilicam super corpus S. Martini aedificavit... Eustochius ecclesiam condidit... Perpetuus aedificavit basilicam ampliorem... et basilicam S. Petri et basilicam S. Laurentii ipse construxit... Volusianus basilicam S. Iohannis... Ommatius exaltavit ecclesiam sanctorum Gervasii atque Protasii et basilicam sanctae Mariae... Tempore Euphronii basilicam S. Vincentii aedificata est... ecclesiae aedificatae sunt".—Онъ же говоритъ о самомъ себѣ: „In multis locis ecclesias et oratoria dedicavi." Въ другомъ мѣстѣ авторъ называетъ другихъ епископовъ, много строившихъ на своемъ вѣку, напримѣръ, Агриколу изъ Шалона: „Multa aedificia fecit, domus composuit, ecclesiam fabricavit, quam columnis fulcivit, variavit marmore, mosevo depinxit" (V, 46). Марахарій ангулемскій „ecclesias vel ecclesiae domos exigens et componens" (V, 37). Другіе примѣры, VII, 10; de Gloria confess. 66 и 84.—Ср. еще, что говоритъ біографъ о св. Дезидеріи кагорскомъ: „Basilicam quadris lapidibus aedificavit, geminas porticus adiciens" (*Vita Desiderii*, 17).—Изъ однихъ сочиненій Фортуната можно было бы извлечь

мы встѣчаемъ у Григорія Турскаго, даетъ намъ понятіе о хорошемъ управленіи епископскими финансами: одинъ епископъ города Тура, воздвигнувшій много зданій, оставилъ въ церковной казнѣ болѣе 20.000 золотыхъ монетъ [1].

Земельная собственность въ томъ видѣ, какъ она тогда организовалась, представляла изъ себя не только землю и плоды ея; въ понятіе ея входили также и сидѣвшіе на ней люди. Каждое помѣстье заключало въ себѣ населеніе, которое было неотдѣлимо отъ него; сервы или колоны, за небольшими исключеніями всѣ земледѣльцы составляли интегральную часть владѣнія. Обладать тридцатью помѣстьями значило обладать населеніемъ тридцати сельскихъ группъ, то-есть, пятнадцатью или двадцатью тысячами подданныхъ. Всѣ эти люди повиновались не государству, а своему владѣльцу. Благодаря имъ, епископъ являлся уже маленькимъ государемъ, главою небольшого народа.

Много людей и изъ другихъ категорій добровольно становились въ зависимость отъ его власти.

Прежде всего, въ такомъ положеніи находилась вся масса такъ называемыхъ *clerici* то-есть, духовенство данной епархіи (или церкви) [2]. Въ каждой епи-

длинный перечень церквей, крестильницъ, епископскихъ дворцовъ и монастырей, которые были воздвигнуты въ его время стараніями епископовъ и на ихъ деньги. Такими же фактами полны житія святыхъ.

[1] *Gregor.* X, 31, 15—16. То же самое видно изъ *Vita Desiderii.*

[2] Въ самомъ широкомъ своемъ значеніи, слово *clerici* обозначало все духовенство, безъ различія степеней; въ болѣе тѣсномъ смыслѣ оно примѣнялось спеціально къ лицамъ, стоявшимъ ниже подъ-діаконовъ. См. *Lex Ripuaria,* XXXVI, 5, въ противоположность главѣ XXXVI, 6—8.

скопской области кромѣ священниковъ, діаконовъ и подъ-діаконовъ ниже ихъ, группировалось неопредѣленное число лицъ, связанныхъ съ церковою и носившихъ хотя бы отчасти духовное званіе. Большая часть ихъ, впрочемъ, продолжала жить въ рамкахъ гражданскаго общества, являясь скорѣе служителями церкви, чѣмъ священными лицами; они вступали въ бракъ и обладали семьями [1]; многіе изъ нихъ занимались торговлею, держали лавочки [2], отдавая опредѣленные дни на службу въ церкви. Правительство римской имперіи даровало имъ нѣкоторые податные иммунитеты, превращавшіе ихъ въ привилегированныхъ купцовъ; главнымъ же преимуществомъ для нихъ въ эпоху имперіи было освобожденіе отъ муниципальныхъ повинностей [3]. Нельзя сомнѣваться, что вслѣдствіе такого покровительства, оказывавшагося государствомъ клирикамъ, даже низшимъ, что множество людей стремилось воспользоваться ихъ поло-

[1] *Cod. Theod.* XVI, 2, 14, (законъ 357 г.), § 4: „Coniugia clericorum ac liberi".—Посланіе папы Иннокентія I, у Sirmond, I, 31.—Турскій соборъ, 461 года, ст. 4.—Клирикамъ запрещалось лишь жениться вторично, или брать въ жены вдовъ.

[2] *Cod. Theod.* XVI, 2, 10, (законъ 353 года): „Quaestus quos ex tabernis atque ergasteriis colligunt clerici."—Орлеанскій соборъ 538 года, ст 27: „Ut clericus, a diaconatu et supra, pecuniam non commodet ad usuras, neve in exercendis negotiis, ut publici qui ad populi responsum negotiatores observant, turpis lucri cupiditate versetur".—Если соборъ запрещаетъ это клирикамъ, начиная съ лицъ, принадлежащихъ къ діаконату и выше, это значитъ что онъ разрѣшаетъ это подъ-діаконамъ и лицамъ низшаго положенія. Такимъ образомъ низшіе клирики могли давать деньги въ ростъ и заниматься торговлей.—Арльскій соборъ 452 года—(ст. 14) оказался болѣе строгимъ.

[3] *Cod. Theod.* XVI, 2, 8 и 9; XVI, 2, 36.

женіемъ, и число клириковъ постоянно увеличивалось. Имперское правительство заботилось о томъ, чтобы куріалы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые сохранили нѣкоторое состояніе, не могли вступать въ духовное сословіе [1]; иначе куріи быстро опустѣли бы, и совсѣмъ исчезла бы вся муниципальная организація. Повидимому, такая же предосторожность была принята, насколько оказалось возможнымъ, и франкскими королями [2]. Итакъ, клирики (простые) представляли собою какъ бы особый низшій классъ населенія, соединявшійся съ церковью [3]. Они были подчинены юрисдикціи епископа. Церковныя правила и государственные законы предписывали, чтобы они были подсудны одному ему [4]; онъ имѣлъ надъ ними право принудительной власти и

[1] *Cod. Theod.* XVI, 2, 3, 6, 15, 19, 21. Ср. *Novell. Valentin.* III; куріалъ, который дѣлался клирикомъ, долженъ былъ представлять вмѣсто себя кого-нибудь другого, кто несъ бы вмѣсто него муниципальныя повинности.

[2] Орлеанскій соборъ 511 года, с. 4: „Ut nullus saecularium ad clericatus officium nisi regis iussione aut cum iudicis voluntate praesumatur". Соблюдалось ли это правило, отвѣтить трудно.

[3] Изъ Рипуарской Правды, XXXVI, 5, можно видѣть, насколько смѣшаннымъ оказывался составъ этого класса; по рукописямъ текса В, онъ заключалъ въ себѣ рабовъ, королевскихъ вольноотпущенниковъ, литовъ и свободнорожденныхъ; по рукописямъ текста А всѣ *clerici* имѣли лишь wergeld вольноотпущенниковъ.

[4] *Cod. Theod.* XVI, 2, 41: „Clericos non nisi apud episcopos accusari convenit".—XVI, 2, 47: „Clericos episcopali audientiae reservamus."—Арльскій соборъ 452 года, ст. 31, Sirmond, I, 107.—Ваннскій соборъ 465 года, ст. 9.—Маконскій соборъ 581 года, ст. 8. Реймсскій соборъ 630 года (62), ст. 6. — *Edictum Chlotarii*, 614 г. ст. 4.

наказанія [1], и это право распространялось даже на ихъ дѣтей [2]. По своей волѣ люди эти не могли выходить изъ духовнаго званія; епископъ же могъ лишать ихъ его въ наказаніе за какое-нибудь преступленіе, и они теряли тогда всѣ свои привилегіи [3]. Всѣ эти люди были дѣйствительно подданными епископа, и, такъ какъ они принадлежали отчасти къ церкви, отчасти къ свѣтскому обществу, то епископъ и могъ извлекать изъ нихъ большую выгоду.

За корпораціей *clerici* слѣдовала въ числѣ подданныхъ церкви масса бѣдныхъ всякаго рода. На епископахъ лежала опредѣленная обязанность кормить и одѣвать ихъ [4]. Естественно, что эти бѣдные, жившіе на счетъ церкви и группиповались вокругъ нея. Обыкновенно, при каждой церкви выростало нѣчто въ родѣ корпораціи бѣдняковъ. Они записывались въ церковные регистры; списки эти носили названіе *matricula*; то же названіе примѣнялось и къ совокупности бѣдныхъ, ихъ всѣхъ вмѣстѣ также называли *matricula*, отдѣльныхъ лицъ—*matricularii* [5]. Мѣстный святой кормилъ ихъ, то есть, церковь этого святого выдавала имъ постоянныя пособія; кромѣ того всѣ милостыни вѣрующихъ собирались вмѣстѣ и дѣлились

[1] Агдскій соборъ, 506 года, ст. 2, Sirmond, I, 162 и 171; 2-й Орлеанскій соборъ, ст. 14.—3-й Орлеанскій соборъ, ст. 9 и 19.

[2] Орлеанскій соборъ 511 г., ст. 4: „Filii clericorum potestate ac districtione consistant".

[3] *Cod. Theod.* XVI, 2, 39.

[4] Орлеанскій соборъ 511 г., ст. 16: „Episcopus pauperibus vel infirmis qui non possunt suis manibus laborare, victum et vestitum largiatur".

[5] *Testamentum Remigii*, Pardessus. I, 82: „Pauperes in matricula positi ante fores eclesiae exspectantes stipem".—*Gregor.* Miracula Martini, I, 31: „Ad matriculam illam, quam sanctus poscit".

между ними [1]; иногда случалось, наконецъ, что жертвователь спеціально назначалъ землю для ихъ пользованія, и такимъ образомъ они оказывались какъ бы владѣльцами недвижимостей [2]. *Matricularii* были соединены какъ бы въ одну корпорацію и подчинены церкви. Епископъ обладалъ надъ ними полною властью. Они являлись его людьми. Въ случаѣ надобности, они образовывали вооруженный отрядъ, чтобы защищать его. Подобные примѣры встрѣчаются. Григорій Турскій разсказываетъ, что когда королевскій посланецъ насильно вторгся разъ въ церковь св. Мартина, *matricularii*, то-есть бѣдные, вооружившись каменьями и палками, бросились на солдатъ и отмстили за нанесенное церкви оскорбленіе [3].

Рядомъ располагался классъ церковныхъ вольноотпущенниковъ. Тутъ необходимо нѣсколько разъяснить вопросъ. Относительно установившихся соці-

[1] См. одинъ случай, разсказанный Григоріемъ (Mirac. Martini, I, 31).

[2] *Diplomata*, Pardessus, № 268: Это—хартія Дагоберта, который даритъ виллу „ad alendos pauperes... ad matricularios S. Dionysii, qui ad ipsam basilicam vel infra eius atrio ad matriculas residere videntur.“—Одна грамота Хлотара III (въ Archives nationales, Tardif № 13, Pardessus № 330) гласитъ: „Ad matrigolarios sanctae basilicae Dionysii“.—*Charta Ansberti*, Pardessus, № 437: „Quauor matricularios, qui ad ipsum oratorium de Leodegario deserviant, instituimus, ut totum victum atque vestitum de suprascriptis rebus habeant qualiter et alii matricularii qui ad basilican S. Symphoriani deservire videntur“.—*Gesta Dagoberti*, 29: „Dagobertus et matriculam ibi instituit, ut pauperes utriusque sexus... ipsius elemosynis sustentati, qui vellent, in servitio ecclesiae permanerent“.

[3] *Gregor*. VII, 29: „Nonnulli etiam matriculariorum et reliquorum pauperum, pro scelere commisso... et energumeni ac diversi egeni cum petris et fustibus ad ulciscendam basilicae violentiam proficiscuntur“.

альныхъ порядковъ христіанская церковь не держалась своей особой политики; поэтому она никогда и не боролась противъ рабства. Она возвышала душу раба, совѣтовала господину облегчать его матерьяльное положеніе, но никогда не являлась противницей института рабства. Она формально признавала пріобрѣтенныя господами права. Если убѣжавшій отъ господина рабъ укрывался въ церкви, послѣдняя не считала себя вправѣ удерживать его; она возвращала его, ходатайствуя лишь передъ господиномъ чтобы тотъ простилъ виновнаго [1]. Сама церковь владѣла рабами, и, если лично она освобождала значительное число отдѣльныхъ лицъ изъ ихъ состава [2], то вмѣстѣ съ тѣмъ воздерживалась отъ освобожденія всей массы, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ земли ея могли остаться пустыми. Но если церковь и не освободила своихъ рабовъ во всей совокупности, она все же производила два ряда актовъ, очень полезныхъ для развитія человѣчности. Прежде всего, она выкупала на свои деньги много чужихъ рабовъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что епископы обязались на соборѣ 511 года употреблять часть своихъ доходовъ на выкупъ плѣнныхъ [3], и современные разсказы показываютъ намъ въ самомъ дѣлѣ, что епископы или

[1] Орлеанскій соборъ 511 года, ст. 3.

[2] Не слѣдуетъ говорить, какъ недавно утверждалъ одинъ ученый, что церковь никогда не освобождала своихъ рабовъ это большая ошибка; смотрите постановленіе Агдскаго собора 506 г. ст. 7 и 49.—*Flodoard*. Hist. Rem. Eccl. II, 4. Вольноотпущенники церкви оставались, впрочемъ, подъ ея покровительствомъ и властью.

[3] Орлеанскій соборъ 511 г., ст. 5: „In redemptionibus captivorum“.

священники покупали много рабовъ [1]. Дѣлали же они это не для того, чтобы переводить купленныхъ на свои земли и пользоваться ими для себя, а чтобы давать имъ свободу[2]; многихъ изъ нихъ они посвящали въ монахи [3], нѣкоторыхъ въ священники [4]. Вторымъ благотворнымъ дѣломъ церкви было то, что она побуждала міррянъ отпускать рабовъ на свободу. Дарованіе свободы она представляла какъ дѣло, пріятное для Бога, которое выкупало грѣхи. Вслѣдствіе этого много господъ освобождало рабовъ «для спасенія своей души» [5]. Это движеніе совершило шагъ впередъ на пути къ освобожденію низшихъ классовъ.

Изъ него вытекало еще другое послѣдствіе. Съ тѣхъ поръ, какъ отпускъ на волю былъ признанъ

[1] *Gregor*. VII, 1 in fine.—*Fortunat*, Vita Germani. c. 72: „Unde sunt contiguae gentes in testimonium, Hispanus, Scotus, Brito, Vasco, Saxo, Burgundio, cum ad nomen Beati viri concurrerent liberandi iugo Servilii“.—Въ другомъ мѣстѣ разсказывается, что одинъ рабъ по имени Эзарій укрылся у святого и сказалъ, что господинъ его дурно обращается съ нимъ—„supplicans, ut quolibet pretio cum de insolentis domini servitio liberaret“; св. Германъ выкупилъ этого человѣка съ женой его и сыномъ за 80 solidi (*Vita Germani*, c. 10).—*Vita Eligii*, c. 10: „Ex diversis gentibus venientes pariter liberabat, Romanorum scilicet, Gallorum atque Britannorum et Maurorum, sed praecipue ex genere Saxonum“.—*Vita Licinii*, 13: „Licinius captivos redimens...“—*Vita Albani* a Fortunato, c. 9: „Ita se praebuit in redemptione captivorum ut...“

[2] *Gregor*. VII, 1: „Captivos libertati pristinae restauravit“.

[3] *Vita Bathildis*, 9: „Captivos redemit et in monasteria intromisit“.—*Vita Bercharii*, 14: „Pretio suscepit captivas puellas octo, quas Deo dicavit.“—Cfr. *Greg*. X, 29: „Aredius ex familia instituit monachos“.

[4] *Formulae Merkelianae*, 44.

[5] Такая мысль ясно выражена въ слѣдующей формулѣ освобожденія (*Marculf*. II, 32): „Qui relaxat servitium, mercedem apud Dominum Sibi retribuere confidat. Igitur ego et coniux mea pro re-

богоугоднымъ дѣломъ, естественно, что церемонія стала совершаться въ церкви. Съ 321 года, императоръ Константинъ разрѣшилъ господину освобождать своего раба «изъ религіознаго чувства, на лонѣ церкви», и этому способу освобожденія онъ придалъ такую же законную силу, какъ «торжественнымъ» формамъ стараго права [1]. Господинъ приводилъ раба своего къ алтарю и освобождалъ его въ присутствіи епископа или его представителя [2]; иногда онъ составлялъ отпускную грамоту самъ [3], иногда же предоставлялъ написать ее епископу или архидіакону [4]. При такомъ благочестивомъ отпускѣ на волю не должно было подразумѣваться никакой задней мысли или оговорки. Освободить раба, сохранивъ надъ нимъ власть патрона, было бы лишь на половину угодно Богу. Потому то естественнымъ образомъ и сложилось, что при такого рода освобожденіи господинъ отказывался отъ

medio animae nostrae vel retributione aeterna...“ *Ibidem*, II, 33: „Pro remissione peccatorum te a vinculo servitutis absolvo“. То же въ *Form. Turonenses*, 12 и *Andegavenses*, 23.—*Senonicae*, 1: „Pro Dei intuitu vel pro animae meae redemptione“.—*Lex Ripuaria*, LVIII, 1: „Si quis servum suum pro animae suae remedio liberare voluerit“.

[1] *Cod. Theod.* IV, 7, 1: „Qui religiosa mente in ecclesiae gremio servulis suis concesserint libertatem, eamdem eodem iure donasse videantur, quo civitas romana solemnitatibus decursis dari consuerit“.

[2] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1: „Qualiscumque servum suum pro animae suae remedio liberare voluerit, ut in ecclesia coram presbyteris, diaconibus seu cuncto clero et plebe, in manu episcopi servum tradat“.—*Formulae Turonenses*, 12: „In ecclesia sancti illius, ante cornu altaris“.

[3] *Formulae Andegavenses*, 23; *Turonenses*, 12; *Marculf*. II, 32.

[4] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1: „Episcopus archidiacono iubeat, ut ei tabulas scribere faciat“.

правъ патроната [1]. Ихъ пріобрѣтала церковь. Въ освободительной хартіи господинъ писалъ, что прежній рабъ его не будетъ больше нести никакихъ обязанностей ни передъ нимъ, ни предъ его наслѣдниками, что отнынѣ онъ долженъ будетъ повиноваться лишь «Богу и церкви такого то святого» [2]. Отдать же его подъ покровительство церкви значило поручить церкви, то-есть епископу, защищать новоосвобожденнаго отъ всякаго иска на судѣ [3]; но то же значило одновременно подчинить его власти церкви, перенести на епископа всю власть, которою облекало патрона древнее право. У насъ нѣтъ формулы, которая употреблялась при составленіи освободительной хартіи отъ имени епископа архидіакономъ, но нельзя сомнѣваться, что будущій патронатъ епископа относительно новаго вольноотпущенника отмѣчался и въ такихъ случаяхъ вполнѣ ясно. Въ самомъ дѣлѣ, даже франкская правда признавала, что такой вольноотпущенникъ «будетъ отнынѣ подъ покровитель-

[1] Вопросъ объ освобожденіи рабовъ и о патронатѣ мы надѣемся подробнѣе разобрать въ другомъ томѣ настоящаго сочиненія; здѣсь же мы должны сказать объ этомъ лишь то, что необходимо для объясненія силы епископата.

[2] *Formulae Andegavenses*, 23: „Nullum obsequium heredum ac proheredum meorum te redebere cognoscas, nisi sub defensione sanctae basilicae Domni illius praebeas obsequium".— *Turonenses*, 12: „Nulli debeat servitutis nec libertinitatis obsequium, nisi soli Deo, pro cuius amore ipsum devotus obtuli".— *Marculf.* II, 32: „Nulli servitium impendas nec libertinitatis obsequium debeas, nisi soli Deo".—*Bignonianae*, 2: „Mundeburdum vel defensionem ad basilicam Sancti illius se habere cognoscat".

[3] Оранжскій соборъ 441 г. с. 7, Mansi, VI, 437.—Агдскій соборъ 506 года, с. 29.—Маконскій соборъ 585 г. с. 7.— *Edictum Chlotarii*, 614 с. 7.

ствомъ данной церкви, что онъ повиненъ будетъ платить ей такую же ежегодную подать и нести службу, которую должны отправлять ея вольноотпущенники, что дѣти его навсегда останутся въ томъ же положеніи относительно этой церкви, что они должны будутъ платить ей такую же ежегодную подать, и что всѣ они, наконецъ, не будутъ подчиняться другому судьѣ, кромѣ той самой церкви, гдѣ они были освобождены» [1]. Ясно обнаруживается, что всѣ вольноотпущенники этого разряда, который былъ, конечно, самымъ многочисленнымъ, навсегда, отъ отца къ сыну, становились подвластны епископу.

Ко всѣмъ указаннымъ элементамъ подчиненнаго церкви населенія надо прибавить еще нѣсколько разрядовъ свободныхъ лицъ, которыя отдавали себя церкви по собственному желанію. То были вдовы, отказывавшіяся отъ міра и жившія подъ покровительствомъ и подъ властью епископа [2]; то были хворые, исцѣленные святымъ церкви и изъ благодарности отдававшіе святому, то-есть епископу, себя и свое имущество, становившіеся, какъ сами, такъ и ихъ потомство, слу-

[1] *Lex Ripuaria*, LVIII, 1: „Et tam ipse quam et omnis procreatio eius... sub tuitione ecclesiae consistant, vel (et) omnem reditum status aut servitium tabularii eorum ecclesiae reddant... Et non aliubi quam ad ecclesiam, ubi relaxati sunt, mallum teneant".— Смыслъ выраженія *mallum tenere* былъ объясненъ нами выше.

[2] Оранжскій соборъ 441 г., ст. 27: „Viduitatis servandae professionem coram episcopo in secretario habitam, imposita ab episcopo veste viduali induendam".—Маконскій соборъ 685 г. ст. 12: „Quoniam provisioni nostrae (говорятъ епископы), Deo auctore, causae viduarum sunt commissae... commissae, ut iudicis non prius viduas conveniant quam episcopo nuntiarint, cuius sub velamine degunt".— *Vita Licinii* c. 13: „Licinius episcopus... viduarum prae omnibus curam gerens".

гами его и плательщиками [1]. То были люди, больные ду-
хомъ, которые получали спасеніе отъ смерти засовершен-
ное ими преступленіе, благодаря вмѣшательству епископа
или благодаря чуду святого и принадлежали съ этихъ
поръ церкви, какъ кающіеся или какъ слуги. То была,
наконецъ, масса мелкаго люда, слабаго и смиреннаго, до-
вѣрявшая больше въ это тревожное время покровитель-
ству епископа, чѣмъ покровительству законовъ [2].

По всѣмъ перечисленнымъ поводамъ люди стано-
вились подъ власть епископа. Глава духовенства, вла-
дѣлецъ множества колоновъ, защитникъ бѣдныхъ, по-
кровитель вольноотпущенниковъ, опора слабыхъ—онъ
собиралъ вокругъ себя очень много народа. Люди
цѣлыми массами ускользали отъ государственной вла
сти, чтобы подчиниться епископской. Преднамѣренно
или нѣтъ, онъ становился главою безчисленнаго ко-
личества подданныхъ. Я говорю не только о духов-
номъ подчиненіи епископу, которое распространялось
на всю паству, но о подчиненіи матерьяльномъ, къ
которому многіе приходили по собственному желанію.

[1] *Vita Germani* a Fortunato, c. 11: „Destaria sanata... singulis an-
nis tributum vitae solvit".--*Vita Melanii* (Болландисты, январь, I, 330):
„Qui sanitate recepta, cum omnibus suis, S. Melanii se tradidit ob-
sequiis atque eius servitio inhaesit".– *Ibidem*: „Qui, cum se per
merita Sancti viri intellexisset sanatum, se pontificis tradidit obse-
quiis eiusque cunctis diebus vitae suae se commisit servitio."—*Gre-
gor*. De gloria confessorum, 101 (103): „Qui cum sanitatem reci-
piunt, statim se tributarios loco illi faciunt et quotannis tributa sol-
vunt". Cp. *Beaumanoir*, cap. 45. § 19: „Servitutes de corps si sont
venues parce que el tans cha en arière, par grand devotion moult
se donoient eux et lor oirs et lor cozes as sains et as saintes".

[2] Въ другомъ мѣстѣ мы увидимъ, что много землевладѣль-
цевъ нашли выгоднымъ передать свои земли въ руки церкви и
пользоваться ими какъ съемщики. Это связано съ цѣлымъ ря-

Епископъ являлся свѣтскимъ государемъ еще не надъ сплоченною территорію, но надъ множествомъ людей, обитавшихъ на разныхъ территоріяхъ. У насъ нѣтъ цифръ, которыя могли бы служитъ основаніемъ для точныхъ статистическихъ выводовъ, но все таки можно поставить вопросъ, оказывалось ли среди жителей какой-нибудь области больше людей, подвластныхъ королю и его уполномоченому или признававшихъ надъ собою власть епископа.

Вернемся теперь къ назначенію епископовъ королемъ и посмотримъ, наносило ли оно ущербъ силѣ епископата. Во-первыхъ, надо здѣсь отмѣтить, что въ документахъ не говорится, будто назначенные королемъ епископы оказывались плохими епископами. За немногими исключеніями, Григорій Турскій отзывается о нихъ съ похвалой. Многіе изъ нихъ признаны были святыми; разсказы агіографовъ, являющіеся, обыкновенно, отзвукомъ народныхъ впечатлѣній, не указываютъ, чтобы народъ удивлялся, получая епископовъ отъ королей. То было время, когда у мірянъ и у клириковъ, у Франковъ и у Римлянъ была одна и та же вѣра, когда не существовало рѣзкой разницы между церковными обычаями и дворцовыми [1]. Такимъ то образомъ и произошло, что епископы, вышедшіе изъ дворца, не оказывались ни болѣе, ни менѣе добродѣтельны, ни болѣе, ни менѣе образованы сравнительно съ тѣми, которые могли быть избраны духовенствомъ и народомъ.

домъ фактовъ, которые мы будемъ изслѣдовать.—О дарованныхъ церковнымъ землямъ иммунитетахъ мы также будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

[1] См. напримѣръ, въ хроникѣ Фредегарія (гл. 78) разсказъ о Бретонцѣ Юдикаэлѣ и о референдаріи Дадонѣ. Большинство

Какъ только новый епископъ получалъ посвященіе, за нимъ признавалось полное святительское достоинство, и ни на его прошлое, ни на то, какимъ путемъ онъ получилъ свой санъ, вниманія уже не обращалось. Имѣло ли мѣсто народное избраніе или королевское назначеніе, на епископа никогда не смотрѣли, какъ на представителя народа, или какъ на королевскаго агента. Въ немъ видѣли лицо священное, намѣстника апостоловъ; такое его свойство пересиливало все прочее и заставляло всѣхъ и его самого скоро забывать, кому онъ былъ обязанъ своимъ назначеніемъ.

Епископы держались по отношенію къ королямъ съ большою независимостью и гордостью. Правда, что они обращались къ послѣднимъ съ общепринятыми почтительными формулами, называя ихъ «государь мой», говоря «ваша слава» [1]; но и обратно король именовалъ епископа «ваша святость» и никогда не забывалъ въ концѣ каждаго письма испрашивать для себя «его молитвъ» [2]. Епископъ признавалъ короля за государя своего, безъ спора и ограниченія, но онъ управлялъ совѣстью этого государя; онъ громко обличалъ его въ преступленіяхъ и лишалъ причастія [3]. Онъ не ждалъ отъ короля будущаго повышенія, ни ежегоднаго оклада жалованья. Онъ могъ быть назначенъ королемъ, но не свергнутъ. Предположите даже, что епископъ со-

агіографовъ рисуютъ ихъ намъ живущими во дворцѣ „sicut clerici, sicut sacerdotes“.

[1] См. *Sirmond*, Concilia Galliae, I, 241: „Domino nostro regi“; I, 275: „Cultores vestri, episcopi“; I, 258: „Celsitudo Vestra... Gloria Vestra“.

[2] См. приведенное выше посланіе Сигеберта: „Ut pro nobis orare dignemini“.

[3] Такой примѣръ см. *Gregor*. Vitae Partum, XVII, 2; 3.

вершилъ преступленіе, участвовалъ, напримѣръ, въ заговорѣ или измѣнѣ; все таки не король и не королевскій судъ судилъ его; онъ отвѣчалъ только передъ трибуналомъ другихъ епископовъ [1].

Такимъ образомъ, королевское назначеніе ни въ чемъ не принижало епископата. Я скорѣе склоненъ думать, что въ то именно время, когда королевская власть повсемѣстно пользовалась страхомъ и уваженіемъ, такое назначеніе являлось для него скорѣе элементомъ силы: съ одной стороны, въ непрестанныхъ своихъ конфликтахъ съ графами епископъ могъ ссылаться на свою грамоту назначенія, исходившую изъ такого же высокаго источника, какъ графская. Съ другой же стороны, весьма вѣроятно, духовенство и народъ были бы менѣе послушны епископу, если бы его избраніе всегда зависѣло отъ нихъ; каждые выборы вызывали бы, конечно, образованіе, по крайней мѣрѣ, двухъ партій, и власть епископа компрометтировалась бы или умалялась бы такими несогласіями. Назначеніе же его внѣшнею и далекою властью обезпечивало вліяніе епископа на духовенство и на населеніе.

Мы говорили, что много епископовъ выходило изъ персонала королевскаго палація. Они проводили часть своей жизни въ должностяхъ референдарія или

[1] См. разсказъ о Претекстатѣ Руанскомъ, который былъ обвиненъ королемъ въ преступленіи противъ государства (*Gregor*. V, 19); разсказъ объ Эгидіи Реймскомъ, обвиненномъ и уличенномъ въ заговорѣ (X, 19); разсказъ о епископѣ Храмлинѣ, котораго въ 677 г. судилъ Парижскій соборъ. *Diplomata*, Pardessus, № 388. Случай съ Дезидеріемъ, епископомъ Вьенскимъ, подтверждаетъ сказанное нами. Брунегильда могла предать его смерти лишь послѣ того, какъ онъ былъ лишенъ епископскаго сана соборомъ епископовъ; *Fredegar*. Chron. c. 24; 32.

графа. Это вовсе не было дурно, такъ какъ на королевской службѣ они пріобрѣтали тѣ практическія способности, которыми служили потомъ своей церкви. Они знали дѣла управленія, умѣли повелѣвать; они были государственными людьми и доказывали это въ своей епархіи. Добавьте, что, выйдя изъ дворца, они сохраняли въ немъ друзей, отношенія и вліяніе. Они легко могли добиваться для своей церкви милостей, иммунитетовъ и земельныхъ пожалованій. Для епархіи являлось большимъ преимуществомъ, когда епископъ ея выходилъ изъ дворца. Агіографъ не обманываетъ насъ, быть можетъ, когда разсказываетъ, что разъ цѣлый городъ и область просили себѣ въ епископы «доместика», то-есть, королевскаго совѣтника [1]. Епископъ придворнаго происхожденія, продолжавшій бывать при дворѣ, засѣдавшій на королевскихъ судахъ и дававшій иногда совѣты по государственнымъ дѣламъ, соединялъ съ епископской властью власть «королевскаго вельможи».

Такимъ образомъ, все способствовало усиленію епископата, и въ то самое время, когда короли стремились подчинить его себѣ, власть его надъ душами и надъ мірской жизнью все увеличивалась. Епископатъ не велъ борьбы съ государствомъ [2], не протестовалъ противъ его вмѣшательства, но безъ шума и безъ конфликтовъ, путемъ внутренней, скрытой работы каждый епископъ такъ глубоко укоренялъ и утверждалъ свой авторитетъ, что становился маленькимъ государемъ.

[1] *Vita Arnulfi* въ Patrologia latina, t. XCV, col. 733.

[2] *Gregor.* X, 19: „Episcopi praeceptioni regiae obsistere nequiverunt“.

Поэтому въ продолженіе изучаемой эпохи мы постоянно видимъ, что епископы дѣйствуютъ, какъ свѣтскіе государи. Они отправляютъ правосудіе, и народъ видитъ ихъ засѣдающими на судѣ такъ же часто, какъ королевскихъ графовъ. Документы часто рисуютъ ихъ, какъ высшихъ судей [1]. Мы видѣли, что они строили много церквей. Они исправляли, а въ случаѣ надобности и сооружали вновь даже городскія укрѣпленія [2]. Если надо было проводить дороги или насыпать плотины противъ наводненій, то руководство этими работами и издержки за нихъ падали также на епископа [3]. Имъ не оставался чуждъ ни одинъ

[1] *Ibidem*, IV 35: „Avitus, accepto episcopatu, magnum se in omnibus tribuit, iustitiam populis tribuens, pauperibus opem, viduis solatium“.—V, 43: „Fuit Maurilio... in iudiciis iustus“.—Епископъ Меланій „iusticiam per populos exercebat“ (*Vita Melanii*, Bouquet, III, 395).—*Fortunat.* IV, 12: „Iustitiam tribuens populis examine recto“.—Въ *Vita Leodegarii* (ab anonymo aequali), c. 1, хорошо описано свѣтское правосудіе, отправляемое отъ имени епископа архидіакономъ: „Cum mundanae legis censuram non ignoraret, saecularium terribilis iudex fuit“. См. *Praeceptio Chlotarii*, 6, Boretius, 19: „Si iudex (графъ) aliquem contra legem iniuste damnaverit... ab episcopis castigetur“.—Послѣднее выраженіе надо понимать въ смыслѣ аппеляціоннаго суда, принадлежавшаго епископу.—Обратите вниманіе на слова, сказанныя королемъ Хильперихомъ епископу Григорію: „O episcope, iustitiam cunctis largiri debes“ (*Greg.* I, 19).

[2] *Vita Desiderii*, c. 9: „Castellum Cadurcum minutione ampliavit ac firmavit... portas, turres murorum ambitu ac quadratorum lapidum compactione munivit“.—*Ibidem*, c. 17: „Quis dicere valeat quam singulari studio moenia urbis suo labore struxerit?“

[3] См. у Фортуната (Carmina, III, 8) разсказъ о епископѣ Феликсѣ, или о двухъ Руриціяхъ, дѣдѣ и внукѣ, бывшихъ одинъ за другимъ епископами въ Лиможѣ и много занимавшихся строительствомъ (*ibidem*, IV, 5).

изъ матерьяльныхъ интересовъ города и епархіи. Если надо было подать заявленіе о чрезмѣрности налоговъ, епископъ подавалъ его королю отъ своего имени [1]. Когда разоренный войнами городъ Верденъ нуждался въ займѣ, договаривался о немъ епископъ, а не курія, и онъ же вернулъ благосостояніе городу [2]. Въ шестомъ вѣкѣ, епископы пользовались своею властью съ умѣренностью и довольствовались тѣмъ, что надзирали за графами и противились ихъ самоуправству, принимая на себя главнымъ образомъ защиту слабыхъ [3]. Въ седьмомъ вѣкѣ они являются уже настоящими политическими вождями, не имѣющими соперниковъ въ своей области. Изъ житія святого Леодегарія Отенскаго видно, что ему повиновался весь городъ. Если послѣдній городъ находился въ осадѣ, защитой руководилъ епископъ. Въ седьмомъ вѣкѣ, въ Метцѣ, кромѣ епископа, нѣтъ другого политическаго главы и другого правителя [4]. Епископы повсюду довели до упадка старыя муниципальныя магистратуры, о которыхъ даже и не говорится больше. Франкскіе короли не уничтожали и не ослабляли ихъ. Всѣ полномочія ихъ и вся сила достались епископату. Епископы повсюду также отвели

[1] *Gregor.* IX, 30—*Vita Aridii*, Bouquet, III, 413.—*Vita Sulpicii Bituricensis*, 24—25 (Болландисты, 17 января).—*Vita Eligii*, I, 32.—*Miracula Austregisili*, Mabillon, Acta SS. II, 99; 100.

[2] *Gregor.* III, 34.

[3] *Ibidem*, V, 43: „Defendens pauperes ecclesiae suae de manu malorum iudicum".—*Fortunat.* Vita Albini, 9: „Ita se praebuit in defensione civium ut..."

[4] *Vita Arnulfi*, c. 8: „Urbem ad gubernandum suscepit."—Ср. *Gregor.* de Gloria martyrum, I, 33: „Bertramno qui tunc in episcopatu urbem regebat".—*Diplomata*, Pardessus, II, стр. 229: „Oppido Divione, quo apostolicus vir Assoricus tenet regimen".

себѣ мѣсто рядомъ съ графами; они уменьшили число подсудимыхъ имъ людей и кругъ ихъ дѣйствія. Они дѣлили государственную власть съ королевскими чиновниками.

ГЛАВА XVI.

Conventus или общее собраніе народа.

I.

Учрежденіе это не существовало еще въ шестомъ вѣкѣ.

Чтобы закончить изслѣдованіе о государственномъ устройствѣ меровингской эпохи намъ остается еще упомянуть объ оригинальномъ учрежденіи, носившемъ на языкѣ того времени названіе *conventus generalis populi*, то-есть, общаго народнаго собранія. Надо разсмотрѣть его вблизи, и согласно тому, что мы найдемъ въ документахъ, намъ надо будетъ сдѣлать выводъ, было-ли оно, въ самомъ дѣлѣ, народнымъ собраніемъ съ верховною властью, издавало ли оно законы, руководило ли политикой королей.

Прежде всего, попытаемся отыскать его происхожденіе и точно опредѣлить время послѣдняго. Разсмотрѣвъ документы шестого вѣка, мы должны установить, что въ нихъ никогда не попадается указанія на этотъ институтъ. Григорій Турскій не сообщаетъ о немъ ни одного раза. Онъ описалъ одно мартовское поле въ пятомъ вѣкѣ, въ началѣ царствованія Хлодовеха и представилъ его въ видѣ простого военнаго смотра съ цѣлью провѣрки качества вооруженія. Послѣ этого времени онъ нигдѣ не говоритъ о мартовскомъ полѣ. А такъ какъ онъ очень часто упоминаетъ о собраніяхъ арміи въ виду войны, не упоминая въ то

же время о мартовскомъ полѣ, то изъ такого умолчанія можно заключить, что институтъ мартовскихъ полей болѣе не существовалъ въ шестомъ вѣкѣ. Григорій Турскій много разъ и въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ даетъ намъ описаніе меровингскаго войска, и можно съ достовѣрностью сказать, что съ войскомъ этимъ короли никогда не совѣщались, что оно никогда не преобразовывалось въ «мартовское поле», то-есть, въ подобіе вѣча. Мы видѣли, какова была природа этихъ армій: ихъ организація несовмѣстима съ идеею политическаго собранія.

Что же касается самаго выраженія *conventus generalis,* то оно ни разу не встрѣчается въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Григорія Турскаго; не находимъ у него и никакого другого выраженія, которое могло бы имѣть одно съ нимъ значеніе. Авторъ никогда не говоритъ, чтобы народъ когда-нибудь собирался всею массою около короля. Если бы подобный обычай у Франковъ дѣйствительно существовалъ, Григорію Турскому, который такъ живо описываетъ малѣйшія происшествія общественной и частной жизни, двадцать разъ пришлось бы упомянуть о немъ; подобное большое собраніе многочисленныхъ людей не могло бы пройти незамѣченнымъ мимо его вниманія; различныя дѣйствія и рѣшенія, которыя предпринимались бы такими собраніями, послужили бы непремѣнно матеріаломъ для его разсказовъ. Надо сказать больше: если бы подобныя собранія, которыя мы ясно обнаружимъ въ слѣдующемъ вѣкѣ, составляли обычное учрежденіе и того времени, о которомъ мы теперь говоримъ, то Григорій Турскій, безъ всякаго сомнѣнія, самъ принималъ бы

въ нихъ участіе. Какъ епископъ, онъ призывался бы туда въ числѣ первыхъ. Онъ не могъ бы не являться туда и не преминулъ бы записать, что онъ тамъ говорилъ, что дѣлалъ и видѣлъ. Объ этомъ однако не находимъ у него ни слова. Мы можемъ прослѣдить всю его жизнь годъ за годомъ; намъ извѣстно каждое его передвиженіе, каждая миссія, которую онъ выполнялъ передъ королями, и никогда не видимъ мы, чтобы онъ принималъ участіе въ какомъ-нибудь общемъ собраніи. Очевидно, что такихъ собраній въ шестомъ вѣкѣ еще не существовало.

Для исторіи слѣдующаго полу-столѣтія у насъ сохранилась любопытная и очень важная хроника, извѣстная подъ именемъ кроники Фредегарія.—Составитель ея ни разу не упоминаетъ о *conventus generalis,* о народномъ собраніи или мартовскомъ полѣ. Никогда не описываетъ онъ ничего такого, что походило бы на подобное учрежденіе.

Только во второй половинѣ седьмого вѣка, въ 684 году, упоминается въ документахъ «общее народное собраніе». Сначала объ этомъ говорится въ однихъ сочиненіяхъ агіографовъ, писателей не очень точныхъ, а потому не отличающихся большою достовѣрностью. Составитель житія святого Ансберта пишетъ, что святой былъ назначенъ епископомъ въ то время, когда король находился въ виллѣ своей Клиши и созвалъ тамъ около себя большое народное собраніе, *habens conventum magnum populorum* [1].

[1] *Vita Ansberti,* c. 22 (Болландисты, февраль, II, 352): „Rex Теодерихъ III, 673—691) in villa Clipiaco morabatur, ubi conventum magnum populorum habens de utilitate et tutela regni tractabat“.—Мы совсѣмъ не должны принимать во вниманіе слова „in generali conventu“, которыя читаемъ въ концѣ грамоты Хильпе-

Упоминаніе объ «общемъ собраніи» находимъ еще въ одной хартіи 680 года [1]. Съ этого времени оно становится обычнымъ явленіемъ. Фонтенельская хроника, которая возникла поздѣе, говоритъ «объ обычаѣ ежегодно собирать на мартовскомъ полѣ франкскіе народы» [2]. Въ восьмомъ вѣкѣ продолжатель Фредегарія [3], въ девятомъ Эйнгардъ и Фульдскіе анналы описываютъ эти собранія съ особымъ удоволь-

риха, Pardessus № 190. Грамота эта представляетъ лишь копію съ подлиннаго акта; тѣ же спеціалисты, которые принимаютъ ее за оригиналъ, вынуждены признать, что конечная формула во всякомъ случаѣ подложна, хотя бы уже потому, что время праздника Воплощенія Христова 606 года отнесено тамъ къ царствованію Хильпериха, умершаго однако въ 584 году, а въ этихъ то заключительныхъ словахъ и находится выраженіе „in generali conventu".

[1] *Charta Vindiciani* (680 года, у Pardessus №391): „Noverint omnes fideles, quia dominus noster rex Theodoricus in generali placito habito in Compendio palatio in conventu..." Это также не подлинная хартія. Повидимому, она была составлена два или три вѣка спустя, для замѣны утраченнаго оригинала. Не слѣдуетъ поэтому придавать большого значенія употребляемымъ въ ней выраженіямъ.

[2] *Chronicon Fontanellense*, Bouquet, II, 658: „Compendio palatio, calendarum Martiarum die, congregatis Francorum populis in campo Martio, ubi omnibus annis convenire soliti erant".—Хроника эта была составлена въ каролингскую эпоху.

[3] *Fredegarii continuatio*, a. 754, Bouquet, V. 2: „Evoluto anno, rex ad calendas Martias omnes Francos, sicut mos Francorum est, Bernaco villa publica ad se venire praecepit".—Въ этой фразѣ, слова *omnes Francos* обозначаютъ, какъ это будетъ установлено нами дальше, всѣхъ свободныхъ людей королевства безъ различія расъ. Въ документѣ восьмого вѣка слова „sicut mos Francorum est" могутъ только значить—„какъ было въ обычаѣ въ королевствѣ Франковъ". Здѣсь не можетъ идти рѣчь о древней франкской расѣ, которую уже нельзя было тогда признать отдѣльно существующею.

ствіемъ, какъ постоянно и правильно установленное учрежденіе [1].

Изъ сказаннаго уже можно заключить, что происхожденіе даннаго института нельзя отнести къ большой древности. Онъ появился лишь въ седьмомъ вѣкѣ и развивался въ восьмомъ. Онъ ведетъ свое начало лишь отъ послѣдней эпохи меровингской монархіи. Никакъ нельзя сказать, что франкскій *conventus* выросъ отъ древнихъ одноименныхъ съѣздовъ римской имперіи; мы увидимъ, что онъ ни въ чемъ не походитъ на послѣдніе. Нельзя также утверждать, что онъ былъ германскаго происхожденія; возникновеніе его отдѣлено отъ эпохи самостоятельнаго развитія у Франковъ ихъ племенныхъ учрежденій промежуткомъ въ нѣсколько вѣковъ, и скоро мы увидимъ также, что онъ нисколько не похожъ на описанныя Тацитомъ собранія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ институтомъ, образовавшимся во время меровингской эпохи. Установился онъ не сразу, сложился не въ одинъ день и не по волѣ законодателя; потому то въ документахъ и не говорится ни объ учредителѣ его, ни о времени учрежденія. Образовался онъ постепенно, незамѣтно, какъ бы самъ собою. У насъ есть одно только средство подмѣтить первые его зародыши и первоначальное развитіе: мы должны просмотрѣть всю серію фактовъ политической жизни эпохи, какъ представляютъ ихъ намъ документы. Только тогда увидимъ мы за-

[1] *Einhardi*, Vita Caroli, 1: „Ad publicum populi sui conventum, qui annuatim celebrabatur, ire solebant".—*Annales Fuldenses*, a. 752. — *Ann. Laurissenses minores.* — *Ann. Mettenses*, Pertz, 1, 116, 130.

рожденіе этого института, затѣмъ его развитіе и распространеніе.

2.

Знать и Анделотскій договоръ.

Если мы не встрѣчаемъ никакого мартовскаго поля въ продолженіе шестого вѣка, никакого собранія воиновъ, облеченнаго какимъ-либо подобіемъ политическихъ правъ, никакого соединеннаго въ вѣче народа, зато вокругъ короля Франковъ мы находимъ собраніе знатныхъ людей. Въ 595 году, король Австразіи Хильдебертъ II, обнародовалъ состоящій изъ четырнадцати статей законодательный актъ; онъ начинаетъ его съ объявленія, что статьи эти были имъ постепенно заготовлены «въ то время, когда въ календы каждаго марта мѣсяца онъ обсуждалъ дѣла съ своими знатными [1]». Затѣмъ онъ излагаетъ рядъ законовъ, которые были установлены на этихъ собраніяхъ, происходившихъ въ Аттиньи, потомъ въ Местрихтѣ и въ Кельнѣ [2]. Въ предшествующихъ изслѣдованіяхъ мы уже видѣли, кто такіе были люди, которые именуются въ словахъ короля его «оптиматами». Они не были ни народомъ, ни аристократіею. Королевскіе оптиматы были должностными лицами его дворца. Съ этими то «высшими своими сановниками», «съ своими магнатами» король и обсуждалъ дѣла, съ ними то и издавалъ онъ законы.

Совѣщанія короля съ его вельможами происходили въ мартовскія календы. Выраженіе это—*calendae Martiae* можетъ съ перваго взгляда напомнить о прежнихъ мартовскихъ поляхъ, но оно обозначаетъ теперь далеко не то же самое. Тутъ нѣтъ никакого собранія воиновъ. Мартовскія календы были просто обозначеніемъ времени, хотя выраженіе это не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, то-есть, какъ первое число Марта мѣсяца. Въ болѣе широкомъ значеніи, мартовскими календами могли называться всѣ дни, начиная съ 14 февраля; дни эти обозначались разными числами до мартовскихъ календъ. Такъ какъ собраніе не падало непремѣнно на опредѣленный день, то мы можемъ допустить, что мартовскія календы были промежуткомъ времени въ три или четыре недѣли до и послѣ перваго марта. Въ этотъ то промежутокъ времени король и «обсуждалъ ежегодно дѣла съ своими оптиматами». Мы касаемся тутъ обычая, который, какъ увидимъ, будетъ продолжаться и дальше при слѣдующихъ Меровингахъ. Осень и зиму они отдавали обыкновенно охотѣ, весну и лѣто—войнѣ; въ промежуткѣ же между этими двумя періодами года они посвящали нѣсколько недѣль мирнымъ дѣламъ управленія, важнымъ судебнымъ разбирательствамъ, подготовкѣ законовъ. Эти то недѣли, равно какъ и самую работу, которая наполняла ихъ въ данное время, они называли мартовскими календами.

Въ подобной своей правительственной дѣятельно-

[1] *Decretio Childeberti*, Pardessus, № 205, Boretius, 15: „Cum in Dei nomine nos omnes Kalendas Martias de quibuscumque condicionibus cum nostris optimatibus pertractavimus".

[2] *Ibidem*, 1: „Attiniaco calendis Martiis convenit ut..."—Бореціусъ вмѣсто Attiniaco пишетъ *Antonaco*: рѣчь въ такомъ случаѣ идетъ о городѣ Андернахѣ.—*Ibidem*, 2: „In sequenti hoc convenit una cum leudibus nostris".—3: „Similiter Traiecti convenit nobis".—4: „Convenit calendis Martiis omnibus nobis adunatis."—8: „Calendis Martiis Coloniae convenit ut..."

сти король-Меровингъ любилъ имѣть около себя своихъ вельможъ. Они являлись естественными его совѣтниками. Ихъ собраніе походило на то учрежденіе, которое позже носило названіе совѣта короля, а раньше въ римской имперіи именовалось *consistorium* императора.

Такія собранія короля и его вельможъ упоминаются Григоріемъ Турскимъ нѣсколько разъ, и изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что короли не любили принимать важнаго рѣшенія, не выслушавъ мнѣнія этихъ совѣтниковъ. Однажды, когда послы Хильдеберта неожиданно явились къ Гунтрамну, чтобы сдѣлать ему одно предложеніе, Гунтрамнъ отвѣтилъ имъ, что онъ ничего не будетъ рѣшать сейчасъ: «мы принимаемъ всякаго рода рѣшенія, обсудивъ, что слѣдуетъ дѣлать, на собраніи, которое имѣемъ обыкновеніе созывать» [1]. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ что король Хильдебертъ «собирается съ вельможами на совѣщаніе» и обсуждаетъ съ ними вмѣстѣ два дѣла, одно изъ области внѣшней политики, другое судебное [2]. Немного позже, король Гунтрамнъ созвалъ такое же собраніе въ Парижѣ; собраніе это,

[1] *Gregor*. VII, 7: „In placito, quod habemus, omnia decernimus, tractantes quod oporteat fieri". — Слово *placitum* означало, собственно, переговоры, встрѣчу, свиданіе, а вслѣдствіе этого и собраніе созванныхъ людей.

[2] *Gregor*. VIII, 21: „Childebertus... cum suis coniungitur... ad placitum... cum proceribus suis convenit." Прежде всего занялись дѣломъ Ингунды, сестры короля, бывшей замужемъ за вестготскимъ королемъ Испаніи, съ которой тамъ дурно обращались. Брунегильда засѣдала на совѣтѣ и говорила въ пользу своей дочери, но король и знатные были не согласны съ ея мнѣніемъ. Другое дѣло касалось Гунтрамна Бозона, обвиненнаго въ оскверненіи мѣста погребенія.

обозначаемое у Григорія словомъ *placitum*, состояло изъ «нѣсколькихъ епископовъ, которыхъ пожелалъ призвать король», главнымъ же образомъ «изъ многихъ *domestici* и *comites*», то-есть, изъ королевскихъ чиновниковъ [1].

По данному вопросу я встрѣчаю въ современной исторической литературѣ одно мнѣніе, неправильность котораго принужденъ доказать, потому что оно исказило и извратило всю исторію временъ Меровинговъ. Ученые, о которыхъ идетъ рѣчь, предполагаютъ, что тогда происходила долгая борьба между знатными и королемъ, между аристократіей и монархической властью. Но ни одинъ писатель того времени, лѣтописецъ или агіографъ, не говоритъ о такой борьбѣ. Ни у Григорія Турскаго, ни у Фредегарія, ни въ житіяхъ святыхъ вы не найдете ни одной строки, которая содержала хотя бы намекъ на подобный антагонизмъ. Писатели, въ живыхъ и опредѣленныхъ чертахъ обрисовавшіе общественную жизнь эпохи, ни слова не говорятъ о долгихъ несогласіяхъ, наполнявшихъ, по мнѣнію новѣйшихъ историковъ, жизнь четырехъ или пяти поколѣній людей. Они самымъ подробнымъ образомъ описываютъ борьбу королей другъ съ другомъ и совсѣмъ не упоминаютъ о безконечно болѣе важной борьбѣ между знатными и королемъ. Историкъ долженъ утверждать только то, что заключается въ документахъ. Знатные или оптиматы были «дворцовыми магнатами» или «королевскими вельможами»; то были дворцовые графы короля, его

[1] *Gregor*. X, 28: „Rex commotis (созвавъ) episcopis, Aetherio Lugdunensi, Siagrio Augustodunensi, Flavio Cabillonensi, et reliquis, quos voluit, Parisius accedere iubet. Fuerunt etiam ad hoc placitum multi tam domestici quam comites".

коннетабли, камерарiи и референдарiи. Ни одинъ изъ нихъ не былъ знатнымъ самъ по себѣ. Они имѣли лишь дарованную имъ королемъ знатность, которую онъ могъ отнять у нихъ, исключивъ ихъ изъ своего дворца. Есть десятки примѣровъ, изъ которыхъ можно видѣть, какъ обращался съ ними король, какъ онъ по собственной власти предавалъ ихъ смерти, какъ онъ лишалъ ихъ имущества и званiя [1]. Люди эти, изъ которыхъ одни принадлежали къ франкской расѣ, другiе къ римской, дѣлались слугами короля изъ разсчета и по профессiи. Они могли обладать независимымъ характеромъ; могли свободно говорить и противорѣчить королю, но какъ могли они думать бороться съ королевской властью? Они были сами эманацiею послѣдней, ея орудiемъ. Самыя выгодныя особенности монархiи шли въ ихъ пользу, и они тѣсно связали съ нею свои судьбы. Королевская власть не обходилась безъ нихъ, и они были ничѣмъ безъ нея. Нѣтъ никакого указанiя на то, чтобы у знатныхъ были иныя политическiя стремленiя, чѣмъ у королей; не было у нихъ также и другихъ интересовъ. Правда, приходится видѣть, что при распряхъ королей нѣкоторые изъ нихъ оставляютъ одного короля и приходятъ къ другому, но они всегда связаны съ какимъ-нибудь королемъ, всегда служатъ королевской власти. Представленiе о долгой и непримиримой борьбѣ между знатью и королями—это въ полномъ смыслѣ вымыселъ совре-

[1] См. судьбу Сигивальда у Григорiя Турскаго, III, 23; исторiю Гриндiона и Круцiолена, V, 19; ср. разсказъ объ Эберульдѣ, VII, 21 и 29; о сыновьяхъ Магнахарiя, V, 17; о Гунтрамнѣ Бозонѣ, IX, 10, о Раухингѣ и Бертефридѣ, IX, 9 и о Фредегарiи, 8; о Хундонѣ, X, 10.—У Фредегарiя см. объ Эгилѣ, с. 21; о Вольфѣ, с. 29; о Годинѣ, с. 54 объ Унцеленѣ, с. 28 и многихъ другихъ.

менныхъ историковъ; никакихъ признаковъ ея мы не замѣчаемъ въ документахъ эпохи.

Ученые, которые утверждаютъ, что Анделотскiй договоръ былъ предписанъ королямъ аристократiею, что онъ указываетъ на побѣду магнатовъ, не вчитались, вѣроятно, въ текстъ этого дошедшаго до насъ договора [1]. Надобно внимательно изслѣдовать этотъ текстъ. Мы замѣчаемъ въ немъ прежде всего, что Анделотское постановленiе вовсе не является договоромъ между королемъ и знатными; оно даже не носитъ характера государственной хартiи. Договоръ этотъ былъ простымъ трактатомъ, *pactio*, между двумя королями, Гунтрамномъ и Хильдебертомъ [2]. Это ясно указано въ предисловiи: «Движимые чувствомъ любви и милосердiя государи, короли Гунтрамнъ и Хильдебертъ, и преславная госпожа королева Брунегильда собрались во имя Христа въ Анделотѣ, чтобы съ полною мудростью покончить со всѣми вопросами, которые могли порождать ссору между ними. Тутъ, въ при-

[1] Король Гунтрамнъ показывалъ текстъ договара, *exemplar pactionis*, Григорiю Турскому, который снялъ съ него копiю; онъ помѣстилъ ее въ своей Исторiи (IX, 20), а нѣсколькими главами выше передалъ вкратцѣ его содержанiе (IX, 11).—Вотъ краткое изложенiе того же акта въ хроникѣ Фредегарiя (с. 7): „Guntramnus se cum Childeberto pacem firmant, dum Andelao coniunxit inibi mater et soror et coniux Childeberti regis pariterque fuerunt, ibique speciale convenientia inter domnum Guntramnum et Childebertum fuit conventum, ut regnum Guntramni post eius discessum Childebertus assumeret“.—Ясно видно, что тутъ нѣтъ никакого указанiя ни на собранiе знатныхъ, ни на сдѣланную будто бы знатнымъ уступку.

[2] *Gregor.* IX, 11: „Rex Guntchramnus cum nepote suo ac reginis pacem firmavit... conscriptis pactionibus, se osculantes, regressus est unusquisque ad civitatem suam“.—IX, 20: „Exemplar pactionis“.

сутствіи епископовъ и знатныхъ и въ присутствіи самого Бога ими было рѣшено и установлено, что, пока они живы, они во всей чистотѣ и неприкосновенности сохранятъ между собою любовь и вѣрность» [1]. О соглашеніи или договорѣ со знатными нѣтъ рѣшительно никакого упоминанія.

Подвергнемъ анализу содержаніе этого соглашенія между двумя королями. Прежде всего оно касается одного вопроса, который съ давнихъ поръ возбуждалъ между ними столкновенія, а именно обладанія частью территоріи бывшаго королевства Хариберта, которую они оспаривали другъ у друга. Они сговорились произвести раздѣлъ, по которому Гунтрамну были присуждены округи городовъ Парижа, Шатодена, Вандома, Этампа и Шартра, а Хильдеберту территоріи Мо, Санлиса, Тура, Пуатье, Авранта, Эра, Консеранса, Лабурда и Альби.

Во второй статьѣ договора оба короля завѣщаютъ другъ другу каждый свое королевство. Они при этомъ не говорятъ, надо замѣтить, что прежде, чѣмъ принять такое важное рѣшеніе, они совѣщались съ собраніемъ своихъ подданныхъ. Они самодержавно рѣшаютъ дѣло только между собою, что, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, Австразійцы должны будутъ

[1] „Cum in Christi nomine praecellentissimi domni Guntchramnus et Childebertus reges, et gloriosissima domna Brunichildes regina, Andelaum caritatis studio convenissent, ut omnia, quae inter ipsos scandalum (слово это значило на языкѣ того времени—ссору; см. *Gregor.* III, 6; VI, 10 и т. д.) poterant generare, pleniori consilio definirent; id inter eos, mediantibus sacerdotibus atque proceribus, Deo medio, caritatis studio sedit, complacuit atque convenit ut... fidem et caritatem puram et simplicem sibi debeant conservare“.

повиноваться Гунтрамну или Бургунды Хильдеберту [1].

Въ третьей статьѣ короли обѣщаютъ другъ другу, что, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, Хильдебертъ возьметъ подъ свое покровительство дочь Гунтрамна, а Гунтрамнъ—сыновей Хильдеберта, равно какъ сестру его и вдову.

Пятый пунктъ постановленія касался стараго приданаго Галесвинты, наслѣдницей котораго была Брунегильда, но которое Гунтрамнъ удержалъ въ своемъ владѣніи. Приданное это заключало въ себѣ территоріи городовъ Бордо, Лиможа, Кагора, Бенарна и Тарба. Оба короля рѣшили, что кагорскій округъ будетъ возвращенъ Брунегильдѣ тотчасъ же, другіе—по смерти Гунтрамна.

Ниже находится статья о людяхъ, покинувшихъ раньше одного изъ двухъ королей, чтобы послѣдовать за другимъ, нарушивъ первую свою клятву. Короли условились вернуть ихъ другъ другу [2].

[1] Статья эта была особенно выгодна для Хильдеберта, имѣвшаго двоихъ дѣтей, которые естественнымъ образомъ устраняли дядю отъ престола. Вотъ статья договора: „Ut quem Deus de ipsis regibus superstitem esse praeceperit, regnum illius qui absque filiis migraverit, ad se in integritatem iure perpetuo debeat revocare et posteris suis relinquere“.

[2] „Ut leudes illi, qui domno Gunthramno post transitum domni Clotacharii sacramenta primitus praebuerunt, et si postea convincuntur se in parte alia tradidisse, de locis ubi commanere videntur, convenit, ut debeant removeri. Similiter et qui...“—Надо замѣтить, что среди этихъ лицъ главными были Динамій, прежній правитель Прованса, и Лупъ, бывшій герцогъ Шампани; оба они покинули Хильдеберта и перешли къ Гунтрамну; оба были приведены обратно къ Хильдеберту (*Gregor.* IX, 11). Такимъ образомъ, было удивительною ошибкой, когда въ текстѣ этомъ

Дальнѣйшее постановленіе касалось пожалованій, которыя раньше сдѣланы были королями церквамъ и частнымъ лицамъ. Надо замѣтить, что здѣсь говорится не о бенефиціальныхъ пожалованіяхъ. Въ текстѣ договора нѣтъ ни одного изъ словъ, которыя примѣнялись къ бенефиціямъ; всѣ, находящіяся въ немъ выраженія, тѣ самыя, которыми короли обозначали въ своихъ грамотахъ пожалованія въ полную и вѣчную собственность [1]. Во время гражданскихъ неурядицъ случилось такъ, что многія изъ такихъ пожалованій были отобраны назадъ; вполнѣ понятно въ самомъ дѣлѣ, что во время войны между обоими королями многія изъ лицъ, получившихъ пожалованія, могли быть снова лишены ихъ, или по распоряженію ихъ собственнаго короля, если они возбуждали противъ себя его неудовольствіе или, по волѣ чужого, если тотъ завладѣвалъ областями, въ которыхъ находилась ихъ собственность. Оба короля обязуются въ Анделотскомъ договорѣ никогда не отбирать пожалованій обратно и возвратить даже тѣ изъ нихъ, которыя были конфискованы [2]. Нѣкоторые новѣйшіе историки высказали предположеніе, что дѣло шло о преобразованіи бенефиціевъ въ вѣчныя пожалованія. Ничего подобнаго въ текстѣ нѣтъ. Анделотскій трактатъ ни слова не говоритъ ни о бенефиціяхъ, ни о преобразованіи ихъ въ аллоды. Рѣчь идетъ только о вѣчныхъ пожалованіяхъ, которыя только и были въ обычаѣ у Меровингскихъ королей (это будетъ удостовѣрено нами въ послѣдующихъ изслѣдованіяхъ), и которыя оказались затронуты королевскою рукою вслѣдствіе гражданскихъ войнъ [1]. Тутъ вовсе не происходило аграрнаго переворота, усмотрѣннаго нѣкоторыми изслѣдователями. Замѣтимъ, кромѣ того, что какъ во всѣхъ другихъ, такъ и въ этой статьѣ, короли условливались не съ знатными, а другъ съ другомъ. Дѣло въ томъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ главнымъ образомъ вернуть земли, отобранныя имъ у подданныхъ другого.

стали усматривать какой-то старый франкскій обычай: рѣчь идетъ тутъ прямо о должностныхъ лицахъ, одно изъ которыхъ навѣрно было Римляниномъ по происхожденію, другое—по всей вѣроятности также.

[1] „Quidquid antefati reges ecclesiis aut fidelibus suis contulerunt, aut adhuc conferre cum iustitia voluerint, stabiliter conservetur".

[2] „Et quod exinde fidelibus personis ablatum est, de praesenti recipiat".

Въ послѣдней статьѣ короли обязуются не отнимать другъ у друга людей [2]. Этотъ пунктъ свя-

[1] „Et de eo quod per munificentias praecedentium regum unusquisque usque ad transitum domni Chlotacharii regis possedit, cum securitate possideat".—Терминъ *munificentia* часто примѣнялся къ пожалованьямъ королей въ полную собственность. Замѣтьте, что статья эта относится къ землямъ, бывшимъ во владѣніи частныхъ лицъ до смерти Хлотара I, по пожалованьямъ предшествующихъ королей; рѣчь идетъ, значитъ, о земляхъ, дарованныхъ если не Хлодовехомъ, то, по крайней мѣрѣ, его сыновьями (511—560); Анделотскій же договоръ былъ заключенъ въ 587 году. Такимъ образомъ, земли эти находились въ частномъ владѣніи въ промежутокъ времени, который колебался между 27 и 76 годами. Очевидно, что это не могло относиться къ бенефиціямъ. Впрочемъ, мы позднѣе вернемся еще къ этому вопросу и покажемъ, что Меровинги гораздо больше земель давали въ пользованіе, и что они никогда не превращали бенефиціевъ въ аллоды. Построенныя въ этомъ смыслѣ ученыя теоріи —чистѣйшій вымыселъ.

[2] „Ut nullus alterius leudes nec sollicitet nec venientes excipiat".

занъ съ обычаями, которые мы не должны изслѣдовать въ настоящую минуту. Достаточно будетъ выдвинуть на видъ, что статья эта была неблагопріятна какъ разъ для знатныхъ, свободу которыхъ она ограничивала,—и, конечно, не они включили ее въ договоръ.

Таковъ Анделотскій трактатъ. Прочитайте весь этотъ документъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, и вы не найдете въ немъ ни одной строки, которая показывала бы, что знать предписала здѣсь королямъ свою волю; вы не найдете также ни одной статьи, благопріятной для аристократіи. Это просто соглашеніе между двумя королями, и короли эти самодержавно распоряжались своими королевствами, своими городами и своими людьми.

Въ предисловіи, впрочемъ, встрѣчается одно выраженіе, которое нельзя оставить безъ вниманія. Короли объявляютъ, что они договариваются другъ съ другомъ «въ присутствіи епископовъ и вельможъ, а также въ присутствіи Бога» [1]. Прежде всего, это значитъ, что раньше, чѣмъ договариваться съ другимъ, каждый изъ нихъ совѣщался съ епископами и съ знатными, составлявшими его совѣтъ. Это значитъ

[1] „Mediantibus sacerdotibus atque proceribus, Deo medio."— Терминъ *mediantibus* вовсе не подразумѣвалъ въ себѣ на тогдашнемъ языкѣ понятія, придаваемаго нынѣ слову „посредничество" или „посредникъ". Онъ значилъ просто „находящіеся среди", то-есть, „соприсутствующіе". *Mediantibus* имѣло то же значеніе, какъ и слово *medio* въ примѣненіи къ *Deo*, и сочетаніе *Deo medio* поясняетъ выраженіе *mediantibus sacerdotibus*. Выраженіе „mediantibus sacerdotibus et proceribus" не означаетъ ничего другого, какъ выраженіе „una cum sacerdotibus et proceribus," встрѣчаемое нами въ столькихъ меровингскихъ грамотахъ

дальше, что епископы и знатные обоихъ королей присутствовали при заключеніи договора, что они, какъ и самъ Богъ, были призваны свидѣтелями взаимныхъ обязательствъ ихъ королей. Возможно даже, что они подписали актъ послѣ короля, слѣдуя обычаю, существовавшему даже для грамотъ частнаго характера [1]. Но изъ этого вовсе не вытекаетъ, что Анделотскій договоръ былъ заключенъ, какъ утверждали нѣкоторые, чужимъ для обоихъ королей собраніемъ, «общимъ собраніемъ», которое принудило королей подписать его [2]. Короли заключили его добровольно и самодержавно: доказательствомъ тому служитъ все содержаніе договора. Согласно обычаю, каждый изъ королей окружилъ себя своими совѣтниками, епископами или вельможами дворца. Но такое единеніе каждаго короля съ своими совѣтниками именно противопо-

[1] Такой выводъ можно сдѣлать изъ аналогичныхъ примѣровъ. Такъ, когда еще раньше Хильдебертъ заключилъ *pactio* съ Хильперихомъ, то Гунтрамнъ, доставъ себѣ текстъ соглашенія, сказалъ посламъ своего племянника: „Ecce pactiones, ecce manus vestrae suscriptiones, quibus hanc conniventiam confirmastis" (*Gregor*. VII, 6.)

[2] Это мнѣніе высказано Вайтцомъ: „Договоръ былъ заключенъ по ходатайству епископовъ и свѣтскихъ вельможъ". См. „Deutsche Verfassungsgeschichte" 3-е изд. т. II, 2-я часть, стр. 197 и 232). *Mediantibus* не имѣло такого значенія. — Замѣтьте, что *sacerdotibus* и *proceribus* не означало всѣхъ епископовъ и всѣхъ знатныхъ. Что не всѣ епископы присутствовали при совершеніи акта, это подтверждается тѣмъ, что тамъ не было Григорія, который, какъ епископъ Тура, былъ однимъ изъ наиболѣе заинтересованныхъ лицъ. Если бы составители акта хотѣли сказать „всѣ знатные", то было бы поставлено—„universis proceribus regnorum". Рѣчь шла, стало быть, только о нѣкоторыхъ знатныхъ и о нѣкоторыхъ епископахъ, которые всегда находились при короляхъ.

ложно картинѣ мятежной аристократіи, предписывающей свою волю королямъ. Во всякомъ случаѣ, если мы находимъ здѣсь вокругъ королей нѣкоторыхъ знатныхъ, то общаго собранія, *conventus populi*, мы не встрѣчаемъ. Оно еще не существовало [1].

3.

Указъ 614 года.

Проходитъ двадцать семь лѣтъ послѣ Анделотскаго договора; документы, оставшіеся отъ этихъ лѣтъ, не говорятъ ни объ одной ссорѣ между аристократіей и королями. Въ Австразіи мы замѣчаемъ довольно сильную ненависть и вражду между нѣкоторыми вельможами дворца и королевой Брунегильдой; но нѣтъ никакого указанія на то, чтобы это было нѣчто иное, чѣмъ соперничество за вліяніе или личныя ссоры. Объяснять эти факты какъ борьбу между двумя политическими системами — значитъ высказывать субективную гипотезу, лишенную основаній. Здѣсь также современные историки слишкомъ свободно препарировали факты. Чтобы увеличить значеніе этихъ событій и этихъ лицъ, личную вражду они превратили въ борьбу партій, въ благородный конфликтъ идей. Они вообразили, что съ одной стороны, Брунегильда старалась утвердить монархическій порядокъ, а съ другой, аристократія стояла за свои

[1] Вайтцъ утверждаетъ однако (*ibidem*, стр. 190, примѣчаніе), что Анделотскій договоръ „былъ заготовленъ и заключенъ на большомъ народномъ собраніи". Ни Григорій (IX, 11), ни Федегарій (7), ни самый текстъ договора не упоминаютъ объ общемъ собраніи. О народѣ нигдѣ не говорится ничего.

вольности [1]. Но говорятъ ли современники что-нибудь подобное? Ни хорошо знавшій Брунегильду и благосклонный къ ней Григорій Турскій, ни писавшій подъ вліяніемъ противниковъ королевы Фредегарій, ни составители житій святого Колумбана или святого Дезидерія вьеннскаго, враждебно относившіеся къ ней, не говорятъ, чтобы у нея проявлялись какія нибудь новыя политическія тенденціи. Не говорятъ они также, чтобы враги ея стремились къ утвержденію политическаго устройства, противоположнаго тому, которое она защищала. Въ дѣйствительности, Брунегильдѣ не приходилось вводить монархію въ Австразіи, такъ какъ она тамъ уже существовала. Дворецъ былъ прочно организованъ полъ вѣка тому назадъ, королевская администрація функціонировала точно такъ же, и подати взимались раньше прибытія королевы. Что касается систематической оппозиціи знати, то ея не замѣчается рѣшительно нигдѣ [2].

[1] Такъ думаютъ *Michelet*, *Henri Martin*, *Huguenin* (Hist. d' Austrasie) *Lehuërou* и *Fahlbeck* (стр. 211).

[2] Заговоръ Раухинга, Урсіона и Бертефрида прекрасно описанъ Григоріемъ Турскимъ (IX, 9), который видитъ въ немъ лишь проявленіе личнаго честолюбія. Мэра Протадія представляли какъ типъ королевскаго министра, подавляющаго знать для усиленія монархической власти. Современный же событіямъ историкъ изображаетъ его совсѣмъ иначе: „Онъ унижалъ всѣхъ знатныхъ для того, чтобы никто не могъ отнять у него должность мэра и стать на его мѣсто" (*Fredegar.* 27). Ничто не указываетъ, чтобы у Протадія были однѣ политическія идеи либо стремленія, а у враговъ его другія.—Если позднѣе Брунегильда и оказалась изгнанною изъ Австразіи знатными дворца Теодеберта, если она и вела потомъ ожесточенную войну съ сыномъ, я вижу во всемъ этомъ борьбу изъ за выгоды, изъ за вліянія, борбу страстей, а не двухъ политическихъ системъ.

Затѣмъ идутъ событія 613 и 614 годовъ. Они переданы современниками достаточно ясно, чтобы можно было придерживаться ихъ разсказа, ничего къ нему не добавляя [1]. Прежде всего мы замѣчаемъ здѣсь, что въ предшествующіе годы короли не переставали воевать другъ съ другомъ. Въ 596 году, Хлотаръ II Нейстрійскій побѣдилъ при Латофао двоюродныхъ братьевъ своихъ, Теодеберта австразійскаго и Теодериха бургундскаго. Въ 600 году, Теодебертъ и Теодерихъ побѣдили Хлотара II при Дормелль. Въ 604 году вспыхнула новая война. Потомъ, въ 611, Теодерихъ соединился съ Хлотаромъ противъ Теодеберта; онъ захватилъ королевство своего брата и въ первый разъ разбилъ войско австразійцевъ, а во второй—Тюринговъ и Саксовъ [2]. Что же было причиной этихъ войнъ? Всѣ хроникеры указываютъ всегда одну единственную, — алчность каждаго короля, желавшаго завладѣть государствомъ своего сосѣда. Нѣтъ никакихъ признаковъ какого-либо опредѣленнаго политическаго стремленія. Это борьба честолюбивыхъ замысловъ, вовсе не вскрывающая противоположности государственныхъ взглядовъ, или конфликта между противорѣчивыми порядками. Нами было уже доказано выше, что два основныхъ учрежденія — дворецъ и администрація, были во всѣхъ трехъ государствахъ одни и тѣ же и одинаково устроены.

Въ 613 году возобновилась такая же борьба между королями; Теодерихъ бургундскій, сдѣлавшись коро-

[1] *Fredegarii*, Chronicon (отъ 37 до 42 главы).—Ср. *Vita Columbani*; *Vita Desiderii Viennensis*; *Appendix ad Marii Chronicon*.

[2] *Fredegarii Chronicon*, c. 17, 20, 26, 27, 37, 38.

лемъ Австразіи, захотѣлъ также править и Нейстріей. Внезапная болѣзнь унесла его изъ жизни въ ту минуту, когда маленькое королевство Нейстріи готово было исчезнуть; онъ оставилъ послѣ себя только малолѣтнихъ дѣтей. Хлотаръ II пожелалъ тогда завладѣть королевствами, въ которыхъ престолъ оказывался почти свободенъ. Матеріально самъ онъ былъ слишкомъ слабъ, но онъ вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми знатными Австразіи и Бургундіи. Арнульфъ, Пиппинъ и другіе тайно условились съ нимъ и открыли ему путь въ Австразію [1]. Обѣ арміи встрѣтились, но такъ какъ большая часть магнатовъ Австразіи и Нейстріи были въ заговорѣ, то войско ихъ разошлось безъ битвы, и Брунегильда была выдана Хлотару [2]. Послѣдній, «питавшій къ ней большую ненависть, велѣлъ предать ее смерти» [3]. Таковы были

[1] *Ibidem*, 40: „Chlotarius factione Arnulfi et Pippini vel ceteris proceribus Auster ingreditur“.

[2] *Ibidem*, 41, 42: „Burgundaefarones tam episcopi quam ceteri leudes timentes Brunichildem et odium in eam habentes, Warnachario consilium ineuntes... Chlotarius obviam cum exercitu venit, multos de Austrasiis secum habens, factione Warnacharii, consentientibus Aletheo patricio, Roccone, Sigoaldo, Theudilane ducibus“.

[3] *Ibidem*, 42: „Chlotarius cum odium contra ipsam nimium haberet... iubet eam camello sedentem... ad velocissimum equum caudam ligare...“—Мы видимъ, что Хлотаръ постановляетъ смертный приговоръ единолично и выбираетъ родъ казни. Вайтцъ говоритъ однако, что Брунегильда была приговорена къ смерти судомъ собранія Франковъ (Deutsche Verfassungsgeschichte, 3-е изд. т. II, 2-я часть, стр. 198). Мнѣнію этому противорѣчитъ не только Фредегарій, но также и продолжатель Марія изъ Авентика (Bouquet, II, 19) и *Vita Columbani*, c. 58. Въ *Gesta Francorum* также не говорится, чтобы происходилъ судъ франкскаго собранія; удостовѣряется наоборотъ, что смерть была предписана королемъ—*iubente rege*.—*Gesta* добавляютъ только,

событія. Во всемъ этомъ мы видимъ жестокую вражду и алчныя стремленія, но никакой политической системы. Нѣтъ указаній на то, чтобы Брунегильда и Хлотаръ II были проводниками двухъ различныхъ государственныхъ порядковъ. Не говорится также нигдѣ, чтобы знатные, покинувшіе Брунегильду ради ея врага, увлеклись бы кромѣ личнаго расчета какими-нибудь другими цѣлями. Измѣна доставила карьеру Пиппину, Арнульфу и Варнахару. Варнахаръ оказалъ помощь новому королю только тогда, когда получилъ отъ него должность дворцоваго мэра при клятвенномъ обѣщаніи, что онъ никогда не будетъ отрѣшенъ отъ нея [1].

Среди всѣхъ этихъ событій документы также не указываютъ ни одного общаго собранія, которое вмѣшалось бы въ кровавыя распри [2].

что войско, которое присутствовало, испускало враждебныя восклицанія противъ Брунегильды. Составитель житія святого Дезидерія вьеннскаго говоритъ, что король, собравъ своихъ оптиматовъ, постановилъ смертный приговоръ. Оптиматы составляли обычный королевскій судъ; это не народное собраніе.

[1] *Fredeg.* Chron. 42 in fine: „Sacramentum a Chlotario acceptum ne unquam vitae suae temporibus degradaretur".

[2] Я съ удивленіемъ вижу, что Вайтцъ, находитъ указаніе на два общихъ собраніи (Versammlungen), будто бы имѣвшихъ мѣсто въ это время,—одно „inter Coleriense et Sointense", другое въ Сельтцѣ (*Waitz*, 3-е изд. т. II, ч. 2-я стр. 197 и 198). Онъ приводитъ два мѣста изъ Фредегарія, но внимательное изученіе показываетъ, что онъ неправильно истолковалъ ихъ. Слову *placitum* онъ придалъ значеніе народнаго собранія, между тѣмъ онъ никогда не подразумѣваетъ такого учрежденія въ документахъ шестого вѣка; терминъ этотъ чаще всего имѣлъ тогда значеніе „соглашенія", „переговоровъ", „свиданія" двухъ людей особенно двухъ королей. Примѣры могутъ быть приведены многочисленные. У Григорія въ одномъ мѣстѣ (VI, 34),

По мнѣнію нѣскольких новѣйшихъ историковъ 614 годъ былъ годомъ переворота въ политическомъ устройствѣ франкскаго королевства. По ихъ объясненію, большое собраніе епископовъ и мірянъ сошлось

слово это трижды употреблено въ этомъ смыслѣ. Ср. *Ibid.* VIII, 13: „Placitum fuerat, ut Trecas de utroque regno coniungerent", то-есть, было условлено, что войска обоихъ королевствъ встрѣтятся въ Труа. *Fredegar.* 85: „Placitus instituitur"—два короля постановили, что... А вотъ мѣсто у Фредегарія, въ которомъ Вайтцъ усмотрѣлъ общее собраніе (*Chron.* 35): „Cum Theodebertus Bilichildem habebat uxorem, quam Brunichildis a negotiatoribus mercaverat, et saepius per legatos Brunichildis (eam) despiceret, quod ancilla Brunichildis fuisset, his et aliis verbis legatis discurrentibus ab invicem vexarentur, placitus inter Colerinse ot Sointense fitur, ut has duas reginas pro pace inter Theudoricum et Theudebertum coniungerent conloquendum; sed Bilichildis consilio Austrasiis ibi venire distulit".— Буквальный переводъ будетъ таковъ: „Король Австразіи Теодебертъ женился на Блихильдѣ, купленной Брунегильдой у торговца рабами. Находящаяся тогда въ Бургундіи Брунегильда оскорбляла черезъ своихъ пословъ Блихильду, напоминая ей, что она была ея рабыней; такъ какъ обѣ королевы оскорбили другъ друга такими словами черезъ своихъ посланцевъ, рѣшено было, что для возстановленія мира въ мѣстахъ, называемыхъ Colerinsis и Sointensis произойдутъ переговоры, что обѣ королевы сойдутся тамъ *ad colloquendum*; но Блихильда отказалась явиться туда по совѣту Австразійцевъ". Ясно видно, что тутъ говорится о переговорахъ между двумя королями и двумя королевами и, по всему вѣроятію, нѣсколькими знатными, а вовсе не о собраніи, Versammlung.—Другое мѣсто, на которое ссылается Вайтцъ, находится въ 37 главѣ той же хроники. Когда Теодебертъ захватилъ одну область, принадлежавшую Теодериху,—„placitus inter hos duos reges, ut Francorum iudicio finiretur Saloissa castro instituunt, ibique Theudericus cum decem milia accessit, Theudebertus vero cum magno exercitu Austrasiorum aggreditur". „Короли условились покончить ссору судомъ воиновъ близъ города Сельтца (о значеніи выраженія *iudicium Francorum* см. что было сказано нами въ *Problèmes*

тогда, чтобы предписать королю Хлотару II свои желанія, и принудило его издать удовлетворявшій ихъ указъ. «Парижское собраніе 614 года, имѣло очень важное значеніе, говоритъ Вайтцъ. Составленное изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ оно закрѣпило побѣду аристократіи надъ королевской властью и, предложивъ королю рядъ постановленій, которыя онъ могъ только утвердить, оно обезпечило на будущее время независимость аристократіи и ея интересы». Та же теорія повторяется у Фальбека: «Хлотаръ безъ сопротивленія согласился подписать актъ, который уменьшалъ его власть», говоритъ онъ [1]. Про-

d' histoire, стр. 517—519); они прибыли туда, Теодерихъ только съ десятью тысячами отборныхъ воиновъ, Теодебертъ съ большимъ войскомъ Австразійцевъ; Теодебертъ хотѣлъ дать сраженіе, но объятый страхомъ Теодерихъ заговорилъ о мирѣ". Отлично видно, что тутъ нѣтъ народнаго собранія, нѣтъ и никакого суда; *placitum* здѣсь было военной встрѣчей. Мѣсто сраженія было заранѣе назначено въ Сельтцѣ; туда явились оба войска, но численная незначительность одного изъ нихъ заставила одного изъ королей отказаться отъ сраженія и согласиться на все.— Итакъ, въ первомъ примѣрѣ Вайтцъ принимаетъ за народное собраніе переговоры двухъ королей и двухъ королевъ, а во второмъ—за судебное собраніе онъ принимаетъ мѣсто встрѣчи для битвы. Хорошо было бы разсмотрѣть значеніе слова *placitum* въ ста пятидесяти слишкомъ примѣрахъ, имѣющихся отъ меровингскаго времени; такимъ образомъ была бы избѣгнута странная ошибка, состоящая въ легкомысленномъ переводѣ слова *placitum* словомъ собраніе. На самомъ дѣлѣ во всей хроникѣ Фредегарія нѣтъ ни одного упоминанія о народѣ, собравшемся для того, чтобы судить или для какой либо другой цѣли.

[1] *Waitz*, Verfassungsgeschichte, 3-е изд. т. II, 2-я часть, стр. 215.—*Fahlbeck*, La royauté et le droit francs, французское изданіе стр. 267.—Теорію эту проводили уже гораздо раньше во Франціи *Michelet*, *Lehuërou* и *Henri Martin*.

вѣрьте эту теорію по документамъ: вы не найдете ни одного слова, которое оправдывало бы ее.

Чтобы такая теорія могла заключать въ себѣ хоть нѣкоторую долю истины, надо было бы показать, что въ данномъ году дѣйствительно происходило общее собраніе. Но этого то и нельзя показать. Ни Фредегарій, ни кто другой изъ лѣтописцевъ или агіографовъ не упоминаютъ о собраніи 614 года. Указываютъ ли они, по крайней мѣрѣ, что въ это время произошла большая перемѣна въ государствѣ, что король Хлотаръ былъ какимъ-нибудь образомъ приниженъ и власть его ослаблена? Объ этомъ нѣтъ нигдѣ ни одного слова, никакого намека. Итакъ, современные историки помѣстили въ 614 году «переворотъ», ни малѣйшихъ слѣдовъ котораго нельзя найти въ документахъ того времени.

Заблужденіе это тѣмъ болѣе удивительно, что отъ 614 года у насъ сохранилось два очень ясныхъ документа: первый—это рядъ статей, постановленныхъ на одномъ церковномъ соборѣ; второй — королевскій указъ. Достаточно совершенно просто разобрать ихъ отъ слова до слова, чтобы убѣдиться въ томъ, что не было никакой борьбы между королемъ и знатными, а стало быть никакой побѣды знатныхъ надъ королемъ.

Епископы собрались по повелѣнію короля [1]. Ихъ было 79 человѣкъ; засѣданія происходили въ Парижѣ въ церкви святого Петра [2]; это былъ такой же соборъ,

[1] Парижскій соборъ, praefatio: „Cum ex evocatione gloriosissimi domni Chlotarii regis in urbe Parisius in synodali concilio convenissemus".

[2] Это напоминаетъ реймсскій соборъ 630 года, ст. 3, Sirmond, стр. 480: „Parisius in generali synodo in basilica sancti Petri Chlotarii regis studio congregata".

какъ всѣ другіе соборы того времени. Составлено было пятнадцать статей. Онѣ касаются только церкви и не содержатъ въ себѣ ни одного слова объ управленіи государствомъ. Можно еще замѣтить, что въ числѣ пятнадцати статей этихъ нѣтъ ни одной, для которой нельзя было бы найти аналогіи на предшествуюшихъ соборахъ, ни одной, которая носила бы признаки нововведенія. Въ нихъ говорится, что избраніе епископовъ будетъ производиться согласно старымъ правиламъ, безъ происковъ со стороны кандидатовъ и безъ подарковъ [1]; что духовные каждой епархіи должны будутъ безусловно повиноваться своему епископу; что ни одинъ свѣтскій судья не долженъ судить клирика, не предупредивъ объ этомъ раньше его епископа [2]; что вольноотпущенниковъ защищать на судѣ будетъ глава той церкви, въ которой они были освобождены [3]; что тяжбы между епископами будетъ разбирать митрополитъ. Дальше шелъ рядъ постановленій относительно ремонта церквей, имущества умершихъ епископовъ, объ аббатахъ и монахахъ, о вдовахъ и сиротахъ, о бракахъ, запрещенныхъ вслѣдствіе родства, о евреяхъ. Ищите статью,

[1] „Ut decedente episcopo, in loco ipsius ille debeat ordinari, quem metropolitanus cum provincialibus suis, clerus vel populus civitatis, absque datione pecuniae elegerint“.

[2] Ст. 4: „Ut nullus iudicum neque presbyterum neque diaconum vel clericum ullum aut iuniores ecclesiae sine scientia pontificis per se distringat aut damnare praesumat. Quod si fecerit, ab ecclesia sit sequestratus“.—Правило это существовало уже около двухъ вѣковъ. См. *Cod. Theod.* XVI, 2, 41, XVI, 2, 47.—Орлеанскій соборъ 541 г. ст. 20: Маконскій соборъ 581 г. ст. 7.

[3] *Ibidem*, ст. 5.—Это не новое правило: мы уже находимъ его на соборѣ 441 года, ст. 7; на агдскомъ соборѣ 506 г. ст. 29; на маконскомъ соборѣ 585 г. ст. 7.

направленную противъ королевской власти, вы не найдете ее.

Соборныя постановленія 614 года сопровождались королевскимъ указомъ такъ же, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ маконскія соборныя постановленія сопровождались указомъ короля Гунтрамна. Дѣло въ томъ, что соборныя постановленія получали законную силу только тогда, когда ихъ утверждалъ королевскій указъ.

Изъ двадцати одной статьи королевскаго указа только семь совпадаютъ со статьями собора [1]; и то надо обратить вниманіе, что воспроизводятъ онѣ ихъ не вполнѣ точно. Сравните, напримѣръ, первую статью въ обѣихъ редакціяхъ. Въ статьѣ епископовъ говорится лишь о правахъ митрополита, объ избраніи его духовенствомъ или народомъ. Король же прибавляетъ въ своей статьѣ «что избранникъ можетъ быть утвержденъ лишь въ силу королевскаго приказа», и «если король рѣшитъ, что онъ достоинъ сана епископа»; король добавляетъ еще, что новый епископъ «можетъ быть взятъ изъ дворца» [2]. Все это подтверждаетъ, что Хлотаръ II не отказывался ни отъ одного изъ притязаній, которыя поддерживались королями въ вопросѣ объ епископскихъ выборахъ. Точно такъ же въ 3-й статьѣ епископы требовали, чтобы ни одно духовное лицо не могло являться къ королю безъ разрѣшенія своего епископа; а Хлотаръ II добавляетъ, что если клирикъ предсталъ передъ королемъ и получилъ отъ него грамоту о помилованіи, то епископъ долженъ принять его, не назначая ему никакого на-

[1] Это статьи 1, 2, 3, 4, 7, 10, 18; онѣ соотвѣтствуютъ 1, 2, 3, 4, 5, 15 и 13 статьямъ собора.

[2] *Edictum Chlotarii*, Boretius, 21.

назанія [1]. То же самое представляетъ и четвертая статья: епископы постановили, что свѣтскіе судьи не могутъ ни арестовывать, ни произносить приговора ни надъ однимъ клирикомъ; король же дѣлаетъ оговорку для клириковъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія. Онъ придаетъ за то больше силы запрещенію епископовъ кому бы то ни было жениться на дѣвушкѣ или вдовѣ, произнесшей религіозный обѣтъ: именно король добавляетъ, что такой бракъ воспрещается даже въ томъ случаѣ, когда какому-нибудь лицу удалось хитростью получить отъ короля разрѣшеніе заключить подобный союзъ [2]. Всѣ эти важныя различія достаточно показываютъ, что король не слѣпо подписывалъ представлявшіяся ему епископами постановленія. Неправильно утверждать, что епископы навязали здѣсь королю свой законъ; здѣсь не замѣтно даже, чтобы церковь вынудила у него даже какую-нибудь уступку [3].

[1] *Edictum Chlotarii*: „Si pro qualibet causa clericus principem expetierit, et cum principis epistola ad episcopum suum fuerit reversus, excusatus recipiatur“.—На практикѣ статья эта получила большое значеніе.

[2] *Ibidem*, ст. 18: „Nec per praeceptum nostrum... Si quis exinde praeceptum elicuerit, nullum sortiatur effectum “.—Говорится, безъ сомнѣнія, о приказѣ, полученномъ отъ короля обманнымъ способомъ.

[3] Статья относящаяся къ евреямъ, производитъ съ перваго взгляда впечатлѣніе ограниченія правъ короля, такъ какъ она объявляетъ, что евреямъ нельзя будетъ занимать никакихъ государственныхъ должностей; но надо замѣтить, что это старое запрещеніе: мы находимъ его уже въ новеллѣ Валентиніана (изд. Haenel, col. 456). Оно встрѣчается опять на Овернскомъ соборѣ 535 г. ст. 9, Sirmond, стр. 243, и на маконскомъ соборѣ 581 г. ст. 13.

Остальныя четырнадцать статей относятся къ области гражданскаго права. Шестая напоминаетъ старое правило римскаго права, по которому, при отсутствіи завѣщанія, наслѣдовали родственники [1]. Восьмая сохраняетъ систему прямыхъ налоговъ, дѣлая оговорку относительно нѣкоторыхъ новыхъ ихъ увеличеній, «о которыхъ приказано будетъ королемъ сдѣлать милостивое разслѣдованіе, и исправлено будетъ то, что подлежитъ исправленію». Девятая статья подтверждаетъ косвенные налоги и дорожныя пошлины въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали въ предшествовавшія царствованія. Одиннадцатая гласитъ слѣдующее: «Мы приказываемъ, чтобы въ королевствѣ нашемъ всегда господствовали порядокъ и дисциплина, чтобы всякій мятежъ и дерзость злонамѣренныхъ людей подвергались строжайшимъ наказаніямъ» [2].

Двѣнадцатая статья менѣе легко истолковывается. Въ ней говорится «что ни одинъ судья изъ другихъ провинцій или мѣстностей не будетъ поставленъ въ другихъ мѣстахъ». Это довольно темное постановленіе слабо освѣщается тѣмъ, какъ мотивируетъ его законодатель: «для того, чтобы въ случаѣ, если судья причинитъ какое-нибудь зло въ какомъ бы то ни было вопросѣ, онъ изъ собственнаго имущества возмѣстилъ бы то, что безъ права было отнято имъ» [3].

[1] *Edictum Chlotarii*, c. 6: „Cuicunque defuncto, si intestatus decesserit, propinqui absque contrarietate iudicum in eius facultate iuxta legem succedant“.—Это самое постановленіе было уже въ *Constitutio Chlotarii*, c. 2.

[2] „Ut pax et disciplina regno nostro sit perpetua, rebellio vel insolentia malorum hominum severissime reprimatur“.

[3] *Edictum Chlotarii*, „Nullus iudex de aliis provinciis aut regionibus in alia loca ordinetur, ut si aliquid mali de quibuslibet con-

Дѣло показалось яснымъ при первомъ взглядѣ, когда посмотрѣли на эти слова лишь поверхностно. Предположили, что король обязывался не назначать никакого графа изъ одной провинціи въ другую, то-есть, всегда выбирать въ графы данной области (*civitas*) такое лицо, которое жительствовало въ ея предѣлахъ и принадлежало къ числу мѣстныхъ крупныхъ собственниковъ [1]. Основываясь на такомъ пониманіи, построили цѣлую систему, утверждающую, что король почти отказался отъ назначенія высшихъ должностныхъ лицъ администраціи, и что тутъ же установился территоріальный феодализмъ. Но посмотрите на факты: они совершенно противны этой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, мы ясно видимъ изъ Фредегарія, изъ *Gesta* и изъ житія святого Леодегарія, что графы назначались самимъ Хлотаромъ II и его преемниками; поставленные ими графы никогда не были жителями тѣхъ провинцій, которыми имъ поручено было управлять; они назначались королемъ и выходили изъ его дворца; иногда ихъ перемѣщали, и они переходили изъ одной провинціи въ другую. Двѣнадцатый параграфъ не могъ, значитъ, имѣть приписываемаго ему значенія, и надо прибавить, что если бы онъ имѣлъ такое значеніе, то былъ бы совершенно противенъ интересамъ знатныхъ, которые, какъ мы видѣли, были тогда только служилою, «дворцовою» аристократіею. Статьей этой

ditionibus perpetraverit, de suis propriis rebus exinde quod male abstulerit iuxta regis ordinem debeat restaurare".

[1] Теоріи этой придерживались *Michelet*, *Henri Martin*, *Lehuërou*, а также *Waitz*. *Fahlbeck* выражается такъ (стр. 223): „статьей 12-ой постановляется, что графами могутъ быть назначаемы лишь состоятельные люди, жительствующіе въ данной провинціи". Это довольно далеко отъ подлинника.

дворцовая аристократія лишила бы себя графскихъ должностей и всѣхъ преимуществъ провинціальнаго управленія. А такъ какъ факты доказываютъ совершенно противное, то мы вынуждены признать, что приданное этой статьѣ толкованіе неправильно, и что, тѣмъ болѣе, лишена основанія построенная на немъ теорія.

Надо поискать для этого текста другого объясненія. Можно замѣтить, что терминъ *iudex* не обозначалъ непремѣнно графа; онъ примѣнялся и къ низшимъ должностнымъ лицамъ, къ такимъ, какъ графскіе викаріи и сотники. Мы видѣли выше, что лица эти назначались не королемъ, а графомъ. Если предположить, что рѣчь идетъ здѣсь о нихъ, то статью эту легко понять; королю, который самъ назначалъ графовъ, нечего было говорить объ ихъ назначеніи; но онъ запретилъ своимъ графамъ ставить на мѣста подчиненныхъ имъ мѣстныхъ чиновниковъ—людей, которые происходили изъ чужихъ странъ. Объясненію этому придаетъ большую правдоподобность то обстоятельство, что 19-й статьей король предписываетъ подобное же правило епископамъ и всѣмъ магнатамъ; они также должны выбирать *iudices* только изъ мѣстныхъ жителей [1]. Очевидно, что слово *iudices* не означаетъ здѣсь графовъ; оно обозначаетъ низшихъ должностныхъ лицъ, управляющихъ помѣстьями епископовъ и магнатовъ. Обѣ статьи, двѣнадцатая и девятнадцатая, соотвѣтствуютъ другъ другу: и та, и дру-

[1] *Edictum Chlotarii*, 19: „Episcopi vero vel potentes, qui in aliis possident regionibus, iudices vel missos discursores de aliis provinciis non instituant, nisi de loco, qui iustitiam percipiant et aliis reddant."—Невозможно не замѣтить, насколько текстъ 19 статьи соотвѣтствуетъ выраженіямъ 12-й.

гая стремятся къ тому, чтобы внести нѣкоторый порядокъ въ провинціи; онѣ не позволяютъ на будущее время, чтобы должностныя лица, находящіяся въ прямыхъ сношеніяхъ съ населеніемъ, были бы чуждыми и неизвѣстными для него людьми. Первая статья относилась къ чиновникамъ, которыхъ назначали графы, вторая—къ чиновникамъ, которыхъ назначали на собственныхъ своихъ земляхъ епископы и свѣтская знать. Ни та, ни другая статья не относятся къ самимъ графамъ или епископамъ. Король будетъ по прежнему выбиратъ графовъ и епископовъ и всегда почти будетъ выбирать ихъ за предѣлами жителей той области или епархіи, которою имъ надо будетъ управлять.

Слѣдующія три статьи, почти стерты въ рукописяхъ, и чтеніе ихъ очень сомнительно: одна напоминаетъ объ уваженіи, съ которымъ надобно относиться ко всѣмъ приказамъ короля [1]; вторая касается, повидимому, иммунитетовъ и покровительства, которое должны были оказывать церквамъ и бѣднымъ всѣ государственныя должностныя лица; третья статья касается, какъ кажется, смѣшанныхъ судовъ, передъ которыми должны были являться люди, подчиненные церкви и свѣтскимъ магнатамъ [2]. Во всемъ этомъ не открывается ничего новаго, ничего такого, что бы не содержалось уже въ болѣе раннихъ законахъ.

Шестнадцатая статья подтверждаетъ пожалованія, которыя были уже сдѣланы Хлотаромъ или его предшественниками. Семнадцатая—возвращаетъ лицамъ, оставшимся вѣрными ихъ законному королю, то-есть, Хлотару, отнятыя у нихъ за послѣдніе годы граждан-

[1] „Praeceptiones nostrae in omnibus impleantur".
[2] *Ibidem*, p. 22.

скихъ войнъ имущества [1]. Статья 20-я преслѣдуетъ злоупотребленія, совершавшіяся чиновниками графовъ и знатныхъ господъ. Двадцать-первая и двадцать-третья статьи относятся къ лѣсамъ епископовъ, частныхъ лицъ или короля, равно какъ и къ праву пользованія въ нихъ желудями. Двадцать-вторая статья напоминаетъ законы, воспрещавшіе осуждать виновнаго безъ правильнаго суда.

Затѣмъ слѣдуетъ уже заключительная формула. Она совершенно согласна во всемъ съ меровингскими обычаями. Хлотарь II объявляетъ, «что онъ принялъ настоящее рѣшеніе, находясь на соборѣ съ епископами и высшими своими оптиматами или вѣрными» [2]. Могутъ ли эти слова означать, что рѣшеніе было предписано ему чужою волею? Никоимъ образомъ. Они были обычнымъ пріемомъ въ стилѣ всѣхъ меровингскихъ законодательныхъ актовъ и имѣютъ здѣсь то же значеніе, какъ во всѣхъ другихъ однородныхъ текстахъ. Они показываютъ только, что король окружилъ себя здѣсь своимъ совѣтомъ. Слова эти поставлены для того, чтобы придать акту королевской воли больше силы, а не для того, чтобы ослабить ее. Ко-

[1] „Quae unus de fidelibus ac leudibus, suam fidem servando domino legitimo, interregno faciente, visus est perdidisse, generaliter absque ullo incommodo de rebus sibi iuste debitis praecipimus revestiri".—Надо замѣтить, что тутъ говорится не о бенефиціяхъ; возвращались здѣсь владѣнія, подаренныя въ полную собственность. Статья эта объясняется нѣсколькими мѣстами изъ завѣщанія Бертрамна (*Pardessus*, № 230). Кромѣ того очевидно, что она не направлена противъ короля, потому что она благопріятна, наоборотъ, его вѣрнымъ.

[2] *Edictum Chlotarii*, 24: „Quicumque hanc deliberationem, quam cum pontificibus vel tam magnis viris optimatibus aut fidelibus nostris in synodali concilio instituimus...."

роль заканчиваетъ рѣчь санкціею: кто осмѣлится ослушаться настоящаго указа, будетъ наказанъ смертью [1]. Меровингскіе декреты заканчивались обыкновенно подобною угрозою [2].

Таковъ указъ 614 года. Онъ не содержитъ въ себѣ никакой уступки со стороны короля въ области верховныхъ правъ. Онъ отмѣняетъ многочисленныя злоупотребленія, но, присмотрѣвшись къ нему, мы увидимъ, что вопросъ идетъ о злоупотребленіяхъ, которыя совершали больше всего именно знатные. На эту сторону указа не было обращено достаточно вниманія. Напоминая, что наслѣдство лица, умершаго безъ завѣщанія, принадлежитъ его родственникамъ, король осуждаетъ наклонность государственныхъ должностныхъ лицъ завладѣвать наслѣдствами въ свою пользу; таково значеніе словъ *absque contrarietate iudicum*. Говоря, что онъ произведетъ пересмотръ поземельной и рыночной подати, король объясняетъ, что онъ не будетъ отмѣнять государственные налоги и рыночныя пошлины, а лишь отмѣнитъ тѣ новыя добавочныя обложенія, которыя введены были графами или сборщиками. Когда онъ объявляетъ, что строго будетъ наказывать всякій мятежъ, и что онъ водворитъ въ своемъ государствѣ порядокъ и дисциплину, то не знатные предписываютъ ему это, а скорѣе онъ угрожаетъ, повидимому, нѣ-

[1] *Edictum Chlotarii*, 24: „Quiqumque... temerare praesumpserit, in ipsum capitali sententia iudicetur, qualiter alii non debeant similia perpetrare".

[2] Ср. съ *Pactus pro tenore pacis*, c. 8: „Si quis ex iudicibus hunc decretum violare praesumpserit, vitae periculum se subiacere cognoscat".—См. также, какія угрозы заключаются въ указѣ Гунтрамна отъ 585 года.

которымъ изъ нихъ. Статьи, предписывающія графамъ, епископамъ и знатнымъ выбирать подчиненныхъ и чиновниковъ изъ мѣстныхъ жителей, въ то время, какъ сами они не удовлетворяли такому условію, производятъ на меня впечатлѣніе мѣръ, принятыхъ главнымъ образомъ противъ епископовъ и знатныхъ. Если король и строгъ къ своимъ чиновникамъ, то онъ еще строже къ чиновникамъ епископовъ и знатныхъ [1]. Статья, воспрещающая приговаривать къ смерти безъ суда, относится, конечно, не къ королевскому суду, а только къ графскимъ трибуналамъ. Иммунитеты и смѣшанные суды, о которыхъ говорится въ двухъ статьяхъ, также были ограниченіемъ власти графовъ, а не королевской власти. Ни одна строка этого указа не была уступкой королевской власти. Цѣлью его было такъ же, какъ и цѣлью нѣкоторыхъ другихъ указовъ меровингскихъ королей, подавить злоупотребленія и превышенія власти государственныхъ должностныхъ лицъ. Если указъ былъ направленъ противъ кого-нибудь, то противъ знатныхъ, а не противъ короля. Вѣрнѣе же будетъ сказать, что спеціально онъ ни противъ кого не былъ направленъ, что онъ былъ просто мѣрою мудрой и благой полиціи.

Впрочемъ, эдиктъ этотъ совершенно сходенъ съ другими дошедшими до насъ постановленіями франкскихъ королей. Сравните его съ *Pactus pro tenore pacis* Хильдерберта I и Хлотара I, съ *constitutio* того же Хлотара I, съ указомъ Гунтрамна 585 года и декретомъ Хильдеберта II 595 года: вы узнаете тѣ же

[1] *Edictum Chlotarii*, 20: „Agentes episcoporum aut potentum per potestatem nullius rei collecta solatia nec auferant nec cuiuscunque contemptum per se facere non praesumant".

принципы, тѣ же самыя правила, всегда однѣ и тѣ же формулы и часто одинаковыя слова... Въ 614 году король говоритъ совершенно такъ же, какъ говорилъ другой король въ 550 году [1].

[1] „Особенно любопытнымъ образцомъ для сравненія является *constitutio Chlotarii*, 558—561 г. Она помѣщена у Pardessus подъ № 165, у Boretius, стр. 18. Послѣдній издатель приписываетъ ее Хлотару II. Правда, что въ двухъ рукописяхъ, которыя ее содержатъ, встрѣчается только заголовокъ—*Chlotarius rex*; не говорится о томъ, какой это Хлотаръ, а на престолѣ было три Хлотара. Однако въ 11 статьѣ находимъ очень точное указаніе: составитель ея говоритъ о церквахъ и о духовенствѣ, „qui avi vel genitoris aut germani nostri immunitatem meruerunt". Въ одной изъ рукописей пропущено три слова—„aut germani nostri"; но отсутствіе слова „nostri", во всякомъ случаѣ необходимаго, при „genitoris", доказываетъ, что тутъ есть лакуна. Всѣ ученые согласны допустить эти три слова—„aut germani nostri". Слово *germanus* было очень употребительнымъ въ то время терминомъ для обозначенія брата: оно встрѣчалось чаще, чѣмъ *frater*, которое значило, по большей части, „братъ во Христѣ". Изъ словъ этихъ вытекаетъ что Хлотаръ, составившій этотъ законодательный актъ, имѣлъ брата, который царствовалъ раньше его, такъ какъ онъ утверждаетъ пожалованія этого брата. Изъ трехъ Хлотаровъ только одинъ унаслѣдовалъ престолъ послѣ брата это былъ Хлотаръ I, наслѣдовавшій въ 558 году, по крайней мѣрѣ въ одной части франкскаго королевства, брату своему, Хильдеберту I.— Недоумѣніе, правда, вызываютъ слова „avi nostri". Дѣдомъ Хлотара I былъ Хильдерихъ, и вотъ многіе находили, что нелогично было язычнику Хильдериху жаловать имѣнія „церквамъ и духовенству". Разсужденіе это не имѣетъ значенія: наоборотъ, весьма вѣроятно, что Хильдерихъ, имѣвшій много сношеній съ галло-римскимъ населеніемъ, дѣлалъ церквамъ пожалованья. Для этого не было необходимости непремѣнно быть христіаниномъ: политика могла приводить къ такимъ же результатамъ, какъ благочестіе. Итакъ, согласно съ мнѣніемъ Балюза, Пертца и Пардессю, мы думаемъ

Между совершенно простымъ и буквальнымъ чтеніемъ указа 614 года и построенными на немъ теоріями—цѣлая пропасть. Ученые дошли до того, что стали называть этотъ документъ «великой хартіей», вырванной у королевской власти знатью [1], что хартія эта открыла новую эру политической свободы и положила конецъ франкской абсолютной монархіи. Все это не основано ни на одномъ словѣ, которое находилось бы въ памятникахъ эпохи. Раньше чѣмъ утверждать, что указъ является измѣненіемъ государственнаго устройства, поищите, какое изъ существовавшихъ до него учрежденій онъ дѣйствительно уничтожилъ, и какое новое создалъ. Онъ не упразднилъ ни организаціи дворца, ни управленія провинціями черезъ королевскихъ чиновни-

что, *constitutio* есть актъ Хлотара I. Она походитъ, если не по формѣ, то по содержанію, на указъ 614 года; въ ней находится нѣсколько совершенно сходныхъ постановленій, и характеръ, слогъ въ обоихъ одинъ и тотъ же. — Фальбекъ, для котораго важно убѣдить, читателей, что это законъ Хлотара II, приводитъ странное доказательство. Онъ говоритъ, что *germani* должно было обозначать дядю или двоюродного брата, и что слово это относится къ Хильдеберту II. Слово *germanus* не могло означать никого другого кромѣ брата. Тотъ же авторъ прибавляетъ, что *germanus* означало религіозное братство; отыскивая примѣра, онъ приводитъ одну фразу, въ которой именно этого слова нѣтъ. Если бы Фальбекъ лучше читалъ документы той эпохи раньше, чѣмъ строить свою теорію, онъ замѣтилъ бы, что *frater* очень часто употребляется въ значеніи моральнаго братства, но *germanus* примѣняется лишь къ кровному.

[1] Выраженіе это встрѣчается уже у Легюеру. Оно снова повторяется у Фальбека, (стр. 218), который, со свойственнымъ ему злоупотребленіемъ современными понятіями при объясненіи историческаго прошлаго, называетъ его „настоящей революціей въ конституціонномъ правѣ" (стр. 219).

ковъ, ни системы прямыхъ или косвенныхъ налоговъ, ни обязательной военной службы. Указъ этотъ не создалъ ни періодическаго народнаго собранія, ни системы мѣстныхъ собраній, не установилъ избранія королей, ни избранія графовъ, ни новаго способа суда. Онъ не далъ никакой свободы ни знати, ни народу, не уменьшилъ ни одной изъ прерогативъ короля. Онъ не уничтожилъ даже *crimen maiestatis*, которымъ короли пользовались, чтобы осуждать знатныхъ и лишать ихъ имущества, и которымъ они продолжали пользоваться дальше.

Чтобы убѣдиться, что указъ 614 года вовсе не учредилъ новаго порядка, надо только разсмотрѣть послѣдующіе акты Хлотара II. Хроникеръ разсказываетъ намъ, что въ 615 году Хлотаръ, какъ строгій судья, объѣзжалъ часть Австразіи; «онъ водворялъ порядокъ, осуждалъ неправыхъ людей и предавалъ ихъ смерти отъ меча» [1]. Въ томъ же году онъ вызвалъ къ себѣ самаго знатнаго магната Бургундіи и, «засѣдая на судѣ съ своими вельможами, объявилъ его виновнымъ и отдалъ приказъ казнить его мечемъ» [2]. Позже мы видимъ, что онъ преслѣдуетъ своей ненавистью Година, сына Варнахара, хотя этого Година и нельзя было обвинить ни въ какомъ возстаніи; тѣмъ не менѣе король желалъ его смерти. Напрасно скрывался Годинъ во всемъ королевствѣ, напрасно искалъ онъ убѣжища въ нѣсколькихъ церквахъ, призывалъ на помощь къ себѣ всѣхъ святыхъ;

[1] *Fredegarii*, Chron. 43: „Chlotarius cum in Alsacios accesserat, pacem sectans, multos inique agentes gladio trucidavit".—О значеніи слова *pacem* см. *Edictum Chlotarii*, c. II.

[2] *Ibidem*, 44: „Clotarius Masolaco villa cum proceribus residens Aletheum patricium ad se venire praecipit, gladio trucidare iussit".

королю удалось добиться его смерти, притомъ безъ всякаго суда; знатные не только не возмутились убійствомъ одного изъ своихъ, но даже трое наиболѣе видныхъ лицъ въ королевствѣ сами взялись умертвить того, кто былъ предметомъ ненависти короля [1]. Въ 626 году онъ прогналъ епископа изъ его епископальнаго города; онъ велѣлъ предать смерти Бозона, сына Авдолина, и желаніе его привелъ въ исполненіе герцогъ Арнбертъ [2]. Точно также Дагобертъ велѣлъ убить Хродоальда, одного изъ наиболѣе знатныхъ лицъ Австразіи [3]. Онъ объѣзжалъ Бургундію, лично отправлялъ правосудіе «и навелъ ужасъ на епископовъ и на знатныхъ» [4]. Онъ велѣлъ убить Брадульфа безъ всякой причины, которую бы можно было признать основательною, и нашелъ трехъ герцоговъ, которые оказались настолько послушны, что согласились сдѣлаться орудіемъ убійства этого человѣка [5]. Никто не могъ помѣшать королю «увеличивать свою казну насчетъ церкви и на счетъ своихъ лейдовъ» [6]. Многихъ людей лишалъ онъ имущества вопреки всякому праву и справедливости [7], и «подданные его

[1] О случаѣ этомъ надо прочитать у Фредегарія (с. 54)

[2] *Fredegarii*, Chron. 54.

[3] *Ibidem*, 52: „Chrodoaldus iussu Dagoberti interfectus est".

[4] *Ibidem*, 58: „Tanto timore pontificibus et proceribus in regno Burgundiae consistentibus... adventus concusserat".

[5] *Ibidem*, „Brodullum, avunculum Cariberti, inteficere iussit, qui ab Amalgario et Arneberto ducibus et Willibado patricio interfectus est".

[6] *Ibidem*, 60: „Cupiditatis instinctu, super rebus ecclesiarum et leudibus, cum vellet omnibus undique exspoliis novos implere thesauros".

[7] *Ibidem*, 80: „Facultates plurimorum iussu Dagoberti inlicite fuerant usurpatae et fisci ditionibus contra iustitiam redactae".

могли только стонать отъ его жестокости» [1]. Тотъ же государь, ни съ кѣмъ не совѣщаясь, созывалъ военныя ополченія, шелъ войною, куда хотѣлъ, дѣлалъ завоеванія или заключалъ договоры, какіе хотѣлъ.— Походитъ ли все это на дѣйствія ограниченной королевской власти, такой королевской власти, которую заставили выдать «хартію», которую взяли въ опеку знатные? Если династія Меровинговъ ослабѣла, то случилось это позднѣе и по другимъ причинамъ. Царствованія Хлотара II и Дагоберта I, отъ 613 по 638 годъ, были такою эпохою, когда королевская власть стояла сильнѣе всего внутри страны, и когда франкское государство всего далѣе распространилось за первоначальные предѣлы во внѣшній міръ. Все это достаточно доказываетъ, что никакого антимонархическаго переворота въ 614 году не произошло.

4.

Характеръ общаго собранія (conventus genelalis) въ седьмомъ вѣкѣ.

Чтобы понять совершенно правильно тѣ факты, которые представятся намъ дальше, надобно удалить прежде всего изъ нашего ума нѣкоторыя слишкомъ современныя понятія. Уже три или четыре поколѣнія людей привыкли теперь смотрѣть на собранія всякаго рода, какъ на естественнаго соперника королевской власти. Намъ трудно вообразить, чтобы королевская власть созывала собранія, не будучи къ тому принуждена. Мы не представляемъ себѣ, разъ состоялись такія собранія, чтобы они не прилагали усилій къ борьбѣ съ королевскомъ властью, не стремились, по

[1] *Ibidem*, 61: „Cum leudes sui eius nequitiae gemerent".

крайней мѣрѣ, къ ея ограниченію. Эти современныя понятія непримѣнимы къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Итакъ, надо удалить ихъ изъ нашего ума и просто изслѣдовать акты и хроники. Мы увидимъ въ нихъ, какъ образовалось понемногу общее собраніе, совершенно естественно, безъ столкновеній и безъ всякаго мятежнаго духа со стороны знати.

Если при Хлотарѣ II, Дагобертѣ I, Хлодовехѣ II и Хлотарѣ III мы будемъ искать настоящаго народнаго собранія, *conventus generalis*, мы не найдемъ его. Мы утверждаемъ, что въ 616 году договоръ съ Лонгобардами былъ заключенъ безъ вмѣшательства собранія [1]. Мы не замѣчаемъ, чтобы Хлотаръ II созывалъ свой народъ, когда онъ объявилъ сына своего королемъ Австразіи [2]. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, отецъ и сынъ спорили о границахъ ихъ королевствъ, споръ этотъ рѣшало не общее собраніе, а двѣнадцать выбранныхъ королями третейскихъ судей [3].

Но въ продолженіе этихъ трехъ царствованій мы

[1] Это видно изъ очень обстоятельнаго разсказа Фредегарія (с. 45). Король поступаетъ по своему усмотрѣнію, онъ совѣщается, повидимому, лишь съ тремя самыми близкими своими совѣтниками, которые взяли отъ Лонгобардовъ деньги за то, что уговорили его заключить миръ.

[2] *Fredegarii*, Chron. 47: „Chlotarius Dagobertum filium suum consortem regni facit eumque super Austrasios regem instituit, retinens sibi quod Ardenna et Vosagus versus Neuster et Burgundiam excludebant".— *Gesta regum Francorum*, составленныя позже, выражаются иначе (с. 41): „Austrasii Franci superiores congregati in unum Dagobertum super se regem statuunt". Но это говорится о церемоніи возведенія въ короли, а не о самомъ актѣ, посредствомъ котораго Хлотаръ II сдѣлалъ своего сына королемъ.

[3] *Fredegarii*, Chron. c. 53: „Electis a duobus regibus duodecim Francis, ut eorum discep·atione haec finiretur intentio".

нѣсколько разъ констатируемъ аристократическія собранія. Въ 616 году въ Бонейль созваны были всѣ епископы и всѣ знатные Бургундіи. Въ 627 году въ Клиши собрались епископы и всѣ знатные, какъ изъ Нейстріи, такъ и изъ Бургундіи. Въ 628 году подобное же собраніе имѣло мѣсто въ Суассонѣ. Въ 632 году произошло собраніе епископовъ и знатныхъ Австразіи въ Метцѣ. Въ 641 году «сеньеры, епископы, герцоги и всѣ знатные Бургундіи собрались въ Орлеанѣ»; такое же собраніе происходило въ 642 году въ Отенѣ [1]. Это были все собранія знатныхъ, а не народныя собранія. Слово *populus* еще не появляется.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы должны также усмотрѣть, что ни одно изъ обнаруженныхъ въ нихъ собраній не созывалось иначе, какъ по приказу короля и въ указанномъ имъ мѣстѣ [2]. Дѣйствія этихъ собраній не направлялись противъ королевской власти;

[1] *Ibidem*, 44: „Universis pontificibus Burgundiae seu et Burgundaefaronis".—54: „Cum proceribus et leudibus Burgundiae Trecassis..."—55: „Cum pontificibus et universis proceribus regni su tam de Neuster quam de Burgundia Clippiaco..."—56: „Suessionas... omnes pontifices et leudes de regno Burgundiae.... Neustrasiae pontifices et proceres."—75: „Mettis urbem veniens Dagobertus cum consilio pontificum et procerum omnesque primates regni sui..."—76: „Austrasiorum omnes primates, pontifices, ceterique leudes."—89: „Omnes seniores, pontifices, duces, et primates de regno Burgundiae.—90: „Collectis secum pontificibus et ducibus".

[2] *Fredegarii*, Chron. 44: „Chlotarius.... ad se venire praecipit".—54: „Chlotarius cum proceribus Trecassis coniungitur."—89: „Nanthildis regina omnes seniores, pontifices, duces ad se venire praecipit."—Это вытекаетъ также изъ 55, 56, 75, 76 главъ.—Въ 642 году, собраніе созвано отъ имени короля палатнымъ мэромъ (с. 90).

они не показываютъ никакого признака ни возстанія, ни даже враждебнаго настроенія. Каждое изъ нихъ король созывалъ, чтобы заниматься со своими совѣтниками государственными дѣлами. Собранія эти являются какъ бы расширеніемъ совѣтовъ оптиматовъ, которые мы видѣли вокругъ короля въ предшествующемъ вѣкѣ.

Въ устройствѣ ихъ однако произошла перемѣна. Въ предыдущемъ вѣкѣ, при королѣ сходились только его оптиматы, то-есть, высшія должностныя лица его дворца, и нѣсколько спеціально вызванныхъ епископовъ. Тутъ собираются уже всѣ знатные королевства и всѣ епископы; участіе въ дѣлахъ принимаетъ уже не одинъ дворецъ. Знать, вельможи седьмого вѣка составляли гораздо болѣе многочисленное сословіе, чѣмъ оптиматы шестого. Собраніе ихъ можно назвать общимъ, *conventus generalis*, потому что на него стекались со всѣхъ частей государства.

Но кто же такіе эти знатные? Хроникеръ называетъ ихъ различными словами—*duces*, *proceres*, *primates;* термины эти имѣютъ очень опредѣленное значеніе: *duces* (герцоги) безспорно были еще въ это время королевскими чиновниками; король назначалъ ихъ; отъ его имени они управляли, и онъ же могъ ихъ смѣнять. *Proceres* и *primates* были королевскіе вельможи, его ближайшіе сановники и высшія должностныя лица. Хроникеръ, который происходилъ изъ Бургундіи, употребляетъ иногда термины *leudes* и *farones*; но лейды были королевскими людьми, его вѣрными, спеціальными его слугами; не имѣло другого значенія и слово *farones* [1]. Эти *leudes* и *farones*

[1] Терминъ *farones* или *Burgundefarones* попадается въ

не занимали, быть можетъ, такого высокаго положенія, какъ лица, именовавшіяся *proceres*; но всѣ они, хотя и въ неравныхъ степеняхъ, зависѣли прямо отъ короля: они были или его чиновниками, или бенефиціалами; они были обязаны ему своимъ положеніемъ и состояніемъ. Хроникеръ называетъ нѣкоторыхъ членовъ этихъ собраній, сообщаетъ намъ ихъ имена и положеніе. Кого же мы находимъ въ ихъ числѣ? Прежде всего палатныхъ мэровъ Варнахара, Флаохата, Эрхиноальда, затѣмъ дворцоваго правителя Эрменарія, дворцоваго графа Бертарія, оптимата Эгину, патриція Виллибада, герцоговъ Амальгарія и Храмнелена, герцога Вандельберта, графа Гизона, доместика Эрменриха, наконецъ «всѣхъ герцоговъ Бургундіи» и «всѣхъ герцоговъ Нейстріи» [1]. Такимъ образомъ, люди, извѣстные намъ какъ члены упомянутыхъ собраній,—всѣ королевскіе чиновники. Мы не обнаруживаемъ въ ихъ составѣ ни одного человѣка

хроникѣ Фредегарія трижды. Значеніе слова обнаруживается при сравненіи нѣсколькихъ фразъ этого писателя. 41: „Burgundae aronis tam episcopi quam ceteri leudes“;—44: „Universis pontificibus Burgundiae et Burgundae faronibus;“—56: „Omnes pontifices et leudes de regno Burgundiae;“—54: „Cum proceribus et leudibus Burgundiae;—55: „Universi proceres regni sui... Chlotarius iubet ad Burgundefarones;“—79: „Omnes leudes de Neuster et Burgundia;“—89: „Omnes seniores, duces et primates de regno Burgundiae;“—90: „Pontificibus et ducibus de regno Burgundiae“.—Сопоставивъ вмѣстѣ всѣ эти тексты, мы замѣтимъ, что, хотя и въ различныхъ формахъ, они представляютъ одинъ и тотъ же смыслъ; они обозначаютъ однѣ и тѣ же категоріи людей. Въ однѣхъ фразахъ люди эти названы словомъ *farones*, въ другихъ словомъ *leudes* и даже *primates*, потому что эти почти тождественные термины примѣнялись къ однимъ и тѣмъ же людямъ; *farones* были знатными, „лейдами“ страны.

[1] *Fredegarii*, Chron. c. 89 и 90.

который былъ бы независимъ отъ короля; мы не замѣчаемъ въ ихъ средѣ никого, кто былъ бы знатенъ иначе, какъ благодаря пожалованной королемъ должности. Ничто не указываетъ на присутствіе здѣсь крупныхъ мѣстныхъ владѣльцевъ, класса богатыхъ, или группы людей, которые были бы благородны сами по себѣ. Собранія отличались отъ прежняго совѣта оптиматовъ лишь по числу своихъ членовъ, а не по своему составу и природѣ.

Вмѣсто нѣсколькихъ епископовъ оно заключало въ себѣ всѣхъ епископовъ. Но имъ не принадлежало никакого «конституціоннаго права» принимать участіе въ собраніяхъ: ихъ призывалъ самъ король по своей волѣ. Онъ созывалъ ихъ такъ же, какъ и герцоговъ и графовъ, чтобы вмѣстѣ работать, чтобы они помогали ему въ дѣлахъ. Это казалось вполнѣ естественнымъ. Епископы сдѣлались, какъ мы это видѣли, вождями населенія; они стали судьями и правителями. Каждый изъ нихъ являлся государемъ надъ нѣсколькими тысячами подданныхъ въ своей епархіи. Они походили этимъ на графовъ и могли быть призываемы на собраніе такъ же, какъ послѣдніе.

Очень вѣроятно, что если бы епископовъ выбирало духовенство и народъ, и если бы они составляли корпорацію, стоявшую внѣ государства, король не сталъ бы ихъ призывать. Но ихъ назначалъ король; они походили въ этомъ отношеніи на графовъ, и благодаря этой особенности своего положенія, они становились какъ бы королевскими чиновниками. Король не испытывалъ, значитъ, никакихъ колебаній мнѣній, призывая ихъ къ себѣ, какъ обычныхъ совѣтниковъ. Многіе изъ нихъ выходили изъ дворца, они служили

тамъ референдаріями или графами; они давали доказательства своей привязанности къ королевской власти и своей опытности въ дѣлахъ. Назначеніе епископовъ королемъ привело къ тому послѣдствію, что, изъ совокупности ихъ не образовалась самостоятельная корпорація; епископатъ остался соединеннымъ съ остальнымъ обществомъ и составлялъ съ государствомъ одно цѣлое. По всѣмъ этимъ причинамъ, никто не удивлялся при видѣ участія епископовъ на общихъ собраніяхъ.

Впрочемъ, рядомъ со знатными и епископами мы замѣчаемъ еще и третій элементъ въ составѣ описываемыхъ собраній. Правда, что король созывалъ только епископовъ и знатныхъ, но появились вмѣстѣ съ ними и другіе люди. Обратимся къ разсказамъ современнаго писателя. Въ 627 году, Хлотаръ II собралъ въ Клиши своихъ знатныхъ; между двоими изъ нихъ произошла ссора, и одинъ былъ убитъ людьми другого; за этимъ «послѣдовала бы большая рѣзня», если бы не вмѣшался король. Убійца—оптиматъ, «имѣвшій при себѣ большое число воиновъ», расположился на возвышенностяхъ Монмартра [1]; у другого также было войско, и оно собиралось броситься на перваго. Чтобы воспрепятствовать битвѣ, король обратился къ нѣсколькимъ бургундскимъ начальникамъ, также имѣвшимъ при себѣ солдатъ, и заставилъ ихъ пообѣщать, что они побьютъ того изъ двухъ противниковъ, который нападетъ на другого первымъ. Благодаря этой мѣрѣ, удалось предупредить рѣзню [2]. — Позднѣе,

[1] *Fredegarii*, Chron. 55: „Aegina in monte Mercuri resedit, plurimam secum habens multitudinem pugnatorum".

[2] *Ibidem*: „Avunculus Cariberti exercitum colligens super ipsum volebat inruere. Chlotarius ad Burgundefarones iubet ut..."

въ 642 году, въ Отенѣ было созвано собраніе знатныхъ и епископовъ, но двое изъ знатныхъ, мэръ Флаохатъ и патрицій Виллибадъ находились въ глубокой враждѣ между собою. Каждый изъ нихъ стоялъ во главѣ вооруженнаго отряда. У каждаго были также друзья среди графовъ или епископовъ, которые равнымъ образомъ привели съ собою воиновъ. Собраніе раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря, и завязалась кровавая сѣча. Людей, приходившихъ на съѣзды, раздѣляли такимъ образомъ не политическіе взгляды; никто не боролся здѣсь съ королевской властью и наоборотъ спеціально не поддерживалъ ее. Здѣсь убивали другъ друга изъ личной ненависти и имущественныхъ споровъ [1].

Такого рода факты ясно обнаруживаютъ характеръ изучаемыхъ собраній: въ принципѣ и по самому существу, они были лишь съѣздами знатныхъ короля и его епископовъ. Но каждаго изъ знатныхъ и изъ епископовъ сопровождала свита. За герцогомъ слѣдовали его графы; за графомъ—сотники и многіе изъ лицъ, находившихся подъ его управленіемъ; большинство прибывало въ вооруженіи. Епископъ имѣлъ при себѣ нѣкоторое количество подвѣдомственныхъ ему духовныхъ лицъ и еще больше зависѣвшихъ отъ него мірянъ, которые также могли быть вооружены. Для своей безопасности или для важности каждый приводилъ столько людей, сколько могъ. Король призывалъ лишь графовъ и епископовъ, но съ графомъ являлось почти все графство, а съ епископомъ почти вся епархія.

Поэтому разсмотрѣнныя собранія дѣйствительно

[1] См. весь длинный разсказъ Фредегарія въ главѣ 90.

могутъ называться общимъ народнымъ собраніемъ, *conventus generalis populorum*. Мы не знаемъ, носило ли первоначально это выраженіе оффиціальный характеръ; встрѣчаемъ мы его во всякомъ случаѣ не въ оффиціальныхъ документахъ. Но оно возникало такъ естественно, мысль о немъ такъ легко приходила на умъ при видѣ такого большого сборища людей, что оно само собою вошло въ употребленіе у писателей съ послѣдней четверти седьмого вѣка. Если агіографъ хочетъ сообщить, что въ 684 году король назначилъ Ансберта епископомъ на своемъ совѣтѣ, онъ скажетъ, что «у короля происходило тогда общее народное собраніе».

Нѣкоторые документы называютъ эти собранія «мартовскимъ полемъ»; но у меня на этотъ счетъ сохраняется нѣкоторое сомнѣніе. Во первыхъ, документы составленные въ седьмомъ вѣкѣ, не даютъ имъ такого наименованія. Затѣмъ, ни одинъ писатель не говоритъ что они созывались въ мартѣ мѣсяцѣ; наоборотъ, тѣ собранія, время которыхъ намъ извѣстно, имѣли мѣсто въ маѣ [1]. Наконецъ, насколько можно судить по описанію современнаго историка, собранія эти никогда не имѣли военнаго характера, никогда не созывались они ввиду войны. Только лѣтописцы фульдскій, фонтенельскій и лоршскій, писавшіе во время Каролинговъ, дали имъ названіе мартовскаго поля [2]. Мы же должны

[1] *Fredegarii*, Chron. 90: „mense madio“—*Charta Vindiciani*, Pardessus, т. II, стр. 181, 182: „In generali placito Compendio palatio... Data kal. Maii, Compendio palatio.“—*Gesta Dagoberti*, 39.

[2] *Annales Fuldenses*, a. 751: „In Martis campum.“—*Annales Laurissenses minores*, Pertz, I, 116: „in Martis campo“.—Ср. *Einhardi*, Vita Caroli, 1.—*Chronicon Fontanellense*, Bouquet, II, 658: „Compendio palatio, kalendarum Martiarum die, congregatis Francorum populis in campo Martio“.—Это все памятники девятаго вѣка.—Продолжатель Фредегарія 754 г. говоритъ лишь „ad calendas Martias“.

обратить вниманіе на то, что между эпохою, которою мы здѣсь занимаемся, и каролингскимъ временемъ прошло шесть десятковъ лѣтъ, занятыхъ правленіемъ палатныхъ мэровъ изъ рода Пипиновъ. Въ продолженіе этого періода въ устройствѣ общихъ собраній совершилось важное измѣненіе: они сдѣлались военнымъ учрежденіемъ, и такъ какъ войны происходили тогда почти ежегодно, то собранія представляли собою почти ничто иное какъ соединеніе воиновъ въ цѣляхъ похода, который надо было предпринимать. Созывалось оно тогда въ мартѣ мѣсяцѣ, и поэтому, лишь вслѣдствіе ихъ назначенія, въ употребленіе вошло опять старое выраженіе—мартовское поле, (или поле Марса). Говоря о меровингскихъ собраніяхъ, лѣтописцы фульдскій, фонтенельскій и лоршскій судятъ о нихъ преимущественно по тѣмъ, которыя они наблюдали въ свое время, такъ какъ это были, вѣроятно, единственныя, которыя оставались въ ихъ воспоминаніяхъ [1]. Но собранія седьмого вѣка еще не носили такого характера, и мы не думаемъ, чтобы имъ можно было давать названіе мартовскаго поля, котораго не употребляли современники. *Conventus generalis* седьмого вѣка не былъ королевскимъ войскомъ, хотя при немъ народилось много вооруженныхъ отрядовъ. Созывался онъ тогда не ради войны и не тотчасъ выступалъ противъ непріятеля, какъ это будетъ происходить въ позднѣйшіе вѣка. Это было тогда

[1] Въ *Annales Laurissenses*, слова „secundum antiquam consuetudinem“ указываютъ на отдаленную для лѣтописца эпоху; но какъ далеко восходятъ воспоминанія этихъ лѣтописцевъ?

вполнѣ мирное собраніе, созывавшееся ради внутреннихъ дѣлъ. Созывался на него народъ непосредственно королемъ, созывались знатные магнаты и епископы, и эти послѣдніе приводили съ собою свою свиту.

Преемство фактовъ ясно указываетъ, какъ образовались изучаемыя нами большія собранія. Произошли они изъ общихъ собраній знатныхъ, въ свою очередь происшедшихъ изъ совѣта оптиматовъ. Какъ появился на нихъ народъ? Вовсе не самъ народъ потребовалъ этого отъ королей; исторія тѣхъ вѣковъ не сохранила никакихъ слѣдовъ какихъ либо демократическихъ движеній или притязаній въ обществѣ; не короли придумали также выдвинуть демократію, чтобы противопоставить простой народъ знатнымъ: нѣтъ никакихъ указаній на подобнаго рода политику. Сами знатные, каждый въ отдѣльности, стали приводить съ собою народъ, таакъ что *conventus generalis populorum* оказывается ничѣмъ инымъ, какъ расширеніемъ и естественнымъ развитіемъ собраніемъ знатныхъ.

Таково происхожденіе общаго собранія; разсмотримъ теперь его функціи.

Прежде всего, собиралось оно лишь тогда, когда его созывалъ король. Нѣтъ примѣра, чтобы когда-либо оно сходилось по собственному почину [1]. Ежегодно ли происходило собраніе? Нѣкоторые писатели, жившіе полтора вѣка спустя, такъ утверждаютъ [2], но въ

[1] Въ *Vita Leodegarii* упоминается о знатныхъ, собравшихся разъ самостоятельно; но это происходило во время внутреннихъ смутъ, это былъ фактъ исключительный, единичный. Собраніе это кромѣ того не названо *conventus generalis*.

[2] *Annales Fuldenses*: „Semel in anno".—*Einhardi*, Vita Caroli, 1.—*Chronicon Fontanellense*: „Omnibus annis".

этомъ можно усомниться. Ни Фредегарій, ни составители житія святого Леодегарія не говорятъ о періодичности этого учрежденія; а отдѣльныя собранія, о которыхъ они упоминаютъ, слишкомъ малочисленны, чтобы на основаніи знакомства съ ними одними предположить о правильной ежегодности самаго института. Никакой законъ не принуждалъ короля созывать собранія въ опредѣленные сроки.

Во вторыхъ, созваніе производилось всегда въ формѣ приказа. Король «повелѣваетъ являться къ нему каждому знатному и каждому епископу» [1]. Это не походитъ на коллективный созывъ общаго собранія. Это отдѣльный приказъ, обращенный къ каждому лично, по которому каждый долженъ явиться, повинуясь королю и въ видѣ службы ему.

Собраніе происходило всегда около короля. Мы никогда не видимъ *conventus* тамъ, гдѣ нѣтъ короля Мѣсто собранія не было опредѣлено точнымъ правиломъ. Можно было бы предположить, что оно собиралось въ столицахъ трехъ королевствъ, въ Парижѣ, Метцѣ и Орлеанѣ; но на самомъ дѣлѣ этого не было: собраніе имѣло мѣсто тамъ, гдѣ его назначалъ каждый разъ по своей волѣ король, и почти никогда не происходило оно въ городѣ [2]. Не было также для этой цѣли опредѣлено особой равнины или поля, какъ иногда говорятъ; во всемъ франкскомъ государствѣ ни въ одномъ изъ трехъ королевствъ вы не найдете равнины, которая служила бы постояннымъ мѣстомъ собраній.

[1] „Ad se venire praecipit".—См. *Fredegar*. 54, 89, 90.

[2] Разъ Ф р е д е г а р і й говоритъ объ Орлеанѣ и разъ объ Отенѣ какъ мѣстахъ собранія, но надо понимать, что дѣло происходило близъ Орлеана и близъ Отена, такъ какъ народъ не могъ вступить весь въ городъ.

Происходили они обыкновенно въ какомъ-нибудь королевскомъ помѣстьѣ,—въ Боннейлѣ, Клиши или Компьенѣ. Тутъ надо сдѣлать одно немаловажное замѣчаніе: собраніе происходило у короля, на его частной землѣ, а не у себя, на государственной землѣ, не на поляхъ подданныхъ.

Когда всѣ оказывались въ сборѣ и *conventus* начиналъ дѣйствовать, выступала еще одна отличительная черта изучаемаго учрежденія: оно не было спеціально франкскимъ. Институтъ этотъ не произошелъ отъ древнихъ Франковъ, развился не въ связи съ франкскимъ правомъ, въ памятникахъ котораго никогда не упоминается о немъ, нѣтъ даже намека на него. Образовавшійся въ седьмомъ вѣкѣ, въ эпоху, когда всѣ расы были совершенно перемѣшаны, *conventus generalis* заключалъ въ себѣ людей изо всѣхъ расъ. Герцогами и графами одинаково могли быть Римляне и Франки; что же касается людей, которые приходили вслѣдъ за каждымъ герцогомъ и за каждымъ графомъ, то весьма сомнительно, чтобы они сами знали, къ какой расѣ принадлежатъ.

Еще другою отличительною чертою собраній было то, что они, называвшіяся на языкѣ того времени, «общими собраніями народа», не являлись однако таковыми. Въ народномъ собраніи всѣ члены были бы равны и находились бы тамъ по одинаковому праву. Тутъ же народъ является лишь по предписаніямъ своихъ мѣстныхъ начальниковъ, графовъ или епископовъ. Люди эти приходили не какъ граждане, а какъ зависимые отъ господъ. Они находились на собраніи не въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ государства, а какъ свита епископа, герцога или графа.

Король созывалъ лишь начальниковъ, они же приводили за собой каждый своихъ людей. На *conventus* являлась не безпорядочная толпа, но и не организованный народъ; онъ составлялся изъ небольшихъ вооруженныхъ отрядовъ, каждый изъ которыхъ повиновался одному изъ знатныхъ и выступалъ лишь по его приказу. То, что называлось тутъ *populus*, не было самодержавнымъ народомъ,—то была низшая и подчиненная масса.

Масса эта не играла роли одинаковой со знатными. Народъ располагался въ окружавшей королевскую резиденцію равнинѣ; совѣщанія же происходили внутри королевскаго дома, а не на равнинѣ. Ни одинъ изъ документовъ, въ которыхъ говорится о такихъ собраніяхъ, не открываетъ, чтобы народъ участвовалъ въ обсужденіи какого-нибудь вопроса. Замѣтьте, что это не можетъ объясняться простымъ упущеніемъ хроникеровъ. Если бы такое скопленіе людей въ самомъ дѣлѣ обсуждало и рѣшало государственныя дѣла, собранія оказались бы такими шумными и бурными, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже буйными; оно производило бы столько смуты, или занимало бы во всякомъ случаѣ такое видное мѣсто, что хроникеры не могли бы не говорить о немъ. Наши же собранія, наоборотъ, протекали такъ спокойно, даже такъ инертно, что писатели мало обращаютъ на нихъ вниманія, почти не видятъ ихъ. Если небольшіе отряды приходили иногда въ движеніе, то дѣлалось это по приказанію начальниковъ для поддержанія распрей между ними, и предметомъ такихъ распрей никогда не являлись государственныя дѣла.

Одни только знатные и епископы были въ сноше-

ніяхъ съ королемъ и находились внутри его дворца; вдали отъ собравшейся массы обсуждали они съ нимъ вмѣстѣ дѣла. Мы не должны забывать, кто были эти знатные: то были сановники дворца, герцоги и графы провинцій,— все королевскія должностныя лица. Они могли, правда, думать о народныхъ интересахъ, но они не были ни выборными отъ народа, ни его уполномоченными. Вообразите себѣ государство, представителями котораго были чиновники и правители: въ принципѣ и фактически люди эти были лишь должностными лицами и слугами короля. Всю остальную часть года они являлись органами и орудіями его власти; въ продолженіе же этихъ двухъ или трехъ недѣль они были его совѣтомъ и работали съ нимъ. Формула ихъ созванія гласила, что они должны прибыть къ королю «для обсужденія его пользъ и блага страны» [1].

Съ извѣстной стороны, епископы такъ же были правителями нѣкоторыхъ частей королевства, и они управляли отъ имени короля; по крайней мѣрѣ, такъ признавалось формально, ибо они были выбраны и назначены имъ. Такое собраніе при королѣ герцоговъ, графовъ, и епископовъ не походило, значитъ, на то, что мы назвали бы теперь народнымъ собраніемъ. Оно не было независимою отъ короля государственною властью, поставленною рядомъ съ нимъ для ограниченія его дѣйствій. Очень возможно, что въ дѣйствительности король много разъ оказывался въ несогласіи со знатными, какъ можетъ быть несогласенъ съ своимъ государственнымъ совѣтомъ каждый монархъ; но въ принципѣ и нормально король и знатные не были двумя соперничающими силами. Они составляли какъ бы одну связку, одно тѣло; они дѣйствовали вмѣстѣ и нераздѣльно. Потому то мы и не встрѣчаемъ ни одного акта, который исходилъ бы прямо отъ знатныхъ. Всѣ акты исходили отъ короля, дѣйствовавшаго въ совѣтѣ со знатью.

[1] *Fredegar.* 55: „Pro utilitate regia et salute patriae“.—*Ibidem*, 90: „Pro utilitate patriae tractandum“. *Vita Ansberti*, 22: „De utilitate et tutela regni tractabant“.—Надо замѣтить, что не *populus*, а *rex* является здѣсь подлежащимъ къ сказуемому—*tractabat*, и никто не можетъ предположить что *tutela regni* означало здѣсь регентство, такъ какъ Теодерихъ IV не былъ ребенкомъ.

Какія же дѣла обсуждались на этихъ собраніяхъ? Вотъ тѣ, которыя отмѣчены писателями: «Въ 616 году король Хлотаръ II повелѣлъ мэру Бургундіи и всѣмъ епископамъ и знатнымъ этой страны явиться къ нему въ виллу Боннейль; тамъ онъ удовлетворилъ всѣмъ сдѣланнымъ ими справедливымъ просьбамъ и подтвердилъ свои милости грамотами [1]». Каковы были желанія знати, мы не знаемъ. Намъ неизвѣстно, касались ли они общихъ или только частныхъ интересовъ. Возможно, что Хлотаръ II, владѣвшій Бургундіей лишь два съ половиной года, ввелъ тамъ нѣкоторыя преобразованія по просьбѣ своего мэра и знатныхъ. Возможно также, что дѣло шло только объ утвержденіи прежнихъ пожалованій, что мы видимъ при началѣ каждаго царствованія. Какъ бы то ни было, но способъ выраженія хроникера не позволяетъ думать ни о столкновеніи между королемъ и знатными, ни объ уступкахъ политическаго характера со стороны по-

[1] *Fredegar.* 44: „Warnacharium maiorem domus cum universis pontificibus Burgundiae seu et Burgundaefarones Bonogilo villa ad se venire praecepit, ibique cunctis illorum iustis petitionibus annuens praeceptionibus roboravit“.—Собраніе это не упоминается ни въ одномъ другомъ источникѣ.

слѣдняго. Во всякомъ случаѣ, хроникеръ говоритъ только о знатныхъ; о народѣ онъ даже не упоминаетъ.

Въ 626 году «у короля Хлотара II происходило собраніе знатныхъ Бургундіи въ Труа; онъ желалъ узнать отъ нихъ, хотятъ ли они, чтобы по случаю смерти Варнахара на эту должность было возведено другое лицо; всѣ единодушно сказали, что они не хотятъ выбора новаго мэра, и настоятельно просили, чтобы имъ разрѣшено было обращаться непосредственно къ королю [1]». Такое желаніе не было само по себѣ ни благопріятно для королевской власти, ни враждебно ей. Наши предшествовавшія изслѣдованія показали намъ, что мэръ былъ первымъ слугою короля, и отъ него зависѣли всѣ государственныя должностныя лица. Здѣсь же знатные Бургундіи предпочли не имѣть больше надъ собою начальника, который становился бы между ними и королемъ. Они

[1] Приводимъ неправильный и темный латинскій текстъ хроники Фредегарія (с. 54): „Chlotarius, cum proceribus et leudibus Burgundiae Trecassis coniungitur, cum eorum esset sollicitus si vellint, decesso iam Warnachario, alium eius honoris gradum sublimare; sed omnes unanimiter denegantes nequidquam se velle maiorem domus eligere, regis gratiam obnixe petentes cum rege transagere“.—Мѣсто это вовсе не значитъ, какъ толковали нѣкоторые, что король приглашалъ знатныхъ выбрать самимъ своего мэра. Оно вовсе не констатируетъ, что должность мэра стала избирательною. Король только спрашиваетъ знатныхъ, хотятъ ли они, чтобы въ Бургундіи былъ мэръ. Слова *sublimare* и *eligere* не относятся непремѣнно къ знатнымъ; здѣсь это безличное неопредѣленное наклоненіе. Вопросъ здѣсь не въ томъ, чтобы узнать, кто *sublimabit* или *eliget*, а въ томъ, будетъ ли вообще кто-нибудь „возведенъ“, или „выбранъ“ въ мэры. Знатные Бургундіи отвѣтили отрицательно.

хотятъ въ будущее время имѣть дѣло, непосредственно съ королемъ, непосредственно получать отъ него милости, должности, бенефиціи, отдавать ему самому свои отчеты, словомъ, зависѣть прямо отъ него. Очень возможно, что мысль эта совпадала съ политикой Хлотара II.

Въ 628 году, единственнымъ предметомъ собранія знатныхъ въ Суассонѣ было признаніе Дагоберта королемъ и принесеніе ему обычной присяги [1]. Въ 632 году, Дагобертъ собралъ епископовъ и знатныхъ Австразіи только для того, чтобы возвести на престолъ сына своего Сигеберта, бывшаго еще ребенкомъ. Разсказъ историка не позволяетъ думать, чтобы знатные пользовались правомъ избранія; король спросилъ ихъ совѣта, онъ искалъ ихъ одобренія, и они дали его [2]. Въ 633 году, тотъ же король хочетъ заранѣе произвести раздѣлъ своего государства и опредѣлить границы двухъ новыхъ королевствъ. Онъ созываетъ для столь важнаго акта не весь народъ, а лишь знатныхъ Австразіи и Нейстріи. Онъ заставляетъ каждаго изъ представителей обѣихъ группъ поклясться, что на грядущее время они будутъ уважать установленный имъ раздѣлъ. Нельзя быть убѣжденнымъ, что Дагобертъ дѣйствительно спрашивалъ совѣта знатныхъ и допустилъ ихъ свободно обсуждать дѣло, такъ какъ историкъ говоритъ, что Австразійцы «волей неволей принуждены были поклясться». Значитъ собранія не всегда пользовались полною свободою [3]. Въ

[1] *Fredegarii*, Chron. c. 56.

[2] *Ibidem*, 75: „Dagobertus Mettis urbem veniens cum consilio pontificum seu et procerum omnibusque primatibus regni sui consentientibus, Sigibertum filium suum regem sublimavit“.

[3] *Fredegarii* Chron. 76: „Has pactiones Austrasii terrore Dagoberti coacti vellent nollent firmasse visi sunt“.

641 году, опекунша Хлодовеха II королева Нантгильда захотѣла снова ввести въ Бургундіи должность дворцоваго мэра. Она привезла малолѣтняго короля въ Орлеанъ и отдала въ то же время приказъ явиться въ этотъ городъ епископамъ и знатнымъ Бургундіи. Тамъ она добилась согласія отъ каждаго, чтобы Флаохатъ былъ возведенъ въ санъ мэра. Очень ясно, что король былъ ребенкомъ, а мать его не имѣла никакой законной власти. Нантигильда и не предписывала прямо своей воли. Сама она выбрала уже Флаохата, но хотѣла получить согласіе всѣхъ знатныхъ. Слишкомъ сильно было бы утверждать, что знатные выбрали тутъ мэра; справедливо лишь то, что каждый изъ нихъ присоединился къ выбору королевы [1]. Въ 680 и 684 году два документа говорятъ объ «общемъ народномъ собраніи»; но единственныя ихъ дѣйствія, на которыя указывается, сводятся въ 684 году къ назначенію епископа, въ 680 году къ пожалованію привилегіи монастырю.

Что же должны мы заключить изъ всѣхъ разобранныхъ примѣровъ? Прежде всего, мы никогда не видимъ, чтобы король ставилъ на обсужденіе вопросъ о налогахъ или объ административныхъ порядкахъ, еще менѣе объ образѣ правленія. Все это стояло, повидимому, внѣ обсужденія, выше его. Но при вступленіи новаго короля знатные призывались выразить признаніе его власти; король стремился также получить ихъ одобреніе при назначеніи новаго палатнаго мэра. Кромѣ того, мы не сомнѣваемся, что на обсужденіе ставилось много другихъ, болѣе второстепенныхъ вопросовъ. На собраніи знатныхъ, по совѣту ихъ, кокороль назначалъ епископовъ [1]. На собраніи же онъ подписывалъ свои болѣе важныя грамоты, и тутъ же разбиралъ наиболѣе трудныя тяжбы или судилъ тѣ преступленія, которыя направлены были противъ государства. Незамѣтно, чтобы послѣдніе Меровинги издали много новыхъ законовъ, но, если они ихъ составляли, то, конечно, въ присутствіи своихъ знатныхъ и спросивъ ихъ совѣта.

Роль народа ни разу не выступаетъ активною во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ. Народъ находился совсѣмъ близко отъ мѣста совѣщаній, но никогда не принималъ въ нихъ участія; ни одинъ вопросъ не подвергался его обсужденію. Онъ оставался въ своемъ станѣ на равнинѣ и ждалъ. Только принявъ съ своими знатными всѣ рѣшенія, король вспоминалъ о народѣ и показывался ему. Таковъ былъ заключительный актъ собранія, и онъ носилъ торжественный характеръ. Церемонія описана лѣтописцами, которые жили, собственно говоря, въ девятомъ вѣкѣ [2], но многія изъ обрисованныхъ ими подробностей картины могутъ относиться и къ занимающему насъ времени. На помостѣ, возвышавшемся надъ толпою, помѣщался король;

[1] *Ibidem*, 89: „Cum Nantechildis cum Chlodeveo rege Aurelianis venisset, ibi omnes seniores pontifices duces et et primates de regno Burgundiae ad se venire praecepit, ibique cunctos Nantechildis singillatim attrahens, Flaochatus genere francus maiordomus in regno Burgundiae electione pontificum et ducum a Nantechilde in hunc gradum honoris stabilitur".—Весь текстъ показываетъ, что Нантгильда хотѣла видѣть мэромъ именно Флаохата.

[1] *Vita Ansberti*, 22.—*Vita Landeberti* (c. 3, Bouquet, III, 70) также показываетъ намъ, что при назначеніи епископовъ король спрашивалъ обыкновенно совѣта знатныхъ.

[2] *Annales Fuldenses* a. 751. *Einhardi*, Vita Caroli, 1.—*Annales Laurissenses minores*, Pertz, I, 116.—*Annales Mettenses* Pertz, I, 320.

возсѣдая на своемъ тронѣ, «онъ показывался всему своему народу»; рядомъ съ нимъ стоялъ его палатный мэръ, бывшій по закону органомъ его воли и орудіемъ его власти [1]. Народъ предлагалъ королю ежегодные дары [2]. Затѣмъ мэръ, получивъ слово отъ имени короля, передавалъ народу его повелѣнія, то-есть, сообщалъ ему, «что надлежитъ дѣлать въ настоящемъ году» [3]. Это были рѣшенія, принятыя королемъ и знатными на собраніяхъ предшествующихъ дней, доводившіяся теперь до свѣдѣнія народа [4]. Ихъ народу не приходилось обсуждать, но, быть можетъ, крикомъ своимъ онъ по обычаю выражалъ имъ одобреніе. Мэръ сообщалъ затѣмъ народу, предстоитъ ли

[1] „Rex in loco eminente sedens, semel in anno populis visus stante coram maiore domus" (*Ann. Fuldenses*).—„Ipse rex sedebat in sella regia... et maior domus coram eo" (*Ann. Laurissenses*).—Оставляю въ сторонѣ нѣкоторыя подробности (какъ напримѣръ, „bobus trahentibus submissa barba"), которыя нравятся каролингскимъ лѣтописцамъ, но не могутъ быть съ достовѣрностью отнесены къ Хлотару II, Дагоберту I, Хлодовеху II и даже къ Хлотару III.

[2] „Rex... publica dona solemniter sibi oblata accipiebat" (*Ann. Fuldenses*)".—„Dona illis regibus a populo offerebantur" (*Ann. Laurissenses*). —„Donariis acceptis" (*Ann. Mettenses*).

[3] „Maiore domus, quae deincips eo anno agenda essent, populis adnunciante" (*Ann. Fuldenses*).—„Maior domus populo praecipiebat quidquid..." (*Ann. Laurissenses*).

[4] *Ann.Laurissenses minores*: „Maior domus praecipiebat quidquid a Francis decretum erat."—Слова а *Francis* обозначаютъ очевидно, собраніе знатныхъ, такъ какъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ примѣрахъ, *Franci*—синонимъ *optimates*. Мэръ „praecipit populo", приказываетъ, предписываетъ, объявляетъ народу, какъ законъ, то, что было рѣшено знатными. Лѣтописецъ опускаетъ *a rege*, такъ какъ рельефно хочетъ выставить ничтожество королей; но ясно, что, при нормальномъ положеніи, мы должны принимать въ соображеніе короля.

походъ, или годъ пройдетъ въ мирѣ [1]. Наконецъ, было, повидимому, довольно обычно, чтобы король или отъ его имени мэръ, произносили народу рѣчь. Рѣчь эта носила нравственный, а не политическій характеръ; она напоминала людямъ добрыя правила и благочиніе, уваженіе къ церквамъ и къ слабымъ, запрещеніе увоза женщинъ или другихъ какихъ-нибудь преступленій [2]. Послѣ этого, король возвращался въ свое жилище, собраніе расходилось, и каждый небольшой отрядъ сопровождалъ своего начальника на возвратномъ пути такъ же, какъ и на пути къ королю.

Таковъ *conventus generalis* седьмого вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что въ смутныя времена это собраніе сильныхъ людей и стеченіе многочисленной массы могло послужить элементомъ волненій и орудіемъ для гражданской войны. Но мы изучаемъ здѣсь институтъ при нормальномъ состояніи, такимъ, какъ онъ функціонировалъ отъ 616 по 687 года. *Conventus* вовсе не носилъ характера того, что мы называемъ теперь національнымъ или народнымъ собраніемъ. *Conventus* былъ съѣздомъ знати, члены которой являлись въ сопровожденіи свиты. Герцоги и графы были королевскими чиновниками; епископы, которыхъ назначалъ король, и которыхъ зналъ лично, призывались имъ для службы ему. Онъ совѣщался съ ними относительно нѣкоторыхъ трудныхъ дѣлъ; онъ работалъ съ ними, обсуждалъ съ ними дѣла, судилъ и

[1] *Annales Mettenses*: „Exercitui praecepto dato, ut qua die illis denunciaretur parati essent in partem quam ipse disponeret proficisci".

[2] *Ibidem*: „Verbo pro pace facto (*pax* значитъ общественный порядокъ, добрый порядокъ), et pro defensione ecclesiarum et pupillorum, raptu feminarum interdicto".

составлялъ законы. Затѣмъ, онъ пользовался собраніемъ народа для того, чтобы показаться ему въ качествѣ короля и главное, чтобы объявить ему свои рѣшенія. Собранія эти не были свободнымъ учрежденіемъ, установленнымъ противъ самовластія королей. Выросшія изъ прежняго совѣта оптиматовъ, они были мѣстомъ встрѣчи всѣхъ, кто участвовалъ съ королемъ въ правленіи. Они были однимъ изъ органовъ, посредствомъ которыхъ король управлялъ.

Заключеніе.

Изслѣдованіе формъ и порядка собственности въ продолженіе двухъ разсмотрѣнныхъ вѣковъ (VI—VII) мы отлагаемъ до слѣдующаго тома, равно какъ изученіе причинъ, приведшихъ къ паденію меровингской династіи. Останавливаясь здѣсь на пути послѣ того, какъ мы разобрали одно за другимъ всѣ политическія учрежденія и всѣ органы управленія франкской монархіи, мы можемъ попытаться дать синтезъ ея организма.

Въ продолженіе двухъ изученныхъ вѣковъ, господствующимъ, первенствующимъ институтомъ являлась, несомнѣнно, королевская власть. Все было подчинено ей; рядомъ съ нею не становились ни независимая аристократія, ни полноправный народъ. Мы не находимъ ни аристократическихъ привилегій, ни народнаго самодержавія; въ источникахъ мы не усматриваемъ ничего такого, что намекало бы на существованіе народнаго собранія. Королевская власть была единственнымъ институтомъ, который обладалъ настоящею силою.

Право не исходило всецѣло отъ королевской власти, такъ какъ оно вообще не зависитъ отъ воли правителей: корни его лежатъ въ обычаяхъ далекаго прошлаго, въ первобытныхъ народныхъ понятіяхъ, которыя измѣняются лишь очень медленно. Королевская власть могла однако перерабатывать право, и всякій новый законъ являлся дѣломъ ея рукъ.

Органомъ, посредствомъ котораго она дѣйствовала, былъ прежде всего дворецъ (*palatium*), то-есть, совокупность высшихъ совѣтниковъ, сановниковъ и канцелярій, затѣмъ совокупность должностныхъ лицъ, герцоговъ, графовъ, викаріевъ и сотниковъ, разсѣянныхъ по странѣ. Вся администрація исходила отъ королевской власти. Всѣ мѣстные начальники оказываются ея чиновниками, которыхъ она назначала, перемѣщала и отставляла отъ должности. Мы не замѣтили ни одного начальника, который избирался бы народомъ, не нашли также ни одного провинціальнаго или мѣстнаго собранія, которое надзирало бы за дѣйствіями королевскаго чиновника или ограничивало бы ихъ.

За очень немногими исключеніями, все правосудіе исходило отъ королевской власти. На первой инстанціи, судебные приговоры постановлялись этими самыми чиновниками, которые функціонировали при содѣйствіи засѣдателей. На высшей инстанціи судилъ самъ король, окруженный сановниками своего дворца. Король своею властью назначалъ налоги, насколько вообще удавалось ихъ взимать, безъ всякаго вмѣшательства собранія. Всѣ подданные становились воинами, какъ только королевская власть требовала отъ нихъ, чтобы они шли на бой. Вслѣдствіе особой присущей ей природы церковь сохраняла свою независимость, но и она подчинялась, однако, правилу, чтобы вожди ея были избираемы королевской властью, а соборы созывались не иначе, какъ съ разрѣшенія королей.

Итакъ, Галлія въ франкскую эпоху находилась подъ монархическимъ управленіемъ. Принесенъ ли

былъ этотъ порядокъ изъ Германіи? Конечно, онъ былъ знакомъ Германцамъ; повидимому, германская раса не питала противъ него никакого предубѣжденія ни въ одну эпоху своей древней исторіи. Но во всякомъ случаѣ подробное изслѣдованіе показало намъ гораздо большее число институтовъ, заимствованныхъ отъ римской имперіи, чѣмъ принесенныхъ изъ Германіи. Меровингское управленіе было на три четверти продолженіемъ того, которое дано было Галліи римскою имперіею. Франкскіе короли присвоили себѣ не ту власть, которою пользовались Августъ и первые императоры, а такую, которая была установлена императорами четвертаго вѣка. У нихъ былъ такой же дворъ, тотъ же оффиціальный языкъ, такія же канцеляріи, такіе же *comites*, та же администрація, хотя менѣе упорядоченная; сохранялись тѣ же налоги, при большей трудности ихъ взиманія, почти то же судебное устройство. Когда римскіе намѣстники исчезли, римскій административный организмъ сохранился. Государственная жизнь все больше запутывалась, но формы ея не замѣнялись другими. Измѣненія, которыя въ нее вносилъ каждый вѣкъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя производятся постепенно безпорядками временъ, а не къ тѣмъ, которыя въ одинъ день создаетъ внезапная революція.

Такимъ образомъ, германское вторженіе, вытѣснившее изъ Галліи императорскую власть, не положило начала новому режиму. Оно не ввело новаго государственнаго устройства, управленія и суда. Съ одной стороны, мы не замѣчаемъ, чтобы оно принесло съ собою хотя бы одно свободное учрежденіе; съ другой, мы не видимъ также, чтобы оно породило феодализмъ: въ го-

сударственномъ управленіи монархіи Меровинговъ нѣтъ еще ничего феодальнаго.

Нельзя однако не констатировать, и мы это сдѣлаемъ въ слѣдующихъ томахъ настоящаго сочиненія,— что зародыши феодальнаго режима уже крылись въ обществѣ того времени. Управленіе, которое не признавало рядомъ съ собой никакой народной свободы, скрывало въ себѣ самомъ, или рядомъ съ собою нѣкоторые феодальные элементы. Но мы должны повторить, какъ главный результатъ настоящаго нашего изслѣдованія, что политическій строй въ меровингской Франціи еще не принялъ феодальнаго характера.